

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир
Дорога без возврата

Том третий

18+

Татьяна Николаевна Зубачева

Аналогичный мир. Том третий. Дорога без возврата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63110942

SelfPub; 2020

Аннотация

В великом множестве и разнообразии обитаемых миров встречаются порой удивительные совпадения... Место действия – не Земля или не совсем Земля. Этот мир не хуже и не лучше любого другого «земного» мира. Может, он параллелен нашей Земле, а может, перпендикулярен... А может, это просто один из вариантов. Любой мир велик и безграничен для живущих в нём, конечно же, людей, называющих свою планету Землёй, а светило – Солнцем и убеждённых в своей значимости и неповторимости. Но все миры схожи, и история разных человечеств схожа, потому что закономерности развития планет и обществ при всём разнообразии форм схожи и аналогичны, иногда до мелочей. Однако, аналогия – не тождество!

Содержание

Книга седьмая	5
Тетрадь пятьдесят первая	5
Тетрадь пятьдесят вторая	321
Тетрадь пятьдесят третья	510
Тетрадь пятьдесят четвёртая	661
Тетрадь пятьдесят пятая	799
Книга восьмая	933
Тетрадь пятьдесят шестая	933
Тетрадь пятьдесят седьмая	1065
Тетрадь пятьдесят восьмая	1139
Пятьдесят девятая тетрадь	1237
Тетрадь шестидесятая	1332
Тетрадь шестьдесят первая	1408
Тетрадь шестьдесят вторая	1479
Тетрадь шестьдесят третья	1560
Тетрадь шестьдесят четвёртая	1643
Тетрадь шестьдесят пятая	1733

Татьяна Зубачева
Аналогичный
мир. Том третий.
Дорога без возврата

Книга седьмая
Все будет хорошо!
121 год
Зима

Тетрадь пятьдесят первая

Алабама

Атланта

тихо спросила Эркина.

– Что с тобой?

– Ничего, Женя, – так же тихо ответил он.

Но его лицо сохраняло удивившее и даже напугавшее её выражение сосредоточенности.

– Сейчас пойдём возьмём вещи, – Эркин говорил медленно, словно прислушивался к чему-то, слышимому только ему. – Надо всё собрать.

– Да, конечно.

Эркин посмотрел на Женю, улыбнулся:

– Всё в порядке, Женя. Просто... нет, ничего, всё хорошо, – и потрянул головой, словно отгонял что-то.

Эркин сам не понимал, что его тревожит, какая опасность рядом, он просто чувствовал, ощущал что-то неясное, а потому опасное, и готовился отстаивать себя и своих близких. А ведь ничего опасного вроде и не было. Разговаривали с ними, с ним и вежливо, и доброжелательно. Всё объяснили, повторили несколько раз. Маршрутка – плотная картонка с его ладонь, исписанная с обеих сторон – во внутреннем кармане куртки. Завтра утром, ещё до завтрака, продуктовая машина довезёт их до вокзала. Там надо зайти в комендатуру и получить пайки и билеты до границы. Город Рубежин. А значит, чтобы сдать бельё и койки коменданту, придётся совсем рано встать.

Эркин повторил это вслух. Женя кивнула.

– Конечно. Сразу после ужина ляжем.

В камере хранения они получили оба мешка, ящик с инструментами, ковровый тюк и узел. Эркин взял себе большой мешок, тюк и ящик, а Женя – мешок поменьше и узел.

– Уезжаете? – сразу окликнул их первый же встречный.

– Да, – счастливо улыбнулась Женя.

– Ну, удачи вам, дай бог.

– Спасибо, – кивнула Женя.

Так, под пожелания и приветствия они дошли до барака. Алиса ждала их, чинно сидя на своей кровати с такой невинной мордашкой, что Женя заподозрила неладное.

– Алиса, что случилось?

– Ничего, – сразу ответила Алиса и добавила: – Ничего особого.

– Ладно, – пообещала Женя. – Я с тобой потом разберусь. А сейчас не мешай.

В отсеке было тесно, не развернуться. И, недолго думая, Эркин взял Алису и посадил на свою койку.

– Правильно, – согласилась Женя. – И займись там чем-нибудь.

Пока Алиса кувыркалась и валялась, они перебрали и заново увязали тюк и узел, пересыпая вещи апельсиновыми корками. Эркин сделал на тюке лямки, чтобы можно было надеть его как мешок, а на узле подобие ручки. В дороге им быть не меньше четырёх суток. Женя уложила в маленький мешок всё, что может понадобится в дороге.

– Женя, давай я печенья и... и сока схожу куплю.

– Бутылки тяжёлые, – с сомнением ответила Женя.

– Во флягу перельём, – сразу сказал Эркин. – Или просто воды из крана наберу. Пить-то захочется.

– Нет уж, лучше сок, – сразу решила Женя. – На ужин пойдём, там и купим. Вот, посмотри, Алисе уже мало, а ещё хорошее. И вот я простыню для Насти отложила. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Женя положила отобранное в опустевшую тумбочку и повернулась к Эркину.

– Переоденешься сейчас?

– Да, – он посмотрел вверх.

Женя понимающе кивнула.

– Я послежу.

Эркин отошёл вглубь отсека, повернулся спиной к Алисе и стал раздеваться. Занятая своей игрой, Алиса даже не обратила внимания на его действия. А Женя не могла отвести глаз от его сильного и гибкого тела, от мягко переливающихся под гладкой красновато-коричневой кожей мускулов, ловких движений. Господи, как же он красив!

Эркин заправил рубашку в джинсы, застегнул пояс и повернулся к ней. Улыбнулся.

– Я готов. Ты... тоже переоденешься?

– Да, – Женя не могла не улыбнуться. – И Алиску тоже переодену.

– Мне... выйти? – тихо спросил Эркин.

Женя удивлённо приподняла брови, не понимая. И вдруг

улыбнулась и, потянувшись к нему, быстро поцеловала в щеку.

– Как хочешь, милый.

Эркин, словно задохнувшись, с секунду стоял, закрыв глаза.

– Здесь тесно.

Быстро, одним ловким гибким движением он снял с верхней койки Алису, посадил её на нижнюю койку, а сам забрался наверх и лёг ничком. Переодевая Алису и переодеваясь сама, Женя, поднимая голову, видела его блестящие глаза и улыбалась ему.

Закончив, Женя посмотрела на часы.

– Так, пойду к Насте и Зине. Эркин, посмотри за Алисой, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Алисе очень хотелось заявить, что она уже большая и смотреть за ней незачем, да и та драка осталась незаконченной, но и открывающиеся перспективы привлекали. Когда за Женей опустилась занавеска, она предложила Эркину сыграть в щелбаны. Эркин рассмеялся и спрыгнул вниз. На кровати Жени лежали тюк, мешки и узел, и он сел на койку Алисы. Алиса немедленно забралась к нему на колени.

– Мама нет, играем по полной победы, да?

– До моей победы? – уточнил Эркин.

Алиса вздохнула.

– Мне тебя никогда не обыграть. До моих десяти, ладно?

– Ладно, – согласился Эркин.

...Когда Нюся забежала в отсек взять себе яблоко на ужин, Эркин с Алисой были настолько увлечены игрой, что даже не сразу её заметили. А она, влетев в отсек, уверенная, что если там и есть кто, то никак не Эркин, так и замерла у входа, не в силах отвести глаз от его по-детски весёлого лица.

Эркин вскинул на неё глаза, и Нюся беспомощно затопталась, не зная, что делать и что говорить.

– Эрик, – Алиса недовольно нахмурилась. – Ну, ты чего?

Эркин отвёл от Нюси глаза и улыбнулся Алисе.

– Нет, ничего.

Они возобновили игру. И только потянувшись к своей койке, Нюся поняла смысл лежащих внизу узлов. Они уезжают. И... и она больше его не увидит, никогда. Нюся резко повернулась и выбежала из отсека.

...Счёт был уже сорок на шесть – Эркин всё-таки играл далеко не в полную силу – когда в отсек вошла Женя.

– А вот и я. Ну, как вы тут?

Алиса, сразу сообразив, что если сейчас прервать игру, то проигранные щелбаны останутся невбитыми, и шумно обрадовалась Жене. Эркин усмехнулся.

– Сорок на шесть. Тридцать четыре щелбана за мной, – и встал, сняв Алису с колен. – На ужин пора.

– Да, – улыбнулась Женя. – Пора. Алиса, одевайся.

Эркин взял свою куртку.

– Я в тамбуре подожду.

– Да-да, мы быстренько, Алиса, где ботики? Не вертись.

Казарма уже гудела шумом одевающихся и топающих по проходам людей. У входа в тамбур Эркин столкнулся с Тимом. И сразу сообразил, что не случайно, что Тим его ждал. И насторожился. Тим кивком поздоровался.

– Уезжаешь?

– Да, завтра с ранья.

– Так, вещей, значит, много, в руках не помещаются?

Эркин плотно сжал губы. Лицо его напряглось. Вот, значит, что... Женя от чистого сердца, а этот...

– А что? – медленно и очень тихо, почти по-камерному спросил он. – Чем ты недоволен? Мало дали?

Тим резко шагнул к нему. Теперь они стояли вплотную лицом к лицу.

– Слушай ты, погань рабская, мои в обносках ходить не будут.

– Слушай и ты, сволочь палаческая...

Эркин не договорил, увидев Женю, и выдохнул:

– Только вякни ей что, убью на месте.

И отвернувшись от Тима, пошёл к Жене, старательно улыбаясь.

– Что случилось? – сразу спросила она.

– Ничего, Женя, правда, ничего, – максимально убеждённо ответил Эркин.

Женя решила поверить. Она приветливо улыбнулась и кивнула Тиму, взяла Эркина под руку. Алиса, как всегда,

уцепилась за его другую руку.

– Пошли?

– Да, – кивнул Эркин. – Пора.

И тут же нахмурился. Потому что к ним подошёл Тим.

– Прошу прощения, леди, – заговорил он по-английски, – но я при всей своей признательности не могу принять ваш дар.

– Вы обиделись? – удивилась тоже по-английски Женя. И улыбнулась. – Нет, я не хотела вас обидеть. Обмен детскими вещами – обычная практика. Дети растут, не успевая сносить. Зачем выбрасывать то, что ещё послужит. Сожалею, что задела ваши чувства, сэра, но люди должны помогать друг другу.

Глядя на озадаченное лицо Тима, Эркин с трудом сдерживал улыбку. А когда, услышав «сэра», Тим самым натуральным образом вылупил глаза, Эркин едва не заржал в голос. Ну, Женя, ну, молодец, ну, отчитала!..

Тим сглотнул, мрачно покосился на Эркина и, решившись, кивнул.

– Да, люди должны помогать друг другу, – заставил себя улыбнуться. – Ещё раз прошу прощения.

И отошёл.

Эркин перевёл дыхание и, прижимая к боку локоть Жени, повёл её и Алису к выходу.

– Да, – спросил он уже во дворе: ветер утих и не мешал разговаривать, – а Найси как?

– Настя? – мягко поправила его Женя и улыбнулась. – Нет, там всё нормально. И Зина, кстати, тоже была довольна. Не знаю, почему он обиделся.

– Дурак потому что, – хмыкнул Эркин, обводя Женю вокруг лужи. – К коменданту ещё надо, чтобы утром принял отсек.

– Тогда я с Алисой пойду в киоск покупать в дорогу, а ты к коменданту. Хорошо? – предложила Женя. – Я и Нюсе отложила юбку одну и кофточку. Вот и отдам.

Они уже подходили к столовой. Эркин, как всегда, мягко поставил Женю и Алису пред собой, чтобы толчки напиравших сзади приходились по нему. Так они и вошли в столовую.

Обычный шум, сутолока, стук ложек, гул голосов... Эркин ел быстро, быстрее обычного. Женя впервые после его болезни видела эту жадность, когда человек не ест, а заглатывает. Эркин почувствовал её волнение, поднял на неё глаза и улыбнулся.

– Надо всё успеть.

– Да, – кивнула Женя, – да, конечно.

Эркин доел и встал.

– Я пойду, Женя, хорошо?

И, дождавшись её кивка, ушёл, почти убежал, впервые оставив на столе посуду.

Когда Алиса закончила есть, Женя собрала посуду и отнесла её на транспортёр.

– Пошли в киоск, Алиса. Купим в дорогу печенья и сока. Женя застегнула Алисе пуговицу у воротника.

– А шоколаду? – «намекающим» голосом спросила Алиса. – В дороге шоколад очень удобно.

– На шоколад денег нет, – строго сказала Женя.

Алиса вздохнула. Эти слова она слышала, сколько себя помнила. И знала, что если мама сказала: «Нет денег», – то просить бесполезно. Но хоть посмотреть.

Они дошли до киоска. Женя купила пачку калорийного печенья, большую картонную коробку яблочного сока, пакетик конфет-леденцов – Эркин называет их ковбойскими – и пачку бумажных салфеток и... да нет, больше ничего им не надо. Вместе с Алисой внимательно, даже придирчиво рассмотрели витрину.

– Всё, зайчик, пошли. Сегодня надо пораньше лечь.

– Ага, – согласилась Алиса.

Возле самого барака их нагнал Эркин.

– Ну, как? – сразу спросила Женя.

– Порядок. Машина продуктовая идёт в шесть сорок, подкинут нас до вокзала. А сам он к нам придёт в шесть тридцать пять.

– Успеем? – засомневалась Женя.

– Обещал, что без нас не уедут, – открыл перед ней дверь Эркин.

Он говорил весело, даже залихватски, но Женя чувствовала его напряжение.

– Эркин...

– Всё хорошо, Женя. Правда, хорошо.

Они прошли в свой отсек. Женя выложила на тумбочку конфеты, печенье и сок.

– Вот, посмотри, что я купила.

– Ага, хорошо, – кивнул Эркин, снимая и вешая куртку.

– Эрик, расстегни меня, – попросила Алиса.

– Сама, – строго сказала Женя.

– Я только верхнюю не могу, – объяснила Алиса.

И, когда Эркин расстегнул ей тугую пуговицу у горла, посапывая, стала раздеваться.

Эркин ловко перелил сок из коробки во флягу, завинтил колпачок и отдал флягу Жене.

– Положи в маленький к остальному.

– Да, конечно.

Женя оглядела свою койку.

– Знаешь, Эркин, я сегодня с Алисой лягу. Это ж всё даже девать некуда.

Помедлив, Эркин кивнул. Да, другого варианта нет. Не ему же с Алисой ложиться.

– Алиса, быстро в уборную, – скомандовала Женя.

И, когда Алиса, вооружившись полотенцем, отправилась в уборную, Женя подошла к Эркину, положила руку ему на плечо.

– Не сердись на Тима, Эркин. Он видит обиду там, где её нет. Это... это у него пройдёт. Понимаешь, когда чело-

век привыкает видеть во всех врагов, ему очень трудно... понять, что теперь не так, по-другому, – Женя улыбнулась, осторожно провела пальцем по его шраму. – Понимаешь?

Эркин молча кивнул, взял её руки за запястья и прижал её пальцы к своим губам. И замер так. Пока не отпустила стянувшая горло судорога, а в отсек не вошла Алиса.

– Женя, – Эркин отпустил её руки и кашлянул, прочищая горло. – Я к пожарке пойду, попрощаюсь. Я сигарет купил. Ну и...

– Да-да, ну, конечно же, – закивала Женя. – Конечно, Эркин, иди.

Эркин взял свою куртку, ухитрившись в тесноте отсека коснуться губами виска Жени, и вышел.

Женя, сосредоточенно хмурясь, помогла Алисе раздеться. Совсем девчонка разбаловалась. В Джексонвилле отлично сама справлялась, а здесь привыкла, что мама всегда рядом, и ленится. Ну, ничего. Через трое-четверо суток они уже будут дома, и там она всё наладит. Женя и говорила, и думала о Загорье, как о доме.

Во дворе Эркина ударил в грудь холодный сырой ветер. Народу у пожарки стояло немного. Эркин увидел Чолли, Фёдора, Грега – Роман уже уехал – Ивана, с которым ездил за фруктами, ещё знакомых и, войдя в общий круг, громко сказал.

– Уезжаю, мужики, – и вытащил сигареты. – Налетайте.

– Это вместо спиртного, что ли? – хмыкнул Фёдор.

– Вместо, – кивнул Эркин.

Пачку распотрошили мгновенно.

– Далеко едешь-то?

– В Загорье.

– Это где такое?

– В Ижорском Поясе.

– Несёт тебя.

– Там жильё дают. И работу.

– Ну, тогда – да.

Стояли тесным кружком, закрывая сигареты от ветра.

Неспешный, ставший уже привычным разговор:

– Ижорский Пояс...

– Не слышал о таком...

– Мы много о чём не слышали...

– Это-то да, но так уж отрываться...

– От чего?

– Э, да к чёрту на рога полезешь, лишь бы подальше...

– От Империи этой, чтоб ей...

– Да морд тутошних...

– Да кто спорит, а вот сунься в Озёричи...

– Да уж, чужаку там хреново...

– А в Ополе что, чужаков любят?

– Любят, не любят, а если у мужика руки и голова на месте, он везде проживёт...

Чолли больше помалкивал, но по его лицу Эркин понял: о многом Чолли догадывается, а кое-что и понимает. Когда

сигареты докурили, Эркин достал вторую пачку. Её встретили довольным гоготом.

– Однако гуляем...

– Не напьёмся, так укуримся...

– Гуляй, рванина!

– Давай, Мороз, сколько у тебя там ещё в заначке?

– Ага, выкладывай...

– Заткни хлебало, ну!

– А то раскатал на халяву...

И опять уже серьёзно:

– Ну, удачи тебе, Мороз.

– И вам удачи.

– Бог даст, свидимся...

– Бог даст...

– Удачи...

– Россия велика, встретимся, найдём место...

– Ну что, мужики...

Круг стал рассыпаться. Время позднее, пора и по... да, домам, чего там, пока живём, он и дом, нет, где живём, там и дом...

Эркин обнялся с Фёдором и Греггом и вместе с Чолли пошёл к их бараку.

– Спасибо тебе, – тихо сказал Чолли.

– За что? – хмыкнул Эркин.

– За всё. И за сигареты. И что за фруктами когда, за меня сказал, и... да ладно тебе... Слушай, неужели ты совсем ни-

чего о племени не помнишь?

– Я из питомника, Чолли, – тихо ответил Эркин. – Ты ж видел, клейм у меня нет, а номер... вот он. У меня с буквами номер, питомничный.

– Ну так... имя же ты сохранил.

– Не в имени же дело, – Эркин смял окурок и ловким щелчком отправил его в урну у входа в барак. – Да нет, что толку в имени. Хреновый я индеец, что уж там... А... а что, щемит, что на Равнину не поехал?

Чолли кивнул.

– Что от своих, от племени отказался. Переигрывать не буду, придёт ответ, поеду туда, в Ополье, а всё равно... щемит. Ладно. Удачи тебе.

– И тебе.

Они вошли в барак и через очень яркий из-за пустоты тамбур вошли в синий сумрак ночной казармы.

Стараясь не шуметь, Эркин вошёл в свой отсек. Женя и Алиса спали, тихо всхлипывала во сне на своей койке Нюся. Эркин снял и повесил куртку, взял полотенце и пошёл в уборную.

Не такое уж позднее время, в холостяцком бараке ещё свет вовсю, но семейный всегда ложился рано, а когда дождь со снегом разогнал собрания у пожарок, то сразу после ужина заваливались. Делать-то особо и нечего.

В уборной было тихо и пусто. Эркин не спеша умылся, но растираться не стал: времени до утра мало, не прогреются

мышцы, да и устал он чего-то. Он всухую растёрся полотенцем и – всё равно все спят уже – не надевая, а только накинув рубашку на плечи, прошёл в свой отсек. Полотенце на место. Ловко балансируя на одной ноге, разулся, подтянулся на свою койку, сел, снял и повесил на спинку рубашку, под одеялом стянул джинсы. Привычный порядок действий успокаивал, снимал напряжение.

Эркин блаженно вытянулся под одеялом, закинул руки за голову. Ну, вот и всё, и отрезано. Завтра с утра в дорогу, а там... правильно этот мужик сказал, морды эти беляцкие не видеть – уже... счастье. А племя... жил же он без племени и дальше проживёт. Женя, Алиса... больше никто ему не нужен. И всё, и отрезано... Надо спать, голова ему с утра нужна свежая. Вставать рано. В шесть тридцать пять комендант придёт, Женя сказала, что Алису за час поднимать надо, значит... значит, в пять тридцать, а сейчас сколько? Разбаловался он с часами, совсем время чувствовать перестал, хотя... хотя нет, просто так точно, до минуты тогда не нужно было, а сейчас... сколько сейчас?

Он высвободил из-за головы левую руку и уже привычным жестом посмотрел на запястье. Полдвенадцатого. Да, и тело говорит, что скоро полночь. Надо спать. С сигаретами хорошо получилось. В самом деле, за выпивкой в город надо идти, через проходную тащить, а потом трястись, чтоб комендант не застучал, не-ет, не надо ему такого удовольствия. Комендант глазастый, всё видит, его так и зовут Глазастым

Чёртом, шёпотом и с оглядкой, конечно...

В голову лезли путанные, не нужные сейчас мысли. Он засыпал, слышал сквозь сон, как осторожно шевелится, видимо, смотрит на свои часы Женя, слышал тихий шум ночной казармы, храпы, сонное бормотание, плакал чей-то грудной, а женщина укачивала его протяжной монотонной песней, и ещё кто-то ворчал, что не трясти надо, а грудь дать, титькой рот заткнуть, нарожали горластых, а успокоить не могут... Эркин сам уже не понимал: снится всё это ему или на самом деле... Ни имения, ни Паласа он уже давно во сне не видел...

Нюся осторожно повернулась набок и открыла глаза. И сразу увидела его. Он лежал на спине, закинув руки за голову, сползшее одеяло открывало грудь. Всё, завтра утром они уедут, и она никогда, никогда больше не увидит их. Его не увидит. Такого большого, красивого, сильного. Кому Нюся завидовала, так Алиске. Алиска могла при всех повиснуть у него на руке, на шее, сидеть у него на коленях... Даже тётя Женя такого не могла. Некрасиво, когда жена при всех на муже виснет, неприлично так, вот только под руку взять и всё, а Алиске можно, она – дочка ему. А ей... она даже не говорила с ним, ни разу, он на неё, как на пустое место смотрел, слова ей ни разу не сказал... Нюся всхлипнула. И испугалась, что разбудит их. Но обошлось.

Проснувшись в очередной раз, Женя посмотрела на часы и осторожно, чтобы раньше времени не разбудить Алису, вылезла из-под одеяла. Пять двадцать, пора. Лучше не

спеша собраться и подождать, чем, опаздывая, спешить. Она натянула своё «школьное» платье, подняла голову и увидела блестящие глаза Эркина. Женя улыбнулась и, слегка подтянувшись, коснулась губами его щеки.

– Вставай, пора.

Её шёпот щекотал ему щёку. Эркин улыбнулся.

– Да, встаю.

Женя взяла своё полотенце и вышла. Эркин покосился на лежащую лицом к стене Нюсю и откинул одеяло. Натянув джинсы, соскользнул вниз. Быстро обулся, надел рубашку. Тут же снял и сложил простыни, наволочку, одеяло. Вот так, его койка готова.

Вошла Женя и стала будить Алису. Эркин, чтобы не мешать, пошёл в уборную умываться. А когда вернулся, Жени и Алисы не было. Женская уборная на другом конце, чтоб даже спросонья не путались. Эркин собрал бельё на Алискиной койке, сложил. А у Жени... чёрт, вчера они так и навалили вещи, не сообразили. Стараясь не шуметь, он выдернул из-под тюка, узла и мешков одеяло и простыни, снять наволочку с подушки – минутное дело. Ну вот, и Женина койка готова.

Женя привела румяную, уже совсем одетую Алису.

– Ой, ты собрал уже всё, как хорошо.

Он молча кивнул. На часах шесть с минутами. Делать до прихода коменданта больше нечего, и они сели втроём на койку Алисы. Алиса забралась к Эркину на колени, положив

голову ему на плечо. Женя села рядом. И они стали ждать.

Время тянулось неощутимо медленно. Они ждали коменданта, прислушиваясь к каждому шороху, а застали их врасплох. Женя даже вздрогнула, когда он вошёл в их отсек. Сдача белья, коек... Всё это действительно и трёх минут не заняло. Комендант собрал картонные бирки с кроватей, взял их пропуска, посмотрел на неподвижно лежащую Нюсю и вздохнул:

– Одевайтесь и идите к хозблоку. Машина там. И не тяните.

– Да-да, спасибо, – закивала Женя, одевая Алису.

Как только за комендантом опустилась занавеска, Нюся приподнялась на локте. Придерживая на груди одеяло, она расширенными глазами смотрела, как они одеваются, как Эркин вешает на плечо мешок, берёт тюк и ящик. Женя взяла узел и маленький мешок, посмотрела вверх на Нюсю и улыбнулась ей.

– Удачи тебе, Нюся. До свиданья.

– Про... прощайте, – всхлипнула Нюся.

И Эркин улыбнулся её глазам, испуганным, как у Жени в ту, первую их ночь. Нюся даже задохнулась на мгновение от блеска этой улыбки.

– До свиданья, – сказал Эркин и вышел за Женей и Алисой.

Быстро, стараясь не задевать стояки, они прошли по залитому синим ночным светом проходу и миновали пустой

тамбур.

Дождь кончился, но воздух был сырым и холодным. Только начало светлеть, над входами в бараки и вдоль ограды горели фонари, но их свет уже казался жёлтым. Возле хозблока стоял грузовик с работающим мотором, а рядом двое мужчин. Комендант с шофёром? Но в следующее мгновение Эркин увидел, что шофёр в кабине, а это комендант и... Тим?!

Глубоко засунув руки в карманы куртки, Тим молча ждал и было видно, что ждёт он давно. Когда Эркин стал укладывать в кузове узел, тюк, ящик и мешки, Тим молча подошёл и стал помогать. Когда они уложили вещи и закрыли борт, а Женя с Алисой готовились сесть в кабину, комендант отвернулся, закуривая. И Тим разжал губы:

– Я... я был неправ. Не держите на меня обиду.

– Конечно, Тим, – улыбнулась Женя. – До свиданья.

– До свиданья, – кивнул Тим и посмотрел на Эркина.

И Эркин вдруг – сам от себя не ждал такого – шагнул к Тиму и обнял его.

– До свиданья, Тим. Догоняй.

С секундной заминкой Тим ответил на объятие.

– Спасибо. Удачи тебе.

И, постояв так несколько секунд, они разошлись. Эркин перемахнул через борт, Женя с Алисой уже были в кабине. Комендант взял под козырёк, и шофёр мягко стронул грузовик с места. Эркин увидел, что Тим стоит и смотрит им вслед, и поднял руку в прощальном жесте. Тим ответил.

Грузовик выехал за ворота, и побежали с двух сторон, откатываясь назад, дома. Эркин сидел, прислоняясь к кабине, и бездумно глазел по сторонам. Дороги он не знал и запоминать не пытался. Незачем.

Город ещё спал. Тихие дома с тёмными окнами, медленно светлеющее небо. «Вот и всё, – повторял про себя Эркин, – вот и всё».

Когда они доехали до вокзала, стало уже совсем светло и погасли фонари. Шофёр высадил их у комендатуры, пожелал удачи и уехал. Эркин и Женя разобрали вещи, Алиса взяла Женю за руку, и они вошли в комендатуру. Усталый – видимо, с ночной смены – военный с красной повязкой на рукаве выписал им три билета до Рубежина, выдал три пакета с пайком – Эркин ещё зимой на сборном видел такие – и сделал отметку в маршрутном листе. Женя расписалась в толстой разграфлённой книге за билеты и пайки.

– Идите прямо сейчас, – сказал дежурный. – Пятая платформа. Отправление через десять минут, – и улыбнулся. – Счастливого пути.

– Спасибо, – улыбнулась Женя, пряча билеты в сумочку.

– Спасибо, – эхом повторила за ней Алиса.

Эркин затянул узел на маленьком мешке, куда укладывал пакеты с пайком, и, улыбнувшись, кивнул дежурному.

– Спасибо. До свидания.

И они вышли. На улице Эркин озабоченно спросил Женю.

– Женя, ты знаешь, где пятая платформа?

– Разберёмся, – бодро ответила Женя. – Алиса, дай руку. И не вертись. Некогда. Пошли?

– Пошли, – кивнул Эркин, плечом подвигая тюк, чтобы он не мешал мешку.

Женя с Алисой шли впереди, а Эркин за ними. Встречные, кто удивлённо, но большинство безразлично оглядывали его. Цветной тащит тяжести за белой леди – нормальное явление. А что леди сама нагружена... так тоже вполне объяснимо. Хотя бы нехваткой денег на двух носильщиков. Или нежеланием доверять цветному что-то ценное. Словом, до пятой платформы они добрались вполне благополучно.

На поезде Эркину ездить ещё не приходилось. И как всегда в таких случаях, он молча подчинялся, не спрашивая и даже не задумываясь.

У них были билеты второго класса. Купе на четверых. Два двухместных кресла и полки для багажа... Уложив вещи, они сели. Алиса у окна, Женя рядом, Эркин у окна напротив Алисы.

Вошедший в купе проводник, увидев Эркина, замер. Еле заметно сощурился, Эркин с невозмутимым выражением смотрел на него. Женя достала из сумочки и протянула проводнику их билеты. Штамп комендатуры заставил проводника отвести наливающийся яростью взгляд от Эркина.

– Прибытие в двадцать тридцать семь, – сказал он, избегая русского названия Стоп-сити и возвращая билеты.

Когда он вышел, Женя улыбнулась Эркину.

– Дорога долгая, давай устраиваться.

– Да, – кивнул Эркин, расстёгивая куртку.

Женя помогла Алисе раздеться, сняла пальто и шаль. Эркин снял куртку. У каждого кресла были предусмотрены крючки, и развешенная одежда не мешала. Женя озабоченно посмотрела на Эркина.

– Может, тебе лучше было в кроссовках ехать?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Мне удобно в сапогах.

Четвёртое место оставалось незанятым, хотя в их купе уже несколько раз заглядывали люди, но тут же исчезали.

– В билете указан только класс, – объяснила Женя. – Занимают свободные места.

И улыбнулась. Эркин понимающе кивнул.

– Он со всеми остановками, долгий поезд, – говорила Женя. – Зато без пересадок. Тоже удобно. Правда?

– Конечно, – согласился Эркин. – Сидишь и едешь.

– Ага, – поддержала его Алиса, не отрываясь от окна, – и смотришь.

Женя рассмеялась. Успокоился и Эркин. Пригороды уже кончились, и за окном мокрые бурые поля, редкие деревья с раскинутыми во все стороны ветвями, серые слоистые тучи. Смотреть, вроде, не на что, но Алисе интересно. Да и ему. Эркин откинулся на спинку кресла. Спинка высокая, с подголовником, мягко пружинит. Он сидел спиной по ходу поезда и видел убегающие назад поля и деревья. Откинулась на спинку кресла, расслабилась и Женя.

Ну вот, они едут. Еды достаточно, на Алиску как на взрослую выдали, так что можно будет Эркина подкормить. Вечером приедут в Рубежин. Там граница. Таможня, паспортный контроль, обмен денег... Конечно, они потратились. И на всём готовом, и... ну, нельзя же не покупать мыла, конфет, девять дней Андрею отмечали, ещё по мелочам куда-то ушло. Конечно, осталось немного, но у других-то и того нет. У Найси, например, ни у неё, ни у детей, ни у мужа смены белья на теле нет. А Зина... у Кати два платица, но одно-то летнее, а уже зима, и у неё самой... Нет, им ещё хорошо. Из всех её побегов этот самый удачный, страшно вспомнить, сколько и чего она побросала. А здесь... Спасибо Даше и Маше, всё увезла, кроме посуды. Постелей. И мебели. То же жалко, конечно, но могло же быть и хуже? Конечно, могло. Значит, всё хорошо. Интересно, как там девочки устроились? Но это когда осядем, нужно будет написать запрос и через Комитет найти их. Всё же... не чужие.

Незаметно для себя Женя закрыла глаза и задремала.

Чуть опустив веки, притенив ресницами глаза, Эркин смотрел теперь не в окно, а на Женю. Женя жива, здорова, даже улыбается, даже... нет, и думать об этом не стоит, чтоб не встревожить её, не напомнить. А может, на новом месте, где всё по-другому, Женя совсем забудет про тех сволочей и... и позовёт его. Без её зова он не дотронется, не посмеет. Мартин говорил, что после насилия женщине это уже никогда в радость не будет, любой мужчина ей враг, а уж после

«трамвая»... но ведь Женя простила его, разрешила брать себя за руку, касаться своих волос, сидеть рядом... нет, ему, конечно, и этого... с избытком, да, конечно, будет, как Женя захочет, пусть только скажет ему, и даже нет, он и без слов всё поймёт. И ничего ему не надо, лишь бы вот так сидеть и смотреть на Женю...

– Эрик, а это что?

Эркин вздрогнул и посмотрел на Алису. Но то, на что она показывала, уже скрылось.

– Тише, Алиса, – ответил Эркин. – Маму разбудишь.

За этот месяц в лагере он привык называть Женю мамой и женой, нет, по-английски у него вряд ли бы получилось, а по-русски... свободно.

Алиса покосилась на Женю и, соглашаясь, кивнула.

– Пусть спит. А это что?

На этот раз Эркин успел рассмотреть.

– Это... это мост, – и, подумав, добавил: – Был.

– Война, – понимающе вздохнула Алиса. – Эрик, а почему коровок нет? И лошадок? Когда мы тогда ехали, они были, а сейчас нет.

– Они... – Эркин запнулся и сказал по-английски: – в хлеву. – Этого слова он по-русски не знал и, досадуя на себя, упрямо продолжил по-русски. – Им уже холодно на улице.

– Ага, ага, – закивала Алиса. – Уже зима, да?

– Да, – кивнул Эркин.

– А снег будет?

Эркин улыбнулся и ответил слышанным не раз в лагере.

– В России будет снег.

– А мы туда едем? – уточнила Алиса.

И получив утвердительный ответ, снова приникла к окну.

Поезд плавно замедлил ход, за окном возникла платфор-

ма и люди.

– Приехали? – удивилась Алиса.

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Нам ещё долго ехать.

По коридору прозвучали шаги, дверь их купе открылась.

– Свободно?

Эркин не успел ответить. Дородная белая леди отпрянула и исчезла. И ещё пару раз к ним заглядывали. Но Эркин на них даже обернуться не успевал.

Поезд дрогнул и стал набирать скорость. Женя открыла глаза и улыбнулась.

– До Рубежина одни доедем, – понимающе кивнул Эркин.

Дверь их купе опять открылась.

– Здесь есть одно место, – сказал проводник. – Но святой отец...

– Ничего-ничего, благодарю, сын мой.

Низенький толстый священник шариком вкатился в купе и неожиданно ловко устроился в свободном кресле. Алиса оторвалась от окна, посмотрела на него и нахмурилась. Его вид вызвал у неё воспоминания о необходимости быть хорошей девочкой. А её эта перспектива совсем не устраивала. Священник с явно привычной ловкостью пристроил свои

сумку, зонтик и шляпу и, сложив руки на животике, благодушно оглядел Женю, Алису и Эркина. И начал обычный дорожный разговор. Женя отвечала вежливо, но несколько отчуждённо. Алиса упорно смотрела в окно. Эркин настороженно следил за разговором, готовясь в любой момент прийти Жене на помощь.

Отпустив несколько подобающих замечаний о погоде и божьей воле, священник похвалил Алису, и Женя не устояла. Она улыбнулась и заговорила сердечнее. Но Эркина это не тронуло. Чего этому беляку надо? Чего он выпрашивает как... как следователь? Женя успокаивающе улыбнулась ему, но лицо Эркина оставалось неприязненным, и это начало беспокоить Женю. Как бы Эркин не сорвался. Им только скандала не хватает.

– Принять такое решение... – священник покачал головой.

– В Хэллоуин подсказали, сэр, – вежливым тоном перебил его Эркин.

Священник внимательно посмотрел на него и медленно кивнул.

– Не давай мести завладеть твоей душой, сын мой.

У Эркина дрогнули в усмешке губы.

– Чтобы всем, кому надо, отомстить, сэр, мне жизни не хватит, – и, подумав, добавил: – Всё равно каждый своё получит.

Спорить и заводиться он не хотел, но и хоть как-то оса-

дить этого типа тоже ведь надо. Андрей бы смог придумать и похлеще, и поострее, но Андрея нет, так что...

Алиса отвернулась от окна и строго посмотрела на священника. Он улыбнулся ей, и, помедлив, Алиса тоже улыбнулась, а затем достаточно вежливо ответила, как её зовут, сколько ей лет и ходит ли она в школу. Потом священник её спросил, ходила ли она в церковь. Алиса кивнула и уточнила:

– С мамой.

– А что в церкви тебе больше всего нравится? – улыбаясь, спросил священник.

– Конфеты, – убеждённо ответила Алиса и, увидев недоумение на круглом румяном лице священника, объяснила: – После церкви мама мне конфеты покупала. А больше ничего хорошего в церкви нет.

Священник с удовольствием рассмеялся. Улыбнулся и Эркин, и Алиса сочла момент подходящим.

– Эрик, дай ковбойскую, – попросила она.

Женя посмотрела на часы.

– После завтрака.

Эркин кивнул и привстал, снимая с полки маленький мешок, куда они сложили продукты и необходимые в дороге мелочи, достал пайковый пакет, флягу, кружки. Женя подняла и закрепила маленький откидной столик у окна.

Сложив по-прежнему руки на животе, священник с улыбкой наблюдал, как Эркин вскрывает пакет, нарезает хлеб, открывает банку с тушёнкой и сооружает сэндвичи. Женя сде-

лала приглашающий жест, но священник покачал головой.

– Спасибо, дочь моя, но сегодня пятница, день поста.

Женя смутилась, и он успокаивающе закивал.

– Ничего-ничего, это связано с моим саном. Ничего страшного.

Женя посмотрела на Эркина. Эркин пожал плечами: раз не хочет, дескать, так это его проблемы, и протянул сэндвич Алисе, налил ей в кружку сока из фляги. Алиса покосилась на Женю, села прямо и взяла сэндвич.

– Спасибо.

– На здоровье, – ответил Эркин, передавая второй сэндвич и кружку с соком Жене.

И, только убедившись, что они обе едят, стал есть сам.

В купе заглянул проводник, скользнул невидяще отчуждённым взглядом по Эркину и почтительно сказал священнику:

– Прибываем, святой отец, – и сухо Жене: – Стоим пять минут.

Священник поблагодарил, ловко и быстро собрал свои вещи, благословил трапезу и трапезующих, пожелал им счастья и выкатился из купе. Проходя по коридору к выходу, он сокрушённо покачал головой. Конечно, они правы, что уезжают, но как жаль, что уезжают именно такие.

Поезд остановился, когда они ещё ели. Эркин вопросительно посмотрел на Женю.

– Нет, – покачала она головой, – не будем выходить. Там

потом будем почти полчаса стоять, там и... Алиса, ешь аккуратно, не роняй.

Эркин кивнул.

– Ну да, за пять минут и выйти не успеем.

Как только священник вышел, они заговорили по-русски. Алиса, доев сэндвич, сунула за щёку конфету и снова установилась в окно, глядя на медленно поплывший назад перрон. Сок она не допила, и Женя не настаивала: в дороге лучше пить поменьше. Но не выливать же, и она допила оставшиеся глотки. Эркин убрал кружки и флягу в мешок, обёртку от пайка скомкал и огляделся в поисках урны. Женя показала ему вделанный в стенку под столиком ящик. В купе к ним никто не подсел, и Эркин спокойно откинулся на спинку кресла. Женя улыбнулась.

– Поспи немного. Ночь была тяжёлая.

Эркин кивнул. Да, конечно, надо поспать, но ему не так уж часто выпадает такое счастье: сидеть и смотреть на Женю. Он только чуть опустил веки, чтобы не тревожить её своим взглядом. Но Женя заметила и улыбнулась ему. Эркин ответил ей улыбкой.

– Слушаюсь, мэм.

И закрыл глаза. И теперь Женя любовалась его лицом, свободной красивой позой. Верхнюю пуговицу на рубашке он расстегнул, и воротник не скрывает красивую шею. Шрам совсем зажил и кажется чуть светлее кожи, просто полоска на щеке, совсем не портит его. Пусть поспит, пока всё спо-

койно, он тоже извёлся. Женя вдруг с удивлением ощутила, каким долгим был этот, да, месяц, как бесконечно далеко остались Джексонвилл и Хэллоуин. Если бы ещё Андрей был жив... Эркин молчит, он вообще скрытный, и, говорят, все индейцы такие, но раз у него вырвалось, что винит он в смерти Андрея себя. И объяснять ему что-то бесполезно. Ведь он что решил, то решения своего не изменит, она это уже знает. А по-русски Эркин совсем свободно теперь говорит, и не подумаешь, что только весной он всего два слова и знал, господи, неужели это было?.. Ну да, где-то в марте, хорошо, что она тогда пошла с Майрой посмотреть на ту клетку и увидела его. А если бы они не встретились?.. Господи, даже подумать страшно. Майра, Этель, Ирен... все они уже в прошлом, и ни думать о них, ни вспоминать не хочется. Вот только Розы и миссис Стоун... нет, наверное, у миссис Стоун действительно... не все дома. Её письмо такое странное, но в одном она права. Истинный отец ребёнка тот, с кем женщина испытала настоящее... не наслаждение, это больше, чем наслаждение. А ведь если прикинуть по датам...

Женя пустилась в вычисления. Она встретила с Хэмфри на балу, это как раз через неделю после её ночи с Эркином, а Алиса родилась четвёртого февраля, получается... всего месяца не хватает. Ну, так это пустяки, рожают и на седьмом и на десятом месяце. Говорят, некоторые до одиннадцатого ходят, а одна королева – на истории ещё в школе рассказывали – родила через тринадцать месяцев после смерти мужа,

и ребёнка признали законным наследником. Но это – Женя улыбнулась – уже не физиология, а политика. Нет, месяц – это пустяк, и о Хэмфри можно теперь забыть окончательно. Его просто не было. Эркин любит Алиску, а та так и льнёт к нему. Так что никаких проблем.

Женя посмотрела в окно. Да, здесь следы войны повсюду. И воронки не все засыпаны, и развалины частые. Тейлор-Сити – промышленный город, понятно, что его так бомбили. Каким чудом она тогда не попала сюда? Ей ведь обещали протекцию на место на заводе, хорошая зарплата и армейский паёк. Да, правильно, не смогла сесть на поезд, задержалась перепелёнывая Алиску, и опоздала. Пришлось ехать в Коулти, а тот поезд привёз бы её прямо под бомбы. Вот и говори про судьбу. Так, а здесь больше двадцати минут стоим, как раз сводить Алиску в уборную.

Она только потянулась дотронуться до него, как Эркин вздрогнул и открыл глаза.

– Что?

– Мы полчаса стоим, надо с Алиской выйти.

– Конечно, – кивнул Эркин. – Я пригляжу за всем.

– Не надо, – улыбнулась Женя. – Тебе тоже надо... размяться. А за вещи отвечает проводник.

Тот как раз заглянул в купе.

– Тейлор-Сити, мэм, будете выходить?

Он обращался подчёркнуто к Жене.

– Да, – кивнула Женя. – Дамская комната?..

– Прямо и направо, мэм.

Проводник широко улыбнулся и исчез.

– А чего он радуется? – тихо спросил Эркин, снимая с крючка куртку.

– За это он получает чаевые, – так же тихо ответила Женя, одевая Алису.

– Мы уже приехали? – спросила Алиса, задирая голову, чтобы Жене было удобнее завязать ленты её фетровой шапочки под подбородком.

– Нет, зайчик, мы выйдем немного погулять.

Женя выпрямилась и увидела, что Эркин держит наготове её пальто. Купе просторнее отсека, и Женя с удовольствием подставила плечи, будто это не старенькое «скромное, но приличное» пальто, а меховое манто, какое она однажды видела в витрине дорогого магазина.

Поезд замедлил ход и остановился. Эркин следом за Женей и Алисой прошёл по коридору к выходу, в тамбуре обогнал их, соскочил на перрон и обернулся, чтобы помочь, но за него это сделал проводник. Женя с улыбкой кивнула Эркину и пошла к зданию вокзала.

Эркин взглядом проводил их и отвернулся. Времена, конечно, другие, но соваться к белым не стоит. Он не в лагере, ещё нарвётся, а скандал ему совсем ни к чему. Выглядев негра-носильщика, он подошёл к нему узнать о здешних порядках.

Когда Женя и Алиса вернулись из своего похода в дам-

скую комнату на перрон, Эркин с независимо-равнодушным видом курил, стоя в пяти шагах от их вагона. Увидев Женю с Алисой, он еле заметно улыбнулся им и даже будто подмигнул. Женя подошла к вагону, и проводник вежливо помог ей войти. Эркина он, что называется, в упор не замечал, на что Эркину было столь же демонстративно наплевать. Точным щелчком отправив окурочек в ладонь мающего возле урны негритёнка в рваном свитере на голое тело, Эркин вслед за Женей вошёл в вагон. Проводник молча посторонился, пропуская его.

Они успели войти в своё купе и раздеться, когда поезд тронулся. Эркин с удовольствием оглядел снова прилипшую к окну Алиску и улыбающуюся Женю.

– Всё в порядке?

– Конечно, – улыбнулась Женя. – А у тебя?

– Никаких проблем, – весело ответил почему-то по-английски Эркин.

Они оставались по-прежнему втроём. Эркин посмотрел на часы.

– До следующей остановки сколько? – перешёл он на русский.

– Часа три, не меньше, – понимающе кивнула Женя. – Конечно, поспи. До Дурбана остановок не будет, никто не подсядет. Может, приляжешь?

– Нет, – мотнул головой Эркин. – Мне и так хорошо. И ты поспи.

Женя кивнула.

Они сидели и смотрели друг на друга. Мягко подрагивал пол, неумолчно стучали колёса, Алиса, глядя в окно, шёпотом то ли играла, то ли сама себе рассказывала об увиденном. Эркин откинулся на спинку кресла, слегка поёрзал плечами, устраиваясь поудобнее и закрыл глаза. Женя какое-то время с улыбкой наблюдала за ним, пока незаметно для себя не задремала. До Дурбана можно ни о чём не беспокоиться.

Покачиваясь вместе с вагоном, расслабив мышцы, Эркин бездумно дремал. Загнанное глубоко внутрь напряжение, мысли о будущем и воспоминания о прошлом... нет, сейчас его ничто не тревожило. Стоит приподнять веки, и он видит Женю. И Алису. Да ему и не надо открывать глаза, чтобы их видеть. Он с ними, слышит дыхание Жени, шёпот Алисы. Они в безопасности. Ему ничего больше не надо. Когда приедут на место, он пойдёт на работу. Если удастся по заявке грузчиком на завод, это будет большой удачей. Постоянный заработок, каждую неделю или раз в две недели, даже раз в месяц, но знать, что тебе заплатят, а не бегать каждый день в поисках работы... Да, будет удачно. Конечно, заработок у грузчика невелик, но он постарается подработать. И жильё... даже своя комната в бараке... а что? Во всяком случае, она будет просторнее отсека. Лишь бы влезли стол и двухъярусная кровать, какие были в лагере. Тогда Алиса на нижней койке, Женя на верхней, а он будет себе стелить на полу. Для одежды набьёт гвоздей в стену, а если повезёт и,

как в Джексонвилле, комната с кухней...

Эркин улыбнулся, не открывая глаз. Сколько болтали у пожарки, обсуждая варианты с жильём. Многие мечтали о своём доме. Как это по-русски? Да, избе. Но Тим прав: свой дом – слишком дорого, а купить дешёвую развалюху, так её пока сделаешь... С Андреем он бы ещё попробовал рискнуть, Андрей – мастер, а самому ему такое не потянуть, и зимой в развалюхе они околеют от холода. Нет, комната или квартира в крепком доме, и чтоб, как в лагере, уборная со смывом, раковина с краном, кухня с плитой не на дровах или угле, а, как рассказывали, на газе, и отопление чтобы от котельной... и тут же сам себя осадил: больно многого хочешь. Да пусть печь и вода во дворе, как в Джексонвилле, что ему, тяжело воды и дров принести? Да нет же, силы за месяц накопил...

Женя коснулась его руки. Эркин вздрогнул и открыл глаза, но ещё до этого он успел другой рукой накрыть её ладонь.

– Что? Что-то случилось?

– Нет, – улыбалась Женя. – Просто... Ты что-то во сне видел?

– Нет, – качнул головой Эркин. – Я думал, как мы в Загорье жить будем. Какое будет жильё.

– Я тоже об этом думала, – кивнула Женя. – Конечно, выбора не будет. Поселимся, где скажут. Но хотелось бы квартиру. Помнишь, мы как-то говорили. Кухня, ванная, четыре комнаты...

Эркин вздохнул.

– Столько могут и не дать. А купить мы не сможем.

– Да, – согласилась Женя. – Конечно. Но так хочется по-мечтать.

Эркин с улыбкой кивнул и подхватил игру. Он всё ещё держал Женю за руку и теперь подался всем телом вперёд, чтобы она могла сесть поудобнее.

– Четыре комнаты – это... Алисе комната – раз, спальня – два.

– Общая комната – три, и комната для гостей – четыре, – улыбалась Женя.

И раньше, когда они говорили о будущей жизни, и сейчас Женя даже не намекала, что он будет спать в отдельной комнате, она говорила про «нашу спальню», и от этого у Эркина начинало холодеть и как-то щекотать где-то глубоко внутри. Женя согласна, чтобы он жил, спал в одной комнате с ней, да от одного этого...

– А общая комната? – увёл он, на всякий случай, разговор от спальни.

– Там мы будем отдыхать вечером, гостей принимать, обедать по воскресеньям. Её мы сделаем нарядной.

У Жени даже щёки разгорелись.

– Знаешь, я в колледже курс домоводства прослушала. И у нас были занятия по интерьеру. Ну, как сделать комнату красивой, понимаешь?

Эркин кивнул.

– Где ты, там всё красиво, – рискнул он.

Женя ахнула и тихо рассмеялась.

– Ой, спасибо.

Эркин довольно улыбнулся. Алиса обернулась к ним от окна.

– А у меня кукольная комната будет?

– Будет, – кивнула Женя.

– Ещё для кукол комната? – удивился Эркин. – Пятая?

– Нет, – рассмеялась Женя. – Это в детской сделаем.

– Выгородку, – понимающе кивнул Эркин.

– Нет, – стала объяснять Женя. – Сделаем, как у меня было. Такой стол, а на столе расставлена кукольная мебель. Или ещё как домик делают. Передняя стенка снимается, вот и квартира.

– Эрик, сделаешь? – сразу спросила Алиса.

Эркин не слишком уверенно кивнул.

– Попробую.

– Мам, а мячик у меня будет?

– Будет, – улыбалась Женя. – И мячик, и санки, и прыгалки. Всё у нас теперь будет. Не сразу, конечно.

– А когда денежек накопим, – понимающе кивнула Алиса, снова поворачиваясь к окну.

Но там уже шёл дождь, по стеклу бежали струйки воды, всё стало мутным и неразборчивым. Алиса вздохнула.

– Давай-ка, зайчик, – сразу сказала Женя. – Поспи пока.

Она сняла с Алисы туфельки, поставив их к ботикам, по-

могла улечься в кресле с ногами, укрыла своей шалью. Эркин потянулся за курткой, но Женя покачала головой.

– Не надо, здесь тепло. Ещё перегреется, вспотеет, тогда хуже простудится.

Алиса мгновенно заснула, и Женя пересела к Эркину, села рядом, положив голову ему на плечо. Эркин осторожно обнял её за плечи, очень мягко, чуть-чуть прижал к себе и, повернув голову, уткнулся лицом в её волосы. Теперь они сидели молча. И единственное, о чём ещё мог думать сейчас Эркин – лишь бы это не кончалось.

До самого Дурбана их никто не тревожил. Когда за окном появились дома пригорода, Женя встала поправить разметавшуюся во сне Алису. Пока она её укладывала и укрывала, поезд уже замедлял ход, останавливаясь, и Женя, переглянувшись с Эркином, села на своё прежнее место. Мало ли что, лучше ей быть рядом с Алисой. Тем более, что за окном плыла цепочка приготовившихся к посадке людей. Дурбан – большой город, и мало ли что...

Голоса, шаги... Эркин невольно напрягся, готовясь к любой неожиданности.

Проводник откатил дверь их купе.

– Здесь одно место...

– Благодарю.

Высокий мужчина в блестящем от воды кожаном пальто и кожаной шляпе, несколько смахивающей на ковбойскую, вошёл в их купе, небрежно кивнув проводнику. Одним быст-

рым, очень внимательным взглядом, от которого у Эркина сразу напряглись, как перед прыжком, мышцы, оглядел их всех. Никакого багажа у мужчины не было. Он быстро и ловко снял и повесил пальто и шляпу, оставшись в хорошем костюме, и сел в свободное кресло. Пиджак был ему чуть широковат, но, когда он садился, натянувшаяся ткань на мгновение обозначила висящую под мышкой кобуру. Заметил её только Эркин. Сев в свободной, даже чуть-чуть небрежной позе, мужчина дружелюбно, но покровительственно обратился к Жене.

– Тоже до Стоп-Сити?

– Да, – сдержанно кивнула Женя.

Она провела рукой по укрывающей Алису шали и подвинулась, чтобы не касаться коленями колен сидящего напротив попутчика. Эркин слегка сдвинулся и сел чуть наискосок, упираясь теперь спиной в угол. Стенка вагона неприятно холодила плечо, но ему было сейчас не до этого.

– Охота тащить малышку в такую даль, – мужчина с усмешкой покачал головой. – Погодка-то дерьмовая, застудить ничего не стоит.

Насмешливая чёткость, с которой он выговорил ругательство, напомнила Жене Хэмфри. Тот тоже любил дразнить её и других девушек такими словечками. Взглядом останавливая нахмурившегося Эркина, Женя очень корректно ответила:

– Обычная погода в это время.

Мужчина с прежней лёгкой усмешкой оглядел её и повернулся к Эркину.

– И ты до Стоп-Сити, парень?

Еле заметно шевельнув плечами, чтобы показать мышцы, Эркин очень спокойно ответил:

– Это имеет значение, сэр?

Мужчина неопределённо хмыкнул:

– Надо же знать, с кем коротаешь время в дороге. Меня зовут Ник, я из Эпплтона, – и вопросительно посмотрел на Женю.

– Джен, – ограничилась английской формой Женя и посмотрела на Эркина.

Тот опустил на мгновение ресницы, показывая, что понял её просьбу, и подчёркнуто спокойно представился:

– Эрик.

И по скользнувшей по губам Жени мгновенной улыбке понял, что сказал правильно. И не соврал, так что не спутаешь и не забудешь, и Алису ни поправлять, ни предупредить не придётся, и его настоящее имя этому типу знать совсем незачем.

– У меня в Эпплтоне своё дело. Небольшое, – словоохотливо рассказывал Ник, – но жить можно. Да компаньон мой на сторону стал смотреть. В Дурбане я его не перехватил, разминулись, а Стоп-Сити потому и Стоп, что оттуда уже никуда, так что встретимся. Ну, и, если что, попросаемся. А вы, Джен, встречаете или провожаете?

Его откровенность обязывала, и, вежливо улыбнувшись, Женя ответила:

– Мы уезжаем.

– На ту сторону? – Ник присвистнул. – Это вы зря, Джен. В России не жизнь для настоящего человека, – и насмешливый взгляд на Эркина.

– Хуже, чем здесь, уже не будет, сэр, – по-прежнему спокойно ответил Эркин.

Глаза Ника стали жёсткими.

– Тебе, я вижу, особо плохо не было, парень.

У Эркина чуть озорно блеснули глаза.

– Ну, сэр, на чужой спине любая плеть мягка.

Женя улыбнулась.

– С плетью тебе виднее, конечно, – насмешливо согласился Ник.

– Встречались, сэр, – кивнул Эркин.

Он не мог понять, зачем этот беляк его задирает, но отступить не хотел. Тот, поп, только выспрашивал, а этот в наглую лезет, да ещё и пушка у него. Но и отступить нельзя. Хватит, намолчался он. Двадцать пять лет молчал и терпел, хватит.

– Думаешь, в шалаше жить лучше?

– Почему в шалаше, сэр? – невольно удивился Эркин и, тут же поняв, что Ник говорит об индейском шалаше, как в той резервации у имения, улыбнулся: – Где захотим, там и будем жить, сэр.

Нахмурившись, Ник несколько раз перевёл взгляд с него

на Женю, обратно и усмехнулся.

– Неплохо устроился, парень.

– Не жалуясь, сэр, – солидно кивнул Эркин.

Обращение «сэр» привычно выскакивало у него в конце каждой английской фразы, но он даже сам чувствовал, что это не принижает его, а иногда звучит и достаточно насмешливо.

Жене хотелось прекратить этот разговор. Неизвестно, на сколько хватит у Эркина выдержки, но она никак не могла сообразить, как это получше сделать.

Ник ещё раз внимательно оглядел Эркина.

– Не боишься, что с вождём не поладишь? Ершистых нигде не любят.

– Это мои проблемы, сэр.

– С головой и руками и здесь можно хорошо устроиться.

Эркин кивнул.

– Да, сэр. Но здесь праздников много.

– Каких ещё праздников? – удивился Ник и, сообразив, нахмурился.

– Хэллоуин, к примеру, сэр, – по-прежнему вежливо ответил Эркин.

Ник покачал головой. Крыть ему, что называется, нечем, на такой козырь серьёзный джокер нужен, но и... но и нельзя, чтобы парень взял верх. Напомнить про заваруху? Ведь наверняка тогда за парнем хороший след остался, как русские говорят, от всей души погулял. Да нет, не стоит. Лишний

шум всегда ни к чему, тем более, что дело своё и серьёзное.

Они одновременно отвели глаза. Эркин на долю секунды позже. Женя еле заметно облегчённо вздохнула и села свободнее. Откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Сидя по-прежнему чуть наискосок, Эркин следил за Ником. Мало ли что бяяку в голову придёт, надо быть наготове.

Ник чувствовал этот пристальный недоброжелательный взгляд. Неужели он лопухнулся, волка за собаку посчитал? Да, парень похоже именно... волчьего племени. И здорово обозлён. Чёрт, совсем не знаешь, как разговор повести. До самой границы теперь как на mine. И видишь взрыватель, и тронуть нельзя. А жалко, что парень уезжает. Такого волка приручить, прикормить... перспектива, конечно, заманчива. Грин на таком большие деньги делал. Пока не спёкся. Чёрт, поспешил ты, Ник, с волком, как с дворнягой обошёлся. Ладно, успокойся, дай успокоиться парню и постарайся проститься так, чтобы следующая встреча была, по крайней мере, приятельской. А то вдруг на той стороне придётся... хм, дела делать. Земля велика настолько, что всегда можно на кого-нибудь наткнуться. И лучше, чтобы этот кто-нибудь был добрым знакомым.

Сонно шевельнулась Алиса, сползая с кресла. Эркин быстро встал подхватить её. И почти сразу открыла глаза Женя. Чуть прищурившись, Ник следил, как Эркин укладывает и укрывает Алису. Женя улыбнулась.

– Спасибо, милый.

Улыбнулся и Эркин.

– Пусть спит.

Они говорили по-русски, и Ник напряжённо прислушивался к непонятным словам. Эркин сел на своё место, Женя снова прикрыла глаза. Уютно посапывала Алиса, неумолчно стучали колёса...

– Отчаянный ты парень, – задумчиво сказал Ник.

Его тон Эркин посчитал достаточно дружелюбным и потому ответил в том же тоне.

– Какой уж есть, сэр.

– В чужую страну всё-таки, – Ник покрутил головой. – Здорово рискуешь.

– У меня нет другого варианта, сэр, – серьёзно ответил Эркин.

– Что ж, – вынужденно согласился Ник. – В чём-то ты и прав. Только... только и там ведь не рай.

– Да, сэр, – кивнул Эркин. – Люди, конечно, везде не ангелы, но здесь был ад, сэр.

Ник смотрел на него всё с бóльшим интересом. Нет, ты посмотри, и говорит, и держится... Ну, волк, ну, хорош...

Мирный оборот, который принимал их разговор, устраивал Эркина. Ника тоже. Обменялись мнениями о погоде, Ник высказался о русском холоде, а Эркин, что сухой холод лучше сырости. Да и была бы одежда подходящая, тогда о погоде можно и не думать. Ник счёл это замечание вполне

справедливым. За окном проплыли искорёженные останки какого-то мощного сооружения, и разговор плавно перешёл на тему войны. Ник пустился в воспоминания о бомбёжках. Эркин сказал, что ни разу под бомбёжкой не был.

– Тогда тебе крупно повезло, парень, – усмехнулся Ник. – Хуже нет, когда тебе на башку небо валится. И не убежишь, и не прикроешься.

Эркин кивнул. Он в лагере уже столько наслушался о бомбёжках, что отлично понимал степень своего везения. И улыбнулся.

– Я вообще везучий, сэр.

Женя, не открывая глаз, слушала их разговор. Смысл слов как-то ускользал, но тон был мирным, и она продолжала дремать.

Снова завозилась Алиса.

– Я пить хочу, – заявила она по-русски.

– Сейчас, – ответил ей тоже по-русски Эркин.

Извинившись кивком за прерванный разговор, он достал из маленького мешка флягу и Алисину кружку. Алиса села поудобнее, протёрла кулачками глаза и, уже протягивая руку за кружкой, увидела Ника. Её мордашка выразила такое изумление, что Ник расхохотался.

– Я не привидение, – весело скал он.

– Я это вижу, – ответила Алиса по-английски, беря кружку и, сделав первый глоток, добавила: – сэр.

Теперь рассмеялась, открыв глаза, и Женя. И Эркин улыб-

нулся своей «настоящей» улыбкой. Женя выпрямилась и пригладила волосы, посмотрела на свои часики.

– Обедать будем, да? – спросила Алиса.

– Да, пора уже, – кивнула Женя.

Эркин поднял и закрепил стол, и стал накрывать. Женя, достав из сумочки пакетик с салфетками, велела Алисе протереть руки и посмотрела на Ника. Но тот извлёк из кармана своего пальто книжку «дорожного» формата в мягкой обложке и стал читать. Что ж, угощать просто попутчиков не принято, они не настолько знакомы. Разговор – одно дело, а еда – совсем другое. Женя встретилась взглядом с Эркином, и он кивком показал ей на кружки. Да, у них всего три кружки, так что никаких гостей. Эркин вскрыл второй пайковый пакет и расстелил его на столе вместо салфетки, сделал сэндвичи с тушёнкой, положил пачку печенья.

– Хотите русского печенья? – всё-таки предложила Женя.

– Благодарю, – улыбнулся ей Ник, – но я не люблю сладкого.

Искося он наблюдал за уверенными красивыми движениями Эркина. Ну нет, этот в племени не уживётся, такой никакого вождя над собой не потерпит. Красив парень, очень красив, бабы на такого, как мухи на мёд должны слетаться... Ник прикусил изнутри губу, с трудом удержав лицо. Чёрт, неужели... даже не слышал никогда о таком. Но если это так... то понятно, что почему она так на него смотрит. Ах ты, чёрт, какой поворот. Индеец-спальник. Золотое

дно для умного и оборотистого. И не боится парень к русским ехать, русские, говорят, таких на исследования отправляли. А этот не боится. Почему? Есть покровители? Не иначе. И очень сильные. Не эта же девчонка его прикрывает. Нет, здесь должны быть очень крупные силы задействованы. Стоп-стоп, а ну-ка, смотри незаметно, но внимательно. Рубашка. Нагрудный карман. Узор... Чёрт, Старый Охотничий Клуб. И герб не нашит, а выткан, потому и почти незаметен. Это... это знак не рядового охотника, а члена Правления. Это уже очень серьёзно. Русские, опять же. Клуб они взяли к ногтю, об этом только шёпотом и с доверенными людьми, но кое-что о кое-ком... Аресты с полной конфискацией, включая оружие и счета. Так что это? Трофей? Не похоже. Или...

Чтобы обед отличался от завтрака, Женя после сэндвича дала Алисе ещё печенье и конфету. Ну, что ж, ещё один пакет у них на ужин. А ужинать будут уже в Рубежине. А на полдник – Женя опять посмотрела на часы – да, печенье и сок. Что ж, с едой они рассчитали правильно. Сэндвичи с тушёнкой оказались достаточно сытными. Алиса, во всяком случае, сыта и доедает явно из послушания.

– Эркин, мне много столько, возьми себе.

Эркин покачал головой, изобразив предельную сытость, и откинулся на спинку кресла, рассеянно глядя в окно и медленно, по глотку, допивая сок. За окном продолжался дождь и плыли какие-то мокрые развалины. Поезд шёл медленно, с частыми, но короткими остановками, из коридора доноси-

лись шаги и голоса. Пару раз к ним уже заглядывали разносчики, предлагавшие кофе, сэндвичи, ещё что-то... Эркин допил сок и, переглянувшись с Женей, убрал со стола.

Алиса снова смотрела в окно, но, похоже, дождевые струйки интересовали её больше, чем дома и голые деревья. Эркин сидел уже спокойно, откинувшись на спинку кресла и даже полуприкрыв глаза. Беляк, вроде, не слишком опасен и занят своим, Жене и Алисе ничего не грозит, так что можно немного расслабиться. Он привычно распустил мышцы, чтобы качаться вместе с креслом, и чутко дремал. Алисе надоел дождь за окном, и она стала засыпать. Женя уложила её, опять укрыла своей шалью и, сев на своё место, тоже закрыла глаза и задремала.

Скользя глазами по строчкам дешёвого глупого детектива, Ник слушал сонную тишину в купе и быстро напряжённо думал. Комбинация получалась сложная и опасная для случайно прикоснувшегося. Итак... Что он сказал парню о себе? В принципе, соответствует истине и не вызвало отпора. Да, безусловно, парень ревнив, и здесь надо быть предельно осторожным и внимательным. Малейший намёк – и всё! С волками в салочки не играют. И в прятки тоже... не стоит. Но кто же за ним стоит? А похоже... Джен – не индианка, от силы метиска на четверть, условная, недоказанная или цветная. А девочка белая. Приёмыш? Подобрали в заваруху? Или... или в ту же заваруху, спасая, отдали цветным. Слышал о подобных историях. И помогли устроиться

в репатрианты. Убрать девочку в Россию от... В сочетании с рубашкой... Нет, лезть в такую комбинацию очень рискованно. И не будем. Зачем чужой риск, когда хватает своего? Но придумано... остроумно и исполнено... элегантно. Интересно было бы узнать автора. Чтобы даже случайно не стать противником. С таким... точно проиграешь.

Ник посмотрел на часы. Сейчас будет Ред-Сити, стоянка сорок минут, и до Стоп-Сити без остановок. Нудный перегон. Поспать тоже, что ли? Делать-то больше нечего. Ник откинулся на спинку кресла, поёрзал плечами, прилаживаясь поудобнее. И закрыл глаза.

Когда Ник стал похрапывать, Эркин совсем успокоился. Теперь-то уж точно ничего не случится. Спящий неопасен.

Сонную тишину в их купе нарушил проводник.

– Ред-Сити, стоим сорок минут.

Ник вздрогнул и сел прямо, потёр лицо ладонями. И широко улыбнулся проснувшимся попутчикам.

– Сорок минут. Можно и пройтись.

– Да, – ответно улыбнулась Женя, – и дождь, вроде, поменьше стал.

Она стала будить Алису. Та, недовольно сопя и хмуря брови – недосмотрела сон про конфеты – одевалась. Эркин с невольной тронувшей его губы улыбкой подождал, пока Женя оденется и выйдет с Алисой, и вышел следом. Последним покинул купе Ник.

На перроне Эркин, уже чувствуя себя уверенно, взглядом

проводил Женю и Алису до дверей вокзала и отправился на поиски уборной для цветных.

Дождь почти кончился, вернее был настолько мелким и слабым, что на него можно и не обращать внимания. Уборную для цветных Эркин, как и в Тейлор-Сити, нашёл на задворках, ближе к погрузочному двору. Как и везде, возле неё маялись безденежные и безработные бедолаги. Эркина встретили настороженным и не слишком дружелюбным ворчанием. Но в уборную пропустили. Там было безлюдно и не слишком чисто. Большинство раковин бездействовало, а до многих кранов Эркин побрезговал дотронуться. Стараясь держаться подальше от грязных стен, Эркин подумал, что, если бы не опасность нарваться на полицию, он бы вообще лучше обошёл бы кустами или подворотней.

Как он и предполагал, на выходе его встретили. Три негра в обтрёпанных рабских куртках стояли в двух шагах от входа так, чтобы обойти их никак не получилось.

– Надолго сюда? – спросил один из них, заступив дорогу идущему ровным шагом Эркину.

Эркин вытащил из кармана сигарету, закурил и, затянувшись, естественным жестом передал её ближайшему сбоку. Сигарету приняли. Подошли и встали рядом, плотным, но не замкнутым кругом остальные.

– Пока поезд стоит, – спокойно ответил Эркин.

– Думаешь в Стоп-Сити работы больше? – хмыкнул загромождающий ему дорогу.

– Мне на ту сторону.

Кто-то присвистнул.

– Круто берёшь, парень.

– Не боишься?

– Беляки все одинаковы.

– Русские только ругаются по-своему, а так-то...

– Одна сволочь.

Эркин переждал этот шум.

– Хуже, чем было, уже не будет.

Убедившись, что он им не соперник, они ещё немного поругали погоду, беляков и низкие заработки и выпустили Эркина из кольца уже вполне дружелюбно.

Подходя к перрону, Эркин посмотрел на часы. Время ещё есть. Ага, вон и Женя с Алисой ходят, гуляют. Как и в Тейлор-Сити, он не стал подходить к ним, а остановился в нескольких шагах от их вагона и, чтобы не стоять просто так, достал сигарету. Женя оглянулась, встретилась с ним глазами и улыбнулась. Эркин еле заметно кивнул, показывая, что видит, и остался стоять.

Громкий гнусавый голос от здания вокзала не слишком внятно объявил, что до отправления поезда до на Стоп-Сити осталось пять минут. Эркин погасил сигарету и выбросил окурочок. Дождавшись Женю и Алису, вошёл следом за ними в вагон. Проводник по-прежнему неприязненно косился на него, но молчал. В купе никого не было, и, пользуясь моментом, Эркин быстр спросил у Жени, раздевающей Алису.

– Сколько ему надо дать?

– От пяти до десяти, – поняла его Женя.

Эркин кивнул, помог ей снять пальто, повесил его и тогда уже разделся сам. Дрогнул пол под ногами, и почти сразу в купе вошёл Ник. Весёлый и покрасневшийся. «Видно, выпил», – подумал Эркин.

Расселись. Ник опять достал свою книгу, Алиса смотрела в окно. Женя переглянулась с Эркином. Обсуждать что-либо, тем более дальнейший путь при Нике не хотелось. Эркин откинулся на спинку кресла и полуприкрыл глаза, показывая, что будет спать. Женя кивнула, посмотрела на занятую окном Алису. Ну вот, последние часы до Рубежина остались. А там – Россия, и они смогут быть вместе. Всегда. Как было этот месяц. И как будет, должно быть. Ну, разве это не глупость, что он не может подойти к ним, встать рядом, взять Алису на руки... Женя вздохнула. И сразу Эркин быстро и внимательно посмотрел на неё. Женя улыбнулась ему, и он снова прикрыл глаза.

Поезд шёл небыстро, но без остановок. Ник дочитал книгу и небрежно сунул её в карман висящего рядом с его креслом пальто. И опять... стоило ему шевельнуться, как его уколол быстрый внимательный взгляд из-под ресниц. «Спит индеец, – усмехнулся Ник, – по-волчьи» Один глаз спит, а другой смотрит. Волк – он и есть волк. Зато исподтишка по-шакальи не нападёт. Ник откинулся на спинку кресла и закрыл глаза: проводник разбудит.

Покачиваясь вместе с вагоном, Эркин спокойно дремал. Начало пути его устраивало. В Рубежине они пройдут визовый и таможенный контроль, обменяют деньги и уже на той стороне получают билеты до Иванькова. И там же паёк на завтра? Но это, как ему объяснили, выписывая маршрутку, смотря по поезду. Если сразу, то в Иванькове и обед, и паёк, а если заночуют в Рубежине, то паёк там. Заночуют... опять в барак, что ли? Надоело, честно говоря. Хотя... это смотря, какой барак. Но выбирать-то им не из чего. Ну, ничего. Иваньково, а дальше... нет, не стоит загадывать. Как говорил Фёдор? Загад не бывает богат. Да, думаешь одно, а получается совсем другое. До Иванькова ясно, а дальше посмотрим. Пайка, в общем, хватает, тот пакет, со сборного, он не тянул, а отошёл подальше, убедился, что один, и смолотил в момент. Зато потом долго был сыт. Эркин улыбнулся, не открывая глаз. Он до сих пор помнит вкус того хлеба и тушёнки. И слова врача. Веры Борисовны. И что бы ему ни говорили, плохо ему там, на той стороне, в России, не будет. Месяц он в лагере был, слова плохого не слышал. Был как все. Даже не думал раньше, что сможет так с белыми. Да нет, какие ж они белые? Не в цвете же дело. Они... они свои ему. Вот оно...

Эркин вздрогнул и открыл глаза. Проверяя себя, поглядел на часы. Да, час остался, даже чуть меньше. Он подтянулся и сел прямо, потёр лицо ладонями. В купе сумрачно, а где здесь включается свет, он не знает. Как бы Алиса, проснув-

шись, не испугалась темноты.

Негромко зевнул Ник, откашлялся.

– Подъезжаем? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

Но Эркин ответил:

– Меньше часа осталось, сэр.

Вздохнула, просыпаясь, Женя. Ник щёлкнул выключателем. Под потолком зажглась круглая лампа в матовом колпаке, и за окном сразу стало темно. Завозилась, сползая с кресла, Алиса. Эркин нагнулся подхватить её и увидел своё отражение в оконном стекле. Женя поглядела на свои часики.

– Алиса, хочешь сока?

– Ага, – ответила, просыпаясь, Алиса и уточнила: – С печеньем? Хочу.

Эркин улыбнулся и достал свой мешок. Нику они уже не предлагали. По полкружки сока и по два печеньица каждому. Эркин поболтал флягу, прислушиваясь к плеску.

– На доньшке осталось, – сказал он Жене.

Женя кивнула.

– Разливай. Допьём уже, а в Рубежине ещё купим.

Они как раз успели доестъ и допить, и Эркин убирал кружки и флягу, когда в их купе заглянул проводник.

– Прибываем, конечная станция.

Ник кивнул, пряча во внутренний карман пиджака записную книжку, которую он просматривал. Женя стала одевать Алису. Поезд замедлял ход, подкатываясь к ярко освещённому перрону.

– Стоп-Сити, леди и джентльмены, – доносился из коридора голос проводника. – Стоп-Сити.

Эркин застегнул куртку, вытащил из кармана и надел шапку. Судя по блестящему перрону, там дождь. Надо доставать вещи, но Ник ещё сидит, а тюк вытаскивать – его заденешь. Поезд остановился.

– Было приятно познакомиться, – встал Ник. – До свидания.

– До свидания, – улыбнулась Женя.

– До свидания, сэр – вежливо ответил Эркин.

И как только Ник вышел из купе, стал вытаскивать вещи, прилаживать на плечи мешок и тюк.

– Эркин, проводнику надо дать, – сказал Женя по-русски.

– Я дам, – сразу ответил Эркин. – Семь кредиток.

– Хорошо, – кивнула Женя.

Они взяли вещи, Женя поставила Алису между собой и Эркином, и пошли к выходу.

Проводник, как и на остановках, стоял у двери, помогая выходящим. Эркина он проигнорировал, но Жене подал руку и Алисе помог перешагнуть из вагона на перрон. Эркин поставил тюк и ящик на перрон – здесь под навесом было не так уж мокро – и уверенно, привычным движением достал бумажник, вынул семь кредиток. Проводник явно растерялся, но его рука словно сама по себе взяла у Эркина деньги и вложила их в карман форменной куртки.

– Спасибо... – проводник в последнюю секунду проглотил

неположенное по отношению к цветному обращение.

Эркин кивнул, взвалил на плечи тюк, взял ящик и посмотрел на Женю: знает ли она, куда идти. Женя улыбнулась проводнику.

– Спасибо, до свидания, – и по-русски: – Нам вон туда теперь.

– Вы с Алисой вперёд идите, – по-русски ответил Эркин. – Я за вами.

Женя поправила висящую на плече сумочку и взяла Алису за руку.

– Пошли, зайчик.

Эркин шёл за ними, готовый принять на себя любой толчок сзади, но по мере их приближения к перегораживающему перрон забору толпа стремительно и заметно редела. Все шли в другую сторону, в город, как догадался Эркин, а сюда... неужели они одни на ту сторону?

Кирпичный дом, похожий на лагерную проходную, окно с белой занавеской, дверь с блестящей табличкой... Женя отпустила Алису и открыла дверь. Эркин перевёл внезапно сбившееся дыхание и вошёл следом. Дверь гулко хлопнула за спиной, и офицер с погонями майора сказал:

– Слушаю вас.

Эркин сбросил на пол тюк и мешок, поставил ящик, подошёл к барьеру поперёк комнаты и достал из внутреннего кармана пакет с документами.

– Здравствуйте, вот наши документы, мы уезжаем.

– Репатрианты?

– Да, – кивнула Женя.

Она уже положила узел и свой мешок рядом с тюком, взглядом велела Алисе стоять возле вещей и подошла к Эркину.

Офицер положил их документы на стол к двум девушкам, тоже в форме, но погоны лейтенантские, и те сразу стали рассматривать, листать, сверять со списками и записывать в толстые канцелярские книги. Офицер положил на барьер бланки.

– Заполните декларации.

Женя взяла бланки и огляделась в поисках стола. Но его не было.

– Пишите здесь, – разрешил офицер. – И только чернилами.

Женя достала из сумочки ручку и стала заполнять аккуратными печатными буквами пробелы. Эркин стоял рядом, боком прислонясь к барьеру, чтобы по возможности видеть и Женю, и очень серьёзную Алису, и вещи, и офицера нельзя из виду упускать.

– Эркин, пересчитай деньги, – сказала, не отрываясь от письма, Женя.

Эркин достал бумажник. Барьер был достаточно широк, чтобы разложить на нём купюры и монеты.

– И у меня в сумочке, в кошельке. Ага, спасибо.

Эркин высыпал к своим деньгам мелочь из кошелька Же-

ни. Ещё раньше, в первом лагере, Женя настояла, что все основные деньги будут у него, а себе тогда оставила немного, сказала: «на текущие расходы». Эркин расправил смятые кредитки, сложил их и монеты стопками и ещё раз пересчитал.

– Сколько? Надо вписать.

– Две тысячи триста семьдесят пять, и ещё мелочи на две кредитки ровно.

– Всего две тысячи триста семьдесят семь, – шёпотом сказала Женя, заполняя графу, и продолжила: – Золото в изделиях... нет, камни драгоценные... нет, оружие...

– У меня нож, – сказал Эркин.

– Покажи, – с равнодушным спокойствием потребовал офицер.

Он стоял рядом с ними, но по ту сторону барьера, ожидая, пока Женя закончит возиться с бланками. Искоса быстро поглядев на нож Эркина, качнул головой.

– Это можно не вносить. Огнестрельное оружие есть? Нет? Заполнили?

Он взял заполненные Женей бланки, быстро их просмотрел, передал девушкам.

– Пройдите налево на досмотр с вещами.

Эркин ловко подхватил оба мешка, тюк и ящик, оставив Жене узел. Налево? Да, вон дверь.

Длинная комната с длинным столом и офицер в форме, похожей на военную, но другого цвета. Жестом он показал

Эркину, чтобы тот положил вещи на стол. Вошли ещё трое в такой же форме. По человеку на каждый узел или мешок – сообразил Эркин. Неожиданно ловко и быстро они пересмотрели их вещи. Все узлы и пряжки, словно сами собой, развязывались и расстёгивались. И вот уже всё опять в прежнем порядке.

– Проходите сюда.

И только тут Эркин ощутил, что ему нечем дышать, и перевёл дыхание. Ладонь Жени на его запястье. Узел, тюк, ящик, два мешка, ручонка Алисы, вцепившаяся в край его куртки. Следующая комната. Снова барьер. Деньги? Да, вот... Он выгребает из бумажника радужные кредитки и из кармана тускло-жёлтые монетки.

– Распишитесь. Вот здесь.

Эркин посмотрел на Женю. Он же только по-английски умеет. Две буквы. У русских буквы другие, он уже это знает. Расписалась Женя. И вот перед ними деньги. Другие. Совсем другие. Серые. Он не видел раньше таких. Но цифры те же. Тысяча, пятьсот, ещё пятьсот, три сотенных, пятьдесят, две десятки, семь по одному. Это и есть «рубли»? Эркин заложил деньги в бумажник, спрятал его и перешёл вдоль барьера к следующему офицеру со стопкой документов. Удостоверения, метрика, свидетельство о браке, а виза? Визу не возвращают? Почему? За что?

– Виза вам больше не нужна, – офицер, они все сейчас кажутся Эркину на одно лицо, улыбается. – Вы уже в России.

Вот ваш маршрутный лист, билеты до Иванькова, а это талоны на паёк. Поезд через два часа. Зал ожидания по коридору прямо. Там в буфете и получите паёк.

Или это уже другой им говорит? Рука Жени... хлопанье дверей за спиной... широкий коридор... зал... жёсткие скамьи... какие-то люди в форме спят, лёжа и сидя... Но вон свободная... прилавок... вон, в углу...

Они сложили вещи на скамью, и Эркин пошёл выкупать паёк. Заспанная круглолицая женщина в белом фартуке взяла у него талоны и выложила три пакета с пайком. Эркин обвёл взглядом прилавок и, не увидев знакомых банок с соком, спросил:

– Чай есть?

– С сахаром гривенник стакан.

Что такое гривенник, Эркин не знал и понёс пайки Жене.

– Вот, заложим в мешок. Женя, гривенник – это много?

– Гривенник? Ой, сейчас вспомню, да, десять копеек. В рубле сто копеек.

– Понял, – кивнул Эркин и достал флягу. – Я сейчас чаю куплю и налью.

– Да, и сейчас возьми попить горячего. И печенье доедим.

Эркин оглядел флягу, повернулся на мгновение к прилавку и снова к Жене.

– Десять стаканов. Семь во флягу и три сейчас, так?

– А семь стаканов влезет? – усомнилась Женя.

– Влезет. Кружка как два стакана, мы вливали четыре

кружки, и было под горлышко. И... там бутерброды есть. Взять?

– Алиса, есть хочешь?

Алиса замотала головой.

– Тогда по одному, – решила Женя. – Только попробовать.

Сидя на скамейке между Алисой и узлом, придерживая ногами тюк, ящик и большой мешок, Женя смотрела, как Эркин разговаривает с буфетчицей, расплачивается, очень аккуратно переливает дымящийся чай из стаканов во флягу, тщательно завинчивает крышку, вешает флягу на плечо и... Женя привстала, но Эркин уже шёл к ним, ловко неся сразу три стакана, прикрытых картонной тарелочкой с тремя бутербродами. Увидев розовые и белые ломтики рыбы на кусочках белого хлеба, Женя ахнула:

– Ты с ума сошёл.

– Они по двадцать пять копеек, – старательно выговорил Эркин и улыбнулся. – Удачу надо отпраздновать, правда? А это очень вкусно.

Женя только покачала головой, но спорить не стала. Конечно, Эркин так нервничал на досмотре, лицо совсем каменным стало... Они переложили вещи, Эркин прямо на скамье расстелил носовой платок, расставил стаканы и тарелку, он и Женя сели с боков, а Алису посадили на пододвинутый к скамье тюк. Эркин достал нож и разрезал каждый бутерброд на три части. Ели медленно, и Женя, не забывая следить за Алисой, наслаждалась и вкусом рыбы, и кра-

сивыми движениями Эркина.

– Очень вкусно. Ты молодец, Эркин.

Эркин счастливо улыбался. Он ел и пил, невольно прислушиваясь к собственным ощущениям, ведь это уже Россия, это русский чай и русская еда, в бумажнике у него русские рубли, в кармане куртки звенит мелочь, белая, а не жёлтая. С ума сойти!..

Женя посмотрела на часики, и он сразу заторопился, допил свой чай и отнёс стаканы, получив залоговую стоимость, три копейки за стакан, а стаканов десять, так что сдачи было... и за семь стаканов сразу залог... и ещё за три... нет, потом сосчитает, некогда уже.

– Поезд на Иваньково с первого пути, – гнусаво, но достаточно понятно сказали под потолком, и сразу ожил, зашевелился и загомонил зал.

И снова мешок на спину, тюк на плечи, ящик в руку, второй мешок и узел у Жени, Алиса... В общей толпе они шли к выходу, кажется, что всему залу на этот поезд.

– Женя, билеты у тебя, – напомнил Эркин, плечом отодвигая слишком напивавшего на них парня.

– Да, сейчас посмотрю. Алиса, за узел держись.

Ловко действуя одной рукой, Женя достала билеты и посмотрела на них.

– Четырнадцатый вагон. Плацкартный.

– Это как? – не понял Эркин.

– Сейчас увидим.

Вагоны, в общем-то, походили на те, в которых они ехали. А вот и четырнадцатый. И проводник у входа. Женя протянула ему билеты. Немолодой седоусый мужчина в тёмно-синей форме кивнул.

– Проходите.

Через тамбур они вошли в вагон, сразу напомнимый Эркину барак в Центральном лагере. Держа наготове билеты, Женя шла впереди, выглядывая их места. Ага, вот они. Женя проверила номера и спрятала билеты.

– Вот эти две полки. На Алису места не дали, – и вздохнула сразу и облегчённо, и озабоченно. – Давай укладываться.

Нижняя полка поднималась, открывая вместительный ящик. Заложили туда все вещи, оставив только маленький мешок с продуктами и нужным в дороге. Его Эркин положил на верхнюю полку. Женя с Алисой, значит, внизу, а он сверху. Ладно. Жаль, ни двери, ни занавески, и неизвестно, кто с ними будет...

– Ага, вот здесь, – прогудел за их спинами низкий голос.

Эркин медленно обернулся. Трое в форме без погон. Как их называют? Да, демобилизованные. Наверное, они и есть. В лагере об этом тоже приходилось слышать. Говорили разное. Но тут же выяснилось, что у двоих места в соседнем отсеке, и третий, бросив свой мешок на нижнюю полку, ушёл с обоими туда. Эркин перевёл дыхание и посмотрел на Женю. Она сосредоточенно снимала с Алисы пальто и шапочку. Поезд вдруг дёрнуло так, что Эркин еле удержался на ногах,

а мужчина, стоявший в проходе на двух костылях, упал. Ругань, крики, смех... Эркин усадил Женю с Алисой на полку и помог встать упавшему.

– Спасибо, браток. Двадцать второе здесь?

– Да.

Двадцать второе место оказалось верхним, и мужчина огорчённо крикнул. Женя сразу предложила ему поменяться местами.

– Ну вот ещё, – он поглядел на Женю и улыбнулся. – Не такой уж я калека, чтоб до такого... а этот, – он показал на лежащий в углу вещевой мешок, – этот где?

– Рядом, – ответил Эркин.

Мужчина прислушался к пробующим песню голосам и кивнул:

– Ну, с ним я договарюсь.

Он с явно привычной ловкостью взял мешок и забросил его на верхнюю полку, а на его место положил свой такой же и стал устраиваться. Расстегнул и снял шинель, скатал её и положил в изголовье, сел, положив костыли на пол так, чтоб и не мешали, и были под рукой, расправил гимнастёрку под ремнём, звякнув наградами, и подмигнул серьёзно рассматривающей его Алисе.

– Далеко едешь, синеглазая?

Алиса плотнее прижалась к Жене, посмотрела снизу вверх на Эркина и решила всё-таки ответить.

– До Иванькова.

– Не ближний свет, – уважительно сказал мужчина. – Ну, давай знакомиться. Я – Владимир, дядя Володя, а ты кто?

– Я Алиса, – уже охотнее ответила Алиса. – А это мама. И Эрик.

Завязывающийся разговор прервал вошедший проводник. К удивлению Жени, он по-хозяйски сел рядом с Владимиром и развернул на коленях кожаную сумку с матерчатymi кармашками внутри.

– Давайте билеты.

Он собрал их билеты и разложил по кармашкам.

– В Батыгово разбудишь? – спросил Владимир, отдавая свой билет.

– Сможешь заснуть, разбужу, – усмехнулся проводник. – Постель будете брать? Рубль комплект.

– Будем, – кивнула Женя.

– С билетами разберусь, подойдите ко мне, выдам.

– А чаю, браток, нутро погреть?

– Только поставил, и стаканов нет.

– Чтоб у солдата не нашлось во что налить?! – рассмеялся

Владимир.

Улыбнулся и проводник.

– Солдат нигде не пропадёт, это ты верно, – проводник встал и вышел.

– Батыгово далеко? – спросила Женя.

– За одну до Иванькова, – Владимир смотрел на неё с ласковой улыбкой. – Ничего, сестрёнка, доедем.

Женя кивнула.

– Конечно, доедем. Да, а чай у нас есть, – и посмотрела на Эркина.

Эркин встал и взял с верхней полки свой мешок. Пока он развязывал узел, Владимир выложил на стол свои припасы. Такой же пайковый пакет, а ещё кружок твёрдой колбасы, завёрнутый в тряпку кусок сала, две луковицы, небольшая фляжка и тряпичный узелок с сахаром. Эркин и Женя не смогли скрыть удивления, и Владимир улыбнулся, ставя на столик свою помятую кружку.

– Это мне в госпитале на дорогу выдали. Что по табелю положено, ну, и по хорошему знакомству добавили. Доставка кружки, ужинать будем, – и Жене: – давай, сестрёнка, хозяйничай. А мы для начала... – он многозначительно потряс флягой.

– Водка? – спросила Женя.

– Спирта нет, – Владимир несколько нарочито вздохнул. – Не дали.

– Я не буду, – покачала головой Женя.

– За возвращение надо, сестрёнка. Что мы выжили. Гнули нас, ломали нас, – глаза его стали на мгновение злыми, – что не они нас, а мы их в землю вбили. И домой едем. За это надо.

Он положил на стол длинный с цветной ручкой нож и хозяйски уверенно стал разливать водку. Две кружки до половины и третью на доньшке.

– Вот так, сестрёнка.

Спорить с ним было нельзя. Эркин чувствовал это, да и... да и не с чем спорить. Тогда, на королевском ужине они говорили о том же и почти теми же словами. Видно, поняла это и Женя. Она взяла нож и стала нарезать хлеб и сало.

– Ты не эконошь, – улыбнулся Владимир. – Толще режь. А синеглазке чаю, чаем чокнется.

– Разве чаем чокаются? – удивилась Женя.

– Ей ещё можно, – хмыкнул Владимир.

Эркин положил на стол свой пайковый пакет, достал нож. Владимир мотнул головой.

– Оставь. Вам до Иванькова больше ж не дадут, так? – Эркин вынужденно кивнул. – Ну вот. А Вам дитё кормить.

Эркин на мгновение опустил ресницы, молча вскрыл пакет, достал тушёнку и хлеб и стал делать бутерброды. Владимир с весёлым удивлением посмотрел на него, но промолчал. Сделав бутерброды с салом, Женя из фляги налила Алисе чаю.

– Ну, – Владимир взял свою кружку и поглядел на Эркина.

Эркин сел рядом с Женей и тоже взял кружку.

– Ну, за Победу!

– За Победу! – кивнул Эркин.

Четыре кружки со звоном столкнулись над столиком. Эркин, поднося к губам кружку, поймал краем глаза встревоженный взгляд Жени и улыбнулся ей.

Женя только пригубила, но мужчины выпили до дна и

молча сосредоточенно накиннулись на хлеб с салом и луком.

– По второй? – предложил Владимир.

– Мне хватит, – покачал головой Эркин, прикрывая ладонью свою кружку.

– Свою меру знать – великое дело, – кивнул Владимир, убирая флягу.

Эркин кивнул, молча жуя сало. Тёплая волна толчками окутывала его. Женя взяла флягу с чаем, чтобы налить им, но Владимир коротким жестом остановил её и, взяв её кружку с остатком водки, аккуратно и точно перелил поровну себе и Эркину.

– Как раз по глотку.

Эркин взял кружку, чувствуя, что голова остаётся ясной, что сегодня он её удержит.

– За что?

– За кого, браток. За тех, что не дожили, пусть земля им пухом будет, – вздохнул Владимир и строго поправил Эркина: – Когда в память пьют, то не чокаются.

Они выпили, и Женя тут же налила им чаю из фляги. Чай был ещё тёплым, и Владимир улыбнулся.

– На вокзале покупали?

– Ну да, в буфете.

– А я не успел. Не на тот перрон забрёл, так пока дошкандыбал, уже посадку объявили.

Эркин кивнул. Тёплый чай приятно освежил горящий от водки и лука рот. Владимир посмотрел на прильнувшую к

Жене Алису и улыбнулся.

– Уморилась, синеглазка.

– Весь день в дороге, – ответила Женя, обнимая Алису.

Эркин допил чай и встал.

– Пойду, постель возьму, – и Владимиру: – Принести тебе?

– Спасибо, браток, – Владимир полез в нагрудный карман гимнастёрки. – Сейчас деньги дам. Рубль там?

– Потом, – отмахнулся Эркин, выходя из их отсека.

На выходе очередной толчок поезда шатнул его, так что пришлось ухватиться за стояк. Но пьяным он себя не чувствовал.

Эркин шёл сквозь галдящий, пьющий и поющий вагон, как через праздничный Цветной квартал. Пустые боковые полки и набитые под завязку отсеки, а кое-кто уже спал, завернувшись с головой в шинель или одеяло.

В крохотном, забитом полосатыми толстыми рулонами купе проводника Эркин получил три туго скатанных тюфяка.

– Дотацишь? – усмехнулся проводник.

– Перевязать есть чем? – ответил вопросом Эркин, вытаскивая деньги.

– Оплата по приезде, – проводник протянул ему верёвку.

Поставив три рулона в ряд, Эркин охватил их одной петлёй, закрепил узел, присел на корточки, прижимаясь спиной к ближнему рулону.

– Поддержи чуток.

И встал, поднимая на спине все три тюфяка.

– Ловко, – одобрил проводник, слегка подтолкнув нижний рулон, чтобы тот не выскочил из петли. – Верёвку потом занеси.

– Ага, – ответил из-под ноши Эркин, пускаясь в обратный путь.

Его опять пару раз шатнуло, прикладывая к стоякам, а один раз потянуло, повело прямо на гуляющую компанию. С хохотом и шутками в десяток рук его удержали, поставили на ноги и дружеским толчком направили на путь истинный.

Эркин ввалился в их отсек и был встречен радостным голосом Алисы:

– Эрик пришёл!

– Заждалась, – хмыкнул Владимир.

Эркин свалил свою ношу, распустил узел и сдёрнул петлю. Кинул рулон на свою полку и положил по рулону на нижние.

– Ну, спасибо, браток, – улыбнулся Владимир. – Да, а деньги?

– Сам проводнику отдашь, – Эркин перевёл дыхание и взял свою кружку, куда Женя уже налила ему чаю. – Сказал, оплата по приезде.

Женя стала стелить себе и Алисе, и Эркин сел рядом с Владимиром, а Алиса сразу забралась к нему на колени. Алису очень заинтересовали награды на груди Владимира, и она разглядывала их, строго насупив брови. Владимир заме-

тил это и улыбнулся.

– Что, синеглазая, нравятся?

– Ага-а, – немного вразяжку ответила Алиса и решила уточнить: – Кругленькие – это медали, а звёздочки – ордена, да?

– Правильно.

– Это за храбрость, да?

– Тоже правильно.

– Звёздочка красная с солдатиком, звёздочка жёлтая с башней и две звёздочки белые тоже с башнями, – шёпотом приговаривала Алиса.

Женя быстро развернула и расстелила тюфяк, разложила одеяло и подушку и потянулась к лежащему наверху мешку. Эркин ссадил Алису и встал помочь ей. Женя достала из мешка полотенце и мыло.

– Алиса, пошли в уборную.

– Она в том конце, – показал направление Эркин, узнавший это во время своего путешествия за постелями.

Когда Женя с Алисой вышли из отсека, а Эркин опять сел рядом с Владимиром и взял свою кружку, тот задумчиво кивнул.

– Повезло тебе.

– Я везучий, – кивнул Эркин. – Знаешь, сколько таких как я в Овраги легло. Не дожили...

Он поставил на столик кружку, подобрал с пола верёвку и привычным движением, как когда-то лассо, смотал её на

локоть и перевязал.

– Да, – Владимир, кивая, несколько раз подряд качнул головой. – Это так, конечно. Не дожило много.

Где-то рядом пели протяжно и грустно. Мужские голоса тщательно выговаривали слова, не слишком следя за мелодией. И весь вагон словно притих, слушая. Андрей пел так же – вспомнил Эркин. Для него слова были важнее. Эркин потрянул головой.

– Вспомнил кого?

Владимир спрашивал так, что Эркин ответил.

– Брата. Брата у меня в Хэллоуин убили. Избили, облили бензином и подожгли. Понимаешь, он ещё жив был. Кричал. А они смотрели и смеялись. Понимаешь? И... и Алиса видела это. Её он спас, а сам... он на себя их отманил, отвёл...

Широкая ладонь Владимира легла на его колено.

– Никого... нету у тебя больше?

– Только они. Женя и Алиса.

Владимир кивнул.

– А у меня никого. Все погибли. Вот нашёл родню, дальнюю, дальше уж некуда. Списался и еду. Всё ж не один буду.

– Одному тяжело, – согласился Эркин.

В отсек вошла Женя, ведя за руку умытую Алису.

– Давай ложиться, маленькая.

Владимир подобрал свои костыли и встал.

– Пошли, покурим, – предложил он Эркину.

И снова путь по гудящему, хохочущему и плачущему ва-

гону. Эркин шёл сзади, чтобы при необходимости помочь Владимиру. Но тот, видимо, уже привык к костылям и шёл уверенно.

В тамбуре было заметно холоднее. Владимир прислонился к стене и достал кисет. Эркин вытащил сигареты, предложил жестом. Владимир покачал головой.

– Привык к самокруткам.

Они закурили.

– Племя твоё... тоже?..

– Не знаю, – просто ответил Эркин. – Я не знаю своего племени, – и повторил: – У меня никого больше нет.

– И не нужен? – улыбнулся Владимир.

Эркин пожал плечами и, помедлив, кивнул.

– Да, наверное, так и есть. Одному очень тяжело, я знаю...

Они молча курили. Эркин щелчком выкинул в щель под дверь окурок, передёрнул плечами. Владимир курил, зажимая самокрутку в кулаке, так что даже огонька не видно. Из-под двери толчками бил холодный воздух, грохотали колёса, дрожал под ногами железный пол. Владимир погасил крохотный окурок и выбросил его.

– Ладно, пошли спать.

– Пошли, – не стал спорить Эркин.

Он открыл дверь, пропустил Владимира и вошёл сам. То ли шум стал глуше, то ли он уже притерпелся к нему. У уборной стояла очередь, небольшая, в три человека. Владимиру сразу предложили пройти первым.

– Спасибо, братки, – улыбнулся Владимир.

Разговор сразу стал общим и о войне. Эркин слушал молча. Здесь ему сказать было нечего. А они вспоминали, перебирали названия городов и номера частей... Из уборной вышел молодой, не старше Андрея, парень, застёгивая на ходу воротник гимнастёрки, но не ушёл, сразу ввязавшись в разговор. Народу всё прибывало. И когда очередь дошла до Эркина, было уже не протолкнуться.

Оказавшись в маленькой и достаточно чистой уборной, Эркин повернул на двери ручку и огляделся. Раковина, унитаз, даже зеркало есть. Ну, ладно, не будем задерживать остальных. Но он не сразу понял, что воду спускают ножной педалью, а кран надо подбивать ладонью. Наконец, приведя себя в порядок, Эркин окончательно посмотрелся в зеркало – нет, глаза не пьяные – и открыл дверь.

Народу полно, но Владимира уже не видно. Эркин протолкался к выходу и пошёл к себе. Да, многие уже улеглись, но в некоторых отсеках ещё всю гуляли.

Женя с Алисой уже лежали и, похоже, спали, еда на столике была аккуратно сложена, а Владимир сидел на расстеленной постели и смотрел в окно, хотя в тёмном стекле мог видеть только своё отражение. Слабое, потому что свет в их отсеке уже выключен. Спали и двое на боковых полках напротив их отсека. Постель Эркина тоже была развёрнута. Эркин посмотрел на Женю, подтянулся и залез на свою полку. Стащил сапоги и после секундной заминки опустил их вниз под

стол, рядом с черевичками Жени и ботиками Алисы. Смотал портянки и засунул их в сетку на стене, затем расстегнул пояс на джинсах и вытащил рубашку. Раздеваться дальше он не стал. За время жизни в лагере привык спать на простынях, да и не настолько тепло в вагоне. И наконец лёг, вытянулся на спине, натянув до подбородка колючее, чуть тоньше ковбойского, одеяло. И закрыл глаза. Ну, вот теперь действительно всё. Пронзительно закричал за окном гудок. Ну, вот и всё. Он ушёл, прорвался. Теперь уже Женя и Алиса в полной безопасности. Здесь им ничего не грозит. Мелко дрожала под ним полка, стучали колёса, где-то ещё пели, кто-то нудно и непонятно со слезами в голосе на что-то жаловался, а с другой стороны над чем-то смачно ржали. Но он всё равно слышал дыхание Жени и Алисы.

Кряхтя и постанывая, лёг Владимир. Кто-то, громыхая подкованными сапогами, прошёл мимо их отсека. Вагон успокаивался и засыпал.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Жариков закрыл книгу и откинулся на спинку стула. Время, конечно, позднее, и читано это уже многократно, но... всякий раз, когда так погано на душе, что не хочется жить, он берётся за эту книгу. И раньше это помогало. Но не теперь.

В дверь осторожно постучали. Жариков нахмурился: ему сейчас только этого не хватало, может, постоят и уйдут. Но стук повторился. Жариков обречённо вздохнул.

– Войдите.

И чуть не выругался в голос от удивления. Вошёл Андрей. Вот уж кого не ждал и не хотел видеть. Андрей стоял у двери,

понури́в голову.

– Ну? – наконец сказал Жариков.

– Иван Дормидонтович, – Андрей прерывисто перевёл дыхание, – я... я пришёл сказать... я не могу больше...

– Чего? – холодно поинтересовался Жариков, откладывая книгу. – Чего ты не можешь?

– Жить так.

В глазах Андрея стояли слёзы. Он явно старался сдержаться, не заплакать.

– Я знаю, за что вы на меня сердитесь, – Андрей всхлипнул. – Я знаю, я виноват. Новенький ни при чём, это я всё придумал. Я хотел... Я хотел, как лучше... Я думал, это Новенькому поможет, ну, бояться перестанет. Он так боялся белых, этого... что ни о чём уже ни думать, ни делать ничего не мог. Он и в палатах поэтому не мог работать. Из-за страха. А этого... это же он Новенького на День Империи избил. Ну, я и подумал... Я виноват, я знаю. Я потом понял, что сам стал, как этот, как... как Большой Док.

До этих слов Жариков слушал относительно спокойно. Слезливые, по-детски лукавые объяснения, что не хотели, не знали, не думали, он за этот год выслушал немало и знал, что, в принципе, все эти слова отражали не раскаяние, а желание избежать наказания. Но вот последняя фраза... уже нечто новое.

Жариков встал и подошёл к Андрею.

– Ты это понял?

Андрей кивнул, отворачиваясь, и зажмурился, сдерживая слёзы.

– Ладно, – Жариков вернулся к столу. – Садись, поговорим.

Осторожно, словно по горячему или скользкому, Андрей подошёл к столу и сел, положив ладони на колени, понуро опустил голову.

Жариков ни о чём его не спрашивал, и он заговорил сам:

– Я не знал, что он сын Большого Дока. Знал, что он Новенького на День Империи мордовал, а на Хэллоуин его арестовали, ну, в тюрьме у него крыша поехала, и его сюда отправили. Я... – Андрей стал перемешивать русские и английские слова, – я думал, он – обычный беляк. А Новенький и так... жил-дрожал, а его увидел... такой ни одну сортировку не пройдёт.

– Что-что?! – перебил его Жариков. – Ты это чего несёшь? Какие ещё сортировки?!

– Нет, Иван Дормидонтович, это... это не то, я понимаю, сейчас их нет, но... я же видел таких, их убивали. И Новенький таким становился. А сейчас... понимаете, он увидел, что беляк боится, его боится. Что он не слабее беляка. Он... он себя человеком почувствовал.

– Увидев страх другого?

– Да. Я понимаю, что вы о нас думаете, но это так.

– Вам тоже это было надо? – спросил Жариков.

Андрей поднял голову и твёрдо посмотрел ему в глаза.

– Мы видели их зависимость от нас. А на Хэллоуин увидели и страх. А кое-кто и в заваруху увидел, и ещё раньше... бывало. Да, это так. И... нет, не только это, – Андрей тряхнул головой. – Не только, нет. Мы же видели, понимали, нас спасали, лечили, но... нас. Попали к добрым хозяевам. Бывает. Редко, но бывает, повезло. Мы... мы оставались, кем были, рабами, спальниками, поганью рабской. Только потом, когда доходило, и тоже... нет, я путаюсь, простите. Я думал, Новенькому поможет.

– И помогло? – прикрывая иронией искренний и чуть ревнивый интерес, спросил Жариков.

– Да, – улыбнулся Андрей. – Он совсем другим стал, вы заметили? Он... он имя себе взял. И не Новенький теперь, а Новиков, Александр Новиков, Алик. И учиться начал всерьёз. Да, – Андрей нахмурился, – ему помогло, но... но я потом понял, это, ну, что я сделал, это тоже... по-рабски. Я таким же получился. На слабом силу свою показываю. Я же сильнее, ну, беляка этого. И вот получилось, что я... придумал и на человеке... нет, он получился материалом для меня. Я когда это понял... – у Андрея расширились глаза, – я спать теперь не могу, всё думаю. Иван Дормидонтович, что мне теперь делать?

– Ты сам эту кашу заварил, – Жариков и боялся перегнуть палку, и не мог сдержать накопившуюся за эти дни горечь, – сам и расхлёбывай.

– Я не знаю, – вздохнул Андрей. – Может... может, мне

пойти к нему, извиниться...

– Думаешь, он примет твои извинения? – спросил с интересом Жариков.

Андрей снова опустил голову.

– Да, вы правы, Иван Дормидонтович, я для него... раб, он меня и слушать не станет, или подумает, что это вы мне приказали.

– Что приказал?

– Ну, прощения попросить, – Андрей невесело улыбнулся. – Нас всегда заставляли прощения просить, на колени вставать, руки им целовать, сапоги... все мы так... в ногах у них навалялись. Вы же помните, мы и здесь первое время так же... просили.

Жариков кивнул. Он помнил эти мольбы о пощаде, милостивом прощении. Не все, правда, вели себя так, но... Жариков встал и пощупал чайник. Чуть тёплый, надо подогреть.

– Сейчас чаю попьём.

– Спасибо, Иван Дормидонтович, – Андрей потёр лицо ладонями, взъерошил пальцами волосы, вздохнул. – Я не знаю, что мне теперь делать, как мне жить дальше.

– А остальные что говорят? – осторожно спросил Жариков.

– Они не знают, – просто ответил Андрей. Так просто, что Жариков понял: это правда. – А узнали бы, сказали, что молодец, всё правильно, жалко мало врезал. А если ещё узнают, что он сын Большого Дока... – Андрей даже головой по-

крутил.

– Как же вы с такой ненавистью к белым работаете в палатах? – спросил, садясь к столу, Жариков.

– Так это же совсем другое, – Андрей искренне удивился его вопросу. – Это же русские. Они защищали нас. Мы это понимаем. И... и не пристают они к нам, – Андрей сделал выразительный жест, от которого Жариков невольно покраснел. – Мы для них не спальники, и не рабы даже. А как они к нам, так и мы к ним. Я уже даже не замечаю давно, что они белые. Будто... будто мы одной расы. Только цвета другого, – и смущённо улыбнулся. – Ахинею несу, да?

– Да нет, не такая уж это ахинея, – задумчиво ответил Жариков.

Андрей вздохнул.

– Я вот Чаку завидовал, что он сумел отомстить. За себя, за других. А я... и вот попробовал. И только мне же хуже.

Жариков встал, выключил чайник и стал накрывать на стол. Андрей молча смотрел, как он ставит тарелку с печеньем, чашки, разливает чай...

– Сахар сам клади.

Андрей кивнул, пододвинул к себе чашку, обхватил её ладонями, будто замёрз, и тихо, устало повторил:

Что мне делать, Иван Дормидонтович?

Жариков пожал плечами.

– Не знаю. Я не шучу и не играю с тобой, Андрей. Я действительно не знаю. Ты хочешь поговорить с Шерманом,

так?

Андрей вздрогнул, услышав это имя, но сдержался, резко мотнул головой.

– Нет, не хочу. Он... он похож на Большого Дока, я это не понял сразу. Не хочу. Боюсь... сорваться боюсь. Но если надо...

– Кому? Тебе или Шерману?

Андрей зябко передёрнул плечами.

– Как вы скажете, Иван Дормидонтович?

– Не увиливай, – Жариков шутливо погрозил ему пальцем и тут же стал серьёзным. – Это нужно и тебе, и ему. Но по-разному. Знаешь что, Андрей, не спеши. У тебя будет ещё возможность поговорить, – и усмехнулся. – И охрану не придётся отвлекать.

– Джо с Джимом не при чём, – сразу сказал Андрей. – Это всё я.

– Ты, ты, Андрей, – не стал спорить Жариков. – Всё ты.

И не выдержал, улыбнулся. Андрей тут же расплылся в ответной радостной улыбке. Всё, его простили. И поняли. Глядя на его довольное лицо, Жариков вздохнул. Ну, нельзя на него сердиться. Мальчишка. Это не инфантильность, не отставание в развитии, нет. Отсутствие социального опыта, семейного, полная неприменимость имеющегося опыта к жизни, необходимость адаптации... Жариков потрянул головой и увидел внимательные глаза Андрея.

– Ты что?

– Вы... вы ведь изучаете нас.

Жариков насторожился: опять неожиданность.

– С чего ты взял?

– Вы на нас смотрите... – Андрей запнулся, подбирая слово. – Вы рассматриваете нас, – и заторопился. – Нет, я не в обиде, я понимаю. Иван Дормидонтович, вы ведь знаете, скажите мне, что со мной. Я не могу понять, но вы понимаете. Скажите. Что мне делать? Как мне жить?

– Ты недоволен своей жизнью? – осторожно спросил Жариков.

Андрей пожал плечами.

– Я не знаю другой. Всегда всё решали за меня.

– Остаться работать здесь ты решал сам, – возразил Жариков.

– Я... я боялся. Другого решения. Боялся остаться один.

– А ехать в Россию?

Андрей быстро посмотрел на него и опустил глаза, рассматривая свою чашку с остывающим чаем.

– Да. Это я решил сам. Как остальные, но сам. Но... я не знаю, как объяснить. Тот сержант... я даже не знаю, где он сейчас, он меня и не помнит, наверное, но я ещё тогда подумал, что если все русские как он, то буду жить в России. Хотя нет, вру, это я потом так думал. Нет, путаюсь я, я не пьян, не думайте. Я просто понять не могу. Нет, – Андрей встал. – Не то несу совсем, извините, Иван Дормидонтович, я пойду.

Встал и Жариков.

– Хорошо, спокойной ночи, Андрей, – и улыбнулся. – В другой раз поговорим.

– Ага, – просиял Андрей, – спасибо Иван Дормидонтович, спокойной ночи.

И выскочил за дверь с такой скоростью, будто боялся, что Жариков передумает.

Жариков покачал головой. Смешно, конечно, но... Андрею всего восемнадцать, самое время мучиться такими вопросами. Крису, например, не до этого, у него свои проблемы. Влюблён по уши и уверен, что безответно. А Люся так же твёрдо уверена, что она – урод, и что влюбиться в нее не могут, вот и страдают каждый сам по себе. А Эд ждёт роковой даты, когда ему исполнится двадцать пять, и из кожи вон лезет, доказывая свою полезность... Да у каждого свои проблемы. Есть, разумеется, и общие. Но в этом: «Как жить?» – в этом Андрей достаточно оригинален. М-мыслитель! Шерман два дня был в полной прострации, только сейчас стал как-то адекватно реагировать. Ну... ну, ничего. Больше к нему не полезут. Новенький, как его теперь, да, Алик, сам на это не рискнёт, а до Андрея вроде бы дошло. Надо подготовить остальных, что Шерман – сын Большого Дока. Приедет Северин с официальным заключением, и Шермана надо будет переводить на обычный режим. Выписывать его, разумеется, рано. Там ещё минимум две недели на общем режиме. А скорее всего и больше. Для социальной адаптации и пси-

хической стабилизации. Но на общем и только на общем.

Жариков допил свой чай и стал убирать со стола. Но ты смотри, как Андрея забрало: даже чай не выпил. Редкий случай. Обычно парни такого не упускают, съедают всё и всегда. Как все бывшие рабы. И вообще голодавшие.

По коридору прошёл охранник. Рассел слышал, как затихают его шаги, как хлопнула, закрываясь, дальняя дверь. Охрана... Кого и от кого они охраняют? Неприятно вспоминать, какую он закатил тогда истерику, чуть ли не до признания неадекватности. Конечно, сам виноват: не увидел, не распознал блефа, но животный, не рассуждающий страх оказался сильнее разума. Да и... всплыли в памяти всякие разговоры о ненадёжности тормозных рефлекторных дуг. И всё же... всё же, увидев на спортивной площадке эту пару – негра и мулата, узнав их по силуэтам, успокоился. Если парней и наказали, то неопасно для здоровья.

Рассел сел на кровати, нашарил на тумбочке сигареты и закурил. Да, труса он отпраздновал... классически. Но и... да нет, без «но». Спальники действительно умеют убивать бесшумно и бесследно. Смерть во сне. Бывали случаи, бывали. И говорили парни об этом очень просто. Так говорят о привычном. И слышать приходилось не раз. Смерть во сне. Заснул со спальником и не проснулся. Инфаркт, остановка дыхания от... чрезмерного восторга, свержоргазма? Некоторые даже завидовали такой смерти. Умереть в пылу восторга,

на пике наслаждения... Идиоты. Оказывается, всё гораздо проще. Ну да, отличное знание анатомии с одной стороны, и полное отсутствие осторожности с другой. И вполне закономерный результат. Даже странно, что такие случаи были сравнительно редки. Или он просто не о всех знает...

...Эдвард резко со злостью ставит на стол стакан, едва не расплёскивая виски.

– Нет, Рассел, я лучше застрелюсь, чем лягу со спальником. Ещё неизвестно, что хуже.

– Ты преувеличиваешь.

– Вот как? – Эдвард насмешливо щурит глаза. – Не строй наивнячка. Такой ты, понимаешь ли, первачок, спальника в Паласе только и видел, – и становится серьёзным. – Ты же не хуже моего их знаешь. Это же звери. Жестокие, мстительные, злопамятные. И спальницы не лучше, Рассел, даже хуже, они коварнее.

– И кто их сделал такими?

– Мы, Рассел, – смеётся Эдвард. – Разумеется, мы. Но мы же и расплачивается за это. За удовольствие надо платить. За всё надо платить, Рассел. Бесплатного не бывает...

...Рассел глубоко затянулся и медленно выдохнул дым. Эдвард заплатил. Сгорел вместе с Исследовательским Центром. А за что платил? За удовольствие работать, познавать, творить. Да, Эдвард творил. Пяти-шестилетки, будущие спальники и спальницы, а пока просто рабы-малолетки обученные простейшим, элементарным навыкам, зверё-

ныши. И Эдвард творил. Скульптор из куска мрамора делает статую, и его прославляют в веках, а здесь из живого, но столь же косного материала делают совершенство, и в награду... смерть под огнём и презрение русских. Вот оно, это совершенство, он его каждый день наблюдает. В окно и когда ему делают уколы. Да, парни сохранили красоту, обаяние, совершенство движений. Если не знать, что они перегорели, что само по себе уже... невероятно до невозможности, то ничем не отличаются от обычного контингента. Внешне не отличаются. А внутренне... а знал ли он внутренний мир спальников? Рассел усмехнулся. Нет, этой задачи никто не ставил, наличие такого мира даже не предполагалось, и, конечно, никем не изучалось. Нет, не так, не совсем так. Считалось, что он – этот мир – есть, но ограничен рефлекторными цепями и реакциями, врождёнными и сформированными...

...Эдвард стоит у стены, отгораживающей их лабораторию от обработочной камеры.

– Мне иногда страшно, Рассел.

Стена стеклянная, стекло с односторонним покрытием. Для спальников стена непрозрачна, а из лаборатории камера отлично просматривается. Он сидит за пультом, и Эдвард загоразивает ему вид.

– Эд, подвинься.

Эдвард отходит вбок, и он видит камеру. Сейчас на обработке всего двое, начальный курс. Двое голых смуглых мальчишек, семи лет, спят на полу в характерной для спальников

позе.

– Убедись, смотреть не на что.

– Пусть дрыхнут, – кивает он. – А чего ты боишься, Эд?

Эдвард молча кивком показывает ему на мальчишек.

– Этих?! – искренне изумляется он.

– Не притворяйся, что не понимаешь, Рассел. Там, – Эдвард касается стекла, – накоплено столько ненависти... когда-нибудь чаша переполнится и изольётся. И нас сожжёт этой лавой.

– Ты что, Библии начитался? – смеётся он.

– Оставь этот вздор попам, Рассел. Божьего гнева не бывает, а вот... этого, – Эдвард снова показывает на стекло. – Да, это невозможно, но это так. Мы обречены. Нельзя безнаказанно делать то, что делаем мы. Мы все ответим за это. Все. Рассел...

– Вижу.

Один из мальчишек во сне тянется руками к гениталиям, и он поворотом тумблера посылает разряд. Несильный, но чувствительный. Стекло звуконепроницаемо, но ему всё отлично видно. Наказанный вскочил с криком, разбудил второго. Второй подходит. Так... если ударит и начнёт драку, то вызов надзирателю, а если... да, хочет утешить. Теперь разряд по нему. Есть, отскочил. Оба ревут. Подействовало? Если повторят попытку самоудовлетворения, то повторим разряд с усилением. Без приказа запрещено. Формирование рефлексивных запретов, элементарная рефлексивная цепь. Да,

подействовало. Опасливо оглядываются на дверь и ложатся. Мальчишек напоили возбуждителем, они ещё не раз попытаются избавиться от возбуждения, но он и Эдвард начеку. На всю жизнь запомнят. Что без приказа любые действия запрещены и потому невозможны. На бритых головках аккуратные наклейки с номерами, под наклейками электроды. И всё. Элементарно... Со взрослыми, конечно, сложнее, там приходится не просто формировать цепи и дуги, а замещать ими уже сложившиеся. Но новые методики достаточно перспективны, правда, проблемы с аппаратурой, и пока обкатываются опять же на спальниках, уже подростках, и... нет, об этом сейчас думать не стоит. Работа, конечно, простая, рутинная, но отвлекаться нельзя. Хорошая тренировка для собранности и внимательности...

...Рассел, не глядя, нашарил на тумбочке пепельницу и раздавил окурок. Эдвард действительно сторел, но огненную чашу разлили на него другие. И ничего с этим поделать нельзя. Смерть необратима. Единственно необратима. Всё остальное, включая, собственное сознание... Доктор говорит, что у него так же поставлены блоки. Очень глубокие и ранние. Возможно. Но думать об этом нельзя. Сразу начинает болеть голова, сильно, до тошноты. «О запрещенном не размышляй». И не будем. Инстинкт самосохранения превалирует над всеми остальными у всего живого, без различия расы, пола и возраста. Его не обманешь никакой идеологией.

Рассел глубоко вздохнул и лёг, повернулся лицом к стене,

зябко натянул на плечи одеяло. Он жив. А пока человек жив, он должен пить, есть, спать по ночам и чем-то заниматься днём. Сейчас ночь, и потому надо спать. Хорошо бы без снов.

Андрей был уверен, что никого не встретит. Кому в ночную смену, так те давно на работе, а остальные дрыхнут. И, увидев в холле сидящего на подоконнике Криса, даже вздрогнул от неожиданности.

– Ты чего? – спросил Андрей.

Крис поднял голову.

– А ты чего шляешься?

Андрей пожал плечами.

– Так просто, – и, помолчав, всё-таки сказал: – Я у доктора Вани был.

Крис кивнул.

– Понятно, – посмотрел на Андрея и усмехнулся. – Фило-софствовал?

– Д-да, – неуверенно ответил Андрей и тут же решительно повторил: – Да. А ты чего здесь сидишь?

– А твоё какое дело? – нехотя огрызнулся Крис.

И вздохнул. Андрей подошёл и сел рядом.

– Ты... ты сделай что-нибудь. Иссохнешь ведь так.

– Пошёл вон, – вяло ответил Крис.

Отругивался он не зло, только «для порядка», и Андрей расценил это как приглашение к разговору. Страдания Криса видели уже все. И сочувствовали. Влюбиться в белашку...

хуже пытки и представить нельзя. Сейчас это уже неопасно. Не так опасно. Но всё равно. А вдобавок ко всему, ведь даже никакого удовольствия ей не дашь. Нечем, перегорели. Руками там, ртом – это, конечно, можно, но, когда помнишь, что больше у тебя ничего нет в запасе... погано.

– Слушай, Кир, да плюнь ты на всё и поговори с ней.

Крис молча покосился на него, вздохнул. И наконец признался:

– Не могу.

– Как это? – Андрей сделал вид, что не понимает. – Ты ж по-русски чисто говоришь, лучше всех.

Крис приподнял руку, чтобы дать щелчка, но, не закончив движения, уронил на колени.

– Дурак ты. О чём я с ней говорить буду? Да и... не могу я, понимаешь. Вижу её, и язык как не мой. Или вот... как судорогой горло схватит, и всё. А не вижу её... Так совсем худо, хоть сам подушкой накройся. А она... она и не смотрит на меня. На что я ей? Спальник перегоревший. Погань рабская. А она...

Андрей подвинулся, чтобы сидеть, упираясь спиной не в холодное стекло, а в косяк.

– Ты ж теперь свободный, ты что?

– Заткнись, дурак. Тело мне освободили, а это... внутри я раб. Все мы рабы, не так, что ли?

Согласиться Андрей не хотел, а возразить ему было нечего. Он вздохнул и, помолчав, утешая, сказал:

– У индейца же, ну, помнишь, что привозили, у него же восстановилось. Подожди.

– Пять лет ждать, – вздохнул Крис. – Я ж загнусь.

– А она? – невинным тоном спросил Андрей, быстро со-скакивая с подоконника подальше от Криса.

Но Крис успел поймать его волосы.

– Ах ты, малёк чёртов! – Крис легонько стукнул его за-тылком о своё колено и отпустил.

Андрей выпрямился, довольно улыбаясь: всё-таки вывел он Криса из тоски.

– Ладно, Кир, я чего-нибудь придумаю.

– Я т-тебе так придумаю, – Крис показал ему кулак и встал. – Ты уж напридумывал, философ. Чего на тебя доктор Ваня злится?

– Он меня уже простил, – ответил Андрей.

– Понятно, что простил, раз ты здесь. А чего это ты в тю-ремном отсеке начудил?

– Та-ак, – протянул Андрей. – Этот, Алик, трепанул?

– Не трепанул, а похвастался, – поправил его Крис, отря-хивая штаны. – Какие вы хитрые да смелые, вдвоём одного беляка не испугались. Так что твои придумки я знаю, и в это ты не лезь. Я – не доктор Ваня, оторву всё так...

– Что доктор Юра не пришьёт, – закончил за него Андрей.

– То-то, – рассмеялся Крис. И продолжил уже серьёзно: – Алику ты помог, правда, молодец. Обошлось, и слава богу. А в это не лезь, прошу. Пока прошу.

– Не буду, – кивнул Андрей. – Но... но что-то же надо делать.

Крис пожал плечами. Вдвоём они не спеша пошли по коридору в свои комнаты. Время и в самом деле позднее, а с утра на работу. Этого с них никто не снимет. Да и... да и если не работать, то как жить?

– Ты где завтра?

– В реанимации. Там лежит один, посижу с ним. А ты?

– Во дворе, – Крис повёл плечами, напрягая и распуская мышцы спины. – Разомнусь немного. Вечером русский?

– Да. И... – Андрей свёл брови, припоминая, – и терапия вроде.

– Выучил?

Андрей не слишком уверенно кивнул. Ему в эти дни было не до учёбы. Крис посмотрел на него и насмешливо хмыкнул:

– По-нят-но.

– А ты? – немедленно ответил Андрей. – Ты сам? Выучил?

Крис только вздохнул. Ему тоже в эти дни ничего в голову не лезло. Вернее, лезло совсем другое, не имеющее отношения ни к терапии, ни к спряжению глаголов. И самое главное – он не знал, что делать. Хорошо доктору Ване советовать: «Поговори с ней», «Пригласи погулять»... поговорить... да ему подойти к ней страшно. Если б она улыбнулась ему хоть раз... да что там, хоть бы посмотрела на него, он бы знал, что делать. Улыбнуться, шевельнуть плечом, бедром, а

там... там бы пошло, само собой. А она отворачивается. От всех и от него тоже.

У дверей своей комнаты Андрей остановился.

– Ничего, Кир, всё будет в порядке.

Крис улыбнулся.

– Иди спать, утешитель. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – кивнул Андрей, бесшумно приоткрывая дверь и протискиваясь в щель.

В комнате было темно и по-сонному тихо. Джо и Джим спали. Андрей пробрался к своей кровати и стал раздеваться.

– Андрей, ты? – спросил из темноты Джим.

– Ага, – Андрей открыл шкаф, чтобы повесить брюки.

– Голову тебе оторвать мало, – зевнул Джо. – Шляешься по ночам, будишь людей.

– А что, здесь люди есть? – удивился Андрей и быстро присел.

Запущенная в его голову подушка ударилась о шкаф. Андрей подхватил её и встал.

– Спасибо, на двух спать буду.

Он уже говорил в полный голос.

– Отдай подушку, гад, – попросил Джо.

– Кого просишь, пусть тот и отдаёт, – отпарировал Андрей.

И в ту же секунду был схвачен поперёк туловища, скручен и брошен на кровать. Занятый спором с Джо, он совсем

упустил из внимания Джима, и тот бесшумно подобрался к нему. Джо бросился на помощь брату. Они немного побарахтались втроём, тузя друг друга, хохоча и ругаясь на двух языках сразу, пока им не постучали в стенку.

– Фу-у, – Джо прошлёпал к двери и включил свет.

Втроём они уже бесшумно навели порядок, и Андрей в одних трусах с полотенцем побежал в уборную. Трусы теперь все носили, раздеваясь догола уже только ложась спать. Поначалу мешало, но потом, когда привыкли, оказалось даже удобно. В душ Андрей ходил сразу после смены и потому сейчас ограничился обтиранием. Без мыла, чтоб не надо было мазаться. Крема мало осталось, денег до зарплаты нет, а одалживаться без конца тоже нехорошо.

Когда он вернулся, свет ещё горел, но Джо с Джимом спали. Андрей повесил полотенце на спинку, выложил на стул у кровати, чтобы с утра не искать, чистое бельё, выключил свет и лёг.

– А теперь выкладывай, – сказал вдруг Джим.

– Чего? – не понял Андрей.

– Что тебе доктор Ваня сказал.

– И ты ему, – подал голос Джо.

– Он меня простил, – кратко ответил Андрей.

– Не темни.

– Мы же чуем. Ты не из-за этого как чумной ходил.

Андрей вздохнул.

– Не могу я. Сейчас не могу.

– Доктор Ваня запретил?

– Ну-у... он знает.

– Ладно, – решил Джим. – Если что, мы за тебя, помни.

– Ага, спасибо.

Андрей поёрзал, укладываясь поудобнее, натянул до подбородка одеяло.

– Спокойной ночи, Джо-Джим.

– И тебе спокойной, – ответил Джо.

– Спокойной ночи, – затихающим сонным шёпотом откликнулся Джим.

Стало совсем тихо. Андрей привычно закинул руки за голову, закрыл глаза. Хорошо, что он пошёл к Ивану Дормидонтовичу, доктору Ване. Ведь вроде ничего ему не сказали, только выслушали, а полегчало. Правильно. Выговоришься – легче станет. А слушает доктор Ваня... никому того не расскажешь, что при нём прямо само выскакивает. Доктор Юра, конечно, их спасал, ему тоже всё можно сказать, почти всё... Ладно, обошлось, и ладно. Что этот беляк – сын Большого Дока, надо молчать, а то парни его точно придушат. И будут у доктора Вани ба-альшие неприятности. И вообще... это же только сын, Большой Док и с ним что-то такое сделал, что хуже смерти. Ну, ему-то Иван Дормидонтович поможет. Хорошо, что всё так закончилось. Хорошо...

И заснул он, полностью успокоившись.

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Дождь с мокрым снегом как зарядил с ночи, так и не прекращался. Прыгая через лужу, Чолли поскользнулся и едва не упал. Обложив от души лужу, погоду и всю эту чёртову Империю, он вбежал в барак. Набитый курильщиками тамбур встретил его гомоном и дымом. Обычно Чолли задерживался поболтать и подышать даровым дымом, но сегодня он сразу продрался в свою казарму. Не до того сейчас. Маршрутный лист, заветная маршрутка на руках. И решилось-то всё в момент. Даже не ждал и не думал. С Найси, тьфу, Настей не советовался, ну, да она всегда говорила, что как он решит, так и будет. Он и решил.

Пока шёл по проходу, успокоился и в свой отсек зашёл тихо. Светка и Мишка спали, а Настя, сидя на своей койке, кормила Маленького. Чолли аккуратно, чтобы не задеть её мокрой курткой, разделся и сел рядом. Маленький уже наелся и засыпал, вяло причмокивая.

– Налопался, – улыбнулся Чолли.

– Ага, – ответно улыбнулась Настя.

Она осторожно высвободила сосок и положила Маленького на подушку.

– А я ему имя дала. Мне присоветовали. Павел. А так – Паша. Ты как?

– Хорош, – кивнул Чолли. – Сегодня после молока пойдём, метрики выправим, тебе удостоверение надо поменять и это... свидетельство о браке.

Настя кивнула.

– А чего так спешно?

– Я маршрутку получил, – небрежно, словно это было самым обычным делом, ответил Чолли.

Настя охнула и даже руками всплеснула.

– Ой, а едем-то когда?

– Завтра. С утра новых привезут, и нас до границы подбросят. А там на поезде.

– Ой, Чолли... – Настя смотрела на него испуганными расширенными глазами. Чолли покровительственно улыбнулся ей и, слегка подвинувшись, обнял за плечи.

– Всё будет хорошо. Обещают работу и дом. Представляешь, целый дом. Даже если такой, как был...

– Ох, если бы такой же, – вздохнула Настя, кладя голову ему на плечо.

Чолли только крепче прижал её к себе. Он тоже это помнил. Как он в первый раз ввёл её в дом. Свой дом. Чолли

даже снова ощутил запах древесины...

...Он за руку ввёл Найси, да, тогда ещё Найси, в дом и усадил на занимавшую полкомнаты кровать. На другой половине теснились камин, стол и табуретка, оставляя небольшое пространство между камином и кроватью. В камине решётка для кофейника и кастрюль, на столе две миски, две кружки, две ложки, на камине начищенные кофейник и котелок, у двери на полу лоханка для грязной воды и на чурбаке ведро с чистой водой. С другой стороны двери вбит гвоздь для куртки. На кровати набитый соломой тюфяк, такая же подушка и жёсткое колючее, совсем не вытертое одеяло. И над столом полочка, где он держал хлеб, кофе, крупу.

– Это... это всё твоё? – замирающим голосом спросила Найси.

Он кивнул и, разрывая сдавившую горло судорогу, сказал:

– Теперь и твоё. Ты – моя жена. Что моё, то и твоё.

Найси испуганно посмотрела на него и заплакала. Он обнял её, прижал к себе, и они так и сидели, пока она не успокоилась. А потом... Потом он развёл огонь в камине, и Найси поставила на решётку кофейник и котелок с кашей. И это был их первый обед в своём доме...

...Чолли вздохнул, словно просыпаясь. Да, было хорошо. И он ни о чём не жалеет. А как будет? Пусть будет как будет. На конном заводе конюхом, табунщиком, простым рабочим он сможет. Дом с участком. Даже такой маленький, какой был у него, нет, у них, так уже хорошо. А ещё ссуды,

о которых говорил тот седой, председатель, да, безвозвратные, беспроцентные... купить дрова, одежду, картошку или крупу... нет, первое время будет, конечно, тяжело, но если разрешат держать свою скотину...

– Корову надо, – сказал он вслух.

– И кур, – согласно вздохнула Настя. – И ещё поросёнка.

– Это уже на тот год, – решительно сказал Чолли. – В этом, дай бог, картошки с крупой чтоб хватило. А с весны... участок обещали. Семена я уж найду.

– Да уж, – Настя теснее прижалась к нему. – Ты только вскопать помоги, а там я уж сама. Ты ж работать будешь.

Чолли кивнул, упираясь подбородком в её макушку.

– Сколько б ни платили, всё будет больше, чем у этой сволочи.

– Не вспоминай о нём, – попросила Настя, – Не надрывай сердца. Не стоит он того, чтобы ты о нём помнил.

Чолли погладил её по плечу и улыбнулся.

– Ладно, так и быть. Буди малышню, слышишь, шумят уже.

Действительно стало шумно: детей будили и одевали на молоко. Чолли отпустил Настю. Она поправила ворот тёмной рабской кофты, закрывая грудь, и встала. Наклонилась над малышами.

– Майки, Свити, – и тут же поправилась: – Мишка, Светка, просыпайтесь.

Пока она будила и одевала малышей, Чолли сидел, при-

слонившись затылком к кроватной стойке, и слушал. Её голос и детский лепет. Но не слова. Что там они болтают и что говорит им Настя, ему неважно. Это его семья. Его жена, его дети. Их он спас. И дальше будет спасать. И на всё пойдёт ради них. Уже одетый Мишка полез к нему на колени, ткнулся кудрявой головкой в его подбородок. Чолли рассмеялся и, поставив Мишку к себе на колени, боднул его головой в живот. Мишка залился довольным смехом.

– Окс, окси! – тут же по-русски: – Бы-ы-ык!

«И когда только успел узнать, шельмец?» – удивился Чолли.

Светка вырывалась, выкручивалась из рук Насти, стремясь к ним. Ей тоже хотелось играть в быка. Чолли пободал и её. Настя надела на босу ногу сапоги и потуже затянула ворот кофты.

– Ну-ка, пошли, а то опять осрамитесь.

Оторвав детей от Чолли, она повела их в уборную. Когда за ней опустилась занавеска, Чолли встал, из-под своего тюфяка в изголовье вытащил сумку с документами, вынул из куртки и вложил в сумку маршрутный лист. Эту маленькую плоскую сумку на шнурке сшила ему Настя уже в городе. Для денег. После того, как у него вытащили из кармана штанов дневной заработок. Вора он поймал и избил, но мальчишка успел скинуть деньги друзьям. И сутки они сидели голодные. Детей, всех троих, Настя грудью кормила, а молока не хватало. Сам он кипятком перебился. Ладно. Было и про-

шло. Он надел сумку на шею и заправил под рубашку. Затянул завязки на вороте. Позор, конечно, что он до сих пор во всём рабском, но это Морозу можно франтом ходить с его-то заработками и белой женой. И ребёнок там один. Одного и одеть, и прокормить несравнимо легче. А Тим, хоть и тоже зарабатывал, дай бог, но ведь явно ходит в старом. Чолли поправил сумку, чтоб не выпирала под рубашкой. Закряхтел во сне Маленький, и он наклонился к ребёнку, осторожно взял на руки. Па-вел. Похоже на Пол, но, конечно, пусть будет по-русски. Па-ша. Паша. Хорошо звучит, молодец Настя. Он покачал Пашу и сел на койку, по-прежнему держа его на руках. Восемнадцать детей у него было, этот – девятнадцатый. И ещё двоих он спас. И у него будут ещё дети. Настя и он ещё молоды. У них будет много детей.

Вошла Настя, ведя за руки Мишку и Светку, и стала их одевать уже для выхода.

– Столько всего надарили, – смеялась она, – что всего сразу и не наденешь.

Чолли кивнул. Им и в самом деле надарили. Для Мишки, для Светки, для... Паши. Он сначала не хотел брать, но седая женщина, что принесла две голубые распашонки и чепчик с оборочкой, сказала:

– Что с добром дают, на добро и будет, – и добавила: – Придёт час, и ты кому другому поможешь. Чтоб добро дальше пошло.

И он согласился.

Одев детей, Настя уложила крепко спящего Пашу под одеяло: нечего его по дождю таскать. Наелся и пусть спит. И стала одеваться сама.

– Не свалится? – спросил Чолли, вставая и сдёргивая с крючка свою куртку.

– Да нет, он крепко спит.

Настя застегнула свою куртку и повязала выцветший рабочий платок уже по-русски, как большинство женщин в лагере.

– Ну, пошли?

– Пошли, – решительно кивнул Чолли.

Выходя из отсека, Настя оглянулась на Чолли и храбро улыбнулась ему. Чолли благодарно кивнул.

По узкому проходу они прошли в тамбур, где смешались с общей толпой. Чолли уже не меньше половины знал в лицо. Но... но завтра они уже уедут.

Во дворе их встретил тот же мокрый снег, но ветер утих, и большие хлопья мягко опускались на землю. Дети весело гомонили и ловили их, выставляя ладошки, но взрослые хмурились. Чавкающая под ногами масса пропитанного водой снега пугала их, напоминая о старой многократно чиненной обуви. С обувью хуже всего. С одеждой ещё исхитриться как-то можно, а с обувкой – полный швах... Многие несли детей на руках.

Чолли тоже взял Мишку и Светку на руки и удивлённо присвистнул. А в ответ на встревоженный взгляд Насти

улыбнулся.

– Потяжелели как. Ты их за раз обоих не бери больше.

– Так растут же, – улыбнулась Настя. – На таком-то пайке. Грудь уже не берут больше, всё Паше идёт.

– И правильно, – кивнул Чолли. – Им здесь молока много наливают?

– Во кружка, – показала Настя.

У дверей столовой Чолли спустил детей на землю, Настя взяла их за руки и повела внутрь. А Чолли отошёл к одной из кучек родителей.

– Чолли, – окликнул его Иван, с которым ездили тогда за фруктами, – ты, что ли, завтра до Городни на автобусе?

Знакомые русские слова – завтра, Городня, автобус – позволили Чолли кивнуть.

– Да, – и тщательно выговаривая русские слова: – Ты тоже?

– Ну да. Да ещё и вон Васька. Василий, – Иван позвал высокого костлявого мужчину в синей куртке угнанного. – Ты ж едешь завтра?

– Оно и есть, – подошёл к ним Василий. – До Городни обещали подбросить. А что?

– Ну, вот и гляди, – кивнул Иван. – Считай, пол-автобуса наши. Да ещё одиночек могут добавить.

– Это твою, что ли? – хмыкнул Василий.

Чолли понимающе ухмыльнулся. Иван развёл руками.

– Подловили! Зарегистрировались вчера.

– Ну-у?! – хохотнул Василий. – Двойной магарыч с тебя, значит.

Чолли невольно поёжился. Напоминание о необходимости выставить отвальную неприятно царапнуло. Но если по Василию судить... не у него одного эта проблема.

– А от Городни?

– Там на поезде.

– Все, что ли, в Ополье?

– Ополье велико. Ты куда?

– На Турово. Туровский конный завод, – старательно выговорил Чолли.

– Что, конюхом?

Чолли кивнул.

– Конюхом, объездчиком... да кем поставят. Сказали просто: работа.

– Что ж, тоже дело.

– А жильё?

– Обещают дом. И участок.

– Ну, совсем хорошо. А ты?

– Я под Марьино. Там хозяйства большие, зерновые. Люди нужны. Так что устроиться можно.

Чолли перевёл дыхание. Их много, все в одном автобусе и потом вместе. Наверное. Уже легче. И об отвальной никто не говорит. Да и кому ему отвальную ставить? По-настоящему, так только Морозу и Тиму. Но Мороз уже где-то в России, а Тим сейчас к пожарке не ходит. Так что к Тиму он прямо в

отсек зайдёт попроситься.

За разговором время прошло незаметно. Из столовой выбегали дети. Чолли встретил Настю и забрал у неё Мишку и Светку.

– С ними и пойдём? – с сомнением спросила Настя.

– Их одних же не оставишь, а сказали, чтоб мы вместе пришли, – ответил Чолли, перешагивая через лужу. – Ты краем обойди, не мочи сапоги зазря.

– Ага, ага, – Настя почти бежала за ним: так быстро он шёл.

У дверей административного корпуса они столкнулись с двумя индейцами из той пятёрки. Чолли шёл прямо на них, и они посторонились, уступая ему дорогу. Настя опасливо спряталась от их взглядов за спину мужа. Чолли прошёл, не глядя. Халявщики, ш-шакалы. Которую неделю сидят на дармовом пайке, ждут, какое племя их признает. Да на хрен они кому нужны, ещё думать о них...

Когда за Чолли с Настей закрылась дверь, Копчёный разжал губы.

– Ишь, нос дерёт. Не иначе, как визу получил.

– Плюнь, – Большой Джим обшаривал карманы в поисках сигареты. – Хреновый он индеец. Как и тот... красавчик.

Поиски завершились находкой окурка, что привело Большого Джима в благодушное настроение. Копчёный, увидев окурочек, забыл о Чолли и том красавчике, что подцепил беляшку и укатил в Россию. То всё неважно, а вот находка...

Закон требует всё делить поровну, а здесь как раз на две хорошие затяжки. Чёрт, ведь всего досыта, а курева – две пачки на неделю, и хоть ты сдохни, а пачка хорошему курильщику на два дня – самое большое.

Снег прекратился, и тонкий белый покров на глазах темнел, пропитываясь водой. И когда Чолли с Настей вышли из административного корпуса, двор опять был серым, мокрым и сумрачным. Чолли взял детей на руки и уже спокойно – ни дождя, ни ветра нет, укрывать их пока не от чего – они пошли к своему бараку. Мишка и Светка, сидя на его руках, вертели головами, насколько им позволяли окутывающие их платки, рассматривая всё вокруг.

– Я вперёд побегу, – сказала Настя. – А то там Ма... Паша один.

– Беги, – кивнул Чолли. – А мы пройдемся.

И продолжил идти не спеша.

– Машина, – вдруг заявил по-русски Мишка, показывая на выезжавший из-за хозблока к воротам грузовик.

– Верно, сынок, – по-русски ответил Чолли. – Машина.

– Машина, – тут же сказала и Светка и, увидев идущего навстречу коменданта. – Дядя.

– Дядя, – согласился Чолли и чуть крепче прижал детей к себе.

Комендант улыбнулся им и остановился. Остановился и Чолли.

– Автобус после завтрака будет, – комендант говорил мед-

ленно, давая успеть понять русские слова. – Тогда и отсек сдашь.

Чолли понял.

– Да, после завтрака. Спасибо.

– Не за что.

Комендант улыбнулся серьёзно глядящим на него малышам и пошёл дальше. А Чолли зашагал к их бараку.

– Дядя ха’оший? – с сомнением в голосе спросил по-русски Мишка.

– Да, – убеждённо ответил Чолли. – Этот хороший.

Кто-то придержал ему дверь, пока он входил.

– Спасибо, – сказал по-русски Чолли.

И по-русски же, тщательно выговаривая ещё явно непривычное слово, ему ответили:

– По-жа-лу-йс-та.

В тамбуре Чолли опустил детей на пол: дым-то поверху, чего им его нюхать.

– Привет, – окликнул его Тим. – Уезжаешь, слышал?

– Привет, – кивнул Чолли. – Завтра, после завтрака.

Они говорили, перемешивая русские и английские слова.

Как и большинство вокруг.

– До Рубежина?

– Нет, я же в Ополе. Туда через Городню. До самой границы на автобусе обещали.

– Удачно.

– Н-ну! Как твои?

– Завтра врач придёт, посмотрит, – Тим усмехнулся. – Прыгают, лежать не хотят.

– Значит, здоровы, – авторитетно сказал Чолли.

– Совсем у мужиков ума нет! – вдруг обрушилась на них какая-то женщина. Лицо её показалось Чолли знакомым, но имени он вспомнить не смог. – Что ж ты их на сквозняке, да ещё в дыму держишь?! Вот доверь мужику дитё, а ему лишь бы язык почесать!

Чолли и Тим, внешне не обращая на неё внимания, закончили разговор и разошлись по своим казармам.

Россия

Рубежин – Иваньково

Поезд шёл, останавливался, снова шёл. Сквозь сон Эркин чувствовал эти остановки, слышал чьи-то шаги и голос проводника:

– Ну, куда я вас... и так под завязку... лезьте на третью и чтоб без звука... а литер твой где?.. Давай, давай по-тихому, пропись сначала... всё-всё, чтоб я тебя не видел и не слышал, летун... Не видишь, что ли... давай сюда, дочка, здесь поспокойнее...

Слышал, но не просыпался, смутно ощущая, что его это

не касается, что ни Жене с Алисой, ни ему это никак не угрожает. А на одной из остановок его почти разбудил какой-то странный шорох, будто кто-то скребётся о стенку вагона. Он даже приоткрыл глаза и приподнял голову, но в вагоне было темно, а шумный храп и чьи-то голоса сразу заглушили этот шорох. Эркин уронил голову на подушку и опять заснул.

Первой проснулась и забарахталась, пытаясь добраться до окна, Алиса. И разбудила Женю.

– Тише, Алиса, – Женя села, протирая глаза. – Перебудишь всех.

– Ну, мам, уже утро, – возразила Алиса и ойкнула: – Ой, мама! Что это?!

Вагон заливал мягкий и очень... светлый свет, не солнечный, а какой-то... белый. Женя повернулась к окну. И увидела белую равнину до горизонта. И белое небо. Снег? Да, ну конечно, это же снег.

– Это снег, Алиса.

– Так много? – удивилась Алиса. – А почему он не тает?

– Потому что зима, – ответила Женя.

Она посмотрела на часы и ахнула. Господи, уже десятый час, уже день. Надо привести себя и Алиску в порядок. А Эркин? Женя встала и посмотрела на верхнюю полку. Эркин лежал на спине, закинув руки за голову, и спал. Женя сразу отвела глаза, зная, как легко будит его её взгляд. Спал и Владимир, лёжа на своей полке, и ещё кто-то на второй верхней.

Алиса сидела и смотрела в окно, а Женя, стараясь не шу-

мать, сложила одеяло, закатала его вместе с подушкой в тюфяк и поставила получившийся рулон в угол за спиной Алисы.

– Мам, я лучше сяду на него. А то плохо видно.

– Хорошо, – согласилась Женя. – Но сначала умоемся.

Она взяла полотенце, подождала, пока Алиса обуеться, и повела её в уборную.

Вагон спал. Храп, вздохи, сонное бормотание, свисающие с верхних полок угол одеяла или пола шинели... а уже возле двери в тамбур с уборной им встретился проводник.

– Доброе утро, – улыбнулась Женя.

– И вам доброе, – ответно улыбнулся он, встопорщив серо-жёлтые от седины и табака усы. – Чай будете брать?

– Да, спасибо, – кивнула Женя.

– Придёте тогда ко мне. Но кружки свои берите, стаканов нет.

– Хорошо, – согласилась Женя.

В уборной было чисто и совсем не чувствовался запах спиртного. Женя умыла Алису, привела её в порядок и, велев ждать её снаружи и никуда не уходить, занялась собой.

Эркин потянулся во сне и, повернувшись набок, едва не упал. Он открыл глаза и сразу зажмурился: таким белым был заливавший всё свет. Что это? Кафель?! Опять... он даже застонал от этой мысли.

– Что? – насмешливо сказали по-русски. – Голова болит после вчерашнего?

Русская речь успокоила Эркина, и он снова открыл глаза. Да, это вагон, вон спит Владимир, а кто ж ему сказал?

На верхней полке напротив него круглое и, несмотря на красноватый загар, белое лицо, щедро усыпанное веснушками, короткие светлые, как выцветшие, волосы, круглые светло-синие глаза... но это же женщина! В форме. И шинель вместо одеяла. Эркин поглядел вниз и, увидев, что нижняя полка уже пуста, постель убрана, а Жени с Алисой нет, сел на своей полке, едва не стукнувшись о верхнюю полку, откуда слышалось чьё-то многоголосое посапывание. Застегнуть джинсы и намотать портянки было минутным делом. Перегнувшись, Эркин достал из-под столика свои сапоги, обулся и спрыгнул вниз. Рубашку он ни застёгивать, ни заправлять не стал: всё равно сейчас в уборную пойдёт, обтираться будет. И постель сворачивать не стал, только расправил и уложил ровным слоем одеяло. Женщина по-прежнему наблюдала за ним, но этот взгляд не тревожил. Ему стыдиться нечего. Вошла Женя с Алисой и ахнула, увидев его.

– Ты уже встал? Мы разбудили тебя?

– Нет, я сам проснулся.

– Ага, ты тогда иди, умойся, там сейчас никого народу нет, и завтракать будем. Я чаю сейчас у проводника возьму, горячего, – быстро и радостно говорила Женя.

Эркин кивнул, вытащил из мешка своё полотенце и взял у Жени мыло.

То ли поезд шёл ровнее, то ли он вчера пьяный был, а

за ночь проспался, но шатало его гораздо меньше. Он прошёл по заполненному белым светом и, несмотря на многоголосый храп, тихому вагону в уборную. Где с наслаждением скинул рубашку и обтёрся до пояса холодной водой, а потом долго полоскал рот. Нет, пьяным он себя не чувствовал, и не скажешь, что во рту неприятно, вот тогда в Бифпите, они как-то с Андреем выпили, вернее, напились, никак нельзя было отвертеться, нет, ещё раньше, на перегоне, да, когда спустились на основную дорогу и встретились с остальными цветными пастухами, вот тогда они напились, еле до своего костра добрались, и Фредди им ещё сказал, чтоб с головой не заворачивались, а то от собственного перегара задохнутся... И как всегда воспоминание о Фредди заставило его нахмуриться. Он ещё раз умылся, растёр лицо и торс полотенцем, встряхнул несколько раз рубашку и оделся. Застегнув все пуговицы, кроме самой верхней у горла, он заправил её в джинсы и оглядел себя в зеркало. Нормально. Рубашка тёмная, долго не занашивается. И ничего-то ей не делается, удачно он её тогда в имении прихватил. Кто-то тронул ручку двери, и Эркин понял, что пора уходить. Он открыл дверь и вышел. Да, вовремя он успел, уже трое в очереди и ещё подходят.

Когда он вернулся в свой отсек, на третьих полках ещё спали, во всяком случае, оттуда доносились сопения и похрапывания. Владимир уже проснулся, но ещё лежал под одеялом. На столе дребезжали кружки с дымящимся чаем, а Женя делала бутерброды, выскребая из банки остатки ту-

шёнки.

– С добрым утром, Эрик, – оторвалась от окна Алиса.

– И тебе с добрым, – улыбнулся Эркин, забрасывая полотенце и мыло в сетку над своей полкой. – И всем доброе утро.

– Доброе, – кивнул Владимир. – Конечно, доброе, – и улыбнулся: – по России едем.

Он завозился под одеялом, потом откинул его и сел уже одетым. Только ворот гимнастёрки расстёгнут.

– Разбудила она вас, – виновато улыбнулась Женя.

– Эх, сестрёнка, – Владимир с ласковой укоризной покачал головой, – да от детского смеха проснуться – это, знаешь, какая радость. Ты сала ещё порежь, чего ему лежать, я мигом обернусь.

Он подобрал костыли, встал, неожиданно ловко и быстро застелил свою постель, взял из мешка полотенце, повесил его себе на шею и вышел.

– Эрик, – позвала Алиса, – смотри, сколько снега, и, знаешь, он, ну, совсем-совсем, не тает.

Эркин отобрал у Жени свой нож, с вечера так и лежавший под кирпичом хлеба, и стал резать сало.

– А для Владимира чай есть?

– Да, вон стоит. Алиса, не хватай, горячее.

– Мам, а это что? Ну, вон там.

– Это? – Женя посмотрела в окно. – Это церковь.

Поднял голову и Эркин. Поезд шёл медленно, и он успел увидеть.

– Это... её разрушили, – сказала Женя, почувствовав его удивление.

– Опять война?! – возмутилась Алиса.

– Она самая, – сказал, входя в отсек Владимир. – Была, да вся вышла.

Они расселись как вчера: Владимир к окну, Женя рядом с Алисой, а Эркин рядом с Владимиром. Но только взяли себе по бутерброду, как вошла с дымящейся кружкой в руках светловолосая и веснушчатая женщина в военной форме. Она остановилась, явно отыскивая место для своей кружки на заставленном едой столике. Эркин тут же встал, уступая ей место, а Владимир улыбнулся:

– Садись, сестрёнка, братишкой будешь.

К удивлению Эркина и Жени, это предложение явно обрадовало женщину. Видно, «братишка» означало что-то, чего ни он, ни Женя – Эркин это понял, быстро поглядев на Женю – не знали. В конце концов, всё утряслось. Эркин теперь сидел у окна, Алиса у него на коленях, Женя рядом, а «братишка» – оказалось, её зовут Олей – рядом с Владимиром. У Оли был с собой такой же, в принципе, набор, что и у Владимира, и стол теперь ломился от еды. От водки Оля отказалась, съязвив:

– Мне похмеляться незачем.

– Об чём речь, – хмыкнул Владимир. – Не об опохмелке разговор идёт.

– Если вам лишнее, мы поможем, – сказали вдруг сверху.

Все подняли головы и увидели свесившуюся совсем мальчишескую чумазую мордашку и вихрастые давно не стриженные волосы.

– Ты откуда такой прыткий? – удивился Владимир.

– Из Рогожкина, – весело ответил мальчишка. – А едем до Кулькова. И обратно. Жратву в пузе перевозим.

– А грузоперевозки по льготному тарифу, – засмеялась Оля.

– Приятно с понимающим человеком поговорить. Так как насчёт помощи? Мы вам в момент очистим.

– Сколько вас, трое? – Оля сложила три бутерброда стопкой и протянула наверх. – Хватит?

– С такого-то стола могло и побольше отломиться. Но мы не гордые, спасибо и на этом.

Сверху протянулась грязная, по-мальчишески тонкая в запястье рука и взяла бутерброды.

Эркин сидел, опустив глаза. Он не любил и презирал шакалов. Но не спорить же. И в России, может, другие порядки. Он-то не знает. Наверху аппетитно и смачно чавкали.

Подошёл проводник, кивнул им и посмотрел наверх.

– Так, в Олсуфьеве проверка, выметайтесь, пока перегон тихий.

– Ага-ага, спасибо, дяденька, – загомонили наверху. – За нами не пропадёт, не боись, мы на добро памятливые.

Трое мальчишек в грязных, зашитых вкось и вкривь, похожих на рабские куртках попрыгали вниз и выбежали. По-

следний – самый маленький – успел схватить со стола круг колбасы и крикнуть:

– На здоровье, тётеньки!

Владимир покачал головой, а Оля неожиданно грустно сказала:

– Что с них возьмёшь? Война всё.

– Да, – вздохнул Владимир, – всё война, – и ответом на взгляд Эркина: – Ни кола, ни двора, ни родного человека рядом. Всё война взяла. Думаешь, шпана поездная? Оно и так, и не так. Некуда им ни деться, ни приткнуться. И для работы малы, и для приюта велики.

– По устному... договору с двенадцати лет работают, – нехотя сказал Эркин, в последний момент заменив английский «контракт» русским «договором».

– Да кто их, мальцов, наймёт, – вздохнул Владимир. – Да ещё зимой.

Поезд шёл медленно, за окном тянулась белая равнина, но Эркин уже пригляделся и видел вмятины и рвы.

– Воронки? – спросил он Владимира, кивком показывая на окно.

Тот понял и кивнул.

– Воронки, окопы... погуляла здесь война... вволюшку.

Оля внимательно посмотрела на Эркина и спросила:

– Ты где жил, что войны не видел?

– В Алабаме, – ответил Эркин и пояснил: – Туда война не дошла.

Оля улыбнулась, и её лицо стало очень мягким и совсем не насмешливым.

– Странно даже, – и посмотрела на Владимира. – Правда? Тот, внимательно глядя на Эркина, кивнул.

– Своего, небось, хлебнул?

– Мало не было, – сдержанно ответил Эркин.

– Ладно, – тряхнула головой Оля. – Было да прошло.

Женя, державшая под столом Эркина за руку, перевела дыхание.

Утолив первый голод, пили чай уже не спеша, для удовольствия. Алиса, сунув за щеку конфету, смотрела в окно. Вагон наполнялся шумом, взад и вперёд мимо их отсека проходили люди. Шёл неспешный, совсем уже спокойный разговор. И взгляды Оли не раздражали Эркина. В конце концов, это не опасно, теперь не опасно. Владимир заметил и её взгляды, и непоказное равнодушие Эркина, и его улыбка стала на мгновение сочувственно-грустной.

– Нет, – Оля вертела в руках кружку с остывающим чаем. – Нет, у меня родни навалом, найду, куда приткнуться.

– Приткнуться несложно, а вот жить чтобы, – Владимир вздохнул, – это с кондачка не решишь.

– Да, – кивнул Эркин, – это быстро решать нельзя.

– Не понравилось, так и уехать – не проблема.

– Одному, да, – согласился с Олей Эркин. – А с семьёй надо прочно на место садиться.

– Да уж, с ребёнком на руках не побегаешь, – вздохнула

Оля.

– Я так в беженстве намучилась, – кивнула Женя. – Алиска ещё маленькая совсем... господи, вспомнить страшно.

– А ты, сестрёнка, не вспоминай, – посоветовал Владимир. – Помнить хорошее надо.

– Плохое само помнится, – усмехнулся Эркин.

Алиса, занятая окном, казалось, совсем не слушала их. Но Эркин уже заметил, что всякий раз, когда он что-то говорил, Алиса быстро и внимательно оглядывалась на него.

Вагон уже шумел по-вчерашнему. Но белый свет за окном делал этот шум мягче. Окно запотевало, и Алиса протёрла его ладошкой.

– Алиса, – укоризненно сказала Женя.

Алиса посмотрела на свою, ставшую чёрно-серой, руку и обречённо вздохнула.

– Да-а, я так ничего не вижу.

– А тут и смотреть не на то, – утешил её Владимир.

– Да?! – возразила Алиса. – Я столько снега никогда не видела. И он не тает. Вот!

Владимир засмеялся и закурил.

– Это ещё не самый снег. Так, пороша легла.

– Зазимок, – улыбнулась Оля. – Зима впереди.

– Долгая осень нынче, – Владимир отвернулся от окна. – Декабрь в начале, а снегу толкового ещё нет. Что-то не торопится зима.

– В январе наверстает, – отмахнулась Оля.

Поезд стал замедлять ход, и под окном медленно подплыла белая платформа.

– Олсуфьево? – спросила Оля.

– Больше нечему. Браток, – окликнул Владимир проходившего мимо их отсека проводника, – долго стоим?

– Сиди, – бросил тот на бегу. – Проверка.

Эркин сидел спокойно, во всяком случае, внешне. В самом деле, документы у них в порядке, ничего незаконного нет. Беспокоиться не о чем.

– Ваши документы... возьмите... ваши... ваш литер... предписание... возьмите... ваши...

Вагон притих. Ответов не слышно, только казённо-равнодушные голоса проверяющих. Владимир и Оля достали свои документы.

– Женья, пакет у меня в куртке, – ровным голосом сказал Эркин.

Женья кивнула и встала. Сняла с верхнего крючка его куртку и вынула из внутреннего кармана пакет. Когда у их отсека остановились трое военных с большими блестящими знаками патруля на груди, она протянула им весь пакет. Но, оказывается, были нужны только удостоверения и маршрутный лист. У Оли и Владимира так же документы проверили быстро. Вещи не смотрели, обыска не было, ну... ну, ничего страшного, а сердце где-то у горла дрожит. Когда патруль пошёл дальше, Женья улыбнулась Эркину и спросила Владимира:

– А кого они ищут?

Тот пожал плечами, пряча свои документы в нагрудный карман.

– А бог их знает, сестрёнка. В войну дезертиров искали, уклоняющихся, а сейчас...

– И сейчас то же самое, – усмехнулась Оля. – Долавливают, кого раньше упустили, – и насмешливо посмотрела на Эркина.

Эркина это не тронуло. Он ещё в лагере слышал, что пока ты репатриант или беженец, ты без гражданства и об армии речи нет. Он взял со стола бумагу от пайкового пакета, скомкал её и протёр окно, чтобы Алисе не было скучно. Да и самому интересно.

Поезд уже тронулся. Поплыл назад перрон с тёмным истоптанным снегом, домик с белой крышей... заборы из неровно обрезанных кольев и досок... серые низкие домики с белыми крышами, из труб поднимались дымки... деревья, тоже присыпанные снегом... совсем рядом ещё одна колея... мужчины в похожих на рабские куртках и меховых шапках что-то делают, что – не успел разглядеть. Поезд шёл всё быстрее. Вагон начинало потряхивать и раскачивать. Нарастал и шум в вагоне, снова слышались громкие разговоры, смех, обрывки песен.

– Проспались, – улынулся Владимир. – Теперь до Ново-зыбкова без остановок.

– А там? – спросила Женя.

– Там час простоим, – Владимир подмигнул Алисе. – Погуляем по снежку, на рынок ходим.

– И большой рынок? – заинтересовалась Женя.

– К поезду выносят, – ответила Оля. – Я тоже пойду. Надоело в форме ходить.

– А там и вещи есть?

Оля кивнула.

– Там вяжут все, так что варежки там, свитера, или ещё что.

– Новозыбковские вязальщицы славятся, – кивнул Владимир.

Женя задумчиво кивнула, явно что-то прикидывая в уме.

Эркин посмотрел на неё и спросил:

– Они, эти вещи, очень дорогие?

– Ручные вещи всегда дороги, – ответил Владимир и улыбнулся. – Но не дороже денег.

Эркин кивнул, что-то решив. Владимир понимающе усмехнулся, но промолчал.

– Дорого, конечно, – вздохнула Оля. – А платок лучше ореньский. Город есть такой, Орень. Уж там вяжут... не из шерсти, из пуха. Лёгкие... как паутинка, а жаркие. А ещё в Печере Кукары, город такой есть, там кружева вяжут...

Женя заинтересованно слушала, спрашивала, и как-то так получилось, что Оля пересела к Жене, и они затараторили о своём. Владимир подмигнул Эркину, и Эркин улыбнулся в ответ. Да, он знает: женщины любят говорить о нарядах.

Женя довольна, так что и ему хорошо. Оренский платок. Надо запомнить. Конечно, это очень дорого. Но он купит такой платок Жене. Когда-нибудь. Когда устроятся, он заработает денег, поедет в этот город Оренъ – конечно, поедет, он же свободный человек, может ехать, куда хочет – и купит. А сейчас... посмотрим, конечно, но пока деньги надо приберечь... хотя если что стоящее и нужное...

– О чём задумался, браток? – негромко спросил Владимир.

– Деньги считаю, – ответил захваченный врасплох, Эркин.

– Стоящее занятие, – хмыкнул Владимир и уже по-серьёзному заинтересованно спросил: – Хорошо зарабатывал?

– Как сказать, – Эркин даже брови свёл на мгновение, обдумывая, как ответить. – Так я на мужской подёнке крутился, там заработки плохие были, но летом я пастухом нанимался, на всё лето, пастьба с перегонюм, там я хорошо заработал. По-настоящему хорошо. Больше двух тысяч привёз.

– Ого! – искренне восхитился Владимир. – Но и поломаться, небось, пришлось?

Эркин кивнул.

– Да, досталось, конечно. Но заработали. Я с братом ездил.

И помрачнел, вспомнив Андрея.

– У брата... остался кто? – спросил Владимир и, увидев непонимающий взгляд Эркина, пояснил: – Ну, девчонка у него была?

Эркин кивнул.

– Она уехала уже, – и, чтобы Владимир не подумал чего, добавил: – Ей виза раньше пришла.

– Не тяжёлая была? – тихо спросил Владимир.

Эркин, не сразу сообразив, мотнул головой.

– Нет.

– Обошлось, значит, – кивнул Владимир и задумчиво сказал: – А может, и жаль. От человека след на земле – дети его.

Эркин на мгновение опустил ресницы. Он понимал, что его не хотят обидеть, ведь никто здесь не знает, кто такие спальники, не знает, что с ними, с ним, сделали. Понимал, но каждое упоминание о детях больно задевало его, и только воспоминание об Алисе удерживало, помогало пропускать такое мимо ушей, будто к нему это совсем не относится. И потому он только чуть подвинул сидевшую у него коленях Алису, чтобы ей было удобнее, и тогда смог улыбнуться. Алиса быстро внимательно посмотрела на него и прижалась, положив голову на его плечо. Эркин сглотнул подступивший к горлу комок и спросил:

– Спать хочешь?

– Не-а, – покачала головой Алиса. – Я смотрю. Эрик, а это что?

Но ответил Владимир.

– Ёлка это.

– Да-а? – удивилась Алиса. – А они взаправду бывают? Не на картинке?

– Ты ж видишь, – улыбнулся Владимир. – Значит, бывают.

– Ага, – понимающе кивнула Алиса. – Что видишь, то и бывает.

– Ну, молодец, – расхохотался Владимир. – Ну... ну, философ!

Проверяя, нужно ли ей обижаться на незнакомое слово, Алиса посмотрела на Эркина. Эркин тоже не знал этого слова, но тон Владимира исключал обиду, и он рассмеялся вместе с ним.

Алиса, прижимая палец к стеклу, спрашивала то об одном, то о другом. Эркин, а чаще Владимир отвечали ей. Женья с Олей говорили о своём, до Эркина долетали малопонятные обрывки фраз о складках, вставочках и гесках... но голос у Жени весёлый, так что беспокоиться не о чём. И он с не меньшим, чем у Алисы, интересом рассматривал заснеженные деревья, дома и особенно внимательно людей. Все мужчины в меховых шапках, похожих на те, в которых в лагере ходила охрана, как их, ах да, ушанки, да, и у Владимира такая же, может... да, тёплая шапка нужна, он в рабской шапке зимой мёрз, если снег залёживался, а здесь... вон все говорят, что это ещё не зима. Так что же зимой будет? И... и рукавицы нужны, да, что ему нужно, так рукавицы, как их ещё называли? Ва-ре-ж-ки. В лагере говорили: вязаные варежки, а сверху кожаные или брезентовые рукавицы. Ну, верхние он и сам сошьёт, если что, а вязаные купит. Если не слишком дорого, конечно. А женщины в платках, толстых, у Же-

ни шаль тонкая, Жене тоже платок нужен, тёплый. И Алисе... Это что, они все деньги на этом рынке оставят? Нет, так тоже нельзя.

– Эрик, лошадка!

Поезд обгонял рыжую светлогривую лошадь, запряжённую в сани. Разглядеть запряжку Эркин не успел. И опять заснеженные поля или луга, вмятины воронок и окопов. Щебет Алисы, весёлая певучая скороговорка Жени за спиной, ровный шум голосов, к которому он успел привыкнуть в лагере... Эркин вдохнул запах от волос Алисы, очень чистый, очень... он не смог подобрать слово, да и не искал его.

Владимир курил, молча глядя на него и ловко пуская дым вверх, чтобы не беспокоить Алису. Эркин чувствовал этот взгляд, внимательный, но... но без злобы или неприязни, и не беспокоился. Ему вообще было очень спокойно.

Рядом с поездом появилась ещё пара рельсов, и ещё, возникли заборы, невысокие штабеля шпал. «На станцию въезжаем», – догадался Эркин. Да, вон и склады, такие же, как в Джексонвилле. Точно – станция. Поезд всё больше замедлял ход, под окна подплывал заснеженный перрон.

– Новозыбково, – громко сказал кто-то.

– Час стоим, – откликнулись с другого конца вагона. – Айда гулять, мужики!

– Много ты нагуляешь с пустым карманом!

– Сколько есть – всё моё!

– А фронтовику со скидкой!!

– Иди, фронтовик, форму без году неделя таскает и фронтовик.

– Год как война кончилась, верно.

– Давай-давай, застрял он, понимаешь ли...

Под этот весёлый гомон Женя одела Алису, оделась сама, и они все вместе пошли к выходу с Олей и Владимиром. Эркин, на ходу застёгивая куртку и натягивая на голову шапку, шёл за Женей с Алисой. Сзади постукивали костыли Владимира.

Холодный воздух обжёг лицо, защипал, защекотал в носу и горле. Усилием воли Эркин отбросил ненужное воспоминание и улыбнулся, жадно оглядываясь по сторонам. Красное кирпичное здание вокзала с двухскатной заснеженной крышей, длинная вывеска, заснеженные кроны деревьев за вокзалом...

– Пошли, браток, – окликнул его Владимир.

Эркин тряхнул головой и догнал уже ушедших вперёд. Алиса, оборачиваясь, махала ему рукой. Эркин поравнялся с ней и взял за руку. Маленькая ручка Алисы спряталась в его ладони, и по тому, как это было, по тому, что она показалась ему замёрзшей, понял: варежки в первую очередь.

Все вместе они завернули за угол и оказались на рынке. Небольшую площадь тесно наполняли люди. Прямо на снегу стояли корзины и мешки, в которых громоздились яркие пёстрые вещи, и закутанные в платки поверх пальто и толстых стеганых курток, румяные женщины, притоптывая

странной, похожей на сапоги обувью, звонко кричали:

– А вот... вот варежки узорчатые, двойные... носки, носки, кому носки... купи шапку, мозги застудишь... варежки, варежки... шапки-петушки, петушки кому, петушки... шарфики, шарфики...

Эркин не сразу понял, что кричали не все, а только те, что с мелочёвкой, владелицы больших платков, жилетов, целых рубашек с глухим воротом или на пуговицах степенно помалкивали. И все беспрестанно что-то кидали в рот и сплёвывали. Рука Алисы выскользнула из его ладони, пока он оглядывался.

Женя с восторгом нырнула в этот водоворот. Эркин еле поспевал за ней, сразу потеряв из виду Владимира. Холода он пока не ощущал, только уши пощипывало и руки, но слегка.

Он нагнал своих у мешка с пёстрыми рубашками. Женя и Оля рассматривали одну, поочерёдно прикладывая к груди. Алиса стояла рядом и по мере сил советовала. Эркин подошёл и взял её за руку. Женя кивнула и строго сказала Алисе:

– Не отходи, потеряешься, – и снова затараторила: – Нет, Оля, тебе бирюзовый пойдёт, вот здесь, чтоб у ворота, как раз под глаза. Это хорошо, но грубит, а с бирюзовым есть?

– Отчего ж не быть?

Закутанная в платок женщина достала из мешка другую рубашку. Оля взяла её, приложила к себе и с надеждой посмотрела на Женю.

– Ну, как?

– Потрясающе! – ахнула Женя и повернулась к Эркину. –

Правда, так лучше?

Растерявшийся Эркин неопределённо повёл плечом, а Оля решительно тряхнула головой.

– Беру! Сотня?

– Ну да, – улыбнулась женщина. – Носи на здоровье, дочка.

Сотня? Сто рублей?! С ума сойти! Нет, если Женя захочет, то он и слова не скажет. Но, когда отошли от женщины, незаметно перевёл дыхание. Женя с Олей, прижимавшей к себе завёрнутую в чистую портянку рубашку – её называли кофточкой – шли впереди, а он с Алисой за ними. Женя то и дело останавливалась, приценивалась, торговалась и время от времени оборачивалась к нему. Эркин доставал бумажник и платил. Жене и Алисе варежки, яркие, узорчатые. И ему? Ему-то зачем? Чтоб рук не поморозил. Эркин кивнул и, уже расплачиваясь за толстые коричневые варежки двойной вязки, вспомнил, что в ящике у него лежат те брезентовые рукавицы, что им с Андреем тогда дал русский офицер на станции, так что верхние у него есть.

– Теперь носки, – решила Женя.

И они пошли выбирать носки. Алиса радостно размахивала уже натянутыми на руки ярко-синими варежками с вывязанными снежинками и зайчиками. Купили носки. Тоже Алисе – высокие, до колен, с узорами и кисточками, Жене

– в яркую весёлую полоску, и Эркину – тёмно-серые с узкой белой полоской по краю, из некрашеной, чтобы от пота не линяла, шерсти. Когда Эркин расплачивался за носки для Жени, стоявший рядом с продававшей их женщиной мужчина в армейской стеганой куртке и меховой ушанке подмигнул ему.

– Такая наша мушкетёрская доля, браток. Бабы франтят, а мы расплачиваемся.

– Много ты платишь! – рассмеялась женщина, принимая у Эркина деньги. – Молчал бы уж. Кабы я не вязала, ты бы...

– Много бы ты навязала, кабы я с овцами всё лето не уродовался, – улыбнулся мужчина.

– Уродовался он! Вот за язык твой длинный тебя изуродуют, это вот да.

Спрятав куда-то под куртку деньги, женщина поправила на мужчине шапку, плотнее надвигая на уши.

Когда они отошли, Эркин тихо сказал:

– Женя, тебе платок нужен. Тёплый.

Он уже хорошо рассмотрел, как отличаются платки женщин от тонкой белой шали Жени. Да, купил бы он тогда в Бифпите такую же, как Андрей, как её, ангору, не пришлось бы сейчас деньги тратить, а он, дурак, пофорсить захотел.

– Да, надо, – озабоченно кивнула Женя. – И тебе шапку надо, в этой холодно. И Алисе.

– Алисе, да, – согласился Эркин. – А мне лучше ушанку.

Взрослых мужчин в вязаных шапках он не видел и ока-

заться, не как все, не хотел. Женя поглядела на его сосредоточенное лицо и вздохнула.

– Здесь нет ушанок.

– Значит, на другом рынке куплю, – очень спокойно сказал Эркин.

Женя, зная, что скрывается за его спокойствием, кивнула. Да и в самом деле, ушанка ему удобнее, все мужчины в таких, меховых или форменных армейских. А пока они купили Алисе вязаную тёплую шапочку с длинными ушами, которые можно вокруг шеи завязать как шарфик. А Жене платок, белый, даже чуть кремовый, с зубчатой каймой по краям и достаточно плотный. И пошли к выходу. А то ещё – не дай бог – на поезд опоздают.

Эркин, заметив, что ботинки Алисы залеплены снегом, взял её на руки. Женя шла рядом, положив на его локоть ладонь в ярко-красной с птичками варежке, и внимательно разглядывала встречающих. Да, в вязаных шапочках – с гребешком на темени или круглых, плотно охватывающих голову – только мальчишки и... молодые парни. У девушек ещё помпончики или кисточки. А мужчины в ушанках.

Они вышли на платформу и... оказались на новом рынке. Но здесь торговали съестным. Пассажиры из их поезда быстро раскупали горячую картошку в мундире, солёные огурцы и капусту, молоко, сваренные вкрутую яйца, пирожки, сало, вяленую рыбу... Глаза разбегались, а времени уже не было.

– Эгей! – окликнул их Владимир. – Давайте быстро, я на

всех взял. Две минуты осталось!

Но они успели войти в вагон, пройти в свой отсек, Женя даже снять с Алисы пальто и шапочку, когда поезд дёрнуло, шатнуло и, наконец, перрон под окном поплыл назад. На столике солдатский котелок с ещё горячей картошкой и миска с огурцами. Снова началась суматоха. Женя с Олей наводили на столе уже обеденный порядок. Алису водили в уборную мыть руки. Бегали к проводнику за чаем. И, всё уладив, сели обедать. Эркин опять у окна, Алиса у него на коленях, Женя рядом, Владимир и Оля – напротив. Ели картошку с тушёной и огурцами, хлеб с салом, пили горячий сладкий чай. И разговор шёл общий, перескакивающий с одного на другое, шумный и весёлый. Как и по всему вагону.

Наевшись, Алиса задремала, привалившись к плечу Эркина. И её уложили на верхнюю полку, благо Эркин не убирал постель. А немного погодя легла и Женя. Забралась к себе Оля.

– Ну что, браток, – Владимир показал глазами на верхнюю полку, – пойдём покурим?

– Пойдём, – согласился Эркин.

Они прошли в холодный продуваемый тамбур.

– Смотрю, – Владимир, ловко приладившись между костылями, скручивал самокрутку, – ты не любитель курева.

Эркин кивнул и улыбнулся.

– В хорошей компании отчего же и нет?

– И с выпивкой так же?

– Ну да, – Эркин, улыбаясь, кивнул ещё раз. – А так... мне незачем. И брат не пил.

И как всегда упоминание об Андрее отозвалось болью. Эркин глубоко затянулся и, сдерживая себя, так сжал сигарету, что она погасла. Резким движением он выбросил окурок в щель под наружной дверью.

– Ничего, браток, – Владимир смотрел на него внимательно с понимающей улыбкой. – Ничего, всё обойдётся.

– Обойдётся? – переспросил Эркин.

– А как же. Жизнь не останавливается. Тебе жить, детей своих растить... и брата помнить.

Эркин кивнул и сосем тихо, еле слышно за грохотом колёс, сказал:

– Простить себе не могу. Лучше бы меня...

Владимир покачал головой.

– Не казни себя. Это война, браток, на войне любая пуля... либо ты кого собой закроешь, либо тебя закроют. Тебя бы убило, он бы так же говорил?

– Да, – сразу ответил Эркин. – Конечно, так.

– Ну вот.

Владимир докурил сигарету, и они пошли обратно. Но до своего отсека Эркин добрался один. Владимира окликнули из большой компании, плотно набившейся в один из отсеков. Эркин вместе с Владимиром подсел, вежливо глотнул за Победу из предложенной кружки, заел салом и незаметно ушёл.

В их отсеке стояла сонная тишина. Он осторожно, чтобы

не разбудить взглядом, посмотрел, как спят Женя и Алиса, и лёг на нижнюю койку, не разворачивая тюфяка. Ну, вот и всё. Белый свет за окном, стук колёс под полом. Вот и всё... Напряжение, державшее его с того момента, когда он взял в руки жёлтую карточку визы и маршрутный лист, отпускало, уходило вглубь, сменяясь уже другим. Он уже не сомневался, что они благополучно доберутся до Загорья, но какое им там дадут жильё? И работу. Да, была бы работа. В крайнем случае... опять мужская подёнка. Он видел у домов поленицы, так что напилить и наколоть дров, починить сарай, просто грузчиком... он возьмётся за любую работу. Даже, если надо, имение вспомнит. Город-то он город, но под городом должны быть какие-то имения. Надо будет, так пойдёт скотником, конюхом, просто батраком. Работы он не боится, силы хватит. Правда, зимой батраки не нужны, на это только весной нанимают, но до весны он продержится. Обещали ссуды. Безвозвратная, беспроцентная... хорошо, конечно, но... нет, всё это так, одни разговоры, Грег говорил: «Сотрясение воздуха». Жильё, жильё и работа – вот что важно.

Наверху завозилась, забарахталась Алиса. Эркин встал и помог ей слезть. И улыбнулся Жене.

– Я отведу.

Алиса, посапывая, натянула прямо на чулки ботики. Эркин, подражая виденному не раз у Жени, одёрнул на ней платье, взял за руку, и они пошли в уборную. Алиса шла рядом с ним, крепко держась за его руку, но не от страха. Она ниче-

го не боялась и шла гордо, высоко подняв голову и победно поглядывая по сторонам.

– Ух ты! – восхитился вихрастый парень в неподпоясанной гимнастёрке с двумя рядами орденов, когда Алиса строго посмотрела на него за то, что он не сразу уступил им дорогу. – Ну, генерал!

– А то! – засмеялись в ближайшем отсеке. – У этой муж по струнке ходить будет!

– Не по струнке, а по полу, – поправила их Алиса.

Хохот грохнул с новой силой. Улыбнулся и Эркин, проводя Алису за руку в дверь уборной, потом захлопнул за ней дверь и остался снаружи, предупредив:

– Замок не трогай.

– Ага, – кивнула Алиса. – А ты не уйдёшь?

– Нет. Я здесь подожду.

Возилась Алиса долго и вышла с мокрыми руками и мордашкой. Эркин безнадёжно пошарил по карманам в поисках чего-нибудь подходящего и повёл Алису обратно, беззвучно ругая себя за то, что не сообразил захватить полотенце.

– Смирно! – встретил их тот же отсек. – Равняйся! Генерал идёт!

Алиса строго посмотрела на хохочущих мужчин, но не выдержала и тоже засмеялась. Так, под общий смех, они и вернулись к себе.

– Мама пусть спит, – заявила Алиса, когда Эркин вытер ей лицо и руки. – А я в окно смотреть буду.

Эркин помог ей сесть поудобнее и сам сел рядом.

– Боевая она у тебя, – улыбнулся лежащий на своей полке Владимир. Он вернулся в отсек, пока Эркин ждал Алису возле уборной.

Эркин кивнул с удивившей его самого самодовольной улыбкой. Он сидел рядом с Алисой, прислонившись спиной и затылком к стене и вытянув ноги. Неумолчно стучали под полом колёса, смеялись и пели весёлые компании. За окном стремительно летела назад белая ровная земля. И Владимир кивнул в ответ на невысказанный вопрос Эркина.

– Да, здесь войны, считай, уже не было. Отсюда их в первый год ещё выбили, не дали зацепиться.

– Да, – Эркин вгляделся внимательнее. – Воронки есть, а окопов не видно.

– И по лесу видно. Заметил, до самого Олсуфьева и за ним немного, но тоже леса возле дороги не было.

– Д-да, – чуть удивлённо согласился Эркин. – А почему?

– Вырубили. Партизан опасались, и вот вдоль дорог, что железки, что шоссеики на сто метров лес вырубали. Чтоб никто незаметно не подобрался.

Эркин уже по-новому глядел на бегущую за окном равнину. О партизанах он слышал.

– А... здесь? Тоже?

– Нет, сюда они не дошли, – сказал с верхней полки Оля. Она лежала ничком, обхватив руками подушку и глядя в окно. – Попыхтели, сволочи, и откатились. Но бомбили мно-

го, – и после недолгого молчания всё-таки спросила: – Слушай, где же ты был, что ничего этого не знаешь?

– Я рабом был, – спокойно ответил Эркин по-английски.

Сразу оторвалась от окна и обернулась к нему Алиса, по-детски округлила рот Оля, вскинул глаза Владимир. Эркин смущённо улыбнулся.

– Я не знаю, как это по-русски сказать.

– И не надо, – кивнул Владимир и улыбнулся Алисе. – Ну что, синеглазка, посмотрелась?

Алиса молча подвинулась ближе к Эркину и залезла к нему на колени. Он улыбнулся ей.

– Устала?

– Не-а, – шёпотом ответила Алиса и спросила: – А ты чего по-английски? Мы назад едем, да? Я не хочу.

– Я тоже, – ответил Эркин и пересел вместе с ней вплотную к окну. – Давай смотреть вместе.

– Ага, – согласилась Алиса, строго посмотрела на Олю и уставилась в окно.

Женя, не открывая глаз, перевела дыхание. Слава богу, обошлось. Эркин молодец, отвлёк Алиску. Психолог так и советовала. Не запрещать, а отвлекать, переключать внимание. Может, со временем всё и забудется. В лагере Алиса не боялась английского, болтала напропалую, только перемешивала, ну, как все. Нет, когда осядем на место, надо будет опять ввести «английские» и «русские» дни. И обязательно, ну, хоть полчаса в день читать ей вслух. И начать её учить. И

Эркина, конечно, он так сильно переживает, что неграмотный. И сразу по-русски. Русский ему важнее. Конечно, так и надо. И хорошо, что она все книги с собою взяла. А русские уже на месте купит. Женя улыбнулась. Да, конечно, и как бы ни было трудно, подработку она искать не будет. Конечно, будет работать, но надо и домом заниматься. И Алиской. А то беспризорницей растёт. При живых-то родителях.

Совсем незаметно что-то менялось за окном. Эркин вдруг увидел, как посинела белая даль, и не сразу понял, что это сумерки. Уже вечер?

– Митьково, – сказал проводник, проходя мимо их отсека. – Стоим десять минут.

Алиса отвернулась от окна.

– Эрик, мы пойдём гулять?

– Нет, – сразу ответила сверху Женя.

– Мам! – ахнула Алиса. – Ты не спишь?

– Нет, – улыбнулась Женя. – Уже не сплю.

Она села, и Эркин одним ловким гибким движением снял Алису с колен, вывернулся из-за стола, встал и помог Жене спуститься. Поезд как раз остановился, и их прижало друг к другу. Всего на мгновение, но Эркина обдало горячей, будто он залпом полную кружку водки выпил, обжигающей губы и горло волной. Он сглотнул и, с трудом шевеля онемевшими губами, сказал:

– Пойду чаю принесу.

– Чая на остановках нет, – сказала с верхней полки Оля.

Но Эркин уже вышел. Он быстро прошёл, почти пробежал по вагону, рванул дверь тамбура и, едва не столкнувшись с проводником, спрыгнул на перрон.

Синее небо, голубоватый снег, жёлтые пятна фонарей. Эркин глубоко вдохнул холодный, защекотавший горло воздух. Холода он не то что не ощущал, а не замечал. Не до того. На мгновение его тело ощутило тело Жени, её мягкую теплоту. Он не мог ошибиться. Женя... он не противен Жене, она... нет, рано ещё... нельзя об этом... пока нельзя.

Эркин шагнул к какой-то нелепой железной коробке в половину его роста, торчавшей зачем-то на платформе, сгрёб снежную шапку с её верхушки и протёр снегом лицо.

– Эй, – окликнул его проводник, – не пойму, остаться здесь решил?

– Иду!

Эркин одним прыжком вернулся в вагон и весело спросил у проводника.

– Чай есть?

Проводник улыбнулся, встопорщив усы.

– Неси кружки.

– Ага! – радостно кивнул Эркин.

Вагон качало, или это у него ноги заплетались от радости, но возвращался Эркин, хватаясь за стойки. Женя, увидев его мокрое лицо, ахнула:

– Ты выходил?! Эркин, ты с ума сошёл, ты же простудишься! Тебе сейчас надо горячего!

– Ага, – согласился сразу со всем Эркин, сгребая со стола кружки. – Я за чаем.

– Всем чаю, – кивнула Женя. – Донесёшь?

– No problem! – по-прежнему весело ответил Эркин, выходя из отсека.

– Я помогу! – сорвалась с места Алиса.

И вылетела в проход так быстро, что Женя не успела её перехватить.

– Ты лучше не мешай! – крикнула ей вслед Женя.

Владимир рассмеялся и сел.

– Ох, огонь-девка! – и подмигнул Жене. – Ещё наплачешься, как кавалеров гонять придётся.

– До этого ещё дожить надо, – рассмеялась Женя. – Тогда и посмотрим.

Под взрывы хохота, отмечавшие их путь, вернулись Алиса и Эркин. Эркин нёс, ловко ухватив за ручки, пять дымящихся кружек, а Алиса важно шла впереди, расчищая ему дорогу возгласами:

– Осторожно! Дайте пройти! Горячее несём!

Эркин старался не смеяться, чтобы ненароком не расплескать действительно горячий чай, но Женя и Владимир хохотали от души.

– Ну вот, – гордо сказала Алиса, когда Эркин поставил кружки на столик. – И ничего я не помешала, а даже помогла.

Отсмеявшись, Эркин сел в угол, и Алиса заняла своё законное место на его коленях.

Сверху спустилась Оля, но не успели все сесть за стол, как в их отсек заглянул тот самый парень, что первым назвал Алису генералом. В руках у него был большой кулёк из газеты.

– Генералу чай сладкий положен, – весело заявил он. – Держи.

Положил кулёк на стол и ушёл. Женя растерялась, а Владимир только улыбнулся.

– Ну-ка, посмотрим, чем они генерала чествуют, – и уверенно развернул кулёк.

На столик посыпались конфеты, пряники и плитка шоколада. Алиса радостно взвизгнула, но Женя нахмурилась. Насупился и Эркин.

– Когда с добром, на добро и идёт, – пресёк непрозвучавшие возражения Владимир и подмигнул Алисе. – Давай, хозяйка, распоряжайся.

Сосредоточенно хмуря белые брови, Алиса стала делить конфеты и пряники. Конфеты, хоть и разные, но разделились поровну. Пряники Эркин разрезал ножом, и тоже на всех хватило. А шоколад... Алиса горестно вздохнула, бережно держа большую без обёртки плитку, покосилась на Женю, на Эркина, вздохнула ещё раз.

– Разрежь и её, Эрик.

Эркин разделил ножом толстую плитку на пять равных частей, и Алиса раздала шоколад, конфеты и пряники. Всем поровну и себе последней. И стали пить чай. К удивлению

Алисы, шоколад оказался несладким.

– Это лёгчицкий, – объяснила Оля. – Лётчикам в пайке дают. Он сытный.

За окном было уже совсем темно, в вагоне горел яркий свет и опять... пели, смеялись, плакали, ругались...

– Уф, хорошо как, – Оля допила свою кружку и положила её боком на стол. – Давайте, что ли, и мы споём.

– Водки не пили, так с чего петь? – хмыкнул Владимир. – Или ты с чая захмелела?

А чего ж нет? – засмеялась Оля. – Что мы, хуже других? Ну, подтягивайте.

Она села поудобнее, прислонившись к стене, словно для пения ей была нужна опора, и запела. Владимир улыбнулся.

– Слабая у тебя голова, коль от чая хмелеешь.

И стал подтягивать.

Эту песню Эркин знал. Её пел Андрей ещё на выпасе, и по-русски, и по-английски. И он свободно присоединился к поющим. Тогда эти слова рвали ему душу до подступавших к глазам слёз, но сейчас он пел спокойно. И, к его радостному изумлению, Женя тоже запела. Алиса переводила внимательный взгляд с одного поющего на другого, и наконец её тоненький голосок неожиданно точно вступил в песню.

– Жди меня, и я вернусь, – старательно, явно не думая о мелодии, выговаривала Оля.

Пели, не думая, слышит ли их кто или нет, пели для себя. И закончив одну песню, начали другую. Ещё ни разу Эркин

не получал такого удовольствия от пения. Даже... даже на выпасе. Нет, там они тоже пели для себя, но всё равно это было... не так, не совсем так. И впервые пожалел, что нет гитары, было бы совсем здорово.

После третьей песни продолжили чаепитие.

– Хорошо поёшь, браток, – Владимир с улыбкой смотрел на Эркина.

Эркин поймал ласково-гордый взгляд Жени и улыбнулся. Что ответить, он не мог придумать, но улыбки оказалось вполне достаточно. Улыбалась и Оля. И вдруг ахнула:

– Ой, батюшки, до Стёпина совсем ничего осталось!

Она вскочила и быстро, с привычной ловкостью собрала свой мешок. Владимир завернул из остатков снеди кусок сала и полбуханки хлеба, протянул ей.

– Не забудь.

– Да у меня ещё...

– Не спорь со старшими, – строго сказал Владимир, засовывая свёрток в её мешок.

– По званию? – съязвила Оля.

– По возрасту, – хмыкнул Владимир.

В отсек заглянул проводник.

– Готова? А то три минуты стоим.

– Ага.

Оля взяла у него свой билет, засунула в нагрудный карман, надела ушанку, застегнула и затянула ремнём шинель и вдруг порывисто обняла Женю, чмокнув её в щёку, так же

быстро поцеловала Владимира, Алису и Эркина. Выпрямилась, щёлкнув каблуками, и козырнула им.

– Счастливо вам.

– И тебе счастливо, сестрёнка.

И Оля убежала. Поезд замедлил ход, остановился и почти сразу снова дёрнулся.

– Вот и Стёпино миновали, – Владимир улыбался, но глаза у него были грустными.

– А дальше? – спросила Женя.

– Ну, Горянино не в счёт, а там Батыгово, Пузыри и Ивановково. И всё, – он подмигнул серьёзно глядящей на него Алисе. – И всё, синеглазая. Я в Батыгове сойду, вы дальше поедете. До Иванькова.

Алиса кивнула и вдруг сказала:

– А ты поезжай с нами.

– Ну, спасибо тебе, синеглазка, – рассмеялся Владимир. – Спасибо за честь, но у меня свой дом есть.

За окном стало уже совсем темно, вагон раскачивала набирающая силу гульба.

– Рано приезжаем, – сказала Женя. – Давай, Алиска, спать ложиться, а то я тебя утром не подниму.

– Ну-у, – протянула Алиса, оглядывая стол в поисках случайной конфеты, но всё вкусное закончилось и спорить было уже не из-за чего. – Ладно. Только я сама в уборную пойду.

– Ещё чего! – сразу поняла её хитрость Женя. – Нет уж, я тебя знаю.

Алиса вздохнула. Она-то рассчитывала по дороге выяснить, всё ли положенное генералу ей дали. В лагере и детьми, и взрослыми много и подробно обсуждалось, как зажиливают пайки, не выдают всего, так что проверить надо обязательно, но при маме такое никак не получится. Владимир улыбнулся ей вслед.

– Ну что, браток, глотнём на прощание. Солдату трезвому, как зимой голому. Неловко.

Эркин кивнул. Он расстелил для Жени с Алисой постель и пересел к Владимиру. Тот достал свою флягу и аккуратно плеснул в кружки.

– Ну вот. За встречу и на прощание, и чтоб мы ещё раз встретились. А это, – он тряхнул флягу так, чтоб булькнуло, и завинтил колпачок. – это я уже дома выпью.

Они сдвинули кружки и выпили одним глотком. Эркин сразу потянулся за хлебом с салом, а Владимир удовлетворённо крякнул, выдохнул и только после этого стал есть.

Вошла Женя, ведя за руку умытую Алису, и, увидев приготовленную постель, обрадовалась.

– Ой, Эркин, спасибо. Алиса, живо спать.

Эркин улыбнулся им и встал.

– Пошли, покурим.

Владимир кивнул.

– Не будем мешать. Пошли.

Вагон гулял, как и вчера, но многие спали или просто лежали на своих полках. В холодном продуваемом тамбуре Эр-

кин, держа незажжённую сигарету, посмотрел на сосредоточенно скручивавшего самокрутку Владимира.

– У нас говорили. Раз выжили, то и проживём.

Владимир закурил и кивнул.

– Спасибо на добром слове, браток. Оно, конечно, с руками и головой устроиться везде можно. Да и не чужая она мне, Лидка, Лидия Алексеева, не совсем чужая, – и невесело усмехнулся. – Её прабабушка моему дедушке сестра сводная. Представляешь?

Эркин степени родства представлял очень смутно. Его познания в этой области исчерпывались родителями, детьми, братьями и сёстрами. И ещё помнил, что Андрей называл Алису племянницей. Но, подыгрывая, он сочувственно покивал. Владимир улыбнулся.

– Ничего, браток, всё утрясётся. Это ты правильно сказал. Раз выжили, то и проживём. Ну, – Владимир погасил и выкинул окурочок. – Пошли.

И по пути, как обычно, переключался с гуляющими, отругивался и отшучивался, но Эркин чувствовал, что ему не по себе, что Владимир этой встречи не то что боится, а опасается.

Женя и Алиса уже спали. Эркин кивнул Владимиру, разулся и залез на свою полку. Владимир лёг, не раздеваясь, поверх одеяла. Сверху Эркин видел его лицо. Ну, так всё понятно. Конечно, Владимиру... неловко, он на костылях, ноги, правда, обе есть, но, похоже, одна совсем не действует,

калека, а мужик нужен здоровый, так все в лагере говорили. Но это и в самом деле так оно и есть. Нет, если бы с ним что и случилось, Женя бы никогда его не выгнала, но это же Женя...

Незаметно для себя он задремал и проснулся, когда поезд остановился. Но и глаз открыть не успел, как вагон снова дёрнулся. Значит, это – как его? – да, Горянино, а там Батыгово. Эркин разлепил веки. Владимир, стараясь не шуметь, укладывал свой мешок.

– Сало возьми, – сказал Эркин чуть громче камерного.

Владимир мотнул головой.

– Чего с такой мелочью возиться, а синеглазке перекусить утром, – поднял голову и, встретившись с Эркином взглядом, улыбнулся. – У меня ещё кусман в заначке, не голым еду, не бойсь.

Эркин улыбнулся в ответ и спрыгнул вниз, обулся. Он ничего не сказал, но Владимир понял и благодарно кивнул.

– Спасибо, браток.

Он собрал мешок, хлопком по нагрудному карману проверил документы и стал одеваться.

Когда к ним заглянул проводник, Владимир уже стоял в туго подпоясанной шинели и лихо сбитой набок шапке-ушанке, мешок за плечами, и если бы не костыли...

– До Батыгово две минуты.

– Спасибо. Держи, браток, – Владимир вложил в руку проводника три рубля. – С меня за постель, за чай и тебе на чай,

а мне на удачу.

– Спасибо, – кивнул проводник и посмотрел на то же уже одетого Эркина. – Выходишь, что ли?

Эркин молча кивнул, чувствуя, что говорить сейчас ничего не нужно.

– Смотри, всего семь минут стоим.

Проводник взял скатанный в рулон тюфяк Владимира и отступил, давая им дорогу. Владимир быстро шёл по проходу, весело переключаясь с желавшими удачи и отшучиваясь, но идущий следом Эркин всё ещё чувствовал его напряжение.

В тамбуре проводник догнал их, приготовил дверь и открыл её практически одновременно с остановкой поезда.

– До свиданья, браток.

Владимир сильным уверенным движением выставил на перрон костыли и выбросил себя вперёд. Эркин прыгнул следом за ним. Облако снежной пыли ударило его в лицо. И почти сразу, он даже дыхания перевести не успел, из слепящего снежного ветра донеслось:

– Володя! Владимир Кортошин! Володенька!

– Лида! – ответно крикнул Владимир. – Алексеева Лида! Я здесь!

К нему подбежала и с ходу обняла женщина, закутанная в платок поверх странного – Эркин таких раньше не видел – пальто из овечьих шкур.

– Ой, Володенька, ой, наконец-то! – целовала она Влади-

мира. – Ой, мы ж тебя неделю уже встречаем! Ой, Тася, Тася, здесь он, здесь, ой, Володенька, это ж Тася, подружка моя, ой, мы ж тебя ж ждали так.

– Тася, – вторая женщина, так же вынырнувшая из снежной темноты, церемонно подала руку Владимиру.

Эркин, следивший за всем этим с живым интересом, услышал крик проводника, что минута осталась, и шагнул к Владимиру.

– Удачи тебе!

– Спасибо, браток, – Владимир крепко обнял его и поцеловал. – И тебе удачи во всём, – и оттолкнул от себя. – Беги, отстанешь!

Эркин подбежал к вагону, уже начавшему движение, и ловко запрыгнул в тамбур, оглянулся. Владимир уходил, и две женщины с двух сторон с ним.

– Батыговские девки ловки, – хмыкнул проводник, закрывая дверь. – Только глянешь, а уже оженили. Беги, грейся.

Эркин не чувствовал себя замёрзшим, но, войдя в наполненный живым теплом вагон, понял, насколько там было холодно. А им ехать ещё дальше на север. До Иванькова. Потом на Ижорск. И уже оттуда в Загорье. И будет всё холоднее, и холоднее. А зима только началась. Он-то думал, что носки, варежки, ну, ещё шапка – и всё, остальное у него есть, а теперь... и Жене, и Алисе тоже надо. Сколько же у них на одну одежду уйдёт?

В их отсеке на полке Владимира сидели двое мужчин. Ви-

димом, подсели в Батыгово. И не в военном. Их толстые тёмные пальто с меховыми воротниками висели на крючках. И шапки там же. Тоже меховые, но не ушанки, а просто круглые и чуть сплюсненные с боков. Стол был занят, и мужчины разложили свои бумаги прямо на полке. Когда Эркин вошёл, один из них поднял голову и улыбнулся.

– Здравствуй. Потеснили мы тебя.

– Здравствуйте, – ответно улыбнулся Эркин. – Нет, я на верхней.

Открыла глаза и приподнялась на локте Женя.

– Эркин? Ты выходил?

– Я Владимира проводил, – ответил Эркин, снимая куртку. – Тебе не дует от окна? Давай, я куртку подсуну.

– Нет, всё в порядке, – Женя заметила новых попутчиков и улыбнулась им. – Здравствуйте.

– Здравствуйте. Мы разбудили вас?

– Нет, ничего, – Женя ещё раз улыбнулась им и отдельно Эркину. – Ты ложись, поспи ещё.

– Да, сейчас.

Эркин оглядел еду на столике, собрал и переложил так, чтобы освободить часть стола, разулся и залез на свою полку. И даже ещё лечь не успел, как словно провалился. И расстёгивал под одеялом рубашку и джинсы уже во сне, ни о чём не думая и ничего не ощущая. В Иваново они приезжают в шесть сорок. До шести можно спать. Сорока минут им на сборы хватает.

– Этот вариант нерентабелен...

– Да, но Старик упрётся...

– Старику с его технологиями на пенсию пора. Отжившие категории...

– Весьма живучи...

– Элементарно...

– Оптимизация эффективности...

– Проверь по коэффициентам...

– Да, капэдэ приличный, но...

– Отвёрточная сборка, чего ты хочешь...

Доносившиеся откуда-то непонятные, словно и не по-русски говорят, слова не мешали и не тревожили. Эркин спал спокойно, без снов, но готовый проснуться, как только шевельнётся Женя. И опять шорох, как будто кто-то скребётся в вагонную стенку. Но сейчас он вдруг понял: это же снег. Снег... они в России... пусть будет холодно, трудно, но они в безопасности, они в России...

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная поляна» Джонатана Бредли

Большие снежные хлопья важно опускались на мокрую холодную землю и даже не сразу таяли. Фредди с наслаждением вдохнул запах снега, лёгкий, едва уловимый и такой особенный. Нет, всё-таки не плохо и даже хорошо. Год они продержались, и сделано... ну, пусть кто другой на их месте попробовал бы сделать больше.

Роланд, выгнав лошадей в загон, яростно чистит конюшню. От скотной доносится пронзительный голос Дилли, распекает Рыжуху, что сено не жрёт, а под ноги кидает. Гомонит малышня. В Большом Доме стучит топор Сэмми. Тарахтит новый движок, что-то Стеф его на слишком больших оборотах гоняет. Ларри несёт, широко перешагивая через лужи, стопку дубовых панелей в кладовку, а за ним Марк тащит

охапку обломков плитусов, да, капитальное было сооружение, если до сих пор разламываем. Мамми запирает продуктовую кладовку, а Роб стоит рядом в обнимку с мешочком крупы. Чего-то Молли не слышно, нет, подала голос, она всегда, управляясь на птичнике, поёт, если б у неё ещё репертуар был хоть на одну песню побольше, а то одно и то же, Рол, правда, от её пения млеет, но это уже только его проблема. Но что там Стеф с движком вытворяет? Ладно, посмотрим.

Фредди поправил шляпу и решительно пошёл к котельной. Джерри оглянулся ему вслед, но остался сидеть на изгороди конского загона: он не терял надежды подманить какую-нибудь из лошадей и прямо с изгороди прыгнуть ей на спину. Том побежал за Фредди, но потом повернул на кухню: там всё-таки интереснее, чем в конюшне.

В котельной было жарко, пахло соляжкой и маслом. Стеф в комбинезоне на голое тело кидал уголь в топку и, когда Фредди вошёл, бросил, не оборачиваясь:

– Ага, в самый раз.

Фредди усмехнулся.

– Так ты заманивал меня, что ли?

Стеф захлопнул дверцу, поставил на место лопату и подошёл.

– Нет, просто проверяю, мне звук не нравится. А разговор тоже есть.

– Давай, – кивнул Фредди.

Они сели к маленькому столику у окна. Стеф тяжело вы-

ложил на столешницу масляно блестящие с вьевшейся в трещины угольной пылью набрякшие руки.

– Вот какое дело. Контракт у всех до Рождества, так?

– Так, – кивнул, сразу насторожившись, Фредди.

– И когда расчёт будет? Двадцать четвёртого?

– А ты когда хочешь? – спросил Фредди.

– Пораньше бы надо. И не мне, а всем.

– Зачем?

– Рождество, а подарки купить не на что. Хэллоуин нам испоганили, неужто и Рождества не будет? – Стеф достал сигарету, но не закурил. – Человеку праздники нужны.

– Чёрт! – Фредди озадаченно сбил шляпу на лоб и почесал в затылке. – Об этом мы и не думали. Это ты здорово сообразил, Стеф. Значит, чтоб было настоящее Рождество?

– Ну, гуся да карпа каждому не выйдет, – засмеялся Стеф, – но ёлку хоть какую, и подарки, и чтоб каждый с деньгами по магазинам прошёлся, выбрал, да купил... Это надо.

Фредди кивнул.

– Ладно. Это всё можно. А до города как? Пешком?

Стеф улыбнулся.

– Зачем пешком? Если пошарить, подумать и руки приложить, фургончик вполне можно сварганить. Две лошади и свободный день. Возможно?

– Делайте фургон, – кивнул Фредди. – Остальное за мной. И на какой день расчёт?

– А на двадцатое. Три дня, чтоб посменно съездить, а там

уже и Сочельник.

– И двадцатого лучше тихо сидеть, – задумчиво сказал Фредди.

Стеф кивнул.

– И это. В городе, может, что и будет, а мы там позже окажемся. И приодеться людям надо. А то... год Свободе скоро, а во всём рабском. Ларри рассказывал, как на него в городе лупились, пока он себе джинсы и ковбойку не купил.

– Дело, – Фредди хлопнул рукой по столу и встал. – Хорошая голова у тебя, Стеф.

– Жалко, такому дураку досталась, – рассмеялся, вставая, Стеф. – Это мне моя покойница всё повторяла, и это же я от неё на прощание услышал, когда арестовали меня, – прислушался к движку. – Воеет, гадина. Перебирать надо.

– Завтра и переберём, – кивнул Фредди. – А сейчас выруби, пока в разнос не пошёл.

– Я на конюшне команду? – ядовито спросил Стеф.

– На конюшне у тебя полномочный представитель сидит, – рассмеялся Фредди.

Стеф самодовольно ухмыльнулся.

– Да, о ёлке не бери в голову, – сказал, уже выходя, Фредди.

Снег продолжал идти, земля уже стала белой, только лужи чернели. Да, чёрт, конечно, Стеф прав. Джонни вернётся из города и пусть рассчитает всех. Рождество должно быть. Со Стефом им тоже повезло: не только всю механику на себе

тянет. А в город... да, в две смены. В одной Ларри с Роландом, ну и Молли, конечно, и их детвора. А в другой – Стеф и Сэмми со своими. В такой комбинации если и выпьют, то не запьют. Самый в этом слабый Сэмми, но его Стеф удержит. А Ларри с Роландом заводить один другого не станут. Да, Дилли лучше не ездить, а то ещё родит дорогой. Ну, это, правда, не его проблема, тут Мамми приглядит. И с фургоном Стеф здорово придумал.

За этими размышлениями Фредди обошёл двор, и возле кладовок его остановил Ларри.

– Прошу прощения, сэр, но не сообразовали бы вы зайти сегодня в мастерскую?

– Хорошо, Ларри, – кивнул Фредди. – Через час после ленча. Устроит?

– Разумеется, сэр.

Ларри склонил голову в вежливом полупоклоне, и восхищённо наблюдавший за ним Марк повторил его жест. Когда Фредди отошёл, Ларри посмотрел на сына.

– Марк, ты всё слышал?

Марк кивнул.

– Когда увидишь, что он идёт, ты выйдешь. И пока я не позову, – Ларри улыбнулся, – не заходи. Всё понял?

– Ага! – выдохнул Марк.

И пока они шли в Большой Дом за новой ношей, Ларри тихо объяснял:

– Мне надо поговорить наедине. А если ты выйдешь, когда

он уже войдёт, это будет невежливо. Поэтому сделаем так.

– Ага, – радостно согласился Марок. – И мне у мастерской ждать?

– Нет, – улыбнулся Ларри. – Можешь идти играть. А сейчас бери Роба и бегите за почтой.

Марк, взвизгнув, уже рванулся, но тут же вернулся к отцу.

– И... и мне не рассказывать? Ну, про что ты сейчас сказал, да?

– Да, – Ларри поправил ему шапку, – ты всё правильно понял, молодец. А теперь беги.

И засмеялся вслед убегающему Марку. Пусть. Мальчишкам пробежаться по снегу – одно удовольствие. Завелось это недавно, но оказалось удобно. Взрослые от дела не отрываются, мальчишкам несложно и по хозяйству польза. Никто не скажет, что они из милости едят. И под ногами без толку не болтаются.

Ларри вошёл в Большой Дом и окликнул Сэмми.

– Вот эти ещё?

– Ну да, – прогудел Сэмми, – остатние. И в то крыло пойдём. Я уж Билли туда отправил. Так что эти отнеси и туда сразу.

Ларри, крикнув, поднял стопку дубовых панелей. Интересная резьба, но не для этого дерева. Хотя... зависит от интерьера. Конечно, надо с умом в дело пустить. А рисунок очень интересный. Стилизованный плющ. Это – Ларри нахмурился, припоминая – да, правильно, модерн. Можно по-

пробовать на brasлете, должно получиться интересно.

Он вышел во двор, движением плеча подправил стопку и широко зашагал к кладовкам. Дверь нужной уже открыта, и придерживает её... да, Том. Правильно, Роб же с Марком за почтой ушёл. Поблагодарив малыша кивком, Ларри поставил принесённые панели в общую стопку и вышел. Том разжал пальцы, и тугая пружина гулко захлопнула дверь. Ларри пошёл обратно, а Том вприпрыжку пообжал к конскому загону.

– Принёс? – встретил его Джерри.

Том вытащил из-под курточки ломоть хлеба, протянул его Джерри и залез на изгородь. Джерри зачмокал, показывая хлеб лошадям. Наконец Бобби неспешно подошёл, вытянул шею и фыркнул, обнюхивая хлеб. Джерри передал ломоть Тому и отодвинулся. Бобби тянулся к хлебу и наконец встал почти боком. Джерри прыгнул. Бобби отнёсся к этому спокойно. Он отобрал у Тома хлеб, повернулся и по-прежнему не спеша пошёл к остальным лошадям, не обращая внимания на всадника. Джерри, зажав в кулачках жёсткие пряди гривы, пытался дёргать за них, как за поводья, но Бобби не замечал его усилий, а дотянуться до его морды, чтобы ухватить за недоуздок, Джерри никак не мог. Ёрзая по широкой спине Бобби, он перебрался ближе к шее. И Бобби словно ждал этого. Он резко опустил голову к земле, и Джерри полетел вниз. Обнюхав лежащего у его ног мальчика, Бобби осторожно отошёл от него.

Джерри встал, шмыгнул носом, но от конюшни смотрит масса Фредди, и Джерри мужественно удержался от рёва, хотя и ушибся.

– Ладно-ладно! – крикнул он вслед Бобби. – Я тебя ещё обуздаю!

Догнать Бобби и дёрнуть в наказание за хвост – Бобби смиренный и такое позволяет, проверено уже – не представляло труда, но масса Фредди как-то сказал:

– Гриву упустил, так за хвост не удержишься.

Да и копыта сзади, вдруг взбрыкнёт, попадёт ещё по голове.

– Том, – позвал он брата, – давай ещё хлеба.

– Сам иди, – отозвался Том, благоразумно не слезавший с изгороди. – Мне мамка больше не даст.

– И пойду, – сказал Джерри. – Я его обуздаю!

Роланд хмыкнул за спиной Фредди.

– Настырный чертёнок. Доведёт он Бобби.

– Бобби довести, это сильно постараться надо, – усмеялся Фредди.

Если он Эндрю три месяца терпел... но уже про себя. Говорить вслух о парнях не хотелось. Да и незачем. Фредди сердито поправил шляпу.

– Холодает, Рол. Давай в темпе.

– Ага, масса Фредди, до ленча сделаю.

Фредди кивнул.

– Я в слесарне, если что.

Роланд расплылся в широкой улыбке.

– Они найдут.

Фредди улыбнулся и кивнул.

Майор, увидев его, подбежал к изгороди. Фредди, не меняя шага, похлопал его по шее. День катился своим обычным порядком. Все знают, что и как им делать, подгонять никого не нужно. После ленча, если Роланд и впрямь управится с конюшней, пусть почистит скотную. У Молли тоже уже брюшко обозначается, скоро и ей станет тяжело мешки с кормом ворочать. Так, тогда... собрать пустые мешки, поставить на это всех мужчин и сделать запас малой фасовки. Тогда не придётся каждый день то Ларри, то Сэмми на подноску и засыпку дёргать.

Перед самым ленчем в слесарню прибежали запыхавшиеся Роб и Марк, принесли почту. Фредди взял у них специально сшитую Мамми для этого сумку.

– За мной.

Мальчишки радостно заулыбались. С тех пор, как они стали приносить почту, раз в неделю Фредди давал им конфет или ещё чего. Фредди достал газету и несколько бумажек, отдал сумку Робу, чтобы отнёс и повесил на специальный гвоздь на кухне, и, когда мальчишки убежали, быстро просмотрел. Так, местные налоги, школьный сбор? Да, пусть заодно Джонни потеревит этот комитет насчёт школы для цветной мелюзги. А это что? Благотворительный рождественский базар, пожертвования по адресу... не угомонится

старая карга, любит быть в центре, всё равно чего. Это всё мелочевка, так... газету тоже на вечер.

Он закончил в слесарне и отнёс почту в их дом, положил на стол Джонни и всё-таки взял газету. Быстро просмотрел. Обычная провинциальная газета, интересная только местным. Объявления о свадьбах и распродажах, пропавших собаках и приблудившихся тёлках, глубокомысленные рассуждения о погоде и видах на зиму, небрежная скороговорка о событиях за границей округа Краунвилль, ого, уже преддрожественская распродажа, да, вовремя Стеф ткнул, ладно, остальное потом...

Когда Фредди пришёл на кухню, все уже поели и разошлись по местам, Мамми мыла миски, а на углу стола, как всегда, для него на салфетке его ленч. То же, что и остальным, но не миски, а тарелки. Фредди вымыл руки у раковины и критически посмотрел на полотенце. Мамми суетливо подала ему чистое, быстро сдёрнув и бросив в корзину грязное.

– Ох, масса Фредди, не доглядела.

Фредди повесил полотенце у раковины и сел к столу.

– Приятного вам аппетита, масса Фредди.

Фредди улыбнулся и кивнул:

– Спасибо, Мамми.

Щедро намашенная каша с мясом, свежие дышащие на зубах лепёшки, кофе горячий, свежей варки. Фредди ел с удовольствием, и Мамми, расставляя вымытые кружки и

миски, с не меньшим удовольствием следила за ним. И, когда он уже допивал кофе, спросила:

– А что, масса Фредди, может, масла собрать? К Рождеству, скажем?

– Собирай, – кивнул Фредди. – Молока хватает?

– А как же, масса Фредди, и сливки на отстое толстые.

– Хорошо, Мамми, – Фредди встал и надел шляпу. – Спасибо за ленч.

– А и на здоровычко вам, масса Фредди, – проводила его Мамми.

Снегопад не кончался, уже и лужи припорошило. Жалко, что до Рождества стает, снег на Рождество – хорошая примета. Теперь на конюшню, как там Рол управился, лошадей уже в загоне нет. Ага, вот кто нужен.

– Роб! – окликнул он мальчишку и, когда тот подбежал, очень серьёзно сказал: – Собери все старые мешки из-под кормов и скажешь мне, сколько их.

– В кладовке бросовой десять, да на скотной... – сразу начал перечисление Роб.

Но Фредди остановил его.

– Собери все в одно место и сложи. Рваные отдельно, целые отдельно.

Бумажный мешок для шестилетки не тяжесть. Ишь, помчался как! Так, теперь конюшня.

Лошади уже стояли в денниках, хрупая сеном. Рол, удовлетворённо оглядывая блестящий пол, вопросительно

предложил:

– Надо бы скотную почистить уже, масса Фредди?

– Займись, – кивнул Фредди, проходя в денник к Майору. Что бы ни было, но Майора он убирает и обихаживает сам. Рол уже основное сделал, так что за час он управится.

Управившись с Майором и пройдясь по остальным денникам, Фредди вымыл руки в раковине у выхода. Полотенце, висевшее рядом, было лично Рола, и потому Фредди вытер руки носовым платком.

Проходя по двору, он проломил тонкую корочку льда на луже и отметил, что следы уже почти не темнеют. Да, холодает, Стеф правильно котельную раскочегарил. Заранее. Чтоб все трубы прогреть. Так, Роб всю малышню в дело запряг, бегают, обрывки сносят. И Марк с ними? Значит, разговор серьёзный, раз Ларри сынишку из мастерской выставил. Фредди поправил шляпу и тронул дверь мастерской. Стучать не пришлось – его ждали.

– Добрый день, сэр. Прошу вас.

Ларри вежливо подвёл его к рабочему столу. Ворох блестящих жёстью и осколками стекла брошек, серёг, витых и плетёных браслетов, колечек, брелочков. Кивком показывая на него, Фредди сказал:

– Продавай. Живые деньги будут.

Ларри улыбнулся.

– Да, сэр, но у меня к вам просьба, сэр.

– В чём дело, Ларри?

– Вот, – Ларри протянул ему тусклое кольцо. – Примерьте, прошу вас, сэр.

Фредди взял кольцо и по весу сразу определил: золото. Значит, Ларри взялся за свёрток с ломом. Кольцо пришлось только на мизинец. Ларри вздохнул.

– Прошу прощения, сэр, ошибся в размере. Вас не затруднит дать снять мерку?

Фредди внимательно посмотрел ему в глаза и кивнул. Ларри протянул несколько лёгких жестяных колечек.

– С печаткой?

– Да, сэр, – и улыбнулся. – И сэру Джонатану.

Быстро примерив несколько колечек, Фредди отобрал два.

– Это и это.

– Спасибо, сэр.

Ларри взял колечки и проверил размеры по ригелю.

– Не перепутаешь?

Ларри улыбнулся, показывая, что понял шутку.

– У меня не так много заказчиков, сэр. И ещё. Две цепочки можно починить, сэр.

– Плетение сложное?

– Да, сэр. Оригинальная работа, сэр.

– Плавь, – вздохнул Фредди.

Вздохнул и Ларри. Но иначе нельзя, он это понимал. Раз в этом свёртке были зубные коронки, то всё надо уничтожить. Очистить огнём.

– Но кольца будут без пробы, сэр.

– Неважно, – махнул рукой Фредди и улыбнулся. – Мы-то знаем.

Ларри кивнул с улыбкой и отложил золотое кольцо в тигель.

– Благодарю, что уделили мне внимание, сэр.

– Не за что, – вежливо ответил Фредди и озабоченно поинтересовался: – Бижутерию прямо здесь продавать думаешь?

– Не хотелось бы, – вздохнул Ларри. – А везти это в город, сэр... – он не договорил и сокрушённо добавил: – Я и цен не знаю.

– И торговаться ты тоже не умеешь, – кивнул Фредди. – Ладно, придумаем. Отбери, что своим дарить будешь, а остальное на продажу. К Рождеству хорошо пойдёт.

Ларри быстро внимательно посмотрел на него.

– А... а Рождество будет, сэр?

– А отчего ж нет? – Фредди перешёл на ковбойский говор: – Гульнём, чтоб небо загорелось.

И Ларри, как когда-то, фыркнул коротким смехом. Фредди удовлетворённо кивнул и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Ларри задвинул засов и сел за работу. Расплавил кольцо и убрал маленький слиток к остальному золоту. Вынул цепочки. Да, очень тонкая работа, он впервые видит такое плетение. Вторая попроще, вернее, он представляет, как сделано, а эта... Тогда так... Достал лу-

пу, пинцет, подложил под руку бумагу с карандашом и стал разбираться. Асимметричные кольца, создающие симметрию, симметрия асимметричности... очень интересно... работа, разумеется, художественная... золото очень старое... двух одинаковых колец нет... очень сложный ритм... и делалось, конечно, штучно и для того, кто мог это оценить.

Ему пришлось прорисовать весь обрывок, чтобы понять периодичность чередования. И когда он наконец расплавил обе цепочки, за окном было совсем темно. Ларри убрал золото и прорисовку, отдельно то, что Фредди называл бижутерией, а он белибердой. Конечно, если Фредди поможет продать, будет очень хорошо. Слишком хорошо. Какой бы ни взял процент, того, что останется, хватит. Оглядел тщательно убранный мастерскую и, отодвинув засов, открыл дверь.

– Пап, – тёмный комок у двери оказался Марком. – Я тебя жду-жду...

Ларри подхватил его на руки.

– Ты же замёрз, Марк, почему ты не постучал?

– Ты, – Марк всхлипнул, обнимая его за шею, – ты же работал.

Прижимая сына к себе, Ларри выключил свет и запер дверь.

– Ты не обедал?

– Не-а. Я тебя ждал. Уже ужин.

– Ну, бежим.

Крепко прижимая к себе сына, Ларри побежал на кухню.

Их встретили дружным сочувственным гоготом. Мамми навалила им в миски по двойной порции и вздохнула:

– Ну, совсем ты, Ларри, без ума. Ну, мальчика-то чего держал?

– Я сам, – попробовал сказать Марк, но из-за набитого рта вышло крайне неубедительно.

А Ларри строго сказал:

– Марк, либо ешь, либо говори, – и улыбнулся. – Так уж получилось.

– Срочная работа, – понимающе кивнул Роланд.

– Да, – не стал вдаваться в подробности Ларри.

В принципе, они не так уж опоздали. Остальные ещё пили кофе, уже по-вечернему неспешно, и Ларри с Марком их быстро догнали. Марк старательно вытер остатком лепёшки свою миску и, привалившись к отцовскому боку, сонно шурился на лампу. Взрослые обстоятельно и благодушно обсудили погоду, что зима круто заворачивает и снег на неделю лёг, не меньше, но при хорошей жратве и одежде беспокоиться не об чем, но до Рождества не долежит, конечно, а жаль, Рождество со снегом хорошо.

– А Новый год?

– Новый Год потом...

– Через неделю, ага?

– Да, точно.

– И цельную неделю гулять будем?

– Вот не подпишешь контракта и хоть год гуляй.

Посмеялись, конечно, это же шутка, но... Иди знай, контракт годовой, возьмут и не подпишут, и тогда что? От разговора о контрактах ушли. Ну их, нечего к ночи поминать, а Рождество – праздник светлый, весёлый...

Стеф обвёл сидящих за столом хитро блестящими глазами и улыбнулся.

– Вот рассчитают нас, деньги получим на руки и съездим в город, накупим всего к празднику.

– А ехать-то на чём? – с сомнением спросил Роланд. – Верхом если... Так я ещё сгоняю, ну, Сэмми... Ларри ты как, удержишься?

– Пока Бобби стоит, попробую, – рассмеялся Ларри. – Ну, Стеф, что придумал?

– А тут и придумывать нечего. Фургон сделаем, две лошади в запряжку, и всё.

– Голова-а! – ахнул Роланд. – Я ж видел в бросовой кладовке. Три колеса. Точно!

– Четвёртое там же. Сломанное, – подал голос Роб.

– Рама ж ещё нужна. Оси, – загудел Сэмми. – А обшивку где возьмём?

– Каркас и брезентом обтянуть можно, – сказал Ларри, вспоминая иллюстрации в книге о первопоселенцах.

– Брезент есть, – авторитетно подтвердил Роб.

– А разрешат? – сомневаясь, спросила Молли.

– А чего ж нет? – Мамми оглядела кружки, выискивая, кому долить кофе.

– Фургон в хозяйстве лишним не будет, – решительно изрёк Роб.

Роланд рассмеялся и взъерошил сыну волосы. Он уже не переживал из-за того, что его Роб равнодушен к лошадям, Стеф вон спокоен, что ни Том, ни Джерри не хотят с машинами возиться.

Пустились в воспоминания, кто где и что видел нужное для фургона. Фургон сладить – это не лавку на кухню сбить, здесь Сэмми одному не справиться. Но это ж... Это ж, когда делать? Ну, если разрешат заняться фургоном, то Большой Дом пока побоку, Сэмми ж не разорваться, Ларри с ленча снова в своей мастерской засядет – Ларри кивнул – Стефу от котельной, а Ролу от конюшни и скотной тоже надолго не уйти, так что вся работа на Сэмми ляжет. А ему уже на завтра велено, что делать. Это к массе Джонатану идти и перепрашиваться, тут надо думать и думать...

...Вечерний шум на кухне столь же привычен, как остальные шумы имения. Не вслушиваясь специально, Фредди ощущал их как сигнал: всё в порядке, всё, как обычно. Он сидел у камина, вытянув ноги к огню, и рассеянно скользил глазами по газете. Пора бы Джонни и вернуться, ночевать в Краунвилле вроде бы не планировал, хотя... кто знает, что и как может повернуться, всего предугадать невозможно. Фредди перевернул страницу. Всё то же. Стоп... а это что? Он опустил газету и прислушался. Да, топот копыт, точно. Фредди аккуратно положил на пол газету, встал и, подтянув

пояс с кобурой, вышел на террасу.

Снег всё ещё лежал, и оттого казалось не так темно. Ещё раз прислушавшись, Фредди пошёл к конюшне. Джонатан уже спешился, выводил Лорда и заводил его в денник.

– Пусть обсыхает.

– На кухню зайдёшь?

– А что, есть срочное?

Фредди хмыкнул.

– Не срочно, но обговорить нужно.

– Масса Джонатан, – влетел в конюшню Роланд. – С приездом, масса Джонатан!

– Спасибо, Рол, – улыбнулся Джонатан.

Выйдя из конюшни, он сразу оказался в обычном кольце. Выслушав всех, Джонатан не отдал никаких распоряжений и отпустил на отдых со словами:

– Всё завтра. Спокойной ночи. Нет, Мамми, спасибо, ужинать не буду. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи... И вам спокойной ночи, масса... Спокойной ночи, сэр...

Джонатан ушёл в душ, Мамми, сопя и вздыхая, уплыла на кухню, за ней ушли остальные. Фредди вернулся в их домик и поставил на решётку в камине кофейник, развёл посильнее огонь. Ну, вряд ли Джонни задержится в душе, не будет он Стефа держать лишнее.

Джонатан пришёл, когда на кофейнике задребезжала крышка.

– Уф, хорошо! Круто как на зиму повернуло, а?

Джонатан прямо-таки излучал благодущие и уверенность. Фредди отошёл к бару, сделал два коктейля и вернулся к камину.

– Держи, Джонни. Как там шериф? Готовится к двадцатому?

Джонатан удивлённо присвистнул.

– Чёрт, совсем из головы вылетело, двадцатого ведь годовщина, так? Думаешь, что-то будет?

– У нас? У нас будет под расчёт, Джонни.

– Интересная мысль, – кивнул Джонатан. – Четыре дня что-то решают?

– Многое. Я тоже не чухался, но меня сегодня Стеф просветил.

– Ну-ну? – Джонатан отхлебнул сразу полстакана, с интересом глядя на Фредди.

– План такой. Собрать из рухляди фургончик – раз. Двадцатого получить под расчёт – два. Три дня на то, чтобы по-смененно съездить в город за покупками. Двадцать четвёртого – Сочельник. А там уж как положено. Есть резон?

Джонатан задумчиво кивнул.

– Резон есть. Так-так, и что ещё сказал Стеф?

– Что людям нужны праздники, и что через год после освобождения стыдно ходить во всём рабском.

– Также резон, – Джонатан отхлебнул ещё раз, но уже поменьше. – Что ж, когда человек умён, то работать с ним в

одно удовольствие. Значит, с утра ставим Сэмми на фургон?

– И остальных к нему на подхват.

– Большой Дом может и потерпеть, – кивнул Джонатан. – Крышу мы там особо не раскрывали, самое ценное уже выбрано. Так, что ещё?

– Ларри наделал бижутерии, надо помочь продать, – Фредди усмехнулся. – Процент я не оговорил, но много он не запросит.

– Скинем Роулингу?

– Зачем? Пусть здесь разойдётся, чтоб слава пошла, – Фредди налил себе кофе и долил коньяком. – Знаток и в жести уровень увидит.

– А дальше?

– Предложим свой материал, и в Колумбию Ларри уже с заделом поедет.

– Стратегически мыслишь, – хмыкнул Джонатан.

– От тебя и заразился. Да, Джонни, о ёлках не беспокойся.

Джонатан поперхнулся. От неожиданности.

– Чего?! Каких ещё ёлках?

– Рождественских, – невозмутимо ответил Фредди. – Одну нам, другую на кухню. Ну, и парочку гирлянд к ней. К каждой.

– На кухню понятно, и не парочку гирлянд, а можно и целый набор. И о подарках можно подумать, согласен, вполне уместно. Но нам-то зачем?

– Людям нужны праздники, Джонни, – философским то-

ном ответил Фредди. – Кофейник сними с огня, раз не пьёшь.

Джонатан подозрительно посмотрел на Фредди, налил себе кофе и погрузился в раздумья.

– Да, Фредди, а почему я не должен о них беспокоиться? Ты уже заказал?

– Нет, – голос и поза Фредди оставались по-прежнему безмятежными. – Перед мэрией как раз две в аккуратных таких кадочках. И ни одного фонаря.

Джонатан замер с открытым ртом и через секунду захохотал так, что облил себя кофе.

– Ты!.. – наконец выдохнул он залихватское ковбойское ругательство. – Ты с ума сошёл!

– Рождество должно быть весёлым! – убеждённо ответил Фредди. – Ты не обжёгся?

Джонатан отсмеялся, вытер глаза и джинсы, налил себе ещё одну чашку, уже тоже пополам с коньяком.

– Это ты про Рождественские угоны, что ли, вспомнил?

– Н-ну! Забыл, как веселились?

– Особенно в отстойнике. Ладно, ёлки завезут, это не проблема. Могут себе и сами купить.

– Я обещал Стефу от нас.

– Тогда, конечно, – сразу кивнул Джонатан. – Так что, ковбой, делаем настоящее Рождество?

– Повторю за Стефом. Хэллоуин нам испоганили, неужто и Рождества не будет?

Джонатан залпом допил кофе и встал.

– Да, и это главный резон. Всё правильно, Фредди, делаем настоящее Рождество. Расчёт я сделаю.

– Деньги у нас на выплату есть?

– Не трухай, ковбой. Счета не тронем.

Фредди тоже допил и встал. Вдвоём они навели порядок в баре.

– Да, Джонни, вот ещё что. Корма надо на мелкую фасовку рассыпать. Роб сегодня с мелюзгой все мешки собрал и отсортировал. Поставить с утра всех мужчин, и до ленча делают.

– Элементарно, – кивнул Джонатан. – У Молли уже заметно?

Фредди пожал плечами.

– Понятно, – Джонатан усмехнулся. – Согласен. До ленча сделаем и поставим Сэмми на фургон.

– Согласен, – слегка передразнил его Фредди. – Ну, всё, пожалуй, – и, уже выходя из комнаты, сказал торжественным тоном, как клятву дал: – А на Рождество в оттяг повеселимся!

Джонатан вздохнул и стал стелить постель. Веселиться в оттяг, конечно, неплохо, но как бы аризонских шуток все-рьёз не приняли. Здесь всё-таки Алабама. А Фредди, похоже, завёлся и собирается веселиться на всю катушку. Джонатан невольно хихикнул, вспомнив, как они тогда в компании ещё с тремя ковбоями перепутали в рождественскую ночь

стада, аккуратно перегнав их по кругу. Шуму было... приятно вспомнить. Стадо цело, тёлочки не пропало, но в чужом загоне, а в твоём чужое стадо. Были чёрные мохнатые галлоуэи, а теперь светло-серые гладкие хайленды, а галлоуэев и след простыл. Разобрались быстро, но ржали... полгода. И потом долго вспоминали. Но здесь... здесь не поймут. Джонатан ещё раз вздохнул и лёг. Ему тогда было где-то шестнадцать, и эта ночная скачка, угон без кражи... хорошо было!

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

От утренней лёгкой дрёмы после завтрака Рассела разбудили голоса. Он даже не сразу сообразил, откуда этот много-

голосый крик и хохот, столь не свойственный обычным шумам подобных заведений. А подошёл к окну и увидел: ночью, оказывается, выпал снег, и спальники теперь убирали свою площадку, увлечённо перебрасываясь снежными комками. Было странно и даже трогательно видеть взрослых – во всяком случае, физиологически – мужчин за детской игрой. Рассел невольно рассмеялся, наблюдая за шутиливой баталией. Да, ни разу грань между игрой и дракой не нарушилась.

Он настолько увлёкся зрелищем, что не заметил, как за его спиной открылась дверь, и обернулся случайно, потянувшись за сигаретами. И оказался лицом к лицу с вошедшими. Обоих он знал. Доктор Жариков и... Северин, кажется, теперь его зовут именно так, а тогда... стоп, об этом не надо, во всяком случае, сейчас. Северин, как и тогда, в штатском, но... опять же, не надо. «О запретном не размышляй».

– Здравствуйте, Шерман.

– Добрый день, джентльмены.

Они сели за стол, и Северин открыл папку.

– Следствие по вашему делу закончено.

– Приятно слышать, – улыбнулся Рассел. – И уже вынесен приговор?

– Суда не было, следовательно, нет и приговора, – чуть-чуть насмешливо ответил Северин. – Вынесено постановление о прекращении дела и освобождении вас из-под стражи.

Рассел медленно глубоко вдохнул. Этого он никак не ждал. Готовился ко всему, но к свободе... Правда, тут же

выяснилось, что свобода несколько... ограничена. Его освобождают из-под стражи, но не выписывают. Ему возвращают его вещи, кроме оружия и литературы, переводят из камеры в палату, подробности режима ему расскажет доктор.

За этим разговором он даже не заметил: кто и когда занёс и положил на кровать его вещи. Костюм, плащ, портфель, отдельно в пакете всякая мелочь из карманов и деньги. Рассел расписался на предложенном ему листе, не читая текста и не пересчитывая денег, бросил ручку и задал удививший его самого вопрос:

– И хватит мне денег на оплату больничных счетов? – и, так как доктор не скрыл удивления, пояснил: – Арестанта содержит государство, а свободный человек платит за себя сам.

Северин холодно улыбнулся.

– Эти вопросы обсудите с доктором, – сложил свои бумаги и встал. – Честь имею.

Щелчок каблуками, чёткий поворот, и они остались вдвоём. Холодная на грани пренебрежения вежливость Северина не обижала, так как была полностью обоснована. Разумеется, зафиксированный на обработочном столе «клиент» не мог тогда видеть сидящего в углу за аппаратурой, но... Информации у Северина вполне достаточно для однозначных выводов. Тем более, что они правильны и соответствуют истине. И надо отдать должное: держится Северин безупречно. И сейчас, и на тех допросах, где уже сам спрашивал и слу-

шал ответы. Да, уникам – во всём уникам. Но об этом тоже не надо и тем более сейчас. Что там говорит доктор?

– С вашим делом ознакомились в Комитете защиты жертв и бывших узников Империи. Комитет согласен оплатить ваше лечение.

– Что?! – потрясённо переспросил Рассел. – Но я ни в какой комитет не обращался.

– Обратился я, – спокойно сказал Жариков. – Я считаю вас жертвой. И с моими аргументами согласились, – и встал. – Идёмте, Шерман. Я провожу вас в палату.

– Мне... можно переодеться? – глухо спросил Рассел.

– Да, конечно. Я подожду вас в коридоре.

Да, разумеется, он понимает. Ему дают время прийти к себе, но... Роняя вещи, путаясь в рукавах и пуговицах, Рассел переоделся, рассовал по карманам пиджака содержимое пакета. А это что? Справка? Да, справка об освобождении. Её в бумажник, всё-таки документ. Ну вот... он оглядел камеру, да, всё-таки камеру, и вышел в коридор, неся непривычно лёгкий пустой портфель.

Ни Северина, ни конвоира, только доктор. Рассел подошёл к нему.

– Я готов.

– Всё взяли? Идёмте.

Через внутренний переход они перешли, как понял Рассел, в другой корпус. Здесь коридор был намного оживлённее. Больные в тёмно-зелёных пижамах, сёстры, врачи, по-

сетители... И почти все здоровались с доктором. Ещё один переход, а здесь народу заметно меньше, и доктор открывает перед ним дверь.

– Заходите, Шерман. Это ваша палата.

Рассел огляделся и пожал плечами.

– Не вижу принципиальной разницы. Всё то же.

Жариков улыбнулся.

– Дверь не запирается и окно без решёток. Располагайтесь, бельё на кровати. С завтрашнего дня будете ходить в столовую и на процедуры, а сегодня привыкайте к новому месту.

И ушёл.

Рассел снова огляделся. Да, всё то же, и всё по-другому. Ну, что ж, будем устраиваться. Он поставил под вешалку портфель, повесил плащ и подошёл к окну. Милый парковый пейзаж. Снег делает его даже... изысканным. И тихо. Как же здесь тихо. И безлюдно.

Рассел отвернулся от окна, подошёл к кровати. Да, бельё, тёмно-зелёная пижама, даже шлёпанцы стоят наготове. Тумбочка у кровати, стол у стены, два стула, вешалка в углу, а костюм куда? О, даже плечики предусмотрены, именно костюмные. И отдельно для рубашки. А эта дверь куда? Санузел? Да, так и есть. Ну, будем обживать этот мир. Сколько его здесь продержат, неизвестно, а спешить ему... некуда, не к кому и незачем.

На подходе к своему кабинету Жариков увидел Леона и Алика. Оба уже переоделись, но явно ещё не успокоились и были там, в игре. Увидев Жарикова, они заулыбались.

– Здравствуйте, Иван Дормидонтович... Здравствуйте...

– Здравствуйте, – кивнул Жариков. – Как рука, Лёня?

– Полный порядок, – он несколько раз согнул и разогнул руку.

– Он может работать, – робко, но очень старательно сказал Алик по-русски. – Он сильный.

Жариков улыбнулся.

– Молодец, совсем чисто получается, – сказал он по-английски и продолжил по-русски: – Как твои дела?

– Спасибо, – Алик улыбкой извинялся за неуверенный русский. – У меня всё хорошо.

– Рад за вас.

Что ж, приходится признать правоту Андрея, его метод лечения дал блестящий результат. И, разумеется, все парни на его стороне, а Шерман теперь не под охраной. Но и до парней что-то доходит. Дети учатся жить по-взрослому.

Леон и Алик попрощались и убежали, явно не из-за боязни опоздать, а получая удовольствие, даже радость от движения. Жариков негромко рассмеялся им вслед и вошёл в свой кабинет. Через пять минут придёт Чак, надо подготовиться. До чего же жёсток и неуступчив. Рабская покорность, заискивание, приниженность только как маска. А под ней презрение и ненависть. Считается только с силой, презира-

ет всех, кто слабее. Но и это маска, попытка самооправдания собственной жестокости. И только убедившись, что парни могут дать ему отпор, а то и просто сильнее его, изменил к ним отношение. И в то же время явно симпатизирует Андрею, далеко не самому сильному. Неужели из-за того, что Андрей джи? Но и Арчи, и Майкл, и Джо с Джимом, и ещё... Так что это уже личное. Ненавидит Старого Хозяина и его же смертельно боится. Ну, что ж, клин клином вышибают, так? Вот и попробуем сегодня клин. Чак достаточно окреп для решающего действия.

Жариков оглядел приготовленный на маленьком боковом столике инвентарь. Бумага, ручка, пепельница, зажигалка, энциклопедический словарь на английском.

В дверь осторожно постучали.

– Входите, – сказал Жариков по-английски.

Чак вошёл, плотно прикрыв за собой дверь, вежливо улыбнулся.

– Добрый день, сэр.

– Добрый день, Чак. Проходите к столу.

По дороге на своё обычное место Чак покосился на боковой стол и разложенные на нём вещи, но промолчал, ни о чём не спросил. Сел к столу. Напряжён, подобран, как перед прыжком, свежесвыбрит, все пуговицы аккуратно застёгнуты, волосы расчёсаны.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, сэр, очень хорошо, сэр.

– Болей больше нет?

– Нет, сэр.

Скорость последнего ответа не понравилась Жарикову.

– Вы ходите в тренажёрный зал? На гимнастику?

– Да, сэр, – и с невольной прорвавшейся хвастливой улыбкой: – У меня всё получается, сэр.

– Всё? – весело переспросил Жариков.

Лицо Чака сразу окаменело, улыбка стала жалкой.

– Рассказывайте, – мягко, но исключая отказ, сказал Жариков.

Чак судорожно вздохнул.

– Я... я не могу больше... – и совсем тихо, обречённым шёпотом: – бить не могу.

Жариков молча ждал. И Чак, зная, что всё равно расскажет, так чего тянуть, стал объяснять.

– Пока это «груша» или мешок, я всё могу. Представлю... человека, и сразу... немеет... как опять... паралич, – Чак опустил голову. – Потом проходит.

Этого Жариков не ждал и даже не предполагал. Он попросту растерялся, а Чак, не заметив этого, продолжал:

– Я... я дважды себя проверил. На руках, и ногами попробовал. И упал. Ноги отказали. Ведь... ведь не было же, ноги мне совсем не болели. А бить ими не могу. Мне... мне не жить теперь. Забьют меня.

– Никто вас не тронет, – мягко и очень убедительно сказал Жариков.

– Здесь – да, – кивнул Чак. – Вы запретили им трогать нас. Меня и Гэба. Они слушаются вас, сэр. А потом? В городе у вас власти нет. Прошу прощения, сэр, но это так.

Чак говорил тихо, но с такой силой убеждённости, что Жариков понял: не переубедить. Никаких доказательств Чак попросту не услышит. Потому что не хочет слышать. Надо менять тему. Если тропа явно тупиковая, надо свернуть и поискать другую. Или хотя бы удалиться от опасного места.

– Вы в библиотеке были, Чак?

Чак вздрогнул и поднял голову.

– Да, сэр. Мне разрешили посмотреть книги, сэр.

– Взяли что-нибудь почитать?

– Да, сэр.

Чак отвечал очень осторожно. С одной стороны, доктор, можно сказать, велел ему читать, а с другой стороны... всякое ведь может случиться, у беляка всегда найдётся за что наказать. Книга, конечно, интересная, и парни, увидев, что он хорошо читает, зауважали. Смешно даже. Но...

– Книга интересная?

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– Вам нравится читать, Чак?

Чак неопределённо улыбнулся, не зная, как отвечать. Следующий вопрос удивил своей бессмысленностью.

– А почему раньше вы не попросили книгу или журнал?

– Приказа не было, сэр, – Чак даже плечами пожал, не понимая, как это можно не знать элементарных вещей.

– Вы делаете всё по приказу, Чак?

Чак сразу насторожился. Что, сейчас опять начнётся, что выполнение преступных приказов – преступление? Надоело уже. И ведь беляк должен понимать это, а притворяется.

– Я раб, сэр. И должен выполнять все приказы хозяина. И любого белого, сэр.

– Любой приказ?

Чак на мгновение стиснул зубы так, что на скулах вздулись желваки.

– Сэр... вы же знаете... я не могу сопротивляться... я – раб...

– Рабство отменено.

– Сэр! – выдохнул он, почти крикнул. – Сэр, вы знаете. Скажут те слова, и я – раб. Хуже раба!

– Хотите освободиться, Чак?

Чак судорожно вздохнул.

– Это... это невозможно, сэр.

– Почему вы так думаете?

– Но... – Чак беспомощно смотрел на него, – но как же иначе, сэр? Это же вечно, на всю жизнь, до смерти, сэр.

– Я повторяю. Вы хотите освободиться?

Чак сидел неподвижно, только дёргались мышцы на шее, да растопыренные пальцы царапали натянутую на коленях тёмно-зелёную байку, будто хотели сжаться в кулак и не могли.

– Что я должен делать? – наконец, с усилием выталкивая

слова, спросил Чак.

– Идите к тому столу и садитесь.

Чак, как автомат, выполнил его приказ.

– Пишите. Си... ай... ти... ю... эй... ти... ай... оу... эн...

Читайте про себя, что получилось.

Чак вдруг отпрянул от стола, вскочил на ноги, опрокинув стул.

– Нет! Нет, сэр, это запрещено! Нельзя, сэр! Вы же знаете, сэр... Нет... не надо...

– Надо! – жёстко ответил Жариков. – Если вы сейчас не пересилите себя, то уже никогда не сможете. Садитесь и пишите.

Помедлив, Чак поднял стул и снова сел к столу, взял ручку.

– Что писать, сэр?

– Остальные слова.

– Что?! – Чак резко обернулся к нему, забыв добавить положенное обращение.

– Остальные слова, – повторил Жариков. – Вся формулу. Вы её знаете. А я нет. Пишите сами.

Чак смотрел на него широко раскрытыми глазами. Жариков молча взял какую-то книгу, открыл наугад и погрузился в чтение. И наконец услышал тихое поскрипывание пера о бумагу. Чак писал. В кабинете установилась тяжёлая напряжённая тишина. Когда Чак отодвинул стул и встал, Жариков не поднял головы.

– Сэр... – Чак стоял у его стола, протягивая листок. – Вот, я написал, возьмите.

– Нет, – покачал головой, по-прежнему не глядя на него, Жариков. – Мне они не нужны.

– А... как же так, сэр? Это же... Что мне с этим делать, сэр?

– Сожгите, – просто сказал Жариков. – Вон зажигалка, вон пепельница.

Чак медленно осторожно шагнул к столу, и тут же обернулся.

– Сэр... прошу прощения, сэр, вы не хотите прочитать их, сэр?

– Нет.

– Но, сэр, это... это же власть. Надо мной, над Гэбом...

– Мне она не нужна.

Опустив голову, Чак отошёл. Шорох сминаемой в комок бумаги, щелчок зажигалки, потрескивание огня... Жариков поднял голову. Чак стоял и молча смотрел на огонь, на чёрный комок в пепельнице. И, когда бумага догорела, спросил, не оборачиваясь.

– А теперь что, сэр?

Жариков улыбнулся.

– Посмотрите в словаре, что означают эти слова.

Чак изумлённо обернулся к нему.

– Зачем, сэр?

– Чтобы они не имели над вами силы.

Губы Чака дрогнули в усмешке. Он понял. Сел к столу и решительно подвинул к себе словарь. Зашелестел страницами. Жариков снова занялся книгой.

– Готово, сэр, – весело сказал Чак. – Что ещё я должен сделать?

– Напишите эти слова в любом другом порядке.

– По алфавиту, сэр?

– Как хотите.

– Да, – кивнул Чак. – И тоже сжечь?

– Как хотите, – повторил Жариков.

И снова тишина. Та же и всё же другая. Чак исписал ещё два листа, скомкал их и сжёг. Тщательно – кулаком, костяшками – размял, растёр пепел в порошок. И посмотрел на Жарикова.

– Всё, сэр.

– Рад за вас, – искренне улыбнулся Жариков. – Вы уверены, что всё?

– Да, сэр.

– Тогда идите отдыхать. Придёте завтра в это же время.

Чак встал, склонил голову в полупоклоне и пошёл к двери.

И уже взявшись за ручку, остановился.

– Сэр, прошу прощения, но... могу я рассказать об этом Гэбу?

– Да, но без подробностей, – Жариков твёрдо смотрел ему в глаза. – И ничего сами с ним не делайте.

– Да, сэр, я понял, сэр. Благодарю вас, – и снова полупо-

клон. – До свидания, сэръ.

– До свидания, Чак, – кивнул Жариков.

И, когда за Чаком закрылась дверь, перевёл дыхание. Получилось! Теперь ещё сутки, много – двое, чтобы Чак сам переварил и осознал случившееся, и его можно будет вводить в адаптационную фазу. Лишь бы с Гэбом не начал экспериментировать. Изолировать на всякий случай? Хотя... Нет, Чак – не Андрей. Альтруизм ему мало свойствен. Рассказать, да, расскажет, похвастается и не больше. Жариков достал карту Чака, свои тетради и приступил к самой нудной, но необходимой составляющей – записям.

Чак быстро прошёл в свою палату. Внутри клокотала, просилась наружу дрожь. Её нельзя показать. Нельзя. Никому. Это слабость, а слабаку жить незачем. Войдя в палату, торопливо содрал с себя пижаму и лёг, накрылся одеялом. С головой. Чтобы остаться одному. Дурак, ах, какой же он дурак, тупарь, скотина безмозглая. До такой чепухи не додуматься. Что это слова, только слова, не больше. А он... да они все. Услышат и всё, зашлись, самих себя по приказу кончат. А всего-то и надо было. Написать их. И сжечь. И всё. Нет у этого больше над ним власти. И... и свободен он, понастоящему. Трубказуб – млекопитающее, полые зубы, обитает на Южном материке, и смешной такой зверь на рисунке. Глютамин – амид глютаминовой кислоты, чепуха какая-то. Антитеза – противопоставление контрастных понятий, тоже чепуха, совсем непонятно для чего... И с каждым словом

так, какое ни возьми. Чего же он боялся, трясся? Ситуация – обычное же слово, а он... Плакал, руки целовал, просил «Не надо!». А это... Нет, этих слов нет, они сгорели, он сам их сжёг и пепел размял, никому не прочитать. Нет этого, а слова... что слова, сказал и забыл...

Он плакал, дрожа, сотрясаясь всем телом, не замечая ни дрожи, ни слёз. Кто-то тронул его за плечо, мягко сдвинул одеяло с головы. Чак моргал, щурился, но слёзы текли неудержимо, мешая видеть. Кто? Доктор Иван? Зачем? Что ему нужно?

– Выпейте, Чак.

Он послушно приподнялся на локте и взял стакан.

– Это снотворное, – объяснил Жариков, не дожидаясь вопроса. – Вам надо как следует выспаться. Пейте.

Чак послушно поднёс стакан к губам. Рука так дрожала, что он бы уронил стакан, но доктор ловко поддерживает ему голову и руку. Горьковатая прохладная вода. Он жадно выпил её и снова лёг.

– Спасибо, сэр. Вы очень добры, сэр.

Кто это говорит? Зачем? Но мир уже исчезает в тёплой приятной темноте, путаются мысли, и чьи-то руки укрывают его, успокаивающе гладят по плечу. Но он уже спит.

– Вырубился, – Арчи выпрямился и поглядел на Жарикова. – Вы... усыпили его, так?

– Да, – Жариков озабоченно улыбнулся. – Ему надо долго спать. Но ты молодец, Арчи, что заметил.

Арчи польщено улыбнулся. Это он вызвал Жарикова по селектору, сказав, что Чак, похоже, не в себе.

– Я слышу, Иван Дор-ми-донт-о-вич, он зубами аж стучит. Смотрю, зову, а он с головой завернулся и не отвечает. Я его за плечо тронул, а он, – Арчи ухмыльнулся, – не брыкается. Даже не послал меня. Ну, я к селектору.

– Молодец, – повторил Жариков. – Ты один дежуришь?

– Да. Гэб тихий, этот ходячий. Мы теперь по одному. Ничего, справляемся.

– И дальше справишься?

– А чего ж нет?

Жариков задумчиво кивнул.

– Всё-таки, давай вызовем ещё одного. Кто сейчас свободен?

– Ну, кто снег убирает, кто в город пошёл, кто с ночной дрыхнет. Найду, Иван Дорми-дон-тович, – с каждым разом у него получалось всё лучше.

– Хорошо. Если что, я у себя.

– Да, конечно.

Жариков ещё раз посмотрел на Чака. Лицо уже спокойно, тело расслаблено. Да, всё-таки реакция.

– Пусть спит. Не буди ни под каким видом.

Арчи понимающе закивал.

– А как же. Всё сделаю.

Они вышли из палаты, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– К Гэбу зайдёте, Иван Дормидонтович?

Жариков кивнул. Арчи ловко открыл перед ним дверь палаты Гэба, оставшись в коридоре. Лежавший навзничь Гэб медленно повернул голову.

– Здравствуйте, Гэб. Как вы себя чувствуете?

– Здравствуйте, сэр. Спасибо, сэр, хорошо.

Он говорил медленно, сохраняя на лице равнодушно отчуждённое выражение. Жариков переставил стул и сел так, чтобы Гэбу было удобнее смотреть на него, вернее, чтобы было неудобно отворачиваться. Если Чака переполняет ненависть к окружающему миру, то Гэба – равнодушие. Мир, люди, независимо от расы, ему глубоко безразличны. Он всё принимает, ни с чем не споря. Что бы ни творилось вокруг, он в своём мире.

– Боли беспокоят?

– Мне ничего не болит, сэр.

Жариков кивнул. Да, это стандартно. Стремление избежать отрицательного ответа, потому что белому не говорят «нет». Вошло в автоматизм.

– До Грина вы скольких хозяев сменили?

– Их было много, сэр, – и по-прежнему вялым, равнодушным тоном: – Меня часто продавали, сэр.

Жариков улыбнулся. В завуалированной форме, но поправил. Что не он хозяев менял, а его продавали. Так что не так уж глубока твоя депрессия, Гэб. И это очень уж даже не плохо.

– Расскажите мне, Гэб.

– Что? Что вы хотите услышать, сэр?

– Всё равно, – улыбнулся Жариков. – Рассказывайте, что хотите.

– О... Грине?

– Как хотите.

– Хорошо, сэр, – Гэб вздохнул и заговорил тем же ровным монотонным голосом, глядя в потолок. – Я был дворовым, сэр. Работал на огороде и в саду. Когда собирали ягоды, нам клеивали рты. Лейкопластырем. И я нарочно давил ягоды. Они спелые, чуть сильнее сожмёшь, мажутся. Надзиратель ударил меня, и я упал. Прямо на уже собранное и много подавил. И его ногами подсёк. Так что он тоже упал. Меня выпороли. И продали. Грину. Я не знаю, зачем он тогда приехал, но он увидел меня и купил. Он не ломал меня. По-настоящему. Я его сразу признал. А потом... потом меня на тренировке сильно избили, и он не разрешил меня добить. И на Пустырь не отвёз. А мне ведь ноги повредили. Обе. А он меня оставил. Меня лечили, я долго лежал. И уже тогда я дал ему клятву. И, когда ходить начал, он меня в поездки стал брать. С собой. И там на него один полез. С ножом. Я его уделал. Насмерть. А тот белый. Меня в полицию забрали. Били сильно. И он меня опять... выкупил он меня. Я думаю, сэр, он это специально подстроил тогда. С полицией. Чтобы у меня ненависти было больше.

– Вы сейчас так думаете?

– Не знаю, – из-под маски равнодушия вдруг проступило

детское бесхитростное удивление. – Нет, наверное. Нет, сэр. Когда он нас продал, и клятву нашу передал, мы все тогда поняли. Его забота была обманом, сэр. Мы были нужны ему. Вот и всё, – Гэб вдруг медленно раздвинул губы в улыбке. – Все так делают, сэр. Вы заботитесь о парнях, и теперь они работают на вас. Всё как всегда, сэр.

Жариков улыбнулся.

– Я не буду разубеждать вас, Гэб. Со временем вы поймёте разницу. Скажите, а как подбиралась десятка? Вы всегда были по десяткам?

– Смотря, сколько заказывали, сэр. До конца десятеро редко когда доходило. Он называл нас выпуском. А так... нас было много, сэр. Кто выживал, того продавали. Нас поставили тогда. Перед ним. И он сказал: «Беру всех». Я запомнил, – Гэб облизал губы.

– Хотите пить, Гэб?

– Да, сэр. Вы очень добры, сэр.

Формула благодарности была лишена даже малейшего признака чувства. Но Жарикова это не удивляло и не трогало. Разумеется, при такой системе... дрессировки любая помощь или забота понимается однозначно. Он дал Гэбу попить.

– Устали? Хотите отдохнуть?

– Как прикажете, сэр?

Жариков встал.

– Отдыхайте, Гэб.

Когда он вышел, Гэб напряжённо прислушался к удаляющимся шагам. Что-то всё-таки случилось. Чак не зашёл похвастаться, подразнить его, что руки работают. А он слышал, как Чак прошёл в свою палату. Потом туда прошёл, быстро прошёл, считай, пробежал беляк. И... и всё, потом беляк сюда заявился. Значит, допрыгался Чак. Или язык, или руки распустил, и его... Сегодня Арчи дежурит, хитрый парень. Рот до ушей, а сказать не захочет, так и не скажет. Ага, вроде идёт. Ну, попробуем.

В палату заглянул Арчи.

– Не надо чего?

Гэб повернул голову, глазами попросил подойти, улыбнулся вошедшему.

– Ну? Болит чего?

– Нет. Что с Чаком?

– А-а, – понимающе протянул Арчи. – Он спит.

Гэб недоверчиво хмыкнул.

– С чего это он?

– Проспится, придёт и сам расскажет, – ответил Арчи, умело поправляя подушку.

– Проспится? – переспросил Гэб. – Это где он напиться сумел?

Арчи недовольно сжал губы.

– Слушай, я сказал. Встанет, придёт и сам тебе всё расскажет. Если захочет.

– Ладно, – не стал спорить Гэб.

И, когда Арчи ушёл, тихо злобно выругался. Точно, допрыгался Чак, и его обработали. Током или ещё чем. И бросили отлёживаться. Чак-то с руками уже, ценность опять заимел, вот и ломают его. Под нового хозяина. Дурак Чак, всё на морде всегда написано. На силу свою всё надеется и не бережётся. Вот его и ломают. А раньше покоришься – меньше колотушек получишь. А Чак... Чака всегда ломали. Дурак.

Гэб вздохнул. Ему остаётся лежать и ждать, когда опять заработают руки. У Чака же заработали. Он-то глупить не будет. Зачем нарываться? Не всё ли равно, кому угождать, все ж беляки одинаковы. Но показывать, что ты это понимаешь, нельзя.

Он медленно перекатил по подушке голову и посмотрел в окно. На чёрных ветвях белые полосы снега. Не стаял ещё, значит, холодно. Зима. Холодный белый свет за окном. Будь оно всё проклято, надоело ему всё. И ничего, ничего он не может изменить. Ничего. Что ему назначено, то и будет. Назначено белыми. И жизнь, и смерть. Родиться по приказу, жить по приказу и умереть по приказу. Вот и всё. А всё остальное – одни слова. Белый обман. Как снег.

Гэб закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Пока его не трогают. Пока он сам с собой, сам по себе.

Алабама

Колумбия

С наступлением холодов пошли радикулиты, застуженные суставы и мышцы. Лечебный массаж – это уже посложнее. И подороже. Но они справлялись. И деньги копились. Роб уже не так психовал из-за каждой покупки. А покупали они много. Одежда, еда... У них своё дело, им не то что в рабском, в обносках нельзя ходить: клиентов отпугнут. Значит, всё не на толкучке покупать, а в магазинах. Не в центральных, конечно, но на соседних улицах, где попроще, но всё-таки. Их уже знали и продавали им без звука. Да и платили они наличными, в долг не брали. А в Цветном только на тамошней Мейн-стрит, уж там-то... И с продуктами так же. На еде экономить нельзя. Им теперь – как всем на этой улице – каждое утро оставляли на боковом «жилом» крыльце три бутылки молока. И мясо в лавке отпускали хорошее. Крупу покупали чистую, а не сорную смесь. Хорошо!

Найджел тщательно размёл от снега обе дорожки и крылечки. Вот так. На газоне пусть себе лежит, стает – так стает, а дорожки должны быть чистыми. Вот так. И вот так.

– Найдж, готово? – это Мет зовёт. – Есть иди.

– Иду.

Найджел оглядел свою работу и пошёл по дорожке, чтобы не топтать белый газон, к дому. Когда он подходил к боковому крыльцу, его окликнули из-за изгороди:

– Добрый вечер, Найджел.

– Добрый вечер, миссис Энтони, – улыбнулся он в ответ.

– Как холодно сегодня.

– Да, мэм. Настоящая зима, мэм.

И они, ещё раз обменявшись улыбками, разошлись. Миссис Энтони первая из соседей стала здороваться с ними и разговаривать о погоде. Сложив на террасе, которую они использовали как хозяйственную кладовку, лопату и метлу, Найджел вошёл в дом. И, поднимаясь по лестнице, почувствовал, что замёрз.

Роб и Мет уже сидели за столом. Найджел прямо на кухне вымыл под краном руки, вытер кухонным полотенцем и сел на своё место.

– Что так долго? – Метьюз оглядел полные миски.

– Неужто снегу так много? – удивился Роберт.

– Или замёрз, руки не гнулись? – поддержал его Метьюз.

– Ну, так мы теперь в куртке работать не будем. Пофорсить надо.

Найджел молча слушал эти подначки и подколки. Его раздрают форсом, Роба скупостью, Мета – заботой об остальных. Всё нормально, они втроём, они вместе. Всё выдержали, смогли, насмерть друг за друга стояли. И сейчас... что

ни случись, он не один. И Роб. И Мет. Их трое.

– Ты не заболел, Найдж?

В голосе Метьюза прозвучала уже настоящая тревога, и Найджел оторвался от каши.

– Нет, а что?

– А не отругиваешься, – ухмыльнулся Роберт.

Найджел улыбнулся.

– Так на правду знаешь, кто обижается? Я ж не такой, на вас не похож.

Роберт, а за ним и Метьюз с удовольствием расхохотались. Рассмеялся и Найджел.

– Ну вот, теперь, как обычно, – отсмеялся Метьюз. – А то сидишь такой тихий...

– Могу и побуяннить, – предложил, поддерживая шутку, Найджел.

Они доели кашу и уже не спеша, в удовольствие, приступили ко второй кружке кофе.

– Может, конфет купим? – предложил Метьюз.

– А чем тебя сахар не устраивает? – поинтересовался Роберт. – Или деньги руки жгут? Лучше уж из посуды чего прикупить.

– А с красивой тарелки и сорная каша вкуснее, – очень серьезно кивнул Найджел.

– Я т-те поязвлю, – пообещал Роберт. – Занавески на окнах у нас всюду, по всему этажу...

– Шкаф для одежды нужен. Гардероб, – сразу сказал Ме-

Тьюз.

– Четыре шкафа, – кивнул Найджел.

– Это куда столько? – сразу насторожился Роберт.

– В холл для верхнего и каждому в комнату.

– Для верхнего у нас вешалка есть.

– Доска с гвоздями?

– Ну, вешалку надо, согласен.

– И гардероб. Так у нас и будет всё на полу в тряпочках лежать?

– Гардероб один можно. Большой. Поставим в холле. Туда костюмы повесим и всё такое. А бельё...

– Для белья комод можно. С ящиками.

– Тоже одного хватит.

– Ага! Трусы переодеть в холл будем бегать.

– А ты кого застеснялся?

– Найдж прав. Надо, чтоб в спальнях было. Холл заставим, так где тянуться будем?

– Тоже верно, – вынужденно кивнул Роберт. – Но столько сразу не потянем.

– А я ж не говорю, что сразу.

– Слушай, а если, как это, стеллаж сделать?

– Полки на стойках?

– Ну да.

– Не пойдёт. Пылиться всё будет. Нужен шкаф и комод.

– Ага. Для начала к тебе поставим. А потом и нам.

– Для начала хорошую вешалку в холл.

– А стеллажи в кладовку.

– Стеллажи мы и сами можем попробовать...

– Пробовать – это только деньги и материал переводить.

Спорили со вкусом, получая от спора удовольствие. Конечно, когда дом только строился, им бы тогда сразу договориться, чтоб сделали встроенные шкафы в спальнях. Но тогда не сообразили, так что сейчас и думать о таком нечего.

– Большой шкаф по лестнице и не влезет. Вспомни, как доски для топчанов затаскивали.

– Ага, так это ж мы. А стол этот занесли же нам.

– Так он меньше шкафа.

– Если у каждого свой шкаф, так большие тоже не нужны.

– Подумать надо, – закончил спор Роб и встал, собирая кружки.

– Думай, – согласился Найджел. – До Рождества всё дешевле.

– Да, распродажи же сейчас.

– Мебели на распродажах нет, – возразил Роберт.

Он быстро вымыл миски и кружки, расставил их на проволочной сушке над раковиной и вытер руки.

– Ну, а сейчас что?

– Уроки ещё делать, – напомнил Найджел, протирая стол. – Завтра в школу идти.

– Потянемся и за уроки, – решил Роберт. – Найдж, ты дверь запер?

– А то!

– Ну, смотри.

Они вышли в холл, быстро проверили, достаточно ли надёжно шторы закрывают окна. Ткань подбирали плотную и, повесив, специально проверяли, бегали на улицу смотреть: не просвечивают ли. Получилось удачно. И видно, что дом жилой, и разглядеть что-либо невозможно. Так что всё в порядке и никаких тревог. Они разделись и начали тянуться. Холл достаточно просторен для троих. Конечно, не как в русском госпитале, там целый зал, настоящий. Но им и холла хватает. И по одному, и вдвоём, и втроём.

Роберт помнил, что он старше и тяжелее, и работал очень аккуратно, особенно в паре с Найджелом.

Потянувшись вволю, пошли в ванную, смыть пот и усталость. Ванную им сделали просторную, с душем на три рожка и большим зеркалом. Самой ванной они пользовались редко. Оно, конечно, полежать в тёплой воде приятно, но всегда чего-то некогда, и к тому же душ привычней.

– Роб, ванну или душ?

– Про уроки забыл?

– Арифметика завтра. Ты что, не сосчитаешь?

– А с английским как? И ещё эта, география.

– Слушайте, парни, курсы русского открыли!

– Ты сначала по-английски научись. А то написал диктант.

Слова без ошибки не было, а на русский замахиваешься.

Найджел кивнул. Конечно, братья правы. Им бы с этой школой справиться. Но вот она... она ходит на курсы рус-

ского. Сама об этом сказала, он слышал. Но вот ни Робу, ни Мету он не может о ней ни слова. О ней он сам с собой молчит. Слишком это... непривычно. Он же джи, а она улыбается ему и вообще... Нет, когда-нибудь он расскажет братьям, но не сейчас, а потом. И ещё. Школа бесплатная, а курсы платные. На курсы Роб денег не даст. И будет прав. Это уже баловство. Хватит того, что он каждую субботу на танцы ходит. Роб и Мет, правда, тоже, но редко.

Для дома, чтобы вот так посидеть после душа и не нагишом, они купили пижамы. Штаны как рабские, на резинке, а рубашка на пуговицах. Удобно. Беляки в таких спят. Но у них-то тепло, есть простыни, а нагишом спать куда удобнее. А просто посидеть вечером – это то, что надо. А на ноги шлёпанцы. Совсем хорошо.

Уроки они делали на кухне, где каждый мог сесть, разложить свои тетради и книги. Большой письменный стол в холле был их конторой, офисом, как шутил Роберт, а на кухне удобнее. В холле погасили свет, чтобы лишнего не нагорало, и сдвинули занавески. Утром встанешь, выйдешь в светлый холл... Хорошо!

– Найдж, про английский не забудь.

– Я арифметику сначала.

– А потом скажешь, что устал, и опять будешь глазами на уроке хлопать.

– Оставь его, Мет. Охота ему дураком выглядеть – его проблема.

– И то правда.

Найджел промолчал и раскрыл учебник. Ну, почему всё такое простое и понятное, когда говоришь, становится сложным и непонятным, когда пишешь? Кто только всё это напридумывал? Ну, как нарочно намудрил.

Роберт читал географию, придерживая пальцем строку. Метьюз решал арифметику, аккуратно выписывая цифры. Конечно, можно было записаться на первую ступень. Только читать, немного писать и считать. И всё. За пару месяцев можно уложиться. Ходишь, пока не научишься. Но они пошли на полный трёхлетний курс. Чтобы иметь документ. Сначала ходили по очереди, а теперь завелись, втроём ходят, пропускают, конечно, но только тогда, когда совсем иначе не получается. Они ведь не по найму, где отпахал положенное время и гори там всё синим огнём. Своё дело и времени, и затрат требует. За тебя никто о твоём бизнесе заботиться не будет.

Найджел дописал фразу и стал проверять, сверяя написанное со словарём. Конечно, их здорово выручало то, что считать ещё в питомнике выучились, только с умножением проблемы, а в английском помогала зрительная память. Надо три раза написать слово правильно, ну, если трудное, то строчку, много две, и всё. Больше не путаются. Метьюз закончил решать задачи, отодвинул тетрадь по арифметике.

– Найдж, английский нужен?

– Нет, я со словарём, – ответил Найджел, не поднимая го-

ЛОВЫ.

Метьюз подтянул к себе учебник и стал писать. Роберт, положив обе ладони на раскрытый учебник, поднял к потолку глаза и повторял прочитанное, беззвучно шевеля губами.

В кухне тепло, приятно пахнет кофе. За окнами шумит в деревьях ветер. Зима, холодно, а их это уже не касается. У них есть дом, работа. И самое главное – они не одни, их трое. Они – семья. Они не говорили об этом, не вспоминали, но помнили...

...В тёмной вонючей трубе они сидели долго. Задыхаясь от вони, дрожа от холода, теряя сознание и приходя в себя. И наконец один из них прохрипел:

– Не могу. Выползаем.

Извиваясь, обдираясь о шершавые стенки, вылезли. Грязные, перепачканные... Было уже темно. Распределитель догорал, повсюду валялись трупы. Не сговариваясь, даже ни о чём не спросив друг друга, они молча ушли, убежали. А потом долго брели, сгибаясь под холодным сырым ветром. И один из них упал. Двое подняли его и повели, поддерживая с двух сторон. И даже не поняли, не заметили тогда, что нарушили вбитую с питомника заповедь: не помогать, не трогать другого без приказа. И потом, когда они лежали в каком-то сарае, прижавшись друг к другу, даже не посмотрев: элы или джи... Имена они взяли себе гораздо позже, уже перегорев. А тогда Роберт был просто Чёрным или Большим, Метьюз Серым – обычное прозвище мулатов, а Найджел – Младшим,

Мальцом. А вот когда набрели на то пустое, но не разрушенное имение, нашли кладовку и, скинув тонкую изорванную паласную форму, натянули простые рабские штаны и рубахи, подобрали сапоги, куртки, шапки, даже портянки... Да, здесь тоже всё было раскидано, поломано, загажено, но их-то всего трое, так что им хватило. И нашли никем до них не замеченную чуть-чуть только погрызенную с угла мышами буханку рабского хлеба и собрали с пола немного крупы, смогли найти спички и развести в камине, в разгромленной гостиной огонь и сели перед ним, жуя хлеб и крупу и медленно согреваясь. Вот тогда посмотрели друг на друга и увидели. Что Малец джи, а Большой и Серый – элы... И не убили джи, хотя их двое, и они старше. Но Найджел помнил, как, поймав на себе внимательный взгляд Большого, понял, что узнан, и обречённо сжался в комок, ожидая удара. И как после долгого, очень долгого молчания Серый сказал:

– Не дрожи, Малец. Мы вместе.

Он поднял глаза и увидел, что Серый протягивает ему руку. И ответным жестом подал свою. И, когда они переплели пальцы, в их рукопожатие вплелись пальцы Большого. И они стали вместе, втроём. И Метьюз помнил, как шатаясь и вскрикивая от боли, Малец выходил из сарая, где они отлёживались в горячке, приносил в пригоршнях снег и стаивал его им в горящие высушенные горячкой рты, ему и Большому. Как потом Малец лежал неподвижно в «чёрном тумане», ко всему безучастный, а они зажимали его с двух сторон, со-

гревая своим теплом. Им повезло. Что в «чёрный туман» по одному уходили и потому смогли отогреть друг друга по очереди. А то бы так и замёрзли...

...Найджел тщательно переписал слова с ошибками и решительно отобрал у Роба учебник географии.

– Ты уже наизусть всё выучил. Давай английский.

Роберт помотал головой, словно просыпаясь.

– Ладно. Мет, закончил?

– Возьми арифметику, – буркнул, не поднимая головы, Метьюз.

Роб кивнул. Когда все делают одно и то же, то так и получается. То помогаем, то мешаем. Но глупо покупать три комплекта учебников, когда учатся в одном классе. Тетради – дело другое. Вот школа хоть и бесплатная, а всё равно расходы. Тетради, учебники, карты, ручки с карандашами, даже одежда, чтобы ходить на занятия. Но и оставаться неграмотными нельзя. Они же не грузчики с товарной станции и не пастухи, им мало уметь расписаться и прочесть название улицы. Это-то понятно.

– Роб, очнись.

– Я не сплю. Сделал, Мет?

– Сейчас. Держи. Найдж, дай географию.

– Подожди. Я не дочитал. Возьми пока словарь.

– Кофе поставлю. Глотнём ещё на ночь.

– Ага, Мет. Спасибо.

К шуму ветра за стёклами и шелесту страниц прибави-

лось уютное сопение кофейника. Они читали, писали, передавали друг другу книги. Найджел дописал арифметику и собрал тетради, свои и братьев. Метьюз дочитывал географию. А Найджел с Робертом поставили кружки и разлили кофе. Метьюз захлопнул книгу и встал, собрал книги и тетради в одну стопку.

– Я сейчас.

– Давай, а то стынет.

Тетради и учебники они держали в одном из нижних ящиков письменного стола. Пока помещаются, а дальше видно будет. Потом пили кофе, обсуждая, что завтра в школу пойдут втроём, а... да нет, ничего такого у них пока нет.

– А уголь?

– А чего уголь, уголь есть. До февраля хватит.

Как всегда, перед тем, как лечь спать, Роберт обошёл дом, спустился в подвал, проверил все запоры. Он любил эти минуты, чувство... собственности. Это его дом. Наверху спят его братья. Не будь их, и жить бы было незачем. Он и из «чёрного тумана» встал только потому, что они рядом были. Потому что понял: не встанет он, так они замёрзнут рядом, но не бросят его, не уйдут. И встал. Их шатало от голода, по-настоящему ветром шатало, но они были втроём, заодно. И смогли добыть еду, а потом и работу.

Когда Роберт поднялся наверх, всюду уже было тихо и темно. Не включая света, он прошёл на кухню, быстро проверил краны, плиту. А то мало ли... И уже спокойно пошёл

спать.

Найджел услышал, как лёг Роберт, и успокоено вытянулся под одеялом. Всё в порядке, можно спать.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Мерно стучат колёса, привычно дрожит под ногами пол. В вагоне сразу и холодно, и душно. Окна сильно запотели, и только по тому, что из синих они становятся серыми, можно догадаться о наступлении дня. Жёсткие скамьи с высокими – сидишь и лопатками упираешься – спинками перегораживают вагон, оставляя узкий проход посередине. На скамьях тесно, люди сидят вплотную друг к другу. И так ехать три часа. Но другого поезда на Загорье нет. Так объясняли в ижорском Комитете, и, судя по набитому битком поезду, так оно и есть. Но ничего, совсем немного осталось.

Эркин покачивается в такт толчкам и рывкам, не открывая глаз и чутко прислушиваясь к окружающему, готовый в любой момент встать на защиту Жени, Алисы и их вещей.

Эти дни от Иванькова до Ижорска достались ему нелегко. В Иваньково они приехали рано, к тому же в воскресенье, а поезд на Ижорск вечером. Вот так и получалось, что две ночи в поезде. Талоны в столовую им дали, вещи они сдали в камеру хранения, но погулять не пришлось: холодно. Женья с Алисой остались в Комитете, а он пошёл искать себе шапку. Воскресенье, магазины не работают, на привокзальной толкучке – Эркин уже запомнил это слово – шапок не было. Красноносый уже пьяный небритый старик предлагал ему за опохмелку свою облезлую развалюху. Но Эркин боялся вшей: подцепить легко, а вывести трудно – и отправился на поиски рынка. Пока нашёл, уши так замёрзли, что пожалел об отказе от покупки в Новозыбкове вязаной. На рынке шапки были. И вязаные, но дороже, чем в Новозыбкове, и ушанки. Эркина пошпыняли немного, что, дескать, плохой он охотник, раз шапку покупает. Но шпыняли необидно и явно только для смеха, он и смолчал. Выбрал ту, что подешевле, но крепкую, малоношеную, осмотрел, проверяя, надел и расплатился. мех совсем почти не вытерт, только на затылке, где сгиб, маленькая пролысинка, но это мех такой, непрочный, сказали ему, кролик, цигейка лучше. Были там и цигейковые, но намного дороже, да и что это за такой зверь – цигейка – непонятно и потому лучше не рисковать. А к пышным рыжим и серым из лисьего и волчьего меха он и прицениваться не стал. Тут и дураку с первого взгляда всё ясно. Он ещё немного походил, поглазел, запоминая цены. В тёплой

шапке и варежках и по снежку пройтись неплохо. И обратно шёл было не спеша, пока вдруг не сообразил: Женя-то волнуется, он же сказал, что у вокзала себе шапку посмотрит, а сам-то... и рванул бегом. Прибежал – Жени с Алисой нет. Пометался тогда, совсем голову потерял, а они в читальне комитетской сидели. И потом... не одно, так другое. Суета, путаница, холод и духота. В поезде им дали опять два места, но оказались боковые, а вагон был пьяным и шумным. Когда очередной загулявший уж очень нахально споткнулся, едва не упав на уже лежавшую Женю, Эркин не выдержал. Спрыгнул с полки и взял того за грудки.

– Шатает тебя, да?!

Тот забазарил, что он кровь проливал, а всякие отсиживались, а теперь чего-то там смеют... До серьёзной драки не дошло, но всё равно... Хорошо ещё, что после первой же большой станции – Ставрово, вроде бы – народу стало поменьше, и удалось, договорившись с проводником, перебраться с боковых в отсек к двум пожилым женщинам. Убедившись, что здесь никто Женю не обидит, Эркин залез на верхнюю полку и заснул. Ту-то ночь он не спал, так и просидел, в ногах у Жени, оберегая от шляющихся мимо взад-вперёд гуляк. Вторая ночь стала чуть поспокойней. Вагон хоть и гулял по-прежнему, но их не беспокоили. А потом проводник привёл в их отсек перепуганную и какую-то взъерошенную девчонку лет семнадцати. Меняться с ней местами Эркин не стал, а уступил свою полку и сел опять в ногах у Жени. За-

тылком упёрся в стену, ноги вытянул, перегораживая ими проход, и так продремал до утра. И сам не выспался, и Жене было неудобно. А в Ижорске было то же, что и в Иванькове. С вещами в Комитет, отметили маршрутный лист, поели по талону в вокзальной столовой и стали ждать поезда. Ну вот, три часа осталось, или сколько они уже едут?

Эркин вздохнул и осторожно подвинул ноги, меняя позу. Женя сидит у окна, рядом с ней Алиса, а дальше он. И на краешке их скамьи примостился паренёк в ватной куртке – здесь такие называют телогрейкой – облезлой ушанке и разбитых растоптанных валенках. Ровный гул голосов вдруг прорезал надрывный плачущий крик:

– Братцы и сестрички! Помогите калеке! Кто чем может, Христа ради, пожалейте, братцы, помилосердствуйте!..

Кричали с привычным равнодушием, но Эркин всё-таки приоткрыл глаза. Высокий из-за костылей, одноногий мужчина пробирался по проходу, запрокинув голову с обожжённым лицом и слезящимися щёлками вместо глаз. Перед ним шёл мальчишка, потряхивая шапку с мелочью и что-то неразборчиво подвывая. Сидящий рядом с Эркином парень буркнул:

– Бог подаст.

Но Эркин встретился глазами с Женей и полез в карман. Больше... гривенника, как он и раньше заметил, никто не подавал, и потому бросил мальчишке в шапку пять копеек.

– Дай тебе Бог, чего сам хочешь, – кивнул нищий, проходя

за поводырём.

Парень искоса посмотрел на Эркина.

– Грехи откупаешь?

– Чего? – не понял Эркин.

– Нищему подать, как грех откупить, – парень ловко сплюнул в проход. – Не люблю я их. Попрошайки, сволочи.

– Ты его не сволочи, – сразу отозвалась сидящая напротив женщина, круглая от намотанных поверх телогрейки платков. – Он увечный, его пожалеть надо.

– Меня не жалели, и я не жалею, – огрызнулся парень.

– А тебя-то чего жалеть, бугая? – подала голос старуха у окна.

Сухая и какая-то сплюснутая, она сидела, широко расставив ноги, между которыми громоздился большой – до колен ей – узел.

– Заткнись, старая, не встревай.

– Сопли утри, молод ещё мне указывать. А ты, милоч, его не слушай. Нищему подать – душу спасти.

Эркин понял, что последние фразы обращены уже к нему, но ответить не успел.

– Вот сама бы, жлобина, и подавала бы, – прогудел сзади мощный бас, обдав щёку и ухо Эркина горячим перегаром. – А то много вас, халявщиц. Свою душу за чужие деньги спасать.

– Сам-то... – не осталась в долгу старуха, лихо завернув крепкое ругательство.

Женя крепче прижала к себе внимательно наблюдавшую за всем Алису, а вокруг дружно заржали.

Ай да бабка! – восхитился кто-то у другого окна. – С такой любовью закрутить, да в одно удовольствие!

– Я т-те такую любовь щас!.. – взвизгнула старуха.

– Да у них, бугаёв неложных, одно на уме! – дружно подержали её женщины.

Шум разрастался, уходя от их скамьи хохотом и руганью.

– Эх, бабка-бабка, – парень рядом с Эркином покачал головой. – О душе говоришь, а сама... хоть бы ребёнка постыдилась.

– А чего? – старуха подняла руки, поправляя платок. – Нонешние они сами... – посмотрела на Алису и Женю, улыбнулась. – Ничего. Издалека едете-то?

– Из Алабамы, – ответила Женя.

– Ох ты! – в один голос выдохнули старуха и женщина, сидящая напротив Эркина. – Из угнанных, что ли?

– Да, – кивнула Женя.

– А чего ж не к себе, а к нам?

– Не осталось там никого, – Женя вздохнула. – А на пепелище ехать – только душу травить.

– И то верно, – кивнула старуха и пытливо искоса посмотрела на Эркина. – И совсем, что ли, родни нет?

– Совсем, – ответила Женя.

– Да уж, – вздохнула женщина в платке. – Покрошила война народу... страсть. Сколько их полегло, царство им небес-

ное, – и медленно, плотно вжимая пальцы, перекрестилась.

– А ты, – парень уже открыто смотрел на Эркина, – тоже из этой Алабамы, что ли?

– Да, – разжал губы Эркин.

– Это как же тебя туда занесло? – удивился парень.

– Родился там, – усмехнулся Эркин.

– Угораздило же тебя, касатик, – старуха покачала головой.

– Говорят, плохо вам, ну, индейам, там приходилось, – продолжил разговор парень.

– Плохо, – кивнул Эркин.

Он уже знал, что здесь мало кто представляет себе жизнь рабов. Да что там, если Фредди ничего не знал. И, как всегда, вспомнив о Фредди, недовольно нахмурился. Злился он на себя, что не может с памятью своей совладать, но поняли его по-другому.

– Ну и чего ты лезешь? – укоризненно сказала парню женщина напротив Эркина. – Было б хорошо, так не уехал бы.

– Да уж, – кивнула другая, до сих пор молчавшая, тоже в платке и в толстом тёмном пальто. – От хорошей жизни в наши снега не поедут. Там-то, в Алабаме, тепло и, говорят, зимы не бывает.

– Зима бывает, – улыбнулась Женя. – Но без снега. Выпадет когда, то день, два полежит и стает.

Собеседницы дружно поддержали тему и заговорили уже между собой.

– Это ж сырость одна.

– Да уж, гнилая зима, хуже нет.

– Холодно, да сухо, ещё проживёшь, а гниль эта...

– Мне мой так и писал, гниём, дескать.

– А теперь как?

– А теперь... не просыхает.

Женя молча слушала, по-прежнему прижимая к себе Алису. Господи, скорей бы это кончилось. Лишь бы Эркин не сорвался. Он ведь горячий, взрывной. В поезде тогда так вцепился в того дурака, она даже испугалась, никогда таким Эркина не видела, как бешеный стал. Но это от неустроенности, в Джексонвилле он уверен в себе был, а сейчас нервничает. Скорей бы уж.

Эркин улыбнулся Жене и прикрыл глаза, будто дремлет. Холодно как, а говорят, что зима в этом году тёплая. Куда же он Женю затащил, зачем согласился на Загорье? Перекрылся бы он и в Пограничье, так нет, захотелось подальше, поспокойней, и вот...

Поезд шёл, останавливался, снова шёл, хлопали двери, впуская людей и облака морозного пара, окна всё плотнее затягивала ледяная корочка, под потолком колыхалась сизая пелена табачного дыма, люди уже стояли в проходе и даже между скамьями.

– Ну вот, – сказал кто-то, – последний перегон.

– Да уж, пора бы...

– По графику если...

– Да пошёл ты со своим графиком... Город, город, а как ходили тут «кукушка» с «зябликом», так и ходят.

– Дык война...

– Я ща тебе дыкну! Год победе уже, а всё война, война-а!.. Мозгов у начальства нет, вторую колею протянуть!

– Ладно вам, мужики.

– Не ладно! Мыслимое ли дело три часа тащиться?! А морозы завернут когда...

– Заткнись, а? Как завернут, так и развернутся. Впервой, что ли?

Эркин, слыша, но не вслушиваясь в этот общий говор, осторожно, чтобы не привлечь внимания, напряг и распустил мышцы, готовясь вставать и собирать вещи. Вот чёрт, суставы, как после «пузырчатки» застыли. Вокруг многие вставали, снимая с полок над окнами мешки и узлы, перевязанные верёвками обшарпанные чемоданы. Но были и те, кто без вещей. Ну, вот и потянулись в тамбур, прессуясь там в плотную массу. Эркин подождал, пока встали и вышли в центральный проход сидевшие напротив, и встал сам. Вытащил из-под скамейки тюк, узел и ящик, снял с полки мешки. Женя поправила на Алисе вязаную шапочку, обвязала сверху своей белой шалью.

– А дядя Андрей уже здесь? – вдруг спросила Алиса.

У Эркина дрогнули руки, и он выронил большой мешок.

– С чего это ты его вспомнила? – спросила Женя.

– А он меня так же обвязывал, – ответила Алиса, послуш-

но поворачиваясь под руками Жени. – Он нас здесь ждёт, да?

– Не здесь, – ответил Эркин, вскидывая на спину мешок. – Женья, готова? Пошли.

Они вышли из вагона последними. Сыпала мелкая белая крупа, снег скрипел под ногами, засыпанный снегом мужчина в чёрной милицейской форме сказал, что Комитет на той стороне вокзальной площади.

– Давай всё на хранение опять сдадим, – предложила Женья. – Чтоб не таскаться с ними.

Эркин согласился.

Нашли камеру хранения, сдали все вещи, даже маленький мешок с самым расхожим, и пошли в Комитет.

В Загорье Комитет защиты узников и жертв Империи работал в одном помещении с беженским. Большая комната, заставленная письменными столами, стульями, шкафами, открытыми с бумагами, и глухими, а один даже металлический, на подоконниках кипят сразу два электрочайника, женщины в накинутых на плечи платках, двое мужчин в военной форме без погон...

Эркин вошёл первым, не так возглавляя, как закрывая собой Женю и Алису. И встретили их от порога вопросами.

– Репатрианты? Транзит или конечная?

– Конечная, – ответил Эркин, доставая маршрутный лист.

– Сюда, пожалуйста.

У него взяли маршрутный лист, отметили в регистрационной книге и убрали в папку.

– А теперь ко мне, пожалуйста, – позвали их к другому столу. – Здравствуйте, садитесь.

Немолодая женщина с выбивавшимися из узла на затылке рыжевато-седыми прядями прямых волос улыбнулась им. Перед её столом стояли два стула. Женя и Эркин сели, а Алиса осталась стоять, с интересом оглядываясь.

– С чего начнём? С жилья, с работы?

– С работы, – сказал Эркин и на вопросительный взгляд Жени, ведь говорили о жилье, объяснил: – Работы не будет, как жить тогда?

– Правильно, – кивнула женщина. – На вас есть заявка?

– Да, – Женя достала из сумочки пакет с документами и вытащила нужный листок. – Вот. На экспериментальный механический.

– Да, – женщина быстро даже не просмотрела, а схватила одним взглядом текст. – Понятно. Толя, позвони, они подтверждают заявку?

– Номер какой? – спросил один из мужчин, берясь за телефон на своём столе.

– Посмотри, – женщина ловко перебросила ему лист заявки. – А пока посмотрим всё-таки жильё. Вам нужен дом или квартира?

– Квартира, – сразу сказал Женя. – Но... со всеми удобствами. Если можно, конечно.

– Отчего ж нельзя? – улыбнулась женщина. – Есть такая возможность.

– Это «корабль» что ли? – спросили от другого стола.

– Корабль? – с сомнением в голосе переспросила Женя.

– Это дом так прозвали, – успокоила её женщина. – Хороший современный дом, центральное отопление, водопровод, канализация, газ... всё есть. Вам какая нужна? На сколько комнат?

Женя не успела ответить: её перебил звонивший на завод мужчина.

– Заявку они подтверждают, места есть, но зайти надо сегодня же.

– Отдел кадров до шести. Успеете, – кивнула женщина. – Так сколько комнат?

– Четыре, – неуверенно сказала Женя. – Ну, кухня...

– Речь идёт только о жилых комнатах. Вас трое, четыре комнаты в пределах нормы, – остановила её женщина, сняла трубку на своём телефоне и быстро набрала номер. – Ванеев? Здравствуй, это Королёва. Ну и молодец, что узнал. Приехала ещё семья. Направляю их к тебе. Их трое, – она посмотрела на Женю и, когда та кивнула, продолжила: – Нужна четырёхкомнатная. Ну, это ты сам решай с ними. И попусту взад-вперёд не гоняй. Ладно, ладно, знаю я твои и ресурсы, и резервы. И это я знаю. Ладно, Ванеев, пока, – положила трубку и улыбнулась. – Ну вот. Сейчас идите на Цветочную, дом тридцать один. Найдёте коменданта. Леонид Алексеевич Ванеев. Обычно он у себя, в четвёртой. И сегодня же, как решите с жильём, на завод. Как всё оформите, придёте сюда.

– Спасибо, – встала Женя, и сразу встал Эркин. – Спасибо, до свидания.

– До свиданья, – эхом повторила за ней Алиса.

– Спасибо, до свиданья, – попрощался и Эркин.

Когда за ними закрылась дверь, сидевшая в углу Капитолина рассмеялась.

– Ты смотри, какого красавца захомотала! По струночке у неё ходит.

– Она и сама очень даже, – засмеялся Анатолий. – И всяма.

– Ну, кто там кого хомутал, пусть сами и разбираются, – покачала головой Королёва. – Ты, Толя, поаккуратнее. Индейцы шутки плохо понимают.

– А уж этот если двинет, – засмеялся Алексей, – так упадёшь и только на Страшном Суде и встанешь.

Посмеялись и вернулись к работе.

На улице Эркин и Женя перевели дыхание, переглянулись и отправились на поиски дома со странным прозвищем.

Как пройти на Цветочную улицу им объяснил первый же встречный. Идти вроде бы недалеко, но Цветочная там только начиналась и оказалась очень длинной. Снег всё сыпал и сыпал. Эркин взял Алису на руки и пошёл впереди, протаптывая для Жени тропинку. Её черевички, которым она так радовалась, хороши для алабамской зимы, а здесь... На двадцатом доме Цветочная кончилась. Дальше высились заснеженные деревья, и между ними извивалась заносимая снегом

тропинка. Эркин растерянно оглянулся на Женю.

– Надсмеялись над нами, да? – вырвалось у него.

– Подожди, сейчас спрошу.

Женя побежала к появившемуся из-за деревьев мужчине.

– Скажите, пожалуйста, где здесь Цветочная тридцать один?

– Это «Беженский корабль», что ли?

– Ну да, – обрадовалась Женя.

– А по тропке не сворачивая, – махнул рукой мужчина, показывая на деревья. – А там за оврагом увидите. Он один такой.

– Спасибо большое.

Женя бегом вернулась к Эркину.

– Ну, пойдём. Эркин, что с тобой?

– Нет, – Эркин мотнул головой, сглотнул колючий, ставший вдруг в горле комок. – Ничего, я в порядке. Пошли.

За Оврагом... Дом за Оврагом... Зачем тут, в России, Овраг? Здесь же не было рабов, здесь всех хоронили в могилах, на кладбище, как говорили в поезде, да, на погосте. Зачем же Овраг?

Ветра среди деревьев совсем не чувствовалось. Алиса, удобно сидя на руках у Эркина, вертела головой, разглядывая белые деревья. У них даже кора была белой!

– Мама, Эрик! Они заколдованы, да?

– Нет, – засмеялась Женя. – Это берёзы.

Стволы сливались со снегом, и потому казалось, что их

очень много. И кончились они внезапно. А дальше... Дальше овраг, а за ним тоже белый большой дом, с шестиэтажной башней посередине, от которой расходились два трёхэтажных длинных крыла, так же заканчивающихся башнями.

– Как красиво, – вздохнула Женя. – В самом деле, похоже на корабль, правда?

Эркин недоверчиво кивнул. Красиво оно, конечно, и красиво, но как им через овраг перебраться? Тропинка тянулась по краю обрыва, и они пошли по ней. Шли долго, и дом словно поворачивался перед ними, будто и впрямь плыл. Наконец тропинка нырнула вниз. Эркин критически оглядел спуск и решил:

– Женя, ты подожди здесь, я быстро.

И стал спускаться, вернее, заскользил, взрывая сапогами снег. Алиса восторженно завизжала.

Летом, видимо, по дну оврага протекал ручеёк. Из-под снега выступало несколько камней поперёк оврага. Эркин перешёл по ним: ему послышалось журчание под снегом, а промочить ноги совсем не хотелось. И стал подниматься по другому склону. Под снегом прощупывались то ли ступени, то ли камни, и выбрался он легко. Поставил Алису на землю.

– Стой здесь.

– Ты сейчас маму принесёшь? – уточнила Алиса и радостно закричала: – Мама! Сейчас тебя принесут!

Женя засмеялась, но тут же строго крикнула:

– Не говори на морозе, простудишься!

Эркин снова, уже уверенно, спустился в овраг, перешёл по камням, поднялся наверх, протаптывая разрушенные им при первом спуске снежные ступеньки. Женя думала, что он просто поможет ей: подаст руку, поддержит. А он и в самом деле взял её на руки и понёс. Алиса в полном восторге визжала, прыгая на месте, смеялась Женя, улыбался, лучась счастьем, Эркин. Смеялась и женщина, подошедшая к оврагу с той стороны. Тропинка узкая, и она ждала, пока Эркин поднимается со своей ношей. И, когда Эркин выбрался, поставил Женю на ноги, а она, всё ещё смеясь, поцеловала его и поправила ему сбившуюся ушанку, женщина сказала:

– Ну, счастья вам, совет да любовь.

– Спасибо, – улыбнулась ей Женя. – А вы из этого дома?

– Ну да. Все мы тут корабельные, – она стала спускаться и уже снизу крикнула: – Идите, он у себя, в четвёртой.

– Комендант? – уточнила Женя.

– А кто ж ещё.

– Спасибо, – повторила Женя.

Эркин снова взял Алису на руки, оглянулся на Женю и пошёл по тропинке к дому. Двойная переправа разогрела его, а от одного сознания, что он нёс Женю и Женя не отстранялась, у него даже сил прибавилось. Он шёл, слышал за спиной шаги Жени, и белый дом вздымался перед ним всё выше и выше.

Тропинка кончилась. Разметённый снег, светло-серый асфальт вокруг дома. Разметавший снег дворник поздравил с

приездом и сказал, что четвёртая квартира в первом подъезде, в крайней башне, это налево и вдоль дома до конца.

Эркин открыл тяжёлую дверь, придержал её, пропуская Женю, и тогда уже вошёл сам. Толстая дверь глухо из-за войлочной прокладки хлопнула за его спиной. Эркин поставил Алису на пол, и она сразу ухватила его и Женю за руки. Пол, выложенный в клетку чёрно-белой плиткой, чист и немного влажен. Внутреннее крыльцо в пять ступенек, четыре двери и лестница наверх. Вот и четвёртый номер. Женя медленно подняла руку и нажала кнопку звонка.

– Входите, – донеслось из-за двери. – Открыто.

Эркин открыл дверь.

Маленький пустой холл и открытая дверь в другую комнату, похожую на обычную канцелярию. За столом напротив двери мужчина в военной форме без погон. Он что-то писал, как-то странно пригнувшись, и только, когда он выпрямился и жестом показал на стулья у стола, Эркин понял, что было странного. Мужчина однорукий.

– Здравствуйте, – сказала Женя. – Мы... Нам в Комитете сказали, что мы должны зайти к вам.

– Мне звонили, – кивнул комендант. – Здравствуйте, садитесь.

Когда они сели, комендант достал из стола большую толстую книгу, на которой Женя успела прочитать наклейку. «Учёт фонда».

– Значит, четырёхкомнатную вам?

– Да, Леонид Алексеевич, – кивнула Женя.

Он быстро, внимательно посмотрел на неё, на Эркина, скользнул взглядом по стоявшей рядом с Эркином Алисе.

– Ну, что ж, как хотите. Надолго думаете к нам?

– Хочется навсегда, – тихо и очень спокойно сказал Эркин.

И снова внимательный взгляд.

– Не любишь кочевья?

Эркин повёл плечом.

– В кочевье дома нет.

– Из оседлых, значит, – кивнул комендант. – С роднёй не поладил? Или с вождём?

Женя встревоженно посмотрела на Эркина. Тот успокаивающе улыбнулся ей и твёрдо ответил:

– Я не знаю своего племени.

– Бывает, – кивнул комендант. – Ну, четырёхкомнатная есть. Но... ремонт там нужен.

– Большой ремонт? – осторожно спросила Женя.

– Идёмте, сами посмотрите.

Комендант убрал в стол книгу и встал, подошёл к стене, где висел разгороженный на ячейки большой ящик, похожий на тот, что Эркин видел в Бифпите в гостинице, достал связку ключей и повторил:

– Идёмте.

И, не оглядываясь, пошёл вперёд. Он не оделся, значит, что, на улицу они не выйдут? Да, выведя их из квартиры и

захлопнув дверь, комендант стал подниматься по лестнице. Эркин с Женей и Алисой молча шли за ним. Поднялись на второй этаж и свернули с площадки в длинный коридор без окон. Лампы под потолком. Двери с номерами. «На гостиницу похоже», – опять подумал Эркин. Но двери не совсем одинаковые. Перед некоторыми лежат цветные коврики, а у этой красивая фигурная ручка... Комендант остановился так резко, что они едва не налетели на него. Эта? Комендант отпирает дверь, толкает её плечом...

Квартира была большая и гулкая. Эркин даже не понял сразу, о каком ремонте говорил комендант. Женя жадно оглядывалась. Комендант водил их по квартире, щёлкая выключателями, открывая и закрывая двери. Холл – его называли прихожей, кухня, ванная уборная, комната, комната, большая комната, а из неё в ещё одну комнату, обратно в холл, тьфу, в прихожую, а это... это кладовка, она без окон... кухня... Кухня с балконом? Нет, это лоджия. И в большой комнате лоджия... Плита... газовая... Раковина... горячая вода, холодная... Ванная... ванна большая, и душ, и ещё раковина, а уборная отдельно... Женя в распахнутом пальто и сбитом на плечи платке всё смелее засыпала коменданта вопросами, пробовала краны, спускала воду в уборной, бегала к окнам пощупать батареи и рамы: нет ли щелей, не дует ли, а на окнах форточки, можно проветривать, и над окнами уже крючки для карнизов, и всё работает, и... Эркин уже отдышался и видел лохмотья изорванных обоев, висящую на од-

ной петле дверь уборной, исцарапанный паркет, а в большой комнате на полу чёрное пятно.

– Костёр разводили? – удивился он вслух. – Зачем?

– Это ты у своих соплеменников спроси, – неожиданно ответил комендант.

У Эркина потяжелело лицо, он прикусил изнутри губу, чтобы смолчать, а комендант продолжал:

– Поселились, понимаешь ли, тоже... С Равнины. Въехало трое, а потом как потянулись за ними... конца-краю не видать. Пожить пожили, снялись и в кочевье ушли. И нету их. И полугодовой платы за квартиру нет, и вон чего натворили. Это уже весь мусор отсюда выгребли. Куча была... будто они его специально с помойки натаскали и бросили.

Женя подошла и взяла Эркина под руку. Комендант посмотрел на них и вдруг улыбнулся.

– Ну, вот так. Если хотите, то, пока ремонт, в бараке проживёте.

– Нет, – решительно сказала Женя. – Никаких барачков, мы сами всё сделаем. Возьмём посуду, закупим. Обои я клеить умею. А дверь, паркет, что там ещё... Эркин?

– Сделаю, – разжал он губы.

– Ну вот, – Женя прижала к себе его локоть. – Мы согласны, да, Эркин?

Он посмотрел на неё и кивнул. Да, похоже, ничего лучше им не дадут, или придётся жить в бараке и ждать. Нет, конечно, он согласен.

– Да, – сказал он. – Согласен.

– Ну, осматривайтесь, – кивнул комендант. – Я пока за бумагами схожу.

И они остались втроём в светлой, залитой белым снежным светом, пустой квартире.

– Эркин, – Женя повернула его к себе, заглянула в лицо. – Эркин, что с тобой?

Эркин вздохнул и помотал головой, будто просыпаясь.

– Нет, ничего, Женя. Всё в порядке. Женя, это... это наш дом, да?

– Ну, да, ну, конечно. Господи, Эркин, – она поцеловала его в щёку и потащила на кухню. – Ты посмотри только! Газовая плита! Это ж с ума сойти! – и ахнула: – Алиса! Не смей!

– Ты же крутила! – возмутилась Алиса.

И тут же получила шлепок. Не больно через пальто, но очень обидно. Пока она раздумывала, стоит ли реветь, Женя заставила Эркина достать зажигалку, и они теперь зажигали и выключали газ. Что тоже оказалось достаточно интересно, тем более, что и пламя было совсем странное – не красное, а голубое. А когда они, уже втроём, изучали горелку в духовке, пришёл комендант.

Бумагами, за которыми он ходил, были та самая книга учёта фонда, ещё одна регистрационная, куда он, ловко пристроившись на подоконнике в кухне, вписал их данные из удостоверений, расчётная книжка платы за квартиру и ещё

какие-то ведомости. Женя везде расписалась, взяла книжку.

– Спасибо. Значит, мы прямо сейчас можем въехать?

– Конечно. Держите ключи.

Женя бережно, будто они стеклянные, приняла на ладонь связку из трёх пар ключей.

– Спасибо, большое спасибо. А... а скажите, на завод как лучше пройти? Ну, после оврага куда свернуть?

– А зачем через овраг?

Комендант стал объяснять дорогу на завод. Эркин слушал внимательно, сведя брови к переносице. Он ни о чём не спрашивал, говорила только Женя. Алиса стояла рядом, крепко держась обеими руками за его ладонь и строго глядя на коменданта.

Когда комендант, терпеливо ответив на все вопросы Жени, отдав ей газовый ключ и показав, как перекрывать и открывать газ и воду, забрал свои книги, ведомости и ушёл, Алиса подала голос:

– Мам, мне жарко. И я в уборную хочу.

– Сейчас-сейчас, – откликнулась Женя. – Сейчас всё сделаем.

Она стала раздевать Алису, а Эркин вышел в прихожую. Осторожно потрогал замки на входной двери. Два замка, верхний и нижний. В Джексовилле были такие же, почти такие же. Он мягко повернул квадратный шпенёк, выдвигая засов. И на нижнем замке.

– Эркин, – позвала его Женя.

Он сразу обернулся к ней.

– Да, Женя, что?

– Эркин, надо поесть. И на завод ещё, и на вокзал.

– Я сейчас в магазин схожу, – сразу решил Эркин. – Куплю чего-нибудь.

– Да-да, – закивала Женя. – Купи молока, хлеба и чего-нибудь для бутербродов.

– Я мигом.

Эркин поправил шапку, застегнул куртку и вышел. И только захлопнув дверь, вспомнил о ключах. Вся связка у Жени. Ну, ничего, он постучит. По коридору он прошёл направо, спустился по лестнице и вышел уже у центральной башни. Так, теперь налево, вдоль другого крыла и... так это дорога на завод, а ещё левее, вон он, зелёный домик с вывеской. И тропинка к нему утоптана. Комендант говорил, что с часу до двух перерыв, а сейчас... Эркин посмотрел на часы и побежал.

В магазин он вбежал за пять минут до закрытия. Толстая женщина в меховой шапочке и белом халате поверх пальто недовольно нахмурилась.

– Приспичило тебе?! До двух подождать не можешь! – и сердито грохнула на прилавок водочную бутылку. – Три сорок семь с тебя. И выметайся. Обед у нас.

– Водка? – удивился Эркин. – Зачем? Мне не надо.

За спиной женщины открылась маленькая дверь и выглянула другая женщина, тоже в халате поверх пальто и вязаной

шапочке.

– Чего там, Маня?

– Смотри, Нюр, водка ему не нужна. А коньяка мы не держим. Так чего тебе?

Эркин сдержанно улыбнулся ей.

– Молока.

– Ого! – Нюра тоже подошла к прилавку. – И всё?

– Нет, ещё хлеба. И, – Эркин обвёл взглядом прилавков и полки на стене, – и вот это, – он забыл, как это называется по-русски.

– Колбасы-то?

Они положили перед ним буханку хлеба, короткую толстую палку колбасы, бутылку с молоком.

– Ещё две, – попросил Эркин.

– Это ж, сколько вас, питухов таких? – засмеялась Маня, щёлкая костяшками счётов. – Два девяносто шесть с тебя.

Эркин полез за бумажником, достал и положил на прилавок трёхрублёвую бумажку, и ответил:

– Трое. Я, жена и дочь.

– Приехали только, что ли? – спросила Нюра.

– Да, – кивнул Эркин, забирая и засовывая в карман мелочь, собрал в охапку покупки, улыбнулся на прощание и вышел.

За его спиной щёлкнул замок. Магазин закрылся.

Эркин шёл, прижимая к груди покупки. Маня и Нюра. Что ж, ему и Жене в этот магазин часто ходить. Магазин хоро-

ший, всё есть. Те трое индейцев, видно, такую память по себе оставили, что по ним, сволочам, и о нём теперь судят. Ну, ладно, лишь бы Женю не трогали, а ему наплевать. Снег по-прежнему сыпал, но ветра не было. И белый дом наплывал на него, вздымая центральную башню. Вот и его подъезд... И только поднявшись на второй этаж, Эркин с ужасом понял, что не посмотрел на номер на двери. Он остановился, судорожно соображая, что делать. Крикнуть, позвать Женю? Нет, ещё напугает, и вообще. Что же делать? Так, а мимо этой ручки он проходил. Когда? Это когда комендант их вёл. Эркин повернулся и пошёл обратно, внимательно разглядывая двери. Так, и этот коврик он видел. А здесь... здесь комендант остановился и... и либо эта, либо следующая. Ну, если не туда, то извинюсь.

Эркин плотнее прижал к себе покупки и постучал носком сапога. И... и услышал за дверью голос Жени.

– Эркин, ты?

– Да-да, это я! – выдохнул он.

Щёлкнул замок, и перед ним открылась дверь. Женя, уже без пальто и платка, в своём тёмно-синем платье, улыбнулась ему.

– Ну, что же ты встал? Входи.

Из-за Жени вынырнула Алиса, тоже в одном платье, радостно взвизгнула:

– Э-эрик! Мама, Эрик пришёл!

Эркин перешагнул порог, спиной прихлопнул дверь, и

Женя стала выбирать из его охапки покупки.

– Молоко, хлеб, а это что? Колбаса? Ой, ты молодец, Эркин, раздевайся и иди на кухню. Сейчас поедим.

Эркин огляделся. От прежних жильцов осталось несколько кривых гвоздей, небрежно вбитых в стену у двери. На них и висели пальто Жени и Алисы. Эркин расстегнул и снял куртку, повесил на свободный гвоздь, пристроил ушанку, зацепив её за узел, стягивающий уши, повёл плечами, с наслаждением ощущая тепло. Да, в квартире тепло, и это тепло уже... живое. Он бы и разулся, но пол уж очень грязный. Уборки здесь... ну, это совсем не страшно.

– Эркин, – позвала его Женя из кухни.

– Иду.

И, войдя в кухню, удивлённо заморгал: что с плитой?

– Представляешь, Эркин, она с крышкой. Я её смотрю, а крышка как бухнет, я даже испугалась вначале. А так, как удобно, – рассказывала Женя, разворачивая колбасу. – Эркин, дай нож, я нарежу, и мой руки. Только осторожно, я горячую воду пустила, чтоб молоко согреть. Представляешь, в ванной пробка, она и сюда подходит, или лучше в ванной вымой. Алиса, не хватай, сейчас молоко согреется. Жалко, все вещи на вокзале, пить прямо из горлышка придётся.

Женя говорила быстро и весело. И под этот говор Эркин сходил в ванную, вымыл под краном в раковине руки, старательно не посмотрев на душ – тело так и чесалось, но это он вечером, перед сном. И, вытирая руки носовым платком,

вернулся на кухню. На белой блестящей крышке уже стояли согревшиеся бутылки с молоком, а на обёртке от колбасы лежали бутерброды.

Только откусив хлеб с колбасой, Эркин почувствовал, как проголодался. Розовая колбаса с белыми пятнышками жира, ноздреватый тёмно-коричневый хлеб с чёрной корочкой, прохладное молоко... Он ел молча, наслаждаясь каждым куском и глотком. Молока он давно, очень давно не пил. В лагере молоко давали только детям.

Алисе пить из горлышка очень понравилось, хотя она и сразу облилась.

– Ну, ладно, – не стала сердиться Женя. – Вечером всё принесём, переодену и отстираю. Только не размазывай. Эркин, сейчас на завод пойдём.

– Да, – Эркин посмотрел на часы. – Оттуда на вокзал за вещами и в Комитет. Помнишь, говорили?

– Да, конечно. Алиса, ешь аккуратно, не заглатывай.

– Женя, – Эркин встревоженно посмотрел на окно. – Снег идёт.

– Да, – сразу поняла его Женя. – Конечно, Алиса останется дома.

– Что?! – возмутилась Алиса. – Я с вами! Мы вместе!

– Нет, – твёрдо сказала Женя. – Там холодно и снег.

– Ну и что?

– А-ли-са!

Когда мама говорила таким тоном, спорить уже было бес-

полезно. Алиса вздохнула и покорилась. Женя сделала ещё два бутерброда и стала мыть бутылки.

– Алиса, захочешь есть, возмёмшь себе сама. Дотянешься или... нет, молоко я поставлю вниз, здесь ещё полбутылки. А эти на окно. Вот так.

Эркин с удовольствием смотрел на прежнюю хлопотливую Женю, делающую сразу несколько дел. Всё как раньше. Но и Алиса вспомнила. Она уже не спорила, а только молча смотрела на них, очень серьёзно и внимательно.

– Ну вот, – Женя, уже одетая, нагнулась и обняла Алису. – Будь умной девочкой. Плиту и краны не трогай. И замки. Будут стучать, никому не открывай. Всё поняла? Ну, умница, – она чмокнула Алису в щёку и выпрямилась. – Эркин, ключи у меня, запрём снаружи.

– Вы на работу, да? – дрогнувшим голосом спросила Алиса.

– Да, маленькая.

Эркин уже открыл дверь, пропустил Женю вперёд и вышел следом, улыбнувшись Алисе на прощание. И запирая снаружи дверь, они не услышали тихого убеждённого Алисы:

– Вас же там опять убивать будут.

Но за дверью уже тихо. Она осталась одна. Совсем одна. Даже Спотти с ней нет. И Линды. И мисс Розы. И даже Дрыгалки. А Тедди ещё тогда разрезали. И не стали брать с собой, так там и бросили. Алиса вздохнула и вернулась в кухню. Окно большое, и за окном как маленький дворик. А под-

оконник неудобный, не залезть. А в других комнатах? Алиса снова вздохнула и отправилась в путешествие по квартире.

Снег продолжал идти, но по-прежнему слабый и мелкий. Женя взяла Эркина под руку, и он уже уверенно повёл её вдоль дома и мимо магазинчика.

– Вот туда я ходил. Там Маня и Нюра.

– Ага, – кивнула Женя. – Ты не заметил, посуда там есть?

– Н-нет, – неуверенно ответил Эркин. – Вроде, нет.

– Тогда в городе купим. Чайник, кастрюлю и сковородку, – перечисляла Женя. – И ещё веник, ведро, совок, чтобы уже сегодня подмести. Ведь спать на полу придётся.

Эркин кивнул.

– Да, конечно. Мы ведь с завода на вокзал пойдём, увидим магазин и купим, – он говорил бодро, хотя на языке вертелось: «Если возьмут на завод».

Дорога разметена, идти удобно, но Эркин с тревогой поглядывал на черевички Жени.

– Тебе не холодно?

– Нет, что ты.

Здесь им не пришлось идти через лес или парк, как на Цветочной. Дома начались быстро, настоящая улица, дома в два-три этажа, на первых этажах магазины или ещё что. Эркин не понимал этих вывесок, да особо и не приглядывался. Идти легко, ощущение мороза на лице даже приятно. Дом у них уже есть. Тёплый, просторный, как Женя хотела. Женя

счастливого оглядывалась по сторонам. Эркин шагал широко, и, разумеется, идти с ним ногу она не могла, но он так ловко ведёт её, что ей удобно и легко. Как хорошо! И город... милый, и... и это уже завод, да?

– Эркин, смотри, уже забор.

– Да, теперь налево и вдоль забора, – ответил Эркин.

Они несколько раз по дороге уточняли маршрут у прохожих и шли уверенно. Но вот и выдвинувшаяся на тротуар коробка проходной, широкие ступени, дверь. Женя открыла её, и они вошли.

Пожилой вахтёр с красной повязкой на рукаве сразу у дверей за невысокой стойкой.

– В отдел кадров? Налево, третья дверь.

– Спасибо, – улыбнулась Женя.

Эркин молча кивнул. Женя пошла вперёд, и ему сразу стало некуда девать руки. Он сдёрнул с головы шапку, попробовал по привычке сунуть её в карман куртки, но ушанка туда не влезла, и он неловко зажал её под мышкой.

Отдел кадров оказался небольшой комнатой, похожей на Комитет или лагерную канцелярию. Только всего три стола. За одним маленький щуплый мужчина в очках, за другим девушка в вязаной кофте и тоже в очках, а третий стол у двери, пустой.

– Здравствуйте, – храбро улыбнулась Женя. – Мы из Комитета. По заявке.

– Здравствуйте, – ответил мужчина каким-то натужным

скрипучим голосом. – Давайте заявку.

Женя поглядела на Эркина. Он молча достал пакет с их «дорожными» документами и протянул его мужчине. Тот недоумевающе посмотрел на пакет.

– Ты что, неграмотный? – Эркин кивнул. – Так, понятно.

Мужчина быстро просмотрел содержимое пакета, вынул заявку и открыл большую книгу, похожую на ту, что Эркин видел у коменданта, отметил там что-то, достал из ящика и протянул Жене две желтовато-серые картонки.

– Заполняйте пока. Вон там, чернилами.

– Спасибо.

Женя взяла картонки и улыбнулась Эркину. Вдвоём они отошли к пустому столу у двери и сели. Эркин расстегнул куртку, Женя расстегнула пальто, сбросила на плечи платок и достала из сумочки пакет с остальными документами. Придвинула поближе к себе чернильницу с двумя ручками, придирчиво оглядела ручки, выбрала одну и стала писать.

Сидя рядом, Эркин молча следил, как Женя пишет. Как этот сказал ему, что он неграмотный, даже не с насмешкой, с презрением, будто... не знает, что рабу этого не позволялось ни под каким видом, а если и не знает, то, что из того? Да, неграмотный, так он работу грузчика просит, а грузчику грамота ни к чему. Ладно. Пусть только возьмут. А там... Вот они обустроятся чуть-чуть, и Женя его научит. Читать. И писать. Женя в колледже училась, так что...

– Ну вот, – Женя отложила ручку, быстро просмотрела

написанное, убрала документы в сумочку и встала.

Встал и Эркин. Вернулись к столу очкастого, и Женя отдала ему карточки. Тот тоже просмотрел их, кивнул, положил перед собой и взялся за телефон.

– Алло, Лыткарин? К тебе направляю. Мороз Евгения Дмитриевна. Да, машинистка, может чертёжницей. Нет, там кончала. Да, от Комитета. Хорошо. Конечно, – положил трубку, сделал пометку на карточке и поднял глаза на Женю. – Выйдете в понедельник, в полдевятого, в машбюро. Заводоуправление, второй этаж. Спросите Лыткарина, Лазаря Тимофеевича, он вам всё покажет.

Женя счастливо кивнула. Очкастый отодвинул её карточку и снова стал звонить.

– Алло, Семён? Да, я. Медведев у тебя? Разущи его. Так, жду. Ну да. А ты как думал? Медведев? Кончил уже? Вот поэтому и зайди. Так, ладно. А это уже без разницы. Порядок общий. Ладно, – положил трубку и посмотрел уже на Эркина. – Придётся подождать. Сейчас зайдите оба в соседний кабинет, там у нас моментальная фотография. В двух экземплярах сделайте. И сюда.

Эркин молча кивнул. Рука Жени легла на его запястье и мягко потянула за собой. Они вышли в коридор, и Эркин вытер рукавом куртки ставший мокрым лоб.

– Ничего, Эркин, – тихо сказала Женя. – Всё будет хорошо.

– Да, – не сказал, а как-то выдохнул он. – Женя, если нуж-

ны фотографии, значит, нас берут, да?

– Ну, конечно, милый. Пошли.

Моментальная фотография оказалась маленькой тесной будочкой. Ещё в кабинете были стулья у стены и зеркало над ними. Женя, внимательно изучив висящий на стенке будочки рядом с дверцей текст, сказала:

– Всё ясно, – и решительно сбросила на стул пальто и платок.

Глядя на неё, снял куртку и Эркин.

– Значит, так, – Женя, глядя в зеркало, поправляла волосы. – Заходишь, закрываешь за собой дверь, садишься и ждёшь. А она всё сама делает. Не ёрзаешь и вообще, – она прыснула, – не шевелишься. Потом там зажжётся свет, и получишь фотографию. Встанешь, снова сядешь и всё по новой. Понял? – Эркин не слишком уверенно кивнул. – Давай, я тебе волосы приглажу, вот так. И не сиди хмурым, улыбайся. Давай, Эркин, я пока волосы переколю. Удачи!

Эркин кивнул, заставил себя улыбнуться и вошёл в будочку, за спиной щёлкнул замок.

В первый момент ему неприятно вспомнился шкаф-карцер в питомнике, но... но нет, это совсем другое. Он сел на маленькое откидное сиденье, под ним что-то щёлкнуло, вспыхнул свет, ещё щелчок, лампы погасли, осталась только одна, над дверцей, что и в начале. Жужжание и прямо перед ним выдвинулся маленький ящичек. Эркин достал из него квадратик фотографии, встал снова сел. И всё повторилось.

Когда он вышел, бережно неся на ладони две свои фотографии, Женя уже переколола узел и даже губы подкрасила.

– Ты очень хорошо получился, – одобрила она снимки. – А теперь я.

Положила на стул сумочку и шагнула в будку. Эркин сел на соседний стул, перевёл дыхание. Пока... пока что ему не сказали: «Нет», – но... но это пока. Женю берут, это точно, а его... но если б не брали, то не послали бы за фотографиями, так что... Из будочки вышла Женя, отдала ему свои фотографии и стала одеваться.

– Ну, как я вышла?

– Очень хорошо, – ответил Эркин и встал.

Женя взяла у него снимки, он оделся, и они вернулись в отдел кадров. У них взяли фотографии, и девушка в очках наклеила их на карточки и пропуска.

– Держите. Это пропуска, а это, – очкастый протянул им по жестяному кружку с выдавленными цифрами и пробитыми отверстиями.

– Табельные номера? – обрадованно спросила Женя.

– Да, – улыбнулся очкастый. – Ваша проходная номер три. А...

Дверь распахнулась, и в кабинет вошёл высокий мужчина в белом овчинном полушубке и мохнатой рыжей ушанке.

– Ну, и зачем звал, Антоныч?

– Здравствуй, Медведев, ты говорил, что зашиваешься без людей. Вот тебе в бригаду.

Голубые глаза с холодной насмешкой прошлись по Эркину.

– Ага. И надолго?

– Хочу навсегда, – как и коменданту, ответил Эркин.

– Так, посмотрим. Работал уже грузчиком?

– Да.

– И где?

– На станции.

– А чего ушёл?

– Так получилось, – глухо ответил Эркин.

Судя по недоверчивому тону и вопросам, здесь об индейцах тоже... по той тройке судили. Хреново.

– Ну, ладно, – кивнул Медведев. – Людей всё равно не хватает. Когда приехал, сегодня?

– Да, – кивнул Эркин.

– Ладно. День на устройство. Выйдешь в четверг. Смена с семи. Первый рабочий двор, запомнил? – и уже не глядя на Эркина. – Ладно, Антоныч. Посмотрим, что ты к моему берегу прибил. Бывай.

Когда за ним закрылась дверь, Антоныч, будто ничего и не было, продолжил:

– Твоя проходная номер два. Придешь без четверти семь.

Эркин кивал, внимательно слушая. Антоныч объяснил им, где находятся проходные, они спрятали пропуска и табельные номера, попрощались и вышли.

На улице Женя посмотрела на Эркина и улыбнулась.

– Ну вот. И работа есть. Теперь всё будет хорошо.

Эркин ответно улыбнулся.

– Да, теперь всё будет хорошо. Теперь в Комитет? Да, Женя?

– Да, – Женя огляделась по сторонам и удивлённо засмеялась. – Смотри, уже вечер. Это мы столько здесь были?

Действительно, воздух вокруг наливался синевой, даже снег казался голубоватым. Эркин посмотрел на часы.

– Женя, ещё четырёх нет.

– Всё равно, – Женя потянула его за рукав. – Идём скорей. Сейчас спросим, где вокзал.

– Ага, – кивнул Эркин. – Подожди, Женя, сейчас я сообщу. Ага, пошли.

Народу вокруг заметно прибавилось, светились витрины и окна, и уже медленно загорались уличные фонари. Они шли рядом, Эркин вёл Женю под руку и... и никто ничего, ни одного злого или пренебрежительного «белого» взгляда. Да... да ради одного этого он на всё согласен. Ну, ничего, он докажет, что может и умеет работать. Сила есть, а смолчать и стерпеть он сможет, двадцать пять лет этому учился, смог выжить там, значит, и здесь сможет. Бригадир – это как главный в ватаге, ему тоже абы кто в ватаге не нужен. И Арч, и Одноухий свои ватаги сбивали крепко, этот... Медведев не дурнее же их. И снег совсем не мешает, и не так уж холодно, как кажется.

– Ой, – удивилась Женя, – смотри, Эркин, уже вокзал. А

вон и Комитет. Сначала туда, ладно?

– Конечно, – согласился Эркин.

Алиса проснулась и села, протирая глаза. Где это она?

– Мама, – позвала она, – Эрик. Вы где?

Ей ответила тишина. Она была одна, совсем-совсем одна.

Алиса уже вспомнила, что это их новая квартира, и что ей сначала здесь даже понравилось. Но мама и Эрик ушли, а её оставили. Ушли на работу. Как... как тогда. И совсем темно уже. Уже ночь, а их нет. Алиса встала и отряхнула платье. А то мама увидит, что она спала на полу, и рассердится. А ведь она себя хорошо вела, ничего не трогала. Ходила, смотрела в окна, потом немного побегала, потом... потом заснула. Ну, она же одна. И ей уже страшно. Если мама с Эриком сейчас не придут, ей будет страшно.

Она вышла в прихожую, но там было совсем темно. Алиса подошла к двери, осторожно тронула ручку. И услышала шаги. Кто-то большой и наверняка очень страшный топотал за дверь. И остановился. Это не Эрик. И не мама. Если он войдёт...

Алиса попятилась и бегом вернулась в кухню. А... а она сейчас спрячется, и этот большой и страшный её не найдёт. Ей рассказывали, как надо прятаться и сидеть тихо-тихо. Она огляделась в поисках такого убежища. Макса от патрулей в шкафу прятали, а Данилку и Раиску в сундуке. А Катька под нарами сидела. И другие... кто где. И под кроват-

тями, и в ямах. И она сейчас спрячется. А... где же шкаф? И сундука нет. И нар. И ей что, спрятаться негде?! И тут она увидела шкаф. Как раз такой, что в нём её уже точно никто не найдёт.

Где-то снова простучали шаги, с улицы донеслись громкие голоса. Опять Хэллоуин идёт?! Алиса решительно открыла дверцу под раковиной, залезла внутрь и притянула дверь за какую-то железяку. Что-то щёлкнуло, и дверца плотно закрылась. Вот так! И пусть Хэллоуин теперь её ищет, ни... – мамы нет, так что можно – ни хрена он не найдёт! Она его обманула! Алиса поёрзала, устраиваясь поудобнее, и закрыла глаза. Когда спишь, то ничего не страшно. Рядом что-то уютно сипело и булькало. Она прислонилась головой к стене и заснула.

Из Комитета Эркин вышел в несколько ошарашенном состоянии. Одно дело слушать о ссудах, а потом гадать, сколько дадут, и обсуждать, как бы такие деньжищи потратить с пользой. И совсем другое – получить на руки толстую пачку денег. Такую толстую, что ни в бумажник, ни во внутренний карман не влезала, и пришлось, как тогда в имении, получив под расчёт, делать свёрток, правда, не из портянки, а из носового платка и прятать под рубашку за пазуху. А бумажник, чтоб на груди не так сильно выпирал свёрток, пришлось переложить в задний карман джинсов. Что и неудобно, и опасно: воры-карманники всюду водятся. И вот так

просто-запросто. Отметим в разных книгах место постоянного проживания и место работы, открыли металлический шкаф-сейф – сразу вспомнил название Эркин и даже успел мельком удивиться, что открыто стоит, а не загорожен другим шкафом или баром, ну да, и в лагере он такие видел, просто их никогда при нём не открывали – и достали пачки, Женя потом долго расписывалась в нескольких книгах и на отдельных листах.

На улице было уже совсем темно. Проверяя себя, Эркин посмотрел на часы. Всего-то и пяти ещё нет, а темно уже как. Прямо ночь.

– Теперь в магазин, – решительно сказала Женя. – Ведро, метла, совок... У нас же ничего нет. И спать сегодня на полу придётся. Идём, я хозяйственный вон там видела. Заберём вещи и домой. Об остальном завтра будем думать. Ну же, Эркин, очнись.

– Да, – Эркин тряхнул головой, едва не уронив ушанку. – Так, Женя. Давай, деньги из бумажника ты сейчас к себе положишь, чтобы не доставать лишний раз.

– Конечно, – согласилась Женя.

Эркин огляделся, проверяя, нет ли рядом кого слишком любопытного, достал бумажник и отдал Жене пятисотенную.

– Много, Эркин.

– В магазине разменяем, – решил Эркин.

Женя спрятала деньги в сумочку и взяла его под руку.

– Пошли?

– Пошли.

В хозяйственном оказались посуда и всякие хитрые приспособления для кухни. Женя поахала, повздыхала и решительно сказала:

– Нет, и вещи, и посуду мы не донесём. Это всё потом, да, Эркин?

Эркин согласился, как согласился бы с любым решением Жени. Конечно, она права. У них же есть миски и кружки, и на первое время им вполне хватит.

– Пойдём, вещи заберем, и домой, – продолжила Женя. – Может, по дороге ещё магазин увидим.

Эркин кивнул.

– Только не по Цветочной пойдём, Женя. С вещами через овраг, – к его мимолётному удивлению, по-русски это слово выговаривалось очень легко и не царапало напоминанием, – неудобно.

– Ну, конечно, – согласилась Женя.

Они вернулись на вокзал. В камере хранения получили вещи, и Женя выяснила у кладовщицы, что этот хозяйственный, где они побывали, это для тех, у кого уже всё есть, а на обзавод если, так надо через пути на ту сторону в Старый Город, там Филиппыч магази́н держит, и всё-то там есть, и постельное, и кухонное, со стороны поглядеть, так сараюшка, а внутрь войдёшь, так и глаза разбежались. В завершение разговора Женя узнала, что в любой овощной зайти, и

тебе за рубль мешок продадут, а ещё лучше купить картошки или там луку сразу мешок и с мешком, а рынок тоже по ту сторону, в Старом Городе, а это ж Новый, тут магазины только, а на рынке всё и дешевле, и здоровее, веник на рынке покупать надо, в магазине только щётки, а щётка чистоты не даёт. Молча слушавший Эркин при этих словах усмехнулся. Щётка ещё какую чистоту даёт, уж он-то знает.

В камеру хранения вошла компания людей, навьюченных корзинами и мешками, и лекцию пришлось прекратить. Они поблагодарили кладовщицу и вышли. На улице Эркин помог Жене надеть на обе лямки маленький мешок, сам так же надел большой, взвалил на спину поверх мешка тюк и взял ящик. Женя взяла узел, и они пошли. Домой.

К удивлению Эркина, ночное Загорье было светлее Джексонвилла. Фонари, что ли, ярче? Да это же от снега – сообразил он.

Шли долго. Не от тяжести, а просто Женя выглядывала магазины. И забегала то в один, то в другой. Эркин ждал на улице. Из одного магазина сияющая Женя вынесла пустой мешок.

– То, что надо, Эркин, давай его ко мне зожим.

Она повернулась к нему спиной, и Эркин, не снимая с неё мешка, распустил завязки на горловине, затолкал туда покупку и затянул узел.

– Тебе не тяжело?

– Ну, что ты, разве это тяжесть! – засмеялась Женя.

И они пошли дальше. И наконец из очередного забега Женя вернулась совсем счастливая, неся в одной руке ведро, в котором громыхал совок, и щётку наперевес в другой.

– Всё, теперь только домой. Всё остальное завтра.

Эркин кивнул, помог Жене подхватить узел, взвалил на спину тюк и взял свой ящик. Теперь пошли быстрее. Снег прекратился, ветра не было, яркие фонари, народ на улицах... Опять пару раз пришлось остановиться и спросить дорогу, но Эркин уже представлял, где их дом, и спрашивал, проверяя себя. Вот уже впереди показалась громада с рядами светящихся окон. Их дом.

– Как хорошо, – вздохнула Женя.

– Ты устала? – сразу встревожился Эркин.

– Нет, что ты. Просто смотри, как красиво. Жаль, мы своих окон не знаем.

– Жаль, – согласился Эркин.

Тюк пригибал ему голову книзу, и он на окна не смотрел. Здесь, у дома, с ними стали здороваться и поздравлять с приездом. А уже возле подъезда мужчина в милицейской форме козырнул им. Женя, счастливо улыбаясь, поблагодарила его, как и всех.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице на второй этаж. И здесь было гораздо оживлённее, чем днём. Хлопали двери, бегали чьи-то дети, и женщина из приоткрытой двери звала:

– Петька! А ну домой живо!

Ну, конечно, всё правильно – поняла Женя. Днём все на работе, а сейчас уже вечер. И Алиса так же будет бегать и играть в коридоре. На улице холодно и темно, а здесь... а вот и их дверь. Семьдесят седьмой номер. Женя поставила на пол ведро и узел и стала искать в сумочке ключи.

– С приездом, – кивнул им проходивший мимо мужчина.

– Спасибо, – улыбнулась Женя.

Она уже вставила ключ в скважину и проворачивала его, с наслаждением слушая щелчки. Один, второй. Теперь нижний замок. Как хорошо, что ключи разные, ни на взгляд, ни на ощупь не спутаешь. От верхнего жёлтый плоский, а от нижнего белый длинный и круглый. Так, тоже два оборота. Ну вот. Женя убрала ключи, оглянулась на молча стоящего рядом Эркина и толкнула дверь. Их встретила тёмная тишина.

– Алиса, – позвала, входя, Женя. – Вот и мы! Заходи, Эркин, сейчас... Выключатель у двери, да? Алиса?

Эркин свалил тюк на пол и огляделся. Выключатель... а, вот же! Он нажал на чуть шершавую кнопку и, когда под толчком вспыхнула висящая на кручёном проводе лампочка, закрыл дверь.

– Алиса! – снова позвала Женя и посмотрела на Эркина. – Заснула она, что ли? Сейчас посмотрю.

И убежала в кухню. Эркин снял мешок, положил его рядом с ящиком и стал расстёгивать куртку. Из кухни прибежала Женя.

– В кухне её нет. Эркин...

Эркин растерянно посмотрел на Женю.

– Как нет? А где... в дальней комнате?

– Ой! – Женя метнулась в другую дверь. – Ой, зажги свет, Эркин. Эркин, её нет!

В первый момент Эркин растерялся. Уйти Алиса не могла, увести её... некому и незачем. Чего-то испугалась и спряталась? Он рванул дверь в кладовку. Здесь света не было, валялся и громоздился всякий мусор, обрезки досок, куски фанеры, ещё что-то... но прятаться здесь негде. Он добросовестно обшарил кладовку и вышел в прихожую, где ему на грудь бросилась Женя.

– Эркин её нигде нет! Что это, Эркин?

Уже вдвоём они заново обошли всю квартиру, все комнаты, кухню, ванную, уборную... Алисы не было. В расширенных глазах Жени стояли слёзы.

– Эркин, я с ума сойду, если что... если случилось... Я жить не буду, подожди, я сейчас к соседям схожу, может они что... видели, слышали...

Женя метнулась в прихожую, а он стоял посреди кухни, растерянно оглядываясь. И тут он услышал, вернее, ему почудилось... Раковина обшита с боков фанерой, так что получился как шкафчик, а спереди дверца, и вот там... туда он не заглядывал.

– Женя! – его голос остановил её у двери. – Она здесь!

Когда Женя влетела на в кухню, он уже сидел на полу, об-

нимая прильнувшую к нему Алису. Увидев лицо Жени, Алиса заревела. Ревя, размазывая по щекам слёзы и грязь, Алиса рассказывала, как ей было страшно, и она спряталась, а ещё кто-то страшный за дверью ходил и топал. Женя обнимала её и Эркина и тоже плакала, одновременно утешая, успокаивая и ругая Алису. И Эркин вдруг ощутил, что сам тоже плачет.

– Господи, как ты нас напугала, – Женя наконец всхлипнула в последний раз и встала. – Ну всё, всё в порядке, зайчик мой. Сейчас ужинать будем. Ты не ела совсем?

– Не-а, – Алиса слезла с колен Эркина, уже совсем спокойная.

Женя посмотрела на неё и ахнула.

– Господи, а перемазалась-то как!

Эркин встал и отряхнул джинсы.

– Я схожу, ещё молока куплю. И... и ещё чего посмотрю.

– Да, – Женя вытерла лицо. – Я пока хоть подмету здесь.

И Алису умою.

– Да, – Эркин рукавом вытер лицо и вернулся в прихожую.

Второпях он бросил куртку прямо на пол, и пальто Жени тоже на полу. Он поднял пальто, встряхнул и повесил. И платок... платок в рукав. Поднял свою куртку, привычно проверил внутренний карман, достал из джинсов и переложил на обычное место бумажник, достал из-за пазухи свёрток с деньгами. Это лучше с собой не таскать, мало ли что.

– Женя, – позвал он и, когда она вышла в прихожую, протянул свёрток. – Возьми, убери куда-нибудь.

– Конечно-конечно, – закивала Женя. – Да, подожди, где-то в мешке сумка, та, помнишь, я сейчас соображу...

– Ладно, – улыбнулся Эркин. – И так донесу. Хлеба...

– Хлеб ещё есть, и колбаса. Молока... две бутылки, больше не надо.

– Хорошо.

Эркин надел куртку и нахлобучил ушанку.

– Ну, я пошёл, я быстро.

В прихожую вышла Алиса и, подозрительно глядя на Эркина, спросила:

– Ты опять на работу?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Я в магазин.

– Ну, ладно, – с сомнением в голосе протянула Алиса. – Мам, а ты?

– А мы сейчас будем убирать, – сказала Женя.

Эркин вышел, плотно, но без стука закрыв за собой дверь.

Детей в коридоре уже не было, и людей стало заметно меньше. Из-за некоторых дверей тянуло восхитительно вкусными запахами. Коврики у дверей... Они тоже такой купят. Чтобы не заходить в грязном. И... и всё купят. С такими-то деньгами! Он сбежал по лестнице и вышел на улицу.

Ветра совсем нет, и снова пошёл снег. Как когда-то Эркин выпятил нижнюю губу и пойман на неё снежинку. Совсем другой, совсем особенный... русский вкус.

В магазине его встретили как старого знакомого.

– Умеешь ты под закрытие приходиться, – улыбнулась Ма-

ня. – А на этот раз что?

– Две бутылки молока, – начал Эркин.

– Это ж куда столько? – удивилась Нюра.

– Чая ж нет, – объяснил Эркин, оглядывая полки.

– Как это нет?! – возмутилась Маня. – Да у нас вон много. И цветочный есть, и фруктовый.

– Чайник ещё не купили, – внёс ясность Эркин. – Ещё печенья вон того. И... – Алиса перепугалась сильно, и Женя. – И конфет.

– А себе что, не возьмёшь ничего? – сочувственно спросила Нюра. – С дороги-то. Да и согреться надо.

Эркин не сразу понял, о чём она, а, поняв, улыбнулся.

– Нет, спасибо.

– Ну, как знаешь, – покачала она головой.

– Да, небось, с дороги ещё осталось, – сказала Маня. – Конфеты эти? Нюра, взвесь.

– А на утро-то взял? – снова спросила Нюра, насыпая в кулёк и взвешивая конфеты.

– А чего? – вместо Эркина ответила Маня. – Утром и придёт тогда, свежего возьмёт.

– Да, – кивнул Эркин и достал деньги. – Сколько с меня.

– Пять ноль шесть, дорогие конфеты взял.

– Приезд празднуем, – отшутился Эркин.

Он чувствовал себя уже совсем свободно и, расплатившись, стал распахивать по карманам печенье и конфеты. В магазин вошли двое краснолицых мужчин в ушанках и тол-

стых тёмных куртках. Увидев их, Нюра сразу положила на прилавок банку рыбных консервов, а Маня поставила бутылку водки.

– Во! – расплылись оба в блаженных улыбках. – Вот где нас понимают!

Эркин взял своё молоко и вышел. Таких везде полно, но его это не касается. Каждый живёт, как хочет, ну, и как получается.

Когда перед ним встала громада дома, Эркин, прижимая к груди бутылки с молоком, повёл взглядом по второму этажу левого от башни крыла, совсем ни на что не рассчитывая, просто так. И вдруг увидел Женю. Он даже остановился и заморгал. Но нет, не мог он перепутать, это Женя. И... и, значит, это их комнаты. Занавесок нет, вот и видно всё... да, вид, конечно... жуткий, как после своры квартира. Ну, ничего, он всё сделает. Купят они обои, Женя сказала, что умеет клеить, покажет ему, а уж он не подведёт. И занавески нужны. Ну, не такие плотные, как в Джексонвилле, здесь прятаться незачем, вон как у других. И видно, что живут, что свет горит, и ничего толком не разберёшь. Так что... так что, возвращаясь с работы, он будет видеть свои окна. И Алиса будет видеть его, и Женя. Эркин, высвободив одну руку, толкнул дверь и вошёл в тёплый светлый подъезд, взбежал по лестнице на второй этаж и, открыв ещё одну дверь, вошёл в свой коридор. И улыбнулся, вспомнив дневной страх. Надо же, как смешно получилось, чуть в чужую квартиру не

впёрся. А его – семьдесят седьмая. И стучать не надо, вон же звонок. Он нажал чёрную кнопку возле косяка и тихо засмеялся, услышав за дверью переливчатую трель, топоток Алисы и шаги Жени.

– Кто там? – спросила Женя. – Эркин, ты?

– Да, я.

Щелкнул верхний замок, открылась дверь, и он вошёл в свой дом. Женя уже не в платье, а в халатике, как в Джексоновилле, без чулок, в тапочках на босу ногу. И Алиса в другом платье и тоже в тапочках.

– Так тепло в квартире, – Женя забрала у него покупки. – Конфеты, печенье, как хорошо. Ты тоже переобуйся, я твои шлёпанцы достала. Я сейчас пол в кухню домою, поедим и остальным займёмся.

Женя убежала с покупками на кухню, а Эркин стал раздеваться. Снял и повесил куртку, шапку, скинул сапоги и поставил их рядом с черевичками Жени и ботиками Алисы, смотал, балансируя на одной ноге, портянки и надел шлёпанцы. Ну... ну, вот он и дома.

– Эркин, ты портянки в ванной прямо в ванну брось, – крикнула из кухни Женя. – Я потом ванну буду мыть и постираю заодно.

В ванне лежали чулки Жени и Алисы, платье Алисы, ещё что-то. Эркин бросил туда портянки, вымыл руки под краном в раковине. Горячая вода была в самом деле горячей. А полотенце... Ага, вот Женя его прямо на ручку двери пове-

сила, ну да, больше же некуда. Он вытер руки и пошёл на кухню.

Женя уже домывала пол. Он молча отобрал у неё тряпку и закончил работу.

– Ага, спасибо, – кивнула Женя. – Ты воду в уборную вылей и ведро ополосни. И руки. И ужинать будем.

Эркин проделал все операции в указанном порядке и вернулся на кухню.

Ели опять стоя. Алиса хотела залезть на подоконник, но Женя не разрешила.

– Холодно там сидеть.

– Мам, тогда на пол.

– А на полу сыро.

– Ладно, – согласилась Алиса. – Мам, я больше молока не хочу.

– Я тебе и так полкружки налила. И больше же ничего нет.

Эркин дожеввал бутерброд и залпом допил свою кружку.

– Женя, спасибо.

– Ещё?

– Нет, сыт. Женя, ящик где?

– А где всё. Я рядом комнату подмела и занесла туда всё.

Чтоб на ходу не лежало. А что?

– Дверь в уборную поправить надо, – ответил Эркин.

Он об этом всё время думал. Не дело так. В комнатах двери – это одно, а уборная... не рабы же они, чтоб всё напоказ. На выпасе, в Мышеловке стеснялись – не стеснялись, но ста-

рались, чтоб не на виду. Так что это в первую очередь надо сделать. Конечно, он – не Андрей, у того бы в пять минут всё было бы сделано. Но как-то ему пришлось вместе с Андреем навешивать дверь, так что... справится.

Женя как в поисках Алисы включила свет по всей квартире, так и оставила. Эркин взял ящик с инструментами, подошёл к перекошенной двери и... и едва не выругался в голос. Шурупы, на которых держалась петля, были «с мясом» вырваны из косяка. Тут вбивай – не вбивай, держаться не будет. Что же делать? А! В кладовке, пока искал Алису, ему попадались разные деревяшки. Плохо, что там света нет. И... он поглядел на свои джинсы и пошёл переодеваться. Нашёл свои рабские штаны, снял джинсы и натянул эти, и рубашку... рубашку тоже в грязное, неделю не менял, а пока... да всё равно. Не холодно, а ему работать, тенниска в момент разлезется. И часы... Он снял часы и положил на подоконник рядом с часиками Жени.

– Эркин, джинсы тоже в грязное кинь, – крикнула, пробегая мимо с ведром, Женя.

Эркин выдернул из джинсов ремень, проверил карманы на джинсах и рубашке и отнёс их в ванную. Так, теперь... в кладовку.

– Алиса, – позвал он. – Помоги мне.

Алиса, уже забыв обо всех своих страхах, упоённо носилась по такой большой и просторной квартире. Услышав Эркина, она с восторгом кинулась к нему.

– Ага! А чего?

– Подержи дверь, чтоб не закрывалась.

Алиса подпёрла собой дверь кладовки, и Эркин полез туда, загромыхал. Попадалось всё не то. Конечно, при необходимости он и это пустит в дело, но, чёрт, раз те разводили костёр, то это всё натаскали как топливо. Болваны, конечно, но надо искать полено. Да, тогда они тоже меняли часть косяка, и он помнил, что и как делал Андрей. Но там был брусок. Ладно, нашлось бы полено, а уж обтесать, довести до кондиции, как говорил Андрей, он сможет.

Вместо полена нашёлся какой-то чурбак, и Эркин вылез из кладовки с серыми от пыли волосами. Алиса отпустила дверь, и она, к её полному удовольствию, гулко хлопнула. Ей захотелось это повторить, но мама – и как она всё видит? – крикнула из комнаты:

– Алиса, не балуйся!

А Эркин раскрыл свой ящик, который Алиса ещё ни разу не видела, что было безусловно интереснее хлопающей двери.

Сверху в ящике лежала рукоятка ножа. Эркин ещё в промежуточном лагере переложил её туда из кармана рубашки, чтобы не потерять. И решил, приделать кольцо и носить с собой на шнурке. Будто Андрей с ним. Носят же остальные, некоторые – он видел – даже в бане с крестом или другим амулетом. А пока... прости, Андрей, что твоё без спросу взял, ты его берёг, себе под руку подгонял, ничего дороже

инструмента у тебя не было, но ты бы ведь сам стал бы помогать, ты бы делал эту квартиру с нами, вместе, не будь в обиде на меня, Андрей, твои инструментом работаю, как тебя вспоминаю...

Начав уже пристально, по делу рассматривать дверь, Эркин понял, что нужно снимать нижнюю петлю, и заменять оба раздолбанных прежними жильцами участка косяка. Заменить весь косяк он не может: нет подходящего бруса, а оставлять уборную без двери тоже нельзя. Алиса вертелась рядом, и потому выругать живших здесь он не мог, во всяком случае, вслух. Он счистил закрывавшую шурупы краску, нашёл подходящую отвёртку и взялся за работу.

Подошла Женя и стала помогать ему: держала дверь, чтобы та на него не рухнула, когда он снимет последний шуруп. Эркин снизу вверх посмотрел на Женю и улыбнулся. Она кивнула, поняв, что он вспомнил клетку и как тогда Женя возилась с дверью.

– Я одного не понимаю, – вдруг сказал Эркин, вытаскивая последний шуруп и вставая, чтобы перехватить и отставить в сторону дверь. – Как ты тогда меня узнала?

– Сердце ёкнуло, – очень серьёзно ответила Женя.

И Эркин кивнул. Конечно, только глазами узнать его, измождённого, избитого, с рассечённой щекой и заплывшим глазом, было невозможно. Он сам себя долгое время, глядя в зеркало, не узнавал. Но...

– Женя, а... а если бы меня там не было, ну, в клетке, ты

бы... сделала это?

– Ну, конечно, – Женя явно удивилась его вопросу.

И тут прозвенел звонок.

Эркин застыл с полуоткрытым ртом, потом медленно опустил на пол дверь, достал из ящика маленький, но – он помнил – очень острый топор и пошёл к входной двери. Коротким жестом он отослал Женю и Алису на кухню и, только убедившись, что они ушли, спросил:

– Кто там?

– Сосед ваш, из семьдесят пятой, – ответил мужской голос.

Помедлив, Эркин одной левой открыл замок и отступил на шаг, чтобы иметь пространство для замаха.

– Открыто!

Вошедшему было уже за сорок. Мятые штаны, застиранная рубашка, на ногах шлёпанцы, короткие светлые волосы отливают сединой, клешнястые ладони... Так же внимательно мужчина оглядел стоящего перед ним полуголого индейца с топором в руке и улыбнулся.

– Будем знакомы, сосед, если надолго к нам.

– Навсегда, – твёрдо ответил Эркин и, переложив топор в левую руку, ответил на рукопожатие.

– Я Ахромков Виктор, а тебя как звать-величать?

– Эркин Мороз, – ответил Эркин, ответно стискивая жёсткую от мозолей ладонь собеседника. – Значит, рядом живёшь?

– За стенкой, – кивнул Виктор. – Соседа знать в первую голову надо. Жену поменяешь, а соседа – нет.

– Это почему? – вышла из кухни Женя. – Здравствуйте.

– И вам здравствовать. А почему нет? Так жену сам себе выбираешь, а соседа тебе бог посылает. А с ним не поспоришь.

Рассмеялись все. И Виктор уже совсем по-свойски показал на лежащую на полу дверь.

– Мастерись?

– На одном гвозде висела, – Эркин показал на косяк. – Вот, латать сейчас буду.

– Тут не латать, а менять надо.

– Бруса-то нет, – Эркин усмехнулся. – Не приготовили для меня. Чурбак вот нашёл, и то спасибо.

– А завтра дня не будет?

Эркин упрямо покачал головой.

– С раскрытой уборной жить, что ли?

Виктор, всё с бóльшим интересом глядя на него, кивнул:

– Оно тоже так. Ну, давай вместе, что ли. Женщина в мужской работе только помеха.

Эркин поймал одобрителный взгляд Жени и согласился.

За работой выяснилось, что Виктор в Загорье с осени, работает в типографии. Название его работы было непонятно Эркину, и он ограничился тем, что сказал о себе, что, дескать, грузчиком на заводе. Ящик привёл Виктора в полный восторг.

– Ты смотри, с каким умом сделано. Что ж ты в грузчики пошёл, раз такой мастер.

– Я – мастер? – удивился Эркин.

– По инструменту класс сразу виден.

– Это брата, – вздохнул Эркин. – Он был мастер, его инструмент. А я... неквалифицированная рабочая сила, – вспомнил он сказанное ему в лагерном отделе занятости.

Виктор усмехнулся и очень естественно спросил:

– А брат где?

И столь же естественно ответил Эркин.

– Убили его в Хэллоуин.

Виктор понимающе кивнул.

Вдвоём они вырубали размочаленные участки, выпилили из чурбака подходящие по размеру латки, загладили их с наружной стороны. Глядя, как Эркин вымеряет всё пальцами и ладонью, хотя в ящике были и круглая рулетка, и складной ярд, Виктор негромко спросил:

– Грамоту... совсем не знаешь?

– Цифры различаю, – честно ответил Эркин. – И считать умею.

Эркин приложил к косяку выпиленный кусок и стал зачищать паз.

– У брата клей хороший был, – объяснил он скептически разглядывавшему его работу Виктору. – За час намертво схватит. И шурупы на клей посажу.

– Ну, что же, если, как говоришь, то потом зачистить, за-

гладить и косяк менять не придётся, – согласился Виктор.

В ящике у Андрея было несколько пузырьков и тюбиков с клеем. Нужный запах Эркин помнил.

– Ага, этот.

Они промазали клеем пазы и латки, и вбили их молотками. Выступившие на стыках капли Эркин затёр стружкой. Вдвоём подняли и приставили дверь, и Эркин через петли наметил места для шурупов.

– Так, – кивнул Виктор. – А теперь, пока схватит, давай эти подправим.

Они подтянули шурупы на двери, Эркин гвоздём пробил дырки для шурупов на латках, натолкал туда смоченных в клее щепок, затем приставили дверь и ввинтили шурупы.

– Готово, отпускай. Час её шевелить не надо, и всё.

– Тогда, Мороз, давай подопрём чем, чтоб не тянула.

Алиса тут же предложила свои услуги, но её заменили остатками чурбака. Женя стала угощать Виктора молоком, но он отказался.

– Нет, спасибо, я ж на минутку только зашёл.

И тут в дверь опять позвонили. На этот раз открыла Женя. Пришла жена Виктора, Клавдия. Она немного поговорила с Женей об окрестных магазинах и сказала Виктору, что людям с дороги отдохнуть надо.

Когда соседи ушли, Женя тихо засмеялась.

– Вот у нас и первые гости были.

Эркин улыбнулся.

– Да. Ты... довольна?

– Ну, конечно. А я обе комнаты вымыла. Господи, Эркин, неужели это всё наше?!

И тут же засмеялась уже по-другому, совсем свободно и звонко. Так что Эркин не смог не засмеяться в ответ.

– Ага, я тоже поверить не могу. Так, – он огляделся по сторонам. – Давай я здесь сейчас уберу. Да, Женя, а спать сегодня...

– Ничего, – сразу поняла его Женя. – Сегодня на полу, а завтра с утра пойдём и всё купим.

Эркин кивнул и стал собирать инструменты.

– Женя, щётка где, я подмету.

И вдруг Женя стала хохотать. Она так смеялась, что Эркин сначала удивился, а потом испугался.

– Женя, что с тобой?

– Эркин, – хохотала Женя, – мы же мусорного ведра не купили, ну, для мусора, я из кухни и комнат всё сюда вымела, а теперь его куда?

Наконец Эркин понял и тоже рассмеялся.

– Да, как это, лопухнулись мы, да? Женя, а в это ведро? И я сейчас вынесу.

– Куда? – поинтересовалась Женя. – Ты видел, где здесь помойка?

– Нет, – вынужденно согласился Эркин. – Не видел. Ну, в угол пока всё смету, а утром тогда и вынесу.

– Хорошо, – кивнула Женя, – а метла в большой комнате.

Её тогда тоже завтра уберу.

Эркин сходил за щёткой и подмёл прихожую, размышляя: так щётка это или метла? Женя говорит то так, то этак. Собрал мусор в кучу подальше от обуви, осторожно попробовал дверь уборной, убедился, что схватило намертво, отнёс остатки чурбака в кладовку – мало ли для чего ещё понадобятся – и пошёл в ванную, где Женя разглядывала извивающуюся по стене блестящую трубу.

– Эркин, – обернулась она, – я поняла. Это сушка. Ты пощупай, она горячая, правда, удобно? Я тогда всё это, – она показала на сваленные в ванне вещи, – постираю и развешу.

– Завтра, – решительно сказал Эркин. – Нам же есть, что одеть, Женя, ты устала, надо поспать.

– Надеть, – машинально поправила его Женя. – Да. Надо бы Алиску вымыть, но на полу спать, как бы не простудилась. А ты, – она посмотрела на Эркина, – ты будешь мыться, да?

Он провёл рукой по волосам и показал ей грязную ладонь.

– Ой, ну, конечно-конечно, – заторопилась Женя. – Я сейчас тебе мыла принесу. И полотенце. И рубашку.

Женя выбежала, а Эркин подошёл к душу. Оглядел. Надо мыться очень осторожно, иначе он всё зальёт. Вообще-то здорово, конечно. Площадка с невысоким – чуть выше щиколотки, бортиком – и дыркой стока посередине, и душ... Он что, снимается? Ну да, шланг гибкий. Здорово, можно себя обмывать. А до ванны дотянется? О, у ванны свой такой же. Совсем здорово!

В разгар его исследований пришла Женя.

– Вот, я на сушку повешу, наденешь тёплое, и носки обязательно.

Эркин показал ей свои открытия, и Женя восхитилась.

– Как хорошо! Я даже сразу не сообразила. Эркин, а эта труба зачем? Круговой душ?

Эркин провёл рукой по изогнутой полукругом трубке над душевой площадкой.

– Нет, дырок нет, и высоко она... – и ахнул: – Женя, это же для занавески! Ну, чтоб вокруг не брызгать.

– Вот хорошо! Завтра же купим, я как раз в том магазине у вокзала видела, так и называется: занавес для душа. Там и для ванны был. И тогда свободно руки там зайти помыть или что, – и решительно закончила: – Оба возьмём.

– Дорогие они? – осторожно спросил Эркин.

– Деньги у нас есть, – сразу ответила Женя. – Нам их и дали на обзаведение. Так, а сейчас... О! Я сейчас простыню принесу, и повесим как занавеску.

Женя выбежала из ванной, а Эркин уже внимательно осмотрел трубку. Так, высота нормальная, выше душевого рожка, еле-еле вытянутыми руками достаёт, держится... слабо. Почему? А, так она вынимается, что ли? Нет, просто висели на ней, видно, укреплять надо. Это сложно, этого он сам не сможет. Надо будет у Виктора спросить, как тот делал.

Женя принесла сразу две простыни и прищепки. Вдвоём они соорудили занавес, перекинув верхний край через труб-

ку и закрепив прищепками. Потом Женя перешагнула через бортик, задёрнула занавес, покрутилась внутри и вышла.

– Чудесно! Я тогда тоже помоюсь. И Алиску хоть оботру. Только голову мыть не буду. И, Эркин, ты сначала поддон ополосни, я же туда прямо в обуви заходила. Я сейчас тогда грубого мыла принесу.

Эркин кивнул и, сдвинув занавески, взялся за работу.

Женя принесла кусок коричневого мыла и, к его изумлению, жёсткую щётку для мытья посуды. Особой грязи тут не было, и сток оказался не забитым. Вымыв площадку – Женя упорно называла её поддоном, Эркин положил на бортик мыльницу с хорошим мылом и мочалку, расправил занавес и стал раздеваться.

– Трусы сразу в грязное кидай, – сказала, выходя, Женя.

Рабские штаны он встряхнул и повесил на сушку рядом с рубашкой, трусы кинул в ванну и прямо из шлёпанцев перешагнул через бортик. Ещё раз поправил занавески, чтоб не было щелей, и осторожно пустил воду. Ох, и даже напор есть. Ну... ну, живём! Неделю не мылся, голова, и тело зудят, как в имении, а теперь... Он снова и снова намыливался, растирал себя мочалкой, отфыркивался от попадающей в нос и рот воды. И не мог остановиться.

Он бы, может, всю ночь так простоял, если бы не ласково-насмешливый голос Жени:

– Ты не утонул?

– Не-а, – выдохнул он. – Я сейчас.

И, с сожалением, выключил воду. Белая ткань намокла и тяжело провисала. Тронув её, Эркин почувствовал, что сейчас либо ткань оборвётся, либо трубка обломится. Он осторожно втянул занавески внутрь и стал отжимать, не снимая. Вот так, и вот так, и вот так... Расправил смятую ткань и перешагнул через бортик в шлёпанцы. Вытерся и повесил полотенце обратно на сушку, растеребил, растрепал волосы и стал одеваться. Рубашка, трусы, штаны, носки – всё тёплое, приятное. Ну... ну совсем другая жизнь.

Когда он пришёл на кухню, где Женя соорудила им на полу постель, она засмеялась.

– Эркин, ты аж светишься весь.

– Ага, – согласился он. – Я их отжал, ну, простыни, что занавески, и оставил.

– Ну, конечно, – кивнула Женя. – Сейчас я Алиску в порядок приведу. А ты ложись. Алиса, пойдём.

Они ушли, а он всё ещё оторопело смотрел на сооружённое Женей. Это ж... это ж получается... они все вместе спать будут? И тут же сообразил, как. Ну, правильно. Алису в середине, чтобы не замёрзла. Вон Женя всё в ход пустила, даже пальто, даже его куртку. Он несколько раз глубоко вздохнул и подошёл к окну. И увидел себя, своё отражение в чёрном стекле. Хотя... нет. Всё же фонари горят, и снег белый. Если посмотреть вниз, людей нет никого. Так поздно уж? Неужели они приехали? Неужели дорога кончилась? Есть жильё, есть работа, есть деньги на обустройство. Всё у него есть. Нет,

он теперь с места не стронется. Не даст себя стронуть.

Женя внесла в кухню Алису. Эркин увидел их в окно, как в зеркале, и обернулся, шагнул к ним и забрал Алису.

– Тебе же тяжело, Женя. Почему ты меня не позвала?

– Ничего-ничего, я сейчас.

Алиса обхватила его за шею, прижалась.

– Тебе не холодно?

– Не-а, – шёпотом выдохнула Алиса.

Глаза у неё закрывались, и Эркин ощущал, как она сонно обмякает, тяжелеет в его руках. Прав Чолли. Ребёнок на руках... ничего нет дороже. Он осторожно сел на постель, по-прежнему держа Алису, и сидел с ней так, уже ни о чём не думая, пока не вошла Женя.

– Заснула? Сейчас уложим.

Эркин удивленно смотрел на неё: такой он Женю ещё не видел.

– Ты что? – не поняла она и тут же засмеялась. – А! Это мой спортивный костюм. Ещё с колледжа остался. Тебе не будет холодно в одной рубашке?

Эркин молча покачал головой. Женя, встав на колени, откинула своё пальто.

– Клади её, Эркин. Ну вот. Теперь я с этого боку, и ты ложись. Вот так. Тебе удобно?

– Да, – тихо ответил Эркин.

– Ой, а свет-то...

Женя вскочила и выбежала из кухни. Он слышал, как она

пробежала по квартире, щёлкая выключателями.

– Ну, вот.

Женя вошла в кухню, закрыла дверь и выключила свет. И уже в темноте легла.

Мам, ты? – сонно спросила Алиса.

– Да, маленькая, спи.

– А Эрик где?

– Здесь я, – ответил Эркин.

– Это хорошо-о, – выдохнула Алиса.

Женя тихо засмеялась, и Эркин сразу улыбнулся её смеху.

Рука Жени коснулась его плеча, щеки, укрывая, натягивая на него полу пальто.

– Тебе удобно?

– Да, Женя, да.

– Спокойной ночи, Эркин.

– Спокойной ночи, – ответил он уже во сне.

Сквозь сон, опасаясь, что Жене холодно – всё-таки её пальто недостаточно, чтобы укрыть всех троих, он протянул руку и мягко положил её на плечо Жени, обнял её за спину и притянул к себе, чуть-чуть, чтобы не зажать Алису. И Женя не отстранилась, не сбросила его руку. Эркин счастливо вздохнул, окончательно засыпая.

Дыхание Алисы щекотало ему шею, что-то булькало и урчало в трубах, где-то очень далеко проехала машина, но всё это было ночной спокойной тишиной. Его тело ещё помнило вагонную тряску и готовилось спружинить при толчке, но и

это не мешало. Он дома, это его дом, его семья.

И Женя наслаждалась тишиной и спокойствием. Конечно, она беспокоилась за Алису, но ничего, всего одна ночь – не страшно. А потом они купят постели, квартира тёплая, даже на полу при хорошем тюфяке или перине будет удобно. А деньги у них есть. Безвозвратная ссуда. На каждого и на семью в целом. Столько у неё никогда не было. Надо будет как следует всё продумать, чтобы не растратить по мелочам. Столько всего нужно, а хочется... ещё больше. Сейчас посуда. Прежде всего – посуда. Чайник... даже два, для кипятка и заварочный... кастрюли... тоже две, нет, три... сковородка... ну, и тарелки, чашки, хорошо бы прямо сервизом, даже два сервиза: столовый и чайный, и... ой, ну, всё сразу нужно.

Она спала и во сне покупала и покупала, расставляла мебель, вешала шторы... Понимала, что это сон, но его так приятно смотреть. И рядом Алиса, Эркин, они в безопасности, живы, здоровы. Господи, какое счастье, что Джексонвилл, Империя, весь тот ужас кончились! И сильная тёплая рука Эркина на её плече...

Чувство времени никогда не подводило Эркина, но сегодня... сегодня что-то не то. Пора бы быть утру, а вокруг темно. Эркин осторожно приподнялся на локте, прислушиваясь. Да, шум на улице. Конечно, ничего такого быть не может, но... но лучше посмотреть. Мягким гибким движением он убрал руку и встал, не потревожив Женю и Алису. Подошёл

к окну. И увидел тёмное, почти чёрное небо, светящиеся шары фонарей у дома и дальше цепочкой по улице, белый снег внизу и чёрные фигуры, спешащих куда-то от дома людей. А магазин? Нет, магазина не видно. Но куда это все они? На работу? Тогда, значит, утро. Но ещё слишком темно.

Вздохнула и заворочалась Алиса. Повернувшись спиной к окну, Эркин – света с улицы хватало – с улыбкой смотрел, как она раскидывается, занимая его место. А Женя спит. Ну, и пусть спит. Время-то... где он часы оставил? А! Вспомнил. Бесшумно ступая, вернее скользя по полу, он, не обуваясь, чтобы стуком шлёпанцев не разбудить Женю, вышел. В квартире стояла живая сонная тишина.

В комнате рядом с кухней на полу разложены вещи, которые Женя не использовала на сооружение постелей. Эркин подошёл к окну и увидел на подоконнике маленькие на узком ремешке часики Жени и рядом свои. Стрелки и цифры молочно светились. Странно. На часах семь тридцать, и телом он ощущает, что уже утро, а темно, как ночью. Семь тридцать. Завтра в это время... ему уже всю работу, смена-то с семи. Как бы не проспать. Жалко, не заметил вчера, сколько они шли от дома до завода, но часа ему должно хватить. Значит, из дома выйти без четверти шесть. Однако... ну, ничего. Ляжет спать с часами на руке...

Он не додумал. Потому что сзади на его плечи легли ладони Жени, и её голос спросил:

– Ты что, Эркин? Что-то случилось?

– Нет, – ответил он, не оборачиваясь, чтобы не прервать блаженное ощущение прикосновения Жени. – Просто время посмотреть. Сейчас полвосьмого, Женя.

– Да-а? – удивилась Женя. – А темно-то как. Но ты прав. Конечно, надо вставать. А то не успеем всего.

Она погладила его по плечам и отошла. Эркин перевёл дыхание, на мгновение прижался лбом к оконному стеклу и, оттолкнувшись с силой от подоконника, вышел. Да, надо начинать утро. Здесь не надо идти ни за дровами, ни за водой, но дел от этого не меньше.

Женя не хотела будить Алису и не стала включать в кухне свет, но Алиса, конечно, проснулась. А вставать не хотела, кувыркаясь и валяясь по постели, пока Женя не рассердилась:

– Или спи, или вставай. Ты мне всё пальто измяла.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – А Эрик где?

– Здесь, конечно.

Эркин, на ходу застёгивая на запястье часовой браслет, вошёл в кухню и включил свет. Он уже умылся и переоделся в старые джинсы.

– Схожу в магазин. Возьму молока и хлеба.

– Опять молоко?! – спросила Алиса.

– Да, – твёрдо ответила Женя. – У нас пока нет чайника.

Да, Эркин, Клавдия про пустые бутылки говорила, захвати их, ладно? Я их помыла уже.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Сумку я нашёл. Сейчас при-

несу.

– Я сложу, пока ты одеваешься, – кивнула Женя.

Эркин принёс сумку, и Женя, придирчиво осмотрев пустые бутылки и сложив их в сумку, вышла в прихожую. Эркин уже застёгивал куртку.

– Пальто я повесил. А то мнётся.

– Ой, когда ты успел? – удивилась Женя.

Эркин улыбнулся и ответил усвоенной в лагере фразой:

– Долго ли умеючи.

Он уже взялся за ручку двери, когда Женя остановила его.

– Подожди, а ключи?

Она сбегала в комнату за своей сумочкой и вернулась, звеня связкой.

– Смотри, три пары. Тебе, мне и запасная. Правда, удобно?

Эркин кивнул и принял на ладонь два ключа – жёлтый плоский и белый длинный – бережно сунул в кармашек джинсов. И вдруг, наклонившись, коснулся губами щеки Жени и тут же выскочил за дверь. Женя тихо засмеялась и посмотрела на стоявшую рядом Алису.

– Ну, давай наводить порядок.

– Давай, – согласилась Алиса.

В принципе, она была на всё согласна, лишь бы мама не уходила. За месяц в лагере она совсем отвыкла оставаться дома. И потому без звука умылась и переоделась, помогла маме убрать из кухни их постель в комнату к остальным ве-

щам.

И тут в дверь позвонили. «Эркин так быстро вернулся?» – удивилась Женя. Или забыл что? И, не спрашивая, открыла дверь.

За дверью никого не было. Стояли четыре кухонных табуретки, и на одной из них лежала открытка. Женя взяла её. Яркое изображение накрытого стола с самоваром, чашками и пирогом. Вытесненная золотом надпись: «С новосельем!». И всё. Ни кому, ни от кого. Коридор был пуст. Женя громко сказала в пустоту:

– Большое спасибо, – и занесла табуретки в прихожую.

– Что это? – удивилась Алиса. – Чьё это?

– Теперь наше, – счастливо улыбалась Женя. – Это нам подарили.

– Подарок – это хорошо! – одобрила Алиса.

Табуретки были самые простые, из светлого некрашеного дерева, но достаточно большие и устойчивые. Открытку Женя поставила на подоконник. Ну вот, одну табуретку она накроет салфеткой и будет стол. Но это потом, а сейчас – стирка. Вымыть ванну грубым мылом и замочить бельё. И выстирать Эркину джинсы и рубашку, чтобы завтра ему на работу в приличном виде.

– Алиса, ты будешь помогать, или игрушки тебе достать?

– Я сама достану, – после недолгого размышления заявила

Алиса и отправилась разыскивать свой рюкзачок.

Женя вынула всё сваленное в ванну и положила рядом

прямо на пол, затем обмыла ванну горячей водой из гибкого душа, взяла щётку и грубое мыло и стала оттирать ванну. Она так ушла в это занятие, что не заметила, как пришёл Эркин, и, только когда он мягко, но решительно отобрал у неё щётку, ахнула:

– Ой, ты уже пришёл?!

– И даже чай поставил, – засмеялся Эркин.

– Чай?! – изумилась Женя. – В чём?

– А в кружках. Когда закипит, заварим.

– Эркин, ты гений! – Женя чмокнула его в щёку и вылетела из ванной с криком: – Алиса, не лезь к плите!

Засунув обожжённый палец в рот, Алиса погрузилась в раздумья. Что мама видит спиной, она давно знала. Но через стену?..!

Эркин постоял, приходя в себя от счастья – Женя его поцеловала! – и стал дотирать ванну. О чае он подумал по дороге в магазин и потому купил, кроме молока и хлеба, ещё пакет сахара и пачку чая. А молоко тоже можно в кружке подогреть. Хлеб был не только свежий, а даже ещё горячий. И Маня посоветовала ему взять калач – булочку в форме сумки. Он взял две. Жене и Алисе. А печенье и конфеты у них с вечера ещё остались, а что на обед... Обед варить надо, вот для обеда всё и надо купить.

– Эркин, готово, – позвала его Женя.

– И у меня готово, – откликнулся Эркин, обдавая из душа горячей водой, почти кипятком, намыленную ванну.

Ополоснув руки в раковине, он вышел в кухню. Одна из табуреток была накрыта салфеткой, и на ней стояли миски с творогом, на плите дымились кружки с чаем, а на подоконнике рядом с открыткой красовались стаканчики и тарелки из набора для пикника.

– Вот, – торжественно сказала Женя. – Сейчас поедем творога с молоком, а потом чай. Эркин, садись, ты молодец, что купил творога.

Они сидели и ели из мисок творог, Алисе Женя его даже сахаром посыпала, с молоком и чёрным горячим хлебом. Потом пили чай с калачами.

– Это калач? – переспросила Женя и рассмеялась: – Знаешь, я слышала о калачах, но что они такие, что так вкусно, не знала. Алиса, не хватай, он ещё горячий. Значит, так. Сейчас я замочу бельё, и пойдём.

Эркин кивнул.

– Стол нужен.

– Да, – согласилась Женя. – Стол в первую очередь. И постели. Перины, подушки, одеяла. И посуду. И на обед чего-нибудь.

Эркин улыбнулся.

– За раз всего не дотащим.

– Так не раз и сходим, – весело отмахнулась Женя и вскочила на ноги. – Алиса допивай!

Алиса покосилась на неё и уткнулась в кружку. Она чувствовала, что её не собираются брать с собой за покупками,

и не знала, что делать. Зареветь или... но мама уже убежала в ванную, а Эрик моет кружки и миски. Алиса вздохнула.

– Эрик, а ещё конфету можно? – и решила усилить. – Я тогда не буду с вами проситься.

Задыхаясь от смеха, Эркин молча кивнул. Алиса чинно взяла конфету и опустила её в кармашек платья. А оказавшаяся тут же мама – когда она только успела? – укоризненно покачала головой, но отбирать конфету не стала.

– Эркин, бельё я всё замочила. Ой, ведь уже светло совсем.

Женя щёлкнула выключателем, и кухню залил холодный, серо-белый свет из окна. Эркин опустил крышку у плиты и отключил газ. Женя расставила на подоконнике их продукты и посуду.

– Эркин, сколько денег возьмём? Я думаю... тысячу? Или больше?

Эркин медленно кивнул.

– Давай... больше. Мало ли что.

– Хорошо, – согласилась Женя.

Пока они одевались, Алиса молча следила за ними. И только, когда Женя, уже одетая, поцеловала её в щёку, потребовала:

– А теперь Эрик!

А когда он выполнил её требование, строго сказала:

– Только вы поскорее возвращайтесь.

– Как получится, – не менее строго ответила Женя.

В коридоре уже Эркин тщательно запер дверь на оба замка, на два оборота каждый, и улыбнулся Жене.

– Пошли?

Женя кивнула и взяла его под руку.

Коридор, лестница, подъезд, заснеженный город.

– К этому, Филиппычу? – спросил Эркин, когда они миновали магазин.

– Да, – кивнула Женя. – Не думаю, чтобы у него было очень дорого. Нам же надо ещё на ремонт деньги оставить. И на одежду.

– Да, тебе нужно пальто тёплое. И валенки. И...

– Много чего нужно, – вздохнула Женя.

День был как вчера. Небо в тучах, мелкий редкий снежок, и почти без ветра. Снег приятно поскрипывал под ногами, у рта при разговоре клубился пар.

– Сейчас постели.

– Да. Перину или тюфяк. Нам и Алисе. Ещё два одеяла, хорошо бы ватные, стёганые. И три подушки. А кровати тогда потом. И на кухню стол. Табуретки у нас есть, – Женя негромко счастливо рассмеялась. – И знаешь, хорошо бы на кухню ещё шкафчик для посуды. Но это будет тяжело.

– Я уже думал, – Эркин придержал поскользнувшуюся Женю, – если купим стол, положим его кверху ножками, всё остальное на него, увяжем, как следует, и повезём. Как санки.

– И обдерём крышку, – Женя вздохнула. – Лучше уж сан-

ки купить.

– Ладно, – сразу согласился Эркин. – Переход через пути вон там. И дальше вдоль путей. Правильно?

– Ага.

Прохожих было немного, но Женя внимательно разглядывала, как они одеты. Хотя тёмные толстые пальто и вязаные платки женщин ей уже примелькались. Нет, она одета не хуже других. Вот только черевички, конечно, не по погоде. И тут же поправила себя: не по сезону. Надо купить валенки. И Эркину. И Алисе. Алисе нужно тёплое пальто. И рейтузы. Иначе она не сможет гулять. А Эркину... Многие мужчины носят, да, правильно, полушубки. Если бы удалось такой купить, было бы здорово. И ещё ему нужно тёплое бельё. Как... как у папы было. Он, правда, редко его надевал. Или нет... Она не помнит. Но это неважно. Эркину работать на улице, в одних джинсах он простудится.

Эркин искоса поглядывал на оживлённое лицо Жени и ни о чём не спрашивал. Конечно, и Жене, и Алисе нужна тёплая одежда. И обувь. Валенки, да, правильно, валенки. Если удастся, то сегодня же. Вот, если у Филиппыча будут валенки, то сразу и купим.

– Ты о чём думаешь, Эркин?

– Тебе холодно в черевичках, – сразу ответил Эркин. – Нужны валенки, Женя. И тебе, и Алисе.

– А тебе?

– У меня сапоги. Мне тепло, Женя, правда.

Женя улыбнулась.

– Не выдумывай. Если там есть валенки, то сразу и купим.

Эркин засмеялся.

– Я это же думал.

– Ну вот! – торжествуяще заключила Женя.

Но у Филиппыча валенок не было. Зато наличествовало очень много всякого другого и очень нужного. Сам Филиппыч, кряжистый старик с лохматой бородой – Эркин впервые такое увидел – встретил их ухмылкой.

– За обзаведеньем, молодые, так?

– Так, – весело кивнула Женя. – Здравствуйте.

– И вам здравствовать, да детей растить, – ответил Филиппыч. – Ну, смотрите, да высматривайте.

Посмотреть и вправду было на что. Магазин Филиппыча оказался так плотно набит товаром, что Эркин сразу вспомнил фургон Роулинга, так же невзрачный снаружи, и улыбнулся воспоминанию. Здесь тоже... и новое, и не очень, и подороже, и подешевле.

Стол нашли быстро. Эркин придирчиво оглядел его. Исцарапан, конечно, но это не страшно, можно и шкуркой загладить, да даже просто покрасить, и будет как новый. Он так и сказал Жене. Женя кивнула.

– Да, до ремонта, конечно, а потом...

– А потом ко мне и привезёте, – хохотнул Филиппыч.

Стол был крепок и дешёв. Всего три рубля. Но к нему нужны табуретки, их малы. А табуретки новые, даже будто све-

жим деревом пахнут. И всех размеров: от высоких, что почти вровень со столом, до совсем маленьких. Но тут Женя увидела четыре стула. Тоже новенькие, блестящие от жёлто-прозрачного лака, с красивыми фигурными спинками и ножками. Стулья оказались по двадцать пять, но Женя так восхищалась ими, что у Эркина язык, конечно, не повернулся, а Филиппыч сказал:

– Можно и стол такой заказать.

– А сколько ждать? – спросил Эркин.

– Да с месяц, а, может, и больше.

– Тогда стол берём этот, – сказал Эркин. – А стулья...

– Все четыре, – решительно сказала Женя. – И две табуретки, вот эти, они тоже нужны. И... ой, а как же мы их довезём?

– Далеко везти? – спросил Филиппыч.

– На Цветочную, – улыбнулся Эркин. – В «Беженский Корабль».

– Миня! – крикнул Филиппыч и властно приказал вынырнувшему из-за стопки вёдер мальчишке лет двенадцати: – Скажи Терентию, что работа есть. Пусть розвальни подгонит, – и уже Эркину с Женей объяснил: – Извозом зарабатывает. И довезёт, и внести поможет.

– И за сколько? – спокойно спросил Эркин.

– Десятая доля с общего. Ну, и на чай ему сколько не жалко.

– Тогда всё, что нужно, сразу и возьмём, – обрадовалась

Женя.

Филиппыч не скрыл довольной ухмылки. Вошёл мужчина в полушубке и весело спросил:

– Ну, и где груз?

Терентий – догадался Эркин, и веселье его тоже понятно. Работа подвалила!

И пока Женя ходила по магазину, выбирая и отбирая, Эркин и Терентий вытаскивали на улицу и укладывали на сани стол, стулья, табуретки, две свёрнутые рулоном перины, два ватных стёганных одеяла, три подушки, кухонный стол-шкафчик, ведро и плетёную корзину, ещё ведро, таз, три кастрюли, сковородку и чайник...

– Однако размахалась твоя, – хмыкнул Терентий, засовывая вниз тяжёлый чугунный утюг.

Эркин осторожно уложил в ведро свёрток с чашками. Стопка тарелок уже улеглась в другом ведре.

– Ничего, – ответил Эркин универсальным, как он убедился ещё в лагере, словом.

– Оно так, – кивнул Терентий.

– Всё, – крикнула из дверей Женя.

И Эркин пошёл к ней, доставая на ходу бумажник. В глубине магазина стоял странный стол. Эркин таких ещё не видел, и Женя, заметив его удивление, шепнула ему, что называется такое конторкой. Филиппыч извлёк счёты и защёлкал костяшками. Насчитал четыреста шестьдесят семь рублей. Эркин, молча следивший за счётом, кивнул. Кивнул и

Терентий, слушавший, не менее внимательно.

– Ну, совет вам да любовь, – сказал Филиппыч, принимая от Эркина пятисотенную и отсчитывая сдачу. – И от меня вам на счастье и в премию, чтоб дорогу ко мне не забывали и другим показывали.

И вручил Жене металлический поднос, расписанный яркими цветами по чёрному полю.

– Ой! Спасибо! – ахнула Женя.

Так, в обнимку с этим подносом, её и усадили в сани, посреди вещей. Эркин сел впереди, рядом с Терентием. Тот чмокнул, шевельнув вожжами, и его рыжий светлогривый мохноногий конь стронул с места.

– Прямоком на Цветочную не поедем, – объяснил Терентий. – По асфальту полозя сотру, и конь станет. А кружок дадим, так враз примчит.

Старый город состоял из одноэтажных, окружённых садами домов. Над трубами крутились, прижимаясь к крышам дымки, окна в деревянных резных и раскрашенных рамках... «Если где и искать мужскую подёнку, – подумал Эркин, – то здесь». Если вдруг с завода выгонят. Терентий рассказывал, что живут здесь с огорода, ремесла и скотины, а как в войну завод поставили, то кое-кто и на завод пошёл.

– А ты?

– А я свободу люблю, – хохотнул Терентий. – Мне начальники ещё в армии надоели. Я сам... и хозяин, и начальник, и над бабой командир, – и озорно подмигнул Эркину.

Эркин охотно рассмеялся.

Миновав Старый город, выехали в поле, и конь пошёл ровной размашистой рысью.

– Места у нас хорошие, – рассказывал Терентий. – Земля не ах, но рожь вызревает. А уж огороды... всё, что душе угодно. Ну, и сады... А уж молоко у нас самое лучшее.

– Трава хорошая, – понимающе поддержал тему Эркин.

– Во-во, – кивнул Терентий. – Ну, а зимой извозом подрабатываю. И хватает, и... у тебя-то как, большая семья?

– Трое нас. Мы вот и дочка.

– Ну, ваше дело молодое, – Терентий направил коня на боковую узкую дорогу. – Вы себе ещё живо настругаете.

И подмигнул Эркину. Эркин заставил себя улыбнуться в ответ.

– Война много народу покрошила, – Терентий шевельнул вожжами. – Восполнить надо. Так, а теперь молодуха пусть сидит, а мы коню помогать будем. Бугор не велик, а помогать велит.

Подпирая собой сани, они спустились в неширокую впадину, пересекли её и поднялись наверх. Дорога запетляла между деревьями, и Эркин догадался, что они подъезжают к дому с тыльной стороны.

– Ну, – весело сказал Терентий, когда из-за деревьев встала белая, просторно раскинувшая крылья, громада дома. – Вот и Корабль. Показывай, в какое крыло.

После минутной заминки, Эркин показал на правое кры-

ло.

– С той стороны подъезд.

– Принято, – кивнул Терентий, – заворачивая коня в объезд башни.

Асфальт вокруг дома покрывал тонкий слой снега, но конь сразу перешёл на шаг, а Терентий спрыгнул, облегчая поклажу, и пошёл рядом. Эркин последовал за ним.

Они подъехали к своему подъезду и остановились. Эркин помог выбраться Жене.

– Замёрзла, молодуха? – смеялся Терентий. – Ну, потерпи малость, пока мы согреемся, перетаскаем. А ты нам дверь поддержишь да за конём приглядишь, – и в растяжку: – Стоя-а-ать!

Конь только ухом шевельнул в ответ. И Эркин подумал, что у Терентия, как у Фредди, конь «с пониманием». И досадливо дёрнул плечом.

Женя подпрыгивала у саней, постукивая нога об ногу. Эркин и Терентий распустили, стягивающие поклажу верёвки.

– Вот, давай с этой бандуры, – Терентий показал на кухонный шкафчик, – и начнём.

Под соломой, выстилавшей розвальни, у него лежали брезентовые ляжки для переноса. Эркину уже как-то приходилось с такими работать, а в ватаге у Арча вообще у каждого своя такая ляжка была. Глядя, как Эркин подгоняет её себе под рост, Терентий кивнул.

– Умеешь. Ну, берёмся.

Женя им придержала дверь. Поднимаясь по лестнице и чувствуя, как и его прохватило через сапоги, Эркин твёрдо решил: сегодня же Жене валенки купим.

Алиса выбежала в прихожую, услышав, как проворачивается ключ в замке, и остановилась, удивлённо приоткрыв рот. Эркин ободряюще улыбнулся ей.

– Здравствуй, хозяйка, – подмигнул ей Терентий. – Распоряжайся, куда заносить.

– Здра-асьте, – не очень уверенно ответила Алиса.

– Алиса, на кухню дверь поддержи, – попросил Эркин.

Они затащили шкафчик на кухню и поставили между плитой и раковиной. Эркин даже удивился, как точно он встал. Терентий заметил его удивление и объяснил:

– Всё под один размер подгоняют. Так удобнее.

Эркин понимающе кивнул.

Алиса крутилась рядом, но под руки не лезла.

– Сейчас ещё принесём, – сказал ей Эркин. – Не закрывай дверь.

– А мама? – спросила Алиса.

– Мама здесь, – ответил Эркин. – Она внизу с остальными вещами.

– Я к ней пойду!

– Нет, – твёрдо ответил Эркин, – ты будешь ждать здесь.

Терентий собрал ляжки, и они пошли обратно.

Уходя, Эркин притворил, но не захлопнул дверь. Ещё две ходки – не больше. Женя совсем замёрзла. Значит... надо

всё забирать сейчас. И... и вот что.

– Слушай, а валенки на рынке?

– Ну да, – кивнул Терентий. – Это в субботу или в воскресенье. Тогда самый торг.

Эркин мрачно кивнул. Сегодня... среда. Четверг и пятницу Жене мёрзнуть. Чёрт, неладно как получается.

Вид стоящего у саней и беседующего с Женей милиционера настроения ему не улучшил. Милиционер, увидев его, козырнул.

– Старший лейтенант Фёдоров. Ваш участковый.

– Здравствуйте, – ответил Эркин, плечом мягко отодвигая Женю себе за спину. – Эркин Мороз.

Фёдоров усмехнулся.

Терентий выгружал из саней стол, и Эркин стал помогать ему. Вытащив стол, Эркин уложил между ножками свёрнутые рулоном перины и одеяла, пристроил подушки. Терентий, понимающе кивнув, помог ему перевязать всю эту кучу и приготовил ляжки. Но Эркин покачал головой.

– Бери стулья и табуретки. Женя, иди домой. Холодно.

– Но, Эркин... – начала Женя.

– Идите-идите, – улыбнулся Фёдоров. – Я присмотрю.

– Милиция – это, конечно, надёжнее, – хмыкнул Терентий, беря стулья.

Женя взяла таз и корзину с кастрюлями, чайником и сковородкой, сунула туда поднос и пошла вперёд. Эркин с коротким резким выдохом поднял стол, как поднимал мешки

с концентратом, и пошёл следом.

– Да уж, – переглянулся с Фёдоровым Терентий. – Чем другим ещё смотреть надо, а силой точно не обделили, – и, крякнув, потащил стулья.

Участковый, сразу став серьёзным, кивнул.

Алиса встретила Женю радостным визгом.

– Мам, а у нас шкафчик есть!

Но тут Эркин втащил стол, и разбираться, о каком шкафчике говорит Алиса, стало некогда. Положив стол на пол, Эркин сразу повернул обратно.

– Сейчас остатки принесу.

Вошёл Терентий, поставил стулья и стал распутывать узлы. Женя взялась ему помогать. Эркин принёс ведра с посудой, утюг и табуретки. Терентий собрал свои верёвки. Эркин достал бумажник и протянул Терентию пятьдесят рублей. Сорок семь за работу и три рубля сверху. На взгляд Эркина, вполне достаточно. Терентий, видимо, тоже так считал и спокойно принял деньги.

– Спасибо вам, – поблагодарила Женя.

– И вам спасибо. Совет вам да любовь, – и улыбнулся. – Даст бог, не в последний раз виделись.

Когда он ушёл, Эркин закрыл за ним дверь и тревожно посмотрел на Женю.

– Ты очень замёрзла?

– Да нет, Эркин, – отмахнулась Женя, разматывая платок. – Давай разбирать.

– Да, сейчас.

Он быстро снял и повесил куртку, ушанку, сбросил сапоги. А прихватывает через джинсы. Надеть, что ли, завтра рабские поверх? Они просторные, налезут. Разделась и Женя. Перины и одеяла с подушками они занесли во вторую комнату, а остальное на кухню.

Перевернули и поставили стол, расставили стулья, посуду на стол, нет, кастрюли на шкафчик, а утюг... утюг сюда, ведра в ванную, корзину... корзину пока в прихожую... Алиса так деятельно помогала, что Женя была вынуждена шлёпнуть её. Ведь сказали не трогать утюг, он хоть холодный, но тяжёлый, уронит ещё на ногу.

– Так, – Женя остановилась на мгновение, оглядывая кухню. – Так, Эркин, я в магазин. Нужно делать нормальный обед.

– Я схожу, – предложил Эркин.

– Нет, я сама! – крикнула уже из прихожей Женя.

Мгновенно оделась, схватила сумку, и нет её. Эркин посмотрел на глядевшую на него снизу вверх Алису и улыбнулся.

– Давай пока вымоем всё.

Что новую посуду надо сначала вымыть, он ещё в Джексонвилле слышал. Ну, и стол он заодно протрёт, как следует. Тоже ведь... для них он новый, да и какая у Филиппыча чистота, сам видел. Ладно, до Мани с Нюрой недалеко, авось Женя не замёрзнет. Но что же с валенками делать? Ему

завтра на работу, он-то сапогами обойдётся. Наденет новые носки, что в Новозыбкове купили, портянки сверху, и рабочие штаны поверх джинсов, а куртка тёплая, да и вообще на работе не замёрзнешь. Он закатал рукава рубашки, но переодеться не стал: им после обеда ещё за покупками идти. Хоть что из одежды Жене и Алисе купить. Деньги-то есть.

– Эрик, а в шкафчике что будет?

– Посуда, – удивился её вопросу Эркин.

– Нет, в другом.

– Каком ещё другом?

– А вот!

Алиса подтащила его за руку к окну. Здесь под окном была двойная выкрашенная под цвет стены дверца. К изумлению Эркина, за ней действительно оказался шкафчик. Просторный и... и ощутимо холодный. Зачем это? Тайник? Для чего? Прежние жильцы о нём, похоже, не знали, иначе бы тоже... наверняка разломали. А так внутри только пыльно и обе полочки целы.

– Эрик, это для гномиков? Нет, домового, да?

– Нет, – задумчиво покачал он головой.

– А в других комнатах нет, только здесь, я смотрела.

– Мг-м, – пробурчал Эркин, водя рукой по задней стенке и начиная догадываться. Неужели... неужели погреб, как рассказывал Андрей. Не в полу – второй этаж ведь, а в стене. Здорово!

Он закрыл дверцы и встал. Улыбнулся Алисе.

– Молодец, что нашла.

Алиса просияла широченной улыбкой.

– А там тоже мыть будем?

– Конечно. Вот посуду домою, и там сделаю.

– Ага-ага, а я вытирать буду.

Но тут пришла разругавшаяся весёлая Женя. И Алиса стала показывать ей находку. Женя тоже удивилась, обрадовалась и похвалила Алису.

– Женя, это под продукты, я думаю.

– Ну да, – радостно согласилась с его догадкой Женя. – Ты молодец, Эркин. А я сразу и не сообразила!

Женя выкладывала на стол покупки и рассказывала. Магазин и Маня с Нюрой ей понравились.

– Сейчас суп поставлю, и на второе, смотри, я макароны купила, и масло.

– Я тогда пока пойду дальнюю комнату вымою, – вклинился в её скороговорку Эркин. – После обеда за одеждой пойдём.

– Хорошо, – после секундного раздумья кивнула Женя. – И тогда там в овощной зайдём, ну и... посмотрим ещё.

Эркин прошёл в комнату, где они сложили вещи, и сменил джинсы на рабские штаны. В ванной налил в ведро воды, сунул туда тряпку. Да, там же не подметали ещё. Сначала, конечно, подмести. Он взял щётку и пошёл в дальнюю комнату. Алиса побежала за ним, тут же вернулась к Жене и снова к нему. Да, в такую игру она ещё не играла!

Выметя обе комнаты, Эркин поинтересовался у Жени, какое ведро считать мусорным.

– Да любое, – откликнулась из кухни Женя и тут же закричала: – Ой нет, Эркин, в этом я бельё вываривать буду!

Эркин высыпал мусор в другое ведро, подумал и подмёл заодно прихожую. Ведро получилось полным. Ну, потом вынесет. Когда с Терентием подъезжали, он заметил большие металлические коробки явно для мусора. А сейчас вымоем обе комнаты, и тогда грязной останется одна кладовка. Но там работы ещё... о-го-го сколько. Эркин закатал до колен штанины, сбросил шлёпанцы, взял ведро с водой и пошлёпал в дальнюю комнату. Что-что, а мыть и натирать паркет он умел. Ещё в питомнике выучили. В дорогих Паласах в воду для мытья добавляли душистики. Чтоб если на полу кому захочется, то, чтоб ей, беляшке, приятно было. Эркин звучно шлёпнул мокрой тряпкой по полу и начал мыть. Паркет исцарапан и грязен, но, если его отмыть, отскоблить и, как следует, натереть... а дощечки здесь тоже уложены узором, но другим, не таким, как там, в Алабаме. Здесь вообще всё другое.

Вымыв маленькую комнату, он перешёл в большую.

– Ой, – ахнула Женя, встав на пороге, – как у тебя здорово получается.

Эркин снизу вверх посмотрел на неё и улыбнулся.

– Я скоро закончу.

– У меня уже всё готово. Знаешь, – Женя перешагнула

через лужу, присела рядом с ним на корточки и, чтобы не упасть, оперлась рукой о его плечо.

И Эркин замер, мгновенно задохнувшись. А Женя продолжала:

– Пообедаем, и я уложу Алиску спать. Она уже в той комнате всех своих кукол рассадилла. Вот пусть это её комната и будет. А рядом спальня. Согласен? – Эркин кивнул. – А здесь, – Женя, не вставая, обвела комнату влюблённым взглядом, – здесь будет гостиная. И столовая. А там... там комната для гостей. Или нет... Ну, придумаем.

– Ага, – наконец смог выдохнуть Эркин.

Женя рассмеялась и встала.

– Хорошо. Я пока вещи разберу, и Алисе всё на сон приготовлю.

Взъерошила Эркину волосы, тут же пригладила их и вышла. Эркин провёл рукой по волосам и понюхал ладонь. Нет, конечно, прикосновение было слишком мимолётным, чтобы запах сохранился. Он вздохнул и стал мыть дальше.

Женя перенесла маленькие табуретки в комнаты и быстро разбирала вещи. Алиса деятельно помогала ей, бегая из комнаты в комнату с вещами.

– А это совсем-совсем моя будет?

– Конечно.

– И я, что хочу, буду здесь делать?

Женя подозрительно посмотрела на Алису.

– А что ты хочешь?

– Ну-у... – перспективы открывались столь радужные, что она растерялась.

– Это будет твоя комната. Ты будешь здесь играть, спать, – Женья улыбнулась. – Будешь сама её убирать. Отнеси это в спальню.

– Ага!

Алиса убежала с охапкой ковбоек Эркина. И тут же вернулась.

– Мам! А Эрик уже руки моет!

– И ты иди руки мыть, – Женья выпрямилась и оглядела результаты их работы. – Сейчас обедать будем.

Она вышла в прихожую. Из большой комнаты приятно пахло свежевывымытым полом. В ванной счастливо взвизгнула Алиса. Значит, Эркин, вымыв руки, брызнул в неё водой. Женья засмеялась и громко позвала:

– Эй! Где вы?

Эркин встал на пороге ванной, вытирая руки. Улыбнулся ей.

– Мы готовы.

– Марш на кухню, оба! – очень строго сказала Женья.

Стол она накрыла ещё джексонвиллской клетчатой бело-красной скатертью, и простенькие тарелки смотрелись очень хорошо. Но главное в другом. Это... это их дом, они дома. Женья разлила по тарелкам суп, поставила в центре маленькую тарелку с аккуратно нарезанными ломтиками хлеба. И села к столу.

– Сегодня суп из пакетика.

Эркин быстро вскинул на неё глаза и улыбнулся.

– Очень вкусно, Женя.

Алиса, никогда за едой особо не капризничавшая, а за неделю дороги устала от вечных бутербродов с чаем и ела охотно. Женя облегчённо перевела дыхание. Это Маня посоветовала ей пакетики с суповым концентратом. Засыпать в кипяток, пять минут и готово. В самом деле, удобно.

На второе были макароны с маслом. Пока Алиса мужественно воевала с непослушными, скользкими от масла трубочками, Женя рассказывала Эркину, что именно они сейчас пойдут покупать. Планы насчёт пальто, белья и обуви для Жени Эркин выслушал благосклонно и полностью поддержал, но слова Жени, что ему нужно тёплое бельё, такой поддержки не вызвали.

– Женя, я поверх джинсов рабские штаны надену, а куртка у меня тёплая.

Но Женя пресекла это безошибочным ударом:

– Если ты простудишься и заболеешь, мне легче от этого не станет.

Эркин вздохнул и пробурчал по-английски:

– Слушаюсь, мэм.

Женя собрала тарелки и сложила их в раковину.

– А на третье кисель, – и улыбнулась. – Тоже из пакетика.

Розовый, непонятно-сладкого запаха и вкуса, густой кисель был так же одобрен. К киселю Алиса получила печенье.

– Мам, а сейчас что? – Алиса допила свою чашку и с сонным благодушием откинулась на спинку стула.

– А сейчас ты ляжешь спать, а мы пойдём в магазин за покупками.

Алиса хотела спать и потому спорить не стала. Сползла со стула и побрела в уборную. Пока она управлялась в уборной и в ванной – что после уборной надо мыть руки, Алиса знала, сколько себя помнила – Женя перенесла в её комнату перину, подушку и одеяло и соорудила Алисе постель, хорошо, что постельное бельё они сохранили.

Когда Алиса переоделась и легла, Женя поцеловала её в щёку.

– Спи, зайчик.

– А я проснусь, вы уже придёте? – уточнила, закрывая глаза, Алиса.

– Не знаю, – честно ответила Женя.

– Ну, ладно, – согласилась Алиса.

Женя ещё раз поцеловала её и вышла в прихожую. Эркин, уже одетый, застёгивал куртку.

– Я мусор пока вынесу, хорошо?

Разумеется, её согласие ничего не меняло, но она кивнула. Эркин улыбнулся ей, взял наполненное ведро и вышел. А Женя пошла на кухню. И когда Эркин успел посуду помыть? Она вытерла тарелки и чашки и убрала их в шкафчик. Кастрюля из-под супа пусть сохнет, киселя немного осталось, Алиса после сна выпьет, а макароны... О, макароны под ок-

но. Как удобно! Ну вот, плита убрана, можно опустить крышку и выключить газ, чтобы Алиса не дотянулась. Чайник на шкафчике, на столе скатерть... кухня уже жилая.

– Женя...

Она вздрогнула и обернулась. Эркин стоял в дверях и смотрел на неё, так смотрел... Жене захотелось спросить его, верит ли он, что всё это взаправду, а не во сне... но вместо этого она сказала:

– Да, сейчас. Сейчас пойдём.

Эркин посторонился, пропуская её. И по-прежнему молча смотрел, как она одевается.

– Ну вот, я и готова, – улыбнулась Женя.

Пред уходом она ещё раз заглянула к Алисе, убедилась, что та спит.

– Знаешь, давай оставим свет в прихожей. Вдруг мы задержимся.

Эркин кивнул и, выходя из квартиры, щёлкнул выключателем.

И снова они идут по заснеженной улице, и он держит Женю под руку, и Женя смеётся, прикрывая рот красной варежкой, и от её смеха он уже не чувствует ни холода, ни усталости, ни страха перед завтрашним днём.

Про Торговые Ряды Женя услышала ещё вчера от Клавдии, а Маня с Нюрой ей объяснили дорогу.

– Сначала купим тебе.

– Нет, – твёрдо сказал Эркин.

– Да, – столь же твёрдо сказала Женя. И засмеялась. – Я же дольше выбирать буду.

Торговые Ряды оказались длинным трёхэтажным зданием с массой дверей. Несмотря на светлое время, внутри горели лампы, толпились и сновали во всех направлениях люди, множество голосов сливалось в ровный гул. И, как и в Новозыбкове, Женя нырнула в эту круговерть людей, огней и товаров, а Эркин только следовал за ней, опасаясь потерять из виду. Женя была в том состоянии, когда она уже никаких возражений не терпела, и потому Эркин молчал. Хотя его и не спрашивали. Его только предъявили продавщице, чтобы разобраться в размерах. И две пары тёплого, из трикотажа с начёсом, мужского белья перекочевали с полки за прилавком в сумку Жени. И ещё носки. Тоньше новозыбковских, но тоже тёплые. Женя купила сразу четыре пары. И стала прицениваться к свитеру. Но Эркин, поглядел в на цену – восемьдесят рублей! – и взбунтовался. Конечно, его бунт ничего не решал, но у Жени возникли сомнения насчёт размера, и вместо свитера она купила ему тёплых рубашек. Тоже четыре.

– Теперь тебе, – твёрдо сказал Эркин.

Лицемерно вздохнув, Женя уступила.

Второй этаж так и назывался: «Всё для женщин». И здесь было действительно всё.

– Сначала обувь, – сказала Женя.

И это решение было тут же одобрено. Внизу Эркин вы-

нужденно не спорил, а здесь он соглашался и поддерживал. И кожаные сапоги на меху высмотрел он, когда Женя ещё не могла отойти от витрины с нарядными туфлями.

– Женя, – позвал Эркин. – Посмотри.

Женя подошла, посмотрела и ахнула.

– Эркин, сто двадцать рублей!

– Ну, так мех же. Натуральный, – сказала продавщица. – Как в печке ноги будут.

– Я только примерю, – не выдержала искушения Женя.

И зашла за барьерчик. Села на низкую, обтянутую дерматином банкетку. Продавщица подала ей сапоги. Женя сняла черевички и обулась. Мех приятно щекотал через чулки, голенища закрывали икры, а коричневая матово блестящая кожа была мягкой. Женя встала, осторожно переступила на коврик.

– Не жмут? – спросила Эркин.

– Нет, – вздохнула Женя.

Конечно, это ей не по карману, но она медлила, растягивая удовольствие. Потом села и... а черевички её где? Она растерянно оглянулась и увидела расплывшуюся в улыбке физиономию Эркина.

– Эркин, черевички у тебя? Отдай.

– А зачем? Оставайся в сапогах.

Рассмеялась и продавщица, подавая Эркину аккуратный свёрток. Женя растерянно заморгала.

– Ты что? Эркин, ты?..

– Пойдём дальше, или ты ещё пару возьмёшь? – очень серьёзно спросил Эркин.

Женя наконец рассмеялась.

– Так ты уже заплатил? Ну, Эркин...

Эркин счастливо улыбнулся. Всё, с обувью у Жени решено. Эти сапоги, да ещё валенки... Улыбалась, глядя на него, и Женя.

– Какой же ты молодец, Эркин.

Она сказала это совсем тихо, но он услышал. И ничего больше ему не надо.

Тёплые чулки, рейтузы, бельё... Женя выбирала вещи не спеша, со вкусом. Сумку теперь держал Эркин, и она всё тяжелела и тяжелела.

– Ну вот, а теперь...

– А теперь пальто, – решительно сказал Эркин.

И Женя кивнула.

То ли она устала от непривычки – никогда не покупала столько и сразу – то ли выбор был не особо велик, но тёмно-синее пальто с чёрным воротником из меха таинственного зверя цигейки – Женя тоже не знала, что это за зверь, а продавщицу спрашивать о таких пустяках не стали – первое, которое примерила Женя, они и купили. И, как и с сапогами, Женя осталась в нём, а её старое ей тут же упаковали.

– Ну вот, – вздохнула Женя. – Теперь домой.

– Ты ещё платье хотела, – напомнил Эркин.

– Нет, – мотнула головой Женя. – Не всё сразу. И домой

пора. И нам ещё надо и по хозяйству, и на ужин, и на завтра еды купить.

Она пошла к выходу, старательно не глядя на витрины. Эркин нёс следом свёрток с её старым пальто и разбухшую сумку с остальными покупками. На душе у него полегчало. теперь-то Женя не замёрзнет.

Внизу на первом этаже они ещё заглянули в отдел игрушек, где Женя купила пёструю яркую коробку со странным названием «мозаика». Что это за игрушка, Эркин не понял, но спрашивать не стал. Конечно, в игрушках Женя разбирается куда лучше него.

А на улице были уже сумерки, и не серые, а синие, почти вечер. Женя попыталась отобрать у Эркина сумку, но безуспешно. И она теперь просто шла рядом с ним. В новеньком пальто, в сапогах...

– Они удобные, Женя? – спросил Эркин.

– Да, – улыбнулась Женя. – И такие тёплые. Знаешь, тебе ведь тоже нужно пальто.

– Это успеется, – спокойно ответил Эркин.

Да, здесь не знают, что его куртка рабская, и многие ходят в таких же, но... да, нужно, но успеется. И самому себе не признавался, что не пальто хочет, а полушубок, но это ж совсем сумасшедшие деньги. Нет, куртка у него тёплая, и на работу ходить вполне сгодится, а полушубок – это уже баловство, форс. Но... ладно, и думать нечего. Надо дом делать. Они только самое нужное купили, и уже тысячи нет, да,

тысячи. А ещё есть надо, если они из ссуды на еду тратить будут, то ведь проедят, проесть любые деньги можно. И не есть нельзя.

– Эркин, подожди, давай сюда зайдём.

В этом магазине Женя набрала целую сумку всякой кухонной мелочи. Сумку тоже пришлось купить. Хотя... чайник для заварки, сахарница, подставка для горячего, клеёнка, занавес для душа, тёрка, две разделочные доски... всё ж нужное.

– Ну вот, теперь ещё только к Мане зайдём, купим на ужин и тебе на завтра с собой.

Женя пытливо посмотрела в его лицо.

– Всё будет хорошо, Эркин. Теперь-то всё будет хорошо.

– Да, – кивнул он и улыбнулся. – Да, Женя.

Домой они пришли в полной темноте. И Женя уже беспокоилась: как там Алиса? Но Алиса была на высоте. Проснулась, переделалась, выпила оставленный ей в чашке на столе кисель и играла со Спотти, Линдой и Мисс Розы в прятки. Они прятались, а Алиса и Дрыгалка их искали.

Выслушав полный отчёт, Женя показала Алисе покупки. Мозаика, конечно, яркая и красивая, но на кухне и в ванной, где Эрик вешал занавес вокруг душа, тоже было очень интересно, даже интереснее. И мама согласилась, что мозаикой они все вместе займутся после ужина.

Занавес повесить не удалось. Трубка держалась еле-еле, а её надо снять, надеть кольца и опять закрепить. А как это

сделать... непонятно.

– Женя, я к Виктору схожу, спрошу у него, – крикнул Эркин на кухню.

Алиса уцепилась за его руку, явно не собираясь отпустить куда-либо одного. Она уже давно слышала в коридоре детские голоса и смех и жаждала если не присоединиться, то хотя бы посмотреть. Женя не стала спорить, но заставила её надеть ботики, пальто и шапочку. Хотя идут по соседям, но всё равно.

Эркин ограничился тем, что опустил закатанные рукава ковбойки и заменил шлёпанцы сапогами на босу ногу.

Их не было долго. Так долго, что Женя начала беспокоиться. И уже собиралась отправляться на поиски, когда они вернулись. Алиса была очень довольна походом, а Эркин сразу и хмур, и доволен. Всё объяснилось очень просто.

Виктор сегодня в ночную смену, и они, конечно, извинились и сразу ушли, но тут же, прямо в коридоре, познакомились с Антоном из шестьдесят четвёртой и пошли к нему. И пока Антон и его жена Татьяна показывали, что и как у них устроено, Алиса поиграла с их мальчишками. А вообще-то все дети сейчас в коридоре.

– Да, они там играют, – поддержала Алиса. – Мам, а я? Женя вопросительно посмотрела на Эркина.

– Ну как, разрешим до ужина?

Помедлив, Эркин кивнул, и Алиса с радостным воплем вылетела наружу. Женя засмеялась и посмотрела на Эркина.

– Что-то ещё? Эркин?

– Да нет, понимаешь, Женя, я посмотрел... у них, конечно, – Эркин вздохнул, – полочки всякие всюду, ещё там...

– Ничего, – улыбнулась Женя. – Со временем всё сделаем. Смотри, за сегодня сколько закупили всего. Детей у них много?

– Трое, – улыбнулся Эркин. – И все мальчишки.

– Алису они не обижали?

Эркин удивлённо посмотрел на неё, и Женя рассмеялась его удивлению.

– Ладно, я сейчас со стиркой закончу...

– А я, – подхватил Эркин, – вот что подумал. Пока шкафа нет, может, и в комнате гвозди набить? Ну, повесить, чтоб на полу не лежало.

Женя вздохнула.

– Дырки в стене останутся.

– Будем обои менять и заклеим.

– Ладно, – кивнула Женя. – Наверное действительно пока так сделаем. Но, знаешь, нет, вешать лучше на плечиках. А за гвоздь их не зацепишь.

Эркин хмуро кивнул.

– Вот я и подумал, сколько ещё всего нужно... – и потрянул головой. – Ладно. Пойду, остальные двери подтяну.

Он ещё вчера осмотрел все двери. В общем-то, они держались, только кое-где надо было подтянуть шурупы.

По всей квартире горел свет, в ванной булькала и плеска-

лась вода, из коридора смутно доносился детский гомон...

Эркин аккуратно ввинчивал вышедший из паза шуруп, предварительно капнув на резьбу клеем. А двери хорошие, прочные. Но тоже надо красить. Значит, надо будет купить обои, краску, да, клей для обоев, а для пола мастику. И что же делать с этим пятном? Ну, надо же быть такими идиотами, чтобы в квартире костёр разводить. Как ещё не сожгли здесь всё напрочь. Ну, дураки, ну... дикари, точно. Привыкли, видно, в резервации где спят, там и гадить, и здесь решили так же. Но ему-то что теперь с этим делать? Ладно, обожжённые дощечки он выломает, а... а потом что? Это не косяк, здесь латку из чурбака не вырубешь. Когда-то, ещё в питомнике, он видел, как меняли паркет. Впервые увидел тогда белых за работой. Посмотреть не дали, надзиратели живо их всех по камерам разогнали, но он запомнил, что клали дощечки не подряд, а с выбором, подбирая. И что-то ещё делали перед укладкой. Ну... ладно, что-нибудь да придумает. В крайнем случае... а... а они ковёр купят и положат! И красиво, и удобно, и пятна не видно.

Эта мысль ему так понравилась, что он пошёл к Жене.

Женя уже закончила стирку и развешивала вещи на сушке.

– К утру высохнет, – встретила она Эркина. – Пойдёшь в чистом.

– Ага, – Эркин снял с трубы свои ещё мокрые джинсы, с силой растянул их в длину, каждую штанину по отдельности,

потом уже вместе и повесил обратно. – Женя, спасибо. Я вот что придумал. Там, в большой комнате, пол попорчен. Так, если я не смогу поправить, давай купим ковёр и положим.

– Ковёр, конечно, хорошо, – кивнула Женя. – Но лучше поищем паркетчика. А потом ковёр.

Эркин вздохнул.

– Был бы я... сам бы и сделал.

Женя погладила его по плечу.

– Ничего, Эркин. Всё будет хорошо.

Эркин перехватил её руку, прижал на мгновение к губам и отпустил.

– Да, всё будет хорошо. Спасибо, Женя.

Женя улыбнулась.

– Ничего. Давай, я сейчас макароны разогрею и чай. Ужинать пора.

Эркин кивнул.

– Звать Алису?

– Ну да.

Женя побежала на кухню, а Эркин вышел в коридор. Толпа детворы с визгом носилась, гоняясь непонятно за кем. Когда они пробежали мимо него, Эркин шагнул навстречу и схватил из общей толпы Алису.

– Ой! Уже всё?! Эрик, я его только осалю ещё раз и всё, а?

Может, он бы и отпустил её, но уже и из других дверей звали или тоже выходили и ловили детей.

– Вот и всё, – понимающе кивнула Алиса и звонко крик-

нула: – Всем до завтра, я домой!

– И тебе до завтра, – рассмеялась невысокая женщина с такими короткими волосами, будто её недавно обрили наголо. Она вела за руки двух таких же обритых наголо малышей, ровесников Алисы.

– Это Тошка и Тонька, – объяснила Эркину Алиса. – А это их мамка, – и уже им: – А это Эрик.

– Ну, будем знакомы, – женщина смотрела на Эркина широко раскрытыми серо-зелёными глазами. – Когда приехали-то?

– Вчера, – вежливо улыбнулся Эркин. – Рад познакомиться. Вы в какой?

– Восьмидесятой. А вы?

– В семьдесят седьмой.

Вместе они прошли до двери с двумя семёрками, вежливо попрощались, и Тошку с Тонькой повели дальше, а Эркин с Алисой вошли в квартиру.

Женя встретила их возгласом:

– Ужин на столе. Алиса, мыться!

– Я руками ни за что не хваталась, – на всякий случай уточнила Алиса, снимая пальто.

– Перед едой руки всегда моют, ты забыла?

– Ла-адно, – вздохнула Алиса, отправляясь в ванную.

Женя улыбнулась Эркину.

– Долго звал?

– А я и не звал, – хитро улыбнулся Эркин. – Я её поймал.

И Женя так звонко, так весело рассмеялась, что у него совсем отлегло от сердца. Как же они хорошо сделали, что уехали!

На столе вместо скатерти лежала новая клеёнка, блестящая, белая, вся в мелких красных розочках. Женя разложила макароны, поставила тарелку с бутербродами с колбасой, тарелку с печеньем и чашки с чаем.

– Алиса, не хватай руками, у тебя вилка есть.

– Они скользкие, – возразила Алиса, пытаясь засунуть зубец вилки внутрь макаронины.

– Алиса! – повторила чуть строже Женя. – Не балуйся. Эркин, мне много столько, возьми себе половину.

– И мне много, – тут же подхватила Алиса.

– А я уже сыт, – ответил им обоим Эркин, отодвигая пустую тарелку и берясь за чай.

– Тогда ещё бутерброд возьми, – не отступила Женя.

Со своего места Эркин увидел стоящую на подоконнике открытку.

– Женя, а что это за чайник такой странный?

Женя на мгновение оглянулась.

– А? Это не чайник, а самовар.

О самоваре Эркин в лагере слышал, но даже на картинке видел впервые. Интонация Жени заставила его предложить:

– Женя, давай купим такой.

И по её мечтательной улыбке понял, что угадал. Но Женя тут же вздохнула.

– Не сейчас. Это уже роскошь, Эркин.

Эркин кивнул. Роскошь – так роскошь. Но когда-нибудь купят. Он пил не спеша, наслаждаясь каждым глотком. У Жени совсем особенный чай получается. А вон на шкафчике знакомая жестяная банка, это он у Роулинга покупал. Тоже хороший был чай. Когда тот кончился, Женя так и оставила жестянку для чая и, значит, взяла с собой. Тоже... память. О перегоне, Андрее и... он вовремя остановил себя.

Алиса наконец справилась с макаронами и пила чай.

– Мам, а мозаику когда будем смотреть?

– Когда чай выпьешь. Эркин, бери ещё печенья.

Эркин молча покачал головой. Странно, ведь ничего он сегодня не делал, а устал. Или нет? Но отчего-то ему не хочется ни шевелиться, ни говорить. Даже думать о том, что ещё купить и сделать, не хочется. А хочется вот так сидеть и смотреть. На Женю, Алису, на отражающуюся в чёрном стекле лампочку... Тихо, тепло. И очень спокойно. И они наконец одни. Он вздохнул и потёр лицо ладонями.

– Устал? – тихо спросила Женя.

– Нет, – он улыбнулся ей. – Нет, всё в порядке, Женя.

Алиса допила чай и отодвинула чашку.

– Мам, ну, теперь мозаику можно?

– Сейчас я уберу, вытру стол и посмотрим.

Женя встала, собирая посуду. Быстро вымыла, вытерла и убрала в шкафчик. Вытерла стол.

– Ну, что же ты, Алиса? Неси мозаику.

– Ага!

Алиса сползла со стула и побежала в свою комнату. Женя улыбнулась Эркину, и он сразу ответил ей улыбкой.

– Эрик, – Алиса поставила на стол коробку, – а ты умеешь играть в мозаику?

– Нет, – Эркин с интересом рассматривал яркие, но какие-то странные картинки, пластмассовую доску, всю в дырочках и разноцветные тоже пластмассовые... как гвоздики, но с тупыми короткими стерженьками и гранёными шестиугольными шляпками. И... понятно, их надо вставлять в эти дырочки, и тогда получится картинка.

Алиса залезла коленями на стул и навалилась грудью и животом на стол. К изумлению Жени, Эркин с не меньшим интересом и азартом старался выложить цветок. «Ну да, – поняла она вдруг, – для него это тоже... в первый раз». У него же никогда не было игрушек. Господи, он не притворяется, он вообще не умеет притворяться, он в самом деле сейчас как ровесник Алисе, господи, ну, мальчишка совсем.

Женя дала им ещё немного поиграть и, когда Алиса стала путать цвета и не попадать в нужную ячейку, сказала:

– Алиса, спать пора.

– Ага-а, – согласилась Алиса и отправилась исполнять вечерний ритуал.

Эркин собирал разбросанные по столу разноцветные «гвоздики» и улыбался. А встретившись с Женей глазами, смущённо сказал:

– Знаешь, я... я никогда не думал, что это так... интересно. Я даже не знал об этом.

Разложил всё по местам и закрыл коробку. В кухню заглянула Алиса.

– Эрик, ты не будешь без меня играть?

– Нет, – улыбнулся Эркин и протянул ей коробку. – Не буду.

– Да, – кивнула Женя и встала. – Правильно, ты все игрушки убрала? Тогда давай ложиться.

Они вышли. Эркин встал, оглядел кухню и пошёл в ванную. Обмыться на ночь. И... и он попросту тянул время, боясь остаться с Женей один на один. Вдруг... вдруг она не захочет, чтобы он был рядом, вспомнит тех сволочей и испугается, закричит, нет, даже не в этом дело, просто вспомнит. И тогда... что тогда с ними со всеми будет, если Женя, вспомнив, не захочет больше жить. После «трамвая» жить не хотят. И виной этому он. Всё, что случилось с Женей, это из-за него. Это он дважды упустил ту гниду, и тот донёс на Женю. Если б тогда, в том парке, придавил бы гнусняка, ничего бы с Женей в Хэллоуин не случилось. Только чего теперь об этом? Сделанного не воротишь. И несделанного тоже.

Он вымылся под душем, вытерся. Снова надел рабские штаны и рубашку. Больше тянуть уже нечего. Эркин прерывисто вздохнул и вышел из ванной. Всюду свет погашен. Только в комнате, которую Женя назначила их спальней, горит свет, а дверь в прихожую открыта. В комнату Алисы то-

же, но там темно. И Женя в халатике, из-под которого видна ночная рубашка, идёт ему навстречу.

– Я уже постелила. Ты ложись, я сейчас.

Он посторонился, пропуская её в ванную. Передышка, он получил передышку. Он ляжет первым, и тогда... ну, конечно, он ляжет и притворится спящим, и Женя не испугается. А он... он не шевельнётся. Нужно только сразу лечь поудобнее, чтобы потом не ворочаться.

Эркин вошёл в спальню, быстро привычным движением скинул рубашку и штаны. На полу широкая перина, две подушки, такое же широкое одеяло. Углы откинута, приглашая ложиться. Он лёг, накрылся своей половинкой одеяла, вытянулся на спине, привычно закинув руки за голову, и закрыл глаза. Лежал и слушал. Вот Женя вышла, заглянула к Алисе, входит в комнату, щелчок выключателя, шелест ткани – Женя сняла халатик и... и только тут он сообразил, что лежит голым, что... что же он, дурак такой, наделал? Совсем забыл, что трусы снял, когда мылся, и бросил в ведро для грязного белья, но... но и шевелиться поздно, Женя уже ложится.

– Спокойной ночи, милый.

Он промолчал, будто спит. И, когда ощутил, что Женя спит, перевёл дыхание. Обошлось! Женя не вспомнила. Ну, и хорошо. А теперь – спать. Завтра ему на работу. А это что? Как... стрёкот какой-то. И тут же сообразил, что это маленький будильник Жени. Она поставила его на пол у изголовья.

Ну, всё, можно спать. Осторожно, чтобы не задеть Женю, он распустил мышцы...

Женя слышала его ровное сонное дыхание. Как же он устал. Лёг и сразу уснул. То от одного её взгляда просыпался, а сегодня даже на голос не откликнулся. Женя улыбнулась, сворачиваясь клубком и подсовывая угол одеяла под щёку. Пусть спит. Ей хотелось повернуться к нему, поцеловать. Но нет, пусть спокойно спит. Завтра рано вставать. Ему надо выспаться. И как бы Алиса не испугалась: она же никогда одна не спала. Ну, ничего, двери все открыты, если что, услышит и подойдёт к ней. Женя успокоено вздохнула. Ничего. Теперь-то уж всё будет хорошо.

Тетрадь пятьдесят вторая

Россия

Ополье

Турово

Чолли колол дрова. Ставил чурбак, взмахивал топором и всаживал его в дерево, разваливая чурбак пополам. И каждый раз, выпрямляясь для очередного замаха, видел в окне мордашки Мишки и Светки. Смотрят, не отрываются. Папка дрова колет. Поленья разлетались, блестя чистой белой древесиной. Хорошие дрова, сухие, и разлетаются со звоном. Белая кора хороша на растопку. Ему сказали: это берёза. Берёза. Русское дерево. Позади кошмар дороги. Нет, он понимает, что для них сделали всё возможное. Дали пайки, на больших пересадках горячий обед по талонам. В вагонах было тепло. Ни ему, ни Найси, тьфу ты, Насте, конечно, никто слова плохого не сказал. Мишку и Светку угощали конфетами. И всё равно. Ехал и трясся. С каждым днём всё холоднее,

а ни у Насти, ни у детей ничего тёплого нет. И не купишь. Обменяли ему на границе его крохи. Три рубля сорок восемь копеек. Сейчас смешно: как раз на бутылку водки, а тогда... два рубля ушли в дороге. Дважды брал постель для Насти с детьми. А сам спал, как был. Сапоги под голову, курткой укрылся... Ну, и приехали, рубль с мелочью в кармане, на улице метель, а им ещё до Турова добираться. Сидели в Комитете и ждали, пока до Турова дозвонятся: подтверждают ли те заявку. Страшно было подумать, что может сорваться. Но... пронесло. Подтвердили. И тут сказали, что на Турово автобус идёт. И билеты – рубль пятьдесят. Хорошо, две копейки кондуктор одолжил.

Чолли поставил очередной чурбак, оглядел его. Да, с этим повозишься.

– Бог в помощь, – окликнули его из-за забора.

Чолли оглянулся. А! Это Николай. Они в одной бригаде, и дома по соседству.

– Спасибо.

– Хорошие дрова?

– Во! – Чолли показал Николаю оттопыренный большой палец и развалил чурбак. Сам не ждал, что получится с одного удара.

– Ловко, – одобрил Николай.

– Топор хороший, – Чолли старательно выговаривал русские слова.

Он положил топор на колоду для колки и стал собирать

поленья. Из дома выбежала Настя и стала помогать ему. Без куртки, в одном платке на плечах.

– Брысь в дом! – рывкнул на неё Чолли по-английски. – Грудь застудишь!

Настя подхватила охапку поленьев потоньше и убежала в дом. У печки должен запас лежать. Это она ещё с Алабамы помнила, где зимой достаточно намучилась с собранными в парке сырыми сучьями.

Чолли уложил поленницу, натянул на неё чёрную жёсткую ткань и прижал жердями. Все здесь так делают, но надо бы и навес поставить. Подобрал все щепки и пошёл в дом, захватив по дороге топор. Хорош русский, да, правильно, потому и колун, что для колки дров, а для всего другого и топор другой, он уже договорился, что сделают ему с местной особой заточкой. Мишка и Светка исчезли из окна. Встречать побежали – усмехнулся Чолли.

И вправду, не успел он порог в кухню переступить, как они с визгом ткнулись ему в ноги.

– К-куда! – остановил он их по-русски. – Я с холода.

Настя взяла у него щепки, положила к лучинкам.

– Раздевайся. Обедать.

Настя тоже старалась говорить больше по-русски. И получалось у неё неплохо. Всё-таки не впустую они в лагере просидели.

Чолли расстегнул и повесил на гвоздь у двери куртку, стащил сапоги и смотал портянки. Обычно Настя разувала его.

Так у них повелось с того далекого дня, когда Настя, а тогда ещё Найси, в первый раз встречала его с работы. Он вошёл и сел на кровать. Просто перевести дыхание. Хозяйская работа отнимала все силы, и он привык, приходя домой, посидеть, а то и полежать, свесив ноги, и только потом, чуть отойдя от усталости, разводить в камине огонь и варить себе кофе и кашу. Но огонь уже горел, и каша булькала в котелке. Он и не понял сначала, зачем Найси села перед ним на полу, когда она вдруг потянула с него сапог. Он дёрнулся, а она сказала: – Ты же мой муж.

Так и повелось. И здесь Настя делала так же. Но это вечером, а сейчас он пришёл на обед. Ему ещё идти работать. Так что... Чолли пошевелил пальцами ног и босиком пошёл к рукомойнику. Рядом висит полотенце. Холщовое, обшитое по краям красной тканью. Подарили. Им всё тут подарили. Ничего же у них не было. И денег нет. За ссудой он только завтра поедет. И тогда расплатится. За дрова, постели, картошку, крупу, мясо, молоко... всё это он же в долг взял. А ещё купит себе и Насте тёплой одежды, посуды, белья... ссуду обещали большую. И на человека и ещё семейных, всего, да и не сосчитать так сразу. И получается... С ума сойти! Он потому и договорился поехать с другими мужчинами. У них в городе свои дела, но главное – обратно вместе, а то с такими деньгами в одиночку и страшновато.

Мишка и Светка чинно ходили за ним по пятам, но, как только он сел за стол, полезли к нему на колени. Настя по-

ставила перед ним миску с густым супом из мяса и капусты и согнала детей.

– Отец ест. Не мешайте.

Чолли взял лежавшую на столе буханку, отрезал себе ломоть и поднял на Настю глаза.

– А ты? Ела? А они?

– Кормила я их. Всех накормила, – улыбнулась Настя.

– Себе налей, – строго сказал Чолли.

Настя послушно принесла и себе полную миску и села напротив. Малыши, получив по куску хлеба, вгрызались в тёмную ноздреватую мякоть, а Настя ела и рассказывала Чолли, что заходила Макаръиха, принесла Паше одеяльце. Красивое, из треугольников сшитое, и вот, показала, как «щи в печке томить», правда, вкусно? Чолли кивнул. Макаръиху, высокую худую старуху, он уже знал. Из её шести сыновей с войны вернулся только один и больным. Что там у него Чолли из разговоров не понял, но тот мог есть только тёплое жидкое и понемногу, но часто. Так что Макаръиха носила сыну еду прямо в конюшню. И вот, значит, к Насте забежала. Ну, Настя добрая и улыбчивая, местным понравилась, вот ходят, учат. Печь – не камин, и вообще... Нет, жаловаться грех. Приняли их... лучше и не бывает, и не надо. Сразу дали дом. Не дом, а домина, на два этажа, а ещё подпол и чердак. Дескать, вас уже пятеро, а сколько ещё будет? Чтоб ни сейчас, ни потом не тесниться. И они ещё стояли в кухне, озирались, не веря, что это их дом, как постучали. Дрова им

привезли. Трое саней аккуратных чурбаков, только поколоть нужно, и отдельно сани уже поленьев, чтоб сразу затопить. Он не знал, что и сказать, куда их сложить. И закрутилось... А ведь когда вышли из того автобуса и зашли в контору к директору, он поглядел, и таким страхом обдало, как увидел эти холодные глаза, чисто выбритое лицо. «Ну, всё, – подумал, – опять попал к такому же». А оказалось...

Чолли доел и вытер миску остатком хлеба.

– Сейчас каши положу, – вскочила Настя.

– Нам! – подала голос Светка.

– И им положи, – кивнул Чолли и улыбнулся.

Были такие тихие, а теперь горластыми стали, не боятся никого. Заходит когда кто, так не прячутся, а ведь соседи все белые.

Каша масляная, жирная. И крупа хоть и тёмная, но чистая. Как её здесь зовут?

– Гречка? – спросил он, проверяя себя.

– Ага, – кивнула Настя. – Чолли, долг большой у нас?

– Ссуду получу и расплачусь, – он сосредоточенно посмотрел на евших из одной миски малышей. – Масло откуда? Купила?

Настя робко кивнула.

– Привезли сегодня. Все брали, ну и я...

– Под запись?

– Ага. Чолли, ты завтра в город поедешь?

– Да. С Николаем, и ещё там мужики собираются. На ав-

тобусе.

– А мы? – вдруг спросил Мишка.

– Малы ещё в город ездить, – отрезала Настя. – Ложками ешьте, ишь лапы в миску суют.

С ложками у малышей получалось плохо, и они помогали себе руками.

– Покупать там ничего не буду, – Чолли доел кашу и уже только для порядка и по привычке вытер миску хлебом и кинул его в рот. – Всё домой привезу. И так...

Он не договорил, но Настя кивнула. В поселковом магазине им открыли запись. Берёшь, тебе записывают, а потом платишь. Они уже столько набрали и ни копейки не заплатили, а нужно-то ещё больше. Хорошо ещё, что им надарили всякого. И в лагере, и здесь. Ухват вот, кочергу, полотенце, половичок у кровати, колыбель для Паши... Дом совсем пустой был. Если кто и жил здесь раньше, то после прежних жильцов ничего не осталось. И купили, опять же под запись, шапку и бурки Чолли. Да ещё ему рабочую одежду выдали. Куртку и штаны, ватные, тёплые. И всё новенькое, куда лучше собственных. Настя поставила на стол кувшин и налила молока.

– Тебе-то хватает? – недоверчиво спросил Чолли.

– У меня своего хоть залейся, – засмеялась Настя. – Паша вон плюётся от всего, так насасывается. Тяжеленный стал.

Чолли допил молоко и встал. Подошёл к колыбели. Толстощёкий малыш спал, смешно шевеля во сне пухлыми, как

у Насти, губами.

– Ну, пусть спит, – решил Чолли. – Вечером приду, – и щегольнул новым словом, – потетёшкаю.

Настя подала ему носки и портянки, и когда она только успела их на печке пристроить, и вот уже сухие, тёплые, надеть приятно. Чолли натянул опять сапоги – ему сейчас конюшню мыть и чистить, нечего бурки мочить, в них он завтра в город поедет – натянул куртку. Тоже свою старую рабочую. Настя подала ему ушанку и прогретые на печке рукавицы. И проводила до дверей. Дальше её Чолли не пустил: холодно.

Плотно закрыв за собой дверь, Чолли прошёл сенями и вышел на крыльцо. Опять ветер со снегом. Крутит и крутит. Могут завтра автобус отменить, если дорогу занесёт. Тогда он опять в город не попадёт. Хреново.

Чолли спешил, но не смог не оглянуться на свой дом и не махнуть видневшимся в окне лицам. Там, в Алабаме, Найси, провожая его на работу, стояла в дверях и смотрела вслед, пока он не скрывался за деревьями, но здесь холодно.

Его догоняли и обгоняли такие же, как он, ходившие домой обедать. Многих он уже знал в лицо, а свою бригаду и по именам. Да, его взяли конюшенным рабочим, до конюха ему ещё далеко, кони здесь... не чета тем, алабамским. Впервые увидев этих золотистых красавцев, он застыл с раскрытым ртом, забыв обо всём, даже о Насте с детьми. Вышел тогда из конторы, увидел и обмер. И понял, что отсюда не уйдёт,

на всё согласится, лишь бы видеть их, работать с ними. Самым красивым, ладным конём считал Байрона, а Байрон – кляча уродская рядом с этими, а о других и говорить нечего. И директор понял его, стоял и курил, не торопя. Сам потом отвёл их в дом и сказал, что это их дом, весь, целиком, с подворьем. И глаза у директора были уже не холодные, а нормальные синие глаза.

Войдя в тёплую, пахнущую конским духом конюшню, Чолли заглянул к своему любимцу – Раскату. Погладить, сунуть посоленную корку. Ходил за Раскатом конюх из другой бригады, и Чолли общался с Раскатом урывками и украдкой, чтоб не нарваться, по старой памяти, как хозяин издевался над ним, заметив привязанность к какой-то из лошадей. Раскат уже узнавал его, приветствовал тихим ласковым ржанием, угощение брал вежливо, не из жадности, а из удовольствия.

Чолли кормил Раската, когда конь вдруг настороженно дёрнул ухом. Чолли вздрогнул и обернулся. Но это был Степан из его бригады.

– Я сейчас, – сказал ему Чолли.

Степан внимательно посмотрел на него, на Раската. Покачал головой и молча ушёл. Чолли похлопал Раската на прощание по шее и побежал в своё крыло. Отлынивать от работы он никогда не отлынивал, а уж здесь-то... к тебе по-человечески, так и ты будь человеком.

Работая, он то и дело ловил на себе взгляд Степана, взгляд

непонятный и потому тревожный. Или здесь вовсе нельзя в чужое крыло заходить? Ну, пожалуется Степан на него бригадиру, так тот наложит вычет, не выгонят же за это? За пьянку выгоняют сразу, это ему в первый же день объяснили, а об этом ничего не говорили. Но, всё больше беспокоясь, он продолжал работать. На перекур, правда, пошёл со всеми, но Степан его окликнул:

– Чолли!

– Чего? – обернулся он.

Степан всегда говорил медленно, с расстановкой, а сейчас, когда вдруг, к изумлению Чолли, перешёл на английский, то пауз было больше, чем слов.

– Я видел... как Раскат к тебе... Раскат... на тебя... глаз положил... По душе ты ему... Туровец если... душой... к кому... прилепится... под другим... ходить не будет... Твой он теперь... Его... директору делают... а он твой...

Чолли мгновенно понял, во что вляпался, и похолодел. За это точно выгонят.

– И что мне делать? – глухо спросил он Степана.

– Не ходи к нему... может... и забудет.

Чолли угрюмо кивнул. Степан ушёл, и он снова, не дожидаясь бригадира, взялся за работу. Ну... ну, не мог же он знать этого. И ничем Раскат не лучше других, и... и он просто шёл мимо, и как в душу ему этот конь посмотрел. И вот... вляпался. Байрон тоже хозяйским был, он потому и чистил, и убирал его с особым тщанием, так это он свою спину от

плети оберегал, а душа у него к Байрону не лежала. И здесь. Все хороши, все на загляденье, а Раскат... на особицу. Но ладно. Оторвать от сердца и не вспоминать, чтоб не саднило. В первый раз ему, что ли...

Он доработал и вместе со всеми ушёл из конюшни, даже не поглядев в сторону другого крыла.

На улице уже смеркалось. Ветер и снег утихли, значит, автобус будет.

– Значит, как договорились с утра.

– Ну да.

– Смотри, не просп.

– С молодой-то женой, да...

– Не опаздывай, водила ждать не будет.

– Ну да, у него график.

Так, перекликаясь и переговариваясь, со смехом и весёлой необидной руганью расходились по домам. И снова Чолли радостно увидел, какой у него большой и крепкий дом, не хуже других. И окна светятся. Но у всех из-за занавесок ровным мягким светом во всё окно, а у него жёстким лучом. Ничего, занавески они тоже купят.

Чолли толкнул калитку, по узкой плохо утоптанной, а не расчищенной дорожке подошёл к крыльцу и поднялся по покрытым снегом ступенькам. Надо сейчас взять лопату и расчистить крыльцо и дорожку. Чтоб у него не хуже, да и Насте удобнее ходить. Он вошёл в сени. Сразу открылась дверь в кухню, и выглянула Настя.

– Пришёл?

– Да, я. Сейчас дорожку и крыльцо расчищу.

– Чолли...

– Закрой дверь, тепло выпустишь, – бросил он, уже выходя с лопатой. Тоже соседский подарок. Специально для снега.

Снег мягкий, не слежавшийся, и потому Чолли управился быстро.

А когда вошёл в тёплую, даже жаркую кухню, Настя сразу подбежала к нему и стала расстёгивать на нём куртку, потом усадила на лавку у печки, стащила с него сапоги и портянки и подставила ему под ноги лоханку с горячей водой. Чолли закатал штанины и опустил ступни в воду, пошевелил пальцами, откинулся, опёрся плечами и всей спиной на печку и сидел, чувствуя, как окутывают его тепло и тишина.

– Чолли! – он вздрогнул и посмотрел на улыбающуюся ему Настю. – Ужинать.

Чолли, тоже улыбнувшись, кивнул. Настя подала ему полотенце и, когда он вытер ноги, убрала лохань. Что ж, пол у них чистый, в доме тепло, так что свободно можно и босиком. Мишка со Светкой полезли к нему на колени, наперебой рассказывая о своих делах за день. Он слушал их лепет, дышал запахом их головок, смеялся с ними, и над ними, и над собой. Подал голос и Паша. Чолли ссадил Мишку и Светку на пол и подошёл к колыбели. Улыбнулся малышу и, увидев его ответную улыбку, взял на руки, прижал к себе,

подставил лицо крохотным пальчикам, ощупывающим, дёргающим и толкающим.

– Чолли, готово уже, – позвала Настя.

Он положил Пашу обратно в колыбель, где тот сразу недовольно захныкал. Чолли покачал, успокаивая, колыбель и повернулся к столу. Мишка и Светка уже сидели за столом, и Настя расставляла миски с кашей. Тоже по-новому. В Алабаме они все ели из одной. А здесь сразу три купили. Насмотрелись в лагере. Молоко на этот раз Настя налила в кашу. Щедро налила.

– Чолли, врач приходила.

– Что? – нахмурился Чолли. – Зачем?

– Она просто детей посмотрела. Ну и, – Настя смущённо улыбнулась, – похвалила. Что сытые, чистенькие. Что, – Настя набрала полную грудь воздуха и старательно выговорила: – развиваются соответственно возрасту. Вот я запомнила. Чолли, а это что?

– Мг-м, – пробурчал Чолли. – А как сказала? Ну, голос у неё какой был?

– Вроде, похвалила, – не слишком уверенно ответила Настя. – А так-то мне говорили про неё, что она, где дети, сама приходит, смотрит, советует.

– Тогда, ладно, – кивнул Чолли. – Ещё чего сказала?

– Что игрушки нужны, – потупилась Настя.

– Завтра, – решительно сказал Чолли. – Вот будут деньги... а так... ладно, – он хитро улыбнулся и повторил: – Лад-

но. Вот поем.

– И что, Чолли?

– Увидишь.

Малыши ещё дохлёбывали кашу, а Чолли встал и подошёл к печке, порылся в уложенных для сушки поленьях, выбрал полешко потоньше и достал из кармана нож. И сел у печки. Когда-то, давным-давно, ещё в резервации, был один – имени его Чолли не помнил – умелец. И нож имел и пользовался им... по-всякому. В том числе и вырезая из бросовых деревяшек фигурки. И Чолли – совсем тогда мальцу – как-то достался маленький – в его ладошку – конь. Потом нож нашли на обыске, и умельца расстреляли. Но теперь-то... как же он раньше не сообразил? Давно бы сделал. Ну, так, и ещё так, и ещё вот так. Мишка и Светка уже доели и подбежали к отцу, встали перед ним, замороженно глядя на его руки. Настя вымыла миски и ложки и тоже подошла посмотреть. Села на пол перед ним, и Мишка со Светкой, по-прежнему не отводя глаз, устроились у неё на коленях. Чолли притворялся, что, ну, ничего не замечает, но его губы так и морщились в хитрой улыбке. И наконец, усеяв пол вокруг себя обрезками и стружками, он поставил себе на ладонь конька и так, на ладони, протянул им.

Настя восхищённо ахнула, а Мишка и Светка так заорали, что недовольно раскричался Паша, и Настя побежала его кормить.

Оставив детей играть с коньком, Чолли убрал нож, подмёл

и кинул в топку обрезки. Ну вот, хоть что-то. А завтра съездит за деньгами и... ладно, не надо загадывать.

Настя сидела на кровати и кормила Пашу. Чолли надел на босу ногу сапоги, накинул куртку и нахлобучил шапку. Взял лохань с грязной водой.

– Я мигом.

– Не застудись, – ответила Настя.

Когда он вернулся, она уже уложила Пашу и умывала на ночь Мишку и Светку.

– Я дом обойду, погляжу.

– Ага, – кивнула Настя, проводя мокрой ладонью по лицу Мишки.

Дом был пока слишком просторен для них, и они жили практически на кухне. Но каждый вечер Чолли обходил дом, проверяя окна и... и просто приучая себя к тому, что это тоже его. Кухня и три комнаты, здесь их называют горницами, внизу, а те две, что наверху, это светёлки. Всюду вкручены лампочки, полы Настя вымыла, и пустота. Но это пока. А так... ему уже говорили, что нехорошо, когда все в одной комнате спят, да ещё дети с родителями в одной постели. Но... но пока они живут в кухне. Наверху было прохладно, окна закрыты ставнями. Здесь будут жить дети. Не сейчас, потом. Будет много детей. Он не может собрать всех своих детей, он даже не знает, живы ли они, но... но этот дом наполнится детскими голосами и смехом, на полу будут лежать коврики и половики, будет стоять красивая мебель, дом про-

питаются запахами еды и довольства.

Чолли по лесенке спустился в сени и вошёл в кухню. Дети уже спали, а Настя в рубашке сидела на кровати, расчёсывая волосы, и улыбнулась Чолли.

– Угомонились.

Детей они укладывали пока с собой, как в Алабаме, в ногах общей постели. Отдельной кровати ещё нет, а печная лежанка в горнице, ещё сваятся ночью, ушибутся, испугаются. Кровать большая, всем места хватает. В доме тепло, одеяла ватные, можно, в чём ходишь, и не ложиться. Да и постель не так пачкается. Чолли не спеша разделся, складывая штаны и рубашку на табурет. В лагере, в бане он нагляделся, как одеваются другие мужчины, и здесь купил себе исподнего, сразу две смены. И Насте женщины, тоже ещё в лагере, объяснили. Теперь она спит в рубашке, а кофту и юбку на день поверх рубашки надевает.

– Ложись к стене, мне к Паше вставать.

Чолли кивнул. Настя быстро пробежала через кухню к выключателю и уже в темноте прошлёпала обратно. Чолли уже лежал, и она юркнула под одеяло, прижалась к нему.

– Чолли, занавески бы надо. Мне сказали, плохо, когда луна в дом заглядывает.

– Я не против, – улыбнулся в темноте Чолли.

Он осторожно кончиками пальцев погладил её по лицу.

– Платье тебе купим. И этот... кожушок.

Кожушком здесь называли женский полушубок. Настя

вздохнула. Кожушок, большой яркий платок в розанах и с бахромой, сапожки или белые бурочки, да ещё юбка из-под кожушка тоже яркая, и чтоб с оборкой по подолу... Она как увидела это, так и обмерла. Сердце заныло: так захотелось. Ни словечка она Чолли не сказала. Дом гол, у мужа и детей сменки на теле нет, а она о нарядах болеет, а Чолли заметил.

– Дорогой он, – Настя потёрлась щекой о плечо Чолли. – И детям надо сколько всего.

– Хватит, – твёрдо ответил Чолли и впервые выговорил вслух подсчитанную сумму.

Настя приглушенно, чтобы не разбудить детей, рассмеялась.

– Ой, столько не бывает.

Рассмеялся и Чолли.

– Завтра увидишь. Спи.

Настя ещё раз погладила его по плечу и вздохнула, засыпая. Посапывали Мишка и Светка, да иногда причмокивал во сне Паша. Чолли улыбнулся. Завтра у него отгул. К восьми соберутся у конторы, кто едет в город. Николай обещал зайти. В город новую куртку надо надеть. Выдали её для работы, но она лучше его старой. И бурки на ноги. Не замёрзнет. И в городе всё-таки, в Комитете чтоб увидели, что он не шакал подзаборный, что с помойки и жрёт, и одевается. А Насте кожушок нужен и... и всё остальное, чтоб не хуже других смотрелась. И детям одежду, чтоб гуляли. И игрушки. Кроватки ещё три нужны, а то Паше скоро колыбель тесна

будет. Пока всех троих в одну нижнюю комнату, тьфу, горницу, вторая – ему с Настей спальня, а третья... третья нарядная будет, гостей принимать, праздники справлять. Как говорят... Да, правильно, зала, сделает он залу. Но это потом, а пока... пока... Голова кругом идёт, сколько всего нужно. Ещё и ссуды не хватит. Придётся другую, которая с возвратом, брать. Конюшенному рабочему платят мало. Зарплата, сказали, два раза в месяц. Девятого аванс и двадцать четвёртого под расчёт, а сегодня... не посмотрел у входа в конюшню, там календарь висит, хотя толку-то смотреть, всё равно неграмотный. Шкаф в спальню нужен, гардероб, да комод для белья, на кухню для посуды шкаф, детям... Ещё вёдра нужны, занавески на окна, белья Насте и детям, рубашек бы ещё пару, в старой рабской только навоз выгребать, корыто, нет, это для стирки, а для Паши ванночку, чтоб купать. Он-то сам с мужиками в баню ходит, Настя с бабами, а детвору... дома мыть, так что ванночку большую брать. Мыла бы ещё хорошего, как у Мороза, Настя тот обмылок бережёт, только для лица. Полотенец нет, одно подаренное, а одно старое из мешковины, а здесь таким только полы моют, сапоги обтирать кладут...

Он уже давно спал, продолжая и во сне перебирать нужные покупки. И когда Настя вставала к Паше, он не слышал этого.

Многолетняя привычка вставать на рассвете разбудила его вовремя. Настя уже хлопотала у печи, разводила огонь,

негромко звякала вёдрами. Чолли зевнул и осторожно, чтобы не разбудить детей, вылез из-под одеяла и сел на кровати, свесив ноги. Красноватый свет от раскрытой топки, серо-голубой свет от окна. Пора. Он ещё раз зевнул и потянулся.

– Поспи ещё, – сказала от печки Настя.

– Да нет, – Чолли встал и, как был, в исподнем, пошлёпал к умывальнику, умылся и, скинув рубашку, обтёрся до пояса холодной водой, прогоняя остатки сна.

Настя быстро обулась, надела куртку и повязала платок. Он и глазом моргнуть не успел, как она, схватив вёдра, убежала за водой. С водой здесь хорошо – прямо во дворе... как её, да, колонка. А к большому «старому колодцу», что на дальнем от их дома конце, бабы не за водой, а языки почесать ходят. Но это днём, а с утра у всех дел полно. Чолли подошёл к печке, поправил огонь. Со двора вернулась Настя с полными вёдрами. И Чолли уступил ей место у печки. Там, в Алабаме, он тоже в воскресенье, когда не надо было бежать ещё затемно на работу, лежал на кровати и смотрел, как Найси суетится у камина. И дети ползали прямо по нему. Спали тоже все вместе, и Маленький у груди... Чолли подошёл к колыбели, посмотрел на спящего Пашу, потом к кровати, поправил маленькое одеяло, укрывающее детей, и развернул, расправил их с Настей, большое, взбил подушки. Да, первые совсем не то, что соломенные, как были там.

– Чолли, – позвала его Настя. – Готово у меня.

Верхний свет она не включала, чтобы не разбудить детей.

И чтоб это чёртово колёсико на счётчике в сенях не крутилось, не нагоняло денег. Да и светло уже. От раскрытой топки, где играло пламя, тянуло жаром, и Чолли сел за стол, как был, без рубашки.

Настя поставила перед ним миску с вчерашней разогретой кашей и кружку горячего чая.

– А себе-то, – напомнил ей Чолли, разворачивая тряпку с остатком хлеба.

– И я сейчас сяду, – ответила Настя, ставя себе миску и кружку.

Они ели, сидя напротив друг друга, и Настя влюблённо глядела на его лицо, на красноватые отсветы на сильных бугристых плечах, на мернодвигающуюся челюсть и, на чёрные, жёстко топорщащиеся волосы, припыленные сединой. Чолли встретился с ней глазами и улыбнулся. Улыбнулась и она.

– Ты не беспокойся. Ничего с нами здесь не случится.

– Я знаю, – кивнул Чолли. – Без куртки не выскакивай. Застудишься.

– Ага, – кивнула Настя. – Ты тоже... осторожней там.

– Не один еду.

Чолли доел кашу и стал пить чай. Торопливо доела и допила Настя, заботливо завернула в тряпку хлеб.

– С собой возьми, пожуёшь в дороге.

– Не выдумывай, – отмахнулся Чолли, вылезая из-за стола.

Настя подала ему нагрудную сумку с полученной позавче-

ра справкой из конторы. Ну, что такой-то там-то работает и проживает. А то без неё ссуду и не дадут. Комитету тоже отчитываться надо. Чолли надел сумку и стал одеваться. Не спеша натянул исподнюю рубашку, застегнул. Теперь верхнюю. Всё та же – рабская, выцветшая, заплатанная, зашитая. Да, нужны рубашки, а то стыдоба одна. Штаны тоже рабские, новые ватные пускай полежат, в автобусе тепло. Портянки, бурки. А куртку наденет новую, его рабская совсем страшная, и шапка тоже новая. Настя восхищённо оглядела его.

– Так, дров я подколот, – Чолли уже слышал, как топочет на крыльце, оббивая снег с бурок, Николай. – Аккуратно бери. С ближнего конца, там они потоньше.

– Доброго вам утра, – вошёл в кухню Николай, сдёрнув ушанку.

– И тебе доброе, – старательно ответил Чолли.

– Доброе утро, – улыбнулась Настя.

Вообще-то зашедшего в дом, надо пригласить к столу. Настя уже знала об этом и очень храбро предложила:

– Чаю?

– Спасибо, соседка, сыт, – Николай чиркнул себя по горлу ребром ладони. – Чолли, если готов, пошли. Автобус ждать не будет.

– Да, – кивнул Чолли. – Пошли.

Беря с печки рукавицы, мимоходом провёл ладонью по плечу Насти и вышел. Николай попрощался с ней кивком и вышел следом, надевая шапку. Настя стояла посреди кухни,

свесив вдоль тела руки и глядя на закрывшуюся дверь. Потом, ахнув, метнулась к окну, но Чолли уже ушёл. Господи, как же это, он же оглянулся и не увидел её, господи, плохая примета. Господи... Она отошла от окна и старательно, стараясь не сбиться, стала креститься и шептать, как её научили женщины в лагере.

– Господи, спаси и сохрани, помилуй нас. Господи, помоги ему. Господи, спаси и сохрани...

Закряхтел Паша, и Настя, перекрестившись ещё раз, подошла к колыбели.

– Ну, чего ты? Есть захотел? – она достала ребёнка из колыбели. – А, да ты мокрый, ну, сейчас, Паша, сейчас, маленький.

Она положила сына на кровать, прямо на одеяло, подальше от края и распеленала. Пелёнок ей надарили... и в лагере, и здесь. Так что всегда есть во что, сухое да чистое, завернуть. И, как ей говорила врач, развернув и вытерев, опять положила, пусть... на свободе побудет, пока она смену готовит. Тепло, не простудится. Паша довольно загукал, и Настя рассмеялась, глядя на него.

– Мам, утро? – спросил по-русски Мишка.

– Утро, – ответила она тоже по-русски. – Вставайте.

Она вытащила из-под их одеяльца Мишку и Светку, отвела к поганому ведру, умыла, одела в чистые рубашки и трусики и дала по куску хлеба.

– Ешьте. Пашу покормлю и вам дам.

Она сидела на кровати и кормила Пашу, а Мишка и Светка жевали хлеб и глядели на неё. Настя улыбнулась. Её дети... Она старалась не вспоминать тех, четверых, она ничего не могла сделать, была рабыней, хозяин велел ей рожать, и она не смела ослушаться. Как и остальные. А Чолли смотрел на неё и молчал. А тогда – она помнит и всю жизнь будет помнить – хозяин напоил его, и он кричал и звал её. Найси. А потом... потом хозяин построил их, молодых рабынь, и Чолли, Чолли выбрал её. Чолли уже свободный был, мог уйти, вернуться в своё племя, а он остался. Ради неё остался. Она и тогда это понимала.

Паша сосал деловито, изредка кося на неё тёмными строгими, как ей казалось, глазами. Глаза у Паши, как у Чолли, и волосики не кудряшками, а пряменькие, и кожица чуть красноватая. Будет на Чолли похож. А Мишка и Светка – мулатки, ну, ничего от Чолли нет, хотя... у Светки волосы не кудряшками, а волной... Да и ладно, на это здесь совсем не смотрят. А Чолли всех их любит, все они его. А потом ещё будут. Врач в лагере ей говорила, чтоб она года два не рожала, отдохнула. Она кивала и об одном думала: как ей Чолли сказать, что белые им запретили... спать вместе. Но врач с Чолли сама поговорила. Хорошо, видно, говорила. Чолли ни обиделся, ни чего ещё. И здесь, как легли в кровать, так он... ну, без этого. Настя вздохнула. Называть это траханьем или по-господски случкой она не хотела, а других слов ни по-английски, ни по-русски не знала.

Паша наелся и уже сосал, засыпая. Настя высвободила сосок и положила сына на кровать. Полюбовалась ещё его пухленьким сытым тельцем и запеленала. Тоже по-новому, как учила врач в лагере. Сонный Паша позволял себя как угодно поворачивать. Он вообще был молчаливым и орал в исключительных случаях. Скажем, дали грудь и тут же забрали. Или, когда укол делали. Коснувшись губами его щёчки, Настя уложила малыша в колыбель, оправила ворот кофты и захлопотала. Мишку со Светкой накормить, опять умыть и потом мыть, убирать, чистить, стряпать, стирки уже накопилось... Работы не в продых. Но своя работа не тяжела.

И в этих бесконечных хлопотах день катился незаметно, как сам собой.

Зашла молодая весёлая Олеся, жена Олега из бригады Чолли, принесла детям – Мишке со Светкой – яркую цветную игрушку-пирамидку. Колечки на стержне. И поиграла с ними, показала, как её разбирать, собирать. Потом они вместе чая попили и поговорили. У Олеси своих двое. Постарше Мишки и поменьше Паши. Английского Олеся совсем не знает, но Настя уже многое понимает, а когда не робеет, то и говорит.

Потом Олеся убежала, а они обедали.

И только-только она уложила Мишку со Светкой спать, а Пашу опять покормила, как пришёл... В лицо Настя его знала, знала, что из начальства, но по имени – нет. И он только вошёл, как у неё чего-то испуганно заныло сердце.

В щегольском, на рыжем меху, кожаном пальто, в такой же рыжей шапке, краснолицый, он от двери осмотрел всё одним взглядом, как... как хозяин – похолодела Настя и встала перед ним, загораживая собой кровать и колыбель со спящими детьми.

– Та-ак, а мужик где? Как его, Чолли, ну?

Настя судорожно вздохнула.

– Нет Чолли. В город поехал. Отгул у него.

– Только работать начал и уже отгул, – страшный гость недобро усмехнулся. – А может, и загул? Ладно. Скажешь, как вернётся, чтоб на конюшню шёл. Поняла? То-то!

Сказал и ушёл. А Настя обессиленно села на лавку. Господи, неужели что... если Чолли выгонят, ведь велят всё, что им дали, сдать, так куда они зимой с маленькими? Замёрзнут ведь. Господи, за что? Да неужели не видят они, как Чолли на работе уродуется, да... да... Она заплакала. Тихо, чтоб не разбудить, не напугать малышей. Опять им бежать. Господи, куда?! Тогда они знали: к русским. А теперь куда?! Опять к хозяину? Лучше уж смерть. Хозяин не даст ей жить с Чолли, растить детей...

– Настя, ты чего?

Она подняла зарёванное, залитое слезами лицо и увидела Марину, жену Николая.

– Я тебе сковородку для блинов принесла, чего случилось-то? С детьми, не дай бог?

Настя замотала головой. Марина решительно сунула на

стол узел со сковородкой, села рядом с Настей и обняла за плечи.

– Ну, и чего ревьешь-то?

Настя, уже не плача, а всхлипывая, путаясь в русских и английских словах, стала рассказывать. Наконец Марина поняла.

– Так это ты Тюхина испугалась? Ну и зря. Он только ревет медведем, а так-то тюха и есть. Плюнь и разотри. И не реви – молоко испортишь.

Она заставила Настю умыться, потом посмотрела на спящих детей, восхитилась коньком, сделанным Чолли.

– Вот когда у мужика руки правильным концом вставлены, так у него и любое дело ладно. Золотой мужик тебе, Настя, достался. А ты реветь. Давай блины печь. Не пекла раньше? – Настя замотала головой. – Не велика наука, справишься. А на Тюхина плюнь. Ему что директор скажет, то он и сделает.

– Да-а, – вздохнула Настя. – А если директор Чолли...

– А что директор? Он же всё видит. Чолли – мужик работающий, толковый, – Марина засмеялась. – Да если что, директор в два дня выгоняет, а то и быстрее. А вы здесь уже сколько? Ну? И отгул Чолли дали. А если б что, то не видать отгула. Пока в полную силу человек не заработает, то об отгулах и речи нет. Только рот раскрой, так и отправят гулять. За ворота. Давай, утрись и муку доставай.

Блины оказались просто очень тонкими лепёшками из

жидкого теста. Настя даже развеселилась, что у неё получается.

– Ну вот, – кивнула Марина. – А то вздумала из-за Тюхина реветь, тюха он и всё тут. Приедет мужик, блинами его накормишь. Ты их в печке пока держи, вот так, сбоку, чтоб не остыли. А это сметана к блинам. Поняла?

– Ой, Марина! – ахнула Настя. – Как это?

– А просто, – откликнулась Марина. – Мы, когда сюда приехали, Николай на фронте был, так и мне все так же помогали. Ещё кто приедет, вы с Чолли помогать будете. Разве не так?

– Так, – кивнула Настя.

Чолли уже говорил ей об этом.

– Ну, тогда побегу я к своим. Кричат, небось, уже, – Марина погладила себя по груди.

Настя поняла и улыбнулась. Да, здесь почти в каждом доме были грудные. Она уже заметила это.

– А, Марина, почему так?

– Что почему? – Марина уже наматывала платок.

– Ну, у каждой маленький? Как Паша. Почему?

– А-а! – Марина звонко рассмеялась. – Да как в Победу мужики вернулись, так и пошло косяком. Дело-то нехитрое. Дети Победы, понимаешь?

Настя закивала и тоже засмеялась. Она уже совсем успокоилась.

В автобусе было тепло, шумно и благодушно. Кто хотел, тот выпил в городе и теперь сосредоточенно жевал чеснок или ещё какую-то пахучую гадость, отбивая спиртной дух. Директор учует – объяснили Чолли – так мало не будет. Лёгкой пташкой за ворота и всё выданное верни. Кто ездил за покупками, теперь обсуждал цены и женские претензии. Семейные ведь все. А семья – первое дело.

Чолли тоже был доволен поездкой. В Комитете к нему отнесли очень хорошо. Участливо расспросили, как устроился, в чём нужда, сказали, чтоб если что возникнет, то чтоб обращался сразу к ним. Дали деньги, всё полностью, сколько и обещали. Даже удивительно, чтоб белые и так слово держали. Но предупредили, что если гулять начнёт, по-пустому тратить, ну, и сам понимаешь, то и отобрать могут. Не на пьянку и разгул, а для обустройства дают, жить по-человечески и детей растить. Он сам так думал и почти теми же словами. А денег много, большущая пачка, еле в сумку поместилась. Хорошо, куртка просторная, скрыла. Одну тысячную ему тут же разменяли на сотенные, а одну сотенную на десятки, их он засунул во внутренний карман. Это ему в лагере Мороз показал, а он уже рассказал Насте, и она ему такой пришила на старой куртке, а в новой уже есть готовый. Удобно. И как ни давал себе слово, что все деньги, до рубля, привезёт домой, а потратился. Не устоял. Как и остальные... быть в городе и гостинцев не привезти нельзя. Непорядок. Вон как автобус набит. Мешки да коробки, да сумки

и под сиденьями, и в проходе, и на коленях. А это ещё так... а вот когда под праздник собираются, то как обратно, то аж на крышу багаж увязывают. И вот, сотню в карман положил, потом ещё одну добавил, а везёт... рубли с мелочью. Но Николаю он долг сразу отдал – тот за него утром за билет заплатил – угостил всех пивом, как положено. Прописка есть прописка, с ним и так по-божески обошлись: по кружке пива каждому поставил и две пачки сигарет в общий круг выложил. Так что и здесь у него всё в порядке. А накопил... И детям, и Насте, и себе, и – самое главное – в дом. Да и кто бы устоял? Небьющаяся посуда. Это с его сорванцами первое дело. Мишка в лагере два стакана на молоке разбить успел. Здесь уже то миску, то кружку со стола столкнёт. А это... И лёгкая, и не бьётся, и нарядная, совсем как... господская. Видел он как-то мельком. Вот и купил большую коробку, где всего по двенадцать, здесь говорят, дюжина. И уж заодно ложки, вилки, ножи тоже по дюжине. Ножи заново наточить надо будет, точильный брусок тоже купил. И сумку купил, и набрал всего. Для всех. В жизни столько не покупал.

За окном медленно синела снежная равнина. За спиной Чолли негромко протяжно пели. Сидящий рядом Николай спал, слегка похрапывая. Чолли удовлетворённо вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Он устал, и усталость была новой, незнакомой. Ведь не таскал, не грузил, а тело ломит.

Автобус подбросило на яме, оборвав песню.

– Ну, подъезжаем.

– Да, на фронт уходил, эта ямина была. Вернулся, а она на месте.

– Сказанул! Да я мальцом с отцом ещё в город ездил, так на ней каждый раз и...

– Эй, подъезжаем, мужики.

Николай зевнул и сел прямо.

– Ну как, Чолли, доволен?

– Во! – улыбнулся Чолли. – Завтра с утра?

– Нет, – вместо Николая ответил кто-то сзади. – В ночную завтра.

И сразу зашумели.

– Ты что, перепил? Смены путаешь?!

– Ночная с той недели.

– Сам ты... Завтра ночная...

Чолли посмотрел на Николая.

– Кому там в ночь охота? – спросил Николай. – С утра завтра.

– Ну да... чёрт, обсчитался.

– Вот дьявольщина, проспал бы...

– Бригадир разбудит, – хохотнули впереди.

– Ща спросим.

– Он не ездил.

– Вот и спросим.

– Всё, мужики, приехали!

– Там разберёмся.

Автобус круто развернулся, отчего уже вставшие с хо-

хотом и руганью попадали друг на друга, и остановился. Скрипнув, открылась дверь, и с гомоном, разбирая вещи, повалили наружу. Чолли взял сумку и коробку с посудой и вместе со всеми пошёл к выходу. Ты смотри, темно уже. Весь день проездил. Ну, сейчас сразу домой.

Но сразу домой он не попал. Не успел выйти, как его позвали.

– Эй, Чолли, тебя ищут.

– Меня?! – удивился он.

– А больше индеев нету.

– Редокс здесь?

Чолли узнал голос директора, и сразу по спине пополз неприятный холодок.

– Да, масса, – ответил он по-английски и тут же по-русски: – Я здесь.

– Пошли!

Повелительный жест не оставлял сомнений, но Чолли растерянно оглянулся на Николая.

– А что такое? – спросил Николай.

– Увидите! – хмыкнул директор и повторил: – Пошли, Редокс.

Чолли послушно пошёл за директором, ничего не понимая и стараясь не показать свой страх. Но, оглянувшись, увидел, что Николай и ещё двое из бригады идут следом, и немного отлегло: всё-таки не один. Потом сообразил, что так и несёт в руках сумку и коробку, и подумал... и ничего не

успел подумать, потому что подошли к конюшне и вошли... Но это не его крыло, их бригада в другом, а это... здесь же Раскат! Всё-таки, значит, донесли – со злой радостью подумал Чолли. И теперь, значит, расплата.

У входа в отсек их встретил черноусый бригадир, Чолли ещё не знал его имени. Увидев Чолли, бригадир хмыкнул:

– Ага, приехал, значит. Ну, иди, посмотри, чего натворил.

Кони беспокоились. Со всех сторон нервное фырканье, всхрапывания, частый перестук копыт, и впереди злое ржание, взвизги... Чолли узнал голос Раската и невольно прибавил шаг, обгоняя директора. У денника Раската молодой парень с синяком на пол-лица и в разорванной на плече рубашке сразу заорал на Чолли:

– Во, чтоб тебя... иди... сам свою тигру убирай...!

Он бы ещё круче завернул, но, увидев директора, поперхнулся. Чолли, начиная уже догадываться, поставил, почти уронил свою ношу на пол и подошёл к деннику Раската. Прижатые уши, налитые кровью глаза...

– Раскат, – тихо позвал он.

Конь дёрнул кожей на спине, как отгоняя муху, но позы не переменил. Чолли вошёл в денник, мягко взял за недоуздок и повторил уже в растяжку:

– Раска-а-а-ат.

По спине коня волной пробежала дрожь, он переступил с ноги на ногу, потом скосил на Чолли фиолетовый с гаснущим красным огнём внутри большой глаз и фыркнул, потя-

нулся к Чолли, обнюхивая его лицо. Чолли погладил его по морде, провёл рукой по шее.

– Ну, что ты, Раскат? Что ты?

Раскат положил свою большую голову ему на плечо и вздохнул. Вздохнул и Чолли. Вот и всё. Раскат директорский, что теперь ему сделают – это плевать, а Раската жаль, ведь ломать будут. Жалко.

– Редокс.

Он обернулся. Дверь денника он оставил открытой. Директор, черноусый бригадир, парень с синяком, Николай, Степан... вот кто донёс! Ну... и опять ему не дали додумать.

– Отвязывайте коня, – распорядился директор. – Переведёте в другой денник. Савушкин, Грацию передадите Мотину.

Савушкин? Но так зовут его бригадира. Да, вот и он. Что происходит? Но его руки уже отвязывали недоуздок. Раскат ткнул его мордой в плечо, требуя хлеба.

– Нету сейчас. Потом, – ответил он коню.

И уже выводя Раската, вдруг заметил, что глаза у директора весёлые. И остальные улыбаются, не насмешливо, а радостно. И окончательно престал что-либо понимать.

Всё время, пока он вёл Раската в крыло своей бригады, привязывал в указанном деннике, задавал корм и воду – оказывается тот с утра никого ни к себе, ни в свой денник не подпускал – конь был кроток и послушен прямо... прямо... ну, слов нет. Чолли даже про вещи свои забыл и не вспоми-

нал. Когда Раскат уже обнюхавшийся через верхние решётки с новыми соседями, успокоено хрупал овсом, Чолли вышел в проход, закрыл за собой решётчатую дверь и услышал от Савушкина.

– Раската сам обихаживать теперь будешь.

Чолли кивнул, но до него явно не дошёл смысл сказанного. И директор, улыбнувшись, повторил это по-английски, а по-русски сказал:

– Идите домой, Редокс. До утра он вас подождёт.

И все как-то сразу разошлись. А Чолли вспомнил про свои вещи. Но их, оказывается, захватил Николай.

– Держи своё. Пошли.

– Спасибо.

Чолли взял коробку и сумку, искал глазами Степана, но того уже не было.

– Это Степан настучал, – тихо сказал он Николаю. – Больше никому.

– Не дури, – Николай обвёл взглядом ряд золотистых коней за деревянными решётками и повторил: – Не дури. Все не слепые.

На конюшне было уже тихо, лампы горели через одну и вполнакала. Многие лошади спали.

– Пошли, Чолли, – Николай почему-то вздохнул.

Чолли кивнул.

Они шли по мягко поскрипывающему под ногами снегу, и Николай говорил:

– Туровец, когда глаз на человека положит, когда душу ему отдаст, другого к себе не подпустит. Как забушует туровец, так уже ищем, кто ему на душу лёг. А Степан сказал, чтоб не искали да не перебирали. Так что... твой теперь Раскат.

– Как это мой?

– Тебе его убирать. Ну и, – Николай усмехнулся, – ну и ездить на нём. Объезжать тоже тебе придётся.

Чолли кивнул.

– Понял. А потом? Ну, объезжу я его. А потом он кому?

– Никому. Он твой, Чолли.

Чолли недоверчиво хмыкнул.

– Николай, кто мне его отдаст? Даже если... всю ссуду... если в рассрочку, мне за всю жизнь не выплатить.

– Никто тебе его продавать не будет. По закону нельзя. Но ездить на нём, работать его ты будешь, – Николай усмехнулся. – Захочешь, так к себе во двор на свою конюшню поставишь. Только продать никому не сможешь. И подарить. И по закону нельзя. И туровец дважды не выбирает.

Чолли задумчиво кивнул.

– А... слушай, мне сказали, Раскат директорский, директор как, очень обиделся?

– Михеич – мужик понятливый, – мотнул головой Николай. – И Раскат его не был. Директору две верховых положено, а по душе... Ладно, сам всё увидишь.

Они уже подходили к дому Чолли. С крыльца сорвалась и

бросилась навстречу им тёмная фигура с отчаянным криком:

– Чолли!

– Здорово, соседка, – громко сказал Николай. – Ну, до завтра, Чолли. Не проспай, смотри.

– Ага, до завтра, – ответил Чолли.

Руки у него были заняты, и обнять припавшую к его груди Настю он не мог. Николай движением плеча поправил свой туго набитый мешок и пошёл к себе.

Настя шла, прижавшись к Чолли, и заметила его ношу, только поднявшись на крыльцо.

– Ой, Чолли, что это?

– Увидела наконец, – засмеялся Чолли, плечом открывая себе дверь. И щегольнул новым словом: – Гостинцы.

В кухне к нему с визгом кинулись Мишка и Светка. Чолли поставил на пол коробку и сумку и поочерёдно поднял, слегка подбросил и поймал малышей. Потом не спеша разделся. Когда Настя забирала у него куртку и шапку, он пытливо заглянул ей в лицо и нахмурился.

– Ты плакала? Почему?

Настя смущённо улыбнулась и стала рассказывать, перемешивая английские и русские слова. Выслушав её, Чолли кивнул.

– Я знаю, о чём это. Всё в порядке.

– Чолли...

Он улыбнулся ей и повторил:

– Всё в порядке. Я говорил с директором.

– Он... не выгонит нас?

– Нет, – Чолли погладил её по плечу.

Настя, успокоено всхлипнув, прижалась к нему. Он обнял её, погладил по голове.

– Ну, ну что ты, Настя? Всё в порядке.

Наконец она справилась с собой и захлопотала. С горячей водой, ужином, а тут ещё Паша проснулся и потребовал еды. Но вечер уже шёл заведённым порядком. Чолли сидел у печки, пошевеливая пальцами ног в горячей, медленно остывающей воде, и смотрел, улыбаясь, на Настю, кормившую Пашу грудью, на Мишку и Светку, крутившихся вокруг коробки и сумки.

– А что там? – спросила Настя. – Ты купил?

– Конечно, купил. Ссуду я получил. Поговорили со мной, хорошо говорили. Ну, и прошёлся там, – он говорил с деланной небрежностью, – по магазинам, по рынку. Набрал кое-чего.

Настя засмеялась, заколыхав грудью, и Паша недовольно гукнул.

– Завтра в магазин зайду, с долгом расплачусь, – Чолли удовлетворённо откинулся на печку, ощутив плечами и спиной приятное тепло. – И будем обживаться уже всерьёз.

– Как это?

– Мебель купим. Белья, одежды, посуды...

– Чолли...

– Хватит, Настя, – понял он её невысказанные опасения. –

На всё хватит. Даже... – и оборвал сам себя, потому что это ещё надо как следует обдумать и посоветоваться с кем из знающих, и сказал уже другое, тоже обдуманное: – Корову купим.

– Ой?! – удивилась Настя.

Чолли кивнул.

– И кур купим. И поросёнка. Саженцы, семена. Сад сделаем, огород. Мы же не на год сюда приехали. На всю жизнь.

Настя кивнула, забрала грудь у заснувшего Паши и уложила его в колыбель. Чолли взял лежавшее на коленях полотенце, вытер ноги и встал. Убрал лохань с грязной водой.

– Я... блинов напекла, – старательно выговорила Настя. – Блины есть будем.

– Ладно, – согласился Чолли. – Поедим, и покажу, что купил.

В самом деле, ему всё выложить, так есть стоя придётся. Блины были тёплыми и оказались очень вкусными. Как Настя ни следила, Мишка со Светкой перемазались. У Мишки сметана даже на бровях оказалась. И Настя вывела их из-за стола умываться. Когда поели, Чолли встал, а Настя быстро убрала со стола и протёрла его тряпкой.

– Ну, – Чолли поставил на лавку сумку и расстегнул молнию, – смотрите.

На стол легли три яркие погремушки, резиновые с пищалками собачка, кошка и непонятный зверь, которого Чолли назвал странным словом:

– Обезьяна.

Потом голубенький нарядный комплект для Паши. Ползунки, кофточка и чепчик. Штанишки с рубашкой для Мишки и красное с белыми оборочками платье для Светки. Потом большой ярко-розовый в цветах платок, зеркальце на ручке, расчёска и щётка для волос, две рубашки в чёрно-зелёную и чёрно-красную клетку... Стол уже завален, а Чолли всё доставал и доставал... пакет с апельсинами и пакет с конфетами... и два куска мыла в ярких обёртках...

– Господи, Чолли...

Настя даже растерялась перед этим великолепием. А Чолли достал из сумки большую и явно тяжёлую коробку, поставил её на стол и торжественно открыл. Блеск уложенных в ровные стопки ножей, вилок и ложек, больших, поменьше и совсем маленьких, ослепил Настю.

– Господи, – растерянно повторяла она, – господи...

Чолли отнёс опустевшую сумку к двери, повесил на гвоздь и вернулся к столу уже с коробкой. Но прежде, чем открыть её, взял апельсин, почистил и дал Мишке и Светке по половинке.

– Ешьте.

И Настя как очнулась. Взяла платок и накинула на плечи, как видела уже у местных женщин, и повернулась перед Чолли.

– Хорошо? – улыбнулся он.

– Ох, Чолли, – выдохнула Настя. И указала на коробку: –

А здесь что?

– Посуда.

Чолли развязал верёвку, раскрыл коробку и стал выкладывать на стол. Тарелки, тоже разные, трёх размеров, чашки, блюда... Все белые, блестящие, в красных розочках по ободку.

– Вот, особая, небьющаяся.

– Чолли, – Настя осторожно протянула руку и тарелке, но не взяла её, а только погладила. – Это ж... это ж... по-господски. У хозяина такая была.

– А чем мы хуже? – победно улыбнулся Чолли.

– Чолли... – на глазах у Насти выступили слёзы. – Это взаправду, Чолли?

– Взаправду, – кивнул Чолли и обнял, прижал её к себе.

Настя обхватила его за шею, прижалась всем телом. И долго бы они так простояли, но Мишка полез на стол за апельсином и столкнул стопку маленьких тарелок. Те оказались действительно небьющимися, но шуму наделали. Проснулся и закричал Паша, заревел отшлёпанный Настей Мишка, а с ним за компанию и Светка. И стали наводить порядок.

Нарядную одежду Настя сложила обратно в сумку: больше же некуда. Игрушки отдали Мишке и Светке, а погремушки положили в колыбель. Конфеты и апельсины Настя положила на окно, а посуду составила на край стола у стены.

– Чолли, шкафчик нужен. Для посуды.

– Завтра, – кивнул Чолли. – Давай, я дом обойду и покурю.

А ты их укладывай.

– Ну да, ну да, – закивала Настя.

Чолли натянул сапоги, надел шапку и старую куртку, достал из кармана новой куртки пачку сигарет и вышел на крыльцо. Все эти дни, как уехали из лагеря, он промаялся без курева. В поезде, правда, его пару раз угощали, и уже здесь пачку под запись взял. Но одно дело – одолжено, и совсем другое, когда куплено. И с домом так же, но нет, рано об этом, тут как следует обдумать надо, как бы новую кабалу на себя не повесить. Он с наслаждением закурил. В посёлке было тихо, и окна почти везде тёмные, спят все. О Раскате он Насте не сказал, не смог. Да и... да и незачем ей, наверное, об этом знать. «Твой он теперь». Чолли усмехнулся. Ему уже так давали. Корову. Да что там. И про Найси хозяин тогда ему сказал: «Забирай. Даю её тебе». А потом... И дом... Ладно, может... может, здесь и по-другому будет. Он докурил, тщательно растоптал, растёр на заснеженном крыльце окурок, потом подобрал его и пошёл в уборную. Туда выкинет. И по дому пройдёт.

Когда он вошёл в кухню, Настя уже успокоила и уложила детей. Пирамидка, конёк, собачка, кошка и обезьяна стояли в ряд на подоконнике. На другом лежали зеркальце, щётка и расчёска. Апельсины и конфеты на столе рядом с составленной в стопки посудой. Настя в одной рубашке стояла посреди кухни.

– Ты чего не ложишься?

Чолли повесил на гвоздь у двери куртку и шапку, разулся и подошёл к Насте. Она подняла на него глаза, вздохнула.

– Чолли, а чего ты себе ничего не купил?

– А рубашки? Целых две взял.

Чолли осторожно положил руки ей на плечи, и Настя с готовностью подалась к нему, прижалась грудью. Он обнял её.

– Ох, Настя, я сам не верю, что всё так вышло.

– Я тоже.

– Ладно, – Чолли тряхнул головой. – Давай ложиться, мне завтра рано.

– А что так?

Настя подошла ещё раз к Паше, посмотрела, как он спит, поправила одеяло детям. Чолли разделся, снял нагрудную сумку и засунул её подальше под тюфяк. Больше спрятать некуда.

И, когда они уже потушили свет и легли, он, как всегда, у стены, а Настя рядом и положила голову ему на плечо по алабамской привычке, когда долго спали на одной подушке, он ей ответил:

– Мне коня дают. За этим и искали меня.

– Ага, – шепнула Настя. – И что, вычитать будут или как?

– Не знаю. Но мне его отдельно обихаживать теперь.

– Хороший конь?

– Хороший. Раскат зовут. – Чолли повернул голову, коснувшись лицом её волос. – Всё, Настя. Спим. А то, не дай

бог, просплю.

И, уже засыпая, подумал, что надо завтра остаток денег Насте отдать, ну, те, что у него в кармане остались. Чтоб ей было с чем в магазин идти. А дом всё-таки выкупить, чтоб не в аренде, а в собственность был... нет, об этом не сейчас.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Снег пролежал недолго. Прошёл дождь – и снова всё мокрое, серое и противное. Чак поглядел в окно и тихо тоскливо выругался. Выходить наружу в такую погоду – себе дороже. Вот ведь паскудство. Ведь вон вся его одежда на вешалке, всё вернули. Кроме ботинок и перчаток. И ремня.

Но другие ботинки, что ему в тюрьме дали, вон тоже стоят, крепкие, армейские. Одевайся, дескать, и иди гуляй. Как в насмешку.

Чак оттолкнулся от подоконника, прошёлся по палате и лёг на кровать. Как был, в пижаме, поверх одеяла. Закинул руки за голову. Вот она – свобода. Ждал, да нет, мечтал. А пришла... холодная пустая ясность, пустота. Даже ненависти у него теперь нет. Даже это... отняли. Тогда, после того разговора с доктором – потом узнал, что больше двух суток валялся – спал и снов не видел, падал в чёрную безмолвную пустоту, а проснувшись, рук не смог поднять, будто опять в параличе. Но испугаться не успел. Кто-то из поганцев наполнил его водой с глюкозой, и он опять на сутки вырубился. И проснулся... здоровым? Да, пожалуй, так. Тело здорово. Его слушается каждый мускул. Он всё может. Делает все упражнения. Уже не рискуя представить на месте мишени... человека. Мишень – кружок или точка на поле, и он бьёт в эту точку. И всё получается. И ходит в столовую, сидит за одним столом с белыми, улыбается им, здороваётся, желает приятного аппетита, и слышит ответные пожелания. И... и ничего. Холодная пустота. У Гэба задвигались руки. Что-то там доктор Иван сделал. Скоро они с Гэбом опять в паре смогут работать. Интересно, освободил доктор Иван Гэба от тех слов, как он их называл? Да, формула и ещё код, код внушения. Или нет? Но об этом он с Гэбом не говорит. Они вообще теперь мало разговаривают. Ругаться ему с Гэбом неохота, а

говорить им не о чем.

Чак вдруг осознал, что лежит, как спальник, это те так валялись в камерах. Как спальника не измордуй, тот, если жив, вот так и ляжет, всё своё хозяйство напоказ выставит. Чак снова выругался уже в голос и с настоящей злобой и сел на кровати. Лениво взял с тумбочки книгу, перелистал. Брехня ведь всё, белая брехня. Но завести себя на злобу не получалось. Он закрыл книгу и положил обратно, встал, опять прошёлся по комнате. К Гэбу, что ли, сходить? Если тот не дрыхнет, то размяться немного... Хоть бы из поганцев кто зашёл, то не продохнуть от них было, а то не дозовёшься. Хотя к чему они ему? Бить он теперь не может, а нарываться на безответную плюху тоже как-то не хочется. Массажа сегодня нет, в тренажёрном он был. Сейчас там как раз поганцы резвятся. Их время. А он – больной, его время другое. Чак подошёл к двери и, помедлив, открыл её. Пустой коридор, тишина. Дверь палаты Гэба закрыта. Дверь в дежурку – тоже. Ладно. Ну их всех... На Цветочный проспект, что ли, или в игровую? Но видеть никого не хотелось, а там полным-полно и одни беляки. Русские, местные... всё равно беляки. Цветные – все местные, в лёжку лежат по палатам или сами по себе колготятся. И тоже не стоит с ними, ведь не знаешь, где и на кого нарвёшься. И чем занять время до ужина совсем неизвестно.

И всё-таки он вышел. Оставаться в палате было ещё хуже. Доказывая самому себе, что он свободен, пошёл на Цветоч-

ный проспект – висячий переход между корпусами с витражами вместо окон. Там в любую погоду светло и даже... даже приятно.

Чак шёл не спеша, с привычной настороженностью поглядывая по сторонам. Но его словно никто не замечал. Здесь у каждого свои дела, своя боль. Многих он уже знал в лицо, но... они сами по себе, а он сам по себе.

Он старался не думать о самом главном и самом страшном. Как он будет жить дальше? Когда русским надоест его кормить, и они пинком под зад вышибут его отсюда. Не к поганцам же в напарники проситься, беляков параличных подмывать. Это не по нему. Да и не возьмут его. И куда ему? В грузчики? Но думать об этом не хотелось.

Чак прошёлся несколько раз по переходу, заглянул в зал, где можно было поиграть в шахматы или в шашки, посмотреть газеты... и снова отправился бродить по переходу.

Россия

Ижорский пояс

Загорье

Звонок будильника подбросил Эркина, как удар тока. Он даже не сразу сообразил, что это, и растерялся. Но только на секунду. Женя уже накинула халатик и убежала на кухню. Эркин тоже вскочил, торопливо натянул трусы и, вылетев в прихожую, спросонья заметался, не зная, куда бежать. Когда он вошёл в кухню, на чайнике уже дребезжала крышка, а Женя громоzdила на тарелку бутерброды.

– Садись, поешь.

Эркин, молча кивнув, сел к столу. Женя налила ему чая, подвинула сахар. Он только вскинул на неё глаза, и она, понимающе кивнув, налила и себе. Эркин ел быстро, сосредоточенно глядя перед собой. Четыре двойных бутерброда, сложив их сэндвичем, Женя аккуратно завернула в большой носовой платок.

– Вот, возьми с собой. Поешь в перерыве.

Эркин, по-прежнему молча, кивнул, залпом допил чай и

встал. Женя, опасаясь, что он из упрямства не наденет тёплого белья, побежала за ним в спальню. Но – слава богу! – обошлось. Он и одевался, как ел, сосредоточенно и быстро. Женя смотрела на его окаменевшее напряжённое лицо и не знала, как его успокоить, утешить. Но, уже стоя у двери, засунув в карман свёрток с бутербродами и надевая шапку, Эркин улыбнулся ей.

– Всё будет хорошо, Женя.

И она обняла и поцеловала его в щёку. У Эркина дрогнули губы. Он молча повернулся и вышел.

Женя вздохнула. Она сама боялась понедельника. Как её ещё примут на новом месте? Эркин хоть видел своего бригадира, да, Медведева, а она своего... как его, да, Лазаря Тимофеевича Лыткарина, нет, а она два месяца скоро, как не печатала, те пару раз в региональном лагере не в счёт, а это как с музыкой, надо каждый день упражняться.

– Мам, а Эрик где?

Она обернулась. Алиса, растрёпанная со сна, в тёплой пижамке, стояла в дверях своей комнаты.

– Он на работу ушёл, – Женя заставила себя улыбнуться. – Ты ещё будешь спать?

– Ну-у, – Алиса зевнула и потёрла кулачками глаза, – я не знаю, – и опять зевнула.

– Тогда ложись, – решила Женя.

В самом деле, ведь ещё совсем темно, пусть спит.

На улице Эркину обжёт лицо холодный воздух, под нога-

ми поскрипывал снег, а в остальном... Вполне терпимо. Через несколько шагов он нагнал группу мужчин явно из их дома и, судя по разговорам, работавших на том же заводе, и потому пошёл с ними. Ещё совсем темно, небо даже не синее, а чёрное, искрящийся в свете фонарей снег под ногами... Чем ближе к заводу, тем больше народу и плотнее толпа. Так вместе со всеми Эркин подошёл к проходной с крупно выписанной над дверью цифрой два.

Пропуск на входе... в раскрытом виде... быстрый взгляд на фотографию и на него... Дальше куда... Первый рабочий... Сюда и направо... Вторая внутренняя проходная, здесь уже женщина... Ей табельный номер... Дальше... Прямо по коридору... Эркин толкнул тяжёлую дверь с забраным деревянной решёткой стеклом и вышел во двор. Утоптаный тёмный снег, слепящие, как в тюремном дворе, прожекторы...

– Ага, пришёл уже.

Эркин вздрогнул и обернулся. Медведев. Не в полушубке, а в чёрной, очень похожей на рабскую, толстой куртке и таких же штанах, чёрных валенках, даже шапка другая – армейская. Медведев оглядел его так же внимательно.

– Ну, пошли.

Эркин молча пошёл за ним. Медведев подвёл его к десятку мужчин, одетых в такие же куртки, штаны и валенки, только шапки у всех разные.

– Что, новенького дали, старшбй? – встретили их.

– Ну, теперь нарботаем...

– Только вождя нам не хватало!

– Эй, вождь, томагавк где оставил?

– Ага, а скальпов много набрал?

– А чего не навесил? Мы бы посмотрели.

Сцепив зубы, Эркин сохранял лицо неподвижным. Такого он никак не ждал.

– Кончай базар, – спокойно сказал Медведев. – Пошли. Ты, ты и ты. На контейнеры.

Эркин молча ждал. Здесь, получается, не работали всей ватагой заодно, как в Джексонвилле, а кому где старшой укажет. Да ему самому уже не хотелось становиться с кем-то из них в пару. Но... не ему выбирать. Дошла и до него очередь. Работа оказалась несложной. Мешки. Перегрузить из грузовика на склад и уложить в штабель у этой стены.

– Понял? От угла в один ряд на пять в высоту. Всё понял?

Чего ж тут непонятного, и Эркин молча кивнул. Всё бы ничего, но грузовик не мог подъехать к складу вплотную, и мешки приходилось носить за двадцать больших шагов – это раз, оказались они не слишком большими, но уж очень увесистыми – это два, а три – это напарник. Щуплый, в натянутой на уши вязаной шапочке и с нелепым именем – Ряха. Эркин с невольным сомнением оглядел напарника и спросил:

– Ты подавать будешь или укладывать?

– Ух ты! – восхитился Ряха. – А я-то думал, ты немой. Чего ж ты не поздоровался, доброй работы, понимаешь, не

пожелал?..

Он частил, быстро оглядываясь по сторонам, будто искал зрителей. И Эркин понял, что работать ему придётся одному. Толку от Ряхи не будет. Андрей тоже балагурил и языком трепал, как хотел и зачастую без умолку, но и руки прикладывал, а этот... Будь это в Джексонвилле, Эркин бы его уже послал по всем известным адресам или попросту бы врезал, чтоб дошло. А здесь... здесь надо терпеть.

И он терпел. Как под надзирателем, когда ты знай работай и язык держи. Пока Ряха непонятно колупался возле грузовика или курил очередную «остатнюю», Эркин, как заведённая машина, влезал в кузов, подтаскивал к краю мешок, прыгивал, сваливал мешок на себя, шёл на склад, укладывал мешок в штабель и шёл обратно. Шуточек Ряхи про томагавки и скальпы – что за хренотень такая? – и вообще его трепотни он не слышал. Ряхи для него просто не было. Вдруг Ряха сказал, уже явно обращаясь к нему:

– Слушай, я тут мигом, ты как не против?

Эркин молча кивнул, не оглядываясь, и даже как бы не заметил, что остался один. Мешок за мешком, мешок за мешком... Он не заметил и того, что погасли прожекторы, и как пошёл и прекратился снег. Бездонный этот грузовик, что ли?

– А Ряхов где?

Эркин как раз нёс очередной мешок, когда его остановили. Он даже не сообразил, что Ряхов – это и есть Ряха, а потому продолжил путь, буркнув:

– Не знаю.

И кто это его спрашивал, тоже не посмотрел: не всё ли ему равно? Но вот уже три мешка... два... всё, последний!

Эркин вышел из склада и огляделся. Ух ты, светло уже совсем! И народу что-то не видно. Он уже не спеша вернулся к грузовику, поднял и закрепил борт. И шофёра нет. Ну что ж, своё он отработал, теперь пока, как называли Медведева, Старшой ему новую работу не даст, можно и перекусить. Живот уже подводит. Намотался, что и говорить. Эркин смахнул снег с подножки грузовика и сел. Стянул верхние брезентовые рукавицы, варежки и достал из кармана свёрток. Развернул на колене и стал есть.

Он ел, тяжело медленно двигая челюстями, устало глядя на землю, на тёмный затоптанный снег. И, увидев остановившиеся перед ним армейские сапоги, так же медленно, с усилием поднял глаза. И не сразу узнал шофёра, глядевшего на него с каким-то странным удивлением.

– Мешаю тебе? – спросил Эркин.

– Мне ехать надо, – извиняющимся тоном сказал парень.

Эркин кивнул, сунул в рот остаток бутерброда, завернул оставшиеся два и, оттолкнувшись от подножки, встал. Шофёр потоптался, будто хотел что-то сказать, но ограничился кратким:

– Ну, бывай.

Залез в кабину и уехал.

– Бывай, – кивнул ему вслед Эркин, пряча в карман упо-

ловиненный свёрток.

Сейчас бы потянуться, размять мышцы, но... но вон уже Медведев идёт. Эркин вздохнул и опустил глаза: нарываться ему нельзя.

Но неожиданность вопроса заставила его посмотреть в лицо бригадира.

– У тебя что, совсем денег нет?

– Почему нет? – Эркин решил, что речь пойдёт о прописке быстро прикидывал в уме, сколько у него с собой и сколько он сможет выложить. – Есть деньги.

И опять неожиданный вопрос:

– А чего тогда в столовую не пошёл?

Пока Эркин думал, как ему лучше ответить, подошли остальные. И вместо Эркина ответил Ряха:

– А он брезгует нами! Во-о-ождь! – и заржал.

Эркин опустил глаза и не увидел, как, растерянно хлопая глазами, Ряха смотрит на остальных. Никто его смеха не поддержал.

– Работяге с тунеядцем хлеб не делить, правильно, – сказал кто-то.

Что такое «тунеядец», Эркин не знал, но о смысле догадался и искоса поглядел на сказавшего. А тот, неспешно натягивая большие брезентовые рукавицы, продолжил:

– Там контейнеров ещё десятка два. Так мы туда. Ты как, Старшб́й?

– Идите, – кивнул Медведев.

Эркин меньше всего думал, что это и его касается, и потому, когда его дёрнули за рукав, удивился:

– Чего?

– Пошли-пошли, – явно немолодой мужчина, который говорил о тунеядцах, смотрел на него в упор.

Ну, так ведь всё равно с кем. И Эркин пошёл за ним.

Теперь они работали вчетвером. Молодой, чуть старше Андрея, парень, которого остальные называли Колька-Моряк, веснушчатый зеленоглазый Геныч и позвавший Эркина Саныч. Контейнеры оказались большими, тяжёлыми и с придурью. И на колёсах, и с ручками, а с места не стронешь, а поедет – не завернёшь и не остановишь. И опять: со склада на платформу, да не по прямой, а с объездами, спусками и подъёмами. Проклянёшь всё трижды и четырежды. Чем Колька-Моряк от души и занимался. Но злобы в его ругани не было, и Эркина она не трогала. А насчёт крутизны... он от Андрея и похлеще слышал. Затащенный на платформу контейнер крепили на стопор и растяжки. И шли за следующим.

– Слушай, а вправду, ты чего в обед в столовую не пошёл? – спросил Эркина на обратном пути Колька.

Спросил так, что Эркин честно ответил:

– Я не знал про столовую.

– А-а, – протянул Колька. – А Ряха трепал, что ты из принципа. Дескать, компанией брезгаешь, его прогнал...

Это так удивило Эркина, что он переспросил:

– Я прогнал Ряху?!

– Ну да.

Колька смотрел открыто, без подвоха, и явно ожидая ответа, но ответил вместо Эркина Саныч.

– Про тебя Ряха тоже интересно рассказывает.

Колька заметно смутился, а Геныч коротко хрипло рас­смеялся.

И они взялись за следующий контейнер. Саныч шёл впе­реди, таща серую в рост человека металлическую коробку за неудобную переднюю ручку и коротко командуя им:

– Пошёл... стопори... вправо... пошёл...

И они втроем то толкали эту махину, то повисали на ней, стараясь замедлить, затормозить или повернуть. А уж на платформу затащить... сдохнешь.

– Давайте, мужики, – появился вдруг бригадир. – На вто­рую смену их нельзя оставлять.

– Давай ещё четверых, – ответил Саныч.

– Откуда я их возьму?! – рявкнул Медведев. – Все при деле!

– И Ряха? – удивился Колька.

И заржал. Засмеялись и остальные.

– Кто освободится, подошло, – пообещал Медведев, ис­чезая.

Эркин окончательно убедился, что бригадир здесь не так сам ворочает, как остальных расставляет. Ну, это не его про­блема. Его вон стоит, серая, с красными цифрами и буквами на боку. И видно, в них всё дело, потому что Саныч берёт

контейнеры не подряд, а с выбором. Но спрашивать ни о чём не стал, молча ожидая, на какой ему укажут. Ага, вон тот, дальний. Ладно, надо ему дорогу освободить, если сдвинуть эти два... а если... если их сейчас перетасовать по-нужному, чтобы потом сразу брать...

– Саныч, – решил рискнуть Эркин, – а после этого какой будет?

– Это тебе зачем? – спросил Геныч.

А Колька засмеялся:

– Наперёд думаешь?

Но Саныч смотрел молча и внимательно, Эркин понял, что надо объяснить.

– Если их сразу по-нужному расставить, потом просто скатывать будем.

– Соображаешь, – кивнул Саныч. – Берёмся, мужики. Этот... теперь тот... на стопор поставь, а то укатится... так... вон тот теперь...

К концу перестановки Эркин приспособился выбивать и вставлять стопор ударом сапога. Саныч только буркнул:

– Полегче. Штырь погнёшь.

Эркин кивнул. Ну вот, расстановка закончена. Можно тащить первый.

– Отчаливай! – весело скомандовал Колька. – Полный вперёд!

И Эркин улыбнулся.

Когда они волокли последний контейнер, прозвенел зво-

нок. Эркин ещё в Джексонвилле на станции привык, что постоянно что-то звенит, гудит, лязгает и громыхает, и потому не обратил звонок внимания, но остальные заметили.

– Во! Управились! – радостно заорал Колька.

– Не кажи гоп, – осадил его Саныч. – Стопори, яма... теперь вправо возьми... на подъём... пошёл...

Они втащили контейнер на платформу и закрепили его.

– Вот теперь всё, – удовлетворённо сказал Саныч.

Геныч стащил рукавицы и закурил.

– Всё, свалили.

Эркин огляделся. По всему двору с весёлым, уже нерабочим гомоном тянулись люди. Что, смена закончилась? Он посмотрел на часы. Три ноль семь.

– Всё, мужики, по домам айда, – Геныч спрыгнул с платформы.

Эркин перевёл дыхание. Да, так, похоже, и есть – конец смене. Он, как все, спрыгнул вниз, снял и засунул в карманы верхние рукавицы и пошёл следом за Санычем и остальными. По дороге рискнул спросить:

– Завтра... как сегодня?

– Ну да, – охотно ответил Колька. – Смена с семи. А что делать, укажут.

Эркин удовлетворённо кивнул. Больше ему ничего и не нужно. А встретившийся Медведев бросил ему на ходу:

– Завтра с семи, не опаздывай.

Эркин ждал, что ему про прописку скажут, но бригадира

окликнули, а Саныч с остальными уже ушёл. Во двор входила вторая смена. «Ну, значит, завтра прописка», – решил Эркин, направляясь к выходу. Вот она, та самая, забранная деревянной решёткой дверь, через которую он входил утром. Где вход, там и выход. Нормально. Эркин потянул дверь на себя и вошёл в коридор. Так, теперь... туда, правильно, этот плакат он видел. Коридор пустынен, на стенах ещё какие-то надписи, но Эркин полагал, что это всё не для него.

– Эй, вождь! – окликнули его сзади.

Эркин узнал голос Ряхи и остановился, обернулся через плечо. Ряха, уже без куртки, и потому особенно щуплый и какой-то...дохлый, улыбаясь, подошёл к нему.

– Что ж ты, день отработал, мы тебя, понимаешь, приняли, ты теперь поставить нам должён.

Эркин кивнул и полез за бумажником. В бегающих глазах и кривой улыбке Ряхи он чувствовал какой-то подвох, но, не зная здешних порядков, он ничего не мог сделать.

– Сколько?

Ряха быстро облизал бледные тонкие губы.

– Ну, по бутылке каждому, да бригадиру две, ему положено, это...двенадцать бутылок, значитца, да закусь какая-никакая...

Эркин свёл брови, считая. Двенадцать бутылок по три сорок семь – это... это чуть больше сорока, да ещё...

– Пятьдесят рублей хватит?

У Ряхи судорожно дёрнулся кадык.

– А... ага!

Эркин достал деньги. И снова ему не понравилась жадность, с которой Ряха выхватил у него деньги. «Зря они шакала на таком деле держат», – подумал он. А Ряха, скатав купюру в трубочку, засунул её куда-то за пояс штанов и зачастил:

– Ну, и ладненько, ну, и иди себе с богом, значит, не беспокойся, улажу всё, комар носа не подточит, домой ступай, наломался, небось, отдыхай...

Эркин пожал плечами, убрал бумажник и пошёл к выходу. Показалось ему или и впрямь Ряха тихо хихикнул ему вслед? А ну его! Вон уже окошко табельное. Какой номер-то у него?

Но, к его удивлению, круглолицая женщина в чёрной форме с синими нашивками на воротнике сама подала ему жетон – Эркин узнал его по зазубрине у верхнего отверстия – и рассмеялась его удивлению.

– А мы вас всех знаем. Работа такая. Ты у Медведева, что ли?

– Да, – кивнул Эркин.

– Ну, с почином тебя, счастливо отдыхать. До свиданья.

– До свиданья, – ответно улыбнулся Эркин.

И на внешней проходной мужчина в такой же форме, посмотрев на его пропуск, пожелал ему отдыха и попрощался.

На улице Эркин, проверяя себя, посмотрел на часы. Тринадцать. И светло. День ещё. Что ж, если и дальше так пойдёт, то у него полдня на подработку есть. Тоже неплохо.

Но и порядки здесь!.. Прописка за глаза и дорогая какая. Бутылка каждому. С ума сойти. Хорошо, деньги с собой были. Ну, ладно, это он свалил. Завтра уже будет нормально.

Усталость словно отпустила его, и он шагал широко, свободно, с интересом поглядывая по сторонам. В общем, он был доволен. Работа оказалась тяжёлой, но не сложной, не слишком сложной. Завтра, конечно, куда поставят, но с Санычем работать можно, и с Колькой, и Геныч – нормальный мужик. Ряха вот только... Да ну, что ему Ряха? Ну, придётся за себя и за Ряху, если опять окажутся в паре, работать, ну так что? Переживёт. И раньше такое бывало, и в имении, и в Паласах... Это всё пустяки. А вот денег у него не осталось, а он хотел по дороге домой купить чего-нибудь. Но и это ладно, Женя поймёт. Прописка же. Зато теперь он чист. Нет, всё хорошо, всё нормально.

Обшаривая на всякий случай карманы – вдруг мелочь завалялась, он нашёл свёрток с бутербродами и усмехнулся. Вот и гостинец домой. Так и не съел. А есть здорово хочется. Прямо хоть доставай и на ходу жуи. Ну, да ладно, перетерпим, вон уже... «Корабль» появился. И снег здесь белый, чистый. А вон и магазинчик...

Эркин шёл, подняв голову и обшаривая взглядом окна. Вроде, вон те его, или нет... Да нет, чего искать, уже крыльцо перед ним. Он взбежал по широким низким ступеням и толкнул дверь. Потопал в тамбуре, оббивая снег с сапог, и открыл следующую дверь. На лестнице уже свет горит. Внут-

рення дверь. Доставая на ходу ключи, подошёл к своей двери и удивлённо заморгал. Утром этого не было – он помнит. Перед дверью лежал маленький яркий коврик в красную и зелёную клетку. Проверая себя, посмотрел на чёрный кругляш с белыми цифрами. Номер правильный. Так это что, Женя купить успела? Он осторожно встал на коврик, вытер ноги и открыл своим ключом верхний замок. Попробовал нижний. Открыт. Значит, Женя дома. Он толкнул дверь и вошёл. В неожиданно тёмную после залитого светом коридора, но уже пахнущую жилым теплом прихожую. Захлопнул за собой дверь.

– Кто там? – спросила из кухни Женя. – Эркин, ты?

И сразу – он и ответить не успел – к нему в ноги ткнулась с радостным визгом Алиса.

– Э-эри-ик! Эрик пришёл! Мама, Эрик вернулся!

Эркин включил свет и стал раздеваться. Снял и повесил куртку, шапку, стащил сапоги. Надел шлёпанцы.

– Эркин, – Женя выбежала из кухни и порывисто обняла его, – как ты? Устал? Замёрз?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Даже жарко было. Я... я в душ сначала. Хорошо?

– Ну, конечно. А может, Эркин, может, ванну?

Эркин осторожно, чтобы не разорвать объятие, пожал плечами. Женя поцеловала его в щёку и отпустила.

– Иди, мойся. Я сейчас приготовлю всё. Там ведро, грязное прямо туда кидай.

Алиса попыталась сунуться в ванную следом за Эркином, но её позвала Женя. А в ванной тоже... новое. Большой, в половину его роста белый плетёный ящик. Похожий был в гостинице в Бифпите для грязного белья. А это для чего? Эркин приподнял крышку и увидел на дне что-то пёстрое. Значит, для грязного. А чего ему тогда Женя про ведро сказала? Ладно, разберёмся. Эркин снял рубашку и джинсы. Это стирать не стоит. Джинсы он и раньше каждый день не стирал, креповая рубашка тоже чистая, а вот бельё и носки с портянками... это надо. Он содрал с себя тяжёлое от впитавшегося пота бельё, затолкал в ведро и налил чуть тёплой воды. И уже шагнул было за простынную занавесь в душ, когда в ванную вошла Женя. Эркин растерялся, а она деловито положила на ящик его рабские штаны и тенниску.

– Вот, наденешь потом.

Она не смотрела на него, а он не знал: хочет ли, чтобы посмотрела.

– Вот, мойся, и будем обедать.

Взгляд Жени тепло, мягко скользнул по его телу. Он и ощутил его как прикосновение, будто... будто она потрогала его, погладила. И Женя уже вышла, а он ещё стоял возле душа, не понимая, что с ним. Потом тряхнул головой и вошёл в душ. Его мыло и мочалка уже лежали на бортике. Когда только Женя успела? Женя... Женя не боится его, он не противен ей. И что ему теперь до всего другого?! Эркин крутанул кран и счастливо охнул под туго ударившей его струёй.

И когда он, уже в рабских штанах и тенниске, пришёл на кухню, за окном было совсем темно. А на столе... у Эркина сразу засосало под ложечкой. Женя засмеялась.

– Садись, Эркин. Сегодня настоящий обед. Не из пакетиков.

Счастливая мордашка Алисы, горячий необыкновенно вкусный суп, новенькие тарелки на блестящей клеёнке, а ложки старые, знакомые по Джексонвиллу, и халатик у Жени тот же, и фартук, и... и всё так хорошо.

– Так вкусно, Женя, – поднял он глаза от тарелки.

– Налить ещё? – улыбнулась Женя.

Эркин кивнул. И она налила ему ещё золотистого от жира мясного супа. Полную тарелку.

– Ты не обедал?

– Перекусил. Перерыв был маленький, – Эркин улыбнулся. – Два съел, а два домой принёс.

– Такой маленький перерыв? – расстроено переспросила Женя. – Эркин, при восьмичасовом рабочем дне час на обед положен.

– Час? – Эркин неопределённо хмыкнул. – Буду знать. Женя, там, мне сказали, столовая есть. Так я завтра там поесть попробую.

– Конечно, – согласилась Женя, собирая тарелки. – Обязательно возмёшь горячего. О деньгах не думай. Деньги у нас есть.

Эркин почувствовал, что краснеет.

– Женя, я все деньги сегодня потратил.

– Все? Это сколько? – Женя поставила на стол тарелки с картошкой и мясом.

– Сколько взял. Пятьдесят рублей, – вздохнул Эркин. – Это была прописка, Женя.

– Понятно, – кивнула Женя. – Не волнуйся, всё в порядке.

Эркин пытливо взгляделся в её лицо, потом вздохнул и стал есть. Ел уже спокойно: самое тяжёлое он сказал, и Женя поняла его. Конечно, пятьдесят рублей – это очень много, но это же только раз. А в Джексонвилле разве не пришлось ему отдать полпачки сигарет и весь дневной заработок? Отдал же. И не помер. А с Андрея сколько содрали? Везде так.

– Женя, спасибо.

– Ещё?

Он покачал головой.

– Нет, сыт уже.

– Тогда я тебе киселя сейчас налью. Алиса, доедай.

Эркин глотнул густой сладкой жидкости, улыбнулся.

– Я не сказал тебе. Коврик такой красивый. Ну, у двери.

– Тебе понравился? – просияла Женя. – Я вообще сегодня кучу денег потратила. Ну, коврик и ящик в ванной ты видел, – Эркин кивнул. – Ещё я Алисе купила. Сапожки и шубку. Ну, и белья.

– Правильно, – кивнул Эркин.

– И тебе.

Эркин невольно поперхнулся.

– Женя!..

– Что Женя? – Женя шлёпнула Алису между лопаток, чтобы та не горбилась. – Две смены мало. Надо, как минимум, четыре. А лучше шесть. Или мне каждый день стирать, чтобы ты с утра чистое надел?

– Я сам стирать буду, – попробовал возразить Эркин.

– Не выдумывай, – строго сказала Женя. – Мне с понедельника тоже на работу выходить. Давай я тебе ещё киселя налью. Вот так. Алиса, спать будешь?

– Не, я в коридор, – Алиса сделала умильную рожицу. – Можно?

– Можно, – улыбнулась Женя.

Пока она одевала Алису для прогулки в коридоре, Эркин допил кисель и собрал посуду со стола, сложил в раковину. Вбежала Женя и, отодвинув его, стала мыть посуду. Эркин стоял рядом и смотрел на неё, на её руки. А Женя мыла и говорила.

– Я ещё сушку купила, проволочную, как там была.

– Я повешу, – встрепенулся он.

– Ну, конечно, милый, сейчас я закончу и освобожу тебе место. А ещё, Эркин, знаешь, в воскресенье сорок дней Андрею. Сороковины.

– Что? – не понял он. – Как это?

– Ну, помнишь, – Женя взяла полотенце и стала вытирать тарелки, – помнишь, на девятый день мы его поминали? В лагере.

– Помню, конечно, – кивнул Эркин. – А на... сороковины так же?

– Да, – кивнула Женя. – Ну, ещё в церковь ходят. И на могилу.

Эркин вздохнул. Могила в Джексонвилле, в церковь ему идти совсем не хочется, но раз Женя считает, что надо... Да, вот ещё что.

– Женя, а водка обязательна?

Женя расставила посуду в шкафчике и кивнула.

– Я тут поговорила, Эркин, и в лагере... Но водку ты должен купить.

– Хорошо, – согласился Эркин. – Раз надо... Только...

– Что?

– Нет, ничего, Женя. Я тогда за ящиком сейчас схожу, сушку повешу.

И он пошёл за ящиком, злясь на самого себя, что вздумал предупредить Женю. Дескать, я пьяный языком болтаю. Ни черта с ним не будет, удержит язык.

Эркин принёс на кухню ящик, улыбнулся Жене. И теперь она сидела у стола и смотрела, как он работает.

– Вот так?

– Чуть левее. Ага, так будет хорошо.

Эркин гвоздём пометил места для крючков, отложил сушку на шкафчик и стал их прибивать.

– Тебе нужно пальто, Эркин.

– Для работы куртка удобнее.

– Для работы, Эркин. А потом?

– Нет, – упрямо сказал Эркин. – Пальто мне не нужно.

И Женя догадалась.

– А если полушубок?

И по его дрогнувшим плечам, по быстрому благодарному взгляду через плечо поняла, что угадала правильно.

– Он дорогой, Женя, – тихо ответил Эркин.

– Не дороже денег. А деньги у нас есть.

Эркин проверил, надёжно ли сидят крючки, и надел на них сушку.

– Вот так, Женя, да?

– Да, к так хорошо.

Эркин улыбнулся.

– Ну вот. А деньги нам на квартиру дали, а не на одежду.

– И на одежду. Ты вспомни, как в Комитете сказали. На обустройство. Если бы мы свой дом выкупали или хозяйство завели, то да, все бы деньги туда ушли. А квартира у нас в аренде, наёмная, – рассуждала Женя. – Это и из зарплаты выплачивать можно. А одежда тоже нужна. Как... как посуда. И... не спорь, Эркин. Ну, не хочу я, чтобы ты хуже других ходил. Ты ж не пропойца какой подзаборный. А полушубок тебе купим. И валенки. Да, – Женя оживилась и вскочила из-за стола, – идём, покажу, что я Алисе купила.

Эркин сложил инструменты в ящик и, оставив его на кухне, пошёл за Женей.

Цигейковая – всё-таки что это за зверь? – золотисто-ко-

ричневая шубка с капюшоном, зелёные войлочные сапожки на меху и чёрные рейтузы с начёсом очень понравились Эркину и были им безоговорочно одобрены.

– Ну вот, – Женя погладила рукав шубки, – и завтра, когда в магазин пойду, возьму её с собой. А то она совсем воздухом не дышит.

Эркин задумчиво кивнул. Одобрил он и тонкую шерстяную кофточку на пуговицах, которую купила себе Женя, и тёплое бельё.

– А это тебе, – Женя продолжала показ-отчёт. – Ещё четыре смены. Шесть смен – уже нормально. И рубашек тёплых теперь шесть. И носков. Зима долгая. Чтобы хватило на всю зиму. Понимаешь?

Эркин слушал и кивал. Конечно, Женя права. Зима долгая, и, говорят, будет ещё холоднее. Но...

– Женя, ведь мебель ещё покупать. И ремонт делать.

– Да, – кивнула Женя, – я помню. Я думаю, сначала ремонт, а мебель уже потом. И, знаешь, я хочу, – Женя вздохнула, – ну, чтобы было красиво. Я всегда мечтала о гарнитуре. Знаешь, что это такое?

Эркин помотал головой и сел на пол среди разбросанных вещей.

– Я слушаю. Говори, Женя. Так что такое... гарнитур?

– Это когда мебель не по одиночке покупается, а сразу. И всё в одном стиле. Ну... вот спальня, – Женя широким взмахом обвела комнату, в которой они были. – Что нужно

в спальню? Кровать, тумбочки у кровати, шкаф, трюмо, хорошо бы трельяж, комод, пуфики...

Эркин слушал и кивал. Он был, в принципе, со всем согласен. Хватило бы денег.

– Ковёр на пол, шторы на окно, – Женя посмотрела на Эркина и рассмеялась. – Вот, понял?

– Понял, – кивнул Эркин. – И всё сразу покупать?

– Хотелось бы, – вздохнула Женя. – Ведь как хорошо, что у нас на кухне стулья такие красивые, правда?

– Правда, – не стал спорить с очевидным Эркин и тут же предложил: – Женя, а ведь и стол можно такой заказать, чтоб и на кухне был... гарнитур.

– Конечно, – обрадовалась поддержке Женя. – Но сначала... сначала ремонт.

Эркин вздохнул.

– Да. Обои поклеить.

– Потолки побелить, а лучше покрасить, – подхватила Женя. – Кухню покрасить, ванную, уборную, кладовку...

Эркин сразу помрачнел: кладовку-то он так и не убрал.

– Женя, я за кладовку возьмусь. Я... я только вещь одну сделаю и тогда за кладовку. Хорошо?

– Ну, конечно, – даже несколько удивилась его горячности Женя.

Он гибким ловким движением вскочил на ноги.

– Я на кухне работать буду. Там светло. И стол.

Когда Женя, сложив вещи, вошла в кухню, клеёнка была

убрана, а чтобы не запахнуть стол, Эркин расстелил чистую тряпку, разложил на ней инструменты и пузырьки из ящика. Женя тихо сбегала за шитьём – чулки на Алиске так и горят – и села на другом конце стола. Эркин быстро вскинул на неё глаза, улыбнулся и снова ушёл в работу. Он давно думал об этом: как сделанную Андреем рукоятку ножа всегда носить с собой, не боясь выронить и потерять. И получалось одно: припаять или приклеить кольцо. Нет, приклеить, конечно. Паять он не умеет, а просить кого-то... нельзя, это он должен сам сделать. Спасибо Жене, что сидит рядом и не спрашивает ни о чём. Зачистить край, протереть едким, пахнущим, как водка, но более резко содержимым вот этого пузырька и больше руками протёртое место не трогать. Теперь кольцо. У Андрея их много запасено было, разных, вот это гладкое, без зазубрин, чтоб не перетёрло ремешок, а здесь наоборот – зашершавить напильником, чтобы стало плоским, а то не схватит, и приложить, как подойдёт... Плохо, надо ещё снять, вот так, и ещё... И надо аккуратно, чтоб самого себя по пальцам не задеть. А вот теперь хорошо, и тоже протереть. Теперь... теперь это всё в сторону, теперь клей... Этот? Да. Про него Андрей говорил, что пулю к стволу приклеит. Так, как это делал Андрей? Ага, помню: намазать, дать подсохнуть и снова намазать... И зажать, и держать так...

Когда Эркин почувствовал, что кольцо уже не «дышит» под рукой, он осторожно положил рукоятку на стол и стал

собирать инструменты. Как делал Андрей, тоже протёр всё, разложил по местам.

– Женя, я на подоконник положу, пусть сохнет.

– Конечно-конечно.

Портянку он тоже свернул и убрал в ящик.

– Я в кладовку пойду, посмотрю там.

– Хорошо, – Женя закрепила шов и отрезала нитку. – Я в ванной буду.

Эркин вышел в прихожую, распахнул дверь в кладовку. Чем бы её подпереть? А, вон же чурбак. Вот так. Для начала... для начала вытащим всё в прихожую. Обрезки досок, какие-то то ли палки, то ли тонкие длинные поленья, обломки ящичков. С гвоздями. Хорошо, Алисы нет, а то бы полезла и поцарапалась. Верёвки какие-то, ремешки, ничего, это всё пригодится. А это что?

За плеском воды – Женя полоскала бельё в ванне – она плохо расслышала, но ей показалось, что Эркин закричал. А, взглянув из ванной, увидела его лежащим на полу.

– Эркин?! – бросилась она к нему. – Что?!

Но он уже стоял на четвереньках среди разбросанных досок и палок и тряс головой.

– Ничего, ничего, я сейчас... – перемешивал он русские и английские слова.

Женя опустилась рядом с ним на колени, обняла. Он вздрогнул от её прикосновения и отпрянул.

– Вода! Нет, не надо! – вырвалось у него по-английски.

Женя отдёрнула мокрые руки.

– Да что с тобой?!

– Сейчас... сейчас... – Наконец он продышался, поднял на Женю глаза, неловко улыбнулся и заговорил по-русски: – Я сам виноват, Женя, думал, верёвка, а это... провод.

– Под током? – испугалась Женя.

– Да, – и по-английски: – Током ударило, – и опять по-русски: – Не пускай Алису туда.

Эркин сел, потёр руки от кистей к локтям и виновато улыбнулся.

– Я испугал тебя, да? Прости, Женя. Просто... меня давно током не били, вот я и заорал.

– Ну её, эту кладовку, – заплакала Женя. – Ты же убиться мог.

Эркин глубоко вдохнул и выдохнул.

– Делать всё равно придётся. Я только не знаю, как. Я, – он опустил голову, – я боюсь тока, Женя. Меня... много били током... раньше... до имения...

Женя торопливо обтёрла руки о халатик и обняла Эркина за шею. Положила его голову себе на плечо. И на этот раз он не отпрянул.

– Ничего, – шептала Женя, – ничего, всё будет хорошо, ничего...

И чувствовала, как обмякает, расслабляется его тело. А когда поняла, нет, почувствовала, что он успокоился, поцеловала в висок и встала.

Эркин снизу вверх смотрел на неё затуманенными глазами, потом взмахом головы отбросил прядь со лба и встал.

– Я ещё повоюю здесь, Женя.

– Ты только осторожней, Эркин, – вздохнула Женя.

Она знала, что он не отступит. И, в самом деле, Эркин опять полез в кладовку. На этот раз, правда, он вооружился длинной палкой и сначала трогал ею каждый обломок, отодвигая от лежащего на полу провода. Но как же он здесь полмыть будет?

Женя закончила стирку, развесила выстиранное бельё на сушке – а ведь для постельного белья сушка маловата будет, надо будет подумать о верёвках – и, поглядев на часы, ахнула:

– Эркин, поздно уже, Алиса!..

Эркин, сортировавший в прихожей вытащенное из кладовки, подошёл к двери, открыл её и выглянул в коридор.

– Алиса!

– Иду-у! – готовно откликнулась Алиса. – Всем до завтра, я домой!

Эркин впустил её в квартиру, и, увидев разбросанный по полу хлам и открытую дверь кладовки, Алиса возмутилась:

– Да?! А меня не позвали?!

Она явно собиралась нырнуть в кладовку, и Эркин еле успел перехватить её.

– Туда нельзя.

Алиса поглядела на него и, мрачно насупившись, стала

раздеваться. Когда она ушла в ванную мыть руки, Эркин по-прежнему палкой затолкал провод подальше от двери и стал закладывать в кладовку всё вытащенное оттуда. Укладывал так, чтобы потом при необходимости можно было достать, не касаясь провода.

– Эркин, – позвала его Женя. – Мой руки и садись. Ужинать будем.

– Да, иду, – откликнулся он, закрывая дверь кладовки.

Гвоздём, что ли, её забить, чтобы Алиса туда не залезла? Да, так и сделает. Минутное же дело. Где его ящик?

– Я сейчас, Женя.

Он выбрал большой гвоздь, вбил его двумя ударами на половину длины в угол над дверью. И третьим ударом загнул. Попробовал дверь. Держит! И уже спокойно закрыл ящик, поставил его у двери в кладовку и пошёл мыть руки.

На кухне стол уже накрыт, и его ждала тарелка с картошкой и мясом. Эркин сел на своё место, улыбнулся хитро поглядывающей на него Алисе.

– Эрик, а в мозаику поиграем?

– Хорошо, – кивнул Эркин.

– Только недолго, – строго сказала Женя. – Завтра рано вставать.

– На работу, – понимающе кивнула Алиса.

– Вот именно, – улыбнулась Женя.

Они спокойно поели, выпили чаю, и Алиса побежала в свою комнату за мозаикой, а Женя убрала со стола.

Сегодня они начали выкладывать большой – во всю подложку – многоцветный венок. И дошли почти до половины, когда Женя сочла, что Алисе пора идти спать. Алиса покосилась на неё, на Эркина и согласилась. Сопя, собрала мозаику.

– Завтра закончим, да, Эрик?

– Да, – кивнул он.

Когда Алиса ушла, Женя поставила на стол две чашки.

– Сейчас я уложу её, и поговорим. Так? Как тогда?

Эркин счастливо улыбнулся: да, всё, как тогда. Женя ушла к Алисе, а Эркин встал и подошёл к окну, взял рукоятку и попробовал кольцо. Хорошо держит. Теперь... где он видел шнурок? Да, в кладовке, там был как раз подходящий ремешок. Он его положил вместе с верёвками возле двери. Положив рукоятку на стол, он пошёл в кладовку. Отогнул гвоздь и приоткрыл дверь так, будто боялся, что оттуда кто-то выскочит на него. Да, вот она, вся связка. Он вытащил её, быстро перебрал и выдернул нужный ремешок. Узкий, как раз по кольцу, и не слишком длинный. Забросил связку обратно, закрыл дверь и повернул гвоздь.

– Эрик, – сонно позвала его Алиса, – а ты меня вчера на ночь не поцеловал.

Эркин вошёл в её комнату, наклонился и коснулся сжатыми губами её щёчки.

– Вот так, – удовлетворённо вздохнула Алиса. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил Эркин.

Когда он пришёл на кухню, Женя уже налила в чашки чай.

– Ты ей дверь не закрыл?

– Нет, – Эркин сел к столу. – Сейчас я только сделаю...

Он продел в кольцо ремешок и связал концы плоским узлом. Женя по-прежнему ни о чём не спрашивала, и он сам сказал:

– Это Андрея. Андрей мне нож делал. А когда нас арестовывали, оружие отбирали, и я отломал рукоятку. Буду теперь с собой носить.

Он говорил, глядя на свои руки, заправлявшие в узел концы. Ремешок крепкий, и узел надёжный. Эркин поднял на Женю глаза и улыбнулся. Положил рукоятку на стол и придвинул к себе чашку. Улыбнулась и Женя.

– Ну, вот мы и приехали.

– Да, – Эркин как-то удивлённо улыбнулся. – В самом деле, приехали. Ты... ты довольна?

– Конечно. Знаешь, – Женя двумя руками поднесла к губам чашку, но не пила, а смотрела на него поверх её краёв. – Знаешь, я как-то не верю, что всё кончилось, что мы дома. Так всё внезапно... квартира, деньги... господи, не верится даже.

– Не верится, – повторил Эркин и кивнул. – Да, так. Женя, ведь... мы... мы не поедem больше никуда, тебе здесь нравится, Женя? Я... я сделаю всё, всю квартиру сделаю. Ты мне покажешь, как обои клеить, и я сделаю.

– Сделаешь, – кивнула Женя. – Конечно, мы никуда не поедем. И с понедельника начнём заниматься ремонтом. А завтра... нет, в субботу пойдём на рынок, купим тебе валенки и полушубок, и... вообще, посмотрим.

– Полушубок – очень дорого, – упрямо свёл брови Эркин. – Женя, а если нам не хватит на квартиру?

Женя рассмеялась.

– Будем делать всё постепенно. Знаешь, я когда-то читала, что, когда дом закончен, пора умирать.

– Д-да, – не очень уверенно согласился Эркин.

– Ну вот. А полушубок тебе нужен. Я завтра узнаю, где лучше его покупать. На рынке или в магазине. И почём они.

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Дневная усталость снова накатывала на него, и сил спорить уже не было. Но ему вообще всегда было трудно спорить с Женей.

– Давай ложиться, Эркин.

– Да, – он допил чай, и Женя забрала у него чашку.

Эркин, устало опёршись ладонями о стол, встал.

– Я пойду, Женя.

– Ничего-ничего, иди, ложись. Я уберу здесь и тоже лягу.

Она вымыла и поставила на сушку чашки, протёрла стол. Насколько клеёнка удобнее, просто прелесть! Ну, вот и всё. Женя ещё раз оглядела кухню, выключила свет и вышла. В спальне горит свет, и в прихожей можно не включать. Господи, не квартира, а чудо! Сказочно повезло.

Проходя из уборной в спальню, Женя заглянула к Алисе. Спит. Набегалась, наигралась и спит. Ну, и отлично. Дверь пока пусть открыта, со временем приучится. Она вошла в спальню. Эркин уже спал, как обычно лёжа на спине и закинув руки за голову. Не желая раздеваться на свету – хоть время и позднее, но ведь у дома вполне может оказаться припозднившийся прохожий, и, пока занавесок нет, надо об этом помнить – Женя выключила свет и в темноте сбросила халатик, вытащила из-под подушки и надела ночную рубашку, и осторожно, чтобы не потревожить спящего Эркина, легла. Хорошо, когда квартира тёплая, можно на полу спать. Ну, да ничего, сделаем ремонт и начнём обставлять. Жалко, солнца не было, непонятно, куда окна выходят. Но спальню хорошо бы белую, или нет, лучше розовую. А кухню... Кухню «деревянную, да, стиль „кантри“, а Алисе... Ну, детская – весёлая, в зеленоватых тонах. Как у Андерсена? „Зелёный цвет полезен для глаз“».

Эркин слушал ровное дыхание Жени, стрёкот будильника, урчание и бульканье в трубах и улыбался. Это его дом. «Бегал и добегался?» Да, он добежал. «Не любишь кочевья?» Не люблю. Меня слишком часто продавали. Паласы, камеры, торги... Нет, я сам приехал сюда, нет, больше я не побегу и не дам себя гонять. Тишина и спокойствие вокруг, и шорох снежинок по стеклу. Опять идёт снег. Это уже не страшно. У Жени и Алисы тёплого хватает, квартира тёплая, на еду деньги есть. Интересно, когда на заводе платят? Если каж-

дую неделю, то завтра он получит за два дня. А если нет? Надо будет хоть десятку с собой взять. Нельзя совсем без денег. Будет с работы идти, купит чего-нибудь... Женя рядом, только руку протяни. Если что, нет, не думай об этом. Женя успокоилась, забывает, пусть совсем забудет. А он... он будет ждать. Столько, сколько надо, день, два, неделю, год если надо, но того мгновения, когда Женя сама ему скажет, когда сама позовёт его. А сейчас надо спать... А полушубок, конечно, было бы хорошо, белый, на белом меху, как у старшего, и валенки тогда, как он видел, обшитые кожей, да, правильно, бурки. И Жене такие же хорошо бы. Сапоги у Жени теперь есть, пусть будут и валенки. И Алисе валенки. И... и санки, как он сегодня видел, когда шёл домой. У Алисы тёплая одежда есть, будет гулять... В субботу они все вместе пойдут на рынок... В воскресенье сороковины, надо идти в церковь... Интересно, в русской церкви такое же занудство или есть что-то стоящее? В лагере о запахах хорошо не говорили, и о церкви тоже, но раз надо... Мысли путались, уплывали, и уже только спокойствие и тишина, и ничего больше нет, и не надо ничего, и дыхание Жени рядом, тепло её тела...

Звонок будильника, мгновенно возникшее ощущение пустоты рядом и ударивший по векам свет разбудили его. Эркин приподнялся на локте. Женя? Жени нет. Уже утро? Пора вставать. За окном темно, а на часах? Да, пора. Эркин от-

кинул одеяло и встал, потянулся, сцепив пальцы на затылке. Оглянулся случайно на окно, увидел своё отражение почти в полный рост во всей красе и, охнув, присел, поняв, что и его с улицы так же видно. Ах ты, чёрт, как же он раньше не сообразил?! Ведь знал же, а не подумал. Занавески нужны. Обязательно. Плотные шторы. А то он как на торгах, даже хуже, на сортировке.

– Эркин, – позвала из кухни Женя. – Уже утро.

– Бегу, – ответил он, сгребая в охапку приготовленную на утро одежду и ползком выбираясь в прихожую.

– Ты чего? – удивилась Женя.

Сидя на полу, Эркин быстро натягивал бельё.

– С улицы всё видно, – мрачно ответил Эркин, вставая и заправляя нижнюю рубашку в джинсы.

Сообразив, Женя рассмеялась, тут же пришлёпнув себе рот ладошкой, чтобы не разбудить Алису.

– Ну, ничего страшного, иди, умывайся, сейчас чайник закипит, чаю выпьешь.

– Да, я мигом.

Через несколько минут он уже сидел за столом и, обжигаясь, пил горячий сладкий чай. Женя подкладывала ему бутербродов.

– Да, – вскинул он на неё глаза, – там у меня в куртке ещё со вчера бутерброды...

– Ты их вчера и съел. Ещё за обедом. Эркин ещё?..

– Хватит, – мотнул он головой, – спасибо, Женя, – и, видя

её огорчение, улыбнулся: – С полным животом тяжело работать.

Взял со стола ремешок с рукояткой, надел на шею, заправив под нижнюю рубашку, к телу. Застегнул верхнюю, купленную уже здесь.

– У тебя деньги на еду есть? – Женя протянула ему пять десяток.

– Столько много.

Он попытался взять только одну, но Женя нахмурилась, и Эркин сдался, взял все.

– Может, на обратном пути купишь чего, – говорила Женя, идя за ним в прихожую.

Эркин спрятал деньги в бумажник, сбегал в спальню за своими часами, вернулся, быстро сосредоточенно обулся, натянул куртку и уже взялся за ручку двери, когда Женя быстро поцеловала его в щёку рядом со шрамом.

– Счастливо, Эркин.

– Да, – шевельнул он ответно губами, коснувшись ими её виска, и вышел.

Женя заперла за ним дверь, заглянула в комнату Алисы – нет, сегодня не проснулась, значит, привыкает уже – и вошла в спальню. Да, конечно, нужны шторы. Но пока нет обоев и вообще до ремонта... Да, с понедельника они начнут готовиться к ремонту. Клей, обои, краска, мастика для пола... Женя стала убирать постель, прикидывая в уме предстоящие покупки.

Эркин шёл быстро, обгоняя идущих, как и он, к заводу. Шёл, уже глядя по сторонам, замечая, что в большинстве окон занавески просвечивают, видны силуэты, но толком не разобрать ничего. А вот тоже окно без штор, голое. Ну, всё напоказ. Если его вот так видели сегодня... ладно, вон уже забор заводской. Вокруг окликали друг друга, разговаривали, смеялись. Эркин прислушался, даже головой повертел, но знакомых никого не увидел. Первая проходная... вторая... знакомый коридор... а вот и двор.

Ночью выпал снег, и двор казался светлым. Эркин огляделся. Вроде вчера, когда Старшбй, да, Медведев, его окликнул, все стояли вон там. Значит, здесь и подождёт остальных. Только чего это он один? Вроде... Эркин посмотрел на часы. Без пяти семь. Ладно. Главное – не опоздал.

– О, уже здесь, здорбво!

Эркин обернулся, увидел Кольку-Моряка и улыбнулся.

– Здорбво! А... остальные где?

– А вон идут. Ты как это проскочил, что тебя не заметили?

Эркин пожал плечами. Он уже видел остальных. Саныча, Геныча, рыжебородого, а вон и Ряха суетится, мельтешит, и Медведев идёт...

– Ага, – кивнул Медведев, увидев Эркина. Как и вчера подошёл вплотную, шевельнул ноздрями, принюхиваясь, и кивнул. – Хорош. Все за мной, – и уверенной развалкой пошёл к платформам.

Натягивая поверх варежек брезентовые рукавицы, Эркин шёл рядом с Колькой. Значит, это что, Медведев его на перегар проверял? Ну... правильно, на то он и Старшóй, Арч, помнится, таких, кто после пьянки припёрся, одним пинком из ватаги вышибал. Ряха там чего-то верещал про вождей и томагавки, но это Эркина не волновало. Он на прописку дал, его прописку приняли, а что в ватаге шакала держат... ладно. Не он старшóй, так не его проблема. А интересно: что это такое – то-ма-га-вк? У кого бы спросить, чтобы Ряха не пронюхал?

Работа оказалась хитрой. Снимать с платформ ящики и тут же закатывать на их место железные бочки. И менять крепления. Ящики в одно место, бочки из другого... круговерть. А их всего... двенадцать. Четверо на ящиках, четверо на бочках, а двое крепления меняют и сходни двигают. Бочки тяжеленные, их только вдвоём ворочать, а катать нельзя. Ну, не гадство?! Но Эркин был доволен: он попал в пару с Колькой. Колька – не Ряха: и языком треплет, и руки прикладывает. А бочки – такие не такие, но похожие – они ещё тогда с Андреем ворочали, тогда и рукавицы получили. А с Колькой получается. Подладились они друг к другу.

– Пошёл...

– На меня...

– Есть... Давай...

– Пошёл...

Медведев командовал расстановкой ящиков, да суетился

и шумел Ряха, а на креплении распорядился Саныч. Работали споро, без ненужной толкотни. И шум вокруг стоял тоже привычный, как на Джексонвиллской станции, только вот... пересвистывания рабского нет – вдруг заметил Эркин. Хотя, чего ж тут странного? Он который день в городе, а цветных, считай, не встречал. Неужто он на весь город один такой? Смешно даже.

Оглушительно, перекрыв все лязги и грохоты, заверещал звонок.

– Обед? – спросил Эркин у Кольки.

– Ну да. Дотащим её, что ли?

– Не оставлять же здесь, – пожал плечами Эркин.

– Ну, давай, – кивнул Колька и заорал: – Саныч! Нас подожди.

– Давайте по-скорому, – отозвался с платформы Саныч, передвигая сходни вдоль платформы.

Остальные уже уходили. Эркин с Колькой дотащили бочку, подняли её на платформу, вставили в ряд, и Эркин помог Санычу закрепить растяжку. Напарник Саныча уже ушёл.

– Уф! – Колька сдёрнул рукавицы и сбил ушанку на затылок. – Айда обедать, – и посмотрел на Эркина, – С нами?

Эркин кивнул. Саныч спрыгнул с платформы, и они втроем пошли через весь двор к дальнему крыльцу, перешагивая через рельсы.

Было уже совсем светло, под ногами без хруста и скрипа поддавался тёмный истоптанный снег. Поднялись на высо-

кое – в десять ступенек – крыльцо и вошли в просторный, неожиданно светлый зал. Эркин шёл за Колькой и Санычем, памятуя старое правило: «Не знаешь, что делать, делай как все». Как и они, он снял и сдал на вешалку куртку и шапку, переложив бумажник в джинсы, и получил жестяной, похожий на табельный, номерок. В уборной под длинным во всю стену зеркалом ряд раковин, и даже мыло лежит у каждой, а полотенце? Вместо полотенца была сушка. Как в Паласе, но маленькой коробкой и так, что горячий воздух шёл только на руки. А столовая похожа на лагерную. И Эркин почувствовал себя увереннее. Они встали в общую очередь, взяли подносы... Эркин по-прежнему держался за Колькой и Санычем и – на всякий случай – взял себе то же, что и они. Здесь не давали, как в лагере, готовый паёк, а ты сам переставлял себе на поднос тарелки, и не на талоны, а за деньги. Обед стоил рубль. Получив и спрятав сдачу, Эркин взял поднос и пошёл по залу, отыскивая свободное место. И когда Колька призывно махнул ему из угла, радостно поспешил туда.

– Ну, – Колька весело подмигнул сидевшим за этим же столом двум девчонкам в белых косынках и пёстрых кофточках под белыми халатиками, – будем жить, девчата!

Девчонки посмотрели на него, покосились на Эркина, фыркнули, допили компот и встали, собрали свою посуду и ушли.

– Сборщицы-наладчицы, – мотнул головой им вслед Колька, – аристократия, понимаешь ли, а мы – трудяги с пер-

вого рабочего. Вот оно как, браток.

Что такое аристократия, Эркин не знал, но общий смысл понял и кивнул.

Ели здесь быстро, но без рабской жадности. Народу много, на место девчонок тут же сели двое мужчин в тёмных рубашках и синих полукOMBинезонах. Они увлечённо продолжали свой спор, непонятный Эркину, а потому и неинтересный.

– Ну вот, поели, – Колька, допив компот, вытряхнул себе в рот ягоды, – теперь бы поспать, а надо работать. Ты чего б хотел?

Эркин улыбнулся, и Колька понимающе кивнул.

– Всё ясно. Тогда пошли.

– Давайте, давайте, – поторопила их женщина в тёмно-зелёном халате с полным подносом в руках. – А то ишь, как в ресторане расселись.

И в столовой, и возле вешалки Эркин всё время чувствовал на себе внимательные, любопытные, но... но не враждебные взгляды. Это было, в общем-то, привычно. Всю жизнь он такой... приметный.

Уже у двери во двор Кольку кто-то окликнул, и Эркин, не желая вмешиваться в чужие дела, вышел. Редкий снег, двор пуст и тих. Эркин посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. С запасом успели. А ведь они ещё позже других ушли, и в очереди долго стояли, так что... как Колька сказал? Будем жить? Будем! Эркин не спеша, спокойно глаза по сто-

ронам, пошёл к платформам. Вроде, они там ещё не закончили. Ага, вон бочки стоят. И ещё целая платформа ящиков. Это... это получается, им до конца смены хватит. Эркин присел на край платформы, положив на колени брезентовые рукавицы. А хорошее бельё какое. И не холодно в нём, и от пота не липнет. И рукоятка не мешает, ну, если честно, почти не мешает. Всё-таки большая она. Когда куртку снял, заметил в зеркале, как выпирает под рубашкой. Может и впрямь лучше ремешок за пояс зацепить, а саму в карман сунуть? Ладно, вон уже Старшóй с остальными идёт. Эркин натянул рукавицы и встал. Медведев молчаливым кивком поставил всех по местам, и утренняя карусель снова завертелась. И даже чуть побыстрее. Или это только кажется? Всё-таки, когда сыт, на всё по-другому смотришь, да ещё когда не «кофе с устатку» в закутке с куском хлеба, а нормальный обед за столом в чистоте... нет, будем жить!

– Пошёл...

– Давай...

– Ровней...

– На себя подай...

– Эй, Старшóй, перекурить бы...

– Сделаем – перекурим...

– Улита едет...

– Давай, шевелись, улита!..

– Лево...

– Крепи...

– На меня...

– Есть...

– Пошёл...

Ящики уже все, и та четвёрка тоже на бочках.

– Давай, мужики, паровоз под парами!

– А пошёл он!..

– Ага, есть!

– Да куда ж ты её пихаешь, мать твою, левее подай!

– Саныч, крепи!..

– Поучи меня!..

Ругань крепче и забористее. Над Ряхиной болтовнёй уже не гогочут. Ну, ещё... и ещё... и ещё... И... и все? Последняя? Да, вон её уже без них волокут. Эркин огляделся, проверяя себя, посмотрел на Кольку.

– Все?

Колька кивнул и заорал:

– Старшб́й, спустить паруса, вёсла сушить!

Его поддержали дружным весёлым гомоном. Медведев махнул рукой куда-то в конец двора.

– Подавай! – и, когда ему в ответ тоненько свистнул маленький паровоз, повернулся к бригаде: – Пошли, мужики.

Эркин пошёл со всеми. Хотя по его ощущению времени до конца смены оставалось совсем немного, и вряд ли им дадут новую работу, но раз бригадир сказал всем идти, то наверняка это и его касается.

Вошли в уже знакомую дверь, но повернули сразу нале-

во, в другой коридор, ещё поворот, и Медведев властно распахнул дверь с крупно нарисованной цифрой пять. Большой стол и табуретки, раковина с краном и маленькое зеркальце в углу, доска с набитыми крючками у двери и узкие дверцы по двум стенам. Эркин растерялся, не понимая, куда и – главное – зачем они пришли. Но остальные по-хозяйски спокойно, уверенно снимали и вешали на крючки куртки и шапки и рассаживались за столом. Некоторые вначале смотрели в дальний правый от двери угол, где висела маленькая тёмная... картинка вроде, и крестились. Эркин снял шапку и расстегнул куртку, но остался стоять у двери, не зная, что делать. Остался стоять и Медведев.

– Ну, что, мужики? – сказал он, когда все сели за стол. – Подобьём бабки или как?

– Подобьём, – кивнул рыжебородый.

– Что надо, всё увидели, – кивнул Саныч.

Все заговорили наперебой.

– Руки есть, и голова варит.

– И не болтун.

– Да уж, чего нет, того нет.

– Не новичок, куда не надо, не лезет.

– Пашет без булды.

– И в паре хорош.

Эркин, начиная смутно догадываться о смысле происходящего, молча следил за говорящими, стараясь не мять, не скручивать ушанку.

– Так что, – когда все замолчали, снова заговорил Медведев, – берём его?

– Берём, – кивнул Саныч.

Закивали и остальные.

– Стоящий парень.

– Ладно, пойдёт.

Колька широко улыбнулся Эркину, да и остальные смотрели на него теперь гораздо доброжелательнее.

– Ну, давай знакомиться, – сказал Рыжебородый. – Я вот Антип Моторин. А тебя как звать-величать?

– Эркин Мороз, – ответил Эркин.

Он стоял по-прежнему у двери, но Медведев жестом пригласил его к столу, а остальные кивали и улыбались. Дёрнулся как-то молчавший всё время Ряха, но этого не заметили. И Эркин снял и повесил на ближний крючок куртку, пристроил там же ушанку и подошёл к столу.

– Мороз – это пойдёт, – кивнул Саныч. – А я Тимофей Александрович Луков.

– Саныч он, – перебил его Колька. – Николай Гольдин, будем знакомы.

Имена, прозвища, всё вперемешку, рукопожатия. Жали ему руку крепко, явно проверяя, и Эркин отвечал тем же, соразмеряя силу. В общей суматохе, кажется, и Ряха сунул ему свою пятерню с какой-то жалкой просящей улыбкой, которую Эркин не понял. И вот он уже сидит со всеми за столом, и на стол падают пачки сигарет, и общий разговор про

откуда приехал, где поселился, один или семейный. И Медведев кивает ему на одну из дверей.

– Твой будет.

И ему объясняют, что это шкафчик, в понедельник пусть на полчаса раньше придёт и у кладовщицы, Клавка как раз дежурит, ну, рыжая подберёт, а она уже рыжая, да, покрасилась, за пятьдесят бабе, а всё Клавка, да уж старается, ну, робу у неё получишь, куртку, штаны, валенки, и будешь переодеваться, а то чего в рабочем по городу идти, и своё на работе трепать не следовало...

– У меня нет другого, – тихо сказал Эркин.

– Ничо! – хлопнул его по плечу Колька. – Я вон тоже бушлат таскаю.

– Ага, до снега в бескозырке ходил, уши морозил, но чтоб девки об нём обмирали.

Эркин смеялся вместе со всеми. А ему рассказывали заодно и когда смены начинаются и заканчиваются, и сколько на обед положено, и чего можно и нельзя во дворе...

Медведев встал, достал из своего шкафчика и положил на стол две большие толстые замусоленные тетради. Их встретили добродушным гоготом.

– Ага, Старшбй, бумажка она...

– Сильнее пули бывает.

Медведев с чуть-чуть нарочитой строгостью раскрыл тетради.

– Так, Мороз, грамоту знаешь? Писать умеешь?

– Две буквы, – честно ответил Эркин.

За столом хмыкнули, улыбнулись, но язвить и насмехаться не стали. Даже Ряха, быстро поглядев по сторонам, промолчал.

– Вот, здесь их и напиши, – Медведев дал ему ручку и пальцем ткнул в нужное место. – Это за то, что ты про распорядок и технику безопасности прослушал и понял.

Эркин старательно вырисовал *Е* и *М*.

– Так, – Медведев закрыл тетрадь и открыл другую. – А это серьёзней. Это о предупреждении о неразглашении.

Эркин недоумевающе вскинул на него глаза.

– Чтоб про завод не болтал, – серьёзно сказал Саньч. – Вышел за ворота, и язык подвязал. Работаете грузчиком и всё, больше никому и ничего.

И остальные перестали улыбаться, смотрели серьёзно и даже строго.

– Завод не простой, – кивнул Лютыч. – За это так прижмут, что...

– Ну, что круглое таскаем, а квадратное катаем, это можно, – хмыкнул Колька.

– Тебе можно, а ему ещё рано, – отрезал Саньч. – Отшутиться не сумеет, пусть молчит. Всё понял, Мороз?

Эркин кивнул.

– Тогда подписывай, – подвинул ему тетрадь Медведев.

Эркин расписался. Медведев стал убирать тетради, все радостно зашумели, задвигались.

И тут подскочил Ряха.

– Ну что, по домам, мужики? Пятница ведь, бабы, небось, с пирогами ждут.

– Вали, – отмахнулся от него Медведев.

– Без тебя Мороза пропишем, – кивнул Саныч.

Ряха мгновенно выметнулся за дверь, а Эркин удивлённо посмотрел на Саныча.

– Как это?

– Ты что? – удивились его вопросу и стали опять наперебой объяснять: – Про прописку не знаешь? Да не бойсь, по паре пива поставишь... Сейчас переоденемся и пойдём...

– Опять?! – вырвалось у Эркина.

– Чего опять? – не поняли его.

– Я вчера уже дал. На прописку, – тихо сказал Эркин.

Он уже понял, что Ряха тех денег не отдал, и ему теперь придётся платить по новой. Ряху он потом найдёт и морду ему набьёт, но денег-то не вернёшь.

– Кому ты что дал? – спросил Медведев.

Колька вскочил на ноги, опрокинув табурет, и вылетел за дверь.

– Та-ак, – протянул Саныч. – Так кому, говоришь, дал?

– Ряхе, – неохотно ответил Эркин.

– И много?

– Чего он тебе наплёл?

– Когда успел-то?

– А после смены, – Эркин говорил, угрюмо глядя в стол.

Злился уже даже не из-за денег, а что таким дураком себя показал. Теперь над ним долго ржать будут. Всей ватагой. А то и заводом. – Сказал, что я должен каждому по бутылке водки, а старшóму – две. Ну, и на закуску.

Кто-то присвистнул.

– Однако, размахнулся Ряха.

– И сколько ты ему дал?

– Пятьдесят рублей, – вздохнул Эркин.

– Ни хрена себе!

– И взял Ряха?

– А чего ему не взять?! Ряха же!

– Ну, мать его... – Геныч сочувственно выругался.

– А ещё что сказал?

– А ничего, – Эркин взмахом головы откинул со лба прядь, – чтоб я домой шёл и не беспокоился. Он всё сам делает.

– Так чего ж ты с утра молчал?

– А что, – Эркин наконец оторвал взгляд от стола и посмотрел им в лица. Нет, не смеются. – Всюду свои порядки. Удивился, конечно, за глаза у нас не прописывали, а тут...

Он не договорил. Потому что с грохотом распахнулась дверь, и Колька за шиворот втащил Ряху.

– Во! У центральной проходной поймал. Прыткий, сволочь!

– Так, – встал Медведев. – Прикрой дверь, – Колька тут же выполнил приказ. – Так что ты вчера у Мороза взял?

– Д-да, – выдохнул Ряха, быстро шаря взглядом по сумрачно внимательным лицам. Эркин снова смотрел в стол, и встретиться с ним глазами Ряха не смог. – Так... так я не брал, он сам мне дал. Да вы что, мужики? Ну, он же вождь, ему шикануть надо, ну, чтоб над нами себя поставить, какой он и какие мы. Деньги у него шальные, понимаешь...

– Деньги на стол, – тихо сказал Медведев.

– Да я... да он... да вы что, мужики, ну я ж для смеху, – частил Ряха, – а он дурак дураком, как сейчас с дерева слез, ну, мужики, ну, не успел я вчера, так сегодня ж пропить не поздно...

– На стол, – жёстко повторил Медведев.

Ряха дёрнулся было к двери, но тут же опустил голову, подошёл к столу и вывернул из карманов кучу мятых замусоленных бумажек, высыпал мелочь. Бумажный ворох Медведев подвинул к Эркину.

– Считай.

Не поднимая головы, Эркин разгладил и разложил бумажки.

– Ну?

– Тридцать семь рублей.

– Забирай, – кивнул Медведев. – Ряхов, с тебя ещё тринадцать рублей Морозу долгу. Тоже при всех отдашь.

– И за обиду парню пусть заплатит, – сказал немолодой, с рыжеватой щетиной на щеках, Лютов или Лютыч.

– Он всех нас обидел, – кивнул Саныч. – Ещё десятка с

тебя Морозу за обиду и на круг десятка. В получку и отдашь.

– Да... да вы что? – задохнулся Ряха. – Да...

– Против круга пойдёшь? – удивился Геныч. – Ну, тебе решать.

– Всё, – Медведев хлопнул ладонью по столу. – Забирай деньги, Мороз. Всё, мужики. Переодеваемся и айда.

Все дружно встали. Эркин, взяв деньги, отошёл к вешалке и заложил их в бумажник, и уже оттуда смотрел на шумно переодевающихся, умывающихся и причёсывающихся перед зеркальцем мужчин. Ряха сгрёб оставшуюся на столе мелочь. Переодеваться он не стал, оставшись в рабочем.

– Замок свой из дома принесёшь, – сказал Эркину Колька. – И лады.

– Лады, – кивнул Эркин.

Переодевались до белья, кое-кто и рубашки менял. Куртка, штаны, валенки в шкафчик, Медведев и ушанку туда же, ну да, для города у него рыжая мохнатая. Грязную рубашку в узелок.

– Баба за выходные отстирает, в понедельник чистую принесёшь, понял?

– В понедельник с утра?

– А то!

– Эй, старшóй, как на той неделе?

– В утро ж, сказали.

– Уши заложило, так промой.

– Мороз, в полседьмого в понедельник.

- Понял, а кладовка?..
- По коридору налево и до конца.
- Клавка сама тебя окликнет.
- Да уж, не пропустит!
- Это точно. Баба хваткая...
- На новинку падкая!

И дружный гогот.

Со звоном закрываются всяческие замки на дверцах, уже не шарканье разбитых валенок, а стук подошв ботинок, сапог, обшитых кожей белых бурок. В ватных куртках только он и Ряха, остальные в коротких пальто с меховыми воротниками, полушубках, у Кольки куртка чёрная с золотыми нашивками и блестящими пуговицами.

– Всё, мужики, айда.

Общей шумной толпой по коридору к проходной, со смехом и шутками разобрали табельные номера и дальше, на пропускной...

– Счастливого отдыха...

– И вам от нас...

Ну, вот уже и улица, лёгкий снежок крутится в воздухе, и под ногами снег. И деревья в снегу, и каждый карниз, изгиб фонаря обведён белой каймой свежеснежавшего снега.

Той же шумной толпой подошли к неприметному одноэтажному дому из тускло-красного кирпича с двумя запотевшими до белёсой плёнки окнами и тёмной почти чёрной дверью между ними. Над дверью вывеска, тоже чёрная с туск-

лыми, как полустёртыми, золотыми буквами. Шедший первым Медведев властно распахнул дверь. За ней, к удивлению Эркина, открылся просторный зал с высокими круглыми столиками и прилавком в глубине. Здесь не раздевались и даже шапок не снимали, на полу лужицы от стаявшего с обуви снега и кучи мокрых опилок. Но столы чистые, и запах... нельзя было назвать неприятным.

– Ну, Мороз, – улыбнулся Медведев. – Давай. По двойной каждому, так, мужики? – все кивнули. – Ну и там, сосиски, что ли...

– Да ну их... – весело выругался Колька, подталкивая Эркина к прилавку. – Из кошатины у них сосиски.

– Язык у тебя из кошатины, – пузатый белобрысый усач за прилавком внимательно посмотрел на Эркина. – Не знаю тебя. Прописка, что ли?

Эркин кивнул.

– И сколько вас?

– Со мной двенадцать, – ответил Эркин, заметив, что Ряха пришёл со всеми. – Поднос есть?

Одобрительно кивнув, усач поставил на поднос двенадцать пузатых стеклянных кружек с ободком посередине, налил пива и быстро составил стопку из двенадцати картонных тарелок с тремя бутербродами на каждой.

– Держи. Ровно тридцать с тебя.

Эркин расплатился Ряхиными бумажками и понёс поднос к угловому столику, который был побольше остальных, и по-

тому все поместились. Эркина встретили радостным гомоном.

– Во, это я понимаю!

– Ну, даёшь, Мороз.

– Это по-нашенски!

– Гуляй душа!

Когда все разобрали кружки и тарелки, Эркин хотел отнести поднос, но его ловко прямо из-под локтя у него выдернула бродившая между столиками с тряпкой старуха в белом, повязанном по брови, платке и клеёнчатом длинном фартуке.

– Ну, – Медведев оглядел стоявших весело блестящими синими глазами. – Ну, за Мороза, чтоб и дальше ему с нами, а нам с ним работалось, – и, когда все сделали по глотку, строго сказал: – Кому чего сверх надо, то уж сам платит.

– Да ладно, Старшбй, – поморщился Лютыч. – Чего ты из-за одной... – он забористо охарактеризовал Ряху, – на всех баллон катишь.

Эркин перевёл дыхание: всё, вот теперь настоящая прописка.

В общем разговоре рассказов и расспросов одновременно он узнавал, что две недели с утра, с семи до трёх, а две – с трёх и до одиннадцати, а получка во вторую и четвёртую пятницы... сейчас-то что, а вот в войну в три смены... в две, но по двенадцать... было дело, кто помнит... да ладно, нашёл что вспоминать... ни выходных, ни отгулов... война по

всем прошлась... а на фронте... я пять лет отбухал, раненый, а... ладно вам, семья-то большая, Мороз?

– Жена и дочка, – охотно ответил Эркин.

– А поселился где?

– В «Беженском Корабле».

– От Комитета, значит?

– Ну да, туда только через Комитеты.

– Ага, беженский ещё и ветеранский.

– Ага, и этот... жертв и узников...

– Ветеранский отдельно, уж я-то знаю.

– Квартира хорошая-то?

Эркин кивнул.

– Тёплая. И большая.

– С ремонтом?

– Или сам делать будешь?

– Сам, – Эркин кивнул и несколько небрежно бросил: –

Не знаю, кто там раньше жил, но ремонт надо делать.

Он рассчитывал, что эта хитрость пройдёт. И прошла. Никто ту троицу и не вспомнил.

– Я тоже в «Беженском», – сказал Миняй в новеньком белом полушубке. – В правой башне. А ты?

– В левом крыле.

– Земляки, – подал наконец голос Ряха, молчавший до этого вмертвую.

Но его не заметили, и он опять уткнулся в кружку.

– И давно приехал?

– Во вторник.

– Не обустроился ещё?

– Начать и кончить, – усмехнулся Эркин.

– Ага, – кивнул Саныч. – В воскресенье, значит, дома будешь?

– Сороковины у меня в воскресенье, – хмуро ответил Эркин.

– Кого поминаешь-то?

– Брата. Убили его в Хэллоуин.

– Чего?

– Это где?

Эркин удивлённо посмотрел на них. Они не знают про Хэллоуин? Как такое может быть? Смеются, что ли? Да нет, лица серьёзные.

– Это праздник такой. Ну, и на Хэллоуин, – он заговорил медленно, подбирая русские слова, – хотели поворот сделать, назад, как до Свободы, повернуть.

– Реванш называется, – влез было Ряха и опять его не заметили.

– Кто?

– Ну, не мы же...

– Ну, понятно.

– Да чего там, недобитки, значит...

– Да, – кивнул Эркин. – Кого зимой в заваруху, – у него всё-таки начали проскакивать английские слова, но его, судя по лицам и репликам, понимали, – не добились.

– Ну, а вы что?

– Так ты с той стороны, не с Равнины?

– Опомнися!

– До тебя как до того жирафа...

– Давай, Мороз, так вы что?

– А мы отбивались. У них пистолеты и автоматы, у нас ножи да палки с камнями. Ну и...

– Понятно, чего там...

– Палкой пулю не отобьёшь.

– Подстрелили его? Ну, брата твоего?

Эркин покачал головой. Говорить об этом было трудно, но он понимал, что надо сказать.

– Нет, его... он убегал, нет, на себя отвлёл... ну, его догнали, избили, потом облили... бензином... и подожгли. Он ещё жив был... кричал.

Эркин судорожно вздохнул и уткнулся в свою кружку, пряча лицо. Молчали долго. А потом кто-то – Эркин не видел кто – тихо спросил:

– А похоронил его где?

– Там же. В Джексонвилле. Всех наших, ну, цветных, у цветной церкви. Кладбище сделали.

– Ну, земля ему пухом, – вздохнул Лютыч. – И царствие небесное.

– И память вечная.

Глотнули, помолчали ещё немного и повели речь уже о другом, давая Эркину справиться с собой.

Хоть и пили не спеша, за разговором, но кружки опустели, и бутерброды уже съедены. И компания стала потихоньку разваливаться. Кто за повтором пошёл, кто прощаться стал. Эркин понял, что и ему можно уйти. Прописка закончена.

– До понедельника всем.

– До понедельника.

– Бывай, Мороз.

– Ты домой уже?

– Да, а ты?

– Я по второй.

– Ладно, прощайте, братцы, отчаливаю.

– Бывайте.

– И ты бывай.

На улице было уже совсем темно. Эркин посмотрел на часы. Ну и ну, почти шесть! Надо же, как время прошло. Женя уже волнуется наверняка, а он тут гуляет... ну, ничего, он объяснит, что вчера его обманули, как дурачка купили, а сегодня настоящая прописка была. И Женя поймёт, она всегда понимает. Всё, теперь домой. Да, Женя же сказала, чтоб он купил чего-нибудь в дом. Из еды, наверное, да, вкусенького.

Эркин решительно завернул в ближайший магазин, где на витрине громоздились башни из конфет, печенья и пряников. Здесь пахло... ну, совсем умопомрачительно. И девушка в коричневом, шоколадного цвета платье с маленьким белым кружевным фартучком и с такой же повязкой на голове улыбнулась ему.

– Здравствуйте. Что бы вы хотели?

– Здравствуйте. Мне бы шоколаду, – ответно улыбнулся Эркин.

– Пожалуйста-пожалуйста, – закивала она. – У нас большой выбор. Для друга, в семью? Есть подарочные наборы.

– Мне для девочки, – открылся Эркин.

Она высыпала перед ним несколько плиток в ярких обёртках с изображениями кукол, котят и цветов.

– Или вот, новинка, – эта плитка была чуть побольше, а обёртка не блестящей, а какой-то, по сравнению с другими, блёклой. – Смотрите, это кукла, а внутрь вложен лист. С одеждой. Младенец с приданым. Для девочки чудный подарок, – убеждённо сказала продавщица.

И Эркин взял для Алисы плитку с куклой, а для Жени – большую, в пёстрой красной с золотом обёртке.

– Это «Жар-птица», – девушка быстро завернула обе плитки в изящный красивый пакетик. – Отличный шоколад. Всё? Четыре сорок шесть. Заходите к нам ещё.

Эркин ещё раз улыбнулся ей, пряча пакетик в карман куртки, и вышел. Снова шёл снег, и ветер появился. Он поглубже надвинул ушанку. А... а пропади оно всё пропадом, купит он себе полушубок! Не будет, как Ряха, в рабочем ходить. И бурки. Как у других. Белые, обшитые тёмно-коричневой кожей. Он... он не хуже других.

На белом заснеженном тротуаре цветные пятна от витрин и окон. А вон и «Корабль». Колька заржал сегодня, услышав

про «Беженский Корабль», ну и пусть, Колька – безобидный, болтает, а парень хороший. Повезло с ватагой. А Ряха не в счёт. Вот не ждал, что все так на его сторону встанут, накажут Ряху за обман. Надо же... ну, деньги вернуть – это понятно, но десятка за обиду... Чудно! Ряха притих как сразу, тише мышки стал.

– Здравствуй, Мороз.

– Здравствуйте, – весело поздоровался Эркин с участковым, открывая дверь.

Прыгая через три ступеньки, он взбежал на второй этаж, уже гудевший детскими голосами и смехом. Ну да, самое игровое время. Но Алисы нет. Женя уже позвала её домой? Или случилось что? Он открыл своим ключом верхний замок, вытер ноги и вошёл.

В кухне горел свет и чему-то смеялась Женя. У него сразу отлегло от сердца. А тут ещё из своей комнаты вылетела Алиса с неизменным визгом:

– Э-эри-ик! Мама, Эрик пришёл!

– Эркин! – из кухни выглянула румяная улыбающаяся Женя. – Ну, наконец-то!

И чей-то незнакомый голос сказал:

– Ну и слава богу, а пятница – святой день, хоть кружечку мужик да пропустит.

Эркин насторожился. В квартире кто-то чужой? Кто? Зачем? Алиса вертелась перед ним с его шлёпанцами в руках, а он напряжённо смотрел на Женю, ожидая её слов. Женя

поняла и быстро подошла к нему.

– Раздевайся, Эркин. Гости у нас. Всё в порядке?

Он кивнул, медленно стягивая куртку.

– Гости? Кто? – тихо спросил он.

– Соседи. Вернее, соседка. Зайди, поздоровайся. Она хорошая.

Эркин наконец разделся и переобулся. И вошёл в кухню. У стола, покрытого красно-белой скатертью, сидела невысокая широкая старушка в накинутом на плечи узорчатом платке.

– Здравствуйте, – не очень уверенно сказал Эркин.

– Здравствуй, здравствуй, – приветливо ответила она. – Будем знакомы. Евфимия Аполлинарьевна я, – и рассмеялась его смущению. – А так-то Баба Фима. Ну, спасибо за чай да сахар, Женя. Теперь тебе его вон кормить, ублажать, с работы пришёл. А я пойду.

– Поужинайте с нами, – предложила Женя.

– Нет уж, – Баба Фима лукаво подмигнула им. – Вам и без меня есть о чём поговорить. Ты заглядывай ко мне, Женя. А тебе доброго отдыха.

Её низкий певучий голос показался Эркину неопасным и даже добрым, и он улыбнулся ей.

– Спасибо, – и после секундной заминки: – Баба Фима.

Она с улыбкой кивнула.

– На здоровье. Как звать-то тебя?

– Эркин.

Она пошевелила губами, явно повторяя про себя его имя, и Эркин, вспомнив многократно уже слышанное: «Мороз – это пойдёт», – повторил, добавив фамилию:

– Эркин Мороз.

Она сразу радостно кивнула:

– Вот и ладно, – и встала. – Доброго вечера тебе, Мороз.

Встав, она оказалась совсем маленькой, едва доставая макушкой с гладко зачёсанными назад и собранными в пучок на затылке седыми волосами до груди Эркина. А длинная, до пола, юбка и лежащий на плечах платок делали её почти квадратной.

– И вам доброго вечера, – провожала её до дверей Женя. – Заходите ещё.

– До свидания, – очень вежливо попрощалась Алиса.

Женя закрыла дверь и подошла к Эркину.

– Ну как? Всё в порядке?

– Да, – наклонившись, он осторожно коснулся губами её виска. – А у тебя?

– Всё хорошо. Мыться пойдёшь? Или просто умойся, переоденься, и сядем ужинать. У меня всё готово.

– Хорошо, – кивнул Эркин, – да, я купил, у меня в куртке, в кармане.

Вертевшаяся рядом Алиса насторожилась.

– А чего ты купил?

– Сейчас принесу, – улыбнулся Эркин.

Он быстро сходил в прихожую и принёс свёрток. Женя

взяла его и строго сказала Алисе:

– После ужина, – и посмотрела на Эркина. – Да?

– Да, – кивнул он. – Я сейчас.

– Грязное в ящик кидай, – крикнула ему вслед Женя. –

Алиса, помоги накрыть.

– А Эрику полотенце?

– Он сам возьмёт.

Войдя в ванную, Эркин быстро переоделся. И вовремя.

Он еле успел на штанах узел затянуть, как явилась Алиса.

– Эрик, ты моешься или умываешься?

– Умываюсь, – ответил Эрик, натягивая теннису.

– Тогда я тебе полотенце держать буду, – заявила решительно Алиса.

Алиса.

Эркин помог ей стянуть с сушки полотенце и стал умываться. Алиса терпеливо ждала, взвизгнула, когда он, умывшись, брызнул на неё водой, и тихонько спросила:

– Эрик, а ты чего принёс? Оно съедобное или игральное?

– И то, и другое, – ответил Эркин, вешая полотенце.

А вообще-то – подумал он – надо в спальне переодеваться.

Раньше ж он это в кладовке делал.

Скатерть Женя уже заменила клеёнкой, на сковородке шипела и трещала яичница с колбасой, в чашках дымился чай.

– Эркин, суп ещё есть. Хочешь?

– Я там обедал, – мотнул он головой, усаживаясь на своё

место.

– Мам, а то, что Эрик принёс?

Женя посмотрела на Эркина, и он ответил:

– Это к чаю.

– Значит, вкусненькое, – понимающе кивнула Алиса и занялась яичницей.

– Я сегодня её с собой взяла, – рассказывала Женя, двигая ему хлеб и масло. – Погуляли заодно. Церковь в Старом городе только. Завтра, когда на рынок пойдём, посмотрим. Ну, и пройдемся. Я только продукты покупала. А с понедельника начнём всё для ремонта покупать.

Эркин ел и кивал.

– А у тебя как?

– Всё хорошо, – он смущённо улыбнулся. – Меня обманули вчера. А сегодня уже настоящая прописка была. Ватага, нет, бригада меня приняла. Я... пива выпил. Ничего?

– Ничего, ничего, – Женя подложила ему яичницы. – А потом Баба Фима пришла. Я уже беспокоиться стала: темно, а тебя нет. Вдруг что... а она мне объяснила, что по пятницам все мужчины пиво пьют, и тебе нельзя, – она фыркнула, – компанию ломать.

– Всё так, – кивнул Эркин. – Она здесь живёт?

– Да, в башне. Оказывается, в левой башне два этажа маленьких квартир. Для одиноких. Представляешь, у неё никого нет. Все в войну погибли.

Эркин сочувственно кивнул.

– Мам, я всё съела, – напомнила о себе Алиса.

Женя рассмеялась и убрала тарелки. Подала Эркину свёрток. И он не спеша распаковал его. Женя ахнула, а Алиса завизжала. А когда разобрались, что не просто обёртка, а кукла, да ещё – рассмеялась Женя – с «одёжками», то восторгу не было границ и конца. Женя принесла из спальни маленькие ножницы, аккуратно и ловко вырезала куклу и нарисованные на вложенном в плитку листке распашонки, ползунки, чепчики... показала Алисе, как одевать и раздевать куклу. К изумлению Эркина, на обёртке было целое стихотворение про куклу и даже указано её имя. Куклу звали Андрюшей.

– Женя, я не знал...

– Всё хорошо, милый, – она улыбнулась ему, и он сразу ответил улыбкой. – Ты молодец, что купил.

Алиса так занялась новой куклой, что забыла не только про чай, но и про шоколад. Нет, мама раньше и рисовала, и вырезала ей кукол с «одёжками», но те все как-то быстро рвались и терялись, а эта... Женя и Эркин пили чай и смотрели на сосредоточенно шепчущую что-то себе под нос Алису, которая одевала и раздевала Андрюшу.

– Пойдёшь помоешься?

– Да, – кивнул Эркин.

– Я послежу за ней, – улыбнулась Женя.

– Завтра я крючки сделаю, – сказал Эркин, вставая. – Купим, и я прибью.

– Иди мойся, – Женя, улыбаясь, смотрела на него. – А

потом я её уложу, и мы всё обсудим на завтра.

– Да, – он счастливо улыбнулся и сказал по-английски: – Костровой час.

И Женя, тихонько рассмеявшись, кивнула.

Эркин зашёл в тёмную спальню, снял и положил на подоконник часы, снял, помедлив, с шеи ремешок с рукояткой и положил рядом. Рукоятка была тёплой и чуть скользкой от его пота. Потёр грудь. Да, лучше, наверное, зацепить за пояс и носить в кармане. Ладно. Андрюша... Он ни разу не назвал так Андрея. Даже не знал. В лагере только услышал, как какая-то женщина называла так сына. Тоже Андрея. Андрей, брат. Андрюша... Ладно. Он тряхнул головой и пошёл в ванную.

Женя играла с Алисой, прислушиваясь к плеску воды в ванной. Хорошо, что завтра ему не надо на работу, сможет выспаться. Как он устал за эти два дня, даже осунулся. Ну, ничего. Два дня выходных, отдохнёт, выспится. Тяжело вставать в темноте.

Эркин вымылся тщательно, но торопливо. Алисе пора спать, а пока он не освободит ванную, Женя не может её уложить. Ну, вот и всё. Он вышел из душа, вытерся и натянул рабские штаны и тенниску. Надо бы зеркало в ванную. И... и с ума сойти, сколько всего нужно. Он ещё раз вытер голову и вышел.

– С лёгким паром, – встретила его Алиса. – Эрик, смотри, Андрюша здесь жить будет.

Эркин узнал коробочку из-под «пьяной вишни в шоколаде» и улыбнулся. И впрямь... удобно.

– Правда, хорошо? – смотрела на него снизу вверх Алиса.

– Да, – кивнул Эркин. – Хорошо.

– Алиса, – позвала Женя. – Убирай игрушки и давай ложиться, спать пора.

– Ладно, – согласилась Алиса.

Эркин отдал ей коробочку с куклой, и она убежала в свою комнату. А Эркин пошёл на кухню. Пощупал чайник. Остыл уже, надо подогреть. Как на этой плите всё остывает быстро. Он осторожно – всё-таки не привык ещё – зажёл газ, снова удивился голубому, а не красному, как в печке, огню и поставил чайник на конфорку. На столе две чашки, на блюдечке квадратики шоколада.

– Э-эрик, – позвала его Алиса.

И он понял, что наступил момент поцелуя на ночь. Алиса так привыкла к этому в лагере, что теперь неукоснительно следила за соблюдением ритуала. Он зашёл в её комнату, где на подоконнике сидели и лежали её игрушки, наклонился и осторожно коснулся губами её щёчки.

– Спи, Алиса, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сонно ответила Алиса.

Засыпала она по-прежнему мгновенно.

Эркин вернулся на кухню. Женя разлила по чашкам чай. И когда она подвинула ему шоколад, он заметил у неё на правой руке на безымянном пальце кольцо. Узкое золотое ко-

лечко. Гладкое, без камня.

– Женя... что это?

Она покраснела.

– Я купила его сегодня.

Эркин очень осторожно взял её за руку, провёл пальцем по кольцу.

– Это... это я должен был купить, да?

Его голос звучал виновато, и Женя улыбнулась.

– Всё хорошо, Эркин.

Он вздохнул и, потянувшись, осторожно коснулся губами её руки рядом с кольцом и выпрямился.

– Женя, а... а мужчины здесь не носят колец, я ни у одного в бригаде не видел.

– Ну, конечно, у тебя же работа такая. – Женя, улыбаясь, смотрела на него. – А теперь давай на завтра обсудим. Я хочу на рынок сходить.

Эркин кивнул и решился.

– Женя, ты... ты не видела? Полушубки... очень дорогие?

Женя радостно улыбнулась.

– Ну, конечно, Эркин, сначала пойдём, тебе полушубок купим. И бурки. И...

– И больше мне ничего не надо, – вклинился Эркин и стал смущённо объяснять: – Понимаешь, Женя, я посмотрел сегодня. Все переодеваются после работы, полушубки, пальто, есть такой... шакал, так только он и я в куртках. Ну, я и подумал... Мне в понедельник рабочую одежду выдадут, курт-

ку, штаны, валенки, так что...

– Так что ты своё страшилище, куртку рабскую, носить не будешь, – решительно перебила его Женя. – Полушубки в Торговых Рядах есть, и бурки там же, и... – и улыбнулась. – Там посмотрим. Завтра тогда сначала туда. Сразу после завтрака. А на рынок потом.

Эркин кивнул. Конечно, занесут домой его куртку и сапоги, не тащиться же с ними на рынок. Он сказал это вслух, Женя согласилась и сказала, что Алису тогда оставят дома, сходят, купят ему всё, придут домой, возьмут Алису и пойдут на рынок.

– Ну вот, – рассмеялась Женя. – Вот всё и решили. А с понедельника начнём к ремонту всё готовить.

– Да, – кивнул Эркин. – А в воскресенье...

– Да, – подхватила Женя, – и завтра всё купим на воскресенье. И про церковь узнаем.

– Ага, – Эркин допил чай, улыбнулся. – И в самом деле, всё решили.

У него вдруг стали слипаться глаза, клонила к низу голова.

– Ты иди, ложись, – сказала Женя, собирая чашки. – Я мигом.

Эркин кивнул и встал из-за стола. В самом деле, держался, держался и устал. Уже ни о чём не думая, прошёл в спальню, не включая свет, разделся, расправил постель и лёг. Прохладные простыни, чистота, покой и сытость. Он потянулся

под одеялом, ощущая с наслаждением, как скользит простыня по чистой коже, закрыл глаза и уже не услышал, как легла Женя.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

В дверь осторожно постучали. И Жариков, узнав этот вкрадчивый и одновременно доверчивый стук, улыбнулся.
– Заходи, Андрей.

С недавних пор Андрей стал приходить к нему поговорить не в кабинет, а в комнату, домой. Пили чай, и Андрей слушал его рассказы о России, о доме, о войне... да обо всём. И иногда, всё чаще, Андрей рассказывал и сам. О хозяевах,

Паласах, питомниках... Слушать про это невыносимо трудно, но не слушать нельзя.

Андрей вошёл, улыбаясь и неся перед собой коробку с тортом.

– Вот, Иван Дормидонтович, я к чаю купил. В городе.

Жариков, тоже улыбаясь, покачал головой.

– Ох, Андрей, спасибо, конечно, но сколько у тебя до зарплаты осталось?

– Проживём-наживём, – засмеялся Андрей, ставя коробку на стол. – А этот самый вкусный.

Жариков пощупал гревшийся на подоконнике чайник.

– Ну, давай накрывать.

– Ага.

Андрей уверенно помог ему, вернее, сам накрыл на стол. И точно подгадал: чайник вскипел, и у него всё готово. А заваривал сам Жариков.

Первую чашку по сложившейся традиции пили молча, смакуя вкус чая и торта. Торт Андрей явно выбирал не для себя, а для Жарикова: лимонный, с ощутимой горчинкой. Сам Андрей, как подавляющее большинство спальных, сладкоежка.

– Спасибо, Андрей, – улыбнулся Жариков.

– Я знал, что вам понравится, Иван Дормидонтович, – просиял Андрей. – А... а почему вы сладкое не любите?

– Почему ж, люблю. Но, – он отхлебнул чая, – не в таких масштабах. Я просто старше, а с возрастом вкусы меняются.

Я вот в детстве варёную капусту не любил. А сейчас ем с удовольствием.

– Варёная капуста – это щи? – уточнил Андрей и улыбнулся. – А мне всё нравится.

– Ты просто не наелся ещё, – засмеялся Жариков.

Андрей пожал плечами.

– Наверное так. А вот, Иван Дормидонтович, почему...

Договорить ему не дал стук в дверь.

– Однако... вечер визитов, – усмехнулся Жариков и крикнул: – Войдите.

Он ожидал кого-то из парней, Аристова, да кого угодно, но что на пороге его комнаты встанет Шерман...

– Прошу прощения, доктор, – Рассел еле заметно усмехнулся. – Я, кажется, помешал.

– Заходите, Шерман, – встал Жариков.

Жестом гостеприимного хозяина он предложил Расселу войти. И тот переступил порог, вежливо снял искрящуюся от водяной пыли шляпу.

– Я вышел прогуляться и увидел у вас свет...

– Захотелось поговорить, – понимающе кивнул Жариков.

– Да, – Рассел улыбнулся уже более открыто. – В неофициальной обстановке.

– Проходите, раздевайтесь.

Рассел повесил на вешалку у двери шляпу и стал расстёгивать плащ.

– Я пойду, Иван Дормидонтович, – встал Андрей. – У вас

работа.

Он старался говорить спокойно, с пониманием. Но про-
рвалась обида.

– Нет, – спокойно сказал Жариков. – Я не на работе, и ты
не помешаешь, – и улыбнулся. – Вы – мои гости. Позвольте
представить вас друг другу. Рассел Шерман. Андрей Кузь-
мин.

– Андре? – переспросил Рассел, внимательно рассматри-
вая высокого молодого, по-мальчишески тонкого и гибкого
негра.

Он узнал, не сразу, но узнал того ночного гостя по соче-
танию фигуры с пышной шапкой кудрей.

– Рад познакомиться, – наконец сказал Рассел.

Андрей ограничился сдержанным кивком и отчуждённо
вежливой улыбкой.

Жариков быстро поставил на стол третий прибор и при-
гласил Рассела к столу. Губы Андрея тронула лёгкая на-
смешка, и он решительно занял своё место. Помедлив с се-
кунду, Рассел решил принять не позвучавший, но понятый
всем троим вызов и сел. Жариков налил чай.

– Сахар кладите сами.

Рассел несколько стеснённо улыбнулся.

– Благодарю. Чай, насколько я знаю, русский националь-
ный напиток.

– Да, можно сказать и так, – кивнул Жариков. – Хотя он
весьма популярен в Англии, и традиции чаепития намного

древнее в Китае и Индии.

– Но они слишком далеки от нас, – продолжил тему Рассел. – И русский чай отличается от тех вариантов, не так ли?
– Чай лучше кофе, – сказал Андрей.

Разговор теперь шёл только по-английски, но присутствие Жарикова помогло Андрею обойтись без «сэра» в конце каждой фразы.

– Смотря на чей вкус, – усмехнулся Рассел.

Андрей на мгновение опустил глаза, но тут же вскинул их. Какого чёрта?! Он не отступит. Он шёл поговорить о своём, о чём не мог говорить ни с кем другим, а этот припёрся и всё испортил... Китай, Англия... Да пошли они! Здесь и сейчас живём, об этом и будем говорить.

– У чая вкус свободы.

Взгляд Рассела стал заинтересованным.

– Вот как?

– Да, – кивнул Андрей. И уже подчёркнуто глядя на Жарикова и обращаясь только к нему: – Я думал об этом. Мы любим что-то не само по себе, а... а по тому, что с этим связано, – теперь и Жариков смотрел на него с живым интересом, и Андрей продолжил: – Было хорошо, и об этом хорошо думаем, было плохо...

– Да, субъективность восприятия... – задумчиво сказал Рассел.

Андрей торжествующе улыбнулся: если беляк думал подколоть его учёными словами, недоступными глупому негру,

то гад просчитался. Это он и по-английски знает.

– Восприятие всегда субъективно, – гордо парировал он.

Жариков улыбнулся: всё-таки Андрей взялся и за английский. А как спорил... до хрипоты. Упёрся, не нужен ему этот язык, говорить может и хватит с него. И вот, всё-таки...

– Да, – кивнул Андрей, поняв, чему улыбается Жариков. – Да, я взял ту книгу.

– Трудно?

– Очень, – честно ответил Андрей. – Но интересно.

– И что за книга? – чуть более заинтересованнее обычной вежливости спросил Рассел.

Андрей смутился и ответил не так, как хотел – веско и спокойно, а робко, будто извиняясь.

– «Философия знания».

– Рейтера? – изумился Рассел.

Андрей кивнул.

– Но... но это действительно сложно.

– Мне интересно, – буркнул Андрей и уткнулся в чашку с остывшим чаем.

Ему было всё-таки тяжело говорить по-английски без положенного обращения к белому: «Сэр», – и он устал от этого короткого разговора. Рассел смотрел на него удивлённо и даже... чуть испуганно.

– Вы знаете... о судьбе Рейтера?

– Да, – кивнул Андрей. – Он погиб. В лагере, – и посмотрел прямо в глаза Рассела. – Его убили.

– Да-да, – Рассел посмотрел на Жарикова. – Я не думал, что его книги сохранились. Было проведено полное изъятие из всех библиотек, включая личные. Хотя... в России...

– Сказанное переживёт сказавшего, – улыбнулся Андрей. – Это тоже сказал Рейтер.

– Вы читали его афоризмы?!

– В сборнике, – Андрей посмотрел на Жарикова. – «Немногие о многом». Так, Иван Дормидонтович? Я правильно перевёл?

– Правильно, – кивнул Жариков.

– Вы читаете по-русски?

Рассел уже не замечал, что обращается к рабу, спальнику, как... как к равному.

– Да, – Андрей улыбнулся. – И по-русски мне легче читать.

– Вот как? Ну, – Рассел отпил глоток, – разумеется, Рейтер прав. Сказанное переживёт сказавшего, – и посмотрел на Жарикова. – Всё так, доктор.

– Ничто не проходит бесследно, – согласился Жариков.

– И самый прочный след в душе, – подхватил Андрей. – Это тоже Рейтер, я знаю. Но, Иван Дормидонтович, но ведь душа, сознание непрочны, они... субъективны, так? А след объективен. Я понимаю, когда субъективное в объективном, непрочное в прочном. А у Рейтера наоборот. Я чувствую, что он прав, но я не понимаю, как.

Андрей совсем забыл о Расселе и говорил так, как обычно,

только что по-английски, а не по-русски.

– Рейтер – мастер парадоксов, – пожал плечами Рассел.

Его тоже захватил этот разговор. Шёл за другим. Просто вышел пройтись перед сном по зимнему дождю и... и вот нарвался: спальник, джи, читает Рейтера по-русски, спорит о гносеологии – мир вверх тормашками! И ведь не натаскан, как натаскивали в питомниках всех спальников на стихи и песни, да и репертуар там был специфический, и Рейтер в него никак не входил, как, впрочем, и другие, даже не запрещённые философы... И нет, не заученное с голоса, явно своё у парня... Вот никак не ждал. И это не подстроено хитроумным доктором для «адаптации пациента в изменившихся социальных условиях», доктор не мог знать, что он придёт, его не ждали, он был не нужен им. Странно, конечно, такое использование спальника, они не для философских бесед делались, но... у доктора могут быть свои причуды. Но... но неужели парня всерьёз мучают эти проблемы?

– Простите, сколько вам лет, Андре?

Андрей удивлённо посмотрел на него.

– Полных восемнадцать. А... а что?

– Самый возраст для таких проблем, – улыбнулся Рассел. – Мой отец считал философию детской болезнью. Вроде кори. Которой надо вовремя переболеть, чтобы получить иммунитет на всю остальную жизнь.

И удивился: так резко изменилось лицо парня. Застывшие черты, маска ненависти...

– Андрей, – предостерегающе сказал Жариков.

– Это доктор Шерман? – медленно спросил Андрей. – Это он так говорил?

– Да, – насторожился Рассел.

Андрей отвёл глаза и угрюмо уставился в свою чашку. Если б не доктор Ваня, он бы уж сказал этому беляку... Не вежливо, а по правде. Философия – детская болезнь?! Так Большой Док не только сволочь, а ещё и дурак к тому же.

– В чём дело? – уже более резко спросил Рассел.

– В чём дело? – переспросил Андрей, поглядел на Жарикова и упрямо тряхнул головой. – Жалко. Жалко, что он не болел этой болезнью. Может, тогда бы он не ставил экспериментов на людях.

Рассел стиснул зубы, пересиливая себя. Значит, доктор рассказал парню... больше ведь знать об этом неоткуда.

– Зачем вам это понадобилось, доктор? – вырвалось у него.

Но ответил Андрей. Не на вопрос, а просто говоря о своём.

– Как он мог? Он же... клятву Гиппократа давал. И такое творил. Не понимаю, никогда не пойму. А с виду... человек.

– С виду? – Рассел начинал догадываться, но... но этого не может быть. – Этого не может быть, – повторил он вслух.

Андрей кивнул. И вдруг – неожиданно для Жарикова – заговорил совсем другим, деловито скучающим тоном. С интонациями, от которых Рассел похолодел.

– Разумеется, по завершению эксперимента материал ликвидируется. Это элементарно. Но в данном случае... реализуйте в обычном порядке.

Он говорил, глядя перед собой, и его лицо было уже просто усталым. Наступило молчание.

– Простите, – тихо сказал Рассел. – Я не знал.

– Прав Рейтер, – Андрей словно не слышал собеседника. – Тело заживёт, а душа – нет. И Чак, уж на что... и то говорит, что нам не на руку, а на душу номер кладут. И бесследного ничего нет, и опять Рейтер прав. Нас и стреляли, и жгли по Паласам, по питомникам, именно чтобы следов не осталось. А мы есть. И память наша есть. И... и я думаю, Рейтера за это и убили, – Андрей закрыл лицо ладонями и тут же убрал их, положил, почти бросил на стол по обе стороны от чашки. – Простите, Иван Дормидонтович, я не хотел, само вот выскочило.

Жариков смотрел на него с грустной улыбкой.

– Скорее, это моя вина, – Рассел вертел чашку с чаем. – Это я помешал вам. И извиняться нужно мне.

Андрей молча покосился на него и стал пить остывший чай. А Жариков тихо радовался, что Андрей не зажался и не сорвался в неуправляемую реакцию. Взрослеет.

Рассел никак не ждал такого оборота. Он сам много спорил с отцом именно об этом, правда, мысленно и уже после капитуляции, и вот... спальный, джи, экспериментальный материал... обвиняет доктора Шермана в измене клятве

Гиппократ. Но разве он сам всегда верен ей?

– Андре, вы говорили о клятве Гиппократа. А вы, вы сами давали её?

Андрей кивнул.

– И вы верны ей?

Жариков снова напрягся. И снова Андрей удержал себя.

– Я знаю, о чём вы говорите. Но я не мстил. Я тогда не знал, что вы... его сын. Я спасал другого.

– Кого?

– Алика. Это его вы на День Империи изуродовали. В Джексонвилле.

Рассел зло дёрнул головой.

– Так, понятно. Так если кто его и спас, так это я. У меня не было другого варианта.

Андрей уже полностью успокоился.

– У меня тоже, сэр.

Обращение прозвучало издёвкой, и Жариков строго посмотрел на Андрея. Андрей преувеличенно удивлённо хлопнул ресницами, заставив Жарикова улыбнуться. Не смог не улыбнуться и Рассел. И сказал заготовленные слова, но уже другим тоном.

– Вырастешь – поймёшь.

– Да, – неожиданно легко ответил Андрей. – Ни сортировок, ни выбраковок теперь не будет, так что у меня есть время.

Рассел кивнул.

– Да. Вы уже думали о... своём будущем?

– Конечно, – Андрей допил чай и улыбнулся. – Буду работать и учиться.

– А потом?

– Этого мне хватит надолго, – рассмеялся Андрей и посмотрел на Жарикова. – Уже поздно, Иван Дормидонтович. Самый лучший гость – это тот, что уходит вовремя.

Андрей встал и улыбнулся.

– Спасибо за вечер, Иван Дормидонтович. Спокойной ночи.

– Спасибо и тебе, Андрей, – встал и Жариков. – Спокойной ночи.

Отчуждённо вежливо кивнув Расселу, Андрей вышел. Когда за ним закрылась дверь, Рассел встал.

– Спасибо, доктор. Поверьте, я не хотел мешать.

– Верю, – кивнул Жариков.

– Он... этот парень... – Рассел улыбнулся. – А почему вы не оставили его в медицине? И почему именно философия?

– У него просто появился выбор, – серьёзно ответил Жариков. – И он выбрал сам.

– Да, – Рассел снял с вешалки свои шляпу и плащ, оделся. – Возможность выбора... и ответственность за выбор... – улыбнулся. – Спасибо, что позволили участвовать в беседе. Спасибо, доктор. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – попрощался Жариков.

И, оставшись один, удовлетворённо вздохнул. Удачно по-

лучилось. Не думал, не гадал, да нечаянно попал. И стал убирать со стола. Торты осталось... на два чаепития. Позвать, что ли, Юрку, чтобы помог? Но Андрей молодец. Прошёл через кризис. А Шермана можно начинать готовить к выписке. Правда... нет, о делах завтра. А сейчас спать. Засиделись. И у Шермана нарушение режима. Ну, ничего, это не самое страшное.

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Снег лежал и не таял уже четвёртый день, и даже ещё подсыпало. Стеф показал, как лепить снеговиков, и двор теперь украшали самые фантастические скульптуры в самых неожиданных местах. Сооружение фургона шло полным ходом. Рол после работы возился, собирая упряжь. Из лошадей отобрали в запряжные двух – Примулу и Серого – и по-

ставили их рядом в соседние стойла, чтоб привыкали друг к другу. Монти повадился, выпив молоко, гонять пустое ведро по своему стойлу, поддавая то головой, то копытами, и Молли приходилось его уговаривать и подманивать лепёшками, чтобы забрать ведро. Джерри попробовал спрятаться в конюшне на ночь, за что Фредди выкинул его аж на середину двора, да ещё и Мамми добавила от души. Марк подрался с Робом и порвал новенькую, привезённую из города рубашку. Дилли стала тише. Живот у неё был уже очень заметен, работать, как прежде, она не могла, а кого из милости кормят, тот голоса не поднимает. Зато Сэмми ворочал за двоих и третий день ходил ошалелый. Дилли сказала ему, что ребёнок уже живой, ворочается, и он сам увидел, как тот наружу просится. Одно из яиц оказалось с двумя желтками. Мамми его так и держала на столе в плошке, пока все не посмотрели, а потом долго думали, какая ж это из кур так отличилась, петух-то точно не причём, раньше ж такого не было.

– Пап! – Марк с разгона ткнулся в ноги Ларри, так что тот едва не уронил мешок.

– Осторожней, Марк, – попросил Ларри, с трудом удерживая равновесие.

– Пап, там... – задыхался Марк.

Ларри, поглядев на встревоженное лицо сына, опустил мешок на землю.

– Что случилось?

– Пап, мы за почтой ходили.

Марк потянулся к нему, и Ларри нагнулся, подставив голову. Обхватив его за шею, Марк зашептал ему в ухо.

– Пап, там письмо, а на письме твоё имя, ты мне показывал, я узнал, вот. Я сумку Робу отдал и к тебе, вот.

Ларри медленно выпрямился, поправил перчатки, которые надевал на «общих работах» и взвалил на плечи мешок.

– Хорошо, Марк.

И пошёл к скотной. Марк трусил рядом, заглядывая снизу вверх в его лицо.

Фредди, сидя на маленьком табурете, сосредоточенно прощупывал вымя Мейбл – крупной рыже-белой коровы. Чуть не плачущая Молли стояла рядом. Мейбл время от времени косилась на Фредди, но лягаться не пробовала.

– Ничего страшного, Молли, – встал наконец Фредди. – Раздоится. Гладь ей вымя, когда моешь, поняла? – Молли кивнула. – И тряпку для неё бери помягче.

– Ага-ага, – обрадованно закивала Молли и похлопала Мейбл по спине.

– Масса Фредди! – влетел в скотную Роб. – Я почту принёс!

Фредди кивнул и вымыл руки в поданном ему Молли ковше с водой, вытер носовым платком. Взял у Роба сумку и вынул почту, а сумку, как всегда, отдал Робу и серьёзно сказал:

– За мной.

– Да, масса Фредди, – улыбнулся Роб.

Молли гордо привлекла его к себе. Фредди быстро пере-

брал почту. Газета, счета, а это что? Письмо? Джонни? От кого? Он как-то не сразу понял, что письмо адресовано в «Лесную Поляну», но не Джонатану Бредли, а Лоуренсу Левине. Так... так вот почему Роб один, без Марка... Ну да, Ларри сына грамоте учит, это понятно. Чёрт, Джонни по соседям поехал, кто может писать Ларри? Он вспыхнувшего вдруг желая вскрыть письмо у него загорелись щёки. И тут... как специально подгадав, в скотную вошёл Ларри с мешком концентрата. Фредди подождал, пока он пристроит его в штабель, и позвал:

– Ларри!

– Да, сэр, – готовно отозвался Ларри, входя к коровам.

Начав работать в мастерской, Ларри перестал притворяться простым дворовым работягой, вернувшись – насколько это возможно в имении – к прежним привычкам. В том числе и к обращению «сэр» вместо обычного рабского «масса». И остальные как-то сразу согласились с этим.

– Держи, Ларри, – Фредди протянул ему письмо, дождался, пока Ларри снимет перчатки и возьмёт конверт, и сразу ушёл.

Ларри осмотрел письмо, дважды перечитал адрес. Алабама, графство Олби, округ Краунвилль, «Лесная Поляна». И его полное имя. Лоуренс Левине. Ларри поднял глаза и увидел лица Молли и Роба. Рядом часто, как после бега, дышал Марк. Ларри заставил себя улыбнуться и вышел. Марк побежал за ним.

Пошёл мокрый снег. Такой мокрый, что было ясно: сейчас он станет дождём.

– Беги домой, Марк.

– Пап, а?..

– Мне надо закончить работу, – Ларри протянул сыну конверт. – Беги и положи на стол. А то намокнет.

Марк сунул письмо под курточку и побежал в барак. А Ларри, на ходу натягивая перчатки, пошёл за следующим мешком. Фредди отдал ему письмо, но не велел сразу прочитать... письмо запечатано... это первое письмо в его жизни... Что это может быть? Чем это обернётся? Может, лучше вот так, нераспечатанным, и отдать его Фредди или Джонатану? Нет. Нельзя. Он не понимает почему, но знает: нельзя. Он должен это сделать. Но сначала закончит работу. Ещё два мешка. А там ленч. Перед ленчем и прочтёт. А тогда...

Что делать тогда, Ларри не знал. Но вот остался один мешок. И... и всё. Можно идти на ленч. Снег уже стал дождём и довольно сильным. Сразу потемнел, исчезая, сливаясь с землёю, покрывавший двор снег, со свесов крыш капало и текло, стремительно расплывались лужи... И прежде, чем войти в барак, Ларри у двери долго очищал и мыл сапоги.

Мамми уже готовила стол к ленчу. Ларри прошёл в сушилку, повесил куртку и шапку, поправил курточку Марка и отправился в их выгородку.

– Пап! – вскочил навстречу Марк.

Ларри кивнул ему, сел к столику и взял письмо. Старый

хозяин вскрывал письма специальным ножом из слоновой кости. Ларри вытащил из кармана свой складной и аккуратно разрезал конверт. Вынул сложенный пополам листок. Марк стоял рядом, держась обеими руками за его плечо. Текст отпечатан на машинке, а подпись от руки. Ларри прочитал текст, вздохнул и перечитал. Потом сложил листок, вложил в конверт.

– Пап?.. – тихо спросил Марк.

– Ничего, сынок, – Ларри встал. – Иди на ленч.

– А ты?

– Мне надо поговорить.

– С массой... ой, сэром Фредди?

Ларри кивнул.

– Скажи Мамми, чтобы она оставила мою долю. Я поем потом.

– Да. Пап...

– Беги в кухню, Марк, – твёрдо ответил Ларри.

Уже отправив сына, Ларри сообразил, что и ему не миновать кухни, да и куртку надо взять, дождь сильный, а его в госпитале предупреждали, что ему нельзя простужаться.

Все уже знали, что Ларри получил письмо, и, когда он вошёл в кухню, да ещё с письмом в руке, все повернулись к нему, но, увидев его сосредоточенное лицо и сведённые брови, ни о чём не спросили. Ларри надел куртку и шапку, спрятал письмо под куртку и вышел.

Где ему найти Фредди? Скорее всего, тот в конюшне.

Жалко, Джонатана нет. Но... но и тянуть нельзя. Это может обидеть Фредди.

Фредди был в конюшне, заплетал гриву Майору. Ларри подошёл к деннику и вежливо потоптался, привлекая внимание.

– Ты, Ларри? – спросил, не оборачиваясь, Фредди. – Заходи.

– Сэр, – Ларри вошёл в денник. – Сэр, вот... Это письмо. Он протянул Фредди конверт.

– Я не читаю чужих писем, – ответил, по-прежнему не оборачиваясь, Фредди.

– Я прошу вас, сэр, – тихо, но твёрдо сказал Ларри.

Фредди обтёр ладони о джинсы и взял письмо. Вынул листок из конверта и быстро одним взглядом охватил текст. Затем перечитал уже не спеша и протянул письмо Ларри.

– Ну и что, Ларри?

– Что мне делать, сэр?

Фредди посмотрел на его лицо и наконец улыбнулся.

– Ты хотел бы с ним встретиться?

– Да, сэр. Майкл... он очень хорошо отнёсся ко мне. И... и я рассказывал ему о Марке. Он – хороший человек, сэр. Генерал, а... а был, ну, не как ровня, но...

– Я понял, – кивнул Фредди. – Ну, так и напиши ему.

– Я могу пригласить его сюда, сэр?! – изумился Ларри.

– Это твой дом, Ларри. Кто может запретить человеку приглашать своих друзей?

– Но... а сэр Джонатан? А вы?

– Он же не к нам, а к тебе едет, – усмехнулся Фредди.

– И как мне написать, сэр?

– Просто. Ну, что ты будешь рад его видеть. И напиши, когда. И... Пошли.

Фредди хлопнул Майора по шее и пошёл к выходу. Ларри последовал за ним.

В комнате Джонатана Фредди достал из письменного стола и дал Ларри два конверта и несколько листов хорошей писчей бумаги.

– Вот, держи. Напишешь и положишь в ящик. Почтальон заберёт и отправит.

– Спасибо, сэр, – Ларри вежливо склонил голову. – Я могу приглашать его в любое время?

– Как тебе удобнее, Ларри. Это твой приятель.

Ларри медленно кивнул.

– Да, сэр. Благодарю вас, сэр. Прошу прощения, что занял ваше время, сэр.

Когда он ушёл, Фредди сел к столу, вырвал из лежащего на столе блокнота для текущих записей листок и быстро написал по памяти обратный адрес с конверта. Цифры военной части показались ему знакомыми. Кажется... кажется... да, точно, это тот же индекс, что и у Алекса. Интересно. Он опять по памяти написал: *Rodionov*. Перечитал. Скомкал листок и сжёг его в пепельнице. В каких бы чинах ни был знакомый Ларри – в его генеральство они с Джонни сразу не

поверили: генералы в общей столовой, даже в госпитале, не едят – но раз он из той же службы, что и Алекс... Неужели к ним второй козырь идёт? Джонни приедет, надо будет обговорить. Варианты тут... разнообразные. Сам Ларри всех этих нюансов не знает, и знать ему о них не надо. Интересно, что Ларри рассказал этому... Майклу о них. Знает Ларри не так уж много, но эта служба умеет... складывать мозаики. Нет, это козырь, в любых руках козырь. Так надо, чтобы мы им сыграли.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Утоптаный снег поскрипывал под ногами, лёгкий мороз приятно пощипывал нос и щёки. А, в самом деле, когда одежда тёплая и сам сыт, то зима в удовольствие. Эркин шёл, весело оглядывая встречных. Женя просила зайти после работы за обойным клеем. И, если будет, взять краску для труб в ванной. Про краску он говорил с Виктором. Виктор рассказал ему о разных красках и посоветовал ту, что для внут-

ренных работ: и быстро сохнет, и блестит, и опознать её легко даже неграмотному. Банки небольшие, и на крышке нарисован домик с птичкой. Уже смеркалось, и зажгли фонари. Рано как здесь вечер наступает. Но это, говорят, только зимой. А летом наоборот: день длинный, а ночь короткая. Колька смеётся: девку тиснешь и на работу пора.

Эркин улыбнулся. В бригаде ему совсем легко теперь. И одет он не хуже других. В субботу купили хороший полушубок, романовский – интересно, этот Романов их шьёт или только продаёт, или нет, говорила же продавщица, что романовская овчина, от романовской овцы, так что Романов тот, видно, хозяин стада, ну и бог с ним – и ещё бурки, шарф и даже брюки, шерстяные. Женя настояла. И когда на рынок пошли, то во всём новом даже почувствовал себя по-другому. Шёл, гордо вскинув голову, вёл под руку Женю, а на другой руке висела Алиса. Суббота была солнечной, тучи разошлись, открыли бледное небо и такое ж бледное, словно затянутое плёнкой солнце. Но искрился и сверкал снег, улыбались люди. И Женя, останавливаясь, поправляла ему пушистый новенький шарф, закрывая шею, и беспокоилась, не дышит ли ртом Алиса.

Рынок в Старом городе напомнил новозыбковский. Но здесь и вещи, и продукты рядом и даже вперемешку. И деревянные столы-прилавки, и расстеленные на снегу рогожи, и прямо тут же сани, и небольшие машины-полуфургончики, которые называют смешным словом «пегашка». Картошка,

яблоки, вёдра и бочки, откуда пахнет непривычно, но аппетитно, связки корзин, от маленькой – Алискин кулачок едва влезет, до больших, куда опять же Алису уложить можно. Круглые и квадратные коробки из древесной коры со странным названием – туески. Деревянные расписные игрушки. Алиса запросила птичку-свистульку с переливом, но Женя решила, что тогда жизни точно не будет, и Алисе купили тоже птичку, но петушка с качающейся головой, так что если его поставить и по хвосту постучать, то он клевать будет. Вообще много закупили. Эркин купил санки, на них положили небольшой мешок картошки, прикрутили, увязали сумку с луком, морковью и чесноком, сверху усадили Алису в обнимку со второй сумкой, где стояли баночки и туески с солёными огурцами, мочёными яблоками и квашеной капустой. И наконец пошли к церкви.

Русская церковь показалась Эркину весёлой и нарядной. На те – алабамские – она совсем не походила. Женя пошла внутрь узнавать и договариваться, а они остались ждать во дворе. Алиса слезла с саней и затеяла с Эркином игру. Отходила, разбегалась и врезалась в него, пытаясь сбить с ног. Но Эркин в последний момент уворачивался, так что Алиса пролетала мимо него прямо в сугроб, и Эркин ловил её за капюшон, не давая упасть. Было очень весело. Но тут какая-то старуха, вся в чёрном, стала на них кричать, что место святое, пост идёт, а они бесовские игрища затеяли. Кто такой пост и чего он здесь ходит, а также, что такое – бесов-

ские игрища, Эркин и сам не понял, и объяснить Алисе не смог. Со старухой он, конечно, не стал ни связываться, ни заводится, а попросту вышел вместе с Алисой и санками за ограду, встал так, чтобы Женя их сразу увидела, и они возобновили игру. К возвращению Жени Алиса всё-таки упала пару раз. Эркин её отряхнул, но Женя сразу заметила, всё поняла и грозным голосом, но улыбаясь, спросила:

– Баловалась?

– Ну-у, – Алиса уцепилась за руку Эркина, – ну, мы совсем немного. Мам, а теперь куда?

– Закрой рот и дыши носом, – строго сказала Женя и посмотрела на Эркина. – Пошли домой?

– Пошли, – сразу согласился он.

Эркин чувствовал, что Женя чем-то расстроена, но не знал, что случилось и как помочь.

– Женя, что-то случилось? – тихо спросил он, когда они уже шли вдоль путей к переезду.

– Да нет, – покачала головой Женя. – Ничего особенного.

Она не могла и не хотела ему рассказывать, что, когда выясняла в церкви, как им помянуть Андрея, эти старухи сказали ей, что нехристей не поминают, а одна вообще про Эркина такое сказала... так что в церковь они не пойдут. Вполне обойдутся. Андрей в бога не верил, в Джексовилле они оба в церковь ходили только, чтобы священник не цеплялся, она сама тоже, так что и здесь... Ну и что, что Эркин не воевал, и некрещёный, и индеец, всё равно он лучше всех...

Она посмотрела на него, как он легко, играючи, тащит нагруженные санки, какой он весёлый, красивый... Да ну этих старух, они от старости злые, на кого угодно кинутся. Жили без церкви, и дальше проживём.

Они ещё только остановились у магазинчика рядом с домом, и Эркин зашёл купить водки.

– Ну, в субботу, да после баньки, хоть укради, да выпей, – сказала ему Маня, подавая маленькую бутылку. – Хватит тебе мерзавчика-то?

Эркин кивнул.

– Ты сала возьми, – посоветовала Нюра. – Смотри, какое розовенькое.

Эркин взял и сала. О сала с горячей картошкой и солёным огурчиком он в лагере наслушался, а в дороге в поезде и попробовал. Вкусно! Женя его покупки одобрила.

И был у них в субботу пир горой. Это и впрямь оказалось необыкновенно вкусно. И сороковины они Андрею в воскресенье справили. Поговорили о нём, пока горела свеча рядом со стаканчиком водки, накрытым ломтём чёрного хлеба. Потом он и Женя выпили по глотку в память Андрея, оделись и вышли к оврагу, подальше от дома. Вылили в снег водку и раскрошили хлеб птицам. Сразу откуда-то налетели воробы. И Женя сказала, что теперь всё по правилам. Про церковь Женя не упоминала, чему Эркин был рад. Нет, если б Женя сказала, что надо идти, пошёл бы, о чём речь, но раз не надо, то ещё лучше. И... и вообще он даже не представлял,

какая это здоровская штука – выходные.

И на работу он в понедельник пошёл уже в новом, неся под мышкой свёрток с рубашкой, чтобы переодеться, и полотенцем. Как ему и говорили, он сразу, не заходя в – как её, да – бытовку, прошёл по коридору в кладовку, где Клавка выдала ему стёганую чёрную куртку, такие же штаны, чёрные валенки с галошами и брезентовые рукавицы.

– Это ты у Мишки, что ли, в бригаде?

– У Медведева.

– У Мишки, – она выбрала из стопки больших замусоленных тетрадей нужную, раскрыла её перед Эркином и ткнула пальцем. – Расписывайся. Неграмотный? Крест ставь. А так-то ничего парень, не робей, медведь хоть ревёт, да смирен. Если что не по тебе будет, заходи, обменяю. Тебя звать-то как?

– Эркин Мороз.

– Мороз? Ну, удачи тебе, Мороз, заходи, не забывай.

В бытовке уже все собрались. Переодевались, толкаясь, перешучиваясь и задираясь не всерьёз. Эркина встретили го-готом.

– Эй, чего так долго, Мороз?

– Да Клавка на нём, небось, все штаны перемерила!

– Это как она тебя живым выпустила?

– Мороз – мужик крепкий, вишь, выскочил. Это ты от Клавки на карачках выползал.

Эркин молча улыбался, быстро размещая в шкафчике

полушубок, бурки, джинсы и рубашку. Шкафчик оказался удобным, с крючками по стенкам и дверце и с полочкой наверху. Как все, Эркин разделся до белья, натянул штаны, креповую рубашку, перемотал портянки и обулся. Валенки были выше сапог и жёстче. Но к этому можно привыкнуть. Шнурок с рукояткой отцепил от джинсов – новые брюки не стал надевать, всё-таки... праздничное должно быть, ведь рубашки же нарядные, красно-белую и призовую, он не носит каждый день – и перевязал на рабочие штаны. А глаз у Клавки хороший – как влитые сидят, и не тесны, и не болтаются. Из бумажника достал и сунул в карман штанов два рубля. Надел куртку. Захлопнул дверцу шкафчика и повесил новенький замок. Ключ к деньгам, шапку на голову, варежки, рукавицы и вперед...

Проводив Эркина, Женя взялась за обед. Сегодня Алисе придётся обедать одной. А вчера полдня ушло на подготовку к первому рабочему дню. Отпарила свой костюмчик, нашла и почистила туфли... так, а Алиску пора будить. Ну вот, так, когда надо, её не поднимешь, а в субботу...

...Они решили спать до света, вернее, она просто не завела будильник, и было так тихо, так спокойно. Она слышала ровное сонное дыхание Эркина, он совсем рядом, только руку протяни, но пусть спит. И тут... тут к ним в спальню явилась Алиса и с ходу полезла под одеяло между ними, забарахталась, сворачиваясь клубком. Она даже не сразу по-

няля, а Эркина как током подбросило. Он вскочил, отбросив одеяло, посмотрел на неё и удивлённую его броском Алису «дикими» глазами и вылетел из спальни. А она не знала, что делать: то ли смеяться, то ли ругать Алиску, то ли бежать успокаивать Эркина.

– Мам, а чего это он? – спросила Алиса между двумя кувырками.

– Ты его разбудила, – ответила она, вставая.

– Ну, так уже утро, – возразила Алиса. – А вы всё спите и спите.

– Сегодня выходной.

Она надела халатик – комнату заливал серо-голубой расцветный светлеющий сумрак – подобрала старые штаны и тенниску Эркина, которые он носил дома, и пошла его разыскивать. Она уже поняла, чего он так испугался. Смешно, конечно, но раз он так переживает из-за этого... Хотя... может, он и прав, Алиска уже не маленькая.

– Эркин, – она постучала в дверь ванной. – Ты здесь?

Ей ответил только плеск воды, но она вошла. Эркин мылся в душе. Она положила его одежду на ящик для грязного белья и попросила не задерживаться. У них ещё масса дел. К столу он явился уже спокойно. И в субботу же вечером приделал на все двери крючки. Так что в воскресенье, когда Алиска стала к ним ломиться, он просто встал, оделся, впустил Алису и пошёл мыться. А вообще-то...

– Алиса, вставай!

– Ну, ма-а-ам... ну, ещё немножечко...

– Вставай, я на работу опоздаю, – рассердилась Женя.

Привычная команда подняла Алису. Женя накормила её завтраком, показала, где что стоит для обеда, и стала одеваться.

– А плиту не трогай.

– Знаю, – кивнула Алиса. – А Эрик на работе?

– Да.

Женя уже хотела сказать, чтобы, когда он придёт, они бы поели, но вспомнила, что Эркин после работы пойдёт покупать краску и клей для обоев. Так что ещё неизвестно, кто раньше домой успеет. Вчера к ним заходили Виктор и Антон, ходили с Эркином по квартире, смотрели, прикидывали, как сказал Антон, «фронт работ» и обещали помочь с ремонтом. А она потом с Эркином сидела на кухне, и они допоздна считали и записывали чего и сколько надо купить к ремонту. Вот когда деньги полетят...

Женя замотала платок, поцеловала Алису в щёку, взяла сумочку и сумку с туфлями.

– Всё, маленькая, я на работу. Будь умницей.

На улице уже светло. Как хорошо! В темноте она на работу ещё не ходила, было бы даже страшно. А сегодня тем более нельзя опоздать. Первый же день! Лазарь Тимофеевич Лыткарин. Интересно, какой он? На каких машинках придётся работать? С кем будет в одной комнате? Одни вопросы. А ответы...

Народу на улице не так уж много, но почти все идут в одном с ней направлении. Попутчики. Неужели весь город работает на заводе? А вот уже и забор. Её проходная номер один. Вот и она. И люди, поток людей, поднимающихся по ступенькам, достающих на ходу пропуска. И Женя, прижимая к себе сумочку, достала пропуск. И уже перед ней военный рядом с турникетом-вертушкой. Быстрый взгляд на пропуск, на её лицо. И улыбка. Женя улыбнулась в ответ. Коридор, ещё коридор... и второй рубеж? Женя отдала табельный номер и услышала, что машбюро на втором этаже. Женя взбежала по серо-белым с влажными следами ступеням. Ещё коридор? Сколько же здесь всего?! Но вот и чёрная с белыми буквами табличка: «Машбюро-1». Женя глубоко вздохнула и открыла дверь.

Просторная комната, залитая холодным серым светом из двух окон. Столы с прикрытыми чехлами машинками. Напротив окон шкафы и длинный стеллаж, на окнах цветы.

Женя стояла и оглядывалась, когда за её спиной кто-то кашлянул. Она вздрогнула и обернулась. Невысокий худой мужчина в очках и военной форме без погон.

– Здравствуйте, – улыбнулась Женя. – Вы... Лазарь Тимофеевич Лыткарин?

– Здравствуйте. Совершенно верно, – кивнул он. – А вы, как я догадываюсь, Евгения Дмитриевна Мороз?

– Да.

– Отлично. Вы на какой системе работали?

– Оливетти, – ответила Женя и заторопилась: – Но могу на симпсонах трёх поколений, аджани...

– Ну-ну, – остановил её Лыткарин. – Да вы раздевайтесь, Евгения Дмитриевна, я ещё зайду.

Он подвёл её к одному из шкафов и распахнул дверцы. Женя увидела ряд деревянных плечиков, а внизу под ними тоже в ряд самые разные туфли. Но... но у неё нет плечиков. Она ни одной вешалки не взяла из Джексонавилла, как лишнюю тяжесть, а здесь как-то не сообразила купить. Что же делать? Взять чью-то? Только на сегодня. Но они все надписаны.

– Здравствуй. Новенькая?

Полная молодая – вряд ли намного старше Жени – круглолицая женщина разматывала серый пуховой платок.

– Ну, и чегостряслось?

– Здравствуй, да, вешалку не взяла, – ответила сразу на всё Женя.

– Делов-то! – в комнату вошла ещё одна женщина, тоже молодая, а из-за маленького роста казавшаяся особо пухленькой. – Вон дерюжкинскую возьми. На бюллетене Дерюжкина.

– А что с Любкой?

– А как всегда. Рожать ей неохота. Ну, и на три дня.

– Дура.

– Не девчонка, пусть сама думает, – пухленькая смотала платок и засунула его в рукав своей шубки.

В комнате всё прибывало и прибывало народу. И в общей толкотне Женя, как все, разделась, переобулась, сняла и за-
сунула в рукав пальто рейтузы. Шум, смех, свои разговоры...
Зазвенел звонок, и в комнату вошёл Лыткарин. Его встрети-
ли дружно и весело.

– Тимофеичу привет!

– Начальник, у нас новенькая.

– Ларя, Любка на бюллетень села!

– Тимофеич, наладчик когда будет?

Под этот общий шум он указал Жене её стол и положил
перед ней стопку исписанных листов.

– Что надо, сами возьмите на стеллаже. Когда сделаете,
покажете мне, – и пошёл дальше, раздавая задания осталь-
ным.

Женя сняла с машинки чехол. Это был старый «Симпсон»
с русским шрифтом. Слава богу, с таким она знакома ещё
с колледжа. Женя села за стол, открыла ящик и стала наво-
дить свой порядок. Как хорошо, что миссис Стоун и Розы
забрали тогда из конторы все её ластики, линейчки и прочую
мелочь, вплоть до пасты для чистки шрифта, отвёрток и пу-
зырька с маслом, хотя там после клетки совсем на доньшке
оставалось. Ну вот. Сумочку в нижний ящик. Теперь бумага,
копирка... Ага, вон на стеллаже.

– Ты больше бери, – сказала ей пухленькая, – чтоб потом
не бегать, – и, когда Женя шла обратно, улыбнулась. – Тебя
как зовут?

– Женя, – улыбнулась Женя, усаживаясь за свой стол.

– А я Вера. Ты приезжая? Откуда?

– Верка, не лезь к ней. Ей пробный делать надо.

– Тебя как, Женя?

– Ничего, ты печатай, потом поговорим.

Женя ещё раз проверила пометку. Один экземпляр? Странно. Хотя... это же пробный, проверочный. Но... но на всякий случай заложим два. Мало ли что, а заодно и проверим, на сколько берёт машинка. Вот так. Текст на русском. Ничего, она справится, приходилось сложнее. Вставки, исправления, сноски... ничего. Главное – спокойно. Главное – Женя невольно улыбнулась – не думать...

...Учебный кабинет, ряды машинок. Очередной зачёт сдан, но преподаватель не спешит вернуть её зачётку.

– У тебя будет получаться, Джен.

– Спасибо, миссис Патрик.

– Но запомни, Джен. Никогда не думай над текстом. Это первое. Больше двух опечаток – всё переделывай. Это второе. Всё готовь заранее. Это третье. Ты запомнила, Джен?

– Да, миссис Патрик.

– Это я говорю всем. А тебе добавлю четвёртое. Сохрани свой язык. Обязательно иди на русский факультатив. И учись как все. И сдай. У тебя будет официальное право работать с русскими текстами. И надбавка за знание языка.

– Спасибо, миссис Патрик.

– И не забывай упражняться каждый день.

– Не забуду, миссис Патрик...

...Ну вот, дело и пошло. Немного непривычная клавиатура, клавиши на ощупь другие, но это не страшно. Она уже приспособилась. Вот так. И вот так. И вот так...

– Эй, Женя, втянулась?

– Да, спасибо.

– Так ты откуда?

– Из Алабамы.

– С той стороны?!

– Ого!

– Так ты не беженка? Репатриантка?

– Да.

– Ну, конечно, на Родину вернуться...

– Так отсюда не угоняли.

– Я о России говорю.

– Ну, тогда понятно.

– Женя, и давно приехала?

– Во вторник.

– И где живёшь?

– В «Беженском Корабле», – улыбнулась Женя.

– Ага, знаем.

– А-а, понятно!

– Большая семья?

– Муж и дочь.

И разговор сразу вспыхивает быстрыми расспросами. И Женя еле успевает отвечать, что муж работает здесь же, на

заводе, грузчиком, что дочке пять лет, что все родные, что у неё, что у мужа, погибли, и поэтому они сюда и приехали.

– Когда искали место, – объясняла Женя, – смотрели жильё и работу. А остальное нам неважно было.

И ей начинают рассказывать, что места здесь неплохие, даже хорошие. И как здесь было в войну, когда жильё почти не строилось, жили, в основном, в Старом городе, на квартирах и в заводских общежитиях, прямо на территории, это когда на казарменном положении, ну да, а детей в детский сад на круглосуточные, да, ни родных, ни детей и не видели, это сейчас с нянями да бабушками, а тогда, да, в начале, а последние года четыре, да нет, шесть уже, но тогда понемногу, а потом как прорвало, ну да, это когда решение на самом верху приняли, что завод больше перемещать не будут, да, тогда и пошло. И весь, ну, почти весь Новый город за эти годы и выстроен. И строится. Ну да, людей только прибавляется. Что обед с полпервого до полвторого, а столовая на первом этаже, вход с другой стороны, но можно по внутренним переходам пройти, а можно и через двор, ну, это летом, сейчас-то пока оденешься-разденешься, так перерыв и кончится, больно много на себя накручиваешь, капусточка ты наша, а в столовой кулинария, ну, полуфабрикаты всякие для дома, можно даже заказы оставлять, заказываешь, сумку оставляешь, после работы зайдёшь и заберёшь, как удобно, удобно, конечно, но полуфабрикат – это фабрикат, мой, например, столовские пельмени есть не будет.

– Разбаловала ты его, Татьяна, – Вера выбивала звонкую частую дробь. – Виданное ли дело, чтоб мужик за столом капризничал.

– Ага, то-то ты своему по всем магазинам бефстроганов выбираешь.

– Так он его любит, – гордо ответила Вера и улыбнулась Жене. – А твой как? Всё ест или перебирает?

– Всё, – улыбнулась, вспомнив Эркина, Женя и в очередной раз поменяла закладку. Хорошая копирка какая, чёткий оттиск даёт.

К её удивлению, здесь чуть ли не все, ну, больше половины точно, были замужними. В Алабаме замужние работали редко, только при крайней нужде. Леди может иметь свой бизнес, работать в своём хозяйстве, даже на ферме – это подobaет, но работать по найму не подobaет. А уж с ребёнком она там одна была. Женя невольно нахмурилась воспоминаниям. А здесь... почти у всех дети. К обеду она уже знала всех и обо всех. Правда, у неё ещё немного путались имена, но ничего. Всё-таки их десять человек в комнате. Ей приходилось уже так работать, но давно, ещё до Джексонавилла.

Зазвенел звонок, и Женя удивлённо посмотрела на сидевшую рядом сухощавую и вроде немолодую Ольгу.

– Что это?

– Обед, – улыбнулась та, – мы тут, как в школе, по звонку.

Работу прерывали на полуслове, вставали, толпились у зеркала на дверце шкафа, причёсываясь, оправляя платья и

кофточка... Встала и Женя. Вот сейчас и её осмотрят уже внимательно. Ну, что ж, этот костюмчик её никогда не подводил, а новая кофточка и старые туфли вполне на уровне.

– Женя, – окликнула её Вера, – в столовую идёшь?

– Платок накинь, – посоветовала ей полная Тоня. – Провхватит в переходе.

Как и остальные, Женя накинула на плечи платок и взяла кошелёк с деньгами. И в общей шумной толпе пошла в столовую. Тоня совсем по-свойски взяла её под руку. Она была высокая, чуть ли не на голову выше Жени, осанистая, и не шла, а плыла, выпятив грудь и закинув голову с уложенными в такой же высокий и пышный узел золотистыми волосами.

– Ничего, Женя, завод крепкий, – рассказывала она, – заработки хорошие. Сверхурочные всегда оплатят. Ларя, знаешь, как за этим следит.

– Да уж, – кивнула Галя с большим родимым пятном во всю щёку. – Мы за ним, как за каменной стеной.

– А то нет? – маленькая, как и Вера, но сухонькая – не худая, а именно сухонькая – с сединой в волосах Алевтина шла впереди под руку с Верой и говорила через плечо, не оборачиваясь. – Когда для дела что надо, он ничего не пожалеет.

– И никого, – кивнула Ольга.

– А без этого нельзя, – возразила Галина.

По дороге в столовую Женя узнала ещё массу интересного о работе заводоуправления и прочем, и прочем. Эркин вчера вечером, помявшись, предупредил её о прописке, чтобы её

не обманули, как его. Но... – Женя улыбнулась – но здесь о прописке даже не упоминали. Может, это только в рабочих бригадах?

Просторная чистая столовая напомнила ей лагерную и, в общем, понравилась. И выбор был вполне приличным, и цены... доступные. В рубль укладывался полноценный сытный обед. И, конечно, горячий обед лучше перекусывания в ближайших кафе. И вкуснее.

Обратно возвращались не спеша, болтая о неизбежных женских пустяках. Костюмчик Жени в целом одобрили, вот только что жакет в талию, особо ничего не подденешь... а стоит ли поддевать, в комнате-то тепло, это на улицу, под пальто надо.

В их комнате Женя, как все, сняла и засунула в рукав пальто свой платок и села за стол. Но, пока не прозвенел звонок, к работе никто не приступал.

– А пальто уже здесь покупала?

– Да, и сапоги.

– А в Алабаме теплее?

– Намного.

Прозвенел звонок, и все взялись за работу, продолжая разговор.

– Ну, так как в Алабаме, Женя?

– С чем, с зимой? – Женя улыбнулась. – Там зимой дожди, в основном. А снег больше четырёх дней, ну, недели, самое большее, не лежит.

– Ну, тоже неплохо, на тёплой одежде сэкономишь.

– Да, – засмеялась Женя, – когда уезжали, я уверена была, что уж тёплого-то, ну, одежды, у нас достаточно. И с Ново-зыбкова покупаем, покупаем и покупаем.

– Покупать – не тратить, – улыбнулась Ольга. – А с квартирой как?

– Хорошо, – Женя достала листы и сделала новую закладку. – Квартира хорошая, тёплая, ремонт, правда, нужен, небольшой, обои там, ну и тому подобное, а так всё хорошо.

– Муж-то хоть руки прикладывает? – спросила Тоня.

– Ещё бы! – Женя печатала уже совершенно свободно, тем более, что последний лист получался совсем коротким.

– Это хорошо. А то, – Тоня заговорила сладким, преувеличенно ласковым сочувствующим тоном, – а то бывают такие мужья, что только ложку в руках держать умеют.

– А у тебя и такого нет, – спокойно, видимо этому диалогу было уже много если не лет, то месяцев, ответила Вера.

– А чем плохой, так лучше никакой!

Женя задумчиво кивнула, вынула закладку и стала считать текст. Больше двух ошибок на лист – и всё заново. Первый лист... одна ошибка, терпимо, зачистим, забьём и вот так, второй лист... Женя уже не слушала ничьих разговоров. Сверка текста, когда не уверена в своей работе, всегда отнимала у неё всё внимание...

Ну вот, всё в порядке. На двух листах по одной ошибке, а остальные – всё чисто. Вторые листы... сделаны. Теперь

сколоть в два экземпляра и надо сдать. Женя выпрямилась.

– А... а Лыткарин где?

– Закончила? – удивилась Вера. – Ну, ты молодец. Я, помню, свой пробный два дня делала.

– Следующая дверь по коридору, – сказала Ольга.

– Как вышла направо, – уточнила Татьяна.

– Ага, спасибо.

Женя встала, мельком глянув в зеркало, поправила волосы, взяла отпечатанный текст, черновик и копируку и вышла.

В коридоре, светлом от горевших под потолком странных длинных ламп – окна уже начинали голубеть ранними сумерками – она огляделась. Вот эта дверь? Да, судя по аккуратной маленькой табличке: «Лыткарин Л.Т.» Женя постучала.

– Войдите, – сразу ответили за дверью.

Кабинет Лыткарина был мал и плотно заставлен. Огромный письменный стол, под углом к нему второй стол с большим двухшрифтовым «Оливетти» и с другой стороны забитый бумагами, коробками и папками стеллаж оставляли крохотный пяточок посередине и узкий проход вдоль стены, а собеседник Лыткарина – мужчина в такой же форме без погон сидел на столе.

– Прошу прощения, Лазарь Тимофеевич, вы просили показать вам, как только закончу, – Женя протянула Лыткарину свои бумаги.

– Спасибо, – он взял бумаги, небрежно и ловко бросил черновик на стеллаж и, поглядев на копируку, удивлённо

вскинул брови. – Почему сразу два? По привычке?

– Да, – кивнула Женя. – Обычно сразу делается второй экземпляр для архива.

– Вот как? Интересно. Кстати, – он уже читал текст, – знакомьтесь. Рыков Олег Игоревич, Мороз Евгения Дмитриевна.

Женя вежливо кивнула, внимательно следя за лицом Лыткарина и его быстродвигающимся по строчкам глазами.

– Однако... – пробормотал он.

– Я давно не работала с русским текстом, – извиняющимся тоном сказала Женя.

Лыткарин поглядел на неё поверх очков.

– Вы хотите сказать, что по-английски напечатали бы лучше?

– Да, – храбро ответила Женя.

Рыков взял уже прочитанные листы, пробежал их глазами и присвистнул. Лыткарин передал ему последний лист, бросил, скомкав, копирку в корзину под столом и улыбнулся Жене.

– Отличная работа. Признаться, не ждал.

Женя перевела дыхание и улыбнулась. Слава богу, а то уже даже бояться начала.

Лыткарин тем же безошибочно небрежным жестом выудил из развала на своём столе две большие прошнурованные тетради.

– Так, Евгения Дмитриевна, прочтите и распишитесь. За

технику безопасности. Спасибо. О распорядке вам уже рассказали? Отлично. Если возникнут вопросы, подходите ко мне. Теперь это. Тоже прочтите. Как я понимаю, основные правила вам знакомы? Отлично. И вот здесь за предупреждение о неразглашении.

Женя отлично помнила, что строчка о неразглашении была в анкетах, которые она заполняла за себя и за Эркина в отделе кадров, и зачем вторая подпись о том же – непонятно. Но в каждой фирме свои порядки. И она с бездумной лёгкостью расписалась в указанной графе.

– Это означает, что я несу за вас личную ответственность. По обоим пунктам, – сказал Лыткарин, убрал тетради и вытащил из развала уже на ближнем к нему углу стеллажа толстую, на глазах разваливающуюся папку.

– Займитесь теперь вот этим. Листы пронумерованы, но перепутаны. В семи экземплярах, – Женя кивнула, принимая папку. – Важна не скорость, а чистота работы.

– Да, я поняла.

Женя с улыбкой кивнула Рыкову.

– Было очень приятно познакомиться, Олег Игоревич.

– Взаимно, Евгения Дмитриевна, – склонил тот голову в столь же вежливом поклоне, но со стола не встал.

Женя покинула кабинет, мягко прикрыв за собой дверь, и счастливо улыбнулась. Она выдержала испытание, да нет, экзамен! Ну... ну, нет слов... Она вошла в их комнату с таким счастливым лицом, что её стали наперебой поздравлять

и предвкушать в ближайшую зарплату чай с тортом.

– Или сама что спечёшь, – сказала Вера.

– Да чего там возиться, а потом через весь город сюда тащить, – возразила Галина.

– И на проходной из-за проноса объясняться, – поддержала её Алевтина. – Накануне в столовой закажешь, а уж они и спекут, и украсят.

Женя со всем и всеми согласилась, уселась за свой стол и развязала тесёмки. Ой, ну тут одной разборки на полный рабочий день как минимум. Таблицы, диаграммы, расчёты, текст исчёркан, переправлен по несколько раз... Нет, сегодня хотя бы по номерам страниц...

– Женя, очнись, звонок!

Она вздрогнула и подняла голову. Все уже вставали, убрали столы, закрывая машинки чехлами. Женя стала торопливо собирать листы в папку.

– На столе не оставляй, – сказала ей Вера, придирчиво оглядывая свой пустой стол.

– Ага, ага, – кивнула Женя.

Она достала из нижнего ящика свою сумочку и положила на её место папку, убрала в ящик разложенные на столе мелочи и накрыла машинку чехлом. Ну вот, завтра она придёт сюда и начнёт работать уже всерьёз.

Женя оделась, поставила свои туфли в шкаф и вместе со всеми пошла к выходу. Весь корпус гудел весёлыми, как всегда в конце рабочего дня, голосами. Женя получила свой та-

бельный номер, показала на наружной проходной пропуск и вышла в синий вечерний город. Ну вот, теперь домой. По дороге купить чего-нибудь. Картошка дома есть, сало, всякие солёности, но надо ещё что-то. И обязательно вешалку. Деревянные плечики, как у остальных, и надписать её.

Привычные хозяйственные хлопоты. Надо будет сесть и подсчитать. Она как-то слишком легко стала тратить деньги. Это не годится. Эркин беспокоится, что они по мелочам ссуду растратят, и он прав. Да, вешалка. Она забежала в хозяйственный магазин. Купила вешалку, посмотрела обои, пожалуй, вот эти, бело-розовые подойдут для спальни, или... или вон те, в красных тонах? Надо будет поговорить с Эркином, решить. И закупать. Сколько можно жить как после налёта?

Женя шла теперь быстрым уверенным шагом. Сумочка на плече, сумка с покупками в руке. Она идёт домой. А дома её ждёт Алиса. И Эркин.

И вот уже встаёт громада дома. Как метко его назвали. Действительно – корабль. Эркин сказал, что от магазина видны их окна. Женя обшарила взглядом окна на втором этаже, но найти свои не смогла. Хотя... хотя... вон Алискины игрушки, да и лампочка голая, у них же ни штор, ни абажуров нет. Тогда вот то окно, за лоджией, – это кухня, а с другой стороны спальня, дальше вторая лоджия большой комнаты и дальняя маленькая. Там темно. Свет горит только у Алисы и в кухне. Ей показалось, что вроде в кухонном окне силуэт Эркина, и она помахала свободной рукой. Но увидели её или

нет – не поняла.

Женя вошла в подъезд и стала подниматься на второй этаж, уже слыша детский гомон и смех. А в коридоре её сразу встретило радостное:

– Мама! Мама пришла!

К ней подбежала румяная, в сбившейся набок шапочке Алиса. Ну, значит, Эркин точно дома.

– Мам, а ты чего принесла?

– Вешалку, – улыбнулась Женя.

Они уже подошли к своей двери.

– Я позвоню, – предложила Алиса.

Но до звонка она не доставала, так что Женя позвонила сама. И сразу – она ещё руку от звонка оторвать не успела – Эркин распахнул перед ней дверь.

– Женя! – выдохнул он.

– Ага, я, – улыбнулась Женя, входя в прихожую. – Ну, как ты?

– У меня всё в порядке, – быстро ответил Эркин.

– И у меня! – заявила Алиса. – Мам, я ещё погуляю?

– Нет, хватит, – решила Женя, разматывая платок.

Эркин стоял рядом, тревожно глядя на неё. И Женя, потянувшись, поцеловала его в щёку.

– У меня всё очень хорошо.

И Эркин сразу улыбнулся своей «настоящей» улыбкой.

– Чайник горячий. И... И я картошки сварил. В кожуре.

В «мундире», правильно?

– Ну, какой же ты молодец! – восхитилась Женя.

Они ужинали горячей картошкой с салом, чёрным хлебом и солёными огурцами. И Женя рассказывала о своём первом рабочем дне. Как у неё всё удачно получилось. Не нарушив при этом ни одного правила из тех, за которые она расписалась во второй тетради Лыткарина. Просто потому, что содержание и смысл печатаемых текстов её никогда не интересовали и потому не запоминались. А цвет волос, причёски и фасоны платьев сослуживиц, как и перспектива совместного чаепития с тортом в получку не входили в перечень запретных тем.

– Ну вот. А у тебя как?

– Всё хорошо, Женя, – Эркин несколько смущённо улыбнулся. – Мне сегодня про беженское новоселье рассказали.

– И что это? Алиса, вилка есть.

– Это все, кто хочет, приходят, помогают. С ремонтом. Подарки всякие приносят. Что в хозяйстве нужно, – и тихо закончил: – обустраивают.

Женя задумчиво кивнула.

– Понятно. Я тоже слышала об этом. Девочки рассказывали, как было, когда со съёмных квартир в своё жильё переезжали. И... что? К нам тоже придут?

Эркин опустил глаза.

– Сказали, что в среду зайдут посмотреть, что нужно делать. Я... я не один с работы приду. Наверное.

– Хорошо, – кивнула Женя. – Ты... тебя что-то беспоко-

ит? Что, Эркин?

– Я... я думаю. Это ведь не обидно, Женя?

– Конечно, нет. Разве вот эти табуретки нам подарили, Виктор помогал тебе дверь вешать, разве он обижал тебя?

Эркин покачал головой.

– Ну вот, видишь. А то, – Женя улыбнулась, – ты вроде этого... Тима становишься. Ну, помнишь его?

– Помню.

Эркин поднялся и стал помогать ей собирать посуду.

– Женя, я клей купил. Три больших банки.

– Ага, хорошо.

Он – Женя это ясно чувствовала – что-то не договорил. Но она так же ясно знала, что, когда они сядут за вторую, «разговорную» чашку, он расскажет уже всё.

Сели пить чай. Алиса, как всегда, хитро косила взглядом на конфету Эркина, и Женя погрозила ей пальцем. Алиса скорчила такую невинную мордашку, что Женя рассмеялась. Рассмеялся и Эркин. После ужина Алиса принесла в кухню мозаику, и, пока Женя мыла посуду и готовила всё на завтра, чтобы утром только разогреть, они с Эркином немного поиграли и уже почти закончили веноч, когда Женя решила, что Алисе пора спать. А то опять утром не встанет. Алиса для вида немного покапризничала и понесла мозаику к себе. Женя, проследив, как она умоется и ляжет, поцеловала её в щёку.

– Ага-а-а, – Алиса открыла уже сонные глаза. – А Эрик?

Женя тихо рассмеялась и встала, потому что Эркин уже стоял на пороге.

– Здесь он.

Эркин, как и Женя, нагнулся и поцеловал Алису в щёку.

– Спокойной ночи, Эрик, – засыпая, сказала Алиса.

– И тебе спокойной ночи, – тихо ответил Эркин.

Женя выключила в комнате свет и, когда они вышли, прикрыла дверь. Не плотно, а на щёлочку.

– Странно как, – Женя налила себе и Эркину чаю. – И ведь вроде не поздно ещё, по часам, а кажется, что уже ночь, – Эркин кивнул. – Тебе не тяжело так рано вставать?

– Нет, всё нормально, Женя, – он осторожно отхлебнул горячего чая. – Женя, я... я краску сегодня смотрел. Для ванной. Ну, трубы все покрасить. Чтобы, – он вздохнул, – чтобы красиво было. – Женя молча ждала. Не понимая причины его смущения, она не знала, что сказать и как помочь ему. – Женя, – Эркин говорил, уткнувшись глазами в свою чашку, – давай... давай их цветными сделаем, а? Когда всё белое, это... – он перешёл на английский. – Это как обработочная камера, в Паласе, ну, где нас током били, наказывали. И в имении пузырьчатка, ну, это где я до Свободы был, там камера для наказаний, вся белая была. Я подумал... – он замолчал.

– Ну, конечно, Эркин, – улыбнулась Женя и продолжила специально по-русски, чтобы он не думал о прошлом. – Ты очень хорошо придумал. Конечно, сделаем ванную весёлой.

А ты как хочешь, с красным или синим? Ну, кафель мы менять не будем, он там хороший. А то и возни много, и дорого. А трубы перекрасить уже легче.

– Да, – кивнул Эркин. – Спасибо, Женя.

– За что? – удивилась она.

– Что поняла меня, – Эркин виновато посмотрел на неё и снова опустил глаза в чашку.

– Ну, конечно же, Эркин. Это же наш дом, он должен быть... Ну, чтобы нам было хорошо и приятно. Мы же сюда на всю жизнь приехали.

– На всю жизнь, – тихо повторил Эркин.

Женя встала и, собирая чашки, погладила его по плечу, а он, как когда-то, повернув голову, прижал на мгновение её руку к своей щеке.

– Знаешь, – заговорил он, когда Женя вымыла чашки и расставляла их на сушку, – я видел там, мне сказали, что это для ванной, шкафчик, зеркало, полочки разные, крючки... И я подумал... Ну, если купить всё это одним набором, то трубы того же цвета делать. А?

Женя на мгновение остановилась, пытаясь представить, как тогда будет выглядеть ванная, и кивнула.

– Да, так будет хорошо. Я тоже их видела. А какой набор тебе понравился?

– Он не зелёный и не синий, – Эркин неопределённо повёл рукой. – И там зеркало самое большое.

– Ага, помню, – кивнула Женя. – Это цвет морской волны

называется. Мне он тоже понравился. А краска такая есть?

– Там много цветов, – бодро ответил Эркин. – Подберу.

– И набор, и шкафчик, и краска... Донесёшь?

– Нет проблем! – улыбнулся Эркин и встал. – А обои...

– За обоями мы вместе пойдём, – решительно сказала Женя. – Надо только решить, когда. И договориться. И чтобы, когда к нам придут на беженское новоселье, мы были готовы. Согласен?

– Да, – кивнул Эркин. – Да, конечно.

– Ну вот, – улыбнулась Женя. – Давай ложиться спать. А то завтра рано вставать, – и с удовольствием выговорила: – на работу.

И, как уже у них получалось не раз, Эркин успел лечь, пока Женя ещё возилась на кухне и в ванной. А когда она легла, Эркин уже спал, без притворства. Он всё-таки сильно устал, отвыкнув за месяц лагеря от работы.

Россия

Рубежин – Загорье

Дорога до Загорья оказалась сложнее, чем ожидал Тим. Нет, всё было сделано, как надо. Билеты, талоны, пайки, обеды... на этот счёт он был спокоен. Волновался только за от-

резок до границы. Мало ли что. Просто чувствовал, что если заденут детей или Зину, то сорвётся. Но обошлось. Они заняли отдельное купе. Дим и Катя увлечённо глазели в окно, Зина поила их соком, кормила шоколадом и бутербродами из пайка, и сама ела. Он тоже время от времени присоединялся к трапезе, но сидел так, чтобы, если приоткроют дверь, оказаться лицом к лицу с вошедшим. К счастью, их ни разу не побеспокоили. Проблема была только с туалетом. Идти в белый Зина боялась, а вести их в цветной уже он не хотел, зная, какая там неминуемая грязь. Но, опять же на их счастье, в одном из соседних купе ехали две монахинишки, которые, увидев растерянную Зину, взялись её опекать и проводили с детьми в дамскую комнату. Зина сообразила сказать им только, что она с детьми едет на родину. Они даже посочувствовали, что ей приходится ехать в одном купе с негром, и предложили, если что, звать их. Дим с Катей всё и сами сообразили, молчали и не выдали правды. Так что до Стоп-Сити доехали благополучно.

И на таможне обошлось. Им обменяли их деньги. Анкеты заполняла Зина: русской же грамоты Тим не знает. Она писала медленно и очень старательно. Тим стоял рядом и смотрел, как она даже не выписывает, а вырисовывает непривычные, но и чем-то похожие буквы.

– Ну вот, – вздохнула Зина. – Теперь деньги. У меня двадцать кредиток и ещё мелочь, – и аккуратно выложила рядом с анкетами замусоленные купюры и тусклые монетки. –

А у тебя?

Тим вытащил из внутреннего кармана куртки пачку кредиток.

– Семь тысяч сто восемьдесят три, – высыпал рядом звенящую горсть. – И тоже мелочь.

Зина округлившимися глазами ошеломлённо смотрела на пачку. Она знала, что у Тима есть деньги. Он же столько всякого накопил, но... но не такие же! И Тим сам пересчитал все деньги. Офицер показал ему строчку, и он вписал цифры. Семь тысяч двести пять. Подвинул анкету Зине, и она выписала это словами.

– Что ещё? – спокойно спросил Тим.

И, подчиняясь его спокойствию, Зина прочитала:

– Изделия из драгоценных металлов и камней. Это про золото? – и, не ожидая ответа, потянулась к серёжкам.

Тим остановил её руку.

– Это не золото.

Офицер, мельком глянув на Зину, молча кивнул. Зина поставила прочерк и прочитала следующую фразу:

– Оружие...

Она хотела тоже поставить прочерк, и опять Тим остановил её. Перебрал их бумаги и протянул офицеру разрешение на оружие. Тот быстро и удивлённо посмотрел на Тима.

– А где оружие?

Тим достал из-под куртки и протянул ему небольшой, но толстый пакет. Офицер проверил печати, вскрыл пакет и вы-

ложил на стойку пистолет, обойму и нож-кинжал. Быстро, чётко сверил номера и кивнул Тиму.

– Можете забирать.

Тим вложил пистолет, обойму и нож обратно в пакет и спрятал его под куртку. Внутри всё дрожало. Неужели он проскочил? Невозможно поверить.

Вещи им проверили быстро, и они прошли за барьер. В Россию. Империя, Алабама, Старый Хозяин, – всё это осталось позади, за чертой. В вокзальном буфете, где получали паёк на дорогу, выпили русского, да, уже совсем русского чаю. Он купил большую плитку русского шоколада и ещё бутербродов с дорогой рыбой. Да, конечно, он понимает: потом будут траты. Нужна тёплая одежда всем, бельё, посуда, и какое бы ни было жильё, но его надо будет обставлять и оплачивать, а ещё неизвестно, что и как у него будет с работой, и конечно же, глупо вот так тратить сбережённые деньги, но... Но они переступили черту, свершилось то, о чём даже не мечтал, так... так надо же это отпраздновать, чёрт возьми! Он же не дурак и понимает: осетрину и сёмгу автомеханики не едят, и так шиковать им очень долго, а то и никогда не придётся. Так что... так что почти пять рублей за лёгкий, – как назвал это Дим, и он согласился – перекус он может выложить. Может, в жизни им больше не доведётся такого попробовать.

Зина бережно жевала тонкий ломтик белого хлеба с розовой пластинкой рыбной мякоти, глядя на него всё ещё испу-

ганными глазами.

– Обалдеть, как вкусно! – сказал Дим, доев бутерброд.

– Ага, – кивнула Катя.

И в поезде от Рубежина – Стоп-Сити в прошлом – до Ивановково всё было нормально.

Им, правда, дали две полки: детям до семи лет отдельная полка не положена. Но зато повезло с попутчиками – супружеской парой демобилизованных офицеров. В вагоне было тепло, одеяла не вытертые, тёплые. Пили чай, угощая друг друга бутербродами. Выпили и водки. За победу, за возвращение домой и за погибших, земля им пухом и вечная память. За окном плыла снежная равнина. Вид снега и закутанных, толстых от множества одежд людей беспокоил Тима. Он думал отложить покупку тёплой одежды до Загорья, но начал уже в Новозыбкове. Всем носки, всем варежки, Кате и Диму тёплые шапочки и шарфики, Зине хороший большой платок, Диму свитер, Кате и Зине кофточки, себе свитер – в одной рубашке под курткой было холодно, так что он даже на мгновение пожалел, что не обзавёлся обычной рабской, та намного теплее – себе вязаную шапочку, но уже ясно, что придётся покупать русскую меховую, да, правильно, ушанку, Зине и Кате рейтузы, Диму тоже. Зине даже снова стало страшно от уверенности, с которой Тим доставал, расплачиваясь, деньги. Но... но ведь нужно всё, холодно уже. Детей ли застудить, самим ли застудиться – всё плохо. А дальше будет ещё холоднее. И сама не удержалась, увидев на пер-

роне развал горячей картошки, сала, пирожков, солений. И только выдохнула:

– Тима!..

А он сразу понял, пошёл и набрал всего. И какой же пир у них был в поезде. Зина чуть не заплакала, жуя горячую картошку с солёным огурцом. И на внимательный взгляд Тима виновато улыбнулась сквозь слёзы.

– Как дома.

Тим понимающе кивнул и сказал:

– Очень вкусно.

– С ума сойти, – веско поддержал его Дим.

Катя не могла высказать своё согласие вслух – рот у неё был набит – и только часто закивала, едва не поперхнувшись.

Зина не решалась даже в мыслях прикинуть, сколько Тим, нет, всё же они, сколько они потратили в Новозыбкове. Но довольные смеющиеся рожицы детей, улыбка Тима всё затмевали.

После обеда детей уложили спать на верхней полке. Тим очень ловко – Зина не ожидала – соорудил из второго одеяла бортик, чтобы малыши не свалились во сне, и они сели вдвоём на нижней. Она у окна, а Тим рядом. Их попутчики сошли на первой станции после Новозыбкова, новых к ним не посадили, и они были вдвоём. Вокруг шумели, пели, плакали, ругались – где ж и погулять, как не в дороге.

– Тима, ты поешь ещё, – решила нарушить молчание Зина.

Тим покачал головой.

– Я сыт. Спасибо.

– Ну... ну тогда чаю ещё?

Тим улыбнулся.

– Ничего не надо, – и медленно, словно пробуя слова на вкус: – посиди... со мной.

Зина вздохнула и подвинулась, коснулась своим плечом его плеча. И Тим осторожно обнял её за плечи. И Зина не отстранилась, а как-то порывисто прижалась к нему. Ну да, ведь они муж и жена, дети спят, в отсеке они вдвоём, да и... да и это вполне прилично. Эти – попутчики их, офицеры, так он свою жену тоже и обнимал, и в щёку целовал. А Зина помнила, что родители даже сфотографировались так – в обнимку. Она положила голову на плечо Тима, ощутив щекой под тканью рубашки твёрдые бугры мышц.

– Тима, за Ижорск едем, там, говорят, ещё холоднее.

– Да, я уже думал. Надо ещё тёплого купить. Пальто, валенки...

– Ага, – Зина ещё раз вздохнула. – Тима, ты бы свитер одел, а то тянет от окна, ещё продует тебя.

Тим снова покачал головой, касаясь подбородком её волос. Он не хотел шевелиться. Доставать и надевать новенький в красно-синих узорах свитер – это отпустить Зину. А ему так хорошо. И ей... ей тоже хорошо, он чувствует это. У них будет дом. Большой красивый дом. Да, он понимает, что ни особняка, ни коттеджа ему не потянуть, но... нет, бу-

дет не хуже. Будут спальня, столовая, гостиная, и комнаты детей, у них будет много детей... И просторная светлая кухня, и блестящая кафелем и никелем ванная...

– Ты о чём думаешь, Тима?

– О доме, – сразу ответил он. – У нас будет большой дом.

– Дом? – переспросила Зина.

– Да, – улыбнулся Тим. – Нет, квартира. Но это дом.

– Ага, ага, – согласилась Зина. – Ты говори, Тима, – она закрыла глаза и потёрлась щекой о его плечо. – Ты говори, я слушаю. Какая у нас будет квартира?

– Большая. Восемь комнат. Спальня, столовая, гостиная и детские комнаты.

– Ой, это ж куда столько? – смущённо рассмеялась Зина.

У Тима дрогнули губы.

– Ты... ты не хочешь?

– Чего? – не поняла сначала Зина и, тут же сообразив, покраснела. – Ой, ну конечно, хочу, Тимочка. Я это про комнаты. Пять детских – это куда же столько? Мы вот все в одной были. Весело было, я помню.

Тим вздохнул и... и чуть плотнее прижал к себе Зину.

– У каждого должна быть своя комната. Я... я хочу, чтоб... я видел, как живут... – он замялся, не желая говорить ни «белые», ни «хозяева».

– Ага, ага, – Зина снова потёрлась щекой о его плечо. – Я поняла, о ком ты, Тимочка. Они ж богатые.

– Мы будем жить не хуже, – твёрдо сказал Тим.

– А может, и лучше, – охотно подхватила Зина. – И... и детей чтоб много, да, Тимочка?

– Ага, – выдохнул он, касаясь губами её виска.

Мимо их отсека по проходу шли, пошатываясь, трое демобилизованных. Страшным усилием Тим заставил себя не отпрянуть от Зины, не убрать лежащую на её плече свою руку.

– Ты говори, говори, Тима, я слушаю. А зала будет?

– Зала? – удивлённо переспросил Тим.

– Ну, нарядная комната. Там гости когда или праздник большой.

– Это гостиная, – удивился Тим, – я уже говорил.

Он называл гостиную по-английски холлом, а Зина считала холлом прихожую. И они стали выяснять, что как называется. А за запотевшим серым, стремительно темнеющим окном летела назад снежная, неразличимая уже равнина.

Потом была уже обычная, ставшая привычной дорожная суета, пересадки, толкотня на вокзалах и в комитетах. И холод, всё усиливающийся холод. И траты. В Иванькове Тим купил себе шапку-ушанку, а Зина выглядела на рынке маленькие валенки, купили Диму и Кате. Надо бы и Зине, да и самому, но... но кто знает, что там в Загорье будет. И Зина подхватила, что сапоги у неё крепкие, а шерстяные носки, да ещё портянки сверху, так никакой мороз не страшен...

...Выйдя из Комитета, Тим сбил на затылок ушанку и вытер зажатой в кулаке варежкой лоб. Вот... вот не думал. Без-

возвратная ссуда. На каждого члена семьи и столько же на семью. Это ж... Конечно, оснований не верить тому... Председателю не было, но что всё сказанное на собрании окажется не просто правдой, а ещё в таких размерах... Теперь... теперь он сможет... начать жить. «Счастье не в деньгах, а в их количестве». А ведь прав был, сволочь белая, хоть и сгруппил напоследок, не слинял вовремя, подставился под пулю. Кто его кончал? Да, правильно, Сай с Юпом, а он с Гэбом на подстраховке были. Ладно, все давно уже там, ни туда, ни оттуда не дотянешься, нужно о своём думать. А с такими деньгами в кармане даже вроде не так уж и холодно. Он натянул на руки варежки и не спеша, впечатывая шаги в поскрипывающий снег, пошёл через площадь.

Теперь домой. С ума сойти: у него есть дом, дома его ждут жена и дети. И это не во сне, а наяву. Пять комнат, кухня, ванная, кладовка, даже две, прихожая... Да, когда в первый раз в Комитете по приезду его спросили, какая квартира ему нужна, сколько комнат, он ответил:

– Восемь.

А сам думал: проси много, дадут хоть что-нибудь. И дали. Не восемь, правда, сказали, что таких квартир нет, это только отдельный дом, и ещё его строить надо, а пока в общежитии... и он сразу передумал и согласился на пять, что тоже очень хорошо. Спальня, для Дима, для Кати, столовая и гостиная. И всё равно до последней минуты не ждал, не верил. И вот, в кармане куртки ключи. Пустые светлые комнаты,

тёплые. Пока он ходил в магазинчик у дома купить чего-нибудь поесть, Зина раздела детей. Он даже испугался, увидев их босиком. А пол и впрямь оказался тёплым. Паркет всюду. Только в ванной и уборной кафель. Наскоро поели, и он побежал устраиваться на работу. Автокомбинат номер один.

Тим шёл, перебирая в памяти обрывки сегодняшних разговоров...

...Немолодой сухощавый мужчина в форме без знаков различия вертит в руках его диплом и права.

– Фирма, конечно, серьёзная. Известная контора, – и цепкий изучающий взгляд. – Испытательный срок месяц. В цех, на общие работы. А там посмотрим. Согласен? – он кивает. – Выйдешь послезавтра в бригаду Антонова. Вторая смена с трёх. Придёшь за полчаса, – и снова испытывающий взгляд. – Всё понял?

Он снова кивает, расписывается на заявке, ещё в каких-то бланках и прошнурованных тетрадях, и ему возвращают его документы...

...Ну что ж, общие работы – это куда пошлют. Да ему хоть с метлой стоять, лишь бы взяли. А то – ссуду всё-таки придётся вернуть – в Комитете открытым текстом сказали. Ладно. А сейчас... надо купить еды, посуды... чего ещё?

И тут он услышал свист. Знакомый с детства, с питомника. И медленно, осторожно повернул голову, нащупывая в кармане кастет. К нему шёл высокий мужчина в полушубке, ушанке, бурках... Тим узнал Эркина, разжал пальцы и улыб-

нулся.

– Не узнал тебя сразу.

– Значит, богатым буду, – улыбнулся Эркин. – Доехал?

– Как видишь. А ты, я вижу, совсем... по-русски.

– А чего ж мёрзнуть? Ты как, в порядке?

Тим кивнул. Они сами не ожидали, что обрадуются друг другу. Но привычки обниматься или ещё как-то выражать такие чувства у них не было.

– Ты... работаешь здесь? – Тим неопределённо показал за спину Эркина.

– Нет, – Эркин мотнул головой. – Я на заводе, а сюда в магазин. Ты когда приехал, сегодня?

Тим кивнул.

– Да. Ты... в «Беженском Корабле»?

– А где ж ещё? Кто через Комитет, все туда, – Эркин говорил уверенно и весело. – Ты в Комитете был? Получил... ну, что положено?

– Да, – настороженно ответил Тим, снова берясь в кармане за кастет. – А ты в какой магазин собрался?

– В хозяйственный.

И Тим решил рискнуть.

– Ты с чего начинал?

– В квартире? – уточнил Эркин и после кивка Тима улыбнулся. – С ведра и тряпки. Ну, чтоб пол мыть. И щётки с совком.

За разговором они дошли до магазина. И Тим вошёл сле-

дом за Эркином. Что ж, в самом деле, деньги у него есть, а Эркин по-русски, чего уж там, куда лучше говорит, и, хоть и не очень приятно просить помощи у... Тим покосился на Эркина и поймал ответный взгляд... да, они квиты и теперь на равных, здесь эти счёты ни к чему.

По магазину они ходили долго и на улицу вышли уже в полной темноте и навьюченные... как рабы.

– Тебе помочь? – предложил Тим, показывая на коробку с набором для ванной.

– Ты мне её на спину подай, – попросил Эркин. – А сумку я сам возьму.

Разобрав коробки и свёртки, они уже не спеша пошли рядом.

– А зачем тебе ремонт? Обои не нравятся? – насмешливо спросил Тим.

– Рваные – нет, – ответил Эркин. – Понимаешь, как после заварухи квартира, только что окна целы. А у тебя как?

– Нормально, – осторожно, чтобы не рассыпать ношу, пожал плечами Тим. – Никакого ремонта не надо. Только пол вымыть. А ты чего такую взял?

Эркин нахмурился.

– Ты много перебирал или сразу согласился?

– Мне понравилось, и я согласился, – Тим не стал уточнять, что ему пришлось выбирать между квартирой и домом – А ты...

– А я выбрал. Ждать ремонта в бараке, или сразу вселяюсь

и ремонт сам делаю.

– Тогда да, – сразу согласился Тим. – Охренели бараки эти.

Они говорили на смеси русских и английских слов. Но у Эркина русских слов больше, чем английских.

– С работой уладил?

– Да, в автокомбинате. Общие работы в цеху. Слушай, прописка дорогая?

– Как у тебя, не знаю, а мне в тридцать рублей обошлось. Пиво и бутерброды к пиву на всю бригаду.

– Переживу, – кивнул Тим. – А вообще, как здесь?

– Нормально, – Эркин усмехнулся и перешёл на английский. – У русских расовой гордости нет.

Они дружно громко захохотали так, что на них даже оглянулись.

– Да уж, – отсмеялся Тим. – Без неё как-то лучше.

– Не то слово. Ты квартиру большую взял?

– По норме. Сколько в семье людей и ещё одна. Пять комнат. А ты?

– Тоже по норме. Четыре. А помню, ты ж про восемь говорил.

– Столько в своём доме, а его ещё строить надо. Может, потом и сделаю, тогда перееду.

Тим ждал вопроса, что, дескать, куда столько, чтобы небрежно сказать: дети пойдут – тесно станет. Но Эркин ни о чём не спросил. Дескать, его какое дело. Хоть в десяти

живите. Тиму стало как-то... неловко. Он слышал, смутно, правда, что со спальниками что-то такое особое делают, и красавчиков этих потом на случку никогда не берут, потому как детей от спальников не бывает. В самом же деле, что за удовольствие беляшке от раба беременеть, мулатов и хозяин от рабынь наделает, вон их сколько получилось. И не сам же парень в спальники пошёл, как и он в телохранители не просился. Тим ещё раз покосился на молча идущего рядом Эркина и спросил о магазинах. Эркин рассказал о Филиппыче, что на самое первое обзаведение самое лучшее.

– Ага, сойдёт, – кивнул Тим. – Далеко к нему?

– Не очень. Ты как, хорошо ориентируешься?

Тим счёл вопрос настолько глупым, что не стал отвечать.

Эркин усмехнулся и продолжил:

– Вон от того фонаря возьми направо и до переезда через пути. А там...

Выслушав его, Тим кивнул.

– Понял, – и, помедлив, добавил: – Хорошо объясняешь.

– А что тут сложного? – удивился Эркин.

Тим улыбнулся его вопросу и промолчал. Они уже подходили к дому.

– Ты где?

– В левом крыле, семьдесят седьмая. А ты?

– В центральной башне. Двести сорок седьмая, – Тим улыбнулся. – Семёрка – счастливое число, а у тебя аж две.

– А я вообще везучий, – весело ответил Эркин.

У самого дома они разошлись по своим подъездам.

Тим поднялся к себе на четвёртый этаж, свалил ношу у двери с двести сорок седьмым номером и достал ключи. Прислушался. За дверью тишина, но живая. Он открыл дверь и наклонился, чтобы поднять и занести покупки. Тут же на него обрушились радостный визг Димы и Кати, смех Зины и руки, тёплые живые руки, теребящие его за полы и рукава куртки, затаскивающие внутрь, хватаяющие свёртки и коробки.

– Тише, тише, – приговаривала Зина, – зайти-то отцу дай-те. Тима, ты раздевайся, устал, наверное. Суп горячий, поешь сейчас.

Тим сам не понял, когда и как всё случилось, но он уже без куртки и шапки, как все босиком, в кухне, и от запаха горячего супа сладко ноет в животе, а... а это откуда?!

– Вот, – Зина заметила его взгляд и смущённо улыбнулась. – Вот, на новоселье нам... соседи подарили.

– Соседи? – переспросил он, рассматривая стол и табуретки.

– Ну да, не в лесу живём, Тима, среди людей живём, – Зина говорила быстро, успокаивающе. – Нам помогут, мы поможем.

Тим медленно кивнул. И Зина захлопотала, накрывая на стол, расставляя привезённые с собой миски и ложки.

– Пообедаем сейчас.

Ей хотелось расспросить Тима, как он сходил, как устро-

ился, но она помнила усвоенное с детства: мужика сначала накормить, всё остальное – потом.

– Дима, Катя, руки мыть, живо. Найдёте, найдёте ванную, не заплутаете, – Зина рассмеялась и кивнула Тиму. – Представляешь, забежали на тот конец и кричат. Мама, где мы? – пропищала она тоненьким голосом.

Тим невольно рассмеялся, прислушался к детскому визгу в ванной и покачал головой.

– Пойду разберусь.

И наконец сели за стол. Зина разлила суп, положила нарезанный хлеб.

– Вкусно как, – заявил Дим, облизывая ложку.

– Ну так домашнее же, – гордо улыбнулась Зина.

Тим кивнул.

– Да, вкусно.

Сам он не мог бы сказать, нравится ли ему, вкусно ли, но дети довольны, суп сытный, горячий... конечно, хорошо. Он ел и чувствовал, как медленно выходит из него холод. Он, оказывается, здорово замёрз и даже не заметил за беготнёй.

– Тима, ещё?

Он покачал головой.

– Нет, сыт.

– Пап, а ты чего купил? – вклинился Дим.

– Дай поесть отцу, – строго сказала Зина, мимоходом погладив Дима по голове. – Сейчас чаю попью, – и, поглядев на Тима, спросила: – Ну, как всё? Хорошо сходил?

– Да, – Тим улыбнулся. – С работой всё в порядке. В четверг уже выхожу. В Комитете я всё оформил. Ссуду нам дали. Безвозвратную.

Зина сидела напротив него и смотрела. Смотрела так... Тим не знал, как это назвать. Не было в его жизни ещё такого, вот и слов для названия нет.

– Сегодня на полу спать придётся. Завтра пойдём, купим, постели, кровати, посуду...

Зина кивала и поддакивала.

После чая он показал Зине покупки. Она ахала, расставляла, раскладывала...

– Я... – он запнулся, не зная, стоит ли называть Эркина его индейским именем, в лагере, как он помнил, его называли только Морозом, наверное, и здесь лучше так. – Я Мороза встретил.

– Это Женькин муж? – живо спросила Зина.

– Дядя Эрик, да? – немедленно влез с уточнением Дим.

– Да, – кивнул Тим. – Они тоже здесь живут. В семьдесят седьмой.

– И Алиска здесь? – обрадовался Дим. – Во весело будет!

– Сугроб будете измерять? – улыбнулся Тим.

И тут позвонили в дверь. Зина удивлённо посмотрела на Тима. Почему-то Тим сразу решил, что это Эркин. И спокойно пошёл открывать. Даже не спросив, кто там, щёлкнул замком и распахнул дверь. И замер. Перед ним стоял белый в форме. Не армейской, но... Полиция?! Зачем?!

– Участковый инспектор старший лейтенант Фёдоров, – и чётко привычный взмах руки под козырёк. – Могу я войти? Тим попятился, впуская странного гостя в квартиру.

Обо всех новых пассажирах «Беженского Корабля» Фёдоров получал информацию трижды. От Мани с Нюрой, коменданта Ванина и под конец по сопроводилке из Комитета. И, подшивая официальный лист в официальную папку, он уже знал, чего и сколько новичок купил в магазине, в какой квартире живёт и ещё массу всяких интересных мелочей, которых в бумагах просто не бывает.

Вот и сегодня, когда он шёл по своему обычному «вторничному» маршруту, его окликнули:

– Родион Макарыч!

Нюра в белом халате и накинутом на голову платке махала ему с заднего – оно же грузовое – крыльца магазина. И, когда он подошёл, зачастила:

– Вы уж зайдите, мы же ж тут совсем без вас...

– И чего тут у вас стряслось? – спросил он, заходя в маленькую подсобку.

– Ты как хочешь, участковый, – с ходу встретила его Маня, – а я так не могу. Мне ещё жить, а тут...

И обе наперебой стали выкладывать участковому, какого страха натерпелись, когда, ну, как раз перед обедом, ввалился к ним, чёрный, страшный, ну да, ну, такой страшный...

– Ну уж и страшный? – усомнился Фёдоров, усаживаясь

за стол, служивший Мане сейфом, столовой, бухгалтерией, косметическим салоном и... много чего ещё на этом столе делалось. – Ты, я помню, и на Мороза баллоны катила.

– Да сравнил! Мороз что, индей вот только, а так ничего, даже красивый. А этот... ну, страшён, ну... Ты пост хоть мне поставь, а то я одна...

– Чего тебе поставить? – удивился Фёдоров.

– Да ну тебя, – отмахнулась Маня. – Я о деле, а у тебя одно на уме.

– И денег у него много, – сказала Нюра. – И набрал всего, как роту кормить, и с сотенной сдачу набирали.

– Ну да, пачка сотенных, – подхватила Маня. – А ссуду комитетскую ещё не мог получить.

Фёдоров задумчиво кивнул, но сказал:

– Ну и что? И вот, тот же Мороз, ты же сама мне говорила, с деньгами был.

– Не пьёт парень, вот деньги и водятся, – отрезала Маня. – А этот не иначе, как ограбил кого. Ты бы, Родя, увидел его, так... да ему за одну морду статью вешать можно.

– А твоя... на сколько статей потянет, – встал он. И когда Маня с Нюрой отсмеялись, сказал серьёзно: – Ладно, всё утрясётся.

Прямо от них он, тоже как всегда в такие дни, пошёл к Ванину. Комендант сидел в своём кабинете, приводя бумаги в порядок.

– Как к тебе ни зайду, так ты в бумагах.

– Так для тебя ж и делаю, у милиции бумаги всегда на первом месте, – ответил, не поднимая головы, Ванин. – Надо ж новоприбывших оформить.

– Много въехало?

– Одна семья. Но стóят... многих.

– Большая семья?

Фёдоров плотно, для долгой беседы, уселся у стола коменданта.

– Муж с женой, да двое детей, – комендант улыбнулся. – Мальчишка там... ушлый. Пока мал, конечно, а потом... отцу хлопот много будет, а лет так через десять и тебе может.

– Десять лет ещё прожить надо, – хмыкнул Фёдоров.

– А отец? – комендант начал отвечать на непрозвучавший вопрос и пожал плечами. – А что отец? Вроде, мужик с головой. Он уже про тебя спрашивал.

– Про меня? – очень удивился Фёдоров.

– Про отделение. Он оружие привёз, ну, и хочет разрешение зарегистрировать.

– Разрешение ещё получить надо.

– У него есть, – комендант дописал строчку, показал страницу Фёдорову и захлопнул книгу учёта жилого фонда.

– Пять комнат, значит, – кивнул Фёдоров. – Запасливый.

– В пределах нормы, а бóльших у меня и нет. Но по жене судя, на вырост взял.

– Бывает. Так ты говоришь, мальцом через десять лет заниматься придётся, – встал Фёдоров. – Ну, тогда я пошёл.

– С богом, участковый, – проводил его комендант.

К новым жильцам – Черновым – Фёдоров пошёл вечером, когда дома нет только работающих во вторую смену.

Он не ждал, что ему так легко, ни о чём не спрашивая, откроют. И не ждал, что страх Мани сразу получит такое наглядное подтверждение. Да, от одного вида высокого широкоплечего негра не по себе делается. И в руках ничего, и одет по-домашнему, а пробирает. Как ещё Маня прямо за прилавком в обморок не грохнулась? Не иначе, за выручку испугалась.

Представился он по-русски, но дальше разговор повёл по-английски, чтобы ссылок на незнание языка не было.

– Ваши документы, пожалуйста.

– Да, сэр, – так же по-английски ответил негр.

Зина сгребла, прижала к себе детей. Катя сразу уткнулась в её юбку, спряталась, а Дим подсматривал, но стоял тихо. Тим покосился на них через плечо, и Зина, сразу поняв, ушла с детьми в кухню. Тим перевёл дыхание. Все их вещи были сложены в прихожей прямо на полу в углу, и его сумка там же. Тим взял её, открыл и достал документы, протянул всю пачку.

– Пожалуйста, сэр.

Но приём – сразу дать просимое и тем одновременно освободить свои руки и связать руки противника – не прошёл сработал. Фёдоров брал по одной бумажке, просматривал и

возвращал. Руки оказались связанными у Тима.

Разрешение на оружие Фёдоров просмотрел особо внимательно.

– А где само оружие?

– Да, сэр, – кивнул Тим, убирая остальные бумаги обратно в сумку.

Теперь, когда стало понятно, зачем пришёл этот полицейский – нет, здесь же милиция, милицейский, нет, милиционер, правильно – он почти успокоился. Бросив сумку к вещам, Тим вошёл в уборную и через несколько секунд вернулся со свёртком.

– Вот, сэр.

Фёдоров сверил марки, номера, вытащил из ножен холодно блестящий кинжал, осторожно, но умело попробовал заточенное с двух сторон лезвие.

– Малец не доберётся? – спросил он по-русски.

– Нет, – так же по-русски ответил Тим. – Надёжно.

Фёдоров вернул ему разрешение и оружие.

– На регистрацию в понедельник придёшь, в отделение.

Где это, знаешь? – Тим кивнул. – В четвёртый кабинет.

– Когда в понедельник? – спросил Тим.

– У тебя какая смена?

– Я ещё не знаю. Сказали, что график скользящий, и в четверг во вторую, – обстоятельно ответил Тим.

Фёдоров кивнул. А неплохо по-русски говорит, и понимает вполне. И разрешение выдавала контора... известная.

– Это где, в стройуправлении?

– Нет, – Тим улыбнулся нехитрой ловушке. – На автокомбинате.

– Вот в свободное время и зайдёшь. С оружием и документами.

Тим кивнул. И тут из кухни осторожно выглянула Зина. Из-за её бока сразу высунулась мордашка Дима. Фёдоров улыбнулся им. Козырнул.

– Извините за беспокойство. До свидания.

– До свидания, – ответил за всех Тим.

Зина только беззвучно шевельнула губами, а Дим хотел что-то сказать, но Зина закрыла ему рот ладонью.

Тим, ловко удерживая в одной руке свёрток и документы, проводил милиционера до двери, вежливо из-за его спины открыл её перед ним и, когда Фёдоров вышел, без стука захлопнул и быстро дважды повернул оба замка. Вывернувшись из-за Зины, Дим кинулся к нему, но Тим взглядом остановил его и пошёл в уборную. Вышел он оттуда почти сразу же уже без свёртка, в два шага пересёк прихожую, взял свою сумку и спрятал туда разрешение. И, только положив сумку на место, повернулся к стоящим в дверях кухни Зине с детьми и улыбнулся им. Зина сразу засмеялась и заплакала, а Дим с Катей кинулись к нему.

Тим почувствовал, что Катя дрожит, и взял её на руки. Катя обняла его, уткнувшись лицом в его шею.

– Пап, – дёрнул его снизу за рубашку Дим. – Пап, ты со-

всем-совсем не испугался?

Тим улыбнулся.

– Бояться можно, Дим. Нельзя показывать страх.

– Всегда-всегда?

– Иногда можно и показать, – продолжал улыбаться Тим, глядя куда-то в пустоту над головой Зины.

– А когда можно? Ну, пап?!

– Когда это нужно, Дим.

Зина подошла и обняла Тима вместе с Катей. Дим, цепляясь по-обезьяньи, полез по Тиму наверх. Тим помог ему и встал так, чтобы их головы были вместе.

Наконец Катя перестала дрожать, а Зина плакать.

– Ну вот, – Зина вытерла глаза и улыбнулась. – Поздно-то уже как, ночь совсем. Спать пора.

– Да, – Тим опустил детей на пол. – Пора.

– Тима, – захлопотала Зина, – спать на кухне, может, будем. Там, вроде, потеплее. И обжили уже.

– На первую ночь сойдёт, – согласился Тим.

Два одеяла, простыни, его и Зинина куртки, ещё всякие вещи... Ладно, бывало и хуже. Но завтра же надо купить и постели, и кровати, и вообще... Ремонт делать не надо, так что они могут сразу обставлять квартиру. Всё это Тим сказал Зине, пока они сооружали на кухне постель.

– Ну да, ну да, – кивала Зина, заворачивая их обувь в какие-то тряпки, чтобы сделать изголовье. – Сегодня уж побегенски, конечно.

– Сначала... сначала с утра пойдём в Старый город. Мне про один магазин рассказали. К Филиппычу. Там всякую мелочь хозяйственную и купим. И постели. Привезём и тогда в мебельный, – говорил Тим.

– Тима, а с одеждой-то?..

– В четверг с утра, – сразу решил он. – Мне во вторую, успеем. Ну вот. Спать только в одежде будем.

– Я рейтузики на них надену, – сказала Зина. – Прямо на голое. И свитерки. Не замерзнут.

Наконец улеглись. Дети в серёдке, они с Зиной с боков. И тихая темнота, наполненная сонным дыханием детей. И, как прошлой зимой, тёплое тельце Дима рядом, и прямые тонкие волосы Дима, колышущиеся возле лица. Но нет, он слышит дыхание ещё двоих. Совсем тихое, даже сейчас испуганное Кати, и ровное приятное тепло дыхания Зины. Да, это последняя ночь, когда они спят вот так, в одежде, вповалку, как в рабском бараке. Больше такого не будет. Это его дом, и он будет не хуже тех домов. И... и Зина права: будет лучше. Это его семья, его дом. Как говорили в лагере? Если выжили, то и проживём. Да, всё так. И... и спасибо Старому Сержу, что сделал это для него и Дима. Здесь жить можно. И он будет здесь жить. Раньше, когда они с Димом вот так спали, он обнимал сына, прижимая его к себе. И сейчас Тим вытянул руку, накрыл ею и Дима с Катей, и Зину. Вот так. Он всё сделает, чтобы защитить их. Они доверились ему, и он их не предаст.

Тетрадь пятьдесят третья

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

За свою жизнь Эркин пьяным был дважды, по-настоящему пьяным. Когда Джонатан напоил его и Андрея коньяком и когда они вдвоём уже сами напились на Равнине и еле добрались до своего костра. И каково ему было наутро, он хорошо помнил. И сейчас похоже... похоже, то же самое. Тяжёлая – не поднимешь – голова, тяжесть во всём теле, рот и горло горят, и... и, ну, ничего он не соображает. И глаз не открыть, и всё, как будто, не его. Эркин попытался разлепить веки. В получившуюся щёлочку неприятно ударил свет, и он опять зарылся лицом в подушку. Да, в подушку. Значит... значит, он где? Постепенно он не так сообразил, как ощутил, что лежит на животе, обхватив руками подушку, на спине и плечах приятная тяжесть одеяла, от подушки еле ощутимо пах-

нет руками Жени. Женя... А Женя где? Рядом никого нет. С третьей попытки ему удалось приоткрыть глаза. И увидеть знакомую наволочку и пол. Отмытый выскобленный и натёртый паркет. Да, точно, пахнет мастикой, а ещё... ещё краской и... обойным клеем. Эркин начал вспоминать, что же такое вчера было? Новоселье. Беженское новоселье. С утра и до... допоздна, до ночи. И светло как. Проспал?! Он рывком сел, отбросив одеяло и тут вспомнил, что сегодня выходной, да, чёрт, воскресенье. И... и вроде голоса где-то.

– Эрик! Ты уже встал?

Охнув, он нырнул обратно под одеяло, но Алиса уже вошла и села на корточки рядом с ним.

– Мама, он моргает! – звонко оповестила она мир. – Эрик, а мама блинчики делает. Ты любишь блинчики?

Для удобства разговора Алиса села ему на грудь, а потом, скинув тапочки, решила залезть под одеяло. Положение Эркина было безвыходным, но, на его счастье, пришла Женя, велела Алисе отстать от Эркина и ловко подсунула ему под одеяло чистые трусы.

– Алиса, ну, куда ты? Проснулся, милый? – и легко скользнувший по коже поцелуй в висок. – Тогда вставай, завтракать будем.

Она ещё раз поцеловала его, уже в щёку, встала и вышла, уводя Алису. Эркин под одеялом натянул трусы, откинул одеяло и встал, потянулся, сцепив руки на затылке. Одеваться не хотелось, всё тело гудело, будто он вчера... чем он, чёрт

возьми, вчера занимался? Всё как не его, надо хоть немного потянуться, суставы размять. Сейчас, даже если и увидит кто с улицы, не страшно. Он в трусах, всё прикрыто и... и шторы есть! Сине-белые, собранные с двух сторон от окна. Ну да, они же вчера и шторы повесили, и – Эркин задрал голову, проверяя себя – и люстру. И обои поклеили. Во всех комнатах. Ну и денёк был вчера...

...Встали по будильнику, как в будни. На этот раз Женя подняла и Алису. Наскоро позавтракали и стали готовиться. Свернули в рулоны постели, снова связали в узлы одежду, Алиса собрала все свои игрушки в рюкзачок. И еле успели, как взорвался первый звонок. Пришли Виктор и Антон с жёнами. И началось...

...Эркин потряс головой. Ну вот, вроде размялся.

– Эри-ик! – снова влетела Алиса. – А блинчики уже стынут.

– Мг-мм, – язык всё ещё плохо ворочался, и потому он ограничился мычанием.

Он взял свои рабские штаны, жёсткие от пятен лака, клея, а здесь он что, трубу задел? Бирюзовая полоса точно поперёк задницы. Эркин бросил штаны обратно на пол и с наслаждением зашлёпал по чистому полу на кухню.

– Ага, встал, – улыбнулась ему Женя. – Умывайся и завтракать будем.

– Мг-м, – согласился Эркин.

Ладно, посидит он в одних трусах, ничего. Он узнавал и

не узнавал квартиру. В прихожей новенькие золотисто-жёлтые «солнечные» обои, большая нарядная вешалка красновато-коричневого дерева, с зеркалом, ящичками, подставкой для обуви и полкой для шапок. И даже со стулом-тумбочкой, чтобы обуваться, сидя, а не... Это... это тоже им кто-то принёс, разобрannую, и они её собирали и монтировали. В уборной на полу пушистый бело-розово-голубой коврик, а на стене ящичек с держалкой для рулона. И в ванной на полу у душа, у ванны и раковины коврики, и занавеси у душа и ванны, и шкафчики все повешены, и полочки. Эркин вымыл руки и, кладя мыло на место, увидел себя в зеркале. Ага, точно с высотой подгадали. А ничего, морда не такая уж опухшая. Эркин ещё раз ополоснул лицо холодной водой, сдёрнул с вешалки у раковины новенькое красное с розами мохнатое полотенце, вытерся и повесил его, аккуратно расправив. Также подарили. Оглядел ванную. А здорово как получилось. И совсем на Палас не похоже. И защёлка на двери теперь другая, красивая. Да она особо и не нужна с такими занавесями.

– А вот и Эрик! – встретила его Алиса. – Мама, Эрик пришёл, давай блинчики. Эрик, а спорим, я больше съем!

– Алиса, не шуми, а то ничего не получишь, – строго сказала Женя. – Эркин, ты со сметаной или с вареньем хочешь?

– Мм, – неопределённо промычал Эркин.

Рот у него был уже набит, и его – в общем и в принципе – устраивали оба варианта. Женя поняла это и рассмеялась.

– Ешь на здоровье, – и погладила его по взлохмаченной голове.

И Эркин счастливо улыбнулся ей.

К концу первого десятка блинчиков он ощутил, что язык его слушается, и вздохнул.

– Женя, – виновато начал он, – я здорово вчера перебрал?

– Да нет, – пожала плечами Женя, подвигая Алисе чашку с чаем. – Не больше остальных.

Эркин снова вздохнул.

– Я... я языком много трепал?

– Тоже нет, – улыбнулась Женя. – Что с тобой, Эркин?

– Не помню, чтобы пил, а как пьяный, – ответил Эркин.

Женя ласково улыбнулась ему.

– Такой уж был день, Эркин.

Алиса допила чай, взглядом, вздохнув, проводила конфету, которую Эркин рассеянно вертел в руках, и решительно слезла со стула.

– Я играть пойду.

– Иди, конечно, – кивнула Женя.

Эркин сунул конфету за щеку и стал крутить из фантика жгут.

– Женя... что вчера было?

– Ты что? – изумилась Женя. – Забыл?! – но, видя его несчастное лицо, стала рассказывать: – Ну, с утра мы всё подготовили. Потом пришли Виктор с Клавдией и Антон с Татьяной.

– Это я помню, – кивнул Эркин. – Мы дальнюю комнату делать стали.

– Ну вот. Потом стали приходиться из твоей бригады.

Эркин снова кивнул.

– Да, это я помню...

...Квартира наполнена шумом и толкотнёй. В прихожей прямо на пол свалены полушубки и пальто, гора валенок, бурсок, тёплых сапог. Обдираются старые обои, отскабливается паркет, из комнаты в комнату таскают три стремянки – откуда их столько? – и белят потолки, красятся трубы, на кухне кипят чайники и ведро картошки, клеятся обои...

...Женя с улыбкой продолжала:

– Потом пришли из машбюро, – она хихикнула. – Люба стала поздравлять тебя с новосельем и целовать. Ты поглядел на неё дикими глазами, – Женя снова хихикнула, – и удрал в кладовку.

– Угу, – Эркин вздохнул. – Мы там стеллаж как раз вымеряли. Но это я помню. Потом ещё этот, белёсый, пришёл. Гуго, да? Я на него тоже дикими глазами глядел?

– Не то слово, – Женя улыбкой прикрыла смущение. Этого она никак не ждала и даже растерялась. Как и в первый раз...

...Она шла по коридору, когда за её спиной прозвучало странное здесь, мучительно знакомое обращение:

– Мисс Малик?! – и сразу ещё более неожиданное: – Фройляйн Женни?

Она обернулась и увидела. И сразу узнала.

– Гуго? – удивилась она. – Это вы?!

– Да, – он счастливо улыбался., – Майн готт mein Gott, какое счастье, что вы здесь! Вы здесь, где вы?

– В машбюро, – улыбнулась она. – А вы?

– В конструкторском отделе. Но... но как же я вас раньше не встречал?

– Я только с понедельника работаю.

– Женни, фройляйн Женни, вы не поверите, но я ни на минуту не забывал вас.

Его радость невольно тронула её. Всё-таки... но надо, надо сказать сразу.

– Спасибо, Гуго, поверьте, я тронута. Но... но я уже не мисс Малик.

– Mein Gott Майн готт, какие пустяки. Меня здесь называют, – он рассмеялся и старательно выговорил: – Георгий Карлович, а вы, фройляйн Женни...

– Да, – перебила она его, – да дело не в имени, но я больше не мисс, и не фройляйн. Я замужем, Гуго.

И показала ему свою руку с кольцом. Его лицо сразу стало серьёзным. Он медленно взял её за запястье и, не глядя на кольцо, поцеловал в тыльную сторону.

– Вы знаете о моём отношении к вам... – он сделал выразительную паузу.

– По-русски Женя, – пришла она ему на помощь.

Из двери машбюро выглянула и тут же скрылась Вера. Гу-

го это тоже заметил.

– Да, конечно, Женя. Я всё понимаю. Надеюсь, вы мне позволите проводить вас, – и улыбнулся. – Как когда-то.

Она кивнула, они вполне корректно попрощались, и, уже сидя за своим столом под перекрёстными взглядами остальных, она вспомнила, что сегодня Эркин специально придёт её встречать с санками, они же сегодня собирались купить обои на всю квартиру. И вот тут ей стало страшно. В Джексонвилле Эркин едва не убил Рассела, преследовал Гуго, а здесь...

...Женя налила Эркину ещё чаю и улыбнулась. Слава богу, обошлось. Эркин её, конечно, ждал на улице. А Гуго шёл с ней от внутренней проходной. И всё машбюро так и шло за ними. Она представила Гуго и Эркина друг другу. К разочарованию девочек – Женя улыбнулась воспоминанию – ничего не произошло. Гуго вежливо приподнял шляпу. Эркин не менее вежливо кивнул. И они разошлись. Девочкам она сказала, что знакома с Гуго ещё по Алабаме, вместе работали. А завтра об этом знал уже весь завод. Во всяком случае, когда завтра она пришла к Лыткарину за очередным заданием, там опять сидел его приятель – Олег Рыков – и прямо-таки изнывал от любопытства. Вот тоже человеку делать нечего! Но пришлось и им обоим рассказать про Гуго и их работу в Джексонвилле. Но что Гуго придёт на беженское новоселье, она никак не ожидала. Гуго принёс очень красивую картинку, пейзаж, потом они повесят её в гостиной, по-

здравил её и Эркина, и... как все, сбросил пальто и пиджак, закатал рукава рубашки и стал заниматься проводкой. Это он сделал в кладовке разметку под розетки, верхний и боковой свет. Как хорошо, что они купили сразу десяток розеток, вот и хватило на все комнаты.

– Гуго нам очень помог.

– Угу, – кивнул Эркин. – А потом? Потом ещё приходили, так?

– Да. Тим с Зиной пришли.

Эркин кивнул. Их он никак не ждал...

...На очередной звонок в дверь побежала, путаясь в слишком длинном фартуке, Алиса. И её звонкий голос перекрыл шум разговоров и стук молотков.

– Дядя Тим, тётя Зина, здравствуйте! Э-эри-ик, ещё пришли!

Он вынырнул из кладовки, увидел Тима и Зину, вернее, Зинину спину. Та уже обнималась и целовалась с Женей. Тим мрачно оглядел его и камерным шёпотом сказал:

– Так если бы Дим не проболтался, я бы и не знал, так?

– А я не думал, что тебе отдельное приглашение нужно, – ответил он, пожимая плечами.

– Поганцем ты был, поганцем и остался, – констатировал Тим, снимая куртку.

– От сволочи слышу.

Но тут его стала целовать Зина, а Женя пожимать руку Тиму, и тут же вертелась Алиса, спрашивая, почему не при-

шли Димка с Катей. Словом, они на этом с Тимом закончили...

...Женя улыбнулась.

– А Тим как хорошо тоже в проводке разбирается, правда?

– Ага, – кивнул Эркин и не удержался: – по току он специалист.

Женя удивлённо посмотрела на него, и он поспешил продолжить:

– Ну, это я всё помню, я ещё не пил. А потом?

– Потом, когда всё сделали, сели за стол. Кто остался.

– Ага, помню. Но... но стола не было. Я что, был уже?..

Женя рассмеялась.

– Нет, всё правильно. В большой комнате постелили самую большую скатерть, и все сели вокруг на пол. Алисе очень понравилось. И ты сказал замечательную речь.

– Я?! – изумился Эркин. И решил уточнить: – И сколько я до этого выпил?

– Выпил ты после речи. Как все. Полстакана.

Эркин потёр лицо ладонями.

– Это я тоже помню. Но... Женя, не говорил я никаких речей.

Женя ласково покачала головой.

– Это была замечательная речь. Вспомни.

Эркин недоверчиво посмотрел на неё. Да, это он помнил...

...Белая скатерть на полу, тарелки и миски с дымящейся

картошкой, винегретом, нарезанным салом, толстыми ломтями хлеба, огурцами, грибами, ещё чем-то, стаканы, чашки, жестяные кружки. Лица людей, знакомые и незнакомые сразу. Медведев и Лютыч разливают водку. Смех, шутки, сидят прямо на полу, как у ковбойского костра. Женя, Баба Фима, Зина, Клавдия и ещё какие-то женщины расставляют тарелки.

– Ну, Мороз, – кивает ему Медведев, – Давай.

– Чего? – не понимает он.

– Хозяину слово, – веско говорит Саныч.

– Речь давай, – смеётся Колька.

– Давай-давай, – кивает Антон.

И насмешливый взгляд Тима, и внимательный Гуго... и Женя, её глаза... Он берёт свой стакан и видит, как все тоже поднимают стаканы, чашки, кружки.

– Люди... Спасибо вам, люди...

Горло ему перехватывает судорога, и, спасаясь от неё, чувствуя, что заплачет, он залпом пьёт водку, не ощущая вкуса, и Баба Фима подсовывает ему огурец и хлеб с салом.

– Ты, милоч, закусывай, главное, закусывай.

– Во! – Колька, выпив, крутит головой. – Душевно сказал.

– Главное – по делу, – кивает Лютыч...

...Эркин вздохнул.

– Ничего не понимаю. Всё помню, а... а будто напился.

Женя рассмеялась.

– Ты просто устал. Шутка ли – такой день. Может, пой-

дёшь ещё поспишь?

Эркин задумчиво оглядел свою пустую чашку, но ответить не успел. Потому что позвонили в дверь, и Алиса бросилась в прихожую с радостным воплем:

– Опять гости! Я открою! – и после щелчка замка: – Баба Фима пришла! Здрасьте!

– Здравствуй, здравствуй.

Баба Фима в своём неизменном платке вплыла в кухню.

– Чаёвничаете? Ну, чай да сахар вам. Возьми-ка, Женя.

Она выпростала из-под платка руки с цветочным горшком.

– Ой, – удивилась Женя. – Фиалка?

– Она и есть, – кивнула Баба Фима, усаживаясь за стол. – Ты её на окно поставь и до завтра не поливай, пусть привыкает, – и с улыбкой посмотрела на Эркина. – С похмелья никак?

Ласковая насмешка в её голосе не обидела его. Он снова потёр лицо ладонями и, кивая, улыбнулся. Да, всё он вспомнил и, что делать, знает.

– Ну, так ты, Женя, – она снова улыбнулась, – ему не чаю, а рассолу бы огуречного налила.

– Спасибо, Баба Фима, – Эркин с улыбкой покачал головой. – Похмелье тем лечат, от чего опьянел, так?

– Ну, так, – кивнула Баба Фима.

– Ну, так я ж не рассолом вчера напился, – Эркин встал из-за стола. – Спасибо, Женя. Я, – и озорно улыбнулся: – я

похмеляться пойду, – и вышел из кухни.

Женя, только сейчас сообразив, что Эркин так и сидел за столом в одних трусах, смущённо покраснела. Но Баба Фима успокаивающе кивнула ей.

– Ничего, Женя, это всё ничего.

В спальне Эркин надел рабские штаны, затянул узел и огляделся в поисках тенниски. Ах да, он же её вчера ещё с утра порвал, вернее, она буквально лопнула на нём и расползлась, когда он помогал ребятам из бригады затаскивать брусья и доски для стеллажа – подарок от бригады на новоселье. Да, правильно, он тогда снял, содрал с себя эти остатки и куда-то бросил. И уже до конца оставался только в штанах, даже штанины до колен засучил. Ну, так и сегодня сойдёт.

Он прошёл в кладовку, щёлкнул выключателем. Под толчком вспыхнула лампочка. Надо будет и сюда абажур купить. Он теперь знает, как это делать. И на боковые лампы, как их, да, бра над верстаком. Ох, какой же стеллаж вчера сделали! Во всю кладовку, с верстаком... Вот он сейчас все доски и загладит рубанком. Тогда можно будет вещи разложить, пока шкафы не купят. Вчера, когда размечали и укладывали доски, так и решили. Всё разметить и подогнать, а загладит и закрепит их он сам. Вот так. И вот так.

На кухне Баба Фима, прислушавшись к звуку рубанка, покачала головой.

– Это он так опохмеляется?

Женя, улыбнувшись, кивнула.

– Ну да. Он вчера от работы опьянел. Я его впервые таким видела, – и тут же поправилась: – Ой, нет, конечно, я же видела, как он с Андреем, это брат его, работают. Он... он в работе себя не жалеет.

Баба Фима вздохнула.

– Сто тысяч по трамвайному билету, а не парень. Он ведь и выпивки не любит, и к куреву спокойный, – Женя снова кивнула, и Баба Фима задумчиво продолжала: – Индеи, говорят, во всём такие. Ни в чём удержу не знают. Ни в любви, ни во вражде. А дружок его, ну, этот, высокий, чёрный, Тимой, вроде зовут, он, похоже, тоже... харáктерный. Ему, когда, в ту субботу делать будем?

– Да, наверное, – кивнула Женя.

Они уже говорили об этом вчера. Зина было засмушалась, стала отнекиваться, что у них-то квартира хорошая, ремонта никакого не нужно, но на неё прикрикнули, что нечего обычай ломать. Ко всем сначала присматриваются, что за люди, а если видят, что стóящие, то уж надо помочь.

– Я к ней зайду сегодня, – сказала Женя, расставляя тарелки на сушке. – Посмотрим, обговорим всё.

– Зайди-зайди, – покивала Баба Фима.

– А может, – улыбнулась Женя, – может, сейчас и пойдём?

– А чего ж и нет, день на дворе, ежели и спали, – лицо Бабы Фимы было добродушно лукавым, – то уж встали на-верняка.

Женя налила и поставила перед ней чашку с чаем.

– Попейте чаю, Баба Фима, пока мы соберёмся.

– И тоже дело, – одобрила Баба Фима.

– Мы в гости пойдём? – всунулась в кухню Алиса. – К Димке с Катькой, да? И я с вами, да? Ну, мам?!

– Ну, куда же без тебя, – засмеялась Баба Фима. – Садись вот. Пока мамка с папкой одеваются, посиди со мной.

– А чего мне делать? – спросила Алиса, залезая на стул.

– Потчевать меня, разговором занимать. Ты – хозяйка, а я – гостья, вот и давай, своё дело хозяйское сполняй.

– Ага-ага, – кивнула Алиса.

Женя быстро прошла в кладовку.

– Эркин, – он сразу обернулся к ней. – Переодевайся. Сейчас к Тиму пойдём. Ему в ту субботу беженское новоселье делаем, надо посмотреть, что и как.

Женя с улыбкой, любуясь им, смотрела, как он отложил рубанок, вставил доску на место в стеллаже и подбил её молотком, выбил из рубанка стружки, смёл их щёткой с верстака и быстро подмёл пол, у него теперь здесь было своё ведро для мусора с совком и веником.

– Женя, – Эркин встал перед ней, обтирая ладони о штаны, – я думаю, клеёнки купить, застелить полки. Оклеивать их, думаю, не стоит, а застелить... пойдёт, а?

– Пойдёт, – кивнула Женя.

– Я умоюсь ещё только.

Выходя из кладовки, Эркин уже привычно щёлкнул выключателем и закрыл дверь на задвижку.

Баба Фима как раз заканчивала свою чашку под светский разговор о погоде и преимуществах варенья перед конфетами, когда Женя вошла в кухню уже в платье и черевичках.

– Алиса, если хочешь идти, то давай, одевайся.

– Как для коридора, да? – слезла со стула Алиса. – Мам, а где теперь всё?

Женя, извиняясь, улыбнулась.

– А конечно, – кивнула Баба Фима. – Я подожду.

И наконец – Алиса в ботиках, пальто и фетровой шапочке, Женя в черевичках и платье с платком на плечах, Эркин в джинсах, тёплой рубашке и сапогах, а во главе процессии Баба Фима – все они пошли к Тиму. По коридору к лестнице, перешли в центральную башню, поднялись на четвёртый этаж, и вот двести сорок седьмая квартира. Эркин позвонил. И детский голос спросил из-за двери:

– Кто там?

Опередив взрослых, ответила Алиса:

– Димка, это мы!

– Мам! Пап! – раздался ликующий вопль вперемешку с щёлканьем замка. – У нас тоже гости!

Сам бы Дим, конечно, не справился бы с замком. Открыл Тим. Быстро оглядел пришедших и отступил, впуская в квартиру. Зина из-за его спины заговорщицки кивнула Жене и Бабе Фиме и стала шумно здороваться. Пока женщины ахали и целовались, Тим и Эркин осмотрели друг друга. Тим был по-домашнему: в рабских штанах и рубашке, и новых

кожаных тапочках на босу ногу.

– Ой, да не разувайтесь вы, – замахала руками Зина на попытку Жени снять черевички. – У нас ещё полы не такие, чтоб разуваться.

– Ну, давай, хозяйка, – кивнула Баба Фима. – Показывай, что у тебя тут и как.

Тим и Эркин одновременно посмотрели на Бабу Фиму, снова друг на друга и сдержанно улыбнулись.

– Давай, Тим, посмотрим, – предложил Эркин.

– Смотри, не жалко, – повёл плечом Тим.

Они не спеша пошли по квартире. Да, конечно, обои на месте, двери не расшатаны, на паркете никто костров не разводил, но поскоблить бы его не мешало. И натереть, как следует. О чём Эркин и сказал. Тим настороженно кивнул.

– Хорошая квартира, – заметил Эркин, переходя в следующую комнату.

Не отдавая себе в этом отчёта, он сейчас подражал Медведеву. Когда в среду после работы к нему домой пришли Медведев с остальными, они так же ходили, смотрели, хвалили и обсуждали, что, как и кто будет делать. Он тогда, наслушавшись, понял, что сам бы колупался месяц, а то и больше.

В дальней комнате они остановились у окна.

– Обои я менять не буду, – сказал Тим и добавил: – Пока.

– И с обстановкой потянешь, – понимающе кивнул Эркин.

– Да. Ты тоже не всё ещё сделал, так?

– Дом закончен – пора умирать, – улыбнулся Эркин. –

Слышал я такое. Да и... спешить некуда, у меня вся жизнь впереди.

– Да, – согласился Тим. – Слушай, эти, ну, из бригады твоей, сговаривались с тобой?

– Да, – сразу понял его Эркин. – Ещё в понедельник. А в среду пришли, посмотрели, обговорили всё. Материал мой, а остальное... Хотя вот, для кладовки брус и доски они принесли, – и улыбнулся, – в подарок.

Тим кивнул.

– Понятно. Мне... мне тоже в цеху сказали, что придут.

– Прописался?

– Да, порядок. Двадцать с небольшим ушло. Слушай, это... беженское новоселье тоже... вроде прописки получатся, так?

– Так, – удивлённо согласился Эркин. – Получается... что так. Я не думал об этом.

– А о чём ещё ты не думал? – поинтересовался Тим.

– А я тебе отчитываться должен? – немедленно ответил Эркин. – Пошли, кладовку посмотрим. Стеллаж будешь делать?

– Самое удобное, – кивнул Тим.

Он явно хотел о чём-то спросить, пока они одни, но медлил. А Эркин не стал помогать ему, но и не торопил, продолжал стоять рядом. Они стояли у окна, разглядывая заснеженную площадь перед домом, казавшийся отсюда совсем маленьким магазин, редких прохожих.

– Слушай, – наконец разжал губы Тим. – Ты... вы как спите?

– Чего? – переспросил Эркин, еле заметно сощурился глазами.

– Ну, одеял сколько?

– Одно, – ответил Эркин.

Тим сосредоточенно кивнул. Он сам не знал, о чём и, главное, как спрашивать. Ведь... ведь вроде всё обошлось, но ему-то хочется, чтоб всё было хорошо, по-настоящему, а не по-рабски. А как говорить об этом? Непонятно...

...Среда прошла в суматошной беготне. С утра они пошли к Филиппычу. И приехали оттуда на нагруженных санях. Кухонный шкафчик, постели, посуда, всякая хозяйственная мелочь... Зина сначала всё оглядывалась на него, спрашивала, и он повторял:

– Бери всё, что надо.

Там же – у Филиппыча и впрямь было всё! – купили и три кровати. Две маленькие, чуть побольше детских, и большую двуспальную. Да, конечно, крепкие, новые, но явные самоделки, потом надо будет их заменить, купить красивую спальню, но он спешил. Больше они спать на полу, по-рабски, одетыми и вповалку не будут! Он бы и шкаф сразу купил, но шкафа у Филиппыча не было, шкафы только под заказ, так что ограничились вешалкой в прихожую и комодом. Еле довели, еле втащили, больше семисот рублей ушло, не считая за подвоз и помощь при разгрузке. Расставили, как получилось. Впопыхах чем-то пообедали. Распилили кое-как

покупки и снова пошли в город. Уже в центр, в Торговые Ряды. На три кровати у них же даже постельного белья нет. Дим и Катя снова остались одни, и Зина всё волновалась, и он тоже начал психовать, подозревая, что изобретательный Дим найдёт, чем занять себя, и не Кате его остановить, так что неизвестно, будет ли цела квартира к их возвращению. Но обошлось наполненной водой ванной с плавающими там кастрюльками и мисками. И до вечера устраивались, а в четверг ему уже на работу. Хорошо, что во вторую смену, так что с утра он себе хоть тёплой одежды успеет купить. Но до четверга ещё была ночь. Его первая ночь с Зиной в супружеской постели. В комнате, которую они определили, как свою спальню, стояли кровать, комод и табуретка – одежду сложить. Голое окно без штор, голая яркая лампочка под потолком. И у детей в комнатах – кроватка и табуретка – и всё. Да на подоконниках в одной комнате – кукла, в другой – машинка. Катя хныкала, боясь оставаться одна, Дим храбрился, но, когда он наклонился поцеловать сына на ночь, уцепился за его шею и долго не отпускал. Зина придумала включить свет в прихожей и оставить открытыми двери, чтоб хоть темноты такой не было. И сказала ему:

– Ты, Тима, к стене ложись. Если что, я ночью к ним встану.

Сказала так просто, будто... будто всё само собой у них, будто... будто так и надо. Он ещё раз поцеловал Дима и Катю, проверил, надёжно ли заперта входная дверь – замки он

потом заменит, хреновые замки, к таким и отмычка не нужна – и вошёл в спальню. Стал снимать рубашку, старую, ещё рабскую – руки дрожали, как после нагрузки – подумал, что хорошо виден с улицы в освещённом окне, пошёл и выключил свет. На пол лёг жёлтый прямоугольник от открытой двери. Он отошёл в тень, разделся, сложив одежду на табуретку в привычном, как выучил ещё Грин, порядке, сел на край кровати, обтёр ладонью ступни – тапочек ещё не было, босиком ходили – откинул одеяло, лёг к стене, накрылся. Одеяло выбирала Зина, толстое, мягкое, как перина. От новенькой простыни – привезённые с собой оказались малы для этой кровати и пошли на детские – и от одеяла пахло странным непривычным запахом. Он лежал и слушал, как Зина зашла к детям, пошептала с ними. Он уже знал, помнил по лагерю этот тихий неразборчивый шёпот, где слова неразличимы, да и не важны, а от самого голоса делается тепло и спокойно. Вот её приближающиеся шаги. Он почему-то закрыл глаза и отвернулся к стене. И слушал. Зина покопалась в его вещах, вышла, открылась дверь ванной, вроде, зажурчала вода из крана, утихла, закрылась дверь, щёлкнул выключатель. Вошла в спальню. Села на край кровати. Зина на ночь всегда раскалывала свой узел, спуская косу. Да, вот звякнула упавшая на пол шпилька. И вот... легла. Он ощущал, чувствовал рядом её и... и лежал... как скованный... как... как будто ему релаксанта полный шприц вкатили.

– Тима, – позвала его шёпотом Зина. – Ты спишь?

– Нет, – так же шёпотом ответил он.

– Тима, – Зина повернулась набок лицом к нему. – Я рубашку твою взяла, замочила, утром чистую оденешь. На работу ведь.

– Да, – шевельнул он пересохшими непослушными губами.

– Хорошо, что во вторую тебе, да, Тима? Утром-то дел сколько. И Димочкино всё я тоже собрала, и Катино. Вывозились они, смотреть страшно. Я их выкупаю тогда завтра. Надо бы сегодня, да руки не дошли.

– Да... да... – соглашался он, не особо понимая, да и не пытаюсь понять её слова.

Зинина рука мягко коснулась его плеча, поправляя одеяло.

– Спи, Тима, ты устал как, спать хочешь...

– Нет, – ответил он неожиданно резко, рывком поворачиваясь к ней. – Нет, я тебя хочу.

– Господи, Тима...

Он обнимал её, прижимая к себе, её руки обвивались вокруг его шеи, её шёпот, тихий и совсем иной, не такой, каким она говорила с детьми, обжигал ему щёки.

– Господи, Тима, Тимочка, родной мой, Тимочка...

Мягкие тёплые губы Зины у его губ. Сбивающееся, мешающее одеяло. Он сталкивал его, отбрасывал, но оно почему-то снова оказывалось на нём, окутывая тёплой, мягкой, шепчущей тишиной...

...Тим тряхнул головой.

– Ты что-то сказал? Я не слышал.

Эркин спокойно выдержал его взгляд.

– Пошли, говорю, кладовку посмотрим.

– Да, пошли.

Они вышли из пустой комнаты, и Тим повёл Эркина в кладовку. Кладовок было две. И одна заметно холоднее.

– Здесь стена на шахту с вентиляцией выходит, – объяснил Тим шупающему стену Эркину.

– А, так это, значит, для продуктов, – решил Эркин. – У нас в кухне под окном такое.

– Видел, – кивнул Тим и усмехнулся. – Сначала подумал, что тайник.

– Тайник на виду не делают, – ответно улыбнулся Эркин. – Да они здесь и ни к чему.

Тим не стал спорить.

На их голоса подошли Зина с Женей и Бабой Фимой. Ещё поговорили, обсуждая всякие хозяйственные и очень важные мелочи, выловили заигравшуюся в прятки Алису и попрощались.

Дома Женя как заново оглядела их квартиру. Эркин сразу опять переоделся в рабские штаны и ушёл в кладовку доделывать стеллаж. Женя постояла в дверях кладовки, глядя на его сосредоточенную работу, и тихо ушла на кухню. Надо приготовить обед, разобраться наконец с подаренной посу-

дой, вещами... чем-то Эркин недоволен...

Женя не ошиблась. Эркин и впрямь злился. Прежде всего на себя. Его опыта вполне хватило, чтобы по Зине увидеть и всё понять: его советы Тиму ни к чему, она и так... довольна выше меры. Так этот... палач дал своей жене всё, а он... подставил тогда Женю и вот теперь... а он, чёрт, что это с ним, ну... ну, ничего он не может теперь сделать. Хоть языком всю квартиру вылизет, хоть накупят они всего, а... этого-то не будет теперь, как было, не вернёшь. И только на нём вина, упустил тогда в Гатрингсе этого гада, как его, а к чёрту, ещё имя помнить, так чудо, что Женя выжила, будь и за это благодарен и не думай, и не мечтай ни о чём. Не мечтай. Вот спальник ты поганый и есть, хорохорился, что не нужно тебе, что и без этого проживёшь, а вот же, всё равно одно на уме. Изнасилованная женщина всех мужчин ненавидит. А уж после «трамвая»... так скажи спасибо, что Женя за мужчину тебя не считает, рядом с собой терпит. И выкинь всю эту глупость из головы, а то ещё забудешься, полезешь спросонья, а тогда... и подумать страшно, что тогда будет. Зина эта аж светится, когда на своего... смотрит, а спальню когда показывала, то всё одеяло на кровати поправляла... и он, палач чёртов... да ну их! Повезло парню, так и хрен с ним!

Эркин яростно стругал, заглаживал, вставлял и закреплял доски. Алиса разрывалась между кухней, где готовился обед, и кладовкой, где так восхитительно пахло весело разлетающимися стружками. Упрямого молчания Эркина она просто

не замечала, болтая без умолку сразу обо всём.

– Эркин.

Он вздрогнул и оглянулся. Женя? Что-то случилось?

– Женя?! Что случилось?

– Ничего, – улыбнулась она. – Просто обед готов. Идём, пообедаем, потом закончишь.

Он посмотрел на неё и медленно кивнул.

– Да. Сейчас иду.

И когда Женя вышла, набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Нет, Женя ничего не заметила и не сердится на него. Можно жить дальше. Он очистил рубанок и верстак, подмёл. А ведь всего ничего осталось. После обеда в момент сделает. И они разложат вещи, повесят одежду. Вон для этого всё сделано. Ведёрко мусорное уже почти полное, надо будет, когда закончит со стеллажом, вынести.

Он вышел в ванную, вымыл руки, подумал и тут же над раковиной обтёрся до пояса холодной водой и умылся. Чтоб в голове прояснело.

Женя ему ничего не сказала, когда он сел за стол в рабских штанах, но Эркин понял и виновато улыбнулся ей.

– Я после обеда закончу в кладовке, там совсем мало осталось.

– Хорошо, – кивнула Женя, расставляя наполненные тарелки. – Алиса, с хлебом ешь.

– Ага, – вздохнув, согласилась Алиса.

Эркин с таким удовольствием ел капустный салат, что

Женя рассмеялась.

– Может, тебе и впрямь рассолу налить?

– Я уже опохмелился, – охотно подхватил шутку Эркин.

Женя весёлая, смеётся, шутит, так... так ему ж больше ничего и не надо.

– Мам, а я с вами к Димке с Катькой пойду? – Алиса не столько спрашивала, сколько утверждала.

– К Диме и Кате, – поправила её Женя и уточнила: – Если будешь себя хорошо вести.

– Целую неделю?! – ужаснулась Алиса и жалобно проныла: – Э-эри-ик...

– Раз мама говорит, значит, так, – ответил Эркин, заслужив благодарную улыбку Жени.

Вообще-то подобное уже бывало, и Алиса давно поняла, что все взрослые всегда заодно, и в качестве компенсации – надо же хоть что-то получить – попросила вон тот огурец. Чтобы его в суп нарезали. Женя охотно выполнила её просьбу.

– Эркин, а тебе?

Он молча кивнул. Женя улыбнулась: не было ещё случая, чтобы Эркин от чего-то из еды отказался, ему всегда всё вкусно.

– Мам, ты и себе нарежь. Знаешь, как вкусно.

Да, солёные огурцы – великая вещь. Надо будет регулярно покупать. А летом свои сделать. И вообще... больше заниматься домом. Конечно, здесь ни о дровах, ни о воде, ни о

канализации думать не надо. Значит, надо думать о дизайне, интерьере – вспомнила она слышанное на лекциях по домоводству в колледже. Деньги же есть.

– С понедельника займёмся мебелью. И знаешь, что, – Женя собрала тарелки из-под супа и поставила на стол тарелки с жаренной с мясом картошкой. – А сюда капусту. Так вот, Эркин, надо будет прикинуть сегодня, что за чем покупаем, составить план. Чтобы по мелочам деньги не ушли.

– Ага, – согласился Эркин. – И... и ты говорила, чтобы, как это, гарнитуром покупать, так?

– Так, – улыбнулась Женя. – Можно, конечно, и по отдельности, но не думаю, что получится дешевле.

– И красивей, – кивнул Эркин.

– Конечно, – обрадованно подхватила Женя.

На третье был компот. Яблочный. Тоже вчера им подарили банку. Нет, летом она обязательно займётся этим: соленьями, маринадами, компотами, в Старом городе огороды и сады у всех, можно будет купить даже дешевле, чем на рынке. А если договориться, что они сами собирать будут... Эта идея так же встретила полное одобрение Эркина и Алисы. Эркин тут же предложил, что он летом – дни ведь, говорят, будут длинные – может вообще наняться в Старом городе на подработку, даже опять на подёнку.

– А что, Женя, смена до трёх, или с трёх, на полдня свободно можно наняться.

Он так оживился, что Женя ограничилась кратким:

– Посмотрим, как с деньгами будет.

Эркин быстро внимательно посмотрел на неё и опустил глаза. Женя досадливо тряхнула головой и стала убирать со стола.

– Алиса, спать, маленькая.

– Ну ла-адно, – протянула Алиса.

Женя вышла из кухни проследить, как она умоется и переоденется, а Эркин занял место у раковины. И, когда Женя вернулась, он уже расставлял вымытые тарелки на сушилке.

– Всё, уложила, – улыбнулась Женя. – Тебе понравился компот?

– Да, – сразу улыбнулся Эркин. – Очень вкусно. Женя, я сейчас закончу кладовку, и вещи разложим. Ты... ты отдохни пока, поспи, ладно?

– Как Алиса? – рассмеялась Женя. – Нет, спасибо, конечно, но у меня стирки полно.

Эркин кивнул. Он смотрел на Женю и не мог отвести глаз. Нет, нет, всё это глупости, конечно, он обойдётся, перетерпит, Женю он не потревожит, она весела, довольна, забыла обо всём, он не напомнит ей, нет...

– Ты что, Эркин? – удивлённо спросила Женя.

Эркин вздрогнул и опустил ресницы.

– Нет, ничего, Женя. Я... я это так. Пойду, в кладовке закончу.

– Смотри, снова не опьяней, – пошутила Женя.

Эркин ответно улыбнулся и, ловко изогнувшись, чтобы не

задеть её, вышел.

Женя оглядела кухню, протёрла стол насухо и накрыла его поверх клеёнки скатертью. Вот так. Сюда бы ещё вазочку с цветами. А всё равно хорошо. Очень удачно купили плафон на кухню. Белый матовый шар, разрисованный бабочками и ягодами. И занавески удачно. С ума сойти, сколько за вчерашний день сделали. Во всех комнатах, прихожей и кладовке поклеили обои, всюду покрасили потолки, отциклевали, отмыли и натёрли паркет, а в большой комнате заделали эту страшную чёрную дыру, заменив дощечки, и как подобрали по цвету хорошо, совсем заплатка незаметна, а ещё всюду отладили проводку, выключатели и розетки, повесили люстры и плафоны, карнизы, а на кухне, у Алисы и в спальне – шторы, в ванной повесили шкафчики, полочки и зеркало, в прихожей поставили вешалку, покрасили тоже всюду двери и косяки, а в ванной трубы, в кладовке сделали стеллаж... От одного перечисления устанешь. Чем же недоволен Эркин? Или он просто от вчерашнего не отошёл? Устал, изнервничался. Неделя, конечно, была сумасшедшая. Особенно четверг и пятница. В четверг они вдвоём с санками еле дотащили до дома обои, краску для потолка, плафоны в ванную, кухню, уборную и прихожую. В пятницу Эркин опять пришёл её встречать с санками, купили люстры во все комнаты и занавески в спальню, на кухню и Алисе. И это, не считая всякой мелочи, вроде ручек, защёлок, кистей и прочего. А вчера... Женя вздохнула и улыбнулась. Какой же великолеп-

ный сумасшедший дом был вчера. Нет, конечно, Эркин просто устал. Хорошо, что ему на этой неделе во вторую.

Женя ещё раз оглядела кухню. Весёлую, в цветочек. А прихожую и уборную они оклеили тоже дорогими моющимися обоями, но под дерево. Прихожую – светлыми, медово-солнечными, а уборную потемнее, красновато-коричневыми. А кладовку под кирпич. А то в уборной кафель был сильно побит, его напрочь сняли, и в ванной заменили часть плиток. Плитки, правда, белые, цветного кафеля ни в одном магазине не было, но бирюзовые трубы, шкафчик и полочки сделали её очень нарядной. Только... только Эркин, кажется, и не заметил этого. Так устал.

Женя вышла в прихожую, заглянула в открытую дверь к Алисе. Алиса спала, вольготно раскинувшись на перине. Что называется, на вырост купили. А что, и правильно – она растёт, не менять же каждый год. Да, теперь можно и надо заняться мебелью. Хватит спать на полу. Она даже нахмурилась, но, войдя в ванную, не смогла не улыбнуться. Нет, как же хорошо стало! И полотенца разноцветные и... и надо в ванную ещё шкафчик купить, напольный. Вроде краска ещё осталась. Женя вывалила бельё, приготовленное для быстрой стирки, в ванну, пустила воду и побежала в кладовку.

– Эркин!

– Да, – мгновенно обернулся он к ней. – Что?

– Чего ты так? – удивилась Женя. – Я вот зачем. У нас краски много осталось? Ну, бирюзовой?

– Полбанки, – сразу ответил Эркин. – А что?

– Идём, – махнула ему рукой Женя.

Он сразу отложил рубанок и пошёл за ней. В ванной Женя показала ему место для шкафчика и объяснила, что сам шкафчик можно будет купить у Филиппыча, деревянный и выкрасить под цвет труб. Эркин сразу согласился.

– Да, конечно, Женя, я сделаю.

Женя пытливо посмотрела на него.

– Эркин, а почему ты всегда со всем согласен?

Он удивлённо и даже чуть испуганно посмотрел на неё.

– Но... но Женя, ты же права.

– Всегда и во всём? – усмехнулась Женя.

Эркин на мгновение отвёл глаза, промолчал, явно не желая отвечать. Но Женя столь же явно ждала его слов, и он нехотя сказал:

– Я же... я же иногда и по-своему говорю.

Женя медленно кивнула. Да, в пятницу, когда они смотрели шторы, она хотела подобрать под обои. Тоже в красно-розовых тонах. И стала ему объяснять, как здорово, что когда штору задёрнешь, то комната делается такой уютной, закрытой. Он молча слушал, опустив ресницы, а когда ей надоело его молчание, и она потребовала, чтобы он показал ей, какие ему нравятся, он подвёл её к этим, бело-синим. И сказал, разворачивая их перед ней.

– Смотри, как облака на небе.

И молча ждал её решения. Она согласилась, но... но нель-

зя же сказать, что это он с ней спорил. И... и вообще что-то у них не так стало.

– Ладно, – вздохнула Женя.

И заставила себя улыбнуться. И он сразу улыбнулся ей, той своей улыбкой, перед которой невозможно устоять.

– Я пойду, Женя? Там совсем чуть-чуть осталось.

– Хорошо, – кивнула Женя.

Он ещё раз улыбнулся ей и вышел. Ему, и в самом деле, осталось совсем немного. Досок пять, не больше. Он тщательно достругал их, вставил на место и закрепил. Очистил рубанок, смёл стружки, проверил весь стеллаж, аккуратно, как делал Андрей, собрал и уложил инструменты, заново подмёл всю кладовку, выставил полное ведро к двери, принёс и поставил рядом ведро с мусором из кухни, и стал одеваться. Вернее, опустил закатанные до колен штанины, быстро намотал портянки и натянул сапоги, прямо на голое тело рабскую куртку, на голову ушанку – ему же на минутку ведь только, сойдёт, не замёрзнет.

– Ты куда в таком виде собрался? – выглянула из ванной Женя.

– Мусор вынести.

– Эркин, ну нельзя же так...

Но дверь за ним уже захлопнулась. Женя только покачала головой, но сделать уже ничего не могла. Упрям иногда Эркин... ну, хуже Алиски. Ту хоть шлёпнуть можно, а с ним что делать? Женя вздохнула и натянула над ванной верёвоч-

ную многорядную сушку. Ну, надо же как удобно придумано! Одна планка намертво крепится к стене, валик с верёвками оттягиваешь и цепляешь за крючок на другой стене – и готово! Надо будет купить ещё одну такую же и натянуть на кухонной лоджии, чтобы летом сушить и проветривать на солнце. Но это когда потеплеет.

Выскочив во двор, Эркин быстро понял, что переоценил свою морозоустойчивость. Пробирало как надо и везде. Один раз, ещё в питомнике, его за что-то вышибли голым во двор под зимний дождь. Было так же, но сейчас холоднее. Да ещё и ветер. Добежав до баков, Эркин вытряс туда оба ведра и побежал обратно, мельком заметив, что на несуразно низком и длинном турнике висит ковёр, и его выбивают. Вот, значит, это для чего. Надо будет иметь в виду. Но он уже бежал обратно. Одним духом, прыгая через три ступеньки, взлетел на второй этаж, рванул дверь, ведущую в коридор, и остановился только у своей двери, чтобы позвонить.

Женя открыла сразу и буквально вдёрнула его внутрь.

– Ты с ума сошёл! Тебе что, надеть нечего?! – обрушилась она на него и тут обнаружила, что у него под курткой ничего нет.

Женя задохнулась от негодования. Она даже говорить не могла и молча, яростно забарабанила кулачками по открывшейся груди Эркина. И тут же обхватила его под распахнувшейся курткой, прижавшись щекой, и расплакалась.

– Женя, – окончательно растерялся Эркин. – Женя, я...

что ты, Женя?

– Дурак, – наконец выговорила Женя. – Дурак, ты же простудишься... воспаление лёгких... – всхлипывала она, – дурак... дурак...

И так же внезапно оттолкнулась от него.

– Переодевайся, немедленно! – и метнулась на кухню. – Сейчас чаю... горячего... с малиной!..

Эркин стащил с себя и повесил на вешалку куртку, разулся. Особо промёрзнуть он не успел, но всё-таки... и штаны эти... в самом деле, неприличны. Он надел шлёпанцы и пошёл в спальню, нашёл там свои старые джинсы и одну из купленных на перегоне ковбоек. Он успел надеть джинсы и набросить на плечи рубашку, как вбежала Женя и потребовала, чтобы он надел тёплое бельё. Эркин попробовал было объяснить, что в доме тепло.

– Женя, зачем?

– Тебе надо согреться!

– Да я не замёрз совсем. Женя, дома же тепло.

И вдруг, он сам не понял, как это получилось, но он обнял её и прижал к себе. Женя снова всхлипнула и... и погладила его по груди.

– Я тебя очень больно, да? Прости меня, Эркин, я так испугалась.

– Женя, что ты, нет, совсем не больно, что ты.

Она обнимала его, он чувствовал её щёку на своём плече, её губы у своего горла. Наступила тишина. Он держал Женю

в своих объятиях, она тихо плакала на его плече, не отстранялась, а сама, сама прижималась к нему. Неужели... нет, не может этого быть. И как только Женя шевельнулась, Эркин разжал руки.

Женя вытерла глаза, сама застегнула на нём рубашку.

– Вот, сейчас чаю выпьешь, горячего, с малиной. И носки надень.

Эркин кивнул. Женя прислушалась и убежала на кухню. А он заправил ковбойку в джинсы, нашёл и натянул носки. Тонкие, ещё из тех, джексонвиллских.

– Эркин, – позвала его Женя. – Я уже налила тебе, иди скорей.

– Иду, – откликнулся он.

– Эрик, – сонно позвала его Алиса, когда он проходил мимо её двери. – А уже утро, да?

– Нет, – вошёл он к ней. – Ещё день, – присел на корточки у её постели. – Выспалась?

Румяная растрёпанная Алиса смотрела на него и улыбалась.

– Ага-а. Эрик, а сегодня мы поиграем?

– Алиса, раз проснулась – вставай, не валяйся, – вошла Женя. – Эркин, я уже налила тебе, иди, пей, пока не остыло.

– А чего налила? – живо заинтересовалась Алиса.

– Чай с малиной.

– Эрик заболел? – ужаснулась Алиса.

– Не дай бог, типун тебе на язык, – рассердилась Женя. –

Эркин, иди скорей.

– Иду, – Эркин встал, улыбнулся и по-английски совсем тихо, так, чтобы услышала только Женя: – Слушаюсь, мэ.м.

И Женя не смогла не рассмеяться.

На кухне Эркин сел к столу, подвинул к себе чашку с тёмной, чуть отливающей красным дымящейся жидкостью, вдохнул запах. Тот же, знакомый с весны, с той поры, когда он лежал пластом с разламывающейся от боли головой, а ещё болели плечо и глаз, и было холодно, он всё время мёрз, хотя лежал под ватным одеялом... Эркин тряхнул головой, потёр шрам на щеке. Нет, всё-таки... всё-таки всё хорошо.

В кухню вошла уже умытая и переодетая Алиса.

– А мне тоже чаю с вареньем, – заявила она, залезая на стул.

– А тебе компот с печеньем, – предложила, входя следом, Женя.

Алиса после секундного раздумья согласилась на замену.

– Женя, а ты? – спросил Эркин.

– И я чаю. Алиса! Ложка же есть! Эркин, ещё?

– Мне уже жарко, – мотнул головой Эркин.

Его лицо блестело от выступившего пота, и Женя решила не настаивать. Если его, разгорячённого, прихватит ветром из форточки, только хуже будет.

– Мам, – Алиса выгребала из чашки яблочную мякоть, – а в коридор можно?

– Не говори с полным ртом. Сейчас опять умываться пой-

дѣшь.

Алиса доела и посмотрела в синее окно.

– Так я пойду, да?

– Хорошо, – встала Женя. – Пойдѣм одеваться. Эркин, ты налей мне ещё чашку, хорошо?

– Да, – сразу вскочил он на ноги.

Вторая «разговорная» чашка, их вечерний ритуал. Правда, по часам если, то ещё день, но за окном уже темно. Он пощупал чайник. Горячий вроде, можно и не подогревать. Здесь всё и нагревается, и остывает быстро, никак не приспособишься.

Женя проследила, как Алиса надевает ботики, пальто и шапочку. Помогла завязать под подбородком ленты. И выпустила её в коридор к уже гомонящей детворе. Да, с этим коридором им повезло. На улице не погуляешь, холодно, а им и побегать, и пообщаться нужно. Как она переживала в Джексонвилле, что Алиса растёт в изоляции, не общаясь со сверстниками, и радовалась, когда в лагере это кончилось. И психолог говорила, что это необходимо, да она и сама видит, как Алиса счастлива.

Эркин ждал её за столом, в чашках чай, на столе конфеты. Женя улыбнулась ему.

– Ну вот, ещё по чашечке, и возьмѣмся за вещи.

– Да, – кивнул он и чуть смущѣнно улыбнулся. – Знаешь, я никак не могу поверить, что... Ну, что вчера всё было на самом деле. Так красиво стало.

Женя счастливо улыбнулась.

– Конечно. А когда ещё всю мебель купим и расставим. Я думаю, нам надо обставить кухню, Алискину комнату и спальню. А остальное позже.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Сюда ещё шкаф, да?

– И не один, – рассмеялась Женя. – Купим сразу несколько, гарнитуром, и закажем у Филиппыча стол под стулья. Помнишь, он говорил?

– Помню. Тогда надо завтра заказать, его ж месяц делать будут. Я тогда завтра до работы зайду и договорюсь.

– Хорошо. А этот...

– Продадим? – подхватил Эркин.

– Возможно. Или поставим в дальнюю комнату и покрасим.

– Тогда... тогда его, может, Алисе под игрушки, – неуверенно предложил Эркин. – Ну, под кукольную комнату.

– Ой, ну конечно! – обрадовалась Женя. – У меня это даже из головы вылетело, правильно. Значит, в кухню шкафы, буфет для посуды и стол. Решили.

– А остальное потом решим, – встал Эркин. – Нехорошо, что у нас все вещи на полу навалом, правда?

– Да, – вскочила Женя. – Потом договорим.

Она быстро убрала со стола, протёрла его и накрыла скатертью, поправила стулья.

– Вот так, правда, красиво?

Эркин кивнул.

– И давай занавески задёрнем, темнеет уже.

Эркин дёрнулся, но Женя успела раньше. В кухне сразу стало сумрачно, но уютно. Эркин щёлкнул выключателем и, сощурившись, посмотрел на плафон под потолком.

– Женя, а там... эти, ну...

– Бабочки, – пришла она на помощь.

– Да, – обрадовался он и повторил по слогам: – Ба-боч-ки.

Очень красиво, Женя. И занавески...

– Ты их только сейчас рассмотрел? – рассмеялась Женя, любуясь россыпью колосьев и полевых цветов на занавесках.

– Здесь они ещё лучше, – убеждённо ответил Эркин.

Женя порывисто поцеловала его в щёку. У него дрогнули губы в ответном поцелуе, но он тут же покраснел и отвёл глаза. Женя удивлённо посмотрела на него.

– Ну что, пойдём в кладовку?

– Да, – тряхнул он головой, отбрасывая со лба прядь. –

Пошли, конечно.

Женя погасила свет в кухне и зажгла в прихожей и кладовке, а потом и в спальне. И началась суета: бегали взад-вперёд, раскладывая и развешивая... Пока в спальне не остались только постель на полу, будильник на окне и табуретка для вещей, а у Алисы – постель, игрушки и тоже табуретка. На вешалке в прихожей Женя оставила его полушубок, своё пальто и шубку Алисы, а всё остальное отнесла в кладовку.

– И чтоб больше ты этот ужас не надевал! – потребовала она от Эркина.

– Так я с мусором же... – попробовал он возразить.

– А ты что, с головой в бак залезаешь? – ядовито поинтересовалась Женя.

– Ладно, – вздохнул Эркин, сворачивая и засовывая рабочую куртку в дальний угол. – Я в ней на подёнку ходить буду.

Женя не стала спорить, но её молчание было неодобрительным. К куртке Эркин заложил и свои сапоги. А рабские штаны рядом с верстаком, чтобы долго не искать.

– А они тебе зачем? – поинтересовалась Женя. – Выкинуть надо.

– Полы мыть и натирать, красить ещё...

– Ну, ладно, – вынужденно согласилась Женя и, помедлив, решительно сказала: – Ладно, оставим их для грязной работы, а там что-нибудь придумаем.

Эркин посмотрел на Женю и решил не спрашивать.

Они закончили раскладывать вещи, и Женя пошла звать Алису. Эркин оглядел ярко освещённую кладовку. Да, здорово получилось. Сам бы он и половины не смог бы не то, что сделать, а придумать. И полки, и ящики, и как шкаф только без дверец, и верстак, и ещё стол, общий свет, а над верстаком и столом отдельные лампы. Да, для них тоже нужны абажуры, чисто белые матовые колпаки, видел такие в магазине и, как их приспособить, теперь знает. Он выключил свет и вышел из кладовки. А на гвоздь её теперь закрывать не надо, на двери удобная и красивая защёлка. И даже если

Алиса войдёт, то ничего страшного не случится. Да, сам бы он ничего этого не смог.

Женя в ванной умывала Алису.

– Эркин, разогрей чай. И картошку. Хорошо?

– No problem! – весело откликнулся он по-английски.

Эркин зажёл газ под картошкой и чайником. Посуды им надарили... в шкафчик не влезает.

Алиса влетела в кухню с радостным воплем:

– Эрик! Я всех-всех осалила! И Димку тоже!

Эркин, улыбаясь, слушал её рассказ. Он уже знал, что Зина почти каждый вечер приводила Дима с Катей на их этаж поиграть: в башне ведь особо не разгуляешься. И, вспомнив Зину, её счастливое лицо, лучащееся особой женской радостью, на мгновение нахмурился. Но тут же пересилил себя, улыбнулся. В конце концов, никто не виноват. Кроме него.

Вошла Женя, быстро накрыла на стол, и они сели ужинать. Как всегда. И говорили о завтрашнем дне. Тоже, как всегда. Что Эркину во вторую смену, и он с утра заново натрёт полы по всей квартире, а перед работой зайдёт к Филиппычу и закажет стол на кухню. А Женя после работы заглянет в мебельный, посмотрит, что там и почём. Обед... Ну, он приготовит, и они с Алисой пообедают.

Алиса внимательно посмотрела на Эркина и углубилась в размышления, из которых её выдернула мама предложением отправиться в постель.

Пока Женя укладывала Алису, Эркин приготовил вторую

чашку чая. Потом Женя его позвала для обязательного поцелуя на ночь, и на кухню они вернулись вместе.

– Уф! – вздохнула Женя. – Уложили. Уже сделал? Вот спасибо.

Эркин улыбнулся.

– Долго ли умеючи.

Женя села к столу, с наслаждением отпила.

– Ну вот. Теперь... теперь давай займёмся деньгами.

– Я сейчас принесу, – встал Эркин.

– И сумочку мою принеси, ладно? – крикнула ему в спину Женя.

Джексонвиллская шкатулка для денег стояла на окне в спальне, а свёрток с ссудой Эркин вчера засунул под плиту – ему сказали, что её двигать и вообще трогать не будут – а сегодня переложил в кладовку. Говоря с Тимом о тайниках, Эркин по привычке и на всякий случай соврал. Два тайника он заложил. Один в ванной – вчера его никто не нашёл и даже Тим не заметил – а в кладовке он сделал сегодня и переложил деньги туда. Он захватил в прихожей сумочку Жени и вместе со свёртком и шкатулкой принёс в кухню, положил на стол и сел на своё место.

– Вот. А ещё у меня в кармане мелочь и в бумажнике... Принести?

– Не дури, – отмахнулась Женя, доставая из сумочки ручку и маленькую тетрадку.

– Вот, смотри, Эркин, – Женя вырвала листочек и стала

выписывать цифры. – В день два рубля нам на обед, четыре недели по пять рабочих дней, двадцать дней, да на два, это сорок рублей. На домашнюю еду три рубля в день, в принципе, мы укладываемся, или нет, возьмём по четыре, на тридцать дней – это сто двадцать рублей, и всего на еду сто шестьдесят. Успеваешь следить, Эркин? – он кивнул. – А зарплата у нас, мы договор трудовой подписывали, помнишь, так там указано, и вот вместе у нас двести семьдесят. Сто десять рублей нам остаётся на квартплату, свет и всё остальное. Десятку в месяц на всякую хозяйственную мелочь надо. Остаётся... Я расчётную книжку посмотрела, вполне терпимо, а свет по счётчику, посмотрим, но тоже я думаю, потянем вполне. И все говорят, что платежи божеские, даже остаётся сколько-то. Так что ссуду можно тратить только на мебель.

– Понятно, – кивнул Эркин. – Две тысячи мы уже потратили, так?

– Да, можно их не считать. Теперь давай мебель.

Женя отчеркнула исписанную часть листа и стала выписывать в столбик о м: кухня, Алиса, спальня. Эркин, отодвинув, чтобы не мешала, чашку с остывающим чаем, внимательно следил за цифрами и буквами, появляющимися на белом листке. Великая тайна письма всегда привлекала его. Когда-нибудь, позже, он напомним Жене, что она обещала научить его читать. А может, и писать. Обидно ведь признаваться, что ты неграмотный. Здесь не смотрят, цветной ты или нет, а объяснять каждому, отчего да почему он ни чи-

тать, ни писать не умеет...

– Ты не слушаешь меня, Эркин?

– Нет, Женя, что ты, – тряхнул он головой. – Слушаю, конечно. Я вот о чём подумал. Может, и на кухню шкаф тоже, как стол, сделать? Филиппыч, правда, не говорил про шкаф. Я спрошу тогда завтра.

– Конечно, спроси, – кивнула Женя. – Будет очень даже хорошо. А нет, не расстраивайся, подберём. И шкафчик для ванной посмотри. Да, – Женя зачем-то разгладила свой листок, хотя он совсем не измялся, – как тебе понравилась кровать, ну, что мы сегодня у Тима видели?

Эркин неопределённо повёл плечами. Как на это ответить, он не знал. Кровать как кровать. Жене нужно, чтобы ему понравилось или нет? Непонятно. А не знаешь, как отвечать, молчи. Это он ещё мальцом усвоил.

Женя ещё раз разгладила лист и встала.

– Поздно уже. Пора спать.

– Да, – вскочил на ноги Эркин.

Он почувствовал, что Женя осталась недовольной, но не понимал, чем, и потому не знал, как поправить дело. А вечерний хлопотливый порядок шёл своим чередом. Эркин унёс свёрток с ссудой и шкатулку с расхожими деньгами на их места и ушёл в душ, а Женя стал убирать со стола и готовить всё на завтра.

В душе Эркин сообразил, что сегодня ему не в чем добираться от ванной до спальни. Рабские штаны остались в

кладовке, а... а ладно, натянет джинсы на голое тело и дойдёт. Тоже мне, проблема!.. Вот Женя чем-то расстроена – вот это плохо. И что делать, не знаешь. Раньше... раньше было проще. Эркин вздохнул. Выключил воду и раздвинул занавес. Настоящий, непромокаемый, из специальной узорчатой плёнки, что и просвечивает, и ничего снаружи не разглядишь. Повозились, конечно, но зато теперь, теперь совсем хорошо. Он вытерся, натянул на голое тело джинсы, а трусы он кинул в ящик для грязного белья ещё когда раздевался. Расправил на сушке полотенце. Вчера так устал, что, когда все ушли, то наскоро кое-как обмылся и рухнул, ничего не соображая. А сегодня... он опять трусил. Да нет, не страх это, конечно, но... но он сам не понимает, что с ним. Эркин оглядел ванную и, убедившись, что всё в порядке, вышел.

– Эркин, – окликнула его Женя из кухни.

– Да, я здесь, – готовно отозвался он.

– Иди, ложись, я сейчас.

– Да, Женя.

Он вошёл в спальню. Женя уже задёрнула шторы. Синие с белым. И плотные, не просвечивают. Он тогда в магазине специально через ткань на лампы смотрел. Так что раздевался и ложился он спокойно, не выключая света. Потянулся под одеялом. Нет, если Жене так понравилась та кровать, то на здоровье, конечно. Он на всё согласен, лишь бы Жене было хорошо. Да и чем та плоха? Что пружины звенеть будут? Так у них – Эркин вздохнул – у них им звенеть не с чего.

Чёрт. Как было всё хорошо, и могло быть хорошо, если бы не эти сволочи, что искалечили Женю и всю его жизнь наперекосяк пустили. Он прислушался, встал, выключил свет и снова лёг. Чёрт, да что с ним такое? И вдруг понял. Понял, чего он хочет, чего ему недостаёт. И задохнулся от гнева и обиды. На себя, на жизнь, что у него всё так глупо и нелепо. Что опять...

Он не додумал, потому что в спальню вошла Женя. И Эркин замер, зажмурившись, притворился спящим. Сейчас Женя разденется, сбросит халатик, наденет ночную рубашку, ляжет, пожелает ему спокойной ночи и заснёт. И он тогда сможет перевести дыхание и расслабиться. Эркин лежал и слушал шелест ткани. Упал халатик, Женя достаёт из-под подушки и надевает ночную рубашку, откинула одеяло, легла, укрылась, сейчас...

– Эркин, – вдруг сказала Женя. – Ты ведь не спишь, я знаю.

Она лежала на спине, положив руки поверх одеяла.

– Что с тобой, Эркин?

– Женя, – наконец смог он разжать губы, но ничего, кроме её имени, не выговаривалось. – Женя...

– Нам было так хорошо, Эркин. Что же теперь? Почему ты?.. – она не договорила.

– Женя, – он наконец смог продышаться, – ты... ты сердисься на меня? За что? За что, Женя? Что я сделал?

– Ничего, – Женя говорила ровно, но он почувствовал, что

она плачет. – Ты ничего не сделал. Ты... почему ты такой?

– Женя, – он порывисто повернулся к ней, приподнимаясь на локте. – Женя, я всё для тебя сделаю, чтобы тебе хорошо было, я... я только не знаю. Скажи мне, я всё сделаю.

– Скажи, – горько повторила Женя. – Почему я всё должна тебе говорить? Ты же... ты же взрослый мужчина, а... а хочешь жить по чужим приказам.

– Женя, ты же не чужая мне!

– А кто я тебе?

Женя говорила по-прежнему спокойно, но Эркин вздрогнул, как от удара. Вот оно! То, чего он так боялся. Он молча лёг на спину, привычным движением закинув руки за голову, и замер, готовый покорно принять любой удар.

– Кто я? – повторила Женя и сама ответила: – Твоя жена, так? Так. Но разве... разве ты муж мне?

– Женя, – вырвалось у него, – Женя, прости, я... я не знаю, ничего не знаю. Скажи мне, я всё сделаю.

– Опять скажи. Опять я должна и решать, и говорить тебе, и... и неужели ты не понимаешь, не чувствуешь ничего? Ты что, совсем бесчувственный?

Этого удара он не выдержал. Не может, не должна Женя так говорить, такими словами.

– Нет, Женя, не говори так, не надо.

– Не надо? А что, что мне делать, чтоб ты понял, почувствовал? Я же... я же живой человек, я не могу, не хочу так больше. Не хочу, понимаешь?

– Ты... – Эркин, забыв обо всём, встал на колени, откинув одеяло, – ты гонишь меня? Женя? Я должен уйти? Женя?! – и совсем тихо, чувствуя, как по щекам текут слёзы, – Я надоел тебе? Женя? Женя, ну, скажи мне...

Она молчала. Эркин устало, по-рабски, сел на пятки. Сколько раз он вот так сидел, вымаливая прощения, а виноват ни разу не был, а сейчас... сейчас что. Слово Жени – закон для него. Клятва есть клятва. Он всхлипнул, вытер лицо ладонями.

– Женя, раз так, я уйду. Ты не думай, прямо сейчас уйду...

– Голым? – ядовито спросила Женя.

– Как ты скажешь, – растерянно ответил он.

– Дурак! – Женя всхлипнула и рассмеялась сразу. – А если я тебе скажу в окно прыгать? Прыгнешь?

– Да, – сразу ответил он. – Женя для тебя я на всё готов, Женя, я всё сделаю.

Рука Жени вдруг легла на его колено, погладила. И от этого прикосновения его обдало сразу и жаром, и холодом.

– Дурак, – уже другим тоном сказала Женя. – Какой же ты дурак.

– Ага, – готовно согласился он, осторожно зажимая ладонь Жени коленями.

– Тебе же холодно, ложись.

Он тут же послушно вытянулся на постели. Женя стал его укрывать, натягивать на него одеяло. Её тело было рядом, мучительно рядом, её запах окутывал его. И он не выдержал.

– Женя, прости меня, прости, я всё знаю, всё понимаю, – бормотал он. – Прости, но я не могу больше, Женя, я осторожно, я чуть-чуть, ну, совсем немного, Женя, Женя, ну, пожалуйста, ну, позволь мне, я буду осторожен, Женя, прости, только не сердись на меня, не гони меня, я... я хоть полежу так, рядом, Женя, ну, пожалуйста...

А его руки быстрыми мягкими движениями скользили по телу Жени, забирались под рубашку, касались её спины, груди, живота...

– Дурак, дурак мой, дурачок, – шептала Женя, так же глядя его голову, плечи и спину.

Он снял с неё рубашку, отбросил. Лёжа на боку, обнял и прижал к себе Женю, ощутил её всем телом. Руки Жени обвили его шею, её губы коснулись его лица. И он не слышит, а кожей ощущает её слова.

– Дурак, дурачок, ну, чего ты ждал, сам мучился, меня мучил, Эркин, ну, что же ты, Эркин...

– Женя... Женя... – повторял он, с ужасом чувствуя, что не может и не хочет остановиться, не может распустить напрягшиеся помимо его воли мышцы. – Женя, прости меня... ты... тыпустишь меня? Можно, Женя?

И вместо ответа губы Жени касаются его губ, прижимаются к ним. Остатком сознания он заставил себя входить медленно, осторожно. Но... но слава богу, Жене не стало больно, она впустила его, не оттолкнула. Только не навалиться теперь. Мягким плавным движением он скользнул под Же-

ню, положил её на себя...

– Господи, Эркин...

– Женя... милая... Женя...

Неудержимо вздымающаяся волна всё сильнее захлестывала его, он уже не шептал, хрипел, всё плотнее прижимая к себе Женю, выгибался под ней, качая её на себе. И уже ничего не было, и так хорошо, так блаженно хорошо... Он и помнил, и не помнил себя... И не мог остановиться, и не хотел, чтобы это кончилось... и... и... и...

...И они лежали рядом, и такого спокойствия, такого блаженства он ещё никогда не испытывал. Женя лежит щекой на его плече, гладит его грудь. Неужели всё это было с ним, с ними?..

– Эркин...

– Да, Женя... Тебе... тебе было хорошо?

– Да, Эркин, очень. А тебе?

– Да, Женя, да. Спасибо, Женя.

– За что?

– Что... что простила меня.

Они говорили шёпотом. Не потому, что кого-то боялись, а просто... просто не было сил говорить громко.

– Ты ни в чём не виноват, Эркин. Что ты выдумал?

Голос у Жени сердитый, а рука на его груди мягкая, добрая.

– Женя, не сердись на меня. Но... но я и вправду не знаю, как это, жить в семье. Пойми, Женя, я ведь из питомника, –

заговорил он по-английски. – Потом Паласы, я ведь не был домашним рабом, а в имении я был скотником, жил прямо в скотной, в закутке. Пойми, Женя, я... я боюсь сделать что-то не так, обидеть тебя.

Рука Жени на его груди, дыхание Жени на его плече. Она поцеловала его в шею, чуть пониже уха.

– Эркин, милый мой. Я же тоже не знаю, не понимаю тебя. Ты же ничего не объясняешь. Молчишь, обижаешься, терпишь. А не надо терпеть. Ты говори, понимаешь?

Эркин мягко, преодолевая истому во всём теле, повернулся к ней, обнял, не сказал, а выдохнул два своих самых первых русских слова:

– Женя, милая, – нашёл губами её лицо, поцеловал в углы рта. – Спасибо, Женя. Женя, ты... ты не устала?

– А ты ещё хочешь? – тихо засмеялась Женя.

– Ага-а, – протяжно выдохнул Эркин, целуя Женю.

Он целовал её шею, плечи, ямки над ключицами, груди, трогал губами соски, склонялся над ней, сталкивая, отодвигая одеяло. В комнате было темно, но он не закрывал глаз, вглядываясь в темноту, в неразличимое тело. Он знал его и видел сейчас, и темнота не мешала ему. Женя тихо смеялась, ерошила ему волосы, прижимая его голову к себе. И Эркин решил рискнуть. Осторожно, упираясь ладонями в перину у плеч Жени, не наваливаясь, лёг на Женю. И она подалась навстречу ему.

– Женя, я... я иду, Женя.

– Иди, – рассмеялась Женя. – Входи, я встречу, – и тихо радостно охнула. – Здравствуй, Эркин.

– Здравствуй, – охотно подхватил Эркин. – Здравствуй, Женя.

Удерживая себя на вытянутых руках, он медленно и широко качался, стараясь не бить, он ещё помнил, что Женю надо беречь. Но руки Жени на его плечах тянули его вниз, к ней, и, поддаваясь, отвечая её желанию, он опускался, ложился на Женю, и она всё сильнее прижимала его к себе, отвечала его толчкам, так что всё равно толчки сменялись ударами. Губы Жени гладят его лицо и, наткнувшись на его губы, прижимаются к ним.

– Женя, ещё? Да, Женя?

– Да, Эркин, Эркин...

И наконец он замирает неподвижно, хватая пересохшим ртом горячий воздух и осторожно, чтобы не разорвать замка, поворачивается вместе с Женей набок, целует её шею, лицо, углы рта, глаза... И только ощутив, что Женя уже расслабилась, мягко выходит.

– Господи, – вздохнула Женя и повторила: – Господи...

Эркин одной рукой нашарил одеяло и потянул его, укрывая Женю.

– Вот так, Женя, хорошо?

– Ага, ты только не уходи.

– Куда же я уйду, – засмеялся Эркин. – Вот он я, весь здесь.

– Весь? – переспросила Женя.

– Весь, – твёрдо ответил Эркин. – Весь, без остатка. Я никуда не уйду, Женя. Пока ты этого не захочешь.

– Опять? – грозно спросила Женя.

– Я говорю правду.

Он укрыл, закутал Женю, обнял, притягивая к себе.

– Можно? Можно так полежим?

– Конечно, – Женя поцеловала его в щёку. – Тебе хорошо?

– Лучше не бывает.

– Знаешь, – Женя погладила его по затылку, провела пальцами по его шее, – знаешь, я так мечтала об этом. Ну, чтоб ты был рядом, не уходил, чтобы просыпаться рядом. Правда, хорошо?

– Да, – убеждённо ответил Эркин.

Он не мог оторваться от Жени, хотя понимал, что больше сегодня ничего не будет, нельзя, да и незачем. Женя... Женя пустила его, и вот так лежать, просто лежать рядом с ней, чувствовать, ощущать её... это уже счастье. Что бы ни было, как бы ни было, сейчас он счастлив. Три страха у спальника: повредиться, загореться и влюбиться. Повредишь лицо или тело – не пройдёшь сортировку, загорись – сам не кончишься, так тебя кончат, а влюбишься – работать не сможешь, сам голову о стенку бей или подушку у сокамерников проси. И вот все три у него. Влюбился, перегорел и лицо повредил. И живёт. Он любит, и... и его любят. Он уже понимает это. Только ради любви Женя простила его, пустила к

себе...

Женя ровно, сонно дышала, уткнувшись в его плечо. Эркин медленно, плавно распустил мышцы, откинулся на спину, ещё раз поправил одеяло и, уже засыпая, подумал, что кровать у Тима хреновая: звенеть будет. И жалко, что темно так в спальне, он совсем и не видел Жени, и сам ей не показался. И... и, если цветы ещё... Тим вчера обмолвился, что его дом, дескать, будет не хуже, чем у тех белых сволочей. И тут Тим прав, конечно, так что и он отставать не будет. Ну, насчёт гостиной или столовой он сказать ничего не может, не бывал, не видел. А вот спальня... У той беляшки шикарная спальня была. Конечно, такая им и не нужна, но чтоб и не кабина в Паласе. Кровать, шкаф, тумбочки у кровати и... да, трюмо, как это? Трельяж. Это всё нормально и хорошо.

Женя лежала на его левом плече. Эркин ещё раз поправил укрывающее их одеяло и закинул правую руку за голову. Улыбнулся, не открывая глаз. Вот и всё, вот всё и хорошо, всё хорошо... Бог, я не знаю, есть ли Ты и есть ли Тебе дело до нас, но... но, если всё так, как говорил поп в Джексонвилле, и Ты есть, и слышишь нас, то я прошу об одном. Оставь всё так, как есть. Я не прошу о помощи, прошу... нет, не знаю, как сказать, но оставь меня жить по-своему. Поп говорил, что Ты испытываешь нас, посылая страдания, чтобы потом вознаградить. Мне не надо никакой награды, Бог, я прошу Тебя, забудь обо мне и моих близких...

Он осторожно, чтобы не потревожить Женю, вздохнул.

Надо спать, Жене завтра с утра на работу. И ему... странно как, что знаешь заранее, к какому часу прийти и что будешь делать. И зарплата. Ребята в бригаде говорят – получка. Он получил за семь дней пятьдесят два рубля пятьдесят копеек. И Ряха отдал долг. При всех. Двадцать три рубля. Он вспомнил жалкое лицо Ряхи, дрожащие пальцы, отсчитывающие рубли, и поморщился. Хоть и шакал Ряха, а всё же... ему двадцать три рубля, да на бригаду десятка, сколько ж у Ряхи осталось? Получили остальные... он видел цифры, когда расписывался, да, по семьдесят пять, и осталось у Ряхи до полочки сорок два рубля. Если Ряха один, то перекрутится, а если семейный... Говорили, что когда своя семья, то без своего огорода и другого хозяйства туго. Но это проблемы Ряхи. Да и какая семья у шакала может быть... Нет, это чужие проблемы, а у него свои. Как они сегодня считали с Женей, им должно хватать. Но это у них ссуда комитетская сзади, спину им прикрывает, не будь её... долго бы им пришлось на полу спать, а уж о гарнитурах и не мечтать.

Женя вздохнула, потёрлась щекой о его плечо, приникла к нему. Эркин улыбнулся: теперь-то уж точно всё будет хорошо.

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна» Джонатана Бредли

Оправив письмо, Ларри стал ждать. Нет, жизнь в имении шла, как и раньше, обыденно, с обычными происшествиями, радостями и скандальчиками. До ленча общие работы, с ленча до обеда в мастерской, с обеда до вечернего кофе собственное хозяйство. Постирать, зашить, позаниматься с Марком, почитать самому... Он и думать о письме забыл. Просто более тщательно следил за собой и за Марком. Чтобы если что, было не стыдно. Белиберды у него накопилась большая коробка. Он отобрал рождественские подарки, обняком поговорив со Стефом, кому бы что хотелось получить, а остальное собрал, чтобы отдать Фредди. Фредди обещал продать всё это в городе. Что очень правильно: не сам же он поедет в город, не зная ни цен, ни торговцев и не имея па-

тента на право продажи. Кольца с печатками для Фредди и Джонатана были готовы. Ларри ещё раз проверил отпечатки. Контур получался чистый. Изящное и точное переплетение FT на одном кольце и JB на другом. И ждать Рождества он не будет, разумеется. Это же не подарок, это... это совсем другое. Как тогда...

...Хозяин в лупу рассматривает подвеску, осторожно поворачивая её пинцетом.

– Асимметричность камня скрываешь асимметричностью оправы, так?

– Да, сэр.

– Дескать, не камень подвёл, а так и было задумано, – улыбается Хозяин.

Он с улыбкой кивает.

– Что ж, Ларри, вполне, – Хозяин откладывает лупу, не глядя нашаривает штамп и... и ставит своё клеймо. – Благословляю, Ларри, в добрый час, – и, качая головой, совсем тихо: – Мазлтов...

...Ларри протёр кольца, присовокупил к ним две маленькие круглые коробочки с пропитанные чернилами губками, тоже золотые, но анонимные – без монограмм – завернул всё в носовой платок и спрятал в карман халата. Оглядел мастерскую. На столе только приготовленная к продаже бижутерия. Можно звать Марка.

– Марк.

Ждавший за дверью отцовского зова, мальчишка пулей

влетел в мастерскую. Ларри улыбнулся его готовности бежать, что-то делать и... и вообще!

– Сбегай, посмотри, где сэр Фредди и сэр Джонатан.

– Ага, – Марк метнулся к двери и остановился. – Позвать их сюда, да, пап?

– Ты сумеешь сделать это вежливо? – сощурился Ларри.

– Прошу прощения, сэр, но не сообразовали ли вы зайти в мастерскую, – выпалил Марк и выжидающе посмотрел на отца.

– Да, правильно, – кивнул Ларри. – Но не тараторь, говори чётко и не забудь поклониться.

Ларри отпустил сына и достал свёрток. Раз они придут сюда, то надо подготовить. Он аккуратно развернул платок на столе, разложил кольца и коробочки, одёрнул рукава белого халата. Он купил его ещё в Спрингфилде вместе с инструментами и надевал только для серьёзной работы. Смены-то у него нет, а стирать каждый день – застирается быстро, посереет и потеряет форму.

– Пап! – влетел в мастерскую Марк. – Они идут, они в конюшне оба были, – и дрогнувшим от обиды голосом: – Мне уйти, пап?

Ларри кивнул.

– Да, – и счёл всё-таки нужным объяснить. – Привыкай, Марк. Я буду сдавать работу, тебе ещё рано. И запомни, Марк...

– Ювелирное дело не терпит болтовни, – закончил фразу

Марк и улыбнулся. – Правильно, пап?

– Да, – Ларри погладил сына по курчавой голове. – Иди пока к Мамми, Марк. Помоги ей.

– Ага, – кивнул Марк.

Ларри улыбнулся ему вслед. Эту улыбку и увидели, входя в мастерскую, Джонатан и Фредди. И не смогли не улыбнуться в ответ.

– Благодарю, что оказали мне честь, – вежливо, но не при-
ниженно склонил голову Ларри, коротким жестом пригла-
шая к столу, где на развёрнутом платке лежали два золотых
кольца-печатки и две коробочки для губок.

Ларри молча следил, как они рассматривали и примеряли
перстни, как Джонатан, а за ним и Фредди пробовали на ли-
сте бумаги отпечатки. Может, это и не самая тонкая работа,
но... но это больше, чем просто работа. Поймут? Поняли!

– Спасибо, Ларри, – Джонатан, улыбаясь, смотрит ему в
глаза.

– Спасибо, Ларри, – Фредди рассматривает свою руку с
кольцом на пальце, как незнакомую вещь.

– Счастлив, что вам понравилось, сэр, – улыбнулся Ларри.
Улыбнулся и Фредди.

– Ты молодец, Ларри. Бижутерию отсортировал?

– Да, сэр, – кивнул Ларри.

Он уже протянул руку к стоящей на краю стола коробке
и замер. Потому что услышал ровный рокот автомобильного
мотора. Джонатан и Фредди быстро переглянулись и пошли

к двери. Ларри, на ходу сбрасывая белый халат, за ними.

– Не трепыхайся, – бросил ему через плечо Фредди, первым выходя во двор.

Посреди двора стояла маленькая зелёная машина, военная, но без надписи: «комендатура» на дверце. Из кухни и скотной выглядывали любопытные лица. Джонатан поправил пояс с кобурой и шагнул вперёд. Дверца открылась, и из машины вылез седой мужчина в штатском, огляделся.

– Это же он! – тихо охнул Ларри. – Майкл. Из госпиталя.

– Ну, так иди, встречай гостя, Ларри, – очень спокойно сказал Фредди.

И посторонился, пропуская Ларри вперёд. Стоя так, чтобы машина и люди возле неё просматривались, не заслоня друг друга, Джонатан и Фредди смотрели, как, широко шагая через лужи, Ларри подошёл к приехавшему, вежливо склонил голову в приветствии, как они обменялись рукопожатием. Ларри оглянулся в поисках Марка, махнул ему рукой и, когда Марк подбежал, представил его. Обмен приветствиями, из машины достаются и вручаются Ларри и Марку подарки.

– Однако... Я не думал, что Ларри так в чинах разбирается, – пробормотал Джонатан.

– Твой тёзка пожиже был, – согласился Фредди.

Ларри принимал гостя впервые в жизни. К Старому Хозяину гости не ходили, о правилах приёма он знал со слов Энни, да и то только касавшееся слуг. Но Майкл держал се-

бя так спокойно и уверенно, что всё получалось как-то само собой и так, как и должно быть. Ларри показал Майклу свою выгородку и мастерскую, предложил выбрать что-либо в подарок, извинившись, что материал, конечно, бросовый, нет ничего настоящего...

– Рука мастера сразу видна, – возразил Михаил Аркадьевич, любуясь браслетом-змейкой.

Ларри польщено улыбнулся.

– Благодарю вас, сэр. Не сочтите за дерзость, сэр, но вы говорили, что у вас есть дочь, прошу вас, сэр, примите в подарок, сэр.

– Спасибо, Ларри.

Себе Майкл выбрал брелок, а дочке брошку-бабочку, и за брошку заплатил несмотря на сопротивление Ларри.

Марк всё время был рядом. Майкл и с ним поговорил. К удовольствию Ларри, Марк говорил вежливо и правильно, поблагодарил за подарок – книгу и кулёк конфет. Потом Ларри подвёл Майкла к Джонатану и Фредди, представил их друг другу, мобилизовав все свои познания в этикете. Фредди из-за спины Джонатана показал ему оттопыренный большой палец, что, дескать, всё в порядке, и Ларри облегчённо перевёл дыхание. Потом зашли на кухню, где у Мамми уже были готовы свежие лепёшки и кофе, а к кофе сливки. И Майкл тоже так сумел всё повернуть, что и знакомство, и угощение прошли без сучка и задоринки.

Обедать Майкл не остался. У него просто дела в округе,

и он завернул навестить знакомого.

– Сейчас, конечно, не так, – улыбался Ларри, – а летом здесь очень красиво.

– Верю, – кивнул Майкл. – Ларри, а какие у тебя планы на будущее? Работы ювелира здесь не так много.

– Да, сэр, разумеется, вы правы. Но я ещё не подписывал контракта на будущий год. Своё дело я не смогу открыть, сэр.

– Да, понятно, – кивнул Майкл.

И не стал больше спрашивать. Как-то так получилось, что он прошёл по всему имению, со всеми познакомился, поговорил, поздравил с приближающимся Рождеством, пожелал удачи, а с Джонатаном обменялся визитными карточками. Ещё одну карточку оставил Ларри со словами:

– Если возникнут какие-то сложности, дай знать.

– Да, сэр, благодарю вас, сэр.

– Думаю, – и мягкая добродушная улыбка, – вернее, надеюсь, мы ещё увидимся.

– Да, сэр. И вам счастливого Рождества, сэр.

Когда Майкл наконец уехал, Ларри, стоя посреди двора и глядя вслед уезжающей машине, перевёл дыхание и вытер выступивший на лбу пот. Потом посмотрел сверху вниз на Марка.

– Молодец, сынок. Всё было правильно.

Марк просиял широкой улыбкой.

– Ага, пап. А он ещё приедет?

– Не знаю, – пожал плечами Ларри. – Но думаю, – и усмехнулся, – в этом году уже вряд ли. Пойдём в мастерскую, Марк, надо закончить работу.

– Ага, – кивнул Марк.

И когда они были уже возле мастерской, спросил замирающим голосом:

– Пап, а подарки до Рождества?

– Нет, зачем же, – улыбнулся Ларри. – Можем и сегодня.

Михаил Аркадьевич вёл машину уверенно и без ненужной сейчас рисовки. Что ж, оказалось весьма интересно и где-то даже познавательно. Немудрено, что ребята обломали зубы на этом тандеме. Да, чтобы их взять... надо иметь очень вескую причину. Разумеется, когда их припечёт по-настоящему, они будут спасать себя и сдадут. Всех. Кроме друг друга. И тех, кого они решили не сдавать. И, похоже, в это список попали пастухи. Второй тандем. Столь же парадоксальный. Аристократ и «белая рвань». Спальник и лагерник. Не в этой ли парадоксальности и причина взаимной верности? Спальник их тоже не сдал. Жаль, очень жаль, что лагерник погиб. По многим причинам жаль. По логике спальник, оставшись один, должен был не эмигрировать, а прибиваться к Бредли и Трейси. Правда, люди редко поступают логично. Но если Бредли – а лидер, конечно, он – начнёт налаживать мост через границу, то эмиграция спальника становится полностью логичной. Посмотрим. Где обосновался парень,

легко проверить через Комитет. А там посмотрим, куда направится Бредли. Разумеется, спешить он не будет. Потому как осмотрителен и предусмотрителен. Но и нам здесь и сейчас спешить некуда.

Фредди вошёл в комнату Джонатана и, кивнув, взял молча протянутый ему Джонатаном стакан. Глотнул и улыбнулся.

– Счастливчик Джонни.

– Спасибо, – кивнул Джонатан. – Но это капитал на крайний случай.

Фредди кивнул.

– Таким козырем по маленькой не играют, – отхлебнул ещё и поставил стакан на каминную доску. – Завтра съезжу, отвезу бижутерию.

Джонатан улыбнулся.

– Ларри всё-таки довёл дело до конца?

– Ага, – Фредди потянулся, упираясь кулаками в поясницу. – Если б это была не жесьть, Джонни...

– Будет, – кивнул Джонатан. – Фургон уже готов?

– Ты его не проверил? – удивился Фредди и первым засмеялся.

Засмеялся и Джонатан.

– Поймал. Расчёт я подготовил, послезавтра двадцатое. С утра по одному и пропустим.

Фредди кивнул, забрал с камина стакан и сел в кресло. Джонатан заложил в сейф папку с бумагами, поставил бар на

место и расположился в соседнем кресле.

– Двадцать первого и второго съезды в город посменно. Ну, и двадцать третьего. А там сочельник...

– Угу – согласился Фредди, разглядывая сквозь стакан огонь в камине.

Джонатан подозрительно посмотрел на него. Неужели ковбой не оставил своей идеи с ёлочками перед мэрией?

– Слушай, Фредди...

– Не трепыхайся, – отмахнулся Фредди. – Я о другом думаю. Генерал дал Ларри за брошку для дочки десятку.

– По-генеральски, – кивнул Джонатан.

– Да, но такие цены цветные не потянут, а для другой клиентуры материал не тот.

– Ларри ты это объяснил?

– Он это сам понимает. Положим в среднем пятёрку с штуки. Сбрасываю оптом Кларку.

– За опт скидка не продавцу, а покупателю, – напомнил Джонатан. – Сколько на круг выходит?

– Двести с небольшим. Там есть очень интересные вещи.

– Двести Кларк даст, – кивнул Джонатан. – Начни с двухсот пятидесяти и остановись, не доходя до двухсот. Твой процент?

– Тридцать. Пусть привыкает к пропорциям, – Фредди улыбнулся. – Он отдавал всё в уплату долга.

– И ты?

– Ему нужны живые деньги, Джонни.

– Тогда взял бы десять процентов, – усмехнулся Джонатан. – А то заломил по максимуму.

– Двадцать процентов в уплату долга, это нормально, Джонни.

– По долгу ты ему счётчик на какой оборот включил? – деловито спросил Джонатан.

– А за это отдельно, Джонни, – пообещал Фредди.

– Я подожду, – кивнул Джонатан. Посмотрел на свою руку с кольцом. – Думаю, ему пора взяться за наши завалы.

– Подожди Нового года, Джонни. Уверен, появятся охотники на его работу с нашим материалом. А до Нового года пусть разберёт банку.

– Резонно, – кивнул Джонатан.

Фредди вытянул ноги к огню и вздохнул.

– Всё путём, Джонни. Конечно, он мастак... складывать мозаики, и край надо знать, но...

– Но, Фредди, согласен. Если что, Ларри за него задвинем.

– Ларри он прикроет, слов нет. А остальное... наше дело.

Джонатан кивнул. За окном зимний ветер перебирал ветви деревьев, в камине потрескивали поленья. Тишина и спокойствие.

– Он много знает?

– Ларри получил в подарок книгу. «Русское ювелирное искусство». С фотографиями и прорисовками.

– На английском? – удивился Джонатан.

Фредди кивнул.

– Да, тамошнее подарочное издание. Но для специалистов. Есть ещё вопросы, Джонни?

Джонатан молча покачал головой. И снова тишина.

Генеральские конфеты – Ларри счёл неприличным не угостить остальных, и Марк со вздохом вынес и положил на стол пакет – всем понравились. Под грозным взглядом Мамми все, даже Том и Джерри, вежливо взяли себе по конфете, и Стеф подвинул кулёк к Ларри.

– Убери до Рождества.

Конфеты были русские, с непонятными буквами и яркими картинками на обёртках. Белый медведь стоит на льдине, бурые медвежата ползают по дереву, самолёт с русской эмблемой на крыльях, букет полевых цветов, девочка в синей юбке, белой кофточке и красной шапочке с корзинкой в руках, белка на ветке грызёт орех, ещё девочка дразнит конфетой щенка, ярко-красный мак... Обёртки были такие нарядные, что Дилли даже вздохнула, отдавая фантик от своей конфеты Билли. Билли богатый – три фантика. И у Роба три. А у Марка, Тома и Джерри – по два. Но у Марка ещё целый пакет в запасе и много фантиков от тех, госпитальных конфет. И уже целых три книги. Азбука, сказки и вот... русский генерал подарил. Книгу тоже внимательно рассмотрели. Стеф сказал, что это русские сказки.

– Папка, почитай, – гордо попросил Том.

Стеф улыбнулся.

– Пусть Ларри читает. Его черёд сегодня.

После возвращения Ларри из города по вечерам на кухне читали. Сказки из книжки или газету. Обычно Фредди на следующий день после почты отдавал газету Стефу. Тот сначала прочитывал её сам, потом передавал Ларри, а самое интересное читали вслух уже для всех. И газета уходила к Мамми для всяких хозяйственных нужд. Читали по очереди, но Стефа слушали внимательнее. А первое время даже требовали, чтоб Стеф проверял: в самом деле, Ларри читает или только вид делает. Уж слишком чудно: негр, а читает!

Ларри прочитал сказку о хлебном шаре со странным именем Kolobok. Посмеялись, что хитрец, хитрец, а и его перехитрили, посмотрели картинки, и Стеф встал.

– Ну, на боковую пора.

– И то, – сразу согласилась Мамми и погнала Тома и Джерри. – А ну, умываться оба.

Марк бережно взял книгу. В их выгородке он поставил её на свою полочку.

– Пап, а я тоже научусь так читать?

– Конечно, научишься, – ответил Ларри.

Он знал, что надо ложиться спать, но всё-таки взял подаренную Майклом книгу, раскрыл и уже не мог оторваться. Он и не знал, даже не думал, что в России есть ювелиры. Хозяин никогда не говорил о России, но... да, кое-что похожее он видел... нет, сейчас слишком поздно, а с такой книгой надо работать серьёзно. И с текстом, и с рисунками. Он

со вздохом закрыл книгу и поставил её на полку. Это он завтра, да, уже завтра засядет в мастерской. А что, бижутерии больше не надо, перстни он отдал, и они понравились. Фредди ему сказал, что заказов раньше Нового года не будет. Так что...

– Давай ложиться, сынок.

– Ага, – согласился Марк. – Пап, а... эту книгу ты мне считаешь?

– Это не сказки. Только если будешь хорошо работать, – пообещал ему Ларри, разбирая постель. – Оботри ноги, Марк, когда ложишься.

– Ага, знаю. А ты читаешь лучше дяди Стефа.

Ларри рассмеялся.

– Не буду я тебе сейчас читать. Спать пора.

Он подождал, пока Марк разделется, проследил, чтобы тот не бросал как попало, а аккуратно сложил одежду, разделся сам, погасил свет и лёг.

– Пап, – шёпотом спросил Марк, – а ты меня возьмёшь в город?

– Это кто ночью разговаривает и спать мешает? – ответил вопросом Ларри.

Марк вздохнул, зарываясь в подушку.

– Спокойной ночи, – сказал он уже сонно.

– Спокойной ночи, сынок, – тихо ответил Ларри.

Если бы не Марк, он бы встал хотя бы только полистать. Но включить свет – это разбудить малыша, нет, не стоит. Он

ещё успеет этим заняться.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Перед выпиской Рассел зашёл к Жарикову. Поговорить и попрощаться.

– Спасибо за хлопоты, доктор, – Рассел, уже не в госпитальной пижаме, а в своём костюме, вычищенном и отглаженном, держался с корректной уверенностью.

– Не за что, – улыбнулся Жариков. – Я рад, что у вас всё наладилось. Вы уже решили, куда поедете?

Рассел пожал плечами.

– Буду думать. Искать. Съезжу в Стетсоновский техно-

логический университет. Может, в лабораториях нужен техник.

Жариков кивнул.

– Вы хотите вернуться в научную среду?

– И да, и нет. Эксплуатационник я... Да и нет сейчас... моего производства, – Рассел усмехнулся. – И никогда не было. Штучное производство по индивидуальным заказам. Ничего более конкретного я сказать не могу. Вы мне сами всё объяснили про блоки и последствия их взлома, – Жариков кивнул, и Рассел продолжил: – Так что это можно спокойно забыть. А во всех других отраслях все места заняты. Там, где эти отрасли работают. Безработных инженеров и без меня много. А предприниматель... Нет, доктор, я знаю свои возможности, и, – новая усмешка, – соразмеряю с ними свои потребности. Но... мне жаль, что вы не смогли познакомиться с парнями из Исследовательского Центра в Гатрингсе. Да, доктор, я всё знаю и понимаю. И они были тоже, в своём роде, узниками. И в прямом, и в переносном смысле. И работали на... скажем так, преступные цели. Но, доктор, они были свободны. В идеях, исканиях. Идеи для них были всем. Как и для моего отца. Но разве это их вина, что преданность идее оборачивалась... Возмездие было страшным. Но... я понимаю, заслуженным и закономерным. И, знаете, доктор, в этом парне, Андре, есть нечто подобное. Он просто ещё не нашёл своей идеи.

– А вы? – спросил Жариков.

– Буду искать, – улыбнулся чуть веселее Рассел. – Преведняя не только исчерпалась, но и доказала свою несостоятельность. Для меня, во всяком случае, – он достал сигареты и, взглядом спросив разрешения, закурил. – Доктор, я давно хотел спросить. Отец в последние годы работал над проблемой обратимости процессов у спальных. Вы... вы выяснили это?

Жариков кивнул.

– Да. Вся физиология необратима.

– А психика?

– Мы не ставили задачи вернуться к исходному. Вы же знаете. Рабская психология формируется с рождения, психология спального с пяти лет, – Жариков говорил спокойно, размышляя. – Комплексы, фобии, стереотипы поведения и восприятия... Фактически парни теперь сами решают, от чего избавляться, а что оставить. Мы просто создали им условия, позволяющие сделать выбор. И осуществить его.

– Техника могла бы помочь. Но, – Рассел развёл руками. – Вся аппаратура уничтожена. Восстановить её я не в силах.

– Спасибо, – серьёзно сказал Жариков. – Спасибо за предложение помощи. Но... но дело не в аппаратуре.

– Да, я понимаю, – Рассел улыбнулся. – Оставим прошлое прошлому, – встал. – Вы разрешите писать вам, доктор?

– Разумеется, – встал и Жариков. – И приезжайте, если захотите поговорить.

Они обменялись рукопожатием. Обязательные фразы

прощания. Рассел взял свой портфель, пустой и непривычно лёгкий. Но необходимую мелочь он собирался купить по дороге. В Джексонвилл возвращаться, даже просто заехать за оставшимися на квартире вещами, он не хотел. Незачем. Начинать заново – так начинать.

Когда за Расселом закрылась дверь, Жариков сел за стол, достал свои тетради, но писать ничего не стал. Ну вот, сегодня Рассел Шерман ушёл начинать новую жизнь. Инженер Шерман. Сын доктора Шермана. Жертва Империи, СБ, расизма, рабства... По представлению получил единовременное пособие от Комитета защиты бывших узников и жертв Империи. На первое время ему хватит. А дальше... он – свободный человек и не только вправе, но и обязан сам делать свою жизнь. Практически здоров. А характер – не болезнь. Как и у Чака. Жариков посмотрел на часы. Да, через десять минут время Чака. А в двенадцать придёт Гэб. Гэб уже встаёт, начал потихоньку разрабатывать руки. И отчуждение между ними становится всё более явным. Не ненависть, а именно отчуждение. Чак перестал заходить к Гэбу, как только у того заработали руки, подчёркнуто, демонстративно не интересуется им. Гэб столь же демонстративно платит взаимностью. А по Шерману всё-таки надо сделать последние записи. Не откладывая то, что можно сделать немедленно. Как и не делай сразу того, что нужно сделать позже...

– Иван Дормидонтович, можно?

Жариков поставил точку, перечитал запись, закрыл тет-

радь и улыбнулся приоткрывшейся двери.

– Конечно, Андрей, заходи. Ты во вторую сегодня?

– Я с ночной, Иван Дормидонтович. В душ только сходил и поел, – Андрей сел на стул перед столом. – Я на минутку. Шерман... ушёл?

– Да, он выписался и ушёл. А что? Ты хотел поговорить с ним?

– Нам не о чём разговаривать, Иван Дормидонтович. Я о другом. Иван Дормидонтович, мы приглашаем вас к нам. Послезавтра двадцатое. Мы хотим отметить, – Андрей улыбнулся. – День Свободы, Иван Дормидонтович.

Жариков мгновенно понял и кивнул.

– Спасибо за приглашение, Андрей, приду обязательно.

– Мы в холле у себя, в шесть собираемся. Мы, – Андрей смущённо улыбнулся, – кому во вторую и в ночную выпадает, подменились все. Все будем.

– Спасибо, – повторил Жариков.

Он хотел спросить, кого ещё пригласили, и почему в холле, а не в столовой, где праздновались все дни рождения, праздничные даты и тому подобное, но Андрей сказал сам.

– Мы ещё Юрия Анатольевича позвали. И Тётю Пашу. И подумали, что остальные обидеться могут, ну, они же тоже спасали нас, но... – Андрей неопределённо повёл рукой. – Но это же другое.

– Я понял, – кивнул Жариков. – И потому в холле?

– Да.

– Ну и зря. Никакой обиды не будет. Это ваш праздник, и вы сами решаете, кого хотите видеть. А в холле вам будет тесно. Договаривайтесь со столовой.

– Хорошо, я поговорю с парнями, решим, – Андрей встал. – В среду в шесть, Иван Дормидонтович. Мы будем ждать.

– Спасибо, обязательно.

Андрей прислушался.

– Идёт уже, – и улыбнулся. – Всё, пойду отсыпаться, Иван Дормидонтович.

– Хорошего отдыха, – улыбнулся в ответ Жариков.

Распахнулась дверь, и на пороге встал Чак. Быстро внимательно оглядел Жарикова и Андрея.

– Спасибо, Иван Дормидонтович, – Андрей, будто не замечая Чака, заканчивал разговор по-русски, – до свидания, – повернулся к двери и перешёл на английский: – Привет, Чак.

– Привет, – нехотя ответил Чак, пропуская его мимо себя из кабинета и закрывая за ним дверь. – Добрый день, сэр.

– Добрый день, – кивнул Жариков, привычно щёлкая переключателем. – Проходите, садитесь, Чак.

Чак, тщательно выбритый и причёсанный, в госпитальной пижаме, прошёл к столу, сел на своё обычное место.

– Как вы себя чувствуете?

– Очень хорошо, сэр, спасибо.

Чак говорит спокойным, вежливо равнодушным тоном. Жариков расспрашивает его о здоровье, самочувствии, успе-

хах в тренажёрном зале. Чак отвечает вежливо, точно и кратко.

– Вы ходили вчера в город?

– Да, сэр, – быстрый настороженный взгляд. – Немного погулял, сэр.

Жариков кивает. Это уже второй выход Чака в город. В первый раз, три дня назад, он вышел, прошёлся по соседним улицам и вернулся.

– Я ходил в Цветной квартал, сэр, – Чак говорит осторожно, тщательно скрывая внутреннее напряжение. – Узнавал, как здесь с работой, сэр.

– И что же?

Чак усмехнулся, и усмешка вышла невесёлой.

– Грузчиков и без меня хватает, сэр. А другой работы здесь для цветного нет, сэр.

Жариков снова кивнул. Всё правильно: Чак начал думать о будущем. Неделю назад он пообещал Чаку, что того выпишут до Рождества. И вот... осмотрителен, что и говорить.

– Вы решили вернуться в Колумбию, Чак?

– В большом городе легче с работой, сэр.

– Что ж, вполне логично. Будете искать работу грузчика?

Чак пожал плечами.

– Другой мне никто не даст, сэр.

– Но вы же шофёр.

– Да, сэр, – Чак снова невесело улыбнулся. – Могу работать шофёром, секретарём, камердинером, но... кому я могу

сказать, где я этому научился, сэр? И... и всё это не ценится. А телохранителем я работать не могу. Мне теперь самому нанимать надо, чтобы меня охраняли.

– Что, проверили себя? – тихо спросил Жариков.

Чак угрюмо кивнул, потёр припухлость на скуле.

– Я... я убежал. Мне теперь нельзя здесь оставаться, сэр.

Они уже знают, что я... что меня можно бить.

– А в Колумбии?

– Там меня боялись, – Чак говорил, глядя перед собой в пол. – Крепко боялись. На старой памяти первое время продержусь, сэр.

Интересное решение. Неплохой психолог Чак.

– С Гэбом вы поэтому не общаетесь?

– Да, сэр. Не задираться не можем. А без толку язык бить... незачем. Он сам по себе, сэр, я сам по себе.

– Что ж, это ваше право. Когда вы хотите, чтобы вас выписали?

– Чем скорее, тем лучше, сэр.

– Я отправил представление на вас в Комитет защиты узников и жертв Империи. Если его примут, вы получите пособие.

Чак заинтересованно поднял голову.

– Спасибо, вы очень добры, сэр, но...

– Почему я это сделал? – улыбнулся Жариков.

Чак настороженно кивнул.

– Потому что сами вы этого не сделаете. А деньги на пер-

вое время вам нужны.

– А... прошу прощения, сэр, на Гэба вы тоже... написали?

– Да. Как только придёт ответ из Комитета, вас выпишут.

Чак незаметно облизал внезапно пересохшие губы. Сколько бы это ни было, но добраться до Колумбии ему хватит. И кое-как дотянуть до... нет, при этом чёртовом беляке об этом даже думать не стоит, насквозь ведь видит, чёрт белохалатный. Ишь как смотрит, улыбается. Надо переводить разговор.

– Ещё раз спасибо, сэр. Право, я не заслужил такой заботы, сэр.

– Не за что, Чак, – Жариков видел, как тот мучительно ищет новую тему для разговора, но не спешил прийти на помощь.

– Прошу прощения, сэр, я не поздравил вас с вашим праздником, – начал по-прежнему осторожно Чак. – Я только сегодня узнал об этом. Ещё раз прошу прощения и поздравляю.

Жариков улыбнулся. В пятницу отмечали День Победы, годовщину полной и безоговорочной капитуляции Империи. Понятно, что в городе никто бы не нашёл никаких признаков праздника, но в госпитале было шумно и весело, кроме палат с местными. Не зная Чак не мог, но, видимо, посчитал этот праздник «делом белых», как говорят бывшие рабы, а его, дескать, не касается. А теперь выкручивается.

– Спасибо за поздравления, Чак. А то, что в среду, два-

дцатого, годовщина Освобождения, вы знаете?

Чак пожал плечами.

– Слышал, конечно. Но... но у каждого свой... День Свободы, сэр.

– Вы правы, Чак. И ваш день ещё не наступил?

Чак снова пожал плечами.

– Я ещё не думал об этом, сэр.

– Хорошо, – кивнул Жариков. – Разумеется, какой именно день считать днём освобождения, каждый решает сам.

Разговор плавно закруглился, Чак ещё раз поблагодарил, попрощался и ушёл.

В коридоре Чак, проверяя себя, обшарил карманы пижамной куртки, хотя помнил, что оставил сигареты в палате. Сейчас бы, конечно, напиток было бы лучше, но... но нарываться, да ещё перед самой выпиской не стоит. Ещё пособие тогда зажмут.

Уже у входа в их отсек ему встретился Гэб. В коридоре никого не было, и они остановились поговорить.

– Ты как?

– В порядке. Выписывают?

Чак кивнул.

– Дня через два-три. Под праздник как раз.

– Это под какой? – равнодушно удивился Гэб.

Его равнодушию Чак не поверил. Гэб всегда был такой: с виду, что ему всё по фигу, а на самом деле он хитрый и пронира. За жратвой первый, а в работе так пусть другие

отдываются.

– Ты в город ходил? – по-прежнему равнодушно поинтересовался Гэб.

– Пошлялся малость, – небрежно ответил Чак.

– Вижу, – насмешливо хмыкнул Гэб.

Вообще-то за такую ухмылку – заметил, сволоочь, скулу – надо сразу врезать, но выдавать свою тайну нельзя. И Чак ограничился кратким:

– Какого хрена, недоумок, тогда спрашиваешь?

– А твою брехню выслушать.

Гэб обошёл его, как столб, и быстро удалился по коридору. Чак бессильно выругался ему в спину. И тут же сообразил, что и Гэб его не ударил. А хотел. И стойку как раз нужную держал. Значит, и у Гэба та же история. Уже легче.

У себя в палате Чак сразу взял с тумбочки сигареты и закурил. Подошёл к окну. Вроде опять моросит. Ладно. Чёрт с ним, с Гэбом. И тысяча чертей с этими праздниками. День Освобождения. Будто это так легко...

...Пламя небольшого жаркого костра бросает красные отсветы на чеканное смуглое лицо. Индеец. Спальник. Спокойно лежащие на коленях смуглые руки. Руки, убившие Ротбуса. Он не видел этого, не слышал. Но знает твёрдо: сделать это мог только этот парень. И белый вихрастый мальчишка рядом. Зачем парень доверяет белым? И этому мальчишке, и Трейси...

...Чак потрянул головой. Чёрт. У него нет другого вариан-

та. Ехать в Колумбию и искать там Трейси. Это его последний шанс. Что Трейси знает о нём? Что он был телохранителем Ротбуса. И всё. Что он сам знает о Трейси? Трейси – киллер, сидел в Уорринге, у Ротбуса была на него карта. Теперь карта у русских. Он тогда бросил все вещи Ротбуса, даже не посмотрев, не проверив, осталась там карта Трейси или нет. Хотя если Ротбус взял её с собой, то она всё равно попала к русским. Жаль. Сейчас бы очень пригодилась. Он тогда даже не посмотрел её, и у него на Трейси ничего нет. Он не нужен Трейси, разве что... держал же Трейси при себе спальника и белого мальчишку. Неужели придётся так предлагать себя? Противно до рвоты, но... но кто он теперь? Шофёр, секретарь, камердинер, дворецкий и... и всё. Остаётся ещё работа грузчика или дворового работяги в имении. А ему нужна работа. Любая. Почти любая.

Чак докурил сигарету, открыл форточку и выкинул окурок. А то поганцам и убирать-то нечего. Ещё два-три дня, и он уйдёт отсюда. Квартира в Колумбии, конечно, не сохранилась, два месяца его не было, старая шлюха наверняка сдала его комнату другому, а шмотьё также наверняка пошло с молотка, или просто выкинули. Но у него там и оставалось... две смены белья и... и ещё какая-то мелочь. Это всё можно будет купить. Ладно. Он расстегнул и снял пижамную куртку, снял нижнюю рубашку и бросил её на кровать к куртке, встал посреди палаты, прикинув, не врежется ли он во что-нибудь при развороте, и начал разминаться перед растяжкой.

Гэб, сидя на стуле перед столом Жарикова, настороженно следил за каждым его движением из-под равнодушно полуопущенных век. Что этот беляк задумал? Хитрый гад, крутит, крутит и выкручивает, не замахнётся, голоса не повысит, а ты ему всё сам и выкладываешь. Вопросы о здоровье, не болят ли руки, как двигаются, ходит ли Гэб в тренажёрный зал и на массаж... Гэб отвечал медленно, тщательно изображая тупого тугодума и сохраняя полусонное выражение лица. Он не мог понять, к чему ведёт беляк, куда направляет разговор, и потому нервничал.

Жариков беседовал спокойно, в меру участливо. Сегодня они должны выйти на разговор о кодирующей формуле. У Гэба все процессы протекают более скрытно, ни арест, ни горячка не были для него таким шоком, как для Чака. От тренажёрного зала к системе тренировок, от тренировок к личности Грина, от Грина к другим хозяевам... На чём держится преданность хозяину? На страхе? А чего бояться сильному тренированному человеку, владеющему всеми видами оружия и имеющему это оружие? И наконец прозвучало: Старый Хозяин.

Тело Гэба мгновенно напряглось, собралось в тугую пружину.

– Да, – голос Гэба стал глухим. – От него мне не освободиться, сэр. Никогда.

– Вы знаете его имя?

– Да, сэр, – вытолкнул из себя Гэб. – Но... Но это запрещено, сэр. Я не могу назвать его, сэр, простите меня.

– Хорошо, – кивнул Жариков. – А написать?

Всё равнодушие мгновенно слетело с лица Гэба. По-детски удивлённо он уставился на Жарикова широко распахнутыми глазами.

– Напишите, – предложил Жариков, протягивая листок и ручку.

Помедлив секунду, Гэб взял листок, ручку и стал писать. Написал, перечитал написанное и удивлённо посмотрел на Жарикова.

– А почему не больно? – вырвалось у него.

Жариков улыбнулся.

– Потому что эту боль вам причиняли специально. Попробуйте вспомнить, Гэб. Вам брили голову?

– Да. Но, сэр... всех рабов так стригут, наголо, раз в год, мулатов чаще.

– Стригут, а не бреют.

– Да, сэр, машинкой, – кивнул Гэб.

– А вас брили. И приклеивали маленькие металлические пластинки.

– Д-да, – и обрадованно: – Да, сэр. Я вспомнил. Так... так это через них, да? Током?

– Да, – кивнул Жариков.

Гэб напряжённо свёл брови.

– Так... так это что, сэр? Так, значит... – и замолчал, не

закончив фразы.

– Да, Гэб, – понял его Жариков. – Вы можете освободиться. И от зависимости от Старого Хозяина, и от тех слов.

– Тоже... написать?

Гэб даже не прибавил положенного обращения «сэр», и Жариков удовлетворённо улыбнулся про себя: процесс пошёл. Но его лицо и голос оставались серьёзными.

– Да. Напишите и сожгите, – Жариков смотрел ему прямо в расширенные остановившиеся глаза. – Они сгорят, и сгорит их власть над вами. Вы поняли, Гэб?

Гэб судорожно дёрнул головой, стараясь и кивнуть, и не отвести глаз от Жарикова.

– Возьмите всё необходимое и идите к тому столу.

Гэб послушно встал, взял со стола листок бумаги, ручку, пепельницу и спички, перешёл к маленькому столу у стены и сел за работу.

Он написал, перечитал написанное, тщательно скомкал листок и сжёг его в пепельнице. Размял кулаком пепел.

– Ещё писать? – глухо спросил он, не оборачиваясь.

– Да, – ответил Жариков. – В другом порядке. И проверьте значение по словарям. Пишите и жгите, пока не почувствуете, что освободились.

Чаку понадобилось три листа. Гэб сжёг шесть. И тоже читал словарь, листал энциклопедию. И наконец ещё раз тщательно размял пепел, захлопнул и уложил в стопку книги, встал и с улыбкой шагнул к столу, протягивая Жарикову руч-

ку.

– Спасибо, сэр, вот...

И, не договорив, рухнул на пол, потеряв сознание. Жариков поднял его и уложил на кушетку. Расстегнул на нём пиджамную куртку и нижнюю рубашку. Гэб неразборчиво бормотал, закатив глаза так, что были видны одни белки.

– ...не надо... глютамин... нет, нет, сэр, за что?!.. ситуация... опять... не надо... будьте вы прокляты... трубказуб... не надо...

Жариков понимал, что эти странные, внешне бессмысленные слова и есть осколки формулы, но даже не пытался запомнить их и сложить в цельную фразу: суть процесса ясна. Он передвинул к изголовью кушетки табуретку и поставил на неё стакан с водой. А сам вернулся к своему столу и углубился в бумаги.

Вскоре бормотание затихло, дыхание стало ровным. Гэб глубоко вздохнул и сел. Взял стакан и медленно, маленькими глотками выпил.

– Спасибо, сэр. Прошу прощения, что обеспокоил, сэр, – и после недолгой паузы: – Я... я что-то говорил, сэр?

– Нет, – очень серьёзно успокоил его Жариков. – Вы лежали молча.

Он легко встал из-за стола, достал из шкафа с лекарствами таблетки.

– Это снотворное. Вам надо как следует выспаться. Выпейте таблетку, идите и ложитесь в постель.

Гэб послушно взял таблетку, проглотил. Он был сейчас не в том состоянии, чтобы хитрить, а тем более сопротивляться. Но провожатого Жариков решил ему не давать: привычка к послушанию должна довести его до постели.

– Да, сэр, слушаюсь, сэр, – пробормотал Гэб, направляясь к двери.

Как он дошёл до своей палаты, разделся и лёг, Гэб никогда потом не мог вспомнить. Видимо, спал на ходу.

У себя в комнате Андрей сразу разделся и лёг. Но тут же встал, убрал, разложил и повесил вещи, и снова лёг. Привычно вытянулся на спине, закинув руки за голову. Джо с Джимом на работе, он один. Серый тусклый свет зимнего дня, тишина. Ну вот, всё он сделал. И про столовую парням сказал. А что, чего в самом деле в холле тесниться? Отметим как... как День Победы отмечали. Да, их пригласили, они пришли, но чувствовали себя стеснённо. Они-то не воевали, ни вспомнить, ни сказать им нечего. Но что и как должно быть на празднике, они рассмотрели. Хоть и недолго были.

Андрей потянулся, поёрзал спиной и ягодицами по простыне, поправил одеяло. Ну вот, он один, редкая удача, надо спать. Никого он своими стонами не потревожит. Конечно, Джо с Джимом – здоровские парни, ни разу не попрекнули, что кричит и стонет во сне. А уж о чём другом и речи нет. Хотя... хотя и сами тоже... и странно: днём ничего, будто и не помнишь, будто и не было ничего, а ляжешь... столк-

нёшь одеяло, и опять Паласы, питомники, вся эта гадость, а накроешься... и опять на тебя наваливаются, чудятся чужие, шарящие по телу руки. Закричишь тут. Нужно очень сильно умотаться на работе, двойную смену отпахать, чтобы лечь и провалиться. А так... и не спать нельзя, и заснуть страшно.

Андрей повернулся набок, попробовал свернуться под одеялом в комок. Так вроде легче. Хотя тоже...

...Он лежит на жёсткой узкой кушетке, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. И тихо плачет. От боли и страха. У него всё болит, зачем его ещё мучают? Что он сделал не так, что сержант отдал его врачам, не оставил себе? Холодный металл касается тела, и он начинает дрожать. А над ним звучат голоса. Говорят на непонятном языке, наверное, по-русски. Он не понимал, но поневоле запомнил.

– Ты смотри, как изуродовали парня, сволочи.

– Да, всё изранено. И Анульки нет.

– Подождём её?

– Нет, смотри, нагноение. Нет, убираем сейчас. Потом проконсультируем...

...Теперь он знает. Анулька – это Анна Емельяновна Леркина, проктолог. Она потом несколько раз смотрела его. А тогда он только дрожал и плакал...

...И снова голоса.

– Палкой?

– Да. Даже занозы остались, – и по-английски: – Потерпи, парень. Только не дёргайся. И не напрягайся, расслабь

мышцы. Вот, правильно, хорошо, так и лежи, – и опять порусски: – *Ну вот, и вот, и вот здесь ещё. Подсвети.*

– *На стол надо было. А не... амбулаторно.*

– *Ты на него посмотри. На стол. Он же не выдержит.*

– *Слушай, Юр, откуда этот страх? Ведь у остальных тоже.*

– *У всех. Зажим. Вот так. Теперь лишь бы спаяк не было. А откуда страх? Видно, с такими врачами дело имели...*

...Да, доктор Юра, Юрий Анатольевич, это точно. Такие это были врачи, что и сейчас при виде белого халата надо заставить себя вспомнить, где ты и кто ты теперь. Переодеваться свой же шкафчик открываешь и вздрагиваешь.

Андрей вздохнул, потёрся щекой о подушку. Надо спать. Послезавтра двадцатое декабря, день Освобождения, День Свободы. Ну и что, что он встретил сержанта в феврале, а у других тоже было у каждого по-своему, Алик вон вообще только на День Империи, будь она проклята, нет, они решили: День Свободы – так День Свободы. Для всех. Раз столовая, то с чаем легче. И заварка, и кипяток, и стаканы. А вина они купят в городе. Эд с Крисом обещали уломать генерала, чтобы разрешил. Съестного – закуску и сладкое к чаю – тоже в городе и в буфете купят. Вскладчину. Что ещё? Всё вроде. Музыка... так в столовой же пианино стоит, ну, тогда полный порядок. Играют многие. И попоём, и потанцуем. Тётя Паша даже не видела, как мы умеем. И доктор Юра...

Он улыбнулся, не открывая глаз. Тело обмякало, расслаб-

лялось. И засыпая, он как заклинание от кошмара повторял их имена... доктор Юра... Тётя Паша... доктор Ваня...

ВЧ № 4712

Закончив совещание и отпустив подчинённых на свершения и достижения, Михаил Аркадьевич сел за стол и взглядом поблагодарил Никласа, молча поставившего перед ним стакан с чаем.

– А сами, Ник?

Никлас улыбнулся и кивком показал на второй стакан на краю стола. Улыбнулся и Михаил Аркадьевич.

– Теряю наблюдательность. Старею.

– Просто не замечаете ненужного, – возразил Никлас. – Как прошла поездка?

– Удачно. Спасибо, Ник, очень удачно. У Ларри полный порядок. Он счастлив.

– Рад за него, – кивнул Никлас. – Тандем был?

– Да. Видел обоих. Обменялись визитками, – Михаил Аркадьевич улыбнулся.

Никлас понимающе кивнул.

– Не думаю, что они будут афишировать знакомство. Вы слишком большой козырь.

– Спасибо за оценку, Ник. Интересно, на чём они прибегают.

– Да. О втором тандеме был разговор?

– Нет. О смерти лагерника и эмиграции спальника они знают. А пустых разговоров не любят. Кстати, Бредли назначил на двадцатое расчёт с работниками.

– Неглупо, – кивнул Никлас. – Согласен, даже умно и предусмотрительно. В день Освобождения расчёт, деньги на руки и подписание нового контракта. И никаких конфликтов.

– Бредли вообще не любитель конфликтов. Открытых.

– Ликвидация конфликта радикальным методом, – рассмеялся Никлас.

– Да, старая добрая, проверенная и подтверждённая многовековым опытом борьбы за власть методика. Ликвидация конфликта физической ликвидацией противника или соперника, – с улыбкой кивнул Михаил Аркадьевич.

– Да, – улыбнулся Никлас. – Нет человека – нет проблемы. Кто это сказал?

– Да кому только из правителей не приписывали этой фразы. Поговорите при случае с Кр... Бурлаковым. Он – историк, это его хлеб: кто, когда и что сказал. Но, разумеется, функции Трейси намного разнообразнее. И когда надо... вспомните эпизод с Кропстоном.

– Кстати, Кропстон при всей своей словоохотливости о Трейси и Бредли молчит вмертвую.

– Что ж, всё понятно, – пожал плечами Михаил Аркадьевич. – Он хочет жить.

Никлас кивнул, отставил стакан и раскрыл очередную

папку из лежащей на углу стопки. Вся эта история с двумя тандемами – уже история. Она может стать опять современностью, и тогда будет очень важно знать исток, первоначальную стадию, но пока...

– Гром не грянет, мужик не перекрестится, – улыбнулся Михаил Аркадьевич, так же отставляя свой стакан. – Так?
– Да, – ответно улыбнулся Никлас. – Подождём грозы.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

В принципе Эркин знал о Рождестве. В Паласах самая горячка начиналась с Рождества и до... ну, где-то пять циклов. А цикл – это три смены работы и смена obsługi. Значит, это дней... да, двадцать дней. Но, разумеется, что там беляки празднуют, его совсем не волновало. А в имени любые праздники белых оборачивались дополнительной поркой, и лучше бы совсем без них. А здесь... здесь почему бы и не отпраздновать?

Утром за завтраком Женя вдруг ахнула:

– Эркин, в понедельник же Рождество!

– М? – оторвался он от каши.

Женя рассмеялась.

– Будем праздновать?

– Будем, – сразу согласился он. – Что нужно?

– Ёлка, подарки, угощение, – перечисляла Женя, подкладывая ему кашу. – А там и Новый год. Его тоже отпразднуем.

– И тоже подарки! – заявила Алиса.

– И тоже, – засмеялась Женя. – Ешь аккуратно. Ну как, Эркин?

– Очень вкусно, – он облизал ложку. – Женя, что надо купить?

Женя с улыбкой смотрела на него. Какой он весёлый, глаза озорно блестят, морщатся в улыбке губы, выгибая шрам на щеке.

– Я вчера в мебельный заходила. Спальни всей целиком нет, но можно набрать. Кровать, шкаф, комод и тумбочки. Согласен?

Эркин кивнул, но добавил:

– И ты говорила ещё... трюмо. Так?

Женя вздохнула.

– Да. Жалко, ты во вторую. Ты зайди, посмотри тоже, и решим тогда сегодня. Я хочу к Рождеству и спальню, и Алискину сделать.

– Ладно, – снова кивнул Эркин. – Зайду.

– Сегодня вторник. Завтра тогда купим, что решим. И в

четверг. А с пятницы начнём готовиться к Рождеству, – решила Женя и выскочила из-за стола. – Ой, мне пора уже!

Женя убежала переодеваться, а Эркин стал убирать со стола. Алиса выразительно посмотрела на него и на лежащие на столе конфеты. Эркин вздохнул и покачал головой. Алиса тоже вздохнула и стала вылезать из-за стола.

Эркин быстро вымыл и уже расставлял на сушке посуду, когда услышал, как Женя в прихожей разговаривает с Алисой, и вышел к ним. Женя, уже в пальто и платке, с сумочкой на плече улыбнулась ему.

– Всё, я побежала.

Чмокнула в щёку его, Алису и выбежала за дверь. Алиса снизу вверх смотрела на него.

Эркин улыбнулся.

– Убирать будем.

– Ладно, – согласилась Алиса.

Вчера, проводив Женю, он сбегал к Филиппычу за шкафчиком и договорился насчёт стола, натёр полы в спальне и комнате Алисы, а там обед и уже пора на работу. Так что ванной и прихожей он займётся сегодня. А большую и дальнюю комнаты – завтра. Всё это Эркин изложил Алисе.

– А играть когда?! – возмутилась Алиса. – Вчера не играли и сегодня не будем?! Это нечестно!

Эркин вздохнул.

– Мне надо работать, Алиса.

– Маме работать, тебе работать, – Алиса обиженно надула

губы. – Ну, Эрик, ну, хоть немножечко.

– Посмотрим, – решил Эркин.

На кухне он поставил вариться суп. Всё необходимое Женя оставила на шкафчике рядом с плитой. Так. Сложить в кастрюлю, залить холодной водой и поставить на маленький огонь. Ну вот, это он сделал. Эркин вышел в кладовку, переодеться там в рабские штаны. По дороге заглянул в комнату Алисы. Алиса играла с куклами.

Эркин вошёл в ванную и огляделся. Что здесь? Здесь всё отмыть. В принципе, грязи уже особой нет. Не сравнить с первыми днями. Так что управится он быстро. Дело нехитрое и уж очень привычное. Сколько он этого кафеля в жизни перемыл... не сосчитать. Да, этому его ещё в том, самом первом питомнике выучили. Шкафчик, что он вчера от Филиппыча принёс и выкрасил, надо будет перетащить из большой комнаты в ванную. Хорошая это штука – длинное мудрёное название этой краски он ещё не запомнил и пользовался более простым вариантом – специальная краска для внутренних работ. И вообще... Он улыбнулся. Всё хорошо. Женя простила его, разрешила ему... всё разрешила. И вчера, когда он пришёл с работы, поздно пришёл, в двенадцать, да, уже в полночь, пока поел, пока вымылся, а когда легли, так совсем поздно было. Он обнял Женю, прижал её к себе, погладил, и она так и заснула в его объятьях, обнимая его. Он и не думал, какое это счастье, вот так спать.

Он работал споро, умело оттирая плитки жёсткой щёткой,

обмывал и тут же вытирал насухо тряпкой. Ну вот, ванная аж блестит. Эркин удовлетворённо оглядел свою работу, вытер руки и вышел из ванной. Пока он её мыл, стало совсем светло, и свет на кухне вполне можно погасить выключить. Суп тихо начинал закипать, теперь помешать, вот так, и пусть себе дальше варится. В большой комнате на разостланных газетах стоит шкафчик. Эркин осторожно потрогал пальцем в нескольких местах. Хорошо высохло. Как бы его теперь ухватить?

– Эрик, тебе помочь? – прямо из воздуха появилась рядом Алиса.

– Да. Подержи дверь.

Поднять шкафчик ему не удалось, и они с Алисой волоком перетаскили его в ванную и поставили на место.

– А что здесь будет?

– Полотенца, простыни, ещё что-нибудь.

– Ага. А теперь ты что делать будешь?

– Пол в прихожей натирать буду.

– А я с тобой!

– Как вчера? – усмехнулся Эркин.

Вчера Алиса тоже решила натирать вместе с ним полы, но ей быстро надоело. А он же не надзиратель, чтобы заставлять.

– Ну-у, – протянула Алиса и тут же улыбнулась. – Я вот здесь натирать буду.

Вместе они отсчитали десять дощечек. Алис стянула че-

рез голову платье и стала, подражая ему, тереть паркет. Сначала каждую дощечку по отдельности. Закончили они работу почти одновременно. Эркин посмотрел на её кусок и сказал, что вот эти две надо перетереть. А потом закончил свои. И щёткой натёр уже весь пол целиком. А ещё потом тряпкой специальной, суконкой. И здесь Алиса ему тоже помогала: он дал ей маленькую суконку и показал, как это надо делать. И получился замечательный блестящий пол, и Алиса пару раз даже поскользнулась и шлёпнулась, что было не больно, а очень даже весело.

Эркин убрал мастику, щётки и суконки в кладовку и пошёл на кухню. Суп надо было заправить. И выключить газ. Вот так. Теперь отмыть Алису от мастики, и они пообедают. Вчера он ушёл к Филиппычу сразу после Жени, потому всё и успел, а сегодня... но мебель он же покупать не будет, а только посмотрит, так что... Ну вот, теперь и самому умыться и переодеться. Пока Алиса умывалась, он переоделся в кладовке в старые джинсы и ковбойку и пошёл в ванную. Алиса, как и было заведено ещё в Джексонвилле, держала ему полотенце.

– А сейчас?

– А сейчас обедать будем.

Эркин – опять же по традиции – брызнул на неё водой, вытерся и повесил полотенце на место. И пошёл на кухню. При деятельной помощи Алисы накрыли на стол.

– Эрик, а давай кашу не будем есть?

Предложить отказаться от супа она не рискнула: суп варил Эрик, может обидеться, а вот каша...

– Голодно без каши, – растерянно ответил Эркин. Что от еды можно отказываться было слишком непривычно для него.

Алиса вздохнула. Спор с Эриком у неё как-то никогда не получался. Но зато, когда они после всего пили чай, он ей отдал обе конфеты.

– А теперь? – спросила Алиса, разглядывая фантики.

– Ты ляжешь спать. А я помою посуду и пойду на работу.

Сколько себя помнила Алиса, она слышала эти слова и знала, что с этим не поспоришь.

Эркин вымыл и расставил посуду, посмотрел, сколько осталось каши и супа – хватит ли Жене поесть после работы – и пошёл к Алисе. Алиса честно переоделась, даже одежду сложила и лежала уже под одеялом.

– А ты меня поцелуешь?

По заведённому уже в лагере и соблюдаемому теперь порядку он коснулся губами её щеки и сказал слышанное много раз от Жени:

– Спи, маленькая.

– Ага-а, – сонно согласилась Алиса.

Увидев, что она заснула, Эркин пошёл в спальню, переоделся. Тёплое бельё, джинсы, ковбойка. Оглядел спальню. Ничего, ещё пара дней и будут спать уже нормально, на кровати. В прихожей он быстро обулся, надел полушубок, ушан-

ку. Поглядел на себя в зеркало. Как сказал ему Тим? Со-
всем русским стал? А что? И неплохо совсем. Жене он та-
ким нравится. Ну, и себе тоже. Попробовал сдвинуть ушан-
ку чуть набок, как носят здесь многие, вот так. И тоже очень
даже ничего. Он привычным уже движением проверил на се-
бе бумажник, ключи, рукоятку в кармане джинсов и вышел,
бесшумно прикрыв за собой дверь. Верхний замок, нижний
замок. И быстрым уверенным шагом по коридору, вниз по
лестнице и во двор под холодный, но совсем не страшный
ветер с мелким снегом.

Возле поворота к магазинчику Мани, он нагнал высокого
мужчину в новом чёрном полушубке и не сразу, а только по-
равнявшись, узнал Тима.

– Привет, – поздоровались они одновременно.

– Во вторую?

– Да.

Тим покосился на него.

– У тебя что, с двух?

– Зачем? С трёх, – и с небрежной лёгкостью: – В мебель-
ный хочу зайти, посмотреть.

– Жёстко на полу спать? – усмехнулся Тим.

– Не хотелось второпях абы что покупать, – спокойно от-
ветил Эркин.

Обменявшись ударами, какое-то время шли молча. Нако-
нец Тим буркнул:

– Я вот тоже, по магазинам собрался. Заодно и мебель по-

смотрю.

Посмотрели друг на друга и улыбнулись. Чего, в самом деле, друг от друга прятаться. Русский Тим знает куда хуже, и вообще... похоже, они двое на весь город... такие. Под бурками поскрипывал снег, лёгкий мороз пощипывал щёки.

– Ты чего чёрный полушубок купил?

Тим смущённо усмехнулся.

– По привычке, наверное. Слушай, у тебя как заработок?

– Сто двадцать.

– В получку?!

– Ошалел? В месяц.

– А-а, ну, так же, значит.

Они шли быстро, уверенно, но в магазине не то, что оробели, но как-то... смутились, что ли. Просторный, освещённый яркими лампами зал казался сумрачным и тесным из-за заставлявшей его мебели. Они ходили по узким проходам между шкафами, буфетами, диванами, ещё чем-то... Столько всего разного, и вроде... вроде всё нужно.

– Как тебе этот?

– Куда его, в спальню?

– Куда ж ещё. Зато всё влезет.

– Ну да. Смотри, а это...

– Это? – Тим задумчиво оглядел большой мягкий диван, обтянутый тёмно-красным бархатом. – Это в гостиную, я думаю.

В общем, здесь было всё, что нужно. Даже для детской.

Эркин быстро прикидывал в уме, хватит ли ссуды, и получилось, что на всё хватит и даже останется. Но когда он прикинул эти же цены на свою зарплату... ему стало не по себе. Если бы не ссуда... Эркин поглядел на сумрачное лицо Тима и понял, что тот думает о том же.

– Если б не ссуда... – сказал он вслух.

Тим кивнул.

– Долго бы ещё на полу спали и в рабском ходили.

Эркин посмотрел на часы.

– Мне пора уже.

Они молча прошли к выходу и на улице распрощались.

До завода Эркин бежал и, только попав в толпу спешащих на вторую смену, успокоился и пошёл со всеми. Дорога была уже знакомой и потому незаметной. Его окликнул Колька-Моряк. Эркин протолкался к нему.

– Привет.

– Привет. Ты как?

– В порядке.

Колька вдруг зевнул.

– Не люблю вторую, – объяснил он. – Весь день наперекосяк.

Эркин задумчиво кивнул. Хотя ему вторая смена особо не мешала. Только вот то, что они с Женей в разных сменах. Это неудобно. Так бы он с Женей пошёл в магазин. Помог бы. А кровать хороша. Большая, даже на качалку хватит. Если Жене понравится...

Пропуск, табельный номер, бытовка. Они не первые, но и не последние, и время ещё есть. Эркин отпирает свой шкафчик, переодевается. У Кольки нижняя рубашка полосатая, как ни у кого, ни разу не видел такой. Бытовка заполнялась людьми, гомоном, смехом, беззлобной руганью. Что-то верещал Ряха, и над его рассказом дружно ржали. Эркина Ряха теперь не задевал. Когда вчера после работы переодевались и Эркин снял нижнюю рубашку, чтобы обтереться, кто-то, глядя на его плечи, хмыкнул:

– Везучий ты, Ряха.

– Да уж, – кивнул Лютыч. – Крепок Мороз. Уж если вдарит, так вдарит.

– Не горюй, Ряха, – засмеялся Колька. – На гроб мы тебе скинемся.

Ряха, как-то сжавшись, смотрел на Эркина, беззвучно шевеля губами. Эркин посмеялся со всеми, как над шуткой, оделся, и они разошлись. Но Ряха, похоже, всерьёз испугался и сегодня старался даже не глядеть на Эркина.

– Хватит валандаться, – Медведев, надевая ушанку, рыком открыл дверь бытовки. – Пошли.

Эркин запер шкафчик, сунул ключи в карман и со всеми пошёл к двери. Всё-таки, великое дело – ватага. Когда ты не один, когда как все. Он всегда был отдельно, наособицу, индейцы в Паласе – большая редкость, сам он о таких только слышал, но не встречал. И в имении тоже был отдельно от всех. Только после Освобождения ему стало чуть легче. Но

и в Джексонвилле был один. Пока не появился Андрей. Но думать об Андрее не мог: такой болью отзывалось это. И он заставил себя не думать. Да и некогда уже. Вон они, чёртовы контейнеры. И как только старшой разбирается, куда какой тащить?

Двор залит пронзительно белым светом прожекторов. Режущий губы и щёки холодный ветер. Лязг, грохот, чья-то ругань.

– Легче, Мороз, рад, что силы много!

– А что?

– Глаза разуй! – Саныч тычет пальцем в намалёванные на контейнере красные буквы.

– Ну, так что? – не понимает Эркин.

Саныч внимательно глядит на него.

– Неграмотный, что ли? – и, увидев хмурый кивок, показывает другой значок, тоже красный, но понятный. Рюмка. – Понял? Их осторожно надо. Как стекло.

– Ага, понял.

И, берясь за очередной контейнер, смотрит, ищет рюмку. И везёт такой уже без тряски и толчков, плавно, хотя это не в пример тяжелее. Медведев молча кивает ему, пробегая мимо.

А в перерыве в полупустой столовой – во вторую смену заметно меньше народу – Саныч негромко сказал ему:

– Учиться думаешь?

– Надо, – кивнул Эркин.

– Надо, – согласился Саныч. – Не откладывай далеко, пока голова молодая.

Эркин невольно вздохнул.

– А есть школа?.. – и осёкся, едва не сказав по-английски: «для цветных».

– Если искать, то всё найдёшь, – ответил Саныч.

Эркин кивнул. Конечно, надо учиться. Сам всё знал и понимал, и... и как будто держало что-то. Страх какой-то. Нутряной, глубинный, что даже думать неприятно.

И снова ветер, лёгкий снег, тающий на щеках и губах, белый свет, тускло блестящие серым металлом контейнеры с красными значками.

– Мороз, этот десяток на ту платформу.

– Эти? – он, уточняя, обводит рукавицей кучку контейнеров без букв и цифр с непонятными значками.

– Да. Только аккуратнее.

– Как стекло?

– Ещё легче.

– Понял.

Он берётся за ручку, носком валенка без щелчка убирает стопор и плавно стягивает контейнер с места. Вот так... и вот так... и вот так... А крепит кто? Ряха?! Но удивиться он не успевает: с такой неожиданной ловкостью зацепляет Ряха за скобы контейнера необычные тяжи на пружинах и быстро закручивает стопорные барашки. То-то Ряха без рукавиц.

– Чего смотришь?! Ты!.. Им же под снегом нельзя!

И он бежит за следующим. А Ряха готовит место, расправляя и вымеряя тяжи. «Потому, видно, и поставил Медведев их вдвоём, чтоб толкотни не было», – на бегу сообразил Эркин. А на платформе уже, кроме Ряхи, Антип и Серёня ставят и свинчивают, скрепляют трубчатый каркас. И Антип, топорща рыжую бороду, рычит на Серёню, а тот, шмыгая носом, отругивается. Похоже, вроде Кольки – руки только вместе с языком работают. И ещё... и ещё... и ещё... один ряд уже выставлен и с той стороны на каркас надевают деревянные щиты. Последний контейнер Эркин вкатывает в уже готовый вагон, внешне неотличимый от прочих. Двое мужчин в пальто поверх белых халатов и третий в форме проверяют крепления, сверяют значки на контейнерах со своими бумагами. Падают на снег сходни, ставится последний щит, звякая декоративным замком, Медведев и Саньч закрепляют стыки щитов, залепляя их какой-то массой, похожей на мастику, и тот, кто в форме ставит на мастику штампы...

Медведев махнул рукой в сторону пытящего паровозика.

– Выкатывай! – посмотрел на работавших на этой платформе и улыбнулся. – Вам всё. Валите в бытовку.

– Во, это дело! – расплылся широченной улыбкой Серёня.

И только тут Эркин почувствовал, как устал. И ведь не скажи, что такие уж тяжёлые, не тяжелее обычного, а устал. У Ряхи сизые замёрзшие руки, он не верещит, бредёт молча, волоча валенки и сгорбившись. И Антип явно устал. И Серёня молчит. Так что он не один такой, уже легче.

До бытовки они дошли молча и, не стовариваясь, сразу сели к столу. Ряха даже шапки не снял. Но Эркин, чувствуя, как стремительно тяжелеет от усталости тело, заставил себя встать, снять и повесить на вешалку ушанку и куртку, сцепил на затылке руки и потянулся, выгибаясь, качнулся телом вправо, влево, по кругу...

– Ты это чего, а? – удивлённо спросил Серёня.

Не зная, что ответить, Эркин неразборчиво буркнул себе под нос и потянулся ещё раз.

– Это он танцует так, – подал голос Ряха. – Во-ождь...

Эркин удивлённо посмотрел на Ряху через плечо, и тот сразу замолчал. По-прежнему стоя к остальным спиной, Эркин прогнал по телу волну – благо, под рубашкой не заметно – и вернулся к столу.

– Слушай, это... гимнастика такая, да? – не отставал Серёня.

Эркин неопределённо пожал плечами и посмотрел на часы.

– Полчаса осталось.

– Нам всё уже, – Антип, тяжело опираясь на стол, встал, перекрестился на икону в углу. – Слава тебе, Господи, прожит день. Можно и собираться, мужики.

Помедлив, Эркин кивнул. В самом деле, старшой сказал, что им всё, так что вряд ли новую работу даст. По коридору затопали, и в бытовку ввалились Колька и Петря с Миняем.

– А вы чего сидите?

– Мы думали, они уж дома чай пьют, а они тут ещё валандаются.

– Пошабашили, что ли? – спросил Антип.

– Ага, – Колька зазвенел ключами у своего шкафчика. – Ща остальные подвалят.

Эркин встал и тоже открыл свой шкафчик, стал переодеваться. Пока тянулся и сидел, нижняя рубашка впитала в себя пот, но он всё же, как и вчера, разделся до пояса, взял полотенце и пошёл к раковине обтираться.

– Смотри, застудишься, – сказал Миняй.

– Это когда Мороз холода боялся? – засмеялся Колька.

– А настоящих холодов ещё и не было, – с ходу вступил в разговор Геныч.

– Ну да, – согласился Антип. – Мягкая зима нонеча.

Раньше Эркин на такие разговоры дёргался, но сейчас, зная, что тёплой одежды у них навалом, а если что, то и прикупить не проблема, он спокойно обтёрся холодной водой и вытерся насухо. В бытовке собралась уже вся бригада. Эркин протолкался к вешалке, забрал свои курку и ушанку, отнёс к шкафчику и стал переодеваться.

– Мужики, подкинут нам на Рождество?

– Ёлочные-то? Должны.

– Хорошо бы в пятницу.

– А на Победу ни хрена не дали.

– Тебе самой Победы мало?

– Спорим, в получку дадут?!

– Это уж под Новый год выйдет.

– А не по хрену тебе когда?

– Э-э, нет. Под Рождество «ёлочные», а под Новый год получку и...

– Губы закатай, а то вон, по полу уже шлёпают.

– Ага! Ща отдадим, х-ха!

– И две пятницы пить будешь?

– А чё ж не выпить, коли есть на что!

– Ёлочные – это что? – тихо спросил Эркин переодевавшегося рядом Кольку.

– А премия под Рождество, – ответил тот. – В прошлом году, говорят, сотню выдали.

– Это с победными вместе, – вмешался Петря. – Ох, и гуляли-и...

– Ага, – засмеялся кто-то. – Земля тряслась, небо рушилось.

Эркин кивнул. Премия – это, конечно, хорошо. Он натянул джинсы, обулся в бурки, застегнул и заправил в джинсы ковбойку, проверил, на месте ли рукоятка. И поймал внимательный взгляд Кольки. Ну да, конечно, ремешок все заметили. Он улыбнулся, достал из кармана рукоятку и на ладони показал её Кольке.

– Талисман, что ли? – неуверенно спросил Колька.

Эркин свёл брови, вспоминая, что это значит, и спросил:

– А что такое, та-ли-сман?

– Ну-у, – замялся Колька, – ну, как это...

К их разговору прислушивались, и, когда Колька беспомощно оглянулся на остальных, к нему сразу пришли на помощь. Наперебой стали на все лады объяснять Эркину. Выслушав всех, он кивнул.

– Понял. Да, наверное, так и есть.

Может, если б его спросили сейчас, он бы рассказал про Андрея, но не спросили, а сам он говорить не стал.

Дружной, весело гомонящей толпой – свалили смену, теперь на отдых – расхватали табельные номера, а уж у проходной толпа побольше. Вывалились на улицу и как-то почти сразу разошлись кто куда. Эркин пошёл с Миняем: оба с «Беженского корабля».

– Ты давно здесь?

– С весны. А в «Корабль», как построили его, въехал. Спасибо Комитету, а то бы загнулся я с пискунами своими.

Эркин кивнул.

– Да. И жильё, и работа, и ссуда. Всё через Комитет.

– Ну да, – Миняй с удовольствием пыхнул сигаретой. – Я-то сразу, ещё зимой прошлой, через границу рванул.

– Из угнанных, что ли?

– Н-ну! Ну и... сначала домой, конечно, адрес-то помнил. А там... ни дома, ни родных, ни могил. Всё перекорёжено. Где не снаряды, там бомбы, где не бомбы – там СБ. Я и плюнул на всё, рванул через границу. Она-то ещё хлипкая была. Ох, и хлебнули мы в Пограничье, – Миняй покрутил головой, – вспомнить страшно.

– Да, – согласился Эркин, – лихая была зима. Самой-то заварухи, – перешёл он на английский, – не застал уже?

– Бог миловал, – серьёзно ответил Миняй.

Эркин кивнул. Той зимой не смотрели: русский, не русский, белый – и всё. Как и с той стороны. Не белый – тоже всё.

Улица была пуста и тиха, только их шаги поскрипывали.

– Я вот думаю, – Миняй снова пыхнул сигаретой. – Как мы на той неделе работать будем?

– А что такого? – заинтересовался Эркин. – Неделя как неделя.

– Не скажи. В понедельник Рождество. Не работаем. Так? – Эркин кивнул, и Миняй продолжил: – Вторник там, среда, четверг, пятница четвёртая, двадцать девятого, поллучка. А тридцать первого Новый год.

– Воскресенье тридцать первого.

– Ну да. А первого законный выходной. Даже в уgone давали на Рождество и на первое.

Эркин промолчал, вспоминая имение. Хотя... скотина праздников не знает, её кормить да доить каждый день нужно.

– А вот ведь закавыка какая. С Рождества святки, две недели гулять положено. А мы пахать будем. Как в уgone. Хоть бы неделю до Нового года дали. Обидно же.

Эркин о таком никогда не думал. И перспектива работы на святках – интересно, а это что, тоже праздник получается? –

его не пугала. Праздник, конечно, вещь хорошая, кто спорит, но... скажут выйти на работу – он выйдет. У него вообще выходные только здесь появились. А праздники... ну, Женя ему скажет, что надо на праздник. Да, ах ты, чёрт, чуть из головы не вылетело.

– Слушай, а на Рождество подарки нужны, так?

– А как же, – засмеялся Миняй. – И на Рождество, и на Новый год. Я уже купил своим и припрятал пока.

– А... а что купил?

Миняй удивлённо посмотрел на него.

– Что положено. Ты что, не знаешь?

– Откуда, – вздохнул Эркин.

– Так... А! Ну, понятно. Значит, на Рождество гостинцы.

Они готовыми пакетами есть. И ещё. Малышне кому куклу, кому машинку, кому мячик, жене... – Миняй улыбнулся. – Я своей серёжки с колечком, не золото, конечно, но блестит. А на Новый год ей духи, ну, и детворе опять же игрушки-книжки. Меньшой мой пойдёт вот-вот, ему ботиночки красные. И опять же по пакетику со сладостями. Ну и, для гульбы что положено. Понимаешь, Рождество – семейный праздник, все по домам будут, а на Новый год гулять шумно будем. Старый год проводить, новый встретить.

– Ага, – кивнул Эркин, тоже улыбаясь: с таким азартом рассказывал об этом Миняй. – А... ёлка ещё нужна, да?

– А как же! Ёлку на Рождество ставят, и вот святки она и стоит. Ёлку на рынке купи, а до Рождества на этой, как её, а!

лоджии оставь. Двадцать четвёртого, в Сочельник внесёшь и поставишь. А игрушки – на ёлку вешать – уже продают всюю. Неужто не видел?

– Видел, – не слишком уверенно согласился Эркин. Бегая по магазинам, он как-то не обращал на это внимания.

– То-то. И главное, чтоб раньше времени подарки не увидели.

Эркин улыбнулся. Это-то не проблема. Он в кладовке такой тайник устроит... бычка спрятать будет можно.

Они уже подходили к дому. Тёмному, по одному-два окна на этаж светятся, не больше.

– Ну, прощевай.

– До завтра, – кивнул Эркин.

Миняй пошёл к своему крылу, ему с дальней лестницы удобней, а Эркин вошёл в подъезд, оббил на решётке снег с бурок и стал медленно подниматься. Снова наваливалась усталость, умотали его эти чёртовы контейнеры. И ведь не слишком тяжёлые, а неповоротливые, и главное, что их без толчков тяжело везти. Он вошёл в свой пустой и тихий коридор. Спят все уже давно. Вот и его дверь, нарядный коврик. Эркин достал ключи, открыл дверь – только верхний замок, ну да, Женя же дома – и вошёл в освещённую прихожую. И почти сразу – он только начал расстёгивать полушубок – из кухни вышла Женя.

– Ну, наконец-то, – она порывисто обняла и поцеловала его.

– Женя, я с холода, – ткнулся он губами в её щёку.

– Раздевайся, поужинаешь.

Полушубок, ушанку, бурки на вешалку, шлёпанцы на ноги, и уже у двери в ванную он остановился. Что-то не так, как-то по-другому. Женя с улыбкой наблюдала за ним.

– Ну и что? – спросила она.

– Женя... что-то не так... – он вдруг сообразил. – Запах какой-то.

– Неприятный? – по-прежнему улыбалась Женя.

– Нет, но...

– Ладно. Идём, покажу.

Женя открыла дверь комнаты Алисы, и он увидел... кровать и вдоль стены... Он же это как раз сегодня в магазине смотрел.

– Женя, ты купила?..

– Ну да. Зашла после работы и купила.

– Здоровско! – восхитился Эркин. – Я же сегодня там был и видел.

– Тебе понравилось?

– Да. Я как раз думал тебе сказать.

– Ну и хорошо. Завтра посмотрим, я не хочу ей свет включать. Ещё проснётся.

Эркин кивнул и отступил. Женя бесшумно прикрыла дверь, и они пошли на кухню.

– Суп подогреть?

– Да нет, Женя, спасибо, я чаю.

– Ну и хорошо. Давай, я тебе ещё варенья положу.

– М-м. Вкусно как, Женя.

– Вот и отлично.

Женя сидела за столом и смотрела, как он ест. Красиво, как всё, что он делает.

– Женя, – Эркин поднял на неё глаза и улыбнулся. – Я в мебельном сегодня был, посмотрел.

– И что тебе понравилось? – Женя подвинула ему хлеб. – Ты себе бутерброд сделай.

– М-м. Спасибо. Там... кровать такая, широкая. Одна спинка повыше и вот так, – Эркин описал в воздухе пологую дугу. – А другая пониже и ровная.

– Ага, я помню, – закивала Женя. – На ней матрас в зелёную полоску, а дерево светлое, медовое. Мне она тоже понравилась.

– Да, – обрадовался Эркин. – Она самая. И там шкаф такой же, ну, из такого же дерева, с зеркалом.

– Да, я видела.

Они быстро выяснили, что говорят об одном и том же, и решили, что завтра Эркин с утра пойдёт в мебельный. Жалко, он в десять открывається, а Женя с полдевятого работает. Значит, завтра кровать, шкаф, трёхстворчатый, с зеркалом, две тумбочки и комод.

– И ещё два пуфа, нет, три.

Эркин кивнул. Что это такое, он знал.

– Круглые или, – он опять показал жестом, – с углами?

– Кубиком? – уточнила Женя. – Ты сам посмотри, какая обивка получше.

– Ладно. Если что, поменяем, правда, Женя?

Женя улыбнулась и сказала по-английски:

– Я уверена в твоём выборе.

Эркин неуверенно улыбнулся и заторопился:

– Да, Женя, я тогда за ёлкой послезавтра схожу. И до Рождества оставим её на лоджии.

– Хорошо.

Женя налила чай в две чашки, и Эркин счастливо улыбнулся. Улыбнулась и Женя. Она поставил чашки на стол и потянулась погладить Эркина по голове. Он, как всегда, ловко перехватил её руку и прижал к губам.

– Женя.

– Что, милый?

Он молча притянул её и посадил к себе на колени. Обнял, уткнувшись лицом в её плечо.

– Посидим так? Немного. Да, Женя?

Женя только вздохнула в ответ. Обняла его голову, прижав к себе. Время текло неощутимо, незаметно. И наконец Эркин медленно, очень плавным мягким движением переменял ногу, и теперь они сидели лицом к лицу. Глаза у Эркина влажно блестели, но щёки были сухими. Он так же мягко поцеловал Женю в углы рта.

– Уже поздно, да? Тебе надо отдохнуть, – и легко встал, держа её на руках. – Я отнесу тебя.

Он внёс её в спальню и положил на постель. Мягкими, усыпляющими ласковыми движениями раздел и укрыл одеялом. Женя улыбнулась ему.

– И ты ложись.

– Да, Женя, да. Я только...

– В душ, – понимающе улыбнулась Женя. – Конечно, милый.

Глаза у неё закрывались, и Эркин, выходя, погасил свет в спальне. На кухне он вылил в раковину остывший чай, вымыл чашки и поставил их на сушку. Протёр клеёнку на столе и выключил в кухне свет. В ванной он быстро вымылся под душем. Вытерся и – время позднее, Алиса спит, свет он всюду погасил – прошёл, не одеваясь, в спальню. И сразу от порога услышал: Женя спит. Эркин осторожно, чтобы не побеспокоить её, залез под одеяло со своей стороны. Лёг так, чтобы, если Жене захочется, она смогла легко дотянуться до него, закинул руки за голову и закрыл глаза.

Сквозь сон Женя чувствовала его ровное дыхание, спокойное тепло его сильного тела. Он рядом, он с ней, и никто, никогда, ни за что не разделит их. Она счастливо улыбнулась, не открывая глаз. Можно спать.

И уже во сне, не осознавая, она повернулась набок лицом к Эркину и положила руку ему на грудь. И таким же бессознательным движением Эркин накрыл её руку своей. Было тихо и спокойно. И безопасно.

И проснулась Женя не от звонка будильника, а от исчез-

нувшего ощущения Эркина рядом. Женя вздохнула и открыла глаза. Горел свет, Эркина не было, а на будильнике... минута до звонка. Женя погладила вмятину на подушке от головы Эркина, потянулась и откинула одеяло. Вошёл Эркин, полуголый, в старых джинсах, которые он теперь носил дома, и, улыбаясь, присел на корточки у её изголовья.

– Я тебя разбудил?

– Нет, – Женя потянулась к нему, обхватив руками за шею. – Я сама проснулась. Доброе утро, Эркин.

– Доброе утро, – он стал вставать, поднимая её, обнял, мягко прижав к себе, поцеловал в углы рта. – Я чайник уже поставил. И кашу.

Зазвенел будильник, и Женя, засмеявшись, поцеловала Эркина в щёку. И ещё раз в другую. И – она даже не отстранилась – он сам разжал объятия. Да, ей надо на работу. Когда Женя, схватив свой халатик, выбежала из спальни, Эркин быстро расправил одеяло, закрывая постель, и накрыл сверху ярким мягким ковром. Огляделся. Ну что, сегодня здесь уже будет мебель. Кровать, шкаф, комод... Он тряхнул головой и пошёл на кухню.

– Э-эрик, – позвала его Алиса. – Посмотри, чего у меня есть.

Он зашёл в её комнату. Под потолком горел полный свет. Алиса в пижамке стояла на кровати, румяная, синие глаза блестят, светлые волосы перепутанными прядями свисают на плечи. Алиса ладошками убирала их со щёк, гордо огляды-

вая свою комнату.

– Алиса, – вошла Женя. – Быстренько в уборную и умыться, потом покажешь.

– А он потом работать будет, – возразила Алиса.

– Работать надо – улыбнулся Эркин.

– Чтобы денюшки были, да? – догадалась Алиса.

– Денежки, – поправила её Женя и рассмеялась. – Вот именно. Давай Алиса, не тяни.

– Кота за хвост, – закончила фразу Алиса, слезая с кровати.

Утренняя хлопотливая суматоха. Чай, вчерашняя разогретая каша, бутерброды.

– Что сегодня на обед делать?

– Я сам сварю.

– А чего?

– Алиса, не говори с полным ртом.

– Кашу с мясом, как мы на выпасе делали.

– Здесь не выпас, – вздохнула Женя. – Ты же сам рассказывал, что котелок весь день на огне стоял. А здесь...

– Д-да, – сообразил Эркин. – Ну, просто кашу.

– Опять кашу?!

– Алиса, хватит капризничать.

– Да?! – возмутилась Алиса. – Я ещё не начинала, а уже хватит?!

– Вот и не начинай, – отрезала Женя.

В конце концов решили, что Эркин сварит картошку и

разогреет вчерашний суп, там как раз им на двоих по тарелке осталось. Женя вскочила и заметалась в суматохе сборов. Эркин только и успел собрать со стола тарелки в раковину, как Женя, уже одетая, в пальто и платке, с сумочкой на плече и сумкой для продуктов в руке стоит у дверей. Эркин и Алиса вышли её провожать. Женя быстро чмокнула их в щёки, перемежая поцелуи с наставлениями и наказаниями, и убежала.

Эркин запер за Женей дверь, и они с Алисой взялись за работу. Дел было много. Алиса гордо показывала Эрику, сколько у неё теперь шкафов, ящиков, полок. И стол свой. И у неё теперь ничего навалом не лежит. И книжки её, и игрушки, и вещи... как у большой. И кровать большая-пребольшая! И два стула под её рост, как и стол.

Эркин всё рассмотрел, похвалил, помог ей застелить кровать, и они пошли на кухню чистить картошку. Эркин чистил, а Алиса сидела рядом в обнимку со Спотти и рассказывала про Спящую Красавицу. Эркин торопился, и картошка кончилась быстрее сказки. Пока картошка варилась, Эркин ещё раз протёр пол на кухне, а в спальне свернул постель и вынес её в кладовку. Раз он сегодня привезёт мебель, то пусть лучше ничего не мешает расстановке. О, а здесь на стеллаже и Алискина перина. Ну да, на кровати же хороший матрац. Так что, может, и им с Женей перина будет не нужна. Ладно, как там картошка? Картошка уже сварилась. Эркин выключил газ, слил воду из кастрюли и пошёл одеваться.

– Ты уходишь? – дрогнувшим голосом спросила Алиса.

– Я в магазин, – ответил Эркин, застёгивая полушубок. И повторил обычные слова Жени: – Будь умницей, маленькая.
– Ладно, – со вздохом согласилась Алиса.

В конце концов, ей не привыкать оставаться одной. И теперь у неё всего столько есть. И... и надо с баульчиком поговорить, а то он обижается, что она его забыла. Алиса пошла в свою комнату, торжественно водрузила баульчик на стол, подвинула стул и села. Как взрослая.

Эркин поспел как раз к открытию магазина и был первым покупателем. Продавец узнал его и улыбнулся.

– Доброе утро. Опять смотреть будешь?

– Доброе утро, – ответно улыбнулся Эркин. – Высмотрел уже. Покупать буду.

Продавец вытащил из кармана халата чековую книжку.

– Показывай, что высмотрел.

Они шли по магазину, и Эркин, подойдя к выбранному, придирчиво осматривал, проверяя, всё ли в порядке, нет ли где сколов или ещё какого брака, и указывал продавцу:

– Это... это... и вот это ещё... и это...

– Ого, – сказал продавец, выписывая чек на комод. – Спальню набираешь? – Эркин кивнул. – Тогда и трюмо бери. Вон с трельяжем как раз.

– Зеркало у шкафа есть, – задумчиво возразил Эркин.

– В спальне зеркал много должно быть, – убеждённо сказал продавец.

Вообще-то Эркин и сам уже думал об этом. И трюмо-трельяж ему нравилось. Женя расставит духи, кремы, а если ещё красивую лампу... И он кивнул.

– Да, и это... И вон... пуфа три.

– Пошли, обивку подберём, – согласился продавец.

Кровать, шкаф, комод, трюмо-трельяж, три пуфа, две тумбочки для кровати... Да ещё машина всё это довести, и два грузчика... Выходило сильно за тысячу.

Эркин расплатился в магазине, помог затащить купленное в крытый кузов и сел в кабину к шофёру.

– В «Беженский корабль»?

– Да, – кивнул Эркин. – Левое крыло.

– Понятно, – кивнул шофёр. – Обживаешься, значит.

– Ага, – радостно согласился Эркин.

Он сам не думал, что будет так счастлив, выбирая мебель.

Доехали быстро – он бы и дольше с удовольствием проездил – и подогнали к их подъезду. Распахнули и подпёрли дверь. И понесли вверх по лестнице... по коридору... и вот уже их квартира. Эркин быстро отпер и распахнул дверь.

– Алиса!

– Эрик! – выбежала навстречу Алиса.

– Подержи дверь.

Хорошо, что он натёр в спальне пол и убрал всё. Теперь можно ставить сразу. Кровать, шкаф тумбочки... нет, перепутали, наоборот надо, ладно, он сам переставит, комод, трюмо, пуфы... всё! Эркин расплатился, закрыл и запер за

грузчиками дверь и облегчённо выдохнул. Всё. Сделал! Поглядел на часы и удивился. Двенадцати ещё нет. Надо же, как быстро управился. Ну и отлично. Эркин быстро разделся, повесил полушубок и ушанку на вешалку, переобулся.

– Эрик, – Алиса аж приплясывала перед ним от нетерпеливого восторга. – А теперь чего?

– Сейчас я суп поставлю разогревать, и будем спальню делать.

– Ага! – согласилась Алиса.

Эркин уже привычно зажёл газ, маленькую конфорку, вытащил из оконного шкафчика кастрюлю с супом и поставил её на огонь.

– А на второе картошки поджарим.

Алиса кивнула.

– А на третье?

– Чай с конфетами, – улыбнулся Эркин.

– Конфеты – это хорошо, – кивнула Алиса.

Она заявила это с такой серьёзной убеждённостью, что Эркин рассмеялся. Вдвоём они пошли в спальню, где Эркин подвинул кровать и переставил тумбочки, чтобы дверцы с кровати удобно открывались. Теперь шкаф и трюмо. Большой трёхстворчатый шкаф, пока он пустой, двигался легко. Вот так. И ещё чуть-чуть.

– Эрик, – Алиса, сбросив тапочки, стояла на кровати. – А я себя вижу.

– Для... того... и двигаю... – выдохнул Эркин. – Алиса, а

в трюмо ты себя видишь?

– Ага! – удивилась Алиса. – Э-эрик, а меня уже три, ой, как это, Эрик?

– Будет и больше, – пообещал Эркин.

Он этот фокус с зеркалами знал давно, но объяснить, конечно, не мог. Алиса бегала по кровати и пыталась подсчитать, сколько раз она отражается в зеркалах. Эркин покачал створки трельяжа, проверяя правильность расстановки. Ну вот, хорошо получилось. Теперь комод. Это уже проще, с ним главное, чтобы ящики удобно выдвигались. А с пуфами совсем просто. Застелить теперь кровать? Чёрт, суп же на огне!

Эркин пулей вылетел из спальни. Алиса бросилась за ним. Судьба супа её, конечно, не волновала, но возможность повизжать она тоже не могла упустить.

Суп пострадал, но не сильно. На второе Эркин поджарил картошки. И они пообедали.

– Эрик, а сейчас, что?

– Уберём, и я на работу пойду.

– Опять на работу? – Алиса задумчиво смотрела в свою тарелку. – А можно я ещё на кровати попрыгаю?

– Ты сейчас спать ляжешь.

– Ну-у, – надула Алиса губы. – А потом мама придёт, она не разрешит.

– Значит, нельзя, – улыбнулся Эркин. – И ты же уже и бегала, и прыгала.

– Ну-у... я ещё хочу. Эрик, а конфеты?

Эркин кивнул и встал, собирая посуду.

– Сейчас чай налью, и тогда по конфете.

– Эрик, а давай по две возьмём. Мама не узнает.

– Нет, – твёрдо ответил Эркин. – Я не буду обманывать.

– Ну, это же не обман, это... это так... так просто.

– Нет, – повторил Эркин. – Обман – всегда обман, – и, глядя на расстроенную, чуть ли не плачущую Алису, предложил: – Можешь взять мою конфету. У тебя будет две.

– Так у тебя же ни одной, – возразила Алиса. – Это тоже... нечестно.

– А иначе не получится, – улыбнулся Эркин.

– Ладно, – вздохнула Алиса и мужественно решила: – Я обойдусь.

Они допили чай, и Эркин стал мыть посуду. Алиса слезла со стула и пошла к двери, но, уже взявшись за ручку, обернулась к нему.

– Эрик, ты посиди со мной, – голос у неё дрожал от сдерживаемых слёз. – Ну, хоть немножечко.

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Я приду, вот только посуду домою.

– Ладно, – сразу повеселела Алиса.

Эркин быстро вымыл посуду, расставил её на сушке, вытер руки, протёр клеёнку на столе и накрыл его скатертью. Ну вот, теперь всё в порядке.

Алиса честно сама разделась и легла. Эркин, войдя к ней,

улыбнулся: такая она была маленькая на «взрослой» кровати. Он подоткнул ей одеяло – столько раз видел, как это делает Женя, что никаких затруднений не вызвало – и осторожно сел на край кровати.

– Ну во-от, – удовлетворённо вздохнула Алиса, поворачиваясь набок и закрывая глаза.

Она хотела ещё что-то сказать, но уже засыпала. Эркин подождал, пока она совсем заснёт, и встал. Подобрал с пола и аккуратно сложил покрывало с кровати: конечно, Алисе самой с ним не справиться. Положил на стул. На другом стуле платье, чулки, бельё... Сложить их Алиса тоже не сложила. Эркин и здесь навёл порядок, расправил скомканные маленькие – до смешного – чулки. Оглядел комнату. Хорошо получилось. Светлая и... да, весёлая комната. Женя хорошо как придумала и расставила. Он пошёл к двери и уже от неё оглянулся на Алису. Спит, разметавшись, раскинувшись. Ну и хорошо.

Эркин вышел, плотно без стука прикрыв за собой дверь. Поглядел на часы. Если он хочет зайти по дороге и ещё из подарков кое-чего посмотреть, то надо спешить. Но вместо этого пошёл в спальню, сел на кровать и немного покачался. Хорошая кровать, упругая. И плотная, без выпуклостей и провалов. Огляделся и увидел себя сразу в двух зеркальных коридорах. Хорошо. Жене должно понравиться. А если нет, то он чуть-чуть сдвинет трюмо, и коридоров не станет, будут обычные зеркала. Ладно, хватит валяться – оборвал он себя.

Надо собираться и бежать. Но... но кровать надо застелить.

Он легко вскочил и пошёл в кладовку, взял рулон с их постелью и перенёс в спальню, развернул. Так, старое покрывало, которое Женя клала на пол под перину, пожалуй, и не нужно. А перина... Кровать-то мягкая. Ладно, пусть остаётся. На перину простыню. А... а они же меньше кровати получают. Ну, надо же?! Ладно, придумаем. Теперь одеяло, расправим его, разровняем, подушки... взобьём и рядом их положим. И ковёр сверху. Вот ковра хватило. Ну вот, совсем другое дело. Снова посмотрел на часы. Да, теперь-то уж точно пора. Вещи в шкаф и комод положить он уже не успеет.

Эркин ещё раз оглядел спальню и, как заклинание, повторил про себя: «Пусть Женя будет довольна». Он очень старался, пусть Жене понравится.

Переодеваться ему было не надо. Как оделся утром в магазин, так и оставался. Так что, бурки, шарф, полушубок, ушанка, варежки, бумажник, ключи... всё на нём, всё в порядке, можно идти. Он по-прежнему тихо вышел, запер за собой дверь на оба замка и быстро пошёл по коридору.

Во дворе он встретился с участковым, поздоровался и услышал совершенно неожиданное:

– С праздником тебя, Мороз.

– Спасибо, – растерянно поблагодарил Эркин.

Это что за праздник сегодня? Женя ему ничего не говорила. И в магазине. В прошлую пятницу была годовщина Победы, в этот день Империя капитулировала – это ему объясни-

ли – так с утра и на улице, и на заводе все поздравляли друг друга. И он ответил участковому запомнившимися словами:

– Вас так же.

– Меня не с чем, – улыбнулся участковый. – Сегодня твой праздник.

И ушёл. Эркин пожал плечами ему вслед. Путает участковый что-то, никакого праздника сегодня нет. Мебель купить – это же не праздник. Он ещё раз пожал плечами и побежал на завод. Времени совсем в обрез. И странные слова участкового о празднике мгновенно выветрились у него из головы.

В бытовку Эркин влетел за пять минут до сигнала и сначала даже не обратил внимания на великий ор и гвалт. Орали все, и в этой путанице ругани и божбы разобраться было бы всё равно невозможно. И Эркин, пользуясь этой неразберихой, переоделся, закрыл свой шкафчик и к выходу пошёл со всеми, радуясь, что его опоздания не заметили. Хотя да ведь если по правде и не опоздал он, до звонка прибежал.

Опять контейнеры. И опять не трясти, не толкать, и поскорее, чтоб под снегом не стояли. И сразу на три платформы.

Эркину выпало работать с Антипом и Тихоном. Антип и Тихон на платформе крепят и ставят обшивку, а Эркину катать эти чёртовы дурынды. Старшóй – хорошо – показал ему сразу, какие их, и Эркин сначала откатил свои из общей кучи

поближе и напротив их платформы, а потом уже стал закапывать. Здесь главное – не дёргаться и не спешить попусту. И бригадир, видно, понимал это: не торопил и не подгонял по-надзирательски. Но Медведев и с другими вроде так: даст работу и давай, управляйся. Эркина эта система устраивала.

До обеда они со своей платформой управились, и Медведев, хотя звонка ещё не было, отправил их в столовую, но напутствовал по-новому:

– На одной ноге, мужики.

Антип и Тихон кивнули, кивнул и Эркин, хотя ничего не понял. Вернее, понял, что надо спешить, но почему? И в столовой такая же спешка, и народу заметно больше, чем обычно во вторую. И Эркин решил рискнуть. Когда они втроём уже сели за стол, спросил:

– Из-за чего шум?

– А ты что? – Антип шумно хлебал щи. – Не понял?

Эркин покачал головой.

– Святочную неделю нам дают, – заговорил Тихон. – Аж до третьего гулять будем. Но зато сейчас попашем. Не с трёх, а с когда скажут, и не до одиннадцати, а тоже, – Тихон поставил на пустую тарелку из-под шей тарелку с кашей, – тоже, значит, пока не отпустят. И в субботу, двадцать третьего работать будем. Понял теперь?

Эркин кивнул. В общем-то, ничего страшного. Вот только... только ему же к Тиму в субботу, на беженское новоселье, нехорошо получится, если его не будет.

– Да весь завод так. И аж трёхсменку, как в войну, снова сделали, – Антип, отдуваясь, отодвинул тарелки и взял стакан с киселём. Неодобрительно покосился на тарелку Эркина с котлетой. – А ты что, не держишь пост?

– Чего держать? – удивился Эркин.

– Ну, чего ты пристал к нему? – укоризненно сказал Тихон. – Он же некрещёный. Ведь так?

Эркин кивнул. Что такое некрещёный или, как ещё в лагере слышал, нехристь, он уже знал. И это его не трогало. Что есть, так то оно и есть. Но если весь завод так работает, то и... и у Тима, может, так же.

– Ладно, – встал Антип. – Хотим гулять, айда работать.

– Айда, – согласился, вставая Эркин.

А ещё ведь непонятно: оплатят ли эту неделю. Хотя... дурак он, конечно, кто ж нерабочие дни оплачивает? А вот получку же им должны двадцать девятого давать, а теперь как же?

– А получка тогда когда же?

– А в субботу же. И «ёлочные», и получка, – бросил, не оборачиваясь, Антип и заорал: – Старшбй! Вот они мы!

– Ага, как раз, – из-под ушанки Медведева выбивались слипшиеся от пота пряди волос. – Вон на ту платформу давайте, мужики.

Снова контейнеры? Да, но другие, тяжёлые, намного тяжелее. С места не стронешь, а поехал – так не остановишь. Эркин виснет на контейнере, тормозит его всем весом, как

бычка. И вдруг становится легче. А! Так это Колька-Моряк с другой стороны встал. Ну, так это совсем другое дело. Колька ругается с весёлым остервенением, и Эркин, и привычно подлаживаясь, и заражаясь этим странным весельем, орёт в ответ слышанное ещё от Андрея.

– Ого! – восхищается Колька. – Вот это загнул, слышали, мужики?!

– Да пошёл ты!.. – орёт Тихон. – Не за язык платят. Давай!..

– Да куд-ды ты его?! Сходен не видишь?!

– Старшóй, отгоняй платформу на хрен! Застит!

– А ну, мужики, стронули! Пошла гадина толстозадая! Пошла-а-а!

– Да что ты её как девку... тискаешь и ни с места!

– Мороз, тормози!

– Ряха, не мельтеши, чтоб тебя!

– Паровоза нет!

– Так чем хочешь, откатывай!

– А ты своим... упрись! Сразу аж за ворота!

– Да нечем ему... упираться, гы-ы-ы-ы!

– Я т-тя щас!..

– А ну, мужики, берись!

– Мороз, давай, у тебя силы много!

– Пошла, пошла, пошла!..

Меньше всего Эркин предполагал, что нагруженную платформу удастся сдвинуть с места, но ведь сдвинули, чёрт возь-

ми...

– Стрелку, мужики!

– Ага, переводи!

– Медведев, убирай своих, покалечатся сейчас на хрен.

Кто отвечать будет?

– Всё, мужики, дальше они сами. Давай! Антип, кончили?

Давай туда, живо.

И бегом на другой конец двора, где из широких цеховых ворот выползает гружёная серебристо-белыми контейнерами платформа.

– Давай, Мороз.

– Куда их?

– Стоп, цифры ты хоть различаешь?

Эркин кивает, глядя в светлые, как у Фредди на перегоне, когда был сложный проход, глаза бригадира.

– Тогда смотри. Видишь?

Маленькие таблички с не написанными, а врезанными номерами.

– Вон там машины стоят. Тоже с такими же. Здесь первые три цифры, там три последние. Должны совпадать. Понял?

– Понял.

– А ну, повтори!

– Первые три цифры на контейнере и последние три на машине должны совпадать.

Медведев кивает.

– Ладно. Давай. Один справишься?

– А чего ж нет? – пожал плечами Эркин. – А их как, как стекло?

– Их быстро надо. И аккуратно.

– Понял.

Ручка маленькая, не зацепить рукавицей. Эркин сдёргивает и засовывает в карманы рукавицы, оставшись в варежках. Ну, побежали! Машины в том углу, значит, через весь двор тащить, хорошо, ещё, что не через пути. Так... везёт он семь-восемь-три, а машина? Ага, вон та. Посадка низкая, и сходни пологие, удобно. С ходу затащил, в кузове для них уже даже захваты готовы. Вставил, рычаг нажал, чтоб лягнуло, и бегом за следующим. Из-под ушанки по лбу ползут щекотные струйки пота, но вытереться некогда. Пять-один-четыре... семь-восемь-три... шесть-два-семь... Всего три машины, запутаться трудно. Машины маленькие, на шесть контейнеров каждая, так что... так что... так что... Одна что, уже полная? А хорошие контейнеры, поворотливые, и не трясёт их на ходу совсем, внутри, что ли, пружины стоят. И ещё один. И ещё... И...

– Давай, парень, пора нам.

Это не Медведев, кто-то другой. А и по фигу кто.

– Эти две закрывай, за последним бегу.

Что-то незнакомых на дворе много стало... Эркин бегом подвозит последний контейнер. Медведев уже здесь. Цифры, что ли, проверяет? Ну, пускай, что-что, а это он и спроне не спутает. Эркин вталкивает в кузов и вставляет в паз

последний контейнер, щёлкает захватом, выбегает и поднимает сходни – они же задний борт. Две другие машины уже покрыты зелёными чехлами, укрывают и эту.

– Всё, вали в бытовку, Мороз.

– Ага, – кивает он через силу и уже не бежит, а идёт к бытовке, вдруг понимая, что чужие во дворе – это другая бригада, ночная смена, что ли.

В бытовке сильно пахнет потом, за столом устало сгорбился Ряха, жуёт незажжённую сигарету.

Эркин тяжело, не раздеваясь, сел за стол, стащил с головы мокрую изнутри от пота ушанку и уронил голову. Тупая рабская усталость всё-таки настигла его...

– Эй, – кто-то осторожно трогает его за плечо. – Ты бы глотнул, а?

Эркин с трудом поднял голову. Ряха? Что ему надо? Глотнуть? Он взял у Ряхи маленькую плоскую флягу, поднёс уже было ко рту, но, ощутив запах спиртного, сунул обратно.

– Нет, не надо.

– Зарок, что ли, дал? – удивился Ряха и, услышав шаги в коридоре, быстро сунул флягу куда-то под рубашку. – Ты смотри, молчок, понял, нет?

Эркин устало кивнул.

В бытовку вошёл Медведев, быстро и как-то хищно оглядел их.

– Та-ак, Ряхов?!

– А чё? Чуть что, сразу я? Ты чё, старшбй, свет тебе кли-

ном на мне сошёлся? – зачастил Ряха, быстро искоса постреливая глазами на Эркина.

– Смотри, Ряхов, я долго шутить не буду, – пообещал Медведев. – Так, Мороз, завтра в два выйдешь, всё-таки праздник у тебя сегодня, вали домой. Ряхов, в двенадцать.

– Так...

– Успеешь опохмелиться, – успокоил его Медведев. – А не успеешь, рыдать не станем.

– Ой, старшой, да такого, как я...

– И ты вали, – перебил его излияния Медведев.

Эркин наконец смог встать и пошёл к своему шкафчику. Открыл его и стал переодеваться. Как Андрей говорил? Не шевелится только мёртвый? А он – живой. И ему надо шевелиться.

– Да-а, вождь, – очень сочувственно сказал за его спиной Ряха. – Это тебе не томагавком махать и скальпами считать-ся. Тут, – и хихикнул, – тут работа умственная.

Обычно Эркин не пропускал непонятных слов, без стеснения переспрашивая, но сейчас... и устал слишком, и не у Ряхи же. Он молча переделся, взял пакет с подарками – потому чуть и не опоздал сегодня на смену – и закрыл шкафчик. Время слишком позднее, чтоб обтираться и сохнуть. Дома под душем и разомнётся, и потянется.

Медведева уже не было, а Ряха выкатился следом, хотя Эркин его не замечал. И аж до внешней проходной, тащился за спиной как приклеенный. А на улице разжал губы.

– Обидел ты меня, Мороз. Ох, и обидел!

– Это когда? – равнодушно сказал Эркин.

– Я к тебе со всей душой, понимаешь, а ты...

– Это когда ты ко мне со всей душой? – заинтересовался

Эркин. – Когда я один мешки ворочал, а ты «остатнюю» курил?

– А ты того, злопамятный, – удивился Ряха.

– Я памятный, – поправил его Эркин.

Говорить им было больше не о чем, и они разошлись.

Эркин шёл быстро, движением разгоняя усталость. Проверя себя, своё ощущение глубокой ночи, посмотрел на часы. Ого, уже почти полночь. Во сколько ж он дома будет? Хотя... если Женя уже спит, так даже лучше, спокойно спрячет пакет в кладовку. Не меняя шага, он зубами сдёрнул с руки варежку, сунул её в карман и сгрёб ладонью горсть снега, протёр лицо. И вроде полегчало даже. Улица пуста, фонари горят через два на третий, но достаточно светло. От снега или... Закинув голову, он увидел тускло просвечивающее пятно луны. Под ногами поскрипывал снег. Эркин вытер мокрое лицо варежкой, чтоб не обморозиться, и прибавил шагу. Тёмные громады домов – ни одно окно, ни одна витрина не светятся, белая слабо искрящаяся улица. А совсем это не плохо – зима. И вот уже угадывается громадина «Беженского Корабля». Его дом. Его семья. Эркин нашёл свои окна, не поверил себе и снова стал отсчитывать от башни. Да, получается, что это спальня. Женя не спит? Почему?

Случилось что-то? Он сорвался и побежал.

На одном дыхании Эркин влетел в подъезд, взбежал на второй этаж и остановился, нашаривая ключи, у своей двери. Перевёл дыхание. Мягко щёлкнул замком и вошёл.

И сразу – по особой сонной тишине – понял, что всё в порядке.

В прихожей было темно, только щель под дверью спальни светилась. Бесшумно ступая, Эркин проскользнул в кладовку и сунул пакет в верхний угол на стеллаже, вернулся в прихожую, включил свет и стал раздеваться. Снял и повесил полушубок, ушанку, да, варежки вынуть из карманов и положить, вот так, а то не высохнут, разулся, смотал портянки и с наслаждением ощутил ступнями чистый прохладный пол. Портянки надо в ванную, но... но сначала он подкрался к спальне, осторожно приоткрыл дверь. И в щёлку увидел спящую на кровати Женю. Прямо поверх одеяла, в халатике... Пока Эркин думал: войти и уложить Женю сейчас или сначала обмыться в душе, Женя сонно шевельнулась, подняла голову и... и увидела его. Когда их глаза встретились, Эркин уже смело открыл дверь и улыбнулся. Женя ахнула и сорвалась с кровати.

– Господи, Эркин! Наконец-то! Устал?! Поешь сейчас. Господи, с праздником тебя, – целовала его Женя.

– Ага, ага, – кивал Эркин, быстро целуя её в подставляющиеся части лица и шеи. – Я в душ сначала... Женя, а что за праздник? Я есть не хочу... Женя, тебе понравилось?

Наконец они разобрались, что Эркин сейчас пойдёт в душ, а Женя пока подогреет чайник, и он хоть чаю попьёт.

В ванной Эркин разделся, сунув бельё и рубашку в ящик для грязного. Его старые джинсы и ковбойка уже лежали рядом на маленькой табуретке. Время позднее, Алиса седьмой сон видит, и Эркин не стал закрываться на задвижку. Немного потянулся, разминая мышцы, и пошёл в душ. Горячая сильная струя хлестала его по плечам и голове. Он поворачивался, наклоняясь и выгибаясь, подставляя то грудь, то спину, потом немного «поигрался», быстро чередуя горячую и холодную воду, и наконец со вздохом – всю бы ночь так простоял – выключил воду, перешагнул через бортик на пушистый коврик и стал вытираться.

Женя ждала его на кухне. На столе две чашки с чаем, тарелка жаренной с мясом картошки, а это что за коробка?

– Женя, а это что?

Женя рассмеялась и сняла крышку.

– Пирожное? – удивился Эркин, глядя на кремовые завитушки и цветы. – Такое большое?

– Это торт, – Женя обняла его и поцеловала в щёку. – С праздником тебя, милый.

Эркин быстро поцеловал её в ответ. Женя усадила его за стол, села напротив и с удовольствием смотрела, как он ест. Эркин сам не думал, что так проголодался. Домой шёл – об одном думал: лечь и заснуть, а увидел еду – и за уши теперь не оттащишь. Доев картошку, он поднял на Женю глаза и

улыбнулся.

– Вкусно как, спасибо, Женя.

– Положить ещё? – счастливо улыбнулась Женя.

Эркин прислушался к себе и покачал головой.

– Да нет, наелся уже.

– А теперь чай. С тортом!

Женя аккуратно подцепила кусок – торт был уже нарезан – с самой большой розой, положила на блюде и подвинула Эркину.

– Женя, а себе?

– И себе возьму, – успокоила его Женя.

Торт Эркину раньше есть не приходилось. Ни в Паласах, ни на выездах тортов не было. И Эркин схитрил: выждал, пока не начнёт есть Женя, и уже тогда начал сам, подражая ей.

– Мм, Женя, никогда такой вкусноты не ел.

– Правда? – просияла Женя. – Я очень рада, ешь на здоровье.

– Да, Женя, – Эркин облизал ложку и отхлебнул чаю, от которого по телу разлилась тёплая волна. – А что за праздник сегодня? Меня участковый поздравил, бригадир, и ты сейчас... а я и не знаю.

– Эркин! – Женя распахнула глаза. – Ты забыл?! Сегодня же двадцатое!

– Ну... ну, это я помню, а праздник-то какой?

– Сегодня годовщина, Эркин! Ну?

– Годовщина чего?

– Освобождения. Эркин, год назад рабство отменили. Ну же, вспомни.

Эркин медленно поставил на стол недопитую чашку. Свёл брови.

– Вот, значит, что, – тихо сказал он. – Я тогда и не знал, что это было... двадцатого, – невесело улыбнулся. – Рабу все дни одинаковы.

Женя молча смотрела на него. Эркин прикрыл глаза, стиснул зубы, явно пересиливая себя. И наконец улыбнулся.

– Спасибо, Женя, я – дурак, это и в самом деле праздник.

– Ну, Эркин, ты совсем не дурак, не выдумывай, – рассердилась Женя. – И чтоб я этого больше не слышала. Отрезать тебе ещё торта?

Эркин погрузился в столь демонстративное глубокое раздумье, что Женя рассмеялась. И он удовлетворённо улыбнулся.

– Неудачно, что я во вторую, да?

– Ничего страшного. Ты знаешь, мы по авральному режиму теперь работаем.

– По какому?

– Работа не по звонку, а сколько нужно, – улыбнулась Женя.

– Ага, – кивнул Эркин, – тогда знаю. Мы так же. Завтра я с двух, а когда вернусь... – он развёл руками.

– Как сегодня, – понимающе кивнула Женя.

– А может, и позже. Но за ёлкой я завтра с утра схожу. И ещё... у нас картошка кончается, так? Вот и куплю.

– Хорошо, – согласилась Женя.

Они обговорили всё на завтра, и Эркин решился.

– Женя, тебе... тебе понравилось? Ну, как в спальне стало?

– Конечно, – улыбнулась Женя. – Так красиво, ты молодец, и с зеркалами... ты специально их так поставил?

Эркин кивнул. Женя ласково погладила его по голове и плечу. Он, как всегда, перехватил и поцеловал её руку. И встал.

– Поздно уже. Ты не успеешь выспаться.

– На такой-то кровати? – лукаво улыбнулась Женя.

И вдруг зевнула.

– Ты иди, ложись, – заторопился Эркин. – Я сам всё уберу.

– Ладно, – не стала спорить Женя. – Ты торт под окно поставь. И картошку.

– Да, хорошо.

Эркин собрал со стола посуду, свалил её в раковину и стал мыть. Женя помедлила у двери, глядя на него. Эркин быстро обернулся и улыбнулся ей.

– Иди, Женя. Я быстро.

Женя кивнула и ушла. Оставшись один, Эркин домыл и расставил на сушке посуду, убрал в шкафчик под окном кастрюлю с картошкой и коробку с тортом, протёр клеёнку на столе. Ополоснул и повесил тряпку, расправил нарядное ку-

хонное полотенце. Его и ещё три таких же им подарили на новоселье. А для Тима Женя купила кухонную скатерть и десять салфеток. Всё правильно. Дарили им, дарят они. Всё правильно. Он ещё раз оглядел кухню, погасил свет и вышел.

Женя уже спала, но свет она оставила. И Эркин, раздеваясь, полюбовался и мебелью, и безмятежно спящей Женей. Он выключил свет и мягко нырнул под одеяло, лёг рядом с Женей. А что, перины нет, что ли? Упругая жёсткость нового матраса, прохлада простыни, мягкая тяжесть одеяла и тепло живого тела рядом. Он осторожно подвинулся к ней. Женя вздохнула, не открывая глаз, и положила руку ему на грудь.

– Спи, милый. Спи, мой хороший.

Эркин накрыл своей рукой её ладонь, прижал к себе. Глубоко вздохнул. Надо спать. Женя устала, ждала его, надо будет завтра сказать ей, пусть не ждёт, ложится спать, а то она не высыпается. Женя дышала ровно, и он очень осторожно погладил себя её рукой и медленно распустил мышцы. Всё, всё, не думай и не мечтай, надо спать. Сегодня год твоей свободы, год с того дня, когда ты сидел на заднем крыльце Большого дома и смотрел на распахнутые ворота. И ты даже не знал, какой это день. Просто сидел и смотрел. И вот... Это его дом, его... жизнь. Рядом с ним лежит Женя, его... его жена, да, она – жена ему, а он – её муж, в соседней комнате спит их дочь. И всего год...

Мысли путались, сладко ныли натруженные и промятые в душе мышцы. Эркин вздохнул и улыбнулся, засыпая.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Празднование затянулось за полночь. Они сами не ожидали, что так получится. Что поздравить их придут и врачи, и из комендантского взвода, и сёстры... Кто-то просто поздравлял и уходил, кто-то задерживался ненадолго, и было так хорошо, так необычно хорошо... Все они надели свои самые нарядные рубашки, многие щеголяли в джинсах и купленных в городе брюках, ни один в рабском не был. И на столах всего вдоволь, и бутербродов, и пирожных, и конфет... Вина, правда, оказалось в обрез. Чтобы угостить всех пришедших поздравить, сами по второму глотку не сделали. Но

и без этого веселья хватало. Пели, танцевали, выталкивая друг друга из-за пианино.

Шум веселья далеко разносился по парку. Стоя за деревом, Чак тщетно пытался разобрать смутные – из-за задёрнутых штор – силуэты. Пог-ганцы! Ни его, ни Гэба позвать и не подумали. А ведь это и их день. И в складчину ихнюю он бы внёс и за себя, и за Гэба. Так ведь – нет, даже не обмолвились, сволочи, поганцы. День Свободы. Так беляков называли и ублажают, а своих... Очередной взрыв хохота заставил его передёрнуть плечами и сплюнуть. Поганцами были, поганцами и остались, подстилки черномазые.

Он отступил назад и не спеша пошёл к своему корпусу. Завтра его выписывают. Утром позавтракает, переоденется уже окончательно, последняя беседа с доктором, и всё. С тремя тысячами кредиток в кармане он не пропадёт. Первое время.

Под ногами чавкала холодная зимняя грязь. Надо будет ботинки отмыть. Чтоб уж не совсем вахлаком, дворовым работягой смотреться. Жалко, тех ботинок так и не вернули. И перчаток с поясом. Ладно, у Гэба тоже всё отобрали.

Впереди смутно мелькнул чей-то силуэт. Гэб, что ли? Чего это он шляется? Чак подпрыгнул, ухватился за низкий толстый сук, подтянулся, ещё раз, и ещё...

Услышав за спиной шум, Гэб сразу метнулся вбок за деревья и уже оттуда посигналил тихим свистом. Чак ответил

и прыгнул на землю.

– Ты чего это? – вышел на дорожку Гэб. – По ночам бегаешь.

– Размяться решил, – небрежно ответил Чак, вытирая ладони о штаны. – А ты чего не дрыхнешь?

– Не твоя печаль, – отмахнулся Гэб. – Говорят, уходишь завтра?

– Это кто говорит? – хмыкнул Чак и кивнул. – Ухожу. А ты?

– Через неделю, – Гэб насмешливо улыбнулся. – Деньги на меня ещё не пришли.

– А-а, – равнодушно ответил Чак.

Гэб помедлил.

– Надумал уже, куда пойдешь? – безразличным тоном спросил он. И, так как Чак молчал, вынужденно пояснил: – Чтоб нам в одном городе не оказаться.

– В Колумбию вернусь, – не слишком охотно ответил Чак.

– Не боишься? – насмешливо спросил Гэб.

– Кого мне бояться? – как можно презрительнее ответил Чак и даже сплюнул.

– Ну, твоё дело, – пожал плечами Гэб. – Это тебе со своими... недобитыми встречаться.

Чак стиснул зубы так, что на щеках вздулись желваки.

– А тебе встречать некого? – тихо спросил он.

– По хозяйскому слову, – повёл плечами Гэб. – На мне вины нет.

– Ну да, – кивнул Чак. – Это ты недобитку и объяснишь.

А мне... я подранков не оставлял.

– Ну-ну, – хмыкнул Гэб и повторил: – Твоё дело.

– Моё, – кивнул Чак. – А ты куда?

– Пока не в Колумбию. А там посмотрю, – улыбнулся Гэб.

– Смотри, – согласился Чак и добавил: – Смотри, на дороге мне не попадись.

– А ты тоже поглядывай.

И до своего корпуса они шли рядом, но каждый сам по себе.

Когда вместе с другими сёстрами зашла поздравить их Люся, как-то так получилось, что стакан с вином ей дал Крис. Нет, он не собирался подходить, даже не думал о таком, а увидев, задохнулся и онемел. Но тут ему сунули в руку стакан, и он с Эдом, Майклом, ещё с кем-то из парней пошёл к гостям и... и оказался напротив Люси. Отступить было уже невежливо, и он, как во сне, протянул ей стакан. И она взяла, и, как все, подняла, показывая всем, сказала, что поздравляет их с Днём Освобождения. Но смотрела она только на него – он же так и торчал перед ней, столб столбом – и улыбалась ему. Выпила за их свободу и ушла. А он... он только и сумел, что уже не выпускать из рук этот стакан. Её стакан. И пить старался так, чтобы его губы касались этого же места. Он бы весь остаток вечера так просидел, но его дёрнули за одним делом, за другим и... и он опять закрутил-

ся в общем водовороте. И пел со всеми. Они так разошлись, что даже «Лозу» спели. Впервые не таясь, в полный голос. Ничего не боясь и хвастаясь голосами.

Раздеваясь у себя в палате, Гэб прислушался. Но «Лозы» уже не слышно. То ли далеко, то ли заткнулись поганцы. Ну и... ну и чёрт с ними, накласть ему на них с присвистом и перехлёстом. Своих проблем полно. Завтра Чак уберётся. Уже хорошо. Место-то одно. Повезло, что этот чмырь Чака не увидел. Чак в тренажёрном лучше смотрится. И в стрельбе, и в рукопашном сильнее. Так что... повезло.

Гэб улыбнулся. Везёт редко. Надо уметь ухватить, как говорил Грин, ухватить Фортуну за косу. И вышло-то всё случайно...

...Он нашёл в парке укромное место, чтобы без помех и лишних глаз восстановить растяжку. Ноги-то у него не боле-ли и не отнимались, это с руками проблемы, а ноги... только суставы и мышцы разогреть. Занимался спокойно, без опаски. И чужой взгляд не сразу почувствовал. А почувствовав, не придал значения: мало ли кто по госпитальному парку шляется, ничего же запретного в гимнастике нет, да и со-врать, что, мол, доктор велел, всегда можно. Но – на всякий случай – встал прямо и оглянулся. И увидел беляка. Корич-невое кожаное пальто, руки в карманах, шляпа надвинута на брови, в углу рта сигарета, воротник поднят. То ли от ветра – дождя как раз не было, то ли лицо скрывает. Испугаться

он не испугался. Голыми руками его не взять, да и... да и всё-таки госпиталь русский, за просто так его мордовать не дадут. Беляк улыбнулся, не разжимая губ.

– Ловко у тебя получается, парень.

– Спасибо, сэр, – осторожно ответил он.

Беляк кивнул. Плохо различимые в тени от шляпы, но заметно светлые глаза смотрели внимательно. Необидно внимательно. Не по-надзирательски, а, да, именно по-хозяйски.

– Стрелять можешь умеешь?

– Да, сэр, – ответил он спокойно.

Он был в своей кожаной куртке, носили такие только телохранители, так что беляк должен сам всё понимать, а значит, и прятаться нечего.

– Что водишь? Машина, мотоцикл?

– А что надо, сэр? – рискнул он умеренно сдерзить.

Беляк улыбнулся уже не так зажато.

– Гриновский?

Он насторожился. А это знали уже немногие. Но отказываться не стал. Незачем.

– Да, сэр.

– Значит, грамотный.

Беляк не спрашивал, но он кивнул.

– При ком-то или сам по себе?

Он весь напрягся, чуть не задрожал. Неужели работа наклёвывается? Но ответил с привычным равнодушием.

– Сам по себе, сэр.

– Залечил, от чего лечился?

Он пожал плечами.

– Не жалуясь, сэр.

– Хорошо, – кивнул беляк. Вытащил руку из кармана, полез за борт пальто и достал... визитную карточку. – Держи, парень. Когда выйдешь отсюда, зайди.

Он ответил заученной формулой благодарности, взял визитку и не удержался: сразу стал читать. А пока читал, беляк незаметно ушёл. Рудольф А. Эйзенгратц. Частное детективное агентство «Аргус», дом шесть, Пятая авеню, Дарроуби, графство Дурбан, Алабама. И тщательно замазанное корректором последнее слово: Империя. Ага, её уже точно нет, а что вместо неё будет – ещё неизвестно, так что новых визиток делать не стали, а старые вручную подправили – усмехнулся он. И телефон. Обратная сторона была чистой. Он спрятал визитку во внутренний потайной карман куртки и снова взялся за упражнения. Пока мышцы не остыли, надо закончить разработку суставов...

...Гэб аккуратно сложил и развесил одежду, выключил свет и лёг. Завтра Чак уберётся. Дурак, в Колумбию лезет. Город большой, там чёрт знает кого можно встретить. Чак бы ещё в Атланту намылился, к Старому Хозяину прямиком. Хоть доктор и говорил, что ни те слова, ни Старый Хозяин над ними теперь не властны, но проверять не стоит. Слишком дорогой проверка окажется. Ладно, у Чака свои проблемы, пусть сам их и решает. А ему надо решать свои. Три ты-

сячи – большие деньги, перебиться первое время, пока наладится с работой, обзавестись всем необходимым... хватит, должно хватить. Он же поумнее этих поганцев, что зарплату на конфетах прожирают.

Жариков, с видимым удовольствием прихлёбывая остывший чай, наблюдал за танцевавшими парнями. Ну, надо же как растормозились. И ведь... ведь в самом деле красивые. Страшно подумать, что бы с ними было, если бы... Ведь живёт каждый из них... случайно. Случайно спасённый. Смерть закономерна, а жизнь случайна. Чьё это? Ладно, сейчас неважно.

– Иван Дормидонтович, у вас чай остыл. Давайте свежего налью.

– Спасибо, – Жариков улыбнулся, глядя на Андрея. – Всё хорошо, Андрей.

– Вам понравилось? – спросил Андрей.

– Да, – кивнул Жариков. – Вы молодцы.

Андрей радостно улыбнулся. И Жариков засмеялся: такой гордостью, даже хвастовством просияло мальчишеское лицо Андрея.

– Да? Правда, хорошо?! А... Иван Дормидонтович...

– Гоните его, – вклинился между ними Фил. – А то он опять философию разведёт.

Андрей попытался протестовать, но его в несколько рук выдернули из-за стола.

– Иди, пляши... Дай доктору Ване отдохнуть... Иван Дормидонтович, чаю?.. Бутербродов?..

– Спасибо, парни, всё хорошо...

Да, всё хорошо... Какое поразительное чувство ритма у всех. Красиво танцуют, глаз не отвести. И поют все потрясающе, голоса, слух... И играют...

– Была бы гитара, – вздыхает Джим, – я бы тоже сыграл, – и в ответ на быстрый взгляд Жарикова улыбается. – Я видел, как вы на наших, ну, кто на пианино играл, смотрели.

– А ещё на чём играете? – улыбается Аристов.

– Пианино и гитара, – качает головой Ник. – И всё.

– Да, – кивает подсевший к ним Эд. – Сколько помню, только это.

– Другому нас не учили, – Майкл вдруг хитро улыбается. – А, Иван Дормидонтович, а вы... играете?

– На чужих нервах, – хмыкает Аристов.

Смеются все, но Жариков громче всех. И праздник катится своим чередом, но вроде пик уже пройден. И снова парни удивили Жарикова. Он знал, что у них хорошо развито чувство времени, но что чувство... даже трудно определить, да, чувство, позволяющее закончить вечер на той грани, после которой веселье становится натужным. И как весело, помогая, подыгрывая друг другу, они это делали. Словно, всё само собой. Со смехом и шутками его, Аристова и Тётю Пашу вывели из столовой так, будто они сами этого захотели, и часть парней пошла их провожать, а кто-то остался убирать.

Проводив Тётю Пашу, Крис побежал обратно в столовую. Они обещали, что всё будет в порядке, надо посмотреть, как там.

Уборка шла полным ходом. В коридоре на стульях у двери лежали брюки и рубашки, рядом на полу громоздились ботинки. Крис открыл дверь.

– Ага, пришёл, – встретил его Майкл. – Давай раздевайся.

Крис кивнул. В самом деле, чем бегать переодеваться, проще вот так. Он, как и остальные, разделся до трусов и присоединился к моющим пол.

В дверь заглянул Андрей.

– Ух ты, сколько вас!

– Для тебя дело всегда найдём, – откликнулся Ник. – Давай на мойку.

Работали споро, перешучиваясь и хохоча. И даже слишком быстро всё сделали.

Андрей так и сказал, когда они уже шли по своему коридору.

– Малолетка ты ещё, – хмыкнул Эд. – Всего тебе мало. И праздника, и работы.

– Ага, – не стал спорить с очевидным Андрей. – А тебе что, не понравилось?

– Понравилось, конечно, – Эд мягко улыбнулся. – Хорошо всё получилось, – посмотрел на Андрея. – Ты молодец, что со столовой придумал.

– Это мне доктор Ваня посоветовал, – признался Андрей.

Эд кивнул.

– Значит, молодец, что послушал.

У своей двери он остановился, вздохнул:

– Не могу поверить, что год прошёл, – и тихо засмеялся.

Андрей молча кивнул. Он тоже не мог в это поверить. Что всего год назад... нет, не надо вспоминать. Он попрощался с Эдом и вошёл в свою комнату.

Джим уже лежал, а Джо развешивал в шкафу вещи. Свои и брата. Андрей быстро разделся и, когда Джо отошёл, повесил свои новые брюки, а рубашку положил на полку с грязным бельём.

– Гаси свет, Андрей, – сонно сказал Джо.

– Сейчас.

Андрей быстро прошёл к двери, щёлкнул выключателем и уже в темноте лёг. Натянул на плечи одеяло.

– Спокойной ночи, парни.

– И тебе.

– Спокойной ночи.

Исподволь подступала усталость, приятно тянуло мышцы, мелькали в памяти лица парней, улыбающаяся Тётя Паша, смеющиеся доктор Юра и доктор Ваня, пение, шум, смех... Под такое хорошо засыпать: сны будут лёгкими.

Тетрадь пятьдесят четвёртая

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Последние дни перед Рождеством были суматошными и суетливыми. События накатывались, набегали друг на друга, и потом было уже трудно вспомнить, что там и за чем.

Утром после завтрака, когда Женя убежала на работу, Эркин собрался за ёлкой. А так как Алиса за завтраком выжала из Жени признание, что сегодня не очень холодно, а Эркину одному будет нелегко, то на рынок они пошли вместе.

Эркин старательно застегнул на Алисе шубку, натянул поверх шапочки капюшон и повязал верхний шарфик. Алиса мужественно терпела, догадываясь, что при малейшем капризе её попросту оставят дома.

И они вдвоём пошли через весь город на рынок. И Эркин то вёз её на санках, то она бежала рядом с ним. И было так

весело. Столько ёлок... как в лесу. И они бродили, бродили среди них...

Эркин все ёлки примерял по себе. Женя сказала, что когда ёлка под потолок, то неудобно наряжать, и чтобы была пушистая. Алиса важно сравнивала ёлки, пытаясь считать ветви, чтобы со всех сторон было поровну, но всё время сбивалась. Наконец они выбрали красивую, чуть выше Эркина, увязали её, тут же купили и крестовину, выслушали длинное наставление, что и как сделать, чтоб все святки простояла, крестовину привязали к санкам, а ёлку Эркин взвалил на плечо.

Эркин хотел купить ещё картошки и разных солений, но сообразил, что всё сразу ему попросту не дотащить. Без Алисы он бы ещё попробовал, а так... Но Алиса заявила, что пустые санки тащить совсем неинтересно. И Эркин купил плетённый короб, туда поставили туески со всякой вкуснотой, короб привязали на крестовину к санкам и окончательно пошли домой. Эркин нёс на плече ёлку, придерживая её одной рукой, а другой держал верёвку от санок. Но и Алиса шла не просто так, она тоже тянула санки, и в полную силу, а не понарошку. И так до самого дома.

А с картошкой им повезло. У самого их дома стоял грузовик с картошкой, которую продавали прямо с борта, хоть целыми мешками, хоть вёдрами, хоть в россыпь, и уже толпа собралась. Эркин запихал в квартиру ёлку, Алису и санки с коробом – в два захода пришлось подниматься – вытряхнул

из мешка остатки их картошки прямо на пол и побежал вниз к грузовику. И тут ему опять повезло: Зина как раз торговалась, полное ведро ей насыпали или нет. Эркин пробился на знакомый голос, уладил с ведром и сам сторговал четыре ведра, как раз в его мешок под завязку. Мешок-то небольшой. Заодно поговорил о двадцать третьем. Тим тоже работает в субботу, но ещё не знает, в какую смену. Словом, всё у всех кувырком летит.

Эркин взбежал с мешком на свой этаж, влетел в квартиру. Времени уже в обрез, а дел... ёлку на кухонную лоджию, картошку в мешок, суп... суп на огонь, мешок на место, короб под окно, на обед... нет, он уже больше ничего не успевает, крестовину в кладовку, чёрт, он вообще ничего не успевает. Проваландался с ёлкой, совсем голову потерял... ладно... Эркин тряхнул головой, собирая мысли.

– Эрик, а теперь что?

– Теперь? – он посмотрел на стоящую перед ним Алису. – Теперь... Ты все свои вещи убрала? – Алиса как-то задумчиво кивнула, но он не стал выяснять, не до того. – Ты сама пообедаешь и ляжешь спать. А я пошёл на работу.

Опять эти слова, с которыми Алиса не могла спорить. И она молча смотрела, как он погасил под кастрюлей огонь, налил в тарелку дымящегося супа, нарезал хлеба.

– Я такой горячий не могу, – сказала Алиса.

Эркин поглядел на неё, улыбнулся.

– Я должен уже идти. Подожди, пока остынет, тогда по-

ешь.

Алиса смотрела на него круглыми и блестящими от стоящих в них слёз глазами. Эркин взял её на руки. Она обхватила его за шею, прижалась к нему.

– Эрик, – всхлипнула она. – Не уходи.

– Я вернусь, – ответил он, опуская её на пол и касаясь сжатыми губами её щёчки. И повторил: – Я вернусь, Алиса.

Алиса молча кивнула и проводила его до дверей. Ведь он всегда возвращался.

До завода Эркин уже бежал. Торопливо, чуть не обрывая пуговицы и крючки, переоделся в пустой бытовке и без двух минут два вылетел на рабочий двор.

– Ага, Мороз, – Медведев возник перед ним как из-под земли. – Машину, вон, видишь? Давай, там Колька с Петрей зашиваются.

И исчез. А Эркин побежал к машине. Грузить в кузов картонные, но тяжеленные коробки. Едва управились с коробками, так снова контейнеры. Мучительно знакомо ныло в животе. «Давно голодным не ходил», – сообразил Эркин и усмехнулся. Ладно, до обеда он дотерпит.

– Мороз, а что за праздник индейский вчера был? – спросил за обедом Колька.

Эркин с трудом оторвался от тарелки со щами.

– Чего?

– Ну, старшой тебя вечер отпускал. Попраздновать, – объ-

яснил Геныч.

– Ряха трепанул? – на всякий случай уточнил Эркин.

– А кто ж ещё? – хмыкнул Петря. – Так чё за праздник?

– День Свободы, – улыбнулся Эркин. – Год назад рабство отменили.

– А-а! – понимающе протянул Колька. – Это да, это я помню. Перед демобилизацией как раз говорили. Политрук аж целую лекцию забабахал.

– И я помню, – кивнул Геныч.

– Ага, – расплылся в улыбке Петря. – В школе училка говорила. Вместо контрольной. Здоровско было. Слушай, а ты к этому празднику с какого боку? Разве индеев он касался?

Эркин оторопело посмотрел на него, не зная, что ответить.

– Значит, касался, – спокойно сказал Геныч.

– Как отпраздновал-то? – глаза у Кольки хитро блестели в ожидании рассказа.

Но ответ Эркина его разочаровал.

– Чай с тортом пил.

– Ну-у, я всерьёз, а ты...

– И я всерьёз, – улыбнулся Эркин.

– Не-е, – покрутил головой Петря. – Это ж какой праздник без гульбы?

– Угу, – хмыкнул Геныч. – Раз не дрался, то и не гулял. Так, что ли?

– А то! – задиристо вскинул голову Петря.

– Ничо, – успокоил его Колька. – На Святках погуляем.

– Ага, стенка знатная будет, – авторитетно кивнул Петря и тут же покраснел под насмешливым взглядом Геныча.

Спрашивать, что за стенка, если говорили о гульбе, было уже некогда. Последние капли компота вытряхиваются в рот, и на выход. Пока они не заступят, Медведев никого в столовую не отпустит.

И снова ослепительно белые прожекторы, блестящие контейнеры, лязг металла о металл, крики, автомобильные и паровозные сигналы, грохот крепёжных цепей, липнущая к потному телу одежда, обжигающий губы холодный ветер... Эркин не понимал, да и не пытался понимать, что и куда он тащит, вкатывает и выкатывает. Быстрее... не тряхнуть... эти не наклонять!.. скорее... не дёргай... это туда... эти... оставить? Ну и пусть стоят... Да их навалом можно... быстрее... у Кольки контейнер застрял, сейчас придавит... кой чёрт тут масло разлил?!.. толкать надо... братцы, Ряху придавили!.. Нажми ещё, чтоб дурь вышла!.. вышла!.. И вдруг:

– Всё, Мороз, вали в бытовку. Завтра в двенадцать.

– Ага, – выдыхает Эркин и из последних сил спрашивает: – В субботу как?

– Завтра и узнаешь, – отмахивается Медведев и убегает с криком: – Куд-да ты их тащишь, мать твою, это ж из третьего, их...

Конец фразы утонул в грохоте сцепляемых вагонов. Эркин потрянул головой и побрёл в бытовку. Уже у входа его

нагнал Колька.

– Слышь, а ты чего про субботу спрашивал?

– Беженское новоселье в субботу, – язык почему-то ворочался плохо, и слова натужно выталкивались.

– А! – понимающе кивнул Колька. – У дружка, что ли? Ну, чёрный, длинный такой. Тимофей, вроде.

Эркин кивнул. Говорить ему совсем не хотелось.

В бытовке было тесно. Ряха опять сидел за столом и словно спал, уткнувшись лицом в свою шапку. Остальные переодевались. Эркин протолкался к своему шкафчику, отпер замок и сдёрнул с головы ушанку. Волосы были мокрыми, и он подумал, что, пожалуй, Медведев, переодеваясь, и шапку меняет не от форса и выпендрёжа, и ему самому тоже бы так стоило. Не спеша, преодолевая тягучую усталость в мышцах, он разделся до белья, снял нижнюю рубашку: как ни крути, но если он сейчас не потянется хоть немного, то до дома не дойдёт, прямо здесь за столом уснёт, как Ряха. И как накликал.

– Во, ща вождь танцевать будет, – заверещал за его спиной Ряха. – Духов заклинать, понимаешь ли.

– А пошёл бы ты, Ряха!.. – не выдержал Эркин.

Дружный хохот перекрыл конец длинной фразы.

– Вот это загнул! – со слезами на глазах крутил головой Колька. – Вот это я понимаю! По-нашенски, по-флотски!

– Однако крепко ругаешься, – хмыкнул Антип.

– Могу и крепче, – всё ещё сердито буркнул Эркин.

Он сцепил руки на затылке, осторожно, чтобы никого не задеть, качнулся вправо, влево... Нет, всё равно не получится. Эркин взял полотенце и пошёл к раковине.

– Да не злись, Мороз, – отсмеявшись, сказал Серёня. – У Ряхи же язык без костей.

– А я при чём?

Эркин быстро умылся, обтёр торс холодной водой и стал растираться полотенцем.

– В сам деле, Ряха, – Колька возился в своём шкафчике. – Чего ты цепляешься? Гимнастики не видел?

– Я-то видел, – голос Ряхи стал серьёзным. – А вот он откуда её знает?

– А твоё какое дело? Мешает он тебе?

Ряха промолчал, явно не желая заводиться. Эркин вернулся к своему шкафчику, оделся. Ряха, по-прежнему сидя за столом, исподлобья, будто ожидая удара, следил за ним.

– Мороз, идёшь? – позвал от двери Миняй.

– Иду, – откликнулся Эркин, запирая шкафчик.

И, пока они шли по коридорам к внутренней, а затем внешней проходным, Эркин по возможности играл под одеждой мускулами, гоня волну. Волна на шаге – не простое дело, это когда нагишом танцевали, в одежде тяжело, и волна некрасивая, зажата, но ему ж только усталость отогнать, сойдёт и так. И сошло. К выходу на улицу он уже шёл легче.

– Фу-у, – вздохнул на улице Миняй. – Ну, гонка, не помню такого.

– Ничего, – улыбнулся Эркин. – Бывало и хуже.

– Это-то да, конечно, – согласился Миняй, поворачиваясь на ходу спиной к ветру и закуривая. – Ты к Тимофею-то идёшь?

– К Тиму? Иду, конечно. Только он в субботу тоже работает.

– Говорил с ним?

– Нет. С Зиной. Когда картошку с грузовика у дома покупали.

Этим Миняй заинтересовался больше всего и, подробно расспросив Эркина о цене, размере вёдер, виде и цвете картофеля, сокрушённо покачал головой.

– Если моя не подсуетилась... хреново. На рынок только в воскресенье получится, а там уж все цены как скакнут... – Миняй затейливо выругался.

Эркин кивнул.

– Я сегодня на рынке был. Уже всё дороже стало.

– Ну вот, – Миняй пыхнул сигаретой. – Ёлку-то купил?

– Да, – улыбнулся Эркин. – И... крестовину, и подарки.

У дома они расстались и разошлись по своим подъездам.

И пятница была таким же сумасшедшим днём. Правда, до работы Эркин успел натереть как следует пол в большой и дальней комнатах, пока варился суп и разогревалась вчерашняя каша. Спокойно пообедал вдвоём с Алисой, и бегать не пришлось. Нормально дошёл, переоделся. А вот во двор

вышел, гонка и началась. Только, кроме контейнеров, были ещё мешки и ящики. И грузили, и выгружали, то со склада на платформу, то с грузовика в склад, то из одного склада в другой... как только бригадир помнит всё? Ну, да, это его работа, ему за это деньги и платят.

Эркин то ли втянулся, то ли ещё что, но работалось ему сегодня полегче. И даже уже мог о своём думать. Что у Жени, в её... машбюро, такая же гонка наверняка, она и так устаёт, да ещё его допоздна ждёт. Он сказал, чтобы она ложилась, не ждала его, а Женя будто не услышала. А спорить с ней он не может. И... и не хочет. А торт они вчера доели. Когда он пришёл домой. Два последних куска. Алисе как торт понравился. Надо будет на праздники ещё купить. И это что ж получается? Неделю, даже больше, они не работают, значит, получит он завтра за одну неделю и субботу, за шесть дней, это... это... – умножение у него плохо получалось – это сорок пять рублей, а следующая получка во вторую пятницу января, это... это уже три недели, пятнадцать рублей на неделю, да, ещё же «ёлочные». Сколько ни дадут, всё хорошо.

– Мороз, о чём думаешь?

– Деньги считаю, – улыбнулся Эркин. – Сколько дадут и на сколько хватит.

– Нашёл о чём думать, – хмыкнул Ряха. – Есть деньги – трать, а нет...

– Ага, – засмеялся Серёня. – Чего делать, когда денег

нету?

– Зарабатывать их, – весело ответил Эркин.

Саныч кивнул.

– Верно говоришь.

– Последнее дело халявщиком жить, – согласился Лютыч.

Они всей бригадой стояли цепью, передавая с рук на руки небольшие, но увесистые коробки. Работа не особо сложная, и чего ж не почесать языки.

– Кому и халява сладка.

– Сладко естся, да горько рыгается.

– И то верно.

– «Ёлочные» большие будут?

– Завтра увидишь.

– Ох, братцы, неужто святки гулять будем?!

– Как до войны!

– А ты помнишь, как оно до войны было?

– А ты?

– Ну, я уж в школу вроде пошёл.

– Да-а, давненько, значит.

– Гулять, братцы, не проблема...

– Проблема, на какие шиши!

– А драка бесплатна!

– Это ты, щеня, задарма кусаешься, а Ряха...

– Он за выпивку.

– Ряха, тебе сколько выпить надо, чтоб с Морозом задаться?

– Давай, Ряха, на гроб тебе мы скинемся.

– Слышали уже, новое придумай!

– Ладно вам, на «стенке» всех посмотрим.

– А чё?! Я жилистый, меня на прошлый год в остатних сшибли.

– Ага, потому как против тебя контуженный стоял.

– Мужики, как завтра работаем?

– Старшóй скажет.

– Точно. И скажет, и укажет, и пошлёт...

Эркин охотно смеялся вместе со всеми. Он уже догадался из разговоров, что «стенка» – это драка, но не простая, а по правилам. Если это вроде ковбойской олимпиады, так отчего ж не поучаствовать. Святки, святочные гулянья, целая неделя праздников... Интересно! Рождество и Святки в Паласе – вспоминал он – это сплошная работа, тяжёлые угарные смены, в питомнике... голод из-за надзирательского загула и опять же работа, а в имении праздников он вообще не видел, да и какие праздники или выходные со скотиной. Доить, кормить, поить, навоз выгребать каждый день нужно. Даже на выпасе и то без присмотра бычков не бросишь. Нет, это всё не то, не праздник, нет, не было у него никогда раньше праздников. Вот только... День Матери в Джексонвилле, когда они с Андреем ходили купаться на пруд, да... да всё, пожалуй. Остальное не в счёт. Воскресенье в Джексонвилле – не отдых, а досадная помеха, перерыв в заработке, церковная нудьга, тоскливое сознание, что Женя дома, а он дол-

жен до сумерек где-то шататься, потому что их могут застать врасплох, ощущение обделённости... Эркин потрянул головой. Нашёл, что вспоминать, дурак. Здесь... здесь совсем по-другому.

– Эй, старшой, шабашим никак?

Медведев, сбив на затылок ушанку, вытирает лоб.

– Так, мужики. Сейчас ещё вон ту гору раскидаем и завтра выходим в восемь.

– Чё-ё?! – взрывает Ряха. – Охренел?! За полночь уже. А пошёл ты с такой работой!..

– В сам деле, – кивает Геныч. – До дома дойдём и обратно поворачивать, что ли?

– За ночь смёрзнется, – Медведев сдвигает ушанку обратно на лоб. – Завтра дольше проколуемся.

– Не об этом речь, старшой.

– Больно рано завтра.

– На казарменное тогда уж лучше.

– Выйдем в восемь, уйдём в час, – спокойно ответил Медведев. – А если с двенадцати... сам посчитай.

– Тогда уйти в пять, – сказал Эркин и кивнул. – Я выйду в восемь.

– На охоту вождю приспичило, – съязвил Ряха.

– Нам на беженское новоселье ещё завтра идти, – кивнул Миняй. – Я с Морозом.

– Ещё кто с восьми? – прищурился Медведев.

– А чего? – сразу насторожился Колька.

– Пятеро остаются и выходят завтра в двенадцать, а пятеро шабашат и завтра с восьми. Все поняли?

– И я с восьми, – сразу кивнул Саныч.

– И я, – подхватил Колька. – Серёня, с нами?

– А чё ж! – тряхнул головой, едва не уронив ушанку, Серёня.

– Валите, – кивнул им Медведев. – Остальные за мной!

– Лихо, – хмыкнул Лютыч. – Ловко подсуетился, старшóй.

Колька с размаху хлопнул Эркина по плечу.

– Всё, айда домой.

Они уже не спеша, отдыхая на ходу, пошли в бытовку. Так же не спеша переоделись. Эркин даже потянулся немного. Народу мало, Ряхи нет, никто к нему не цепляется. А Серёня... тот вообще смотрит на него... Эркин вспомнил Толяна в лагере и усмехнулся.

– Всем до завтра, – бросил от порога Колька. – Серёня, айда.

– До завтра, – откликнулся Саныч, запирая свой шкафчик. – Бывайте, мужики.

– Бывай. Мороз, готов?

– А то! – Эркин притопнул, плотнее насаживая на ноги бурки. – До завтра.

Размявшись, он шёл легко и быстро. Миняю пришлось подстраиваться под него.

– Куда спешишь?

– Хочу успеть выспаться, – улыбнулся Эркин.

Миняй кивнул.

– Тимофей, надо думать, завтра тоже с утра.

– Тогда пошабашим, поедим и к нему, – сразу решил Эркин.

– Дело, – согласился Миняй. – Спрошу у своей тогда и завтра обговорим, – улыбнулся. – Всё купил?

Эркин как-то неуверенно кивнул.

– Думаю... нет, не знаю, – и смущённо признался. – В первый раз же.

– Я вон тоже... – задумчиво ответил Миняй. – Считаю, забыл всё.

– И как? – заинтересованно спросил Эркин.

– Где спрошу, где подсматрю, а где, – Миняй усмехнулся, – а где и сам придумаю.

– Что ж, – Эркин сосредоточенно кивнул. – Что ж, и так, конечно...

– Главное, чтоб хорошего побольше, подарков, угощения там...

– Ну да, ну да, – кивал Эркин.

– Гостей принять, самим в гости сходить... Святки-то я плохо помню. Ряженые, вроде, ходили... Ну, в масках, как...

– Masquerade? – спросил Эркин по-английски.

– Ну да, так оно и есть, – обрадовался Миняй.

За разговором они незаметно дошли до дома. Эркин взглядом нашёл свои окна. Нет... нет, шторы такие плотные, что даже непонятно: горит свет или нет. Может... может,

Женя сделала, как он просил? Он попрощался с Миняем и побежал к себе.

В квартире было тихо и темно. И пахло как-то странно. Похоже на обойный клей, но по-другому. Ладно, всё завтра. Эркин бесшумно разделся и прошёл в ванную. В душ и спать. Есть он не то, что не хотел, но... но спать хотелось больше. Он вымылся под душем, вытерся, натянул лежащие наготове старые джинсы и осторожно вышел.

Он был уверен, что не мог разбудить Женю, что сделал всё бесшумно, но в кухне горел свет, а в дверном проёме стояла Женя.

– Попался?! – сказала она грозным шёпотом, обнимая его за шею и целуя в щёку.

– Ага, – счастливо выдохнул Эркин. – Женя, ты... я же...

– Всё потом. Сначала поешь.

Через плечо Жени Эркин посмотрел на накрытый стол и неожиданно для себя сглотнул слюну.

– Вот так, – засмеялась Женя. – Меня ты не обманешь.

– Я и не обманываю тебя, ты что, Женя...

– Садись и ешь, – с шутливой строгостью сказала Женя. –

Я же знаю, что ты голодный.

– А ты?

– Я чаю выпью.

Он ел необыкновенно вкусное жареное мясо с картошкой и солёным огурцом и смотрел на Женю. Да, он всё понимает, но... но это так хорошо, что Женя рядом с ним.

– Женя, – он, не удержавшись, вытер тарелку куском хлеба и виновато посмотрел на Женю: еда людская, а он по-рабски...

– Ничего, – улыбнулась Женя, – ты устал, проголодался. Ничего. Ты что-то сказать хотел?

– Да. Я завтра с восьми и до часу.

– Да? – обрадовалась Женя. – Я тоже. И Тим завтра с утра. Так что как раз. Придём, пообедаем, Алису спать уложим и пойдём к ним.

– Хорошо, – кивнул он, придвигая к себе чашку с чаем. – Женя, а... а почему клеем пахнет?

– А я и не замечаю, – улыбнулась Женя. – Это мы с Алиской украшения на ёлку клеили.

– А-а, – протянул он.

Женя рассмеялась.

– Завтра увидишь. И завтра вечером ёлку занесём и поставим. За ночь она оттаёт, и с утра наряжать начнём.

– Хорошо, – сразу согласился Эркин, залпом допивая чашку.

Женя быстро убрала посуду и протёрла стол.

– Всё, давай спать.

Он легко встал и взял её на руки.

– Я отнесу тебя.

– Эркин, ты с ума сошёл.

– Как скажете, мэ, – он быстро поцеловал её в висок и совсем тихо: – Я только отнесу, Женя, ну, позволь мне, ну,

можно?

– Можно, – согласилась Женя.

И увидела, как радостно осветилось его лицо.

У выхода из кухни Эркин замедлил шаг, и Женя, дотянувшись до выключателя, погасила свет. Он внёс её в спальню и положил на кровать. Мягко, не горяча, раздел и укрыл. Потом быстро разделся сам и нырнул под одеяло, лёг рядом. Женя погладила его по плечу.

– Ничего, Эркин, впереди праздники.

– Мг-м, – он подвинулся ближе к ней, чувствуя, что засыпает. – Женя, прости, я сплю.

– Спи, милый.

Женя поцеловала его ещё раз, он вздохнул в ответ. Всё его тело обмякло, расслабилось. Как же он устал за эти дни. Сумасшедшая неделя. Ей пришлось отложить ту папку и печатать совсем другое. Девочки называли это сопроводилками. Как и раньше, она не вникала в печатаемый текст. Главное – не задумываться. Тогда будет и быстро, и без опечаток. И не успевала закончить один ворох, как Лыткарин клал перед ней следующий. И остальные работали так же. И в столовую не ходили все вместе, а бегали по очереди. И Васса – самая старшая из всех, почти старая – всё вздыхала:

– Ну, как в войну. Только что не бомбят.

А Ольга всякий раз кивала:

– И писем ждать не надо.

– И что вместо письма похоронку принесут тоже, – откли-

кался ещё кто-то.

И работа шла своим чередом. Конечно – думала Женя – Эркину обидно. Он так старался, делая спальню, и вот... Ну, ничего, впереди праздники, целых... да, с двадцать четвёртого и до третьего, целых десять дней. И отдохнём, и погуляем, и повеселимся.

Она уже спала и улыбалась во сне, потому что ей снилось, как она покупает подарки Эркину и Алисе. Господи, какое же это будет великолепное, небывалое Рождество. Настоящее.

Во сне Женя положила голову Эркину на плечо и обняла. Он, не открывая глаз, мягко прижался к ней, чтобы чувствовать её рядом, всю, всегда. Он же не может без неё.

Эркин спал без снов, но сон был каким-то... светлым. Наверное, от ощущения рядом тела Жени, от её запаха, окутавшего его. Обнять её он даже во сне не рискнул, но одно сознание, что она рядом, что они вместе, делало его сон лёгким, и встал он совсем выспавшимся.

Женя подняла Алису, и они сели завтракать. За завтраком выяснилось, что сегодня им на работу идти вместе. А возможно... возможно и возвращаться.

– А если задержат меня? – вздохнул Эркин. – Нет, Женя, ты не жди меня.

– Ну, посмотрим, – Женя улыбнулась. – В конце концов, найдём, где встретиться.

И сразу ответная улыбка Эркина.

Женя быстро приготовила Алисе поесть, пока Эркин убирал со стола и в спальне.

– Ну, всё, маленькая, мы пошли, будь умницей.

Женя, а за ней и Эркин поцеловали Алису, и вот уже за ними захлопнулась дверь.

На улице Эркин взял Женю под руку. Дул неровный, толчками ветер, мелкий колючий снег, серый тусклый рассвет...

– Эркин, поправь шарф, тебе задувает.

– Нет, Женя, хорошо, – он улыбнулся. – Я вспомнил. Мы уже шли так. Ну, когда приехали только. Помнишь?

– Да, – сразу улыбнулась Женя. – Конечно, помню. Хорошо, что мы сюда приехали, правда?

– Да, – Эркин счастливо оглядывал улицу, обгонявших и идущих вровень с ними людей. – Да, я даже не думал, что будет так хорошо.

У завода им пришлось разойтись: проходные у них разные.

Уже у внутренней проходной Эркина окликнул Колька.

– Привет.

– Привет, – охотно ответил Эркин и, увидев, что Колька какой-то взъерошенный, спросил: – Ты как?

– Нормально, – буркнул Колька, покосился на Эркина и не выдержал: – Я ещё им навтыкаю, гадам. Крабы придонные, а туда же...

Эркин понимающе кивнул: дело житейское.

– Ладно, ещё сочтусь с ними, – Колька рывком распахнул

дверь их бытовки. – О, Саныч, привет! Серёня, ты чего в такую рань прискакал?

– Раньше сядешь, раньше выйдешь, – откликнулся Серёня, натягивая валенки. – Привет, Мороз.

– Привет.

Эркин прошёл к своему шкафчику, открыл его и стал переодеваться. Привычные движения, уже привычные голоса вокруг. Миняй, уже одетый, курил у окна.

В бытовку вошёл Медведев.

– Айда, мужики.

– Без пяти, старшой.

– Айда-айда, не мелочись.

После сумасшедшей гонки последних дней двор показался Эркину полупустым. И он не сразу сообразил почему. Так... так контейнеров же нет! И не грузить пришлось, а выгружать. Мешки, ящики, коробки... После тех дурынд, что не трясина, не толкай, не мочи, не дёргай – это ж не работа, а игрушки, в одно удовольствие. Где цепью, где в паре, а где и в одиночку... Работали споро, без задержек и спешки. И разговор обычный, больше, конечно, о том, как будут гулять.

– Мороз, на гулянье пойдёшь?

– А чего ж не пойти? – ответил за него Миняй. – Ну, сначала в церковь, понятно.

– Об этом и речи нет, – кивнул Саныч. – А колядовать – это молодым забава. Вон Кольке с Серёней.

– А чё?! И пойдёшь!

– Серёня, большой мешок припас?

– Да уж не меньше твоего.

Эркин внимательно слушал: если молча слушать, то почти всё можно и без расспросов узнать и понять.

– Колядовать да славить – рождественские забавы.

– На святках ряженые ещё.

– А то! Колька вон, небось, приготовил уже.

– Ну, стенка ещё.

– На Новой площади ёлку ставят. Агромадную.

– Управа, что ли?

– Ага. И говорят, там артисты выступать будут.

– Тоже можно посмотреть.

– А на Новый год фейерверк бы ещё.

– Не мало тебе стрельбы было?

– Да ну, Саныч, это ж другое.

– Старшбй, теперь куда?

– Жрать не пойдём, что ли?

– Беги, малец, мы с Морозом докидаем. Лады?

Эркин кивнул. Осталось всего ничего. Десять мешков на двоих – это пять ходок. Штабель, правда, высокий уже, но приспособиться можно.

Они перекидали оставшиеся мешки. Эркин поднял и закрепил борт опустевшего кузова. Саныч, стоя рядом, молча курил.

– Всё, мужики, валите в столовую, – подошёл к ним Медведев.

Саныч внимательно посмотрел на него.

– А потом?

– Потом в кассу за деньгами.

Саныч кивнул.

– А то полуденникам делать будет нечего?

– Догадлив ты, Саныч, – улыбнулся Медведев и показал кивком на Эркина. – И ему объясни.

– Я понял, – ответил Эркин и улыбнулся. – Шабашим, да?

– Вы, да. С наступающим вас.

– И тебя так же, – ответил Эркин.

– И тебя, – кивнул Саныч. – Айда, Мороз.

Эркин кивнул, но с места не сдвинулся.

– А третьего как?

– В первую – улыбнулся Медведев и крепко хлопнул Эркина по плечу. – Счастливо тебе отпраздновать.

– И тебе! – крикнул уже ему в спину Эркин.

В столовую пошли не спеша. Всё-таки перекусить надо, наломались. Саныч искоса посмотрел на Эркина.

– А ты, я смотрю, предусмотрительный.

– Как это? – не понял Эркин.

– Ну, вперёд заглядываешь.

– А, – Эркин невесело улыбнулся. – Не хочу вслепую жить. Когда не знаешь, что завтра будет.

– Так, – кивнул Саныч. – Понятно.

В столовой было шумно и многолюдно. Но особо никто не задерживался, да и обычного выбора блюд нет. Суп, хлеб,

компот и каша.

– Не до разносолов нынче, – хмыкнул Саныч. – Им тоже охота раньше закончить.

Эркин согласно кивнул. Кольки с Серёней уже не видно, а Миняй дохлёбывал щи. Они подсели к нему.

– Пошабашил уже?

Миняй кивнул и облизал ложку.

– Парни к кассе побежали. Сказали, займут там.

– Ага. Тогда мы быстренько.

Ну, есть быстро Эркина учить не надо. Он хоть и сел последним: выглядывал, нет ли в зале кого из тех, что с Женей работают, чтобы у них узнать, как там Женя, – но закончил есть первым, опередив и Саныча, и Миняя.

– Во! Это скорость, – покрутил головой Саныч. – Давай тогда к ребятам, мы догоним.

Эркин уже встал и собрал свои тарелки.

– Беги, мы уберём, – пробурчал с набитым ртом Миняй.

Выбежав из столовой, Эркин бросился к кассе, на ходу натягивая куртку и ушанку, чтобы потом не возвращаться за ними к столовой.

Где была толпа, так это у кассы. Хорошо ещё, что все три окошка работают. Эркин помнил, что в прошлый раз получал деньги во втором, но на всякий случай громко позвал:

– Колька, Серёня!

Его глубокий звучный голос легко перекрыл гомон, и сразу звонко откликнулся Колька.

– Полундра, гады, здесь стоят матросы! Давай к нам, Мороз!

Эркин ввинтился в толпу. Гибко качаясь, то вжимаясь, то протискиваясь, он довольно быстро добрался до Кольки с Серёней.

– Где там остальные? – сразу спросил Колька.

– Идут, – громко ответил Эркин.

– Да сколько вас, дьяволов? – возмутился седой мужчина в спецовке, стоявший сразу за Колькой.

– Коль уши заложило, прочисти, – огрызнулся Колька.

– Сказали же, бригада, – поддержал Кольку Серёня.

Эркин встал за Колькой и приготовился отразить любой натиск. Но Колька покачал головой.

– Вперёд становись. За мной занимали, вытеснят.

Эркин встал перед ним, сообразив: Серёня первый, Колька последний, а они все между ними. Здоровско придумано!

– Эй, Колька, Мороз, где вы? – громко позвал их голос Саныча.

– Здесь! – сразу отозвался Эркин и поднял руку с зажатой в кулаке ушанкой.

Пыхтя, сопя и отругиваясь, Саныч и Миняй протиснулись к ним.

– Ишь, горлодёры с рабочего двора, – смеялись и шумели вокруг. – Да, эти кого хошь переорут... Ну, теперь-то все?

Все, все, – ухмыльнулся Колька, но долго стоять молча он не мог и, переведя дыхание, снова заорал: – Эй, впереди,

чего задержка?

– Ждут, когда ты замолчишь, – немедленно откликнулись от окошка.

– Уймись, – сказал Саныч Кольке и подмигнул седому. – Не терпится ему, стенка без него начнётся.

– Не навоевался, – понимающе кивнул тот.

Эркин стоял уже спокойно. Было жарко, и он, как и остальные, снял ушанку и распахнул куртку. Почти все вокруг были тоже в рабочем. Вспыхивавшие то и дело стычки из-за очереди быстро гасились шутками. Да и в самом деле, где ни стой, своё получишь, другому не отдадут и чужого не добавят. Так что трепыхаться незачем. Привстав на цыпочки, он ещё раз оглядел толпу. Нет, из машбюро никого не видно. То ли уже получили, то ли ещё не отпустили. Ладно. Двигалась очередь медленно, толчками.

– Чего там, а?

– По трём ведомостям дают.

– Это как?

– А просто. Получка, «ёлочные» да ещё премия.

– А что за премия?

– Квартальная?

– Или за год?

– Как дойдёшь, так и узнаешь.

Перспектива получения ещё одной премии заинтересовала Эркина, и он посмотрел на Саныча.

– Это как?

– А просто, – стал объяснять Саньч. – «Ёлочные» дают всем, квартальную тем, кто с сентября работает, а годовую кто до прошлого Рождества пришёл.

– Ага, – кивнул внимательно слушавший Миняй. – А я вот с мая, мне как?

– Значит, за полгода премия, – ответила полная женщина в синей юбке и армейской гимнастёрке без погон и петлиц, прижимая к груди толстую тетрадь и неожиданно ловко пробираясь в толпе.

– Лидь-Санна! – восторженно заорал Колька. – Моряцкий вам привет и семь футов под килем!

– Угомонись, Гольдин, – строго посмотрела на него женщина и не менее строго на Эркина. – А тебя я почему не знаю?

– Да он с нашей бригады.

Она внимательно, запоминая, оглядела Эркина.

– Давно работаешь?

– Две недели, – ответил Эркин.

– Так, – кивнула она. – Ты о профсоюзе слышал?

Эркин осторожно пожал плечами. Профсоюз? Тред-юнион? Кое-что он слышал ещё в Джексонвилле, а больше на перегоне и в Бифпите.

– Это... trade Union тред-юнион, да? – решил он уточнить.

– Знаешь английский? – удивилась она.

– Да он с той стороны, – засмеялся Колька.

– Тем лучше, – кивнула она и открыла свою тетрадь. –

Тебя как зовут?

– Эркин Мороз.

Она записала и улыбнулась ему.

– Зайдёшь потом в профком. Знаешь, куда?

Эркин покачал головой.

– Я ему покажу, Лидь-Санна, – радостно заорал Колька. –

И покажу, и расскажу.

– Уж ты нараскажешь, – покачала она головой с ласковой укоризной.

Когда она отошла, Эркин тихо спросил Кольку.

– А кто она?

– Селезнёва-то? – вместо Кольки ответил ему Саныч. –

Она по профсоюзной части. Ты вообще-то о профсоюзе что знаешь?

– Trade Union ред-юнион запретил давать цветным хорошую работу, – ответил Эркин, перемешивая русские и английские слова.

Саныч хмыкнул.

– Однако и знания у тебя. Это где ж такое?

– Там. В Алабаме. Trade Union ред-юнион для белых.

– Так. Ну, а теперь слушай.

К тому времени, когда они подошли к кассе, Эркин знал о профсоюзе вполне достаточно, чтобы уяснить: отдаёшь каждый месяц сотую часть заработка, а взамен за тебя, если что, заступаются и иногда кое-что подкидывают. Так что...

– Эй, заснул, что ли?

Эркин наклонился к окошечку и назвал свою фамилию и табельный номер. Перед ним лёг разграфлённый лист в буквах и цифрах.

– Вот здесь.

В прошлый раз ему сказали, что как неграмотный он может ставить вместо подписи крестик, а после его объяснений о двух буквах показали, как их писать по-русски. Оказалось, что почти так же, только первую в другую сторону развернуть. Так что он спокойно и почти уверенно нарисовал ЭМ в указанном месте.

– Так, а теперь вот здесь.

Ещё один лист. Он успел увидеть цифры и теперь, пока кассир отсчитывал его рубли, быстро думал. Семьдесят пять по первому листу и столько же по второму. Почему? Ну, «ёлочные» – там сколько угодно может быть, но получка почему такая большая?

– Держи, сто пятьдесят. Следующий.

Колька подтолкнул его в спину, и Эркин стал пробираться к выходу. Сто пятьдесят рублей, если сотую в профсоюз, то это... это рубль и пятьдесят копеек. А больничная страховка же ещё. И на старость, как его, да, пенсионный фонд. Там тоже по сотой. Это уже четыре пятьдесят. Хотя нет, это он в прошлую получку отдавал. Вместе со всеми. Как раз три рубля. А налоги ещё... нет, ему сказали же, что налоги прямо по бумаге идут, до выдачи, и об этом можно и не думать, без тебя и начислят, и отчислят. Значит, только в профсоюз

платить. Ладно. Может, и впрямь, дело стоящее. Если всем, как они говорят, от профсоюза хорошо, то вряд ли ему будет плохо.

Дорогу Колька объяснял толково, ничего не скажешь, и комнату профсоюза Эркин нашёл быстро. И эта женщина – Лидия Александровна Селезнёва – была там. И ещё какие-то люди. Шум, споры... Эркин уже собирался повернуть обратно: у них свои дела, он и после зайдёт. После праздников. Но его заметили и окликнули:

– Мороз? Проходи, садись, – она улыбнулась. – Поговорим немного.

Эркин вежливо улыбнулся в ответ и сел на указанный стул, положил ушанку на колено.

В принципе ничего страшного и даже необычного не было. Обычные вопросы. Давно ли работает, когда и откуда приехал, где живёт, есть ли семья. Услышав, что его жена тоже на заводе работает, Селезнёва быстро остановила его.

– Постой-постой, она в каком цеху?

– В машбюро, – ответил Эркин.

– Ага, точно, – Селезнёва, перелистав свою тетрадь, нашла нужную страницу. – Мороз Евгения Дмитриевна. Да, вот же и о тебе запись. Эркин Фёдорович, так?

– Так, – улыбнулся её радости Эркин.

– И дочь Алиса пять лет?

– Да, – улыбка Эркина стала сердечней.

Селезнёва что-то написала в тетради, сделала отметку на

его странице и в какой-то ведомости. Они ещё немного поговорили, условились, что после праздников Эркин зайдёт и подаст заявление о приёме в профсоюз, тогда, после приёма, и взносы заплатит, уже с январской получки, а на досуге пусть вместе с женой о детском саде для дочки подумают, и если решат, то тоже заявление сразу после праздников подадут, и он попрощался, поздравил всех с наступающим праздником, выслушал ответные поздравления и ушёл.

Что ж, если в самом деле так, как говорил Саныч, да и сам он вроде убедился, что дело это если не стоящее, то точно не вредное. Но это всё потом. А сейчас... Сейчас он переоденется и пойдёт домой. И начнутся у него праздники. Настоящие. В бытовке было тихо и пусто. Ну да, кто с утра был, уже ушли, а... «полуденники» – Эркин, проверяя себя, посмотрел на часы – как раз во дворе. Он открыл свой шкафчик и стал переодеваться. Рубашку он возьмёт с собой: пропотела за эти дни. Так, куртка, валенки, штаны. Можно и не разминаться – особой работы сегодня не было, а пока за деньгами стоял и в профсоюзе сидел, тело отдохнуло. Эркин не спеша, с удовольствием переоделся, осмотрел полотенце и решил его тоже захватить домой, тоже стирать пора. Ну, вот и всё. Он закрыл и запер шкафчик, завернул рубашку в полотенце и положил свёрток в матерчатую сумку. Такие здесь были у всех. Сложил, засунул в карман и пошёл, а купил чего, так опять же не в руках несёшь, удобно, что и говорить, у женщин они яркие, в цветах и узорах, а себе он, конечно, купил

в лавке у заводской проходной тёмно-зелёную из непромокаемой, как сказала продавщица, военной ткани. На прощание Эркин поглядел на себя в зеркало, сбил ушанку слегка набок и пошёл к выходу.

У проходной была толкотня. Кто уходит, кто только пришёл, но уходящих вроде побольше. С Женей он, конечно, разминулся, но они так и думали. Так что теперь... надо домой, но Эркин всё-таки свернул на центральную улицу, где были самые дорогие, но и самые хорошие магазины. В Алабаме он и носа бы сюда высунуть не рискнул, поберег бы шкуру, а здесь... хоть так пройтись, хоть купить чего – всё ему можно, были бы деньги. «Ёлочные» – это ж, если подумать, та же премия – семьдесят пять рублей, с ума сойти, так что... так что купит, что задумал, ещё когда они с Женей выбирали обои и шторы в спальню.

Нарядные, в украшенных ёлках, со звёздами и ангелами витрины, радостно суматошная толпа со свёртками и сумками, редкий мягкий снег...

Эркин толкнул тяжёлую из тёмного дерева с матовым стеклом дверь и вошёл в тёплый, пахнущий влажной землёй, свежей зеленью и как будто душистиками магазин. Вместо обычного прилавка здесь стол продавца стоял посередине зала, а по стенам на полках теснились вазы и горшки с цветами. Улыбающаяся девушка в зелёном платье и аккуратном белом фартучке сразу подошла к нему.

– Здравствуйте, с наступающим вас, что бы вы хотели?

Эркин улыбнулся ей.

– Здравствуйте, и вас так же. Мне цветы. И чтобы надолго.

Ну... не букет...

– С корнями? – пришла она на помощь.

– Да, – кивнул Эркин.

О цветах в спальню он думал давно и сначала хотел купить букет. И вазу. Но, наглядевшись на подаренную Бабой Фимой фиалку, что жила теперь на кухонном окне, решил, что и в спальне будут такие же. Живые. Вот только...

Но розы были только в букетах, а остальные... нет, конечно, они живые, зелёные, даже приятные, но это зелень, а не цветы. И тут он увидел белые лохматые как шарики.

– Хризантемы? – удивилась девушка и тут же улыбнулась. – Да, самые новогодние. И до весны цвести будут.

Эркин выслушал подробные наставления, как за ними ухаживать, кое-что переспросил и уточнил, потом их ему завернули в какую-то особую многослойную, чтобы не замёрзли, бумагу. Он расплатился и вышел, прижимая к груди огромный и несообразно лёгкий пакет.

Ну вот, Жене должно понравиться. Она хотела спальню розовую, а он ей всё испортил, но цветы – это всегда красиво. И ещё... ещё он сейчас вот чего купит, сколько бы это ни стоило. А потом...

Но, выйдя из фруктового магазина, он сразу направился домой. Конечно, точное время, кто когда приходит, они с Тимом не обговаривали, но опаздывать не стоит. Некраси-

во. Дескать, заявился, когда работы уже нет, а стол накрыли. Не прогонят, но поморщатся. Нет уж. Позориться он не будет. Бежать ему не позволял пакет с цветами, но шёл Эркин быстро, и вскоре из-за домов перед ним выплыли башни «Беженского Корабля». У Маниного магазина толпились люди: там что-то продавали прямо с саней, и у центральной башни стоял опять грузовик с картошкой, и там тоже крутилась, выстраиваясь в неровную очередь, толпа. Эркин обошёл её стороной, кто-то открыл ему дверь подъезда. Он поблагодарил и поздравил с наступающим праздником, услышав ответные поздравления уже на лестнице. У двери на свой этаж он столкнулся с Лизой из восьмидесятой. Она тащила волоком мешок с картошкой, и её двое близнецов – Тошка и Тонька – круглые от намотанных поверх пальтишек платков, старательно помогали. Эркин положил покупки, открыл ей дверь и внёс мешок в коридор, а то на высоком пороге его и порвать недолго, собирай тогда картофелины по ступенькам.

– Вот спасибо, дальше я его волоком по гладкому.

– Спасибо, – в один голос пискнули близнецы.

– На здоровье, – улыбнулся Эркин. – С наступающим вас.

– И тебя так же, – ответила Лиза, а за ней и малыши.

Эркин подобрал сумку и пакет и пошёл к себе. Чтобы достать ключи, сумку пришлось опять положить на пол. Он пошаркал бурками по коврику, сунул ключ в скважину... нижний замок открыт? Женя дома?! У него дрогнули руки, и он не сразу попал ключом в скважину. Щёлкнул замок, Эркин

толкнул дверь, одновременно подобрав с пола сумку, и шагнул через порог.

– Мама! Эрик пришёл! – ткнулась ему в ноги Алиса. – Ой, а это что? Мама!

– Ой, Эркин, наконец-то, молодец, что пришёл, ну как ты? Всё в порядке? Что это, Эркин? – Женя быстро чмокнула его в щёку, взяла пакет и теперь пыталась его открыть.

– Сейчас, Женя, сейчас покажу.

Эркин торопливо разделся, ловко повесив сумку на вешалку под свой полушубок, сбросил бурки и портянки и, вслепую нашаривая ступнями шлёпанцы, взял у Жени пакет.

– Это я в спальню купил, Женя, вот, посмотри.

Когда они все вместе вошли в спальню, Эркин снял с цветов пакет. Женя громко ахнула, а Алиса удивилась:

– Ой, а они настоящие?

– Конечно, настоящие, – засмеялась Женя. – Господи, Эркин, да они же... Это что, с корнями?

– Ну да, – Эркин перевёл дыхание: кажется, Жене понравилось. – Мне сказали, они до весны цвести будут, летом им надо отдохнуть, а осенью они опять зацветут.

– Ой, Эркин, красота-то какая! – ахала Женя, пока они пристраивали цветы на подоконнике.

– Тебе нравится, да?

– Ну, конечно же, Эркин, какой же ты молодец.

Отступив на шаг, Женя оглядела горшок-корзину и жёсткие тёмно-зелёные стебли, увенчанные белыми лохматыми

шарами. Вздохнула:

– Господи, как красиво. Спасибо тебе, Эркин.

Эркин счастливо улыбнулся и обнял Женю за плечи.

– Я хотел розы, но... они были только в букете. А эти...

живые.

– Конечно, живые лучше, – искренне согласилась Женя.

– Ага! – поддержала её Алиса. – Мам, а...

– Ой! – ахнула Женя, бросаясь на кухню. – У меня же суп на плите!

Алиса побежала за ней. Эркин ещё раз оглядел спальню, чуть подвинул цветы, чтобы они попали в зеркало. Вот так. Теперь, сидя на этом углу кровати, видишь цветы в зеркальном коридоре.

– Эрик, – вбежала в спальню Алиса, – а мама обедать зовёт.

– Иду, – Эркин упругим движением встал с кровати.

Алиса проводила его в ванную, где был выполнен ритуал умывания и держания полотенца с последующим обрызгиванием и полагающимся визгом. И наконец сели за стол.

– Пообедаем и пойдём.

– Мг-м, – пробурчал Эркин и перешёл к более важному. – Женя, к тебе из профсоюза, Селезнёва, подходила?

– Лидия Александровна? Да. А что? И к тебе?

– Да. После праздников, сказала, чтобы подал заявление в профсоюз, – Женя с улыбкой кивнула, и Эркин продолжал: – Я думал, Женя. Дело стоящее, так?

– Конечно, – согласилась Женя. – Ещё супу?

– Нет, спасибо, – мотнул он головой. – Я «ёлочные» большие получил. И получка большая...

– Я тоже, – улыбнулась Женя. – А что ты?..

– Работал неделю, а получил за две, – хмуро ответил Эркин. – А вычтут потом, с чем останусь?

– Не вычтут, – Женя подвинула к нему баночку с горчицей. – Мне объяснили. Оплата праздничных дней входит в коллективный договор. Это профсоюз как раз и добился.

– Понятно, – Эркин улыбнулся. – Тогда хорошо. А то... Понимаешь, Женя, я давно понял. Когда незаработанное дают, это потом всегда плохо оборачивается.

– Здесь не обернётся, – успокоила его Женя. – Алиса, додай, не вози по тарелке. И кисель на третье.

– А конфету? – спросила Алиса.

– К киселю конфеты не полагаются. Вот печенье.

– Ну ладно, – милостиво согласилась Алиса.

Женя собрала со стола и сложила в раковину тарелки, налила в чашки розового киселя. Эркин с удовольствием глотнул ещё тёплую густую жидкость. Странно, но в столовой вроде такой же кисель, и цвет, и запах, а у Жени вкуснее.

– Подлить ещё? – спросила Женя, заметив, как он медленно пьёт, растягивая удовольствие.

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Отяжелею, работать не смогу.

– А ты опять на работу идёшь? – удивилась Алиса.

– Мы на беженское новоселье идём, – объяснила Женя,

допивая свою чашку.

– А я?

– А ты сейчас ляжешь спать.

Алиса надула губы, но спорить не стала.

– Я вымою, – Эркин встал из-за стола и мягко оттеснил Женю от раковины.

– Хорошо, я уложу её пока. Алиса, пошли умываться, зайчик.

– Эрик, ты только меня поцеловать приди, – сказала Алиса, выходя из кухни.

– Приду, – пообещал Эркин, ополаскивая и расставляя на сушке глубокие тарелки.

Он уже закончил мыть посуду и протирал стол, когда в кухню заглянула Женя.

– Эркин, иди поцелуй её. И будем собираться.

– Иду.

Эркин повесил тряпку, быстро ополоснул руки и вытер их кухонным полотенцем.

Алиса уже лежала в постели, укрытая, угол одеяла подсунут под щёку, глаза сонные.

– Э-эрик, – вздохнула она, когда Эркин наклонился над ней.

– Я, маленькая, – он коснулся губами её щёчки. – Спи спокойно.

Алиса успокоено закрыла глаза. Эркин выпрямился и, наверное, с минуту стоял, молча глядя на неё. Женя его не то-

ропила.

А потом они быстро собрались, немного поспорили из-за его рабских штанов – Женя не могла допустить, чтобы он в таком виде показался на людях, а Эркин доказывал, что лучшей одежды для натирания полов у него нет. Помирились на том, что пойдёт он в «приличном», а рабские штаны возьмёт с собой и там переоденется. Эркин переоделся в старые джинсы и красно-зелёную ковбойку, натянул на босу ногу извлечённые из кладовки сапоги – всё-таки в шлёпанцах холодно – взял под мышку свёрток с рабскими штанами, Женя накинула на плечи тёплый платок, взяла свёрток с фартуком для себя и их подарком, и они пошли к Тиму.

К изумлению Зины, их огромная квартира оказалась тесной: столько людей к ним пришло. И из дома, и с Тимочкиной работы, и... многих она даже не знала. Друзья знакомых, сослуживцы соседей... шум, гам, стук молотков, восторженные взвизги и вопли Димы и Кати, кто за работой поёт, кто ругается... голова кругом. Груды одежды на полу, гора подарков, а ещё стол надо делать, господи...

– Ты, главное, спокойно, – Баба Фима ловко чистит картошку, локтем отстраняя лезущую прямо под нож Катю. – А ты сбегай, посмотри, как там, дальнюю комнату домыли, аль нет, – и, когда Катя убегает, улыбается Зине. – Всё нормально, Зин, и мужик у тебя правильный. Руки, голова – всё у него на месте. А что он рычит, так мужику либо рычать, либо

кулаки в ход пускать, иначе они не могут. Он ещё сам себя не понял, живёт, как по льду ходит. Обомнётся, опомнится, всё хорошо и будет.

Зина вздохнула.

– Спасибо на добром слове, Баба Фима.

В кухню вбежала Женя.

– Зина, там полочки разметить надо.

И тут же появилась Катя.

– Мам, мастика нужна. И... суконка.

На закипевшем чайнике оглушительно задребезжала крышка. Зина рванулась бежать сразу по трём направлениям, и у неё на пути вдруг возник Дима.

– Мама, а в кладовке...

Господи, ну и денёк, ну... ну, нет слов...

Тим тоже не ожидал такого. Хотя... у Морозов не меньше народу и суматохи было. Но там он пришёл, а здесь к нему пришли. И называли его хозяином. Хоть и по-русски, а всё равно... царапает. Но и приятно.

Тим вошёл в самую большую комнату, где Эркин натирал вымытый и уже подсохший паркет. Посмотрел на его мускулистую напряжённую спину.

– Ты... ты как?

– В порядке, – ответил, не поднимая головы, Эркин. – Ты чего мастики так мало купил? Не хватит на все комнаты.

– Не рассчитал, – вынужденно согласился Тим. – Здорово получается у тебя.

– Выучили, – кратко ответил Эркин.

И по его тону Тим понял, что продолжать эту тему не стоит. Эркин снизу вверх посмотрел на него и улыбнулся.

– Реши, какие ещё натирать. На все комнаты не хватит. Если ещё и прихожую... – Тим кивнул. – А остальные я вымою и подмажу чуть, потом сам доделаешь.

– Спасибо.

– Не за что, – хмыкнул Эркин.

– Эй, хозяин, – заглянул в дверь полуседой мужчина в голубой майке с неровным глубоким шрамом на плече. – Ты вешалку-то где ставить будешь?

– Иду, – Тим заставил себя отвести глаза от завораживающе красивой игры мускулов на спине и плечах Эркина.

Эркин даже вроде не заметил этого, сосредоточенно втирая мастику в медово золотистые дощечки. И так, и так, и так...

– Дядя Эрик, а я с тобой хочу...

Эркин посмотрел на Катю, на её тоненькие ручки-палочки. Где ей натирать: силы меньше, чем у мухи.

– Возьми вон ту тряпку и, где я натёр, тоже каждую дощечку протирай.

– Ага, – выдохнула Катя.

Так-то это ему не нужно, но ей по силам и вреда не будет. А хороший паркет. Если его сейчас как следует натереть, то долго держаться будет. Его руки совершали привычные движения, знакомые с детства, с того бесконечно далёкого

и очень близкого дня, когда их, пятилетних, только-только прошедших сортировку и отобранных в спальники, привели в просторный, похожий на сортировочный зал и надзиратели, тыкая дубинками им в спины и ягодицы, стали их учить натирать паркет. И вот... всё как тогда. Только теперь ему, чтобы втереть мастику достаточно один раз провести щёткой, а тогда... Эркин тряхнул головой. Всё так и всё не так. И не надзирательский взгляд на спине, а совсем другой. Он выпрямился, чтобы взять банку с мастикой и увидел стоящую в дверях Зину. Улыбнулся ей.

– Не мешает она тебе? – ответно улыбнулась Зина.

– Я помогаю, – пискнула Катя.

И он кивнул, подтверждая её слова. Зина вздохнула, глядя на его работу. И долго бы так простояла, если бы её кто-то не окликнул.

Натерев пол, Эркин ещё раз, по площади, протёр его су-конкой и улыбнулся Кате.

– Пошли дальше?

– Пошли, – кивнула Катя, замороженно глядя на него.

– Тогда беги, спроси, какие ещё комнаты натереть.

Катя кивнула и исчезла. Эркин оглядел комнату. А что, неплохо. Столовая или гостиная. И обои ничего, симпатичные. И шторы...

Катя привела сразу и Тима, и Зину. И, конечно, прибежал Дим. И хотя решать было особо нечего, и так же ясно, что четыре комнаты – это гостиная, которую Зина упорно назы-

вала залой, спальня и комнаты Дима и Кати, но поговорили обстоятельно и со вкусом. Ну, а на прихожую, это уж сколько останется. И хорошо, что мебели мало, легко двигать.

До темноты успели повсюду повесить люстры и плафоны и продолжали работать уже при свете. Стеллажи в обеих кладовках, карнизы, вешалки, полочки и шкафчики... чтобы завтра Сочельник уже по-человечески встретить.

Было уже совсем темно, когда обустройство закончили и в большой комнате накрыли стол. Тоже на полу, а то иначе всех и не усадить. И даже не скатерть, а простыню на пол стелили. Винегрет, горячая картошка, колбаса, сало, огурцы, капуста, толстые ломти хлеба, стаканы, чашки, кружки... Мужчины разливают водку, женщины торопливо раскладывают по тарелкам еду... Эркин, убедившись, что Жене удобно, держит свой стакан и с интересом ждёт речи Тима. Ну, как тот с этим справится?

Лицо Тима оставалось спокойным, только на лбу выступили капли пота.

– Я благодарю всех, – начал, старательно выговаривая русские слова, Тим и судорожно перевёл дыхание. – Спасибо, всем спасибо, я не думал, что... что такое бывает, спасибо... – и, задохнувшись словами, залпом выпил свой стакан.

– На здоровье, Тима, – кивают ему, – Живи, детей расти... На долгую жизнь тебе... На здоровье...

Эркин, как все, выпил свой стакан и набросился на еду. Пить он не хотел, но отвертеться никак нельзя. Налили ему,

как всем, не в насмешку и не для того, чтоб напоить, и он уже знал, что заесть, не дав себе опьянеть, вполне возможно. Чем и занялся. Но все за работой проголодались, и он опять же не выделялся. Ровный гул разговоров, шуток, смеха, обсуждений, кто куда на святках пойдёт, где сколько «ёлочных» дали, какие где премии и о прочих житейских очень важных мелочах.

Тарелки и миски пустели, да и время не раннее, и уже начали вставать и прощаться, желать хозяевам счастливого Рождества, веселья и богатства этому дому. Женщины целовались с Зиной, мужчины обнимались с Тимом или просто жали руки. Со смехом и шутками разобрали гору одежды и обуви в прихожей и шумной толпой вывалились из дверей.

– Эркин, ты иди, – Женя быстро чмокнула его в щёку. – Я Зине помогу убрать и приду. А то там Алиса одна.

– Ладно, – секунду помедлив, кивнул Эркин, – Я тогда пока...

Он не договорил, потому что вмешалась Баба Фима.

– Да ты что, Женя, давай иди. И без тебя управимся. Иди-иди.

И она чуть ли не вытолкала их за дверь, еле-еле попрощаться успели.

На лестничной площадке Женя рассмеялась.

– Ох, как Баба Фима командует.

– Как генерал, – кивнул Эркин, одной рукой обнимая Женю за плечи. – Тебе не холодно?

– Нет, что ты.

Женя высвободила из-под платка руку и обняла его за талию. Так, в обнимку, они и пошли вниз по лестнице.

Когда вся посуда была перемыта и громоздилась на столе в кухне аккуратными стопками, Баба Фима поцеловала Зину, поцеловала и Тима, властно наклонив его голову к себе и пожелала им счастливого Рождества. Зина даже не пошла провожать её, а обессиленно села у стола и сидела так, пока Тим закрывал за Бабой Фимой дверь, а потом укладывал спать Дима. Катя уже спала, как была, одетая, поверх одеяла, и не проснулась, когда Тим раздевал её и укладывал. Зина и слышала всё это, и знала, что это же её дело, а встать не могла. Вот ведь как, и не делала ничего, а устала.

Тим погасил свет в детских комнатах и вошёл в кухню.

– Устала?

– Да, – виновато улыбнулась Зина.

Тим подвинул табуретку и сел рядом с ней, обнял. Зина, вздохнув, положила голову ему на плечо, такое сильное, твёрдое...

– Давай, – улыбнулся Тим, – давай я отнесу тебя.

– Да ты что?! – ахнула Зина.

Но он уже подхватил её на руки и встал. Зина оказалась тяжелее, чем он ожидал, но он сумел донести её до спальни и положить на кровать. И лёг рядом, переводя дыхание.

– Господи, Тимочка, – тихо смеялась Зина, – господи...

Она повернулась набок и обняла его, поцеловала. И Тим так же порывисто повернулся к ней.

– Ой, Тимочка, – Зина ойкнула, прижимая его голову к своей груди. – А свет-то забыли. Нет уж, Тимочка, давай уж по-человечески, а то это ж как...

Тим со вздохом оторвался от неё. И, в самом деле, чего они в одежде, будто второпях или украдкой.

– Ох, Зина...

– Да ничего, Тима, я уж мигом, – целовала его Зина.

Тим встал и пошёл в ванную. А когда вернулся, кровать уже была разобрана, И Зина в одной рубашке быстро переплетала на ночь косу.

– Ты, Тимочка, свет погаси и ложись, я только к Диме с Катей загляну.

Тим молча кивнул. Зина быстро шмыгнула мимо него, а он стал раздеваться. Не спеша, спокойно. Он у себя дома. Раздевшись, подошёл к двери, полюбовался отражением лампы в блестящем, как зеркало, паркете. Где уж там парня учили, но этому, надо признать, выучили хорошо. Щёлкнул выключателем и уже в темноте вернулся к кровати и лёг, как всегда, к стене. Блаженно потянулся и тут вспомнил. А ёлка! Чёрт, ему же говорили. Внести и поставить ёлку, чтобы она за ночь оттаяла, а с утра тогда уж наряжать и готовить. Он откинул одеяло и сел на кровати. Так. Одеваться, как на улицу, не стоит, но хоть штаны с рубашкой натянуть надо. И когда Зина вошла, он попросил её.

– Включи свет.

– А что такое, Тимочка?

– Забыл совсем. Ёлку надо внести и поставить.

– Да завтра, Тимочка.

– Нет, – твёрдо ответил он, застёгивая штаны. – Я быстро.

Ты не ходи, простудишься.

Но Зина всё-таки пошла за ним, только платок на плечи накинула.

Тим на кухне сдвинул штору, закрывающую окно и дверь на кухонную лоджию, повернул запоры – верхний, нижний, средний – и открыл дверь. Холодный воздух ударил его в лицо и грудь, и, преодолевая его, он шагнул на лоджию, взял твёрдую, плотно увязанную ёлку и шагнул обратно. Ушло на это несколько секунд, но, закрывая дверные запоры – в той же последовательности – он ощутил... не пережитый холод, а блаженное тепло кухни.

– В залу поставим, Тимочка?

– Да. В гостиную.

Тим занёс ёлку в гостиную и включил свет. Зина побежала в кладовку за крестовиной. Тим распустил стягивавшие ёлку верёвки, и, когда Зина принесла крестовину, он вставил холодный шершавый ствол в отверстие и тут же беззвучно выругал себя за глупость: надо было сначала вставить, закрепить, а потом верёвки снимать, а то теперь лезут колючие ветки в лицо. Но встало хорошо, подтёсывать не понадобилось, а когда отогреется и разбухнет... И наконец поставил

её.

– Посередине сделаем?

– Нет, – сразу решил Тим, вспомнив виденные им когда-то украшенные к Рождеству дома беляков. – Вот в этот угол.

И, опасаясь поцарапать паркет, отворачиваясь от лезущих в лицо колючих ветвей, взялся обеими руками за ствол, приподнял и перенёс ёлку в угол так, чтобы свет падал и из окна днём, а вечером от люстры. И чтобы с любого бока подойти было можно.

– Вот так, – выдохнул Тим, отступив на шаг.

– Ага, – согласилась Зина. – А наряжать завтра будем.

Тим ещё раз придирчиво оглядел ёлку со всех сторон: не клонится ли куда – и удовлетворённо кивнул.

– Хорошо.

– Хорошо, конечно, – кивнула Зина и тут же ойкнула. – Ой, а воды-то не налили! Я сейчас.

Она выбежала из гостиной, чем-то где-то громыхнула и бегом вернулась с плоским тазом, который подсунули под ёлку так, чтобы срез ствола чуть-чуть не касался дна. Пока Тим заново укреплял ствол, Зина принесла в ковшике воды и налила в таз.

– Вот так, Тима. А теперь спать пошли. Завтра всё уберём.

– Завтра, – согласился Тим.

Выходя из гостиной, он погасил свет, и до спальни они дошли в темноте. Не зажигая света, разделись и легли. Тим обнял, притягивая к себе, Зину.

– Замёрзла?

– Да нет, Тимочка, – тихо засмеялась она.

Всё её тело колыхнулось от этого смеха, и Тим тоже засмеялся, налёг на неё. Зина готовно поддалась. Её мягкое тёплое тело колыхалось под ним, послушно отзываясь на каждое его движение. Так было каждую ночь, и каждую ночь он заново удивлялся тому, что это с ним, на самом деле. И каждую ночь тёплые мягкие губы Зины прижимались к его губам, и её шёпот, повторяющий его имя и ещё какие-то слова, обжигал его ухо, и он засыпал, обнимая её, и её руки гладили его волосы и натягивали на него одеяло.

– Спи, Тимочка, спи, родной мой, любимый мой, единственный мой.

Днём она ему этого не говорила.

Алиса встретила их, насупившись. Конечно, она была обижена тем, что её не взяли на беженское новоселье. Но тут началась суета с ёлкой. Эрик затаскивал её с лоджии, её укрепляли в крестовине, приспособивая ещё сначала ведёрко, а потом тазик для воды и устанавливали в большой комнате. Это было так интересно и весело, что Алиса забыла о всех обидах. А потом они ужинали и после ужина играли. В мозаику. И не на кухне, а у неё в комнате, за её столом. И они с Эриком сделали наконец большой веноч. И мама с ними играла.

Когда Женя предложила Алисе отправиться спать, та не

стала спорить. Пластинку с венком оставили на столе, чтобы было красиво. Алиса проверила, легли ли спать Линда, Мисс Розы, Спотти, Дрыгалка и Андрюша, и отправилась в вечерний поход в уборную и ванную.

Пока Женя укладывала Алису, Эркин быстренько перенёс свою сумку с вешалки в кладовку и сунул к остальным своим пакетам с подарками, а два апельсина принёс в спальню и спрятал под подушку Жени. Озорство, конечно, но... он сам не понимал, зачем это сделал, но... сделал и всё. Два больших апельсина... запах апельсиновых корок... как он сводил его с ума в лагере после той поездки за фруктами, упрямо напоминая о несбыточном... кисло-сладкий сок на губах и языке... Эркин тряхнул головой и подошёл к окну, поправил шторы, посмотрел, как там хризантемы. От белых лохматых шариков пахло чуть горьковато и очень приятно. Ну вот...

– Эркин, ты в душ?

– Да, – оторвался он от окна. – Я мигом.

– Хорошо, я пока посмотрю, что нам ещё завтра купить, – улыбнулась Женя.

В душе Эркин быстро разделся, засунул трусы в ящик для грязного, где уже лежали его портянки, рабочее полотенце и креповая рубашка. Много стирки накопилось. Надо будет и самому стирать, а то он свалил всё на Женю. Эркин задёрнул занавеску у душа и пустил воду. Уф, хорошо-то как! Даже потянуться чуть-чуть, вот так, и память мышцы на руках и ногах, вот так... Ну, всё. Конечно, можно ещё пополоскаться-

ся, но Жене тоже помыться надо. Со вздохом Эркин выключил воду, раздвинул занавес и перешагнул на пушистый коврик, полукольцом окружавший душ. Коврики для ванной и уборной им подарили, и теперь что туда, что сюда можно бо- сиком заходить: кафеля почти и не видно. Эркин сдёрнул с сушки большое – чуть меньше простыни – мохнатое по- лотенце, вытерся, ещё раз растеребил и вытер волосы, повесил на сушку и расправил полотенце, оглядел ванную. Вроде по- рядок. Ну вот, время позднее, Алиса спит, но... нет, не стоит нагишом. Он натянул старые джинсы и вышел из ванной.

Женя на кухне перебирала тюески и банки и, когда он остановился в дверях, подняла голову и улыбнулась.

– Иди ложись, Эркин, я только уберу сейчас и тоже лягу.

Он кивнул, ответно улыбнулся и пошёл в спальню. Дурак он, конечно, Женя так устала за эти дни, а он вздумал... Иг- раться, апельсины подсовывать. В спальне он быстро раздел- ся, убрал с кровати ковёр и лёг.

Когда Женя вошла в спальню, он лежал на спине, закрыв глаза, укрытый по грудь одеялом. Руки закинута за голову, лицо спокойно. Женя тряхнула головой, распуская узел, сня- ла и бросила на пуф халатик, полезла под подушку за ноч- ной рубашкой и... что это? Она вытащила из-под подушки два ярко-оранжевых больших апельсина. Апельсины?! Но... Женя, забыв о ночной рубашке, обернулась к Эркину.

– Эркин, это ты их положил? Зачем? Эркин?

Он не отвечал, даже не шевелился, и тут Женя поняла,

вспомнила.

– Two large oranges, – сказала она по-английски, засмеялась и продолжила по-русски: – Два больших апельсина, да? Эркин, я же знаю, ты не спишь.

В щёлочку из-под ресниц Эркин видел её. Женя сидела перед ним на кровати с ногами, держа в растопыренных пальцах два апельсина, и смеялась, глядя на него. Он не выдержал и рывком сел, откинув одеяло.

– Женя, я... я не мог больше... я...

– Ты провокатор, – грозным шёпотом сказала Женя.

Эркин сразу же лёг перед ней поверх одеяла.

– Души меня! Ты всегда меня после этого душишь.

– Что?! – уже всерьёз возмутилась Женя. – Ты чего несёшь?

– Же-еня, – жалобно протянул Эркин, – ну, ты называешь меня провокатором, а потом душишь. Так уже... – он стал считать на пальцах, – уже три раза так было. Давай, Женя. Мне, знаешь, как приятно.

– Ах, ты мазохист этакий! – накинулась на него Женя.

Выронив апельсины, она тискала и тузила его. Эркин давился от смеха, но всё-таки спросил:

– А это кто?

– Кто «кто»? – не поняла Женя.

– Ну, ты меня назвала, как это... А, ма-зо-хи-ст.

– Потом объясню, – отмахнулась Женя.

Потому что она уже почему-то лежала на Эркине и обни-

мала его, а его руки гладили её спину и ягодицы.

– Ладно, потом, – не стал спорить Эркин, выгибаясь под Женей на арку. – Женя, хочешь в лошадки?

– Чего? – удивилась Женя и засмеялась. – Ты что, Эркин? Как это?

– А так, – он снова лёг и слегка приподнял её над собой, напряг мышцы. – А теперь садись на меня. Вот так. Тебе удобно? Ты на мои ноги обопрись.

Женя так растерялась, что молча подчинялась его рукам, двигавшим её. Эркин усадил Женю, войдя в неё легко и точно, взял за руки и озорно улыбнулся.

– И поехали... Step-by-step, trot-trot, and gallop¹, – приговаривал он в такт толчкам по-английски, крепко упираясь в постель лопатками и ступням. – Шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп...

Удивлённое смеющееся лицо Жени, подкатывающаяся, уже ощутимая волна, жар и холод, прокатывающиеся по спине... шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп... и в галоп... и судорожно цепляющиеся за него руки Жени, и её глаза... и в галоп... и в галоп...

Он лежал, переводя дыхание и шурясь на желтовато-белые, как сливки, колокольчики люстры. Женя лежала рядом с ним, он слышал её дыхание, ещё частое, но выравнивающееся, успокаивающееся. Было тихо и спокойно. Эркин вздохнул, успокаивая дыхание, и осторожно повернулся набок,

¹ Шагом-шагом, рысью-рысью, и в галоп.

лицом к Жене. Она лежала, закрыв глаза и улыбаясь. Эркин приподнялся на локте, разглядывая её. Да, это она, её матовая чуть смуглая кожа, маленькие и такие... аккуратные груди. Он вёл взглядом по её телу, и Женя, не открывая глаз, потягивалась под его взглядом. Мягким плавным движением он дотронулся до неё. Будто проверял: настоящая ли она, не сон ли это. Кончиками пальцев он гладил её плечи, грудь, живот, касался шеи, обводил контуры её губ и щёк...

– Господи, как хорошо, Эркин, – Женя блаженно вздохнула и потянулась.

Эркин счастливо улыбнулся. Женя открыла глаза и, увидев его лицо, тоже улыбнулась.

– А ты? Тебе хорошо, Эркин?

– Да, – сразу ответил он. – Лучше всех. Женя... Я посмотрю ещё, можно? Я так давно не видел тебя.

– Можно, – рассмеялась Женя. И серьёзно: – Тебе всё можно.

Эркин замер на секунду, осмысливая услышанное, а поняв, даже задохнулся.

– Женя... – наконец сумел он выговорить и повторил: – Женя...

Женя протянула руку и обняла его за шею, погладила по затылку, плечу.

– Какой ты красивый, Эркин.

– Да? – он словно удивился. – Я... я нравлюсь тебе?

– Ну конечно, – Женя рассмеялась. – Ты очень красивый.

И я тоже тебя дано не видела.

– Смотри.

Эркин гибким движением встал на колени, быстро искоса посмотрел на трельяж.

– Женя, ты подвинься. Вот так, ага.

Он помог ей сесть, подсунув ей под спину обе подушки, ещё раз оглянувшись на зеркала и отодвинулся к изножью кровати.

– А теперь, Женя, посмотри.

Женя ахнула и даже в ладоши захлопала.

– Ой, как здорово! Эркин, тебя во всех зеркалах видно.

– Смотри, – повторил Эркин.

Он стоял на коленях, расставив ноги, чтобы лучше выделялись бедренные мышцы. Медленно поднял руки, заложив их за голову, и... Женя заворожено смотрела, как текут, перетекают по его телу мышцы, вздымаясь и опадая. Он раскачивался, изгибался в беззвучном, но от того только более волнующем танце. И его двойники в зеркальных, уходящих в бесконечность коридорах вторили ему каждый по-своему, и Женя видела его сразу всего, со всех сторон.

Когда он остановился, переводя дыхание, Женя, взвизгнув, совсем как Алиска, кинулась к нему и на него, повалив на кровать.

– Эркин, – она быстро целовала его, приговаривая между поцелуями, – какой же ты молодец, Эркин, какой ты... необыкновенный, вот!

Эркин поцеловал её в подвергнувшееся под губы ухо.

– Женья, тебе понравилось, да? Женья...

Они барахтались на кровати, перекатываясь по ней, целуя и обнимая друг друга. Пока не натолкнулись на валявшиеся у изголовья апельсины. С которых всё и началось. Эркин слез с кровати, прошлёпал к шкафу и достал из своих джинсов нож. Женья расправила постель, заново взбила и уложила подушки.

– Эркин, – позвала она.

– Иду, – сразу откликнулся он.

Они легли рядом, уже под одеялом. Эркин, ловко надрезая кожуру, очистил оба апельсина. Корки он положил на тумбочки у изголовья, и теперь апельсиновый запах смешивался с запахом хризантем.

– Мм, какие хорошие.

Женья с удовольствием, долька за долькой, ела апельсин.

– Какой же ты молодец, Эркин.

– Мг-м, – Эркин прижимал языком дольку нёбу, чтобы кисловатый сок омывал рот, и, проглотив сладкую мякоть, радостно сказал: – Женья, я много купил. Двадцать штук.

– Вот и отлично! – обрадовалась Женья. – Апельсины очень полезны, – и лукаво подмигнула. – И приятны.

Эркин засмеялся и кивнул.

– Знаешь, я... я не знал, как сказать, что... ну... ну, и купил.

– Ты всё сделал правильно.

Женя обняла его и поцеловала. От её губ и пальцев пахло апельсином. Как тогда... нет, лучше. Эркин обнял Женю, прижал к себе.

– Ага, – согласилась Женя, обхватывая его за плечи. – Ага, ага.

Эркин поцеловал её в шею, тронул губами ушную мочку, и Женя засмеялась.

– Щекотно, – объяснила она, прижимаясь к нему.

– А так? – Эркин провёл губами по её щеке рядом с ухом.

– И так, – согласилась Женя и осторожно тронула губами его шрам. – Тебе не больно?

– Нет, никогда, Женя, мне хорошо так. Да? Женя?

– Да, да, Эркин... Эркин...

Женя всё плотней обхватывала его, тянула на себя, и Эркин уплывал в жаркой кипящей волне, прижимал Женю к себе, боясь потерять её в этом бешеном водовороте...

Он лежал на спине, и уходящая успокаивающаяся волна мягко покачивала его. Женя лежала рядом, и её рука так и осталась на его груди. Эркин покосился на её спокойное, улыбающееся во сне лицо, очень осторожно мягко снял её руку со своей груди и выскользнул из-под одеяла. Уже не шлёпая, а скользя по полу, подошёл к выключателю и повернул его. Наступила тёплая, пахнущая апельсинами темнота. В этой темноте он подошёл к окну и, отодвинув с угла штору, выглянул на улицу. Чёрное небо, белый снег внизу, безлюдье. Да, время уже сильно за полночь. Конечно, пусть Женя

спит, а то он совсем голову потерял, обо всём забыл.

За его спиной вздохнула и шевельнулась Женя. Эркин снова расправил штору и по-прежнему бесшумно вернулся к кровати. Осторожно, чтобы не разбудить Женю, забрался под одеяло. Всё-таки стёганое одеяло – здоровская штука. Женя рядом. Он лёг так, чтобы она при желании легко дотянулась до него, и закрыл глаза. Но, кажется, заснул ещё до этого.

Будильник Женя не завела, и разбудили их стук в дверь и нетерпеливый голос Алисы.

– Ма-ам! Э-эри-ик! Уже утро! Вы где?

– Господи, – вздохнула Женя, выбираясь из-под одеяла и накидывая на голое тело халатик. – Ведь так её не поднимешь. Алиса, прекрати!

Эркин сонно повернулся на живот, обхватив обеими руками подушку. Вставать не хотелось, а если Алиса по своей привычке полезет на кровать, то он всё-таки хоть собственным телом прикрыт.

Женя щёлкнула задвижкой, и Алиса ворвалась в спальню.

– Мама, Эрик! А ёлка?! Светло уже! Утро уже!

– Не шуми, – попробовала перехватить её Женя. – Дай Эркину поспать, он устал вчера.

Но Алиса уже подбежала к кровати и пытливо заглянула в лицо Эркину.

– Мама, он жмурится!

Женя отдернула шторы, впустив белый зимний свет. И тут Алиса увидела корки.

– Апельсины?! Вы тут апельсины ели?! Без меня?!

Она была настолько потрясена таким коварством, что даже не заревела. Эркин с трудом оторвал голову от подушки и приподнялся на локтях. Увидел расстроенное лицо Алисы.

– Женя, там в кладовке сумка... – и осёкся, сообразив, что сунул сумку к пакетам с подарками. А их-то показывать нельзя! Что же делать?

– Встанешь и сам достанешь, – мгновенно поняла его Женя. – Алиска!

Но Алиса увернулась от её рук, сбросила тапочки и запрыгнула на кровать.

– Эрик, смотри, давай кувыркаться.

Но кувырок у неё не получился, потому что она налетела на Эрика, а мама сказала:

– Хочешь апельсин?

– Ну да, – сразу согласилась Алиса, сидя на одеяле и потирая ушибленную о спину Эркина макушку.

– Тогда слезай и пойдём посмотрим, как ты постель убрала.

– А её и не убирала.

– Тем более.

Вздохнув, Алиса прямо по Эркину перелезла на другую половину кровати.

– Мам, а тапочки мои где?

– Ты их с этой стороны оставила, – рассмеялась Женя.

– Ага-а, – глубокомысленно кивнула Алиса и отправилась в обратный путь. Опять прямо по кровати и Эркину.

Эркин хохотал так, что у него подломились руки, и он ткнулся лицом в подушку. Смеялась и Женя.

Наконец она взяла Алису за руку, и они вышли из спальни. Отдышавшись от смеха, Эркин откинул одеяло и сел на кровати. Потёр лицо ладонями и рывком встал. Уходя, Женя закрыла дверь, и он спокойно подошёл к шкафу, открыл створку, где на полках лежало бельё. Его и Жени. Вот стопка его трусов. Он взял верхние. Женя так и сказала ему, что стирание будет подкладывать под низ, чтоб не получилось, что он одни и те же надевает. Натянув трусы, Эркин захлопнул дверцу и осмотрел себя в зеркале. Обтягивает, конечно, но... но ничего. Потянуться нужно: тело просило движения.

Он уже заканчивал, когда в спальню вошла Женя. Улыбнулась ему.

– Это такая гимнастика, Эркин?

Эркин замер с раскинутыми руками. Гимнастика? Да, в бригаде тоже так говорили.

– Что такое гимнастика, Женя?

– Ну-у, – совсем как Алиса протянула Женя и засмеялась, – сразу и не объяснишь. Потом, ладно?

– Ладно, – согласился он.

– Ты тогда заканчивай, умывайся, и будем завтракать.

Эркин кивнул. Женя ловко проскользнула мимо него к

шкафу.

– Я только оденусь. Я не помешаю тебе.

– Женя! – потрясённо выдохнул он. – Ты не мешаешь. Что ты говоришь?!

– Ничего-ничего.

Женя быстро достала и, повернувшись к нему спиной, надела трусики, одёрнула халатик и вышла, по пути чмокнув Эркина в щёку и подобрав свисающий на пол угол одеяла. Эркин несколько оторопело потёр щёку и наскоро закончил комплекс. Ну вот, теперь... да, одеться. Всё-таки... вдруг кто-нибудь зайдёт, да та же Баба Фима, время-то уже... совсем светло. День, пожалуй, не утро.

Он натянул джинсы и пошёл умываться. Алиса сразу прибежала в ванную держать ему полотенце и повизжать, когда он брызнет на неё водой. И уточнить насчёт апельсина. Ведь получается, что Эрик знает, где апельсины, а мама – нет. Такого же, чтоб мама чего-то не знала, не бывает.

– Эрик, а вот апельсины... – начала она издалека.

Но он сразу её понял.

– Иди на кухню, Алиса. Я их сейчас принесу.

Алиса попыталась идти за ним, но, войдя в кладовку, Эркин закрыл дверь, а потом вышел оттуда с сумкой. И от сумки пахло апельсинами!

– Эрик, апельсины, да?!

– Да, – улыбнулся Эркин. – Пошли на кухню.

– Пошли, – согласилась Алиса и взялась за ручку сумки

возле его ладони. – Я тебе помогу.

– Спасибо, – сказал он очень серьёзно.

На кухне он выложил на стол апельсины и отнёс сумку в прихожую, сложил и засунул в карман полушубка. И остановился, вдруг даже не поняв, а почувствовав, что спешить некуда, что бежать на работу не нужно, и запах ёлки означает совсем, совсем другое... Эркин тряхнул головой, отбрасывая ненужные, неприятные воспоминания. Может, и лезет вся эта дрянь в голову потому, что он без рубашки, как... да нет же, не в этом дело, совсем не в этом, и не в запахе, а в чём?

– Эркин, – позвала его Женя, и он радостно кинулся на её зов.

– Женя, сейчас, я только рубашку надену.

В спальне он надел чистую ковбойку, застегнул, заправил в джинсы. Осмотрел себя в зеркале. Ну вот, полный порядок. В спальне приятно пахнет апельсинами и от окна цветами. Уберёт он здесь потом, после завтрака.

В кухне пахло ещё лучше. Яичницей и чаем. А возле чашки Алисы лежал апельсин.

– Ну вот, – улыбалась Женя. – Сейчас позавтракаем, всё уберём и займёмся ёлкой.

– И гулять пойдём? – спросила Алиса.

– Пойдём, – кивнула Женя. – Если всё успеем.

Ели быстро. Особенно торопилась Алиса, пытаясь как можно скорее добраться до апельсина.

– Эрик, ты его очистишь мне, ладно?

Умение Эркина чистить апельсин так, чтобы кожура снималась лепестками, поразило Алису ещё в лагере. И смотреть, как он надрезает кожуру, было очень интересно.

– А дальше я сама.

– Сама, – кивнул Эркин, отдавая ей апельсин.

Женя мыла посуду, а он сидел и смотрел, как Алиса делит апельсин, стараясь не раздавить дольки, раскладывает их на три кучки, приговаривая:

– Мне... маме... Эрику... – и растерянно: – Ой, а эта долька лишняя.

– Ну и съешь её, – рассмеялась Женя.

Такой вариант решения радостно удивил Алису.

Женя расставила вымытую посуду на сушке и села к столу.

– Ну вот, поделила? И по сколько вышло?

– По четыре. А всего было... тринадцать, – серьёзно ответила Алиса.

– Правильно, – улыбнулась Женя.

И Эркин кивнул, подтверждая.

Медленно, смакуя, съели апельсин, и Женя радостно сорвалась с места.

– А теперь всё убираем, и за ёлку.

– Ага-а! – торжественно взвизгнула Алиса.

Порядок в спальне навели быстро и пошли в большую комнату, наполненную запахами хвои и смолы. Ёлка так рас-

пушилась, что Эркину пришлось отодвинуть её от стены почти в самый центр комнаты. Женя принесла из кладовки большую коробу, ещё коробку, пакет и наконец корзину с ворохом бумажных флажков, цепей, фонариков – всего, что она с Алисой вырезала и клеила эту неделю.

Наряжать ёлку Эркину приходилось: в питомниках и Паласах надзиратели сваливали на рабов все работы, какие только возможно, – но то было совсем другое, и сейчас он, как и Алиса, удивлённо восхищался блеском шаров и звёзд.

Ёлка была такой высокой, что даже Эркину понадобилась табуретка, чтобы водрузить на верхушку стеклянный шпиль со звездой. Вешали стеклянные шары, шишки, смешные фигурки человечков, зверей, фруктов и овощей. И с каждой игрушкой ёлка сверкала всё сильнее.

Они уже начали вешать склеенные Женей игрушки, оставив цепи и флажки напоследок, когда в дверь позвонили.

Разумеется, первой у двери оказалась Алиса. Мама строго-настрого запретила ей трогать замки, и она теперь нетерпеливо прыгала у двери. Эркин мягко отодвинул её в сторону и открыл дверь.

– Привет, – улыбнулся ему Тим. – Не помешал?

– Привет, – отступил, впуская его, Эркин. – Нет, мы ёлку делаем.

– Вот из-за ёлки я и пришёл, – Тим безукоризненно вежливо склонил голову перед Женей. – С наступающим праздником вас, извините, что беспокоил, – он старался говорить

только по-русски, но всё равно получалась смесь.

– И вас с наступающим, – улыбнулась ему Женя. – Проходите, пожалуйста.

Тим был в новой рубашке, а штаны и ботинки старые. «Правильно – понял Эркин, – это ж так, по-соседски заглянуть на минутку». Он улыбнулся.

– Так в чём проблема, Тим?

– В ёлке, – Тим развёл руками. – Я не знаю, как наряжать, а... Зина не помнит.

– А мы уже сделали, – влезла Алиса.

– Идёмте, – Женя строгой улыбкой остановила Алису. – Посмотрите, как получилось.

Они прошли в большую комнату. Женя показала, что купленное, а что самодельное, это вот просто цветную бумагу нарезать, переплести и склеить, а вот это в магазине продают готовые листы с заготовками, только вырезать и склеить. Тим слушал, кивал. Вздыхнул, что склеить они уже ничего не успеют. Игрушки-то он купил, повесили, но ёлка... голая получается.

– Ещё конфеты можно повесить, – сказала Женя, – мандарины, орехи.

Тим обрадовался.

– Да, это выход. Спасибо. А... а подарки?

– Вечером положите под ёлку. А разберёте завтра с утра.

– Понятно, – кивнул Тим. – Ведь сегодня Сочельник, так?

– Да, – кивнула Женя. – И с поздравлениями завтра хо-

дять будут.

– Да, Баба Фима говорила. А... свечи вы не ставите?

– Свечи... – Женя вздохнула. – Я пожара боюсь. Нет, я купила и свечи, и подсвечники... Нет, их в последнюю очередь.

– Да, конечно, – согласился Тим. – Большое спасибо.

– Не за что, – улыбнулась Женя.

– Мама! – не выдержала Алиса. – Так подарки завтра? А сегодня?!

– И сегодня будет хорошо, – утешила её Женя. – Пойдём на кухню, я тебе кое-что покажу.

Когда они вышли, Тим тихо спросил Эркина по-английски:

– Ты подарки купил?

– Да, – так же тихо ответил Эркин. – И на Рождество, и на Новый год.

– Под ёлку положишь?

– А как же. Сегодня и тридцать первого.

– Ну да, – Тим огляделся. – Холл вы не делали ещё?

– Успеется, – Эркин улыбнулся. – Дом закончен – умирать пора. Слышал я как-то.

– Неплохо, – улыбнулся и Тим и перешёл на русский: – Ладно.

Эркину хотелось показать ему, как теперь стало, ведь Тим видел его квартиру пустой, но не знал, как предложить. Да и... стоит ли хвастаться?

– Купил ты тогда спальню? – спросил вдруг Тим.

– Купил, – кивнул Эркин. – Идём, покажу.

Спальня произвела на Тима впечатление. Он даже присвистнул, стоя в дверях.

– Однако... размахался ты.

– А чего жаться? – хмыкнул Эркин. – Нам на то и ссуду дали. На обзаведение.

Тим помрачнел. Он никому не мог и не хотел признаться, что по его подсчётам зарплаты хватает только на еду, и то впритык. А на всё остальное приходится брать из ссуды. И такое... роскошество ему не по карману.

– Значит, со спальни начал, – насмешливо сказал Тим.

– Думаешь, на полу удобнее? – так же насмешливо ответил Эркин. – Чего тогда у Филиппыча кровать покупал?

– Уел, – кивнул Тим. – А чего ещё сделал?

– Алисе комнату. Пошли, покажу.

Как и спальню, Тим оглядел комнату с порога, кивнул.

– Понятно. Ладно, пойду.

– Счастливо.

Из кухни выбежала Алиса.

– Весёлого Рождества! – выпалила она по-английски.

– Весёлого Рождества, – ответил ей так же по-английски

Тим, улыбнулся вышедшей из кухни Жене. – Благодарю вас, весёлого всем Рождества.

– И вам всем, – улыбнулась Женя.

Тим опять склонил в полупоклоне голову и ушёл.

Эркин закрыл за ним дверь и посмотрел на Женю.

– Будем ёлку заканчивать?

– Да, вы идите, я сейчас суп поставлю и приду.

Эркин и Алиса вернулись в большую комнату. Флажки, цепи, гирлянды... и ёлку обвесили, и... Эркин вздумал натянуть ещё под потолком от ёлки к углам комнаты, но тут же сообразил, что об этом надо было раньше побеспокоиться: и гирлянд не хватит, и неохота гвозди в стены вбивать. Ладно. Он что-нибудь придумает. На следующий год. Эркин даже остановился на мгновение. Да, у него будет следующее Рождество, и ещё, и ещё...

– Эрик, а это куда?

– Это? – Эркин взял у Алисы бумажный красный фонарик, оглядел ёлку. – Это вот сюда, а то здесь не ярко.

– Ага, – согласилась Алиса. – Так будет хорошо.

Они развесили оставшиеся фонарики и цепи, и Алиса побежала звать маму. Пусть посмотрит, как получилось.

Женя пришла, вытирая руки, осмотрела ёлку, восхитилась.

– Свечи остались, Женя, – улыбнулся Эркин.

– Да, – кивнула Женя, – надо. Но...

– Я знаю, как это делать, – улыбка Эркина на мгновение стала невесёлой, но он тут же тряхнул головой. – Они тоже в кладовке, Женя?

– Да, на третьей полке слева, ну, ты увидишь, пакет такой...

Женя прислушалась к чему-то и, ойкнув, убежала на кухню. А Эркин пошёл в кладовку за свечами.

На третьей полке слева лежало несколько пакетов из белой бумаги в синих снежинках и синей с белыми. Его подарки были в таких же. В каком же свечи? Эркин осторожно раскрыл первый пакет и, густо покраснев, тут же закрыл его. Прозрачный конверт с белой мужской рубашкой явно предназначался ему. Так Женя его пакеты не трогала, а он... Теперь он осторожно прощупывал пакеты и свёртки, не открывая их. Вроде... вот этот? Да, точно. Коробка со свечами и двадцать подсвечников с зажимами.

– Э-эрик, – заглянула в кладовку Алиса, – ну, ты нашёл?
– Да.

Эркин взял пакет и вышел, щёлкнув по дороге выключателем.

– Пошли свечи ставить, – улыбнулся он Алисе.

– И зажжём? – замирающим от предвкушения голосом спросила Алиса.

– Зажжём вечером, – сразу откликнулась из кухни Женя.

– Да, – кивнул Эркин. – Днём это не так красиво.

Алису это объяснение удовлетворило, и они продолжили наряжать ёлку. Эркин вставил свечи в подсвечники, а потом Алиса подавала ему по одному, и он закреплял их на ветвях.

– Ну вот, – Эркин отступил на шаг, оглядывая ёлку. – Хорошо получилось.

– Ага, – авторитетно подтвердила Алиса. – Мама! Посмот-

ри, как красиво. Ну, мама!

– Иду-иду, – отозвалась Женя.

Она вошла в комнату и восторженно ахнула.

– Какие вы молодцы!

Эркин сложил опустевшие пакеты и коробки в корзину.

– Отнесу в кладовку.

– Да, и будем обедать. У меня уже всё готово. Алиса...

– Ну, мам, ты только посмотри!

– Я вижу, – улыбалась Женя. – Но, маленькая, праздник только начинается. Сегодня Сочельник, и ужинать будем у ёлки.

– Здесь? – удивилась Алиса.

– Ну да, – Женя привлекла её к себе.

– А давай и обедать здесь, – предложила Алиса.

– Нет, – Женя ласково покачала головой. – Обедать будем на кухне. Идём умываться, у меня всё готово.

– Ладно, – согласилась Алиса. – Только я с Эриком.

– Идите, – улыбалась Женя.

Соблюдать все правила она, разумеется, не собиралась, да и не знала их. Из всего услышанного на работе и от Бабы Фимы Женя решила сделать в Сочельник праздничный ужин у ёлки и постный обед днём. В рабочие дни Эркину при его работе без мяса нельзя. И колядовать они не пойдут. Это ж в Старый город идти, да и колядует, в основном, молодёжь, и в их доме вряд ли кто об этом знает и будет. Так что они после обеда отдохнут или погуляют, потом сделают праздничный

ужин и встретят Рождество.

Всё это Женя изложила за обедом. Эркин со всем согласился. Алиса тоже спорить не стала.

– Значит, пост держать – это мяса не есть? – уточнил Эркин.

– Ну да. И ещё чего-то, я не помню всего. А тебе же без мяса нельзя.

– Ну, я в имении, значит, пять лет пост держал, – усмехнулся Эркин и перешёл на английский. – Рабам мясо не положено.

Алиса удивлённо посмотрела на него.

– Сегодня английский день, да?

– Нет, но это неважно, – улыбнулась Женя. – Доедай. И я чай налью.

– С конфетами?

– С конфетой, – поправила её Женя. – Эркин, положить ещё?

– Нет, спасибо, – мотнул он головой, придвигая к себе чашку с чаем.

– А гулять пойдём? – спросила Алиса. И окунула лицо в чашку, чтобы пошли пузыри.

– Алиса! – возмутилась Женя. – Будешь так себя вести, никуда не пойдёшь!

Алиса вздохнула и выпрямилась.

Женя быстро убрала со стола, вымыла и расставила посуду.

– Ну вот, давайте одеваться.

– Гулять?! – взвизгнула Алиса.

– Гулять, – рассмеялась Женя.

И озабоченно посмотрела на окно, за которым сыпал мелкий снег.

– Ветра нет, – понимающе сказал Эркин. – Не страшно.

– Да, – кивнула Женя. – Алиса, идём одеваться.

– Ага-ага! – Алиса пулей вылетела из кухни.

Выходя, Женя оглянулась на Эркина, и он кивнул, показывая, что всё понял. Ну так, не дурак же он, чтобы мёрзнуть, когда есть одежда.

В спальне он быстро переоделся и уже застёгивал рубашку, когда вошла Женя.

– Эркин, ты тёплое поддел?

– Да, конечно, – улыбнулся он ей. – Ты тоже теплее оденься. И, я думаю, санки возьмём.

– Ага! – радостно всунулась в спальню Алиса.

– Вот и идите доставать санки, – распорядилась Женя, копаясь в шкафу и бросая на кровать вещи.

Эркин взял Алису за руку, и они пошли в кладовку. Алису сюда пускали нечасто, и ей было очень интересно. После покупки шкафов и комодов на полках стало гораздо свободнее. Стеллаж-то делали с запасом на долгие годы. И Алиса, закинув голову, осматривала его с тем же выражением, как разглядывают на лесной поляне верхушки деревьев.

Санки лежали внизу у двери, и достали их до обидного

быстро. Но Женя, когда надо, тоже умела всё делать мгновенно и уже ждала их в прихожей. Алису всунули в её сапожки, надели шапочку, обмотав длинные ушки вокруг шеи, надели на неё шубку, застегнули на все пуговицы и крючки, надвинули капюшон, повязали ещё шарфик, зелёный, как и сапожки, узлом назад, на руки варежки. Эркин надел бурки, полушубок и ушанку, Женя обулась, повязала платок и надела пальто, взяла сумочку. И наконец они вышли и заперли на оба замка дверь...

– А мы гулять идём, – радостно сообщила Алиса встречным. – С наступающим вас.

Ей улыбались и тоже поздравляли, и её, и маму, и Эрика, а некоторые желали весёлого Рождества по-английски. И Алиса вежливо отвечала им тоже по-английски. Ведь отвечать надо на том языке, на каком к тебе обращаются.

На улице сыпал мелкий снег и начинались сумерки. Алиса села на санки, и Эркин повёз её.

– А куда мы идём? – спросила Алиса.

– А куда глаза глядят, – весело ответил Эркин.

– Это мы идём, – засмеялась Женя, – а ты едешь.

– Мам, а ты тоже садись, – предложила Алиса. – Мы поместимся.

– Не болтай на морозе, – строго сказала Женя и добавила: – Эркину будет тяжело.

– Ни капли, – сразу возразил Эркин. – Давай, Женя.

– Не выдумывай, – Женя поправила ему шарф. – В другой

раз.

Когда начались магазины, Алиса слезла с санок, и теперь они шли медленно, останавливаясь у каждой, украшенной разноцветными лампочками витрины. Да и народу стало много. Кто спешил сделать последние покупки, а кто просто гулял, как и они. В некоторых витринах были сделаны целые картины, а где-то просто стояли украшенные ёлки. У одной из витрин постояли подольше. Там была не просто картина, а с фигурками. Что-то вроде хижины, но больше всего это походило, по мнению Эркина, на простой небогатый и давно не ремонтировавшийся щелястый хлев. В плетёной кормушке для скота лежал младенец, а вокруг вперемешку стояли люди и животные. Он бы понял смысл, если бы люди и младенец были бы рабами, ну, родила прямо в хлеву за работой, бывает, но, чтобы белые вот так... Странно.

– И чего это? – спросила Алиса.

– Это младенец Христос, – стала объяснять Женя.

Эркин и Алиса выслушали её рассказ очень внимательно и остались рассматривать витрину, а Женя зашла в магазин и вышла оттуда с большим пакетом.

– А здесь что? – сразу заинтересовалась Алиса.

– Это на ёлку и на завтра, – не очень понятно, но внушительно ответила Женя, передавая пакет Эркину.

Вернее, он попросту отобрал его. И они пошли дальше. Быстро стемнело. Но горели все витрины, вывески и даже на заснеженных деревьях висели гирлянды цветных лампочек.

Полюбовавшись витриной кондитерского, где всё-всё – даже ёлка! – было сделано из конфет, плиток шоколада, пряников и ещё чего-то несомненно вкусного, и подождав там Эркина, который вышел тоже с пакетом, даже бóльшим, чем у Жени, перешли через улицу и отправились обратно, рассматривая витрины уже с этой стороны. А когда витрины кончились, Алиса снова села на санки, оба пакета поставили ей на ноги, она обхватила их, чтобы не упали, и они пошли домой.

Таким освещённым Эркин их дом ещё не видел. Тёмных окон совсем мало. Ну да, сегодня все дома, готовятся к празднику. А вот и их подъезд. Женя взяла пакеты, и Алиса слезла с санок. Эркин взял санки, отобрал у Жени один пакет, который потяжелее. Алиса помогла Жене открыть дверь и подержала её, пока проходил Эркин, а потом побежала вприпрыжку вверх по лестнице.

Коридор был полон детворы. И когда вошли в свою квартиру, Женя спросила.

– Пойдёшь в коридор?

Алиса растерялась. Она же не знает, что в этих пакетах, ни мама, ни Эрик ничего не говорили. Но и в коридоре интересно. А...

Женя быстро раздела её, помогла снять сапожки.

– Ладно. Сейчас пополдничаем, и я буду ужин готовить.

Полдничали чаем с печеньем и конфетами. Алиса несколько раз выразительно смотрела на стоявшие рядом со шкафом пакеты, но её взглядов ни мама, ни Эрик не за-

мечали. Правда, Эрик отдал ей свою конфету. А потом ей почему-то захотелось спать.

Уложив Алису, Женя вернулась на кухню и села перебирать рис.

– Сейчас поставим кашу, – сказала она Эркину, – закончим с ёлкой, положим подарки и будем Рождество встречать.

Эркин кивнул. Он сел напротив Жени и занялся перебором белых продолговатых зёрнышек.

– Стол тогда к ёлке перенесём, да, Женя?

– Да, конечно. Накроем скатертью, поставим всё, зажжём свечи, – перечисляла Женя, быстро двигая по клеёнке рисинки. – Какой чистый рис, правда? Совсем грязи нет.

– Да, хороший, – согласился Эркин. – А что, на Рождество надо рис есть?

– В Сочельник, мне рассказали, едят кутью, ну, кашу из пшеницы с ягодами и взвар, – Женя улыбнулась. – Но рис вкуснее, и варится быстро. А взвар... вроде компота.

– Ага, понял, – Эркин улыбнулся. – Ну вот, у меня всё.

– И у меня всё.

Женя быстро сгребла рисинки в кастрюлю и встала.

– Сейчас промою и поставлю.

Эркин сидел за столом и смотрел на Женю. Блаженное чувство покоя, безопасности... он вдруг как-то ощутил его. Женя оглянулась на его взгляд и улыбнулась ему.

– Устал?

– Нет, что ты? – Эркин даже удивился её предположе-

нию. – Просто смотрю... на тебя.

– И как?

– Хорошо, – блаженно вздохнул Эркин.

Женя рассмеялась, накрыла кастрюлю крышкой и подошла к нему. Эркин ловко, не вставая со стула, вывернулся из-за стола, протянул ей навстречу руки, и Женя сама не поняла, как оказалась у него на коленях.

– Господи, Эркин, – Женя обняла его голову, прижала к себе, – господи...

Эркин уткнулся лицом в её шею и замер. Женя перебирала его волосы, взъерошивала и приглаживала иссиня-чёрные упругие пряди.

– Эркин, милый мой, Эркин...

Наконец Эркин оторвался от неё, поднял голову и немного виновато улыбнулся.

– Женя, я поверить не могу, что это всё на самом деле, что не сон... Я тебя столько раз во сне видел... И летом, когда на выпасе, и раньше ещё... И вот... Это же вправду, Женя? Не обман, да?

– Ну, конечно. Конечно, всё – правда.

Она поцеловала его в щёку и ещё ни сказать ничего, ни шевельнуться не успела, как он сам разжал объятия, и они одновременно встали.

– Будем делать ёлку, да?

– Ну, она уже сделана. Почти, – Женя ласково погладила его по плечу. – Я там купила кое-чего по мелочи, орехи,

мандарины... Вот их и добавим.

– А я конфет купил, – засмеялся Эркин. – Мне так и сказали в магазине, что они для ёлки. И... стол сейчас переставить?

– Да, – сразу согласилась Женя. – Давай сейчас.

Она сняла со стола клеёнку, и Эркин – она-то думала, что он перетащит стол волоком, ну, если вдвоём, то перенесут, а он – обхватил стол, поднял его и пошёл. Женя только ахнула и бросилась вдогонку, чтобы хоть дверь ему поддержать.

– Господи, Эркин, ты же надорваться мог.

– Женя, да разве это тяжесть, что ты, – рассмеялся Эркин. – Вот здесь поставим, чтобы ёлку видеть, да?

– Ага, левее чуть, вот так. Сейчас я пакеты принесу.

Женя принесла оба пакета, свою коробку с нитками и иголками, и они сели за работу.

Орехи вешать не стали: Женя не могла вспомнить, как делается петелька, а мандарины и конфеты в блестящих золотых и серебряных обёртках они повесили. Не все, конечно, впереди целая неделя, придётся ещё вешать.

– Я помню, – Женя ловко протыкает мандарин толстой длинной иглой, – приходили гости, поздравляли, и папа прямо с ёлки снимал и угощал. Мандаринку и конфету. Или яблочко... Маленькие такие яблочки, их ещё райскими называют.

– Ага, – радостно кивнул Эркин. – И мы так сделаем, да?

– Конечно! Ой, каша! – Женя вскочила и убежала на кух-

ню.

Эркин развесил подготовленные конфеты и мандаринки, собрал нитки и иголки в коробку и отнёс её в спальню, поставил на комод рядом с памятной по Джексонвиллу шкатулкой для денег и низкой широкой вазочкой, больше похожей на чашку без ручки – Женя называла её смешным словом «пиалушка» – для мелочи. Там, в Джексонвилле, ещё была фарфоровая статуэтка – пеликан с птенцами, но её Женя не взяла, а грабители разбили, он увидел тогда на полу осколки. Ладно. Эркин тряхнул головой и хитро улыбнулся. Ладно, завтра посмотрим.

Он вернулся в большую комнату, где Женя уже разворачивала большую, подаренную им на новоселье, белую скатерть с вытканными белыми же розами. Он помог Жене ровно её выложить.

– Ну вот, у меня уже всё готово. Давай переодеваться, и я буду Алису будить.

Эркин кивнул. Ну да, вечер же праздничный, так что надо, как Колька говорит... припарадиться, вот. И ещё: полный парад, адмиральский смотр. Интересно, что такое «адмиральский», но это потом.

В спальне он быстро переоделся, вернее, снял тёплое бельё и сменил рубашку. Многоцветная, яркая. За призовое место на ножах. И пояс нарядный, тоже приз. Эркин оглядел себя в трюмо и улыбнулся возникшему вдруг отражению Жени.

– Какая нарядная рубашка, – восхитилась Женя. – Тебе очень идёт.

Эркин порывисто повернулся к ней, обнял. Женя поцеловала его в щёку рядом со шрамом, поправила ему прядь на лбу.

– Ты очень красивый, Эркин, – убеждённо сказала она.

– Это ты красивая, Женя, – ответил Эркин, касаясь губами её виска.

Женя рассмеялась.

– Ну вот, а я ещё тоже принаряжусь, так то ли ещё будет.

– Ага, – Эркин сразу разжал объятия. – Ага, я не буду мешать.

– Ты не мешаешь, – Женя ещё раз поцеловала его.

Эркин отпустил её: конечно, Жене надо переодеться. Он сел на пуф у двери и смотрел, как Женя сосредоточенно перебирала в шкафу свои вещи, выкладывая отобранные на кровать, и как она переодевается. Поясок, длинные тонкие чулки, туфли на каблучках, бюстгальтер, белая кофточка с кружевами и чёрная юбка, маленькие блестящие серёжки в ушах... и золотая шаль на плечах.

– Ну как? – обернулась к нему Женя.

Эркин восхищённо улыбнулся, и Женя рассмеялась.

– Ну вот. Пойду Алиску поднимать.

– Давай я, – встал Эркин. – А то ты такая нарядная...

– Ладно, – не стала спорить Женя, медленно поворачиваясь перед трюмо.

Эркин с трудом оторвал от неё взгляд и буквально вытащил себя из спальни.

В комнате Алисы стояла темнота, и эта темнота была очень уютной. Эркин щёлкнул выключателем. Алиса спала, как всегда, раскинувшись. Благо, кровать большая, «на вырост» Женя брала. «Ну и правильно, – подумал Эркин, – Растут дети быстро, не менять же мебель каждый год». Когда зажегся свет, Алиса не проснулась, а вздохнула и повернулась набок. Эркин подошёл к окну, поправил шторы.

– Алиса, – позвал он её от окна.

Она опять вздохнула, и Эркин подошёл к ней. Погладил по голове. Тонкие мягкие волосы приятно рассыпались под ладонью.

– Алиса, просыпайся.

– Э-эрик, – Алиса вздохнула, не открывая глаз. – А мне ёлка снится. И конфеты.

– А они на самом деле есть, – рассмеялся Эркин.

– Да-а? – удивилась Алиса.

Она открыла глаза и расплылась в улыбке, увидев Эркина.

– Эрик, какой ты наря-адный.

– Вот и вставай, – вошла в комнату Женя. – Будешь тоже нарядная. Сегодня же праздник.

– Ага, – Алиса вылезла из-под одеяла и встала на кровати. – А сегодня-сегодня, или это уже завтра-сегодня?

– Я не понял, – признался Эркин.

– Ну-у... ну это...

– Иди умывайся, – велела Женя. – Тогда и объяснишь.

Алиса попробовала прямо с кровати прыгнуть в тапочки, но промахнулась и упала бы, если бы Эркин не подхватил её. Женя грозно нахмурилась, и Алиса пошла в ванную.

Женя быстро убрала и застелила постель. Обычно хотя бы часть этой работы делала Алиса, но сегодня, ради праздника... Эркин согласно кивнул.

– Конечно так, Женя.

– Ну вот.

Женя раскрыла шкаф, достала и положила на кровать красную матроску, белые гольфы с пушистыми помпончиками, поставила у кровати ярко-красные блестящие туфельки.

– Ой! – восхитилась вошедшая в комнату Алиса. – Мам, а беретик?!

– Ну, кто же дома ходит в беретике? Сделаем красивый хвостик с бантом.

– Ага, ага, – Алиса торопливо стягивала с себя пижамку. – Мам, и туфельки!

– А как же. Тапочки же с нарядным платьем не надевают, – объяснила Женя.

Эркин поглядел на туфельки Алисы, на ноги Жени, обтянутые тонкими чулками, на её чёрные туфли на каблуках и незаметно вышел из комнаты. Где его кроссовки? В кладовке? Но вчера, доставая сапоги, он их не видел? Тоже в спальне в шкафу?

Да, они были там. И опять, как и летом, набиты бумагой.

Он вытащил бумагу, достал из комода носки и переобулся. Вот так. А то джинсы с поясом, рубашка нарядная и шлёпанцы... Неловко. Женя нарядная, Алиса тоже, надо и ему.

Шлёпанцы он поставил у кровати со своей стороны, а бумагу понёс выкидывать на кухню в ведро. Женя уже была там.

– Ты переобулся? – сразу заметила она. – Ну, правильно.

– Мам, чего нести? – вбежала в кухню Алиса.

Женя как раз раскладывала на тарелке печенья в форме цветочков и ягод, когда до них донёсся из коридора смутный шум, а потом зазвенел дверной звонок, и тут же в дверь забарабанили. Эркин быстро переглянулся с Женей и пошёл к двери. Алиса рванулась следом, но Женя придержала её. Эркин, не оборачиваясь, махнул рукой, показывая, чтобы они укрылись в кухне. Конечно, ничего такого, но всё-таки...

– Кто там? – спросил Эркин.

Ему ответил многоголосый хохот, взвизги и ещё что-то совсем непонятное, но... но, насколько он смог не так понять, как почувствовать, неопасное. Помедлив с пару секунд, Эркин всё-таки открыл.

И замер, оглушённый криками, хохотом, шумом трещоток и дудок.

– Ой, – с радостным удивлением сказала за его спиной Женя, – это же ряженые!

– А хозяину здоровья, а хозяйке красоты! – прокричал возникший перед ними парень с размалёванным лицом и в

вывернутом наизнанку полушубке и неожиданно ловко выдернул Эркина и Женю из двери в коридор. Алиса выскочила сама.

Завертелся сумасшедший пёстрый хоровод, визг детей, смех, крики, кто-то, переодетый медведем, женщины в мужской и мужчины в женской одежде, смеющиеся, веселящиеся от души соседи... И Эркин, забыв обо всём, хохочет над шутками и припевками, и уворачивается от ловящего его медведя, и пляшет с незнакомой закутанной в большой платок женщиной, потряхивающей... да у неё грудь ватная, не меньше двух подушек под кофтой, или это тоже парень?..

– Вам всем счастья, а нам на радость!

Парень в вывернутом полушубке подставляет мешок, и туда сыплются вынесенные из квартир конфеты, яблоки, пироги, бруски сала, свёрнутая в круг колбаса, и Женя, смеясь, бросает в бездонный мешок мандарины.

– Спасибо всем, Рождества всем, – кланяются ряженые. – Спасибо этому дому, пойдём теперь к другому.

И уже нет их. И, смеясь, поздравляя друг друга с наступающим, приглашая завтра зайти, ёлку поглядеть и проздравиться, соседи расходятся по квартирам.

Уже закрыв дверь и оказавшись в неожиданно гулкой тишине, Эркин сообразил, что грудастая баба, выдернувшая его из общего хоровода в круг, приговаривала и ржала Колькиным голосом. Эркин тихо засмеялся и покрутил головой. Ай да Колька, надо же такое придумать. А кто ж тогда мед-

ведем был? Не старшой же.

В большой комнате Женя с влажными от смеха глазами заканчивала расставлять на столе тарелки с праздничным угощением. Алиса шумно и деятельно помогала.

Наконец сели за стол. Сладкая рисовая каша с изюмом, густой, похожий на кисель компот, печенье, орехи, конфеты... Ужин очень понравился и Алисе, и Эркину. А потом Женя унесла на кухню грязные тарелки, Эркин зажёл свечи и выключил люстру, и они сидели за столом, ели всего понемногу и смотрели на нарядную, переливающуюся огнями ёлку. Эркин потряс Женю и Алису умением колоть орехи без щипцов, одними пальцами. Четыре больших – Женя их называла грецкими – ореха кладёт на ладонь, покатает, примериваясь, и сожмёт кулак, а потом раскроет, и Алиса с Женей прямо с его ладони выбирают ядрышки.

– Мам, а петь будем? – вдруг спросила Алиса.

Она смутно, но помнила прошлое Рождество, когда мама её учила особым «рождественским» песням.

– Давай, – согласилась Женя. – Слова помнишь?

– Динг-динг, беллз, – неуверенно начала Алиса.

К изумлению Жени, Эркин сразу подхватил.

– Ты её знаешь? – удивилась Женя.

Эркин кивнул, не прерывая пения. Так они и пели теперь втроём, глядя на ёлку. Спели про Рождественские колокола и звёзды, про ангелов в облаках и тишину на земле, даже про пастухов и волхвов Эркин знал.

Женя обняла, прижав к себе Алису.

– Вот мы и встретили Рождество. Спать пора, маленькая.

– А подарки? – сонно спросила Алиса.

– Сейчас ляжешь, – Женя говорила тихо, с ласковой напевностью, – загадаешь про себя и утром увидишь.

– Всё, что захочу?

– Всё-всё, что загадаешь. В Рождественскую ночь все желания исполняются.

Алиса закрыла глаза и вздохнула совсем сонно. Женя тихо рассмеялась и встала, держа Алису на руках. Эркин сразу вскочил на ноги, протянул руки.

– Давай я...

Женя отдала ему Алису.

– Ага, отнеси её. Сейчас уложим и...

Эркин кивнул, поняв несказанное.

Он отнёс Алису в её комнату, положил на кровать, растегнул и снял с неё туфельки. И отпрянул. Нет, ему этого нельзя, он не сможет этого сделать... по-простому, а как учили его – нельзя! И когда вошла Женя, он быстро вышел, скрывая лицо.

В кладовке он взял свои пакеты. Этот – синий – с подарками на Новый год. Проверяя себя, заглянул. Да, так и есть. Его уберём на прежнее место. А из белой бумаги возьмём.

Эркин принёс пакет в большую комнату и стал выкладывать под ёлку, оклеенные блестящей бумагой коробочки и свёртки. Ну вот. Он выпрямился и оглядел получившуюся

горку. А хорошо смотрится. И свечи... догорают, надо, пожалуй, погасить и заменить, вставить новые. Свечи... в кладовке.

Пока он ходил за свечами, Женя раздела и уложила Алису и тоже пришла в большую комнату. Она не поняла, чего так испугался Эркин, но чувствовала, что лучше об этом не спрашивать, и когда он вошёл с коробкой свечей, просто сказала:

– Тебе помочь?

– Нет, – благодарно улыбнулся Эркин. – Это нетрудно. А... остатки свечей...

– Огарки?

– Да. Огарки выкинем?

– Нет, – улыбнулась Женя. – Будем гадать. Ну, топить воск. Знаешь?

– Нет, – мотнул он головой, быстро вынимая из очередного подсвечника огарок и вставляя новую свечу. – Как это, Женя?

– Увидишь, – тихо засмеялась Женя.

Она быстро переложила печенье и конфеты, смела в совок скорлупки и крошки. А остальное пусть так и стоит. Утром придут к ёлке, так чтобы было нарядно и красиво. И приятно.

– Эркин, посмотри, как тебе?

Он готовно обернулся на её зов.

– Очень красиво, Женя. Так на завтра оставим?

– Ну да. Чтобы праздник с утра.

– Хорошо, – улыбнулся Эркин. – Очень хорошо. Ну вот, ещё две свечи, и всё.

Женя подошла к нему и придержала пружинящую ветку.

– Ага, спасибо, Женя. Ну вот.

Они стояли рядом и смотрели на ёлку. Эркин обнял Женю за талию и привлёк к себе.

– Хорошо, правда?

– Да, – Женя положила голову ему на плечо. – У меня ещё не было такого Сочельника.

Эркин мягко повернул её к себе, поцеловал в корни волос, в глаза, углы рта. Женя обняла его, погладила по затылку, шею.

– Ох, Эркин, милый мой.

Их губы наконец встретились, и Эркин рискнул плотно прижать свои губы к её губам, и Женя не отстранилась, не зажалась, а подалась к нему. Эркин вёл губами по её лицу, шее, подставлял своё лицо её губам.

– Женя, милая, Женя...

Он её вёл, или она его, но они вышли из большой комнаты, пересекли тёмную прихожую и вошли в спальню и встали посередине. Эркин бережно, мягкими гладящими движениями расстёгивал её кофточку и юбку, а Женя расстёгивала его рубашку, гладила его плечи и грудь.

– Господи, Эркин...

И тут он понял, что ему надо отпустить Женю, потому что

ей не справиться с его поясом, и кроссовки просто так с ног не сбросишь, они же на шнурках. Это... он... он не умеет этого! Ну, пояс – ладно, джинсы тоже, а кроссовки...

Словно поняв его замешательство, Женя рассмеялась и поцеловала его.

– Раздевайся и ложись. Я сейчас.

– Женя... – потрясённо выдохнул он.

– Всё хорошо, – она ещё раз поцеловала его, легко как была – в одном белье – выбежала из спальни.

Эркин посмотрел ей вслед, прерывисто вздохнул и сел на кровать. Больше всего ему хотелось порвать эти чёртовы шнурки, даже пальцы дрожали, когда он расшнуровывал кроссовки. И, сбросив их, он, не сдержавшись, швырнул их в угол, так же содрал и закинул, не глядя, носки. И бросился ничком на кровать, прямо на ковёр, уткнулся лицом в мягкий ворс. Было нестерпимо обидно. Что... что всё было так хорошо, а он всё испортил.

Женя бегом принесла из кладовки в большую комнату свои пакеты и выложила под ёлку подарки. Вздохнула, глядя на груды, приготовленную Эркином. Ну, так бы и заглянула, ну, наверняка вон та коробочка для неё. Но не Алиска же она, чтоб до утра не дотерпеть. Нет-нет, всё на утро! Она решительно встала, выключила свет и побежала в спальню.

Эркин ничком лежал на кровати, прямо на полу небрежной тряпкой валялась его нарядная рубашка, а в углу кроссовки и носки. Что это с ним? Женя быстро присела на край

кровати, обняла его за плечи.

– Эркин, что с тобой?

Он мгновенно повернулся на спину.

– Женя... ты... ты не сердись на меня?

– За что? Что ты выдумал, Эркин?

И по её удивлению он понял, что... что всё хорошо, и порывисто сел, привлёк к себе Женю.

– Женя, милая.

Он провёл рукой по её спине, словно погладил, привычно нажав на застёжку бюстгалтера, и поцеловал освободившиеся груди. Женя засмеялась.

– Ой, Эркин, а я тебя, а? Хочешь?

– Ага, – радостно выдохнул он, выгибаясь, чтобы ей было удобнее.

Конечно, с поясом она бы без него не справилась, у ковбойских поясов особые пряжки. Расстёгивала и раздевала его Женя неумело, явно вслепую и случайно задевая точки, но голова у Эркина пошла кругом. А когда ладонь Жени, сдвигая с него трусы, коснулась его лобка и члена, он даже задохнулся на мгновение, такой горячей волной его обдало.

– Ох, Женя...

– Что? – склонилась над ним Женя.

– Хорошо-о, – даже как-то простонал он.

Ёрзая спиной и ягодицами по ковру – руками он обнимал и гладил Женю – Эркин вылез из джинсов и трусов и ногами толкнул их на пол. Мягким движением он сдвинул по

бёдрам Жени вниз к её коленям её трусики и пояс, не отстёгивая чулок. И дальше, помогая себе ногами к щиколоткам и дальше, совсем убрать. Отстёгивать их он уже не мог, не было сил, да и... да и уже незачем. Женя, её тело рядом, её руки на его теле, он же не знал, не думал, что это такое, что это возможно...

– Женя... Женя...

– Что? Что, милый?

– Спасибо тебе, – выдохнул он, обессиленно откидываясь на спину.

– А за что? – лукаво спросила Женя, вытягиваясь рядом.

– Что ты есть, – тихо ответил Эркин.

Они лежали поперёк кровати. Эркин повернулся набок, поцеловал Женю в плечо, в шею.

– Ты есть, Женя, ты ведь в самом деле есть, да, Женя? Это же не сон, правда?

– Правда.

Женя ощупывающим движением погладила его по лицу, шее. Эркин приподнялся на локте, наклонился над Женей.

– Женя, тебе ведь неудобно так, можно я...

Она кивнула, не дожидаясь конца фразы, и Эркин осторожно вынул шпильки из её узла, и, когда он потянулся над ней, чтобы положить шпильки на тумбочку, Женя поцеловала его в грудь. Эркин вздрогнул и замер. Потом медленно разжал кулак, высыпав шпильки на тумбочку. Губы Жени всё ещё касались его груди, и, пока он убирал руку и ложил-

ся обратно, они скользили по его груди и шее.

Эркин лёг и попытался перевести дыхание. Сердце бешено колотилось о рёбра, как после бега, дрожали и беспорядочно подёргивались мышцы. И преодолевая эту дрожь, он снова повернулся набок и положил руку на грудь Жени, погладил так, чтобы сосок скользнул между пальцами.

– Женья, ты такая красивая. Я... я не знаю, как сказать... спасибо тебе, Женья, если бы не ты, меня бы не было уже, нет, Женья, пойми, я... я же не знаю ничего, со мной никогда... нет, я не о том, Женья, я не могу без тебя, если что с тобой случится, я жить не буду, Женья...

Он говорил и гладил, трогал Женю, целовал её грудь, живот, уже не понимая, что и зачем он говорит, чувствуя только руки Жени на своей голове и плечах, только её тело под своими губами и руками.

Женья гладила его литые плечи, ерошила и приглаживала ему волосы, такие... приятные на ощупь, блестящие в свете люстры. Господи, что он там говорит, она не понимает и не хочет понимать слов, она только слышит его голос, такой красивый, глубокий, она даже не понимает, на каком языке он говорит. Она обнимает, прижимает его к себе. Такого большого, сильного...

Опираясь выпрямленными руками о постель, Эркин осторожно навис над Женей и, когда она готовно подалась навстречу, вошёл сильным и точным толчком. Женья охнула, засмеялась и, вскинув руки, сцепила пальцы на его шее.

– Так? – счастливо спросил Эркин.

– Так, – смеялась Женя, – и так... и так... родной мой...

И опять его накрыла горячая волна, и опять бешеный водоворот, когда сердце у горла, сохнут губы и глаза, и Женя... Женя смеётся, ей не больно, ей хорошо...

...Женя медленно, как просыпаясь, закинула руки за голову и потянулась. Её движение разбудило Эркина. Он вздрогнул и открыл глаза.

– Женя?

– Да, – Женя снова потянулась и села. – Ох как хорошо.

– Да? – Эркин приподнялся на локтях. – Правда? А сейчас...

– А сейчас, – мечтательно сказала Женя и вдруг прыснула. – Придумала! Сейчас мы пойдём, съедим по мандаринке. Снимем с ёлки.

– Давай, – согласился Эркин.

– Тогда пошли, – Женя схватила его за руку и потащила за собой. – Только тихо, а то Алиску разбудим.

Эркин, разумеется, не стал сопротивляться. Ни одеться, ни даже обуться Женя ему не дала, и сама не оделась. Так, голыми, держась за руки, они и пошли. Пересекли тёмную прихожую и вошли в наполненную запахами хвои, апельсинов и конфет большую комнату. Эркин свободной рукой включил свет.

Искрилась и сияла ёлка, и они остановились перед ней. Женя тихо засмеялась.

– Мы как Ева с Адамом.

– А? Понял, – тут же кивнул Эркин. – Помню, поп в Джексонвилле рассказывал, – и улыбнулся, соглашаясь с Женей: – Смешно.

Женя оглядела ёлку.

– Даже жалко, – и вздохнула: – Такая красота.

– Давай вон те два, – предложил Эркин. – А я потом фонарик перевешу и закрою.

– Давай, – согласилась Женя.

Эркин отпустил руку Жени, легко потянулся и вытащил откуда-то из глубины ёлки два мандарина. Ёлочные ветви щекотно кололи ему грудь и руки. Не больно, даже приятно. Он отдал мандарины Жене, перевесил фонарик из золотистой бумаги и большой белый шар с фиолетовыми звёздами, отступил на шаг.

– Ну как, Женя?

– Потрясающе! – она чмокнула его в щёку.

Эркин озорно посмотрел на неё.

– Держишь их?

– Мандарины? – улыбнулась Женя. – Держу.

– А я тебя.

Эркин легко подхватил её на руки.

– Пошли обратно.

– Это ты идёшь, – Женя рукой с зажатым в ладони мандарином обхватила его за шею, – а меня несут. Ага, свет я выключу.

Другой рукой, тоже с мандарином, она по дороге ударила по выключателю.

Дверь в спальню они оставили открытой и свет не выключили, так что заблудиться было невозможно. Эркин внёс Женю в спальню и усадил в центре кровати, а сам сел рядом. Женя очистила мандарины – их тонкую кожицу не надо надрезать – протянула на ладони Эркину.

– Бери любой.

Эркин сел поудобнее, скрестив ноги, и взял ближний к нему мандарин. Короткие пухлые дольки лопались во рту, обрызгивая нёбо и язык кисловатым соком.

– Красота! – вздохнул Эркин, доев мандарин.

– Ага, – согласилась Женя.

Они быстро посмотрели друг на друга, одновременно засмеялись и кивнули, всё поняв. Быстро собрали корки, и Женя разложила их на тумбочках у изголовий, чтобы приятно пахло, а Эркин убрал ковёр и сложил его на пуф. Быстро собрали и разложили по пуфам разбросанную по полу одежду. Эркин откинул одеяло.

– Я свет погашу.

– Ага, – Женя юркнула под одеяло и засмеялась, потягиваясь.

Эркин выключил люстру и лёг. Обнял Женю.

– Спим? – губы Жени касались его уха. – Спокойной ночи, милый.

– Ага, – ответил он, уже закрыв глаза. – Спокойной ночи.

И последнее, что он ощутил, это рука Жени, натягивающая на его плечо одеяло.

Разбудила их, как всегда в выходные, Алиса. Но вчера, возвращаясь от ёлки, они забыли закрыть дверь на задвижку, и Алиса ворвалась в спальню с криком:

– Мама! Эрик! Там подарки уже лежат, а вы спите!

– Ох, – вздохнула Женя, – ну, началось.

Алиса прыгнула на кровать, споткнулась и упала на Эркина. И прежде, чем Женя успела встать, она полезла под одеяло. Эркин моментально повернулся на живот и уткнулся лицом в подушку. Но это его не спасло.

Ну, Эрик, – Алиса попыталась ухватить его за плечо, слишком большое для её ладошек. – Ну, там, знаешь, сколько всего, ну, идём скорей.

– А ты что, – Женя откинула со своей стороны одеяло и встала, отыскивая свой халатик, – уже лазила туда?

– Не-а, ну, Эрик, ну, чего ты такой тяжёлый? – Алиса подсунула наконец руки под его шею и, сидя на его спине, попыталась приподнять его. – Там бантики красивые, мне потом так не завязать. Ой, мам, а ты голая! Я тоже так хочу!

Она отпустила Эркина, встала во весь рост, отбросив мешающее одеяло, и стала стаскивать с себя длинную ночную рубашку.

– Мам, Эрик, а давайте так! Так интересней!

– А мне шлёпать тебя удобней! – Женя сдёрнула Алису с

кровати. – А ну марш умываться!

– Мам, а подарки?!

– Голым неумытым не положено, – строго ответила Женя. – Я же не иду!

Алиса поняла, что грандиозная идея похода голышом за подарками неосуществима, и подчинилась. Женя кое-как накинула халатик, взяла ночную рубашку Алисы и её саму за руку и вышла из спальни.

Эркин отсмеялся, вытер ладонями мокрое от выступивших слёз лицо и встал. Оглядел громоздящиеся на пуфах свои и Женины вещи и покачал головой. Однако... порезвились... В щель между шторами пробивался свет. Эркин подошёл к окну, раздёрнул шторы и зажмурился: утро было солнечным. Он невольно рассмеялся и так, смеясь, пошёл к шкафу. Надо же, в самом деле, одеться. Он достал и надел трусы. И тут в спальню опять влетела Алиса. В трусиках и маечке, ещё не причёсанная, с горящими от холодной воды и возбуждения щеками.

– Эрик! Ты оделся! Идём! Скорей!

– Куда? – спросил Эркин.

– Да к ёлке же!

Алиса ухватила его за руку и потащила за собой. В дверях спальни встала Женя.

– Алиса!

– Я умыта и одета, – быстро ответила Алиса. – Эрик, идём! Ну, мам, ну, ты же одета, ну, пошли!

И Женя сдалась.

– Ох, Алиса...

– Ага, – сразу поняла Алиса. – Значит, можно? Ну, мы пошли, ты нас догоняй.

И повела Эркина за руку к дверям. Женя посторонилась и попросила вдогонку:

– Без меня не трогайте.

– Ну да, – согласилась Алиса. – Мы только глазками, – и объяснила Эркину: – Маме же тоже интересно.

Эркин кивнул.

В большой комнате было сумрачно из-за задёрнутых штор, и ёлка высилась тёмной, чуть поблескивающей громадой. Они подошли к ней. Груда блестящих пакетов и коробок таинственно сверкала в густой, почти чёрной тени под ёлкой. Алиса зачарованно вздохнула. И невольно вздохнул Эркин.

– Не трогали? – вбежала в комнату Женя. – Ну, молодцы.

– Ну мы же слово дали, – ответила, не оборачиваясь, Алиса. – Мам, давай ещё немного постоим и посмотрим.

– Ну конечно, – согласилась Женя.

Алиса взяла её за руку, и они так постояли втроем. Потом Эркин мягко высвободил руку, подошёл к окну и отдернул шторы. В комнату ворвался по-зимнему белый свет, ойкнула Алиса, засмеялась Женя, и даже ёлка будто дрогнула и повернулась к свету. Заискрились, заблестели шары и игрушки на ёлке, целлофан и фольга пакетов.

– Ну, теперь-то можно? – тоненьким голоском попросила

Алиса.

– Можно, – кивнула Женя.

Испустив торжествующий вопль, Алиса нырнула под ёлку.

Они доставали и вскрывали пакеты и коробки, тут же решая, кому это предназначено. Восторженный визг Алисы не умолкал ни на секунду.

И вдруг коробки и пакеты кончились. Но на столе, стульях, прямо на полу теперь лежали новые, нарядные, необыкновенные вещи. Кукольный сервиз... белая мужская рубашка... полупрозрачный узорчатый шарфик... книги в блестящих обложках... белое с кружевами платье... фарфоровый лебедь, гордо выгнувший шею и приподнявший крылья... блестящие чёрные мужские полуботинки... ажурные, узорчатой сеточкой чулки... и ещё... и ещё... и ещё...

– Господи, Эркин, – вздохнула Женя, любуясь лебедем. – Поставим на комод в спальне, да?

Эркин счастливо кивнул. Его подарки понравились, значит, правильно выбирал, и советовали ему в магазинах тоже правильно, без подвохов.

Алиса хватала то одно, то другое, пока Женя, ничего не замечая, смотрела на Эркина.

– Эркин, а... а почему лебедь?

– Мне сказали, – Эркин прерывисто вздохнул, – мне сказали, лебедь не живёт один. Если с другим что, он насмерть разбивается, не может жить.

Женя медленно кивнула, погладила пальцем лебеда по

выгнутой шее, поставила его на стол и обняла Эркина.

– Спасибо, милый.

Он мягко обнял её.

– Спасибо тебе, Женя. Я... я никогда не дарил, я не умею этого, тебе понравилось?

– Да, конечно же, да, Эркин...

– Мам! – вмешалась Алиса. – Я хочу сейчас платье одеть.

– Ой! – очнулась Женя. – Ну, конечно, наденешь. Ой, времени-то уже сколько, господи, Эркин, и ты всё новое надень.

И завертелась утренняя обычная круговерть. Не совсем обычная, конечно, но... убрать, приготовить завтрак, переодеться... И только в спальне, открыв шкаф, Эркин сообразил, что всё-таки он лопухнулся. Жене же переодеться не во что! У Алисы платье, у него рубашка, брюки, а у Жени... чулки с шарфиком?! Он покраснел так, что ощутил приливший к щекам жар.

– Эркин, ты чего? – влетела в спальню Женя. – У меня уже всё готово, ты что?

– Женя, – он резко повернулся к ней. – Женя, а ты? Прости меня, я не знал, не сообразил...

– Чего? – не поняла Женя и тут же заторопилась. – Давай, Эркин, обувайся, как раз ботинки к этим брюкам, я сейчас быстренько. Вот, посмотри на себя. Тебе очень хорошо.

Эркин послушно посмотрел на себя в зеркало. Ну, если Жене это нравится... хотя... как-то он был в большом двойном Паласе, и беляки там так и приходили, и потом видел,

ладно, это всё неважно...

– Женя, а ты что наденешь? Я же...

– Ты же, ты же, – весело ответила Женя, кидая вещи на убранную и застеленную кровать. – Всё, Эркин, всё хорошо, ты молодец.

– Женя, у меня всё новое, у Алисы, а у тебя... – и с отчаянием: – Женя, я не знал, что на Рождество дарят одежду, мне никто не сказал.

– Эркин, – Женя быстро обняла его, поправила воротник новой рубашки, – да, сюда нужен галстук, ладно, это потом, Эркин, – она снова обняла его, быстро поцеловала и отстранилась, – сегодня праздник, понимаешь, Эркин, всё хорошо, у нас праздник. А теперь иди, я сейчас переоденусь и приду.

Она мягко, но решительно подтолкнула его к двери. Спорить Эркин не мог и не хотел, и потому вышел из спальни. Сейчас они позавтракают и... и будет ещё что-то, пойдут гулять или в гости, или к ним кто-нибудь придёт, или ещё что-нибудь придумают. Сегодня праздник, и завтра, десять дней праздников, с ума сойти!

– Эрик, – позвала его Алиса. – Посмотри, как красиво.

Он вошёл в её комнату, и Алиса стала ему показывать свой стол, где уже был расставлен новый сервиз, а вокруг сидели Линда, Спотти, Мисс Розы и Дрыгалка и праздновали Рождество. Вместо угощения на тарелочках и в чашечках лежали разноцветные стерженьки из мозаики. Красные – конфеты, жёлтые – апельсины, синие – чай, а зелёные... –

Алиса не закончила объяснений, потому что Женя позвала их к столу. На рождественский завтрак.

В окно светило солнце, сверкали ёлка и снег на перилах лоджии за окном, и всякие вкусности на столе, и никуда не надо спешить, и десять праздничных дней впереди!

Алабама

Колумбия

Холодный ветер рябил лужи, сыпал мелкий дождь. Пустынные улицы, ненужные огни в витринах закрытых магазинов. Рождество. Семейный праздник. Чак поднял воротник куртки, спасаясь от ветра, засунул руки в карманы, зажав пальцами изнутри прорези. Сволочи, перчатки так и не вернули. Правда, они и не для тепла, но без них совсем хреново. А купить... деньги надо беречь. Чёрт его знает, этого Трейси, когда приедет. И ботинки эти... только и добра, что не промокают.

Конечно, глупо было даже надеяться, что вот так, блуждая по как вымершему городу, он наткнётся на Трейси, но дома было уж совсем невыносимо. И одиноко. С квартирой ему, в принципе, повезло. Отдельная комната с входом через кухню, он может держать в комнате электроплитку, пользовать-

ся утром и вечером раковинной в кухне для умывания и часть оплаты работой по дому. И квартал не цветной, так что... так что всё хорошо, но погано. Опять молчи, улыбайся, держи глаза книзу и делай, что велят.

Чак сплюнул, ловко потопив плевком плавающую в луже обёртку от сигаретной пачки. Чёрт, курить хочется, а всё закрыто, празднуют, сволочи. Он знал, что сам себя этим обманывает. Получив три тысячи «комитетских», он сам себя жёстко посадил на экономию. Чтоб денег на подольше хватило. Никакой выпивки, никаких баб, сигарета в день и не больше. И уж, конечно, без массажа. И с жратвой не шиковать. И так пришлось купить себе две смены белья, ещё одну рубашку, две пары носков, бритвенный прибор... хорошо ещё, что на рождественские распродажи успел, по дешёвке удалось прибарахлиться. Но после госпиталя сесть на рабочее кофе с хлебом и самодельную кашу оказалось тяжело. Ложку, миску и кружку тоже пришлось купить: ему разрешили пользоваться плиткой, но не посудой. А мыло с полотенцем, а нитки с иглой... мелочь всё, дешёвка, но сотни как не бывало. Он уже даже подумывал сходить на старую квартиру и вытребовать с хозяйки – суки черномазой – свои вещи, но не рискнул. Чёрт их знает, что там теперь, если пойдёт на стычку, то ему накостыляют, и тогда придётся бежать из Колумбии – битым жить нельзя, а его сейчас и шакалы затопчут. Да и где тогда Трейси искать?

Незаметно для себя он забрёл в Цветной квартал, к бле-

стевшей свежей покраской церкви, откуда доносилось не очень стройное, но громкое пение. Беляцкого бога благодарят, вот идиоты, что народиться соизволил белякам на радость. И чего стараются? Чёрного всё равно в рай не пустят, чёрному в аду место, а чтоб ему там попривычнее было, так ад и на земле устроили. Будь они все прокляты.

Дверь прикрыта, но на улице уж слишком паршиво, и Чак решил всё-таки войти.

В церкви было светло и тепло, даже жарко, и многолюдно. Все самозабвенно пели и на Чака внимания не обратили. Он протолкался к стене и уже оттуда, прикрыв спину, огляделся. Просто так, на всякий случай.

Слайдеров он выглядел почти сразу. Ишь, вырядились поганцы. Во всём новом, старший аж в галстук, под беляков подстраиваются, морды холёные. Ладно, проглотим-переступим. Даже удачно получилось: на выходе в таком месте легче подойти и заговорить.

Что там болтал поп и что пели замороженно глядевшие на него люди, Чак не слушал. Всё это он знал и знал, что любые белые придумки всегда цветному во вред. Ну вот, так оно есть! Пели-голосили до хрипоты, а теперь гони денежки. Чёрт, и смыться сейчас – это Слайдеров упустить. И когда перед ним остановилась с подносом в руках молоденькая мулатка – совсем девчонка – в новеньком топорщащемся платье из белой дешёвой материи, Чак нехотя достал из кармана кредитку и бросил её в кучу бумажек.

– Бог да благословит тебя, брат, – улыбнулась мулатка.

– Чтоб он подавился моими деньгами, – беззвучно ответил Чак, вежливо улыбаясь.

Собрали деньги, ещё попели, ещё чего-то беляк потрепал, ещё спели... Когда-нибудь это кончится? Хотя... в тепле, сверху не льёт, можно и потерпеть. А терпеть и ждать он умеет. Выучили.

Наконец служба закончилась. Все шумно вставали, кто пробивался к выходу, кто проталкивался к священнику, разговоры, смех... Чак, сохраняя на лице приличествующее обстановке выражение, зорко следил за Слайдерами. Так... старший о чём-то говорит со священником, а двое... ждут у дверей? Поймать их, что ли, сейчас? Ладно... Нет, старшего беляк отпустил, идёт к ним... Пора.

В общей толпе Чак пошёл к выходу, стараясь, чтобы между ним и Слайдерами оставалось человек пять, не больше, но и не меньше трёх.

На улице было ветрено, сыпал мелкий дождь пополам с ледяной крупой. Женщины поправляли шали и платки, кутая головы и плечи. Мужчины надевали шапки, застёгивали старые куртки и новенькие плащи. Чак вытащил из-под воротника тонкий вшитый капюшон, накинул на голову и в несколько шагов догнал идущих в ряд Слайдеров.

– Привет, – поздоровался он, как можно, дружелюбнее. – Весёлого Рождества вам.

– Привет, – сдержанно кивнул Роберт. – И тебе весёлого

Рождества.

Так же, с отчуждённой вежливостью, с ним поздоровались и Метьюз с Найджелом. Чак прикусил изнутри губу. Ах, поганцы, строят из себя... на лёгком трёпе как с Битым не проскочишь. Тому он поставил выпивку и сэндвич с мясом, так Битый больше часа перед ним выворачивался, и спрашивать не пришлось, сам всё выложил. Здесь так не получится, и Чак пошёл напролом.

– Хозяин ваш, как его, Бредли, что ли, здесь?

Лица Слайдеров невозмутимо вежливы, и только в голосе Роберта еле заметная насмешка.

– Свободе год уже, а ты всё о хозяевах толкуешь.

Чак сжал спрятанные в карманах куртки кулаки.

– Не цепляйся к словам, Роб, не стоит, – сказал он, так же только намечая на угрозу. – Я спросил о Бредли. Он здесь?

– А мы откуда знаем? – пожал плечами Метьюз.

А Найджел улыбнулся.

– Он нам не отчитывается, – его улыбка стала шире и насмешливей. – Как и мы ему.

Роберт удовлетворённо кивнул и тронул пальцами край своей шляпы. Чак ничего не мог ни сделать, ни сказать. С ним прощались вежливо, но бесповоротно. А затевать драку он не мог и не хотел: против троих непросто, против спальников, из которых один наверняка просроченный, – ещё хуже, а уж ему-то... Ему оставалось столь же вежливо попрощаться и пойти в другую сторону.

Отойдя на несколько шагов, Чак вполголоса выругался. Вот поганцы, ну, нет им другого имени. Убудет у них, что Бредли ему заложат? Да и не заклад это, не подставка, всего-то и спросил... Хотя... Их тоже можно понять, с Бредли связываться опасно...

...Битый шумно отхлёбывает из стакана, задумчиво рыгает и продолжает:

– Жить можно. Крыша только нужна хорошая, а так-то...

Он понимающе хмыкает в ответ, но Битый в поощрении и не нуждается.

– Кто крышей обзавёлся, тому сам чёрт не брат, вон этот, Бельмастый, отстёгивает кому надо и на полицию плюёт, спиртным без лицензии торгует. Во, что такое крыша! Да ты кого ни возьми. А без крыши... – Битый замысловато ругается.

– Крыша нужна, чтоб от полиции прикрыться, – рассудительно говорит подсевший к ним мулат с перебитым носом. – А ежели у тебя дело законное...

Битый с удовольствием ржёт и сразу стервенеет.

– А ну вали отсюда, халявщик, ишь на чужую выпивку пасть разевает!..

Мулат послушно исчезает, а Битый пренебрежительно плюёт ему вслед.

– Дурак! Законно-о-о! Да бялки на любой закон наложат и этим же тебя придавят, ежели без крыши, – и, заговорщицки понизив голос: – Вот слушай сюда. Есть тут такие, брат-

цы-красавцы, мялка у них, ну, массажное заведение, слышал небось? – он осторожно кивает. – Живут сволочи... лучше иного беляка, всюду им, понимаешь, почёт и уважение, денег навалом, а щипнуть их ни один не рискнёт. А почему? Кры-ша! За ними, – и совсем тихо: – такой, Бредли. Тот чуть карманом шевельнёт, так всё его будет. А в подручных у него тип один, тоже беляк, но стрелок, говорят, у мухи на лету яйца отстреливает. Ему чуть поперёк – и жить не будешь. Кто ему хоть слово пикнул, того уж больше никто не видел. Понял, нет?

Он кивает. Чего уж тут не понять...

...Чак вздохнул. Битый трепал долго, натрепал много, и больше с Битым никаких дел иметь нельзя. Начнут Битому язык укорачивать, так и тех, кто рядом, прихватят. Так что... в Колумбии Бредли наездами, птица высокого полёта, так что говорить надо с Трейси. А он лопухнулся тогда, дал себе волю, и вот... если Трейси беляков за слово отстреливает, то что за ту оплеуху устроит... Чак передёрнул плечами, как от озноба. Но и другого варианта, как ни крути, нет.

Атланта

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Рождество в госпитале праздновали широко. В столовой возвышалась увешанная игрушками – самодельными и покупными – ёлка, под ёлкой лежали и прямо на ветках висели кульки и пакетики с подарками. И все подписанные. Ищешь свой и снимаешь. Тихий «святой», как объяснила парням Тётя Паша, вечер и отпраздновали тихо: степенно поужинали, кто хотел, пошёл в госпитальную «русскую» церковь, а вот с утра и началось веселье. Конечно, работа работой, и кому выпало дежурить, тому выпало, но плановых операций нет, процедуры – только «жизненно необходимые», а массаж к

таким не относится. Два дня парни отчищали, отмывали и надраивали всё, до чего смогли дотянуться, и теперь гуляли, как никогда в жизни. Многие пошли в город: людей посмотреть и себя показать. А что, почему и нет, «ёлочные» деньги все получили, ну, и потратили, конечно, так что есть чем похвастаться.

Андрей тоже собирался в город и уже оделся на выход, но всё же решил сначала забежать в пару палат. Он, как и остальные, часто дежурил в реанимации, у тяжёлых, и со многими у него сохранялись, ну... ну, скажем так, сердечные отношения, хотя лежали эти «ранбольные» уже в обычных палатах. Сейчас таких было двое. И хотя все раненые получили ещё вчера кулёчки с рождественскими подарками, Андрей сделал ещё два от себя, сам склеил, надписал, раскрасил. Кулёчки маленькие: по три конфеты и мандаринке в каждом, но на большее у него денег нет. Он ещё за пуловер не расплатился, а купил непромокаемую куртку с капюшоном, блестящую, с цветными молниями, и книги купил, да и остальным тоже подарки делал, так что... ладно. Тётя Паша им всё повторяла, что дорог не подарок, а любовь.

В госпитальных коридорах просторно и чуть заметно пахнет хвоей. Почти во всех палатах маленькие ёлочки, а для ходячих в игровом зале – большая. Народу немного: на Рождество остались только те, кому никак не встать, и у них почти у всех посетители. Но это местные, а ему на этаж к раненым. Халата он не надел: он ведь сегодня тоже... посетитель.

– Здравствуйте, с Рождеством вас.

Седой мужчина отложил книгу и приподнялся на локте.

– Здравствуй, Андрей, и тебя с Рождеством. Ты что без халата сегодня?

– А я к вам так, – Андрей широко улыбнулся, не зная, как точно назвать себя.

– В гости, значит, – пришли ему на помощь. – Ну, спасибо садись. Раз так, то гостем и будешь.

Андрей сел на стул у кровати и протянул свой кулёк.

– Вот. От меня вам с Рождеством.

– Спасибо, – седой взял кулёк. – А у меня и отдарка нет, хотя...

– Нет-нет, – замотал Андрей головой.

– Нет уж, – улыбался седой. – Давай уж, как положено.

Он взял с тумбочки казённый кулёк, открыл и протянул Андрею.

– Бери что хочешь.

Андрей взял маленькую карамельку в золотой обёртке, и седой, удовлетворённо кивнув, убрал кулёк на прежнее место. Встретившись глазами с Андреем, улыбнулся:

– Бриться ещё не могу, а с остальным справляюсь.

В его голосе прозвучала хвастливая нотка. Вместо правой руки у седого культия, кончавшаяся двумя выростами-пальцами, сделанными ему врачами, а левой руки нет по самое плечо. И обе ноги выше колен ампутированы, и... И Андрей знает, что там ещё много чего было. И седым мужчина стал

уже здесь, а так-то он ещё молодой.

– Как снаружи, Андрей?

– То льёт, то моросит.

– Не зима, а паскудство. Чёрт-те что, чтоб на Рождество и снега не было.

Андрей согласился. Снег и ему нравился. Они поговорили о погоде, ещё о пустяках, и Андрей попросился.

В коридоре он довольно улыбнулся. Ну вот, а то яду просил, жить не хотел... А если ещё и родные найдутся, так будет совсем хорошо. А теперь надо к Колюне зайти. Того только-только из реанимации перевели. Но не в общую, а в интенсивную терапию.

Сокращая дорогу, Андрей пошёл через этаж, где лежали «местные». И он уже подходил к лестнице, когда его окликнули по-английски.

– Эй, парень, – и совсем неожиданное: – Красавчик!

Андрей остановился и медленно, полуобернувшись, посмотрел через плечо.

– Не узнаёшь?

Белый, высокий, на костылях, в госпитальной пижаме... Но... Но он знает этого беляка... Да, знает. Страшным усилием Андрей подавил поднимающуюся к горлу холодную волну страха и кивнул.

– Да. Узнал.

– Я тоже тебя узнал, ещё вчера, – улыбался белый. – Зайди.

И, не ожидая его согласия, повернул к маленькой одно-местной палате-боксу. Помедлив, Андрей пошёл за ним.

В палате белый сел на кровать, а Андрей остался стоять у двери.

– Я рад, что ты выжил, – белый улыбается искренне, в его голосе нет ни насмешки, ни злобы, и смотрит он, явно и тоже искренне любясь Андреем. – Я как увидел тебя, сначала даже не поверил. Думаю, быть не может, а потом пригляделся и узнал. Ты давно здесь?

– С февраля, – разжал губы Андрей и почувствовал облегчение: он уже дважды смог обойтись без положенного обращения «сэр».

– О! – удивился и даже будто восхитился белый. – Да чего ты у двери, подойди.

И похлопал ладонью по кровати рядом с собой. Как когда-то. Андрей судорожно сглотнул и заставил себя не подчиниться. Вслепую за спиной нашарил ручку двери и вышел из бокса.

И перевёл дыхание только возле палаты, где лежал Колюня. Николай Авдеев, подорвавшийся на mine сапёр, чудом доживший до госпиталя и буквально собранный по кусочкам Аристовым и остальными хирургами. Андрей несколько раз вдохнул и выдохнул, вытер рукавом лицо и заставил себя забыть того беляка, своего последнего хозяина, что купил его на торгах и держал у себя до зимы, и отдал той банде, откупился им, спасая свою жизнь. Андрей ещё раз вытер лицо,

уже ладонью и открыл дверь палаты.

– Здравствуй, Колюня, с Рождеством тебя.

– Андрей? – по подушке катнулась наглухо забинтованная с щелюями для ноздрей и рта круглая голова. – Здравствуй, и тебя с Рождеством.

Андрей подошёл и сел рядом, подставив своё колено под щупающую воздух ладонь. Тоже забинтованную в культю, с узкой полоской голой кожи у запястья. А дальше опять бинты, до плеча, а там, у основания шеи, ещё полоска тела. Колюня запястьем провёл по колену Андрея.

– Ты не в халате, что ли?

– Нет, в джинсах, – улыбнулся Андрей. – Я не работаю сегодня. Праздник же.

– Ага, понял.

– Вот, это тебе подарок от меня.

Андрей вложил кулёк в ладонь Колюни и осторожно, мягкими прикосновениями, помог открыть и ощупать конфеты и мандаринку. Мандаринку Колюня поднёс к лицу, вдохнул её запах и негромко засмеялся.

– Пахнет как хорошо. Спасибо, Андрей.

– Очистить тебе?

– Давай. И напололам.

Андрей взял у Колюни мандаринку, очистил её, раскладывая корки на его груди, чтобы Колюня чувствовал запах.

– Жухать не вздумай, – грозно сказал Колюня. – Одну мне, одну себе. Понял?

– Понял, – кивнул Андрей. – А если...

– А они всегда чётные, – хитро улыбнулся Колюня.

Они съели мандаринку. Андрей честно и очень старательно чмокал, изображая еду. Но когда мандаринка закончилась, Колюня усмехнулся:

– А и здоровенная же, больше апельсина. На двадцать долек, что ли?

– Я не считал, – рассмеялся Андрей.

– Жухала ты, – покорно вздохнул Колюня. – Жучила. Ты корки мне на тумбочку положи, ладно? И... и можно попросить тебя?

– Можно, конечно. Чего сделать?

– Ты в город пойдёшь когда... – медленно начал Колюня.

Андрей ждал просьбы чего-нибудь принести и уже решил, что займёт и купит, но просьба оказалась настолько неожиданной, что он растерялся. И даже подумал, что не так понял.

– Ты же на танцы пойдёшь, святки же сейчас, – медленно говорил Колюня. – Так ты один танец за меня спляши, ладно? Ну, будто это я. Мне-то... мне, видно, не плясать больше. Так ты за меня. Выгляди девчонку получше и пригласи. Ладно? Сделаешь?

– Д-да, – не очень уверенно пообещал Андрей.

Бледные губы Колюни дрогнули в улыбке.

– Сколько тебе лет, Андрей?

– Восемнадцать полных.

– Молодой ты ещё, тебе непонятно, конечно, ладно, за-

будь.

– Нет, – твёрдо ответил Андрей. – Сделаю.

– Спасибо, – серьёзно поблагодарил Колюня. – Как там, льёт?

– Иногда моросит, – улыбнулся Андрей.

И пошёл опять разговор о снеге, что на святках и без снега... паскудство одно.

– Я завтра зайду, – встал Андрей.

– Заходи, поболтаем, – улыбнулся ему Колюня. – Счастливо отпраздновать.

– Спасибо. И тебе счастливо.

В коридоре Андрей перестал улыбаться и устало побрёл по коридору. Обещать-то он обещал, а вот как выполнять будет? Он же... он же ещё ни разу не ходил на танцы, да же близко не совался. Куда ему, спальнику, да ещё и джи. А опознают его, так ведь затопчут, по полу размажут. И остальные парни – он знает – так же. Что же делать? Колюню обмануть... подлость это, после такого сам ведь жить не захочешь, не сможешь, а идти страшно.

Он прошёл на служебную лестницу, спустил вниз и надел куртку уже не внакидку, а в рукава. Ладно. Танцы всё равно вечером, а сейчас он просто пойдёт погуляет. Алик должен его у ворот ждать. В одиночку они в город всё-таки не ходят. Мало ли что...

Алик ждал его у проходной, оживлённо болтая с дежурившим там солдатом, помогая себе при нехватке слов мими-

кой и жестикуляцией. И оба с удовольствием хохотали. Когда Андрей подошёл к ним, дежурный вытер выступившие от смеха слёзы и махнул им рукой.

– Идите, ребята, веселитесь. Рождество как никак.

– Ага, спасибо, – улыбнулся Андрей.

Когда они отошли от госпитальных ворот, Алик негромко спросил по-английски:

– Случилось чего?

– А что? – так же по-английски ответил Андрей. – Заметно?

– Не очень, но есть.

Андрей ответил не сразу.

– Везёт мне... то на одного... бывшего наткнушь, то на другого.

Алик понимающе кивнул.

– Хреново. Мне пока везёт.

– То-то и оно. На Хэллоуин я чуть не сорвался. Его раненого привезли, – Андрей говорил короткими, рваными фразами, будто плевал. – И сейчас опять. Нельзя мне срываться. А сердце горит, – последнюю фразу он сказал по-русски.

Алик молча кивал. А что тут скажешь? Все они жили с этим страхом: встретить своего хозяина. Даже если не дал клятвы, то всё равно... и главное – дотянуть до отъезда, в России это невозможно, там они никого встретить не могут. Главное – дотянуть, дожждаться.

Андрей искоса посмотрел на Алика. Улыбнулся.

– Ничего, – сказал он по-русски.

И Алик тут же кивнул:

– Ничего.

Сырой ветер толкал их в спины, будто подгонял. Улицы были пустынные и сумрачны. Только в окнах горели огни рождественских ёлок.

В город ушли многие, но не все. Крис остался. Помогая наряжать ёлку, развешивать и раскладывать подарки, он так и не решился повесить свой заботливо склеенный и раскрашенный пакетик. Для Люси. Если... если бы ему удалось остаться одному у ёлки, он бы ещё рискнул, а при всех... И сегодня, когда вечером все соберутся в столовой и будут праздновать Рождество, Люся не найдёт его подарка. Вот тогда, представив себе, как она перебирает впустую колючие ветви, он и решил. Сегодня вечером он и сделает это. Сдохнет, а сделает.

Крис лежал на кровати, одетый, поверх одеяла, только ботинки скинул. Вчера, в Сочельник, он сел так, что мог видеть Люсю. Что-то ел вместе со всеми, пил, даже говорил, но ничего не помнит, а она... она ни разу не посмотрела на него. Крис вздохнул. По оконному стеклу текут струйки. Не зима, а слякоть – так, кажется, по-русски? Да, правильно, слякоть. Все русские говорят, что зима здесь ненастоящая, гнилая, скорей бы уехать. И он согласен. Скорей бы. Здесь его ничего не держит. Чтобы не вздрагивать от прозвучавшего за спиной окрика, чтобы не бояться собственного лица и тела,

чтобы по городу ходить, как по госпиталю – подняв голову и глядя в глаза встречным. А сейчас... Раненых стало меньше, больше местных, и сразу стало тяжелее. Раненые, никто, ни один, ни разу не назвал его цветным, словом на его прошлое не намекнул, не заметил, что он... а эти сволочи, беляки, сразу... Нет, думать о них – только душу травить. Скорей бы уехать. Там он пойдёт в школу для взрослых, будет работать и учиться, и после, получив, как его, а, да, аттестат, пойдёт учиться дальше, на врача. Чтобы работать рядом с Юрием Анатольевичем, доктором Юрой.

На столе нарядный пакетик. Брошка-цветочек. Ларри тогда ему подарил. Золотые руки у мужика. Как он там, в имении? Знал бы адрес, написал бы, поздравил с Рождеством. Ларри беспокоился о сыне, да, Марке. Редкое имя, никогда раньше не слышал такого. И всё Ларри повторял, что всего два дня они были вместе, что вдруг Марк забудет его. Глупо аж до смешного. Как же можно такое забыть? Если бы ему кто сказал, что вот его... отец, или мать, он бы разве забыл? Да ни в жизнь! Но он – спальник. А у спальника даже этого нет. Джо с Джимом молодцы, братьями себя назвали, и те, Слайдеры. И ещё. Те двое, что едва из «чёрного тумана» встали, ушли из госпиталя, даже имён своих не сказали. Только то, что они – братья. И ушли. Один хромал ещё, только-только ему гипс сняли, да, точно, щиколотка у него была разбита, разрыв связок, и второй его поддерживал. В обнимку ушли. А сам он не ушёл. Когда он решил остаться?

Нет, что с ним такое, он понял гораздо позже. А тогда... да, он просто боялся остаться один. Как в том, накрытом бомбёжкой Паласе, где его засыпало в подвале, раненого, как он ещё кровью не истёк, не задохнулся... и там, в темноте, боясь шевельнуться, потому что сразу натыкался на острия и осколки, и вокруг шуршало и осыпалось... Сколько он там пролежал? Смену? Две? Больше! Наверняка больше, гореть же он там начал, его и нашли... по крику.

Крис облизал губы. Он и сейчас помнит, ощущает металл горлышка фляги на губах, вкус той воды. И помнит, как лежал и ждал выстрела. И, не дождавшись, закричал:

– Убейте, не мучайте! За что?!

Его корчило и выгибало в болевых судорогах, и любое прикосновение было болью, а его держали, зажимали руки, трогали раны, он боли туманилось в глазах, и он не различал лиц. Кто-то над ним сказал по-английски:

– Это спальник.

И он закричал:

– Да, да, спальник, убейте, сволочи, будьте вы прокляты!

Пытался сопротивляться, лишь бы добились. А его завернули во что-то жёсткое – плащ-палатку наверное – положили в кузов и привезли сюда. И всё потом было. И прошло, и жизнь наладилась. Если, конечно, не думать о... о Люсе. Конечно, он всё понимает. Люсе он не нужен. Что бы ни говорил доктор Ваня, но она – белая, а он – цветной, метис, раб, спальник. Перегоревший спальник никому не нужен. Он –

вещь, его сделали, как любую вещь, для определённой цели. А вещь сломалась. Её можно приспособить для чего-то другого, а можно и выкинуть. Но сама по себе она уже не нужна. И место ей на свалке. В Овраге.

Крис почувствовал, как по щекам поползли слёзы, и рывком сел. Вытер ладонями лицо. Ладно. Надо дотянуть до вечера, и вечером, на праздничном ужине, когда все будут веселиться, он сделает задуманное. А дальше будь что будет. Жить без Люси он не может. И так, как сейчас – тоже. А пока... пока надо чем-то заняться, а то совсем свихнёшься.

Он ещё раз потёр лицо ладонями, обулся и подошёл к столу. Учебники, тетради, взятая в библиотеке книга, купленный в городе журнал. Да, этим он и голову забьёт, и польза будет. Крис решительно сел за стол и открыл учебник английского. Здесь у него даже хуже, чем с русским. Ну вот, страница тридцать семь, упражнение номер шесть. Крис придвинул черновую тетрадь, тщательно написал заголовок и стал сосредоточенно читать.

И напряжённое отчаяние постепенно отпускало его. А шум в коридоре так же далёк и неважен, как шум ветра за окном.

Упражнение пришлось переписывать дважды: в первый раз насажал ошибок, а во второй получилось грязно. И за русский он взялся уже совсем спокойно. И снова упражнение. Вставить пропущенные буквы и запятые...

– Merry Christmas, Кир, – всунулся в дверь Дональд.

– И тебе того же, – вежливо ответил по-английски Крис, не поднимая головы.

Дональд подошёл к столу и насмешливо хмыкнул.

– Нашёл, чем в Рождество заниматься. Давай лучше в город смотаемся.

Читать по-русски, слушая английскую речь, Крис ещё не мог. Он отложил учебник, небрежно накрыв им подарочный пакетик, и снизу вверх посмотрел на Дональда.

– Думаешь, в городе веселее?

Дональд пожал плечами.

– Ну... ну, всё-таки... Рождество же, а ты сидишь... как в камере.

Крис усмехнулся.

– Дурак или притворяешься? Если тебе заняться нечем...

Дональд ногой подвинул к себе стул и сел.

– Говорят, уже летом госпиталь свернут.

– Ну...

– Ну, так место себе искать надо.

– Я нашёл, – улыбнулся Крис.

– А я нет, – вздохнул Дональд. – И уезжать страшно, и оставаться... не с чем. Не нужны мы никому, Кир. Ни здесь, ни там.

– Я сам себе нужен, – нехотя ответил Крис.

Ответил просто так, лишь бы последнее слово не оказалось за Дональдом. Дональд уважительно посмотрел на него.

– Разве что так. Это ты здоров, конечно. Так... так в город

не пойдёшь?

Крис мотнул головой.

– Позанимаюсь лучше.

Дональд задумчиво кивнул.

– Что ж... – и усмехнулся. – Каждый с ума по-своему сходит.

– Вали отсюда, – предложил Крис достаточно беззлобно, но твёрдо.

И Дональд ушёл.

Когда за ним закрылась дверь, Крис снова взял учебник. Но глаза бездумно скользили по строчкам... Никому не нужны... никому не нужны... никому... да плевать ему на всех, он Люсе не нужен. И вот с этим ему ничего не поделать...

В комнате стемнело, и Крис встал включить свет и задёрнуть занавески. Неужели уже вечер? Скоро начнут готовиться. Да, вон уже по-другому зашумели.

– Кир, – без стука заглянул Эд. – В душ пойдёшь? По-мнёмся заодно.

– Бодрящим?

– Ну да.

– Иду, – Крис подошёл к столу и стал собирать учебники.

Вот и всё. Совсем незаметно день прошёл. И наступает вечер. Праздничный рождественский вечер, когда все будут в столовой, кроме дежурных в палатах, и он сделает то, что решил сделать. А там – будь что будет.

Из города возвращались уходявшие погулять, выбирались

из постелей отсыпавшиеся по старой привычке и дежурившие прошлой ночью, коридор заполнялся гулом голосов и смехом.

Крис быстро собрал банный мешок, вышел и запер дверь. Да, сейчас в душе будет не протолкнуться. Все повалили. Ну ничего. Как их Тётя Паша учила? В тесноте, да не в обиде...

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна Бредли»

До Рождества снег, конечно, не долежал. А Санта-Клаус ездит в санях на оленях. Даже картинку такую в городе купили и на кухне повесили.

– Пап, – Марк горестно смотрел в залитое дождевой водой окно, – как же Санта-Клаус до нас доберётся? Развезло же всё.

– Санта-Клаус везде проедет, – улыбнулся Ларри. – У него

не простые сани.

Марк с надеждой смотрел на отца.

– Пап, а не пора идти?

– Сейчас я закончу, и пойдём.

Марк вздохнул. Дядя Стеф тоже говорил, что Санта-Клаус приедет, что ему дождь не помеха, а Роб говорит, что без снега на санях не ездят. А... а вот кто знает! Марк спрыгнул с кровати, на которой сидел, ожидая, пока отец закончит шитьё, и стал одеваться.

– Пап, я... я быстро, ладно?

Ларри кивнул, и Марк выбежал из их выгородки.

Уже смеркалось, и Марк изо всех сил побежал к конюшне. Он так боялся опоздать, не застать, ведь лошади рано засыпают, что не смотрел ни под ноги, ни по сторонам, ни даже куда бежит. И с разбегу врезался в выходявшего из конюшни Фредди. От неожиданности Фредди покачнулся, чуть не уронив шляпу.

– Марк?!

Поняв, что же он натворил, Марк застыл в полном отчаянии.

– В чём дело? – следом за Фредди из конюшни вышел Джонатан. – Что случилось, Марк?

– Я... я... прошу прощения, сэ... я не хотел, масса... – задыхаясь, лепетал Марк.

– Так, – кивнул Фредди. – Это понятно. Так что случилось?

– Я... только спросить, масса, – наконец справился с прыгающими губами Марк.

– Так спрашивай, – улыбнулся Джонатан.

– А... а грузовик у Санта-Клауса есть? – замирающим голосом спросил Марк и быстро добавил: – Прошу прощения за дерзость, сэр.

Джонатан и Фредди переглянулись, и Фредди пожал плечами.

– А зачем ему грузовик, Марк?

– Ну, ведь без снега он в санях не приедет. Сэр, ведь нет снега, как же он приедет? И ещё подарки привезёт?

Фредди медленно глубоко вдохнул и выдохнул, удерживая смех. Джонатан как раз закуривает, заслонив лицо сложенными ладонями, а Марк смотрит на них с такой надеждой...

– Есть у него грузовик, Марк, – очень серьёзно ответил Фредди. – Не беспокойся, приедет.

– Ага, – радостно улыбнулся Марк и попятился. – Спасибо, масса, благодарю вас, сэр, прошу прощения, что обеспокоил, спасибо, – сыпал он усвоенными с питомника и услышанными от отца благодарностями.

Когда он стремглав умчался к бараку, Джонатан перестал зажимать себе рот и захохотал.

– Ну, голова! – смеялся и Фредди. – Ну, сообразил!

Джонатан продышался и кивнул.

– Если б ты сказал, что грузовика у Санта-Клауса нет...

– Он бы попросил меня его привезти, – закончил за него Фредди и очень серьёзно, даже с обидой добавил: – Охота мне сейчас за баранку садиться! Обойдётся старик своим транспортом, – и, не выдержав тона, заржал.

Марк влетел в барак и побежал к Робу. Перед торжественным обедом все разошлись по выгородкам привести себя в порядок и чтоб не мешать Мамми в хлопотах по кухне. Вообще-то все взрослые поодиночке сбегали на кухню, но на чуть-чуть, зайдут и выйдут, а Мамми как выгнала всех с ленча, так и не выходит.

Марк рванул дощатую дверь и закричал с порога.

– Роб! У него грузовик!

– У кого?! – сразу выбежал к нему в одной рубашке Роб.

– У Санта-Клауса, вот! Он и без снега приедет!

Роб радостно взвизгнул, но тут из их выгородки вышел Роланд и сгрёб Роба в охапку.

– Ты чего без штанов бегаешь?! А ну, марш на кровать!

Выглянул на шум и Ларри.

– Марк, в чём дело? Иди домой.

– Пап!.. – обернулся к нему Марк.

– Иди домой, Марк, – повторил Ларри.

А когда Марк вошёл и стал снимать курточку, укоризненно покачал головой.

– Зачем ты так шумишь, Марк? И что это за история с грузовиком?

– Папа, у него есть грузовик, он приедет!

– Кто, Марк?

– Санта-Клаус! Масса Фредди сказали, что есть.

– Сэр Фредди сказал, – поправил его Ларри и удивлённо посмотрел на сына. – Так ты ходил к сэру Фредди?

– Да, – Марк наконец справился с сапожками и поставил их к стене. – Пап, я потом их оботру.

– Нет. Когда засохнет, это будет сложнее.

Марк кивнул и взял тряпку. Ларри помог ему обтереть сапожки и не запачкаться. Потом Марк сел опять на свою кровать и стал рассказывать, как он ходил к сэру Фредди и тот ему сказал, что у Санта-Клауса есть грузовик, и потому он обязательно приедет.

– Ты говорил вежливо? – строгим голосом, но улыбаясь, спросил Ларри.

– Ага, – кивнул Марк и тут же сам поправился. – Да, я всё сказал и поблагодарил.

– Тогда хорошо. А теперь, – Ларри улыбнулся. – Теперь давай переодеваться.

– И ботинки?! – выдохнул Марк.

– И ботинки, – кивнул Ларри. – Кто же за рождественским столом в сапогах сидит?

Марк торопливо потянул с себя чистую, но всё же обычную тёмную рабскую рубашку. Ларри помог ему переодеться. Белая рубашка на пуговках, на груди карманы с клапанами, брюки, настоящие, с застёжкой как у джинсов, с отглаженными в стрелку штанинами, длинные носки, блестящие

ботинки на шнурках...

Уже одетый Марк стоял у двери, чтобы не мешать переодеваться отцу, а сесть он не решался, чтобы не помять ненароком новенькую рубашку. И под его восхищённым взглядом Ларри надел такую же ослепительно белую рубашку, брюки, носки, чёрные блестящие ботинки. Ларри тщательно оправил манжеты и воротник рубашки, улыбнулся сыну.

– Ну, пошли, Марк. Пора.

Марк открыл дверь, и они вышли в коридор почти одновременно с остальными. Без обычной толкотни и шума чинно прошли в отмытую до блеска, ярко освещённую, заполненную небывалыми запахами кухню.

Стол был сдвинут с обычного места, потому что у стены стояла большая – с Сэмми ростом – ёлка. Ёлка сверкала и переливалась, она была в игрушках, шарах и звёздах, паке-тиках и кульках, а под ней лежали пакеты, коробки и коробочки. А на столе стояли тарелки! И чашки! Никаких мисок и кружек, всё как у белых. И люди все такие нарядные. Роланд, Сэмми и все мальчики в джинсах и ярких ковбойках, Стеф, как и Ларри, в белой рубашке и хороших брюках, и даже... даже галстук на шее! Молли в ярко-розовом с оборочками платье, а у Дилли платье зелёное в красную клетку и платок на голове такой же, и завязан по-особому, как у городских, это её Мамми научила, а у Мамми платье и платок синие-синие, яркие, а поверх платья белый фартук и тоже с оборочкой. И все без сапог, в ботинках и туфлях, и...

– Ну, весёлого Рождества всем! – дрогнувшим голосом сказал Стеф.

– А... а Санта-Клаус уже приехал? – растерянно спросил Том.

– А сейчас он где? – сразу поддержал его Джерри.

– Дальше поехал, – улыбнулся Стеф. – Ему всю страну объехать надо.

Малыши понимающе закивали. Ещё несколько секунд благоговейного созерцания, и Стеф сказал:

– Ну, посмотрим, что Санта-Клаус привёз.

Мамми грозным взглядом остановила рванувшихся вперёд Тома и Джерри.

Все пакеты и коробки завязаны красивыми лентами, скреплёнными бумажными сердечками с красиво написанными именами. Стеф и Ларри громко читали имена и пожелания весёлого Рождества и раздавали подарки. Смех, ахання, взвизги...

Стеф сразу заколол галстук полученной в подарок заколкой с выгравированной монограммой и, улыбаясь, кивнул Ларри.

– Спасибо.

– Весёлого Рождества, – улыбнулся в ответ Ларри.

Молли воткнула в волосы нарядный с блестящими камушками заколку-гребень. Стеф помог Ларри завязать на шее нарядный, переливающийся красным галстук. И Марк получил в подарок, правда, не галстук, бело-красный шнур-

рок с кистями, и ему тоже тут же повязали как галстук. Очень нарядно! Билли и Роб тоже получили шнурки, а Том и Джерри – ярко-красные шейные платки, настоящие ковбойские, и ещё всем четверым азбуки – большие нарядные книжки с картинками. Дилли накинула на плечи большую ярко-жёлтую шаль в красных и зелёных птицах и с бахромой, а Сэмми, сосредоточенно сопя, тут же вдевал в джинсы новенький пахнувший кожей пояс. А ещё куски дорогого мыла, у Мамми как... как роза, вот! И стопки носовых платков, клетчатых для мужчин и с цветочками для женщин. И красивые рождественские картинки, чтобы повесить в выгородке на стену. А у Мамми тоже платок на плечи, только красный с цветами. А у Молли браслет-змеяка с красными глазами. И у Роланда новый пояс, а у Ларри блокнот с ручкой, и у Стефа такой, и Мамми... книга? Ну да, поваренная, ух, и поедим теперь!..

Слова о еде заставили от оторваться от ёлки и повернуться к столу. Книжки и шали, ну, и остальное, с чем за стол не сядешь, убрали опять под ёлку и расселись по местам. Мамми важно, давая всем прочувствовать значимость события, разложила по тарелкам... салат! Самый настоящий, как у господ было. А Стеф... Стеф достал бутылку и разлил по чашкам что-то пузырящееся и вскипающее пеной. Всем взрослым. А мальчишкам из другой бутылки, но тоже пенное.

– Шампанское? – удивлённо спросил, беря свою чашку, Ларри.

– Да, – кивнул Стеф и объяснил всем: – Это праздничное вино. Сегодня большой праздник. А детям лимонад. Ну, с Рождеством всех, весёлого Рождества всем.

Подражая Стефу, все взяли свои чашки и выпили, многие поперхнулись с непривычки. Съели салат. И Мамми положила всем... по куску мяса, жирного, жаренного, и не с кашей, а с жаренной нарезанной ломтиками картошкой. Ели, как всегда, сосредоточенно, а из-за боязни посадить пятно на новенькую рубашку или платье – жир-то отстирывать замаешься – и медленно. Да и куда спешить? Праздник же. Доели мясо и... рыба?! Мамми гордо показала всем большую рыбину на сковородке, и Стеф помог ей разложить специальной лопаткой уже готовые куски по тарелкам. Рыбу почти все ели впервые в жизни, а после рыбы... Мамми поставила на стол блюдо с зажаренным гусем, и восторженный многоголосый вопль потряс стены. Тут уж поневоле пошли в ход руки...

...Фредди, полулёжа в кресле перед камином, задумчиво покачивал в руке стакан с коктейлем.

– Джонни, ты когда в последний раз праздновал Рождество?

– Мм... до Аризоны, это точно.

– Ясно, – кивнул Фредди и прислушался. – Петь начали.

Джонатан кивнул.

– Слышу. Ну, там Стеф.

– Потому и поют, – хмыкнул Фредди.

В комнате еле заметно пахло хвоей. Ёлочку они поставил на каминную полку, и тёплый воздух снизу покачивал ветви, заставляя вращаться лёгкие блестящие шарики.

– А неплохо готовит Мамми, – разнеженно сказал Джонатан.

– Угу, – согласился Фредди. – Карпа там не осталось?

– После тебя что-то остаётся? – удивился Джонатан.

– Это да, – согласился Фредди и рассмеялся.

Рассмеялся и Джонатан. Зимний ветер за окном, далёкое нестройное пение, в котором с трудом, но различимы знакомые, памятные с детства рождественские мелодии, запахи хвой и смолистого дыма в камине...

– Двадцать седьмого в Колумбию? – лениво спрашивает Фредди.

– Да, – так же лениво отвечает Джонатан. – С утра пройдемся по точкам, и с вечера в «Порт-о-Пренсе».

– Не круто для начал?

Джонатан покачал головой. И, помолчав, сказал:

– Жить будем в «Атлантике», и до Нового года надо присмотреть квартиру. Нам уже можно.

– Д-да, – качнул стаканом Фредди и продолжил уже уверенно: – Резонно, Джонни. И легковушку с офисом, так?

– Так.

– Тогда «Порт-о-Пренс» в самый раз будет, – кивнул Фредди, залпом допил свой коктейль и встал. – Давай на боковую, лендлорд. А то дойку проспшишь.

– Раскомандовался, ковбой, – пробурчал Джонатан, вставая.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

В самый разгар праздничного ужина Крис незаметно выскользнул из-за стола. Вроде никто внимания на него не обратил. Не одеваясь, он вышел во двор, где его сразу обдало ледяным и по-зимнему резким ветром. Но разгорячённый вином, необыкновенно вкусной едой и собственной смелостью, он этого даже не заметил.

Бегом вдоль корпуса, первый угол, второй, теперь он с тыльной стороны, ряды тёмных окон – все в столовой –

крыло парней, так, пошли окна «врачебного» крыла, второй этаж, пятое от угла... Ошибиться он не мог. Столько раз он, прячась за деревьями, выглядывал её, уходя только после того, как гасло её окно.

Крис подошёл к ближнему от окна дереву, ухватился, подпрыгнув, за толстый сук и полез наверх, стараясь особо не шуметь. Но с дерева дотянуться до её окна оказалось невозможно. Он попробовал ещё раз и чуть не упал. Придётся... придётся по водосточной трубе и по карнизу. Опасно, конечно, но другого варианта нет.

Он быстро спустился на землю и побежал на угол, к водосточной трубе. Ну, если труба сорвётся, то шума, точно, много будет.

Но труба выдержала его вес. Крис добрался до второго этажа и встал на тянувшийся под окнами узкий карниз, распластался по стене. Первое окно... ему нужно пятое... пальцы впиваются в стену... чёрт, какая же она гладкая... левую ногу вбок... дотянуться до следующего окна... есть!.. теперь левую руку... есть... правую руку... правую ногу... есть второе окно! После гладкой стены и пустоты под ногой оконный карниз был восхитительно устойчивым. Крис перевёл дыхание и пошёл дальше. Третье окно... Рубашка липнет к мокрому от пота телу, но он не замечает этого, как и холодного ветра... Четвёртое окно... Он отдыхает, упираясь лбом в оконное стекло... не сбиться бы со счёта, а то ещё влезет в чужую комнату... ну... ну вот и пятое окно.

Крис перевёл дыхание и осторожно толкнул форточку. К счастью, она была не заперта, а только прикрыта. Крис держался теперь за раму и чувствовал себя увереннее. Держась одной рукой, он другой достал из кармана брюк заветный пакетик и... бросить на кровать? Нет, в темноте он не попадёт, да и не знает, где её кровать, они втроём в одной комнате. Он разжал пальцы и услышал стук упавшего пакетика. Ну, даже если не на подоконник, а на пол упало, то... то будем надеяться, что найдут. Ну, всё... он попытался прикрыть форточку... нет, не получается... ну, ладно, хоть чуть-чуть, чтобы не выстудить комнату... теперь... теперь...

И тут он не так понял, как почувствовал, что обратный путь до трубы у него не получится... нет, ему не пройти... сорвётся... так что? Прыгать. Пока не застучали, прыгать. Крис с силой оттолкнулся от окна и спрыгнул вниз, по-кошачьи извернувшись в воздухе, чтобы упасть не спиной, а на руки и на ноги. Дожди были, и земля внизу, не асфальт, так что не расшибётся.

Упав, он тут же вскочил на ноги, быстро обшарил взглядом тёмные окна. Нет, не заметили. Теперь бегом обратно, пока не хватились. Да и холодно. Крис вдруг ощутил, что замёрз и дрожит, да, от холода дрожь бьёт. И опрометью бросился обратно.

А вбежав в нижний холл, увидел себя в зеркало и ахнул: грязен он... в таком виде на праздник не сунешься. Прыгая через три ступеньки, он взлетел на второй этаж и бросился в

свою комнату. И только успел содрать с себя грязные рубашку и брюки и взять мыло, чтоб умыться по-быстрому, как в дверь стукнули.

– Кир, ты здесь?

– Чего тебе? – узнал Крис голос Андрея.

Андрей открыл дверь и вошёл. И удивлённо заморгал, увидев Криса голым, в одних трусах.

– Ты чего, Кир? Там же весело так, ты чего ушёл?

– Не твоя печаль! – рывкнул Крис, выталкивая Андрея обратно в коридор. – Брысь, малявка, не мешай! – и побежал в уборную.

Андрей оторопело посмотрел ему вслед, пожал плечами и заметил отпечаток ладони Криса на своей белой рубашке. Лицо его сразу стало обиженным, он попытался стряхнуть грязь, но только размазал её. Ах ты... незадача какая. Андрей круто повернулся и пошёл к себе сменить рубашку. Хорошо – есть запасная. Не белая, правда, клетчатая, но светлая, песочная с серым. Где это Крис так вывозился? Вообще-то интересно, но... ладно, не сейчас.

Когда Крис бежал обратно, в коридоре было уже пусто. Он торопливо натянул джинсы и зелёно-жёлтую ковбойку, обтёр мокрой тряпкой ботинки и обулся. Ну вот, остальное он потом, теперь вниз, пока остальные не заметили. Зря он, конечно, Андрея так шуганул, надо будет теперь подладиться, чтобы малец сильно языком не трепал, звон совсем ни к чему.

В столовой как раз шёл разбор подарков с ёлки. Было шумно и очень весело. Крис с ходу замешался в толпу у ёлки, к тому же его уже выкликали. Получив кулёк с надписью: «Кириллу Пашкову», Крис отошёл к своему месту, где недоеденная им курица уже подёрнулась слоем белого жира, положил рядом с тарелкой пакетик и... и стал есть. Как это никто его тарелку не очистил, пока он бегал? Да и чего-то сразу так есть захотелось.

– Тебя где носило? – сел рядом Сол.

– Переодеваться ходил, – нашёлся Крис и, чтобы уже не было никаких вопросов, пояснил: – Рубашку соусом залил. И брюки.

– Ага, – понимающе кивнул Сол и утешил: – Отстираешь, соус не жирный. И тока не будет, не старые времена.

– Это точно, – улыбнулся Крис, очень довольный тем, какую удобную отговорку придумал.

Помимо одинаковых пакетиков для всех – как объяснили парням «от профсоюза» – были, ещё, тоже именные кому-то от кого-то или просто кому-то неизвестно от кого. Хотя эти немудрёные загадки тут же сообща с шумом, смехом и подначками разгадывались.

Крис смеялся, шутил и галдел со всеми. Он сделал, что хотел, а теперь... теперь будь что будет.

Тетрадь пятьдесят пятая

Рождество, Святки, Новый год... По всей Европе эти праздники давно стали традициями и обросли ритуалами.

Один за другим шли праздничные, необыкновенные, сумасшедшие дни. Двадцать пятое, двадцать шестое, двадцать седьмое... и так до – для многих – самой волшебной ночи с тридцать первого декабря на первое января. Ночь исполнения желаний, когда можно решить и сделать, и определить свою жизнь на весь следующий год, а, может, и на годы впереёд.

И каждый день что-то неожиданное, новое... для всех и везде.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Сразу после завтрака решили сходить поздравить Бабу Фиму. Собрали нарядный пакетик гостинцев, Женя накину-

ла на плечи свою золотую шаль, Алису всунули в ботинки и пальтишко поверх нового платьица. И пошли.

Коридор был уже наполнен снующими из квартиры в квартиру людьми, двери жилых квартир то и дело хлопали и даже будто вовсе не закрывались. Носилась празднично разодетая ребятня. Алиса шла, держа Эркина и Женю за руки и поздравляя всех встречных с Рождеством сразу на двух языках.

Крохотная – кухня и жилая комната – квартирка Бабы Фимы была такой зелёной от множества цветов, что Эркин даже не сразу выглядел маленькую ёлочку и не на крестовине, а, как и остальные цветы, в горшке. Неужели... живая?

– Живая, живая, красавица моя, – перехватила Баба Фима его взгляд. – Второе Рождество вместе встречаем. Ну, спасибо, милые мои, уважили старуху. Вот и чайку из самовара сейчас попьём.

Чай из самовара был необыкновенно вкусным, и Эркин укрепился в мнении, что им самовар нужен и после праздников стоит если не купить, то хотя бы присмотреться. Пока пили чай, к Бабе Фиме заглянули из соседних квартир ещё две старушки. Одна – маленькая, как Баба Фима, но сухонькая, а другая – большая, осанистая. Баба Лиза и Баба Шура. Посидели немного все вместе. Алиса спела про рождественские колокола, сама пела, Эркин чуть-чуть подтягивал, чтобы не сбивалась, а так как бабушки не знали английского, то пересказала – с маминой помощью – по-русски. Бабушки

умилились и восхитились. И заговорили о церкви, о церковном пении, какой там хор, ну, прямо ангельский. И церковь хорошая, тесно было, правда, но уж в светлый-то день грех не пойти. А уж пели-то, пели как...

И при первой удобной паузе Женя встала, а за ней сразу и Эркин с Алисой. Ещё раз поздравили друг друга и попрощались.

– Мам, – спросила Алиса, когда они шли уже по своему коридору, – а мы в церковь пойдём?

– А тебе хочется? – ответила Женя вопросом.

– Ну-у-у, – неопределённо протянула Алиса и покосилась на Эркина.

Его лицо не выразило ни малейшего желания такого похода, и Алиса решила, что идти туда не стоит.

– Не-а, не хочу.

– Ну, – пожала плечами Женя, – тогда и говорить не о чем.

Эркин согласно кивнул. В самом деле, это ж не Джексонвилл, а если здешний поп и припрётся к ним, так ничего сделать им не сможет. Не прежние времена.

На Центральной площади – все её так называли, хотя на всех указателях и табличках было написано, что это площадь Победы – стояла высоченная ёлка с большими игрушками и лампочками вместо свечей. И там в полдень представление для детей, а вечером, когда стемнеет, представление и танцы для взрослых.

Они решили пойти на детское. И уже возле магазинчика Мани и Нюры нагнали Тима, тоже со всей семьёй. И ещё шли от их дома. С детьми. И всё туда же.

Эркин удовлетворённо отметил, что Женя и Алиса одеты не хуже других, и сам он – вполне на уровне. И перехватил такой же удовлетворённый взгляд Тима. И улыбнулся. Тим понимающе кивнул.

Так все вместе и пришли на площадь. Там, где-то в толпе, играла гармошка и было столько взрослых и детей, что Алиса крепко ухватилась за руки Эркина и Жени. Но Дим вырвался у Тима, схватил Катю за руку и ввинтился в толпу, волоча сестру за собой и звонко крикнув:

– Алиска! За мной!

– А ты не командовай! – завопила Алиса.

И, бросив Эркина с Женей, помчалась вдогонку.

– Ох, и боевой же парень, – сказал кто-то рядом с Тимом.

– Тихим будешь – так забьют, – возразил мужчина в ватной армейской куртке с закутанным в платки до шарообразного состояния малышом на руках.

– Забьют, не забьют... – тут же возразили.

– А кто смел, тот и два съел...

Но Тим уже лез к ёлке, и Зина едва поспевала за ним, держась за его полушубок. Рядом туда же, но не отодвигая людей, а протискиваясь между ними, пробивался Эркин, заботливо проталкивая Женю.

Когда они продрались к ёлке, там уже крутился детский

хоровод, которым командовал седобородый старик в синем длинном... халате, что ли? Вообще-то он походил на Санта-Клауса, но женщина рядом с ним в бело-голубых шубке и шапочке и с длинными светло-жёлтыми косами, это кто? На гармошке играл парень в клоунском костюме. Алиса, Дим и Катя упоённо прыгали в общем кругу, и Эркин с Тимом одновременно перевели дыхание.

Теперь они вчетвером стояли рядом и с не меньшим интересом смотрели представление.

Эркина сзади хлопнули по плечу. Он резко обернулся и увидел Кольку-Моряка.

– Привет, с Рождеством вас!

– Привет, – улыбнулся Эркин. – И тебя с Рождеством.

– Свою привёл?

– Ну да, вон прыгает.

– Ага, вижу.

– А ты чего?

Колька ухмыльнулся.

– Вон, видишь, колобок катается. В моём ремне.

– Ага, – кивнул Эркин, найдя взглядом маленькую и действительно круглую фигурку, перетянутую ремнём с якорем на пряжке.

– Братишка мой, – самодовольно сказал Колька. – Во, какой пацан!

Колька улыбнулся Жене и за локоть потянул Эркина к себе.

– На два слова.

– Ага, – Эркин отошёл за Колькой. – Чего случилось?

– Слушай, мы завтра стенку заводим. Придёшь?

– А чего ж нет? – кивнул Эркин.

Что такое «стенка» он уже представлял и не видел причин для отказа.

– Тогда к полдню на пруду.

– А он где?

– За Старым городом. Найдёшь.

Эркин кивнул.

– Идёт.

– И вот что, – Колька хитро подмигнул. – Все всё знают, но не звони. Усёк?

Эркин улыбнулся.

– Ежу понятно. К полдню буду.

Когда он вернулся к Жене, она, словно не заметив, что он отходил, samozабвенно смеялась над двумя клоунами. Хоровод уже распался, и Алиса с Димом и Катей были тут же. Тим быстро искоса посмотрел на Эркина, но ничего не сказал.

После представления они ещё немного погуляли по площади все вместе. Посмотрели, чем торгуют в палатках и с лотков, выпили по стакану горячего, пахнущего мёдом и пряностями, напиток – он назывался сбитнем, и, к удивлению Тима и Эркина, Зина с Женей тоже впервые его попробовали. Купили шарики со снежинками – Кате зелёный, Диму красный, а Алисе синий. Шары, чтоб не потерялись и не

улетели, привязывались за конец нитки к пуговице на пальто. Больше ничего покупать не стали, хотя глаза так и разбежались, но нельзя же все деньги в один день потратить, и всю площадь за раз тоже не закупишь.

К себе, в «Беженский корабль» возвращались удовлетворённые и немного усталые. Впереди, держась за руки, шли Дим, Алиса и Катя, Дим посередине, крепко держа девчонок. Зина и Женя следом, вполголоса обсуждая какие-то кухонные проблемы, и Тим с Эркином невольно на шаг отстали от них.

– Ты про стенку слышал? – тихо спросил Тим.

Эркин кивнул и улыбнулся.

– Позвали, что ли?

– Пойду завтра, – не очень уверенно ответил Тим и неохотно пояснил: – Сорваться боюсь.

– Я тоже перед олимпиадой трухал, – как и Тим, Эркин перешёл на английский. – А оказалось... Когда без злобы и голова ясная, руку удержишь. Не проблема.

– Ну... Может и так, – задумчиво сказал Тим. – На тренировках же редко когда увечили, если только... – и оборвал себя.

Но Эркин понял и про себя закончил фразу: «Если только хозяин велел». Но Тиму его понятливость не понравилась, и он, уже насмешливо, спросил:

– Не сдрейфишь беляку двинуть?

– А я против тебя встану, – сразу ответил Эркин.

Тим изумлённо посмотрел на него и тут же кивнул.

– Точно, тогда без проблем.

Они прибавили шагу, нагоняя своих. Тем более, что малыши затеяли возню, толкая друг друга в сугробы, и их пришлось разобрать по взрослым. Всю заснеженную Катю Тим отряхнул и взял на руки. Алиса немедленно и очень выразительно посмотрела на Эркина и была тут же вознесена к нему на плечо. Дим презрительно, явно кому-то подражая, хмыкнул:

– Девчонки-неженки.

И завёл светскую беседу с Женей о том, кто, по её мнению, главнее: Дед Мороз или Санта-Клаус. Женя с удовольствием хохотала, слушая его рассуждения, что Санта-Клаус приходит на Рождество, а Дед Мороз на Новый Год, но, в общем-то, старики живут дружно и специально так поделили, чтоб не толкаться зараз у одной двери. Когда Дим убежал вперёд, Женя сказала:

– Умненький какой мальчик.

Зина гордо улыбнулась и ответила:

– Да уж. Мне бы в жизни до такого не додуматься. Выдумщик он у нас, – и оглянулась. – Правда, отец?

– Это да, – улыбочиво хмыкнул Тим.

Вокруг, то обгоняя их, то навстречу шли люди, знакомые и незнакомые, и все поздравляли друг друга с Рождеством, желали здоровья и счастья.

А совсем возле дома они повстречали ряженных и немного

постояли, посмотрели и посмеялись, и уже окончательно пошли домой, сердечно распрощавшись на лестнице у дверей в коридор второго этажа.

А когда вошли в квартиру, вдруг увидели, что день-то уже кончается.

Пока Женя раздевала и переодевала Алису, Эркин поставил разогреваться обед. Ужин был вчера, конечно, необыкновенный, и завтрак тоже. Так что обед может быть и простеньким.

Раскрасневшаяся от мороза Алиса сначала болтала без умолку, а потом чуть не заснула прямо за столом, и Женя увела её спать. Эркин знал, что ему надо встать и убрать со стола, но не мог заставить себя подняться. Приятно горело лицо, истома во всём теле. Он сидел, положив руки на стол и глядя на синее окно, на фиалку на подоконнике. Синий сумрак в кухне... Это не усталость, совсем другое это...

Неслышно сзади подошла Женя, положила руки ему на плечи, и он, медленно поворачивая голову, поцеловал эти руки.

– Устал, милый?

– Нет... – так же медленно ответил Эркин. – Не знаю.

По-прежнему стоя за ним, Женя обняла его, скрестив руки на его груди. Эркин обеими руками прижал её ладони к себе...

– Ох, – вздрогнул Эркин. – Убрать же надо. Я сейчас...

– А гори оно синим огнём, – беззаботно отмахнулась Же-

ня. – Успеем.

– Мг-м, – не стал спорить Эркин и легко встал, так ловко повернувшись, что Женя оказалась в его объятиях.

Женя тихо засмеялась, обнимая его за плечи. Эркин подхватил её на руки и понёс в спальню.

В спальне он поставил её на кровать – Женя по дороге совсем по-детски болтала ногами и, конечно, потеряла тапочки. И из шлёпанцев он шагнул к ней на кровать. Женя, всё ещё смеясь, стала расстёгивать на нём рубашку. Эркин подставлял себя её рукам и сам, мягко водя ладонями по её телу, расстёгивая, развязывая, сдвигая и распахивая, помогал ей, когда она не сразу справлялась, скажем, с пряжкой на его поясе. Кровать пружинила под ними, раскачивала их, а Женя всё смеялась, и голова у него кружилась от этого смеха, от чего же ещё, как не от этого? Ногой Эркин незаметно столкнул на пол сброшенную одежду.

Они не задёрнули штор, но и не зажгли света, и в синем сумраке белые хризантемы на окне казались голубыми, а тело Жени... нет, он не знает, как это называется ни по-русски, ни по-английски. Нагнувшись, Эркин поцеловал её в ложбинку между грудями. Руки Жени на его плечах. Она гладила его, целовала, вздрагивала и потягивалась в его объятиях, но он чувствовал сонную тяжесть в её теле. Женя хотела спать, но ещё не понимала этого. Страшным усилием удержав себя на грани, за которой его настигала горячая чёрно-красная волна, Эркин не стал будить её тело. Они топтались на кровати,

и, незаметно для Жени, Эркин ногами собрал и столкнул на пол ковёр, выгреб из-под подушки край одеяла, сдвинул его и, мягко потянув Женю вниз, уложил её и укрыл.

– Ка-ак это у тебя? – удивилась Женя.

Эркин тихо засмеялся, вытягиваясь рядом.

– Хорошо?

– Ага-а, – совсем как Алиса согласилась Женя, обнимая его за шею.

Эркин счастливо вздохнул, натягивая на себя край одеяла. Женя заботливо укутала ему спину, тоже вздохнула и заснула, уткнувшись лицом в его плечо. Эркин медленно распустил мышцы, вдохнул окутывающий его запах Жени и погрузился в тёплую мягкую темноту...

...Проснувшись, Женя не сразу поняла, который час. Темно как ночью, а шторы... приподнявшись на локте, она посмотрела на Эркина: вроде спит. Ну и пусть спит. Который же всё-таки час? И Алиски чего-то не слышно. Невольно встревожившись, она мягко, чтобы не разбудить его, отстранилась от Эркина и вылезла из-под одеяла. Господи, опять разгром! Её платье, нарядные брюки Эркина, рубашка, бельё... – всё на полу. Ну да, опять они – Женя, отыскивая в шкафу на ощупь халатик, хихикнула – порезвились.

Сквозь сон Эркин слышал, как Женя встала, походила по спальне и вышла. Чего это она? Совсем мало времени прошло, вечера ещё нет, к Алисе, что ли?.. Не открывая глаз, он поёрзал под одеялом, пока не коснулся щекой вмятины от

головы Жени на подушке.

Алиса безмятежно спала. Женя задёрнула в её комнате шторы и пошла на кухню. Надо всё-таки обратиться, а то они всё так и бросили. А спальню потом, а то ещё Эркина разбудит.

Она только-только собрала и сложила в раковину посуду, когда в кухню вошёл Эркин.

– Я разбудила тебя? – огорчилась Женя.

– Нет, я сам проснулся.

– Ты иди, поспи ещё, – предложила Женя, быстро обмытая тарелки.

Эркин молча покачал головой. Спать совсем не хотелось. Словно за этот час с небольшим выспался как... как за целую ночь. Женя с улыбкой оглянулась на него.

– А не хочешь спать, тогда одевайся, – сказала она с той же «воспитывающей» интонацией, как и Алисе.

Эркин убрал руки за спину – трусов он не надел, зная, что Алиса спит, и до этого момента прикрывался ладонями – и склонил голову.

– Слушаюсь, мэм.

Женя фыркнула, и Эркин удовлетворённо покинул кухню. Женя слышала, как он прошлёпал в спальню и закрыл за собой дверь.

В спальне Эркин задёрнул шторы, включил свет и стал убирать. Поднял и повесил платье Жени, собрал и разложил бельё, повесил свои «парадные», каких называет Женя, брю-

ки, рубашка... нет, ещё раз её вполне можно надеть, а вот трусы всё-таки в грязное, достал и натянул чистые, надел старые джинсы и красно-зелёную – ещё с перегона – ковбойку и стал убирать постель. Расправил, уложил, застелил ковром. Здорово ему тогда в борьбе повезло, в последней схватке на волоске всё висело, если б, как его, да, Джордж тянулся всё лето, то по-другому всё бы повернулось. Но... повезло.

Он полюбовался на спальню. Ещё бы на пол ковёр... и Женя как-то о лампе говорила, ночнике. Если его на трюмо поставить, чтоб коридоры освещал... здоровско будет. Что ж... это тоже после праздников. И стол на кухню он заказывал... но это потом.

– Эркин, – в спальню вбежала Женя, – знаешь, что я придумала?

– Что? – с готовностью обернулся к ней Эркин.

– Сейчас узнаешь, – Женя метнулась к шкафу, порылась, достала трусики, натянула. – Ну вот, пошли.

Хотя Эркин и не думал сопротивляться, она за руку отвела его на кухню и усадила за стол, уже вытертый и накрытый поверх клеёнки скатертью. На столе лежала одна из подаренных Алисе на Рождество книг. Эркин узнал её по картинке на обложке: девочка и мальчик стоят рядом и держат книгу, а на её обложке опять мальчик и девочка с книгой... дальше было уже неразличимо.

– Вот! – торжественно сказала Женя, садясь рядом с Эркином.

– Ага, – кивнул Эркин и уточнил: – А что это?

– Эркин, – ахнула Женя. – Это же азбука! – и по его лицу поняла, что это слово ему ничего не говорит. Он что, не понимает? – Эркин, ты же хотел научиться читать.

– Да! – у Эркина даже щёки загорелись. – Да, Женя, ты... ты научишь меня?

– Ну да. А это – азбука, учебник.

Эркин кивнул.

– Теперь понял, – и робко погладил блестящую обложку. – Давай, Женя, я готов.

Женя открыла книгу.

– Вот. Это буква «а». Повтори.

– Буква а, – охотно повторил Эркин.

– Нет, просто а.

– А?

– Правильно. А это у.

– У.

– А теперь вместе.

– Это как? – не понял Эркин.

– Ну вот же. Две буквы рядом. Читай подряд.

– Читать? – удивился Эркин. – Женя, я же не умею.

Женя вздохнула.

– Ну, это что?

– А.

– Правильно. А это?

– У.

– Тоже правильно. А вместе? Ну, Эркин, я же пальцем показываю, ну?

– А-а, – Эркин внимательно следил за тонким пальцем Жени под чёрными странными значками. – У-у.

– Хорошо. А вместе?

– Ау?

– Ау́, – поправила его Женя.

– Ау́, – тут же повторил Эркин и задал вопрос, который поверг Женю в полную растерянность. – А что это такое?

– Ну-у, – протянула Женя. – Ну, вот если в лесу потеряются, то так кричат, зовут друг друга, аукают. Вот видишь картинку?

– Понял, – кивнул Эркин и, подумав, убеждённо сказал: – Свистеть удобнее. Дальше слышно. А это что?

– Читай.

– Уу-аа, – протянул Эркин и повторил: – Уа́, так?

– Так, молодец! – и Женя сразу объяснила: – Так младенцы кричат. Видишь, ребёнок в коляске.

– Ага, – кивнул Эркин, – понял. Давай дальше.

Женя перевернула страницу, и Эркин радостно улыбнулся.

– А это я знаю. Эм, да?

– Да. Называется «эм», а когда читают: м-м. Ну, читай.

– Мм-аа-мм-аа, – Эркин уже осмелел и сам вёл пальцем по строке. – Ммааммаа. Мама?

– Правильно! – обрадовалась Женя. – Видишь, как хоро-

шо. Читай дальше.

– Ммуу, му, – прочитал Эркин и посмотрел на Женю. – А это что?

– Так коровы мычат.

Эркин вздохнул. Коров и бычков он много слышал, но «му» они не говорили, это точно. Но спорить не стал. А следующее слово неожиданно оказалось понятным.

– Ум?

– Правильно.

Женя заставила его прочитать напечатанные в конце страницы «столбики» слогов. Ма, му, ам, ум, ау, уа. Эркин так старался, что у него на лбу и скулах выступили капли пота.

Женя встала зажечь огонь под чайником, а Эркин, переводя дыхание, рассматривал картинки. Мама. Так Алиса называет Женю. Мама – это по-английски... mother, нет, наверное, том, да, так. Где это слово? Он же... читал, да, читал его. Эркин, словно нащупывая буквы, повёл пальцем по странице. Это? И, ощутив, что Женя села рядом, спросил:

– Это... мама?

– Да, – Женя села поудобнее. – Давай дальше. Это буква «эр». Р-р. Понял?

Эркин кивнул.

– Тогда читай.

– Рраа, ра?

– Да, правильно. Ты не спрашивай меня, читай. Я скажу, когда ошибёшься. Давай.

– Ра... р...уу... ру... ар... ур... ра... ма... рама? – обрадовался Эркин знакомому слову. Ну да, и рядом нарисована оконная рама. А это... – Ма... ра... мара. А это что?

– Это имя. Видишь, девочка нарисована, её так зовут. Мара.

– На Марию похоже, – улыбнулся Эркин.

Засмеялась и Женя.

– Да, правда. Ну, давай дальше.

Эркин перевернул страницу.

– Это ша. Ш-ш-ш.

– Ш-ш, – повторил Эркин и прижал пальцем строку. – Шу, ша, уш, аш, ша-рр, шар? – и, не дожидаясь ответа Жени, кивнул. – Шар. Шум, Шура. Шура – имя? В лагере так мальчишку звали, помнишь? Сашка и Шурка.

– Помню, – улыбнулась Женя. – И здесь мальчик.

– Ага, вижу. Ма-ша, му-ра... Мура?

– Нет, Мура, это тоже имя.

Лицо Эркина влажно блестело от пота. Он дочитал страницу, уже не спрашивая о значении всех этих непонятных слов. Ша, шу, аш... И догадывался, что это неважно, и устал уже. Женя уже решила, что для первого раза достаточно пяти букв, но сказать об этом не успела.

– Да?! – в кухню явилась в ночной рубашке Алиса. – А в чего вы тут играете? Я тоже хочу.

– Мы не играем, – Женя встала, погладив Эркина по плечу и мимолётно про себя удивившись, что рубашка влажная. –

Эркин учится. Давай, переодевайся, будем полдничать. Отдохни, милый.

Женя вывела Алису из кухни, а Эркин закрыл книгу и вытер рукавом лоб. А на обложке под рисунком... буквы. А... у... и ещё а. А остальные он не знает, и всё слово ему не прочитать. Но... но Женя называла книгу азбукой. Может, здесь это и написано? Как говорила Женя? Азбука?

Когда Женя вбежала в кухню и выключила огонь под безжащим чайником – и как это Эркин не заметил? – , он обернулся к ней.

– Женя, что здесь написано? Азбука?

– Да, – удивилась Женя. – А что?

– Это какие буквы?

– Это «зе», это «бэ», а это «ка». Аззз-ббу-кка.

– Ага, понял, – кивнул Эркин и решительно открыл книгу.

Он перелистывал страницы, разыскивая новые буквы, а Женя накрывала на стол. Вошла Алиса, залезла на свой стул. Женя мягко, но решительно отобрала у Эркина книгу.

– Тебе надо отдохнуть.

Эркин потряс головой.

– Да, хорошо.

Алиса пила чай, испытующе поглядывая на него поверх чашки.

– Мам, а меня ты научишь? Я тоже хочу читать.

– Научу, – улыбнулась Женя. – Вот поедим, уберём и будем ещё учиться.

Эркин молча пил чай. Он никак не мог понять, что такого произошло с ним. Но... но как же так? Он учится читать, узнал пять букв, может их прочитать. И что, ничего не изменилось? Он всё такой же, прежний? Но... но как же так? Он даже не замечал сначала удивлённых, а потом встревоженных взглядов Жени.

– Эркин, – позвала она его.

Он вздрогнул и поднял на неё глаза.

– Да, Женя. Что-то случилось?

– Нет. Просто... просто ты на себя не похож, – и, видя, что его лицо стало недоумевающим, даже несчастным, перевела разговор. – А это подходил к тебе на площади из твоей бригады? Я его по новоселью помню. Николай, кажется.

– Да, – Эркин улыбнулся, и Женя облегчённо перевела дыхание. – Колька-Моряк. Он... он хороший парень, Женя. Знаешь, – Эркин смущённо нахмурился, – знаешь, он... позвал меня завтра в Старый Город. В полдень, – Эркин замялся: Колька просил не звонить, но не врать же Жене.

Но на его счастье Женя не стала расспрашивать, а даже будто обрадовалась.

– Иди, конечно.

И Эркин облегчённо вздохнул: Женя не сердится, что он в праздник уходит из дома.

После полдника Эркин решительно встал, собирая посуду.

– Я помою.

– Хорошо, – кивнула Женя. – Спасибо, милый.

Он тщательно мыл и расставлял на проволочной сушке чашки и блюда и слушал за спиной голоса Жени и Алисы. Алису учили читать. Эркин с удовольствием слушал тоненький голосок, старательно выговаривавший эти странные слова: «ау» и «уа». Когда дошли до буквы «эм», Эркин подсел к ним.

– Эрик, а ты это уже знаешь?

Эркин с улыбкой кивнул, а Женя строго сказала:

– Не отвлекайся. Читай здесь.

– Ммы-аа, ма, – Алиса тоже придерживала строку пальцем. – И ещё раз такое же. Два ма, так?

– Как-как? – удивился Эркин.

– Ну, Эрик, один раз ма, и ещё раз. А раз и раз будет два.

– Д-да, – озадаченно согласился Эркин. – А у меня по-другому получалось.

– А как?

Алиса подвинула книгу к нему, и Эркин, нагнувшись над столом и прижав свой палец рядом с Алискиным, прочитал по слогам.

– Ма-ма. Мама.

– Да-а?! – изумилась Алиса. – Мама, так здесь про тебя написано?

Женя отсмеялась и вытерла тыльной стороной ладони глаза.

– Алиса, это чтение, а не счёт. Читай подряд.

– Мам, так здесь про тебя?

– Читай.

– Ма-ма, – прочитала Алиса и удивилась: – Мам, а у меня, как у Эрика, получилось! Мам, а почему так?

– Потому что так написано.

Объяснять Алисе следующие буквы Женя не стала и, когда та старательно прочитала про ум, ам и му, сказала:

– Вы у меня молодцы. Алиса, пойдёшь в коридор?

– Ага, – сразу спрыгнула со стула Алиса. – А книгу к книгам, да?

– Правильно, – кивнула Женя.

Алиса вприпрыжку унесла из кухни азбуку. Женя подошла к Эркину, мягко погладила его по голове. Он, как всегда, ловко поймал и поцеловал её руку.

– Ты устал, Эркин, – Женя ласково улыбнулась. – Пойди отдохни. Поспи до ужина.

Эркин молча покачал головой, по-прежнему прижимая её руку к своему лицу.

– Мам, – позвала из прихожей Алиса, – ты мне ботики застегни.

Эркин тут же отпустил руку Жени и, когда она вышла, встал. Он действительно – непонятно только от чего – устал. И не сон ему сейчас нужен, а потянуться как следует. Он как-то пару раз уже тянулся в большой комнате, но там теперь ёлка, а в маленькой... ну да, шторы-то там есть.

Эркин поправил скатерть на столе и вышел в прихожую,

когда Женя уже закрывала за Алисой дверь.

– Женя...

– Да? – быстро обернулась она к нему.

– Женя, – Эркин смущённо замялся. – Я в дальнюю комнату пойду, ну... – он перешёл на английский, – потянусь немного, а то суставы сводит.

– Ну, конечно, Эркин, – удивилась Женя его смущению.

Эркин потоптался, будто хотел что-то сказать, да не решился, и пошёл в дальнюю комнату.

Здесь шторы подбирала Женя в цвет обоев, и, когда он, включив свет, задёрнул их, ему даже понравилось. И совсем не похоже на камеру. Может, он зря упёрся, и в спальне тоже шторы могли быть под стены? Под эти мысли он разделся, сложив джинсы и ковбойку у стены, оставил там же шлёпанцы и встал посреди комнаты. Проверил, не заденет ли руками люстру, и начал комплекс. Не спеша, спокойно. Он так и не спросил у Жени, что такое гимнастика. И томагавк. Ну, с гимнастикой догадаться можно. Да и слышал он это слово раньше, просто не сразу сообразил. А томагавк... это что-то индейское. Женя может и не знать.

Он почувствовал на себе взгляд и сразу понял – Женя. Только она могла так смотреть, глядя взглядом. Эркин медленно повернулся лицом к ней, улыбнулся.

– Я помешала тебе? – улыбнулась Женя.

– Нет, Женя, что ты, – он стоял перед ней, босой, в трусах, туго обтягивающих его бёдра. – Женя, ты... тебе нравится,

ну смотреть, как я это делаю?

– Да, – сразу сказала Женя. – У тебя это очень красиво получается.

– Тогда... тогда я сейчас стул принесу, и...

И тут в дверь позвонили. Женя побежала к входной двери, а Эркин кинулся одеваться.

Оказывается, Алиса привела гостей: Тошку и Тоньку с их мамкой. А то они ещё их ёлки не видели. И началась вечерняя праздничная суета, когда хлопают двери, приходят и уходят, не запирая дверей, даже не одеваясь по-уличному, а чего там, коридор же только перебежать, не замёрзнешь...

Алабама

Атланта

Особняк Говардов

Рождество – семейный праздник. Что бы ни было, как бы ни было, но должно быть нечто неизменное в меняющемся мире. Традиции держат связь времён. Семейные узы...

Спенсер Рей Говард, Старый Говард, презрительно скривил губы. Необходимость соблюдать внешние приличия тя-

готила всё больше. Нет, раньше это позволяло смотреть на всех с высоты, беззвучно издеваться над идиотами, простодушными простаками, искренне верящими в истинность и правдивость сказанного. Но сейчас... это же самое оборачивалось жгучей насмешкой над ним самим. А этого допустить нельзя. Тебя могут ненавидеть, тебя должны бояться, но смеяться над тобой... этого позволять нельзя, насмешников надлежит карать, жестоко, показательно жестоко всем на страх. Над властью нельзя смеяться! А если ты позволяешь насмешки, значит, власти у тебя нет. Утрата власти страшнее утраты денег. Потому что потерянное в одной неудачной сделке можно компенсировать другой, уже удачной, но потерянную власть вернуть невозможно. А без власти... все сделки станут неудачными. Бывший властитель – покойник. Даже если тело ещё живо. И тишина за дверью уже не почтительная, а мёртвая. Нет, кое-что ещё есть, но это кое-что, крохи. Да, и с ними можно попытаться снова начать восхождение, но это если все забудут, кем ты был раньше. Начать заново на новом месте с новыми подручными и новыми врагами. Сложно, очень сложно, но возможно.

Говард ещё раз пробежал глазами почтительно требовательное письмо. Вернуть аванс и выплатить неустойку. Как же! Обязательно. Как только вы докажете, что именно вы делали заказ на биоматериал, его параметры и... хе-хе, другие тактико-технические характеристики. А ответить за нарушение Пакта Запрета не хотите? И доказать, что именно

я имею к вашему заказу какое-то отношение, можете? Тут, слава Богу, успели. Все Центры со всем персоналом, оборудованием и материалом благополучно ликвидированы. А заодно все вспомогательные и дополнительные, все эти Паласы, питомники и лагеря. И с кого требовать? А с русских. Они – победители, они пускай за всё и отвечают.

Злорадно хихикнув, он убрал письмо в папку «без ответа». Сжечь? Зачем? Пусть лежат. Если что, их можно будет предъявить, как косвенные доказательства нарушения Пакта. И отправители тоже это понимают. Потому и пишут столь иносказательно, и не повторяют требований, и не апеллируют к законам и судам. Как говорится: «Прибыли нет, но и убытков нет».

Приведя себя в хорошее настроение, Говард встал из-за стола. Об убытках, реальных и прогнозируемых он подумает потом, подводя, как и привык, дневные итоги. А пока... ничего насущного и неотложного нет. Заведённый и выверенный механизм домашнего хозяйства функционирует и без его участия. Тоже традиционно, как было заведено ещё его собственным дедом. Мужчины Говардов обеспечивают дом, а ведут его женщины. Младшую удалось пристроить к делу, тихой мышкой шебаршится в комнатах, помогая экономке и мажордому. Не командует и командовать не будет, но исполнительна. А вот старшая. Нет, её тоже можно было бы использовать, если бы чертовка не пыталась вести собственную игру. Ни ума, ни внешних данных, ни средств для это-

го у неё нет, а понимать этого не желает. Всё тащится вслед за мамочкой. Изабелла хоть иногда понимала, где надо даже не остановиться, а слегка притормозить и немного подумать. Скажем – Говард усмехнулся – о странной монограмме на дверце своего разграбленного сейфа даже не заикнулась, хотя не увидеть и не понять не могла. Хватило ума. А вот в Хэллоуин сглупила. И поплатилась за это. Так туда и дорога. Как безвинная – хе-хе – жертва она гораздо полезнее.

В дверь кабинета поскреблись.

– Ну? – недовольно бросил Говард.

– Дедушка, к тебе пришли, – приоткрыла дверь Мирабелла.

И тут же отпрянула, вернее, её оттолкнул, входя, человек, при виде которого Говард приподнял бровь, выражая неодобрительное удивление.

– Да, это я, – кивнул гость. – Не ждал? А зря.

Говард кивнул, приказывая Мирабелле закрыть дверь. Такие намёки и знаки она уже научилась понимать и выполняла беспрекословно.

Гость оглядел кабинет и, усмехнувшись, показал на тёмный квадрат на стене.

– Настолько припекло, что сдал на аукцион? – и насмешливо одобрил: – Разумно.

– Зачем ты приехал? – разжал губы Говард.

– Называй меня Неуловимым Джо, – гость хохотнул, намекая на старинный анекдот. – Надеялся, что я у русских?

Как видишь, нет. И почему бы мне не навестить старого приятеля и, – мерзко подмигнул, – подельника. Так, кажется, говорят твои новые... как ты их называешь?

– Зачем ты приехал? – повторил Говард.

– Я же сказал, – удивился гость. – Повидаться с тобой, кое-что вспомнить, освежить, так сказать, в памяти, обсудить, даже договориться, – он выразительно покосился на старинный кабинетный бар тёмного дерева. – Или, – его улыбка стала вкрадчивой, – ты не хочешь договариваться?

– За выпивкой не договариваются, – сухо ответил Говард, указывая на кресла у стола.

– Дело прежде всего, – согласился гость, усаживаясь. – Итак Спенсер, что ты можешь мне предложить?

– За что... Джо? – очень искренне удивился Говард, устраниваясь напротив.

– За молчание, разумеется. Всё остальное за отдельную плату.

– А почему я должен тебе платить?

– Не должен, Спенни, а хочешь. Ты просто жаждешь купить моё молчание. Ведь других причин молчать у меня нет.

Говард кивнул.

– Но ты уверен, что тебя захотят слушать?

– Ещё бы! Ты тоже в этом уверен.

– Нет, пока я не знаю, как ты выскочил.

– Надо быть исключённым из Клуба за неуплату членских взносов, – хохотнул Джо. – Привилегия бесплатного член-

ства иногда мешает. Многие на этом погорели.

– Русские взяли архив Клуба, это точно?

– Действующие списки точно, – стал серьёзным гость, – а вот архив... Многое распылили по региональным отделениям, некоторые ещё в заваруху сгорели, так что... тут много неясностей.

– И твоя неуловимость под вопросом, – позволил себе улыбнуться Говард.

– Как у любого, – поддержал его Джо.

– Если молчание должно быть взаимным, – стал рассуждать Говард, – то почему платить должен только я?

– Потому что ты молчишь только о прошлом, а я молчу дважды. О прошлом и настоящем. С тебя больше.

– О моём настоящем ты не знаешь, и знать не можешь, – сухо сказал Говард.

Джо с удовольствием расхохотался.

– Ну, так я – известная свинья.

Говард нахмурился, мгновенно вспомнив старинное изречение: «Что знают двое, знает и свинья». Да, знают многие, но каждый о немногом, и если этот... Джо собрал хотя бы треть, то остальное легко домыслит сам. А это уже нежелательно и весьма. Придётся договариваться. Или... использовать? Нет, легко отождествит, оставить партнёру труды, а себе забрать результаты – это всегда умел, виртуозно, надо признать, работал.

– У меня нет денег.

Джо присвистнул, изображая изумление.

– Вот как? И ты в этом так легко признаёшься? Но, Спенни, ты никогда не говорил правды. И значит, на самом деле... Но это не слишком важно. А вот зачем ты мне это сказал? – гость подмигнул. – Вот это надо обдумать. Не почему, Спенни, а зачем.

Говард пожал плечами.

– Думай. Твои размышления мне неинтересны. Мы оба молчим. Тебя это устраивает?

– Я уже сказал: нет. Прибавь к своему молчанию кое-что посущественнее. Можно и не деньгами. А, скажем, – ухмылка Джо стала угрожающей, а голос серьёзным, – из плодов ночного сбора урожая. Я отдал тогда Нэтти свой лучший десяток. И он положил их всех. И прошёлся по имениям моих людей. И это тоже к твоему долгу. Я не прошу лишнего, я требую своего.

– У тебя в этом деле не было доли.

– Не было, так будет.

– Нет, – отрезал Говард.

Обычно на этом всё заканчивалось. Затем произносилась фраза о неприемлемой ситуации, из-за портьер выходили двое или трое... Но сейчас за портьерами пусто. И некого вызвать звонком. И понимая это, гость даже не потрудился изобразить страх. Более того:

– Ну, Спенсер. Что дальше?

– Уходи.

– Уйду, – согласился Джо. – В отличие от тебя, мне есть куда идти. Не предавай, Спенсер, и не предаваем будешь.

Он легко оттолкнулся от подлокотников и встал, сверху вниз посмотрел на Говарда, усмехнулся.

– И в память былой дружбы дружеский совет. Твоя внучка слишком активно лезет в штаны ко всем подряд. Объясни ей, что всё надо делать разумно и, обязательно просчитывая последствия. Такая неразборчивость и назойливость отпугивает серьёзных клиентов.

И вышел, не прощаясь. За дверью неразборчиво пискнула Мирабелла, и прозвучал уверенный голос гостя.

– Благодарю, детка, но я знаю дорогу. Привет сестричке.

Оставшись один, Говард пересел на своё рабочее место и дал себе волю. Сжал кулаки и ударил ими по столу перед собой. Мерзавец, сволочь, как это русские его упустили?! Но ничего. Не в первый раз начинать с нуля. И если удастся операция с этим подонком Найфом, то... то будут и деньги, и страх. «Ансамбль»? Поползёт, и будет служить как... как служили все. А получиться должно. Да, сложно, в определённой степени, головоломно. Но тем труднее отследить и помешать. И медленно. Что правильно. Резкое движение вспугивает дичь, а медленное приближение позволяет застать её врасплох. И наглый мальчишка, посмеявшийся взять себе псевдонимом, вернее – Говард усмехнулся с презрительной ненавистью – кликухой имя личного врага Говардов, будет уничтожен первым. Кто он там на самом деле – Смит или Джонс

– неважно. Посмел назваться Бредли, ну, так и получи... как Бредли. А его деньги дадут возможность прибрать к рукам весь Ансамбль.

Говард разжал наконец побелевшие от напряжения кулаки, погладил, успокаиваясь, полированную столешницу. Да, эта последняя, задуманная и начатая ещё до Капитуляции комбинация станет его первой в новом мире. И хорошо, что так мало осталось из прежнего, никто не путается под ногами. А когда Ансамбль будет подчинён, Джо перестанет быть Неуловимым, во всех смыслах. Он ещё раз мысленно прошёлся по уже отработанным стадиям всей комбинации. Пока без сбоев. И каждый был уверен, что работает только на себя. Пускай. Нужна не слава, а результат.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Возвращался Эркин домой уже в темноте. Небо стало чёрным, и звёзд не видно. Значит, тучи сплошняком натянуло, и завтра пойдёт снег. А сегодня было хорошо, солнечно.

Эркин шёл ровным размеренным шагом и с удовольствием вспоминал сегодняшнее.

С утра после завтрака он навёл чистоту и порядок во всей квартире, поиграл с Алисой в мозаику, а потом оделся уже на выход и ушёл. И не то, чтобы боялся, а было как-то неловко, что в праздник, когда может весь день быть с Женей и Алисой, уходит куда-то без них. Но ведь Колька просил не звонить, и сам он понимает, что Жене и тем более Алисе делать там нечего.

У двери, уже взявшись за ручку, Эркин остановился.

– Женя, я... я не знаю, когда вернусь.

– Ничего, – Женя ободряюще улыбнулась. – Я всё понимаю, Эркин, это... мужское развлечение, правильно? – он нерешительно кивнул. – Ну вот, и ты, ведь ты хочешь быть как все, – она улыбнулась его более уверенному кивку, – и должен быть как все. Так что иди и веселись от души.

Она поцеловала его в щёку и легонько подтолкнула в плечо.

И он пошёл. В Старый Город. Через пути, к магазину Филиппыча. Магазин был закрыт из-за праздника и смотрелся сарай сараем. И дальше по заснеженной улице между маленькими бревенчатыми домами – он уже знал, что их называют *избами* – заборами из досок или реек. Шёл легко, не задумываясь, уверенный, что выйдет к пруду.

Пруд был не особенно большим, так, неглубокая котловина с пологими, истоптанными тропками и исчёрканными

санками, склонами. Выйдя к нему, Эркин остановился, оглядываясь. На заснеженном льду гомонили, перебрасываясь снежками, мальчишки, на склонах курили, перебрасываясь уже солёными шутками и руганью, парни, а чуть в стороне толпились мужчины, курили солидно, не спеша, переговариваясь нарочито ленивыми, необидно небрежными голосами. Почти все, как и он сам, в полушубках и бурках, но попадались и армейские зелёные куртки, и серые шинели. Эркин выглядывал знакомых, но его окликнули:

– О, Мороз! С Рождеством тебя!

Эркин сразу подошёл на Колькин голос.

– Здорово, Колька. И тебя с Рождеством.

Колька был в своём чёрном с золотыми нашивками бушлате.

– Мы с одной бригады, – кивнул он на Эркина стоявшим рядом мужчинам.

– Ну, чего ж, – мужчина с аккуратно подстриженными светлыми усами окинул Эркина внимательным, необидно оценивающим взглядом и протянул руку. – Мороз, значит?

– Мороз, – кивнул Эркин, сдёргивая варежку.

Рукопожатием его явно проверяли, и он ответил почти в полную силу.

– Однако, – улыбнулся мужчина и подмигнул. – Однако силён. Давно приехал?

– Да после святок месяц будет, – ответил Эркин.

Ругань на склонах становилась всё забористее и злее, пар-

ни стали, сплёвывая сигареты, спускаться на лёд, выстраиваясь в две неровные шеренги. Мальчишки воробьями прыснули во все стороны.

Эркин со спокойным вниманием следил за схваткой. Ногами, похоже, не дерутся, и не борьба, как в Бифпите, одни кулаки в ходу, не боятся кровь пустить, с замахом бьют.

– Только на кулаках, понял? – строго сказал ему Светлоусый. – Не вздумай нож доставать.

Эркин кивнул и решил, на всякий случай, уточнить:

– До первой крови?

– Пока не ляжет, хоть до десятой, – хохотнул кто-то из стоявших рядом.

– Лежачего не бить, – стали наперебой объяснять Эркину.

– Ага, и в спину не бить.

– Да, как за черту убежал, так всё.

– А до черты? – поинтересовался Эркин.

– Догонишь если... – заржали вокруг. – А ты такого пинка дай, чтоб до черты не останавливался.

Светлоусый докурил, бросил и растоптал окурочек.

– Так, как тебя? Мороз? С Рябычем встанешь. Рябыч, пригляди, чтоб по первости не зарвался.

– А... – дёрнулся было Колька, но под взглядом Светлоусого замолчал, вытянулся и даже каблуками прищёлкнул.

Шеренги на льду сбились в общую невразумительную кучу. Но, как только стали спускаться на лёд мужчины, парни, как до этого мальчишки, перестали драться и потянулись на

склоны, вытирая подбираемым тут же снегом окровавленные лица и доругиваясь, но уже без особого запала.

Эркин шёл рядом с Рябычем – плотно сбитым мужчиной лет сорока, не больше, с аккуратной золотистого цвета бородой. Лицо у него было чистое, без рябинок – Эркин видел рябых в лагере – и за что мужика прозвали Рябым, вернее, Рябычем – непонятно.

Пока спускались на лёд, как-то само собой разошлись на две группы и вытянулись в шеренги, но заметно дальше друг от друга, чем парни. И шеренги были ровнее.

– Ну, мужики, – Светлоусый в середине шеренги оглядел своих. – Перекрестись, что руки чисты.

Эркин не понял, но, подражая Рябычу и остальным, сдёрнул с правой руки варежку и, сложив три пальца щепотью, коснулся ими лба, груди, правого и левого плеча, расстегнул и сбросил с плеч полушубок так, чтобы тот упал сзади за спину, натянул варежку обратно. Так же сделала и шеренга напротив. Обшарив её взглядом, Эркин нашёл Тима. Смотри-ка, пришёл. Но на другом конце стоит. Ладно, потом разве только в общей свалке сойдёмся, а пока... Точно напротив него кряжистый светлородый и синеглазый, как почти все здесь, мужчина в выцветшей от стирок синей рубашке.

– Сходимся, мужики.

И мерный шаг. Сходились не спеша и, неожиданно для Эркина, держа равнение. Когда между шеренгами оставалось меньше шага, остановились. Эркин, не отрываясь, смотрел

рел прямо в лицо своего противника.

– Ну, с богом, мужики. Ии-эх! – прозвучал чей-то голос.

Эркин отклонился, пропуская возле уха летящий в лицо поросший золотистыми волосками кулак, и ударил точно в грудь, вложив всю силу. Вырубать надо первым ударом, второго тебе сделать не дадут – истина, усвоенная им ещё в питомнике. Попал хорошо. Его противник, по-рыбы хватая ртом воздух, попятился, и Эркин пошёл на него. Но на третьем шаге тот словно споткнулся и сел на снег. Лежачего не бить, а сидячего?

– Пошёл на черту! – рявкнул за его спиной Рябыч.

Эркин оглянулся, проверяя, правильно ли понял.

– Пошёл! – с тяжёлым выдохом Рябыч ударил своего противника в ухо, повалив того, тяжело перешагнув через упавшее к его ногам тело в армейской гимнастёрке и пошёл к валявшимся на снегу курткам, полушубкам и шинелям шеренги противника.

Эркин пошёл рядом. Перешагнув через черту из вещей, они остановились и повернулись лицом к поредевшей «стенке».

Да, вон идёт светлоусый, Колька в своей смешной полосатой фуфайке, ещё... А упавшие так и лежат на снегу. А на той стороне кто прошёл? Тим?! Да, вон стоит. Ну, понятно, кому и пройти, как не ему. Они встретились глазами и, привычно сохраняя лица неподвижными, еле заметно кивнули друг другу.

И вот на той стороне Тим, ещё мужчина, да это же Терентий! А на этой... ого сколько! Больше десятка прошло, точно. А не прошедшие сидят и лежат на снегу.

– Наша взяла, мужики! – Светлоусый сорвал с головы и подбросил вверх свою шапку.

И Эркин, подражая остальным, свистел, что-то орал, подбрасывал и ловил свою ушанку. Лежавшие на снегу вставали, отряхивались. Строй смешался. Хохоча, ругаясь кто весело, а кто и зло, разбирали одежду. Встряхивая перед тем, как надеть, полушубок, Эркин быстро оглядел склоны, проверяя себя. Не показалось ли ему, что на берегу были женщины? Нет, точно. Прибежали смотреть. Мальчишки на деревьях...

Рябыч кивнул ему.

– Могёшь.

Эркин улыбнулся в ответ, поняв, что его приняли.

Бывшие минуту назад противниками уже все вместе шли к берегу. Эркин нашёл взглядом «своего». Как тот? Вроде отдышался. Ну и ладно. Врезал-то ему в полную силу. Дурак Тим. Ударить белого – не проблема. Ударить в силу, но без злобы – вот что сложно. Если б не те драки с Андреем и Фредди на выпасе, не смог бы сейчас. Или бы подставил себя, или бы сердце загорелось, и тогда, как в заваруху. На-смерть.

Эркин потряхнул головой, отгоняя ненужные сейчас, царапающие воспоминания.

– Эй, Мороз, – окликнул его кто-то. – Айда пиво пить.

– Айда, – кивнул Эркин.

– Не время для пива. Браги бы сейчас...

– Точно, брага – самое то.

– Так что, к Мадамихе?

– А пошла она!..

– Чего так?

– А хрен её знает, чего она мешает. С кружки лапти откидываешь.

– Это не брага крепкая, а нутро у тебя хлипкое.

– Не нутро у него, а голова.

– А ну её...

– Голову?

– Мадамиху, дурак.

– На свою, что ли, зовёшь?

– А чего ж?!

– У Мадамихи крепче.

– Ну и вали к ней, – Светлоусый оглянулся и кивнул Эркину.

К Светлоусому пошла вся их «стенка» и несколько мужчин из другой. Набились в тесную, с низким потолком комнату – её называли горницей, расселись за длинным, покрытым вышитой скатертью столом. Пили золотисто-бурую густую брагу, ели пироги с мясом и рыбой и не спеша, со вкусом вспоминали, кто кому и как двинул.

– А ты ничего, – Рябыч через стол кивнул Эркину. – Раньше на «стенку» ходил?

– Нет, – качнул головой Эркин. – Я о «стенке» только здесь и услышал.

– А так-то дрался? – спросил ещё кто-то.

– А иначе не выживешь, – ответил за Эркина Колька. – А вот, слушай, ты ж как-то об олимпиаде говорил.

– Там один на один выходили, – ответил Эркин.

– Это как, сам-на-сам, что ли?

Помедлив, Эркин не очень уверенно кивнул.

– Так, наверное.

– Ага, понятно.

– Ну, так что, мужики, на масленицу теперь «стенку» заведём или как?

– А чего спрашиваешь, испокон так было.

– Ну да, отродясь, святки да масленица.

– На Ивана Купалу ещё.

– Я не о том. А в масленицу и сам-на-сам попробоваться можно.

– А то мы не знаем, кто чего могёт?

– Новых много. Смотри, как «стенка» показала.

– И то.

– Что ж, мужики, дело решили?

– Чего бухтишь, ясно, что решили.

– Тогда остатнюю, мужики. Наливай, хозяин.

Светлоусый, бережно наклоняя большую – Эркин таких и не видел раньше – мутного, словно запылённого изнутри стекла бутыль, разлил брагу. Получилось по полстакана. Все

взяли стаканы и встали.

– Ну, дай боже, нам и завтра то же.

Эркин выпил со всеми, как все взял кусок пирога, заел и в общей толпе пошёл в сени. Как все кивком ответил на полупоклон жены Светлоусого, что благодарила их за честь да почёт.

На улице Эркин почувствовал, что опьянел. Странно, брага не показалась ему особенно хмельной. Он взял пригоршню снега с ближайшего заборного столба и вытер им лицо. И вроде полегчало.

– Айда, – Колька хлопнул его по плечу.

– Куда? – спокойно спросил Эркин.

– На Кудыкину гору. А по дороге ко мне завернём.

Эркин не стал спорить. В самом деле, Колька у него на беженском новоселье был, и вообще... стоящий парень.

Они прошли по улице, свернули в проулок, где заборы были уже гораздо выше и глухими из неокрашенных досок. Колька толкнул узкую калитку, и они вошли в загромождённый сараями и поленницами двор. К удивлению Эркина, Колька не пошёл к дому, а свернул на тропку между сараями, кивнув Эркину на метавшегося на цепи кудлатого грязно-белого пса.

– Он только брехать горазд, иди смело.

Натянув до отказа цепь, пёс обнюхал край полушубка Эркина и, гавкнув им вслед, ушёл в конуру.

За сараями ещё один забор и калитка. Второй двор был

маленьким и не таким заставленным, от калитки расчищенная дорожка к крыльцу, рядом с крыльцом в окошке виднелась детская рожица.

– На Пасху покрасишь, к Рождеству облупится, – Колька провёл ладонью по лохмотьям краски на столбике крыльца. – Дерьмо, а не краска.

Но обшарпанная дверь закрывалась плотно и не скрипела, а внутренняя была обита войлоком, и в сенях чисто, лампочка забрана в колпачок абажура, вещи не навалом, а по стенке в ряд крючки, снизу вроде полки для обуви, тут же специальный веник, чтоб обметать снег, и вообще... порядок на загляденье. Они разделись, обмели бурки и вошли в кухню, где в ноги Кольке сразу ткнулся мальчишка, а от печи им улыбнулась женщина в фартуке поверх платья и в косынке, из-под которой выбивались кудрявые тёмные пряди.

– Во! – Колька подхватил мальчишку под мышки, легонько подбросил и поймал. – Братан мой. Мировой пацан! А это Мама Фира. Эсфирь Соломоновна Гольдина. Мама Фира, это Мороз, мы в одной бригаде.

– Здравствуйте, – улыбнулась женщина. – С Рождеством вас.

– Здравствуйте, – ответно улыбнулся Эркин. – Спасибо, и вас так же.

– Мама Фира, он нехристь, вроде нас, – засмеялся Колька. – Ты нам чаю сделаешь, а? Мы со «стенки» и браги выпили. Ну, твоего чаю, ладно?

– Конечно, Коленька. Ты к Сёме после зайдёшь?

– Не, сейчас, – Колька опустил мальчишку на пол и легонько подшлёпнул. – Юнга Колобок, вольно, можешь быть свободным. Айда, Мороз, разуемся только.

Пол был чистым, и Эркин спокойно остался в носках, поставив, как и Колька бурки у печки на специально подстеленной рогожке. Из кухни они прошли в маленькую горницу и быстро – Эркин и оглядеться не успел – нырнули в совсем уже маленькую комнату, отгороженную от горницы даже не стенкой, а занавеской. «Выгородка?» – удивился про себя Эркин. Узкая длинная комнатка упиралась одним концом в печь, а другим в окно. Узкая, явно самодельная койка, застеленная пёстрым, сшитым из разноцветных треугольников одеялом, крохотный, похожий на вагонный, столик у окна. Над кроватью приклеенные к стене фотографии.

– Во, ты фотки пока посмотри, а я к Сёме загляну. Другой мой брат. Лежачий он, спинальник, – последние слова Колька произнёс с таким угрюмым выражением, что Эркин счёл за лучшее воздержаться от вопросов.

Колька исчез, а Эркин подошёл поближе рассмотреть фотографии. Мужчина, чем-то похожий на Кольку, в чёрной форме с погонами, нашивками, на груди медали, ордена, какие-то значки. Сбоку на поясе как нож, но подвешен как-то странно, не по-ковбойски. Тоже моряк? А нож тогда зачем? Рядом раскрашенная вручную фотография девушки со светлыми кудряшками. Сначала Эркин подумал, что это ро-

дители Кольки, но девушка никак не походила на Маму Фирю. Так это Колькина девчонка, что ли? А вот и сам Колька, и ещё с десятков парней, все в форме, с орденами, у ног чемоданчики и мешки, смеются все... Из-за занавески доносились голоса, засмеялся Колька, ещё кто-то.

– Ладно, Мама Фира, – Колька вошёл и встал рядом с Эркином. – Смотришь? Это мы на дембеле. А это батя мой. Лев Гольдин, каперанг.

– Моряк? – рискнул уточнить Эркин.

– Ну да. А это, – Колька указал на фотографию девушки. – Это маманя моя. Я-то такой и не помню её, это ещё, – он хмыкнул, – ещё до меня. А другой фотки нет.

Эркин задумчиво кивнул. Значит, Мама Фира – не мать Кольке, ну да, и молода она для этого, а... а это уже Колькины проблемы, не его.

– Вот, – плечом отодвинув занавеску, в комнату вошла Эсфирь. – Попейте чаю пока, а там и обед поспеет.

– Ага, – Колька ловко взял у неё две большие чашки с дымящейся тёмно-янтарной жидкостью и поставил на столик. – Спасибо, Мама Фира.

– Спасибо, – улыбнулся и Эркин.

– На здоровье, – кивнула она и вышла.

– Садись, – Колька вытащил из-под столика табуретку, а сам сел на кровать.

Эркин сел на табуретку и взял чашку, вдохнул горьковатый, напомнивший костры на Перегоне запах.

– Чай такой? – удивился он.

– У Мамаы Фиры он особенный, – засмеялся Колька. – Чай-грзвиловка. Знаешь, как голову проясняет. На травах всяких.

Эркин глотнул обжигающе горячую жидкость. Да, чувствуется что-то... травяное.

– Хорошо?

Эркин молча кивнул в ответ, и Колька довольно ухмыльнулся.

– То-то. Готовит Мама Фира... обалдеть, как вкусно. Кабы денег побольше...

– А что, – Эркин и видел, что Кольке хочется выговориться, и не хотел обидеть зряшным любопытством. – Ты один работаешь?

– Ну да, – Колька заговорил тихо. – Сёма, он лежачий, ему спину осколком повредило, руки ещё шевелятся, а дальше всё... А пенсия инвалидная – это ж не деньги, слёзы. На Колобка пенсия за отца тоже... дай бог, чтоб на хлеб хватало. Если б не огород, да не куры с козой, то совсем... кранты. А это ж всё обиходить ещё надо.

– Кроликов ещё можно, – задумчиво сказал Эркин. – Я в лагере слышал, что кроликов держать выгодно.

– Во, – Колька взял со стола и показал ему тоненькую книжку, на обложке которой был нарисован кролик. – В библиотеке взял, – Колька заговорил в полный голос. – Думаем мясных завести и пуховых, чтоб пух ещё счёсывать и прясть.

– Козы тоже пуховые бывают, – поддержал Эркин.

– Слышал. Наша Манька молочная зато. Три стакана как отмерено.

– В день?

– Скажешь тоже, она ж не кошка. В дойку, – гордо сказал Колька.

Эркин изобразил изумление и восторг, и Колька довольно заржал. С той стороны занавески запыхтели и подёргали ткань.

– Закатывайся, – разрешил Колька, подмигивая Эркину.

Отодвинуть или поднять ткань малыш не мог, и потому просто подлез под ней.

– Во, я ж говорю, Колобок, – смеялся Колька. – Лезь сюда.

Сопя от напряжения, малыш забрался на койку, сел рядом с Колькой и очень серьёзно, даже строго посмотрел на гостя. Эркин улыбнулся ему, и мальчишка сначала неуверенно, а потом широко улыбнулся в ответ. Колька взъерошил ему кудрявые тёмные волосы и сказал с нарочитой строгостью:

– Ну, пришёл, так сиди тихо. Юнги без команды голос не подают.

Малыш снизу вверх посмотрел на него и подлез ему под руку, упёршись кудрявой макушкой в подмышку Кольке. Эркин улыбнулся, сразу вспомнив Алису, её манеру так же подлезать к нему или Жене, улыбнулся своей «настоящей» улыбкой.

– Хороший пацан.

– При моём воспитании плохим не будет, – Колька допил свой чай и удовлетворённо фыркнул: – Уф, хорошо!

Эркин кивнул, допивая. Колька легко встал, снял малыша с кровати и взял обе чашки.

– Давай, юнга, отнесём посуду на камбуз, нечего ей в кубрике делать.

Юнга, камбуз, кубрик... это что, не по-русски уже? И, когда Колька вернулся, Эркин сразу спросил об этом.

– Это по-морскому флотски, – рассмеялся Колька. – Кухня – камбуз, матросы в кубрике, офицеры в каюте, а юнга... ну, мальчишка на корабле, будущий моряк. Понял?

– Понял, – кивнул Эркин.

– Вот, – Колька показал на ещё одну фотографию. – А это корабль мой. Катер «Стерегущий». Вот такой, – он показал Эркину оттопыренный большой палец. – Вот такой корабль был. Я-то сначала на «Ревущий» просился, к отцу, рапорт писал, а потом не жалел. И команда классная была, во парни.

– Это они? – Эркин показал на фотографию, которую Колька назвал «дембелем».

– Не, это я после госпиталя на линкор попал, на «Север», а «Стерегущего» и поднимать не стали. Нас из всей команды и пятёрки не уцелело, сутки, считай, болтался, пока не подобрали меня. А «Ревущего» ещё раньше подбили, там никто не выплыл. Это на Гнилой Банке. Там страшные бои были. Они всё на север, в обход к Поморью рвались, ну, и мы, на-

смерть, закрыли проливы.

Он сыпал именами и названиями, которых Эркин не знал, а потому и не запоминал и даже не всегда понимал, о чём говорит Колька, но слушал, не перебивая. А когда Колька замолчал, осторожно спросил:

– А брат твой, тоже моряк?

– Не, Семён в авиацию хотел, по мамкиной дороге, а попал...

– Твоя мать – лётчик?! – изумлённо перебил его Эркин.

– Не моя, Сёмкина, – отмахнулся Колька и засмеялся озадаченному виду Эркина. – Во каком стрелком мой батя был. Как пальнёт, так попадёт. Ну, я в госпитале и получил и на батю похоронку, и от Сёмы, чтоб навестил его, вдвоём ведь остались. Мне, как всем, отпуск на поправку, недельный, дали, я литер выправил и к нему. Я-то в Морском лежал, а он в Горном. Приезжаю, а у него в палате Мама Фира сидит. Представляешь, я-то даже не знал, что батя опять женился, – Колька засмеялся и покрутил головой. – Вот так мы и встретились.

– Повезло тебе, – убеждённо сказал Эркин. – Ну, что нашли друг друга.

– Не то слово! – Колька прислушался к шуму за занавеской. – Пошли, с Сёмой познакомишься.

Они вышли в горницу, и тут Эркин понял, почему она показалась ему такой маленькой. Она же разгорожена! Ну да, Колькина выгородка за занавеской и вон ещё одна отодви-

нута наполовину, открывая рядом с печью высокую кровать с лежащим на ней молодым ещё, вряд ли намного старше Кольки, парнем. Его лицо было бледным и, как показалось Эркину, слегка одутловатым, но он больше Кольки походил на моряка с фотографии.

– Во, Сёма, это Мороз, мы в одной бригаде.

– Привет, – Семён протянул Эркину правую беспалую ладонь.

Эркин пожал её и улыбнулся.

– Привет.

– Слышал, ты на «стенке» хорошо стоял, – улыбался Семён.

– Он не стоял, – Колька придвинул к Эркину табуретку и сел на кровать в ногах Семёна. – Он как сквозь масло прошёл. Двинул раз – и всё. И знаешь, кому? Волкову, ну, Леонтию.

– Ого, – Семён с уважением смотрел на Эркина. – Леонтия сшибить – это силу надо иметь.

– Дело не в силе, он открыто стоял, – охотно поддержал тему Эркин.

– А ты, я заметил, без замаха бьёшь, – подхватил Колька.

– Замахиваться – это время терять, – усмехнулся Эркин и не удержался: – Вырубить надо первым ударом, второго тебе сделать не дадут.

– Верно, – кивнул Семён. – Много драться пришлось?

– Много, – честно ответил Эркин.

Из кухни прибежал и полез к Кольке мальчишка. Но почти сразу вошла Эсфирь, вытирая на ходу руки об угол фартука.

– А теперь спать.

Она очень ловко взяла мальчишку на руки и унесла в соседнюю комнату, несмотря на обиженное хныканье. А они продолжали разговор о «стенке». Эркину рассказали о кулачном бое «сам-на-сам», что там выходят попарно, один на один, а правила те же, хотя и в обхват взять и повалить можно, но это если сумеешь вплотную подойти. Эркин рассказал о ковбойской олимпиаде, о Бифпите, перевёл, как смог, формулу трёх радостей ковбоя, и они все вместе долго взахлёб ржали.

– Ну, это по-нашему, – отсмеялся Колька. – Как с корабля на берег, так то же самое.

Семён смеялся и шутил вместе с ними и, когда Эсфирь вошла в горницу, сказал покровительственным тоном старшего:

– Идите есть, драчуны. А я сосну малость. Коль, задёрни меня.

– Ага, – легко встал Колька.

Сразу встал и Эркин. Он не знал, нужно ли прощаться, но Семён уже закрыл глаза, а Колька подтолкнул его в плечо и, отходя, задёрнул за собой занавеску.

И тут Эркин увидел, что в горнице рядом с маленькой украшенной ёлочкой на комод, над узким деревянным ди-

ванчиком на стене висят гитара и... как нож в ножнах. У моряка на фотографии такой же. Ну, нож ладно, а вот гитара... Колька заметил его взгляд и невольно вздохнул.

– Отцовы. Гитара и кортик. Всё, что осталось. Ордена на нём были, как положено. А кортик тогда не взял с собой.

Эркин понимающе кивнул. От Андрея ведь тоже... только ящик с инструментами остался. И понимал, что невежливо вот так стоять и смотреть, и не мог отвести глаз от гитары.

– А ты... играешь?

– Нет, – мотнул головой Колька, – так висит. Как память. Вот Колобок подрастёт, может, будет, – и зорко посмотрел на Эркина. – А что, ты играешь?

– Играл, – вздохнул Эркин, – уже, да, шесть лет, как в руках не держал.

– Ла-адно, – протянул Колька, – пошли, поедим.

Ели на кухне. Тоже, как и горница, маленькой, за покрытом полотняной скатертью столом. Колька нарочито строго посмотрел на Эсфирь, расставлявшую тарелки.

– А сама-то?

Она улыбнулась.

– И я с вами.

Сняла фартук, косынку и села к столу. Посуда была – Эркин уже в этом разбирался – самая дешёвая, но еда оказалась необычной и очень вкусной. Жёлтый куриный бульон с плавающими в нём маленькими шариками – их называли клёцками, потом запечённая в печи курица, оказавшаяся, к

крайнему изумлению Эркина, без костей. Нет, так поглядеть, курица как курица, только что без крылышек, а режется на ломтики как... как колбаса. Его изумление очень понравилось Кольке. А Эсфирь всё подкладывала и подкладывала ему и Кольке. Потом был чай, из самовара, с золотистыми кругляшами печенья.

Эсфирь угощала и расспрашивала Эркина о его семье, давно ли он в Загорье, почему выбрали именно этот город.

Эркин улыбнулся.

– Как-то само получилось. Искали работу и жильё. А в деревню не хотелось. В деревне для Жени, жены, работы нет.

– Конечно, – кивнула Эсфирь. – Город у нас хороший. Мы сюда тоже, можно сказать наугад приехали, – по её лицу скользнула еле заметная мгновенная тень и тут же сменилась улыбкой. – И не жалеем. Правда, Коля?

– Точно, Мама Фира.

Глаза у Кольки радостно блестели.

– Эх, жаль, Мама Фира, ты нас на «стенке» не видела.

– Ну нет, Коля, это зрелище не для меня. Давайте, я вам ещё чаю налью.

– Спасибо, – Эркин запнулся, не зная, как обратиться к ней. За столом он разглядел, что она ненамного старше него и, похоже, ровесница Семёна, и тридцати лет ей точно нет.

Она поняла его заминку и улыбнулась.

– Мама Фира я, вы же с Коленькой вместе. Пейте на здоровье. И печенье берите. Нравится?

– Да, очень вкусно. Никогда такого не ел.

– А ты заходи почаще, – пригласил Колька.

И за едой и разговором не заметили, как за окном потемнело. Эсфирь встала и включила свет.

– Как хорошо, что свет провели. Так прошлой зимой с керосином мучились.

– Да, – кивнул Эркин. – Знаю. Мы тоже так жили, – и встал. – Большое спасибо, но мне пора.

– Заходите ещё, – улыбнулась Эсфирь.

Они попрощались, Эркин взял свои бурки, обулся, и Колька вышел с ним в сени. Эркин быстро оделся, чтоб не держать человека в холодных сенях.

– Спасибо, что зашёл.

– Спасибо, что пригласил, – ответил в тон Эркин. – И ты заходи.

– Спасибо, зайду. Дорогу-то найдёшь, или проводить?

– Найду, – улыбнулся Эркин.

Они даже обнялись на прощанье, и Эркин ушёл.

Фонарей в Старом Городе, похоже, не было, но настоящая темнота ещё не наступила, в окнах горел свет, отсвечивал снег, так что заблудиться Эркин не боялся. Он благополучно пересёк оба двора, вышел в проулок и на минуту остановился, соображая, как лучше идти. Где-то нестройно, перекрикая друг друга, пели, а вон ещё, и ещё... Эркин улыбнулся. Нет, всё хорошо, жаль только, что Жени с ним не было.

Гуляли здесь, в общем-то, как в Цветном: с песнями, несе-

рвѣзными стычками, разве только песни другие, да нет – тряхнул Эркин головой – всё другое, всё хорошо и даже лучше.

– Эй, Мороз, здорово, куда спешишь?

– Здорово, Антип, – охотно откликнулся Эркин. – Домой иду, а что?

– Больно рано ты домой собрался, – Антип был несильно, но заметно пьян. – Здорово ты сегодня на «стенке» врезал, это обмыть надо.

Шумная компания окружила его, шлёпали по плечам и спине, звали отметить. Совсем, как в Бифпите после скачек и борьбы. И Эркин пошёл с ними. Напиться он не боялся, зная, что в общей гульбе главное – не отказываться и не ломать компанию, а в рот тебе заглядывать не будут, и смыться втихую тоже не проблема.

Так в общем и получилось. К тому же, пока добрались до трактира, компания сильно поменялась в составе, и, выпив с Антипом и немного посидев для приличия со всеми, из общей пьянки Эркин удрал. Тем более, что в трактире всюду шумел Ряха, а уж с ним в одной компании быть зазорно.

И сейчас Эркин шёл, жадно дыша холодным воздухом и с удовольствием слушая снежный скрип под бурками.

В Новом Городе гуляли не на улице, а по домам, из окон вырывались голоса, музыка, пение... Святки, неделя гульбы. И с площади слышалась музыка. Эркин уже знал, что вечерами там танцуют, и, если бы с ним была Женя, конечно,

они бы пошли туда потанцевать. Он же... он же ни разу не танцевал с Женей, так, может, завтра или послезавтра... как она захочет... Он шёл и незаметно для себя пел, подпевая доносившейся до него музыке.

После снегопада снова выглянуло солнце, и – Святки же! – почти все обитатели «Беженского Корабля» пошли кататься на санках. Крутые, почти отвесные, у самого дома склоны оврага дальше становились более пологими, а овраг заметно шире. И с утра туда потянулись, протаптывая тропинки, взрослые и дети с санками. Многие, особенно поначалу, смущались, что, дескать, вот только детишек чтоб позабавить, но чинились недолго и вскоре уже катались и барахтались в снегу чуть ли не наравне с детворой.

К огорчению Эркина, Женя недолго была с ними. Чуть покаталась и ушла готовить обед. Алиску прогулки не лишишь и одну её не оставишь. Так что всё ясно и понятно, но... Женя, поглядев на его расстроенное лицо, улыбнулась.

– Всё в порядке, гуляйте, как следует.

Эркин хмуро кивнул. Женя, привстав на цыпочки, поцеловала его в щёку.

– А я вам приготовлю сюрприз. Ну же, Эркин, улыбнись.

И он не смог противиться ей. Да и заметил к тому же, что остались с детьми, в основном, мужчины, или дети сами по себе гуляют. И Зина ушла, а Тим остался с Димом и Катей.

Когда Алиса в очередной раз, сев на санки, оттолкнулась

и покати́лась вниз по склону, Эркин подошёл к Тиму.

– Привет.

– Привет, – ответно улыбнулся Тим. – Хорошо, солнце выглянуло.

– Погодка, что надо, – охотно поддержал тему Эркин.

Перебросились ещё парой фраз о погоде, что сухой мороз и впрямь куда лучше алабамской сырости. Здоровее, во всяком случае. Помогли выбраться наверх детям, отряхнули их, усадили на санки и снова отправили вниз.

– На масленицу опять «стенка» будет, так?

– Про кулачные бои говорили, один на один.

– Слышал, – кивнул Тим. И усмехнулся: – Разохотился никак?

– А ты нет? – хмыкнул Эркин.

Тим задумчиво кивнул.

– Что ж, всё так, – и улыбнулся. – А хорошо было.

– Хорошо, – согласился Эркин.

И когда Алиса, Дим и Катя выбрались к ним, волоча санки, и потребовали кататься всем вместе, они не стали спорить.

Когда Эркин и Алиса пришли домой, Женя только ахнула, увидев их.

– Господи, вывалялись-то как!

Она хлопотала, вытирая, переодевая, развешивая одежду и ругая их. Но ругала так, что даже Эркин понимал: она совсем не сердится, это – так просто.

И был необыкновенно вкусный обед с плавающими в густом тёмно-коричневом соусе кусками мяса и свекольным салатом-винегретом, и вкусный яблочный компот с приятной кислинкой. Тогда, придя домой после «стенки» из гостей, Эркин рассказал Жене об угощении, и оказалось, что Женя не знает, как делать курицу, чтоб она была целой и без костей. Она даже расстроилась из-за этого, и Эркин утешал её, говоря, что ему особо и не понравилось, так, интересно просто, как это получается. А так у Жени гораздо вкуснее.

– Спасибо, родной, – чмокнула его в щёку Женя.

Алабама

Колумбия

Ночью дождь кончился, похолодало, и к утру лужи схватило ледком. Выйдя на рассвете из дома, Чак попробовал каблуком лёд на луже и вполголоса выругался. По такой обледенелой дороге угробиться ничего не стоит, а ему надо показать класс. Покажешь тут... Вот паскудство! И так на душе погано, да ещё такое... Он попросту боялся. Знал это и не желал в этом признаться самому себе. Сам поймёшь, так и другие заметят.

Дня три назад он узнал, что Бредли видели в Колумбии,

и весь день болтался и крутился вокруг заведения Слайдеров, рассчитывая, что Бредли явится взять с поганцев плату за крышу. И будет, конечно, вместе с Трейси. Или пришлёт одного Трейси. Второй вариант даже предпочтительнее. А чёртовы беляки не пришли. Ни один, ни второй. И где их искать... Хотя это-то просчитать несложно, но ему-то туда ходу нет, ни один цветной туда сунуться не смеет. Даже Старого Хозяина в такие места белый шофёр возил.

Но вчера... вчера повезло, и всё решилось.

В Колумбию они приехали двадцать седьмого рано утром, пожертвовав поезду ночь.

– Нужна машина, Фредди.

– Помню, – буркнул Фредди.

Он не выспался и был поэтому зол. Последний день в имении отнял много сил: нужно было оставить задел на те две недели, что их с Джонни не будет, большая игра требует свежей головы, а что за сон в поезде?

На вокзальной площади Джонатан сразу направился к стоянке такси. Но назвал не «Атлантик», а более скромный «Чейз-Отель», и Фредди кивнул. Сначала надо разведать как следует. Да и им в ковбойском в «Атлантике» нечего маячить, а в «Чейз-Отеле» полно провинциальных лендлордов, там легче затеряться.

В номере Фредди сказал уже спокойнее.

– По обычной программе, Джонни.

– Да. У Слайдеров пока не светись.

– Не учи.

Первые два, много три дня – самые сложные. Надо быть предельно осторожным, не игра – прощупывание. Колумбия – не Бифпит, здесь Ансамбль, и пока там не прояснится, трепыхаться смертельно опасно. Правда, и положение у них теперь другое. Открытые счета прибавили веса. Они вывалились и могут позволить себе куда больше, чем раньше, но наглеть нельзя.

Душ, бритьё, переодеться... Фредди поглядел на сосредоточенно завязывающего галстук Джонатана.

– Всё, Джонни, удачи. Я пошёл.

– Сегодня здесь.

– Понял.

И завертелась карусель встреч, осторожных и откровенных разговоров, нежеланных, но нужных выпивок, и игра, игра, игра... Игра для престижа и для денег, кому отдать, кого пощипать, кого обчистить. И ежеминутно, ежесекундно думай, просчитывай, помни об алиби и обоснованиях. Здесь, в Колумбии, самый опасный враг – инспектор Робинс. На всю полицию можно накласть, купить их с потрохами и фуражками, но не Бульдога. Бульдогу дал зацепку – пиши пропало. Ничего не забывает, попадись на какой-то мелочи и тебе живо всё твоё по совокупности подвесят. Вообще-то Робинсу пора быть комиссаром, и это очень многих бы устроило, чтобы ушёл он с оперативной на бумажную работу, но...

столь же многим не хотелось перехода Робинса на внутренние проблемы полиции. Правда, у Робинса был один, но серьёзный плюс: он всегда играл честно. По всем полицейским правилам. И подстроиться было можно.

На третий день всё как-то устоялось, перспективы обрисовались достаточно чёткие, и Джонатан начал готовить офис – пока приходилось пользоваться конторой Дэнниса – и квартиру. Дэннису плыл в руки большой и, главное, долгосрочный заказ, но нужно и толкать мэрию, и приглядывать, чтобы кто другой не перехватил, а тут удалось очень аккуратно прибрать небольшую, но крепкую посредническую фирму – вдова пострадавшего в одной из разборок осталась довольна полученной чистой во всех отношениях суммой. Покойник использовал фирму только для официального прикрытия, а они хотели сделать её прибыльной легально, намечалась ещё пара точек... так что между играми они не спали, как большинство игроков, а крутились и бегали посолёнными зайцами. Новый Год Джонатан собирался встречать в Экономическом клубе. Фредди туда хода не было, но он разрабатывал на эту ночь свои планы. И тридцатого уже спокойно отправился побродить по Колумбийскому Торговому центру. И покупки надо сделать, и развлечься немного можно: ковбойской ярмарки тут нет, так хоть это.

Фредди уже купил почти всё намеченное, перемигнулся и переговорил с кем хотел, когда почувствовал взгляд. Кто-то упорно смотрел ему в спину. Не полицейский – те смотрят

по-другому – и не кто-то из знакомых. Медленно, чтобы не спугнуть резким движением, будто просто рассеянно глаза, Фредди повернулся, и их взгляды пересеклись.

В узком проходе между штабелями коробок и ящиков стоял высокий широкоплечий негр в чёрной кожаной куртке. Слегка расставив ноги и засунув руки в карманы. Как тогда, в Мышеловке. Телохранитель Ротбуса. Колумбийский Палач, маньяк-убийца, меньше чем за сутки вырезавший верхушку Белой Смерти и уцелевший в заварухе генералитет СБ. Тогда его взяли русские. И теперь он здесь. На свободе? Живец? Ждут, кто клюнет? Неплохо, но... но полицейских рядом не чувствуется. Если даже засада – быстро соображал Фредди – то не на него.

Чак встретился с холодным взглядом светлых глаз, судорожно сглотнул и попытался улыбнуться. И сам понял, что попытка не удалась. Ну... ну, теперь всё. Главное – не показать слабинку, правильно начать, а там...

Он шагнул вперёд.

Фредди молчал, и Чак не выдержал, заговорил первым.

– Добрый день, сэр.

В ответ опять молчание и холодный завораживающий взгляд. Чак снова сглотнул.

– Я... я искал вас, сэр. Прошу уделить мне немного внимания, сэр.

И опять молчание.

Фредди быстро просчитывал варианты. Парень явно тру-

сит... И столь же явно держится... Из последнего держится... На живца не похоже... Слежки нет... Ну, что же...

Еле заметный кивок, и Чак перевёл дыхание. Его согласились выслушать! И когда Фредди, резко повернувшись, пошёл, лавируя между штабелями, прилавками и киосками, Чак последовал за ним.

Толстый, с нависающим над поясным ремнём брюшком, белобрысый усач бережно ополаскивал в тазике с водой и раскладывал на белом фарфоровом лотке мелкую рыбу. Поравнявшись с ним, Фредди, не меняя шага, резко повернул и вошёл в маленькую незаметную за фигурой толстяка дверь. Чак еле успел повторить его манёвр. Толстяк даже головы в их сторону не повернул.

В маленькой комнате, заставленной бочками и ящиками, душливо пахло рыбой. От металлической сетки, закрывающей лампочку над дверью, на всём лежала решетчатая тень. Вбежав в комнату, Чак по инерции сделал лишний шаг, и насмешливый голос Фредди прозвучал уже за его спиной.

– Ну?

Мгновенно повернувшись к стоящему у двери Фредди, Чак уже понимал: если что, то убьют его прямо здесь, как забравшегося на склад вора. Но... но он сам напросился. Отступать некуда.

– Я ищу работу, сэр.

И по искреннему выражению удивления понял, что первый выстрел удачен.

– А я при чём?

– Сэр, – Чак схватил открытым ртом душный воздух. – Возьмите меня на работу, сэр. Я могу работать шофёром, автомехаником, секретарём... Вожу любую машину, мотоцикл, езжу верхом, я... я грамотный, сэр, печатаю на машинке, знаю стенографию, делопроизводство, я... ещё я могу работать камердинером. Я согласен на любую работу, сэр. Сэру Бредли ведь нужен такой... – он запнулся и тихо повторил: – Я согласен на любую работу, сэр.

Пока он не упомянул Джонни, Фредди слушал спокойно и даже отстранённо. Конечно, неожиданно, но... но имя Бредли всё изменило.

– Так, понятно. Раньше ты работал на Ротбуса.

– Да, сэр, – Чак не отвёл взгляда.

– А теперь хочешь работать на нас. Почему?

– Потому, что вы всё знаете обо мне, сэр.

Фредди кивнул. Парень не врёт, уже легче. Пока ни в чём не соврал. Что ж...

– На кого ты работал после Ротбуса?

– Ни на кого, сэр.

– А в Хэллоуин?

– На себя, сэр. Я мстил, сэр.

Новый кивок. И Чак перевёл дыхание: он выиграл и этот раунд.

Фредди оглядывал стоящего перед ним. Что ж, как говорит Джонни, резонно. Для парня. Насколько это резонно для

них? Шофёр, автомеханик... что ж, остальное пока побоку. Взять, чтоб не досталось другому. Гриновская выучка – это серьёзно. Самостоятельное оружие. Заманчиво. Но светится. Парень засвечен. Брали его русские. И отпустили. Когда и почему? Вернее, за что?

– Давно вышел?

– Из госпиталя, сэр? Меньше месяца, сэр.

– И в каком госпитале лечился?

– В русском военном, сэр. В Спрингфилде, сэр, – Чак заторопился, сбиваясь на обычную рабскую скороговорку. – Я здоровый, сэр. Могу делать любую работу, сэр. Я могу работать, сэр.

Светлые, почти прозрачные глаза смотрят с холодной насмешкой. И Чак замолчал, чувствуя, что рискует всё испортить.

Госпиталь в Спрингфилде... проверить через Юри... об этом канале парень знать не может, поэтому и подставился, ну, ладно...

Чак молчал, из последних сил удерживая рвущееся из горла: «Простите меня, сэр, накажите своей рукой, сэр». Этого говорить нельзя, это конец. Поползёшь – раздавят, пока стоишь – есть шанс.

Ладно, любая проблема решается, когда её решаешь.

– Завтра в шесть десять у гаража Стенфорда. Посмотрим, какой ты шофёр.

И Чак остался один, ошеломлённый таким мгновенным

решением. Он несколькими вздохами восстановил дыхание и рискнул выйти.

Толстяк продолжал выкладывать рыбёшек, шумела предпраздничная торговля, Фредди видно не было. Но Чак и не собирался следить за ним: жизнь дороже. Теперь... теперь к Слайдерам, может, они ещё не закрылись...

Джонатан оглядел новенькую «ферри», похлопал по капоту.

– В самый раз, Фредди. Не слишком шикарно и без лишней скромности.

– Если довести до ума, – кивнул Фредди, – то будет неплохо.

– Грузовик мы делали полгода.

– Её надо сделать быстрее.

– Вот и посмотрим, – Джонатан усмехнулся, – сколько и чего мы сможем на него скинуть. Слушай, но ты уверен, что он нам нужен?

– Кому бы ты его отдал?

– Резонно, – буркнул Джонатан. – На моих шесть ровно.

– Твои на минуту отстают. Но я его уже вижу.

Чак старался не бежать. Вчера он сходил к Слайдерам, они уже закрылись, но он упрямился, согласился переплатить, лишь бы ему сделали руки. И вечером отчистил куртку, надраил, как мог, ботинки, отгладил рубашку. Чтоб – упаси от такого – за шакала-попрошайку не посчитали. Так, он успевает.

Опаздывать нельзя, но приходиться заранее и топтаться в ожидании господ тоже не стоит.

Завернув за угол, он увидел у гаражных ворот неброскую синюю машину, похоже... да, «ферри». И рядом с ней двое. В шляпах, просторных умеренно тёмных, по сезону, плащах. Оба высокие, который из них Бредли? Ведь решать будет не Трейси, а... хозяин. Хотя слово Трейси, безусловно, много весит. Издали они как близнецы.

Но только подойдя почти вплотную, Чак увидел, насколько они разные. Бредли – румяный, синеглазый и... и это настоящий лендлорд. А Трейси... хоть и одет так же, а всё равно – ковбой. Остановившись в шаге от них, Чак склонил в полупоклоне голову.

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро, – кивнул Джонатан. – Готов?

– Да, сэр.

– Тогда садись за руль.

Чак снова слегка поклонился, открыл перед ними заднюю дверцу и, когда они сели на заднее сиденье, быстро обежал вокруг машины, и точным броском занял шофёрское кресло. Ключи... в замке... бензин... масло... всё в порядке... ну, поехали.

– Куда прикажете, сэр?

– Прямо и налево, – доброжелательно-командный голос за спиной.

– Да, сэр, прямо и налево.

Чак мягко стронул машину. «Ферри» – машина неплохая, в уверенных руках и идёт соответственно. И явно новенькая, необмятая под чью-то руку. Вот так... и вот так... он ничего не забыл, не разучился...

– На площадь Основателей на пределе.

– Да, сэр, на площадь Основателей.

На пределе, так на пределе. По обледенелому асфальту, в центре города, где на каждом шагу полицейский, какой здесь может быть предел?

– Автодром знаешь? – это уже голос Трейси.

– Да, сэр.

– Туда.

– Да, сэр, на автодром.

Чак развернулся у памятника Отцам-Основателям и свернул к мэрии: так короче. Хорошо, рано ещё, город пуст, ни машин, ни прохожих.

– Проверь сзади.

Чак тронул зеркальце над ветровым стеклом, осмотрел улицу за машиной и вернул зеркальце в прежнее положение.

– Чисто, сэр.

– Тогда прибавь.

– Слушаюсь, сэр.

Это уже окраина, можно и прибавить. «Ферри» свободно даёт сто двадцать, а если кое-что переделать, то за двести выдержит. Надёжная машина. Тим любил такие штуки: чтобы снаружи обычное, а внутри, как говорил Грин, эксклюзив.

Запел под колёсами бетон шоссе. Небо светлеет, но какая-то плёнка остаётся, днём может опять заморосить. Впереди поворот, не занесло бы на льду, обошлось. Вот ещё один поворот, есть, а вон и автодром.

– К въезду.

– Да, сэр.

У ворот он притормозил. Из будочки вышел заспанный и недовольный, как всякий не вовремя разбуженный, белобрысый парень в армейской куртке со срезанными нашивками. Навстречу ему из машины вышел Фредди. Быстрый обмен парой фраз. И дежурный – Чаку даже показалось, что парень щёлкнул каблуками – бегом бросился к своей будочке, а Фредди вернулся на прежнее место. Медленно сдвинулись решетчатые ворота.

– Вперёд, трасса «Ди».

– Да, сэр. Трасса «Ди».

На этом автодроме их ещё Грин гонял. От «Эй» до «Эф». Дальше трассы СБ, при появлении на запретной трассе огонь с вышки на поражение без предупреждения. Трасса «Ди» не из самых сложных, если бы не этот лёд, можно было бы и шикануть, но сегодня слишком опасно. Скрежет смёрзшегося гравия, песок тоже смёрзся и хорошо держит, удачно, повороты, горки, только успевай следить и крутить руль. А оба молчат. Ну и ладно, это он может, здесь его не сбить. Поворот, ещё, горка-трамплин, бетонный створ... всё!

Пискнув тормозами, Чак впечатал «ферри» в квадрат фи-

ниша.

– Трасса «Эф»? – сказали сзади.

Прозвучало это не приказом, скорее, вопросом, и Чак открыл рот, чтобы ответить положенной формулой послушания, но тут же услышал неожиданное:

– Нет. Подвинься и пристегнись.

Чак, недоумевая, пересел на соседнее сиденье, уступая место водителю... Хлопнула задняя дверца, передняя... Бредли?! Одновременно щёлкнули замки двух ремней безопасности, и машина прыгнула с места вперёд. Трасса «Кей» – успел заметить Чак. Да, она. Тогда хозяин здорово потратился, но получил разрешение пропустить каждого из них по разу по одной из запретных трасс. Он как раз проходил «Кей», а следующую – самую сложную трассу «Эль» – Тим. «Кей» по льду и скорость по максимуму – это... это уже класс. Если ремни не выдержат – хреново. «Ферри» не для таких игр машина... Чёрт, что этот беляк делает? Но класс... да, есть класс. Если не угробимся...

Они не угробились.

Но не успела машина остановиться, как сзади хлопнула дверца и мгновенно, Чак и дёрнуться не успел, но за рулём уже Трейси, а Бредли сзади. И снова Чака вжимает в спинку сиденья, а навстречу несётся указатель с тремя звёздами. Звёздная трасса. Считается непроходимой. Для машин класса «ферри» во всяком случае. И не на ста двадцати. И не по льду. Это... это же...

Чак машинально, уже плохо сознавая, но отслеживал все ловушки и смертельные «прибамбасы», как их называл Грин, и не мог не оценить ту точность, с которой их проходит машина.

И снова финишная площадка. И спокойный голос.

– Садись к рулю.

Чак отстегнул ремень и вышел из машины, обошёл её. На блестящем лаке крыльев ни одной царапинки. Он молча сел за руль, обречённо ожидая приказа.

– В город.

– Да, сэр, – выговорил он чужими, онемевшими губами. – В город.

Ему уже было всё равно. И всё понятно. Да, белые господа ловко щёлкнули зазнавшегося негра по носу. Получи и заткнись.

Тот же парень выпустил их, приняв в ладонь несколько кредиток.

Чак вёл машину плавно, без толчков, но знал: это уже ничего не изменит.

– Как тебя зовут? – спросили за спиной.

– Чак, сэр, – равнодушно ответил он.

– А полностью?

Зачем им? Неужели... ворохнулась дикая надежда, и он ответил уже другим тоном.

– Чарльз Нортон, сэр.

В зеркальце он видит спокойные внимательные глаза од-

ного и насмешливые другого. Что ж, Трейси имеет право на насмешку.

– Есть вопросы, Чак?

– Да, сэр.

– Ну?

Всё равно ничего не изменить, так что, чего уж тут...

– Зачем вам шофёр, сэр?

И неожиданный, но необидный смех.

– Резонно, – и тут же серьёзно: – Есть ситуации, – Чак вздрогнул, но удержался, – когда за рулём должен быть третий.

– Чак, что нужно ещё с ней сделать?

Чак нашёл в зеркальце светлые холодные глаза, заставил себя улыбнуться и начал перечислять, что, по его мнению, надо усовершенствовать и переделать. И, когда замолчал, услышал: «Соображаешь», – то задохнулся на мгновение от глупой нелепой радости. Его одобрил тот, чьё мастерство он сам только что даже не видел, а ощутил и прочувствовал.

– Останови, Чак. Обговорим всё здесь.

Чак притёр машину к обочине, повернулся к сидящим сзади.

– Месяц испытательного срока. Приглядимся друг к другу.

– Да, сэр.

– На тебе машина. Она всегда должна быть в исправности и готовности, – Чак понимающе кивнул. – Работа сверх

восьми часов в день и в выходные дни оплачивается в соответствии с трудовым законодательством.

Почему-то эти слова вызвали у Трейси лёгкую усмешку, а Бредли продолжал:

– Документы есть?

– У меня справка. Из русского госпиталя.

– И всё?

Чак угрюмо кивнул.

– Сегодня тридцать первое. Третьего у тебя должно быть удостоверение и права.

– Штраф за управление машиной без прав за твой счёт, – ухмыльнулся Трейси.

– Сейчас поедem в город. Высадишь нас у Клиппертон-банка. Третьего в десять у «Чейз-отеля». В гараже наш бокс шесть, – Бредли улыбнулся. – Какие вопросы, Чак?

– До третьего я не успею всё сделать с машиной, сэр, – настороженно сказал Чак.

– Она должна быть на ходу, остальное решай сам.

– Да, сэр. Я понял, сэр, – Чак глубоко вздохнул. – Можно ещё вопрос, сэр?

Бредли кивнул. И Чак решил рискнуть. Это надо решить сейчас, потом будет поздно.

– Сэр, я... вы берёте меня шофёром, сэр?

– Ты сказал, что согласен на любую работу, – насмешливо шурит глаза Трейси, подчёркивая голосом «любую». – Я тебя не так понял?

– Всё так, сэр. Но... но вы знаете, я... работал у Ротбуса. То, что я делал для него... я не могу этого делать.

– Эта работа нам не нужна, – спокойный ответ Бредли. – Шофёр и автомеханик.

– Да, сэр, – облегчённо улыбнулся Чак. – Прикажете ехать, сэр?

– Держи карточку к Стэнфорду. И на всё, что нужно, что будешь брать для машины, выписывай счёт. Зарплата и расчёт в пятницу. Устраивает?

– Да, сэр, – Чак плавно стронул машину.

– У тебя есть деньги?

– Да, сэр, – ответил, не оборачиваясь, Чак. – Я получил ссуду, сэр.

В зеркальце он увидел, как Бредли и Трейси переглянулись, но это уже неважно. Клиппертон-Банк. В деловую часть города лучше въезжать через этот поворот.

Когда машина скрылась за углом, Джонатан хмыкнул.

– Пижон ты, ковбой.

– Давно на родео не был, – вздохнул Фредди и туманно добавил: – У меня с ним свои счёты. И похоже, ты тоже по родео заскучал.

– А вполне могли угробиться, – тихо засмеялся Джонатан. – Ладно. Завтра сметаюсь в Спрингфилд.

– Привет Юри от меня. Я зайду к Слайдерам и вообще... пройдусь.

Джонатан кивнул. Лицо его обрело снисходительно отстранённое выражение, и, кивнув Фредди ещё раз, уже несколько свысока, он повернулся и стал подниматься по ступенькам парадного крыльца Клиппертон-банка. Фредди достал сигареты и стал закуривать, закрываясь от ветра. Когда за его спиной солидно чмокнула входная дверь, он наконец справился с огоньком, убрал зажигалку и неспешным уверенным шагом покинул деловой квартал.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Очередной, наполненный всякими событиями день подходил к концу. Сегодня они опять ходили за покупками. Завтра Новый год, так что и продукты, и подарки, и на ёлку кое-чего – всего надо подкупить. Вчера вечером гадали, топили воск, так и свечей запас надо сделать – все огарки потратили.

А на Главной улице опять суета и толкучка в магазинах. Весёлая праздничная суета. И тут Эркин увидел в одном из магазинов такое... у него на мгновение даже дыхание пере-

хватило. А цена? Вполне по карману. И будет у них тогда на Новый год... Всё будет! Он даже отвёл глаза, чтобы Женя не заметила, всё-таки он ей сюрприз готовит. А когда принесли всё купленное домой, даже не стал раздеваться.

– Я кое-куда ещё схожу, ладно, Женя?

– Ну, конечно, Эркин, – Женя раздевала Алису.

– Мам, и я с Эриком.

Женя, быстро посмотрев на Эркина, покачала головой.

– Нет, маленькая, ты мне на кухне поможешь.

– Ну ладно, – согласилась Алиса и тут же нашла себе дело. – Давай я буду конфеты раскладывать.

– Посмотрим, – улыбнулась Женя.

Эркин зашёл в кладовку и взял ещё денег, крикнул Жене на кухню, что он пошёл, и выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь.

И бегом по коридору, по лестнице, по скрипящему под ногами снегу. Лишь бы успеть, чтобы никто не перекупил.

Коробка была нетяжёлой, но большой. Конечно, ему обернули её в подарочную бумагу, перевязали, сделав ручку, чтобы было удобней нести, и он шёл уже спокойно, разглядывая витрины, в которых по-прежнему стояли ёлки, но вместо ангелов и хлева с младенцем и ангелов были теперь Дед Мороз и Снегурочка – Эркин уже знал, кто это – и не оленья упряжка с Санта-Клаусом, а тройка запряжённых в сани коней. И второго, да, все говорят, что второго января так же будут катания в санях. А завтра тридцать первое декабря,

Новый год...

Иногда Эркин останавливался, но не от усталости, а, чтобы прочесть вывеску. Там, где ему все буквы известны. Это очень странно: смотришь на... значки и закорючки, и как будто кто-то говорит тебе, и ты слышишь уже слова. Эс... эн... о... вэ... ы... эм... с новым... гэ... о... дэ... о... эм... годом... с новым годом. И в конце торчком палочка с точкой снизу, это не буква, а... да, восклицательный знак. С Новым годом! А здорово ведь получается. В самом деле, получается. В жизни бы не подумал, что он будет читать. И это тоже... Женя.

Миновав магазины, он пошёл быстрее, поздравляя встречных знакомых с наступающим праздником и благодаря за поздравления. Зашёл в магазин Мани и Нюры – они говорили, что к Новому году у них будет кое-что, ну, совсем необыкновенное.

– С наступающим вас, – поздоровался он от порога.

– И тебя с наступающим.

– С наступающим, Мороз.

Маня и Нюра, улыбаясь, выкладывали перед ним коробки и пакеты.

– Вот, побалууй своих.

– Ага, спасибо.

– А себе-то?

– В Новый год шампанское положено.

– Да уж, головой не качай, положено.

– Нюра, ты ему подарочный набор покажи. С бокалами.

И Эркин не устоял. Бутылка, два бокала и белая роза в коробке. И ещё коробка с шоколадными конфетами, и пакетики с нарезанной тонкими ломтиками рыбой, розовой, белой и чуть желтоватой. И под конец Эркин совсем разошёлся: купил две большие плитки шоколада и тут же подарил их Мане и Нюре.

– А это вам от меня. С праздником!

Они в один голос ахнули и залились таким смехом, что он и сам рассмеялся.

– Ай да кавалер!

– Вот это обхождение!

– Ну, с праздником тебя!

– Ну, спасибо!

И, когда он, уже попрощавшись и собрав покупки в сумку, уходил, напомнили, что завтра они до трёх только, так что за молоком пораньше зайди, второго завоза не будет.

Уже идя к дому, Эркин вдруг вспомнил, что это Фредди так в Бифпите делал, и недовольно, злясь на себя, что без конца вспоминает того, дёрнул плечом. Но долго хмуриться было нельзя: полно встречных, все знакомые, все поздравляют, надо отвечать, улыбаться и самому поздравлять.

Алиса, нетерпеливо топтавшаяся у двери, пока он возился с ключами и замком, увидев большую коробку, оглушительно завизжала. Да так, что из кухни прибежала с ложкой в руках Женя. И ахнула.

– Эркин! Что это?!

– Ну-у, – замялся он.

Но Алиса пришла ему на помощь.

– Это на Новый год, да?

– Да, – радостно кивнул Эркин.

– Тогда убирай до завтра в кладовку, – распорядилась Женя, быстро поцеловала его в щёку и, ойкнув, убежала на кухню.

В кладовке Эркин убрал коробку наверх, к пакету с новогодними подарками, и туда же коробки с шампанским и конфетами, а рыбу лучше под окно, конечно. А шоколадных и сахарных зверей... можно и сегодня или лучше на ёлку повесить?

С его идеей повесить эти пакетики на ёлку Женя согласилась.

– Вот идите и вешайте, а я пока с обедом управлюсь. Ой, это ты рыбу купил? Эркин, какой же ты молодец, это на завтра. Алиска, не хватай, поломаешь. Вот и идите вместе, вешайте.

Эркин сгрёб в охапку все пакетики, и они с Алисой пошли к ёлке. В самом деле, мандаринок и конфет почти не осталось. Всех угощали и сами прямо с ёлки ели.

Они как раз успели всё развесить, когда Женя позвала их обедать. А потом Алиса спала, а он заново натирал полы во всей квартире, отмывал ванную и уборную. Завтра праздник как-никак. Работал он с поразившей Женю весёлой тщатель-

ностью. И Алиса после сна не пошла играть в коридор, а стала ему помогать. И время до ужина прошло, ну, совершенно незаметно. Зато Алису пришлось отмывать с не меньшим старанием. Эркин в процесс мытья Алисы никогда не вмешивался. И после ужина, пока Женя мыла Алису, он сидел на кухне, упоённо перечитывая уже знакомые страницы азбуки. Всё-таки, как же это получается, что он может читать? Рабу это не положено, эта о тайна открыта только белым, господам. А оказывается... оказалось несложно, странно только, но, нет, ничего непосильного в этом нет. Так что, и здесь белый обман? А если... чёрт, как он раньше не додумался, ведь писать он тоже может, писать – это... рисовать буквы. Две-то он умеет. Где бы взять бумагу и ручку...

Эркин встал и пошёл в спальню. Хотя он отлично знал, что и где лежит, но открыл один за другим ящики комода, осторожно перебрал лежащее там своё и Женино бельё. Конечно, ни бумаги, ни ручки он не нашёл. Может, в трюмо?..

– Эркин, ты что ищешь?

– Женя, – он круто повернулся к ней, – я... мне... я подумал... я же могу и писать, ну, срисовывать буквы, Женя...

– Ну конечно! – ахнула Женя. – Господи, как же я не сообразила. И ты ищешь бумагу, да? – он кивнул. – Сейчас... ой, Эркин, у меня же только расходная тетрадь и ручка, в сумочке. Слушай, Эркин, – она подошла и обняла его, – после праздников всё купим, хорошо? – он опять кивнул и в кивке поцеловал лежащую у него на плече руку Жени.

Конечно, это он сглупил, начал пороть горячку, будто этот день последний.

– Да, Женя, конечно. Извини.

– Тебе не за что извиняться, – она поцеловала его в щёку. – Эркин, знаешь, я подумала, ты всегда моешься в душе, тебе не нравится ванна?

– Да нет, – растерянно ответил Эркин. – Просто, просто как-то так, само собой получается.

Женя задумчиво кивнула.

– Так, ладно. Эркин, ты посиди с Алисой, я пока в ванной уберу. Хорошо?

– Конечно, – улыбнулся Эркин.

Женя ещё раз поцеловала его в щёку рядом со шрамом и убежала. Эркин закрыл дверцу у трюмо и пошёл к Алисе.

Алиса уже лежала в постели и очень обрадовалась Эркину.

– Э-эрик, ты посидишь со мной?

– Посижу, – улыбнулся Эркин.

Он переставил стул и сел возле кровати.

– Эрик, а завтра Дед Мороз придёт, да?

– Да, – кивнул Эркин. – Конечно, придёт.

– Эрик, а когда ты был маленьким, он к тебе часто приходил?

– Нет, – засмеялся Эркин. – Он ко мне совсем не приходил.

– Да-а? – изумилась Алиса. – Ты не слушался, поэтому?

– Когда как, – неопределённо хмыкнул Эркин.

– А когда ты слушался, – начала было Алиса, но тут же перескочила на другое. – Эрик, а Дед Мороз придёт один или со Снегурочкой?

– Не знаю, – честно ответил Эркин.

– На площади они вдвоём были, – рассуждала Алиса. – И подарки разносить должны вдвоём.

– Правильно, – вошла в комнату Женя. – А ты почему ещё не спишь, а? Ну-ка, закрывай глаза.

– Ага-а, – враспяжку согласилась Алиса, послушно закрывая глаза и вытягиваясь под одеялом. И совсем сонно приказала: – Целуйте меня, я спать буду.

– Спокойной ночи, маленькая, – тихо засмеялась Женя.

Она наклонилась, поцеловала Алису в щёку и подвинулась, уступая место Эркину.

– Вот теперь всё правильно, – одобрила его поцелуй Алиса, не открывая глаз. – Спокойной ночи.

Эркин поставил на место стул и оглянулся на Женю. Она с улыбкой кивнула ему и, выходя следом, погасила Алисе свет.

– Иди, Эркин. Я тебе ванну приготовила.

– Чего-о? – изумился Эркин.

– Иди-иди, – смеясь, Женя шутливо подтолкнула его в спину. – Всё увидишь.

– Слушаюсь, мэм, – пробормотал он по-английски, направляясь в ванную.

В ванной было тепло и немного парно. Женя в самом де-

ле наполнила ванну и даже пену сделала. Эркин разделся, уже привычно складывая одежду, засунул трусы в ящик для грязного белья, перешагнул через борт ванны и медленно, опасаясь расплескать воду и пену, сел.

Да, в ванне он не мылся, хотя их учили работать в воде, в бассейне или в ванне, учили мыть, но не мыться. В Джексонвилле он мылся, сидя в корыте, было тесно, не очень удобно, но приятно, а вот так... Необычно.

Пузырьки пены, шипя, лопались на его плечах и груди, И Эркин по-прежнему осторожно, но уже потому, что не хотелось делать резких движений, попробовал лечь. И получилось, даже ног сгибать не пришлось. Он лёг поудобнее, упираясь затылком в край ванны, так что вода с пеной покрывала его почти до горла, глубоко вздохнул и медленно, смакуя удовольствие, распустил мышцы. Как же хорошо, как же необыкновенно хорошо. Время от времени он мягкими плавными, даже ленивыми движениями зачерпывал пену и растирал себя ею, но больше просто лежал неподвижно, полуприкрыв лаза.

– Эркин, ты не утонул?

Эркин медленно открыл глаза, увидел склонившуюся над ним Женю и улыбнулся.

– Нее, – протянул он.

Женя рассмеялась.

– Полежишь ещё? – он молча кивнул, улыбчиво глядя на неё. – Ну, лежи, только не засни. А то захлебнёшься и уто-

нешь, – погладила его по голове и вышла.

Эркин улыбнулся, немного поёрзал и закинул руки за голову. Ох, как же хорошо! Душистая, радужно переливающаяся пена, тёплая и какая-то... густая вода. Нет, в будни так не поваляешься, а в праздники... и в выходные... Нет, так хорошо ему ещё никогда не было.

Когда Женя всё-таки начала беспокоиться и зашла посмотреть, как он, Эркин лежал в ванне, закрыв глаза, а лицо его было таким безмятежно спокойным, что Женя испугалась.

– Эркин... – она тронула его голову, и голова качнулась, едва не скрывшись под водой.

– Эркин! Ну же, что с тобой?!

Чуть не плача, Женя попыталась ухватить его за плечо, но голое скользкое от пены тело от её попыток, уходило под воду, безвольно колыхаясь.

– Эркин!!!

Она в ужасе наклонилась над водой... И вдруг две сильные руки взметнулись, обняв её, и увлекли в пенную душистую воду.

– Ой!

Её халатик вздулся пузырьём, и Эркин, дёрнув за конец, мгновенно развязал поясок, снял с неё халатик и ловко выкинул за борт ванны. Женя услышала, как он мокро шлёпнулся на пол.

– Господи, как же это?! Эркин...

– Ага, – сразу согласился со всем Эркин, усаживая Женю напротив себя. – Тебе удобно?

– Ты с ума сошёл, – убеждённо сказала Женя.

– Точно, – кивнул Эркин.

Он под водой стащил с Жени трусики и выкинул их из ванны вслед за халатиком.

– Женя, мне так хорошо было... Я и решил, Женя, ты ноги вот так поверни, ванна узкая, ага, вот так, тебе удобно? Ну вот, я и решил, что тебе тоже должно понравиться. Я и притворился.

– Так ты меня заманил?! – ахнула Женя. – Ты провокатор!

– Ага. Ты меня душить или топить будешь?

Эркин наконец устроил Женю так, что она сидела на его вытянутых ногах, а он её обнимал. Немного воды во время этой возни выплеснулось, но там было больше пены, а коврик на полу хорошо впитывал влагу.

– Женя, – Эркин поцеловал её в щёку, – у тебя на затылке пена, давай я выну шпильки.

– Эркин, но я уже мылась, опять волосы промывать, да?

Женя говорила по-детски жалобно, но попыток вырваться не предпринимала.

– А я потом тебя в душ отнесу, – пообещал Эркин, осторожно распуская её узел. – Вот так. И вот так.

Женя вздохнула и положила голову ему на плечо.

– Честное слово, Эркин, ты сумасшедший.

– Ага, – согласился он, не вслушиваясь в её слова.

Он набрал полную грудь воздуха, зажмурился и опустил лицо в воду, под водой поцеловал Женю в грудь так, чтобы воздух пузырьками пробежал по её телу.

– Эркин, – не на шутку испугалась Женя. – Ты же захлебнёшься!

Она за волосы выдернула его голову из воды. Эркин проморгался, отфыркался.

– Тебе понравилось? – очень внушительно спросил он.

– Ну да, конечно, но, Эркин...

– Тогда не мешай мне, Женя, не дёргай меня, ладно?

Он улыбнулся ей и опять нырнул. И Женя невольно охнула, почувствовав на своей груди его губы.

Эркин вынырнул, помотал головой, стряхивая с волос воду, и победно улыбнулся Жене.

– Ну как?

– И всё-таки ты сумасшедший, – счастливо ответила Женя, целуя его в скользкую и чуть горьковатую от воды щёку.

Эркин счастливо засмеялся, обнял Женю и неожиданно гибким и ловким движением поднырнул под неё, перевернулся и вынырнул уже за её спиной. Выплеснулось ещё немного воды.

Они побарахтались ещё немного, пока Эркин не решил, что вода остыла и Жене холодно. Он встал, держа хохочущую Женю на руках, перешагнул через борт ванны и пошлёпал в душ.

– Сейчас обмоемся, – перечислял он, одной рукой вклю-

чая воду, а другой придерживая Женю, – потом я отнесу тебя в спальню...

– Эркин, а занавес, – перебила его Женя, – Всё же забрызгаешь.

– Зато пену смою, – засмеялся Эркин.

Действительно, клочья пены украшали ванную в самых неожиданных местах. На полу стояли лужи, и тоже с клочьями пены.

– Женя, я всё уберу.

– Мы уберём, – поправила его Женя.

Они стояли вдвоём под душем – занавес всё-таки задержали – и Женя теребила волосы Эркина, гладила его плечи.

– Нет, Женя, я быстренько.

– Вдвоём ещё быстрее.

Эркин подчёркнуто покорно вздохнул и рассмеялся. Потому что засмеялась Женя...

А с утра тридцать первого начался опять праздник. Да, именно начался, а не продолжился. Потому что это был уже другой праздник. Эркин не так понимал, как чувствовал это.

С утра он сбегал к Мане и Нюре за молоком, хлебом и прочей обыденной мелочёвкой. И после завтрака Женя стала готовить необыкновенный праздничный ужин, объяснив, что всю ночь будут сидеть, так чтобы на всю ночь и хватило. Эркин кивнул. Что новогодняя ночь очень долгая, он знал ещё по Паласам.

И опять беготня из квартиры в квартиру. Но уже не с поздравлениями, вернее, не столько с поздравлениями – всё равно любой разговор с них начинался, сколько за советами и с просьбами кастрюльки, ступки, ситечка, горсточки орехов, щепотки перца и тому подобного. Всю детвору отправили играть в коридор, чтобы не мешали. Но дети, которых обычно домой не загнать, сегодня так и лезли под руки. А надо всё приготовить, убрать квартиру, отмыть и нарядить детей, самим нарядиться, накрыть стол... а ведь голодными до вечера тоже детвору, да и мужей не продержишь, так что праздник праздником, а обед должен быть нормальным.

Накануне Женя забыла занести в кухню с лоджии мясо, и Эркину пришлось вооружиться топором и прямо на лоджии разрубать смёрзшийся кусок.

– Господи, Эркин, ты же замёрз! – встретила его Женя, когда он вошёл в кухню получить указания. – Надень полушубок.

Эркин, отдуваясь, мотнул головой.

– Нет, ничего. Женя, всё мясо занести?

– Нет. Большой кусок на ростбиф, два куска поменьше, расходные и тот, что с костью на борщ. А остальное заверни так, чтоб опять не смёрзлось, ладно? Эркин, но ты оденься.

Но он уже вышел на лоджию, прикрыв за собой дверь.

Вернувшись в кухню, Эркин выложил на стол мясо и собрался уже разрезать его на куски, когда за ним прибежали Тошка с Тонькой. У них ёлка кренится, вот-вот упадёт. Же-

ня кивнула:

– Пусть пока в тазике оттаивает.

И Эркин пошёл крепить ёлку. А вышел оттуда, так его перехватил Артём из пятьдесят первой.

– Пока моя в магазин умоталась, зайди, тяпнем малость.

Несколько недоумевая – неужто Артём сам с топором не управится? – Эркин пошёл в пятьдесят первую, где, оказывается, собрались почти все мужчины с их этажа и даже из левой башни двое. А «тяпнуть» – это оказалось не отрубить, а выпить спиртного. Сладкой и густой вишнёвой наливки. Эркин попробовал, но она быстро кончилась, и кто-то принёс бутылку уже чистой водки, «со слезой». Посуды на всех не хватало, стаканы шли по кругу, чем Эркин и воспользовался: губы обмакнул, а глотать не стал и передал стакан дальше. Водку-то он уже пил, чего её пробовать. В общей сутолоке этого не заметили, но тут Антон позвал к себе попробовать хмельного квасу, который его Татьяна, ну, уж очень здорово делает... Словом, к себе Эркин вернулся нескоро, попробовавшись столько всего разного, что смущённо спросил у колдовавшей на кухне Жени:

– Женя, а если мне рассолу сейчас выпить...

– Сейчас пообедаем, – перебила его Женя, – ты ляжешь поспишь, а потом холодный душ примешь.

– И буду, как огурчик, – улыбнулся Эркин. – Так?

– Как стёклышко, – мимоходом чмокнула его в щёку Женя. – Ты вылови Алиску, она где-то бегаёт. Ладно?

– Ну, конечно, – сразу кивнул Эркин.

Найти Алису не представило труда. Затеянная Димом игра в волков и коз была уж очень шумной. Волки выли и гонялись за добросовестно блеющими и визжащими козами. Увидев Эркина, Алиса, которая как раз бодалась с нападавшим на неё волком – Генкой из левой башни – сразу закричала:

– Чур-чур! – и побежала к Эркину. – Эрик, ты играть пришёл?! Ты кем будешь?!

– Обедать пора, – ответил Эркин, беря её за руку.

– Дядя Эрик, – вступился за Алису Дим, – ну, нам чуть-чуть осталось, я сам её приведу, чес-слово.

– Нечего меня приводить! – немедленно возмутилась Алиса. – Приводильщик нашёлся! Пошли, Эрик.

– Дима, Катя, – Зина в накинутом на плечи платке уже спешила к ним. – Идёмте, обедать пора, – улыбнулась Эркину: – С наступающим вас, здоровья и удачи в новом году.

– И вас так же, – ответно улыбнулся Эркин. – С новым годом, с новым счастьем.

– Старого бы не растерять, – рассмеялась Зина, поправляя на Кате платок.

Игра рассыпалась на глазах, да и остальных тоже уже звали на обед.

– Ладно, завтра доиграем, – крикнул, уходя, Дим. – Мам, а папка дома?

– А конечно, – певуче ответила Зина. – Пришёл уже.

Эркин попрощался с Зиной и позвонил в свою дверь: уходя, он не взял ключей.

– Бегу-бегу, – откликнулась из-за двери Женя. – Заходите. У меня всё готово, мойте руки и садитесь.

После небольшой суеты и толкотни в ванной сели за стол.

– Мам, мы чуть-чуть не доиграли, – рассказывала Алиса. – А я Генку совсем перебодала, а Эрик пришёл, а...

– Не болтай за едой, – безуспешно останавливала её Женя. – Некрасиво, ну же, Алиса, будь умницей.

Салат, мясной борщ, котлеты, кисель... Праздничный обед, ставший за эти дни обычным.

После обеда Женя увела Алису спать, а Эркин, как уже привык за эти дни, взялся за посуду. Странно, но хмеля он совсем не ощущал, да и не так уж он много выпил. Ну, вот и чисто. Новый год. Праздник на всю ночь. На Рождество – подарки, на Новый год – гульба. Двойная, даже тройная смена, горящий от перехваченного вина рот, звон в ушах от музыки и криков, мягкое, залапанное чужими руками, тело... Эркин тряхнул головой. Нет, этого нет, и больше никогда не будет. И Новый год здесь совсем другой. С подарками, Дедом Морозом и Снегурочкой, и вообще... всё другое.

– Эркин...

Он вздрогнул и обернулся к Жене.

– Да, Женя.

Она, улыбаясь, смотрела на него.

– Иди, поспи, Эркин, – её улыбка стала лукавой. – Ночь

будет долгой.

– Да, – кивнул он. – Да, Женя. А ты?

– Я тоже посплю. Только кое-что сделаю. Иди, Эркин.

Эркин склонил голову, вытер руки кухонным полотенцем, шагнул к ней.

– Да, Женя, хорошо, но тебе тоже надо отдохнуть.

– Спасибо, милый.

Женя порывисто обняла его, быстро поцеловала в щёку и легонько подтолкнула к двери. Но Эркин успел так же быстро поцеловать её.

Постель в спальне была уже разобрана. Эркин вдруг почувствовал, что он и в самом деле устал. С чего бы это? Смешно даже. Он быстро разделся и лёг. Укрылся. И уже совсем смутно, сквозь навалившийся сон услышал, вернее, почувствовал, как легла Женя. И улыбнулся, не открывая глаз. Женя рядом, всё хорошо, всё спокойно. И не надо думать о прошлом, прошлого нет, а сейчас всё хорошо.

Женя слышала его ровное дыхание, чувствовала тепло его сильного тела и улыбалась. Он рядом, они вместе, и никто, и ничто не разлучит их. Никогда. Она счастливо вздохнула.

Сонная тишина постепенно заполняла «Беженский корабль». Все готовились праздновать Новый год всю ночь, наварили, наготовили, убрались и легли отдыхать. Ведь, ну, в самом деле, обидно будет такой праздник проспять. Через два дня на работу выходить, так что остатнее надо добрать до капелюшечки...

Проснувшись, Женя осторожно, чтобы не потревожить Эркина, отодвинулась от него и вылезла из-под одеяла. В спальне сумрачно, и, чтобы посмотреть время, пришлось брать будильник в руки. Что ж, ещё полчаса можно поспать или всё-таки?..

– Женя, – тихим сонным голосом позвал Эркин, – пора?

– Нет, – так же тихо ответила Женя. – Поспи ещё.

Но Эркин уже сел, потёр лицо ладонями и улыбнулся.

– Женя, стол сейчас к ёлке нести надо, накрывать, – его улыбка становилась всё шире, – подарки выкладывать, ведь так?

– Всё так, – рассмеялась Женя.

– Тогда я встаю.

Он откинул одеяло и встал, потянулся, сцепив пальцы на затылке.

– Женя, я только в душ сейчас схожу и потянусь немного.

Ладно?

– Конечно. А я пока здесь уберу и приготовлю всё.

Эркин прислушался и удовлетворённо кивнул:

– Спит.

Взял из комода чистые трусы и пошёл в ванную. Женя тихо рассмеялась и стала убирать. Смешно, как Эркин одновременно и стесняется своего тела, и хвастается им, любит ходить голым, делает специальную гимнастику – ну, он всё делает красиво – и готов ходить в рабских куртке и штанах,

что только уродуют его. Ну, ничего, сегодня он такой подарок получит... Она даже хихикнула, предвкушая удовольствие.

В ванной Эркин сначала вымылся под тёплым душем, включил воду, перешёл из душа на коврик, с наслаждением как следует, хоть и без особого размаха потянулся, опять вошёл в душ и включил холодную воду. Чтоб в голове прояснело.

В спальню он вернулся, чувствуя себя уже совсем свежим. На застеленной ковром кровати лежали приготовленные Женей нарядные брюки, рубашка, носки, на полу стояли ботинки. Но Эркин решительно взял с пуфа свои старые джинсы.

– Я потом переоденусь. Когда всё сделаю.

Женя, перебиравшая в шкафу свои наряды, кивнула.

– Хорошо.

Эркин застегнул джинсы, накинул на плечи ковбойку.

– Пойду, стол перенесу.

Но отправился не в кухню, а в кладовку. Взял пакет с новогодними подарками и коробку. Подарки – Жене духи, Алисе нарядные ленты – положил под ёлку, а коробку – свой главный новогодний сюрприз – поставил, пока не распаковывая, у стены за ёлкой, чтоб в глаза не сразу кидалась. Коробку с шампанским и бокалами он пока трогать не стал, оставив в кладовке. Это перед полночью. И пошёл на кухню за столом. Он его за эти дни уже не раз таскал из кухни в большую комнату и обратно. И главное сейчас – не громыхнуть, чтобы не

разбудить раньше времени Алису.

Женя уже была в большой комнате, а под ёлкой... под ёлкой лежал ещё один пакет. Эркин всё понял и старательно отвёл глаза.

– Женя, сюда?

– Да, вот так. И скатерть.

У Эркина так и чесался язык спросить, почему Женя не положила под ёлку свой подарок Алисе, но... но, наверное, так надо. И удержался от вопроса.

Женя застелила стол их самой нарядной скатертью.

– Я сейчас стулья принесу.

– Да, спасибо. И иди переоденься, а я Алису подниму.

Эркин кивнул. Женя явно нервничала, спешила, чего-то ожидая. Но чего? Или... или она тоже приготовила какой-то сюрприз? Тогда лучше не мешать. Женя же не спросила его о коробке, и раньше не спрашивала.

Эркин принёс из кухни в комнату стулья, расставил их у стола. Оглядел ёлку. Да, всё в порядке, свечи он все заменил, игрушки, лакомства... – всё на месте. Подарки наготове... Женя – уже слышно – будит Алису. Пора. И за окнами уже совсем темно.

В спальне он сразу задёрнул шторы, привычно вдохнув запах хризантем, включил свет, прислушался и понял: нужно поторапливаться. Ему же возиться с Алисой, пока Женя оденется. Он быстро оделся, оглядел себя в трюмо и, качнув створкой, в коридоре. А что, хорошо смотрится. Он взял с

трюмо расчёску, расчесал волосы и взмахом головы уложил прядь. Вот так. И улыбнулся своему отражению.

Не зная, что именно задумала Женя, он был готов ко всему. И накрывал вместе с Алисой праздничный стол, и восхищался представшей перед ними Женей в новом бордовом платье с золотой шалью на плечах, и...

И тут в дверь позвонили. Эркин перехватил взгляд, который бросила Женя на свои часики, и понимающе улыбнулся. Значит, это оно и есть.

Но такого он никак не ждал! За дверью стоял Дед Мороз! В синем с оторочкой из белого меха длинном тулупе, в такой же шапке, с серебряной закрывающей грудь бородой, с большим мешком за плечами и с высоким посохом с серебряной снежинкой на верхушке в руках.

Эркин растерянно попятился, натолкнувшись на спрятавшуюся за ним Алису.

– Мир и покой этому дому! – Дед Мороз подкрепил свои слова ударом посоха об пол. – Здесь Алиса, девица красная?

– Ага-а, – тоненько ответила Алиса из-за Эркина.

Дед Мороз важно огладил бороду синей, расшитой серебром рукавицей и вошёл в прихожую. А следом... Снегурочка?! Эркин посмотрел на Женю, увидел её улыбку и успокоился.

Необыкновенных гостей торжественно провели в большую комнату к ёлке, где немного освоившаяся Алиса, держась – на всякий случай – за руку Эркина, разгадала загад-

ки про снег, ёлочку, зайца и спела песню про ёлочку уже по-русски. Только теперь, глядя на радостно лукавую улыбку Жени, Эркин понял, зачем эта песня разучивалась. Значит, точно Женя знала про всё заранее. Значит, и подарок Алисе у них, у Деда Мороза и Снегурочки. И в самом деле, Дед Мороз полез в свой мешок, покопался в нём и вытащил... коробку, перевязанную ярко-синей в белых снежинках лентой и с ярлыком, на котором было написано: «Алисе».

– Твоё имя? – спросил Дед Мороз.

Шёпотом проговаривая буквы, Алиса прочитала надпись и широко улыбнулась.

– Да, моё, – и похвасталась: – Я почти-почти все буквы знаю.

– Ай да молодец, ай да умница! – восхитились Дед Мороз и Снегурочка.

И стали прощаться. Пожелали Алисе расти большой, умной и здоровой, слушаться старших и хорошо учиться. И ушли.

Провожая Деда Мороза и Снегурочку, Женя вышла с ними в коридор, но быстро вернулась и, смеясь, вошла в комнату, где Эркин помогал Алисе развязать бант на стягивающей коробку ленте.

– Что же ты Деда Мороза обманула, а? – спросила Женя. – Ты же и половины букв не знаешь.

– Я не обманывала, – Алиса, не отрываясь, смотрела на руки Эркина. – Я же не сказала, что все знаю.

– Ага, – Эркин даже оторвался от своей работы. – А почти – это сколько?

– Это значит не все. Ну же, Эрик, что там?

Эркин снял наконец крышку, а Алиса ахнула. Там в специальных прорезях лежали кастрюльки, сковородка, чайник, тарелки и даже ложки с вилками. Маленькие, как раз для кукол, но совсем как настоящие. Настоящий большой сервиз! Его торжественно отнесли в комнату Алисы и расставили на кукольном столе. Теперь у Линды, Спотти и Мисс Розы есть фарфоровый чайный и жестяной столовый сервизы, и кухонная посуда есть. Теперь... теперь плита нужна, так?

– Будет плита, – кивнул Эркин.

– Ага, – Алиса сосредоточенно раскладывала по тарелочкам угощение из мозаики. – И с конфорками. Я видела, Нинке из башни такую купили.

– Без конфорок не плита, – согласился Эркин.

И начался необыкновенный вечер. Играли, пели, ели вкусные вещи, сидя прямо на полу у ёлки, читали сказки, вернее, читала Женя, а Эркин и Алиса слушали. И снова ели, играли, пели... И, хотя Алиса твёрдо решила дожидаться Нового года, и мама – впервые в жизни! – разрешила ей сидеть сколько угодно, но к девяти часам глаза почему-то стали сами собой закрываться. А мама и Эрик ещё не раскрыли свои пакеты, что им Дед Мороз принёс. Обидно, конечно, что взрослый Дед Мороз приходил, когда она спала, но хоть посмотреть-то...

Женя рассмеялась.

– Мы в полночь откроем. Жди с нами или завтра посмотришь.

– А мне тут совсем-совсем ничего нет? – решила уточнить Алиса.

– Алиса! Не жадничай! – возмутилась Женя.

Но Эркин пожал плечами.

– Сейчас посмотрю.

И полез под ёлку. И нашёл. Маленький плоский пакетик.

– Вот, Алиса, посмотри. Кажется, тебе.

И подмигнул Жене. Этот пакетик Алиса открыла сама. И, взвизгнув, трянула пучком ярких блестящих лент.

– Мама, Эрик! Смотрите!

Её восторг был таким заразительным, что Женя махнула рукой.

– Была не была! Открываем!

И Эркин снова нырнул под ёлку, где оставались уже только два пакетика.

– Вот, Женя, – он совсем забыл про игру в Деда Мороза, – это тебе.

Женя нетерпеливо, как Алиса, развернула обёртку и ахнула.

– «Очарование»! Эркин, спасибо!

– Мам, а чего это?

– Это духи.

Женя осторожно открыла флакончик и дала Алисе поню-

хоть пробку. Запах Алисе понравился.

– Мам, и меня души!

– Души?! – удивился Эркин.

– Подуши, – поправила Женя, касаясь пробкой шейки Алисы. – Вот так. И я подушусь. Эркин, и ты свой открывай.

Он совсем забыл про свой пакет. Да, конечно же, это для него. Он надорвал обёртку... Тоже флакон?! Что это? Эл... о... эс... эту букву он не знает... о... эн... лос... он...

– Что это, Женя?

– Лосьон. Называется «Люкс».

Лосьон? Эркин повертел флакон, осторожно, уже догадываясь, отвертел пробку, пальцем попробовал влажное горлышко... Да, похоже, оно самое. Лосьон. То, что Фредди называл «райским яблоком», тоже было лосьоном... Эркин даже задохнулся от волнения. Этого он никак не ждал.

– Женя, это мне?

– Ну да, Эркин. Ты же хотел, ведь так?

– Я даже не мечтал, – дрогнувшим голосом ответил Эркин.

Хотел убрать и не удержался: капнул на ладонь и протёр себе щёки и шею. Женя засмеялась, глядя на его ошеломлённо счастливое лицо. Эркин вдохнул идущий от ладони запах, улыбнулся и, бережно завинтив пробку, поставил флакон на стол.

– Женя, Алиса, я... вы отвернитесь, не смотрите пока.

– Сюрприз, да? – спросила Алиса.

– Конечно, сюрприз, – ответила за Эркина Женя, привлекая к себе Алису и вместе с ней поворачиваясь лицом к стене, – Мы не подсматриваем.

– Ага-ага, Эрик, а это чего?

– Сейчас... увидите... – с расстановкой ответил Эркин.

Женя и Алиса слышали, как затрещала сдираемая с коробки бумага, как что-то стучало, звякало, как Эркин тихо приговаривал по-английски.

– Это сюда... это сюда... это так...

Потом раздалось тихое шипение, и Эркин весело сказал:

– Готово!

Женя и Алиса обернулись, и тут как раз зазвучала музыка. На полу у стены, где была розетка, стоял... проигрыватель, вращалась пластинка, и женский голос выпевал разухабистую мелодию.

Эркин никак не думал, что Женя может визжать совсем как Алиса, даже громче.

Навизжавшись, Женя бросилась к нему на шею.

– Эркин, ты гений! Мне и в голову не пришло!

Эркин подхватил Женю на руки и закружился с ней в такт музыке. Алисе это очень понравилось, и отпустив Женю, Эркин покрутил и её.

Они ещё поплясали, подурачились, и наконец Женя пошла укладывать Алису. Был уже двенадцатый час, и Алиса засыпала на глазах. Эркин оглядел стол. Да, можно уже переделывать к встрече Нового года. Он переложил печенье,

ломтики рыбы и ветчины так, чтобы тарелки не казались разорёнными, отнёс грязную посуду на кухню и, возвращаясь обратно, зашёл в кладовку достать коробку с шампанским.

Когда Женя вошла, стол был готов. Увидев бутылку и бокалы, Женя ахнула:

– Эркин, шампанское?!

– Да. И вот.

Он протянул ей белую розу из тонкого, нежного на ощупь шёлка.

– Как-кая прелесть! Эркин, куда её?

– В волосы, – сразу ответил он. – Дай, я заколю тебе, можно?

Женя молча подставила ему голову, и Эркин вплёл в её волосы у виска гибкий покорно принимающий нужную форму стебель.

– Она пахнет, чувствуешь?

– Да.

– Сейчас, сейчас я всё сделаю.

Быстро и удивительно ловко он зажёл свечи и погасил верхний свет, открыл бутылку и налил шампанского, метнулся к проигрывателю, поставил другую пластинку и тут же обратно к столу. И с первыми звуками вальса подошёл к Жене, бережно неся два бокала.

– Вот. С Новым годом, Женя.

– С Новым годом, Эркин, – Женя взяла бокал.

Эркин легонько коснулся своим бокалом бокала Жени,

вызвав тонкий, но слышный даже сквозь музыку звон. Они выпили, глядя друг другу в глаза. Эркин мягко взял у Жени бокал и поставил оба на стол.

– Потанцуем?

Его озорная улыбка обожгла Женю. Она засмеялась и обняла его за шею.

Женя никак не ожидала, что Эркин умеет так танцевать. Когда пластинка кончалась, Эркин ловко, не разжимая объятия, переставлял иглу на начало. Он купил две пластинки. На одной вальсы и танго, а на другой песни. На его удачу этикетки были разного цвета, и он не боялся перепутать.

Они танцевали, кружились в вальсе под трепещущие огоньки свечей. Потом Эркин посмотрел на часы, проверяя себя, и увёл Женю к столу.

– Без пяти, Женя.

– Да, – выдохнула Женя. – Эркин, конечно.

Он снова наполнил бокалы, повернул руку так, чтобы Женя могла видеть циферблат, и сам следил. И когда стрелки наконец сомкнулись на двенадцати, он снова ударил своим бокалом о её, и они пили шампанское, пока самая длинная стрелка обегала полный круг. Эркин пил глоток в глоток с Женей, не отводя от неё глаз, и бокалы опустели одновременно. И снова Эркин забрал у Жени бокал и поставил на стол.

– А теперь танго, да, Женя?

Женя кивнула. Эркин быстро сменил пластинку и подо-

шёл к ней, остановился шаге и склонил голову. Женя, задыхаясь от смеха, присела перед ним в почти полном реверансе, и Эркин подхватил её, обнял, на секунду замер, ловя такт, и повёл в танце.

– Господи, Эркин, я тысячу лет не танцевала.

– Ты хорошо так танцуешь, Женя.

Эркин ловко кружил её вокруг ёлки и так, в танце, подвёл к столу. Женя рассмеялась.

– А как ты догадался, что я есть хочу?

– Ну-у, – Эркин с улыбкой повёл плечами.

Женю его ответ вполне удовлетворил. Они сели к столу. И как до этого пили, так теперь и ели, не отрывая глаз друг от друга.

– Вкусно как, правда?

– Ага.

И снова танцевали. Не помня ни о времени, ни о... ни о чём не помня. И во всём мире они были сейчас одни, вдвоём. Они и вальс. Или танго. И ёлка. И тихое потрескивание свечей... Пока не кончилось шампанское. И они как-то одновременно вспомнили всё и почувствовали, что праздник кончился. Собрали и унесли на кухню остатки еды. Правда, и оставалось... чуть-чуть. Эркин включил люстру и погасил свечи.

– А стол завтра перенесу.

– Ну, конечно, – Женя вдруг зевнула, пришлёпнув ладошкой рот.

Эркин легко подхватил её на руки.

– А теперь спать.

– Ага, – согласилась Женя, обнимая его за шею и кладя голову ему на плечо.

Но в спальне она мягко, но решительно высвободилась. Эркин понял. Да, надо лечь спать, всё другое только испортит эту необыкновенную ночь. Он слышал, что как Новый год встретишь, таким и весь год будет.

– Женя, – они уже лежали в постели, – Женя, ты довольна?

– Да.

Женя повернулась к нему, погладила по груди.

– Да, милый, спасибо, у меня никогда такого не было, ни разу.

– И у меня, – вздохнул Эркин, мягко прижимая к себе ладонь Жени. – Спасибо, Женя.

– За что?

– За всё. Если бы не ты, ничего бы не было.

Они говорили, не открывая глаз, тихими, словно засыпающими голосами. И, засыпая, Эркин снова услышал слабый шорох снежинок о стекло. Идёт снег. Снег уже нового года.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Новогоднего вечера Крис ждал с замиранием сердца. Его выходка на Рождество прошла благополучно, ну, во всяком случае шума ни Люся, ни Галя и Нина, жившие с ней в одной комнате, не подняли, так что... так что, если Люся придёт на новогодний вечер с его брошкой, то он рискнёт подойти. Конечно, риск, но... но на Рождество, когда начались танцы, то танцевали все, и многие из парней рискнули приглашать кого-то из медсестёр или санитарок, а то и врачей. И всё обошлось. Люся тогда на танцы не осталась, ушла, но сейчас-то... сейчас, может, и повезёт.

Они опять всё убрали в столовой, подправили ёлку, добавив игрушек, столы расставили так, чтобы было удобнее танцевать. Что-то ещё явно готовилось, но что именно, они не знали. Андрея отрядили к доктору Ване. Выяснить и прояснить. Всё-таки малец вхож, философствуют они по вечерам за чаем... Андрей, ко всеобщему удивлению, забрыкался. Никуда он не пойдёт, и отстаньте от него. Он вообще с Рождества сам не свой ходил, уваливал от дежурства в палатах, меняясь с работающими во дворе, а после работы сидел сиднем у себя в комнате, вернее, валялся одетым на кровати с книгой или журналом, но не читал, а только вид делал. И даже будто с лица спал.

– Ты что, больной? – спросил как-то Эд.

И в ответ услышал такую ругань, что растерялся и не смазал зарвавшегося мальцу по шее. А Андрей куда-то удрал, а когда появился, то глаза у него были зарёванными.

И сегодня, когда Андрей стал отказываться, его попросту зажали в кольцо, но ещё шутя, не всерьёз.

– Да, чего ты кочевряжишься? Андрей? Ну? Ты ж у нас самый глазастый. Поулыбаешься, подмигнёшь... – говорили все сразу наперебой. – Ты ж у него каждый вечер сидишь, – и кто-то сказал: – Да сядь поближе, прижмись и...

Говоривший не закончил фразу, потому что Андрей бросился на него. Конечно, никакой драки не было. Андрея попросту отволокли в уборную и сунули головой под кран с холодной водой. Подержали, пока тот не стал захлёбываться.

Вытащили, дали отдышаться и повторили. И ещё раз. Убедившись, что уже не дёргается, а только плачет, отпустили. И потребовали объяснений. Андрей, не сопротивляясь, угрюмо молчал. И тут вылез Алик.

– Это он так из-за хозяина своего. У него хозяин тут в палатах лежит, ногу лечит.

– Что-о-о?! – взревел Эд, хватая Алика за шиворот. – И ты молчал, падла?! Знал и молчал?!

– Отцепись от него, – всхлипнул Андрей. – Это я ему молчать велел. Я думал, сам справлюсь.

– Вот когда не надо, так ты думаешь, – заржал Майкл и продолжил уже серьёзно: – Лезет он к тебе?

– Так ты из-за этого из палат ушёл! – догадался Сол. – Ну, ты и чмырь, а мы-то на что?

Кто-то принёс большое махровое полотенце и накинул Андрею на голову.

– Вытирайся, мозги застудишь.

Андрей, всё ещё всхлипывая, стал вытираться.

– Ну, вот так, – удовлетворённо кивнул Крис. – А теперь иди к доктору Ване, чтобы он тебе мозги поправил. Алик, ты этого... хозяина знаешь?

– Ну-у, – неопределённо протянул Алик.

– Покажешь его нам, – распорядился Крис. – Вытер голову? Так, пошли.

Андрей открыл было рот, но его с двух сторон зажали, исключая любое сопротивление, и повели.

Жариков был у себя в комнате и, когда в дверь постучали, недовольно отозвался:

– Я занят.

Но стук повторился, и голос Эда сказал:

– Иван Дормидонтович, помогите.

Разумеется, оставить такое без внимания Жариков не мог.

Он подошёл к двери и открыл замок.

– Что случилось?

– Вот... мозги опять набекрень... Вправьте ему...

В несколько голосов, наперебой ему что-то объясняли, и так же совместно подталкивали к нему Андрея. Кто-то увидел за спиной Жарикова разложенное на столе и громко ахнул. Вот тут Жариков рассвирепел. Так это они его купили?! Он хотел выгнать всех, но получилось так, что парни отступили в коридор, а вот Андрей совершенно непонятным образом оказался в комнате и за его спиной. И тут Жариков разглядел, что Андрей и впрямь... не в себе. Он вернулся в комнату, плотно закрыл дверь и уже совсем другим тоном спросил:

– Что случилось, Андрей.

Андрей судорожно, как после плача, вздохнул. И Жариков понял, что тот действительно только что плакал. И вообще что-то произошло.

– Ну-ка, садись.

Жариков сгрёб со стола недоделанную бороду Деда Мороза и всё остальное и бросил на кровать. И нахмурился. По-

тому что Андрей даже не посмотрел на его рукоделие. Это с его-то любопытством.

– Чаю?

Андрей помотал головой, ещё раз вздохнул и сказал по-английски:

– Я... я хозяина своего встретил.

Жариков мягким нажимом на плечо усадил его к столу и сел сам, загораживая собой кровать. Да, для парня это серьёзный удар.

– Из тех?..

– Нет, – сразу понял и перебил его Андрей. – Я у него до этих был. Он меня на торгах купил. Я у него долго был, до зимы, ну, до того, как банда напала, и он меня им отдал, откупился мной. А теперь... теперь он зовёт меня... к себе.

Жариков медленно кивнул.

– Он здесь? В госпитале?

– Да, – Андрей перешёл на русский. – Во второй хирургии, у него нога сломана. И вот... я же не могу его... врезать ему, он же больной.

– Только в этом проблема?

Андрей и так сидел, не поднимая глаз, а тут совсем поник, склонился головой к коленям.

– Рассказывай, – мягко, но исключая сопротивление, сказал Жариков. – Рассказывай всё.

Андрей вздохнул и заговорил по-английски.

– Я как увидел его... он... он власть надо мной имеет. Он

же купил меня, а тем не продавал, те отобрали меня, я не знаю, как это получается, но, но я не могу, я не могу сказать ему, тех, того, одного из тех, его в Хэллоуин привезли, раненого, так если бы не доктор Юра, я бы убил его, точно. А этого... он... он, ну, те насильовали меня, издевались по-всякому, били, не покормили ни разу, а он, он же ни разу даже не приковал меня, а когда уходил, так я по всей квартире ходил, даже на кухне, где продукты, он не запирает ничего, мне... мне у него хорошо было...

Но последние слова прозвучали вопросом. И Жариков покачал головой.

– Так ли, Андрей?

Андрей поднял голову, посмотрел на Жарикова расширенными глазами, качнул встрёпанной шапкой кудрей.

– Да, так, но...

– А что было плохо?

– Трахались когда, – вздохнул Андрей. – Нет, он не бил меня, ничего, но каждую ночь, и... и я ему только для этого был нужен, и сейчас... зовёт...

– И ты не можешь сказать: «Нет», а говорить: «Да» не хочешь.

– Да, – обрадовался Андрей. – Да, всё так.

– Понимаешь, Андрей, тебе надо решить и пересилить себя.

– Да, я знаю, я же клятву ему не давал, но... но он говорит, а я молчу, я только встану подальше, чтобы он не дотянулся

до меня, он же на костылях, и он... я ведь у многих был, он был... да, лучше хозяина у меня не было.

– Хозяина, – повторил Жариков.

Андрей опять опустил голову.

– Ты свободный человек, Андрей, – Жариков говорил тихо, задумчиво. – Ты и только ты хозяин своего тела и своей жизни. И никто не вправе заставлять тебя.

– Хозяин своего тела, – медленно повторил Андрей. – Как это?

– Это значит, что только ты решаешь, с кем, как и когда... вступать в половые отношения, – Жариков намеренно заговорил «по-казённому». – Всё остальное – уже насилие и наказывается по закону.

– Значит, что, значит, тогда это тоже было насилие? – удивился Андрей.

Жариков кивнул и, видя, что Андрей смотрит с явным ожиданием, продолжил:

– Разве ты попал к нему по своей воле? – Андрей улыбнулся этому, как шутке. – Ну вот. Разве ты определял... каждую ночь это будет или нет? Ты не хотел, ведь так? – и дождавшись его кивка, – Ты делал это из страха, так? – новый, уже уверенный кивок. – Значит, это всё равно было насилием над тобой.

Жариков подтянул к себе пачку сигарет, закурил.

– Понимаешь, Андрей, насилие не всегда... с палкой, бывает и с улыбкой. Когда один не может сказать «нет», и

неважно, чего он боится, то это насилие.

Андрей покачал головой.

– Я... я не думал так. Никогда. И... и мне так и сказать ему? Ну, что я не хочу?

– Да, так и скажи, – Жариков улыбнулся. – Ты же умный парень, Андрей, ты сможешь сказать так, что он поймёт.

Андрей несмело улыбнулся.

– Вы думаете, он поймёт?

– Скорее всего, Андрей, он не понимает, почему ты... отказываешься.

– Да, – Андрей радостно закивал. – Да, всё так...

...Светлый просторный коридор лечебного корпуса.

– Подожди.

Он останавливается и медленно поворачивается на голос. Хозяин. Ловко выбрасывая вперёд костыли и подтягиваясь за ними, хозяин подходит к нему.

– Куда ты так спешишь?

– Я на работе, сэр, – тихо отвечает он.

– Ну, понятно-понятно, – кивает хозяин. – Когда закончишь...

Он осторожно пятится, старательно выдерживая дистанцию.

– Я должен спешить, сэр.

И убегает...

...И в этот же день опять. На этот раз хозяин стоит в дверях своего бокса, а у него тележка-столик с ужином для ле-

жачих, а хозяин не ходит в столовую, и он поневоле должен и подойти, и зайти в палату. Хозяин отступает вбок, давая ему войти, а, когда он, переставив тарелки на стол, оборачивается, хозяин уже закрыл дверь и стоит, загородив её, и улыбается жёсткой неприятной улыбкой.

– Иначе тебя не остановить, верно? Заработался совсем. Зря ты от меня бегаешь. Или, – и тоном, каким рассказывают анекдот, – обиделся на что?

И он не выдерживает.

– Вы меня зимой тем отдали, вы знали, кто они, и отдали. Хозяин даже присвистывает от удивления.

– Вот, значит, в чём дело. Дурачок ты, если б у меня деньги были, неужто бы я тебя отдавал. А деньги в банке, а банктю-тю. Ты хоть знаешь, что это такое, без денег остаться? – и сам отвечает. – Откуда тебе знать. Тебя всю жизнь кормили, поили, одевали. А когда я уходил, ты ещё и сверх этого по шкафам шарил, – и усмехается. – Больше всего ты ветчину таскал. И крем шоколадный. А ты ведь ни разу не подумал, каких это денег стоило, лопал как своё.

Он молча идёт к двери, толкая перед собой столик, и хозяин уступает дорогу. Он выходит из палаты и слышит в спину:

– Дурачок ты...

...Андрей потряс головой, потёр ладонями лицо и взъерошил волосы.

– Да, – заговорил он по-русски, – да, Иван Дормидонтович, он... он не понимает. Я ему напомнил, как он меня бан-

де отдал, а он... он мне, как я ветчину потихоньку таскал. И шоколадный крем. Разве... разве это сравнимо?

Жариков улыбнулся. Вот и отходит Андрей, заговорил уже нормально. И тоже перешёл на русский.

– Для него, видимо, да. Ты не злись и не бойся. Объясни ему, просто объясни.

Андрей кивнул и встал.

– Да, спасибо, Иван Дормидонтович. Я пойду.

– Хорошо. И вот что, Андрей, о том, что видел здесь, молчок. Договорились?

– Да, но?... – у Андрея изумлённо округлились глаза.

Он попытался через плечо Жарикова разглядеть, о чём же он должен молчать, но Жариков ловко и необидно вытолкал его в коридор со словами:

– Вот и отлично, вот и договорились.

Звучно хлопнула дверь, звякнув замком.

В коридоре Андрей оторопело поморгал, потоптался у двери Жарикова и пошёл к себе. В холле их этажа его окликнули Эд и Крис.

– Иди сюда.

Они сидели рядом на подоконнике, и, когда Андрей подошёл к ним, Эд улыбнулся.

– Ну как? Вправили мозги?

– Да, – кивнул Андрей. – Теперь всё в порядке.

– Ну и ладушки, – сказал по-русски совсем чисто Эд, хотя, в основном, он предпочитал смесь. – Ну, и чего ты у него в

комнате видел?

– Так, – Андрей уже хотел сказать, что ни до чего было, но тут же изменил уже начатую фразу. – Так я слово дал, что молчать буду.

– Та-ак, – угрожающе протянул Эд.

Но Крис толкнул его локтем в бок и спросил о другом.

– Чай пили?

– Ни до чего было, – вздохнул Андрей.

– Понятно, – кивнул Крис. – Да и стол завален, убирать замучаешься.

– Не, он всё сгрёб и на кровать свалил, за чистым столом сидели.

– На кровать? – удивился Крис. – Так иголки, клей...

– Не, это всё на столе осталось.

– Недошитое кидать, – подхватил Эд.

Но Андрей уже всё понял и улыбнулся.

– А больше я ничего не скажу.

– Скажешь, – Эд попытался ухватить его за волосы, но Андрей увернулся. – Ах ты, малёк чёртов! Тебя зачем к доктору Ване послали?

– Меня отвели, – Андрей не уходил, но выдерживал дистанцию. – Насильно, можно сказать, чтобы мне мозги вправили.

– А до того что было?

– А от того я отказался, – ухмыльнулся Андрей и уже серьёзно повторил: – Я слово дал.

– Ты небось и не разглядел ничего толком, – хмыкнул Крис.

– Вот это правильно, – кивнул Андрей и в который раз повторил: – Не до того мне было.

– Понятно, – кивнул Эд. – Вот как пошли местные, так и началось. Липнут, сволочи, а врезать нельзя.

– Нельзя, – согласился Крис. – Ну, так и перетерпим.

– Терпеть можно, – вступил подошедший к ним Леон. – Противно, правда.

– Кто бы спорил, – согласился Андрей. – Только у раненых спокойно работаешь.

– Так, – поддержал его Майкл.

Собралась уже небольшая толпа. Все те, кто твёрдо решил уехать. Разговор шёл спокойный, никто ни себя, ни других не заводил. Психануть легко, зато потом всё внутри долго дрожит, а сегодня праздник – Новый год. И уж если Рождество, хорошо памятное всем по питомникам и Паласам, оказалось здесь таким здоровским, то уж Новый год должен быть... необыкновенным. И нечего себе зазря душу рвать. Сол так и сказал. И его дружным хором поддержали. Кто-то предложил пойти в душ, а то скоро со смены подойдут, так чтоб лишней толкотни не было. С таким разумным предложением все согласились. В самом-то деле, а ведь ещё нагладиться надо, ботинки надраить...

– Ботинки до душа чистят...

– А у него гуталин вместо крема...

– А не всё ли ему равно, на нём гуталина не видно...

– А тебе завидно...

И в этой весёлой толкотне, в одновременно привычных и по-новому приятных хлопотах всё ненужное сейчас уходило, становилось пустяковым и неважным.

Крис отмывался и начищался с особой тщательностью. И загадывал: если Люся приколет его брошку, то... то что? Подойти и пригласить танцевать. На это-то его хватит. Лишь бы Люся согласилась. А если она придёт без брошки? А вдруг ей его подарок не понравился? Тогда... нет, и тогда подойдёт. Чтобы знать: можно ему ещё трепыхаться или всё, конец.

И глядя брюки и рубашку, заново до зеркального блеска начищая лёгкие ботинки, что не для улицы, специально на праздник покупал, он снова и снова мысленно подходил к Люсе, приглашал танцевать, получал отказ и... подходил снова.

За окнами было уже совсем темно. Крис включил свет, задёрнул шторы, убрал уют и всё остальное. И стал переодеваться. Рубашка отстиралась хорошо, никаких следов не осталось, а брюки сделал, как Тётя Паша говорила: высушил и щёткой отчистил и замыл. Хотя замывать особо не пришлось – земля, высохнув, пылью делается. Ну вот. Крис открыл шкаф, осмотрел себя во внутреннем зеркале. Что ж, хорошо, белая рубашка действительно самая нарядная. Потом купит себе пиджак. И галстук. На Рождество все врачи

были в пиджаках и галстуках.

– Кир, – всунулся в дверь Эд. – Идёшь?

– Иду.

Крис захлопнул дверцу шкафа и пошёл к двери, мимоходом выключив свет.

Общей, весело гомонящей толпой спустились по лестнице на первый этаж и прошли в столовую. Примерно так же, как и на Рождество, но ещё веселее, шумнее и... свободнее.

Крис медлил, выжидая, выглядывая Люсю, но его дёрнули за плечо, за руку.

– Кир, давай...

– Ты не с нами?

– Ты с кем, Кир?

– С вами, с вами, – отмахнулся Крис.

Он оказался за одним столом с Эдом, Майклом и Леоном. Шум, суета, за многими столами уже хлопают пробки, звенят стаканы. У них, как у всех, на столе три бутылки: шампанское, вино и водка, и ещё две с минеральной водой.

– Шампанское на полночь оставь, – скомандовал Эд.

– Так что, водку? – Леон взял было бутылку, но тут же поставил обратно.

Видимо, под больную руку пришлось. Остальные вежливо сделали вид, что ничего не заметили. Никак Леон руку до конца не восстановит, хотя два месяца прошло.

– Я лучше вина, – спокойно сказал Крис.

– А ещё лучше лимонаду, – засмеялся Майкл, берясь за

бутылку вина. Медленно, по слогам прочитал: – На-па-ре-у-ли, – и пожал плечами. – Никогда не слышал о таком.

– Хорошее вино, ребята, – у их стола остановился один из врачей. – Меняемся?

– Что на что? – азартно спросил Леон.

– Вашу водку на наше вино.

– Костя, – сразу вклинились от соседнего столика, – не мухлой.

– Да ладно вам, – Костя-ларинголог подмигнул парням. – Нам квас ни к чему, а вы водку не пьёте.

– Пьём, – ответил Эд. – Мы просто думали, с чего начать.

– Понял, Костя? – не отставали соседи. – И отваливай, не засти.

– Ладно, ребята, – не стал спорить Костя. – Но если что...

– Если что, мы поможем, – поставили точку в этом споре соседи.

Когда Костя отошёл, Эд решительно взял бутылку водки.

– Ладно, раз сказали, так этого и будем держаться.

Крис рассеянно кивнул. Он никак не мог углядеть Люсю, но ещё не все пришли, так что...

– Кир, очнись.

– Ага.

Крис взял свой стакан. Эд налил водки на самое доньшко, по глотку. Им же не напиться, а всю ночь провести надо.

– За что пьём, парни?

– За нас, – улыбнулся Майкл. – Что выжили.

– И что живём, – кивнул Леон.

Они по усвоенной уже привычке сдвинули со звоном стаканы и выпили. Майкл сразу разлил по стаканам минералку – запить, а Крис разложил бутерброды.

И покатился новогодний праздничный вечер. Пили, ели, смеялись, даже уже пробовали песню, и вдруг встал высокий – на голову выше всех – командир комендантской роты и зычно сказал:

– Порядка не вижу.

– Так главного нет, – громко ответил Аристов.

Все сразу посмотрели на сидящего за одним из столов начальника госпиталя. Сегодня он был не в халате и не в генеральском мундире, и парни с трудом его узнавали. Шутливым жестом он развёл руки в стороны.

– Над Новым годом я не главный.

– Что ж, – командир обвёл зал весело-строгим взглядом. – Зовём главного?

И зал ответил дружным весёлым гулом и аплодисментами. Недоумевая, но следуя за остальными, захлопали в ладоши и парни. И тут послышались тяжёлые шаги, и в дверь столовой властно постучали. И ещё раз. И ещё. И на третьем стуке дверь распахнулась и в дверях встал высокий белобородый старик в синей с белой оторочкой шубе, такой же шапке, с ярким отливающим серебром поясом, с высоким украшенном снежинками посохом в руках и мешком за плечами.

– А вот и главный, – весело сказал начальник госпиталя,

вставая из-за стола и выходя навстречу гостю. – Здравствуй, Дед Мороз, спасибо за честь.

– И вам всем здравствовать, – столь же торжественно ответил Дед Мороз. – Кто такие будете?

Андрей, совершенно по-детски приоткрыв рот, оторопело хлопал ресницами. Дед Мороз говорил голосом Жарикова! Остальные парни были не менее ошеломлены. И поглядев на них, Аристов торопливо выпил стакан минералки, чтобы не расхохотаться.

Генерал церемонно представил Деду Морозу присутствующих, тот, выслушав, благосклонно кивнул и махнул рукавицей.

– Раз так, и люди хорошие, и меня чтут, не грех вам и внучку мою показать, – и стукнул посохом об пол. – Зайди, милая, покажись людям добрым, и сама на них посмотри.

И ещё раз стукнул посохом. Дверь столовой открылась, и вошла белолицая с длинными золотыми косами в голубой с белым мехом шубке румяная красавица. Но её узнали сразу – Барби, Варвара Виссарионовна. Хохот, радостные крики, аплодисменты... Но всё перекрыл могучий голос Деда Мороза. Он поздравил всех с Новым годом, пожелал здоровья и удачи во всех делах, но это всем, а каждому... Он сбросил с плеча мешок, запустил туда руку, вытащил горсть блестящих снежинок и бросил их в сидящих за столиками. И Снегурочка достала горсть и бросила. Сделанные из фольги, лёгкие снежинки кружились в воздухе, опускались на столы и голо-

вы. Их ловили, разглядывали, острые отогнутые зубчики в центре хорошо цеплялись за ткань или волосы. А потом... потом началась сумасшедшая весёлая карусель. Из бездонного мешка Деда Мороза появлялись пакеты конфетти, рулоны серпантина, хлопушки с сюрпризами, закрутились танцы под пластинки – когда в зале появился проигрыватель, парни даже не углядели – и пианино, общий хоровод вокруг ёлки, песни, шуточные конкурсы...

Но Крису было ни до чего: он никак не мог найти в этой толпе – больше ста человек в госпитале работает, да ещё коммандатура, и пришли все – Люсю. Не могла же она не прийти. А все такие нарядные, многих не сразу и узнаешь, так может, он и Люсю не узнаёт?! Что же делать?

Расшитая мишурой рукавица ложится ему на плечо.

– Ищешь?

На разрисованном – вблизи виден грим – лице Деда Мороза знакомые глаза доктора Вани.

– Да, – кивает Крис.

Сейчас он готов на всё, и ему плевать, что вокруг полно народу.

– Ищут не где светло, а где потеряно, – рокошет Дед Мороз и легонько, но властно подталкивает его к двери. – Ищи.

Что, так Люси здесь нет? Где же она? Ему сказали: «Ищи!», – а если... если она у себя? Не пришла в столовую. Крис протолкался к двери – Дед Мороз тем временем уже опять закручивал хоровод вокруг ёлки – и вышел из столо-

вой.

Как и на Рождество в вестибюле тихо и полутемно. Но сегодня Крис взбежал по лестнице на второй этаж и решительно повернул в крыло, где жили врачи и медсёстры. Он сам не помнил, когда узнал, где комната Люси, то ли ему кто-то сказал, то ли сам как-то догадался, но он это знал и знал твёрдо. А сейчас, когда в полутёмном коридоре нестерпимо ярко светилась щель под одной единственной дверью, он и подавно не боялся заблудиться. Он вообще уже ничего не боялся. Как пьяный. Хотя какой он пьяный? Выпил-то глоток всего. Это тогда, в Паласе, его заставили выпить два стакана смеси коньяка, водки, ещё чего-то... – беляшки чёртовы, клиентки сволочные, заспорили, чей спальник быстрее вырубится. Крис тряхнул головой, отбрасывая ненужное сейчас воспоминание, стукнул костяшками пальцев в заветную дверь и сразу, не дожидаясь ответа, толчком открыл её.

– Ой, кто это?!

Крис перешагнул через порог и закрыл за собой дверь. Люся, в клетчатом халатике, шлёпанцах, в туго повязанном на голове платке, стояла перед ним и... и она боялась его – мгновенно понял Крис.

– Это... это я.

Люся резко отвернулась от него, отошла к окну и встала спиной к нему.

– Зачем ты пришёл? – спросила она, не оборачиваясь.

– Я искал тебя там, внизу. Ты не пришла. Вот и... – Крис

запнулся.

Порыв вдохновенной смелости уже проходил, и ему с каждой минутой становилось всё тяжелее.

– Зачем ты пришёл? – со слезами в голосе повторила Люся.

Крис молчал. Он не знал, как ответить, вообще не мог сейчас говорить.

– Ты... ты... – всхлипывала Люся, – зачем ты так? Пялишься... бегаешь... в комнату лазишь.

– Я не лазил, – глухо сказал Крис.

Мир рушился: он противен Люсе, ей даже взгляды его неприятны, но и смолчать на напраслину он не мог.

– Да?! А брошку? Не ты подложил?

– Я, – вздохнул Крис и зачем-то, ну, ведь всё уже ясно, понятно и кончено, объяснил: – Через форточку.

– С земли ночью закинул, да? И она ж закрыта была!

– Я на карниз залез. И она... не заперта была.

– Господи, – Люся порывисто обернулась к нему, – ты с ума сошёл! Ты ж убиться мог!

Крис шагнул к ней: ему бы только коснуться её, дальше бы всё само-собой пошло бы. Но Люся отшатнулась, и застарелым привычным страхом перед белым гневом Криса отбросило к стене. И от всего этого, от злости на себя, на свой страх, на то, что всё у него так нелепо, так обидно закончилось, он закричал, перемешивая русские и английские слова.

– Ну, давай, зови на помощь, кричи, что спальник напал!

Да, ты – белая, а я – цветной, метис! Я – раб, я всегда виноват! Ну, давай! Может, пристрелят меня! Сразу! Чтоб мне не мучиться больше!

И обессиленно замолчал, привалившись к стене и опустив голову.

– Мучиться? Я... я не понимаю, – Люся тоже заговорила по-английски. – Кто тебя мучает?

– Ты, – ответил, не поднимая головы, Крис. – Я не могу больше. Ты не смотришь даже на меня, а я... я не могу, – и отчаянно повторил ту фразу, которой когда-то всё объяснил доктору Ване. – Я если с утра тебя не увижу, работать в этот день не могу, не живу я в такой день.

Люся растерянно смотрела на него.

– Я не понимаю, – жалобно сказала она. – Это... это ты так шутишь, да?

Крис молча мотнул головой. Какие уж тут шутки, этим не шутят.

– Но... но... нет, скажи, что ты пошутил, – чуть ли не плача, просила Люся. – Ну... ну, пожалуйста.

Крис ещё раз помотал головой.

– Нет, – выдавил он хриплым, не своим голосом. – Нет, всё так. Я не могу... без тебя. Я... я здесь, в госпитале, остался из-за тебя. И в Россию еду... потому что ты... из России, – с усилием поднял голову и твёрдо посмотрел в лицо Люси, глаза в глаза. – Можешь меня убить, но прогнать не сможешь. Я не уйду. Где ты, там я и буду. Я всё сказал. А теперь делай,

что хочешь.

И тяжело осел, сполз по стене, встал на колени и, откинувшись всем телом назад, сел на пятки, устало закрыл глаза: нестерпимо щипало под веками от сдерживаемых слёз.

Люся села к столу, всхлипнув, вытерла мокрое от слёз лицо, всхлипнула ещё раз.

– Ты... ты не сиди на полу. Про... простудишься.

Крис сразу одним гибким ловким движением встал на ноги, не отводя от Люси глаз, всем своим видом показывая полную подчинённость каждому её слову. И глядя на него снизу вверх, Люся не смогла не увидеть, какой он большой и красивый, и задохнулась на мгновение от его красоты.

– Ты... ты хороший парень, – робко начала она по-русски, – ты... спасибо тебе, но... но ты ещё встретишь... другую, красивую... чтоб под тебя была.

Крис рывком перевёл дыхание. Люся больше не гонит его – уже хорошо, но что это такое она говорит? Красота? При чём тут красота?

– Я не понял, – осторожно сказал он.

– Ну, ты красивый, а я... – Люся вздохнула. – Я – урод горелый. А надо, чтоб красиво было.

Вздохнул и Крис. Его красота всегда мешала ему. Из-за неё в спальники попал, из-за неё теперь Люся его гонит. А если?..

– А если я... поуродуюсь, мы будем... вровень? – спросил он с надеждой.

– Как это?

– Ну... ну, я тоже лицо себе обожгу или разрежу.

– Ты с ума сошёл!

Люся сорвалась с места и бросилась к нему, будто у него уже был в руках нож или огонь.

– Ты с ума сошёл! – она схватила его за рубашку на груди и затрясла. – Не смей, слышишь? Не смей!

Он послушно закивал, да, конечно, это он сдуру, он же всё равно... так у него же...

– Да, да, Люся... Люся! – обрадованно заговорил он. – У меня же всё равно по телу шрамы, я же раненый был, Люся, я же тоже урод, значит, всё хорошо, да? Люся?

Люся оторопело посмотрела на него, всхлипнула, заплакала и засмеялась сразу.

Она была рядом, совсем рядом, и Крис не выдержал. Медленно, как во сне или под водой, он поднял руки, положил их на плечи Люси... и она не отшатнулась, не сказала ему: «Нет». Его ладони ощутили ткань халатика Люси, чуть шершавую, тёплую. Привлечь её к себе, обнять по-настоящему он не рискнул. И так...

– Не гони меня, – тихо попросил он.

– Я не гоню, – так же тихо ответила Люся.

– Спасибо, – вздохнул Крис.

Если бы она сейчас шагнула к нему, коснулась его, он бы всё-таки рискнул и обнял её, но она стояла неподвижно, и он убрал руки и только повторил:

– Спасибо.

В комнате было так тихо, что до них доносился шум веселья из столовой. Музыка, смех... Люся невольно вздохнула, медленно отошла от Криса и села к столу. Крис нерешительно последовал за ней. Окрика не последовало, и он тоже сел. Серый, влажно блестящий глаз Люси грустно смотрел на него. Люся поправила платок, натягивая его на обожжённую щёку, вздохнула.

– Спасибо... Кирочка, только... только не будет у нас счастья.

Крис счастливо – она знает его имя! – улыбнулся.

– Мне рядом быть – уже счастье.

И Люся невольно улыбнулась в ответ.

– Ты хороший парень, Кирочка, только...

Из столовой донёсся такой взрыв хохота и криков, что Люся вздрогнула и посмотрела на стоящий на комодке будильник.

– Ой, Новый год уже.

Бросив быстрый взгляд на будильник и увидев слившиеся в одну черту стрелки, Крис кивнул и снова посмотрел на Люсю.

– Да, так. С Новым годом, Люся, так?

– С новым счастьем, – ответила она и заплакала, уронив голову на стол.

Крис вскочил на ноги, беспомощно затоптался рядом.

– Люся... Люся, я обидел тебя, да? Ты прости меня, Люся,

я не хотел, Люся...

Присев рядом на корточки, он пытался снизу заглянуть ей в лицо.

– Это... это не ты... – всхлипывала Люся. – Не из-за тебя... нет... просто... просто обидно...

– Кто? – жёстко, даже неожиданно для себя, спросил Крис. – Кто тебя обидел?

Люся оторвала голову от стола и посмотрела на него.

– А что? – она не хотела, но улыбнулась. – Что бы ты ему сделал?

– Убил, – очень просто, как о давно решённом, сказал Крис. – Узнаю – убью на месте.

– И в тюрьму бы сел?

– Если чисто сделать, – задумчиво начал Крис и оборвал себя, повторив вопрос. – Кто?

– Никто, – вздохнула Люся. – Понимаешь, как Новый год встретишь, так весь год и пройдёт, а в том году я как раз болела ещё, только-только ходить начала, а в этом...

– Я того Нового года не помню, в горячке был, – кивнул Крис, – а в этом... – и улыбнулся. – А этот Новый год хорошо встретил, рядом с тобой.

– На Новый год танцевать надо, веселиться, – Люся снова вздохнула. – А я тогда ревела и сейчас реву.

– Давай, – Крис вскочил на ноги, протянул к ней руки. – Давай, Люся.

– Чего давай? – недоумевающе смотрела она на него.

– Танцевать, – он улыбнулся. – Я так искал тебя там, внизу, все танцуют, а тебя нет.

– А музыки нет, – Люся улыбалась всё смелее.

– А я петь буду, – нашёлся Крис.

И Люся, вздохнув, как перед прыжком, встала и... и сама положила руки ему на плечи. Задохнувшись на мгновение от счастья, Крис осторожно обнял её за талию.

Танцевать Люся явно не умела, он это сразу понял, но и не собирался танцевать по всем правилам, и потому просто что-то пел и медленно кружился вместе с ней, почти не сходя с места. Прижать её к себе, Крис, разумеется, не рискнул, но... но это неважно, всё равно он с ней, он касается её тела, а её руки лежат на его плечах, и он через рубашку чувствует её тепло. У него перехватило дыхание, и он остановился. Люся, упорно смотревшая куда-то вниз, боком, держась к нему здоровой щекой, подняла голову.

– Спасибо... спасибо тебе.

Но её руки по-прежнему на его плечах, и Крис не разомкнул объятия.

– Ты... тебе понравилось, Люся?

– Да. Да, очень, – она тихо и горько улыбнулась. – А теперь иди. Иди.

– Куда? – с готовностью отозвался он.

– Туда. К остальным.

– А ты?

Люся замотала головой.

– Тогда и я никуда не пойду, – решительно заявил Крис. И улыбнулся. – Я не уйду от тебя.

Люся тоже улыбнулась и посмотрела на него.

– А когда девочки с праздника вернутся? – и вздохнула. – Ох, Кирочка...

В который раз прозвучало это неслыханное им раньше слово, и Крис осторожно спросил:

– Как ты меня назвала?

– Кирочкой, – удивилась его вопросу Люся. – Ведь ты... тебя зовут Кириллом, так?

– Так, – кивнул Крис.

– Ну вот. А что? Тебе... не понравилось?

– Нет, что ты, хорошо, – запротестовал Крис. – Мне очень понравилось. А тебе понравилась?

– Что?

– Брошка, – смущённо признался Крис. – Ты не носишь её.

– Нет, мне очень понравилась, такая красивая, ты её в городе купил?

– Нет, у нас тут парень один лежал, ты видела ж его, длинный такой, Ларри.

– Да, – радостно кивнула Люся. – Я его помню.

– Ну вот, он сам их делает. Я у него и попросил. Для тебя.

– Спасибо, Кирочка.

Они стояли, по-прежнему держась друг за друга, и... и не знали, что теперь делать.

– Хочешь чаю, – беспомощно предложила Люся.

– Да, – сразу согласился Крис.

Он был на всё готов и согласен, лишь бы никуда не уходить отсюда, лишь бы быть рядом с Люсей. Люся отстранилась, и он сразу развёл руки.

– Ты садись к столу, – захлопотала Люся. – Я сейчас...

Крис сидел за столом и смотрел, как Люся, торопливо суетясь, накрывает на стол, включает чайник, выставляет варенье, смотрел во все глаза, будто никогда раньше такого не видел.

– Ой, заварка старая! Я сейчас...

Люся убежала с чайничком вылить старую заварку, и он смог перевести дыхание и оглядеться. Три кровати, шкаф, комод, посередине стол и стулья, над кроватями картинки, фотографии, на кроватях поверх одеял покрывала, подушки в вышитых наволочках, на комодке маленькая ёлочка, а вот занавеси на окнах такие же как у него, как у всех.

Прибежала Люся с чайничком, заметалась по комнате, открыла шкаф и спряталась за его дверцей.

– Кирочка, ты не смотри на меня, отвернись.

Крис послушно отвернулся, устался в закрытое занавеской окно.

За его спиной шуршала ткань. Люся переодевается?

– Ну вот, уже настоялось, сейчас чаю попьём.

Он порывисто обернулся к ней. Люся была по-прежнему в платке, окутывающем голову и пол-лица, но вместо халата,

синее платье с белым кружевным воротничком и... и брошка-цветочек приколата. Крис счастливо улыбнулся.

– Вот, тебе сколько сахара? – угощала Люся. – И варенье, ты его на печенье намажь. Вкусно?

Крис кивал, со всем соглашаясь, и ел, не замечая вкуса. До того ли ему сейчас?! Он сидит за одним столом с Люсей, смотрит на неё, и она не отворачивается от него, не гонит...

– Конечно, это не домашнее, джем местный, – Люся боялась замолчать, остановиться, – но это клубничный, он самый вкусный, правда?

Когда она останавливалась перевести дыхание и отпить, становился слышен шум из столовой. И вдруг... вдруг он стал другим. Люся прислушалась и ахнула.

– Ой, сейчас девочки вернутся.

Страх в её голосе сорвал Криса со стула.

– Ты иди, Кирочка, иди, пока нету никого, а то увидят ещё, господи, спасибо тебе, ты иди, Кирочка.

Она подталкивала его к двери, и он, не смея послушаться, сам боясь, что их застанут, всё-таки остановился у двери.

– Люся, спасибо, но когда?..

– Да завтра, Кирочка, завтра же.

Люся вдруг, привстав на цыпочки, поцеловала, вернее ткнулась губами в его щёку.

– Иди, Кирочка, скорей, пока не увидел кто.

Оказавшись в коридоре, Крис быстро огляделся. Никого, но на лестнице уже слышны шаги. И он бросился бежать к

себе, на бегу прижав ладонью щёку, будто боялся потерять Люсин поцелуй. И, влетев в свою комнату, рухнул ничком на кровать, зарывшись лицом в подушку.

Расходились с шумом, песнями, шутками, кое-кого пришлось вести под руки. Но всеобщего веселья это не умаляло, даже наоборот: Новый год – так Новый год! Всю ночь гулять не получилось, конечно, но это уж кто хочет, так сам продолжит, а коль не хочет... нет, не может... это точно, и хочу, и на дежурство... да, не мы одни гуляли, того и гляди загулявших повезут...

Жариков ушёл с праздника первым. Его и Снегурочку торжественно проводили до дверей. Кое-кто рвался провожать и дальше, посмотреть, как дед с внучкой до дома своего доберутся, но Дед Мороз пригрозил чересчур любопытных заморозить, и те отстали. А когда стали расходиться остальные, то никаких следов Деда Мороза и Снегурочки уже не было.

У себя в комнате Жариков переоделся, снял грим, убрал всё навалом в большую сумку и только разобрал постель, как в дверь постучали.

– Кто там? – ну, очень сонным голосом спросил Жариков.

– Иван Дормидонтович, это я, Андрей.

С последними словами он открыл дверь и вошёл.

– Что-то случилось?

Жариков постарался, чтобы голос его звучал максимально

естественно.

– Криса, тьфу ты, Кирилла нигде нет, – Андрей лукаво улыбнулся. – Он как с вами, ой, то есть с Дедом Морозом поговорил, так ушёл и нету его теперь нигде.

– И не ищите, – уже серьёзно сказал Жариков.

– Но...

– Без «но», Андрей. Он вам зачем нужен? В зале убрать? – Андрей кивнул. – Ну, так постарайтесь справиться без него. Очень прошу, не мешайте ему сейчас.

Андрей пожал плечами.

– Ну, раз надо, Иван Дормидонтович, то мы, конечно. А... а может, помощь нужна?

– Не вмешивайтесь. Это и будет вашей помощью.

– Понял, – Андрей широко улыбнулся. – Спасибо большое, Иван Дормидонтович, за праздник. Да, вас не было, а к нам Дед Мороз приходил!

Скорчил детски невинную гримасу и под хохот Жарикова выскочил за дверь.

1997–2019

Книга восьмая
Колобок
122 год
Зима-Весна

Тетрадь пятьдесят шестая

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

После многодневного праздничного загула жизнь медленно входила в обычную колею. С третьего января снова каждый день с утра на работу, снова вместо разносолов и деликатесов обычный обед, обычные будничные хлопоты, но... но что-то – Эркин это чувствовал – было совсем по-другому.

Он только не мог понять, что изменилось. Или... или это он сам стал другим? Всё-таки двадцать шесть полных...

...Сквозь сон Эркин почувствовал, что Женя встала, но что-то подсказало ему, что можно ещё спать, и глаз поэтому не открыл. Пока Алиса не начала ломиться в дверь, можно не беспокоиться. Вечер был, конечно, необыкновенным, даже не вечер, а ночь, а теперь можно спать, спать, спать... он даже не дождался возвращения Жени.

И разбудили его звуки отодвигаемой шторы, уже не утренний, а совсем дневной свет на лице и смех Жени и Алисы. Два весёлых голоса пели, снова и снова повторяя одну фразу:

– Happy birthday to you... Happy birthday to you...

Эркин растерянно открыл глаза и сел на кровати, в последнюю минуту удержавшись и не сбросив одеяло.

Смеющиеся лица Жени и Алисы, залитая золотистым светом спальня... Эркин проморгался, протёр глаза кулаками.

– Женя...

– С днём Рождения! – приплясывала перед ним Алиса.

– С днём рождения, милый, – улыбалась Женя.

Эркин всё ещё удивлённо хлопал глазами и ничего не мог понять, когда на его колени легли пушистый серый джемпер в пакете и второй пакет, длинный и узкий, с галстуком.

– Эт-то что? – наконец смог он выдавить.

– Это подарки, – авторитетно заявила Алиса, сбрасывая тапочки и залезая на кровать.

– Подарки? – тупо переспросил Эркин. – Мне?! Почему?

Женя?

– У тебя день рождения, – Алиса удачно перекувыркнулась. – А на день рождения дарят подарки, вот!

– Ну да, – Женя с улыбкой смотрела на Эркина. – Ты что, забыл? Эркин, сегодня первое января, тебе исполнилось двадцать шесть лет, ну?

Двадцать шесть... но это... это же... Эркин судорожно хватал открытым ртом воздух.

– Ну вот, – Алиса снова кувыркнулась. – От мамы джемпер, а от меня галстук. Вот! Тебе нравится?

Женя, видя, что Эркину не по себе и он вот-вот заплачет, съёрнула Алису с кровати и отправила умываться и наводить порядок в своей комнате, а, когда та вышла, погладила Эркину по плечу.

– Всё хорошо, Эркин. Вставай, и начнём день.

– Да, – смог он выдохнуть. – Да, Женя, я сейчас...

– Пойду завтрак приготовлю.

Оставшись один, Эркин с силой потёр лицо ладонями, проморгался, удержав слёзы. День рождения... двадцать шесть лет... – и заставил себя улыбнуться: опять он не как все. Первый спальник, что до двадцати шести дожил. И дальше жить собирается. Он бережно взял пакет с джемпером, раскрыл его, и на его руки скользнуло мягкое пушистое тепло. Это же... это ж с ума сойти какие деньги... Эркин приложил джемпер к груди и посмотрел в зеркало. А... а ничего-о...

– А трусы ты надевать не будешь?

Эркин вздрогнул и только тут сообразил, что, разглядев себя, встал во весь рост на кровати.

– Ой, Женя, я сейчас.

Женя счастливо засмеялась.

– Я мигом.

Он бережно положил джемпер на пуф у кровати и побегал к комоду. Мгновенно – Женя и глазам моргнуть не успела – натянул трусы, джинсы, и вот он уже застёгивает и заправляет ковбойку. Женя кивнула.

– А на обед переоденешься, у тебя сегодня праздник. И у меня с Алисой.

– Да, Женя, – Эркин подошёл к ней, обнял, коснулся губами виска. – Спасибо тебе, Женя. Я... я не знаю... у меня не было такого.

Женя ответно поцеловала его в щёку и легонько подтолкнула к двери.

– Понял, – улыбнулся Эркин и повторил: – Я мигом.

А после завтрака из блинчиков и остатков новогоднего пиришества они все вместе пошли гулять. К оврагу и за овраг в берёзовую рощу. Было так тихо, будто деревья тоже праздновали и теперь отсыпались. Сонная тёплая, несмотря на лежащий повсюду снег, тишина. И безлюдье. Они покатались на санках в овраге, а потом ещё Эркин бегом катал их по утоптанной дороге и, к полному удовольствию Алисы, они дважды побывали в сугробе, побродили среди дере-

вьев. Небо было затянуто белой плотной дымкой, солнце даже пятном не просвечивало.

Для праздничного обеда стол опять перетащили в большую комнату к ёлке. Женя передела Алису в матроску, переделалась сама, и Эркин вышел к столу во всём новом. Но без галстука: завязывать галстук ни он, ни Женя не умели. Обед был вкусный, но... но не то что обычный, а без особых выкрутасов. Зато в конце... Женя с Алисой унесли грязную посуду, велел Эркину за ними не ходить и не подсматривать. Алиса гордо помогла накрыть стол для сладкого и... и Женя внесла большой торт с двадцатью шестью горящими свечками! И Эркин должен был их погасить одним выдохом...

...Эркин шёл и улыбался. Праздничные, сумасшедшие дни...

... А второго января, Загорье проспалось и высыпало на улицы. И по всему городу носились увешанные бубенцами и лентами кони, запряжённые в сани, а люди танцевали, и пели прямо на улицах. А после обеда разбирали ёлку, каждую игрушку заворачивали в тонкую – Женя называла её папиросной – бумагу и укладывали в большую коробку из-под проигрывателя, перекладывая ватой. А в другую коробку – бумажные игрушки, флажки и цепи. Конечно, уже без ваты, но тоже не навалом, а аккуратно, чтоб не мялись и не рвались. Обе коробки и крестовину Эркин убрал в кладовку в дальний угол, до следующего Рождества, а ёлку вынес, накинув куртку, к мусорным бакам и положил к остальным, та-

ким же ободренным и полуобломанным... А запах хвои всё ещё держался в большой комнате.

Без ёлки большая комната стала очень просторной.

– Ничего, – решительно сказала Женя. – Будем делать гостиную. И столовую сразу. Ты как, Эркин?

– Конечно, – сразу согласился он.

И Женя рассмеялась.

– Ты всегда на всё согласен.

– Что ты скажешь, да, – он даже пожал плечами, настолько это само собой разумелось...

...А третьего января утром в темноте Эркин шёл в общей толпе, переключаясь и перешучиваясь с новыми и старыми знакомыми. Оставленная на праздники в шкафчике рабочая одежда показалась чужой и непривычной.

– Что? – понимающе хмыкнул переодевавшийся рядом Миняй. – Отвык от работы?

– Работа не смерть, привыкнуть недолго, – улыбнулся Эркин.

– Да уж, человек ко всему привыкает, – кивнул Тихон.

– И к смерти? – ухмыльнулся Петря.

– А что?! – сразу подал голос Колька. – Помирать, братцы, только в первый раз тяжело, а потом... как по-писаному.

– На себе пробовал? – поинтересовался Геныч.

– А то! Три раза! – но бравада в голосе Кольки была невестёлой.

– Кончай трёп, мужики, – Медведев запер свой шкафчик

и пошёл к двери. – Пора. Ряхов! – и выразительным кивком показал направление. – На выход.

Бледный до голубизны и словно ещё уменьшившийся за праздники Ряха не огрызнулся, а молча побрёл со всеми.

Двор был просторен, как комната, откуда вынесли ёлку, но Эркин уже видел подталкиваемые паровозом к складам вагоны. Ну, правильно: перед праздниками всё вывезли, так теперь завозят.

Мешки, ящики, коробки... контейнеров не было. Уже ничего. На ящиках было что-то написано, но Эркин, узнавая отдельные буквы, сложить их в слова не успевал. Работали не цепью, а каждый сам за себя. Болтать и глазеть по сторонам было некогда, да и после праздников же, кто с похмелья, кто с роздыха, надо ещё разгон набрать. Так что до обеда вагоны не закончили, и злой как чёрт Медведев отпустил бригаду на обед.

В столовой Эркин сел за стол с Колькой, и Миняем, а потом к ним пристроился и Ряха. Вместо обеда у Ряхи была только тарелка щей. Жижи много – заметил Эркин – как на двойную, а мяса, считай, что нет. И тут же сообразил, что значит заплатил Ряха за одну порцию, а это ему уже из жалости столько налили. Как шакалу. Сообразил и тут же забыл о Ряхе, и головы не повернул, когда Ряха стащил у него кусок хлеба из тарелки со вторым. Не до Ряхи ему. Да и остальным тоже.

– Гульнули как следует, – Миняй ест быстро, а говорит

степенно. – Да денег теперь...

– Ни хрена не осталось, – кивает Колька.

– Зато отпраздновали, – улыбается Эркин.

– Да уж. И катанье, и гулянье.

Ряха хлебал щи, не вмешиваясь, что уж совсем на него не походило. И, выхлебав, сразу ушёл. Его ухода не заметили, как не замечали и присутствия.

– Дров мало осталось, – Колька тщательно, чуть ли не выскребая, доделал кашу. – А они дорогие, стервы.

– Дрова надо не колотые покупать, они дешёвые, – деловитым тоном сказал Эркин. – А не пиленые ещё дешевле. По Джексонвиллу помню.

– Оно так, – Колька наконец справился с кашей и перешёл к компоту. – Да пилить... – и остановился, столкнувшись взглядом с Эркином. И медленно кивнул.

– Покупай не пиленые, – Эркин встал, собирая посуду.

Колька снова кивнул и тоже встал.

После обеда работа пошла веселее. Всё ж таки привычка – великое дело. Главное – не останавливаться, лишних перекуров не устраивать. Тогда и заминок не будет.

Опустевшие вагоны паровоз оттащил за ворота, и Медведев крикнул:

– Шабашим, мужики, остальное второй.

– Во! – заржал Колька. – Это дело!

– Что, головушка кружится? – заботливо спросил Геныч?

Колька в ответ завернул такое, что хохот грохнул с силой

ружейного залпа.

– Это малый морской загиб, – ухмыльнулся Колька.

– Больно частишь, Колька, – подал голос Ряха. – Вождь, небось, и не запомнил.

– А мне и не надо, – улыбнулся Эркин.

– И чего так?

Ряха явно что-то приготовил, но подыгрывать ему Эркин не собирался.

– Я другой знаю, – спокойно ответил он.

– Загибов много, – задумчиво кивнул Геныч.

– Мороз, а у тебя какой? – жадно спросил Петра.

Эркин помедлил.

– Ну, – Петра нетерпеливо заглядывал ему в лицо. – Ну, ты чего? Давай, а!

– Да не с чего ругаться, – пожал плечами Эркин.

– А без сердца не ругань, – понимающе кивнул Антип.

– Да не знает он ни хрена, – презрительно скривил губы Ряха. – Он же во-ождь! Перья воткнул и повыл-поскакал – всё его уменье.

Эркин понимал, что подначивают и заводят, но слова Ряхи о перьях довели его до нужного для ругани состояния.

– А пошёл ты!..

Андрей, бывало, выражался и похлеще, да и не было всё-таки у Эркина нужной злобы, но и сказанное привело остальных в уважительное замешательство.

– Да-а, – первым пришёл в тебя Колька. – Да, Ряха, тебе

до такого расти и расти.

– Да уж, куда тебе до Мороза.

– По всем параметрам, – хмыкнул Саныч.

За разговором дошли до бытовки и стали переодеваться.

Ни о каком пиве сегодня и речи не было. Какое пиво, когда после праздников?!

Эркин шёл домой вместе с Миняем под неспешный разговор о житейских делах. Что за праздники запасы подъелись, и теперь надо бы картошки прикупить.

– Вот всем дом хорош, а погреба стоящего нет. Ты где картошку держишь?

– В кладовке.

– Тепло там, – вздохнул Миняй. – А на лоджии этой замёрзнет она. А мороженую её куда? На тошнотики только.

– А это что? – удивился Эркин.

– Не знаешь? – удивился его удивлению Миняй. – Ну... ну, как оладьи, что ли. Из хорошей когда, так это драники, моя их делает, так мисками улетают, за уши никого не оттащишь. А из промёрзлой... – он даже рукой махнул. – Ну, да чего поминать. Вот голову всё ломаю, как бы на лоджии погреб соорудить.

– На кухонной? Мы там мясо держим, хорошо лежит.

– Так это морозно пока, а летом?

– Д-да, – согласился Эркин. – У нас и сторона солнечная.

– Ну вот. А надо с умом делать, – Миняй вздохнул.

Вздохнул и Эркин. С какого бока приступиться к такому

делу, он даже не представлял.

– Дед Мороз приходил? – после недолгого молчания спросил Миняй.

– Приходил, – сразу улыбнулся Эркин.

– Визгу небось было! Твоя-то боевая, а мои сначала за мамку попрытались, уж потом, мяч когда увидели, вылезли, – смеялся Миняй.

Рассмеялся и Эркин. Он уже знал, что Дед Мороз и Снегурочка были от профсоюза, что Женя тогда заплатила и за их приход, и за подарок, что подарок выбирали по каталогу... И было очень приятно, по-странному приятно услышать от Миняй про Алису: «Твоя». Да, Алиса – его. И что боевая она, тоже приятно. Тихого да слабого везде затолкают, пройдут по нему и под ноги не посмотрят.

С завода выходили в сумерках, а к дому пришли в полной темноте. Уютный свет в окнах, приветствия встречных... Вытирая ноги о коврик перед дверью и доставая ключи, Эркин с особой силой вдруг ощутил: это и в самом деле его дом. У него теперь есть дом.

– Эрик пришёл! – радостно зазвенел голос Алисы. – Эрик, а я...

И она торопливо выкладывала ему свои новости, пока он раздевался в прихожей и мыл руки. На кухне в кастрюлях и на сковородке обед. Ему надо доварить и разогреть. И... и на столе листок с крупными, чётко выписанными буквами.

– Алиса, что это?

– Это мама тебе написала. Вот.

Эркин кивнул, сел к столу и начал читать. Алиса залезла к нему на колени и стала помогать. Вдвоём они не сразу, но осилили текст. И приступили к выполнению инструкции. Алисе хотелось в коридор, где уже наверняка гуляют её приятели, но и помогать было тоже интересно. И к К приходу Жени у них всё было готово. Они даже поиграли немного.

И когда Женя открыла дверь, её встретили Эркин, Алиса и запахи готового обеда.

Обычный будничный, но такой... лёгкий, приятный вечер. Они пообедали, и Алиса отправилась в коридор, а Эркин и Женя сели за денежные подсчёты. В самом деле, на праздниках деньги тратили не считая, как бы теперь не сесть... ну, положим, всё не так уж страшно, есть ссуда, но опять же...

– Не хочется ссуду по мелочам растратить.

Эркин кивнул.

– До полочки нам чего осталось хватит?

– Должно хватить, – решительно сказала Женя. – Как у нас с продуктами?

– Мясо ещё есть, – начал Эркин.

Вдвоём они прикинули, что если спокойно доедать оставшееся от праздников, например, те же конфеты и не роскошествовать, то они укладываются. Попытка Эркина отказаться от обедов в столовой или хотя бы сократить их до одного блюда была Женей пресечена самым решительным об-

разом.

Женя собрала пачки обёрнутых бумажными полосками рублей и сложила в памятную по Джексонвиллу шкатулку. Погладила крышку.

– Перекрутимся, Эркин. На еде нельзя экономить.

– Слушаюсь, мэ, – улыбнулся Эркин. – Женя, а сегодня учиться будем?

– Ты же уже хорошо все буквы знаешь, – Женя ласково улыбнулась ему.

– А читаю плохо, – вздохнул Эркин. – Медленно и... ну, плохо.

– Тебе надо просто читать побольше. И... и знаешь, давай и писать заодно.

– Давай, – радостно согласился Эркин.

– Тогда я завтра прописи куплю, – решила Женя. – И... и, ну, посмотрю.

– Ага, – Эркин встал. – Звать Алису?

– Да, хватит ей носиться. Сейчас я ужин сделаю.

Вечер катился своим обычным порядком, ужинали, читали, играли в мозаику, потом Женя уложила Алису... И Эркин не мог сказать, что ему нравится больше: будничный размеренный порядок или праздничные сумасшедшие дни. И уже в постели Женя сказала об этом же.

– Знаешь, а я даже рада, что праздники кончились.

– Ага, – сразу согласился Эркин.

Женя тихо засмеялась над его готовностью. Эркин счаст-

ливо улыбнулся, обнимая Женю и утыкаясь лицом в её волосы.

Алабама

Колумбия – «Лесная поляна Бредли»

Как часто уже бывало, после Нового года похолодало, снег, правда, не выпал, но холодный резкий ветер разогнал тучи и дожди прекратились. Но зато дороги обледенели. И, отправив Чака с машиной в имение, Джонатан решил добраться до Краунвилля на поезде...

...Камин, кресла, стакан в руке. Расслабляющая, но не усыпляющая атмосфера.

– Я не понял, – Фредди сидит, вернее, полулежит в кресле перед камином со стаканом в руке. – Так он нормальный или псих? Что тебе сказал Юри?

– Я говорил с другим врачом. И-ван Джа-ри-кофф. Психолог.

– Не психиатр? Уже легче, – хмыкает Фредди. – Так И как, крыша у парня на месте или сдвинута?

Джонатан отхлёбывает из стакана, разглядывая искусную имитацию пламенеющих дров в электрокамине.

– Как я понял, крышу ему свернул Грин. И работа у Рот-

буса даром не проходит.

– С Крысой пообщаешься – свихнёшься, – кивает Фредди.

– А в госпитале ему крышу залатали, подправили, ну и... – Джонатан усмехается: – Реакции адекватны. Тебя это устраивает?

– Адекватны чему? В Аризоне за неудачную шутку шлёпали на месте. Тоже... адекватно.

– Твой вариант?

– Я не собираюсь ничего менять, психа лучше держать под присмотром. Не психа – тем более. Просто присмотр разный. Вот я и хочу знать, какой присмотр нужен.

Джонатан пожимает плечами.

– В имении и присмотришь.

– Мг-м, – Фредди залпом допивает стакан. – Тогда я с утра поеду. Его отправишь с машиной вечером.

– А я на поезде, – кивает Джонатан.

– Встретить тебя в Краунвилле?

– Возьму такси. И полежим с месяц.

Фредди понимающе улыбнулся, но промолчал. Конечно, Джонни рвётся в имение, да и он сам, если честно, соскучился. Игры прошли очень удачно, квартиру они сделали, а с офисом... здесь главное – секретарша. Пока нет надёжного человека, с офисом завязываться нельзя. А он нужен. Старая контора не годится. Пока фирма была только прикрытием, сходило, а им-то нужна реальная работа. И реальная прибыль.

– А если съездить в Крейгеровский колледж, Фредди? Присмотрим сразу на месте.

– Здесь я пас, – качнул головой Фредди. – Никого и ничего не знаю. Но не лучше ли найти опытного человека?

– Смотря какой у него опыт.

– Тоже верно, – кивнул Фредди и встал. – Ладно, я пошёл. Джонатан кивнул, прощаясь. Завтра большой день. Закончить в Колумбии, Чака с машиной отправить вечером, значит, в полдень отпустить его, чтобы успел собраться и подготовить машину к перегону. Выехать он должен... да, в шесть. В «Лесной Поляне» тогда будет на следующий день к ленчу. Фредди его встретит. За месяц машину надо сделать. И окончательно решить с Чаком. Джонатан усмехнулся: окончательное решение опасно своей окончательностью. Но оно необходимо...

...Внимательные карие с янтарными крапинками глаза, могучие, обтянутые белым халатом плечи, большие сильные руки.

– Я понимаю ваше беспокойство, мистер Бредли. Как врач говорю уверенно и однозначно. Чарльз Нортон практически здоров.

Он кивает...

...Джонатан не спеша встал, взял стаканы – свой и Фредди – и пошёл на кухню. «Практически здоров». Ну, что ж, с доктора взять нечего. Врачебная тайна, чёрт побери! Но врать доктор тоже не должен. Если Чак в самом деле здоров,

уже легче. С психом трудно.

Он убрал стаканы в бар, выключил люстру и камин и прошёл в свою спальню. Не включая света, разделся и лёг.

А интересный всё-таки мужик этот... Жа-ри-кофф. И силы много, и мозги на месте. И чем-то он Юри держит. Но... но это их проблемы, и пока Юри не попросил о помощи, влезать туда нельзя и незачем. Если с Чаком получится, то можно делать точку для Ларри. Если нет... придётся брать ещё кого-то, а вот это уже нежелательно. Но здесь надежда на Фредди, он Чака разматает, разберёт по деталям и соберёт снова уже в нужной комплектации. Если Фредди сумел тогда парней взять, то здесь уже никаких проблем. Что такое Грин, мы знаем. И Ротбус тоже... известен. Так что с Чаком разберёмся. Не самая большая сложность в нашей жизни.

Распоряжение ехать в «Лесную Поляну» Чак выслушал, не моргнув глазом. И все дальнейшие распоряжения Джонатана так же слушал с неподвижным лицом. И, как его учили, повторил чётко по пунктам всё, что он должен сделать.

– Хорошо, – кивнул Джонатан и, попрощавшись, вышел из машины.

Захлопнув за ним дверцу, Чак сразу поехал в гараж. До шести надо ещё массу дел провернуть. Слежки он не боялся: не будут такие... персоны, как Бредли и Трейси, за ним следить и каждый его шаг выверять, но и выдаваемых ему инструкций он не нарушал. Во всяком случае, до сих пор.

Правда, инструкции были разумны. Хотя не сказать, что просты. Каким трудом ему достались удостоверения и права... тридцать первого до ленча и второго весь день – полтора дня на всё про всё. Словом, первого все отсыпались и гуляли, а он лежал под машиной: другого времени ему Бредли не оставил. Зато третьего он в назначенное время подал машину к подъезду «Чейз-отеля» с новенькими документами в кармане. Но Бредли не спросил про них, а только кивнул удовлетворённо, будто насквозь видел.

Чак въехал во двор гаража, кивнул уже знакомому дежурному механику – полуседому негру с тёмными от вьёвшегося в кожу масла ладонями.

– Заправишься?

– Да, Айра, под завязку. И две канистры в запас.

Айра кивком подозвал одного из своих помощников.

– Слышал? – мулат кивнул. – Тогда действуй.

Чак уступил место за рулём мулату, оглядел пустынный двор.

– Не густо...

– Праздники сейчас, – Айра быстро прошёлся по нему взглядом. – Что, в дальнюю посылают?

Кого другого Чак бы за такое послал, но Айра... тут много понамешано. И ссориться с механиком нельзя, тебе же боком выйдет, и тогда – первого января – в безлюдном гараже Айра не дрых в своей камерке, на что имел полное право, а помогал ему. Сам подошёл и стал работать. Без Айры столь-

ко за один день точно не успел бы. И потому Чак кивнул.

– Да, но бокс оставляют.

– Понятно.

Во двор въехал ярко-красный «драбант» – выпендрёжная машинка, как её когда-то называл Тим, с чем Чак был абсолютно согласен – и Айра с улыбкой пошёл к ней.

С заправки и мойки машину подают прямо в бокс, и Чак пошёл собираться. Вчера он на заказывал всякого, и заказанное уже лежало. Отсортировать, проверить, а тут мулат и «ферри» подогнал.

– Ты «акулу» видел когда? – спросил он Чака, вылезая из машины. – Классная, говорят, тарактелка.

Чак неопределённо повёл плечами. Задираться он ни с кем не мог и от этого уставал больше, чем от чего другого. И злился. На его счастье, мулата отозвали, и он уже спокойно стал собираться, укладывая то, что, по его мнению, могло понадобиться в имении. Инструменты – ему сказали – там есть, так что... В боксе тоже порядок должен быть.

Подготовив машину к выезду, он в уборной для цветных вымыл руки и вернулся в бокс за курткой. Теперь в контору, подписать по карточке все счета, за всю мелочёвку, бензин, масло, а аренду бокса ему оформлять не надо, это дело Бредли, и оттуда домой, собираться. В имении ему жить несколько недель, так что... так что всё надо забрать. И лучше, пожалуй, вообще расплеваться с этой квартирой. Работать за жильё он теперь не может: работа на Бредли всё вре-

мя съедает. И деньги так экономить ему тоже уже незачем. Когда вернётся из имения, то устроится по новой, уже... соответственно заработку. И, не желая врать самому себе даже в мыслях, добавил: если вернётся. Трейси ему тот разговор и оплеуху ещё припомнит. Если беляк сразу не пристрелил, значит, хочет покуражиться. Тогда Трейси струсил, смолчал, так теперь отыграется. Должен отыгратся. И хорошо было бы к Слайдерам заглянуть, взять полный массаж, но у них «цветное время» уже кончилось. Ладно, обойдётся.

По дороге домой Чак зашёл в магазинчик подержанных вещей – здесь продавали цветным, разрешали рыться в разложенном и развешенном, попадались очень даже неплохие вещи и за нормальную цену. Он подозревал, что здесь попросту сбывают краденое, но это совсем не его проблема.

– Тебе чего? – встретил его вечно торчащий в магазине парень неопределённой расы – то ли очень светлый мулат, то ли очень давно не умывавшийся белый – с торчащими вперёд, как у крысы, зубами.

– Сам посмотрю, – буркнул Чак, проходя к куче из всевозможных сумок.

– Ну, смотри, – милостиво разрешил парень.

Чак выбрал кожаную дорожную сумку, с карманами, внутренними отделениями и длинной ручкой. Ручка разрезана и зашита, а с одного из карманов явно срезали именную накладку. Но сама по себе прочна, надёжна и удобна: все его пожитки влезут. Теперь ещё пару рубашек потемнее,

чтоб под машиной лежать, носки, трусы, а то у него всего три смены, перчатки хорошо бы, но подходящих по размеру не нашлось, зато обнаружили старые, явно ношенные, но крепкие целые джинсы хорошей фирмы, термос со свинчивающейся крышкой-стаканом и коробка для сэндвичей, а остальное у него есть. Всё вроде?

– Что-то мне твоя личность знакома.

Чак покосился на остановившегося рядом с ним белого и нехотя ответил:

– Не знаю, сэр.

– Где-то я тебя уже видел, пареньь.

Чак пожал плечами. Мало ли кто и где мог его видеть. И покупали, и в аренду сдавали... по возможности вежливо повторил:

– Не знаю, сэр.

С недоброй насмешкой белый следил, как он расплачивается и укладывает покупки в сумку.

– Свитер возьми, – вдруг сказал белый. – В дороге удобно.

– Спасибо, сэр, – Чак изобразил улыбку. – Мне недалеко, сэр.

Белый задумчиво кивнул и отошёл с неожиданным обещанием:

– При встрече договорим.

Чак бы сразу забыл о нём, если бы пареньь-крысёныш не спросил:

– А чегой-то этот сыскарь на тебя глаз положил?

Когда беляка называли сыскарём, Чак вспомнил его. И похолодел. Но удержался, равнодушно пожал плечами.

– А хрен его знает.

И из магазина вышел спокойным деловитым шагом. И по улице шёл по-прежнему быстро, но уверенно. А в голове билось: бежать, бежать из Колумбии. Сволочь, беляк чёртов, как же ты выжил, гад, стоял тогда перед Ротбусом навтыжку, бледный, в поту, аж штаны мокрые, а ты, значит, ещё меня разглядел, сыскарь, полицейский, так, значит, и остался в полиции, ах, сволочь, глаз намётанный, мы ж для белых все на одно лицо, а ты разглядел, запомнил, и ни Бредли, ни Трейси в городе, без прикрытия я, ах, гад, подловил, стерёг, что ли, ну, гад, ну... А что «ну», что он может без оружия? А и было бы оружие, он же теперь...

Но вон уже и дом, хозяйка – сволочь старая, шлюха белёсая – голубей на крыльце кормит, доброе своё сердце демонстрирует. Ладно. Собрать вещи, расплеваться и в гараж. И до шести носа не показывать. А там бы ему только из города выскочить.

Всё прошло легче, чем он рассчитывал. Даже половину месячной платы за январь вернули. Чак забрал из сооружённого им за плинтусом тайника деньги, собрал и уложил в сумку рубашки, бельё, полотенце, мыло, бритвенный прибор. Напоследок вскипятил воды, заварил кофе и перелил его в термос, из остатков хлеба и мяса сделал сэндвичи, доел, что оставалось. Миску с кружкой туда же, в сумку. Ну вот,

ничего его не осталось. И зачем-то протёр носовым платком всё, до чего дотрагивался. Хотя почему зачем-то, очень даже ясно – зачем. На всякий случай. Полного его имени хозяйка не знает, у кого он работает – тоже. Так что... так что, может, и обойдётся. Конечно, он и сам виноват. Ведь давно заподозрил, что там краденым приторговывают, да польстился на дешевизну. Вот и налетел. Это ж и дураку-работяге, спальнику-недоумку ясно, что в таком месте должна полиция крутиться, а он... от злобы на самого себя Чак длинно тоскливо выругался.

До гаража он добрался благополучно и, вроде, даже без хвоста за спиной. «Ферри» стоял, готовый к дороге. Чак сразу сел в кабину и достал карту, ещё раз проверить самого себя по маршруту. Карты – Империи и подробный план Колумбии – он купил ещё второго января. И как в воду глядел. Сегодня Бредли так небрежненько карту потребовал. И он – так же небрежно – достал и подал. Чак самодовольно улыбнулся воспоминанию, аккуратно сложил и убрал обе карты. Ничего, ему лишь бы из города выбраться. А там... там пусть его этот сыскарь в задницу поцелует. Быстрый взгляд на часы. Без трёх шесть. Пора!

Чак мягко стронул «ферри» с места и поехал к воротам. И его, и машину уже знали и выпустили без проверки. На улице вроде ничего подозрительного, в поперечных... никто не поджидает. На всякий случай, он немного попетлял по городу, сбрасывая возможный «хвост», а потерянное время

всегда можно наверстать на дороге. Чуть больше скорость, чуть меньше отдых, и он будет на месте вовремя.

В кабинете инспектора Робинса никогда не кричали. Для допросов на крике были другие помещения. И сейчас разговор шёл на повышенных тонах, но тихо. Потому что кричать можно и шёпотом.

– Это был он, я не мог ошибиться!

– Спокойно, Коллинз.

– Инспектор! «Колумбийский палач» на свободе! Это же...

– Это заголовок для газеты.

Насмешливое презрение в голосе Робинса остановило Коллинза.

– Вы уверены, что это именно он? Что телохранитель Ротбуса и «колумбийский палач» – одно лицо?

– Русские дали тогда такую информацию. Они его брали.

– Вот и запросите их, куда они его дели.

Коллинз кивнул и вышел. И он, и Робинс отлично понимали, что если по русской информации «колумбийский палач» в одной из их тюрем, то этот промах обойдётся Коллинзу очень дорого. Обладающий феноменальной памятью, Робинс мог простить любому из своей команды многое, но не путаницу с именами и лицами. Ты можешь чего-то не знать, но что знаешь... Словом... словом, будем ждать ответа русских.

А пока...

Робинс открыл своим ключом неприметный канцелярский шкаф в углу кабинета, где хранилась его картотека. Разобраться в ней мог только он: карточки стояли не по алфавиту, не по годам, и не по статьям Уголовного Кодекса, и даже не по прецедентам, а по его собственной неофициальной и никому не известной классификации. Найти карточку «Колумбийского палача», просмотреть её и переместить к карточке Ротбуса было делом нескольких минут. Ещё минута ушла на просмотр карточки Ротбуса. Тоже... на всякий случай.

Убедившись, что слежки нет, Чак за городом прибавил скорость и сел поудобнее. Дорога, конечно, не ах, но с машиной он за эти дни поработал. И за сто миль машина теперь свободно выдаёт. «Ферри» – хорошая машина, не «линкор», конечно, но если довести до ума... Что ж, как шофёр он себя показал, по носу его, правда, щёлкнули, но вряд ли они такие же автомеханики, не будет беяк руки пачкать и под машиной уродоваться, а уж такие тузы, как Бредли и Трейси... Трейси – киллер, ему вообще работать запаadlo, для маскировки разве только, как тогда на перегоне. В Мышеловке Трейси крутился и пахал не меньше остальных старших ковбоев, но и не больше: мешки за него индеец ворочал. И кашеварил индеец, а Трейси у костра как в ресторане сидел. Ну, так на то он и беяк. И главное – не нарываться, глаза

книзу и не рыпайся – будешь и цел, и сыт.

Уже темнело, и Чак включил фары. Надо будет противотуманные поставить, армейские, приходилось видеть, полезная штука. Ещё полчаса и остановится перекусить. А там до Гринуэя и заночевать. Спать, пожалуй, лучше в машине. Тогда в городе только поесть, а приткнуться в укромном месте. Придерживая одной рукой руль, Чак достал и развернул на колене карту. Да, а Гринуэй тогда лучше миновать, ему вообще не стоит по городам маячить. Но вот чем нарушение указаний обернётся, маршрут ему достаточно детально расписали. А откуда Бредли о нарушении узнает? И сам себе ответил: захочет – узнает. По дамбам было бы можно спрямить и время выгадать, но, говорят, те совсем развалились, и маршрут ему в объезд определили. На хвосте никто не висит, так что и рыпаться нечего.

Найдя тихий, как ему показалось, участок, Чак притёр машину к обочине и вышел оглядеться. Редкий лес подступал к дороге, ограждений никаких, ни машин, ни прохожих не видно. Он отошёл за кусты, а вернувшись к машине, достал термос и коробку с сэндвичами. В дороге лучше есть стоя, чтоб ноги размять. Сэндвич сейчас, сэндвич на ночь, сэндвич утром, а четвёртый... на всякий случай. И кофе в термосе у него ровно четыре стакана. Не разжиреешь. Но и не оголодаешь.

Доев, ещё раз огляделся, убрал термос и коробку, немного тут же рядом с машиной потянулся, разминая суставы и

вернулся за руль. Теперь до ночлега. И Гринуэя не миновать. Ну, поживём – увидим.

Машина шла без толчков и потряхиваний, ровно гудел без надсады мотор, шелестел под колёсами бетон, ни встречных, ни попутных, белый, а не по-военному синий от затемнения свет фар... хорошо! Чак особо машины не любил, это Тим был прямо помешан на них, Грин даже наказывал его не поркой или голодом, а запретом работать в гараже, и этот дурак всерьёз психовал, но сейчас... чувствуя послушно отзывающуюся на каждое его движение машину и отсутствие белого взгляда за спиной, Чак даже стал что-то мурлыкать себе под нос: привычка, которую он тщательно от всех скрывал.

На горизонте показались огни, сбоку мелькнул указатель – Гринуэй. Чак плавно сбросил скорость: ему нарываться с полицией из-за скорости совсем ни к чему. С боков побежали аккуратные длинные со множеством дверей домики недорогих мотелей. По его деньгам, но не по расе. Опять же нарываться нельзя. А остановиться в Цветном... так за ночь машину раскурочат, по винтику разберут. Бредли тогда его точно шлёпнет. Самолично. Но ведь не с балды Бредли ему указал город и упомянул платную стоянку. Бредли ничего просто так не делает и не говорит. Так что... не будем нарушать и посмотрим, что получится.

Стоянка оказалась на указанном адресе, впустили его без разговоров и указали не самое плохое место. Чак уже приготовился устраиваться в машине на ночлег, но, когда важный

от сознания своей значимости сторож-беляк удалился в будку у ворот, из-за машин вынырнул парнишка-негр в замасленном комбинезоне.

– Хозяйскую гонишь?

– Ну? – выжидающе ответил Чак.

– Если ночевать негде, айда к нам, переспшишь до утра.

– Это куда?

– А в подвал.

В домике конторы-склада имелся подвал с отдельным входом, где, как быстро выяснил Чак, раньше держали рабов – уборщиков и подмастерьев, и где теперь они же – уже свободными – коротали ночные или пустые дежурства. Вместо нар теперь стояло у стены четыре топчана, от рабских колец в стене дырки, по ним судя, с десятков работяг тут сидело, с потолка свисала лампа с жестяным колпаком-абажуром, а под ней стол, табуретки, и у стены напротив двери стол-шкафчик с плиткой.

– Живёте здесь?

– Ночуем, когда приходится.

Чак понимающе кивнул.

– Клади три кредитки и дрыхни сколько влезет, – сказал позвавший его негр.

Здесь Чак разглядел, что тот только ростом мал и щуплый, а в кудрявых волосах седина, коричневое лицо в морщинах. В старое бы время считал бы уже дни до Пустыря, а то и Оврага. Ещё за две кредитки Чак договорился, что ему

утром сделают кофе залить в термос. Ужин получился по-человечески, за столом. Спать, правда, пришлось, не раздеваясь, ни одеял, ни, разумеется, простыней, на топчанах не было. Но разулся, лёг, курткой накрылся – уже легче.

Спал он чутким настороженным сном, но ночь прошла спокойно. Никто его не потревожил. А утром он доел сэндвич со свежим кофе, наполнил термос, разузнал о том, где ему лучше купить жратвы, расплатился за ночлег и кофе, а с беляком за стоянку и выехал за ворота.

И снова гудит под колёсами бетон, стремительно улетают назад растрёпанные голые деревья и крохотные городишки. Бредли сказал, что к ленчу он должен успеть. Приказом это не было, но стоит... стоит и шикануть точностью. Хотя если Бредли остался в Колумбии, точность оценить будет некому. Но... но он сам себя оценит.

Изредка сверяясь с картой, Чак выбирал самый оптимальный – на его взгляд – маршрут. А получалось так, как говорил Бредли.

До Краунвилля он позволил себя одну остановку. Съел купленный на выезде из Гринуэя сэндвич и запил его кофе из термоса. В хозяйской речи ленч – это обозначение времени, не более. Кормить его Бредли не обязан, в контракте не оговорено – усмехнулся Чак. А сам о себе не позаботишься, так ты и на хрен никому не нужен.

От Краунвилля он поехал медленнее: здесь начиналась путаница просёлочных нумерованных дорог и местных

ориентиров. Но объяснял Бредли, надо признать, очень толково.

И вот ворота. Смешно, конечно, ограды нет, а ворота есть. Два столба, на одном из них деревянный почтовый ящик и на верхней перекладине-доске вырезанные и покрашенные буквы. «Лесная Поляна». И второй строчкой: «Джонатан Бредли». И хотя размах ворот позволял впритирку, но разъехаться двум грузовикам, Чак въезжал осторожно, как в узкий тренировочный створ.

Обычная насыпная дорога, делали её недавно, похоже, прошлым летом, вряд ли она такая с рабских времён. Холмы, редкий просвечивающий лес, бурая от полёгшей травы земля... и ни следов пашни. Похоже... похоже, это имение у Бредли не для хозяйства, а так... такая же маскировка, как ковбойство у Трейси. Дорога позволяла поднять скорость до ста, но Чак ехал осторожно, на сорока, не больше. Будто... будто хотел оттянуть момент приезда. Но вот уже показались остатки Большого Дома. Точно – для отвода глаз имение... а основательно разорили в заваруху... плавный поворот в объезд полуразрушенного здания... а не в свой ли Овраг ты въезжаешь, парень? Стук движка, мычит корова, пробует голос петух... Так что, люди здесь есть? Может, при свидетелях и обойдётся?

Просторный обжитой двор, рабский барак, вполне жилой с виду, хлева, сарай, загоны... Чак остановился точно посередине, заглушил мотор и вышел из машины. В дверях бара-

ка толстая негритянка в фартуке, от скотной вперевалку из-за заметного живота идёт ещё одна, из конского загона вылезает через загородку молодой высокий мулат, трое негритят и вон ещё двое сбегаются из разных углов... Чак оглядывался, озирался, но так и не заметил, откуда появился Фредди. И увидел его, когда тот уже подходил к машине.

Фредди, как в Мышеловке, во всём ковбойском, на поясе кобура с кольцом, из-под шляпы холодно блестят светлые, как куски льда, глаза. Чак попробовал улыбнуться, но первые же слова Фредди так ошеломили его, что он уже молчал.

– Смотри-ка, успел.

Чак судорожно сглотнул вставший в горле ком и склонил голову в молчаливом полупоклоне. И не увидел ответного, чуть насмешливого кивка Фредди.

– Машину отгони в гараж, – начал распоряжаться Фредди. – Бери вещи и пошли.

– Да, сэр, – наконец выговорил Чак.

Гаражом назывался большой сарай. Снаружи-то сарай, а внутри... Чак особо не осматривался – Фредди явно не при-вык ждать, пока его распоряжения выполнят – но и беглого взгляда хватило, чтобы понять – это действительно гараж, даже ремонтная яма приготовлена. Он поставил «ферри» рядом с небольшим грузовиком, взял свою сумку и вернулся во двор.

– Пошли, – повторил Фредди, широко шагая через лужи к рабскому бараку.

«Что ж, – успел подумать Чак, – всё возвращается» Следовавших за ними мальчишек Чак не замечал. Как и всего окружающего.

– Мамми, – позвал Фредди, входя в кухню.

– Вот она я, масса Фредди.

– Это Чак, Мамми, будет работать в гараже. Покажи ему его выгородку и пусть устраивается.

– А как же, масса Фредди.

Чак незаметно перевёл дыхание.

– Что надо, всё ему дай, – и уже ему: – Сегодня так и быть, а завтра с утра и начнёшь.

– Да, сэр, – ответил Чак, по-прежнему не поднимая глаз.

Фредди еле заметно усмехнулся и вышел. И тут же загомонили завертелись вокруг мальчишки.

– Мам, а ленч когда?

– Дядь, а ты шофёр, да?

– Мамми...

– А вот я вас! – Мамми грозно взмахнула полотенцем. – А ну кыш отседова! Пошли, парень, покажу тебе выгородку.

Из кухни вышли в тёмный узкий коридор с дверями по обеим сторонам. Чак быстро настороженно озирался, но идти пришлось недолго. Третья дверь справа. Вместо замка просто загнутый гвоздь. Открывается наружу, почти перего-раживая коридор.

Выгородка оказалась небольшой комнатой с кроватью, маленьким столом и двумя табуретками. На стене напротив

кровати планка с гвоздями – вешалка. Небольшое окно над столом с узким подоконником и цветастой занавеской. И, к изумлению Чака, лампочка под потолком и выключатель у двери.

– Положь сумку и на ленч иди, – распорядилась Мамми. – А потом я тебе и всё остальное дам.

Чак покосился на неё, но, зная с детства, что с рабской кухаркой задирается только полный дурак, заставил себя улыбнуться.

– Спасибо, Мамми.

Но класть сумку на голые доски кровати медлил.

– Клади, не покрадут.

Чак нехотя положил сумку.

– А что? – осторожно спросил он. – У каждого своя выгородка?

– Ну, не вповалку же! – гордо ответила Мамми, выплывая в коридор.

Чак усмехнулся, поправил сумку, чтобы, тронув её, не смогли уложить по-прежнему, и вышел следом, прикрыл дверь, повернул гвоздь. Запор, конечно... хреновый ещё слишком вежливо сказано. Из кухни доносились голоса, смех и звучные распоряжения Мамми.

– А ну, живо давайте, простынет всё!

Чак невольно прибавил шагу, глотая слюну. Кто не успел, тот опоздал.

Шум, толкотня у рукомойника... Всё, как когда-то, но...

но и по-другому.

Толкотня не всерьёз, без злобы, и не тряпка, а полотенце...

– Сюда садись.

Чак, не споря, сел на указанное место, и перед ним шлёпнулась жестяная миска с кашей... ага, лепёшки все из общей стопки берут... кофе в кружках... а мелюзга не отдельно, а попеременно со взрослыми... С ума сойти: и масло, и мясо, и крупа не сорная! Тогда что, и кофе с сахаром? Ну, чудеса-а-а!

Чак ел и быстро оглядывал сидящих за столом. Едва не поперхнулся, увидев белого, но тут же сообразил, что тот, видно, расу потерял, вот и всё. Кряжистый мулат и длинный негр, оба налитые, с такими... да нет, ему сейчас ни с кем не справиться.

После первых ложек, когда самый злой голод утолили, Чака стали спрашивать. Кто, да откуда, давно ли на Бредли работает, подписал ли контракт? Чак отвечал осторожно, а они болтали свободно. И о себе, и о порядках здешних, а мелюзга – что уж совсем удивительно – в соседние миски под шумок не залезала.

Мамми собрала опустевшие, вытертые лепёшками до блеска миски. Остальные допивали кофе, вставая из-за стола.

– Молли, ты бидоны не ворочай, я подмогну...

– Ларри, ты?..

– Как всегда.

– Ну, ясно...

– А ну, живо выметайтесь, мне вон его ещё собирать.

Кухня опустела. А Мамми быстро, с привычной сноровкой вымыла и расставила на сушке посуду и окликнула упрямо торчащего у наружной двери мальчишку.

– Роб, а ну, проводи его к кладовкам.

– К вещевой, Мамми?

– Ну да. Ты, Чак, иди, я сейчас.

Мамми быстро вытерла стол и накрыла угол чистой салфеткой. Чак, застёгивая куртку, настороженно напрягся. И угадал: в кухню вошёл Фредди.

– Ага, спасибо, Мамми, иди, я сам управлюсь.

– А как хотите, масса Фредди, – с готовностью отозвалась

Мамми.

Но пока Фредди мыл и вытирал руки – тем же мылом и полотенцем, что и все! – Мамми накрыла на стол. То же, что всем, но только тарелка и кружка фарфоровые. Садясь за стол, Фредди скользнул по Чаку невидяще холодным взглядом, и тот понял, что лучше мгновенно исчезнуть.

– Пошли, парень.

Мамми, уже в накинутом на голову и плечи рабском платке, подтолкнула Чака в плечо.

Через двор прошли к кладовкам.

Мамми достала из-под фартука связку ключей и зазвенела замком.

– Сейчас постель возьмёшь, – объяснила она Чаку. – А там и одежду подберём. Сказано, чтоб всё, а это, значитца, полное обеспечение.

Порядок в кладовке был... настоящий. Мамми ловко и точно вынимала из аккуратных стопок нужное и бросала на руки Чаку, приговаривая:

– Одеяло, простыней... две... наволочки... две... Одну, что поглубе, набьёшь, а тонкую сверху... Тюфяк держи... Тоже набьёшь... у Рола в сенном... Он покажет, из какого брикета брать... Ну, стружек у Сэмми добавишь...

– Опилки ещё есть, – подал голос Роб, хвостом ходивший за Мамми вдоль стеллажей.

– Вот и покажешь, где взять... Так, полотенце держи, мыло... Здесь всё, пошли дальше.

– Мамми, а записать, – опять вмешался Роб.

– Сейчас и запишем, – засмеялась Мамми, раскрывая лежавшую на столике у окна толстую разграфлённую тетрадь. – Вот, парень, твой лист будет. Масса Фредди уже определил.

Чак подошёл поближе и чуть не присвистнул. В самом деле, наверху листа было написано коротко – Чак.

– Грамотный? – вдруг спросила Мамми.

От неожиданности Чак кивнул.

– Правильно открыла?

– Да, Мамми, – Чак в который раз заставил себя улыбнуться.

Мамми взяла прикреплённый к тетради длинным шнур-

ком карандаш и старательно проставила палочки напротив нарисованных столбиком слева картинок: простыня, полотенце, мыло, наволочка, тюфяк, одеяло.

– Вот так, парень. А когда рассчитаешься за них, я зачеркну, чтоб крест получился. Понял?

Чак кивнул и осторожно спросил:

– И что, так и останется у меня?

– А куда ж ещё? Вычесть вычтут, и будет как купленное. Раз крест стоит, значит, без возврата.

– Понятно, – хмыкнул Чак.

Они вышли из кладовки, Мамми заперла её и открыла соседнюю. Здесь была одежда. И тоже всё разложено – рубашки, штаны, кофты, юбки, куртки, сапоги, шапки, платки, а детское отдельно...

– Держи. Штаны, рубаху, куртку, сапоги, портянки... две пары... шапку ещё...

– И тоже, – Чак подбородком придерживал заметно выросшую стопку, – в вычет пойдёт?

– А как же! На халяву жить – последнее дело. Сапоги если малы, поменяю.

И здесь такая же тетрадь. Мамми записала на его странице выданную одежду, и они пошли к выходу.

– Мамми, – вдруг спросил Роб, – так чего, так и будет лишнее без дела лежать?

– Кто ж без массы Джонатана такое решит, – Мамми вытолкнула Роба из кладовки.

– А масса Фредди?

– Иди, я сказала, вот масса Джонатан приедет, ему и скажешь. Помоги лучше донести.

– Обойдусь, – отказался Чак.

Когда он вошёл в кухню, Фредди там не было. Уже легче. Чак отнёс все вещи в свою выгородку, свалил на кровать. Что ж, от чего бежал, к тому и вернулся. Он уже заметил, что все, даже беляк, в рабском. Одежда, правда, крепкая, целая, хотя... за год особо сносить и не успели. Сволочь, конечно, Бредли: за рабское шмотьё вычитает. Да ещё за жратву, за жильё... это ж сколько на руки останется? В прошлую пятницу хорошо заплатили, за три рабочих дня и за сверхурочную первого, тут ничего не скажешь, не обманули. А вот что теперь будет?

За этими мыслями он разобрал по табуреткам и гвоздям вещи, взял тюфячную и подушечную наволочки и пошёл искать набивку. Сена, конечно бы, лучше, на опилочном жёстко.

Роланд показал ему, откуда можно взять сена и сказал, чтоб брал, сколько надо. Хватило и на тюфяк, и на подушку. Роб настырно вертелся рядом и опять вылез с вопросом.

– Ну, а сена сколько ушло?

Если бы не страх перед параличом, Чак бы за это так врезал... а Рол только заржал и стал объяснять, что этот брикет масса Фредди не разрешил задавать ни коровам, ни лошадям, даже на подстилку, так что...

– А взвесить надо, – убеждённо сказал Роб. – Немеряное даром тратится.

Тут Рол совсем зашёлся, как от щекотки. Чак сцепил зубы и вместо уже готового сорваться ругательства ограничился кратким:

– Ишь... цепняк!

Рол сразу перестал смеяться.

– Роб, сходи-ка посмотри, что мамка делает, поможешь ей.

– Ага!

И, когда мальчишка выбежал, укоризненно сказал Чаку:

– Что ты... совсем уже?! При мальце и такое.

– А что? – Чак сдерживался из последних сил.

– Чего-чего... а ничего, а пацана не трожь, понял?

Рол сердито оглядел его, рывком переставил соседний брикет.

– Набрал себе? Ну и мотай отсюда!

Чак по д жал плечами, взял тюфяк и подушку и пошёл в барак.

В кухне гремела крышкой закипающая кастрюля и хныкал перебиравший на столе крупу мальчишка.

– Да-а, так Джерри ты не посадила, а меня-а...

– А Джерри крупу Бобби утащит, – в кухню вошёл Роб и сел рядом с Томом. – Ты смотри, вот эти два зерна хорошие, а сор из крупы надо курам отнести, так выгоднее.

– Это чем? – еле выговорила сквозь смех Мамми.

Ответа Роба Чак не услышал, пройдя в свою выгородку. Бросил тюфяк на кровать, огляделся. Нет, никто не заходил, оставленные им секретки не тронуты. Ну... ну, вляпался он... психушка какая-то, всё не как у людей. Он застелил кровать, повесил свою кожаную куртку на гвоздь рядом с рабской, сумку с вещами засунул под кровать. Прислушался. От кухни доносились детские голоса, но слова неразличимы. Что ж за порядки здесь такие?

– Эй, – сказали вдруг за дверью, – как тебя, Чак, ты где?

– Здесь, – откликнулся Чак, привычно сделав шаг в сторону, чтобы не оказаться под пулей, когда стреляют на голос.

Вошёл Сэмми.

– Ты того, ежели полка нужна или чего там, пошли, я-то шабашу уже.

Полка? Да, полка ему нужна.

– Пошли, – кивнул Чак.

В кухне ещё перебирали крупу, у домохозяйки Мамми умывала Джерри, от плиты тянуло умопомрачительными запахами.

А на дворе снова сыпал мелкий холодный дождь, и ветер опять рябил и морщил лужи. Высокий негр шёл от кладовок к бараку, а рядом с ним вприпрыжку бежал мальчишка.

– Эй, Ларри, пошабашил? – окликнул его Сэмми.

– А как же, – улыбнулся Ларри. – Обедать пора.

– Ну, и мы мигом.

В кладовке, заваленной всяким хламом, обломками и

остатками мебели, сравнительно быстро отыскалась даже не полка, а небольшая этажерка, которую вполне можно в дело пустить, если вон ту рейку вместо ножки приспособить.

– Сам справишься или сделать тебе?

Чак на мгновение, но уже привычно стиснул зубы, глотая просящееся на язык ругательство.

– Сам.

Сэмми не стал спорить. Чак взял ещё молоток, горсть маленьких мебельных гвоздей, и они пошли обратно в барак.

– Щас пообедаем, – гудел Сэмми, – а потом сделаешь. После обеда время уж наше.

Чак кивал, быстро прикидывая. С обеда, значит, личное время, ты ж смотри, как Бредли опасается, что здесь, в глуши, так законы блюдет. Это ж чем его русские прижали?

В бараке он занёс всё в свою выгородку, выслушал от Сэмми обещание подобрать крючок на дверь и пошёл на кухню. Как все, вымыл руки у ракушечника в углу и сел к столу. Мамми поставила перед ним миску с густым, чуть пожиже каши, супом, в котором плавал большой кусок мяса. Чак быстро определил, что всем мужчинам столько и такого же налили, и мяса одинаково положили. Ну, что ж, он сам выбирал, сам напросился. Ему теперь здесь жить, вряд ли бы его стали кормить, чтобы убить, раб должен отработать затраченные на него деньги. Он невольно повеселел и даже улыбнулся чей-то шутке.

В отличие от ленча, сейчас уже не спешили. Смеялись, что

Молли своё мясо Ролу подкладывает, а он, как она отвернётся, обратно. После супа ели творог, политый сметаной. От этого Чак совсем обалдел.

– Это ж сколько коров? – удивился он вслух.

– Десять, – ответили ему.

– И по стольку всем достаётся?

– А чего ж, – Мамми зорко оглядела стол. – Они у нас молочные. На хорошем корме, и уход правильный. И, – она усмехнулась, – не таскает никто.

Чак промолчал. Добавки никто не просил. Да и порции такие, что добавки не нужно.

И опять... чудеса! Вместо кофе тёмно-бурый отвар. Как в госпитале?!

– Эт-то что?! – поперхнулся Чак.

– Шиповник, – стали наперебой ему объяснять.

– Лечебное это.

– Чтоб болячки не цеплялись.

– Ты сахару себе положи.

– Что, впервой такое пьёшь?

– Нет, – нехотя буркнул Чак, – приходилось. И давно вы его пьёте?

– Да вот, как Ларри из госпиталя коробку привёз. А потом масса Джонатан ещё купили.

– Это я, когда в госпитале лежал, – улыбнулся Ларри, – привык. Да и полезный он очень. Мне целую коробку с собой дали. Вот и пьём теперь. А что, не нравится?

– Нет, ничего, – пожал плечами Чак. – А... а ты чего в госпитале лежал?

– С лёгкими непорядок был.

– Дыхалку ему в заваруху отбили, – Мамми улыбнулась. – А русские вишь как его наладили.

– Так ты в русском госпитале был? – не сдержал удивления Чак. – В Спрингфилде?

– А где бы ещё меня лечили? – засмеялся Ларри. – И так вылечили.

И все этому засмеялись как шутке. Чак промолчал было, но беяк – остальные называли его Стефом – влез.

– А что, тоже бывал?

– Приходилось, – сдержанно ответил Чак.

– Это когда? – удивился Ларри. – Я тебя там не видел.

– Я тебя тоже, – огрызнулся Чак, но остальные явно ждали, и пришлось отвечать. – Меня уже после Хэллоуина привезли.

– А, ну, ясно, – кивнул Ларри, а за ним и остальные. – Я-то уже на выписку шёл.

– Да-а, – загудел Сэмми, – у нас тут тихо было, а так-то слышали, что на Хэллоуин творилось.

– Ну, и нечего к ночи поминать! – Мамми решительно встала, собирая посуду.

Вставали и остальные, расходясь по своим выгородкам. Но, возясь у себя с этажеркой, а потом раскладывая на ней вещи, Чак слышал, что нет, не заперлись каждый у себя, хо-

дят, переговариваются, смеются, женщины на кухне тараторят, малышня гомонит... Чудная здесь жизнь, ну, у него выбора нет. Сам сюда въехал. И свернуть некуда, и заднего хода не дашь.

Джонатан приехал в Краунвилль днём. Ясные холодные дни снова сменились морозящим дождём, но его это не смущало. Он был настолько доволен поездкой, что всё ему казалось сейчас предвестием удачи и самой удачей. И он не отказал себе в удовольствии пройтись по Краунвиллю, нанеся несколько кратких дневных визитов. И, разумеется, не миновал небольшого и очень изобретательно – из большой развалины сделан маленький уют – отремонтированного дома.

– Ну, наконец-то, Джонатан, – встретила его хозяйка. – Я уже думала, что вы забыли меня.

– Вас?! – изумился Джонатан, усаживаясь к камину. – Миссис Кренкшоу, вы несправедливы ко мне.

– Ну-ну, Джонатан, справедливость вообще в нашей жизни слишком большая редкость. И у вас в оправдание одни слова и заверения, а у меня в доказательство, – она улыбнулась, – факты.

– И какие? – тоже с улыбкой спросил Джонатан.

– Сначала кофе. Надеюсь, вы не откажетесь?

– Вы, как всегда, правы, – кивнул Джонатан. – Не откажусь.

Миссис Кренкшоу дёрнула за шнурок, и на хрустальный

нежный звон сразу отозвался молодой весёлый голос.

– Иду-иду, мисси. Вот она, я.

Миссис Кренкшоу кивнула появившейся в гостиной молодой мулатке в белом фартуке поверх полотняного платья и белой, отороченной узким кружевом, наклке на чёрных кудрявых волосах.

– Подай сюда кофе, Энди.

– А мигом, мисси. Доброго вам здоровычка, масса, – она кокетливо присела перед Джонатаном и убежала.

И действительно тут же, будто всё у неё уже было готово и стояло за дверью, вкатила столик с кофейным сервизом. Мгновенно переставила к креслам столик, накрыла, убежала и тут же вернулась с подносом, на котором красовался серебряный кофейник и серебряная ажурная сухарница с сухим печеньем. Пока Энди накрывала, миссис Кренкшоу взглядом обратила внимание Джонатана на её руки. Правое запястье Энди украшал браслет-змейка. Энди заметила это и несколько смущённо улыбнулась.

– Это мне супругник мой, на Рождество подарил.

И, поймав еле заметное движение глаз хозяйки, тут же сняла браслет и протянула его Джонатану.

Разумеется, он с первого взгляда узнал работу Ларри. Но взял браслет и осмотрел как незнакомую вещь. Да, разумеется, это жесь, баночная жёлтая жесь, свёрнутая в трубку, с выгравированным узором змеиной кожи, глазками из зелёного бутылочного стекла и радостно-глуповатым и в то же

время наивно-хитрым выражением на морде змеи, разглядывающей крохотный цветочек из прозрачных осколков, зажатый кончиком хвоста.

– Отлично сделано, – искренне сказал Джонатан.

И Энди радостно просияла широкой улыбкой, бережно принимая и надевая свою самую большую драгоценность.

– Спасибо, Энди. Ступай.

– Ага, мисси.

Когда Энди убежала, миссис Кренкшоу сама налила Джонатану кофе.

– Так я не ошиблась, Джонатан?

– Вы во всём всегда правы, дорогая, – Джонатан с наслаждением отпил ароматного крепкого кофе.

Их с Фредди расчёт сработал. Работа Ларри замечена, и теперь пойдут заказы. Из материала заказчика и их собственного. И ручеёк плавающих камней и прочего повернёт к ним сам. Не они будут искать и просить, а к ним придут и предложат.

– В молодости Маркус Левине, тогда ещё младший Левине, – задумчиво сказала миссис Кренкшоу, – любил пошалить. Правда, он никогда не работал с... таким материалом. Но... но школа осталась. Не так ли?

– И опять вы правы.

– Разумеется, змея для меня несколько... экстравагантна. Но ведь этот мастер работает не по готовым образцам?

– Да, миссис Кренкшоу.

– У меня есть брошь и сломанные серьги, – тон миссис Кренкшоу стал деловым. – Работу я, разумеется, оплачу. У вас есть каталог работ этого мастера?.

– Сейчас нет, – спокойно ответил Джонатан. – Но я приглашаю вас к себе, в «Лесную Поляну». Там мы договоримся более конкретно, – и улыбнувшись: – Когда прислать за вами машину?

Миссис Кренкшоу задумалась.

– Дня через два. Около десяти, Джонатан. Вас устраивает?

– Разумеется, – улыбнулся Джонатан. – За мной ленч.

Миссис Кренкшоу кивнула и стала рассказывать Джонатану последние сплетни округа и даже графства. Он кивал, поддакивал, ужасался и восторгался, вылавливая нужные ему крупички. Миссис Кренкшоу – настоящий виртуоз в такой болтовне, и работать с ней – одно удовольствие.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

После Нового года Крис жил в каком-то тумане. Нет, он ходил, ел, разговаривал, работал, даже учился, но это всё оставалось как-то вне его, помимо него. А в действительности был он. И Люся. И их встречи в столовой, в коридоре, кивок, приветствие – большего они себе на людях не позволяли. Люся теперь не отводила глаз, не отворачивалась от него, Крис сам теперь старался следить за собой и не глазеть открыто, раз Люся просила, чтоб остальные не знали. Да ещё вечером, когда ночная смена заступила, а другие уже утомились и все по своим комнатам, они – каждый сам по се-

бе, порознь – уходили в парк и там, найдя укромное – на их взгляд – место, могли немного побыть вместе. Они ни разу заранее не договорились о месте встречи, и ни разу не разминулись. Пару раз они посидели в беседке, но потом их там чуть не застукал комендант, и пришлось чуть ли не ползком удирать.

Сегодня Крис привёл Люсю на их тренажёрную площадку, потому что если их даже из тюремного отсека и увидит, то это вряд ли, дрыхнут они все.

– Я завтра в ночную, – хмуро сказал Крис.

Люся только вздохнула в ответ. Они сидели на низкой скамейке в самом тёмном углу площадки. Скамейка была мокрой, от земли ощутимо тянуло холодной сыростью. Крис давно хотел предложить Люсе сесть к нему на колени, но не решился.

– А у меня ночная никогда не выпадает.

Сказав, Люся вздрогнула, и Крис не выдержал.

– Люся, тебе холодно, давай так... – он мягко потянул её к себе.

– Нет, Кира, не надо, мне и так хорошо, – она оттолкнула его руки и вскочила на ноги.

Крис сразу убрал руки и жалобно сказал:

– Но тебе же холодно, Люся.

Он смотрел на неё снизу вверх, запрокинув голову. Люся прерывисто вздохнула.

– Кира, ты... ты пойми... Я не хочу тебя обидеть... я... –

она запнулась и совсем тихо прошептала: – Я боюсь.

– Меня? – упавшим голосом спросил Крис.

– Нет, не тебя, что ты. Я... я этого боюсь.

Крис понял и встал.

– Люся, я... я не знаю, как сказать, но будет так, как ты хочешь.

Люся осторожно коснулась его плеча.

– Кира, ты, ты не обижайся на меня. Но... я не могу ничего сказать, но...

– Не надо, Люся, – перебил её Крис, запнулся и всё-таки спросил: – А обнять тебя можно?

Люся храбро кивнула.

– Да.

Он обнял её за плечи, мягко прижал к себе. Люсина голова, как всегда замотанная платком, лежала теперь на его груди. Она не отстранялась, даже сама обняла его. Крис наклонился и зашептал ей в ухо.

– Люся... Люся... этого... этого не будет. Я... я перегорел, Люся, я не могу теперь... этого...

Сказал и замер, обречённо ожидая её слов. Что бы там ни говорили, но нужно-то от него только это, даже Люсе. Больше ничего женщине от мужчины не нужно, а уж от спальника...

– Бедный мой, – всхлипнула Люся, крепче обнимая его.

– Ты, – Крис даже задохнулся, как под слишком горячим душем, – ты не сердись, не гонишь меня?

– Нет, нет, что ты, Кирочка.

Порыв ветра обдал их мелкой водяной пылью. Крис крепче обнял Люсю, повернулся спиной к ветру, загоразживая её собой.

– Тебе не холодно?

– Нет, что ты.

Они шептались, сблизив головы так, что губы Криса касались виска Люси.

– Люся, а тебе хочется... этого?

– Нет, нет, – замотала она головой.

Крис облегчённо перевёл дыхание и уже веселее и увереннее сказал:

– В пятницу кино будет, ты пойдёшь?

– Пойду, конечно, – тихо засмеялась Люся. – Я кино люблю.

– Я тоже, – обрадовался Крис. – Люся, а... а если рядом сядем? Ну, будто случайно.

– Давай, – согласилась Люся. – Только...

– Я постараюсь, – сразу понял её Крис. – Да и такая толкотня всегда, никто не смотрит, кто с кем сел.

Люся вздохнула.

– Попробуем.

Их снова обдало водяной пылью, и Крис не выдержал:

– Пойдём, а то холодно здесь.

– И поздно уже, – кивнула Люся.

Крис молча опустил голову. Люсе скучно с ним, а он... что

он может сделать? Он как-то попросил Люсю рассказать о России, а вышло только хуже: Люся заплакала и сказала, что она почти ничего не помнит. А ему и рассказывать нечего. Не говорить же то, чему его ещё в питомнике выучили, все те слова и стишки, от которых любая беляшка млела, а то и дёргаться начинала. Но Люся же не беляшка! Крис вздохнул.

– Тебе скучно со мной?

– Нет, – как-то удивлённо ответила Люся.

Они шли рядом, держась за руки. И от этих тонких доверчивых пальцев в его руке Криса снова и снова обдавало горячей волной. Он даже тихо засмеялся и тут же объяснил:

– Я бы так шёл и шёл.

– И я, – согласилась Люся.

Дальняя аллея, конечно, длинная, но не бесконечная, и вон уже хоздвор виден. Пришлось повернуть обратно. Шли молча, боясь неосторожным словом всё разрушить.

Джо и Джим сегодня в ночной смене, и Андрей допоздна засиделся за книгой. Тогда сгоряча он нахвастал, что читает Рейтера, так что теперь приходилось отдуваться. Правда, было интересно. Но и трудно. Много незнакомых слов. И словарь не помогает. Ни английский, ни русский, ни двойной. Но как это получается, что он читает, пишет, что-то изображает и тут же думает совсем о другом, и даже не думает, а словно спит и видит сон наяву, но это не сон...

...Он вытирает руки, вызывает, поглядев на список назна-

чений, следующего. И к нему в кабину, стуча костылями, входит его хозяин.

– Вот и отлично! Куда теперь?

– Сюда, сэр.

Он механически, ничего не сознавая и не чувствуя, указывает, куда положить одежду, как лечь. Ещё раз смотрит назначение, достаёт нужную растирку. И привычные механические движения успокаивают. Это только больной, не больше и не меньше, как десятки других.

– Вы готовы, сэр? – спрашивает он, подходя к столу.

Он уже совсем успокоился и берётся за работу как обычно. И вдруг... вдруг неясный приглушенный стон.

– Больно, сэр? – не скрывает он удивления. Ведь нечему там болеть, он уверен.

– Нет.

Голос лежащего на массажном столе человека сдавлен, но не от боли, а от произнесённых слов.

– Какие у тебя руки... – хрипит лежащий. – Ты... ты не знаешь, какой ты...

Он заставляет себя не слышать, не узнавать этот голос, не понимать слов, не понимать смысла этих стонущих всхлипов.

– Вот и всё. Отдохните пять минут, – говорит он равнодушно вежливым тоном и выпрямляется, вытирая руки, стирая с них едкую прогревающую растирку.

Кто там следующий? Контрактура... стягивающие рубцы,

значит, раненый, уже хорошо, не эта белая сволочь.

– Можете одеваться, сэр, – говорит он, не оборачиваясь.

За спиной кряхтят. Не всерьёз, а пытаюсь привлечь его внимание. Он стоит неподвижно и слышит:

– Помоги.

В этом отказать нельзя, он не имеет права на отказ, он сам так решил, принёс клятву, не раба, Гиппократа, клятву медика. И он поворачивается, подходит, помогает одеться. И чужие жадные пальцы как когда-то вцепляются в его плечи. Он мягко выворачивается.

– Почему? Послушай... постой...

– Вы можете идти, сэр.

– Нет, послушай, давай поговорим...

Он откидывает занавеску входа и зовёт следующего. Молодого парня с рукой на перевязи. И вежливо сторонится, давая двум больным разминуться в узком для хромого и однорукого проходе...

...Сосредоточенно хмуря брови, Андрей выписал в тетрадь ещё одно новое слово. Резистентность... потом надо будет спросить у Ивана Дормидонтовича, этого он совсем не понял. Так, в общем, догадывается, но догадка – не знание. А те... мысли идут своим чередом...

...Он был доволен собой, доволен, что сумел удержаться, остаться не равнодушным, а спокойным. Он – медик, а это – больной, вот и всё. Но беляк ничего не понял. Он просто по-рабочему вежлив, а беляк вообразил себе. Сегодня он да-

же открытым текстом сказал, неужели до того опять не дошло?.....

...Пустынный в это время коридор. Подстерегал, что ли?

– Нам надо поговорить.

– Нам не о чём говорить, сэр.

– Нет, подожди. Пойми, я не хочу тебе зла. Тебе будет лучше со мной. Меня скоро выпишут, и мы уедем. Деньги у меня есть.

Искательный просящий взгляд, просящий голос.

– Нет, – мотает он головой.

– Но почему? Ты... тебе так нравится твоя работа здесь? Массажистом? Ну, так пожалуйста, ты будешь работать, я не против, это же только массаж, у тебя будут свои деньги, тоже согласен. Ты слышишь? Я согласен на всё, на все твои условия. Слышишь? Ну?

– Нет, – повторяет он и выталкивает: – Я не хочу, нет.

– Постой, как же так?

И он повторяет уже легко.

– Я не хочу...

... Андрей дочитал главу, вложил закладку-зажим и закрыл книгу. Ну вот, и это он сделал. Завтра он спросит самые непонятные слова у Ивана Дормидонтовича и, когда всё выяснит, перечитает главу. А сейчас пора спать, поздно уже.

Он встал и потянулся, сцепив пальцы на затылке. Да, пора. Что мог, он сделал. Но если беляк не отстанет, придёт-

ся опять идти к Ивану Дормидонтовичу и просить, чтобы уже тот сам объяснил бяляку. Хотя... нет, не стоит. Есть ещё один вариант, самый простой. Согласиться, прийти к тому в палату на ночь. И всё сделать самому. Во сне смерть лёгкая.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

С шестого января должны были начаться крещенские морозы. Эркин слышал о них ещё в лагере и, уже зная, что такое настоящая зима, ждал их со страхом: рассказы об отмороженных носах и ушах были уж очень впечатляющими. Но морозы запаздывали, а шестого у Жени были именины. Сам бы он, конечно, не сообразил, да Баба Фима остановила его у магазина Мани и Ньюры. Как раз пятого.

– Ну как, – с ходу ошеломила она его, – к завтрашнему-то готов?

– А что завтра? – спросил он.

– У Жени твоей праздник, – и, видя его изумление, одновременно и рассмеялась, и укоризненно покачала головой. –

День Ангела у неё.

Баба Фима неторопливо, со вкусом объяснила ему, что это такое – День Ангела и какие подарки в этот день положено дарить. Выслушав и поблагодарив, Эркин спросил, когда День Ангела у Алисы.

– Нет такого имени в святцах, – вздохнула Баба Фима. И тут же предложила: – А вы её окрестите. Александрой, скажем. Будет крестильное имя, и ангел свой у неё будет. И самому бы тоже хорошо.

Эркин задумчиво кивнул, ещё раз поблагодарил и, не заходя домой, побежал в город за подарком.

Подарок – большая чашка с надписью: «В День Ангела», наполненная шоколадными конфетами и перевязанная атласной ленточкой с пышным бантом – Жене понравился. Утром в кухне – Эркин ночью, когда Женя заснула, потихоньку встал и водрузил свой подарок в центре стола – Женя даже не сразу спросонья поняла, что это такое, а поняв... так взвизгнула, что на кухню примчалась, путаясь в ночной рубашке Алиса. А обычно Женя её с трудом будила после ухода Эркина. К идее крещения Алисы Женя отнеслась гораздо прохладнее, а о своём Эркин и говорить не стал. Уж он-то точно обойдётся. И получилось очень хорошо: весь город праздновал Крещение – тоже праздник, как ему объяснили, но меньше Рождества – а они именины Жени, и к тому же день выходной. Словом, всё было очень удачно. А в воскресенье он с утра пошёл к Кольке. Тот, как и договаривались,

купил два воза не пиленной берёзы, и её теперь надо было распились, поколоть и сложить в поленницу.

Утром после завтрака Эркин несколько виновато посмотрел на Женю.

– Женя, я к Кольке пойду, надо с дровами помочь.

– Ну, конечно, иди, – согласилась Женя и тут же потребовала: – Только оденься прилично.

Эркин исподлобья посмотрел на неё, вздохнул и сказал:

– Я куртку с собой возьму и там переоденусь.

– Правильно, – одобрила Женя.

Другого выхода у неё не было. Она уже знала, что Эркин упрям, к полушубку своему относится очень бережно, и если она настоит на своём, он пойдёт в полушубке, но работать тогда станет в одной рубашке и неизбежно простудится...

Маленький двор Колькиного дома стал ещё меньше от загромождивших его брёвен. Еле-еле козлы поместились. Получалось, что два воза больше грузовика? Или грузовик маленький, или тогда Женю нагрели... Да, чёрт с ним, всё в прошлом уже.

Эркин повесил в сенях полушубок, надел свою рабскую куртку. Топор он тоже принёс свой, вернее, Андреев, хоть Колька и сказал, что топоры есть.

День стоял ясный, белая плёнка, все эти дни затягивавшая небо, поредела, солнце уже заметно просвечивало, но и холод столь же заметно не отпускал. И хотя они работали без остановок, но скинуть куртку Эркину и в голову не прихо-

дило. Визжала, вгрызаясь в мёрзлое дерево пила, ухали топоры. Покатался было у них под ногами Колобок, но Эсфирь загнала его в дом: холодно.

– Это что, и есть крещенские? – спросил Эркин.

– Начинаются, – кивнул Колька. – Небо, видишь, яснее, к ночи завернёт.

Работать в паре с Колькой оказалось легко. Как когда-то с Андреем. И от этого тяжелее. Незаметно для себя Эркин хмурился, то и дело досадливо встряхивая головой, будто отгонял, отбрасывал что-то.

– Ты чего? – негромко спросил Колька и, когда Эркин вскинул на него глаза, пояснил: – Смурной какой-то.

И Эркин не смог ни смолчать, ни отругнуться.

– Брата вспомнил. Так же... на пару работали.

– Ты... ты того, выплесни, чтоб на душе не кипело, – тихо и очень серьёзно сказал Колька.

Эркин судорожно сглотнул.

– Мы вот так, вдвоём на подёнке мужской крутились. Я что, только таскать, да ещё вон дрова знал, ну, пилить, колоть, а Андрей... Он мастер был. Всё умел. Ну... ну, ты ж его ящик видел...

Эркин говорил негромко, сбиваясь, повторяя одно и то же, как сам с собой, путал русские и английские слова. Колька слушал молча, не перебивая и ни о чём не спрашивая. А Эркин рассказывал. Каким Андрей был. И вот это неизбежное «был», как ножом полосовало.

– Мы на лето пастухами нанялись. Бычков пасти, ну, и на перегон. Я-то скотником был, до Свободы, знал это, а Андрей... в первый раз на коня в имении сел. За неделю выучился в седле держаться... Если б не он... Это он меня надушил в Россию ехать, мне самому и в голову бы не пришло. И как документы выправить, тоже он придумал, и на разведку ездил... а в Хэллоуин тогда, если бы не он, свора бы Алису убила, мне-то уж было совсем не пройти, он пошёл, понимаешь, на смерть пошёл. Алису спас, а сам... а себя не пожалел... Ладно. Давай это переколем.

Эркин работал топором Андрея. Не потому, что у Кольки хуже наточен, а... а берёшься за топориче, что Андрей под свою руку подгонял, будто с ним поздоровался.

Покололи, сложили, снова за пилу взялись. Зашёл Колькин сосед – вроде Эркин на «стенке» эту встрёпанную с проседью бороду видел – посмотрел на них, покряхтел и встал к ним. Двое пилят, один колет. Из-под ушанки ползут по лбу и шее струйки пота, ощутимо щиплет губы и щёки мороз, рукавиц не снимешь – хорошо, что сообразил вместе с курткой захватить и рукавицы, тоже ещё те, из Джексонавилла.

– Обедать... – вышла на крыльцо Эсфирь.

Эркин только головой мотнул, а Колька ответил:

– Мама Фира, до темноты управиться надо.

Сосед помог им немного и ушёл: прибежала за ним его маленькая, совсем круглая из-за выпирающего живота жена – и они опять вдвоём. Эркин уже втянулся и работал со своей

обычной исступлённостью. Главное – не останавливаться. И Колька подчинился ему, заданному им ритму.

Ярко-красное солнце скатывалось за крыши, когда ни взвалили на козлы последнее бревно.

– Ну, поехали!

– Поехали, – кивнул Эркин.

Запил, ещё... и ещё... и ещё... упал на утопанный снег чурбак. И ещё один. И последний, третий, остался лежать на козлах. Три чурбака расколоть – это минутное дело. Когда рука набита. Поленья в поленицу, на полдвора она теперь. Сверху толь, жерди. Щепки на растопку, опилки смести в кучу к сараю, тоже накрыть, весной их под торф на грядки или пережечь на золу, золу тоже собираем. Хочешь урожай иметь, так и попашешь, и покорячишься. Козлы в сарай, пила с топорами в сени. Никак, всё? Всё!

Эркин выпрямился, вытер рукавом куртки мокрый лоб, сбив ушанку на затылок, и улыбнулся. Своей «настоящей» улыбкой. Колька радостно заржал в ответ.

– Смотри-ка, свалили!

– Вы есть идёте? – опять вышла на крыльцо Эсфирь.

– А как же!

– Идём, – улыбнулся и Эркин.

К изумлению Эркина, оказалось, что у него даже портянки намокли от пота. Эсфирь заставила его разуться и дала полотенце.

– Оботритесь. Пол у нас чистый, а пока есть будете, они и

высохнут. И вот ещё, спину вытрите, чтобы не прохватило.

Но снимать рубашку Эркин постеснялся. И так ничего не будет, тепло же в доме. Он подошёл к печке и прижал к ней ноющие ладони, а потом прижался всем телом.

– Это ты так сохнешь? – удивился Колька. – А то давай, у меня тельняшка чистая есть.

– А сам-то?

– Нормалёк. Дают, не отказывайся.

Сопротивляться Эркин не смог: устал всё-таки. В Колькиной выгородке снял обе рубашки: ковбойку и нижнюю, обтёрся холщовым полотенцем и натянул затрещавшую на его плечах тельняшку.

– Во! – одобрил Колька, тоже сменивший тельняшку. – Теперь дело! А рубашки давай сюда, повешу на печке. И лопать айда, – и улыбнулся. – А ты злой в работе. Куприяныча загнал, меня чуть не ухандоухал.

Эркин улыбнулся.

– Мы с братом тогда сколько... грузовиков пять, наверное, за день делали, – и честно добавил: – Но день был длиннее.

Ели опять на кухне. Эсфирь не села с ними, а только подавала на стол и смотрела, как они едят. Нарезанную кусками и перемешанную с луком селёдку, густой от картошки и капусты жирный суп, кашу с варёным мясом. К селёдке она налила им по маленькому стаканчику – Эркин уже знал, что их называют стопками – водки, а после каши поставила перед ними миски с ещё тёплым киселём и кувшин с молоком.

– Вот, молоком забелите.

Они, занятые едой, молча кивнули. Явился в кухню малыш и полез на колени к Кольке.

– И тебе киселя, – засмеялся Колька. – А? Хочешь киселя?

– Ага, – согласился малыш.

– А берёзовой каши?

– Нее, – убеждённо протянул мальчишка и облизал подставленную ему Колькой ложку.

Так Колька и ел кисель: ложку в рот, ложку – Колобку.

– Ну, дров теперь до весны должно хватить, – Колька скормил Колобку последнюю ложку и спустил его на пол. – Вольно, юнга, свободен.

– Дрова хорошие, – кивнул Эркин.

Они поговорили немного о дровах, погоде и хозяйстве, и Эркин решительно встал.

– Спасибо большое, я пойду.

– Посидели бы ещё, – предложила Эсфирь, беря на руки Колобка, тарачившего на Эркина глаза, круглые и тёмные как перезревшие вишни.

– Спасибо, – повторил Эркин, – но дома дела.

В Колькиной выгородке он переоделся – рубашки и портянки действительно высохли – и попрощался. Провожая его, Колька вышел на крыльцо.

– Смотри, как вызвездило.

– К холодам?

– Ну да. Крещенским самое время. Ладно, – Колька пере-

дёрнул плечами, – бывай. И спасибо тебе.

– На здоровье, – улыбнулся Эркин. – Бывай...

...Скрипел под бурками снег, щипало губы и щёки, рукам даже в варежках холодно. Эркин ту же скрутил куртку, зажал её под мышкой, приладил под другую топор, засунул руки в карманы и пошёл быстрее. Да, здорово холодно, но это всё равно лучше алабамской слякоти и промозглой сырости.

Прохожих на улицах, считай, что нет. Все попрятались от холода по домам. А ещё не слишком поздно: вон сколько окон светится. Но ни голосов, ни даже обычного лая из-за заборов, только его шаги. Эркин шагал широко, уверенно. Когда сыт и одежда хорошая, никакой холод не страшен. И он идёт домой, к семье, его ждут. Он никогда не думал, что это такое: дом, семья. Это было слишком недоступно, невероятно. И это чувство, что он не один... Эх, если б ещё Андрей был.

Холод пробирал всё ошутимее, и Эркин встревожился: как бы Жене не оказалось холодно завтра идти на работу. Что она может под пальто поддеть? А здорово как щиплет, хорошо, что он уши у шапки опустил, подсмотрел, как другие делают. И здоровская вещь – ушанка. В самом деле, удобно. И тепло. Ну, вот и «Корабль» окнами светит. Он уже почти дома. Мягко чмокает войлочной прокладкой подъездная дверь, впуская в жилое тепло. Лестница, ещё одна дверь... и детский гомон, смех, визг... и с ходу, с разбега ему в колени врезается Алиса.

– Э-эри-ик!

Вдвоём они подошли к своей двери, и Алиса, обогнав Эркина, подпрыгнула, ловко шлёпнув ладошкой по звонку. А потом ещё и постучала.

Женя, в фартуке поверх халатика, открыла им дверь.

– Ну, вот и хорошо, – встретила она Эркина. – Давай, раздевайся, и сразу в ванну, да?

Эркин поцеловал её в щёку.

– Засну я сейчас в ванне. Я в душ, хорошо?

– Ну конечно, Эркин. Алиса, пойдёшь ещё в коридор? Нет? Тогда раздевайся.

И под этот домашний весело-хлопотливый шум Эркин разделся, отнёс в кладовку и положил на место куртку, спрятал в ящик топор. Надо будет потом подточить его, подправить, Андрей никогда не доводил инструмент до поломки. Потом пошёл в ванную, разделся, запихнув бельё и рубашку в ящик для грязного, и, немного потянувшись, ну, совсем чуть-чуть, только чтобы суставы не задубели, шагнул через низкий бортик под душ, тщательно задёрнув за собой занавески. Тугая горячая струя ударила по плечам и спине.

Он мылся долго, смывая пот и усталость. А выйдя из душа, растёрся полотенцем и опять тянулся.

Когда он наконец вышел из ванной, Женя встретила его ласковой необидной насмешкой.

– Вынырнул?

– Ага, – радостно согласился Эркин, садясь к столу.

И стол у них новый. Сразу после праздников у Филиппыча получили заказ. Заодно ещё кой-какую мелочь подкупили, и опять Терентий им всё и привёз. Теперь на кухне и стол, и стулья – красивые, резные. А старый стол, как и хотели, переставили в комнату Алисы, и теперь на нём все её куклы живут.

Женя с гордой заботливостью поправила льняную с вышивкой скатерть, что им на новоселье подарили, расставила чашки.

– Чай? – обрадовался Эркин.

– А с чем чай? – спросила Алиса, залезая на свой стул.

– Тебе с кашей, – рассмеялась Женя.

Алиса надула губы, но не всерьёз, а так, для общего смеха.

После ужина читали. Сначала Алиса новые страницы из азбуки, потом Эркин рассказ про гриб из конца азбуки. А потом Женя – сказку. Сказка была не то, чтобы страшная, но Алиса – на всякий случай – перебралась со своего стула на колени Эркина. Сказка оказалась длинной, и дочитать её решили завтра.

– А теперь спать.

– Ага-а, – согласилась Алиса, но с места не сдвинулась, а попросила: – Эрик, отнеси меня.

– Это что ещё за фокусы? – рассердилась Женя. – Ты уже большая!

– Да?! А на гулять маленькая?! – немедленно возмутилась Алиса.

Но её бунт Женя тут же подавила одной фразой, на которую Алиса возразить было нечего.

– Алиса! Не притворяйся глупенькой.

Алиса вздохнула и слезла с колен Эркина.

– Только ты приди меня поцеловать на ночь.

– А как же, – с этим Женя не стала спорить. – Обязательно придёт.

– И ты?

– И я, конечно.

Алиса, удовлетворившись этим обещанием, вышла из кухни. Эркин, улыбаясь, смотрел на Женю, поставившую подогреться чайник, на развешанные у плиты на крючках прихватки-рукавички, блестящие ложки и ножи, целый набор на нарядной планке... как же всё-таки хорошо!

Вытирая на ходу руки, Женя вышла из кухни посмотреть, как управилась со своими делами Алиса. Эркин ещё с минуту посидел и встал.

Время он, как всегда, угадал точно. Алиса уже лежала в постели, и Женя как раз целовала её в щёчку со словами:

– Спи, маленькая, спи, мой зайчик.

– Э-эрик, – радостно, но уже сонно сказала Алиса. – А теперь ты.

Эркин, как и Женя, выполнил вечерний ритуал, и Алиса спокойно заснула: всё в порядке, всё, как и должно быть.

Женя ещё раз оглядела стол с игрушками и выключила свет. И, хотя заснувшую Алису разбудить очень трудно, вер-

нее, невозможно, вышли они из её комнаты на цыпочках.

На кухне уже кипел чайник, и они сели за вторую, «разговорную» чашку.

– Кухню мы сделали, – Женя подвинула к Эркину сахарницу.

Он кивнул, соглашаясь, но тут же спросил:

– А самовар?

– С самоваром давай подождём, – предложила Женя. – Знаешь, обычный, на лучине и шишках в доме неудобен, а электрических я не видела.

– Ладно, – не стал спорить, как всегда, Эркин. – Чего теперь тебе купим?

– Мне тоже подождём, – засмеялась Женя. – А тебе...

– А мне ничего не надо, – быстро перебил её Эркин и, не давая опомниться, перевёл разговор: – А день рождения у тебя когда?

– Тринадцатого марта, – понимающе улыбнулась Женя. – А у Алисы третьего февраля. Ты об этом хотел спросить, да?

– Да. Праздник будем делать?

– Алисе? Обязательно. Позовём её друзей, накроем стол.

– Где, в большой комнате?

– Нет, – сразу решила Женя. – В её. Пусть учится принимать гостей.

Эркин с энтузиазмом кивал, очень довольный тем, что Женя явно отвлеклась от идеи чего-то ему купить. Как и

раньше, он не хотел выделяться и, убедившись за праздники, что одет не хуже и не лучше остальных, не собирался что-либо менять в своём гардеробе. В самом деле: рабочее есть, праздничное есть, для улицы всё есть. Чего ещё надо? Чтоб как в Джексонвилле начались шуточки и подначки, где это Меченый такую деньгу зашибает, что франтом ходит? Но столь же уверенно зная, что Жене этого не объяснить, просто постарался увести разговор.

Обсудив день рождения Алисы, решили, что пора спать. Эркину завтра в первую, Жене тоже с утра. Так что расслаживаться незачем.

И, когда они уже лежали в постели и Женя, как всегда теперь, положила руку ему на грудь, Эркин тихо засмеялся.

– Ты чего? – спросила Женя.

– Я только сейчас понял, какой я дурак, – смеялся Эркин. – Я тогда, ну, в Джексонвилле, думал, что ничего лучше и быть не может. А теперь...

– А теперь будет ещё лучше, – Женя плотнее обняла его, положив голову ему на плечо.

– Женя, – Эркин повернулся к ней, мягко привлёк к себе. – Лучше не бывает.

– Вот увидишь, – Женя поцеловала его в угол рта и повторила: – Вот увидишь.

– Ага, – выдохнул согласием Эркин.

Женя рядом, у них есть жильё, работа, денег хватает, нет, всё хорошо. Хочешь большего – потеряешь и то, что имеешь.

Нет, он доволен тем, что есть. Будет ли лучше – ещё неизвестно, а сейчас... сейчас хорошо.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Они встретились в коридоре заводоуправления.

– Игорь Александрович? – весело удивился Золотарёв. – Вот не ожидал! Рад вас видеть.

– Я тоже, – ответно улыбнулся Бурлаков.

– Какими судьбами?

– У меня тот же вопрос, Николай Алексеевич. Или это тайна?

– Они кое-что для нас делают, – улыбнулся Золотарёв. – Но я спросил первым.

– Здесь уже работают репатрианты, надо уточнить перспективы.

– Сколько ещё примут?

– Да, – кивнул Бурлаков. – И завод, и город. И ещё есть дела. Но тоже по линии Комитета.

За разговором они дошли до лестничной площадки.

– Ну, мне в профсоюз.

– Желаю удачи, – улыбнулся Золотарёв. – А я пройдуся.

Они дружески улыбнулись друг другу и разошлись.

Бурлаков был очень доволен таким оборотом. В профсоюзе он собирался среди прочего выяснить то, из-за чего ехал в Загорье с замиранием сердца. Ему надо подготовиться к беседе с Морозом. По комитетской картотеке он здесь, в Загорье, на этом заводе. Единственный человек, который может ответить на его вопрос. Если захочет. И, разумеется, майор Золотарёв – не помощник, а помеха в таком разговоре.

Золотарёв любил, приезжая куда-либо и неважно зачем, обойти, облазить все уголки и закоулки – мало ли когда и для чего эти знания понадобятся – и, разумеется, если эта любознательность не мешала основному делу. Сегодня не мешала. И Золотарёв отправился в путешествие по заводу, благо, его удостоверение с успехом заменяло любой пропуск с допуском, запуском и выпуском.

Сегодня с утра шли контейнеры. Но Эркин уже чувствовал себя гораздо увереннее и даже пытался читать надписи. Одну он уже издали узнавал: «Не кантовать», – что означало аккуратное обращение. А вчера он попытался прочитать у двери в столовую список со смешным названием: «Меню» – надо будет у Жени выяснить, что это такое – но читает он медленно, а торчать перед этим листком всем на потеху

неохота. И сегодня по дороге на работу рискнул купить газету. Сунул пятак в окно киоска, взял протянутый ему сложенный вчетверо лист, сложил его ещё раз в дину и сунул за борт полушубка. Как все вокруг. Ну, не совсем все, а большинство. Ряха, правда, уже поцеплялся к нему.

– А вождь-то, гля, мужики, с газеткой! Эй, вождь, на обёртку купил?

Эркин упрямо отмолчался на все его подначки. Будет он ещё с Ряхой связываться! Шакал, здесь говорят: алкаш, пропился, значит, до последнего, себя уже потерял. Ну его...

– Эй, Мороз, айда лопать.

– Иду, – Эркин улыбнулся Кольке. – Геныч, с нами?

И всё как всегда, обычный рабочий день. Работа привычна и потому легка, в раздевалке и столовой знакомые лица, понятные разговоры. Он как все, на равных.

– А смотри, как завернуло круто...

– На то и Крещение...

– Картошки прикупить...

– А ни хрена! Она, понимаешь, получку, считай, всю выгребает, да ещё... пусть сама крутится, толстозадая...

– Так уж и всю?

– Выгребешь у него, как же! Зубами держит.

– Заначку не трожь, святое дело!

– Погреб на лоджии? Охренел?!

– Да деревенщина он...

– Погреб хочешь, так дом надо было брать.

- А сам, коли умный, чего не взял?
- Взять бы взял, да кто ж даст?
- Дом обиходить надо. С одними дровами...
- Да уж, – смеётся Колька, – попахали мы вчера.
- На себя когда... – хмыкает Антип.
- А не скажи. Иному и на себя лень.

И все гогочут, глядя на Ряху. Эркин смеётся со всеми. Ряха быстро затравленно озирается, отыскивая, на кого бы ему перекинуть общее веселье.

В профкоме Мороза знали.

- Знаю обоих, – сразу сказала Бурлакову Селезнёва. – Он – грузчик, на первом рабочем, у Медведева в бригаде. А она – у Лыткарина, машинистка. Вступили в профсоюз оба. Кто тебе нужен? Он, наверное?

Бурлаков кивнул, но уточнил:

- А почему ты думаешь, что он?
- Так индеец же, – засмеялась Селезнёва. – На весь завод один.

– А те трое?

– Это из летнего потока которые? Уволились. Не потянули они каждый день от звонка до звонка, – Селезнёва невольно вздохнула. – И в бригаде конфликты. До драк доходило. Пить начали. А Мороз... даже не похож на индейца. Пашет, говорят, как заведённый. Но у Медведева в бригаде всегда порядок был.

Они сидели вдвоём. Бурлаков специально выбрал для разговора время обеденных перерывов, когда профсоюзники расходились для агитации, бесед, решения всевозможных вопросов и проблем. И потому, поздоровавшись со всеми и официально представившись, начал беседу вежливо отстранённым «вы» и несколько казёнными фразами, а оставшись наедине, немедленно сменил тон.

– Парень он, говорят, неплохой, молчун, ну, это как все индейцы. Ну, что ещё? – Селезнёва говорила медленно, подбирая слова, что совсем на неё не походило. – Не пьёт, даже на святках его пьяным никто не видел. Ну...

– Ася, – Бурлаков назвал её старым, ещё конспиративным именем, – Что с тобой?

– Ох, Крот, если б ты знал только, – Селезнёва вздохнула. – Как этот парень на сердце ложится. Он к нам заявление подавать зашёл, так как солнце в окошко ударило. А уж улыбнётся когда... так душу ему отдашь, – она улыбнулась Бурлакову. – Ты уж не обижайся, Кротик, всем ты хорош, а... а вот он, тёмный ведь, неграмотный, не знает ничего, не понимает, а нахмурится – и кругом темно, улыбнётся... если б ты только видел, какая у него улыбка.

– Да ты влюбилась никак, – попытался пошутить Бурлаков.

Но у Селезнёвой брызнули слёзы. Бурлаков растерялся.

– Ася... Асенька...

Закрыв лицо ладонями, она замотала головой.

– Сейчас... сейчас... я ничего... сейчас...

И наконец уронила руки на стол, выпрямилась, глядя на Бурлакова влажно блестящими глазами.

– Ты уж не сердись на меня, сорвалась. Влюбилась я, Крот. Всё понимаю, дура старая, он же мальчишка, двадцать пять ему, а мне... и за плечами у меня, сам знаешь, сколько и какого висит, и у него один свет в окошке – Женя его, жена, у нас же работает. Видела я их вместе на гулянье, дочку свою на площадь к ёлке водили. И понимаю я всё, и не полезу никак и никогда, а сердцу-то не прикажешь. Ты помолчи, Кротик, я сейчас...

Бурлаков кивнул. Она справится, он её хорошо помнит по тем их подпольным, «подземным» делам, где его звали Кротом, а её Асей.

Золотарёв вышел на первый рабочий двор и по-хозяйски огляделся. Обеденный перерыв, похоже, ещё не кончился, двор был пустынен и тих, да от корпуса столовой неспешным отдыхающим шагом шёл кто-то, судя по одежде, из грузчиков. Высокий, в чёрной ватной куртке и таких же штанах, заправленных в чёрные валенки, он привлёк внимание Золотарёва неожиданной ловкостью, даже грацией движений. И, приглядевшись, Золотарёв чуть не ахнул в голос. Тот самый индеец, тупарь краснорожий, пастух Бредли, спальник... так... так вот зачем профессор сюда прикатил! Комитетские дела у него, значит, ну, хитер, ну, ловок! А вот мы

ему сейчас облом-с сделаем! Ну...

Эркин остановился, будто с размаху налетев на стену. Ожившим мертвяком стоял перед ним тот, памятный по тюрьме, по выпасу... ах ты, сука, погонник чёртов, подловил, значит, ну... нет, гад, ни хрена ты не получишь.

– Привет! – весело сказал Золотарёв. – Я ж говорил, что ещё встретимся.

Ему ответило молчание. Но Золотарёва это не смущало. Он был слишком обрадован. И уже решил, что потрошить индейца будет прямо при профессоре, чтоб напоминание о ссуде и прочем получше проняло, нет, сегодня не отвертится.

– Ну, пошли, поговорим.

Да, прямо в профсоюз его сейчас, профессор как раз туда пошёл, вот с двух сторон и возьмём за жабры, не выдержит, сломается, о профессоре тоже слышать доводилось, что умеет вопросы задавать и ответы слушать.

– Пошёл вперёд, – сказал Золотарёв по-английски.

Привычка к послушанию отказалась сильнее ненависти. Эркин заложил руки за спину и, опустив голову, пошёл в указанном направлении, и лицо его мгновенно обрело выражение тупого рабского упрямства. Из-за прилива злой радости, захлестнувшей его, Золотарёв этого не заметил, вернее, не обратил внимания. Как и на вышедшего из столовой шуплого мужичонку в затасканной робе грузчика. У того от

увиденного даже челюсть на мгновение отвисла. Но в следующее мгновение секунду он нырнул обратно.

– Быстрей! – поторопил Золотарёв неожиданную находку. Эркин послушно прибавил шаг.

Селезнёва уже успокоилась, и говорили они совсем о другом. О том, что подавляющее большинство репатриантов панически боятся интернатов и детских садов и всячески избегают отдавать туда детей.

– Представляешь, – Селезнёва быстро нашла нужную тетрадь и раскрыла, – вот смотри, семейных много, а ни одной заявки на детский сад, даже не спрашивают. А про ясли и разговора нет. Будут выкручиваться по-всякому, но чтоб дети были дома. Это только у нас так?

– Нет, повсеместно. И вполне объяснимо, – кивнул Бурлаков. – Ты про имперскую программу интеграции слышала?

– Ещё бы! Многие своих так и не нашли, особенно маленьких, отбирали ж чуть ли не грудных. Слышала, что от новорождённых и до двенадцати лет. Кто, – она передёрнула плечами, как от озноба, – подходил по антропометрическим параметрам. А то и поголовно. В спецприюты и... чуть ли не на органы, говорили.

– Вот тебе и ответ. Социальный опыт – великая вещь. Даже не личный опыт, а, я бы сказал, наслышанность. Это ещё сильнее. Слухам верят гораздо больше, чем официальной информации.

– И что делать?

– Работать, – пожал плечами Бурлаков. – Строим Культурные Центры, там будут кружки, дошкольные и внешкольные занятия, школы для взрослых. Нашлись и там, – Бурлаков движением головы показал на потолок, – вменяемые люди, программу мы пробрили, будем курировать.

– Ну да, на это уже никаких наших денег не хватит, – согласилась Селезнёва. – А вот скажи ещё что...

Она не закончила фразы. Потому что по коридору прозвучали чьи-то быстрые шаги, распахнулась дверь, и Золотарёв возвестил с порога по-английски:

– Вот он, тёпленький! Сейчас прямо здесь и выпотрошим!

Эркин ощутил толчок в спину, перешагнув порог, привычным бездумно-ловким движением сдёрнул с головы шапку и снова заложил руки за спину, замер в рабской стойке.

Побледневшая до творожного цвета Селезнёва схватилась обеими руками за горло, резким рывком встал на ноги, заклоня её собой, Бурлаков.

– В чём дело, Николай Алексеевич? – спросил он по-русски.

– Вот он, Мороз, – так же перешёл на русский Золотарёв, – собственной персоной! – торжество его было столь велико, что он ничего уже не замечал. – Добегался!

– Вы отдаёте себе отчёт в своих действиях? – очень спокойно спросил Бурлаков.

Ответить Золотарёв не успел.

Топот множества ног, дверь едва не слетает с петель от удара, и в комнате мгновенно становится тесно от ворвавшихся людей в чёрной робе грузчиков. Эркина сразу зажало в кольцо, и Медведев, вставший стеной между ним и Золотарёвым, потребовал:

– Предъявите ордер, – и не дожидаясь ответа: – Нет ордера? Тогда и парня нет.

– Так дело не пойдёт, – насмешливо начал Золотарёв.

– Именно так и пойдёт, – отрезал Медведев. – Мороз, он тебе чего предъявил?

Эркин молча мотнул головой.

– Так на хрена ты с ним пошёл? – возмутился Геныч.

– Это что ж? – Саныч посмотрел на Селезнёву. – Обещала защиту нам, а получается...

– Подождите, – Селезнёва шумно дышала, как после бега. – Что это значит?

– Вот то и значит, – Лютыч воинственно выставил бороду. – Закон – он для всех закон.

– Та-ак, – Золотарёв зло сощурил глаза.

– Ты, майор, – ухмыльнулся Колька, – на чужом корабле не командуй. У нас свои... командиры есть.

Стоявший в дверях немолодой полковник, с явным даже не интересом, а удовольствием разглядывая покрасневшего от злости Золотарёва, молча кивнул, соглашаясь с Колькой, встретился глазами с Бурлаковым и кивнул уже ему. Бурлаков чуть заметно шевельнул веками, показывая, что увидел

и понял. Очутившись в живом кольце, Эркин рискнул поднять голову. Бледная Селезнёва, погонник, а это кто? Да это ж от Комитета председатель. Ну, уже легче. Комитет ему тоже защиту всегда обещал. Эркин перевёл дыхание.

– Ладно, – Медведев поправил шапку. – Мы сказали, а вы поняли. Айда работать, мужики.

И когда все, по-прежнему плотной толпой стали разворачиваться в тесной комнате, вынырнувший как из-под земли Ряха заботливо сказал Золотарёву:

– Ты уж осторожней, майор. Холодно, а в холода рельсы скользкие... ужас как, и металл хрупкий, тросы там или ещё что, лопаются...

– Заботливый ты какой, – заржал Петря.

А Миняй досадливо выругался:

– Ну на хрена ты язык распускаешь?! С предупреждённым же мороки куда больше.

Когда грузчики вывалились в коридор, полковник спокойно и даже несколько равнодушно сказал:

– Майор, когда здесь закончите, зайдите ко мне. Дезорганизацию производства положено оформлять отдельным актом.

И вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Они остались втроём.

Селезнёва медленно села и закрыла лицо ладонями. Бурлаков погладил её по вздрагивающему плечу и остался стоять рядом. Золотарёв пожал плечами.

– Сорвалось. Жаль.

– Да, – Бурлаков отошёл к окну и встал там, разглядывая морозные узоры на стекле. – Очень жаль.

Было очень тихо. И когда Золотарёв вышел, ни Бурлаков, ни Селезнёва не шевельнулись.

– Я подам рапорт, – Селезнёва тяжело уронила ладони на стол. – Подам, не отговаривай меня, Крот.

– Я не отговариваю, Ася. Я тоже вспомнил.

– Да, всё как тогда. И мы без оружия... – Селезнёва трянула головой. – Ладно, не обо мне речь. Ты пойдёшь говорить с парнем?

– Надо, Ася. У меня нет другого варианта. И шанса другого не будет.

– Я понимаю. Сходи в машбюро, поговори с его женой. И на вечер в гости напросись. По-другому уже не выйдет.

– Спасибо за совет, Ася.

– Иди тогда сейчас, Крот. Пока ей не рассказали или этот... – она проглотила ругательство, – к ней не стал цепляться.

– Ему ещё с полковником рядиться и уряжаться, – усмехнулся Бурлаков. – Конкуренты ведь. Но, ты права. Сейчас и пойду.

Он кивнул, прощаясь, и быстро вышел.

Селезнёва быстро посмотрела на часы. Да, сейчас начнут возвращаться остальные, надо привести себя в порядок. Со всем нервы ни к чёрту стали. Когда этот... – вот нет ему дру-

того названия, охранюга, хоть и в нашей форме – втолкнул сюда Мороза, сердце так и оборвалось. Нет, хорошо, что оружия не было, отстреливаться бы стала. Как тогда. Тогда она ушла. А тот парень погиб. И... и даже успел поблагодарить её: «Спасибо, мэм, от пули смерть лёгкая, мэм»... Нет, хватит об этом. Там полковник – Крот верно сказал про конкуренцию – своё сделает, рапорт само собой, а Мороза бригада прикроет. Но если они и впрямь этого охранюгу под маневровый паровоз сунут... И улыбнулась. Хорошо бы. Если, конечно, аккуратно сделают.

Работать начали позже обычного, и пришлось здорово покрутиться, чтобы наверстать. Разговаривать было некогда. Эркин попытался было сказать, поблагодарить, но Медведев не дал ему и рта открыть.

– Заткнись. Давайте, мужики, живо!..

Носились они, как ошпаренные. Даже перед праздниками такой гонки не было. Эркин, правда, озирался: не появится ли опять погонник, охранюга чёртова, но того не видно. Неужели обошлось? Парни отбили его, даже Ряха... Он уже знал, что это Ряха поднял шум и привёл остальных. Ну... а ведь это впервые, чтоб все за него так...

И когда смена уже близилась к концу, и все завалы они разгребли, и уже можно было не колбасой кататься, а нормально бегать, его окликнули:

– Эй, Мороз!

– Чего? – поднял он голову, как раз крепил на платформе бочки.

– Тебя ищут! Она!

Эркин настороженно оглянулся, куда показывал ему Антип, и похолодел. Женя?!

– Точно, – кивнул так же оторвавшийся от бочек Миняй. – Чего это она сюда?

Но Эркин уже бежал к ней.

– Женя! Что?! Что случилось?!

– Эркин, у тебя деньги есть?

С Жени требуют выкуп?! За него?! Да...

– Да, сколько? Я сейчас, они в бытовке... – рванулся он.

– Подожди, – Женя с улыбкой придержала его за рукав. – Ты, когда домой пойдёшь, купи чего-нибудь вкусенького. И дома прибери, ладно?

– Да, да, – кивал Эркин. – Но... Женя?..

– Гости к нам сегодня придут.

– А... ага, – Эркин облегчённо перевёл дыхание.

– Ну и всё, я побежала.

Женя быстро поправила ему ворот куртки, закрывая шею, чмокнула в щёку и убежала. А Эркин остался стоять, глядя ей вслед.

– Мороз! – окликнул его Медведев.

И Ряха тут же.

– Эй, вождь, думать потом будешь!

Эркин потрянул головой и побежал обратно. Платформу

закрепили без него, ему теперь куда? Вон те, дурынды серые катать? Понятно. А гости... гости – это хорошо. Интересно, кого Женя пригласила.

– Мороз, чего твоя прибежала?

– Гости будут, – охотно ответил Эркин Миняю. – Приготовиться надо.

– А-а, – понимающе кивнул Миняй.

Но тут удивился Геныч.

– В будни и гости? Чудно что-то.

– Ну, всяко бывает, – Антип, крякнув, вставил контейнер в паз. – Крепи, Ряха. А ежели приехал кто? Тут уж на день не смотришь. Родня, что ли, прикатила?

– Родня? – переспросил Эркин.

– Ну, родичи.

– Родственники, – пояснил Колька.

– Нет у нас родственников, – пожал плечами Эркин, начиная тревожиться.

– Ну, кто б ни был, а встретить да угостить надо как положено.

– Точно. Не нами заведено, не нам и ломать.

– Ага, что есть в печи, то на стол и мечи.

В самом деле, чего он психует? Может, Женя кого из своего бюро позвала, так что... Чего бы купить? Женя сказала: «вкусенького». Конфеты дома есть, так что не о сладком речь. Может... сколько у него с собой?

За этими мыслями Эркин и доработал до конца смены,

уже почти забыв об инциденте в профкоме. Но в бытовке Медведев требовательно спросил его:

– Чего этому майору от тебя было нужно?

– Не знаю, – честно ответил Эркин и, не желая врать выручившим его, а все стояли вокруг и ждали объяснений, вздохнул: – Он давно ко мне цепляется.

– И где ты ему дорогу перешёл?

– Бабу, что ли отбил? – засмеялся Петря, но Саныч тут же легонько стукнул того по затылку.

– С такими не шутят. Ну, Мороз.

Эркин огляделся и как-то беспомощно сказал:

– Он брата заловить хотел, а я ему брата не сдал.

– Так ты ж говорил, что убили его, – нахмурился Колька.

– Ну да, в Хэллоуин, – Эркин вздохом выровнял дыхание. – А это ещё летом было.

– Он что, не знает про это?

Эркин повернулся к Санычу.

– Знает, наверное. Я в тюрьме об этом, о брате, что убили его, говорил. Следователь записал всё. Он же читал. Наверное.

– Эта сволота вся грамотная, – необычно серьёзно кивнул Ряха. – Бумажка для них перее человека, знаем. Любят они бумажки. А брат твой ему зачем?

– Не знаю, – вздохнул Эркин. – Тогда не знал, и сейчас не знаю.

– Слушай, Мороз, – Медведев говорил очень спокойно. –

Это не милиция, а контрразведка. Знаешь, что это?

Эркин молча мотнул головой. А Колька хмыкнул:

– Лучше и не знать. А он точно из ГРУ, старшой?

– Точно, – ответил за Медведева Саныч. – Но наш и чином повыше, и... контора, вроде, и та же, да отдел другой, своих конкурентам не сдают. Ладно, Мороз, не знаешь – так не знаешь. И не было ничего. Поняли, мужики? Мальцы, слышали? Трепанёте где, лично языки поотрываю и в нужник выкину.

Петря с Серёней закивали.

– А раз поняли, так по домам, – закончил разговор Медведев.

И все дружно и быстро стали переодеваться.

Обтираться водой Эркин не стал: лучше дома под душ нырнёт, растёрся всухую полотенцем.

– А когда ты в тюрьму-то залетел? – спросил внезапно Саныч.?

– Так говорил он, – влез Колька, но Саныч отмахнулся от него, внимательно глядя на Эркина.

– А на Хэллоуин, – спокойно ответил Эркин. – Три дня подержали, допросили, сказали, что необходимая самооборона, и выпустили, – и чтоб всё сразу было понято, добавил: – Как нас всех в одном грузовике привезли, так отправили.

– И много ты в своей... самообороне уложил? – съехидничал Ряха.

– А сколько под кулак попало, – улыбнулся воспоминанию

Эркин. – Я не считал.

Немного посмеялись и пошли на выход. Эркин шёл со всеми, поглядывая по сторонам. Но майора видно не было. И у него немного отлегло.

От завода он шёл обычно с Миняем, но сегодня ему надо на Главную улицу, в хороший магазин. Миняй понимающе кивнул и только сказал на прощание.

– Ты этого, седого, разглядел? Знаешь, кто это?

– Знаю, – кивнул Эркин. – Это председатель Комитета, я его ещё в лагере видел.

– Вот. Так если что, к нему беги, или в сам Комитет, к вокзалу.

– Понял, – улыбнулся Эркин. – Спасибо.

– Не за что, – хмыкнул Миняй.

И они расстались.

И уже спеша из магазина – все деньги, что с собой были, потратил на ветчину и рыбу – домой, Эркин подумал, что надо будет в пятницу, когда на пиво пойдут, поставить всем по кружке. Выручили-то его... честно. Так что – надо. Даже Ряха... смешно. Цепляется, заводит, нарываясь даже, а здесь... со всеми... Как, скажи, он свой бригаде. Или и правда – свой.

К приходу Жени обед был разогрет, Эркин дотирал паркет в дальней маленькой комнате, а Алиса заканчивала праздничный обед для кукол. Услышав, что открывают

дверь, Эркин выбежал в прихожую, как был, босиком и в одних рабских штанах. Женя даже задохнулась от негодования, а Эркин, забирая у неё сумку, весело сказал:

– А я знал, что это ты.

– А гости где? – спросила Алиса.

– Будут гости, – Женя торопливо чмокнула её в щёчку. – Эркин, давай, переодевайся, он к семи обещал.

– Ага. Я ветчины и рыбы купил.

– Ой, ну ты, молодец. Как раз к чаю. Сейчас пообедаем быстренько.

Знакомый по Джексонвиллу вихрь дел, распоряжений и хлопот захватил и его, и Алису. И в этом вихре Эркин никак не успевал спросить Женю, так кто же к ним придёт. Хотя это и не так уж важно. А о том, что сегодня было, про майора, Эркин решил Жене вообще не рассказывать. Чтоб не тревожить её попусту. Обошлось ведь, ну и ладно.

После обеда навели порядок на кухне. Не просто вымыли посуду, а вытерли и убрали в шкафчик, со стола сняли клеёнку, Женя ещё раз протёрла его сухой «полировочной» тряпочкой и постелила льняную вышитую салфетку.

– Красиво, – важно одобрила Алиса.

– Вот и ты должна быть красивой.

Женя повела Алису переодеваться и убирать у себя в комнате. А Эркин, ещё раз оглядев кухню, отправился в спальню. Надо и в самом деле переодеться. По-праздничному? Или джинсы с нарядной ковбойкой?

Его сомнения разрешила Женя, прибежав в спальню и доставая из шкафа юбку и розовую, с вышивкой по воротничку, кофточку.

– На кухне принимать будем. Так что джинсы надень и ковбойку. А то в кухне и при полном параде, это уже... – она запнулась, подбирая слово.

– Выпендрёж, – подсказал Эркин, застёгивая и заправляя в джинсы ковбойку.

Женя прыснула и оглянулась на дверь: не слышит ли Алиса.

– Только ботинки надень.

– Ага. А ты шаль наденешь?

– Выпендрёж!

Женя чмокнула его в щёку и вылетела было из спальни, но Эркин успел поймать её за руку.

– Женя...

– Что, милый?

– А кто придёт, Женя?

– Я разве не говорила тебе? – удивилась она.

– Нет, – улыбнулся Эркин.

– Ой, ну так. Ты помнишь, в лагерь приезжали из Комитета, собрание ещё было...

– Помню, – кивнул Эркин.

Он был ещё спокоен, во всяком случае, внешне.

– Ну вот, ты помнишь председателя? Профессора Бурлакова?

– Да, помню.

– Ну вот, он и придёт. Эркин, – глаза Жени расширились. – Что с тобой, Эркин?

– Женья, – он судорожно сглотнул, – я не хотел тебе говорить, Женья...

– Что, Эркин? Что случилось?

– Женья, – он попятился, увлекая её за собой, сел на кровать и усадил Женю рядом. – Женья, сегодня в обед, я...

Он запнулся, не зная, как объяснить, он же не рассказал Жене ни о том случае на выпасе, ни о тюрьме.

– Понимаешь, ко мне прицепился сегодня один, майор, а ребята из бригады отбили меня.

– Так, – кивнула Женья.

Она ничего не поняла, но знала, что пусть не сразу, но Эркин расскажет ей всё.

– А профессор... он был там. Я не знаю, Женья, я ничего не понимаю. Зачем мы ему, Женья?

– Ну, Эркин, это-то просто. Он – председатель Комитета. Комитет дал нам квартиру, ссуду... конечно, ему интересно, как мы устроились.

– Женья, – Эркин с надеждой вскинул на неё глаза, – и это всё, Женья? Только для этого?

Женья пожала плечами, погладила его по голове, поправила воротник ковбойки.

– Эркин, всё будет хорошо. Он, профессор, он ведь...

– Нет, – сразу понял её Эркин. – Он не заодно с майором.

Я... я не знаю, как сказать, я чувствую это.

– Ну, вот видишь. О майоре ты мне потом расскажешь, хорошо? – Эркин кивнул. – Ну вот. А профессор, – Женя улыбнулась, – он хороший, Эркин. Я знаю, ты поверь мне. Веришь?

– Конечно, верю, – улыбнулся Эркин. – Женя, а что он сказал тебе?

– Ну что? Он пришёл в машбюро, поздоровался, представился, – Женя держала Эркина за руки и чувствовала, как перестают вздрагивать и успокаиваются его пальцы. – Спросил, как мы устроились, попросил разрешения прийти к нам сегодня... Вот и всё. Это нормально, Эркин.

– Да? – Эркин прерывисто вздохнул и виновато улыбнулся. – Прости, Женя, что я так...

– Ничего, Эркин, – Женя поцеловала его в щёку.

Эркин нагнулся и потёрся лицом о её руки.

– Мама, Эрик! – в спальню ворвалась Алиса. – А теперь чего?

– Не чего, а что, – поправила её Женя.

Она не шевельнулась, но Эркин уже отпустил её пальцы и встал.

– Женя, – голос его звучал весело, так естественно весело, что не верить было нельзя, – а я газету сегодня купил. Почитаем пока?

– Конечно, – Женя вскочила на ноги, поправила застилавший кровать ковёр и оглядела спальню: всё ли в порядке. –

Конечно, пойдём читать.

Они успели просмотреть газету, вернее, Женя её быстро просмотрела и нашла заметку, показавшуюся ей интересной, когда в дверь позвонили. Эркин быстро посмотрел на Женю, резким вздохом перевёл дыхание и пошёл в прихожую. Алиса побежала следом.

От стоявшего за дверью Бурлакова – Эркин сразу узнал его, несмотря на зимнее пальто и шапку – ощутило несло холодом.

– Здравствуйте, – весело сказала подошедшая Женя. – Заходите, рады вас видеть.

Бурлаков вошёл, снял шапку, поздоровался. Видя, что Эркин напряжённо молчит, Женя всё взяла на себя. И неизбежная суeta приветствия, раздевания и знакомства стараниями Жени и Бурлакова прошла легко и даже весело. К радости Алисы, Бурлаков принёс торт и, к удивлению Эркина, три тщательно завёрнутых в фольгу гвоздики. Женя поахала, поблагодарила и поставила цветы в вазочку, которую им подарили на новоселье. Потом Женя гордо провела Бурлакова по квартире, показав, что они успели сделать за месяц, извинилась, что чай придётся пить на кухне, ведь большую комнату они ещё не сделали. Бурлаков рассматривал, расспрашивал и всем восхищался.

Эркин больше помалкивал, внимательно слушая и отделяясь односложными ответами, но, когда речь зашла о «беженском новоселье» – это очень заинтересовало Бурла-

кова, – он тоже разговорился. Тут как раз закипел чайник, и все пошли на кухню пить чай. Женя мгновенно – как умела, по мнению Эркина, только она – накрыла на стол. Хорошие бутерброды, чай, сахар, нарезанный кружками лимон, варенье, подаренный торт... За чаем продолжался тот же очень приятный разговор. Женя видела, что Эркин оттаял – «ёжик убрал колючки» – и, тихо радуясь этому, только следила за Алисой. Но и Алиса старалась изо всех сил.

– Очень рад, что у вас так хорошо всё сложилось.

– Да, – Эркин улыбнулся, – спасибо, всё хорошо. Я даже не думал, что так будет. Так хорошо. Мы, когда уехать решили, то об одном думали... ну, жильё, ну, работа, это всё найдём, устроимся, лишь бы от своры, – последнее слово он сказал по-английски, – уйти.

– Своры? – переспросил Бурлаков.

– Да, – кивнул Эркин. – Это они потом, в Хэллоуин, всё и устроили.

– Понятно, – кивнул Бурлаков.

Неужели вот сейчас, так просто, так естественно разговор перейдёт на то, самое важное.

Вспомнив Хэллоуин, Эркин невольно помрачнел, но на мгновение, скользнула по лицу тень и нет её. И вдруг неожиданно, внимательно глядя на Бурлакова, спросил:

– Вы... вы ведь пришли не просто так, вам что-то нужно, так?

– Эркин! – не выдержала Женя.

Эркин мгновенно опустил глаза, чуть заметно шевельнул плечом, будто хотел втянуть голову, спрятать её, но повторил:

– Ведь так?

Бурлаков вздохнул.

– Вы правы. Я хотел спросить вас... о вашем брате.

– Он погиб, – Эркин говорил, не поднимая глаз. – Зачем он вам?

– Он сказал, чтоб я шла, а он меня догонит, – вдруг подала голос Алиса. – И не догнал.

Женя положила ей ещё кусок торта, с кремовой розой, и Алиса занялась им.

Эркин с явным усилием поднял глаза, и Бурлаков увидел в них боль. Живую. Как от удара.

– Зачем он вам? – повторил Эркин.

– Я... я, разумеется, отвечу вам, но сначала... я хочу попросить вас посмотреть фотографии.

– У вас его фотка есть?! – обрадовался Эркин.

Он уже прикидывал, что может предложить за неё, ну, хоть за копию, но Бурлаков покачал головой.

– Нет, его фотографии нет, это другие люди, но посмотрите... может, найдутся... похожие.

Эркин пожал плечами.

– Давайте, – и успокаивающе улыбнулся Жене и Алисе. – Интересно.

Бурлаков перевёл дыхание. Он отлично понимал, что со-

гласился Эркин только из вежливости, но большего ему и не нужно. Из внутреннего кармана пиджака он достал и разложил прямо на столе, среди чашек и тарелок фотографии. Многие из них были старыми, пожелтевшими, со следами клея, с написанными прямо поверх изображения номерами и латинскими буквами.

Эркин рассматривал их, брал по одной, откладывал, снова брал. Бурлаков молча маленькими глотками пил чай и следил, как Женя, а за ней и Алиса присоединились к Эркину. Потом Женя и Эркин заспорили об одной из фотографий.

– Он...

– Нет, не похож...

– Посмотри, взгляд такой же...

– Нет, но это же...

– Ну и что, но похоже.

В споре победила Женя, доказав, что неважно, женская или мужская фотография, раз похожи, значит, похожи.

– Вот, – наконец улыбнулся Эркин, пододвигая к Бурлакову две стопки карточек. – Вот эти похожи на Андрея.

– Спасибо, – Бурлаков сглотнул, справляясь с голосом и повторил: – Спасибо.

– Пожалуйста, – пожал плечами Эркин и уже не равнодушно-вежливо, а с явным интересом спросил: – А зачем вам это?

Бурлаков кивнул, соглашаясь ответить, но Женя встала.

– Игорь Александрович, у вас чай совсем остыл, давайте,

я вам свежего налью.

Бурлаков благодарно улыбнулся.

– Спасибо.

Эркин молча покачал головой, отказываясь. Он видел волнение Бурлакова и, не понимая его причины, нервничал. Да и дневные события... Что этот майор, охранюга чёртова, наплёл про него? Ведь когда не знаешь, чего на тебя навесили, и не отбрыкаешься.

Бурлаков глотнул чаю, глубоко вздохнул и заговорил очень спокойно, даже будто равнодушно.

– Сначала я назову вам тех, кто изображён на этих фотографиях, – он взял маленькую, отобранную Эркином и Женой пачку. – Это я сам, двадцать, нет, тридцать лет назад, студент. Это тоже я, на раскопках, на археологической практике. Это моя жена, её сфотографировали уже в тюрьме. Это брат моей жены. Это тоже он, и это тоже. А это, – он как-то странно улыбнулся, – Это мой дед. Ну вот. У меня... была семья. Жена, дети. Трое. Две девочки и мальчик. Их всех арестовали, когда я был на нелегальном положении. Жену и дочек убили, а сына отправили в лагерь. Сейчас бы ему было двадцать лет...

Глаза Жени медленно расширялись, Эркин разглядывал, напряжённо сведя брови, выложенные Бурлаковым фотографии. Всё сходилось. И всё так страшно, обидно и нелепо. Ведь... ведь что бы чуть пораньше, до Хэллоуина... Алиса давно забыла про свой торт и молча следила за взрослыми.

– Это... – наконец выдохнула Женя, – это значит, что Андрей... – она не договорила.

– Да, – понял её Бурлаков. – Да, получается, что мой сын, Сергей Игоревич Бурлаков и... Андрей Мороз – один и тот же человек.

– Но, – Женя посмотрела на Эркина, – но, Эркин...

Эркин медленно, как преодолевая что-то, как поднимая на себе невидимый груз, встал и пошёл к двери. Остановился, ухватившись растопыренными пальцами за дверной косяк, полуобернулся.

– Да, всё так, – у него задрожали губы, но он справился с собой. – Андрей ничего об отце не говорил, – и на хриплом kloкочущем выдохе: – Ему мать не велела.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Женя смотрела, как Бурлаков собирает разложенные по столу фотографии, рассматривая их так, будто тоже видит впервые. Всё это было слишком невероятно.

Вернулся Эркин с влажно блестящим, будто он только что умылся, лицом и сел к столу. Улыбнулся Алисе и Жене. Женя как-то очень незаметно встала и увела Алису умываться.

– Вы не верите мне? – тихо спросил Бурлаков.

– Нет, – Эркин говорил спокойно. – Почему не верю? Верю. Только... только это уже ничего не изменит. Андрея нет. И кем он был... он был моим братом. Погиб, спасая Алису. Что ещё?

Бурлаков кивнул.

– Я понимаю.

– Нет, – тихо, но резко перебил его Эркин. – Андрей... он не помнил ничего, что было до лагеря. Так... обрывки. Он никогда не говорил, чтобы его звали по-другому. Только Андрей. Я... я не знаю, как так получилось. Может, всё так и есть. И... и вы – отец Андрея, я не спору, нет, но... Я не знаю, как это объяснить, – он запнулся, потёр лицо ладонями и встал. – Налить вам ещё чаю?

Бурлаков покачал головой.

– Спасибо, у меня есть. Я понимаю вас, Эркин, поймите и вы.

Эркин кивнул, зачем-то пощупал стоящий на плите чайник и вернулся к столу.

– Да, всё так.

В кухню заглянула Женя, держа за руку Алису. Алиса была уже в ночной рубашке.

– Спокойной ночи, – вежливо сказала она Бурлакову и посмотрела на Эркина. – Эрик, а ты придёшь?

– Приду, – улыбнулся Эркин.

– Спокойной ночи, – улыбнулся и Бурлаков.

Женя увела Алису. Эркин встал и решительно зажёг огонь под чайником. Очень быстро и ловко навёл на столе порядок, чтобы стол смотрелся как не в конце чаепития, а в начале. Улыбнулся Бурлакову.

– Я сейчас.

И вышел. Бурлаков кивнул ему вслед. Да, всё правиль-

но, им нужно уложить спать девочку. Беленькую, синеглазую, чем-то неуловимо похожую на Анечку. Милочка была шалунья, хохотушка, а Анечка – серьёзная, с философским складом ума... «Прекрати! – оборвал он сам себя – Это уж ни в какие ворота не лезет, годы посчитай, Анечка старше Серёжи».

В кухню вошла Женя, старательно улыбнулась.

– Сейчас ещё чаю попью.

– Да, спасибо, – Бурлаков так же, почти естественно улыбнулся ей. – Какая хорошая у вас девочка.

– Спасибо, – просияла Женя и обернулась к двери. – Спит?

– Да, – в кухню вошёл Эркин и сел к столу. – Я посидел с ней, – и уже обращаясь к Бурлакову: – Она кричала во сне. После Хэллоуина. Потом прошло.

– Она напугалась тогда, – Женя разливала чай. – Сначала обыск этот...

– Свора вломилась ночью, – Эркин невесело усмехнулся. – Обошлось, правда.

– Обошлось?! – возмутилась Женя. – Ты забыл, как тебя избил?

– За что? – быстро спросил Бурлаков.

– А чтоб краснорожая скотина своё место знала и помнила, – ответил по-английски Эркин и, перемешивая русские и английские слова, продолжил: – Да нет, меня-то не очень, обидно, конечно, но и хуже бывало, а вот потом они, сво-

ра эта... – он явно проглотил ругательство, – потом они что творили! – и, быстро посмотрев на Женю, буркнул: – вспоминать неохота.

Женя понимала, что Эркин не хочет говорить при ней, понимала и почему, но Бурлакову же надо знать об Андрее, о сыне, он имеет на это полное право.

– Расскажи об Андрее, Эркин, – попросила она.

Эркин посмотрел на Бурлакова.

– Вы... вы знаете, как он погиб? Хотя нет, – тут же сам ответил себе, – откуда. Так, когда нас на рынке хотели на торги загнать, мы отбились, выскочили из кольца. И... и мы решили пробиваться в Цветной и там уже намертво стоять, – незаметно для себя он полностью перешёл на английский. – Ну, я и попросил Андрея сходить ко мне домой, забрать Алису и Женю, в Цветной их отвести, – Эркин виновато вздохнул. – Моя вина, конечно, Я Андрея послал, сам в Цветной удрал, а он...

– Сам бы ты и не дошёл, – резко сказала Женя. – Перестань, Эркин, сколько можно?! Ты ни в чём не виноват.

– Виноват, – упрямо наклонил голову Эркин. – Мне Андрей ещё летом говорил, что сваливать надо, это я до последнего дотянул. Ладно, не обо мне сейчас речь. Вам, – он твёрдо посмотрел в глаза Бурлакову, – вам ведь про Андрея надо. Так? – и продолжал то по-русски, то по-английски. – Андрей дошёл. Женя...

– Я на работе была, – перебила его Женя.

– Да, он Алису одел, взял деньги, документы, и повёл Алису. Свора увидела, погналась за ними. Он отдал документы и деньги Алисе. И велел ей идти ко мне, в Цветной. Показал дорогу, а сам... словом, Алиса под кусты забила, а он на виду остался, отвлёк их на себя. И... понимаете, она, Алиса, видела, что они с ним... Как били его. Я знаю, Андрей бы отбился, ушёл, он... он с одним ножом сильнее, чем иной с автоматом, а он... он на себя всё принял, чтоб Алису не стали искать. И она видела. И как облили его из канистры. И подожгли. Она говорила... он кричал, а они смеялись. И спрашивала меня, почему они смеялись? А что я?.. Ладно, – Эркин опять явно сдержал, сглотнул готовые вырваться слова.

Бурлаков, сидевший всё время с каменным, чтобы не рыдаться, лицом, тихо спросил:

– Его... похоронили там?

– Да, – кивнул Эркин. – В Джексонвилле. Со всеми нашими. У Цветной церкви. Не в Овраге навалом, а сделали кладбище, могилы, поп молитвы читал, пел... Всё, как положено сделали.

– И девятый день, и сороковины справили, – тихо сказала Женья.

– Спасибо, – вытолкнул Бурлаков.

И, поняв его невысказанную – говорить ему было невероятно трудно, невозможно – просьбу, Эркин заговорил о живом Андрее. Какой он был весёлый, мастеровитый, выдум-

щик, как любили Андрея – Белёсого – в Цветном, как считали его своим, сколько песен знал Андрей, как учил его русскому...

– Спасибо, – повторил Бурлаков, когда Эркин замолчал. – Большое вам спасибо.

– За что? – горько удивился Эркин.

– За всё, – не очень вразумительно ответил Бурлаков.

Но его поняли.

– Уже поздно, – Бурлаков отодвинул чашку с нетронутым чаем, – мне пора, спасибо ещё раз, – и улыбнулся.

И Эркин, увидев эту улыбку, вдруг резко отодвинулся от стола, быстро уверенно распутал петлю от ремешка, выдернул из кармана и на ладони протянул Бурлакову.

– Вот, возьмите.

Бурлаков недоумевающе протянул руку и взял продолговатую, удобно лежащую в ладонь... повертел в пальцах, явно пытаясь сообразить, что это и для чего? Рукоятка ножа? Явная самоделка, такие часто мастерят... Или талисман? Судя по кольцу и ремешку – да. Ему его отдают, почему? И зачем? И тут Эркин заговорил:

– Андрей мне нож делал, ну, наточил заново и рукоятку сделал, по руке мне подогнал. А на Хэллоуин, когда арестовывали нас, оружие отбирали, я лезвие отломал, вот рукоятку мне и оставили. А кольцо я уже здесь приклеил, и ремешок сделал, чтобы носить с собой. Она всегда при мне. Возьмите. Это Андрей делал.

Бурлаков медленно кивнул. Женя встала и подошла к Эркину, встала за ним, положив ладони ему на плечи. И он, почувствовав её одобрение, улыбнулся.

– Но... но у вас ничего не останется, – сказал Бурлаков.

Эркин нахмурился. Не на Бурлакова, на себя. Что вздумал ловчить. Нашёл с кем.

– Дом, где Андрей жил, разграбили, хозяйку убили. Но... но вот ящик его передали. Идёмте.

Он ловко встал, не потревожив Женю, и повторил:

– Идёмте.

Бурлаков, по-прежнему держа на ладони рукоятку, пошёл за ним. Эркин двигался быстро и уверенно, как решившийся на что-то человек. А он и решил. Если Бурлаков хоть слово скажет, он отдаст ящик. Бурлаков – отец, всё Андреево ему отходит по праву. А он сам... ему-то что, он Андрея и так помнит.

В кладовке Эркин включил свет и вытащил ящик, поставил на стол-верстак, раскрыл.

– Вот, здесь всё лежит, как Андрей положил. Это всё его, – и, не удержавшись, чтобы уже всё было ясно, сказал: – Всё, что осталось.

Женя, стоя в дверях кладовки, молча смотрела на них. И когда Эркин пошёл к двери, молча кивнула ему. Они вернулись на кухню, сели рядом к столу и стали ждать.

Бурлаков вошёл в кухню и очень спокойно сказал:

– Большое спасибо. Мне пора идти.

– Я провожу вас, – встал Эркин.

– Нет, спасибо, – возразил Бурлаков. – Я отлично доберусь до гостиницы.

И уже в прихожей, поцеловав на прощание Жене руку и обменявшись рукопожатием с Эркином, он спросил:

– Могу ли я?..

– Конечно, – перебила его Женя. – Конечно, заходите. Всегда будем рады вас видеть.

Эркин молча кивнул, присоединяясь к ней.

Последние фразы, ещё один решительный отказ от прощаний, и за Бурлаковым закрылась дверь.

Женя посмотрела на Эркина, вздохнула. Он мягко обнял её, привлёк к себе. Немного постояв в обнимку, они вернулись на кухню. Убрать, привести всё в порядок и спать уже пора, поздно, и Эркину завтра в первую. И в этих, в общем-то, привычных хлопотах прошёл вечер.

Бурлаков шёл быстро, щёки щипало от мороза, под ногами громко хрустел и визжал снег. Вот и всё, вот и всё... интуиция его и на этот раз не подвела. Тогда, в первый раз услышав о белобрысом мальчишке, возможно лагернике, предположительно русском, он ощутил: оно! Его Серёжа жив! Зачем же он не поверил себе, не настоял, отложил на потом, и вот... дооткладывался. И ничего, ничего нельзя уже изменить, проклятая необратимость, невозвратность прошлого. Сотни тысяч погибших плюс ещё один... не ты один,

вспомни как в Комитете рассматривали фотографии тех двоих спасённых, искали знакомые черты... А он... он нашёл. И вот. Разноцветная рукоятка ножа, аккуратно уложенные инструменты... – всё, что осталось от мальчика. И фотографии из его досье. Из трёх фотографий Риммы выбрали последнюю, где он сам её не узнавал, загнанный большеглазый зверёк. Его мальчик... Весёлый, отзывчивый, работающий... господи, за что?! Уцелеть из сотен тысяч, выжить в расстрел, чтобы быть забитым сворой, какое точное слово нашёл Мороз, за что?! Погиб, спасая других... Господи, это и есть Твоя справедливость? Догнал и добил выжившего вопреки Тебе, так? Да к чёрту все эти «божественные» байки, Бурлаковы никогда не были особо верующими, сам он всегда считал себя, ощущал себя атеистом, но оставалось какое-то смутное чувство, что есть некая высшая сила, мировая справедливость, справедливость истории... и вот... всё рухнуло, всё!

Бурлаков знал, что справится и с этим, справится с собой, найдёт те аргументы, которые позволят ему жить дальше, работать, решать дела проблемы Комитета, создавать культурные центры... Замахнулись они, конечно, на очень большое, остатки денег это съест. Но... но региональные лагеря можно начинать сворачивать. Это даст определённую экономию, а если кое-кого озадачить реализацией лагерного имущества, того, что нельзя или невыгодно увозить, то... есть хваткие мозговитые кадры, решат проблему с прибылью.

Он стал думать об этом, забывая, загоняя вглубь, подаль-

ше острую боль сознания невозвратной потери.

Алабама

После зимних дождей дорога скользкая, как намасленная. Чуть зазевался – и готово: вмажешься так, что и в гроб положить будет нечего. И потому Джимми Найф – он же... не будем вспоминать имя, давно и надёжно похороненное в сгоревших полицейских архивах и прочих канцеляриях – вёл машину очень аккуратно. Лишнего риска он не любил и ничего не делал просто так. А что другие считают его дураком... ну, это и к лучшему. Дурака не опасаются. Ротбус вон... тоже думал, что умнее всех, а Фредди подловил его. Классно сделано, этого у Фредди не отнять. Тоже ведь, ковбой ковбоем, аризонский дикарь, а работает... потом голову сломаешь, разбираясь, как он такое провернуть сумел. Но тоже. Ротбуса убрал и решил, что он теперь самый умный. Ну, и всё. Спёкся Фредди, хотя сам ещё про это не знает.

Найф хихикнул. Всё идёт по плану, по его плану. Концы везде убраны, а где что если и торчит, то не свяжут, не-е-ет. Не можешь убежать далеко – убеги надолго. Не так уж велика Империя, так что выскочил – залёг, а снова выскочишь чуть в другом месте и нескоро. Чтоб о тебе забыть успели. Так что... Так что ещё недельки две пускай Чурбан у Элли побудет. Ишь как шлюха расцвела. А что, беспамятный – тот же спальник, трахаться может и ни хрена не соображает. А

белый спальник – ба-а-льшая редкость. Ничего, пусть полакомится. Тем интереснее конец будет. Он снова хихикнул. Самая ведь морока – это не затащить бабу в постель, тут-то без проблем, сами лезут. Не-ет, а вот самому уйти так, чтоб за тебя не цеплялись и следом не волочились, вот тут иной раз и ножиком – хе-хе – приходилось. А тут красота. Чем реже приезжаешь, тем ей и лучше. Здесь всё чисто, чистым и будет. Дней через десять он Чурбана заберёт и начнёт обработку. Месяц на это уйдёт, не меньше. Парень вместе с памятью совсем мозги потерял. Дурак дураком. Как говаривал тот лекаришка: «Клинический». Тоже был... умник задрипанный, старался вовсю, а о том, что такие, слишком много знающие недолговечны не подумал. Ну и... там же, где все остальные. А мы живём! И будем жить! С дураком повозиться, конечно, придётся. Но дело того стоит. А вот теперь надо как следует обдумать, кто за это заплатит. Дело должно быть выгодно. Чтобы и отомстить, и от – чего там хитрить – конкурента избавиться, и деньги за это получить. Вот тогда месть сладка. А задарма... задарма дураки работают. Вроде Чурбана. С Паука сейчас ничего не получишь. Тоже... поглупел сильно, думает, что боятся его по-прежнему. Вот пусть и дальше так думает. Тем легче будет его самого за тёплое да мягкое взять или на него всё свалить. Внучка у него – та ещё стерва, только намекни, сама старика обдерёт и с поклоном на блюдечке подаст. Но это потом. Опять же не будем спешить. Тем более, что там с Хэллоуина русские

крутятся, а с ними играть не садись, умеют сволочи дураками притворяться. Вроде никуда не вмешивались, сидели в своих комендатурах и раз... Был Старый Охотничий Клуб – и нет его. И Белая Смерть исчезла. А СБ и всё остальное ещё в капитуляцию сам же Паук и пришиб. Следы заметал – понятно. И остался голеньким. Как устрица без раковины. А что, вот об этом стоит подумать. Пошуршать, поискать, пьяную болтовню послушать.

Найф заржал в полный голос и прибавил скорость. Бетон здесь хороший, можно и побыстрее. Сейчас он закатится... да, к Рыжей Сильве. Ох, и хороша стерва. С перцем. Конечно, до Перепёлочки ей как до неба, но и ему Перепёлка была не по губам. Тогда. А сейчас... а когда он это дело провернёт... голова Ковбоя дорого стоит. У Ковбоя в Ансамбле не один голос. Это тоже товар. Ходкий и дорогой. Пауку нужны деньги. Деньги у Счастливого. Пока Ковбой жив, Счастливого не брать. Здесь всё просто. Эти деньги Пауку отдадим, по уговору. А за остальное – пускай платит по полной. Задарма хапать теперь Паук не может, укоротили русские ему хапалки. А вот кто у русских всем этим крутит... Нет, до этого пока слишком далеко.

Он считал, прикидывал, спорил сам с собой, хихикал над удачным ходом, а под колёса его машины летел серый шершавый бетон.

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна Бредли»

Распоряжение Джонатана было недвусмысленным, как, впрочем, и все предыдущие.

– Послезавтра в девять машина должна быть готова.

– Слушаюсь, сэр. Послезавтра в девять, – склонил голову

Чак.

Ответный кивок, и Чак, подобно остальным, пулей вылетел из кухни.

Вчера вечером, когда Джонатан въехал во двор на такси – с шиком прикатил, – Чак, стоя в дверях барака, с еле заметной презрительной усмешкой смотрел, как толпятся вокруг Джонатана, наперебой рассказывая ему о последних событиях. Усмехался, пока Джонатан не посмотрел на него. И сам не понял, какая сила сорвала его с места и поднесла к Джо-

натану. Выслушав его краткий отчёт о проделанном, Джонатан кивнул и отпустил всех отдыхать. Они вернулись в кухню к прерванному обеду, сели за стол, и Роланд, широко улыбнулся.

– Ох, и дадут нам завтра разгон.

– Так хозяин же, – прогудел в ответ Сэмми.

– Насыплет вычетов, – кивнул Стеф.

Чак слушал внимательно, не вмешиваясь. Что ж, хозяин – он хозяин и есть. Тут уж, как положено.

После обеда обычно занимались своими делами. И сегодня всё шло по заведённому порядку. Стирка, починка, малышей усадили за азбуку, словом, каждый нашёл себе дело. И вечер прошёл как обычно.

А с утра и началось. Джонатан пришёл на завтрак и... словом, каждый услышал своё. Ни одного грубого слова, голоса ни разу не повысил, по машине и гаражу вообще замечаний не сделал, но холодом Чака пробрало... как ни разу за всю прошлую жизнь.

Что Фредди пашет не меньше, а то и побольше остальных, Чак уже понял. Чудно, конечно, зачем киллеру пахать, но, поглядев на Джонатана, понял: у такого лендлорда запашишь. И если киллер, после Уорринга, не трепыхается, то ему-то...

Полуразобранный «ферри» стоял над ямой. Чак приготовил инструменты и спрыгнул вниз. Ну, поехали...

Обойдя все службы, выслушав длинное рассуждение Сэм-

ми, что обугленные концы досок в Большом Доме надо отпиливать прямо здесь же, а в кладовки сносить уже готовые к дальнейшему использованию, и согласившись с этим, Джонатан пошёл к конюшне. Лошадей он всегда смотрел в последнюю очередь, чтобы разговору с Фредди ничего не мешало. Проходя мимо гаража, он ограничился тем, что мельком посмотрел на распахнутые для света и воздуха двери. Вчера, когда они сели перед камином, он сразу спросил Фредди о Чаке.

Фредди задумчиво, отхлебнул из стакана, погонял во рту и проглотил. Потом так же задумчиво спросил:

– И что же это у меня получилось?

Джонатан терпеливо ждал.

– Бывало хуже, Джонни. Держать такого в узде несложно.

При одном условии.

– Каком? – с интересом спросил Джонатан.

– Он должен сам хотеть этого. А он хочет, Джонни. Свобода – тяжкий груз, Джонни, не каждому по плечу.

– Он волк, Фредди.

– Он пёс. Лагерная псина, но не волк.

Джонатан кивнул.

– Что ж...

– Натаскан он как надо. И машину знает. Нам нужно большее?

– Пока нет, – согласился Джонатан. – Через два дня съездишь за Кренкшоу.

– Затрепыхалась старушка? – весело удивился Фредди.

– У её горничной браслет-змейка, – подчёркнуто равнодушно сказал Джонатан.

Фредди довольно заржал. И, уже вроде отсмеявшись, о чём-то вспомнил и заржал с новой силой.

– Ну-ну? – заинтересовался Джонатан.

– Сам узнаешь. Не буду портить тебе удовольствия.

– И всё же?

– Думаю, завтра тебе скажут.

Джонатан кивнул.

И сегодня, идя по службам, он среди прочих дел ждал. Но ничего такого, что могло вызвать у Фредди столь бурное веселье, не было. Роб, как это и раньше частенько бывало, следовал за ним, выдерживая почтительную дистанцию. Опять же ничего нового и необычного. И когда Мамми, достававшая из кладовки мешочек с сахаром, пошла к нему, Джонатан остановился, но ничего особого не ожидал.

– Тут такое дело, масса Джонатан, – начала Мамми. – Из соседних имений забежали, так обносились все, – она сделала выразительную паузу.

– Ну-ну, – подбодрил её Джонатан.

– Давай, – сказала Мамми куда-то вниз. – Заварил кашу, так хлебай.

Из-за юбки Мамми высунулась мордашка Роба.

– Лишнее продать нужно.

– Та-ак, – Джонатан с искренним интересом рассматривал

Роба. – И что же лишнее продавать?

– А одёжу из кладовки, – Роб смелел с каждой фразой. – Сколько там всего, нам до смерти всего не сносить, а другие денежку заплотют. И совсем маленькое есть, на пискунов, на Тома не налезет, а меньше его нету. Это всё продать. А то лежит и выгоды не даёт.

Джонатан слушал так серьёзно, что колыхавшаяся от сдерживаемого смеха Мамми смотрела на него с уважительным удивлением.

– Резонно, – пробормотал Джонатан. И громче: – И почём продавать?

– А как нам считали, – вмешалась Мамми.

Но Роб замотал головой.

– Нее, чужим дороже надо. А то зачем своим быть, если как все платишь.

– Резонно, – уже другим тоном сказал Джонатан. – Что ж, и много лишнего в кладовке?

– Совсем маленького? – Роб уже вылез из-за Мамми и стоял перед Джонатаном, глядя снизу вверх прямо ему в лицо. – Совсем маленького десять и ещё девять. А сапожек...

– Ладно, – остановил его Джонатан и улыбнулся. – После ленча посчитаем и прикинем. Возьмёшься торговать, Мамми?

– С таким-то помощником, – фыркнула Мамми.

– Хорошо, – кивнул Джонатан. – Так и сделаем.

Мамми понесла сахар на кухню, а Джонатан продолжил

свой обход, но уже без Роба, побежавшего за Мамми.

Наконец Джонатан добрался до Фредди, сосредоточенно вместе с Роландом перебиравшего фургонную упряжь.

– Когда это на соплях, то одни сопли и будут, – Фредди выпрямился, заметив подходившего к ним Джонатана. – Надо всё заново делать.

– У массы Перкинса шорник хороший, я слышал, – выжидающе сказал Роланд.

– Знаю, – кивнул Фредди.

– Заказывай, – Джонатан попробовал на разрыв ремень. – Сгнило всё. В сырости, что ль, лежало?

– Да оно, масса Джонатан, уже и было... – Роланд подобрал обрывки ремня, повертел их в руках и снова бросил, но уже в стоявшую у стены корзину. – Под иглой ползёт, масса, шей не шей...

– Толку не будет, – закончил за него Джонатан. – Заказывай полный комплект.

– Так я сейчас и сбегаю, масса, – предложил Роланд.

– Акацию возьми, – сказал Фредди.

Джонатан кивком согласился, и Роланд радостно зарделся. Съездить к шорнику верхом на хорошей лошади, как... как, скажи, он управляющий, или того больше.

– Я мигом, масса Джонатан.

Подсматривавший за ними из-за угла Джерри только вздохнул. Что его не возьмут – это ж любому ясно.

Роланд побежал седлать и выводить Акацию, Джерри ки-

нулся за ним, чтоб хоть посмотреть, а вдруг и поддержать что позволят, и Джонатан сказал Фредди:

– Нам предлагают сделку.

– Выгодно? – так же серьёзно спросил Фредди.

– Какую цену положим. Продать излишки рабской одежды. А то, – Джонатан был очень серьёзен, – лежит и выгоды не даёт.

Фредди ржал так, что был вынужден привалиться к стене.

А отсмеявшись, сказал:

– А неплохая головёнка.

Джонатан кивнул.

– И стратег, и тактик. Всё маленькое загнать целиком. И с чужих брать дороже, чем со своих. А то, – он улыбнулся, – зачем своим быть, если платишь столько же.

– И это сообразил, – Фредди даже присвистнул. – Джонни, за идею надо платить.

– Семьдесят пять от выручки мне, – кивнул Джонатан, – двадцать Мамми за работу, ей торговать, и пять Робу за помощь и идею.

– Сквальга ты, – с чувством сказал Фредди. – Да чего и ждать от лендлорда.

– Лендлорд своего не упустит, – самодовольно хмыкнул Джонатан. – Они такие. Шорник этот, в самом деле, хороший?

– Я его работу видел, – ответил Фредди, возвращаясь к прерванной работе. – Грузовик без меня не трогай.

– Не жадничай. Не всё тебе одному, – засмеялся Джонатан.

– Ладно, – не стал спорить Фредди. – Но у Чака крыша точно съедет.

– А что? Тебя он под грузовиком уже видел. И ничего.

Фредди довольно хмыкнул.

– Я – ковбой на контракте. И другие хозяйственные работы. А ты – лендлорд.

– Резонно, – подчёркнуто неохотно согласился Джонатан.

Работая, Чак напряжённо прислушивался: не войдёт ли кто в гараж. И от этого работа шла неровно, толчками. Хотя, ну, чего он дёргается? Здесь он вполне на уровне. Трейси, во всяком случае, слова ему не сказал. А тоже... не впервые мотор видит. Пришёл тогда и полез под грузовик, будто всю жизнь механиком вкалывал. И гараж этот Фредди явно сам и под себя делал: каждая мелочь на нужном ему месте.

И хотя Фредди даже не посмотрел в его сторону ни разу, Чак был уверен, что тот всё и увидел, и заметил, и запомнил. Чак надеялся, что и оценил. А уж лендлорд-то точно должен заглянуть, посмотреть, что с новенькой дорогой машиной делают. И если он хоть вполовину как Трейси разбирается, то ему мозги не запудришь.

Чак и боялся прихода Бредли, и хотел, чтобы это уже случилось. Чтоб знать. «Послезавтра в девять». Значит, до этого часа его не убьют: машину же надо сделать. А потом? Где

он будет потом? В Овраге? Сволочь всё-таки Трейси. Смотри сквозь тебя и молчит. Ведь ясно, что помнит, и тянет, тянет... пусть бы уж лучше побил.

Чак вздохнул и вылез из ямы. На ленч уже пора. Жрать хочется. Поглядел на часы. Да пора. Но здесь едят не по часам, а когда Мамми позовёт. И только подумал, как в дверях возник негритёнок – его, вроде, Томом зовут – и крикнул, не переступая порога:

– А на ленч зовут!

И улепетнул тут же. Чак невольно улыбнулся. Еда – это всегда хорошо. Ну вот, после ленча и до обеда, а если ещё и вечер прихватить, то завтра после ленча он сможет выехать в пробную, потом помыть и... и всё. Чак вытер руки ветошью и пошёл на кухню. Страшно хотелось есть. Как всегда, когда долго психуешь.

На кухне весёлая шумная толкотня, плеск воды в умывальнике, зычный голос Мамми и горячие сытные запахи. И Чак невольно поддался общему настроению. Да и чего в самом-то деле? Тут даже миску держать, пока ешь, не надо: никто и куска не стащит. И не от того, что Мамми всем вровень с краем миски наливает. У Грина тоже паёк был... даже лучше здешнего, а таскали... только отвернись. И у Старого Хозяина так же. Да везде! А здесь... Чудно. Но здесь всё не по-людски.

Чак взял из общей стопки горячую пухлую лепёшку и придвинул к себе миску с кашей.

– Ну, приятного всем аппетита, – улыбнулся Стеф.

– Чтоб не в последний раз, – весело ответил Роланд.

И даже Чак улыбнулся этой ежедневной шутке.

Роланд с весёлой важностью рассказал о своей поездке к шорнику. Как тот аж глаза вылупил, увидев Рола верхом, не кое-как.

– Ты б ещё на машине прикатил, – фыркнул Чак.

– Раньше предлагать надо было, – улыбнулся Стеф.

А Роланд замотал головой.

– Да ну её, машину. Как на торги в ней. То ли дело верхом!

Джерри завистливо вздохнул, и опять все рассмеялись.

Чак пренебрежительно повёл плечом, но промолчал. Конечно, откуда работяге-деревенщине знать, что такое хорошая легковая машина. Его-то и на торги, небось, не в специальном фургоне, а в простом грузовике возили. Так что... чего разоряться перед дураками.

После ленча разбегались, не задерживаясь, по своим местам. Чак – в гараж, Ларри – в мастерскую, Стеф – в котельную, Роланд и Сэмми – на скотную, а Мамми, наскоро перемыв миски и кружки, пошла к вещевой кладовке. Роб, конечно, с ней.

Кладовка была уже открыта, свет включён, и Джонатан, посвистывая, оглядывал аккуратные стопки рабской одежды.

– Вот она я, масса Джонатан, – почтительно сказала от порога Мамми.

– Отлично, – улыбнулся Джонатан. – Ну, давай смотреть, Мамми, чтоб и себя не обидеть, и, – он вдруг подмигнул Робу, – выгоду получить.

– А как считать будем, масса Джонатан? – Мамми решительно скинула на табуретку у двери свой платок и засучила рукава рабской кофты. – Сколько оставить или сколько продать?

– Оставляем нужное, – сказал Джонатан.

– Всё мужское, значит, масса Джонатан?

– Нет, не всё.

Совместно они решили, что надо оставить ещё по два полных набора на каждого взрослого и детского на вырост.

– Может, масса Джонатан, пусть каждый и заберёт своё, ну, что за собой оставляет?

– И записать тогда сразу, – рискнул вылезти Роб.

Мамми погладила его по голове, одновременно отодвигая назад, и обсуждение продолжилось. Одежда, простыни, тюфячные и подушечные наволочки, полотенца, портянки, мыло, шапки... да мало ли добра... Со всем этим тоже надо решить: что продать, что оставить. Почём со своих брать, и с чужих, чтоб себя не обидеть и чтоб дороговизной не отпугнуть. Когда торговать и как дать знать, что торговля открыта.

– Да, масса Джонатан, Рол сгоняет, шумнёт, кому надо, а там уж налетят.

– Точно? – прищурился Джонатан.

– Точненько, масса Джонатан, – кивнула Мамми. – Что до

Свободы получили, так всё то уж сносилося, а городское не по деньгам. Кто и купил, так на работу не надевает, жалко же. Так что налетят, масса Джонатан, не сумлевайтесь.

Роб больше не вмешивался, но слушал, не пропуская ни слова. Обсудив всё до деталей, Джонатан кивнул:

– Отлично, Мамми, так и сделаем.

– Вот и ладненько, масса Джонатан, – просияла Мамми.

Был доволен и Роб: его назначили помогать Мамми. Сегодня же он попросит дядю Стефа научить его хорошо считать. А то как же торговать без этого.

Выйдя из кладовки и оставив Мамми её запирающую, Джонатан пошёл в гараж. То, что он увидел вчера вечером, было весьма неплохо, но лучше посмотреть Чака за работой. И почему Фредди просил не трогать грузовик? Что он там успел переделать? Грузовик-то был в порядке, нечего там было мудрить?

В первый момент, услышав, что кто-то вошёл в гараж, Чак даже головы не повернул. Потом услышал, как звякнула крышка капота грузовика. Трейси? Больше ведь некому. И не выдержал, вылез, будто за инструментом. И застыл с полуоткрытым ртом. В моторе грузовика копался Бредли.

– Так! – в дверях гаража возник Фредди. – Я же сказал, чтоб без меня грузовик не трогал.

Чак мгновенно нырнул под «ферри». А то ещё посчитают за свидетеля. Психи они, конечно, оба, но и при кольцах тоже оба. Шмальнут как нечего делать. Но, работая, он слышал,

как они возятся в моторе грузовика, изредка переругиваясь по делу.

– Ну вот. И больше это дерьмо для заливки не покупай, – Фредди захлопнул крышку.

Чак затаил дыхание, продолжая орудовать ключом. Точно, идут к нему.

– Ну, – весело сказал Джонатан, – показывай, что тут и как.

– Да, сэр, – быстро ответил Чак, вылезая из-под машины. Джонатан слушал его, вытирая испачканные маслом и смазкой руки. Рукава закатаны, шляпа на затылке, на щеке пятно. Ну, свой брат шоферюга и всё тут! Но Чак понимал: перед ним лендлорд. Это Трейси как ни оденется, а видно, что ковбой. Так и Бредли. Хоть в рванине, а лендлорд.

– Хорошо, – кивнул, выслушав его, Джонатан. – Когда в пробную поедешь?

– Завтра после ленча, сэр.

Джонатан молча кивнул, и Чак перевёл дыхание. Ему хотелось спросить о завтрашнем дне, завтра, если он не сбился в счёте, пятница, день зарплаты, заплатят ли ему хоть малость? Но Джонатан сам ответил на непрозвучавший вопрос.

– И завтра перед обедом зайдёшь за расчётом.

– Слушаюсь, сэр, – улыбнулся Чак. – Завтра перед обедом.

Джонатан кивком отпустил его, и Чак опять нырнул под машину. И уже оттуда видел, как эти двое отщёрли с привычной сноровкой руки и ушли. Чуть помедлив, Чак рискнул

выглянуть: грузовик стоял как обычно. Интересно, что они там с ним делали? Снаружи он пока только заметил кольца-держатели для автоматов на потолке кабины, что вполне понятно и объяснимо. А вот в моторе что не так было? Привычным усилием подавив ненужное и даже вредное любопытство, Чак вернулся к работе. Завтра к ленчу «ферри» должен быть готов. Как бы и ночь не пришлось прихватить. Пока Бредли держал слово, честно платил. Но... вычет за жильё, жратву, одежду... тоже ведь немалая сумма набегает. А с Бредли ясно, что долгов не прощает, слупит по полной стоимости.

Чак вылез из ямы и стал собирать инструменты. Пора уже на обед идти. И зова Мамми он ждать не будет, ему ещё и вечером работать.

Но внутренние часы исправно работали у всех, и, когда Чак вошёл в кухню, Мамми решительно отмывала у раковины Джерри. Билли и Сэмми уже умылись, и Дилли важно подавала им их собственное полотенце. Вслед за Чаком вошёл Ларри и как всегда следом вбежал Марк, из внутреннего коридора появился Стеф. Ни толкотни, ни спешки: день, считай, завершён, спешить уже незачем. Не спешно расселись за столом, и Мамми подала всем миски с густым мясным супом.

Чак ел быстро и угрюмо, не участвуя в общем разговоре, и даже не слушая общую трепотню. Им-то что, а ему ещё корячиться под машиной до ужина, а то и дольше. Иначе он

точно к завтрашнему ленчу не успеет. И если б его сейчас кто хоть словом задел, он бы уж отвёл душу. Не кулаком, так руганью. Но его молчания не замечали, будто его и не было за общим столом. Мамми рассказала о сегодняшнем решении массы Джонатана продать лишнюю одежду.

– Так что завтра же отберёте, кто чего за собой оставит, – закончила Мамми.

Начался шум. Раньше куртку да сапоги на три года давали, а теперь-то... оно, конечно, городскую одёжу в церковь или, когда в город если, а для работы... оно хоть и рабское, да замарать не страшно... так что куртку ещё, да сапоги точно надо... ну, и всего остального... и малышне на вырост набрать... и ещё будут...

Молли покраснела, и Роланд покровительственно обнял её за плечи, кивнул:

– Да уж, малышowego про запас набрать надо.

Все закивали, но Стеф возразил:

– А чего им в рабском расти? Свободными ведь родятся.

Его слова поразили так, что наступила тишина, а Стеф продолжил:

– Для работы сменку иметь надо. И огольцам нечего ботинки по лужам трепать. А эти-то, кто народятся... Им уже другая жизнь будет.

– Д-да, – пробормотал Роланд.

Задумчиво кивнул Ларри. Сэмми сопел, переваривая новую для него мысль. Мамми гордо посмотрела на Стефа и

налила всем кофе. Чак залпом выпил свою кружку и встал. Болваны, ни один не думает, сколько с них слупят за это шмотьё. Так этой деревенщине и деньги ни к чему, им и тратить их негде и незачем.

Его ухода не заметили, продолжая спор. На полдороге к гаражу Чак поскользнулся на замёрзшей луже, едва не упал и с наслаждением в полный голос выругался. Стоявших у конюшни Джонатана и Фредди он не заметил. Они молча переглянулись и, когда в гараже вспыхнул свет, ушли к себе.

Живой огонь в камине, пятна тени и отблески на стенах, потрескивание поленьев. И согласное нетяжёлое молчание. Фредди покачал стакан, разглядывая сквозь него пламя.

– Ларри ты предупредил?

– Что ещё я забыл, Джонни? – флегматично ответил вопросом Фредди и негромко засмеялся. – Не трепыхайся. Я в Ларри уверен.

– А он?

Фредди кивнул.

– Соображаешь. Этого он тогда ни разу видел. Но не трепыхайся, Джонни, подстрахуем.

Джонатан неопределённо хмыкнул.

– Ему придётся потом это делать самому.

– Потом, Джонни. Каждого ковбоя в первый раз посадили на лошадь. Материал её?

Джонатан кивнул.

– Брошь я помню. Камни не ах, но металла много. А серьги... не видел.

– Не хватит, добавим своего, Джонни. Ты банку смотрел?

– Да, жемчуг тот самый. Но нужно переделать. В нитке могут и опознать.

– И в чём проблема?

– Жемчуг должен жить, Фредди.

– В чём проблема? – терпеливо повторил Фредди.

Джонатан засмеялся и кивнул.

– Ну то-то, – хмыкнул Фредди.

Теперь они опять сидели молча. Да, они начинают новое дело, совсем новое. Им нельзя сейчас ошибиться.

Фредди прислушался и улыбнулся.

– Я думал, он всю ночь провозится.

Джонатан кивнул.

– Работать он умеет. А остальное...

– Понадобится, так и оно будет, – Фредди допил стакан и встал. – Ладно, Джонни. Завтра после обеда сгоняем кой-куда.

– И «ферри» заодно проверим, – согласился Джонатан.

Как всегда, они быстро и согласованно навели порядок в баре, и Фредди ушёл к себе. Завтра с утра опять закрутится обычная рабочая карусель, когда всё привычно и всё заново.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Погода стояла пакостная и меняться явно не собиралась. Найти себе место, чтобы не дуло, не заливало и не морозило, они не могли. А в общезнании... это же у всех на глазах, об этом и речи быть не может.

Крис обнял Люсю, прикрывая её собой от ветра.

– Тебе холодно?

– Нет, Кирочка, – Люся поправила ему воротник куртки. –

Вот так, а то продует тебя.

И вздохнула. Вздохнул и Крис. Они думали об одном. И ничего не могли придумать.

И... и вдруг как осенило! Какие же они дураки оба. И началось всё с пустяка.

Со слов Люси, что она, наверное, завтра задержится, надо картотеку разобрать, а то там карточки... И Крис, ещё ни о чём таком не думая, сказал:

– И что, до ужина не успеешь?

– Нет, Кирочка, они Юрию Анатольевичу нужны, – стала объяснять Люся. – А он до вечера работать будет, так что... – она снова вздохнула. – Он на ужин уйдёт, а я после ужина пойду.

– Это когда ж там полы мыть? – просто так, без задней мысли, спросил Крис.

И, не договорив, замер, ошеломлённо глядя на Люсю.

– Люся... я... я ведь могу прийти туда, ну, пол мыть, никто и не подумает!

И Люся, сообразив, охнула и, обхватив его за шею, поцеловала.

– Ой, Кирочка, вот хорошо!

Перебивая друг друга, они продумали на завтра всё до мелочей. Что и кому скажут, кто и когда приходит, каким стуком оповещают о себе. Хотя особо такие меры предосторожности и ни к чему: после ужина да по такой погоде кто не на работе, тот у себя в комнате, как...

– Как сурок в норе, – весело сказала Люся.

Кто такой сурок и почему он сидит в норе, Крис не знал, но с Люсей немедленно согласился. Они ещё немного похо-

дили, обсуждая завтрашний вечер, потом Крис, как всегда, проводил её почти до дверей общежития, они поцеловались щека в щёку на прощание – целоваться в губы Люся не хотела, и Крис, разумеется, не спорил – он издали проследил, как она вошла, потом обежал вокруг корпуса и уже совсем с другой стороны, независимо вскинув голову, пошёл к себе.

Люся думала, что девочки уже спят, но те в одних ночнушках сидели на кровати у Гали, грызли орехи и болтали. Люся молча разделась, повесила пальто и верхний платок, чтобы просохли, переобулась.

– Добегаешься ты, Люська, – Галя сплюнула ореховую скорлупу в кулёчек, – до воспаления лёгких. Или придатков.

– Прогулки перед сном, – поддержала Галю Нина, – конечно, дело полезное, но не по такой погоде.

– В город тебя не вытащишь, – продолжала Галя. – Даже на Новый год так и сидела тут, а вот в темень, да под дождём... Ты у меня малину возьми, слышишь, Люсь?

– Спасибо, – Люся быстро переодевалась, спрятавшись за дверцей шкафа.

– Бери-бери, прогрейся.

– И ему бы снесла, – фыркнула Нина. – Тоже, небось, промок.

Люся промолчала, будто не поняла. Но Галя и Нина так засмеялись, что было ясно: всё-то они знают.

– Ох, Люська, – Галя сочувственно вздохнула. – Смотри,

перекрутишь.

– Ничего я не кручу, – Люся изо всех сил сдерживала слёзы.

– Крутишь. Водишь парня на верёвочке, а смотри, пере-
крутишь.

– Мужикам одно нужно, – кивнула Нина. – Вон, посмотри, что в палатах, без рук, без ног, а туда же...

– А как уступишь, – Галя горько покачала головой, – он своё возьмёт и нет его.

– Тоже верно, – согласилась Нина. – Вот только когда откажешь ему, так он ещё раньше смоемся. Так что смотри, Люська. Что так, что этак. Но хоть удовольствие получишь.

«Да нет же в этом никакого удовольствия, только боль и грязь», – возразила про себя Люся. Пока Галя с Ниной говорили, она разобрала постель и легла, отвернувшись к стене, накрывшись с головой одеялом.

– Смотри, Люсь, – сказала Галя. – Зла мы тебе не советуем.

Они что-то ещё говорили, но она уже не слушала. Лежала, зажмурившись и стараясь не зареветь в голос. Господи, что же ей делать, господи, ну, не может она этого. Удовольствие... нет там никакого удовольствия, только боль и грязь. И Кирочка понимает это, не просит, с руками не лезет, а они... Ох, Кирочка, ну, как ни прячься, а всё на глазах, всё равно все всё знают. Даже то, чего не было. И с советами лезут, а ей ничьи советы не нужны. Сердцу не прикажешь. И

не посоветуешь. Ведь как увидела она его тогда...

...Нет, сама по себе она бы никогда не пошла туда, в тот страшный отсек, откуда доносились стоны и крики, а сёстры убегали в ужасе. О свезённых туда рабах-спальниках такое рассказывали, такое... нет, никогда она и близко бы не подошла. Но ей дали какой-то регистрационный журнал и сказали:

– Отнеси Аристову.

– Юрию Анатольевичу? – уточнила она.

– Ну да. Нам, – Таисия-регистраторша фыркнула, – туда не с руки, а ты-то с ним как раз работаешь.

Она только-только начала работать и отлично понимала, что работа её – это так, повод платить ей зарплату и выдавать паёк. Всё-таки не инвалидная карточка, а чуть побольше. И она пошла. Это её работа, и её надо сделать. Надо, надо... И... после всего, что с ней было, она уже ничего не боится, страшнее того, что было, уже ничего не будет. Не может быть...

...Люся всхлипнула, не открывая глаз. Господи, как она боялась...

...У закрытой двери в отсек сидел усатый Василий Лукич, санитар.

– Мне к доктору Аристову, – робко сказала она, показывая Василию Лукичу журнал.

– Здесь он, – кивнул Василий Лукич. – Давай отнесу, а ты здесь посиди. Они, правда, попритихли сейчас, а всё ж... Не

место тебе там.

Она робко возразила:

– Спасибо, Василий Лукич, только... только это ж работа.

Он улыбнулся.

– Ну, раз так, иди смелей. И если что, кричи. Я рядом.

Он открыл перед ней дверь, и она вошла. В обычный коридор, с обычными госпитальными запахами и звуками. Где же здесь Юрий Анатольевич? Вроде, вон его голос. Она осторожно шла по коридору, прислушиваясь к стонам и всхлипам из-за дверей. Заглядывать в палаты она боялась: ей уже narassказали, что они там все голые, ну, совсем без ничего, даже простыней укрыть не дают, маньяки... За её спиной еле слышно стукнула дверь. Она оглянулась и похолодела: огромный голый негр надвигался на неё с застывшим на лице белым, как у черепа, оскалом. Она ойкнула и бросилась бежать по коридору. Не к выходу – его как раз загоразивал этот страшный негр, а вперёд и, уже ничего не понимая и не сознавая от страха, влетела в первую же открытую дверь. Огляделась и... и увидела его. Он лежал на кровати, голый, широкие ременные петли застыгнуты на запястьях и щиколотках, ослепительно белые на тёмной коже марлевые наклейки на груди и животе, застывшее в бессильной ненависти лицо... Он смотрел в потолок и только часто дышал, жадно хватая воздух. Она смотрела на его лицо, покрытые серой коркой губы и даже не заметила, есть ли ещё кто в палате. И весь страх у неё прошёл, делся куда-то. Она стояла

и смотрела, а он вдруг начал хрипеть, дёргаться, выгибаясь, пытаясь порвать петли. Она попятилась, наткнулась на кого-то сзади, но испугаться не успела.

– Люся? Ты что? Зачем?

– Ой, Юрий Анатольевич, вот.

Он взял у неё журнал, поглядел на обложку и хмыкнул:

– И кто тебя послал?

– Таисия, – робко ответила она.

– Ну ясно, – кивнул Аристов. – Ладно, с ней я сам поговорю, – быстро раскрыл журнал, расписался и пытливо посмотрел на неё. – Очень испугалась?

Она бы ответила, но тут этот закричал, забился.

– Иди, Люся, – Аристов за руку повёл её к двери.

– Юрий Анатольевич, – спросила она уже в коридоре, – а что с ним? Это... это от боли?

– Да, Люся.

Аристов отдал ей журнал и довёл до выхода из отсека...

...Люся вздохнула и прислушалась. Вроде, девочки уже легли. Ох, Кира, Кирочка, сколько ж ты муки принял. Раненый, да ещё горячка эта. Господи, что же теперь будет? Что же ей делать? Что?

Тетрадь пятьдесят седьмая

122 год

Зима

Россия

Ижорский пояс

Загорье

Крещенские морозы всё-таки оказались не такими страшными, как их расписывали. Женя на рынке купила, как ей посоветовали Баба Фима и девочки из машбюро, гусяного жира, и Эркин, приняв это, к её удивлению, без малейшего сопротивления, перед выходом на работу промазывал себе лицо. Но потребовал, чтобы и она поступала так же.

День катился за днём, такой же, как вчера и как завтра. Эркин теперь по утрам покупал газету и вечером, упрямо сдвигая брови на особо трудных местах, читал статью за статьёй, спрашивая Женю о непонятных словах. Алиса освоила азбуку полностью, и Женя купила ей целую россыпь маленьких книжек – в каждой книжке одна сказка. Их Эркин тоже читал. И оба учились писать. Но здесь успехи Алисы были куда заметнее.

Пополнялся и их дом. После святок приехало много репатриантов или, как их все здесь называли, беженцев. Правда, в «Беженский Корабль» шли не все. Кто хотел обзавестись собственным домом в Старом городе получали участок и в ожидании дома жили в бараке – длинном двухэтажном деревянном доме между Старым и Новым городами – или снимали комнату, стараясь устроиться поближе к своему участку, чтобы заранее наладить отношения с соседями. А свой дом – это до весны ждать. Вот когда снег сойдёт, и земля под фундамент оттаёт, тогда всё и начнётся. А ссуду, чтоб по пустякам не растратить, клали пока в сберкассу, чему Комитет не препятствовал, а даже советовал.

Выбор места Норма полностью предоставила Джинни. В конце концов ей самой всё равно, где жить. И почему Джинни выбрала этот город с трудно произносимым названием в далёкой глухой местности Иж... – ну, это ей уже никогда не выговорить – Норма не понимала. А город... За-го-рье. «За

горами», – перевела ей Джинни.

– Это перспективный город, мама. Там большой завод, туда едет много народа, и место учительницы наверняка найдётся. Понимаешь?

Они сидели в своём отсеке на нижней койке, и Джинни убеждала Норму, а может, и саму себя в правильности выбора.

– В старых городах все школьные места уже заняты. На частных уроках не прожить. А здесь у меня будет шанс. Словом, мама, я отправила запрос. Правильно, мама?

Норма кивнула. Разумеется, она ни слова не сказала Джинни, но жизнь в лагере довела её до такого состояния, что она была согласна на всё, лишь бы уехать отсюда. Скоро два месяца, как они живут... нет, это не жизнь! И дело совсем не в цветных, бывших рабах, которые никак и ни в чём не отделены, с которыми приходится бок о бок, нет-нет, к этому вполне можно приспособиться, тем более, что те, опасаясь потерять визу, ведут себя вполне корректно. Но всё равно – эта теснота... И видя довольных, уверяющих, что здесь, как в раю, что так «здоровско» им ещё не было, и можно подумать, впервые в своей жизни наевшихся досыта, подетски радующихся этому, взрослых людей, Норма с ужасом думала: как же те жили раньше, если это... рай?

Нет, она, разумеется, понимает, каких трудов и каких денег стоила организация этих лагерей, понимает, что было сделано всё возможное, и... и хоть бы поскорее это кончи-

лось. Одна баня вместо ванной чего стоит...

Норма невольно передёрнулась от воспоминания. Ей понадобилось всё её мужество, чтобы раздеться догола на глазах у множества людей. И мыться при всех, как... даже про себя она удержалась, даже мысленно не сказала: как рабам.

И относились все к ней и к Джинни совсем не плохо, можно сказать, что хорошо, и всё же...

– Ну же, мама, ты согласна на Загорье?

– Ну, конечно, Джинни, – улыбнулась Норма.

И про себя закончила: «Было бы тебе хорошо, моя девочка». Удивительно, но Джинни эта жизнь в лагере будто нравилась. Норма как-то сказала ей об этом и получила неожиданный ответ:

– Знаешь, мама, это похоже на колледж, – Джинни засмеялась. – Перед самым выпуском.

Что ж, может и так. Сама она колледж так и не закончила, встретив Майкла, и каково перед выпуском – не знает. Но Джинни весела, предприимчива, подружилась с библиотекаршей А... Ал... Ну, по-английски, девушку зовут Элен, и ещё у Джинни появились знакомые. И психолог – даже странно такое понимание и внимание у явно ещё недавно военного молодого мужчины – говорил очень доброжелательно, похвалил её за мужество и самоотверженность, обнадёжил, что у Джинни нет серьёзных проблем и такая смена обстановки – наилучшее решение. Было приятно слушать.

Миновало Рождество, Новый год, и вот наконец, наконец

они едут. Мой бог мой Бог, наконец-то! И... и не то, что страшно, но гнетёт сознание необратимости этого переезда. Чужая страна, чужой язык, обычаи, всё чужое. Но... но Джинни там будет лучше. Язык... Джинни бойко болтает по-русски со своими новыми приятельницами, упрямо читает русские книги в библиотеке.

– Мама, тебе нужно учить язык.

Разумеется, нужно. Норма старательно запоминала русские слова, делая их привычными и своими. Хорошо... нет... хлеб... иди сюда... дай... на... Здравсьте... спасибо... В библиотеке она долго рассматривала альбомы с видами России. На снимках заснеженные деревья и маленькие, утопающие в сугробах домики из брёвен. Коттеджи, а по-русски – избы. Нет, Джинни – умница и, конечно, права: лучше квартира в большом доме со всеми удобствами. Её девочка бывает удивительно рассудительна для своего возраста. Загорье. Что ж, пусть Загорье. Элен дала маленький буклет о городах Ижорского Пояса. Две станицы были посвящены Загорью. Город смотрелся зелёным и приветливым. Маленькие домики в садах. И чем-то похоже на Джексонвилл. Ну, Джинни она об этом не обмолвилась ни словом: Джинни само имя Джексонвилла ненавистно.

Джинни принесла маршрутный лист. Атланта – Загорье. Через Рубежин, Ивановково и Ижорск. Норма несколько раз перечитала названия вслух, добиваясь с помощью Джинни правильного произношения. Странно, что на такой вроде бы

не длинный путь – всего три пересадки, а Рубежин, к тому же, это Стоп-Сити, пограничный город – отводится почти пять дней. Хотя она и раньше слышала, что в России большие расстояния.

Они выехали, как и многие, на рассвете. И до вокзала их довезли в грузовике. Хоть у них и немного вещей: два чемодана и сумка, но всё-таки... В комендатуре получили билеты до Рубежина и два пакета – пайки, Норма уже запомнила это слово. В каждом пакете кирпич солдатского хлеба и банка тушёнки. Попутчиками до Рубежина были очень приличные – всё-таки второй класс – люди, в поезде продавали сэндвичи и кофе, так что пакетов с пайками не пришлось доставать. А в Рубежине таможня. Где им действительно обменяли все их деньги один к одному. Пятьдесят тысяч за дом, почти две тысячи её сбережений и ещё мелочь, оставшаяся от потраченной в лагере сотни – пятьдесят четыре рубля тридцать копеек. И то небольшое сбережённое ею из подарков Майкла: золотую цепочку с медальоном-сердечком, обручальное кольцо с бриллиантом и золотые с жемчужинками серёжки, которые Майкл купил к совершеннолетию их новорождённой дочери, – всё это даже без пошлины пропустили. Как вещи личного пользования. И они оказались уже на русском вокзале.

Джинни настояла отпраздновать переход в вокзальном буфете. Пир состоял из крепкого горячего чая и бутербродов с дорогой рыбой – Норма старательно привыкала к русской

манере делать открытые бутерброды вместо сэндвичей. И опять два пакета-пайка.

– Куда нам столько хлеба, Джинни?

– Сухарики сделаем, – рассмеялась Джинни. – Ты же мне рассказывала, помнишь?

Норма кивнула. Так они и привезли в Загорье три буханки чёрного хлеба, остальные всё-таки съели. Ни в одном поезде ресторана не было, и все ели по вагонам, а чай брали у проводника. И они с Джинни поступали так же. Они – не туристы, и эта экзотика должна стать их обычаями. Да и взять, к примеру, одежду. Толстый вязаный платок-шаль, войлочные сапоги – как они называются, ах да, ва-лен-ки, – это экзотика или необходимость? И манто здесь – не роскошь, а обычная зимняя одежда, её даже носят мехом внутрь для тепла. Хорошо, что у них были деньги, и они сумели уже на первой большой остановке купить тёплой одежды. Вещи, правда, изумительные. Ручная вязка, хорошая шерсть. И в Ивановкове купили валенки. С каждой остановкой всё холоднее, снег визжит и скрипит под ногами, собственное дыхание оседает у тебя на лице инеем...

Норма старалась не думать о будущем. Но... но как жить, когда к обеду уже темно, как ночью. Правда, может, именно поэтому русские обедают так рано, практически в ленч, но всё-таки...

А встретили их в Загорье хорошо. Норма улыбнулась, вспомнив, как они наконец вышли на Вокзальную площадь.

Как наконец кончилась их дорога, их бегство. Да, ещё не было ни жилья, ни работы для Джинни, они стояли на заснеженной площади, всё их имущество на них и в двух чемоданах у ног, но она поняла: они приехали!

В Комитете им посоветовали сдать вещи в камеру хранения, и уже прямо оттуда они пошли в городское управление образования подтверждать заявку Джинни, благо это... да, правильно: ГУО оказалось рядом, только площадь перейти, и она сидела в коридоре, пока Джинни храбро ходила по кабинетам.

– Ну вот, мамочка, – Джинни, счастливо улыбаясь, показала ей какие-то бумажки. – Меня зачислили в штат. С осени в школе, а пока в Культурном Центре, он ещё строится, но уже работает, а лицензирование прямо здесь и пройду.

Норма улыбнулась её радости.

– Поздравляю. А теперь...

– А теперь вернёмся в Комитет, оформим ссуду и пойдём домой.

Норма кивнула.

Удивительно, но ссуду им дали. И даже не спросили, нуждаются они в ней или у них есть свои деньги. На каждого члена семьи и на семью в целом. И даже их путь до дома со странно-романтическим названием «Беженский Корабль» был не в тягость. Может, из-за румяного от мороза улыбающегося лица Джинни. И дом им сразу понравился. Светлые просторные комнаты, неплохая, в общем, пла-

нировка, только ванная почему-то не рядом со спальнями, а отдельно и рядом с кухней. Но к этому тоже можно приспособиться.

В дверь позвонили, и Норма, вздрогнув, посмотрела на часы. Джинни? Господи, а она замечталась и совсем забыла поставить подогреть обед.

Норма быстро подошла к двери и, уже открыв замок, всё-таки спросила:

– Кто там?

– Добрый вечер, миссис Джонс, – ответили из-за двери по-английски.

Норма узнала голос их соседки, Джен Мороз из квартиры напротив, и распахнула дверь.

– Здравствуйте, рада вас видеть, Джен, заходите.

К удивлению Нормы, Джен была не одна. Вслед за ней в холл вошла маленькая полная старушка в длинной юбке и большом узорчатом платке на плечах. А когда Джен стала объяснять, зачем они пришли, Норма совсем растерялась. Соседи придут к ним убирать, мыть, вешать карнизы и люстры? И полки? Сделают стеллаж в кладовке? Но... но...

– По обычаю так, – внушительно сказала Баба Фима. – Не нами заведено, не нам и менять.

Женя перевела и улыбнулась.

– Так мы в субботу придём с утра. Вы пожалуйста, купите всё, люстры там, плафоны, шторы... а остальное мы сделаем. Да, и мастики обязательно.

– Но, Джен... Это же...

– А придут другие, вы им поможете, – улыбалась Женя.

Они втроём обошли квартиру, всё осмотрели, обсудили ещё раз, что надо и возможно сделать, и решительно попрощались, оставив Норму в полной растерянности. Меньше всего она ожидала такого, такой... Нет, она всегда знала, что с соседями надо поддерживать хорошие отношения, и всегда следовала этому правилу. И с Джен они сразу... да, они и познакомились в первый же день...

...Когда комендант вёл их по коридору смотреть их квартиру, да, разумеется, посмотреть, но уже было ясно, что они согласятся, коридор был полон играющими детьми. При виде коменданта они притихли, но не испугались, а только прервали свои игры и тесной стайкой последовали за ними. Комендант показал квартиру, включил всюду свет – за окнами уже темнело – и, выслушав их согласие, ушёл уже за документами для окончательного оформления. А они остались вдвоём в пустой гулкой квартире. И Джинни сказала:

– Мама, я схожу куплю нам поесть. Хлеба ещё много.

– Да, – очнулась она от какого-то странного оцепенения, – хотя бы молока. А посуду купим завтра, и... Джинни, уже темно. Мы пойдём вместе.

Но пока дождалась коменданта, пока оформили документы, стало совсем темно. Как ночью. Комендант заверил, что магазин – маленький зелёный домик, что они видели, подходя к дому – работает. Вот в этом магазинчике они и встре-

тись с Джен, Женей Мороз, тоже из Алабамы. Джен помогла им с покупками, и домой они вернулись все вместе. И квартира Джен семьдесят седьмая, как раз напротив, почти дверь в дверь. Как удачно! Джен оказалась очень милой и несмотря на молодость – ненамного старше Джинни – очень разумной женщиной. Именно Джен посоветовала им особо не спешить с покупкой мебели. Ведь устраиваться надо не на день и даже не на неделю, а на всю жизнь.

– Мы первое время, пока ремонт не сделали, – рассказывала Джен, – прямо на полу спали. Купили перины, а пол тёплый, и так удобно было.

Они стояли в коридоре у своих дверей. Джен отдала сумку дочке, познакомила их со своим мужем – высоким молчаливым индейцем. А потом, когда они уже попрощались, ушли к себе и на кухне выкладывали на подоконник молоко, масло, творог и другие покупки, в дверь позвонили. Думая, что это комендант, они сразу открыли дверь, но там никого не было, только стояли четыре табуретки и на одной из них лежала открытка.

– С при-е-з-дом, – прочитала Джинни, перевела и ахнула: – Мама, это... это же...

Коридор был абсолютно пуст. Они занесли неожиданный подарок в холл. Табуретки не новые, но крепкие, не скрипят, не шатаются, явно не фабричной, а ручной работы. И ясно, что это... не благотворительствуют, а делятся. Как говорят русские: от чистого сердца.

И снова звонок. На этот раз пришла Джен с мужем. И принесли две перины. И простыни. Она запротестовала, но Джен очень решительно сказала:

– Купите спальню и вернёте. Это вам в аренду, – и улыбнулась. – Бесплатную.

Улыбнулся и её муж, и его строгое, даже суровое лицо стало таким, что отказываться было уже невозможно. И тогда она, расспрашивая Джен о магазинах, спросила и о хорошем мастере, ну, повесить карнизы, люстры и вообще обустроить квартиру.

– Будет мастер, – улыбнулась Джен. – И даже не один...

...Норма улыбнулась воспоминанию. Так вот, значит, на что намекала Джен. Как это называется? Беженское новоселье? Удивительно. Завтра... завтра четверг. Тогда с утра она с Джинни, да, они пойдут и купят всё необходимое. Да, разумеется, надо сделать квартиру в общем, полностью оборудовать кухню, ванную и кладовку. А мебель в спальню и гостиную можно и потом. И когда Норма услышала, как Джинни открывает своим ключом дверь, то пошла её встречать уже совсем спокойно.

– Мамочка, сколько звёзд! – выдохнула Джинни. – И луна, большая-пребольшая! И смотри, что я купила!

Джинни ходила в магазин за бельём.

– Очень холодно, Джинни? Ты не замёрзла?

– Нет, что ты! Мама, смотри! – восторгалась Джинни. – Я купила сразу дюжину! И подушки!

– Мой бог Мой Бог! – ахнула Норма, увидев тюк. – Как ты это дотащила?

– Мне помогли, – просто ответила Джинни. – А завтра пойдём за мебелью, да мама?

– И да, и нет, – улыбнулась Норма, любуясь румяной весёлой дочерью. – Раздевайся, будем обедать, и я тебе всё расскажу. В субботу к нам придут, – и Норма старательно выговорила по-русски: – на беженское новоселье.

– Ой, как интересно! – восхитилась Джинни.

Норма счастливо улыбалась. Мой Бог Мой Бог, как хорошо, что они уехали.

За ужином Женя сказала Эркину о беженском новоселье.

– В эту субботу и сделаем.

– Хорошо, – кивнул Эркин и улыбнулся. – Хороших людей сразу видно, так?

– Ну конечно, – улыбнулась Женя. – Мы сегодня с Бабой Фимой всё посмотрели, обговорили. Ремонта там не надо, только кладовку оборудовать, повесить всё, ну, и...

– И полы сделать, – тихо засмеялся Эркин.

Его умение мыть и, особенно, натирать полы было уже хорошо известно всему дому. А для многих здесь паркет внове. Так что в этом вопросе авторитет Эркина непоколебим. Засмеялась и Женя. Ну, слава богу, Эркин отошёл. А то после того вечера, когда к ним приезжал отец Андрея, даже спал плохо, стонал во сне, переживал.

Женя повела Алису укладываться спать, а Эркин остался сидеть за столом, разглядывая газету. «Загорская искра». Женя говорит, что газету можно выписать, и тогда её будут приносить им домой. Хорошо, конечно, удобно. Но... но ему нравится покупать её. Вместе со всеми. Женя просила его не молчать, а говорить ей. Но... но если Жене так хочется, то пусть, конечно, выписывает. Или... да, а почему «искра»? Странно. И вон под большим названием мелкими буквами: «Из маленькой искры большое пламя». Это, конечно, так, но зачем это здесь? У кого бы спросить, чтоб не высмеяли?

– Эркин, – позвала его Женя.

– Да, иду, – сразу откликнулся он и встал.

Алиса уже лежала в постели. Он, как обычно, наклонился и коснулся плотно сжатыми губами её щёчки. Алиса вздохнула, не открывая глаз.

– Э-эрик. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, маленькая.

Эркин выпрямился, оглядел комнату. Тишина и спокойствие. И... да, здесь спокойно, Алиса защищена, ей ничего не грозит. Вот что это такое. И защищена им. Эркин внезапно понял, вернее, ощутил это. Что он – главная, да и единственная защита Алисы. Он – отец. Вот что такое отец. И потому никогда и не знал этого, потому что у самого не было. Вот только... Зибо... Зибо же защищал его. Как мог. Он же, как здесь говорят, ни уха, ни рыла в дворовой работе не знал. И Зибо ни разу не подставил его. Всему научил. Так

научил, что и сам, уже в одиночку, смог работать. И в горячку он орал, о нары бился, так Зибо ни разу не попрекнул его. А он... с Зибо не расплатился и Андрея...

Эркин потрянул головой, осторожно поправил свесившийся угол одеяла и бесшумно вышел из комнаты Алисы, плотно закрыв за собой дверь.

На кухне его уже ждала Женя за накрытым для второй «разговорной» чашки столом.

– Спит?

Эркин с улыбкой кивнул и сел за стол. Но его улыбка не обманула Женю. Правда, он особо и не старался.

– Что с тобой, Эркин?

Ладонь Жени легла на его сжатый кулак, и Эркин, нагнувшись, потёрся лбом о её пальцы и, не поднимая головы, глухо ответил:

– Я об Андрее думаю. Всё равно я виноват. Моя вина, Женя.

– Эркин, не мучай себя. Ты же ничего не мог сделать.

– Мог, – упрямо повторил Эркин. – Женя, пойми.

Свободной рукой Женя погладила его по голове. Он снова потёрся лицом о её руку и выпрямился.

– Женя, я ведь и по нему ударил. Он из-за меня теперь один. Понимаешь?

Женя кивнула.

– Понимаю. Ты о Бурлакове, да? Но нет, Эркин, ну, нельзя так изводить себя.

Он прерывисто вздохнул, как всхлипнул. Женя давно уже не слышала от него этого звука. Она порывисто встала и обняла его. Эркин молча обхватил её, уткнувшись лицом в её халатик. Он молчал, но Женя чувствовала, что он сдерживает себя, не давая прорваться каким-то, видимо, казавшимся ему очень страшным словам. И она тоже молча гладила его по голове и плечам.

Эркин разжал руки и снизу вверх посмотрел в лицо Жени.

– Женя... спасибо.

Она, по-прежнему молча, кивнула. И Эркин улыбнулся, натужно, через силу, но улыбнулся. И встал.

– Уже поздно, да? Пора спать.

Он старался говорить как обычно. И Женя поддержала его. Да, пора спать. Завтра им обоим на работу с утра. Что бы ни случилось, надо жить. Просто жить. Как это было вчера и будет завтра.

И когда они легли спать, Эркин осторожно мягко обнял Женю.

– Женя... ты... ты не сердись на меня, ладно? Мне просто... – он запнулся.

– Надо выговориться, ведь так? – пришла ему на помощь Женя.

– Да, Женя...

А дальнейшее, что ему не с кем выговориться, как не стало Андрея, он сказать не мог. Не Жене же о питомниках, о торгах, о всей этой рабской грязи слушать. Не знает она это-

го, и пусть не знает. Он сам зачастую не может понять, что с ним, а уж сказать... Рука Жени на его груди, её дыхание на его щеке. Он – муж и отец. Защитник и добытчик. Он должен быть сильным, ради них. Женя и Алиса доверились ему.

– Прости меня, Женя, – беззвучно шевельнул он губами, засыпая.

Показалось ему, что Женя погладила его, или нет, уже неважно.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Ничего нет хуже одинокого больничного вечера. Симон Торренс вечерами даже жалел, что не захотел в двухместную

палату. Было бы, по крайней мере, с кем поговорить. Да и дешевле бы обошлось. Но... но любой сосед вызвал бы и целый ряд осложнений. Прежде всего ненужными неизбежными вопросами. Да и в конце концов, одиночество – удел любого человека. Встретить любящего и любимого – свою пару, свою половинку – слишком большая удача. Встретить, узнать и удержать. Слишком много. Три сразу всегда неисполнимо. От чего-то надо отказаться. И от чего же он откажется?

Симон усмехнулся. Да, он встретил. Даже дважды. Узнал. Особенно во вторую встречу. И... и не удержал. Чёртов мальчишка. Надо же такому случиться! Влюбиться, да нет, к чёрту, полюбить спальника! Классический треугольник. Он любит парня, а парень по уши втрескался в этого чёртова доктора. А доктор... доктор – не гей, любовь парня ему не нужна, вряд ли тот даже понимает происходящее. А парень тем более. И значит, к доктору должен идти он сам. Идти, и объяснять, и просить. Неохота. Да и опасно. Гея только гей и поймёт. Серьёзного ничего не будет, разумеется, но... но одна необходимость говорить об этом – уже неприятна.

Симон встал и подошёл к окну. Нога совсем не болит. Обещали через три дня снять гипс, и тогда ещё неделя – и выписка. Он вернётся домой, в пустой и холодный дом. Вряд ли Малыш ждёт его возвращения, если за всё время ни разу не удосужился навестить его здесь. Малыш себе цену знает и наверняка уже пристроился самым удачным образом. Пар-

нишка дьявольски смазлив и оборотист. Смешно, ещё месяц назад от одной мысли, что Малыш с кем-то другим, с ума бы сошёл от ревности, а сейчас... сейчас даже доволен. После парня – здесь его называют Андре – на Малыша можно и очень хочется наплевать. Честно и искренне. Как на любую продажную, что сама себя на торги выставляет... С Андре всё по-другому. Что же нам делать, Андре? Смешно, но русские всем парням разрешили называться именами, ходить не в форме. Хотя... Русские официально отменили рабство, так что им приходится держать марку. И сообразили же сделать из спальников санитаров и массажистов. Здорово придумано!

Ну что ж. Решил – делай. А то доктор уйдёт, и всё отложится ещё на день. И ещё... а там и выписка. И придётся уйти, так и не... К чёрту!

Симон решительно оттолкнулся от окна и вышел из палаты. Вечернее время перед ужином, прогулки по Цветочному проспекту, беседы в зале отдыха...

Лечебный корпус был пуст и тих, даже лампы горят через одну. Вот и нужный кабинет. Вдруг Симон понял, что надеется на то, что доктора уже нет и тогда разговор отложится сам собой. И, злясь на самого себя, он решительно, может, даже излишне резко постучал.

– Войдите, – удивлённо откликнулся красивый мужской голос.

Это русское слово Симон уже знал. Он толкнул дверь и

вошёл.

Высокий плотный мужчина в белом халате смотрел на него удивлённо, но вполне доброжелательно.

– Добрый вечер, доктор. Извините за поздний визит, но я прошу вас уделить мне немного времени.

– Добрый вечер, – ответил по-английски Жариков, одновременно щёлкая переключателем на коробке селектора. – Конечно, проходите и садитесь.

Симон сел на стул с другой стороны стола, напротив доктора, прислонив к стулу костыли. Ну, вступление сделано, теперь к делу.

– Доктор, я пришёл к вам, как мужчина к мужчине.

Такого вступления Жариков не ждал, и это, видимо, отразилось на его лице, потому что сидящий напротив мужчина – да, правильно, третья хирургия, Торренс – невесело улыбнулся.

– Вы удивлены, доктор, не так ли? И всё же... если сразу по сути дела... Видите ли, вы, разумеется, знаете о классическом любовном треугольнике. Так вот, мы с вами – две вершины этого треугольника.

Жариков медленно кивнул. Действительно неожиданно, но вполне вероятно.

– А третья вершина?

– Третья вершина, – Симон снова и по-прежнему невесело улыбнулся, – это Андре. Чёрный мальчишка. Спальник. Здесь его используют, в основном, как санитаря и массажи-

ста.

Жариков кивком показал, что понимает, о ком идёт речь.

– Да, доктор, – Симон открыто смотрел ему в глаза, – я из тех, кого называют гомосексуалистами, или геями, ну, это мы сами так себя зовём. Да, я – гей. И я люблю Андре. Андре... тоже гей.

– Вы уверены? – мягко спросил Жариков.

Симон даже рассмеялся.

– Что Андре гей? Ну, конечно. Он... словом, это длинная история, но когда-то мы любили друг друга. Потом, как раз в заваруху, пришлось расстаться, я даже думал, что он погиб, и вот. Встретились. И... доктор, Андре любит вас. Но вам-то его любовь ни к чему. Вы же – не гей, это видно.

– Да, – кивнул Жариков, – к геям я не отношусь, в этом вы правы. А в остальном... давайте разбираться. Вы встречались с Андре раньше?

– Не просто встречался, а он полгода, даже больше, жил у меня.

Сдерживая себя, Жариков, уже не догадываясь, а зная, спросил:

– В качестве кого?

– Да, – смело ответил Симон. – Я понимаю и не отрицаю. Да, почти два года назад я купил на торгах, купил спальника. Ему было семнадцать лет. Но эти полгода... ему не было плохо, можете сами спросить у него, не думаю, что он будет врать. Нам было хорошо вдвоём, очень хорошо. А сейчас...

– Сейчас он – свободный человек и вправе сам определять свою жизнь.

– Доктор, это слова. Что он может понимать в жизни? И потом... понимаете, он подчиняется, привык подчиняться. Он, – Симон улыбнулся, – в этом, ну, и ещё во многом, он, как ребёнок. И навсегда останется им. Я обещаю вам, что ему будет хорошо. Не хуже, чем здесь, а во многом и лучше.

– В чём? – терпеливо спросил Жариков.

– Его будут любить, – твёрдо ответил Симон. – Он создан для любви. А здесь... нет, я не хочу, чтобы это прозвучало упрёком, но лучшее в нём закрыто для вас, вы – не гей и не можете ни понять, ни принять его. Вы же его не любите, он не нужен вам, не нужно лучшее в нём. А я его люблю. Я создам ему любые условия, дам всё, что ему нужно. Если я тогда шёл на нарушения инструкции по содержанию, фактически закона... поверьте, это было очень серьёзным нарушением и можно было поплатиться не только имуществом, но и свободой, а то и жизнью. Да он ночи не проспал в рабской камере, днём по всей квартире ходил, и ел... я тогда у спекулянтов для него покупал, я не хвастаюсь, нет, поймите. Ну, а сейчас-то... деньги у меня есть. Я, правда, немного поиздержался с этой аварией, но это пустяки. У парня будет всё. Всё, что ему нужно.

– И вы уверены, что знаете это?

– Разумеется. Поймите меня. Я не знаю, как это произошло, могу только догадываться. Скорее всего, он попал к вам

больным, и вы его вылечили. Все спальники очень отзывчивы на заботу, а уж он... – Симон улыбнулся немного смущённо. – Он очень нежный, очень ласковый. Доктор, он не нужен вам, а мне... я не смогу жить без него.

Жариков кивнул.

– А с ним самим вы говорили?

– Зачем? – искренне удивился Симон. – Он говорит то, что ему велели вы. Или... или то, что, по его мнению, понравится вам. Отпустите его, доктор. Массажистов здесь и без него хватает.

– Его никто насильно не удерживает здесь, – терпение Жарикова было неистощимо. – Он свободен.

– Тогда почему он отказывается? – насмешливо спросил Симон.

– Может, потому, что не хочет, – с той же интонацией ответил Жариков.

– Да, – нехотя кивнул Симон, – он говорил это. Но... но он же не понимает, что не нужен вам. Кто он для вас? Объект исследований?

– А для вас?

– Я люблю его! – выдохнул Симон.

Жариков понял, что придётся идти на крайние меры.

– Я предлагаю вам, – очень спокойно начал он, – пригласить его сюда. Он – полноправный участник этого разговора, не так ли?

– Да, – решительно кивнул Симон и с вызовом продол-

жил: – Если он сможет при вас говорить откровенно.

– Мы можем пригласить кого-то на роль третейского судьи, – улыбнулся Жариков.

Он уже прикинул, что в случае согласия позовёт Аристова, Тётю Пашу и кого-то из парней. Скажем, Эда или, что ещё лучше, Майкла, тот тоже джи.

– Мне не нужна огласка, – сердито ответил Симон.

– Как хотите, – Жариков щёлкнул переключателем на селекторе, дождался ответного сигнала и спросил по-английски: – Кто дежурит? Леон?

– Да, я, – удивлённо и тоже по-английски откликнулся динамик. – Что-то случилось, Иван Дормидонтович?

Русские имя и отчество странно прозвучали в английской речи.

– Ничего особого, – успокоил Леона Жариков. – Найди, пожалуйста, Андрея, и пусть он сейчас придёт ко мне в кабинет.

– Ага, мигом.

Жариков отключил селектор, и они стали ждать.

Андрей пришёл вскоре, но не один. Вместе с ним в кабинет вошли ещё трое: Крис, Эд и Майкл.

– Здравсьте... Чего он натворил?.. натворил?.. Что случилось?.. Иван Дормидонтович, если что, так он же малец ещё... – заговорили они все сразу, перемешивая русские и английские слова.

И так же сразу замолчали, увидев Торренса. Секундная

пауза, быстрый обмен взглядами, и... и Крис вlepил Андрею такую оплеуху, что тот отлетел к стене.

– Ах ты, погань рабская! Самому придушить кишка тонка, так других впутываешь?!

С изумившей Торренса ловкостью Жариков вылетел из-за стола и встал между парнями.

– Стоп, – тихо сказал он.

Парни послушно замерли.

– Или все вон, или сели, и вас не слышно.

Не подчиниться этому голосу было невозможно. Парни отошли к стене и сели на кушетку. Андрей, потирая затылок, тоже сел на стул, поставленный Жариковым у стола напротив Торренса. А сам Жариков вернулся на своё место. Несколько томительных секунд тишины, и Жариков заговорил по-английски:

– Вы не хотите огласки, – обратился он к Торренсу. – Огласки не будет. Дальше этого кабинета ни одно слова не уйдёт.

Парни, сразу став серьёзными, закивали. Кивнул и Андрей.

– Это первое. Второе, – продолжал Жариков, – решаем эту проблему окончательно. Продолжения не будет, – снова дружные кивки.

Симон, не отрываясь, смотрел на сидящего напротив... да, пусть будет Андре. Прежнее, по-мальчишески округлое лицо, пухлые, нежные даже на взгляд губы. Дешёвая си-

не-красная клетчатая рубашка, армейские брюки и ботинки. Мой бог Мой Бог, да он как куклу оденет мальчика, теперь-то, когда всё можно...

– Пожалуйста, вам слово.

Симон вздрогнул, отвёл глаза от Андрея и натолкнулся на ненавидяще застывшие лица трёх спальников. Нет, Андре надо забирать отсюда, любой ценой, они же, эти скоты, забьют мальчика.

– Андре, – он откашлялся, – я уже говорил тебе. Андре, здесь ты никому не нужен, а я увезу тебя к себе, будешь жить у меня, ни в чём тебе отказа не будет, ни в чём.

Андрей искоса посмотрел на Жарикова, вздохнул, собираясь с силами.

– Я тоже сказал, – начал он. – Я не хочу.

– Ты можешь сказать, почему? – после недолгой, но тяжёлой паузы спросил Симон.

Андрей судорожно сглотнул и кивнул.

– Могу. Я не хочу. Я... мне противно.

– Что? – ошеломлённо переспросил Симон. – Что тебе противно?

– А это самое, – Андрей сделал выразительный жест и, чтобы не возникало никаких сомнений, уточнил: – Траханье.

– Как это? – всё ещё не понимал Симон.

– А просто. Тошнит меня от этого.

– Нет, подожди, здесь, согласен...

– А здесь ко мне с этим никто и не лезет, – дерзнул пере-

бить его Андрей. – Вы вот, первый. А противно мне и раньше было. Ещё в питомнике.

Симон ошеломлённо, не веря услышанному, самому себе не веря, смотрел на Андрея.

– Как в питомнике? – тупо переспросил он. – А как же?.. Нет, подожди, но мы... Нам же было так хорошо вдвоём, в постели...

Андрей быстро взглянул на него, отвёл глаза, но с явным усилием заставил себя смотреть в лицо Симону.

– Вам, может, и было хорошо, а мне – нет.

– Но ты, я же помню, как ты... – Торренс даже задохнулся на мгновение. – Ты же тоже... испытывал чувствовал всё это, каждую ночь, я же помню.

– Нет, – мотнул головой Андрей. – Ничего такого я не испытывал чувствовал. Больно было, это да, противно...

– Что ты врёшь?! – перебил его Симон. – Когда тебе было больно? Ты ж если и стонал, так... – и замолчал, не закончив фразы.

Потому что парни, давно фыркавшие сдерживаемым смехом, заржали уже в полный голос.

– Ох, и тупари же, беляки эти, – с трудом выговорил сквозь смех Майкл. – Ну, всему верят.

– Беляшки такие же, – кивнул Эд. – В чём, в чём, а в этом обмануть, ну, ничего не стоит.

Смеялся, блестя зубами и белками, Андрей. Веселье парней было настолько по-детски непосредственным и искрен-

ним, что невольно улыбнулся и Жариков. У Симона дрогнули губы. Он не мог, не хотел в это поверить, но было слишком ясно, что парни не врут.

Отсмеявшись, Андрей тряхнул головой и посмотрел на Жарикова.

– Всё?

Жариков молча пожал плечами. Говорить должен не он, а Торренс.

– Ты, – Симон откашлялся, прочищая горло от шершавого комка. – Ты... ты с другим сейчас? Так? И чем же он, – Симон движением головы показал на Жарикова, – чем же он лучше меня?

Андрей недоумённо хлопнул ресницами и, поняв, резко вскочил.

– Ты, чёртов... – Андрей выпалил такое ругательство, что Майкл восхищённо присвистнул, а Эд и Крис только крикнули и pokrутили головами.

Жариков паласного жаргона не знал, но догадаться о смысле, даже не вдаваясь в нюансы, не составило для него труда.

– Жополиз хренов, – закончил Андрей. – Всех по себе меряешь! Да меня от одного запаха твоего выворачивало. Не был бы я рабом, хрен бы я тогда трахался, да ещё с тобой!

– Замолол, – встал Майкл, посмотрел сверху вниз на съевшегося на стуле Торренса. – Всё ведь ясно уже.

И под скрестившимися на нём взглядами, недоброжела-

тельными взглядами парней и внимательным у доктора, Симон кивнул. Да, всё было предельно ясно.

Парни вежливо, по-английски и подчёркнуто не замечая Торренса, попрощались с Жариковым и вышли, плотно и бесшумно прикрыв за собой дверь. Жариков и Симон остались вдвоём. Какое-то время в кабинете стояла тишина, потом Симон всхлипом перевёл дыхание.

– Что ж, доктор... может... может, с вами ему и будет лучше.

Симон подобрал костыли и встал. Он старался держаться, и Жариков не мог не оценить его стараний. Быть отвергнутым... очень тяжело.

– Спокойной ночи, доктор.

– Спокойной ночи, Торренс.

Когда за Торренсом закрылась дверь, Жариков с силой потёр лицо ладонями и тяжело уронил руки на стол. Надо же такому... А ведь Торренс искренен: он действительно любит Андрея. Да, треугольник. Но неужели Андрей... да нет, разумеется, нет, Торренс просто всё воспринимает и понимает... в соответствии со своей ориентацией.

Войдя к себе в палату, Симон разделся и лёг. Обычный вечерний ритуал. Привычные до бездумности действия. Мой Бог Мой Бог, за что его так? За что? Да, он сам знает, что особой красотой не отличается, но... но всё равно он не заслужил такого...

...Настойчивый звон будильника. Он рывком откидывает

одеяло и садится. Лежащий рядом навзничь мальчишка из-под опущенных пушистых ресниц следит за ним, на пухлых губах лукавая улыбка. Он смеётся и легонько пошлёпывает по чёрной лоснящейся груди.

– Вставай-вставай. Иди, сварю кофе.

– Да, сэр, – радостно выдыхает негр, вскакивая на ноги.

И когда он в халате с влажными после душа волосами входит в кухню, там пахнет свежим горячим кофе, и стол у окна накрыт, и Красавчик, стоя у плиты, встречает его белозубой сверкающей улыбкой. Он завтракает и встаёт из-за стола, оставив половину кофе в кофейнике и кучу слегка надкусанных сэндвичей...

...Да, чёрт возьми! Да, доедать за другим унизительно, но таковы были правила, он не мог вести себя иначе. Да и не в этом же дело. Красавчик был всем доволен. Все домашние рабы так живут. И, когда он, уходя по утрам в свой офис, строго говорил Красавчику: «Уберёшь квартиру», – это был просто способ оставить парнишку не в камере на цепи, а пришлось ведь её оборудовать по всем правилам, иначе первая же комиссия... ладно. Неужели мальчишка не понимает этого. Ну ладно, тогда, а сейчас-то?

Торренс знал, что дело не в этом, ему же всё сказали, что называется, открытым текстом. Но о сказанном он думать не может. Этого не было, потому что не могло быть. Чтобы то... чтобы такая нежность и такая страсть были притворством, нет, можно солгать словами, но не телом. Тело не лжёт...

...Дрожащая от частого дыхания грудь, мокрое от пота тело, затихающие всхлипы. Он гладит его, целует в щёки и глаза.

– Ну, что ты, Красавчик, мне так хорошо с тобой. Отдыхай.

И под его ладонью послушно обмякает и распластывается рядом мальчишеское, такое сильное и гибкое тело. Да, деньги не малые, но мальчишка стоит своих денег. Повезло.

– Мой мальчик, – целует он солёные губы, уже засыпая. – Спи.

От пышной шапки кудрявых волос пахнет приятной чистотой. Блаженное ощущение, что он дома, в своей постели, не надо вставать, одеваться и куда-то идти. И это его, действительно только его мальчик, и, пожалуй, он так и оставит его Красавчиком. Сид зовёт своего Милягой. Рассказывал, что пришлось сменить не меньше десятка, пока не нашёл этого, кучу денег угробил. А ему повезло, можно сказать, с первого захода. Спокойное сонное дыхание рядом. Он и сам уже спит и во сне продолжает прижимать к себе это тело...

...Симон со вздохом не так повернулся, как подвинулся. Сон, вся жизнь – сон, смешной и кошмарный, светлый и перепутанный, всё сразу и всё – сон...

...Кривляющиеся злобно хохочущие рожи. Грабить нечего, так хоть помучить, насладиться страхом и беспомощностью жертвы, сломать человека, сделать его безвольной тряп-

кой.

– У меня нет денег.

– А если мы поищем?

– Ищите, – пожимает он плечами, преодолевая боль.

Его собеседник оглядывает его, привязанного к стулу в разгромленной гостиной. Ведь не так искали ценности, сволочи, ведь знали, куда шли, а просто ломали. Ну, и что они ещё придумают? Почему-то нет страха, только холодная усталость. Главарь рассматривает его, облизывает распухшие налившиеся кровью губы и вдруг бросает одному из своих подручных.

– Развяжите его, – и ему: – Что отдашь в выкуп. Самое ценное отдашь? – и мерзко подмигивает, кивком показывая на сидящего в углу на корточках Красавчика.

– Вы же всё поломали, – возмущается он, не желая понимать намёка.

– Ну?! – насмешливо-презрительное удивление в голосе. – Сейчас объясним...

...Симон откинул одеяло и сел. Да, так всё и было. Он понял и согласился. Отдал Красавчика им. Свою тогда единственную ценность. Банда увела Красавчика, оставив его среди обрывков записей и растоптанных чертежей. А Сид потом утешал его, что он легко отделался: остался жив и почти цел. А раб-спальник... так всё равно русские отменили рабство. Сам Сид своего Милягу успел перед самой капитуляцией сдать на торги, а денег получить не успел и остался

совсем ни с чем. Да... да какого чёрта?! Надо выкинуть это всё из головы.

Он снова лёг. Гипс уже не мешает, ну, почти не мешает. Ещё неделя... нет, он завтра же пойдёт к лечащему врачу и попросит, если возможно, снять гипс и отпустить домой, на амбулаторное, кажется так называется. Дома долечится. Чем здесь видеть каждый день Красавчика и знать... нет, хватит об этом. Надо спать.

По дороге в жилой корпус Крис был молчалив и задумчив. Остальные за обсуждением, как здоровско Андрей врезал беляку, этого не замечали. Но отстать от всех и остаться в лечебном корпусе Крис не сумел. А Люся уже, наверное, ждёт его в кабинете Аристова. Пришлось зайти вместе со всеми в жилой, войти в свою комнату и переждать, пока в коридоре затихнет. Ну, вот вроде ввалились к Джо-Джиму, там продолжают. Ага, утихло. Крис вытащил из шкафа свёрнутый в рулон синий халат уборщика, осторожно выглянул в коридор. Пусто. Теперь запереть дверь и бегом. Надевать куртку уже некогда: Люся ждёт.

Ведро и тряпка у него были припрятаны в рабочем тамбуре лечебного корпуса, и по лестнице он поднимался уже уверенно. Дверь в кабинет Аристова была закрыта, но нижняя щель светилась. Крис осторожно костяшками пальцев выбил условный сигнал. Тихо щёлкнул шпингалет, и он вошёл.

– Господи, Кира! – Люся порывисто обняла его, спрятав

лицо у него на груди.

– Люся, ты прости меня, – зашептал Крис. – Понимаешь, чуть заваруха не вышла.

Заваруху он назвал по-английски, а этого слова Люся не знала.

– Что-что? – удивилась она. – Какая ещё... заваруха?

– Ну, один из наших, Андрей, хозяина своего бывшего встретил, ну, и тот полез к нему. Вот и завертелось.

Крис не хотел вдаваться в подробности, и Люся не настаивала.

– А я уж испугалась, – вздохнула она.

– Чего? – сразу встревожился Крис. – Тебя обидели? Кто?

– Нет, что ты, – Люся улыбнулась и снова вздохнула. – Ну, что ты увидел меня, ну, разглядел и больше не придёшь. Девчонки говорят, что мужчина любит глазами.

– Как-как? – переспросил Крис. – Я не понял.

– Глазами. Ну, – Люся вздохнула, как всхлипнула, – мужчине нужно, чтобы женщина красивой была.

Крис задумчиво пожал плечами.

– Не слышал о таком.

Так нагло он Люсе ещё не врал. Но она поверила. Потёрлась щекой о его грудь и выпрямилась.

– Ой, Кирочка, а я перепугалась, глупо, да? У тебя как, хорошо всё?

– Да, – улыбнулся Крис. – Вчера пять получил. По русско-му.

– Ой, какой ты молодец! – восхитилась Люся. – Ну, давай работать, да?

Всё шло, как и в прошлый раз. Люся разложила на столе и кушетке стопки карточек, которые надо разобрать. Крис наполнил ведро водой и поставил его у двери. И на этом их работа закончилась. Крис переставил стулья в простенок между шкафами, чтобы их не увидели случайно со двора. Они сели рядом, взялись за руки... говорили, болтали, смеялись. Люся старалась сидеть боком, чтобы он видел только здоровую сторону, но за разговором забывала и поворачивалась лицом, а сияющие глаза Криса и его улыбка заставляли её забыть обо всём, и об этом тоже.

– Кира, а ты этот фильм, ну, «Дождись меня» смотрел?

Крис мотнул головой.

– Ну, его же на прошлые святки показывали.

– Я тогда в горячке лежал, – улыбнулся Крис. – А что, хороший фильм?

– Ой, что ты! – ахнула Люся. – Там артистка такая красивая. Алина Тугина. Ну, такая красотка, девчонки все стены её фотками увешали.

И Люся стала пересказывать ему фильм. Правда, сама она тогда плохо видела, глаз быстро уставал и слезился, но девочки столько раз обсуждали несчастную судьбу Алины Тугиной – как звали саму героиню фильма никто не помнил – что она знала теперь весь фильм назубок.

Крис слушал, переспрашивал непонятные слова, ахал,

воскликнул, и Люся совсем забыла о своём лице.

– И песня там такая хорошая. Я только петь не умею, – вздохнула Люся.

Её голова уже лежала на плече Криса, и он левой рукой обнимал её за плечи, а её руки и его правая лежали на её коленях.

– А ты хорошо поёшь, я слышала.

– На День Свободы, да? – радостно спросил Крис. – Тебе понравилось?

– Ага, – Люся снова вздохнула. – Вы так пели все хорошо. И на Новый год ты пел, помнишь?

– Ага! И мы танцевали. Люся, давай потанцуем.

– Ой, что ты!

Но он уже вскочил на ноги и поднял её.

– Давай, Люся. Вальс, танго? Что ты хочешь?

– Ой, да я и не умею ничего, – смутилась Люся.

И, как и на Новый год, они немного потоптались и покружились под его пение. И остановились. Потому что у Криса вдруг перехватило дыхание и сел голос.

– Люся... – хрипло выдохнул он.

– Что? – она удивлённо подняла на него глаза.

– Ты... ты не обидишься на меня?

– За что? Что ты, Кира?

– Можно, Люся, можно я поцелую тебя?

Люся замерла и, когда Крис уже решил, что всё кончено, что он обидел Люсю, она вдруг сказала:

– Можно.

И зажмурилась, подставляя ему лицо. Крис наклонился и осторожно поцеловал её в здоровую щёку. Люся по-прежнему стояла, не шевелясь, и он решился коснуться своими губами её губ. Вдруг руки Люси обвились вокруг его шеи, и он ощутил, что она прижимается к нему. И он уже смелее обнял её, рискнув провести ладонями по её спине, погладить её. И только почувствовав, что задыхается, оторвался от её губ.

– Люся...

– Кира, – откликнулась она и удивлённо улыбнулась. – Хорошо как, Кира.

– Да? – обрадовался он. – Да, Люся?

И уже уверенно наклонился к её губам.

Они целовались долго, пока у обоих не заболели губы.

– Ох, – блаженно вздохнула Люся. – Я и не знала, что это так.

– Ага, – обрадовался Крис. – Ещё потанцуем, да?

– Ой, нет, у меня даже голова закружилась, – смеялась Люся.

– Тогда посидим.

Они сели, и Крис уже смелее обнял её, мягко прижимая к себе.

– Кира, а тебе? Тебе-то хорошо... со мной? – вдруг спросила Люся.

– А как же, – удивился её вопросу Крис. – Конечно, хорошо. Я даже не мечтал о таком.

– Да? – лукаво спросила Люся.

– Да, – твёрдо ответил Крис. – Ты... ты лучше всех, Люся.

Люсе очень захотелось спросить, сколько этих всех было, но она постеснялась. А Крис, совсем расхрабрившись, наклонился и осторожно коснулся губами её шеи, чуть пониже уха.

– А так? Люся?

– Ага, – выдохнула Люся, снова обнимая его.

Очень мягко, очень осторожно Крис приподнял Люсю, подвинулся под неё и усадил к себе на колени. Он целовал её шею, здоровую щёку, углы рта, осторожно положил руку ей на грудь... Люся вздрогнула и сжалась. Крис отдернул руку, но... но Люся не оттолкнула его, даже не встала...

– Ты... ты не обижайся на меня, Кира, – тихо сказала Люся. – Я... я знаю, тебе нужно... ну, это. Но... я боюсь, Кира. Я... этого боюсь.

– Люся, – Крис облизнул мгновенно пересохшие губы. – Люся, всё для тебя сделаю. Как ты хочешь, так и будет. Я сказал, Люся, это... это другое, а того, я не могу того, ну... – он запнулся, не зная, как назвать то, о чём они говорили, по-русски и не желая переходить на английский. – Люся, тебе было хорошо? Ну, раньше, когда я...

Вместо ответа Люся вдруг сама поцеловала его. Крис счастливо вздохнул, и, поняв, а вернее, почувствовав его произнесённую просьбу, Люся ещё раз поцеловала его, и ещё...

– Господи, Кира, – очнулась Люся, – поздно-то как!

И Крис с изумлением понял, что уже в самом деле далеко за полночь.

Люся торопливо распахивала по ящикам карточки, пока он так же торопливо мыл пол. Сталкивались, пытаясь помочь, но только мешали друг другу.

Они медленно спустились, держась за руки, по лестнице. Крис спрятал ведро и тряпку, снял и свернул халат.

– Ты что, в одной рубашке? – ужаснулась Люся.

– А мне жарко! – счастливо засмеялся Крис. – Побежали?

Люся, придерживая у горла накинутое на плечи пальто, доверчиво протянула ему руку, даже не заметив, что оказалась к нему обожжённой стороной. Крис осторожно, придерживая язычок замка, приоткрыл наружную дверь и, когда они вышли, прихлопнул её. И они побежали к жилому корпусу, хрустя затянувшим лужи ледком.

Алабама

Графство Олби

Округ Краунвилль

«Лесная Поляна Бредли»

За ночь опять похолодало, и дороги затянуло тонкой ледяной коркой. Но Чаку после вчерашних переживаний было уже ни до чего. Он, как автомат, встал со всеми, позавтракал и пошёл в гараж. «Ферри» стоял на месте. Чак включил свет и изумлённо присвистнул: машина отмыта до блеска, всё начищено, всё на месте. Но... но ведь он сам видел...

...Вчера он закончил с утра с машиной и даже успел отмыть её до ленча. И сразу после ленча выехал в пробную. Поносился по просёлкам, что не хуже автодрома, проверил на разных режимах, вернулся за час до обеда, снова вымыл, залил бензин и, видя, что время расчёта не оттянуть, пошёл к хозяйскому дому. Велели зайти до обеда, вот он и идёт – храбрился, преодолевая противный вяжущий холод под ло-

жечкой.

Пустая необжитая веранда, две двери. Левая – ему говорили – в комнату Фредди, правая – к Джонатану. Ну... ну, деваться уже некуда. Он глубоким вздохом перевёл дыхание и постучал.

– Да, – откликнулся Джонатан.

Чак осторожно открыл дверь и вошёл. Джонатан сидел за большим письменным столом, разбирая какие-то бумаги. Машинально быстро боковым зрением Чак оглядел комнату, увидев слишком большой и нарядный камин с рдеющими углями, большой глухой шкаф и рядом с ним книжный, высокие напольные часы в углу, бар, каким обычно маскируют сейф, рядом с камином... но это всё неважно сейчас.

– Проходи, Чак, – улыбнулся Джонатан.

– Вы велели зайти, сэр, – пробормотал он.

– Да, я помню, проходи и садись.

Чак послушно сел на указанный стул перед письменным столом. Джонатан подвинул счёты и защёлкал кругляшами. Зарплата... переработка в дороге, в имении... к изумлению Чака, Джонатан знал о его вечерних бдениях под машиной... сумма выходила немалая, но надо ждать вычетов. И дождался.

– За одежду сразу?

– Да, сэр, – кивнул Чак.

Еда, жильё, одежда, постельное бельё... нет, всё честно, даже на руки кое-что осталось.

– Спасибо, сэр, – Чак встал, спрятал деньги, улыбнулся, поворачиваясь к двери, и только тут увидел, что на стуле у двери сидит Фредди.

Как?! Его же не было, когда он входил. Когда успел зайти?! Что теперь? Конец?! С застывшей на лице улыбкой, такой унизительно нелепой теперь, Чак пошёл к двери. Дошёл, взялся за ручку, открыл дверь, перешагнув порог, закрыл за собой, в два шага пресёк веранду, три ступеньки вниз... и только тут смог перевести дыхание. Его не убили!

И на обед он пришёл уже спокойным. У себя в выгородке пересчитал и спрятал деньги, приготовил на завтра чистую светлую рубашку – надо думать, что ему завтра за рулём сидеть, а не под машиной лежать – брюки, ботинки, кожанку и вышел в кухню чуть ли не последним. И только сели за стол и Мамми поставила перед ним миску с супом, как... как во дворе взревел мотор! Он узнал мотор «ферри» и, сорвавшись с места, вылетел за дверь. И в наступающих сумерках успел увидеть уносящиеся в темноту красные огоньки габаритов.

– Ну и чего ты прыгаешь? – встретила его Мамми, когда он вернулся к столу. – Надо им, они и поехали, тебя не спросили.

– Я шофёр, – угрюмо пробормотал Чак, придвигая к себе миску.

– А я – конюх, – возразил ему Роланд. – Масса Фредди, чтобы Майора заседлать, меня не зовёт.

– Так оно и есть, – загудел Сэмми. – Что им надо, они всё сами делают.

Чак промолчал, злясь уже на себя и не понимая, чего он, в самом деле, задёргался. Только... только завтра в девять машина должна быть как новенькая, а вот какая она вернётся и во сколько... ему же её мыть, а не этой деревенщине!

После обеда он ушёл в душ, потом возился со своими вещами, зашивал рабскую рубашку: оплачена уже, значит, своя, – чистил ботинки, ещё чем-то занимался, а на самом деле слушал: не зашумит ли мотор.

Но было тихо. Смутный гул голосов из соседних выгородок, шум ветра в ветвях, даже собачьего лая нет. Хотя откуда тут взяться собакам? Хозяйских в заваруху поубивали вместе с надзирателями, уцелевшие одичали, и их уже к лету перестреляли, оберегая скотину.

Потом, как всегда, пили вечерний кофе, Ларри читал вслух газету, Стеф учил малышей счёту, предлагая смешные задачи: правильно сосчитаешь – получится нелепица. Если каждому дадут по два яблока, а всего яблок семь, то сколько людей было? А потом совсем по-смешному. Охотник по уткам стрелял. Стрелял, стрелял, одну убил, так сколько уток осталось? Тут уж и взрослые растерялись. Всего-то уток сколько было? А неважно, сколько осталось-то?

– Одна и осталась, – рассмеялся наконец Стеф. – Остальные улетели.

Хохотали до слёз, до икоты. Нехотя, смеялся и Чак. Чтоб

не выделяться. Да и в самом деле, смешно.

И уже разошлись все по выгородкам, улеглись. Он, как все, погасил свет, разделся и лёг. Но не спал. Лежал в темноте и слушал. Если они поехали перепроверять его, так... так он сделал действительно всё. Всё, о чём говорил тогда, после автодрома. Двести в час «ферри» теперь даёт свободно, отрегулирован – лучше не надо, обе оси ведущие, колёса, шины, противоугонка... Чего он, в самом деле, дёргается?

Было уже сильно за полночь, когда он услышал гул мотора. Быстро бесшумно оделся, мельком посмотрев на часы. Да, без двадцати два, самое глухое время. И бесшумно вышел в коридор. Пробежал в кухню и, осторожно приоткрыв наружную дверь, выскользнул во двор. И сразу метнулся в тень.

Луна была слабая, но заиндеветая земля отсвечивала, и он увидел. Тёмные силуэты у гаража: «ферри» и двое мужчин. В шляпах, куртках. Вот один пошёл открывать ворота гаража. Фредди? Должно быть он. Но... чёрт, ну и влип! На плече у Фредди удобно, чтоб сразу достать рукой, висел автомат – полицейский «крикун». Чак прижался к стене, распластался по ней. Чёрт, вынесло же его. Он же свидетель теперь.

Фредди открыл гараж и включил там свет.

– Загоняй, Джонни, – услышал Чак его спокойно-властное распоряжение.

И пока «ферри» медленно, очень аккуратно въезжал в га-

раж, Чак увидел, что машина забрызгана, заляпана грязью по самую крышу. И... и заднего бокового стекла нет. Выбито. Так делают, когда некогда опускаться, открывая щель для стрельбы. Один за рулём, второй сзади ведёт огонь...

Ворота закрылись, оставив светящиеся полосы у косяков и снизу. Его не заметили! Затаив дыхание, Чак прокрался к кухонной двери, и только одна мысль: к девяти он должен привести машину в порядок. Вставить стекло, отмыть и..., и что там ещё может быть?

В гараже негромко рассмеялись:

– Побежал штаны менять.

– Он за сменку расплатился?

– Заботливый ты, ковбой.

– Кончай трепаться, Джонни, надо за час управиться. Тебе завтра какая голова нужна?

– Во-первых, тебе тоже.

– А во-вторых, запасные стёкла в другом углу. Не знаешь, что где лежит, Роба разбуди.

И лихой ковбойский ответ, от которого заржали оба.

Ничего этого Чак не слышал...

...И теперь он стоял, тупо разглядывая вымытую блестящую нетронутым лаком машину. Но не галлюцинации же у него?! Он же сам видел ночью... но весь вид машины словно говорил: «Ничего не было, и ты ничего не видел». Чак вытер рукавом лоб. Вляпался он, конечно, но...

Он быстро проверил: бензин, масло, вода – всё как поло-

жено, машина готова к работе. Тогда... тогда что? Тогда надо переодеваться, он-то к гаражу готовился, а надо на выезд.

Чак бегом вернулся к себе, заново побрился, переоделся, расчесал волосы и бегом обратно, только и задержался, чтоб выгородку запереть.

Без пяти девять он вывел «ферри» из гаража. И сразу увидел идущих к нему Фредди и Джонатана. Свежих, спокойных, будто... будто и впрямь ничего не было. Джонатан как обычно, а Фредди... как обычно, в ковбойском, но каком! Грин когда-то заставлял их не просто глазеть, а видеть, замечать и оценивать, как одет человек. Так что Чак не мог ошибиться. Ковбойская шляпа дорогого фетра, замшевая куртка на меху, джинсы не абы какие, а от «Страуса» эксклюзивной модели, ковбойские отстроченные сапоги отличной кожи, горло закрывает дорогой шейный платок... по самым грубым прикидкам этот наряд стоил двухлетней годовой зарплаты, и не просто старшего ковбоя, а...

Чак не додумал.

– Как договорились, Фредди.

– За два часа обернёмся, но накинь на всякое. Позаботься о ленче, Джонни.

Фредди кивком указал Чаку на водительское место и сел рядом. Чак перевёл дыхание, садясь за руль: выстрела в затылок не будет. Пока не будет.

– В Краунвилль.

– Слушаюсь, сэр, в Краунвилль.

Чак мягко стронул машину с места. И, поворачивая на подъездную аллею, увидел в зеркальце, как Джонатан идёт к скотной по своему обычному утреннему маршруту.

В Колумбии он возил Джонатана или их обоих сразу, а вот так, наедине с Фредди, он в машине впервые. Чак осторожно покосился. Неподвижное лицо, прозрачно светлые глаза смотрят вперёд и в никуда, но всё видят. Чак отвёл взгляд. Дорога пустынная, но обледенела, и слишком гнать рискованно, да и незачем. Ему ж не сказали: «На пределе». Так что сто и не больше. Нормальная скорость, ход плавный... До Краунвилля не так уж далеко, если б дорога получше, да не дурацкие знаки об ограничении скорости на подъездах... Опять покосившись на Фредди, Чак сбросил скорость, подчиняясь знаку. Лицо Фредди сохраняло каменную неподвижность.

Ближе к городу стали попадаться и пешеходы на обочинах, и всадники, обогнали пару фургонов и замызганный грузовичок.

Всю дорогу до Краунвилля Фредди перебирал в памяти свой разговор с Ларри. Вроде, всё они обговорили, да и не такой уж Ларри... доходяга, каким был, и в русском госпитале по привычке говорить с белыми, и мастер всегда уверен в себе, а такая уверенность много даёт. Подстраховать, конечно, надо и подстрахуем, первый заказчик всё-таки, а впереди Колумбия, к Пасхе Ларри там должен обосноваться, не так уж много времени в запасе, точно, надо к Пасхе, пасхальные

подарки – это заказы, а там и День Матери – тоже спрос будет. Ладно, уже Краунвилль, теперь всё побоку. Старушка ушлая, её уважить надо без фуфла. Чтоб всё прошло, как нам надо, а не как получится.

– Второй поворот налево и прямо, – разжал губы Фредди, когда появились первые дома Краунвилля, и прежде, чем Чак успел ответить положенной формулой, уточнил: – Седьмой дом от угла.

– Слушаюсь, сэр, второй налево, седьмой от угла, – выпалил Чак, вписывая машину в поворот.

Тихая «белая» улица, маленькие уютные дома, газоны с живыми изгородями, укрытые на зиму мешковиной клумбы, гипсовые раскрашенные фигурки на газонах... и нужный дом в общем ряду ничем не выделяется. Чак плавно притормозил точно напротив входа.

– Жди, – коротко бросил Фредди, открывая дверцу.

И ответ Чака прозвучал уже в пустой машине. Чак послушно откинулся на спинку сиденья, расслабил мышцы, но руки оставил на руле в знак своей готовности. Ждать – так ждать, не впервой ему. Правда, обычно он шёл за правым плечом хозяина и оставался за рулём только, если работали в паре и с хозяином уходил напарник. Но это всё в прошлом, да и не нужен Фредди телохранитель, он сам...

Чак не заметил, когда он про себя стал называть их по именам, как и остальные в имении. Привычная, но не волнующая – это Тим любил копаться в моторе – работа успоко-

ила его, а теперь началось то же, что и в Колумбии: привезти, отвезти, ждать. Молчать и ни о чём не спрашивать – ну, об этом и говорить нечего. Негру бог для того и приплющил нос, чтоб он его в белые дела не совал.

Когда стукнула дверь и на веранде появился Фредди, а с ним белая старуха в норковом манто и кружевной шали – и то, и другое, как Чак помнил из уроков Грина, уже не богатство, а роскошь – Чак изумлённо заморгал. Не на беляцкие тряпки, это-то тьфу, а вот Фредди он таким ещё не видел. Нет, ничего такого особенного. Ну, поддерживает под локоток, помогает сойти по ступенькам, шляпу несёт в свободной руке и надел только уже внизу, ну, улыбается, но... но это ж надо так всё делать. А старуха – настоящая леди, сразу видно, и не по одежде, а... а она что, тоже едет?

Чак выскочил из машины и распахнул перед ней заднюю дверцу. Старчески выцветшие, но очень живые глаза внимательно оглядели его, и последовал небрежный, как и положено, кивок.

Фредди помог ей устроиться в машине и уже готовился захлопнуть дверцу, чтобы сесть впереди, когда сухая ладонь хлопнула по сиденью.

– Ну нет, Фредди. Я тоже хочу получить немного удовольствия.

Фредди широко улыбнулся на шутливую строгость в голосе старухи.

– Желание леди – закон для ковбоя, – и сел рядом с ней.

Чак захлопнул за ним дверцу и метнулся за руль. И уже Фредди распорядился:

– Домой.

– Слушаюсь, сэр, домой, – откликнулся Чак, плавно трогаясь с места.

Надо поаккуратнее, чтобы не тряхнуть старушку. За спиной негромкий разговор о погоде, всяких пустяках, какие-то сплетни, неожиданно умные комплименты. Нет, никак не думал, что Фредди такое может и умеет. Обхаживает он старушку... видно, здорово она ему нужна, не за просто же так он её охмуряет, а она-то... аж плавится.

Чак замедлил ход, въезжая в ворота.

– «Лесная поляна»? – удивилась старуха. – Я не ошиблась, Фредди?

– Нет, мэм, вы правы.

– О-о, – она задумчиво покачала головой. – Да-да, что ж...

Она оборвала фразу, но Фредди ни о чём её не спросил. Может быть потому, что они уже подъезжали.

Чак остановил машину в нескольких шагах от идущего к ним Джонатана, выскочил открыть и придержать дверцу, пока она выходила, опираясь на руку Фредди.

– Добрый день, миссис Кренкшоу – Джонатан, сняв шляпу, поцеловал ей руку.

– Рада вас видеть, Джонатан, – она улыбнулась. – У вас очень... мило.

– Спасибо, мэм, – ответно улыбнулся Джонатан.

Как всегда, на шум мотора из различных дверей показались любопытные лица, но Фредди оглянулся, и все сразу исчезли, только Ларри остался стоять в дверях своей мастерской. И его Чак тоже увидел впервые таким: в белом халате поверх рубашки с галстуком, из-под халата видны хорошие брюки с отглаженными стрелками и начищенные ботинки. Однако... он-то чего расфрантился? Не к нему же прикатили?! Но Джонатан со старухой пошли именно к Ларри. И Фредди следом, бросив через плечо Чаку:

– Машину подашь в два.

– Слушаюсь, сэр, в два, – сказал Чак ему в спину.

Отогнав машину в гараж, Чак посмотрел на часы, проверяя себя, и пошёл на кухню. Время ленча.

Запахи сегодня на кухне были... необычными. Но на столе всегдашняя каша с мясом, лепёшки и кофе. Чак вымыл руки у общего раковины и сел на своё место. Он уже догадался, что пахнет особой «господской» едой, ну да, правильно, старуху ублажают. К его крайнему удивлению, за столом никаких разговоров о госте не было, и его самого ни о чём не спросили. Ну, надо же, как их всех Фредди вышколил. Интересно, а закопали при этом скольких? И что Ларри за столом нет, тоже будто никто не замечает, даже мальчишка, сынишка его молча жуёт. Хотя... всё правильно, конечно.

Чак встал из-за стола вместе со всеми, но прошёл в свою выгородку и устало сел на кровать. До двух часов лучше на дворе не маячить. Мало ли что.

К радостному удивлению Фредди и Джонатана, Ларри держался почтительно, но уверенно. И весь разговор прошёл... лучше не придумаешь. Ларри осмотрел брошь и серьги, очень сдержанно отнёсся к камням, и миссис Кренкшоу сама предложила взять их в счёт оплаты, а вставить другие на усмотрение мастера. Джонатан кивнул. Ларри быстро и уверенно набросал несколько эскизов и вежливо подвинул листок по столу к миссис Кренкшоу.

– Окажите честь своим выбором, мэм.

Миссис Кренкшоу улыбнулась.

– Спасибо, но я доверяю мастеру.

– Благодарю за доверие, мэм, – склонил голову Ларри.

И обсуждение технических вопросов оплаты и сроков так же не доставило особых трудностей. Джонатану и Фредди практически не пришлось вмешиваться. И когда всё уже было обговорено и миссис Кренкшоу сердечно попрощалась с Ларри и пошла к выходу в сопровождении Джонатана, идущий за ними Фредди быстро обернулся и подмигнул Ларри. Тот ответил благодарной улыбкой.

Мамми, зорко следившая из кухонного окна за дверью мастерской, непостижимым образом угадала нужный момент, и вдвоём с Молли они успели перенести всё приготовленное в домик Джонатана и Фредди, накрыть на стол и уйти, когда миссис Кренкшоу, Джонатан и Фредди вышли из мастерской.

Оставшись один, Ларри убрал эскиз, брошь и серьги в

сейф, снял и повесил на место халат и остался стоять посреди мастерской. Ему вдруг стало страшно: не был ли он излишне дерзок с этой леди? Белые очень не любят, когда негр оказывается и умным, и умелым. Но... но, если б что было... Нет, Фредди бы остановил его, если бы он зарвался. Так что, может, и обойдётся.

На кухню Ларри пришёл уже спокойно и бросившегося к нему Марка спросил:

– Ты уже ел?

– Да, пап, а?..

Ларри взглядом остановил его уже готовый вопрос и улыбнулся Мамми.

– Что-нибудь ещё есть, Мамми?

– А как же! Переодеваться пойдёшь?

Ларри покачал головой.

– Нет, Мамми, – и пояснил: – Вдруг понадобится.

– Ну да, – кивнула Мамми, – тогда держи.

И подала большое чистое полотенце. Ларри сел за стол, закрыв полотенцем грудь и колени. Марк пристроился рядом, влюблённо глядя на отца.

– А ты куда? – грозно спросила Мамми. – Ты уже выел своё.

– Пусть сидит, – возразил Ларри, кивком благодаря за поставленную перед ним миску с мясной кашей.

Ларри ел быстро, но очень аккуратно, спешил, а не жадничал. И доев, сразу встал, положив на стол оставшееся чи-

стым полотенце.

– Спасибо, Мамми, если что, я в мастерской, – а рванувшемуся за ним Марку: – Помоги Мамми, сынок.

Марк вздохнул и стал закатывать рукава рубашки: помогать Мамми после еды – это мыть и расставлять посуду.

В мастерской Ларри снова надел белый халат, открыл сейф и достал лист с эскизом. Мало ли что, пусть будет наготове.

Алабама

Ночная дорога хороша отсутствием свидетелей, но и опасна своей пустынностью: любая машина приметна и запоминаема. Поэтому Джимми Найф и относился к ней настороженно. Но сейчас положение безвыходное: везти этот груз днём слишком рискованно. Груз безмятежно посапывал на заднем сиденье. И если бы не полиция... ведь болван ни на один вопрос не ответит. Надрессировать его, конечно, можно, но мороки много, всего не предусмотреть, а врать с ходу дурак не умеет, для этого мозги нужны. А в остальном... в остальном всё, как и задумывалось. Парень – дурак и ровно настолько, насколько нужно. Мозги не работают, а руки помнят, нож когда взял, так сразу видно, что орудовать им умеет, да в кого ткнуть сообразить не может. Ну, так подскажем, подучим. Да, не зря, ох, не за просто так парень номер отхватил. Тут бы его по картотеке проверить, когда, а там и

за что, но... нет картотеки, ни такой, ни сякой, ни всякой. Крыса все остаточки с собой унёс. Туда им и дорога. Тоже... считал себя умнее всех, а спёкся по-глупому. Так оно со всеми умниками и бывает.

Найф самодовольно улыбнулся. Нет, так хорошо у него давно не получалось. Многоходовка – блеск. И вся колода сошлась. И Элли – медсестра-сиделка, и надоела она уже, и парня так тютелька в тютельку шарахнуло, и интерес-ный клиент наклёвывается. Рыбка золотая плывёт, плавничками помахивает, да прямо в сеть. Плыви, плыви, рыбонька, встретим... со сковородочкой. А что времени много ушло, и ещё уйдёт... так этот ресурс свой, немеряный и бесплатный. Как раз к весенним играм успеем, чтоб весь Ансамбль был и увидел, и слова против никакого никто не пикнул.

Машину трянуло на плохо заделанной старой воронке, спящий на заднем сиденье всхрапнул и открыл глаза.

– Спи, Джек, – бросил, не оборачиваясь, Найф. – Спать.

– Ага, спать, – согласился Андрей, укладываясь обратно.

Спать – это хорошо. Интересно, конечно, куда тебя теперь везут, но глазеть по сторонам, да ещё вопросы задавать тебе не положено. Ты – беспамятный, дурак. А вот когда спишь, за тобой тогда не следят. Ну, ничего, сволочь, мы ещё посчитаемся. Пока трепыхаться рано, но ничего, Джимми Найф, я ведь о тебе слышал, интересные вещи про тебя в лагерном бараке рассказывали, а вот ты обо мне ни хрена не знаешь и не догадываешься. Но недоверчивый ты, сволочуга, про-

верка за проверкой, и, похоже, проверять до конца будешь. До конца и дойдём. Пока ты мне не поверишь, мне к тебе не подобраться. А убирать тебя надо чисто, чтоб концов не торчало, чтоб ни полиция, ни твои... наниматели по следам не пошли. А мне с тобой за многое и многих посчитаться надо. Как Эркин сказал как-то? «Коль я им не человек, то и они мне нелюди». Классно сказано, браток. Так и сделаем. С нелюдью по-нелюдски и будет. Ишь ты, киллер дерьмовый, ты ж – не честный вор, а каратель, на СБ работал, так тебе лагерник нужен? Ну, так и я с тобой... по-лагерному.

Джимми в зеркальце видел улыбающееся лицо, смутную сонную улыбку. Ну да, беспмятному всё по хрену, что вчера было – не помнит, что завтра будет – не думает. Пожрать, попить... да, на спиртное надо будет проверить, посмотреть, каков дурак во хмелю. А в остальном... ну, ничего не сообщает. Опустить всегда надо для начала, чтоб уж никак не трепыхнулся потом, а здесь... как с бревном, даже этого не помнит и не боится. Ну и ладно, тоже... неплохо. И бить дурака незачем: всё равно ни хрена не понимает. Страшная это штука – беспмятство, большая удача, что так с дозой угадал. Но теперь... теперь с Ковбоем другой разговор пойдёт. Говорят, он опять на дно лёг, что-то часто ложиться стал, отяжелел, ну и хорошо, пусть лежит. А пока он лежит, мы тут потихоньку подготовим всё, га-арячая встреча будет. А там и с Пауком можно будет... договор пересмотреть. Тоже умный, а дурак. Не понял ещё, что старые крючки держат,

а они-то так... без лесок впустую болтаются. Но пусть себе и думает. Пока. Спешить не будем, чтоб получилось сразу и наверняка.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Беженцы всё прибывали и прибывали, и каждую неделю, в субботу и воскресенье в какой-нибудь из квартир «Беженского Корабля» справляли новоселье, бесшабашно весёлое и трогательное.

– Ты очень устала, мамочка?

– Ничего, Джинни, – Норма улыбнулась и старательно выговорила по-русски: – Помогали нам, помогаем мы.

– Как у тебя хорошо получается, – восхитилась Джинни. – Я подогрею чай, хорошо?

– Конечно, Джинни.

Сидя за столом, Норма с удовольствием смотрела на хлопотавшую у плиты Джинни. Слава Богу, её девочка вновь стала прежней. Даже лучше.

– Как было хорошо, да, мама? – Джинни накрывала на стол. – А эта Лулу очень мила, да?

– Да, – кивнула Норма.

Ей тоже понравилась Лулу – молоденькая, вряд ли старше восемнадцати лет, миловидная мулатка, рискнувшая выйти замуж за немолодого русского мужчину, то ли вдовца, то ли... ну, кто знает, что и как там было, но стать вот так матерью двух малышек и уехать в чужую, совсем чужую страну... Лулу почти не знает языка, ничего не понимает в окружающем, и это делает её такой близкой Норме.

– А завтра тоже беженское новоселье, в дальней башне, помнишь, мама? – Джинни разлила по чашкам чай.

«Беженское новоселье» она говорила по-русски.

– Помню, – кивнула Норма. – Я ходила к ним с Baba Fima. Очень приличные люди. Как ты думаешь, Джинни, если мы им подарим эти красные подставки...

– Ну конечно, мама, они чудно смотрятся. И ещё...

– Ты не забыла про свои курсы? – Норма изобразила строгость.

Джинни охотно рассмеялась.

– Ну, мама, я всё сделала. И это не курсы, я же тебе объясняла, а... – она с некоторой заминкой, но чисто выговорила длинное русское слово: – Наставничество.

Норма кивнула. Конечно, ездить на курсы в Ижорск или, тем более, жить там в общежитии, было бы очень неудобно. Им пошли навстречу, и Джинни «прикрепили», как это

называется, к Вассе Викентьевне – какие всё-таки трудные имена у русских – немолодой опытной учительнице, обучавшей теперь Джинни тайнствам русской методики и ведения документации.

– Мама, а если в гостиную купим пианино? Всё-таки и ты умеешь играть, и меня учила, и в колледже я дополнительный курс прошла.

– Стоит подумать, – согласилась Норма.

И они пустились в неспешное обстоятельное обсуждение будущих покупок. Пока они сделали – как им и советовали – кухню, ванную, прихожую и кладовку и начали делать спальни. И дело ведь не в деньгах, деньги у них были, как, впрочем, и у всех в доме, все ведь через Комитет прошли и ссуду получили, но чего спешить, не на день, даже не на год, на всю жизнь обосновываемся. Джен так и сказала им, показывая свою квартиру. Пустые гостиная и комната для гостей совсем не смущали её...

...Голос Джен заразительно весел:

– Мы даже ещё не решили, что здесь будет. Ну, это гостиная, на Рождество мы здесь ёлку ставили, а стол из кухни переносили.

– Тот резной? – живо спросила Джинни.

– Нет, этот мы только после праздников получили, а тот теперь у Алисы, – Джен ласково улыбнулась.

– Там куклы живут, – вмешалась Элис...

...Элис, или по-русски Алиса, тоже нравилась и Норме,

и Джинни. Такая весёлая, живая и развитая девочка, с правильной английской речью. По-английски в доме говорили многие, но Норму поражало, особенно в первое время, обилие неправильностей и попросту грубости в английской речи и детей, и взрослых. Семья Джен была очень приятным исключением. Даже её муж, индеец, говорил очень правильным, даже литературным языком. Разумеется, это заслуга Джен.

– Джен тоже идёт завтра?

– Ну конечно, мама. Она такая... – Джинни остановилась, подыскивая слово, – такая... милая. И вся семья. Знаешь, мама, ведь её дочка, Элис, осенью пойдёт в школу, вот будет хорошо, если она попадёт в мой класс.

Норма кивнула. Ну конечно. Джинни – умница, что так внимательно приглядывается к играющим в коридоре детям, разговаривает с ними. Ведь это все её будущие ученики. Джинни обещали место в школе, а до сих пор все обещания выполнялись. И властями, и окружающими...

...Их собственное беженское новоселье было весёлым, суматошным и необыкновенно трогательным. Они с Джинни никак не ждали, что к ним придёт столько людей, что начнётся такая весёлая кутерьма. Она помнила, как тогда, да, ещё с Майклом ремонтировали кухню. Тогда тоже были люди: Майкл вызвал из фирмы «Гнёздышко» бригаду, и работали те споро, умело, но такого... такого не было. И за один день сделали больше, чем заказная бригада за неделю. А по-

дарков им нанесли...

...Норма сморгнула выступившие слёзы.

– Ты что, мамочка? – встревожилась Джинни.

– Ничего. Я просто вспомнила наше новоселье.

– Да, – счастливо улыбнулась Джинни, – было так чудесно.

– А я так глупо расплакалась, – сокрушённо улыбнулась

Норма.

– Нет, мамочка, было так трогательно. И я тоже, помнишь, и мне говорили, что все так... Даже, – у неё получилось гораздо легче, – Василий Лукич.

Норма кивнула. Да, она уже не раз видела, как взрослые мужчины, пережившие, как она понимала, не одну трагедию, шмыгали носами, а то и откровенно плакали на праздничных застольях. А уж ей, женщине, как говорится, сам бог велел.

Джинни рассказывала о своих занятиях, что через два месяца она начнёт работать в Культурном Центре.

– Ты думаешь, его уже достроят? – усомнилась Норма.

– Ну, мама, я же уже рассказывала тебе. Его строят по частям, блоками. Первый блок будет готов к марту, первого открытие и сразу начнутся занятия с детьми. И ты знаешь, мама, – Джинни лукаво смотрела на мать, – тебе тоже стоит пройти курсы. Языка.

– Зачем, когда у меня есть домашняя учительница? – ответно засмеялась Норма.

– Мамочка, конечно я тебя научу! – загорелась этой идеей Джинни.

И Норме с трудом удалось уговорить её отложить первое занятие на вечер понедельника. Сегодня и завтра она слишком усталая.

Сидя на краю кровати так, чтобы видеть себя в трюмо, Женя расчёсывала волосы. Эркин уже лежал, как всегда на спине, закинув руки за голову, и смотрел на Женю. Новая, недавно купленная лампа с розовым абажуром стояла на тумбочке и тоже отражалась и в трюмо, и в зеркале шкафа. Лампу выбирала Женя, и Эркин согласился с её выбором, хотя розового цвета не любил. Но оттенок у абажура был чуть-чуть другой, и потому на Палас не походило.

– Эркин, – позвала его, не оборачиваясь, Женя.

– Да, – вздрогнул он, – да, Женя, что?

– Хорошо было, да?

– Ага, – охотно согласился Эркин. – Только если и дальше так пойдёт, я пить привыкну.

Женя быстро повернулась к нему и, увидев его улыбку, вздохнула:

– Не шути так, Эркин, не надо.

– Ладно.

Он высвободил руку и потянулся к ней, погладил кончиками пальцев её волосы.

– Ладно, Женя, я – дурак. Но я не люблю пить, очень не люблю.

– Ну и не пей, – рассмеялась Женя.

Эркин только вздохнул в ответ. Там, в прошлом, пускали по кругу бутылку, и он попросту пропускал свой глоток, а здесь у каждого кружка или стакан, и требуют, чтобы до дна, а наливают вровень с краем, хотя... хотя и здесь как поставишь себя, так и будет. В бригаде же к нему не лезут с этим. Ладно.

– Ладно, Женя, – он снова погладил её волосы. – Женя, на твоё... твой день рождения... это ведь тоже праздник.

– Спасибо, милый, надо посмотреть только, какой это день, да, знаешь, я уже думала, давай купим календарь. Отрывной.

– Давай, – сразу согласился Эркин. – И ты хотела газету выписать.

– Тебе же нравится покупать её, – возразила Женя.

Эркин покраснел.

– А что, заметно? Да, Женя?

– Ты мне сам об этом сказал, – Женя помотала головой, рассыпая по спине и плечам волосы. – А если так... – и стала заплетать косу.

Эркин медленно кивнул: да, он как-то сказал Жене, не совсем это, но его слова можно было и так понять.

– Да, Женя, всё так, но...

– Лучше выпишем какой-нибудь журнал. Тебе так нравится? С косой?

– Угу, очень хорошо.

Чтобы Женя поверила, он погладил косу, шутливо дёрнул

за кончик. Женя рассмеялась, встала положить расчёску на трюмо. Ночная рубашка у неё тоже новая, белая в мелких розочках, длинная и вся в оборках.

– Спим? – спросила, глядя в зеркало, Женя.

Эркин улыбнулся.

– Слушаюсь, мэм.

Женя засмеялась, выключила лампу и легла, обняла его, погладила по груди.

– Как хорошо, да?

– Ага, – Эркин повернулся к ней и обнял. – Лучше не бывает, да, Женя?

Его губы мягко касались её лба, щёк, глаз, подбородка, гладили и щекотали сразу. Женя смеялась всё тише, засыпая, обмякая в его руках. Он мягко, чтобы не разбудить, прижался к ней. Тонкая, сразу и тёплая, и прохладная ткань ночной рубашки Жени приятно скользила по его коже. Больше всего ему сейчас хотелось сказать: «Пусть так и будет всегда, лучше не бывает», – но он уже так говорил, в Джексонвилле, и накликал. Нет уж, с него хватит. Пусть будет как будет, само собой пусть идёт.

Женя ощущала его ровное спокойное дыхание. Пусть спит. Кажется, слава богу, он уже успокоился, перестал переживать из-за Бурлакова. Конечно, очень жалко, что так получилось, жалко и Андрея, и Бурлакова, но хорошо, что Эркин перестал изводить себя, опять стал весёлым, радующимся всему, господи, какое счастье, что прошлое не возвраща-

ется.

Они спали, прижавшись друг к другу, будто им было тесно на просторной – хоть поперёк ложись – широченной кровати. И Эркин блаженно дышал запахом волос и тела Жени, он ни о чём не думал, ничего не хотел, у него всё есть и... и лишь бы это не кончилось.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

После инцидента с Торренсом Андрей снова запсиховал. Забросил учёбу, в нерабочее время валялся на своей кровати и ни с кем не разговаривал, разве только по делу. Но на этот раз к нему уже никто не цеплялся. Как и просил доктор

Ваня, парни вообще об этом не говорили, будто ничего и не было. Тем более, что Торренс через день после того разговора выписался и исчез из госпиталя. Да и в самом деле, сколько с мальцом можно возиться? Один раз его уже к доктору насильно отводили, так что дорогу знает, не всегда ж с ним нянькаться.

Сегодня Жариков задержался в своём кабинете. Разговоры о летнем переезде перестали быть слухами, и надо подбивать бабки и чиститься, чтобы не везти лишнего и не забыть нужного. Да и... он не додумал, потому что в дверь постучали.

– Войдите.

Он догадывался, кто это, и потому, увидев Андрея, удовлетворённо кивнул.

– Заходи, Андрей, садись.

Так: обычной улыбки нет, осунувшееся напряжённое лицо, замедленные и какие-то угловатые движения, вся прежняя моторика отсутствует. Сел не к столу, а поодаль...

– Что с тобой? – мягко спросил Жариков.

– Я... я... – Андрей судорожно сглотнул. – Я спросить хотел... Иван Дормидонтович, я... я в самом деле такой... ненормальный?

Так, совсем интересно. На этот раз что ему почудилось? Сначала заставим говорить.

– Не понял, Андрей, ты о чём?

– Ну... – и совсем тихо, упавшим голосом: – Этот... го-

мосексуалист. Это же не нормально. Тот... ни к кому не лез, только ко мне. И... и что я с вами... но ведь это неправда...

– Конечно, неправда, – сразу согласился Жариков. – Послушай, Андрей...

– Я книгу стащил, – продолжил Андрей, словно не услышав. – Про... сексопатология называется. Там написано, это патология, извращение, и что...

– Подожди, – перебил его Жариков, переключая его сразу на себя и другую тему. – Что значит «стащил»? Взял в библиотеке?

Андрей угрюмо мотнул головой, быстро исподлобья посмотрел на Жарикова и снова опустил ресницы.

– Нет, там бы догадались, я у... ну, она совсем за своим не следит, уйдёт, а дверь открыта, и на виду книга, я взял, прочитал, ну, где про меня написано, и обратно положил. Она и не заметила.

Теперь он ещё по чужим комнатам шарит, этого только не хватало!

– Андрей...

– Нет, Иван Дормидонтович, но... но, если это так, я... я жить больше не могу. Значит, и правда, что спальник всё поганит, я к вам просто поговорить ходил, и вот, опоганил вас, теперь и о вас так думают, ну, что и вы...

– Стоп-стоп, наговорил ты много, давай разбираться. Кто и что про меня думает, меня не волнует. Я о себе всё сам знаю.

Андрей удивлённо поднял голову и даже рот приоткрыл.

– Да-а? – совсем по-детски вырвалось у него.

– Да, – твёрдо кивнул Жариков. – Так что за заботу спасибо, но... но об этом можно не думать. Теперь о тебе. Что ты книгу взял, это ещё ничего, а что по чужим комнатам шарить... это, извини, Андрей, это уже никуда не годится.

Андрей кивнул.

– Да, я знаю, это я только один раз, за книгой.

Жариков кивнул и решил не уточнять, что факту изъятия книги, разумеется, предшествовали разведка и проверки. И кажется, он догадывается, кто та «она», что «за своим не следит» и всё на виду держит. С ней отдельный разговор будет. Ибо народная мудрость: «Дырка делает вора», – не устарела.

– И чтоб больше этого не было, – сказал Жариков с максимально возможной строгостью. – Нужна книга, или ещё что, попроси. Понял?

– Да, – уже не опуская глаз, ответил Андрей.

– Хорошо. Теперь дальше. С чего ты взял, что ты – гомосексуалист?

– Но, – растерялся Андрей, – но я же... я – джи, Иван Дормидонтович.

– Ну и что? – спокойно возразил Жариков. – Раз ты «сексопатологию» прочитал, давай разбираться. Итак,...

– Я там не всё понял, – осторожно сказал Андрей.

– Вот! – обрадовался Жариков. – Так прежде чем паниковать, надо понять. Сейчас разберёмся.

Андрей кивнул, с надеждой глядя на Жарикова.

Чёткие, академически строгие вопросы и по-ученически старательные ответы.

– Молодец, – кивнул наконец Жариков. – Действительно усвоил. – Андрей невольно улыбнулся. Впервые за время разговора. – И последний вопрос. Что из сказанного относится к тебе?

Андрей открыл рот, закрыл, судорожно сглотнул.

– Но, Иван Дормидонтович...

– Тяга к мужчинам у тебя есть, спрашиваю? – Жариков перешёл на более простые, почти житейские формулировки.

Андрей мотнул головой.

– Так какого чёрта ты мне голову морочишь?! – прорычал Жариков. – И себе тоже! Никакой ты не извращенец, запомни.

– А... а у меня и к женщинам тяги нет, – с робкой надеждой сказал Андрей. – Это... это ничего?

– Как ты на Новый год плясал... – хмыкнул Жариков.

– Это ж я не для себя, – вздохнул Андрей.

– А для кого? – терпеливо спросил Жариков.

– Для Колюни, – Андрей улыбнулся. – Он меня ещё на Рождество просил, ну, за него поплясать. Вот я и старался.

Жариков вздохнул. Ну, какого чёрта все, кому не лень, лезут туда, куда их не просят. Операцию сам себе никто не делает, а тут...

– Встретишь ты ещё её, свою женщину, Андрей, у тебя всё

впереди. И всё у тебя будет.

– Да кому я нужен такой, – вздохнул Андрей.

– Ещё один на мою голову, – улыбнулся Жариков.

– А первый кто? – заинтересованно спросил Андрей.

– Врачебная тайна, понял?

– Понял.

Андрей уже успокоился, по крайней мере, внешне, и в его глазах появилось прежнее мальчишеское выражение лукавого любопытства. И всё-таки он опять вернулся к прежней теме.

– Так, что насильовали меня, это ничего? Да? Я... я ведь и раньше думал. Ведь нас всех ещё в питомнике надзиратели по-всякому... ещё до той сортировки, я же помню. И потом...

– Ничего, – кивнул Жариков. – Это твоё прошлое, Андрей. Нельзя давать прошлому власть над собой. Мало ли у кого что было в прошлом.

Андрей нерешительно кивнул.

– Да, мы... мы до сих пор иногда во сне кричим, вы... вы знаете об этом?

Жариков невесело улыбнулся.

– Не вы одни. Вы же живые люди, вот вам и больно.

Андрей вздохнул и встал.

– Спасибо, Иван Дормидонтович, я пойду тогда, да? Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Андрей, – кивнул Жариков.

Уже у двери Андрей остановился и обернулся к Жарикову.

– Так... так мне можно опять приходиться к вам? С философией?

– Можно, – робкая надежда в глазах Андрей тронула Жарикова, и он повторил: – Можно.

– Спасибо, Иван Дормидонтович, – просиял Андрей. – Спокойной ночи.

И выскочил за дверь.

Жариков потёр лицо ладонями и стал собирать разбросанные по столу бумаги. Как же сидит в парнях прошлое, и как оно переплетается с новым, с тем, что они узнают, читают, и какой страшной силой обладают стереотипы. Стереотип отверженности. Ко всему прочему, к их зависимостям, фобиям, ещё и это. И похоже... похоже, это тоже входило в комплекс. Привязанность к хозяину как следствие отверженности среди рабов. Жажда найти защиту. Ласковые, привязчивые, бесконечно одинокие, запуганные... и расчётливо жестокие, рассчитывающие только на себя, убеждённые во всевластии насилия. Обратная сторона... Ладно, всё это он уже обдумывал. Даже с Юркой обсуждали, ещё летом, когда решали, можно ли допустить парней к работе в палатах. Тогда они рискнули, о многом только догадываясь. Тот риск оправдался. И породил новые проблемы. А Крис давно не заходит, видимо, всё-таки сумел объясниться с Люсей, и пока там порядок, а потом... Люся ведь тоже... медицинский

случай. Ну, тут надежда на квалификацию Криса. Шерман тогда спрашивал о секс-терапии, почему мы её не применяем. Применяем. Когда удаётся. Люся с Крисом как раз такой случай.

Жариков привычно оглядел убранный стол, попробовал дверцу сейфа и закрыл шкаф-футляр. Всё, день окончен. Ещё на один день ближе к возвращению домой, на Родину. А какие там начнутся проблемы... лучше пока не думать.

Очередная «работа с картотекой» была в разгаре. На столе, кушетке, даже на стульях лежали карточки, у двери стояло ведро с плавающей в нём тряпкой, а Крис и Люся, сидя в узком простенке между шкафами, упоённо целовались. Руки Криса уже несравнимо смелее гладили плечи и спину сидящей у него на коленях Люси.

– Ой, не могу больше, – выдохнула Люся, отрываясь от губ Криса. – Ой, Кирочка...

– Тебе хорошо? – робко спросил Крис.

– Ага! – вздохнула Люся, кладя голову ему на плечо. – Я только устала чего-то, давай так посидим, ладно?

– Ладно, – охотно согласился Крис.

Обхватив Люсю обеими руками, он плавно покачивал её, будто баюкал. Люся, доверчиво прильнув к нему, даже глаза закрыла.

– Кира, – она говорила, не открывая глаз, – а тебе хорошо?

– Ага-а, – таким же вздохом ответил Крис.

– А ты слышал, говорят, летом мы уедем. В Россию. Правда, хорошо? Ты хочешь уехать?

– Конечно, хочу.

– Мы... мы ведь не расстанемся?

– Нет, конечно, нет, Люся. Я всегда буду с тобой. Я...

Крис запнулся. Он хотел сказать о клятве, что даст ей клятву, и тут же вспомнил, что уже дал клятву, так что... нет, всё равно, это неважно, они же едут со всем госпиталем, они всё равно будут вместе.

– Люся, ты... ты ведь не уйдёшь из госпиталя? – решил он всё-таки уточнить.

– Конечно, нет, Кирочка, что ты? – Люся вздохнула. – Да мне и некуда идти. У меня же никого нет, все погибли.

Крис сочувственно вздохнул. Эту фразу он слышал много раз и знал, как нужно реагировать. Но Люсю ему было действительно жалко. Да ведь в самом деле, остаться одному, совсем одному... хреново, что и говорить.

– Люся, я всегда буду с тобой.

– Ага, Кирочка, спасибо, родной мой.

Криса всегда удивляло, когда Люся называла его родным, ведь никакого родства между ними быть не могло, он хоть и метис, но ведь не от русского же, ни в резервацию, ни, тем более, в питомник русский попасть не мог. Но никогда не спрашивал у Люси, почему та его так зовёт, да и всё равно ему, лишь бы Люся не гнала его, а он бы так до утра сидел.

– Мы будем вместе, Люся.

– Всегда-всегда, правда?

– Правда, Люся.

Люся только вздохнула, и их губы как-то сами собой встретились. Крис сильнее обнял её, прижал к себе, осторожно погладил по бедру. Его руки блуждали по телу Люси тоже... как сами по себе. Он уже ни о чём не думал, и всё получалось само собой.

Тетрадь пятьдесят восьмая

Россия

Ижорский пояс

Загорье

Крещенские морозы кончились. Часто шёл снег, мелкий и колючий, небо затягивали тучи, но солнце просвечивало уже не красным, а жёлтым пятном, и дни стали заметно длиннее. И с работы домой в первую смену Эркин шёл уже не в сумерках, а засветло, и Женя возвращалась не в темноте.

В выходные они днём ходили гулять все вместе. По Торговой улице, рассматривая витрины, к Торговым рядам, где в воскресенье рассыпался целый городок лотков и палаток со всякой всячиной, на рынок в Старом городе, туда обязательно с санками, и по дороге домой Алиса гордо восседала на санках в обнимку с заполненной чем-нибудь корзиной. Ходили гулять и на Новую площадь, где за дощатым забором на глазах вырастала громада необычного дома. О нём писали в

газете, что это Культурный Центр. Была даже большая статья о том, что там такое будет. Эркин вечером на кухне читал эту статью вслух, спотыкаясь на длинных трудных словах вроде «библиотеки» и «квалификации». Читал он уже неплохо, и писал тоже, правда, медленно.

Отпраздновали день рождения Алисы. Позвать в гости всех её приятелей и знакомцев, с кем она носилась каждый вечер по коридору, Женя не рискнула: всё-таки это ж больше двадцати человек одной ребятни, а ещё и их родители... их всех и усадить-то негде будет. Но Зина с Тимом и детьми и, конечно, Баба Фима были приглашены. Посидели в празднично убранной кухне, попили чаю с тортом, конфетами и другими вкусностями. Потом Алиса, Дим и Катя ушли играть в Алискину комнату, а взрослые ещё посидели уже за своими разговорами. А в коридор Алиса вышла с большим кульком конфет и всех угощала. Шесть лет всё-таки исполнилось, не шутка, осенью в школу пойдёт.

Эркин шёл домой, с удовольствием слушая поскрипывание снега под бурками, сбив ушанку на затылок: мороз сегодня совсем мягкий. За отворотом полушубка газета, в руках сумка с кое-какими покупками. Шёл и жмурился от солнечных золотистых искр. Народу на улице мало: он с покупками малость припозднился, и основной поток идущих на смену и со смены схлынул. Но на идущего впереди парня он бы и в толпе обратил внимание. Опасливая осторожность ловких движений, обтрёпанная рабская куртка, втянутые в рукава

от мороза руки, рабские сапоги... «Ого, – усмехнулся Эркин, – глядишь, ещё одно новоселье скоро будет», – и прибавил шагу, нагоняя парня. Интересно, куда его поселят, ведь в их крыле все квартиры уже заняты.

Услышав шаги за спиной, парень опасливо полуобернулся, и по этому движению Эркин окончательно убедился: спальник и, похоже, джи.

– Привет, – дружелюбно поздоровался он по-русски и продолжил по-английски рабским приветствием: – Еды тебе.

– И тебе от пуза, – настороженно ответил парень, быстро оглядывая Эркина. – Давно здесь?

– С декабря, – охотно ответил Эркин. – А ты?

– Не очень, вот-вот только. Как здесь с работой?

– Хорошо, – убеждённо сказал Эркин. – Завод большой, стройка, автокомбинат, – он невольно перешёл на русский. – Ну, и ещё можно найти.

Парень кивал, слушая перечень, и спросил совсем тихо, по-камерному.

– Эл?

– Такую работу ищешь? – удивился Эркин. – Не перего- рел, что ли?

– А ты?

– Давно уже, – спокойно ответил Эркин.

– И я, – парень неохотно улыбнулся и стало видно: он-то – мальчишка совсем, не больше семнадцати и... да, точно, трёхкровка.

– Так чего трепыхаешься?

– Впервые своего встретил, – парнишка улыбку смелее. – Думал, нас всех к ногтю. Кончили.

– Всех кончить нельзя, – убеждённо сказал Эркин. – Кто-нибудь всегда уцелеет. Ты на «Корабль» сейчас?

Парнишка мотнул головой.

– Не, – и вздохнул: – Там комитетские, а мы...

Вот тут Эркин удивился. Чтоб не через Комитет... это ж как так получилось?

– А ты что? Не через Комитет?

– Куда мне, – вздохнул парень и старательно выговорил по-русски: – Со свиным рылом да в калачный ряд.

– Чего так?

– А ты что? – он смотрел на Эркина с искренним недоумением. – Через Комитет?

– Ну да.

– Так... так там же... врачи, – последнее слово он выдохнул с суеверным ужасом.

Эркин понимающе кивнул.

– На осмотре только рубашку снимаешь. Это не страшно.

– А мне говорили, всё смотрят, – упрямо возразил парень. – А ну как опознали бы меня, тогда что? Им куда деваться?

– Кому? – не понял Эркин.

– Ну... моим, – совсем тихо сказал парень. – Я ж... я ж один работаю, могу работать.

– Ладно, – Эркин быстро оглядел улицу. – Ага, вон она, пошли поедим.

У входа в пельменную парень задержал шаг, но Эркин плечом подтолкнул его.

– Топай, малец.

В маленькой пельменной было тепло. Парень попытался было сказать что-то о деньгах, но Эркин камерным шёпотом велел ему заткнуться и громко заказал две двойных порции со сметаной. Заняли столик в углу, Эркин снял и положил на свободный стул полушубок и ушанку, пристроил рядом сумку с покупками, парень расстегнул куртку и снял дешёвую облезлую ушанку. Миловидная пухленькая официантка поставила перед ними большие наполненные дымящимися пельменями тарелки, хлеб и, пожелав приятного аппетита, вернулась за стойку.

– Давай, наворачивай.

Парень кивнул.

– Спасибо, – выдохнул он между двумя ложками.

– На здоровье, – усмехнулся Эркин. – И много вас?

– Четверо, я пятый. Кто мал, кто стар, ну и я...

– Как же ты через границу без Комитета проехал?

– Ещё той весной... просочились, границы тогда, считай, не было, до осени там на Территориях крутились, и стало нас относить, ну, знаешь, как щепки водой. Мамка в тифу слегла, не встала. Ещё... всякое было, – он всё сильнее перемешивал русские и английские слова. – Они меня зимой в

горячку прикрыли, не сдали патрулям, ну, я и остался, семья же, понимаешь, а с Хэллоуина мы и рванули, чтоб под поворот не попасть, а денег ни хрена, летом за жратву работали.

– Чего так? Летом ещё платили, это осенью началось.

– Хорошо так удалось. Работают двое, я да дед, а кормят всех. Это ещё ничего-о.

Лицо его блестело от выступившего пота. Ел он быстро, по-рабски, но аккуратно. Хлеб, свой и, взглядом спросив разрешения, Эркина завернул в бумажную салфетку и сунул в карман.

– На завод только от Комитета берут, не знаешь?

– Не знаю. Но... документ-то есть у тебя?

– Откуда?

– А у остальных?

– Угнанные они, – вздохнул парень. – У деда... ну, улаживает он как-то. Мне б до весны дотянуть, чтоб в батраки куда подальше. А ты?

– Я на заводе, грузчиком, – Эркин задумчиво смотрел на него. – Иди в Комитет, парень, не продержитесь так.

– Ошалел, – парень зло посмотрел на него. – Комитет! Знаю я, слышан. Деда за укрывательство, а если нет, то в богадельню, малых в приют, а меня куда? На исследования? Мамка помирала, говорила, чтоб вместе держались, семьёй.

– Семьи не разлучают, – возразил Эркин. – Ты слышал, а я там был, месяц в промежуточном и Центральном сидел, плохо мне там не было. И в Комитете ссуду дают. Безвоз-

вратную.

– Так прямо каждому? И большую? – насмешливо хмыкнул парень.

– На каждого в семь юе и ещё на всю семью, – спокойно ответил Эркин и назвал цифру.

Парень с полуоткрытым ртом уставился на Эркина, судорожно сглотнул и... захохотал. Он смеялся долго, вздохнул, даже слёзы на глазах выступили.

– Ну... ну ты даёшь, – наконец выдохнул он. – Ну, отмолил, ну, спасибо, повеселил. Слушай, ты это сам придумал, нет? Слушай, таких же деньжищ не бывает.

Эркин спокойно переждал его смех и улыбнулся.

– Сходи и узнаешь. Я сначала тоже так думал, – и повторил: – Семьи не разлучают.

– Семьи, – возразил парень. – А мы... с бору по сосенке.

Эркин понимающе кивнул.

– Пишут со слов. Так что, как скажете, так вас и запишут. Сейчас на подёнке?

Парнишка хмуро кивнул.

– И той сейчас нет. Мужики все вернулись, по-соседски друг другу помогают, понимаешь, задарма, они все тут родичи, сябры да соседи, а мне... хорошо ещё бабушку нашли, она одна, как это, да, бобылка, ну, и пустила нас, за работу, ну, по дому.

– Знаю, – Эркин улыбнулся воспоминанию. – Сам так в Алабаме снимал.

В пельменной было пусто, никто их не торопил, но сидеть над пустой тарелкой тоже не будешь, это уж надо спиртное брать, что совсем ни к чему.

– Ладно, – Эркин положил на стол рубль, наели копеек на шестьдесят, ну, семьдесят пять от силы, ну, да ладно. – А Комитета тебе не миновать.

– Как и Оврага, – усмехнулся парень. – Спасибо за еду, видно, что ж...

Он встал, застегнул куртку и натянул шапку. Эркин оделся и взял свою сумку. Оделся и Эркин. Вдвоём они вышли на улицу.

– Без документов тебя не возьмут никуда, – тихо говорил Эркин. – А документы только через Комитет выправишь. Так что сам иди, пока милиция не отвела. Дед, говоришь, есть, вот он и идёт пускай. Он говорить будет, а ты рядом стой и улыбайся, учить тебя, что ли?

– Там бабы или мужики? – так же тихо спросил парень. – На кого целить?

– Всех навалом. Сам посмотришь. Не трус, трахаться не придётся.

– За ради семьи я и это смогу, – мрачно ответил парень, натягивая глубже ушанку. – Ладно, бывай.

– Бывай, – кивнул Эркин.

И уже разойдясь с парнем, подумал, что имён они друг другу так и не спросили, и не назвали. Ну, да ладно, не так уж велико Загорье, встретятся. А здорово будет, если малец

на завод попадёт.

Перешагивая через две ступеньки, Эркин поднялся на свой этаж, поздоровался с семенившей куда-то по своим старушечьим делам Бабой Тосей из правой башни – интересно, чего это её в наше крыло занесло? – тщательно обтёр бурки о коврик и открыл дверь.

– Э-эри-ик! – привычно встретил его радостный визг Алисы. – Ты пришёл!

– Ага, – согласился Эркин, раздеваясь и развешивая полушубок, ушанку, шарф, бурки – пусть обтаивают – и понёс на кухню сумку с покупками.

– А ты чего купил? – суетилась Алиса. – Вкусненькое? Да?

Суетилась Алиса неспроста. Вчера между ними вышел очень серьёзный инцидент. Эрик, правда, маме ничего не сказал, но ведь он может и сегодня это сделать.

Вчерашнее происшествие царапало и Эркина, он и домой поэтому не торопился, сидел с этим парнем в пельменной. Жене он ничего не сказал: язык не повернулся. Женя хоть и говорит, чтобы он Алису перестал баловать, но вчера... вчера он всё границы перешёл...

...Вчера Женя предупредила, что задержится на работе и придёт не раньше десяти вечера, что-то у них там срочное в машбюро, и он с Алисой весь вечер были вдвоём. Сначала всё шло нормально. Он пришёл с работы, они пообедали, и Алиса отправилась спать, а он стал заниматься уборкой в квартире. Потом пополдничали, и Алиса пошла в ко-

ридор играть. И вышел он в коридор случайно, просто так, да нет, решил придверный коврик обмыть, и надо же такому! Как раз малыши из-за чего-то поссорились. И он услышал звонкий голос Алисы, бодро частивший ругательства сразу на двух языках. В первый момент он даже особого внимания не обратил: ну, поссорились, ну, бывает, дети же. А тут как раз шла по коридору эта... Норма Джонс из квартиры напротив, и, увидев выражение брезгливого ужаса на её лице, он ринулся в гущу ребятни, молча рывком выдернул оттуда Алису, так же бегом, почти пинком вкинул её в квартиру и захлопнул дверь.

– Э-эрик?! – изумилась Алиса. – Ты чего?!

По-прежнему молча – говорить он не мог, вернее, боялся, чувствуя, что сам сейчас загноёт похлеще Андрея, – он втащил Алису в ванную, открыл в раковине воду и взял кусок коричневого мыла для стирки. Притихшая от непонимания и страха – таким стало его лицо – Алиса молча подчинялась ему.

– Открой рот и высунь язык, – натужно выдавил Эркин.

И... и намылил покорно высунувшийся розовый язычок.

– А теперь смывай.

Глотая слёзы, Алиса прополоскала язык от едкой пены. Он уже спокойно дал ей полотенце, помог вытереть залитое водой пальто на груди, раздел, повесил её пальтишко сушиться. Так же молча Алиса переобулась, понимая, что о продолжении прогулки не может быть и речи. Он отвёл её

на кухню, чайник был ещё тёплый, и он налил ей чаю и дал конфету, чтобы она отбила едкий вкус мыла. И когда Алиса, исподлобья глядя на него, приканчивала чашку, тихо сказал:

– Это очень плохие... грязные слова. Ты не должна их говорить.

Алиса молча кивнула...

...Больше они об этом не говорили. И оба не хотели, чтобы об этом узнала Женя. Алиса была уверена, что мама добавит, ведь сколько раз говорила, что ругаться нельзя. А Эркин... Эркин не хотел объяснять, что, увидев и услышав дерущихся и ругающихся малышей, сразу вспомнил своё. Питомник. Как надзиратели стравливали их и покатывались со смеху, глядя на их драки, и заставляли ругаться за кусок хлеба, и потом, уже в учебке, учебном Паласе, их заставляли с белыми говорить правильно, а друг с другом только руганью, и били, когда они путались. Незачем это Жене знать.

Он уже заканчивал разборку покупок, и суп на плите уже закипал, когда Алиса решила рискнуть:

– Эрик, а... а я больше не буду этих слов говорить, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Эркин, ставя на стол тарелки.

– А ты маме не говори об этом, ладно? – Алиса чинно заняла своё место и вздохнула: – Чего её волновать, ладно?

Эркин с интересом посмотрел на неё и улыбнулся.

– Ладно.

– Чур-чур, уговор без передела, – быстро сказала Алиса.

Эркин кивнул и поинтересовался:

– И что я должен сказать?

К его странностям – ну, что он не знает простейших вещей: считалок, сказок, игр с их правилами – Алиса уже давно привыкла и потому деловито объяснила:

– А ничего, всё уже сказано.

– Тогда хорошо.

Эркин разлил по тарелкам суп, нарезал хлеба. Алиса, совершенно удовлетворённая исходом конфликта, ела с аппетитом и почти аккуратно.

– Эрик, а ты какой суп больше любишь?

Эркин пожал плечами.

– Я всё люблю, – и встал, собирая тарелки.

На второе картофельное пюре и мясной обжаренный фарш. Про огурцы Женя говорила... он достал из-под окна миску с солёными огурцами.

– Эрик, ты мне один нарежь, а другой так дай. Похрупать.

– Держи, – не стал спорить Эркин.

Он тоже любил маленькие солёные огурцы, твёрдые и весело хрустящие на зубах. Поэтому, выбрав большой огурец, нарезал его ломтиками и поделил себе и Алисе поровну, а два маленьких выложил целыми.

– Ага, спасибо.

– На здоровье.

Алиса старательно орудовала вилкой, подражая Эркину. Интересно, как это получается, что, когда они едят вдвоём,

Эрик ей столько кладёт, что и добавки не хочется, и на тарелке ничего не остаётся.

– А на третье компот?

– Кисель, – заглянул в кастрюлю Эркин. – Сейчас молоко достану.

Кисель был такой густой, что его не пили, а ели ложкой. Алиса очень старалась есть аккуратно, но почему-то щёки оказались в киселе, и на платье... пятно.

– Иди умывайся и ложись спать, – улыбнулся Эркин. – Это молоко, я замою.

– Я сама, – возразила, вылезая из-за стола, Алиса.

– Хорошо, – согласился Эркин. – Поможешь мне.

Вдвоём они замыли пятно, и Алиса отправилась спать с чувством выполненного долга. Эркин вымыл и расставил на сушке посуду, оставил на плите суп, пюре и фарш, чтобы всё быстро разогреть, когда придёт Женя. Все эти хлопоты были ему теперь так же привычны и приятны, как возня с дровами и водой в Джексонвилле. Только теперь он понимал, насколько это приятно. А теперь что? Теперь цветы. Полить фиалку и хризантемы. Женя даже лейку купила, маленькую жестяную приятного зелёного цвета. Эркин полил цветы и снова наполнил лейку водой из-под крана, чтобы до завтра отстоялась. Ну вот, всё вроде сделано.

Он вышел в прихожую, взял лежавшую на полочке у зеркала газету и прислушался. Шагов Жени не слышно, хотя... рано ещё. Могли бы и пораньше сегодня отпустить. Ну, за

вчерашнюю переработку.

На кухне Эркин включил свет: за окном уже смеркалось – и сел к столу с газетой. Ряха уже не ехидничает, что он с газетой ходит. И чего Ряха цепляется? Заладил своё: «Вождь», – и вот с первого дня так. А... а плевать ему на Ряху трижды и четырежды. И в общем-то Ряха безобидный, шакалит, конечно, но не подличает. Эркин досадливо тряхнул головой и стал читать.

К приходу Жени он почти осилил заметку, что давно пора пустить автобус до Сосняков, а то... но тут послышалось, как поворачивается в замке ключ, и, забыв сразу обо всём, Эркин кинулся в прихожую.

– Женя!

– Ага, я, – Женя с ходу чмокнула его в щёку, пока он помогал ей снять пальто. – У меня столько новостей! Как вы тут? Обедали?

И ещё куча вопросов. Эркин даже не пытался отвечать. Женя дома, она весёлая, довольная, ну, так всё остальное побоку. А главной новостью было то, что у Жени в пятницу отгул. За вчерашнее.

– Представляешь, как хорошо!

Женя сидела за столом, а он ухаживал за ней, выставляя на стол тарелки.

– Конечно, хорошо. Женя, а в субботу мы в гости идём.

– Да-а?! – радостно изумилась Женя. – И к кому?

– К старшему моему. К Медведеву, – Эркин присел к сто-

лу, восхищённо глядя, как Женя ест. – Ты его по нашему новоселью помнишь. У него день рождения, и он всю бригаду зовёт. С чадами и домочадцами, – старательно выговорил он и пояснил: – Это значит, всей семьёй. Мне так объяснили.

– Правильно объяснили, – кивнула Женя. – Но день рождения – это подарок надо купить.

– Мы по трёшке скинулись, а Саныч купит. Женя, тебе ещё положить?

– Нет, спасибо. А ещё я, наверное, скоро в КБ перейду. В конструкторское бюро!

– Это хорошо? – уточнил Эркин.

– Там зарплата выше. Но и работа ответственнее. Ой, кисель, ага, спасибо, Эркин. А у тебя какие новости?

– Да я всё тебе сказал, – улыбнулся Эркин. – У меня всё хорошо. Женя, ещё киселя?

– Нет, – Женя, совсем как Алиса, мотнула головой. – А я вот ещё о чём подумала. Раз в пятницу у меня отгул, мы с Алиской с утра по магазинам пройдемся, купим чего-нибудь.

– Вкусенького? – улыбнулся Эркин, расставляя вымытые тарелки на сушке.

– Нет, – засмеялась Женя. – полезного. Ну, в квартиру, мы давно в дом ничего не покупали.

– Ладно, – согласился Эркин. – Ты устала, пойдти поспи.

– Нет, что ты, у меня стирки полно.

Но Женя медлила, обводя кухню и стоящего напротив Эркина счастливо блестящими глазами.

– Как хорошо, – наконец вздохнула она и легко вскочила на ноги. – Ну, за дело.

И вылетела из кухни. Эркин задёрнул шторы на окне. Миняй сегодня опять говорил, что если на кухонной лоджии поставить ларь, то будет вроде погреба, но его высмеяли. И то погреб, то подпол говорят, всё время по-разному. Напроситься, что ли, завтра к Кольке, у него посмотреть. Когда тебе говорят – это одно, а самому посмотреть и руками пощупать – так совсем другое. Надо только Жене сказать.

Он пошёл в ванную.

– Женя, я завтра после работы к Кольке зайду.

– Ага, конечно, – ответила, не оборачиваясь, Женя. – Алиса молоком облилась или киселём?

– Молоком. Я замыл.

– Ага, вижу. Алиска, ты когда аккуратно есть будешь?

Алиса в ночной рубашке стояла в дверях ванной.

– Я стараюсь.

– Вижу, как ты стараешься. Давай быстренько умывайся.

Вечер катился своим чередом в домашних хлопотах и разговорах. Играть в коридор Алиса не пошла, потому что мама обещала дочитать сказку про Снежную Королеву.

Книга Андерсена была ещё из Джексовилла, на английском, и потому читать её могла только Женя. Она видела уже в книжном магазине сказки Андерсена на русском, но вполне сознательно не купила. Зачем забывать то, что знаешь? Ни Эркин, ни Алиса читать по-английски не умеют, но язык

забывать нельзя. А когда откроют Культурный Центр... там наверняка будут занятия по английскому языку. Джинни так и сказала, что будет там работать, а для чего же ещё нужны учителя английского.

И заканчивался вечер обычно. Поужинали, уложили спать Алису, поцеловали её на ночь и сели за вторую, «разговорную» чашку.

– Говорят, больших морозов уже не будет.

– Да, я тоже слышала. А прогноз ты читал?

– Нет, сейчас.

Эркин взял газету и нашёл нужную колонку.

– Вот.

– Прочитай, – попросила Женя.

Эркин кивнул и начал читать, старательно выговаривая слова. Прогноз обещал погоду в рамках средних значений. Эркин и Женя совместно решили, что это может значить одно: больших морозов не будет. А что снег и ветер... ну, так на то и зима, чтобы снег шёл.

– Февраль – это ещё зима, так, Женя?

– Ну да. А в марте начнётся весна, – улыбнулась Женя. –

По календарю.

Эркин сразу подхватил шутку:

– Бумага – это одно, а жизнь – другое.

Календарь Женя купила, и он теперь висел в кухне на стене у двери. Женя сама оторвала все листки за прошедшие дни, и теперь Эркин утром или днём обрывал вчерашний ли-

сток и оставлял на столе, чтобы Женя решила: выбросить или сохранить в специально купленном для этого конверте.

Эркин допил свой чай и встал, собирая чашки. Женя кивнула.

– Да, поздно уже.

– Ты иди, Женя, ложись, я мигом, – Эркин лукаво улыбнулся и даже подмигнул.

– Буду ждать, – ответно улыбнулась Женя и поцеловала его в щёку, прежде чем выйти из кухни.

Эркин вымыл и расставил на сушке чашки, блюда и ложки, залил в чайник воды, чтобы завтра его сразу только на огонь поставить, вылил остатки заварки из маленького чайничка и вымыл его. Ну вот... здесь – всё. Женя уже легла, наверное. Он оглядел ещё раз убранную кухню и вышел, погасив свет. В ванной быстро разделся, запихнув трусы в ящик с грязным бельём. Занавес в душе ещё влажный после Жени и пахнет её любимым розовым мылом. А на бортике приготовлены его мочалка и мыло. Давно, ещё в Джексонвилле, он показал Жене обёртку от мыла, купленного у Роулинга, и теперь Женя покупает такое для него. Здесь оно называется «Консул», а обёртка такая же – бордовая с золотыми буквами. Эркин с наслаждением вымылся, выключил воду и вышел из душа. А насколько полотенце лучше паласной сушилки, особенно вот такое, мохнатое, да, правильно, махровое. Расправив полотенце на сушке, Эркин взял с полочки у зеркала флакон с лосьоном, слегка смочил ладони и протёр ли-

цо, шею, плечи и грудь. Вот так. Алиса спит, но всё равно голым ходить не стоит. Он натянул старые джинсы, ставшие уже только домашней одеждой, и пошёл в спальню.

Женя его ждала, стоя у трюмо в ночной рубашке, и, видимо, не могла решит: оставить волосы распущенными или заплести косу. Розовый свет лампы делал её кожу чуть смуглой и даже слегка красноватой.

– Как-кая ты красивая, Женя! – выдохнул, стоя в дверях, Эркин.

Женя обернулась к нему так резко, что её волосы взметнулись волной и рассыпались по плечам, окутав их, как шалью.

– Да?! Тебе так больше нравится?

Эркин на мгновение испугался, что обидел Женю.

– Женя, тебе... ты всегда красивая.

Женя засмеялась и снова, уже нарочно рассыпая волосы, мотнула головой. Эркин засмеялся в ответ, нашаривая за спиной задвижку на двери. В два шага пересёк спальню и обнял Женю, зарывшись лицом в её волосы.

– Женя, ты... ты необыкновенная...

Руки Жени обвились вокруг его шеи.

– Эркин, господи, Эркин...

Эркин очень осторожно глядящими движениями сдвигал бретельки с плеч Жени.

– А я тебя, да? – смеялась Женя, кладя руки на его бёдра.

– Ага! – счастливо выдохнул Эркин.

Женя уже уверенно нашарила застёжку на его джинсах, потянула вниз язычок молнии.

– Ага, Женя, сейчас, дай руку.

Эркин помог ей выпутать руки из оборок ночнушки, и качнув бёдрами, сам сдвинул вниз джинсы. Чтобы рубашка и джинсы легли на пол одновременно. Теперь Эркин обнимал Женю за талию, прижимая её к себе. Женя мотнула головой, отбрасывая волосы назад, погладила Эркина по груди, по плечам.

– Какой ты красивый, Эркин. Слушай, зачем я покупаю ночные рубашки, если ты их всё время с меня снимаешь?

– А... а тебе хочется в одежде? – удивился Эркин.

Женя засмеялась.

– Ты что, шуток не понимаешь? Зачем же в одежде?

Эркин хотел было ответить, что некоторым нравится, бывало у него такое, одна, помнится, прямо в манто хотела, но предусмотрительно воздержался и сказал другое, но тоже правду:

– Я... мне смотреть на тебя нравится. Ты такая красивая, Женя, что я себя не помню.

– Ты тоже красивый, Эркин, ты очень красивый.

Она потянулась вверх, к его лицу, и он склонился к ней, коснулся своими губами её лица и не сразу, оттягивая этот миг, прижался губами к губам. И теперь Женя отвечала ему. Она по-прежнему не любила игр языком, вернее, он по старой памяти и не предлагал ей этого. Да и... да и к чему им

это? Он почувствовал, что Женя сейчас начнёт задыхаться и оторвался от неё, поцеловал в шею, возле уха, в горло, в ямку между ключицами.

Женя запрокинула голову, выгнулась, подставляя его губам грудь, раскрываясь перед ним, и он вошёл точным сразу и сильным, и мягким ударом.

С той ночи, когда Женя объяснила ему, что он прощён, и разрешила ему опять ощущать её, он ни на секунду не забывал, что Женю надо беречь, ловил её малейшие движения, подстраиваясь под её желания. И боялся, что накатывающая каждый раз, поглощающая его волна заставит его сделать что-то не так, он же теряет себя в волне. Но пока всё обходилось. Женя... Жене нравилось.

Волна уже подступала, и он крепче обхватил Женю, прижал её бёдра к своим... руки Жени на его шее... частое прерывистое дыхание... сохнут губы, кружится голова... и ещё... и ещё... и ещё...!

Он стоял, прижимая к себе мягкое тёплое тело Жени, её голова лежала у него на плече, а её волосы окутывали их обоих. Эркин ощущал их прохладу на своих руках и спине. Осторожно, чтобы не потревожить Женю, перевёл дыхание.

– Ой, Эркин, – вздохнула Женя, не открывая глаз.

– Да, Женя, – сразу откликнулся он, беря её на руки.

Женя, по-прежнему закрыв глаза, плотнее обхватила его за шею, прижалась к нему.

Постель была уже разобрана, и Эркин уложил Женю,

укрыл одеялом и поцеловал в щёку.

– Я сейчас, только уберу всё.

И, не ожидая ответа, мягко высвободился из её объятий. Убирать, кстати, особо и нечего. Джинсы на пуф, шлёпанцы к кровати, рубашка Жени...

– Женя... одеть тебя? – нерешительно предложил он.

– Не-а, – вздохнула Женя и тихо засмеялась. – Спасибо, милый.

Эркин бросил её рубашку на другой пуф, вернулся к кровати и лёг. Женя потянулась укрыть его, а он погасить лампу, и они обнялись. И одновременно засмеялись этому.

– Хорошо, когда лампа одна, да?

– Ага, – согласился Эркин, прижимая к себе Женю. – Какая ты... – он запнулся, подбирая слово.

– Какая? – хитро спросила Женя.

– Сладкая, – выпалил Эркин между поцелуями.

Женя фыркнула.

– Ты что, съесть меня хочешь?

– А можно? – деловито поинтересовался Эркин.

Целуя Женю, он уже целиком скрылся под одеялом.

– Если ты меня съешь, – Женя не переставала смеяться: так щекотно он целовал её. – Я завтра не пойду на работу, а у меня текст не допечатан.

Проложив дорожку из поцелуев по телу Жени до лобка, Эркин двинулся обратно.

– Тогда... конечно... работа... должна... быть... законче-

на... – говорил он между поцелуями.

Наконец он вернулся к лицу Жени, поцеловал её в углы губ, щёки, закрытые глаза. Женя уже засыпала, и Эркин целовал её всё мягче и нежнее, пока она не заснула окончательно, обняв его за шею. И, ощутив её ровное сонное дыхание, он заснул сам.

Только теперь он по-настоящему понял, о чём говорила Женя в Джексонвилле. Засыпать и просыпаться вместе, ничего и никого не боясь, не прячась ни от кого. А что они запираются, так это от Алисы, это нормально, детям и знать об этом не надо. Сейчас если вспомнить, как они тогда, в одной комнате... хорошо, что всё кончилось. Теперь-то всё хорошо, лучше не бывает, не может быть...

Звонок будильника разбудил их, заставив разорвать объятия. И, хотя Эркин уже не раз говорил Жене, что ей незачем вставать так рано, он сам управится, она упрямо каждый вечер заводила будильник. И как всегда Эркин просыпался за минуту до звонка и эту минуту лежал неподвижно, любуясь Женей и наслаждаясь тишиной и спокойствием.

Звенит будильник, подлетает кверху одеяло, Женя, на бегу запахивая халатик, исчезает из спальни, Эркин бросается к комоду за чистыми трусами, влезает в джинсы и выбегает следом за Женей. А на кухне уже греется чайник, Женя быстро накладывает ему на тарелку картошку и мясо.

– Садись, поешь.

– Ага, спасибо, Женя, – Эркин ест быстро, с удовольствием. – Женя, я сегодня к Кольке зайду.

– Да, ты говорил, иди, конечно.

И вот уже Эркин бегом возвращается в спальню, быстро натягивает тёплое бельё, джинсы, ковбойку, носки. В прихожей он всё так же быстро обувается, шарф, полушубок, ушанка. И быстрый, скользящий по щеке поцелуй Жени.

– Счастливо, Эркин, удачи.

– Спасибо, и тебе удачи.

Уже привычная, знакомая до шага дорога в общей толпе, где не меньше половины – его знакомые.

Эркин всегда легко уживался, быстро привыкал, приспособивался. Без этого в круговерти Паласов и распределителей не выжить. Но сейчас... сейчас всё совсем другое. Всё, как каждый день, а ему радостно, будто впервые. И общие разговоры.

– Мороз, привет!

– Привет.

– Ого, здорово!

– Читал про жулика?

– Это который со старушек на памятник собирал?

– Н-ну!

– Давить таких надо!

– Да уж, на святом нажиться вздумал.

– На масленицу дадут отгул, не слышал кто?

– После святок не проспался, а по-новому в загул лезешь.

И уже проходная.

Пропуск на первой проходной, табельный номер на второй, смотри-ка, Лизка сегодня, чего она не в свою смену, а Серёня в новом пальто...

– С обновой тебя, носи на здоровье.

– Спасибо, – расплывается Серёня.

Дверь с цифрой «пять».

– Всем доброго утра.

– И тебе того же.

– Серёня-то, франтом!

– Обмыть надо.

– У Ряхи одно на уме.

– Халяву не упустит.

Медведев оглядывает их льдисто блестящими глазами.

– Всё, мужики, айда.

Эркин, уже на ходу натягивая рабочие рукавицы поверх варежек, идёт со всеми по коридору. А смотри-ка, светло как. Что сегодня? Контейнеры? Точно, вон стоят. Ну, поехали.

Сегодня он с Петрей, Серёней и Лютычем. Эти дурынды только вчетвером и сдвинешь.

– Пошёл.

– На меня подай.

– Пошёл.

– Серёня, тормози.

– Аг-га!

– Хорош!

Работал Эркин как всегда, сосредоточенно, не глаза по сторонам. Можешь думать о своём, это не мешает, но и на сторону не отвлекайся. Тоже... с питомника усвоено. Иначе он уже не может. И не пытается.

– Мороз! – у Медведева из-под ушанки прилипшие ко лбу завитки. – С Лютычем туда, оба!

А контейнеры? А ладно, старшому виднее! Бегом через весь двор. Бочки? Так вдвоём же... ладно, справимся.

– Лютыч, давай отсюда.

– Ага. На меня давай.

– Пошёл!

– Пош-шёл.

Привычная и потому не тяжёлая, нет, не то, ворочать эти бочки совсем нелегко, хуже, чем мешки с концентратами, но... но это тоже совсем другое. Только сейчас он понял по-настоящему, что это такое: работать без надзирателя за спиной, на равных. Да, конечно, старшой, инженеры, директор, начальства над ним... выше крыши, но всё равно. Он своё отработал и всё, и никто ему не приказывает, что есть и как одеваться, что это или иное ему не положено.

– На меня.

– Левее.

– Пошёл.

– Стоп, крепи.

– Готово.

– Хорош.

С Лютычем работать легко. Да... да кого ни возьми, что надо мужики, в хорошую ватагу попал. Вот Ряха только... Но после того, самого первого дня больше в паре с Ряхой он не работал. Ну вот, десяток остался, а над двором уже заливается звонок.

– После обеда закончите, – бросает им на бегу бригадир.

Они закрепили очередную бочку и спрыгнули с платформы. Лютыч сдёрнул рукавицы и достал сигареты, показал пачку Эркину. Эркин, мотнув головой, отказался, и они не спеша пошли к столовой. И со всего двора туда по двое, по трое собиралась их бригада. И в зал они вошли уже все вместе.

В очереди к раздаче Эркин пробился к Кольке.

– Слушай, дело есть.

– Давай, – кивнул Колька, шаря взглядом по тарелкам с борщом и выбирая самый мясистый кусок.

Набрав себе обед и расплатившись, они ушли к угловому столику.

– Так что за дело? – спросил, доедая борщ, Колька.

– У тебя подпол есть?

Колька чуть не поперхнулся от неожиданности.

– Н-ну! А как же без него, ты чего?

– Понимаешь, – Эркин смущённо улыбнулся, – я никогда подпола не видел. И погреба.

– Это ты Миняя наслушался? – хмыкнул Колька. – Пой-

дём, конечно, покажу.

– Лады, – кивнул Эркин, берясь за компот. – Чего старшóму купили, не знаешь?

– Молчит Саныч, – вздохнул Колька, – вмёртвую. Ну, он мужик надёжный, ха-арошую штуку обещал. Всё ж-таки тридцатка старшóму, не хухры-мухры.

Тридцать лет, конечно, не шутка. Как говорится, круглая дата.

– Гульнём, – ухмыльнулся Колька, вставая и собирая посуду, – как надо.

– Гульнём, – согласился Эркин.

Они вышли из столовой, забрали с вешалки свои куртки и ушанки. Проверяя себя, Эркин посмотрел на часы. Да, до конца перерыва времени ещё... навалом. Почти двадцать минут. Со двора уже входила бригада Сеньчина, со второго рабочего двора. Большинство из них Эркин знал в лицо, но по имени – почти никого. Второй рабочий шабашил на полчаса позже, чтобы лишней толкотни в столовой не было. Обменявшись улыбочивым кивком со знакомыми, Эркин пошёл к выходу и почти у дверей столкнулся с их бригадиром. Сеньчин и на работе ходил франтом. Не в простой робе, а в какой-то необычной куртке с меховым воротником, бурках и круглой барашковой шапке, светло-русые усы щегольски фансонно подбриты. Внимательный взгляд, которым он окатил Эркина, удивил, но не больше... Чего это он, будто впервые видит? Ну, и – Эркин уже вышел на крыльцо – хрен с ним,

если что нужно, так подойдёт и скажет, не переломится. И Эркин не спеша, гоняя под одеждой волну, чтобы разогреть мышцы, пошёл к их с Лютычем платформам.

В столовой Сеньчин сразу подсел к Медведеву.

– Слышь, Медведь, ты как со своим индейем управляешься?

Медведев, сосредоточенно хлебавший борщ, вскинул на него глаза.

– А твоя какая в том печаль?

Сеньчин вздохнул.

– Да мне в бригаду суют. Индеев...

– Так откажись, – посоветовал Медведев, придвигая к себе тарелку со вторым.

– У меня и так народу... некомплект.

– У меня тоже. Норма – пятнадцать, а я сам двенадцатый.

Кручусь же. И ты покрутись.

– У тебя этот индей, как его, Мороз, за четверых ворочает.

Так что...

– Так что катись, понял? А если адрес забыл, так напомним.

– Да всего бы мне его на недельку, чтоб моих в порядок привёл. Ну, на три дня. Ну, не жмотничай, Медведь.

– Ка-тись, – отдельно повторил Медведев и встал.

– Ну и чёрт с тобой! – Сеньчин зло хлопнул ладонью по столу и тоже встал. – Купил ты его, что ли? Сам с ним поговорю.

– Валяй, – согласился Медведев и пожал плечами. – Твоё

здоровье – не моя печаль, – и уверенным, чуть вразвалку шагом пошёл к выходу.

Сеньчин несколько оторопело выругался ему в спину, но Медведев не обернулся.

В ожидании звонка к началу работы все уже разбрелись по своим платформам и штабелям. Эркин натянул поверх варежек рабочие рукавицы и кивнул Лютычу.

– Давай, что ли.

– Давай, – не стал спорить Лютыч.

Они взялись за первую бочку, когда задребезжал звонок.

– Пошёл.

– Пошёл.

– Левее.

– На меня.

– Готов.

Последние бочки вставали трудно. Лютыч уже не кряхтел, а ругался, Эркин, сведя брови и прикусив губу, молчал. Наконец последняя встала на место, они закрепили опутывающий трос, и Лютыч облегчённо выдохнул:

– Всё!

Эркин кивнул и улыбнулся. Подбежавший к ним Медведев махнул рукой.

– Там Геныч с Колькой зашиваются, – и пронзительно свистнул. – Готово! Подавай!

Они успели перебежать пути перед паровозиком, торопившимся к их платформе, и бегом к Генычу. Работа с ним

и Колькой Эркина тоже устраивала.

До конца смены они возились с упакованными в картон и рогожу коробками, небольшими, но такими тяжёлыми, что больше двух враз не поднимешь, а их ещё по трём машинам распахать, да по трём направлениям бегать. Еле до звонка управились.

В бытовке обычный уже весёлый шум, толкотня у раковины и шкафчиков, необходимая ругань.

– А они мне... – верещит Ряха.

И все охотно ржут. Смеётся вместе со всеми и Эркин: такую явную несуразицу несёт Ряха. Робу в шкафчик, обереться до пояса, переодеться. Всё привычно, как каждый день. И ему не нужно, чтобы было по-другому. Будет ли лучше – неизвестно, а что есть – уже хорошо.

– Мороз, готов?

– Ага, пошли.

Колька в своей чёрной с золотыми нашивками куртке – бушлатом называется, – но Эркин уже понимает, что это не от форса, а от безденежья. Работает один, а едят четверо. Тут на полушубок нескоро наберёшь.

– А отпустили морозы.

– Да, тёплая зима в этом году, – смеётся Колька. – Все говорят. Ещё б весну раннюю да спорую, да лето хорошее, и осень бы не гнилую... Во житуха бы была!

– Точно, – кивнул Эркин. – Да, постой.

– Ты куда? – удивился Колька.

– Зайдём на минутку, – Эркин кивком показал на витрину кондитерской. – Колобок шоколад любит? – и сам ответил за покрасневшего Кольку. – Любит.

В кондитерской он купил большую плитку шоколада с парусником на обёртке. Колька, увидев его покупку, снова покраснел. Но уже по-другому.

– Ну, ты даёшь! – выдохнул он на улице. – Она же стоит...

– Картинка красивая, – улыбнулся Эркин.

Что когда идёшь в гости, надо чего-то принести, он знал. И что детям, если есть, в первую очередь. Бурлаков же тогда торт принёс. А тоже... напросился по своему делу. Так что... так что всё правильно.

Небо затянули тучи, и полетел мелкий колючий снег. Колька поглубже надвинул шапку. Эркин в крещенские морозы привык носить ушанку с опущенными ушами и потому ограничился тем, что поднял воротник полушубка. Ветер сдувал на них с крыш облака снежной пыли, заметно потемнело. Но они уже почти пришли. Кудлатый пёс обляял их, не вылезая из конуры.

В дворике Кольки ветер чувствовался меньше. Они остановились, немного оббили снег друг с друга, хлопая варежками по плечам и спинам, и поднялись на крыльцо.

– Ну, вот и дошли, – улыбнулся Колька. – Давай, заходи.

В сенях ещё раз отряхнулись, разделись, обмели от снега бурки.

– Да заходите так, – выглянула в сени Эсфирь. – Здрав-

ствуйте.

– Здравствуйте, – улыбнулся Эркин, снимая бурки.

Не станет он мытый пол грязнить. Да и вот, тряпочные коврики на полу, да, правильно, половики. А он специально сегодня вместо портянок носки надел. Эркин поставил бурки под полушубком, засунул в рукав шарф и достал из кармана шоколадку.

Эсфирь, увидев шоколад, покачала головой и улыбнулась.

– Ох, зачем же вы...

Эркин, не зная, что положено говорить в таких случаях, ограничился улыбкой. И этого оказалось достаточно.

– Сейчас чай будем пить, – сразу сказала Эсфирь.

– Ага, – кивнул Колька. – А я пока подпол покажу.

– А это зачем? – удивилась Эсфирь.

– Я никогда не видел подпола, – извиняющимся тоном сказал, улыбаясь, Эркин.

Колька сдвинул в сторону половик и за утопленное в половицу кольцо поднял крышку.

– Во, видишь?

Эркин нагнулся, оглядывая открывшееся внизу пространство, присел на корточки.

– Давай слазим, – предложил Колька.

– Давай, – кивнул Эркин.

– Коленька, ты варенья заодно достань, – сказала от печи Эсфирь.

Хотя вниз вела небольшая лестница, Колька просто

спрыгнул, и Эркин последовал за ним.

Подпол оказался почти обычной кладовкой. Вдоль стен полки с банками, тут же ящики с яблоками, мешки с картошкой, ещё что-то. Было заметно холоднее, чем в доме, но не так, как на улице. Колька взял с полки банку, посмотрел.

– Мороз, ты какое варенье больше любишь? Вишнёвое или яблочное?

– Любое, – улыбнулся Эркин.

– Ну, как знаешь, – Колька подошёл к люку и, поднявшись на одну ступеньку, поставил банку наверх. – Мама Фира, дай ведро, я картошки нагрёбу.

– Держи, Коленька.

Она наклонилась над люком, подавая ведро. Эркин молча смотрел, как Колька развязал мешок и переложил из него в ведро картошку. Мешков было немного.

– Ну вот, – Колька завязал мешок. – Если посмотрел, полезли обратно.

– Да, – тряхнул головой Эркин. – Спасибо.

– Не за что.

Они вылезли наверх, Колька опустил крышку и закрыл её половиком.

– Я самовар поставила, – улыбнулась Эсфирь.

– Ага, дело. Пошли пока.

Они прошли в горницу. Занавеска Семёна была отдёрнута, и они сразу подошли к кровати.

– Привет, – улыбнулся Эркину Семён, протягивая руку. –

Ну, как дела?

– Нормально, – ответил улыбкой и рукопожатием Эркин.

– Чего это ты в подпол полез? – весело спросил Семён.

– Да это его Миняй с панталыка сбивает, – Колька переставил у кровати Семёна два стула и сел на свой верхом, бросив руки на спинку. – Живёт, понимаешь, в городском доме и хочет из балкона подпол сделать.

Семён с удовольствием захохотал. Рассмеялся и Эркин.

– Картошку ему, понимаешь, держать негде, – фыркнул сквозь смех Колька.

– Какой уж подпол в квартире, – отсмеялся Семён. – И как ты с картошкой устраиваешься?

– Мешок куплю и в кладовку, – охотно ответил Эркин. – Когда доедим, за новым на рынок иду. В больших квартирах, в башнях, холодная кладовка есть, ну, башенные там держат.

Разговор шёл о всяких хозяйственных мелочах. Эркин, не удержавшись, искоса посмотрел на стену над диванчиком. Гитара была на месте. Посмотрел быстро, по-питомничьи, но Колька то ли заметил, то ли почувствовал. И вдруг решительно встал, в два шага пересёк горницу и снял с гвоздя гитару.

– Ты говорил, что умеешь. Сыграй, Мороз, а?

И Эркин не стал отказываться, бережно принял гитару. Но честно сказал:

– Я шесть лет уже не играл. И пальцы не те стали.

– Ладно тебе, – нетерпеливо дёрнул головой Колька.

Эркин сел поудобнее, перебрал струны. Звучание было немного другим, непривычным, и струн семь, а он привык к шести, но... но... голова забыла, а тело помнит. И пальцы... думал, совсем не те стали, а помнят, работают. Ну... ну, а если эту... что Андрей пел, и тогда в поезде. Незаметно для себя Эркин запел, пока без слов, подгоняя аккорды.

– Знаешь эту? – радостно спросил Семён.

– От брата слышал.

Эркин пел негромко, не от неуверенности, а просто песня не для громкости, и это же дом, он сам слышит, как его голос отлетает от стен, грозя смазать мелодию. Неслышно вошла из кухни Эсфирь и остановилась у двери, придерживая Колобка, чтобы тот не вздумал бегать и мешать.

Эркин допел и смущённо улыбнулся.

– Здорово! – выдохнул Колька.

– Хорошо поёшь, – улыбнулся Семён. – Спасибо, браток.

Эркин перебирал струны не в силах расстаться с гитарой.

– Спой ещё, – попросил Семён. – А вот эту знаешь? – и негромко насвистел мелодию.

Эркин озадаченно мотнул головой.

– Не слышал.

– Это наша, – улыбнулся Семён, – семейная.

– Спой, я подберу.

– Певец из меня, – усмехнулся Семён, но запел.

Эркин слышал, как он фальшивит, чувствовал, что Семён явно перевирает мелодию, но старательно подстраивался под

него. Семён заботился не о мелодии, а о словах.

– Ночь коротка... Спят облака... – не так выпевал, как выговаривал Семён. – И лежит у меня на погоне незнакомая ваша рука...

– Здорово, – повторил Колька, когда они закончили, и совсем тихо, почти про себя, так что услышал только Эркин. – Мамка тоже её любила.

В глазах Семёна стояли слёзы.

– Самовар готов, – сказала, прерывая молчание, Эсфирь.

– Во, в самый раз, спасибо, Мама Фира, – широко улыбнулся Колька.

– Спасибо, – сказал и Семён, но глядя на Эркина.

Эркин ответил ему улыбкой и протянул гитару Кольке.

– На, возьми.

Он не хотел, но в голосе прозвучало сожаление. Колька бережно взял гитару и отнёс её, повесил на прежнее место, постоял так и резко обернулся.

– Пошли Мороз, чаю попьём. Мама Фира, ты самовар не трогай, я его сам подниму. Сёма?..

– Я подремлю, – ответил Семён. – Задёрни.

– Ага.

Колька поправил занавеску, отделявшую кровать Семёна от горницы.

На кухне возле печки шумел самовар, стол был накрыт клеёнкой в цветочек, и на деревянном толстом кружке стояла сковородка с потрескивающей жареной на курином жире

картошкой.

– Ух ты! – восхитился Колька. – Ну, Мама Фира, спасибо! Садись, Мороз.

Крякнув, Колька поднял и поставил на стол большой, заметно помятый, но начищенный до блеска самовар и сел за стол. Эсфирь положила им картошки.

– Кушайте на здоровье.

– Мама Фира, а себе?

– Я чаю с вами попью.

Колобок занял своё место рядом с Колькой, но смотрел только на лежащий на столе шоколад. Колька подмигнул Эркину, и тот с улыбкой кивнул.

– Моя так же.

Охотно засмеялась и Эсфирь.

Наконец Колобок дождался своего часа. Эсфирь Мама Фира поставила чашки, налила чаю и очень бережно, чтобы ненароком не надорвать обёртку, развернула плитку, наломала и выложила на блюде маленькие тёмно-коричневые квадратики. Колька взял обёртку, разгладил.

– Хороший бриг, – и, поймав удивлённый взгляд Эркина, стал объяснять: – Это корабль так называется. Видишь, две мачты и паруса.

Посыпались странные, никогда раньше не слышанные Эркином слова. Колобок, засунув за щёку шоколад, слушал очень внимательно, а когда Колька закончил, протянул руку.

– Моё. Это мне.

– Держи, юнга, – отдал ему обёртку Колька. – А поешь ты здорово, Мороз. И играешь.

Эркин неопределённо повёл плечом, не зная, что ответить. Он чувствовал, что Колька пытается увести разговор, но плохо понимал, от чего. От моря? Или от воспоминаний об отце? Семейная песня. Наверное, это здоровско, когда у семьи есть своя песня.

– Пейте чай, – угощала Эсфирь. – Давайте я вам ещё налью.

– Спасибо, – улыбнулся ей Эркин.

Колобок вторую чашку пить не стал, а полез из-за стола, крепко прижимая к себе обёртку с парусником и фольгу.

– А что надо сказать? – остановила его мать.

– Спасибо, – послушно сказал Колобок, глядя на Эркина круглыми тёмными глазами.

– На здоровье, – улыбнулся Эркин.

– Теперь беги, – разрешила Эсфирь.

И, когда Колобок выкатился из комнаты, Колька прислушался и хмыкнул:

– Побежал к Сёме хвастать.

Не спеша, беседуя о всяких хозяйственных делах, допили чай, и Эркин встал.

– Спасибо большое, мне пора.

– Заходите ещё, – улыбалась Эсфирь.

Колька вышел провожать Эркина.

– А поёшь ты здорово, – снова сказал он, когда Эркин уже

заматывал шарф. – Батя тоже пел, а ты... жалко, моряцких песен не знаешь.

– Ничего, – улыбнулся Эркин. – Ещё выучу.

– Это точно, – заулыбался Колька. – Ну, спасибо, что зашёл.

– И тебе спасибо. Бывай.

– И ты бывай.

Эркин пожал Кольке руку и вышел. Уже темнело, и ветер гнал облака снежной пыли. Эркин поглубже натянул ушанку и поднял воротник полушубка. Зима, конечно, штука хорошая, но ещё лучше, что скоро март и весна.

Он шёл, слушая, как визжит под ногами снег, и улыбался. Он уверенно чувствовал, что всё делал правильно, как надо. А подпол... конечно, подпол или погреб на лоджии – это глупость, но сделать что-то вроде шкафа, чтобы зимой продукты не лежали открыто, это совсем другое дело, но тут надо подумать и всё просчитать, и... Эх, был бы Андрей!

И снова имя Андрея, сама мысль о нём отозвалась болью. Андрей так и не узнал, что его отец жив. Так оберегал отца, молчал о нём, вмёртвую, как... как он сам о Жене все те шесть лет, запретив себе даже вспоминать. А тот выжил. Если б Андрей только знал, ну, если б чуть раньше...

Эркин совершенно не мог представить себе, как Бурлаков догадался, что Андрей – его сын, и вообще... Но если догадался в январе, почему не в октябре? Нашёл же их – его и Женю – в Загорье. Нашёл бы и в Джексонвилле. А теперь что

ж... Думать об этом – только душу себе травить. Ничего же уже не поправишь и не изменишь.

Пока дошёл до «Беженского Корабля», наступил вечер. Эркин нашёл взглядом свои окна. В кухне горит свет, шторы задёрнуты, но лампа просвечивает. Значит, Женя уже дома. Он улыбнулся и прибавил шагу.

Его ждали. Едва он открыл дверь в коридор, из детской толпы с визгом вывинтилась Алиса и с разбега ткнулась в него.

– Э-эри-ик! Эрик пришёл!

Эркин подхватил её на руки и подкинул. Чуть-чуть, а то ещё ударится о потолок.

– А теперь домой, да? – Алиса уцепилась за его руку и помахала остальным. – Всем до завтра, я домой.

Эркин тщательно обтёр бурки о коврик и достал ключи. Но Алиса, опередив его, подпрыгнула и хлопнула ладошкой по звонку. Эркин укоризненно покачал головой, но улыбнулся. Потому что уже слышал быстрые лёгкие шаги за дверью. Но ключ уже в замке, и они с Женей открыли его одновременно.

– Здравствуй, милый, – засмеялась Женя. – Заходи.

– Ага, – Эркин перешагнул через порог и коснулся губами щеки Жени.

– Ну, как там?

– Запуржило, – щегольнул Эркин новым словом, раздеваясь и размещая вещи на вешалке. – А как у тебя, Женя?

– Как всегда, отлично, – Женя чмокнула его в щёку и побежала на кухню. – Мойте руки и будем обедать, – донеслось уже оттуда.

– Эрик, помоги мне, – позвала его Алиса.

Эркин помог ей повесить пальтишко и фетровую шапочку, которую называли уже услышанным здесь странным словом – капор. Алиса поставила свои ботинки рядом с его бурками и побежала на кухню.

– Мам, а это чего?

– Не хватай, сейчас за стол сядем. А руки-то?! Алиса, ты уголь грузила? А ну марш в ванную!

За окнами было уже темно, а на столе обед или ужин... по времени – ни то, ни другое, а по содержанию... «Нет, всё-таки ужин», – решила Алиса. Потому что супа нет. А есть очень вкусное мясо с картошкой, ещё салат из всяких овощей и чай со свежеиспечённым печеньем.

А после ужина читали сказки и играли в мозаику. А потом Эркин читал газету, а Алиса слушала, сидя у него на коленях, и незаметно заснула.

Женя с улыбкой кивнула Эркину.

– Уложишь её? – но так как он медлил с ответом, легко встала. – Давай я.

Эркин встал, держа Алису на руках.

– Я только отнесу и положу её, хорошо?

И не дожидаясь её ответа, вышел из кухни. Женя пошла следом и, когда Эркин положил Алису на кровать, быстро

переодела её и уложила уже по-настоящему. Эркин молча следил за её действиями. Хотя Алиса уже спала, они всё-таки оба поцеловали её на ночь. А когда вернулись на кухню, Эркин тихо сказал:

– Женя, не обижайся на меня, но... помнишь, ты просила меня не молчать, а объяснять?

– Ну да, – Женя ободряюще улыбнулась ему. – Ты...

– Я боюсь, – Эркин резко, как отрывая тряпку от раны, выбрасывал английские слова. – Я боюсь раздевать Алису. Она – ребёнок, а я... я же умею только одно, понимаешь, Женя, я... я боюсь, что сделаю, как учили. Там учили. А как надо, я не умею.

Женя обняла и поцеловала его.

– Всё хорошо, Эркин. Научишься. Ты уже многому научился, научишься и этому.

Она поцеловала его ещё раз и мягко отстранилась.

– Сейчас чаю попьём, да?

– Да, – улыбнулся Эркин. – Костровой час.

Женя поставила на стол две чашки и налила чаю.

– Бери варенье, Эркин. И печенье.

– Мг-м, – пробурчал он с набитым ртом. – Спасибо, Женя, так вкусно. Женя, так я думал на лоджии сделать шкаф, чтоб всё-таки не на полу.

Он рассказал Жене о Миняе, как ходил к Кольке смотреть подпол, и что придумал по дороге домой.

– Я только вот о чём думаю, Женя. Ну, зимой понятно, а

летом? В подполе у Кольки холодно, но не как на улице, а на лоджии... – он неуверенно пожал плечами.

– Да, – кивнула Женя. – Да, конечно, так, Эркин. И я думаю, что просто шкаф тоже будет неудобно. Зимой холодно, летом жарко... Эркин, а нам вообще-то нужен подпол? Зачем нам закупать сразу много?

– Да? – удивился Эркин и виновато улыбнулся. – Я не думал об этом. Я... я слышал, что все делают запасы, картошку там... и помнишь, мы в Джексонвилле... – и осёкся, не договорив.

Как же он посмел напомнить Жене тот трижды проклятый город, всё, что там было, и картошку же они перед самым Хэллоуином купили, сейчас Женя вспомнит и... и всё... конец... Он невольно пригнул голову, как под ударом.

Но... но ничего страшного не произошло. Голос Жени оставался ровным и спокойным.

– Ты про ту картошку вспомнил? Ну, Эркин, там приходилось экономить на всём, а теперь у нас есть деньги.

Эркин осторожно приподнял голову, увидел улыбающееся лицо Жени и перевёл дыхание. Пронесло!

– Да, Женя, конечно, это так, – быстро согласился он и перевёл разговор. – Женя, а завтра?

– Ой, – счастливо вздохнула Женя. – Завтра у меня отгул. Мы с Алисой пойдём погуляем, ну, и по магазинам. Знаешь, я хочу в Торговые Ряды зайти. А мебель мы на той неделе вместе посмотрим.

– На той неделе я во вторую, – извиняющимся тоном сказал Эркин.

– Ну, так через неделю, – успокоила его Женя. – А я из одежды хочу кое-что посмотреть.

– Конечно, – горячо поддержал её Эркин. – Купи себе платье. Или...

– Или, – Женя засмеялась и поцеловала его.

Не будет она ничего ему говорить. А то он опять надуется, выставит колючки и начнёт твердить, что ему ничего не нужно.

– Женя, а когда ты в это... КБ перейдёшь? – спросил Эркин, собирая чашки.

– Ну, где-то через неделю или две. Как здесь закончу. Понимаешь, – она улыбнулась, – Ларя меня не хочет отпускать.

– Ларя – это начальство твоё? – настороженно спросил Эркин.

– Он хороший, – сразу поняла его Женя. – Понимаешь, он считает меня очень хорошим работником, потому и хочет, чтобы я в машбюро осталась.

– Ага, понял, – Эркин расставил чашки на сушке и вытер руки. – Пойдём спать, да?

– Да, – Женя встала. – Тебе завтра в первую, – и вдруг зевнула, пришлёпнув рот ладошкой.

Подходя к дому, Тим обшарил взглядом окна. Все тёмные, все спят. Ну да, правильно, он сегодня припозднился,

за полночь уже. Нет, вон одно светится. Его окно. На кухне. Опять, значит, Зина его ждёт. Тим прибавил шагу, хотя и так шёл быстро.

В подъезде он варежками оббил себя, стряхивая с плеч и груди снег, снял и отряхнул ушанку и так, держа её в руках, быстро взбежал на свой этаж, достал ключи. Замок он так и не поменял, ну, это можно и потом, когда с деньгами станет чуть полегче. Они и так ссуду тратят, а комнаты пустые стоят.

Услышав, как в замке поворачивается ключ, Зина быстро увеличила огонь под кастрюлей с тихо греющимися щами и пошла в прихожую.

Тим уже разделся и развешивал полушубок и ушанку.

– Всё в порядке, Тима? Что так поздно? – спросила Зина.

Хоть с детства знала, что пока мужик голодный, говорить с ним без толку, а не удержалась.

Но Тим улыбнулся и ответил:

– В порядке. Работы было много.

– Ага-ага, – закивала Зина. – У меня уже на плите всё.

– Ага, – снова улыбнулся Тим. – Сейчас. Я в душ только, и сядем.

– Ну, конечно же, Тимочка.

То, что Тим каждый раз, придя с работы, первым делом отправлялся в ванную и мылся там с головы до ног, уже не удивляло Зину, привычную к субботней бане. В самом деле, ну, а он так привык, да и не так уж это и плохо, вреда, во вся-

ком случае, никакого, а врачиха, что приходила детей смотреть, тоже толковала об ежедневном купании. Теперь она и Диму с Катей каждый вечер перед сном в ванну запикивает. И, пока Тим плескался в ванной под душем, Зина быстро накрыла на стол и себе тарелку поставила: Тимочка не любит один есть.

Тим вышел из ванной с влажно блестящими волосами, рубашка навывпуск по-домашнему, и видно, что весёлый. Зина быстро налила полную тарелку горячих щей, нарезала хлеба. Увидев вторую тарелку, Тим удовлетворённо кивнул и сел. Первые несколько ложек съели молча. Зина оглядела стол, подвинула ближе к Тиму соль и перец. Он кивком поблагодарил и продолжал есть. Уже неспешно, явно отходя от усталости. Зина молча ждала, когда он насытится и заговорит. Тим подобрал последние полоски капусты, доел хлеб.

– А на второе мясо, Тимочка, – вскочила на ноги Зина.

И, поставив перед мужем мясо с картошкой, снова села. Ну, всё как когда-то, только мама отцу второе в ту же тарелку накладывала, а Тимочка любит, чтобы как в столовой, в разных тарелках. Ну так лишнюю тарелку помыть разве ей в тягость, господи, да раз ему так нравится, вон он уже совсем отошёл, улыбается.

– Зина, – Тим, улыбаясь, смотрел на неё. – Я уже не рабочий в цеху.

– Ой! – ужаснулась Зина. – Тебя уволили?

– Нет, – засмеялся над её испугом Тим. – Теперь я авто-

механик. Двести рублей в месяц и ещё премии, и за разряд.

– Ой! – уже совсем по-другому выдохнула Зина. – Ой, Тимочка, это ж такие деньги...

– Я уже завтра по-новому получу, – Тим улыбался по-детски хитро. – Я ж с первого по-новому числюсь.

– И молчал? – Зина даже обиделась. – Что ж ты ни словечка мне?

– Я... как это... да, сглазить, правильно, сглазить боялся.

– А, ну это, конечно, – закивала Зина, щупая чайник. – И чаю попьём. Ты как будешь, Тимочка, внакладку?

– Вприкуску, – мотнул он головой.

Пить чай, зажав в зубах кусочек твёрдого сахара, чтобы горячая жидкость прямо во рту становилась сладкой, Тим научился уже здесь, когда после работы, а то и просто в тихую минуту пили общий чай в дежурке. И ему это нравилось. Да и сахару меньше уходит.

Зина поставила на стол стеклянную вазочку с наколотым сахаром, налила чаю. Тим с удовольствием отхлебнул тёмно-коричневой горячей жидкости.

– Я прикинул. Двести рублей – это и на еду, и за квартиру хватит, и ещё останется. Сможем домом заняться.

– Залу делать будем?

– Сначала детские сделаем. Чтоб уж всё было, как надо. И спальню.

– Ага, ага, – соглашалась Зина. – Вон как у Морозов сделано.

– Тебе нравится? – Тим внимательно смотрел на неё. – Ну, как это у них?

Зина смущённо погладила клеёнку.

– Да как тебе сказать, Тимочка. Ну, кухня у них хороша, что и говорить, – Тим кивнул. – И у Алиски хорошо. Ну, да это же просто зараз всё, как это, гарнитуром куплено. А спальня... – Зина даже покраснела. – Это ж... это ж разврат уже, Тимочка. Ну, зеркала повсюду, и на что их столько, и шкаф, и трюмо с тройным, кровать не у стены, а торчком стоит, на всю комнату, всё на виду. Нет уж, Тимочка, чем у нас спальня плоха?

– Хороша, – кивнул Тим. – Но ковёр на пол можно.

– Ну, это ж совсем другое дело, – горячо согласилась Зина. – Коврик у кровати, или там на стену, знаешь, картинкой, и красиво, и обои не грязнятся. А шифоньер у нас с зеркалом в спальне, куда ещё зеркал?

– Хорошо, – кивнул Тим.

И Зина, обрадованная его согласием, продолжала:

– И чего это Женька такое наворотила со спальней? Вот и культурная, и образованная, а наворотила... – она осуждающе покачала головой.

– Это не она, – хмыкнул Тим. – Это он всё... наворотил.

– Мороз? – переспросила Зина и покатила со смеху. – Ой, Тимочка, да ты что, да он же телок-телком, на всё из Женькиных рук смотрит, да где ему до такого додуматься?! Скотником же был, кроме хлева и барака не видел ничего!

Нет, Тимочка, это Женька. А он, что она ему говорит, то и делает.

– Их проблема, – не стал с ней спорить Тим.

– И то правда, – сразу согласилась Зина. – Чужая жизнь – не наша печаль.

– Да, – Тим встал и устало потянулся.

– Ты иди, Тимочка, ложись, – захлопотала Зина, убирая со стола. – Я уберу и к детям загляну только. А ты ложись, отдыхай.

Тим кивнул и вышел из кухни. Но сначала сам зашёл к Диму и Кате. Не то, чтобы он не доверял Зине, об этом и речи быть не может, но лечь спать, не увидев детей, не мог.

И Дим, и Катя спали. Тим наклонялся и осторожно целовал их, вдыхая чистый и такой... невинный, не сразу он нашёл нужное слово, запах. Дим улыбнулся, не открывая глаз, а Катя только вздохнула.

В спальне Тим привычно быстро разделся и лёг к стене. Свет он не погасил и, лёжа в кровати, осматривал их спальню. Большой трёхстворчатый шкаф, одна створка зеркальная, комод, на комодe лоток из-под винограда – Зина туда свои шпильки и другие мелочи складывает, – под потолком лампа, Зина говорит: «Тюльпанчик» – и два стула. Небогато, и он это, конечно, понимает, но... но и так, как Мороз сделал, он не хочет. И... и не потому, что это разврат, нет, просто каждый делает свой дом под себя, и по-другому Зине будет неудобно, неловко, а ковёр на стену – это хорошо, две-

сти рублей, да за разряд, да ещё премия, нет, премию считать нельзя, это ненадёжно, а с разрядом получается за две-тридцать, сто пятьдесят на еду, квартира – двадцать семь, ну тридцать, свет... пока десятки не нагорает, но считаем по максимуму, так что остаётся...

– Так что живём, – сказал он вслух.

– А и конечно, – певуче отозвалась Зина, переплетая на ночь косу. – Конечно, живём, Тимочка, чего же не жить.

Она сложила шпильки в лоток и пошла к двери выключить свет и закрыть задвижку. Что-что, а это Морозы хорошо сделали: нечего малышне в спальню лезть. Когда Зина легла, Тим повернулся к ней, обнял. Она охотно подалась навстречу ему.

– Ох, Тимочка, родной мой, желанный мой, – шептала она, прижимаясь к нему, глядя его жёсткие курчавые волосы.

И потом, когда он уже заснул, она ещё раз поцеловала его. Господи, хорошо-то как, господи! Она смущённо улыбнулась. стыдоба, конечно, но... но ей так хорошо... ночью. Она и не думала, что так бывает. Тогда... нет же, ведь Петя её не силой брал, она же сама тогда, а ничего, кроме боли и стыда в памяти не осталось, и потом, в угоне, ну, там и понятно, бабе за всё телом платить приходится, и думать об этом нечего, а то ещё проговоришься. Тимочка ни о чём её не спросил, ни разу. Всё понимает.

Тим сонно вздохнул, вытягиваясь на спине. Зина поправила одеяло, укрывая ему грудь, и счастливо заснула, поло-

жив голову на плечо мужа.

В эту пятницу они в пивную не пошли. Два дня гулять – это уже перебор, вот завтра гульнём – так гульнём, старшому – тридцатник, ну, так и обмыть надо по-настоящему, да как положено. И сразу после смены, получив деньги, Эркин пошёл домой. Как обычно, вместе с Миняем.

Шли не спеша, уже отдыхая от рабочей недели и так же неспешно беседуя о хозяйстве. Мнение Эркина, что большие закупки надо делать, когда экономишь, и покупать тогда, как это, на оптовом, вот, а коли деньги есть, то и трепыхаться незачем, пошёл и купил, Миняй в общем-то принял, но вздохнул:

– Моим оглоедам мешок на неделю. Вот и считай. Шутишь, пятеро в доме. И ещё... ну, там видно будет. А ссуду проесть... обидно.

– Обидно, – кивнул Эркин и нахмурился, прикидывая в уме. – Крупа дешевле. И для неё подпол не нужен.

– Только ею и спасаемся, – хмыкнул Миняй. – Да ещё макароны.

– Да, и это... вермишель.

– Тоже дело.

Эркину эти разговоры нравились куда больше обычного трёпа о выпивке и бабах. Уж слишком те походили на рабочую болтовню, а это... это совсем другое дело. Он... он – хозяин, да, здесь это слово не обидно, и заботы о доме, о

припасах, чтобы его дом был сытным и тёплым – это настоящие мужские заботы.

– Да, – вдруг сказал Миняй, – ты своих-то не видал ещё?

– Своих?! – изумлённо переспросил Эркин.

– Ну, не знаешь, что ли? На втором рабочем, трое их. Как ты, индеи.

Эркин покачал головой.

– Нет, не видел.

– Ну, ничего, – утешил его Миняй. – Город невелик, увидите ещё.

Эркин кивнул. Что ему совсем не охота видеться, что никакие они ему не свои – всё это он оставил при себе. Слишком многое пришлось бы объяснять, о слишком многом рассказывать. Незачем. Здесь никто не знает, что это такое – быть рабом, ну и пусть не знают.

У магазина Мани и Нюры Миняя окликнула его жена. Эркин, кивком сразу и поздоровавшись с ней, и попрощавшись с Миняем, пошёл к своему подъезду. Женя должна быть дома.

Как всегда, его встретил ликующий визг Алисы. А из кухни... из кухни сразу выглянула Женя!

– Эркин! Как хорошо!

– Ага, это я!

Пока Эркин раздевался и развешивал одежду, Алиса нетерпеливо приплясывала перед ним.

– Эрик, а чего мы купили, Эрик, ну, пойдём!

Женя вышла их кухни, вытирая на ходу руки висящим на плече полотенцем. Улыбаясь, попеняла Алисе.

– Уже растрепала, болтушка?

– Не-не-не, ничего я не сказала, ну, ничегошеньки! – бурно запротестовала Алиса.

Эркин кивнул, целуя Женю в висок.

– Верно, ничего. И чего вы купили?

– Идём в ванную, – улыбнулась Женя. – Там увидишь.

В ванную? Но в ванной всё сделано, чего там могло ещё понадобиться?

В ванной были перевешены полотенца, а на освободившихся крючках висели...

– Что это, Женя?

– Это купальные халаты. Махровые.

– В них купаются? – изумился Эркин.

Алиса залилась звонким, даже чуть взвизгивающим смехом. Засмеялась и Женя.

– Нет, их надевают после купания. Ну, вымоешься, надеваешь халат и идёшь в спальню. И уже там переодеваешься.

Эркин несколько оторопело сморгнул, но, тут же сообразив, кивнул.

– Ага Понял, здоровско. И какой?..

– Вот, – поняла его Женя. – Этот, синий. Мой бордовый.

– А розовый – это мой! – влезла Алиса.

– Ага, – кивнул Эркин. – Понял. Женя, я потом тогда ещё крючки сделаю.

– Конечно. А сейчас раздевайся и мойся.

И Женя вышла, буквально выдернув за собой Алису. Эркин закрыл дверь на задвижку и стал раздеваться. Уже привычно и почти бездумно заложил бельё, носки и рубашку в ящик для грязного, повесил джинсы. Уже раздевшись, постоял перед халатами, осторожно погладил, помял в пальцах край. Махровые. Как полотенца. Интересно. И что-то ещё Женя купила, глаза у неё были такими хитрыми... Он тряхнул головой и шагнул через бортик под душ. Мыло и мочалка на месте. Эркин задёрнул занавеску и пустил воду. Тёплая сильная струя, душистая мыльная пена... он всё ещё каждый раз как заново удивлялся, что это всё с ним, на самом деле. И хотя под выходные он плескался долго, от души, но сегодня мылся быстро. Интересно же, что там ещё Женя придумала.

Вымывшись, Эркин тщательно как всегда вытерся и, не удержавшись, немного потянулся, размял мышцы и суставы. И снял с крючка синий халат. Надел, так, пуговиц нет, пояс... как на том халате в госпитале, только тот был матерчатый, а этот, как полотенца, мохнатый.

Эркин затянул пояс и посмотрел на себя в зеркало. Ну, что ж, нормально. Женя сказала, что переодеваться теперь он будет в спальне. Ладно, раз Женя так хочет, он не против. В спальне – так в спальне.

Он вышел из ванной, принюхался к волнующим запахам... и тут из кухни вылетела Алиса.

– Э-эрик! С лёгким паром!

И Женя крикнула из кухни.

– Алиса, иди, помоги мне.

Алиса за руку довела Эркина до спальни и побежала на кухню.

Войдя в спальню, Эркин сразу увидел это. На кровати с его стороны прямо на ковре лежали ярко-синие штаны и... это рубашка такая? Он взял их, повертел, рассматривая. Трикотажные. Штаны без застёжки, на резинке, и снизу... как манжеты. А рубашка... рукава тоже с манжетами, а воротник раскрытый... а! Тут молния! Но... но он у Жени видел такой, она говорила: «спортивный», тогда, в их первую ночь, когда спали на полу в кухне, Женя надевала. А ткань какая приятная на ощупь, но... но трусы лучше поддеть.

Он уже натягивал рубашку, когда в спальню вошла Женя.

– Ну-ка, покажись.

Эркин с улыбкой повернулся к ней.

– Смотри.

– Тебе очень хорошо, – убеждённо сказала Женя, оглядывая его со всех сторон. – Удобно? Не тянет нигде?

– Нет, что ты Женя, всё хорошо.

– Ну вот, – Женя погладила его, расправляя воротник и обдёргивая рукава. – Будешь это дома носить. Правда, хорошо?

– Ага, – согласился Эркин, обнимая и целуя Женю. – А себе ты чего купила?

– Потом покажу, – Женя быстро поцеловала его в щёку и

высвободилась. – Идём обедать, у меня всё готово.

– Мам, Эрик! – в спальню ворвалась Алиса. – Ну, пошлите!

– Не пошлите, а пошли, – поправила её Женя. – Посмотри, Эркин, я и Алиске купила. Тебе нравится?

Красное платье в белых кошечках Эркину очень понравилось. Удовлетворённая его восторгами, Алиса взяла его за руку, и они все вместе пошли на кухню обедать. Женя только на секунду заскочила в ванную, чтобы повесить халат Эркина на место.

И обед был праздничным, со всякой вкуснятиной. И пока они ели, и потом, помогая Жене убирать со стола, Эркин прислушивался к своим ощущениям. Да, приятно, удобно. Хорошо, что Женя такой удобный купила.

После обеда Алиса убежала играть в коридор – чтением и письмом Женя с ней утром позанималась – а Эркин принёс было из прихожей, где он всегда оставлял её на полочке у зеркала, сегодняшнюю газету, но сесть за чтение не успел, потому что Женя позвала его в спальню.

– Смотри, Эркин. Тебе нравится?

Женя стояла перед трюмо в трусиках и лифчике. Серебристое кружево казалось светящимся на её матово-смугловатой коже. Эркин даже задохнулся на мгновение: такой красивой была Женя.

– Ну, Эркин, – Женя рассматривала себя в зеркальном коридоре и говорила, не оборачиваясь. – Ну, чего ты молчишь?

И Эркин пошёл к ней, войдя в отражения, и увидел себя рядом с Женей. Он знал, что должен говорить, но ему как судорогой свело горло, и он молча мягким гибким движением опустился перед Женей на колени, обнял её ноги. Женя, качнувшись, оперлась ладонями на его плечи, и он встал, поднимая её над собой.

– Эркин, – смеялась Женя, – ой, Эркин...

Эркин целовал её нежными мягкими прикосновениями. И наконец смог заговорить.

Женя... ты такая... такая красивая... Я не знаю, как сказать... ты лучше всех, Женя... Женя...

И тихий смех Жени...

Эркин заставил себя оторваться от Жени и поставить её на пол: в любой момент могла вернуться Алиса. Он ничего не сказал, но Женя всё поняла и поцеловала его.

– Спасибо, милый.

И точно. Еле успела Женя надеть и запахнуть халатик, затянуть пояс, поправить волосы и стать обычной «домашней» Женей, как в дверь позвонили. Алиса явилась домой, взяла Спотти и опять убежала в коридор.

– Только недолго, – строго сказала ей вслед Женя. – Скоро ужинать будем.

– Ага, – откликнулась уже из-за двери Алиса.

Женя готовила ужин, а Эркин сидел за столом и старательно читал вслух статью о Культурном Центре. Что открытие первого блока будет первого марта. Киноконцертный зал

и учебные классы.

– Ну вот, – кивнула, взбивая яйца, Женя. – Будем ходить в кино по воскресеньям. И ты пойдёшь учиться.

– Да, – кивнул Эркин. И тут же спросил: – А чему? Я же уже читаю. И пишу.

– Ты должен закончить школу, – как о давно решённом сказала Женя. – И получить аттестат.

Как всегда, Эркин не стал спорить. Раз Женя говорит, что он должен что-то сделать... значит, сделает. Об чём речь?

– Хорошо, – кивнул он. – Я за Алисой схожу, ладно?

– Конечно. У меня уже всё готово.

Эркин сложил газету и встал. И уже у двери задержался, глядя на Женю.

– Ты что? – обернулась к нему Женя.

– Женя... ты... ты очень красивая! – выдохнул Эркин и выскочил из кухни, будто и впрямь сказал что-то... необычное.

Игры в коридоре уже заканчивались, и родителей, разбивших детей по домам, было много. Эркин, здороваясь со знакомыми, отловил Алису и повёл её домой.

– Эрик, – Алиса сенила рядом, прижимая к груди Спотти, – а завтра пойдём на санках кататься или на рынок?

– Там посмотрим, – уклончиво ответил Эркин.

Завтра вечером они идут к старшему в гости, а что с утра... Женя, наверное, будет готовиться.

– Алиса! Руки мыть! – встретила их Женя.

– Ага, – не стала спорить Алиса. – Только Спотти уложу.

А Эрик? Давай вместе.

– Давай, – согласился Эркин.

Алиса быстренько закинула Спотти на стол в своей комнате и побежала в ванную.

Они вымыли руки, Эркин брызнул на неё водой, она немного повизжала, и мама строго велела им не баловаться. Словом, всё как надо, как и положено.

После ужина Алиса поиграла с Эркином в щелбаны – Женя вела счёт – и отправилась спать, получив в лоб десять щелчков. Ну, никак ей у Эрика не выиграть, даже не сравняться. Ну, ни в какую. Но это было настолько обычно, что не обижало.

А когда уложили Алису, сели за вечернюю «разговорную» чашку.

– Женя, ты завтра что наденешь?

Женя счастливо засмеялась.

– Ой, у меня теперь столько всего, даже не выберешь сразу. Наверное, то бордовое, что на Рождество купила.

Эркин кивнул.

– И шаль, да?

Женя задумчиво повертела свою чашку.

– Знаешь, я думаю, что она слишком нарядная.

– Ну и что?

Эркин так редко не соглашался с Женей, что она даже ойкнула. А Эркин продолжал:

– Все женщины здесь в платках ходят. Женя, ты не хуже.

Ты лучше всех.

– Спасибо, милый, – Женя потянулась через стол и погладила его по плечу. – Надену шаль. А ты...

– А я белую рубашку и брюки.

– И пуловер. В одной рубашке тебе будет холодно.

– Нет, Женя, морозы уже кончились. И в доме тепло будет.

В Старом городе дома тёплые.

– В пуловере наряднее, – возразила Женя. – И... и ты тогда нижнюю рубашку не надевай. Ну, тёплую.

– Ага, – сообразил Эркин и кивнул. – Хорошо. И туфли возьмём.

– И тебе ботинки.

С этим Эркин спорить, разумеется, не стал. Не в носках же ему сидеть за столом. И не в бурках. И Алисе возьмут туфельки. Рождественское платье, конечно, слишком... не нарядное, нет, лёгкое, матроску наденет...

Вроде бы всё обсудили, обо всём поговорили, но встать из-за стола не хотелось. Эркин задумчиво оглядывал кухню.

– Ты что, Эркин?

– Ну... Женя, в кухню ничего не надо, так? Разве только самовар, – он говорил медленно, со вкусом. – Я электрических пока не видел.

– Я тоже, – кивнула Женя. – Знаешь, мне девочки в машбюро ещё рассказывали. За чем таким, ну, чего у нас не найдёшь, ездят в Сосняки. Там магазины куда богаче.

– Сосняки? – переспросил Эркин. – Не слышал. Женя, а давай, я в следующую субботу съезжу.

– Давай подождём весны, – улыбнулась Женя. – И поедем все вместе.

– Конечно, – сразу согласился Эркин. – А то по морозу... Не стоит, да? А далеко этот... эти Сосняки?

– Не очень, говорят, но поезда туда нет. А весной обещают автобус пустить. Регулярные рейсы, – начала Женя.

– А! – перебил её Эркин. – Я же читал про это. В газете. Так и сейчас вроде ездят.

– Раз в неделю и по договорённости. Ну, собирается большая компания...

– Тогда ждём весны, – решительно сказал Эркин. И засмеялся: – Ведь уже скоро. Две недели осталось.

Засмеялась и Женя.

И, как ни тяни время, но пора спать. Завтра суббота, выходной, отоспятся они... хотя какое там отоспаться, ведь Алиска ни свет, ни заря вскочит и начнёт к ним ломиться. Женя так и сказала Эркину, когда они уже лежали в постели.

– В будни её не поднимешь, – Женя говорила, поглаживая Эркина по груди, – а как выходной...

– Женя, – Эркин накрыл её руку своей ладонью. – А зачем ждать утра?

– Не откладывая на завтра, – засмеялась Женя, – чего хочется сегодня, да?

– Женя, – Эркин порывисто повернулся к ней, обнял. –

Да? Да, Женя?

Женя обеими руками взъерошила ему волосы.

– Да, Эркин, да!

Губы Эркина коснулись корней её волос. Он глубоко, всей грудью вдохнул её запах.

– Женя-я-а, как хорошо, Женя...

– Ага, – Женя поцеловала его в шею. – Ага, Эркин.

Очень мягко, скользя ладонями по телу Жени, Эркин снял с неё ночную рубашку и уже начал было приподнимать Женю, чтобы положить её на себя, когда она вдруг почти дёрнула его на себя. Оказаться сверху Эркин боялся. Он чувствовал, что стал очень тяжёлым, и боялся неосторожным, слишком сильным ударом напомнить Жене о «трамвае», но её руки, её движения были предельно ясны, и противиться её желанию Эркин не мог, да и не хотел. Волна уже подступала, и он оттягивал её начало, мягко двигаясь над Женей, еле касаясь её тела своим, медлил, оттягивал вход, хотя у самого уже звенело в ушах, а дыхание Жени стало частым и неровным.

– Эркин... Эркин... – звала его Женя.

– Да, Женя, да, я здесь, я... я иду, Женя...

– Иди, ну же, Эркин, ну...

Руки Жени тянули его, прижимали, и он поддался, не мог не поддаться этим рукам. И чёрно-красная волна с размаху рухнула на него, закрутила в бешеном водовороте.

– Женя! – почти беззвучно крикнул он. – Женя!

И издали, как когда-то, до него донеслось:

– Эркин, я здесь, Эркин...

...Когда волна отхлынула, и он смог перевести дыхание, Женя, лёжа рядом с ним, кончиками пальцев гладила его лицо, шею и грудь.

– Женя... – всхлипнул на выдохе Эркин.

– Я здесь, – сразу отозвалась Женя. – Как было хорошо, Эркин.

– Да?

Женя засмеялась.

– Ты так спрашиваешь, будто это всё не с тобой было.

– Женя... – Эркин повернулся к ней и обнял. – Я... мне так хорошо, что я... я теряю себя, Женя. И... и лишь бы тебе было хорошо.

– А мне и было хорошо. И сейчас хорошо, – Женя погладила его по голове, по плечам. – Мне очень хорошо с тобой, Эркин.

– Так ты простила меня, Женя? Совсем простила? – радостно, не веря своему счастью, спросил Эркин.

– За что, Эркин? Ты же ни в чём не виноват передо мной, – Женя целовала его в мокрые от выступивших слёз глаза. – Ну, хорошо, милый. Я не знаю, что ты там выдумал, но, хорошо, простила, совсем, и за всё, и прошлое, и будущее. Ну, успокоился?

Эркин, не отвечая, обнимал её, гладил руками, губами, грудью, скользя своим телом по её. Женя тихо смеялась, об-

нимая его.

– Женя, милая, спасибо тебе, за всё спасибо. Женя, что мне сделать для тебя, Женя? Я всё, всё сделаю.

– Эркин, милый, спасибо, а ты, тебе-то хорошо? Я так хочу, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив, Женя, – убеждённо сказал Эркин. – Ты рядом, ты... это счастье, Женя. Большого не бывает, а другого мне и не надо. Женя, тебе хорошо, и я счастлив.

Они лежали, обнявшись, и Эркин осторожно, проверяя себя, свои ощущения, погладил Женю по спине, от лопаток вниз, к ямочкам на пояснице. Да, он не ошибся. Тело Жени дрогнуло и подалось к нему.

– Женя, да?

– Да, – засмеялась Женя. – Конечно же, да, Эркин.

И снова волна подступала, поднимала его и с размаху кидала куда-то, и губы Жени на его лице, и руки Жени на его плечах...

Женя гладила его литые, бугрящиеся под её ладонями плечи, мускулистую спину. Какой он... сильный и нежный сразу, господи, ну, конечно, это и есть счастье, какое ещё нужно, господи. Он здесь, рядом, господи, да что с ней такое?..

Эркин рывком выпрямился и встал на колени, плотно прижимая к себе Женю и не разорвав замка. В спальне темно, но ему не нужно света, чтобы видеть Женю. Да нет, не видеть, чувствовать. Он плотно прижимал бёдра Жени к сво-

им, вминая ладони в её ягодички. И медленно стал откидываться назад, увлекая Женю за собой. И, коснувшись затылком постели, стал выпрямляться.

– Женя, так хорошо, Женя?

– Ага-а-а-а, – протяжно и чуть удивлённо отозвалась шёпотом Женя.

Сделать полный кач – положить так же Женю – Эркин не рискнул. И выпрямившись, стал снова опускаться. Волна была рядом, он ощущал её так же ясно, как и Женю. Волна... это же Женя. Женя – его волна, Женя... Женя... Женя...

И неожиданно для себя он встал на арку, низкую, на коленях, по-прежнему прижимая к себе Женю. Она ахнула, когда он сильным толчком подбросил её.

– Эркин, что это?!

Он хотел ответить, но волна уже накрыла его...

...И снова он всплывал со дна, и утихшая тёплая волна покачивала его. Они с Женей лежали почему-то поперёк кровати, и одеяло куда-то делось... Эркин медленным долгим вздохом выровнял дыхание, осторожно погладил Женю, коснулся её лица. Глаза закрыты, щёки мокрые, а губы улыбаются.

– Женя... – тихо, почти беззвучно позвал он.

– Эркин... – так же тихо откликнулась Женя, и её ладонь легла ему на грудь, погладила, ласково тронув сосок.

– Женя-я, – радостным вздохом повторил Эркин. – Ты... ты устала, да, принести тебе чего-нибудь?

И, не дожидаясь ответа, встал и пошёл к двери.

Время давно за полночь, свет он включать не будет, так что... так что, чем бы порадовать Женю? Может, чаю холодного? Андрей говорил, что бодрит и сон разгоняет. И к чаю бы...

По-прежнему в темноте он уже нашёл две чашки, налил чаю и доставал поднос, когда за его спиной щёлкнул выключатель, и Эркин зажмурился от вспыхнувшего света.

– А почему в темноте? – весело спросила Женя.

Эркин проморгался и повернулся к ней.

– Женя, я чаю налил, сейчас принесу. Ты иди, ложись.

– Пусть проветривается, – махнула рукой Женя. – И я тебе халат принесла. И шлёпанцы. А то простудишься.

Только сейчас Эркин ощутил, как от форточки ощутимо тянет холодом. Женя протянула ему его махровый халат и шлёпанцы. Сама она надела свой обычный, в россыпи мелких цветов.

Не отводя от Жени глаз, Эркин накинул халат и затянул пояс.

– Женя, давай я тебе тот принесу, он теплее.

– Давай, – сразу согласилась Женя.

По дороге в ванную Эркин прислушался. Нет, всё тихо, Алиса спит. Ну и пусть спит. Он снял с крючка бордовый халат Жени и вернулся на кухню. Спать совсем не хотелось.

– Женя, – глаза у него озорно блестели. – Давай я переодену тебя.

– Это как? – оторвалась от стола Женя.

Она мазала маслом и посыпала сахаром ломтики белого хлеба.

– А так!

Эркин осторожно вынул из её рук и положил на стол нож. Обнял, накрывая махровым халатом. Мягкими глядящими движениями, озорно тихо смеясь, он надел на неё махровый халат и уже из-под него стал снимать тоненький, благо, у того рукава такие короткие, что совсем не мешают.

– Ну вот, – Эркин завязал на Жене пояс и отступил на шаг, разглядывая результат. – И раздел, и одел, и без голизны, – сказал он по-английски.

И сам удивился выскочившим памятным с питомника словам. Женя рассмеялась и поцеловала его в щёку.

– Спасибо, Эркин, давай чаю попьём.

– Давай, – он демонстративно сглотнул слюну.

И они сели пить холодный и потому совсем другой на вкус чай.

– Мм, – Эркин даже причмокнул, доедая бутерброд. – Вкусно как.

– Эркин, – Женя разглядывала его ласково смеющимися глазами. – А есть что такое, чтобы тебе не нравилось? Ну, из еды?

– Не знаю, не пробовал, – отшутился Эркин и продолжил уже серьёзно: – Понимаешь, Женя, рабу любая еда... приятна. Я не привык о вкусе думать.

– А теперь?

– Это... свободная еда, Женя. Она не может не нравиться.

Он впервые говорил с Женей об этом. И так свободно, будто... как с Андреем.

Они пили чай, ели бутерброды и, откровенно любуясь, смотрели друг на друга.

– Ну вот, – Женя встала, собирая чашки и блюда. – Хорошо, как, правда?

– Ага, – кивнул Эркин. Это русское слово полюбилось ему ещё в лагере своей многозначностью и универсальностью.

И когда Женя домыла и расставила на сушке посуду, он легко встал и взял Женю на руки.

– А теперь... – начал он.

– А теперь баиньки, – Женя поцеловала его в переносицу и, когда он выносил её из кухни, выключила свет.

– Понял, – кивнул Эркин и, войдя в спальню, продолжил: – Сейчас я тебя переодену и уложу.

– Да-а? – удивилась Женя. – Разденешь или оденешь?

– Переодену, – ответил Эркин по-английски.

В спальне горела маленькая лампа на тумбочке, отражаясь в зеркалах и заливая комнату приятным розоватым светом. Эркин положил Женю на кровать и стал переодевать, успокаивающе поглаживая, усыпляя поглаживанием. И, когда он надел на Женю её ночную, в кружевах и оборочках рубашку, она уже спала. Эркин поцеловал её в зарытые глаза, выключил свет и унёс в ванную их махровые халаты, на-

скоро обтёрся мокрым полотенцем, взял из кухни домашний халатик Жени и вернулся в спальню. Женя спала. Он не так слышал, как ощущал её спокойное сонное дыхание. Эркин положил халатик на его обычное место и мягко, чтобы не потревожить Женю, скользнул под одеяло. И... и рука Жени сразу обвила его шею, и он услышал её шёпот:

– Спи, Эркин, спи, милый.

– Я разбудил тебя?

– Не-а, – Женя тихо засмеялась. – Я сплю. И ты спи.

– Сплю, – согласился Эркин, ложась так, чтобы Жене было удобно его обнимать.

Они почти всегда засыпали вот так, обнявшись.

Разбудила их, разумеется, Алиса.

– Мам! Эрик! Утро уже! – возмущалась она под дверью.

– Началось, – вздохнула Женя, погладила Эркина по плечу, высвобождаясь из его объятий, и громко: – Алиска, не шуми! – вскочила на ноги и, накидывая халатик, уже тише: – А ты поспи ещё, Эркин.

– Мг-м, – сонно ответил он, поворачиваясь на живот и обхватывая подушку.

Сейчас Женя откроет дверь, Алиска влетит в спальню и с ходу запрыгнет на кровать, так он хотя бы своим телом прикроется. На всякий случай. Повторялось это каждый выходной и понемногу становилось обычным ритуалом. Алиса под одеяло уже не лезла, удовлетворяясь несколькими ку-

вырками, ушибаясь как всегда об Эркина и жалуясь, какой он твёрдый. Затем Женя уведёт её умываться, а он встанет, оденется... По выходным убирал постель и наводил порядок в спальне он. А потом, пока Женя убирает Алискину комнату и готовит «воскресный» завтрак он в большой комнате потянется.

И сегодня так, в общем-то, и было. Женя дала Алисе немного попрыгать и покувыркаться на их кровати и увела на утренний ритуал умывания и переодевания. И Эркин спокойно откинул одеяло и встал. Потянулся, вытянув руки над головой, с уже привычной бездумностью достал и надел чистые трусы и занялся спальней. Отдёрнул шторы – за окном было уже светло, и он выключил свет, перестелил, встряхивая простыню и одеяло, постель, взбил и уложил подушки, накрыл кровать ковром, расправив все складки и заломы. Оглядел спальню. Ну вот... только его новый домашний костюм лежит на пуфе. Ну и пусть лежит. Вот потянется, тогда и оденется.

Эркин распахнул пошире форточку, чтобы спальня проветрилась и пошёл в большую комнату.

Он уже разогрел мышцы и начал «большой комплекс», когда за его спиной прозвенел голосок Алисы.

– Ой, Эрик, а ты чего это делаешь? Я тоже хочу.

Эркин остановился и беспомощно оглянулся на Алису. Он совсем не знал, что ей ответить. Но Женя уже была рядом и, сразу всё поняв, пришла ему на помощь.

– Это гимнастика.

– Я тоже хочу! – Алиса решительно потянула с себя платье.

– Эркин, покажи ей что попроще, – сказала Женя и улыбнулась. – Я сейчас газ выключу и тоже приду.

Эркин нерешительно кивнул, разглядывая Алису, стоящую перед ним в трусиках и маечке. Что попроще... ну... ну, может, из того, что ещё с питомника помнит... И опять Женя помогла ему.

Она вбежала в комнату тоже только в трусиках и маечке.

– Ага, вот и я! Ну, Эркин, давай.

К изумлению Эркина, Женя знала несколько упражнений. Простых, с них в питомнике начинали, это ещё до сортировки на мальчиков и девочек и тогда они были все вместе. Да, это Алисе можно.

Словом, было много шума и смеха. А потом он стоял, раскинув руки, а Алиса лазила по нему. Женя сказала, что как обезьяна по дереву. Наконец Женя увела Алису, а Эркин закончил комплекс и пошёл в спальню одеваться. И заново рассмотрел новый костюм. Да, очень удобно и... он поглядел на себя в зеркало... и красиво. А почему Женя и себе такой не купила? О, он и спрашивать не будет, а купит. Или халат. А то у Жени ничего нового для дома нет.

На кухне упоительно пахнет горячей яичницей с картошкой, и Алиса, сидя на своём месте, крутит ложку, пуская солнечных зайчиков по стенам и потолку. А на фиалке ещё два

бутона распустилось! Поахали, повосхищались и, наконец, сели завтракать.

– Эрик, а завтра... ги-м-нас-ти-ку, – выговорила по слогам Алиса, – будем делать?

– А тебе понравилось? – засмеялась Женя, подкладывая Эркину ещё яичницы.

– Ага-а, – Алиса с хитрой улыбкой перетянула к себе маленький «хрусткий» огурчик.

– Будем, – кивнул Эркин.

От этих упражнений ни Алисе, ни Жене вреда не будет, он рядом и всегда подстрахует, а раз им нравится, то и проблем нет.

После завтрака убрали квартиру, готовили обед и... мало ли дел дома. Эркин иногда даже удивлялся: ни дров, ни возни с водой и выгребной ямой здесь нет, а домашних дел меньше не стало. Сегодня Женя решила, что ковёр из их спальни и коврик у кровати Алисы стоит выколотить на улице. Алиса сразу заявила, что пойдёт с Эриком. Выбивалка, правда, одна, но она всё равно поможет.

Женя одела её, проверила, не собирается ли Эркин отправиться на улицу в своей страшной куртке, а то с него станется, и, когда они ушли, вернулась к плите. Ну вот, пока они выбьют ковры и поиграют в снежки, она всё успеет. Салат, суп, котлеты с жареной картошкой, компот. Полный хороший обед. Смешно, но, когда девочки в машбюро начинали жаловаться, что быт их заедает, что готовка, стирка с убор-

кой и прочая домашняя возня обрыдли уже до невозможности, ей действительно смешно. Нет, вслух она поддакивала, сочувствовала, но на самом деле... да ей в радость и готовить, и стирать, и по дому возиться. Баловать своих вкусной стряпнёй, чтобы Эркину было дома уютно и приятно. После алабамских развалюх, после вечного страха и нищеты... нет, лучше и быть не может, Эркин прав. И ей совсем не в тягость ухаживать за ним, за его вещами. Господи, если только на секунду подумать, что его нет, что он погиб... нет, она и думать о таком не хочет!

Женя так сердито шлёпнула на сковородку очередную котлету, словно та была в чём-то виновата. Ну вот, будут с корочкой, такой, как любят Алиса с Эркином, да и она сама. А после обеда, пока Алиса спит, она всё приготовит, в чём они пойдут... Но пора бы им уже прийти, сколько можно два ковра чистить? Хотя... погода сегодня хорошая, пусть гуляют. Хорошо, что Эркин уже забыл свои нелепые страхи и охотно возится с Алисой. И гимнастика... Конечно, Алисе это только на пользу. Давным-давно, в колледже, Женя прослушала обязательный курс «Будущих матерей – хранительниц расы». Алиски тогда и в проекте не было. Ну, всю эту чепуху про расу, расовую гордость, божественную милость и высокое предназначение можно благополучно выкинуть и забыть, а вот то, что говорили о физическом развитии... там было много полезного. Так что... нет, если Эркин научит Алису так же красиво и ловко двигаться, будет очень даже

хорошо. И он перестанет стесняться.

...К тому моменту, когда в замке заворочался ключ, обед был уже готов и Женя собиралась начать волноваться.

Конечно, Эркин отряхнул Алису, почистил её веничком – им его одолжили для чистки жёсткого коврика – и даже выбивалкой, что Алисе безумно понравилось, но Женя ахнула:

– Господи, это же за неделю не просохнет! Ты что, валялась?!

– Ну-у, – Алиса, покорно крутясь под руками Жени, лукаво покосилась на раздевавшегося рядом Эркина. – Ну-у, я снежок на ковёр насыпала и смахивала.

– Ясно, – сразу и засмеялась, и вздохнула Женя. – Быстро в ванную.

Эркин счастливо улыбнулся, услышав смех Жени. От Алисы, Эркина и ковров вкусно пахло свежим снегом, холодной чистотой. У Алисы горели румянцем щёки, а Эркин незаметно для Жени выгребал из-под воротника рубашки непонятно как попавший туда снег.

– Вы и в снежки поиграли? – невинно спросила уже за столом Женя, раскладывая по тарелкам салат.

– Ага! – сразу выпалила Алиса. – А Эрик увёртливый, а я в него три раза попала. А ещё мы пургу делали.

Эркин смущённо покраснел.

– А дядя Вася рассказал, что медведи зимой под снегом спят и им там тепло.

– Ясно, – кивнула Женя. – И вы поиграли в медведей, так?

– Я не спала! – сразу почувяла подвох Алиса. – И это дяди Васин Вовка с головой залез, а меня Эрик за капюшон вытащил, вот. Мам, а откуда ты всё знаешь? Наши окна на другую сторону.

– Мамы всё всегда знают, – очень внушительно ответила Женя.

Эркин быстро и очень внимательно посмотрел на неё. Женя улыбнулась ему, и он сразу расплылся в ответной улыбке. Мягкой и неуверенно радостной.

Алиса болтала без умолку, но к концу обеда стала клевать носом и даже ягод из компота не выбрала. Женя повела её укладываться спать, а Эркин занялся посудой.

– Заснула, – Женя вошла в кухню и с улыбкой смотрела, как он расставляет на сушке вымытые тарелки. – Устал?

– Нет, что ты? – удивился её вопросу Эркин. – Разве это в тягость?

– В тягость, – поправила его Женя.

И он сразу повторил.

– В тягость, так? – и когда Женя кивнула, с жаром продолжил: – Нет, не в тягость. Это ты, наверное, устала, ну, столько у плиты стоять.

– Мне это тоже не в тягость, – засмеялась Женя.

Эркин расставил тарелки, вытер руки кухонным полотенцем и повесил его на место. И вдруг неожиданно быстро обернулся и, шагнув к Жене, подхватил её на руки.

– А я тебя всё равно отнесу.

– Ага, – не стал спорить Женя.

Но в спальне, когда Эркин положил её на кровать, сказала:

– Эркин, ты ложись, отдохни. А я пока всё приготовлю.

Ну, что наденем.

– Ладно, – согласился Эркин, – но...

– Я приготовлю и тоже лягу, – успокоила его Женя. – Я мигом.

Ковёр на кровать положить не успели, он так и лежал сложенный по-ночному на пуфе, и от него в спальне пахло снегом и свежестью. Эркин откинул одеяло со своей стороны, быстро разделся и лёг. Удивительно, но ему в самом деле хотелось спать. Странно, ведь не устал, не с чего уставать, это же не работа, а так... баловство. Но, думая об этом, он незаметно закрыл глаза и словно провалился в сон.

Бесшумно двигаясь по спальне, Женя доставала и раскладывала по пуфам вещи. Брюки, белая рубашка и пуловер для Эркина, себе – бельё, платье и шаль, ещё туфли, да, ботинки для Эркина, украшения... ну, с такой шалью её простеньких серёжек и обручального кольца вполне достаточно. Теперь Алиске... Женя посмотрела на спокойное лицо Эркина и вышла из спальни.

Эркин сонно вздохнул и потянулся, закидывая руки за голову. Как же хорошо. Лицо приятно горит от мороза и снега. Никогда не думал, что снег – это так хорошо.

В снежки играли... Этого он тоже не знал. В Алабаме снега не было, нет, был, конечно, но... но снег – это лиш-

няя уборка, холод, сжимающий ноги даже через «дворовые» ботинки, проникающая под одежду сырость, разъезжающиеся по липкой грязи сапоги, намокшие и сразу потяжелевшие мешки с концентратом, глумливый приказ надзирателя: «Мордой на землю!» – и... да ещё много чего. Нет, русская зима и русский снег – совсем другое, совсем...

Он слышал, как входила и выходила Женя, но не открывал глаз. А когда Женя легла, слегка подвинулся к ней, чтобы касаться её своим боком. Женя тихо засмеялась и погладила его по плечу. И мгновенно заснула, не убрав руки.

Будильника, разумеется, не заводили, но Эркин проснулся вовремя. Секунду, не больше, он лежал, словно вспоминая, где он и что с ним, а потом мягким рывком, чтобы не потревожить Женю, откинул одеяло и встал. Быстро потянулся, закинув руки за голову и разминая мышцы, и надел домашний костюм.

– Пора? – сонно спросила Женя и сама себе ответила: – Пора!

Вскочила на ноги и, на ходу накидывая халатик, выбежала из спальни с криком:

– Алиса! Вставай, пора!

Поднять Алису, пополдничать, убраться, переодеться, сложить, что возьмут с собой... Хлопот выше головы, но Женя носилась в вихре этих хлопот с таким удовольствием...

Наконец всё сделано. Ботинки, туфли и туфельки завёрнуты и лежат в сумке, там же и шаль, Алиса заново причё-

сана, в матроске, Эркин и Женя одеты, в квартире убрано, ну, всё? Всё! Идём!

Женя быстро одела Алису, оделась сама, Эркин взял сумку, и они вышли из квартиры.

Субботний вечер только начинался. Из города уже вернулись ходившие гулять и за покупками, а гости ещё не пришли. И прохожих было мало. Эркин, Женя и Алиса шли по мягко поскрипывающему голубоватому в сумерках снегу. Алисе запретили болтать на морозе, и она молча шла между Женей и Эркином, крепко держась за их руки. В окнах уже горел свет, жёлтый, красный или оранжевый – по цвету абажура или штор, зажигались молочно-белые шары уличных фонарей. А за путями, в Старом городе было уже совсем темно.

Где дом Медведева Эркин знал: Колька объяснял очень толково – и уверенно вёл Женю и Алису. Дорожка от калитки к крыльцу была широко разметена, калитка не заперта, ставни раскрыты – их ждали.

– Вот и пришли, – заставил себя улыбнуться Эркин.

Он немного не то, чтобы трусил, а... а не по себе как-то. Одно дело в «Беженском Корабле», там все свои, а здесь всё-таки...

– Какой дом хороший, – улыбнулась Женя.

И Эркин согласно кивнул. Дом, и в самом деле, хороший – большой и чем-то смахивающий на самого Медведева, такой же крепкий и основательный.

Поднялись на высокое крыльцо, Эркин распахнул перед Женей с Алисой дверь, и на них обрушился весёлый праздничный шум.

– О-о! Вот и Мороз!

– Здорово!

– А это твоя стрекоза?!

– Ну, молодцы!

– Ой, здравствуйте вам, хорошо как, что пришли!

– Да сюда, сюда, здесь и переобуетесь!

– Ну, братва, Мороз-то франтом каким!

Эркин смеялся, здоровался, жал руки и хлопал по плечам, как и его хлопали. В сенях навалом полушубки, пальто, бурки. Женю с Алисой тут же куда-то увели, он еле успел достать из сумки свои ботинки, чтобы переобуться и отдать сумку Жене.

В маленькой комнатке, где еле помещались большая высокая кровать с пирамидой подушек и маленький столик у окна, Женя переобула Алису, переобулась сама.

– И правильно, – кивнула похожая на Бабу Фиму старушка. – Ах ты, красавица, ну, чисто сахарная.

Женя невольно улыбнулась: это уже Алиске. Зеркала в комнатке не было, и Женя на ощупь проверила, как лежат волосы, огладила на себе бордовое в талию и с умеренно пышной юбкой платье, оглядела Алису, поправив ей банты, удерживавшие хвостики, и наконец достала из сумки и, развернув, накинула на плечи золотую шаль. Старушка восхи-

щённо ахнула и даже руками всплеснула.

И в большой, набитой празднично одетыми людьми, нарядно убранной комнате её шаль также вызвала общий восторг. Женя нашла взглядом Эркина и удовлетворённо кивнула: в своём пуловере и белой рубашке он вполне на уровне.

Знакомились шумно и немного бестолково. Женя даже сначала запуталась, где чья жена. Женщины дружно ахали, рассматривая шаль Жени, Женя восхищалась искусной вышивкой на кофте жены Медведева и кружевной шалью жены Лютыча. Мужчины стояли своей группой, бегала под ногами мгновенно перезнакомившаяся детвора. Эркин не сразу даже узнавал своих коллег в праздничном. Саныч в костюме с жилетом и даже при галстукe, у Лютыча под пиджаком белая рубашка навывпуск с вышивкой на груди и узким кожаным пояском, а Серёня тоже в вышитой и навывпуск, но ярко-красной и подпоясан витым шнуром с кистями. А Колька в морской форме, со всеми нашивками, медалями и... да, правильно, два ордена, один со звездой, а другой с развёрнутым знаменем. Алискина матроска почему-то очень смешила Кольку, и он всё никак не мог успокоиться: как посмотрит на Алиску, так фыркает. Даже Ряха был не похож на себя будничного: чисто выбрит и в светло-голубой почти новой рубашке. Он, Серёня, Петря и Колька были одни, остальные все с жёнами, но детей привели только те, кто жил в Старом городе и у кого не совсем уж мелюзга. Миняй своих дома оставил.

– Баба Фима приглядеть взялась, – сказал он Эркину.

И Эркин понимающе кивнул.

Наконец пришёл Геныч, тоже в костюме-тройке при галстукe с женой в шуршащем зелёном с переливами шёлковом платье.

– Ну, все никак, – огляделся Саныч. – Ну что, мужики, начнём?

– Начнём... А чего ж тянуть... Ага, Саныч, давай... – дружно все закивали.

– Давай, старшой, выходи, – улыбнулся Саныч.

Медведев в новеньком, явно вот-вот купленном костюме встал напротив Саныча. Остальные столпились вокруг, окружив их плотным кольцом.

– Ну, Михаил, дожил ты до тридцати, родителям на радость и в утешение, людям на пользу и в уважение, – торжественно начал Саныч.

Пожилая женщина в чёрной шёлковой шали, умиленно всхлипнув, промокнула глаза крохотным белым платочком с кружевной каймой.

– Война тебя не скрутила, никакая болячка не настигла, – продолжал Саныч. – Были беды, так прошли, были радости, так ещё будут.

Все кивали, улыбались, поддакивали.

– До тридцати парень, с тридцати мужик, – говорил Саныч. – Так что поздравляем тебя, живи долго и счастливо, и чтоб были какие беды, так чтоб они последние, а все радости

вдвое и в будущее. И вот тебе от нас на память, долгую да добрую.

И Саныч торжественно вручил Медведеву... часы! Большие, настенные, в тёмном футляре, с блестящим маятником за стеклом. Ахнула, всплеснув руками жена Медведева.

– Ух ты-и! – потрясённо выдохнул Серёня.

И зашумели, заговорили все сразу.

– Ну, дело!

– Вот это да!

– На счастье тебе, старшой!

– Многие тебе лета!

И ещё какие-то странные никогда раньше не слыханные Эркином слова. Но он как-то не обратил на это внимания, ощущая их доброжелательность.

Медведев принял от Саныча часы.

– Спасибо вам, – он схватил ртом воздух и... и повторил: – Спасибо.

– Спасибо вам, люди добрые, – пришла ему на помощь жена. – Прошу к столу, окажите нам честь.

С шутками, с гомоном расселись за столом. Всю детвору отправили в соседнюю комнату, где для них был накрыт другой, сладкий, стол. А в самом-то деле, чего им мешаться, у взрослых и разговоры свои, и угощение другое. А там за ними бабка присмотрит, и Сашка, ну да, на учительницу учится, вот и взялась, и дело, ну, давайте, что ли, чего тянуть, успеешь, куда лезешь, а ну в очередь встань, да уж, как по-

ложено...

К удивлению Эркина, мужчины рассаживались отдельно от женщин. На одном торце длинного стола – хозяин, на другом, ближнем к двери на кухню, торце – хозяйка, ну и гости...соответственно. Сам он сел, где ему Саныч указал, посмотрел только, как там Женя, нет, тоже недалеко от хозяйки, так что всё в порядке.

На столе теснились миски и блюда с капустой, огурцами, салом, солёной рыбой, грибами, дорогой покупной колбасой. Медведев разливал по стаканам водку, и ему помогал Саныч, а женщинам наливали вино хозяйка и жена Лютыча.

– Ну, – Саныч встал и торжественно поднял свой стакан, – твоё здоровье, Михаил, жизни тебе долгой и счастливой, удачи в делах и радости в семье.

– Спасибо, – встал и Медведев, – спасибо на добром слове.

Эркин вместе со всеми встал, чокнулся с Медведевым. Стакан прозрачный, и налили доверху, но авось в общей суматохе не заметят его плутовства.

Все дружно выпили и набросились на закуску. Что Эркин выпил не до дна, если кто и заметил, то промолчал. Что пьёт он неохотно, и кружку всегда берёт себе маленькую, а тянет её дольше всех, ещё по пятничным походам заметили и не цеплялись к нему. Знает свою меру парень, ну и бог с ним. Ряха бы, может, и вякнул, но был сейчас слишком занят едой. Молотил он... по-рабски, жадно и без разбору.

Утолив первый голод, дружно похвалили грибы и огурцы

домашнего засола, женщины немного потрещали о своём, и Саныч снова встал, зорко оглядев стол.

– Налито всем? Ну, теперь за родителей. Что такого молодца родили да воспитали.

Благодарить встала мать Медведева, склонила в поклоне голову. Чокнулись с ней, выпили за родителей.

Эркин изредка поглядывал, как там Женя, но уже совсем успокоился. Напряжение первых минут, опасения сделать что-то не так, уже отпустило его: в общем, это походило на беженские новоселья. Ели, болтали, смеялись, без умолку трещали женские и гудели мужские голоса, из соседней комнаты то и дело доносились детский визг и смех.

– А хороша рыбка.

– Своего засола.

– И улова?

– А то!

– Сразу видно.

– Мамаля делала.

– Кушайте на здоровье, гости дорогие.

– Спасибо.

– Моя по огурцам спец. С хрустом.

– Да, мужики, под такую закуску и не захочешь, да выпьешь.

Стол начал пустеть. И Медведев кивнул жене. Та сразу вскочила, захлопотала, перекладывая закуску и расчищая место. Освободившиеся тарелки унесла, а следом за ней вы-

шла и мать. И на больших, к изумлению Эркина, деревянных блюдах внесли длинные и высокие пироги.

– Ух ты-и-и! – потрясённо выдохнул Петра.

И опять в общем восторженном шуме промелькнули странные, будто не русские, но и не английские слова. Эркин удивился, но тут же забыл об этом.

Пироги поставили на стол, хозяин и хозяйка сами тут же нарезали их.

– Ты смотри! – восхитился сидевший рядом с Эркином Геныч, принимая тарелку с куском. – На четырёх углах!

Эркин, как все протянул свою тарелку Медведеву и получил её обратно с куском. На четырёх углах? А где же здесь углы?

– Ты что? – заметил его удивление Геныч. – Кулебяки не ел?

– Чего? – переспросил Эркин.

– Кулебяка называется, – стал объяснять Геныч. – Видишь, слоями, углы говорят. На четырёх углах – это четыре начинки, значит.

– Ага, понял, – кивнул Эркин. И повторил, запоминая: – Кулебяка.

– Учись, вождь, – хихикнул Ряха. – Пригодится.

Эркин не заметил его слов. Как, впрочем, и остальные.

И снова встал Саныч.

– А теперь за хозяйку надо. Что дом держит и ведёт, и деток растит. Спасибо тебе, – жена Медведева встала, – что

в любом деле опора и помощница. Муж – голова, да жена – шея.

– Спасибо вам, люди добрые, – поклонилась она в ответ. – За честь да за ласку.

Чокнулись с ней и выпили. Эркин поставил на стол пустой стакан и взялся за кулебяку. Он и так свою долю на три то-ста растянул, больше нельзя. А кулебяка ему понравилась: сочная жирная начинка, и каша тут, и мясо, и грибы, и лук с яйцами. Ха-арошая штука.

За расспросами о тайнах засолки Женя быстро посматривала на Эркина. Нет, всё в порядке, весел, смеётся, ну и отлично. Какие хорошие люди. И всё хорошо. А кулебяка привела её в совершенный восторг. До таких высот кулинарии ей никогда не подняться.

Кто-то – за общим шумом Эркин не разобрал – запел, и весь стол дружно подхватил песню. Эркин её знал и охотно поддержал. А, услышав в общем хоре голос Жени, совсем разошёлся. Конечно, взять песню на себя, как Лозу, он не рискнул, но пел без опаски и стеснения. Едва закончили эту, грянули другую, уже побыстрее, с плясовым мотивом. Откуда-то появилась гармошка, и опять Эркин изумился, увидев играющего Лютыча. Ну... ну, никак не ждал, не думал. На беженских новосельях иногда пели, но ни танцев, ни музыки не было, а тут... Он со всеми встал из-за стола, но танцевать не стал: не знает он этих танцев, но ничего, присмотрится, а уж тогда...

– А ты чего стоишь? – остановился перед ним раскрасневшийся Колька.

– Не умею, – улыбнулся Эркин.

– Да плюнь, невелика наука.

– Он во-ождь, – протянул Ряха. – Зазорно ему, понимаешь, нет?

Эркин сверху вниз посмотрел на Ряху и очень тихо сказал:

– Уйди, – и добавил уже не раз слышанное и почти понятное: – от греха.

Против обыкновения Ряха исчез без звука. Колька хлопнул Эркина по плечу и снова пошёл плясать. Подошла и встала рядом Женя, взяла Эркина под руку.

– Ты в порядке? – тихо спросил он почему-то по-английски.

– Да, в порядке, – по-английски же ответила Женя и продолжала по-русски: – Я посмотрела, как там Алиса. Тоже всё в порядке.

– Хорошо, – кивнул Эркин.

Он уже поймал ритм, чувствовал, как пританцовывает рядом Женя, но всё-таки медлил. Ещё осрамится ненароком. Но тут на его счастье Лютыч заиграл что-то похожее на вальс, и, видя, что несколько пар затоптались в обнимку, Эркин повернулся к Жене. Она сразу кивнула и положила руки на его плечи так, что её шаль золотыми крыльями окутала их обоих.

И места мало, и выпендриваться нечего – остальные не так

танцуют, как топчутся под музыку, и Эркин мягко кружил Женю, почти не сходя с места.

– Ловко у тебя получается, – одобрительно заметил Геныч, когда Лютыч решил передохнуть и танцевавшие разошлись.

– Он и играет здоровско, – ухмыльнулся Колька.

– И молчал?! – возмутился Тихон.

– Умеешь? – протянул ему Лютыч гармонию.

Эркин мотнул головой.

– Нет, только на гитаре.

– Гитары нет, – развёл руками Медведев.

– Так слушай, старшой, – глаза у Кольки хитро блестели. –

Давай сбегая, знаю я, где гитара.

Медведев оглянулся на стол и мотнул головой.

– Потом. Давай к столу.

Подносы из-под кулебяк уже убрали, положили ещё огурцов и капусты и, когда все расселись, внесли и стали раскладывать по тарелкам мясо и кашу. И пили уже не разом, а каждый как хотел, и разговоры шли позабористее, и жёны уже чаще поглядывали на мужей, особенно на тех, что зарваться могут и меру забыть. Женя тоже, как все, посматривала на Эркина, но он улыбался ей, и она спокойно продолжала разговор о преимуществах меховых сапожек перед валенками и как из свекольного сока румяна варить.

Колька, сидевший напротив Эркина, потянулся к нему с бутылкой, но Эркин, покачав головой, накрыл свой стакан

ладонью.

– Мне хватит.

– Меру знать – великое дело, – одобрил Саныч и посоветовал: – Ты стакан свой переверни, чтоб сразу видели.

Колька плеснул себе и поставил бутылку на стол, где её тут же ловко перехватил Ряха.

– Давно зарок дал? – спросил Эркина Миняй.

– Да нет, – понял его Эркин. – Просто мне и так хорошо.

– Ну, тогда да, – согласился Миняй.

И снова неспешный спокойный разговор.

В комнате становилось жарко, женщины, откидываясь от стола, обмахивались концами лежавших на плечах платков и шалей, пиджаки у мужчин давно расстёгнуты, а то и сняты и висят на спинках стульев. И когда опять стали выходить из-за стола, Эркин решительно снял пуловер и, выйдя в сени, отыскал свой полушубок и засунул пуловер в рукав.

В сенях было прохладно, из-за неплотно прикрытой внешней двери слышались голоса куривших на крыльце. Курить Эркину совсем не хотелось, и он вернулся в жаркую, наполненную светом и шумом комнату или как её все называли – залу. Лютыч опять играл, а Петра, Серёня и Колька азартно дробили чечётку. Эркин поймал озорной взгляд Кольки, взмахом головы откинул со лба прядь и вошёл в круг. Ритм несложный, ботинки с твёрдой подошвой и на каблуках, отчего и не сплясать.

– А твой-то ловкий, – одобрительно сказала мать Медве-

дева Жене, кивком показывая на пляшущих.

Женя улыбнулась в ответ, любуясь Эркином. Она словно заново увидела его, как красиво любое его движение, играющие под тонкой рубашкой мускулы, уверенные жесты красивых рук, иссиня-чёрная прядь на лбу, озорные глаза и улыбка, ах, какая улыбка...

И уже вступали в круг женщины, и прыгала тут же ребятня, и уже кто-то выкрикивал припевки... Женя зажала в кулачках концы шали и шагнула вперёд.

– Давай-давай, молодуха, – сказала ей вслед мать Медведева. – Пляши, пока пляшется.

Припевок Женя не знала, но ей и без того весело. Эркин растерялся, увидев среди пляшущих и Женю, и Алису, но только на секунду. Раз Женя так хочет, значит, так и надо, так и будет.

Раскрасневшаяся Саша – кем она приходится Медведеву ни Эркин, ни Женя не знали, да особо и не интересовались – собрала и увела детей, а то припевки больно забористые пошли. Правда, до самых солёных не дошло. Саныч остановил внушительным:

– Не озоруй, не свадьба.

На столе уже стоял огромный кипящий самовар, доски с пирогами, миски и мисочки с вареньем, мёдом, кусками сахара и конфетами. А у самовара сидела мать Медведева. Подходи с чашкой, наливай, бери себе пирога или варенья, или ещё чего душа просит, и садись где хочешь, промочи

горло и нутро попарь. Эркин с удовольствием сел рядом с Женей, отхлебнул чаю.

– Эркин, возьми варенья. Или мёда.

– Мм-м, – Эркин кивнул, искоса посмотрел на Женю и совсем тихо, чтобы только она услышала, сказал: – А у тебя вкуснее.

Женя быстро, словно украдкой, чмокнула его в щёку.

– Эй, Мороз! – Колькин голос заставил их обернуться. –
Смотри, чего есть!

– Принёс?! – рванулся к нему Эркин.

И взяв у Кольки гитару, укоризненно покачал головой.

– Что ж ты её по холоду, ей же больно.

– Во даёт вождь! – взвизгнул Ряха.

– Заткнись, коли дурак, – рявкнул на него Лютыч, глядя, как Эркин бережно ощупывает, словно оглаживает гитару. –
Ништо, Мороз, шас отойдёт.

Эркин кивнул, усаживаясь уже спиной к столу. Осторожно тронул струны, еле-еле, чтоб не перетянуть ненароком, поправил колки и уже увереннее провёл пальцами по струнам. Гитара отозвалась нежным и глубоким звуком.

– Однако... – как-то неопределённо протянул Саныч.

Эркин ещё раз попробовал струны и поднял глаза на стоящих вокруг людей, улыбнулся.

– Давай «Жди меня», – сразу сказал Колька. – Ну, что тогда пел.

И когда Эркин запел, песню подхватили почти все. И сно-

ва в этом хоре он слышал только голос Жени. И пел он свободно, ничего не боясь и ни о чём не думая. Он сам не ждал, что так будет рад гитаре, что так соскучился по игре. И закончив песню, посмотрел вокруг и улыбнулся людям своей «настоящей» улыбкой.

– Ну, ты даёшь! – восхищённо выдохнул Колька.

– Здоровско, – кивнул Петря.

– Слышь, – Серёня подтолкнул локтем Кольку, – «цыганочку» сбациаешь, Мороз, а?

Но Саныч не дал Эркину ответить.

– Стоп, пацаны, успеете. Старшoму первое слово.

Медведев даже руками развёл.

– Ну, никак не ждал. Играй, чего хочешь, Мороз.

– И то, – кивнул Лютыч. – Песня, она от сердца, ей не прикажешь.

Эркин перебирал струны, быстро прикидывая. По-английски петь не стоит, а по-русски... лагерное тоже не надо, не то место. А если... Андрей тоже её спел как-то, а потом сразу к стаду ушёл, видно, тоже, как у Семёна, «семейная».

– Гори, гори, моя звезда, – негромко, потому что не под крик песня, начал Эркин, – звезда любви приветная...

Он пел, стараясь не думать о словах и не глядеть на Женю, боясь сорваться.

– Ну... ну, спасибо, – только и сказал Медведев, когда Эркин замолчал.

А потом его хлопали по плечам и спине и целовали в щё-

ки, благодаря за песню. И «цыганочку» он сыграл, вернее, играл Лютыч на гармошке, а он подстраивался, зорко разглядывая пляшущих и прикидывая, что ничего особо сложного нет, так что, если надо будет, то спляшет. Не хуже Кольки и Серёни, и женщины, кто помоложе, вышли в круг. И Женя? Ну... ну, вот это здорово.

И опять пили чай с необыкновенно вкусными пирогами. И он сам пел, и подпевал Лютычу и остальным. А там, где слова были совсем непонятны, будто не по-русски, то вёл мелодию без слов. И так хорошо ему ещё никогда не было. Шум, танцы, он поёт, играет на гитаре, танцует, с Женей, ещё с кем-то. И... и так хорошо! Ведь и раньше такое бывало... Такое? Нет, это совсем другое. Резким взмахом головы он отбросил со лба прядь и все эти мысли, потом обдумает.

И вдруг Эркин почувствовал, что вечер кончается, дольше затягивать не надо, будет хуже. Эркин нашёл взглядом Женю. Она поняла его и кивнула. Но это же, видимо, чувствовали и остальные. Потому что как-то сразу стали благодарить и прощаться.

Эркин встал и протянул гитару Кольке.

– На, возьми. Спасибо тебе.

– И тебе спасибо, – принял Колька гитару.

Разбирали и одевали усталых полусонных детей, одевались сами, прощались с хозяевами, благодарившими всех за честь да за ласку.

Медведев крепко хлопнул его рука об руку.

– Ну, спасибо тебе, Мороз. Уважил.

– И тебе спасибо, – улыбнулся в ответ Эркин.

Они уже стояли в сенях, и Женя держала за руку Алису. Женя на прощание расцеловалась с женой Медведева и его матерью, тоже пожала руку Медведеву, Алиса пожелала всем спокойной ночи, и они вышли.

Холодный воздух обжёг лица, но не больно, а приятно. Миняй с женой ушли раньше: всё-таки дети дома, хоть и согласились присмотреть, а всё не то. Почти все остальные жили в Старом городе, так что к путям Эркин с Женей шли одни. Откуда-то доносилась пьяная песня – вроде Ряха горланит – и лаяли разбуженные собаки.

Эркин передал сумку с обувью и шалью Жене и взял Алису на руки. Она сразу заснула, положив голову ему на плечо. Женя тихо засмеялась.

– Устала.

– Да, – Эркин осторожно, чтобы не потревожить Алису, кивнул. – Женя, тебе понравилось?

– Да, – Женя шла рядом с ним, держась за его локоть. – И люди приятные, и весело так было. Я и не знала, что ты умеешь играть.

– Нас всех учили, – неожиданно легко ответил, переходя на английский, Эркин. – Играть, петь, танцевать. Смотрели, кто где лучше смотрится, и учили. На гитаре или рояле. А пели и танцевали все. И стихи читали.

Женя шла в ногу с ним, держась за его руку, и слушала.

Он впервые так... свободно говорил об этом.

– Я много пел и играл... раньше, там, – он всё-таки избегал слова «Палас», – Но это всё было по-другому, не так. Я не знаю, как сказать, но... но это было тоже как в насмешку, в обиду. Мы не были людьми для них. Пели, танцевали для них, не для себя, а здесь... мне самому хорошо было. Женя, тебе понравилось?

– Да. Ты очень хорошо пел, – Женя мягко сжала его локоть. – А про звезду ты откуда знаешь?

– От Андрея, – Эркин перешёл на русский. – Всё, что я по-русски знаю, я знаю от Андрея. А чему там учили... Этого здесь не надо, нельзя, – и опять по-английски: – Я только Шекспира для себя пел. Женя, я... я сам придумал, ну, музыку. И пел. А когда спрашивали, врал, что надзиратель в питомнике научил. Знаешь, я слов толком не понимал, ну, настоящего смысла, просто, мне... даже не знаю, как сказать, мне было приятно их петь. Не то, что те...

Женя задумчиво кивала. Эркин поправил Алису и негромко смущённо спросил по-русски:

– Женя, тебе... тебе ничего, что я говорю об этом?

– Нет, что ты, Эркин. Всё хорошо. Всё правильно.

– Ты устала? Совсем немного осталось. Или, – Эркин засмеялся, – Женя, давай, я и тебя понесу, а?

– Ты с ума сошёл, – засмеялась Женя. – Вон уже «Корабль» виден. Смотри, ни одного окна не светится.

– Да. Поздно уже.

Тёмная громада дома, почти сливавшаяся с чёрным небом, наплывала на них. В подъезде, на лестнице, в коридоре – сонная тишина. Женя открыла их дверь, и они вошли в свою квартиру, полную не пугающей, а ожидающей темнотой.

Женя включила свет, и Эркин, пока она раздевалась, стал раскутывать Алису. Та покорно крутилась под его руками, не открывая глаз.

– Ну, надо же, как спит, – засмеялась Женя, уводя её в уборную. – Раздевайся, милый, мы мигом.

Эркин не спеша снял и повесил полушубок, ушанку, смотал с шеи шарф, разулся. Он раздевался медленно, словно смаковал каждое движение. А хорошие брюки, совсем в бурках не помялись.

– Эркин, – Женя уже вела Алису в её комнату, – ты рубашку в грязное кидай.

– Мм, – промычал он в ответ.

Его охватила такая блаженная истома, что не хотелось ни говорить, ни двигаться. И он как-то бестолково помотался между спальней и ванной, раздеваясь и раскладывая свои вещи. А как лёг, и сам не понял. Но вдруг ощутил, что он уже лежит в постели, под одеялом, и Женя рядом.

– Женя, – по-детски жалобно позвал он, – я же не пьяный?

– Нет, – засмеялась Женя, целуя его в щёку. – Спи, милый.

– Ага-а, – протяжно согласился Эркин, вытягиваясь рядом с Женей так, чтобы касаться её всем телом.

Так он ещё никогда не уставал, какая-то странная, приятная усталость. Пел, танцевал... всё тело гудит. Как же ему было хорошо, как... как никогда. Выходные, праздники, а теперь это... у Жени день рождения в марте, и они сделают такой же праздник. И даже лучше. Он улыбнулся, окончательно засыпая.

Пятьдесят девятая тетрадь

Американская Федерация

Алабама

Прошедшие дожди смыли остатки январской ледяной корки, и машина шла хорошо, на уверенной сцепке с дорогой. Конечно, через дамбы будет короче, но дамбам хана, все так говорят, и проверять неохота.

Чак вёл машину играючи, хвастаясь своим умением перед самим собой. Всё у него хорошо, всё тип-топ. Только в дороге, оставшись в одиночестве, точно зная, что никто его не увидит, он давал себе волю. Ведь никому о такой удаче не расскажешь, да и некому рассказывать. И незачем. А вспомнить приятно...

...После той старухи он с неделю помотался по округе то с Бредли, то с Фредди, а потом Бредли позвал его в свой кабинет. Он думал, что для очередного недельного расчёта, и пошёл спокойно. А ему предложили прочесть и, если согласен, подписать. Контракт?! Он прочитал, не поверил себе и перечитал ещё раз. Шофёр и автомеханик на еженедельной опла-

те. Неустойка с инициатора разрыва... двухнедельный заработок... ничего, нормально... срок... до Рождества... тоже, как у всех...

Фредди на этот раз сидел не у двери, а рядом с Бредли, смотрел, как всегда, в упор светло-прозрачными глазами.

Он взял лежавшую на столе ручку и подписал. Дурак он, что ли...

...Чак улыбнулся. Ну вот, теперь всё в порядке. Конечно, ухо надо остро держать, Фредди – он Фредди и есть, нарваться ничего не стоит, а расчёт тут короткий будет. Это купленного раба поберегут, пока он свою цену не окупит, а с нанятым церемониться не будут. Но всё равно – повезло.

Не снимая рук с руля, Чак покосился на лежавшую рядом карту. Всё точно. До города ещё десять минут, не больше. Фирма «Орион», забрать три ящика и отвезти в Гатрингс, фирма «Гермес». Через весь штат, считай, бросок. И надо управиться засветло, ночь ему на возвращение в Колумбию, там машину в гараж, помыть, убрать и сутки на отдых, как положено. Что-что, а законы по труду Бредли блюдёт. Даже смешно. Зачем ему это? Но...

Чак вписал машину в поворот. Но не суй нос в чужие дела, целее будешь. После той ночи Бредли с Фредди ещё пару раз уезжали поздно вечером и возвращались к рассвету. И он находил машину утром вымытой и целенькой. И любопытствовать не смел. А ещё через неделю, да, в самом конце января, Бредли сказал ему, что с утра они едут в Колумбию,

и, хотя он ни о чём не спросил, сам сказал:

– Вещи бери с собой.

– Все, сэр? – решил он всё-таки уточнить.

– Тебе жить, сам и решай, – усмехнулся Бредли.

И он понял. Что ж, всё складывалось совсем даже не плохо. И в Цветном, когда ты с деньгами, можно устроиться. Платит Бредли хорошо, да ещё ссуда лежит, считай, нетронутая. Мог бы и дом купить, но не рискнул. Вбухать все деньги, а случись что... да что угодно может быть, а тогда... Дом в карман не положишь. А вот хорошая мебелирашка... это как раз то, что ему нужно. Холл, спальня, крохотная кухонька и душевая выгородка. Всё, что надо. И плата по карману. Нет, всё сейчас хорошо, и... и лучше не надо. Погонишься за лучшим – упустишь хорошее. И работа по силам. Привезти, увезти... Ага, вот и «Орион».

Чак остановил машину у подъезда и спокойным уверенным шагом вошёл в светлый и явно только что отремонтированный пустой холл. Навстречу ему сразу из внутренней двери вышел белый почему-то в вечернем смокинге, заметно тесном для мускулистых плеч. Чак вежливо остановился в трёх шагах. Внимательный взгляд обежал, чуть задержавшись на кожаной куртке.

– От Бредли?

– Да, сэр.

Кивок и короткий повелительный жест.

– Забирай.

У стены в неприметном на первый взгляд углу три ящика. Небольшие, но как оказалось весьма тяжёлые. Обычную легковушку они бы и посадить могли, но у «ферри» рессоры не серийные. За три захода Чак под тем же внимательным взглядом перенёс и уложил в багажник ящики, захлопнул крышку. И вдруг неожиданное:

– Держи, парень. На выпивку тебе.

– Спасибо, сэр, – принял он радужную купюру.

Десять кредиток? Надо же, как Бредли боятся, что его шофёра так ублажают.

Чак сел в машину и включил мотор. Ну, теперь в Гатрингс. Маслом от ящиков не пахнет, значит, не оружие, как сразу подумал, а... а что? А ничего! – одёрнул он сам себя. Твоё дело – отвезти, привезти. Документов на ящики нет, если полиция остановит... А с какого перепоя она должна тебя останавливать? Скоро уже месяц мотается вот так по всей Алабаме, и ни разу полиция не остановила. Правил он не нарушает... а если что... знать он ничего не знает, не положено ему знать, вот и всё.

На Гатрингс если по прямой... Чак сбросил скорость и переложил карту на колено. Да, через Джеймстаун, там и на ленч остановится. По-быстрому, чтобы успеть. А в Гатрингсе уже запасётся кофе в дорогу, чтобы до Колумбии без остановок. Спрямить здесь по просёлку? Выиграешь в расстоянии – проиграешь в скорости. Нет, рисковать не стоит, не из-за чего.

Он вёл машину с весёлой уверенностью, и мысли его были такими же. Что стоит купить посуду, фарфоровую, и не лопать по-рабски, а есть по-людски. Эта деревенщина в имении за обедом на фарфоре ест, а у него заработок побольше будет, и он – шофёр, грамотный, а не дворовой работяга, и он один, так что выпендрёжа его никто не увидит и не прицепится, чего и откуда. И постельного белья на кровать купит. Мебель хозяйская, но всё остальное... его собственное! Белья у него... да, почти четыре смены. Докупить, чтоб было шесть? До полудюжины. Полную дюжину он не потянет, да и... да нет, если покупать в розницу и в разных местах, никто не заметит. И ещё он купит... нет, пока посуду и бельё, и так придётся ссуду затронуть. Он никогда не думал, что такие мысли могут быть настолько приятны. В прошлую поездку он купил себе кухонный набор. Стальной, с ярко-красной эмалью. Кофейник, сковородка и три разнокалиберные кастрюли. И кухня сразу стала другой. И есть он теперь может дома, где никто в рот не заглядывает и куски не считает. А готовить он умеет. Раб-телохранитель должен и это уметь. Сколько он оплеух заработал, пока не постиг все тонкости варки кофе и жарки бифштексов. А ещё и сервировки... но теперь, теперь он всё это делает для себя. Чем он хуже тех беляков... те в земле лежат, а он жив и будет жить, и жить не по-рабски.

Чак ещё раз посмотрел на карту и прибавил скорость. Дорога хорошая, машина не в напряге, полиции не видно. Всё-

таки жить хорошо, чертовски хорошо! Лишь бы его не посылали в Атланту. Там Старый Хозяин. Доктор Иван сказал, что он теперь свободен от тех слов, но верить беляку – доктор хоть и русский, а беляк – опасно, и проверять неохота. А в остальном... и в целом... «В целом неплохо», – как говорила та гнида, эсбешник. Жаль, упустил его в Хэллоуин, но, может, тот и сам подох. Хорошо бы. А ещё лучше, чтобы его всё-таки пристукнули. И чтоб подольше, чтоб прочувствовал, каково оно. Но мечтать об этом – себя травить. Что было, того уже не воротить. И забудь. Живи, как живётся. Главное – ты жив.

Американская Федерация

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

– Знаешь, – Жариков откинулся на спинку стула и, запус-
тив пальцы в свою шевелюру, потянулся, – знаешь, Юрка,
чему я больше всего удивляюсь?

– Мм, – неопределённо промычал в ответ Аристов.

– Что парни выдержали наше лечение, Юра. Что не сошли
с ума от боли и страха.

Аристов, словно не слыша его, перебирал лежащие на столе книги.

– А я удивляюсь другому, Ваня, – наконец заговорил он. – Понимаешь, я никогда не верил в эти легенды о гениальных злодеях, учёных-маньяках, врачах-убийцах и прочей... детективной чепухе. А выходит... ты только вдумайся, что он смог. Создал такую... систему. И для чего? Действительно... гений зла. Что его сделало таким, Ваня?

– Не знаю, – Жариков сидел, запрокинув голову и закрыв глаза. – И не узнаем уже никогда. Он мёртв, личных записей не осталось, да и вряд ли он вёл искренний личный дневник, всё-таки не тот тип, друзей, настоящих, судя по всему не имел, сын... для сына он был закрыт, даже блоки тому поставил. Тоже гениально. Конечно, поговорить с ним было бы интересно, но интерес... чисто академический. В человеческом плане парни, да тот же Андрей, намного интереснее.

– Всё ещё работаешь с ним? – Аристов пожал плечами. – Вроде, у парня всё наладилось.

– Я с ним не работаю, Юра. И ему, и мне не с кем здесь философствовать. Не с тобой же.

– Спасибо.

– Кушай на здоровье, правды не жалко. А вот с кем бы я по работе поговорил, так это с тем индейцем.

– Отстань, Ванька, – угрожающе сказал Аристов.

– Нет, Юра, не отстану. У этого парня ключ ко многим проблемам. Правда, он сам этого не понимает, но ему про-

ститительно. А вот некоторым с высшим образованием, удивительным тупоумием и полным отсутствием корпоративности...

– Вань-ка! – раздельно повторил Аристов тоном, предвещающим мордобой, и без паузы продолжил уже другим тоном: – И всё-таки, почему среди парней совсем, считай, нет индейцев?

– Ты же сам это объяснял тем, что из резерваций забирали позже, уже подростками.

– Он говорил, что из питомника, – рассеянно ответил Аристов.

И вдруг потянулся к разбросанным по столу книгам.

– Где этот... каталог с выставки?

– А?! – Жариков открыл глаза. – Помню, там мальчишка-индеец, так?

– Ну да.

Вдвоём они перебрали книги, и Аристов быстро перелистал найденный буклет.

– Вот, смотри, здесь даже закладка, твоя?

– Да нет, – пожал плечами Жариков, – у меня другие. Да... подожди-ка, подожди. Шерман! Он же говорил об индейце-спальнике, там же, в Джексонвилле, чёрт, неужели он?!

– Подожди, Вань, – сразу понял и загорелся Аристов. – Здесь указан номер, сейчас сверю с карточкой.

– Думаешь... он?

– Ты посмотри, Вань, на...

– На что?! – заорал Жариков. – Ты же меня тогда не позвал!

– Это он, точно! Принесу карту и сверим номер! Ванька, здесь же все промеры и параметры, всё... мы получим динамику!

Аристов вскочил со стула и метнулся к двери. Жариков слишком поздно – чёрт, ну совсем мозги отключились! – сообразил, куда тот пойдёт за картой, и остановить друга не успел.

– Юрка, стой! Завтра посмотрим! – впустую разнеслось по коридору и не остановило убежавшего Аристова.

Сокрушённо покачав головой, Жариков вернулся в кабинет и поглядел на часы. Вообще-то они могли уже и уйти. Жалко, если Юрка их застукает, они ещё не готовы к такому.

Крис и Люся долго и упоённо целовались, и руки Криса всё увереннее блуждали по телу Люси, и она не сжималась и не отстранялась от него, как раньше.

– Люся, – оторвался от её губ Крис, – тебе хорошо?

– Да, Кирочка, – вздохнула Люся, кладя голову ему на плечо. – Так хорошо...

Теперь они сидели молча, и Крис слегка покачивал Люсю, словно баюкал. И она, всё теснее прижимаясь к нему, неотступно думала об одном. Он ни о чём ни разу её не попросил. Только тогда, в самом начале, сказал: «Не гони меня». Она не прогнала. А теперь... теперь надо сделать второй шаг. И

не из-за девчонок, что твердят без умолку, дескать, мужику одно нужно, нет, и не из-за Ивана Дормидонтовича, который ещё той страшной зимой сказал ей:

– Ты должна пересилить себя. И шагнуть.

Тогда она шагнула: подошла к зеркалу и посмотрела на себя. И, оставшись одна, разделась и снова осмотрела себя, уже всю. И потом...

– Кира, – тихо спросила Люся, – Кира, ты... ты хочешь? Этого?

Крис не ответил. Врать он не хотел, а сказать правду... сказать, что он сам боится того, что с ним происходит, что, когда Люся сидит у него на коленях, и он целует её, и осторожно гладит её грудь, что у него тогда... нет, не может он об этом. Что Люся снилась ему, снилось её тело, что они вместе. Что всё чаще к нему подкатывает... чего уж там самому себе врать, волна. Нет, ничего этого он сказать не мог. И угрюмо молчал, уткнувшись лицом в её шею.

– Я... я боюсь, Кира... этого... – зашептала Люся. – Я боли боюсь.

– Люся, – Крис поднял голову, – боли не будет, клянусь. Я... я всё сделаю, Люся, тебе будет хорошо, Люся.

Люся улыбнулась. Не его словам, нет – небольно не бывает, а его глазам и улыбке.

– Спасибо, Кирочка. Я... раз ты хочешь, я согласна, Кирочка.

Ладонь Криса мягко скользнула под полу её халата, под

платье.

– Люся, тебе будет хорошо, Люся, клянусь.

Люся, мужественно удерживая на лице улыбку, с ужасом ждала того мига, когда его пальцы наткнутся на следы ожога на её бедре, и... и тогда боль и ужас, и омерзение на лице Криса... и всё кончится...

Но боли не было. И она уже смелее обняла его за шею и повернулась так, чтобы ему было удобнее.

– Люся, я... я сниму их, можно? – шёпотом спросил Крис.

Она не ответила, но он понял её молчание как согласие. Мягко, чтобы не задеть ненароком болезненное место – как болят бывшие ожоги он хорошо знал и, наглядевшись на раненых, и на собственном опыте, и на курсах об этом говорили – Крис скатал вниз, снял с Люси трусики, кончиками пальцев погладил её бёдра и ягодицы.

– Люся, так можно, Люся?

– Ага... ага... – часто дышала Люся, прижимая его голову к своей груди.

Она сама не поняла, как это получилось, но она теперь сидела верхом на его коленях, и страха уже не было, того, прежнего страха.

Крис чуть приподнял Люсю, привычным движением потянулся расстегнуть брюки и наткнулся на ткань своего халата. Ах ты-и-и!...!!

– Люся, я... я сейчас...

– Что? – не поняла Люся и встала пред ним, поддержи-

вая обеими руками задранные почти до пояса полы халата и платья.

Крис, беспомощно улыбаясь, путаясь в завязках, как мог быстро снимал халат. И увидев нарождающийся страх в глазах Люси, попросил:

– Ты отвернись, Люся, да?

Она медленно отвернулась, и он быстро расстегнул брюки и сдвинул их вниз вместе с трусами. И тихо позвал:

– Люся...

Люся, по-прежнему глядя в сторону, шагнула к нему. Крис мягко взял её за бёдра. Она не хочет видеть его тела, оно пугает её? Ну, так пусть не видит. Вот так. Теперь Люся опять стоит над ним.

– Люся, посмотри на меня.

А когда она робко посмотрела на его лицо, улыбнулся. И Люся не смогла не улыбнуться в ответ, потянулась к нему, опираясь ладонями на его плечи. Крис осторожно попробовал её посадить на себя, просто посадить, войти-то он не может, хоть там чего-то и дёргается, но вразнобой, как у мальчика в первую растравку, но, если тело Люси будет рядом, коснётся его тела, если между ними не будет никакой преграды... Люся робко, неуверенно подчинялась его движениям.

И они не услышали, не заметили, как в замочной скважине дважды повернулся ключ.

Полоска света под дверью кабинета рассердила Аристову.

Мало того, что Люся совсем не следит за картотекой и беспорядка только прибавляется, так теперь и свет не выключает!

Он рывком открыл дверь и вошёл. И остановился, потрясённый увиденным.

Люся не так услышала, как почувствовала чьё-то присутствие, оглянулась и, ойкнув, вскочила на ноги. Крис замер в не рассуждающем, парализующем ужасе. Аристов обвёл взглядом, небрежные груды карточек на столе и кушетке, ведро с плавающей в нём тряпкой посреди кабинета... И... И с силой пнул ногой это ведро, будто именно оно было во всём виновато. С такой силой, что выплеснувшаяся вода окатила Люсю и Криса. Люся пыталась одёрнуть платье и халат, но завернувшаяся ткань не поддавалась, а Крис даже и не пытался прикрыться. Глядя перед собой остановившимися глазами, он сидел неподвижно, будто ждал чего-то.

– Вон отсюда! – наконец выдохнул Аристов.

И его голос вывел Криса из столбняка. Теперь надо одно: спасти Люсю. Мягким движением он соскользнул со стула на пол и встал на колени, подставляя под удар затылок.

– Это я виноват, – шевельнул он сразу пересохшими губами и перешёл на английский: – Это моя вина, сэр.

– Нет, – всхлипнула Люся, – нет, Кира...

– Оба вон! – заорал Аристов. – Оба пошли!...!!

Пока Аристов ругался, Люся наконец справилась с юбкой и, схватив со стола свои лежавшие поверх стопки кар-

точек трусики – и как они там оказались?! – выбежала. А Крис остался стоять на коленях. Будто это может что-то изменить... Да, может! Да, он – спальник, погань рабская, это всё он, а она... она ни при чём, он обольстил, обманул, силой её взял. Но сказать ничего не смог. Потому что, посмотрев снизу вверх, увидел лицо Аристов и всё понял. Что пощады не будет. Аристов молчал, и под его молчание Крис встал с колен, подтянул трусы и брюки, подобрал мокнувший в разлившейся луже халат и вышел.

Оставшись один, Аристов ещё раз пнул ведро, выругался, срывая зло, ещё длиннее, но несколько спокойнее, в полный голос, но без крика, и стал наводить порядок. Чёртовы резвунчики! Ему теперь здесь до утра работы! Ну... ну, пусть они ему только попадутся завтра.

Он уже заканчивал мыть пол, когда в дверях кабинета возник Жариков и спросил:

– Ну и чего?

– Чего, чего?! – Аристов выкрутил тряпку, бросил её в ведро и стал с привычной тщательностью мыть руки. – А ничего! Он без штанов, и она с голой задницей!

– Та-ак, – с угрожающей задумчивостью протянул Жариков. – А ты чего?

– Выгнал их к чёртовой матери, – Аристов уже остыл. – Чего ещё? – и удивлённо посмотрел на Жарикова. – Да ты чего, Вань? Найдут они себе место, не проблема.

– Дурак ты, Юрка, – очень спокойно, «диагностическим»

голосом сказал Жариков и вышел.

Аристов демонстративно, хотя его никто уже не видел, пожал плечами и занялся разбором своей драгоценной картошки.

Всхлипывая, спотыкаясь и ничего не видя от слёз, Люся убежала в жилой корпус и бросилась к единственному человеку, который мог ей сейчас помочь. Больше ей бежать не к кому.

Прасковья Фёдоровна Красавина, многоопытная санитарка, с семнадцати лет работавшая в военной медицине, но так и оставшаяся рядовой, которую, впрочем, все, невзирая на звания, возраст, положение и тому подобные мелочи, называли исключительно Тётей Пашей, уже спала, все давно спали, но Люся, уже ни о чём не думая, забарабанила в её дверь обеими кулачками.

– Ну, чего, чего? – зашлёпали за дверью босые шаги. – Кто там?

Люся только всхлипнула, но ей уже открывали, не дожидаясь ответа. Всхлипнув ещё раз, Люся бросилась ей на шею и заревела в голос.

Куда мог сбежать Крис? За Люсю Жариков так не беспокоился. Сейчас вероятнее всего, она либо у девчонок, а они пока её выслушают, поревут вместе с ней, обсудят вполне, с их точки зрения, житейскую ситуацию, и за это время она

успокоится. Либо, что ещё лучше, Люся у Тёти Паши, и тогда полный порядок. Так что о Люсе пока можно не думать. А вот Крис... как бы он вроде Андрея не засел в саду где-нибудь, ищи его там в темноте. Конечно, уже весна, но ночи холодные, не замёрзнет, так простудится.

Выйдя в парк, Жариков остановился. Не прислушаться – если Крис убежал, скажем, в беседку или в другой какой угол, то хрен услышишь, затаиваться парни умеют не хуже войсковых разведчиков – нет, просто подумать.

Так, всё-таки сначала надо проверить его комнату. Может, опять же всё-таки шок оказался не настолько сильным.

В жилом корпусе было тихо и темно. Жариков поднялся в крыло парней. Из-за закрытых дверей еле слышное сонное бормотание, постанывания, всхлипы... Во сне к ним возвращается их прошлое. И это будет ещё долго. И ничего не поделаешь, длительный стресс компенсируется намного дольше разового. А вот за дверью Криса тишина. Жариков попробовал ручку, и дверь легко открылась.

В комнате было темно и тихо, но Жариков уверенно спросил:

– Кирилл, спишь?

Он шагнул вперёд, нашаривая выключатель, и на мгновение зажмурился, ослеплённый вспыхнувшим светом.

– Вы?! Вас прислали?!

Крис, лежавший навзничь на кровати, сел, ошеломлённо глядя на Жарикова.

– Уже? Идти, да?

– Куда идти? – проморгался Жариков. – Ты это о чём, Кирилл?

– А я думал, уже всё, – вздохнул Крис и медленно, обмякая, лёг.

Жариков плотно прикрыл за собой дверь, в два шага пересёк комнату, прихватив по дороге стул и сел возле кровати.

– Так в чём дело, Кирилл? – он специально говорил только по-русски, часто повторяя русское имя Криса, но тот явно не замечал этого.

У Криса застывшее в отрешённом спокойствии лицо и такой же голос.

– Я нарушил закон расы, – Крис говорил по-английски. – Я заманил её и набросился.

Жариков был уже готов возмутиться, но поймал зоркий проверяющий взгляд из-под ресниц и решил промолчать. Крис перевёл дыхание и продолжил тем же равнодушным тоном:

– Я насильовал её, а рот зажал, чтобы она не кричала.

Жариков терпеливо ждал. И Крис сказал то главное, ради чего и завёл этот разговор.

– На ней вины нет, я один виноват.

И замолчал, уже открыто глядя на Жарикова.

– Умный ты парень, – кивнул Жариков, – но дурак редкостный. И зачем ты мне это говоришь?

На этот раз Крис ответил по-русски:

– Чтобы вы им сказали. Вы же должны... – он запнулся и перешёл на английский, – должны допросить меня и доложить.

– А по шее я тебе не должен врезать? – поинтересовался Жариков.

И получил неожиданный ответ:

– Да, на допросе всегда бьют.

– Очнись, Кирилл, – резко сменил тон Жариков. – Какой допрос, какое насилие? Что ты несёшь?

Крис вздохнул и сел на кровати, протёр лицо ладонями.

– Юрий Анатольевич пришёл, а мы с Люсей... – он снова вздохнул, вернее, всхлипнул и заплакал.

Крис сидел, бессильно уронив руки на колени, глядя перед собой, и плакал, слёзы неудержимо текли из открытых глаз.

– Иван Дормидонтович, что мне сказать? Ну, чтобы её не трогали. Меня всё равно убьют, но, чтобы с ней ничего... Иван Дормидонтович, спасите Люсю.

Жариков встал, подошёл к окну, попробовал ладонью электрический чайник, стоявший на подоконнике, качнул его, проверяя, есть ли вода, пошёл к шкафу, открыл дверцу и взял с полки стакан, вернулся к окну, налил из чайника воды. Крис молча следил за его действиями. Жариков подошёл к нему и протянул стакан.

– На, выпей и успокойся. Маленькими глотками пей.

Рука у Криса дрожала, и стакан постукивал о зубы. Но он

пил, переводил дыхание между глотками и допивал, уже не плача.

– Спасибо, – он посмотрел на Жарикова. – Спасибо, я... я в порядке.

– Рад слышать, – серьёзно ответил Жариков. – У Люси ты – единственная опора, понимаешь? – Крис кивнул. – И, если ты запихуешь, ей будет совсем плохо. Что у вас было, помолчи, Кирилл, так вот, что у вас там было, это ваше и только ваше дело. Ничего запретного не было.

Крис потрясённо открыл рот.

– Да-да, что ты так удивляешься? Ничего, – Жариков наконец улыбнулся, – ничего страшного не случилось. Понял?

– Да, но...

– Без «но». А закон расы, – Жариков произнёс это по-английски с подчёркнутой брезгливостью и продолжил по-русски: – Наплевать на эти законы давно пора. Наплевать и забыть. Вы – свободные люди, и вам решать свою судьбу, только вам.

Крис вздохнул, помотал головой, словно просыпаясь, и виновато сказал:

– Я сильно испугался.

– Бывает, – кивнул Жариков.

Крис снова вздохнул.

– Люсе... ничего не будет?

– Ничего, – очень серьёзно ответил Жариков.

– Я даже не знаю, где она, – Крис снова всхлипнул, но на

этот раз удержал слёзы. – Я когда вышел, её уже не было. Иван Дормидонтович...

– Хорошо, – кивнул Жариков, поняв невысказанную просьбу. – А ты раздевайся и ложись спать. А завтра подумаем, что делать.

Крис с надеждой смотрел на него, и Жариков улыбнулся.

– У моей бабушки была фраза. Чтоб большего горя у тебя в жизни не было. Понял?

– Понял, – не очень уверенно ответил Крис.

– Ну, вот и молодец. Давай, Кирилл, время позднее, а тебе с утра голова светлая нужна.

Крис кивнул и стал расстёгивать рубашку. Жариков пожелал ему спокойной ночи и вышел. Как ни хочется остаться и продолжить «вразумление», но парень должен справиться с этим сам.

В коридоре по-прежнему полутемно и тихо. Никого они не разбудили. И Жариков пошёл к себе. По дороге тронул дверь Аристова. Заперто. Значит, ещё у себя в кабинете. Наверняка над своей драгоценной картотекой трудится. К утру успокоится. А завтра, на свежую – у всех – голову нужно будет заново разобраться и решить, что делать дальше. И с Тётёй Пашей поговорить обязательно. И ещё до завтрака.

И тут его окликнули по имени. Уже взявшись за ручку своей двери, Жариков обернулся. Тётя Паша?! Вот это да!

Прасковья Фёдоровна, кутаясь в байковый госпитальный халат, оглядела его и кивнула.

– Вижу, знаешь.

– Знаю, Тётя Паша, – улыбнулся Жариков. – Люся у тебя?

– А где ж ещё, – хмыкнула Тётя Паша. – Юрка-Мясник бушует ещё?

Жариков неопределённо повёл плечами.

– Сейчас к нему лучше не соваться, Тётя Паша.

– Ну и ладно, к утру остынет. Задирист он, да недолог в задоре. Тогда и пойдём, – она несколько раз кивнула. – А ты, Ваня, спать иди. Завтра с утра всё и сделаем.

И, повернувшись, пошла к себе. Жариков улыбнулся ей вслед. Если Тётя Паша что-то решила, то уже всё. Не отступит и сделает. И кажется, он знает, что именно она надумала. Что ж, может, это и впрямь наилучший вариант. Во всех отношениях.

Крис послушно разделся и лёг. Закрыв глаза. Но сна не было. Доктор Ваня сказал, что с утра понадобится светлая голова. Зачем? Хотя понятно, что для допросов, конечно. Значит... значит, до завтра, до утра ему дали дожить. А там... Хотя не всё ли ему теперь равно? Вот только Люся, лишь бы Люсю не трогали. А так... хотя, конечно, обидно. Люся согласилась, он смог ощутить её, тело к телу, как мечтал, как видел в снах, и вот... всё теперь кончено. Всё. И думать об этом нечего. Погань ты рабская, жил поганью и по-мрёшь поганью. Лишь бы они поверили, что он взял Люсю силой, и не допрашивали её. Люся начнёт его выгораживать,

и тогда её тоже... нет, отвалывается он, отмолит Люсю. И... и лишь бы доктор Ваня не проговорился об их беседах, что советовал ему, как Люсю уломать, да нет, это же... как его... а, да, пособничество. Не дурак же доктор Ваня, чтобы по своей воле вешать на себя такое. Пособничество в нарушении законов расы – это лагерь, медленная смерть под пыткой. Нет, не надо. Всё на себя возьму. И надо спать.

Крис сдвинул одеяло с груди и закинул руки за голову. По-другому он спать не может. А надо выспаться. Надо. Закрой глаза и спи, заставь себя спать. Когда-то он это умел. Что бы ни было, как бы ни было, как бы ни избили или ещё чего, закрывал глаза и засыпал. Почему же теперь не получается? Надо спать, надо, надо, надо...

Он лежал, закрыв глаза, и медленно ровно дышал. Как спящий. А может, и в самом деле спал и видел во сне, что не может заснуть.

Вернувшись в свою комнату, Тётя Паша поглядела на зарёванную и даже слегка опухшую от рёва Люсю.

– Ну что, девка, давай спать ложиться.

– Да, Тётя Паша, – Люся вытерла кулачками глаза и встала. – Я пойду.

– Куды? – поинтересовалась Тётя Паша и, зевнув, перекрестила рот. – У меня спать будешь.

– Но, Тётя Паша...

– Цыц. Давай, ложись к стенке.

Люся поняла, что спорить бесполезно, и стала раздеваться.

– Тётя Паша, ты... ты только не смотри на меня.

– Дурёха ты, – фыркнула Тётя Паша. – А то я не видала...

Люся всхлипнула и легла. Тётя Паша перекрестилась на висевшую в углу икону.

– Спаси и сохрани, Владычица небесная, Люська, подвинься, спаси и помилуй, Заступница, – погасила свет и тоже легла. – Спи, завтра с утра всё и сделаем, а сейчас спи.

Люся вздохнула.

– Тётя Паша, а... а что сделают?

– С кем? – сонно спросила тётя Паша.

– С Кирой? И... и со мной?

– Спи, Люська, – тётя Паша сердито повернулась набок спиной к ней. – Что-что... Что надо, то и сделают. Спи, я сказала.

Люся снова вздохнула. Господи, как же так всё получилось, кто же думал, что... господи, что же теперь будет, господи... Она спала, всхлипывая и вздыхая во сне.

Под утро Крису приснилась обработочная камера, и он проснулся от собственного стога. И ошарашенно сел на кровати, с трудом соображая, где он и что с ним. И в дверь стучат. Уже?!.. Он вскочил, пошатнулся, едва не упав, и подошёл к двери, распахнул её. За дверью оказалась Тётя Паша. Она оглядела его с необидно насмешкой.

– Ты кого ждал, что всё своё хозяйство выставил, а?

Крис смущённо прикрылся ладонями.

– Я... я... Тётя Паша, я...

– Ты, ты, – кивнула она, – кто ж ещё, всё ты. Давай одевайся, умывайся, чтоб через пять минут готов был, – и словно не замечая ужаса в его глазах. – Рубашку белую надень и брюки хорошие.

Крис растерянно кивал. Так... так что же происходит? Он уже ничего не понимает.

В коридоре показался Андрей, босиком, в одних трусах, протирающий кулаками глаза.

– Тётя Паша? – удивился он. – Случилось чего?

– Брысь, – отмахнулась от него Тётя Паша. – И без тебя справимся, – и опять Крису: – Давай по-быстрому, понял?

Крис послушно кивнул, и Тётя Паша ушла, бросив на прощание:

– И в холле жди.

Крис захлопнул перед носом Андрея дверь и стал одеваться. Ослушаться Тёти Паши ему и в голову не пришло.

Когда он, как ему и велели, в белой рубашке и хороших брюках, пришёл в холл, там уже толпилось с десятков парней. Ждали они его.

– Что случилось? – сразу подступил к нему Эд.

Крис загнанно оглядел обступивших его парней. Да, им он врать не может. И не хочет.

– Застукали меня, – и обречённо выдохнул: – С Люсей.

– Как застучали? – не понял Майкл.

– На горячем, – хмуро ответил Крис.

И в мгновенно наступившей тишине восторженно потрясённый голос Андрея:

– Восстановилось?!

Ответить Крис не успел.

Растолкав парней, к нему подошла Тётя Паша.

– Готов? – оглядела его. – Хорош! Пошли тогда.

Крис, привычно опустив голову и заложив руки за спину, пошёл за ней. Выдерживая дистанцию в пять шагов, потянулись следом остальные парни. Тётя Паша оглянулась на них, но промолчала.

У двери в комнату Аристова Тётя Паша остановилась, ещё раз оглядела Криса, поправила ему воротничок рубашки.

– Вот так. Теперь стой здесь, пока не позову, а как зайдёшь, языком попусту не болтай, понял? – Крис кивнул. – Ну то-то. На меня смотри, и по моей подсказке говорить будешь, – Крис снова кивнул, уже увереннее. – А вы, – Тётя Паша обратилась к парням, – не гаめть, чтоб слышно вас не было.

Парни дружно закивали. И тут с другой стороны подошли Галя и Нина с Люсей. Люсю умыли, переодели. Галю и Нину Тётя Паша разбудила рано, задолго до подъёма и, ничего не объясняя, велела «эту дурёху в божеский вид привести». Обе девушки изнывали от любопытства, но было велено не болтать. Они мужественно терпели и даже Люсю не расспра-

шивали. Увидев Крису «при полном параде» и парней за его спиной, они многозначительно переглянулись и подмигнули друг дружке.

– Так, – удовлетворённо кивнула Тётя Паша. – Стойте здесь и тоже, чтоб не слышно. Люська, без слова моего молчи, поняла? И не реви. Я скажу, когда реветь.

Крис ничего не понимал. Близкий к обмороку, он впал в тот рабский столбняк, который уже не раз спасал его, как и остальных. А появление Жарикова, тоже без халата и очень серьёзного, окончательно повергло его в ступор.

– Ну, – Тётя Паша пригладила волосы, поправив свою нарядную шёлковую косынку, – пошли, Дормидонтыч. А вы все здесь ждите. И молчок всем.

Жариков постучал и тут же распахнул перед Тётёй Пашей дверь комнаты Аристов.

Аристов брился и даже сначала не обернулся на стук в дверь. Если б это было действительно срочно, за ним пришли бы по-другому, а по делу, так вызвали бы по селектору. Но на всякий случай он покосился на смонтированную у изголовья коробку, нет, зелёный огонёк горит ровно, значит, включён. Он спокойно закончил бритьё, хотя слышал, как открывалась дверь, и, вытирая лицо, спросил:

– Вань, ты? Ну и чего?!

– А ничего, – ответил ему голос, от которого он вздрогнул.

– Тётя Паша?!

– Я самая, – Тётя Паша скрестила на груди руки. – Ну, и что делать думаешь?

– Я?! – изумился Аристов.

– Ты, ты, – кивнула Тётя Паша. – Ты эту кашу заварил, тебе и расхлёбывать.

Вообще-то вчерашнее событие уже казалось Аристову даже смешным. Ну, и не такое случалось, бывали и более необычные... случайности, и собственный гнев уже воспринимался чрезмерным, и бушевать так не стоило, но... выставлять его же виноватым?! Да...

– Какого чёрта?! – начал он.

И осёкся, остановленный одной фразой Жарикова:

– Остынь, Мама Юра.

И Аристов застыл с открытым ртом. Слышать о своём прозвище он слышал, но впервые ему это сказали в глаза.

– То-то, – удовлетворённо кивнула Тётя Паша. – Так что давай решать.

– Что решать? – тупо спросил Аристов.

– Поженить их надо, – очень просто сказала Тётя Паша. – Ну, сам подумай. Ну вот. Так что сейчас их и окрутим.

– Тётя Паша, ты – гений, – восхищённо сказал Жариков.

Мысль эта ему тоже приходила в голову, но он не был уверен в таком решении. Ведь что ни говори, а «жениться – не чихнуть, можно и обождать», и «кольцо что хомут, надеть легко, да потом не снимешь». Вся эта народная мудрость не на пустом месте возникла, за ней, ой какой опыт, многове-

ковой. Но вот услышал от Тёти Паши и мгновенно понял – это то, что нужно!

– А что? – Тётя Паша горделиво поправила косынку. – Самое оно и есть. Чтоб раз уж приспичило, то в своей постели и по закону. Сейчас позову их, и всё сделаем. Давай, Анатолич, надевай китель. Чтоб уж и закон, и обычай соблюсти. Вот и ходу обратного не будет.

Помедлив, Аристов кивнул и достал из шкафа свой китель с погонями и наградами.

– Ну вот, – Тётя Паша оглядела сразу ставшего словно выше ростом Аристова, сняла невидимую пылинку с его рукава, взглядом велела Жарикову подтянуться и застегнуть воротничок форменной рубашки, пошла к двери и властно распахнула её. – Так, девки, заходите. Люська, ты сюда встань, а вы обе за ней. Теперь ты. Заходи. И ещё двое. Двое, а не все!

Вслед за Крисом вошли Эд и Майкл. Но Тётя Паша не закрыла дверь, и остальные парни столпились на пороге. Тётя Паша поставила Криса напротив Люси. Люся мужественно старалась не реветь, Крис держался из последнего.

– Ну вот, – Тётя Паша сложила руки на животе, и заговорила напевным, никем ранее не слышанным голосом: – Бежала куничка, товар дорогой, поманила охотника удалого, купца тороватого, да на двор и забежала. Куничка по охотнику, товар по купцу.

Это было настолько непонятно, что Крис поднял глаза – до этого он смотрел только в пол – и изумлённо уставился на

Тётю Пашу. А та повернулась к стоящим рядом Жарикову и Аристову.

– Так как, батюшки, чего им врозь быть, коль вместях лучше? Даёте ли на сговор согласие своё?

Аристов и Жариков одновременно кивнули. Ойкнула, тут же зажав себе рот, Нина. Парни, ещё ничего не понимая, неуверенно улыбались.

– Ну, так сразу и сговорим, и повяжем.

Тётя Паша достала из рукава белый с вышитыми углами платок и ловко обвязала один конец вокруг правого запястья Криса, подвела его к Люсе и обвязала другой конец вокруг её правой руки.

– Вот так. Теперь целуйтесь, – и так как Крис по-прежнему потрясённо глядел на неё, подбоченилась. – Целуйтесь, я сказала.

Крис неловко ткнулся губами и носом в здоровую щёку Люси.

– Теперь вы, – тётя Паша строго посмотрела и Аристова и Жарикова, – что согласны.

Те, невольно улыбаясь, пожали друг другу руки, обнялись и троекратно расцеловались.

– И вы, – тётя Паша кивнула Гале с Ниной, Эду и Майклу, – что тоже супротив ничего не имеете.

Майкл сделал было движение к двери, но Галя уже звучно чмокнула его и подставила свою щёку.

– Вот так, – кивнула Тётя Паша. – А теперь честным пир-

ком, да за свадебку, – и продолжила уже иным обыденно деловитым тоном. – Свадьбу в субботу играть будем, тянуть нечего, неделя без малого, управимся. Так, вы теперь – жених и невеста, – она кивнула Крису. – Можешь к ней в гости ходить, чай пить, а по углам нечего тискаться. А со всем другим до свадьбы подождёте. Всё поняли? – Крис и Люся одновременно, но явно непонимающе кивнули. – Ну, пока идите. Люська, платок себе возьми и береги. С вами со всеми я потом переговорю. А вы, – она повернулась к Жарикову и Аристову, – вы думайте, как они дальше жить будут, комнату надо выбивать, мебель, обзаведение всякое. Это ваше дело уж дело, приданое молодым сготовить. Так, ну, Люська, теперь реви, коли хочется. И всё, и пошли.

Она решительно вытолкала всех из комнаты в коридор. И уже там развязала скреплявший Крису и Люсю платок. Галя и Нина целовали действительно заревевшую Люсю, и Тётя Паша отправила всех троих домой, сказав:

– Ты, Люська, сегодня на работу не ходи. Улажу я это, – и повернулась к Крису. – А ты иди, а то совсем задуришь. – и толпящимся вокруг парням: – И не лезьте к нему пока.

– Так, Тётя Паша... – начал было Андрей, но его тут же с нескольких сторон щёлкнули по макушке и затылку.

– Тётя Паша, – улыбнулся Эд, – может, вечером тогда, а то мы не знаем ничего.

– Ну, что делать надо, – пояснил Майкл.

– Приду вечером, – согласилась тётя Паша. – Чай готовьте.

Всё вам разъясню. А теперь живо на работу все, опоздаете, всем мало не будет, – погнала она парней.

Коридор уже заполняли проснувшиеся и от шума, и по сигналу общего подъёма, спешащие по своим делам обитатели жилого корпуса, на бегу мимоходом интересующиеся происходящим.

Оставшись вдвоём, Аристов и Жариков переглянулись, и Аристов кивнул.

– Точно, Ваня, вот кому генералом быть и в генштабе сидеть.

– А то! Ну, – Жариков ухмыльнулся, – а к нашему генералу ты пойдёшь. Матчасть на тебе.

– Та-ак, – протянул Аристов. – А на тебе?

– А на мне общественное мнение и психологическая подготовка. Так что, вперёд, полковник.

– Ладно, капитан, – Аристов снял и повесил в шкаф китель. – Можете быть свободны. Пока свободны.

– Пока, – согласился Жариков, повернулся к двери и, уже взявшись за ручку, бросил через плечо: – Да, и о срыве твоём вчерашнем мы потом поговорим.

И вышел, не дожидаясь ответа. Опаздывать и ему нельзя. Завтрак они, считай, уже упустили, но это не самое страшное. Неделя предстоит... работать и с Крисом, и с Люсей, и с остальными парнями. Да и у остальных срывы всё чаще, опять же Юрку после вчерашнего надо в норму приводить.

И вообще... Но Тётя Паша – это... Тётя Паша. И всё этим сказано.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

В конце февраля на Колумбию ливнями обрушилась весна. Изредка проглядывало солнце, но небо снова затягивалось серыми тучами, и шли тёплые безостановочные дожди. В общем, Найфа это устраивало. Правда, погода его интересовала редко, и интерес этот был специфическим. Сегодняшний дождь не мешал и не помогал, и потому Найф его попросту не замечал.

Войдя в дом, он велел Джеку опустить и расправить шторы, плотные, как светомаскировка. Джек, как всегда, послушно отправился выполнять поручение, но по дороге наткнулся на торшер и занялся выключателем – шариком на шнурке. Лёгким подзатыльником Найф оторвал его от этого интригующего занятия и терпеливо повторил:

– Иди, опусти шторы.

– Ага, – согласился Джек, с явным сожалением расставаясь с торшером.

Но, опустив шторы на обоих окнах, к торшеру не вернулся – забыл про него – и стал бесцельно бродить по гостиной, бездумно ощупывая всё, что попадалось под руку. Найф не останавливал его – и без толку, и дурак всё равно в перчатках, не наследит. За перчатками Найф следил строго, и здесь его старания, в общем, увенчались успехом. Джек даже научился сам их натягивать, не разрывая.

Дом был старый, чуть ли не довоенной постройки, без газа и центрального отопления, а вода, как сразу проверил Найф, отключена, так что дурака можно оставить без присмотра: ничего не натворит.

– Ложись и спи.

– Ага.

В спальню Найф его не пустил: всё-таки хоть и в перчатках, но чем меньше дурак перетрогает, тем лучше. Убедившись, что Джек заснул, Найф ушёл.

Андрей слышал, как щёлкнул замок во внутренней двери. Это значит, что Найф ушёл в гараж, так, включил мотор, открылась гаражная дверь, выехал, дверь опустилась, уехал?.. Уехал. Ну, передохнём малость.

Он лежал на диване в холле, на боку, лицом к спинке, одеяла нет, не завернуться, но хоть как-то прикрыться.

Ну что, день за днём, а шанса всё нет, надо ждать, ты в

засаде и не дёргайся. Не торопись, и тогда ты увидишь, как мимо твоего дома несут труп твоего врага. Надо ждать. СБ – противник, нет, враг и враг серьёзный, с ним на абы и авось не проскочишь. Уходить от таких надо чисто, не оставляя ни подранков, ни следов. А сволочь эта – эсбешник, и не в «тёмную» на СБ работал, этих бедолаг тоже навидался, СБ таких использованных в лагерь скидывало. Для гарантии молчания. Нет, этот знал, чьи заказы выполнял. И сейчас что-то готовит. Так что жди. Через тошноту у горла, через... через всё. Ты – недоумок, придурок, Джек-Чурбан, жди. Он уже дал тебе в руки нож. И тут же забрал. И ещё раз даст. Знать бы, где ты, что это за город, улица... не спросишь и не подсмотришь. Ты – послушный придурок и помни об этом. Сколько дней я у него, месяц, больше? Увёз он меня после Нового года, а уже весной пахнет. Ничего. Я дождусь, я упрямый. Настырный. И ни хрена он со мной не сделает. Лежи и не открывай глаз, ты спишь, морда должна быть заспанной. И не вспоминай, воспоминания оставь на потом, когда всё будет сделано. Ты уже столько раз продумывал разные варианты, подумай ещё, всего предусмотреть невозможно, но стремиться к этому нужно. Что ты будешь делать потом?.. Но это уже другой вопрос, не тянись за дальним, пока ближнего в руках нет. Ни алиби, ни обоснования у тебя нет, в тюрьму... сильно неохота, значит, смываться, рвать когти, а как... посмотрим по обстоятельствам. «Я от лагеря ушёл, я от...», – а вот когда уйдёшь, тогда и споёшь. Пушки сволочь не но-

сит, только нож. Из принципа. Но в морду мне он тогда из пушки засадил, это точно. Так что на принципы его можно накласть. Думай, парень, у тебя будет только один шанс. Думай. Продумай всё заранее и действуй по обстоятельствам. Лучший экспромт готовится заранее, но вот когда его выложить... думай, продумай всё, просчитай. Не ты умный, а он, он – волк, травленный, стреляный, а ты – щенок ещё, ну, волчонок, так что думай...

Андрей лежал неподвижно с застывшей на лице глуповато-блаженной улыбкой. За эти недели она стала ему настолько привычной, что не требовала особых усилий. Лежал и спал. Продолжая и во сне обдумывать и просчитывать. Он должен быть готов ко всему, к любому варианту.

Загнав машину в гараж, Найф сразу заменил номер: завтра с утра он уедет, а если кто сегодня и положил глаз, то пусть ищет. Прежде чем войти в дом, прислушался. Тихо. И, войдя, убедился: чутьё его не подвело – дрыхнет придурок. Ну, пусть пока дрыхнет. Неохота, конечно, его показывать, чем меньше знающих о твоём оружии, тем лучше, но тут... взял деньги – покажи товар. Этот закон нарушать нельзя, чего другое и очень многое простят, а за такое... нет, слишком рискованно.

Сквозь сон Андрей слышал его шаги, но глаз не открывал и не шевелился. Понадобится – так разбудит.

Джимми поставил на стол бутылку виски и шесть стака-

нов. Пить никто не будет, но антураж надо соблюсти. Заказчику положен почёт и уважение. Ну вот, всё как надо. Пора придурка будить, а то ещё обделается спросонок.

Он подошёл к дивану и потряс Джека за плечо.

– Просыпайся.

Джек всхрапнул и повернулся на спину, с трудом разлепил веки и непонимающе уставился на Найфа.

– Вставай.

Джимми прошёл в ванную и включил воду, вернулся в гостиную и прогнал придурка приводить себя в порядок. Хоть здесь за ним присмотр не нужен. Даже бреется сам и довольно ловко. Как и с ножом управляется. Ну, ещё... сегодня двадцать седьмое, съедутся второго, первая игра в ночь, так что три дня. Как раз смотаться на последнюю проверку, а заодно и след зачистить, а там... возни-то с придурком уж слишком много и второй раз использовать может и не получиться.

Чак выехал из Колумбии засветло. Маршрут был несложный, но уж слишком точно надо было выдерживать время. Сегодня утром он, как каждый день, если не был в поездке, пришёл в контору, и, опять же как всегда, мисс Джулия Робертс, плоская, бесцветная и высохшая, бесцветным равнодушным голосом сообщила ему дневное задание. Куда ехать, что забрать, куда отвезти. И дополнительно, что его ждёт ещё и вечерний маршрут. Где в конце быть в тринадцать минут второго ночи у отеля «Голубая звезда» в Коркитауне. Про

дальнейшее она не сказала, и Чак понял, что продолжение будет на месте. Как всегда, он чётко по пунктам повторил задание и ушёл, не попрощавшись, как вошёл, не здороваясь.

Тогда после имения, подписав контракт, он привёз Джонатана и Фредди в Колумбию, ему ещё на въезде назвали этот адрес, и, когда он притормозил у указанного дома, Джонатан кивком велел следовать за ними.

Большой дом в деловом квартале, битком набитый различными конторами. Безлично аккуратные лестницы и коридоры, снующие по ним озабоченные только своими делами люди, ничем не выделяющаяся среди прочих дверь под номером сто сорок восемь и аккуратной стандартной вывеской с одним словом «Октава» – явно названием фирмы. Стандартная приёмная. Секретарша за столом с телефоном и машинкой, а в углу для посетителей два лба в креслах, положив ноги на журнальный столик, пьют пиво из банок, разглядывая журнал. Две двери. Одна – матового стекла, а другая – глухая, полированного дерева. Секретарша равнодушно посмотрела на вошедшего первым Джонатана.

– Добрый день, мисс Робертс, – приветливо улыбнулся ей Джонатан и, не дожидаясь ответа, распорядился: – Через три минуты зайдите ко мне.

На парней он даже не посмотрел, но те заёрзали, снимая ноги со стола. Шедший последним Фредди скользнул по ним холодным невидящим взглядом, и они сразу вскочили, пряча свои банки за спины и уронив журнал. И не новый пор-

нушник, а старый паласный каталог – успел заметить Чак, проходя вслед за Джонатаном в дверь из тёмного дерева.

Письменный стол, сейф, окно закрыто белой плотной шторой, собранной фестонными складками, перед столом два стула для посетителей, в углу вешалка, на стене картина – морской пейзаж, на столе массивный письменный прибор из серого мрамора и хрусталя... Всё как обычно и как положено.

Джонатан быстро снял и повесил, вернее, бросил шляпу и плащ на вешалку. Фредди отошёл к окну и остался там стоять, засунув руки глубоко в карманы плаща.

– Чак.

– Да, сэр.

– Фирма называется «Октава».

– Да, сэр, – конечно он успел прочесть вывеску, но и показывать это тоже не нужно.

Вошла без стука мисс Робертс, держа наготове секретарский блокнот и ручку.

– Мисс Робертс, – Джонатан не дал ей и рта раскрыть. – Это Чак, шофёр и автомеханик. Пишущие машинки, профилактика и мелкий ремонт, тоже на нём, – бесцветные от равнодушия и застарелой усталости глаза мисс Робертс скользнули по указанному объекту. – Чак, машину подготовишь и оставишь в гараже. Завтра в девять на машине сюда, пригони задание у мисс Робертс.

Он всё понял: между ним и хозяином ставят буфер, нор-

мально.

– Можешь идти.

– Слушаюсь, сэр, – и как положено он повторил задание.

– До свидания, Чак, – улыбнулся Джонатан.

– До свидания, сэр, – он раздвинул губы в вежливой улыбке и вышел.

Всё ещё стоявшие у столика парни встретили его настороженными взглядами. Не глядя на них, он прошёл к выходу. Может, они и хотели его остановить, но за его спиной уже прозвучал голос мисс Робертс:

– Пройдите.

Чак знал, что это относится не к нему, и не обернулся.

Так и пошло. Лбов тех он больше не видел. Если Фредди и пристрелил их прямо на месте, то с трупами управился без него, и вообще это не его проблема. Ему своих хватает. Хорошо, что зима кончилась, даже если и похолодает, то льда всё равно не будет. Ничего нет хуже обледенелой дороги.

Джек опять шлялся по холлу, всё трогая и ощупывая, когда Джим услышал затормозившую у дома машину.

– Сядь и не шевелись! – рявкнул он на Джека.

– Ага-а, – по-алабамски протяжно согласился Джек и сел на диван.

Надолго его послушания не хватит, памяти-то нет, но хоть на первое время. Джим поправил прозрачные пластиковые перчатки, чтобы белые резиновые краги не вылезали из-под

манжет рубашки. А в гостиную уже входили. Впереди Гаммэн, рядом и на полшага сзади Поул и две «шестёрки» по бокам. Шофёр, значит, в машине остался.

– Привет, – Найф улыбнулся с максимальным дружелюбием.

– Рад тебя видеть, – расплылся в улыбке Гаммэн.

– Приветствую, – проскрипел Поул.

«Шестёрки» молча улыбались: им без приказа говорить не положено.

Найф коротким жестом пригласил к столу. Гаммэн изобразил немой вопрос. Найф пожал плечами и кивнул. Гаммэн посмотрел на своих лбов, и те сразу разошлись. Один пошёл проверять кухню, а другой спальню и ванную. Джим усмехнулся: будто эта страховка может помочь, если действительно... Трусоват Окорок, что и говорить. И недаром его не Хэмом, а Гаммэном прозвали, жирный и дурак, Вздор. Но пока его чурбаны всё не осмотрят, он за стол не сядет. Подождём.

Возились «шестёрки» недолго – дом-то на одну спальню всего. Вернувшись в холл, они прочно сели на диван, зажав Джека между собой. И только тогда Окорок и Жердь сели к столу. Все гости были в кожаных чёрных перчатках и не снимали их. Бутылку и стаканы никто не трогал. Джек, по-детски приоткрыв рот, оглядывал гостей бездумно любопытными глазами.

Джим улыбнулся и начал с вопроса о дороге, как добра-

лись. Гаммэн посетовал, что просёлки развезло. Найф сочувственно кивнул, хотя отлично знал, что просёлками Гаммэн пользуется только у себя. А в Луизиане дороги не просыхают. Там болота. Гиблый край – Луизиана. А весна всегда то ранняя, то поздняя.

– Да, всё хорошо, когда вовремя.

Дружные кивки.

– Согласен. Зажился Игрок.

– Игрока взять непросто.

– Непросто капитал его взять, а самого... – Найф насмешливо хмыкнул.

– Бесхозный капитал, – скрипит Поул, – оформляется как выморочное имущество и проводится в соответствии с актами...

– Твоя доля по уговору, – перебивает Гаммэн. – Думаешь, Игрока легко взять?

– Игра серьёзная, – Найф самодовольно ухмыляется и тут же становится серьёзным. – А тут плутуют в наглую. Ему доверие оказали, безголосого допустили, а он...

– Понятно, – кивает Гаммэн.

– Ковбой – совладелец, – подаёт голос Поул. – Он Игрока не сдаст.

– Ковбоя не будет, – твёрдо отвечает Найф.

Секундная пауза, и Гаммэн заливается хохотом, хихикает Поул, даже «шестёрки» ухмыляются, радостно смеётся вместе со всеми Джек. Только Найф серьёзен.

– Думаешь, твой нож длиннее его пули? – вытирает выступившие от смеха слёзы Гаммэн.

– Зачем мой? – хитро удивляется Найф. – Вот его, – и кивком показывает на Джека.

Гаммэн, ещё улыбаясь, внимательно рассматривает Джека.

– Думаешь, придурка подпустит? – вполголоса спрашивает он.

– Этого подпустит, – так же вполголоса отвечает Найф.

– А он сработает? Хватит у него ума?

– На это хватит. Ум-то мой будет.

– Покажи, – требовательно сказал Гаммэн.

Помедлив, Найф кивнул. За такие деньги Гаммэн имеет право.

– У тебя есть ручка?

– Что? – удивился Гаммэн.

– Можно и на ноже показать, – пожал плечами Найф. – Которого из двух тебе не жалко?

«Шестёрки» напряжённо притихли. Жердь достал из кармана и протянул Найфу длинную шикарную авторучку. Найф взял её, поблагодарив кивком, и встал.

– Ты, – ткнул он пальцем в сидевшего слева от Джека, – иди к двери.

Побледнев, тот встал и занял указанное место.

– Джек, держи.

Джек взял ручку, удивлённо повертел её.

– Это нож, Джек, – ласково сказал Джим.

– Нож? – непонимающе переспросил Джек.

– Нож, – терпеливо повторил Найф. – Это нож, – и вдруг тихо рявкнул: – Нож!

Неуловимо быстрое движение кисти, и авторучка почти исчезла в костистом кулаке.

– Иди, Джек, – Найф жестом показал направление.

Джек послушно встал и пошёл к двери, держа сжатый кулак у бедра так, что если бы это в самом деле был нож, то лезвие было бы скрыто штаниной.

– Обними его, – бросил Найф «шестёрке».

Растерянно улыбаясь, парень поднял руки и обнял Джека. Тот ответно обхватил его левой рукой. И в напряжённой тишине показавшийся громовым щелчок языком. Опять неуловимо быстрое движение кулака Джека и его удивлённое:

– Не входит.

– Иди на место, Джек.

– Не входит, – обиженно повторил Джек, ещё раз ткнул авторучкой под левое ребро бледного как молоко парня и совсем по-детски надул губы.

Джимми за руку оторвал его от несостоявшейся жертвы, отобрал авторучку и отвёл к дивану.

– Садись. И держи, – вытащил из кармана и дал ему конфету в блестящей обёртке.

Глядя, как Джек упоённо играет фантиком, Гаммэн пока-

чал головой.

– Нет слов, Джим. Ну, просто нет слов, – и хлопнул ладонью по столу. – Решено! – и счастливо хихикнул: – Без Ковбоя Игрок голый, как устрица без раковины.

– Ну, насчёт устриц тебе виднее, – подыграл Найф.

Окорок начинал с контроля над устричным промыслом и любил, когда ему напоминали о молодости.

– Удача не бывает вечной, – кивнул Поул.

Обговорили детали, сигналом будет появление Найфа.

– И его приведёшь? – Гаммэн кивком показал на Джека, затеявшего игру с бахромой на абажуре торшера.

– Это моя проблема, – пресёк Найф.

Гаммэн задумчиво кивнул.

Ночных перевозок у Чака ещё не было. Но... но как всегда, всюду его ждали, нигде не пришлось ни стучать, ни звонить, и даже уже не уточняли, от Бредли ли он, видимо, тоже всё знали. Пустынные тёмные улицы, опущенные на витрины стальные жалюзи, уже ни одного окна не светится – давно за полночь перевалило. Ещё одна перевозка, и в Коркитаун к «Голубой звезде».

Он пролетал эти маленькие спящие городишки на предельной скорости: никакой полиции в такое время уже не бывает, дрыхнут по своим участкам. Но как точно всё рассчитано, днём на обычной скорости он бы столько не успел.

Закрыв за гостями дверь, Найф ещё немного постоял сбоку, слушая удаляющийся шум мотора, и вернулся к столу. Откупорил бутылку и налил полный стакан. Поедет он завтра на рассвете, от запаха пожуёт чего-нибудь, а... да к чёрту! Полиция всё равно дрыхнет.

– Тебе не даю, – сказал он Джеку. – Тебе нельзя. Возись потом с блевотиной твоей. Понял? Нельзя.

– Нельзя, Джимми, – Джек снова играл с выключателем торшера.

Джим сел и положил ноги на стол, благодушно отхлебнул. Ну, можно обмыть и расслабиться. Всё задуманное сделано, всё идёт чётко по плану. Недаром столько обдумывал и выверял, с умными людьми советовался, а потом советчиков убирал, чтобы с кем другим так же дельно не поговорили. Умные, а дураки. Так ведь никто и не понял, что это он их использовал, а не они ему приказывали. Тоже – он хихикнул – салфетки бумажные. Красивые, слов нет, сморкнуться приятно. А потом скомкать и в урну. А ещё лучше в камин на растопку, чтоб и следов не осталось. Нет, заваруха – золотое время. Во всех смыслах. Было и прошло. Но зато и задел сделан, и хвосты все подчищены. И задатки славные. Эти дураки думают, что расплатились. Ну-ну, это только задатки, все расчёты у нас впереди. Будете ко мне бегать защиты от Паука просить, у меня же одного канал на него будет, а я добрый, помогу, конечно, и не за бесплатно, само собой. И у Паука другого канала на Систему нет и не будет, уж я об этом

позабочусь. Экономка у него – баба умная, сразу просекла, с кем и против кого надо играть. А с остальными... тоже без проблем. Пусть живут. И платят. Мне платят. И живут, пока платят.

Найф снова отхлебнул, погонял жгучий горький напиток во рту и проглотил. По телу разливалось приятное тепло, и хотелось поговорить. Обычно он предусмотрительно давил такие желания, ограничиваясь внутренними беззвучными монологами, но сейчас... ни опасаться, ни, тем более, стесняться некого.

– Дурак ты, Джек, и пользы от тебя... Ну, послушай, дурак.

– Ага-а, – как всегда согласился Джек.

– Вот поедем мы в Кингслей к этой шлюхе. Надоела она мне, да и тебя видела, – Джим заржал, – и во всех подробностях рассмотрела. Ты с ней обнимешься, а я щёлкну.

– Ага-а, – Джек дёргал бахрому на абажуре.

– И вернёмся сюда, в Колумбию, и будем Ковбоя встречать. Рассопливился Ковбой, краснорожего как увидел, так аж слеза его прошибла. Жалко, я того упустил, хотя и тебя хватит, а краснорожий по всему через границу ломанул, ну и хрен с ним, с напарником твоим, верно, Джек?

– Ага-а.

Торшер уже надоел Джеку, и он опять отправился бродить по гостинной.

– А Джонни-Счастличик спёкся, считай. Счастье, Джек,

это штука ненадёжная. Счастье его в Ковбое, кабы не его кольт, хрен бы их обоих терпели. Заигрались они, а тут и я подоспел. Ловко придумано, а, Джек?

– Ага-а, – Джек перебирал занавески, будто искал что-то.

– Штору не трожь, – строго сказал Джим и, когда Джек послушно отошёл от окна, продолжил: – Слишком он на Ковбоя положился, друг, видишь ли. А друг – это кто? Кто тебя первым предаст и выдаст, понял, Джек?

– Ага-а.

– Вот он, – Джим извлёк из-под пиджака и положил на стол свой нож. – Вот. Он меня не предаст. Понял?

– Ага-а.

– Дурак ты, Джек, – засмеялся Джим, допивая стакан и наливая ещё. – Если б ты знал, каких денег твой удар стоит. Дурак ты, дурак, ты вкалывать, – он снова заржал, – будешь, а денежки мне пойдут. Сначала ручейками, а там и речками польются. Дружочки мои. Игрок – дурак, с камнями вяжется, а камни – они приметные, памятные, и Лига Ювелирная бдит, следит за ними, а деньги что? Сор бумажный. Вон были имперские доллары, сила силой, а русские раз и бумагой их сделали, своих напечатали и пустили, и что, трепыхнулся кто? Нет. А они вот, в ход пошли и силой стали.

Хихикая, он доставал и выкладывал на стол пачки в банковских перевязках.

– Вот они, рабы мои верные. В ленточках. Ленточку снял, и привет. Никакой Бульдожина опознание не проведёт.

Устав бродить по гостиной, Джек отправился на кухню. Дверь он за собой не закрыл, и Джим благодушно следил, как тот роется в шкафах.

– Дурак ты, Джек, и помрёшь дураком. Кончишь Ковбоя, и на хрен ты мне нужен тогда. А повозился я с тобой. Мне ж на тебя ещё когда Пит наводку дал. Русские его кончили, за меня работу сделали. И Тушу к ногтю взяли. И Пауку, – он снова заржал, – ноги подкоротили. И ни цента мне это не стоило. И выгоды не дало, только хвосты подчистило. А тут... ты ножичком потычешь, а денежки мои. Эта за Фредди Ковбоя, эта, – он любовно перебирал пачки, – эта за Джонни Счастливого, эта... ну, скажем, за тебя. Вот за шлюху мне получить не с кого, никому она не нужна, ну и пусть, я не жадный. Я добрый, Джек. И ласковый.

Джим поставил стакан на стол, попытался встать, но забыл снять ноги со стола и чуть не упал, выругался и тут же снова захихикал.

– Джек, а ну, пойдя сюда, дурак.

– Ага-а.

И, когда Джек вошёл, скомандовал:

– Сними мне ноги.

Было такое не один раз, и Джек уже твёрдо помнил, что и как надо делать. Он послушно снял и поставил на пол ноги Джимми и помог тому встать.

– А давай я тебя трахну напоследок, дурак, – пришла в голову Джима новая идея. – Хочешь трахнуться, Джек?

– Ага-а.

Джимми засмеялся и отпустил его шею. Особо пьяным он себя не чувствовал. Полбутылки – не его доза. Это дураку много. Тогда он в самый первый день для пробы дал тому отхлебнуть, и парня развезло с одного глотка, ругался, вслепую швыряя всё, до чего дотягивались руки, ничего не узнавал, и тут же его вывернуло, свалился, и сутки от дурака ничего добиться было нельзя. Дурак – он во всём дурак. Ну, эта ночь не в счёт, а третьего марта, через три дня, дурак рядом с Ковбоем будет лежать. А пока... получим немного удовольствия.

Джимми засмеялся, потянулся, расправляя мышцы, и...

Чужая жёсткая сила рванула его за горло, Джим даже не сразу понял, что это Джек, стоя сзади, захватил его за шею сгибом левой руки.

– Ты, – захрипел Джимми, шаря вдруг ставшими скользкими из-за перчаток пальцами по необычно твёрдому локтю, – ты чего?

И удар под дых, несильный, но от которого сразу перехватило дыхание, а тело стало безвольным.

– Ты кого на понт брал, падла? – насмешливый голос Джека над ухом. – За фраера меня держал, сука?

Как сами собой расстегнулись и свалились вниз, спутав ноги, брюки, сползли трусы, и холод прижатого к животу лезвия.

– Лагерник тебе нужен? – ласково спросил Андрей. – По-

лучай лагерника.

Боли не было, был холод, медленно пересекающий живот от левого паха к правому подреберью.

– Пощади, – из последнего, безнадёжно цепляясь за зажимающую горло руку, прохрипел Джим. – Деньги... возьми все...

– За кровь друга запахло, – и поучающим тоном. – Что за предательство положено, забыл, охранюга? – и насмешливо копируя его собственные слова: – Ох, и повозился я с тобой. В расчёте, падла? Не слышу.

Животу уже горячо, по ногам течёт горячая жидкость. Кровь? Это его кровь?! Не хочу! Нет! Не-ет!

Чужая рука властно поднимает за подбородок, запрокидывает назад его голову.

– Привет из Хаархана!

И опять этот холод, уже на горле. Нее...

Булькнув, Джимми Найф захлебнулся собственной кровью.

Плавно, медленно, чтобы не набрызгать кровью, Андрей попятился, опуская сразу отяжелевшее тело на пол. Положил рядом с ним нож, отступил на шаг и оглядел руки. Нет, вроде нигде не запачкался. Проверим. Он быстро прошёл через спальню в ванную, оглядел себя в большом трёхстворчатом зеркале. Чист. Теперь... рвать когти. Но по-умному.

Погасив в ванной и спальне свет, он вернулся в гостиную. Уверенно, как давно продуманное, взял со стола две

больших пачки. Ту, что Найф называл «за Джонни», бросил плашмя на грудь лежавшего навзничь трупа, а вторую, которая «за Фредди», точным броском вогнал в уже разошедшийся и заполненный кровью разрез на животе. Третью, что «за тебя, дурака» сунул за пазуху. Нож трогать не стал. Найф много хвастал, что нож его приметный и его все знают, вот и оставим ему его примету. Ушёл на кухню. Где эти банки? Чёрный молотый перец, красный сладкий, красный жгучий... табака нет, жаль. Он высыпал содержимое всех трёх банок в большую фарфоровую тарелку, аккуратно потряс, перемешивая. Крышки завинтил и поставил банки на место, закрыл дверцы, вернулся в гостиную, щёлкнув по дороге выключателем. Всё засыпать – не хватит, конечно, но... вокруг на ковре, и за собой. Он, пятясь, пошёл к выходу, рассыпая перец. Сдёрнул с вешалки и натянул куртку-ветровку, замок на задвижке, так, а «собачку» сдвинем, чтоб сама захлопнулась. Чем позже найдут, тем лучше. И перед тем, как выключить свет, оглянулся. Удовлетворённо улыбнулся хищным оскалом, оглядев труп. Здоровско получилось! Кому надо – тот поймёт.

Андрей выключил свет и вышел, мягко без стука захлопнул за собой дверь. Глубоко вдохнул запахи влажной земли и ещё чего-то, пересёк крохотную веранду и стал спускаться с крыльца, по-прежнему рассыпая за собой перец. Дорожка через узкий газон к калитке. А дождь нехилый, смывает весь перец. Ну, так и запахи со следами заодно.

Закрыв за собой калитку, огляделся. Тихо, темно, ночь сейчас, ни одно окно нигде не светится, сейчас любой патруль его приметит. Ладно, уйти подальше от этого дома, а там... Колумбия... Наслышаны, как же, большой город, вторая столица, а это, значит, окраина, а то и пригород. Надо на вокзал, самое верное. И вроде вон там как зарево над домами, там, значит, фонарей больше, центр там, многолюдье. Ну, тогда туда. Записку прячем среди бумаг, бревно под ветками, а человека в толпе.

Он высыпал остатки перца перед калиткой и пошёл прямо по мостовой: у шин запах сильный, сам временами чувствовал, так если что, то перебьёт его ботинки. На углу у решётки водостока он задержался. Аккуратно разбив тарелку, сбросил все осколки в канализацию и пошёл уже свободно, чутко прислушиваясь к окружающему.

В двенадцать минут второго Чак подъехал к «Голубой звезде» – отелю с рестораном, слишком, пожалуй, большому для такого захолустья, как Коркитаун. На вывеске были заметны следы переделки: раньше гостиница называлась «Пурпурной звездой», и после капитуляции название высшего имперского ордена владельцы посчитали неуместным, но покрасили слабо. На всякий случай – усмехнулся Чак. Слышал он об этом... притоне-пристанище, но работать не доводилось ни разу. И одновременно он затормозил, и открылась дверь отеля, выпустив двоих. В два шага они пере-

секли тротуар, хлопнули дверцы «ферри», и Чак стронул машину. Всё вместе заняло несколько секунд, не больше.

– В Колумбию, Чак, – спокойно распорядился Джонатан и улыбнулся. – На квартиру.

– Слушаюсь, сэр, – невозмутимо ответил Чак. – В Колумбию, на квартиру.

Сегодня Джонатан и Фредди сели сзади. В зеркальце над ветровым стеклом Чак видел их спокойные усталые лица. «Есть ситуации, когда за рулём должен быть третий». Да, именно так и сказал тогда Джонатан, отвечая на его дерзкий вопрос.

Незаметно для себя Чак старался вести машину очень плавно, чтобы не потревожить сидевших за его спиной. Доверившихся ему.

Дождь то ослабевал и становился моросью, то снова припускал почти ливнем. И автовокзал, к радостному удивлению Андрея, был битком набит ожидавшими своих рейсов промокшими, как и он, людьми. Так что внимания на него никто не обращал: у всех своих забот полно.

В уборной Андрей закрылся в кабинке и первым делом снял с пачки денег банковскую ленту, прочитал – на всякий случай – всё написанное на ней, изорвал, как можно мельче, и бросил в унитаз и спустил воду. Сто сотенных, а в тех пачках были тысячные. Тысячную разменивать – запомнят, он ещё и потому бросил те там, а себе взял эту, так сказать

– он ухмыльнулся – «заработанную». Одну сотенную сунул в карман, остальные завернул в туалетную бумагу и засунул опять под рубашку. Осмотрел унитаза, проверяя, не прилипли где обрывочки, и спустил воду вторично. Ну, вот с этим – всё, остальное потом.

Он вышел из кабинки, вымыл руки. Хорошие какие перчатки, прозрачные, совсем незаметные, и отпечатков не оставляют. Где только эта сволочь раздобыла такие? Жаль, теперь не узнаешь, а то бы прихватил тройку-парочку про запас. Но сейчас и от них надо избавиться. Так что осмотримся, обнюхаем, что можно, и продолжим.

Одежду ему дал Найф, и Андрей быстро убедился, что никак и ничем в толпе не выделяется. Правда, куртка-ветровка тонкая и промокла насквозь, пока он блуждал по улицам, но это не самое страшное. Не сахарный – не растает.

Потолкавшись у одного из передвижных лотков, купил себе хот-дог и картонный стаканчик кофе, благополучно заменяя сотенную. И уже – сытым не назовешь, но по телу пошло тепло от съеденного – пошёл смотреть карту маршрутов и расписание.

В Кингслей ни одного маршрута не было. Прямого. Но если с пересадкой в Диртауне, оттуда до соседнего местечка Бредфорда, а там что... на попутке? Рискованно. Э, нет, вот ещё через, да, три без малого часа рейс, кружной с остановками и можно будет сойти по требованию, а там напрямик. И здесь не светиться, а спать и в автобусе можно.

Он пробрался к кассе, купил билет, потолкался ещё, купил в одном лотке сигарет, а в другом зажигалку. Как ни тянуло в зал для цветных, Андрей держался: нельзя, здесь его не знают и это даже не засветиться будет, а нарваться. Он же сейчас без документов, «беспаспортный» по-русски, а это – лакомая добыча для любого патруля, хоть полицейского, хоть комендантского. А ему надо добраться до Элли, забрать у неё удостоверение и рассчитаться, а там... там прямым ходом до ближайшей комендатуры. Всё, с этим решено, цели определены, как говорится, задачи поставлены. Теперь перчатки.

Он снова пошёл в уборную, в кабинке стянул перчатки, разорвал их. В унитаз? Забьёт, начнут прочищать и найдут. Значит, в комок и в карман, и... тоже в водосток? Неохота опять под дождь, только-только куртка подсыхать стала. Ладно, найдём по дороге удобное местечко.

Мучительно хотелось купить газету, но пришлось опять же сдержаться: с газетами только пожилые, а выделяться нельзя. Ладно, так походим...

...Когда объявили его рейс, Андрей уже можно сказать высох, выкурил две сигареты, выпил ещё кофе с гамбургером и сока с пирожным и был вполне доволен жизнью. Даже если его сейчас и заметут, он, по крайней мере, сыт.

Не слишком довольный временем и погодой немолодой шофёр принял у него билет, и Андрей прошёл в середину автобуса, сел к окну. Попутчиков немного – рейс не слиш-

ком удобный. Ну и к чёрту всё. Нестерпимо хотелось спать. Но он дождался, пока шофёр займёт своё место, закроет дверь и стронет машину. И только когда за забрызганным дождём, как слезами, небрежно вымытым окном побежала назад предрассветная улица, Андрей откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, мгновенно провалившись в черноту настороженного опасливого сна.

На выезде из Колумбии ярко-красный рейсовый автобус разминулся с тёмно-синей «ферри». Ни шофёры, ни пассажиры в обеих машинах не заметили этого.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

На масленицу выходных не дали, и гулял, в основном, Старый город, где заводчан было немного. Но суббота и воскресенье – это ж... широкая масленица, все удовольствия. Это надо отпраздновать. И погода как на заказ – солнце и мороз несильный, и безветрие. Ну, гульнём, так гульнём!

Блины Женя отложила на выходные. В будни-то некогда.

– Эркин, я сегодня блины делать буду.

– Мм, – Эркин, обжигаясь, торопливо, как всегда по утрам, пил чай.

– Так ты, когда с работы пойдёшь, купи сметаны, рыбы там хорошей.

– Ага, обязательно.

Эркин снизу вверх посмотрел на Женю.

– Женя, в субботу я в Старый город пойду.

– На кулачный бой? – лукаво улыбнулась Женя.

– Женя! – изумился Эркин. – Ты знаешь?!

– Загорье – маленький город, – смеялась Женя. – Здесь все всё всегда знают. Иди, конечно.

– Ага! – Эркин вскочил на ноги. – Я побежал, Женя, да?

Привычный вихрь утренних сборов, прощальный поцелуй в прихожей, и он уже бежит по коридору и вниз по лестнице.

А в воскресенье открытие Культурного Центра и приглашают всех-всех-всех. И они пойдут всей семьёй. Хорошо, когда праздники.

В бытовке, как всегда по пятницам, шумно и весело.

– Гульнём, братва!

– Кому что...

– Шелудивый о бане, а Ряха о выпивке.

– А что?! Я, братцы, любого перепью. Спорим? – Ряха задиристо озирается по сторонам. – Ну, с кем?

– Халявщик ты, Ряха, – хмыкает Геныч.

– Всё, мужики, – Медведев стоит в дверях бытовки. – Ай-да.

И все с шумом и гомоном валят следом во двор.

Работа привычна и потому несложна. Контейнеры, коробки, ящики, мешки – не всё ли равно, он со всем справится. Бегает, тащит, толкает, перекликается с остальными и думает о своём.

Завтра, как говорят, кулачки, кулачный бой. Уже не в «стенке», а один на один, но без борьбы, объясняли ему, чистые кулаки. Что ж, если не против Тима, то он любого вырубит. А с Тимом... там и повозиться придётся. И ещё неизвестно, как обернётся. И ещё есть... эти, со второго рабочего двора, да нет, этих он запросто вырубит, трепыхнуться не успеют...

...Он шёл из столовой.

– Хей! – гортанный возглас за спиной заставил его обернуться.

Трое индейцев в рабочей, как и у него, робе грузчиков настороженно, но без особой неприязни осматривали его. Ну, что ж, поговорим. Он ответил столь же внимательным взглядом и решительно подошёл. На последовавшую непонятную фразу ответил сдержанно:

– Не понимаю. Говори по-русски или по-английски.

– По-английски? – переспросил стоящий в центре. – С той стороны?

– Да.

– Давно племя потерял?

– Мои проблемы, – не будет он им объяснять про питомник и прочее.

– А мы вот месяц как уехали. Ты давно здесь?

– Третий месяц скоро.

– И как?

– Мне хорошо!

Из троих говорил только один, остальные, похоже, русский знали плохо. Задираться никто из них не хотел, расспрашивали вполне дружелюбно. И он улыбнулся уже помягче.

– Ты один? Перебирайся к нам.

– Ну, в бригаду, – разжал губы самый молодой. – И живём мы вместе, – и старательно по слогам: – В ск-лад-чи-ну.

Он покачал головой.

– У меня семья. И в бригаде всё нормально.

– Если будут... – следующее слово непонятно, но догадаться несложно, – прибивайся к нам.

– Одному совсем плохо, – улыбнулся молодой.

Третий, всё время молчавший, кивнул. И он кивнул и улыбнулся в ответ...

...И, хотя расстались вполне дружелюбно, но что-то царапало, не давало Эркину отнестись к ним, как к своим, но и забыть тоже не получалось. Был разговор дня три назад, при встречах теперь обменивались кивками, но... чужаки они ему. Как говорят? От добра добра не ищут? Да, так. Ему в

бригаде хорошо. И вообще хорошо. И ничего менять он не собирается.

– Мороз, на кулачки придёшь?

– Приду. А там как, по жребию?

– По вызову! – хохочет Серёня. – Ох, я в прошлом году вмазал!..

– Тебе вмазали, – поправляет его Антип. – А так-то всё верно.

– Ври, да не завирайся, – кивает Геныч. – Старшой, шабашим?

– Кто на контейнерах, валите, а это докидать надо.

Эркин кивает и переходит в пару к Кольке. Тот радостно ухмыляется.

– Во! Ща мы мигом!

А когда они уже идут к бытовке, Колька негромко спрашивает:

– После кулачков ко мне?

– А то! – улыбается в ответ Эркин.

– И своих бери, придут они на кулачки смотреть.

Колька не спрашивает, но Эркин неуверенно пожимает плечами, входя в бытовку.

– Не знаю. Я не говорил, чтобы пришли.

– Чего ж так? – вмешался в их разговор Тихон. – Бабы всегда, хоть издаля, но посмотрят.

– А уж визжат-то! – засмеялся Петря.

– Это ж не драка, а гуляние, – объяснил Саныч. – Мили-

ция и то...

– Ага, ага, – в один голос заржали Петря и Серёня. – Третьего года помню, было. Ага, участковый наш... переделся и в круг вышел... Ага, а раз без погон, то и накостиляли ему... Теперь только смотрит... Ага, как это, ну, когда без формы?

– В цивильном, – хмыкнул Геныч. – Я тоже помню, как вы, храбрецы, с берёзы свистели.

Теперь ржали все. Эркин задумчиво кивнул. Ну, если так положено, то и он не против. Но в гости идти, это надо будет купить...

– А в воскресенье чего? – разговор уже ушёл в сторону.

– Этот, Культурный Центр открывают?

– Ага, в полдень.

– А крепость когда?

– Сходим, посмотрим, и в крепость.

– Ошалел? Завтра крепость.

– А кулаки?

– Там же, на пруду. А в воскресенье масленицу жечь будем.

– Они ж хотели первого открыться.

– На воскресенье перенесли, чтоб в праздник.

– Да уж, в понедельник не поспраждуешь.

– Понедельник – день тяжёлый.

И все дружно хохочут.

– А уж для Ряхи-то...

Петря от хохота складывается пополам и садится на пол.

– Не, братцы, – не сдаётся Ряха, – кому туда надо, так вождю, культура, братцы, она...

– Тебе всё не впрок, – осаживает его Саныч.

Эркин с наслаждением, не обращая внимания на Ряху, растёрся насухо полотенцем и стал одеваться. Креповую рубашку и полотенце в сумку, портянки перемотать под бурки, робу в шкафчик, а на следующую зиму он себе тоже другую ушанку купит, а эта только для работы будет, как и роба.

– Завтра в полдень?

– Можно и пораньше.

– До завтрава, мужики.

– Ох и гульнём!

– Серёня, зубы береги!

– А то Машутка любить не будет.

Коридоры заполнены идущими со смены весёлыми, перекликающимися и договаривающимися на завтра людьми. И Эркин идёт в этой толпе как все. Он один из них, из многих. Не притворяется, не подлаживается, но он со всеми. Те трое, вроде и ничего парни, но... но не нужны ему. Они сами по себе, и он сам по себе.

Жмурясь от яркого, уже вроде и не зимнего солнца, Эркин шёл по центральной улице. Рыбу он купил, трёх сортов, и маленькую баночку, смешное название – икра, интересно, какова на вкус. Джонатан тогда говорил, что из русской кухни знает только водку и икру. Ну и попробуем. А сметану он

у Мани с Нюрой купит. И...

Впереди показалась знакомая фигура в чёрном полушубке. Эркин улыбнулся и негромко свистнул по-питомничьи.

Тим вздрогнул и обернулся.

– А, ты! Привет.

– Привет. Домой?

Тим кивнул и показал глазами на плотно набитую сумку в руках Эркина.

– Купил кое-чего к блинам, – ответил на непрозвучавший вопрос Эркин.

– У нас тоже блины, – с секундной заминкой сказал Тим и перевёл разговор. – Идёшь завтра в Старый город?

– На кулаки? Иду. А ты?

– Я тоже. Если в пару попадём, – Тим усмехнулся, но продолжил серьёзно: – не заведёшься?

– Удержусь, – так же серьёзно ответил Эркин. – А с крепостью я что-то не очень понял.

– Я тоже, – кивнул Тим. – Ну, там разберёмся. Да, а Культурный Центр что обещает?

– На воскресенье или потом?

– Про воскресенье я слышал.

– Школа для взрослых, библиотека, концерты, кино будут показывать. А потом ещё всякое, когда достроятся.

– Угу, – Тим явно обдумывал что-то своё. – Ну, ладно, посмотрим.

Но Эркин всё-таки спросил:

– Пойдёшь в школу? – и, чтобы Тим не подумал чего, улыбнулся. – Я пойду.

– Ты же вроде того, читаешь по-русски? – чуть подчёркнуто удивился Тим.

Эркин быстро искоса посмотрел на него, отвёл глаза, прищурив их ресницами, и ответил:

– Я хочу школу кончить, – и повторил вычитанное в газете: – Иметь законченное среднее образование.

– Ишь ты какие слова знаешь, – насмешливо хмыкнул Тим и повторил: – Посмотрим.

За разговором они уже подходили к «Беженскому Кораблю». Особого мороза нет, и дети – у кого с одеждой получше, и присмотреть есть кому – гуляли на улице. Визг, детский гомон, смех...

– Папка-а-а-а!

К Тиму со всех ног бежал Дим, волоча за собой быстро перебирающую тоненькими ножками Катю.

– Здравствуй! – бросил он, не оборачиваясь, Эркину, с ходу ткнувшись в ноги Тима. – Пап, а мамка в магазине, а нам гулять сказала, пап, а ты принёс чего?

Эркин попросился кивком и пошёл к себе. Алиска-то дома одна сидит.

И, уже открывая дверь, вспомнил, что забыл купить сметану. А, так вот они сейчас и сходят за ней.

– Э-эрик! – встретил его ликующий вопль Алисы. – Ты пришёл!

– Пришёл, – не стал спорить с очевидным Эркин. – Алиса, хочешь со мной за сметаной?

– Ага!

– Тогда одевайся. Я пока выложу всё.

Он быстро скинул полушубок и ушанку и, не разуваясь, прошёл на кухню. Покупки на стол. А грязное рабочее в ванную, в ящик...

Алиса, сопя, воевала с непослушными рейтузами. Эркин помог ей одеться, оделся сам, и они пошли за сметаной.

– А санки? Эрик, мы санки не взяли, – сказала Алиса, спускаясь по лестнице.

– А зачем санки? – удивился Эркин. – Мы же не на рынок.

– Ну да, – согласилась Алиса. – И не гулять идём, а по делу.

– Ну да, – кивнул Эркин.

Алиса ненадолго задумалась и на улице решительно сказала:

– Я с тобой.

– Как хочешь, – довольно улыбнулся Эркин.

Ему и в самом деле нравилось ходить с Алисой. Приятно было чувствовать в своей ладони её ручку, отвечать на её вопросы... и знать, что никто не осудит, не посмотрит косо, что это не опасно ни ему, ни Алисе.

В магазине им обрадовались.

– За сметаной никак? – улыбаясь, Нюра ловко подвинула бидон.

– А что за блины без сметаны? – подхватила Маня. – А банку не забыла, хозяйюшка?

– Не-а. Вот.

Алиса взяла у Эркина банку и поставила её на прилавок, привстав для этого на цыпочки.

– Ай да умница, – восхитилась Маня.

Эркин уже хорошо догадывался о цели этого восторга, но не устоял и купил ещё и икры. Маня называла её паюсной и говорила, что к блинам ничего лучшего и не бывает. Что икра бывает разных цветов и одна дороже другой, Эркин знал и раньше по Паласным угощениям, но никогда не пробовал – икру беляшки всегда всю сами сжирали – а вот такой никогда не видел.

С покупками пошли домой. Эркин нёс банку со сметаной, а Алиса баночку с икрой. Здоровались со встречными, поздравляя с Масленицей и принимая поздравления. И только вошли в квартиру, только положили покупки и стали раздеваться, как пришла Женя.

– А нас сегодня раньше отпустили, – Женя, подставив Эркину щёку, отдала ему сумки, чмокнула Алису в щёчку и стала раздеваться. – Я даже по магазинам пробежалась.

Обычная вечерняя – за окном уже наливающиеся синевой сумерки – суета сегодня дополнялась блинами. Оказалось, что это очень интересно, а особенно Алисе понравилась процедура переворота блина в воздухе, а потом выяснилось, что и необыкновенно вкусно.

Эркин передал Жене приглашение Кольки.

– Конечно, пойдём. Я думаю, сделаем так, Алиса, не вози по тарелке, мы пойдём пораньше сразу к ним. Ты с Колей пойдёшь на бой, а мы... мы что-нибудь придумаем.

Эркин вопросительно посмотрел на неё, но Женя уже занималась Алисой, и он понял, что сейчас продолжать не стоит. Но... но почему?

И заговорил об этом, когда Алиса уже давно спала, на завтра всё приготовлено, а они были в спальне. Он лежал на кровати, а Женя расчёсывала на ночь волосы.

– Женя, – тихо позвал Эркин.

– Да, милый, – откликнулась она, не оборачиваясь.

– Ты не хочешь идти. Почему?

– Куда? К Коле?

– Нет, на кулаки.

Женя положила щётку на подзеркальник, тряхнула головой, рассыпав волосы по спине и плечам, и стала заплетать косы. Эркин молча ждал. Женя помотала головой, проверяя плотность кос, подошла к кровати, откинула на своей стороне одеяло и легла, потянулась погасить лампу и уже в темноте наконец ответила:

– Я боюсь, Эркин.

– Боишься? – он порывисто приподнялся на локте. – Чего, Женя? Да я...

– Я за тебя боюсь.

– За меня?! Что ты, Женя, да я их всех пораскидаю. Ве-

ришь?

Женя тихонько засмеялась и погладила его по плечу.

– Конечно, верю. Но... но, а вдруг... вдруг кто ударит тебя?

– Женя, это... – он запнулся, подбирая слова, и повторил услышанное сегодня в бытовке: – Это же не драка, а гуляние.

Женя снова засмеялась и, мягко притянув к себе, поцеловала в щёку.

– Посмотрим, милый, давай спать.

– Давай, – согласился Эркин, вытягиваясь рядом и обнимая Женю за плечи.

На улице солнечно,людно и весело. Казалось, весь город вышел на прогулку. Масленица! Это ж не чего-нибудь, а... а ну чего объяснять, каждый сам понимает. И в Старом городе шум, веселая беготня... Эркин уверенно вёл Женю и Алису, здороваясь и обмениваясь поздравлениями со встречными. Оказывается, многие его помнили по святочной «стенке» и теперь желали победы.

В Колькин двор они вошли именно в тот момент, когда тот в одной рубашке выскочил за чем-то на крыльцо.

– О! Здорово, Мороз! – радостно заорал он и тут же поперхнулся, увидев Женю и Алису. – Ух ты-и! – и прокашлялся. – Вот это здорово, заходите, милости просим.

И, пока они раздевались в сенях и Эркин помогал Жене и Алисе, как-то шмыгнул мимо них в кухню, и Эркин успел

услышать:

– Мама Фира, гости пришли.

Эркин поглядел на Женю, и она с улыбкой кивнула, показывая, что услышала и поняла. Так что они помедлили в сенях, дав хозяевам время навести самый необходимый порядок.

Когда они вошли и поздоровались, Эсфирь обрадовалась им, но извинилась, что не прибрано, Женя сказала, что это пустяки, Колобок, цепляясь за юбку матери, исподлобья смотрел на Алису. Из горницы вышел Колька и, глядя на Эсфирь, еле заметно кивнул. Эркин заметил и спросил:

– Семён спит?

– Нет, проснулся давно, – улыбнулся Колька. И Жене: – Идёмте, познакомлю вас.

Семён в свежей рубашке уже ждал. Он поздоровался за руку с Женей, потрепал по голове Алису и нарочито громким шёпотом сказал Эркину:

– Ну, Мороз, ты и хват! Такую красавицу умыкнул.

Женя рассмеялась вместе со всеми. Немного поговорили о всяких пустяках и погоде. Колобок притащил кошку, зажав ту поперёк живота, и Алиса занялась ею. А Женя очень просто сказала, что пусть Коля и Эркин идут, а они с детьми подойдут потом. Эсфирь горячо согласилась, и Колька кивнул:

– Пошли, Мороз. Пока заведёмся да разогреемся, они как раз подспеют. А то чего им лишнего на холоде.

И Эркин не стал спорить. Может, и впрямь так лучше бу-

дет.

Они оделись и пошли.

Как и на святках на пруду было много народу. А на дальнем конце пруда, где берег был заметно круче, возвышалась сложенная из снега...

– Крепость это, – объяснил Колька, заметив удивлённых взгляд Эркина. И засмеялся: – Штурмом брать будем.

Они подошли к одной из групп мужчин. Эркин узнал светлоусого вожака «стенки», Рябыча, Леонтия, стоявшего против него на «стенке», и улыбнулся, подходя.

Внизу, на пруду ещё бестолково сшибались мальчишки, но уже колготились на склонах, залихватски сплёвывая и ругаясь, парни. Эркин заметил среди полушубков рабскую куртку. Да... да это тот самый малец, джи. Значит, прижился. Вот и молодец!

Продолжая степенные разговоры о том, какую весну и лето обещают приметы и как на хозяйстве и урожае скажется, мужчины изредка посматривали на пруд, отпуская краткие и очень точные замечания и характеристики драчунам.

– Смотри-ка, ловок, – обмолвился кто-то, когда смуглый парнишка в тускло-чёрной куртке метким ударом вышиб очередного противника.

– Это Новик-то?

– Чей пацан?

– Да старика, у Ключинихи квартирует.

– Из беженцев, значит?

– Ну да.

– Смотри-ка, увернулся.

– На встречный поймал. Ловок.

– Да, не ломит дуром.

– В силу войдёт, крепкий боец будет.

Эркин невольно кивнул. Да, от ударов уходит хорошо и сам бьёт неплохо, разумно. Но это пока противника серьёзного нет. А мужчины уже тоже спускаются, сплёвывая и растирая подошвами бурок окурки. Парни расступаются, образуя круг. Так, мальцу пора уходить. Эркин сумел перехватить его взгляд и кивком показал – отваливай. Понял, подобрал сброшенную в горячке боя облезлую ушанку и вышел из круга. Кто-то из мужчин с одобрительной насмешкой крепко хлопнул парнишку по плечу. Смотри-ка, покачнулся, но устоял.

В круг вошёл кряжистый рыжеусый мужчина в ярко-рыжей ушанке из лисьего меха.

– Ну, мужики, – он хохотнул, оглядывая круг, – кто рисковый?

И в круг шагнул Леонтий.

Эркин, стоя со всеми, в полурасстегнутом, чтоб в случае чего быстро сбросить, полушубке, внимательно следил, как один за другим выходили мужчины против рыжеусого и вылетали, выбитые его ударами. А бьёт... сильно, но одинаково, нет, можно выбить, выбьет...

– Ну чё, мужики, неужто бойцы повывелись? – смеётся

Рыжеусый.

Эркин уже дёрнулся было вперёд, но на его плечо легла широкая ладонь Рябыча и слегла отодвинула.

– Успеешь, молодой, – Рябыч вышел в круг. – Давай, что ли, Мефодий, давно мы не бились.

– Давай, – кивнул Рыжеусый.

Эркин уже заметил, что от ударов почти не уклоняются, главное – самому ударить сильнее, выбить противника. А это кто, чуть выше по склону встали? Никак те трое с завода. Ты смотри, как вырядились.

Эркин следил уже не столько за боем – здесь всё ему ясно, а за ними. Кожаные куртки, нет, рубашки, обшитые по рукавам бахромой, на груди нашиты кусочки меха и бусины, и штаны с бахромой, надо же, без шапок, и как у тех в резервации ремешки поперёк лба, и перья воткнуты. Ну... ну, чудачки – пришло ему на ум недавно усвоенное слово. Уж если решили из племени уйти, то на хрена такое, ходили бы, как все, а то выпендриваются.

Выбив рыжеусого, Рябыч ещё немного постоял в кругу и вышел сам со словами:

– Пускай молодые ещё порезвятся.

А в круг одновременно шагнули двое. Эркин их не знал и, когда один из них вылетел, дёрнулся было войти, но его опередил Колька.

Колька бился совсем по-другому, с хитрыми вывертами и не выкинул противника сразу, а поиграл с ним, заставляя

промахиваться, под радостный гогот толпы.

Биться против Кольки Эркину не хотелось, и он подождал, пока Колька тоже, как Рябыч, выбив ещё двоих, выйдет сам.

– Здорово ты! – сказал он раскрасневшемуся взлохмаченному Кольке.

– А! – польщённо откликнулся тот. – Не велика мудрость.

Эркин задумчиво кивнул. И тут в круг вышел старший из индейцев, сбросив на снег свою куртку и оставшись полуголым. Уклонился от кулака выскочившего из толпы белобрысого парня, обхватил того поперёк туловища, приподнял и бросил, прочно впечатав спиной в утопанный снег, и колено к горлу... Круг взволнованно загудел: по правилам или не по правилам. Отпустив поверженного, индеец улыбнулся с насмешливым презрением, и Эркин решительно шагнул вперёд, одним движением откинув назад полушубок и ушанку.

Их схватка оказалась слишком быстрой для зрителей. Выкинув индейца из круга так, что тот в падении сбил с ног ещё двоих и проехался голой спиной по снегу, Эркин кивнул двум другим индейцам.

– Оба идите! Ну?!

Они бросились на него с двух сторон и тут же отлетели, отброшенные сильными точными ударами.

– Ага-а! – злорадно взревел кто-то.

Эркину показалось, что это кто-то из бригады, но думать некогда: на него уже шёл кряжистый, чуть не шире себя са-

мого русобородый мужик.

Эркин слегка отклонился, ровно настолько, чтобы дать его кулаку коснуться своего плеча, чтоб не подумали, что он удара боится, и сам ударил его в грудь против сердца, и тут же вдогон уже только костяшками в основании шеи. Грузное тело тяжело рухнуло на снег.

– Ух ты-и-и!

– Ну, силён парень!

– Ты смотри, как он!

– Под Кувалдой устоять, это ж...

– Мешок с дерьмом, Кувалда твоя, силы много, а ума...

Под этот гомон Кувалда продышался, но встать не смог и на четвереньках выполз из круга. Эркин, стоя в центре, выглядывал следующего противника. Вышел... Сеньчин?! Бригадир со второго рабочего! В распахнутом ворота рубашки виднелась такая же полосатая, как у Кольки, фуфайка.

– Во!

– Ну, шас индея вырубят.

– В десантах учат!

Что такое десант и чему там учат, Эркин не знал, но насторожился. А тут ещё краем глаза поймал встревоженное лицо Тима и услышал щелчок языком – усвоенный каждым рабом ещё в питомнике сигнал тревоги.

Он выжидал, давая противнику право первого удара. Чтоб раскрылся, показал себя. Но тот тоже медлил. Они стояли друг против друга в настороженно замолчавшем кругу и мед-

лили. Каждый хотел, чтобы первым пошёл другой. Сеньчин расставил ноги и как бы слегка присел, пружиня полусогнутыми коленями, руки тоже полусогнуты и чуть разведены в стороны, не то краб в боевой стойке, не то... Крабов Эркин никогда не видел и стоял внешне спокойно, и только плечи приготовлены дать руке большую силу, и ноги тоже поставлены для удара. Тим, выдавший в такой стойке спальников, еле заметно улыбнулся. И так же улыбнулся, предвкушая позор беляка, бронзовокожий парнишка в рабской куртке и с выбившейся из-под старой ушанки чёрной кудрявой прядью.

С коротким резким выдохом Сеньчин прыгнул наконец на Эркина и... и он бы врезался в обступивших круг, если бы Эркин не поймал его сзади за пояс, посадив на снег.

Смех грохнул с силой ружейного залпа. Растерянно моргавший Сеньчин, густо покраснев, вскочил на ноги и снова, уже без подготовки, кинулся на Эркина. На этот раз Эркин, уклонившись, ударил. Не в полную силу, не вырубить, а отбросить.

Когда Женя с Алисой и Эсфирь с Колобком подошли к пруду, там уже толпилось много женщин. Ахали, охали, переживали за своих, покрикивали на мальчишек, чтоб не лезли к взрослым: мужики-то вона как раззадорились, зашибут, не глядя. Женю встретили приветливо, тут же оказались знакомые по празднику у Медведева.

– Смотри-ка, против своего встал, – удивлялись, когда Эр-

кин вышел против индейца.

А когда он выбил Кувалду, восхитились:

– Ну, смотри, как ловок.

– Да уж.

Алиса нетерпеливо дёргала Женю за руку, просясь вниз, Женя с трудом удерживала её.

Бой Эркина с Сеньчиным сначала здесь тоже вызвал смех, но после второго падения Сеньчина высокая худая старуха в чёрном платке покачала головой.

– Завёлся Митька.

– Да уж, характерный он, – поддержали её.

– Напролом пойдёт.

– А положит его индей, так мстить будет.

– А то! У них вся семья такая.

– Да уж, род известный.

Старуха зорко посмотрела на Женю.

– Не бойсь, молодка. Мишка за своего вступится.

И опять с ней согласились.

– Медведев бережливый, не потерпит урона.

И Эсфирь тихо сказала Жене.

– Не бойся. Если что всерьёз, остальные разведут.

Женя только вздохнула в ответ.

После второго падения Сеньчин разозлился всерьёз. Эркин еле успел увернуться от летящего ему в горло каблук армейского ботинка и ударил тоже ногами. По правилам

нельзя, так не он первым нарушать начал. Как ударили, так и ответил. И, чтоб не вывихнуть ногу, тоже упал.

– Ничья! – сразу крикнули из круга.

– Ничья, расходитесь... Митька, не заводись... Осади, Мороз, ничья... Хватит, мужики, ничья... Стоп, машина... Разводим...

Встав, Эркин быстро оглядел круг, встретился глазами с Колькой, Рябычем... и вышел из круга. Что ж, всех здешних правил он не знает, да и Сеньчин – бригадир всё-таки, тоже... начальство, слишком его позорить не стоит. Помедлив, вышел из круга и Сеньчин. Ему сейчас спорить нельзя, приговорят по-другому, Мороз-то его дважды уже положил, так что...

– Ладно, – Сеньчин натужно улыбнулся. – Ещё не вечер.

– Ага, – кивнул, надевая полушубок, Эркин.

Колька хлопнул его по плечу.

– Здоровско бьёшься. Я таких приёмов не знаю. Там учились?

– Угу, – вспоминать прошлое Эркину сейчас никак не хотелось, и он перевёл разговор. – А он что, тоже моряк? Смотрю, полоски...

– Не, – понял его Колька. – Он в десанте служил, они тоже тельники носят. Смотри-ка, силён мужик.

В круге стоял Тим. Бился он расчётливо, явно не в полную силу и без злости. Его сдержанность была замечена, понята и одобрена.

– Держит себя мужик.

– Да уж.

– А видно, в раж войдёт, пришибёт на месте.

– Меру знать – великое дело.

Чётко выбив троих, Тим вышел из круга. И это тоже одобрили. Круг стал рассыпаться, пошли уже разговоры о другом, кулачный бой завершился. Снова завертелись под ногами мальчишки, спускались с берега женщины, говоря, что сегодня-то совсем хорошо, без крови обошлось, честно бились, и вровень, не пёрли дуrom на слабого.

– Э-эри-и-ик! – Алиса наконец вывернулась из рук Жени и побежала к Эркину.

Эсфирь, по-прежнему державшая на руках закутанного Колобка, кивком поблагодарила помогавшую ей спуститься Женю и тихо спросила:

– Не зовёт папой?

Женя вздохнула и попыталась не то, что объяснить, она и сама не задумывалась над тем, как это получилось, но надо же что-то сказать.

– Мы там скрывали, что... семья. Она и привыкла.

– Ну, понятно, – кивнула Эсфирь.

Подходя к Эркину, уже державшему Алису на руках, Женя улыбнулась его вопрошающему взгляду, и Эркин сразу улыбнулся в ответ.

Общий шум, разговоры, смех, и звонкие мальчишеские вопли, и свист.

– Пацаны, айда в крепость!

Видимо, кто где и, кто с кем, было обговорено заранее, как и заготовлены снежки.

Мужчины в этом бою не участвовали, стоя на льду и подзадоривая подростков и парней, кто помоложе и неужёнее. Эркин, разумеется, тоже остался на льду. Сидя на его плече, Алиса упоённо визжала, болея сразу за всех.

Глядя на них, Тим даже пожалел, что не взял Дима с собой. Да, его же все дома, ждут его. И распрощавшись со знакомыми, Тим ушёл.

Колька тоже взял Колобка на руки.

– Во, юнга, смотри. Подрастёшь, тоже на штурм ходить будешь. А то и на абордаж.

Лёгкую горечь последней фразы в его голосе, никто не заметил. Наверное, потому, что не поняли.

К тому же вмешалась Алиса.

– А я? – сразу повернулась она к нему.

– Не девчоночье это дело, – засмеялся Колька.

Алиса хотела было обидеться, но зрелище уж слишком интересное, не до обид тут.

Смеялась и даже как-то взвизгивала Женя, держась за руку Эркина.

Снежки летели так густо и часто, что попадало и по зрителям. Правда, веселья от этого только прибавлялось. И наконец под оглушающий визг и крик, крепость была взята штурмом.

Они шли к дому хохоча и дурачась. Женя и Эсфирь ахали и говорили, как они переживали за них. А Колька и, глядя на него, Эркин шутливо пыжились и храбрились.

А потом, уже дома у Кольки, ели блины со сметаной, с рыбой, с вареньем, с икрой. Увидев икру, Колька раскрыл было рот, но только восхищённо покачал головой.

После блинов посидели в горнице, и Эркин играл на гитаре и пел. И все пели. И Колька учил Эркина песне про море и чаек, что плачут над волнами. И Эсфирь слушала их, покачивая в такт головой, а в её глазах стояли слёзы...

Когда они уже в сумерках шли домой и Эркин опять нёс Алису, Женя сказала:

– Какие хорошие люди, правда, Эркин?

– Да, – кивнул он, очень довольный тем, что Колька и его семья понравились Жене. – Колька – хороший парень. И... и всё хорошо, правда, Женя?

– Правда. Конечно, всё хорошо.

Под ногами мягко поскрипывал снег, светились в домах окна, и загорались уличные фонари. Голоса, чьё-то далёкое пение, лай собак в Старом городе. И такое спокойствие во всём...

Возле самого дома Алиса проснулась, и Эркин спустил её с рук. Теперь они с Женей шли рядом, а Алиса вприпрыжку бежала впереди. «Беженский Корабль» сиял всеми огнями, звенел песнями и музыкой. Широкая масленица, гулять – так

гулять, последнюю копейку ребром и чтоб память осталась. И Эркин с наслаждением вбирал в себя эти огни, и музыку, и пение. Он никогда не думал, что праздники могут быть такими.

И, когда они уже вошли в свою квартиру, он сказал Жене.

– Женя, я никогда не думал, что праздник – это так хорошо.

Женя рассмеялась и поцеловала его в щёку.

– А мне и будни нравятся.

– Конечно, – сразу радостно согласился Эркин.

Женя только вздохнула. Ну, ну что с ним делать, если всегда со всем согласен, что бы она ни сказала. Она потому и промолчала, что умирала со страху за него, когда он бился в кругу. Но скажи она это, ведь он сразу расстроится и лишит себя этого. А она видела, как он радовался каждой победе, что сильнее всех. Ну, её страхи – это всё пустяки. Главное... главное – что всё хорошо, всё так, как она и мечтала. А с понедельника уже весна, да, в понедельник – первое марта, с ума сойти, как время бежит. Вроде только вчера они приехали и стояли посреди пустой квартиры с ободранными стенами в лохмотьях обоев и с полусорванными дверями, а теперь... а когда ещё большую комнату сделают, то будет просто великолепно.

Вечер катился своим чередом: ужинали, играли, читали вслух...

– Пора спать, зайчик, – встала из-за стола Женя.

Алиса, сидя на коленях у Эркина, рассматривала вместе с ним картинки в книге сказок Андерсена.

– Алиса, слышишь? – чуть строже повторила Женя.

– Ага-а, – вздохнула Алиса.

Рассчитывать на заступничество Эрика не приходится: он с мамой всегда заодно. Алиса закрыла книгу, но с колен Эркина не слезала, сидела, прислонясь к его груди, будто спала. Женя засмеялась.

– Ах ты, притвора. Давай, Алиска, не тяни время.

Алиса нехотя слезла и отправилась в ванную. Эркин остался за столом, перелистывая страницы. Книга на английском, и текст он даже не разглядывал, смотрел только картинки. И сидел так, пока Женя не уложила Алису, и уже тогда пошёл к ней, чтобы выполнить вечерний ритуал.

– Э-эрик, – удовлетворённо вздохнула, засыпая, Алиса. – Спокойной ночи, Эрик.

– Спокойной ночи.

Эркин выпрямился и постоял над спящей Алисой, осторожно поправил зачем-то угол одеяла. Оглядел комнату. Весёлые, усыпанные цветами и бабочками шторы, стол с куклами, кукольной мебелью и посудой, стол для рисования и чтения, шкаф для одежды и шкаф для книжек... Нет, конечно, это правильно, что у Алисы всё это есть, так и должно быть, но... но у него ничего такого, даже похожего не было, Женя рассказывает Алисе о своём детстве, как была маленькой, и Андрей вспоминал, и... и Джонатан, даже Фредди, и в

лагере он слышал, и здесь, а ему что вспоминать? Даже не то, помнись-то он помнит, да не расскажешь об этом никому, ни в шутку, ни всерьёз. Даже Жене, нет, Жене-то в первую очередь нельзя об этом слышать.

Эркин тряхнул головой и вышел из комнаты Алисы, выключив по дороге свет.

Женя ждала его на кухне, в чашки уже налит чай, варенье в блюдечках-розетках. И он улыбнулся ей, улыбкой предупреждая вопросы.

– Всё хорошо, Женя.

И Женя приняла это, хотя видела, что он чем-то... не то недоволен, не то встревожен. Но он ведь такой: если решил промолчать, то спрашивать уже бесполезно. И за чаем заговорила о другом, о хозяйстве. Эркин с жаром поддержал тему. И обсуждая, что ещё нужно из всяких кухонных мелочей, он совсем забыл то, о чём думал в комнате Алисы. Пока забыл. И спать пошёл, совсем успокоившись.

А воскресным утром поднялся ветер и понесли облака мелкой снежной пыли. Но они всё-таки решили сходить посмотреть открытие Культурного Центра.

– Не каждый день и не каждый год такое бывает, – Женя завязала на шее Алисы длинные уши от шапочки, натянула поверх шапочки капюшон шубки и ещё повязала сверху шарфик. – Вот так.

Алиса мужественно терпела, опасаясь, что при малейшем

намёке на сопротивление её попросту оставят дома. А раз это такая редкость...

Убедившись, что Эркин закрыл горло шарфом и уши у шапки опустил, Женя быстро оделась сама. Эркин поднял ей сзади воротник пальто, чтобы не задувало, и они наконец пошли.

Многие в их доме решили так же, и от «Беженского Корабля» к Новой площади двигалась густая толпа. И почти все с детьми.

Закутанную в платок, толстую от множества одежек, Катю Тим нёс на руках.

– Обревелась вся, – с притворной строгостью пожаловалась Жене Зина. – Возьми да возьми её.

– А как же, – кивнула Женя.

Зине явно хотелось о чём-то с ней поговорить, но, видимо, из-за народа вокруг так и не решилась.

На Новой площади было уже не протолкнуться. Зина взяла Дима за руку, чтоб – упаси бог! – не потерялся, а то он шибко шустрый, когда не надо. Эркин поднял Алису и посадил себе на плечо.

– Тебе не задувает? – забеспокоилась Женя.

Внизу, в толпе, ветра почти не чувствовалось, но наверху резкий холодный, как называли, ножевой, он гулял свободно. Алиса стала так многословно объяснять, что ей тепло и даже жарко, что Женя махнула рукой.

– Ладно-ладно, только молчи.

Тим тоже посадил Катю себе на плечо, а на другое Дима. А то ещё, в самом деле, полезет вперёд посмотреть и потерется.

Играл маленький духовой оркестр, городской голова, председатели городских комитетов ветеранов, беженцев и жертв Империи, ещё кто-то выступали с речами, а после них всех – директор Центра. Она говорила чуть дольше, и слушали её внимательнее. Что с понедельника будут записывать всех желающих и детей, и взрослых в кружки, секции и классы, что будут кино и лекции. А сегодня кино бесплатно. И первый сеанс для тех, кто с детьми, а остальные пока погуляют по Центру и посмотрят, а потом поменяются.

Толпа оживлённо и одобрительно гудела, тут же обсуждая услышанное.

Потом торжественно разрезали ленточку, перегораживающую вход, и все дружно повалили к дверям.

Входили медленно, тщательно обтирая обувь о жёсткие мохнатые коврики-щётки. Просторный светлый вестибюль, хлопотливые дежурные с красными повязками на рукавах. С детьми... направо... да, в зал... проходите, занимайте места... нет, зал большой... ничего страшного, посмотрите на следующем сеансе... налево, пожалуйста... да, там классы для занятий... запись? Запись завтра... нет, всю неделю в канцелярии... библиотека на первом этаже... нет, второй блок к лету обещали, там и спортзал будет... нет, это ещё не школа, а классы развития... для взрослых занятия тоже...

нет, к сожалению, гардероб пока не работает... туалеты внизу... буфет вон там...

На входе в зал Эркин опять увидел того парнишку-джи. Сегодня рядом с ним держался не достававший ему до плеча мальчишка в синей куртке угнанного до колен и ушанке, а за руку цеплялась закутанная в платок девчонка. Увидев Эркина, парень улыбнулся и стал пробиваться к нему, волоча за собой своих... брата с сестрой, как догадался Эркин.

– Здорово, – улыбнулся парень.

– Здорово, – ответил так же с улыбкой Эркин. – Всех своих привёл?

– Не, деда дома.

– Прострел у него, – вставил мальчишка, уважительно глядя на Эркина. – А Ларька мал больно.

И пока они в общей толпе входили в зал, Эркин услышал на камерном шёпоте, что всё путём, документы выправили, и он уже и по бумагам с именем, Артём, ну, а по-простому Тёмка, и громко, что устроился во «Флору», это хозяйство такое, там цветы, овощи, фрукты круглый год растут, даже зимой.

– Здоровско, – одобрил Эркин.

– Ну да, – Артём подтолкнул своих вперёд. – Под крышей работа, чего уж лучше.

Но тут началась суета с местами. Детей поближе, а родителей куда? Назад? Так ведь мелюзга одна сидеть не будет. Перекликались, подзывая знакомых, рассаживались, разме-

щая детей – кто поменьше – на коленях.

И оказались они все в одном ряду. Тим с Зиной, Димом и Катей, Женя и Эркин с Алисой, Артём со своими и Миняй с женой и двумя старшими. Женя торопливо развязала Алисе шарфик и сдвинула на плечи капюшон, но в зале было так тепло, что сняла с неё и шапочку и помогла расстегнуть шубку. Эркин, как все мужчины, снял ушанку и расстегнул полушубок. Женя расстегнула пальто и сбросила с головы на плечи платок.

Медленно стали гаснуть большие многоярусные лампы под потолком, золотистая, собранная складками, ткань, закрывавшая стену над сценой, так же медленно стала сдвигаться в стороны, открывая белую, туго натянутую ткань.

– Это экран, – шёпотом сказала Женя Эркину.

– Тём, это чего? – тихо спросили рядом.

– Экран, Лилька, – ответил Артём таким тоном, будто не сейчас услышал, а всегда знал.

Вместе с гаснущим светом затихали и разговоры в зале. И когда стало совсем темно, откуда-то сзади и сверху зазвучала музыка, а на экране засветились... большие буквы. Эркин, не удержавшись, начал их читать вслух. Но его голос тут же потерялся в общем хоре. «В-ре-ме-на го-да»... И следующая надпись: «Зи-ма». И потом каждую появившуюся картинку тут же комментировали и объясняли всем залом.

А на экране заснеженный лес, птицы, звери... Зал спорит: это синицы или снегири, называет белку, лису, зайца, а оленя

узнал и назвал, правда, по-английски Тим, а Женя перевела. И волка им показали. А потом экран мигнул, и еле успели всем залом прочитать: «Ве-с-на», – как на экране уже тает снег, и льдины плывут по реке, и... и медведь спускается к реке и ловит лапой рыбу, и летят большие белые птицы, а зал снова спорит: гуси или лебеди, и на ветвях появляются листья...

Эркин впервые видел, нет, смотрел кино. Слышать он о нём слышал, ещё в Джексонвилле, да и... да и раньше, да, болтали что-то такое в Паласах, да, верно, говорили, что, дескать, беляки как-то вроде движущихся фоток делают, а потом лупятся, заводят себя, ну, и когда на Палас денег нет, но мало ли беляцких забав и причуд, его это не касалось, он и не думал об этом. А здоровская какая штука оказывается!

– Тём, это лиса, что ли, опять?

– Сань, а мы её летом видели, помнишь?

– Не, то просто собака была, Тём, да?

– Точно, лиса, – согласился и Миняй.

Лисёнок, пробующий поймать бабочку, вызвал такой дружный хохот, что как-то пропустили следующую надпись. А после неё листья на деревьях уже были жёлтыми, и снова летели птицы, шёл дождь, и по реке плыли жёлтые листья, и... и первые редкие снежинки ложатся на землю.

На экране появилось слово: «Конец», потом экран погас, и стали разгораться лампы под потолком. Люди моргали, многие протирали глаза, будто просыпаясь.

– Вот это да! – вздохнул Дим. – Ну и здоровская же штука!

– Ага, – согласилась Катя.

Вставали, собирая детские пальтишки и платки. А теперь куда? Да вон же выход. Пошли-пошли, другим тоже охота посмотреть.

Эркин вёл Алису за руку, а Женя шла за ними, неся его ушанку и Алискины шапочку и шарфик.

Вышли в совсем другую, рядом со сценой, узкую дверь, над которой горела зелёная надпись. «Выход», – успел прочитать Эркин. Прошли вместе со всеми по коридору, повернули, ещё коридор, ещё одна дверь и оказались снова в вестибюле.

– Ну, пойдём теперь всё посмотрим, – сказала Женя.

Алиса согласилась и потянула её к лоткам с пирожными и конфетами. Женя засмеялась:

– Ах ты, хитрюга.

У лотков толпились многие, и Женя, оставив Алису стоять с Эркином чуть в стороне, нырнула в эту круговерть и быстро вернулась с небольшим пакетом. Пакет отправился в сумку «к чаю», а Алисе вручили бледно-зелёный полупрозрачный леденец-листик на палочке. И пошли дальше смотреть и рассматривать.

– Пошли, классы посмотрим, – Артём не дал Саньке и Лильке остановиться у лотков.

Денег-то на такое у них нет, так и глазеть, душу себе травить, нечего. Ещё – не дай бог! – за шакала-попрошайку

примут. Санька, подражая Артёму, прошёл, демонстративно глядя в сторону, а Лилька не удержалась. Оглянулась и вздохнула. И тут же убежала, догоняя Артёма. Впрочем, не они одни проигнорировали распродажу. У кого совсем нет, а кто просто не взял денег, обещали же всё бесплатное.

Классами назывались светлые комнаты со столами и стульями, но не как в столовой, а все столы рядами и стулья только с одной стороны, а на стене напротив...

– Это доска, – не очень понятно объяснила Женя.

Эркин кивнул, не вдаваясь в расспросы.

В двух классах столы и стулья были маленькими. Для детей – поняли все. В одном из детских классов столкнулись опять с Артёмом. Санька, размахивая руками, рассказывал, что целых полгода учился перед тем, как их угнали.

– И всё-то ты врёшь, – завистливо сказала Лилька. – Тём, а мы будем учиться?

– Будем, – твёрдо ответил Артём. – Мы отсюда уже никуда не уйдём, так что всё будет.

Говорил, глядя на Эркина, и тот кивнул.

– Дом иметь – великое дело.

– Дом, не дом, а вроде зацепились.

Санька и Лилька рассматривали висящие по стенам картинки, Женя тоже подвела к ним Алису, а Эркин и Артём стояли у окна.

– Обошлось в Комитете?

– Пока да, – Артём сразу и улыбнулся, и вздохнул. – С

работой помогли и пособие дали. По пятьсот рублей на человека. И сказали, что проверять нас будут. Ну, нет ли чего на хвосте.

– Верно, – кивнул Эркин. – Визу обычно месяц ждут, и месяц потом в лагере врачей проходят, психологов, место себе выбирают.

– Про месяц и нам сказали. И про врачей, как это, а обязательная ди-спан-се-ри-за-ци-я, – с натугой выговорил он по слогам и поёжился, как от холода. – Боюсь я.

– Я же прошёл, – просто, как о самом пустячном деле, сказал Эркин и честно добавил: – Протрясся, конечно. Но... ты трусы носишь?

– Не, исподники.

– В них и останешься. Догола не раздевают, не сортировка.

Они говорили тихо, перемешивая русские и английские слова.

– Не трусь, малец, – Эркин улыбнулся. – Меня сколько русских врачей смотрело, ни один больно не сделал.

Артём тоскливо вздохнул.

– Видно, не обойтись. А за ради семьи...

– Об этом и думай, – кивнул Эркин. – Ничего дороже нет. И не будет. С жильём-то как?

– У бабки остались. Мужская работа на мне с дедом, а бабская – на ней. И сготовить, и постирать... Лилька-то не потянет, мала ещё. А там... а там видно будет.

В класс вошёл Тим со своими и тоже стал рассматривать картинки и плакаты на стенах. Артём сразу как-то подобрался и по-камерному сказал Эркину:

– Палач, похоже. Ты осторожнее с ним, хуже цепняков такие.

– Нормальный мужик, – так же тихо ответил Эркин.

Артём несогласно мотнул головой, но спорить не стал.

– Лилька, Санька, – громко позвал он своих. – Коли посмотрели, дальше пошли.

Когда они вышли, Эркин решил, что и ему стоит всё рассмотреть получше, да и Алиса оглядывалась на него.

– Своего встретил? – насмешливо спросил его по-английски Тим камерным шёпотом.

– Да, рабом был, – ответил Эркин так же по-английски и тихо, но в голос. И добавил: – Как и ты.

– Квит, – кивнул Тим.

Женя с Зиной что-то тихо обсуждали, а они, стоя рядом плечом к плечу, рассматривали плакат, где рядом с каждой буквой была нарисована вещь или зверушка...

– Азбука, – сказал Эркин, кивком показывая на плакат.

– Ага, – Алиса уцепилась за его руку. – Я все-все буквы знаю. И читать умею.

Диму на это возразить было нечего, и он молча с надеждой посмотрел на Тима. Тим тоже взял его за руку.

– Пойдём, другие классы посмотрим.

– Ага, – пискнула, ухватившись за полу его полушубка,

Катя.

– Ну да, – заторопилась и Зина. – Так, Жень, я зайду.

– Прямо завтра и приходи, – кивнула Женя.

Тима с Эркином посвящать в суть не стали, но они и не настаивали.

Всё рассмотрев, перешли в соседний класс. Там среди картинок тоже была азбука, но буквы оказались Эркину незнакомыми, хотя были и похожие. Тим улыбнулся и стал показывать Кате и Диму буквы. Азбука оказалась английской. Дим, повторяя за Тимом, про эй, би, си и ди, гордо посмотрел на Алису. Женя понимающе улыбнулась.

И тут в класс вошла Джинни.

– Ой! – обрадовалась Женя. – Здравствуй, Джинни! Это твой класс?

– Оу, ну да, – так же радостно ответила сразу на двух языках Джинни.

И тут же было решено, что, конечно, Дим, Катя и Алиса пойдут в её класс. Жалко, сегодня нет записи, а то бы сразу всё и оформили.

Словом, пока обо всём договорились и всё посмотрели, то идти на сожжение масленицы было уже, разумеется, поздно. Джинни осталась в классе, куда как раз подошли ещё люди, а Женя с Эркином, Тим с Зиной и все дети пошли вниз.

Ветер, как говорили вокруг, вроде утих, но детей снова тщательно закутали. У входа в зал опять толпились люди, кое-кто явно по второму, а то и третьему разу, но Женя

решила, что пора домой, и с ней все согласились. Два дня праздновать – это уже чересчур будет.

Тетрадь шестидесятая

Американская Федерация

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Предсвадебные дни слились для Криса в один длинный суматошный день. И в этой суматохе появлялись и исчезали люди, он что-то делал, говорил, даже работал, но это всё

было так... побок, а главное... Главное то, что всего через четыре, три, два дня он будет рядом с Люсей и уже навсегда.

До свадьбы оставалось меньше суток. Тётя Паша торопила всех, потому что в понедельник начинается пост и венчаться уже нельзя, на масленицу тоже, конечно, грех, но меньший. С госпитальным священником – отцом Александром – Тётя Паша тоже сама договаривалась, и он согласился обвенчать, хоть они и не говели, Люся, правда, помнила, что когда-то в детстве её крестили, но исповедаться – это ж всё про себя рассказать придётся! – отказалась наотрез, а Криса срочно окрестили Кириллом, чтобы с выбранным уже именем в документах расхождений не было. Девочки помогали Люсе с платьем, а Крис, как велела Тётя Паша, купил в городе кольца, себе и Люсе. Парни тоже покупали подарки, и с ними со всеми Тётя Паша отдельно поговорила, так что с вопросами никто не лез.

В пятницу Крис работал во вторую смену. Он отработал положенное, переоделся и вышел из лечебного корпуса, когда его окликнули.

– Кирилл...

Крис обернулся. Доктор Ваня? Что-то случилось?

– Иван Дормидонтович, что-то случилось?

– Мне надо поговорить с тобой.

– Конечно, Иван Дормидонтович.

Что-то в интонации доктора насторожило его. Что-то не то. И... и почему-то они пошли, вернее, доктор его повёл не

в свой кабинет, а в сад, в беседку. Он шёл рядом, ничего не понимая и ни о чём по старой привычке не спрашивая.

А Жариков... Жариков боялся предстоящего разговора. Он до последнего оттягивал, трусил, но завтра свадьба и Крис должен знать. Сама Люся не скажет, и, чтобы между ними ничего не встало, он – прежде всего, как врач – должен и это взять на себя.

– Мне надо поговорить с тобой, – повторил Жариков, когда они вошли в беседку.

– Да, Иван Дормидонтович, я слушаю.

Жариков сел к столу, достал сигареты, распечатал пачку, взял себе сигарету и слегка подвинул пачку, одновременно предлагая закурить и указывая на место напротив себя. Крис послушно сел и взял сигарету.

– Люся не говорила тебе, – наконец смог начать Жариков, – так? – и сам ответил: – Так.

– О... о чём, Иван Дормидонтович? – Крис тревожился всё сильнее.

– У неё всё тело в ожогах, в послеожоговых рубцах.

Крис кивнул, показывая, что знает. Жариков молча смотрел на него, и он тогда сказал:

– Я не видел, я... – и показал ладонями, – ну... ощупал, нет, ощутил.

– Хорошо, – кивнул Жариков. – А где это с ней произошло, ты знаешь?

– Нет, я не спрашивал.

– И правильно сделал. А я тебе скажу. Ты должен знать. В распределителе, – последнее слово он сказал по-английски.

Лицо Криса сразу отвердело и напряглось.

– Люся была в распределителе? – медленно спросил он.

Теперь он тоже говорил по-английски.

– Да. Там она попала под бомбёжку, её обожгло. Ликвидаторы из СБ потому и не сожгли этот распределитель, что он уже горел. А из развалин её уже наши солдаты вытащили.

– Как и меня, – кивнул Крис.

– Да, как и тебя. Но дело не в этом. Там, в распределителе и, надзиратели... надругались над ней.

Крис свёл к переносице брови.

– Вы... подождите... «трамвай»?! Нет!

– Да, – жёстко ответил Жариков и повторил: – Да.

– Нет! После «трамвая» не живут!

– Она и не хотела жить. Её заставили. Да, мы заставляли её жить. Потому что её смерть – это их победа. Ты понимаешь?

Крис кивнул и застыл, опустив голову и сжимая в лежащих на столе кулаках незажжённую сигарету. Жариков молча ждал. Да, вопрос девственности для Криса, разумеется, не стоит, даже не возникает, и он очень хорошо представляет и распределители, и надзирателей.

– Поэтому Люся боится... этого, – наконец сказал Крис по-русски, всё ещё глядя в стол.

Жариков кивнул, но Крис не заметил его кивка.

– Так... так как мне теперь жить? – Крис наконец поднял

голову. – Я... я не смогу отказаться от Люси, я не буду жить без неё.

– Ни о каком отказе и речи нет, – Жариков смял свою сигарету, не заметив ожога. – Завтра твоя свадьба, и, я верю, всё у вас будет хорошо. Но я хотел, чтобы ты знал... про это. Когда знаешь... Понимаешь, Кирилл, слишком много ошибок от незнания.

– Да, я понимаю, Иван Дормидонтович. Вы... вы говорили с Люсей. Обо мне. Ведь так?

Жариков почувствовал, что краснеет. А Крис вдруг улыбнулся.

– Что вы ей сказали обо мне?

Жариков покачал головой.

– Нет, Кирилл. И Люся об этом нашем разговоре не узнает. От меня. А ты сам решай.

– Что?

– Что ты ей о себе скажешь. И как у вас будет...

– У нас ничего не было, – перебил его Крис. – У меня... Мне нечем... входить. Вразной дёргается и... и всё.

– Всё у вас будет, – возразил Жариков. – А как будет, сами решите. И ещё. Рожать Люсе можно будет нескоро, если вообще будет можно. Она это знает. Понял?

Крис угрюмо кивнул. Жариков перевёл дыхание. Самое трудное он сказал.

– Как? – Жариков вздрогнул от голоса Криса. – Как Люся попала в распределитель?

– Она из угнанных. Её угнали ещё девочкой, родных она всех потеряла.

– Угнанные... Да, я слышал, не знал, что их в тех же распределителях..., наверное, в другом крыле... – Крис потрянул головой. – Иван Дормидонтович, я всё для Люси сделаю. Чтобы ей было хорошо. Всё, что могу. И чего не могу – тоже.

– Я знаю, – кивнул Жариков.

– Только... – Крис замялся, – я только сегодня подумал. Есть одно... одна... закавыка, так. Иван Дормидонтович, ведь жениться – это клятву дать. Ну, муж и жена клянутся друг другу, так?

– Да, – насторожился Жариков.

– Я уже на клятве, Иван Дормидонтович, вторая клятва действительна?

– Первую ты когда дал?

– Здесь уже, – Крис вздохнул. – Как из «чёрного тумана» вставать стал, – и отвечая на непрозвучавший вопрос: – Доктору Юре, Юрию Анатольевичу. Он не знает ничего об этом, но... но я не отказываюсь от клятвы. А Люся...

– Это разные клятвы, Кирилл. И одна другой не мешает.

Жариков мягко, чтобы не обидеть Криса насмешкой, улыбнулся. Помедлив, Крис улыбнулся в ответ.

– Всё будет у вас хорошо, – повторил после паузы Жариков. – Ведь вы любите друг друга, а это главное, а всё остальное... пустяки. Все проблемы разрешимы...

– Да, – Крис улыбнулся и закончил фразу: – Когда их ре-

шают.

– Да, Кирилл. Всё так. А теперь иди. Готовься к завтрашнему.

– Да, – Крис встал. – Спасибо вам. Вы... вы всё обо мне сказали Люсе?

– Что надо, то и сказал, – засмеялся Жариков. – Иди, Кирилл, я покурю здесь и тоже пойду.

И когда Крис ушёл, достал из пачки сигарету и закурил. Ну вот, что смог, он сделал, а что будет дальше...

...Люся смотрит на него со страхом и надеждой.

– Но... но Иван Дормидонтович...

– Да, – жёстко повторяет он. – Детей у него никогда не будет. Ты ещё можешь вылечиться, он – никогда. Захочешь рожать, сможешь родить только от другого.

– А если...

– Думай сейчас, Люся. И решай сейчас. Обидишь его – я тебе этого не прощу. Он для тебя на всё пойдёт, думай сначала, чего попросить. Поняла? – Люся кивает. – Всё поняла? И ещё учти. Девчонки, я знаю, учат тебя, как себя поставить и всё такое. Так вот, скажешь ему, что ты хозяйка – он уйдёт. Этого слова он не стерпит.

– Я... я понимаю, – всхлипывает Люся...

...Что ж, может, он действительно был с ней излишне резок, но... но ведь глупышка может и впрямь поверить этим дурам, что себе жизнь испортили, а теперь и другим портят. Из лучших, так сказать, побуждений. А Люся, к сожалению,

внушаема.

Жариков погасил о стол и выкинул из беседки окурок. Надо отдохнуть, завтра кому гулянка и веселье, а ему – работа.

Свадьбы в госпитале игрались очень нечасто, но всё-таки госпиталь – не монастырь, так что, в принципе, все знали, что и как положено делать. Но на этот раз... и как всегда, и по-особенному.

С утра одевали и готовили невесту. Люся, совершенно ошалевшая и потерявшая голову, вертелась, как восковая кукла, в руках Гали, Нины и ещё десятка добровольных помощниц. Командовала, разумеется, Тётя Паша. Убедившись, что к сроку всё будет готово и что марлевая фата удачно закрывает обожжённую щёку невесты, она пошла посмотреть на жениха.

Крис, уже одетый по-праздничному: хорошие брюки, начищенные до зеркального блеска ботинки, белоснежная накрахмаленная рубашка – стоял посреди своей комнаты, задрал голову, и Андрей завязывал на нём галстук. Новенький, в тон к брюкам пиджак висел на плечиках, зацепленных за открытую дверцу шкафа. Майкл и Эд, сидя на кровати, внимательно следили за обрядом.

– Двойной виндзор сделай, – распорядился Майкл.

– Не в стиле будет, – возразил Андрей. – А фантазийный если...

– Не выпендривайся, торжественно должно быть.

– И на одинарном торжественно, – не сдавался Андрей. – И коротко для двойного. Затяну если, удушится.

Эд, как все элы, не разбиравшийся в тонкостях и нюансах мужского костюма, не вмешивался. А Крису было уже всё равно, что там с ним делают.

Тётя Паша рассудить их спор отказалась, заметив только, чтоб и сами при параде были, одобрила пиджак и пошла проверить столовую и комнату молодых.

В столовой было шумно и весело. Так весело, что она с ходу обрушилась на Пафнутьича.

– Успел уже?!

– Тсс, – заговорщицки подмигнул он ей.

Его круглое румяное лицо лоснилось от пота.

– Да я как стёклышко. Вон крестников женить буду, тогда и погуляю. Так что, не бойсь!

Крестники Пафнутьича – Джо и Джим, а теперь Иван и Дмитрий, хотя их все называли по-старому – стояли рядом и тоже смеялись.

– Небось и им поднёс. Вот я вас сейчас!

Её угроза вызвала у Джо-Джима такой взрыв хохота, что стали собираться зрители.

– Ты, кума, не шуми, – Пафнутьич взял Тётю Пашу под локоток и повёл вдоль длинного через всю столовую накрытого стола. – Ну, углядишь недочётов хоть с капелюшечку, тогда и шуми.

– Когда хочешь, ты всё можешь, – проворчала Тётя Паша,

придирчиво оглядев результаты его стараний.

Пафнутьич подкрутил воображаемый ус и нарочито строго сказал следующим за ними парням:

– А ну, уши заткните, я ща вашей крёстной кой-чего раз-
объясню. Ты, кума, – склонился он к уху Тёти Паши и дей-
ствительно что-то прошептал.

Тётя Паша, как и положено при таких обстоятельствах,
взвизгнула:

– Охальник ты старый, а туда же!

Джо и Джим от смеха даже присели. Они-то всё отлично
расслышали.

Уйдя из столовой, Тётя Паша пошла в комнату, которую
Аристов выбил для Криса с Люсей. В самом деле, не ей же к
нему переселяться в крыло парней, всем неудобно будет.

Комната была самой обыкновенной, со стандартным на-
бором мебели. Только кровать сделали двуспальной. Поста-
вили рядом две обычных койки и накрыли широкой периной
– подарком Гали и Нины. И бельё не казённое, а тоже пода-
рок. На столе вазочка с цветами.

Вполне удовлетворённая осмотром, Тётя Паша вышла.
Пора и самой принарядиться, чтоб быть не хуже других.

Венчались в госпитальной церкви. Парни, ничего не зная
и не понимая, послушно выполняли все распоряжения. О
Крисе с Люсей и говорить нечего. Крис почти не сознавал,
где он и что с ним, и от обморока его удерживало только ощу-

щение пальцев Люси в его руке. Слова священника, странные, будто и не русские, скользили мимо сознания. Иногда пальцы Люси начинали дрожать, и он из последних сил осторожно сжимал её руку. В другой руке он держал зажжённую тонкую свечу, не чувствуя ожогов от капель горячего воска.

– Жена, поцелуй мужа. А муж, поцелуй жену... – ворвался в его мозг голос священника.

Губы Люси касаются его щеки. Он так же неловко, неумело ткнулся губами в её щёку. Их окружили, затормошили, поздравляя. И уже совсем по-другому, шумной весёлой толпой пошли из церкви в столовую.

К середине свадебного пира Крис продышался и обрёл способность узнавать окружающих. Они с Люсей сидели во главе стола, весёлого, шумного, как... нет, ни на Рождество, ни на Новый год такого веселья не было. Аристов, Жариков, другие врачи в кителях со всеми наградами, парни в своих самых лучших рубашках и брюках, женщины – в нарядных платьях, и тоже у многих приколоты ордена и медали.

– ...Горько!

И весь стол дружно подхватывает:

– Горько!!!

И они с Люсей встают и целуются, уже рот в рот, прилюдно. И губы Люси согрелись, стали тёплыми и мягкими. И он задыхается от этих поцелуев.

А потом танцевали. Под пластинки, гармошку и пианино. Вальс, танго и новые для парней русские танцы. И пели. И

парни впервые услышали «свадебные» частушки. «На свадьбу посолёнее положено», – объяснили им. И Тётя Паша пела, и плясала.

А потом... потом со смехом и шутками – Крис так и не заметил, как внимательно следит Жариков, чтоб ни одна не задела ни его, ни Люсю – их отвели в их комнату. Тётя Паша на правах посаженной матери поцеловала и ещё раз благословила их на совет да любовь, да на жизнь долгую.

Крис закрыл за Тётей Пашей дверь, потрогал замок и медленно повернул шпенёк, выдвигая засов. Оглянулся. Люся стояла посреди комнаты, беспомощно свесив руки вдоль тела.

– Я... я зажгу свет, – смог выговорить Крис.

Люся молча кивнула. Крис прошёл мимо неё к окну, задрнул шторы и уже в темноте вернулся к двери, щёлкнул выключателем. Комнату залил белый, чуть мягче кабинетного свет, Крис даже зажмурился на секунду. А когда открыл глаза, Люся стояла, закрыв лицо ладонями и тихо плакала.

– Люся! – забыв сразу обо всём, он кинулся к ней, обнял. – Люся, что? Что случилось?

Всхлипнув, Люся обняла его, пряча лицо на его груди, и тут же отпрянула.

– Ой, я тебе пиджак испачкала.

Девочки перед венчанием щедро напудрили её, маскируя ожог, и теперь пиджак Криса был не менее щедро запорошен

пудрой. Люся захлопотала, отряхивая его. Пиджак пришлось снять, а... а в шкафу уже всё кем-то заботливо приготовлено, и как-то само собой они стали раздеваться. Вернее, Крис снял и повесил на плечики пиджак, а развязать галстук он не смог, Люся тоже не справилась с узлом, и... ну, не идти же звать Андрея или ещё кого из джи на помощь. Ну, что же делать? Наконец, Крису удалось несколько ослабить узел и снять галстук через голову. Люся невольно засмеялась, когда он удовлетворённо вздохнул, бросая галстук на стол, и Крис готовно засмеялся в ответ. И шагнул к ней. Они снова обнялись, Крис поцеловал Люсю в здоровую щёку, в висок и, наконец, в губы. И губы Люси отвечали ему.

Они целовались, забыв обо всём, до боли в губах, до подкашивающихся ног. Крис мягко откинул угол фаты Люси с её плеч и замер. Потому что Люся сразу напряглась.

– Люся? Что? Что случилось?

– Кира, я... я платок не взяла.

Крис не понял, зачем это ей и о каком вообще платке она говорит.

– Носовой? – решил он уточнить. – У меня есть. Чистый.

– Нет. Головной, – Люся говорила ровным, внутренне напряжённым голосом. – Ты... ты подожди, Кира. И не смотри на меня.

– Хорошо, – сразу согласился Крис.

– Вот, сядь к столу и не оборачивайся. Пока я не скажу.

– Хорошо, Люся.

Он разжал объятия, отошёл и сел за стол. Понятно, что Люся раздевается. Что ж, будет так, как она хочет. Вот Люся – он слышит – подошла к кровати, откинула одеяло, легла...

– Кира, – тихо позвала Люся.

– Да, – он сразу рывком повернулся к ней.

Люся лежала у стены, укрытая до подбородка. Голова обвязана превращённой в платок фатой.

– Ты... ты раздевайся и ложись, – совсем тихо не сказала, прошептала Люся.

– Да.

Крис встал, расстёгивая рубашку. Люся зажмурилась и отвернулась, но его движения оставались красивыми. Как привык, как уже иначе и не мог. Разделся до трусов – догола не рискнул – повесил вещи в шкаф и уложил на стул, выключил свет, в темноте чуть ли не на ощупь нашёл кровать и лёг. Вытянулся на спине, закинув руки за голову. Рядом, только руку чуть протяни, дышала Люся. Но Крис не шевелился. Пусть Люся сама позовёт его, сама...

– Кира...

– Да, Люся, – он повернул к ней голову.

– Кира, я боюсь, – Люся всхлипнула. – Я боюсь.

– Люся, я здесь, я с тобой.

Он повернулся набок, лицом к ней, чуть-чуть, на полдюйма придвинулся.

– Я боюсь, – плакала Люся. – Я знаю, это надо, мы – муж и жена, я всё знаю, Кира, я понимаю, но я боюсь. Это... это

так больно, Кирочка.

– Люся, Люся, – так же шёпотом звал он её, не чувствуя текущих из глаз слёз.

– Кирочка, прости меня... это из-за меня всё...

– Нет, Люся, нет...

Их руки вдруг встретились под одеялом, и Крис, внезапно осмелев, потянул Люсину руку за запястье к себе и... и погладил себя её ладонью.

– Так? – удивилась Люся. – Кира, ты... ты так хочешь?

– Да, Люся, ты... ты только потрогай меня.

Робкое, не поглаживающее, а ощупывающее прикосновение. И Крис мгновенно задохнулся от вдруг обдавшей его и тут же отхлынувшей волны.

– Тебе... тебе приятно? – робко, сквозь слёзы спросила Люся.

– Да! Да, Люся. Люся, а я... – и осёкся, не договорив: так сразу окаменело тело Люси и отдёргнулась её рука.

Они лежали неподвижно очень долго. А потом Люся заговорила:

– Кира, у меня тело обожжено, в рубцах, корках, и волос на голове нет, я в платке поэтому хожу, а лицо ты видел. Тебе будет противно, Кира.

– Нет, – так же твёрдо ответил Крис. – Нет, Люся. Что бы ни было, я буду с тобой. Я... я люблю тебя. Будет, как ты скажешь, как ты хочешь, я всё сделаю. Но я не уйду. Будешь гнать меня, не уйду.

Люси ладонь снова дотронулась до его плеча, дрогнула и... и Люся сама погладила его.

– Кирочка, спасибо тебе, Кирочка, только...

– Нет, не бойся, я... я сделаю, как ты хочешь. Как ты скажешь.

Он шептал, чувствуя, как обмякает, расслабляется тело Люси рядом с ним, как её ладонь всё смелее и доверчивее гладит его плечо и шею.

– Не сегодня, Кирочка, ладно? – робко спросила Люся.

– Ага, – сразу согласился он.

– Ты не обижаешься?

– Нет. Я... я тоже устал, такой длинный день был.

– Да-да, Кирочка, ты поспи, отдохни, конечно, – радостно зашептала Люся.

Крис послушно повернулся на спину, мягко придерживая руку Люси.

– Да, Люся, спасибо, ты только не убирай руку, ладно? Так хорошо, Люся.

– Да, хорошо, Кирочка, конечно.

Люся дождалась, пока его дыхание станет совсем ровным и сонным, и, всхлипнув, закрыла глаз. Спать, она тоже будет спать. Господи, за что их так наказывают, ведь нет хуже обиды, чем в первую ночь отказать, не подпустить к себе, а она Кирочку так обидела, ведь не хотела, ведь знала всё, что так положено, что они – муж и жена, а не смогла через собственный страх переступить, не смогла, Господи, сделай так, чтоб

Кира не обиделся, чтоб простил, она ж не виновата, её силой брали, против её воли, а теперь... теперь она любимого пустить не может, за что, Господи, ты так караешь, неужели мало тебе боли моей, что и через год корки по всему телу, что уродом я стала, так ещё и это...

Она спала, еле слышно всхлипывая во сне и неосознанно прижимаясь к большому, такому тёплому и сильному телу рядом.

Американская Федерация

Алабама

Графство Эйр

Округ Кингслей

Коттедж № 3715

Небо было по-прежнему облачным, низким, но дождь явно закончился. Дождливое воскресенье, обеденное время –

самые глухие часы. Андрей довольно ухмыльнулся, настороженно оглядывая мокро блестящие деревья в молодой листве и пустынную просёлочную дорогу. Вокруг ни души, так что если и наблюдают, то издалека и в бинокль, но это маловероятно.

Андрей ещё раз огляделся и пошёл по обочине. Дорогу он, в общем, помнил. Конечно, это был риск, но он тогда несколько раз выбирался из дома Элли и обходил окрестные дороги в поисках указателей и примет, чтобы, возвращаясь, прийти, никого ни о чём не расспрашивая. Элли он ничего не говорил, а она – классная всё-таки девчонка! – ни о чём не спрашивала и виду не подавала, что знает о его вылазках, не замечая мокрой и грязной обуви и одежды.

А вот и живая изгородь: колючие кусты в рост человека, намертво сцепленные между собой своими же ветвями, и тоже уже все в мелкой листве. Ну да, завтра первое марта, уже весна.

Где в изгороди был неведомо кем – явно ещё до Элли – проделан незаметный, но достаточно удобный лаз, он тоже помнил. А уж от лаза к дому... Стоп – заставил он себя замереть на месте. Проверь сначала. Прежде чем войти, подумай, как выйдешь.

И он по-прежнему осторожно, чутко прислушиваясь, пошёл вокруг дома.

Элли сидела в гостиной у камина. День такой серый, дожд-

ливый, что она развела огонь, не дожидаясь вечера. И, в конце концов, она сама решает, когда и чем будет заниматься. Джимми уже второй месяц, даже больше, не показывается. Как увёз тогда Джека, так и как в воду канул. Но она ничего не может ни изменить, ни..., ни даже уйти. Она должна оставаться здесь и ждать. Один из них придёт. И это будет значить, что другой мёртв. Господи, она же любит Джима. И хочет, чтобы пришёл Джек.

Она покачивалась в кресле-качалке, вышивая очередную салфетку. И осторожные шаги на веранде, а затем бесшумно открывшуюся дверь не заметила, только передёрнула плечами, когда её задел влажный ветер, ворвавшийся в комнату, но не обернулась.

Андрей закрыл дверь и остался стоять, разглядывая огонь в камине, гостиную, большого льва на диване, и светловолосую девушку... Ну, пора. А то ещё испугается.

Он осторожно кашлянул.

Элли вздрогнула и обернулась.

И вскочила на ноги, уронив, нет, бросив на пол пальцы с зажатой в них тканью.

– Джек! Наконец-то!! – кинулась она к нему.

Андрей обнял её, горько улыбнувшись: какая же ты сволочь, Джимми Найф, как рассчитал, что так и будет.

– Мой Бог Мой Бог, Джек, – Элли оторвалась от его груди, поцеловала. – О мой Бог мой Бог! Наконец-то! Как ты

приехал, я не слышала машины.

– Я пришёл, – уточнил Андрей.

– Мой Бог Мой Бог, ты же голодный, наверное, я тебя сейчас накормлю.

– От еды не отказываюсь, – засмеялся Андрей. – Не в моих привычках.

Вообще-то он думал, что будет по-другому. Войдёт, скажет, отдаст деньги, возьмёт своё и айда, «прощай, красотка дорогая, мы расстаёмся навсегда», а получается... Но он действительно хочет есть, хоть и перехватывал по мелочи в дороге, да и вымыться нужно, побриться, и... и вообще.

– Я сейчас, Джек, сейчас всё сделаю.

– А я умоюсь пока. И побреюсь, – улыбнулся он. – Цело моё?

– Ну конечно, Джек, – и она подчёркнуто повторила: – Всё цело.

– И отлично. Спасибо, Элли, – он поцеловал её в щёку и мягко высвободился из её объятий. – Я мигом.

В его спальне всё было так, как осталось в тот последний день. И в ванной. Даже его халат и шлёпанцы. И бритвенный прибор.

Андрей закрыл за собой дверь, разделся, не бросая, а складывая одежду. Так, а может, и бельё есть? У него было три смены, в одной уехал, ага, обе оставшиеся на месте. Ну, совсем хорошо.

Свёрток с деньгами он положил в тумбочку у кровати и

пошёл в ванную. В том доме он пальчиков не оставил, а здесь если их и найдут, то уже не страшно.

Элли тщательно заперла входную дверь, опустила и расправила шторы на всех окнах. Ещё, правда, не вечер, но береги себя сам, тогда и Бог тебе поможет. Ну вот, обед у неё, в принципе, был уже готов, но она сделает ещё салат. Джим навёз столько банок и концентратов, что ей до окончания века хватит.

Всё приготовив, она подошла к двери его спальни и, прислушавшись, позвала, перекрикивая доносившийся шум воды:

– Джек!

– Да, Элли, – почти сразу откликнулся он. – Я сейчас.

– Выходи в халате, – попросила она. – А то остынет, – и пошла на кухню.

Через несколько минут Андрей, с мокрыми после душа волосами, в халате и шлёпанцах, но свежесбрившийся, вошёл и шумно принялся.

– Запахи-и! Обалдеть!

– Садись, – засмеялась Элли. – Я же знаю, что ты голодный.

Ей и раньше нравилось смотреть, как он ест. С таким аппетитом, что и самой захотелось.

– С ума сойти, как вкусно!

Он и раньше так говорил. И она, как и раньше, засмеялась.

– На здоровье. Положить ещё?

Андрей изобразил глубокую задумчивость. И когда Элли снова засмеялась, удовлетворённо улыбнулся. Да, всего заранее не предусмотреть, пусть всё само собой и идёт.

Элли собрала и сложила посуду в мойку.

– Идём, посидим у камина. Хорошо?

– Конечно, хорошо, – кивнул Андрей и встал.

Элли не задала ему ни одного вопроса. Ни сейчас, ни когда они сидели у камина и пили шипучие коктейли из соков – Элли помнила, что он не пьёт спиртного. Ни потом, когда они, не сговариваясь, поставили стаканы на каминную полку и пошли в спальню. И Андрей был благодарен ей за это молчание больше, больше, чем за что-либо другое, а другого тоже хватало. Ведь соврать ей он бы сейчас не смог, а правду знать ей незачем.

Когда он заснул, Элли осторожно встала, накинула халат и пошла на кухню. Вымыть и убрать посуду. Нехорошо, что она так всё и бросила.

Андрей во сне, перекатился на спину, вздохнул, просыпаясь. И по прочно усвоенной привычке не подал вида. Лежал неподвижно, будто по-прежнему спит, прислушивался, вспоминая, где он и что, вернее, кто с ним. Ощувив, что Элли рядом нет, открыл глаза и сел на постели. Интересно, который час? Часов в спальне нет, шторы плотные. Если уже утро... не одеваясь, он подошёл к окну, отогнул самый край шторы, нет, ещё темно, по-ночному темно. А Элли где? Вроде на кухне. Ладно, пускай, утром он ей всё и скажет, а сей-

час... сейчас нет, сказать – это уйти, а ночной путник приметен и запоминаем. Он вернулся к кровати и лёг, укрылся, но заворачиваться с головой не стал. И одеяло велико, и Элли вот-вот вернётся.

Закрыв глаза, он задремал. А когда Элли вернулась и легла рядом, то, не открывая глаз, повернулся к ней. Элли прижалась к нему, её кожа, сразу и прохладная, и тёплая, и вся она мягкая, нежная... Элли обнимала его, гладила сильные костистые плечи, прижималась губами к его губам. Он налёг на неё, с необидной настойчивостью толкнул, требуя впустить, и Элли готовно раскрылась перед ним. Сегодня она не боялась, что их застанут, что зашуршит, подъезжая, машина. Он пришёл, и она уже никого больше не ждёт. И ей никто не нужен, никто...

...На этот раз она заснула первой. Андрей очень мягко отодвинулся от неё, чуть-чуть, только чтобы самому лечь поудобнее. А теперь – спать. Встать придётся с рассветом. Незачем тянуть. А то ещё найдут того, всего-то не предусмотришь, пойдут по следу, и всё, кранты...

...Он проснулся сам, как от пинка, и, открыв глаза, сразу увидел полоску серого света сбоку окна. Откинул одеяло и встал, надел халат. Элли пусть ещё поспит или разбудить? Да, лучше не тянуть.

– Элли, – позвал он, не оборачиваясь.

– Да, Джек, – сразу откликнулась она. – Ещё рано.

– Да, – согласился он и, уже выходя из спальни, сказал: –

Здесь нельзя оставаться, Элли.

Сказал так, что она поняла: нельзя, надо собираться и уходить. Да, она знала, что Джек не останется с ней, у него русские документы, он уедет в Россию, она всё понимает и не ей его остановить. Да она и не хочет останавливать. Надо... да, надо всё убрать, с собой она возьмёт самое необходимое. Кажется, в кладовке был чемодан. И Джеку сумку посмотреть.

Элли встала и быстро, но без спешки стала приводить себя и спальню в порядок, готовить завтрак и собираться.

Небольшой изящный чемодан она положила на кровать в спальне, а вот эта сумка из чёрной кожи, пожалуй, подойдёт Джеку.

Элли постучала в дверь его спальни.

– Джек...

– Да, Элли, входи.

Увидев сумку, Андрей обрадовался.

– Вот спасибо, Элли. А то я всё по карманам распахиваю.

Он взял у неё сумку, тоже положил на кровать и достал из тумбочки свёрток.

– Вот, Элли возьми. На первое время тебе хватит.

Столько денег сразу Элли ещё не видела, а, разобравшись, что это не десятки, а сотенные, даже испугалась.

– Джек, это же такие деньги!.. Но...

– Без «но», Элли.

Он улыбнулся, и, увидев эту улыбку, Элли послушно взяла у него пачку.

– Здесь слишком много, Джек.

– Денег бывает мало, или очень мало, или нет совсем, а много и слишком много не бывает, Элли, – засмеялся он в ответ.

– Но... но ты же мне всё отдал, а себе ты оставил? Возьми половину, Джек.

– Сколько мне нужно, я взял.

И она поняла, что спорить и бесполезно, и нельзя.

– Хорошо, Джек, спасибо. И вот, держи.

Андрей бережно принял на ладонь тёмно-красную книжечку удостоверения.

– Ты не хочешь узнать, где она была? – старательно изображала веселье Элли и, не дожидаясь его ответа, сказала: – У Лео. Там под гривой, как кармашек маленький. Правда, здорово придумано?

– Да, – он был очень серьёзен. – Спасибо тебе, Элли, за всё спасибо.

– Да-да. Ты собирайся и приходи на кухню, я кофе поставила, – она говорила быстро, потому что ей вдруг мучительно захотелось плакать.

Андрей кивнул. И, когда она ушла, аккуратно вложил удостоверение в нагрудный карман рубашки и застегнул пуговичку. Жалко, бумажник пропал. И всё остальное. Но в Джексонвилле ему показываться нельзя. Раз Эркин уже уехал, то светиться и нарываться на расспросы незачем. Так, теперь... Он вывалил на кровать всё, что решил взять с со-

бой, и стал укладывать сумку. Двое трусов, две рубашки – голубая и бежевая в мелкую клетку, у Эркина была такая же, рябенькая – две пары носков, два небольших тонких вафельных полотенца, мыло, бритвенный прибор, мочалку... купит, у него с той сотни ещё полно, да ещё две сотенных, а больше ему иметь при себе нельзя: начнутся расспросы, откуда столько, да ещё копать полезут, а тут только дай зацепку, нет уж, перебьёмся. Так, что ещё? Махровые полотенца, халат, шлёпанцы... нет, это всё вроде тысячной купюры в кармане у работяги, нельзя, лишняя примета. Всё, пожалуй. Две смены есть, третья – на теле, остальное – приложится. Андрей придирчиво осмотрел спальню и ванную – всё ли в порядке, протёр носовым платком краны и дверные ручки, взял сумку и пошёл на кухню.

Элли, тоже уже не в халате, а в юбке и кофточке, на ногах удобные в дороге туфли, никаких украшений, косметики чуть-чуть. На столе чашки с горячим крепким кофе, тарелки с сэндвичами. Они молча, без спешки, но и не растягивая время, поели, Элли быстро и очень ловко вымыла, тут же убрала посуду. Вышли в гостиную.

Андрей снял с вешалки и помог Элли надеть плащ, надел и застегнул ветровку. Но... но ещё не всё сказано.

– Элли, ты... Ты очень хорошая, – она, повернувшись к нему, молча ждала. – У меня есть ещё одна просьба.

– Да, Джек, я всё сделаю.

– Поклянись.

Он никогда ещё не говорил с ней так серьёзно.

– Клянусь. Ну... ну, памятью мамы клянусь.

– Памятью мамы, – медленно повторил он и кивнул. –

Этому верю. Элли, забудь про меня. Увидишь когда-либо, услышишь что-нибудь, не узнавай. Не было меня. Ничего не было.

Глаза Элли расширились, она медленно подняла руку, прижала пальцы к своим губам, словно зажимая крик, и кивнула.

– Спасибо, Элли. Прощай.

– Прощай, Джек, – шёпотом выдохнула Элли.

Андрей повесил на плечо сумку и открыл перед Элли дверь.

Тихое тёплое утро. Молча, сразу и рядом, и порознь они спустились по ступенькам с веранды, за их спинами щёлкнул замок захлопнувшейся двери, и Элли пошла через газон к воротам, а Андрей повернул за угол к лазу в живой изгороди.

Когда Андрей вышел на дорогу, он издали увидел Элли возле указателя «остановки по требованию» до Кингслея, и остался стоять в зарослях, наблюдая. Убедившись, что она благополучно села в местный автобус, он сквозь кусты по еле заметной тропинке вышел на параллельную дорогу, встал на обочине и приготовился ждать. Ему в другую сторону и в другой город, и вообще...

Светлело небо, облака заметно поредели. На траве бле-

стит роса, и птицы вовсю гомонят, нет, поют. Весна. Сегодня первое марта. Как и год назад, он на дороге. Тогда всё его имущество было надето на нём, а богатство – в ящике с инструментами. А сейчас... вот инструменты жалко, но слишком опасно соваться в Джексонвилл. Ладно, добраться до Эркина важнее, а инструменты – дело наживное.

Зашумел мотор, и Андрей сразу напрягся, готовый ко всему. И не удержался от радостной улыбки, увидев русский военный грузовик. Вот удача! И с той же улыбкой рванулся навстречу машине с вскинутой в призывном жесте рукой.

Шофёр в лихо сдвинутой на ухо пилотке остановил машину, но глядел настороженно.

– Ну?

– До комендатуры подбрось, а? – улыбался Андрей.

– Та-ак, – шофёр подозрительно осмотрел его. – А язык откуда знаешь?

– Из угнанных я, – Андрей улыбнулся ещё шире и бесхитростнее. – Домой охота, в Россию.

– Ладно, – кивнул шофёр. – Будет тебе комендатура. Полезай в кузов.

– Ага! Спасибо, браток.

Андрей кинул сумку в кузов и быстро перелез через борт. Шофёр рванул машину с места прежде, чем он сел, и Андрея едва не выкинуло обратно. Он сел на дно кузова и засмеялся. Ну, всё, он едет! И тут же одёрнул себя: ещё не вечер, ещё всякое может быть. Но... но привезут его точно в коменда-

туру. Уже легче.

Машина шла быстро, и он сел в угол у кабины, чтобы при нечаянном толчке не вылететь наружу, закурил и с одинаковым наслаждением глотал дым и рассматривал стремительно летящие назад деревья в молодой нежно-зелёной листве, зелёную щётку травы, смотри-ка, ведь за одну ночь всё вылезло, и солнце уже проглядывает. Нет, всё хорошо, всё будет тип-топ, всё отлично, а если Эркин на той стороне, то он найдёт, Россия велика, но найдёт. А там... там они заживут. Кингслей точно в стороне остался, ну да, там комендатуры нет, туда ни ему, ни машине не надо, а куда ж едут? В Диртаун, что ли? Тоже неплохо и весьма, там точно комендатура есть, видел её, когда шатался по городу между рейсами. Ага, точно, сейчас... сейчас направо поворот и площадь. Вот и она, комендатура, серое здание с русским флагом на фасаде.

Пискнув тормозами, машина остановилась напротив входа, и Андрей, схватив сумку, одним прыжком перемахнул через борт и подбежал к кабине.

– Ну, спасибо, браток! Сколько с меня?

Его искренняя радость, видимо, рассеяла последние сомнения шофёра. Солдат улыбнулся и ответил несравнимо сердечнее:

– Ладно тебе, земляк. Удачи.

– И тебе удачи.

Андрей даже помахал ему вслед рукой и подошёл к двери. Помедлив с секунду, открыл.

После залитой утренним солнцем площади вестибюль показался полутёмным. И, подходя к столу дежурного, доставая и заранее протягивая ему своё удостоверение, Андрей увидел за его спиной на стене часы и рядом большой календарный лист. Первое марта сто двадцать второго года, восемь часов ноль две минуты. Всё! Он добрался!

– Здравствуйте, вот...

– Здравствуй, на выезд?

– Да.

– По коридору направо, третий кабинет.

Андрей сам не ожидал, что с такой лёгкостью заговорит по-русски, будто и не было этих месяцев. А может, и впрямь не было? Как их объяснить, он, в общем, уже продумал, авось пронесёт.

Андрей остановился, вдохнул, выдохнул и постучал в дверь с цифрой «три».

– Войдите, – сказали из-за двери.

Он ещё раз перевёл дыхание и вошёл...

Американская Федерация

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Каким же длинным, суматошным и одновременно нудным был этот день. Андрей лежал на своей койке, глядя в синий от ночного света потолок, и слушал ровный медленно затихающий гул ночного барака. Храп, разговоры, скрип коек, сонные стоны и всхлипывания. А в голове путаются обрывки сегодняшних разговоров, под веки словно песка насыпано: и режет, и не закрыть. Неужели пронесло, неужели снова, в который раз, прошёл по краю и не упал?

...– Почему вовремя не пришёл за визой?

– Да ранили в Хэллоуин. Только отлежался, болячку какую-то подцепил. Ну и... закрутился, в общем...

А ведь ни словом не соврал. Правду говорить всегда лучше: не забудешь и не спутаешь. Только слова правильные

подберёшь и вперёд. И не спорь, всё сами за тебя придумают и тебе же скажут.

...– Понятно. А потом что? Муж вернулся?

– Точно! А... а как вы догадались?

– По твоему носу, – смеётся лейтенант. – У тебя на носу вся твоя биография написана. Будешь ждать машину или своим ходом?

– Буду ждать...

Конечно, не дурак же он – выходить наружу, где вполне возможно нарваться... на кого угодно, от полиции до дружков Найфа.

...– Ждите. Мы проверим наличие визы. Можете выйти в город, придёте через два часа.

– А здесь если... можно?

Насмешливо понимающая улыбка. Видно, не один он такой, кому в комендатуре безопаснее.

– По коридору до конца, во внутреннем дворике.

– Спасибо...

...– Раздевайся до пояса. Ох, как тебя разрисовали. Жалобы есть?

– Да нет, зажило всё.

– Посмотрим...

...– А это что? Телефон что ли?

– Ага!

– А наколол зачем?

– А по глупости.

– Хорошо, хоть понимаешь...

...Да, вот это – главное. И опять знающие правы. Ещё там слышал, что ищут, пока приказ есть. А если по бумагам прошло, что мёртв, то и искать не будут. Даже рассказывали про одного такого. Подходящий труп подsunул, ну и прошёл по всем спискам, что мёртв, его из ориентировок и убрали. Сами документы сменил, а так особо и не прятался. Вот и здесь так же. По бумагам живых лагерников нет, вот и не проверяют на номер. И врать не пришлось, только поддакивал. А в курилке в общем трёпе ещё проще. И опять же, если не врать и правильными словами говорить, то всё тип-топ...

...Угнали когда?

– Мальцом ещё. Ну, я в школу год отходил, а может, и два. Не помню уже толком. А там... – и вздох, всё объясняющий понимающим слушателям.

– Понятно.

– Ну да, парень, у меня так же.

– И чо, из родных кто жив?

– Брат.

– Чегой-то порознь поехали?

– Хэллоуин раскидал. Заново искать буду.

– Найдёшь.

– Не сумлевайся, парень, коли жив твой брательник, так занепрременно найдёшь...

...Андрей вздохом перевёл дыхание. Да, всё пронесло. Первичная проверка, дорога, медосмотр. Теперь ему здесь

заново месяц ждать визу и месяц проходить врачей и психологов. А это новые проверки. Пойти покурить что ли, отвести душу... и нет сил встать. Внизу сопит и похрапывает его сосед. Вроде, ничего мужик, спокойный, лет за тридцать, с вопросами не лезет. Так же лежал, когда комендант привёл новичка в этот отсек и сказал:

– Занимай верхнюю. И одна полка в тумбочке твоя.

Молча выслушал, повернулся лицом к стене и накрылся одеялом. То ли спал, то ли так лежал, пока Андрей, сразу приняв правила, так же молча закладывал на пустую полку в тумбочке бритвенный прибор и смену белья. Полотенце казённое, так свои пускай в сумке остаются, и третья смена тоже, а сумку куда? А вот так зацепить в угол у изголовья. И не мешает, и не на виду, ветровку на крючок, ботинки... пусть стоят. Уже сидя на своей койке, Андрей снял рубашку и брюки, повесил их, как и сосед, на перекладины спинки и лёг.

И вот лежит без сна, хоть денёк выдался... когда психуешь, а псих не показываешь, то устаёшь сильно. Есть ещё одна проблема, но её сейчас не решить, нет у него сил на её решение. Так что... так что, спи, Андрей Мороз, завтра будет день, будет и всё остальное. Бог даёт день, бог даёт и пищу. Спасибо за мудрость, Хромуля, безобидный ты был, тебя во всех бараках терпели, да не спасло это тебя. Ладно, спать.

Он заставил себя закрыть глаза, по давней привычке повернулся набок, кутаясь в одеяло. Спать, как же хочется

спать.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Кто бы думал, что, вывалившись, только прибавляешь себе хлопот. Правда, и дело они раскручивают немалое: ювелирный магазин-салон – это тебе не кобылу бесхозную оборотать, здесь мороки выше головы. И главное – всё должно быть чисто и законно. Подставлять Ларри под объяснения с властями нельзя, надевать на него крышу от Системы – тем более. Так что... крутитесь, как хотите. Да ещё «Октава». Здесь тоже само собой дело не пойдёт. Любой механизм в подзаводке нуждается, а новый – тем более. Так что носились, как посоленные. А тут ещё игры, серьёзные настолько, что могут стоить головы. И потому второго марта Джонатан, плюнув на всё, после ленча залёг в их квартире отсыпаться перед ночью. Что надо обговорили, кого можно прощупали. Всё. Надо отдохнуть. Как проведёт эти оставшиеся часы Фредди, они не обсуждали. Тоже, как всегда.

Инспектор Робинс оглядел своих помощников, свою команду.

- Будет весь Ансамбль.
- Да, и ещё кандидаты.
- Киллеры все приедут.
- Тройное кольцо выставляют.

Робинс кивал, слушая.

- Если мы никого не пришлём, начнётся переполох.

Робинс снова кивнул. В этом Коллинз прав. Их информатора там знают, и если что, то начнут искать другого, что уже совсем нежелательно.

- Из Луизианы уже приехали?

– Да, Гаммэн здесь. От других – либо сами, либо первые после.

- Кроме Атланты.
- В Атланте ещё бардак...
- Но по мелочи...

– Её и будут делить, – перебил говорящего Робинс и прихлопнул сказанное ладонью.

Затем встал и достал из сейфа связку миниатюрных переговорников.

- Разбирайте.
- Ого!
- Вау!
- Шеф, откуда?

– Арсенал СБ?!

– Русские поделились, – усмехнулся Робинс.

– Хоть что-то и нам перепало!

– Да, щедры.

– На трофейное-то старье...

– Без них мы бы и этого не видели.

– Тоже верно.

Разобрали, закрепили на лацканах пиджаков, воротниках рубашек и курток, кому уж как удобнее, обговорили коды и сигналы.

– Всё выведено на магнитофон, – напутствовал Робинс. – Так что...

– По-индейски, шеф.

– Ну да. Что видим...

– ...О том и поём.

Последние шутки, подначки, и все сразу встали и пошли к двери. Робинс кивнул Стэну, и тот медленно, с помощью Коллинза, перебрался к столу с магнитофоном и тетрадью регистрации. После ампутации обеих ног и контузии позвоночника его работа только у магнитофона и с бумагами. Каких трудов стоило Робинсу отбить Стэна от комиссования... ну, это совсем другая история.

– Я в порядке, шеф.

– Удачи!

– И вам, шеф.

Сегодня Робинс идёт со всеми. Всё слишком серьёзно, и

он должен быть там.

Незнающий не войдёт, а нежеланного не выпустят. Болтающиеся у витрин юные бездельники, поджидающие клиентов шофёры такси, случайные прохожие, кажущиеся пустыми машины у тротуаров... Тихая тёплая весенняя ночь. Колумбия – большой город, и творится в нём многое. За всем не уследишь.

В неприметно-спокойном «Чейз-отеле» в игровом номере шумно и весело. Дела ведь можно обделывать и так: под игру и в игре.

Начиная работу, Джонатан был, как всегда, спокоен, улыбчив и радушен. Но... но что-то не так. Всё, как обычно, как должно и..., и не так. Медленный обычный разогрев. Но... но почему так азартен Ричи? Пожалуй, да, напоказ азартен атлантец. И Гаммэн... не играет, а сел вплотную к игрокам и пялится. Нет, что-то не так.

Входили и выходили, шестёрки у дверей то и дело дёргались. Фредди не было, но Джонатана это не волновало: ковбой и должен подойти попозже. А вот чего Гаммэн так смотрит на дверь, будто ждёт кого-то? Что-то готовится? Нет, похоже, уже началось. Джонатан шутил, смеялся, охотно отвечал на чужие шутки, но напряжение уже не отпускало его.

По дороге к «Чейз-отелю» Фредди привычно отмечал кольца охраны и слежки. Все наготове. Ну, как всегда. Интересно, кого из уорринговцев он сегодня увидит? Осталось

нас... меньше десятки. Да и выжившие не все рискнут. Русские с Крысиными картами хорошо поработали. Вывалиться удалось не всем, но те, кто поумнее, легли на дно. Найф наверняка припрётся набирать заказы.

Разумеется, никто не остановил спокойно идущего размеренным шагом высокого мужчину в дорогом неброском костюме и ковбойской шляпе тонкого фетра, даже не посмотрел в его сторону, когда он, не меняя шага и не поворачивая головы, вошёл в двери «Чейз-отеля» мимо спокойно глядящего в пустоту швейцара в туго натянутой на могучих плечах форменной ливрее.

- Ковбой прошёл.
- Киллеры все.
- Найфа нет.
- Он без голоса. Начнут и без него.
- Шеф, должен сместиться.
- Передвинься за угол.
- Здесь драка.
- Помигай им, что мы поняли, и ни с места.

Мягкие ковры на полу, никаких звуков из-за плотно закрытых дверей. Фредди открыл дверь без номера и вошёл. Его сразу обдало волной яркого света, весёлой мужской болтовни, хохота, запахов дорогих сигар и выпивки. «Шестёрки» у двери, оказавшись за его спиной, изобразили пол-

ную почтительность: что Ковбой затылком видит, ничего не прощает и всё помнит, все знают. Но сквозь весь этот гормон Фредди сразу ощутил напряжение Джонни и мгновенно встревожился. И сев, как всегда, за его правым плечом, оглядел комнату уже по-другому, не просто отмечая, кто здесь, а кого нет, но определяя, из-за кого психует Джонатан.

Приветствовав Фредди радостной улыбкой, Ричи начал взвинчивать ставки, небрежно, в лучшем столичном стиле, выбрасывая деньги на стол. Гаммэн скучающе безучастно глазел на ворох купюр на столе, всё чаще прикладываясь к своему стакану. Странно, конечно, раньше Гаммэн игрой не интересовался, но не такая это фигура, чтобы из-за него психовать. Встал из-за стола один из игроков, и его место заняли сразу двое, но тоже... птицы невысокого полёта. Вошёл Одноглазый, от двери кивнул Фредди, но к столу не сел, ну, так он никогда не играет, сейчас выберет себе самый выгодный заказ, сядет в угол и будет сидеть неподвижно, будто спит. Так из-за чего? Всё как обычно. Разве только, что Ричи раздухарился, давно на него не накатывало, того и гляди, что свои пайи на кон поставит.

Гаммэн знал, что у всех уорринговцев крыша набекрень и с дырками, но не до такой же степени! Предать Найф не мог, в этом случае Ковбой бы прямо от двери открыл стрельбу. Ковбой справился и с Найфом, и с его придурком? Возможно. Но и тогда бы вошёл иначе. Тогда что? Найф передумал и просто не пришёл?! Запил, загулял, забыл наконец?! Ни-

когда такого не было, чтобы Найф заказ не отработал, но всё когда-то впервые случается. Один чёрт. И Найфа теперь надо кончать. Прямо сейчас, никого и ни ко чего не дожидаясь. Ричи пусть сам выпутывается. И придурка туда же. Да, ждать нечего. Но встать из-за стола Гаммэн не мог, боясь привлечь внимание, ведь Ковбой стреляет мгновенно.

Почувствовав спокойствие Фредди, Джонатан перевёл дыхание и заиграл в обычной манере. В конце концов если Ричи попала шлея под хвост, то грех мешать. И Гаммэн отвалить явно собрался. Тоже хорошо, а то надоел: сидит впустую и пялится.

Ричи поставил на кон свой атлантский пай, и к столу подошли те, кто посерьёзнее. Начался делёж, а если Ричи предлагает передел... можно и нужно подумать. Гаммэна оттеснили, и он за спинами рассаживающегося за столом Ансамбля прошёл к выходу, кивнув одиноко зажатому в углу Полу. Тот молча последовал за ним.

Молча они вышли из номера и пошли к запасному выходу, на ходу натягивая свои кожаные перчатки. Машина ждала их у подъезда. Шофёр и два телохранителя наготове. В машине Гаммэн назвал адрес и твёрдо сказал:

– Я сам прикончу эту сволочь.

Телохранители кивнули, приняв задание.

– Шеф, Гаммэн сорвался.

– Езжай следом и фиксируй. Остальным не отвлекаться.

Выдерживать дистанцию на ночных улицах непросто, и Коллинз, притушив фары, не ехал, а крался за машиной Гаммэна. И всё равно чуть не врезался в световую полосу, когда Гаммэн затормозил на окраине у ничем не примечательного домика. До «Чейз-отеля» далеко, надо выходить на базу.

– Стэн.

– Слышу, Кол.

– Пиши. Сорок седьмая на северо-западе, номер сто тринадцать. Гаммэн, Поул, два лба... идут к дому... шофёр в машине... дверь закрыта... открывают отмычкой... все вошли... включили свет... шторы плотные, ничего не вижу...

Они молча стояли у двери. Все достаточно опытни, чтобы понять – труп не один день. Вся мебель на месте, на столе полупустая бутылка, пять пустых стаканов и один недопитый. И... и нож аккуратно лежащий рядом с телом, знаменитый нож Найфа.

Гаммэн медленно выдохнул сквозь зубы. И словно очнувшись, они быстро вышли, выбежали на веранду и так же бегом бросились к машине.

– Рвём когти! – выдохнул Гаммэн шофёру.

– Они что, привидение увидели? – озадаченно спросил вслух сам себя Коллинз. – Рванули, как... Стэн...

– Оставайся на месте, я свяжусь с шефом.

Коллинз кивнул невидимому собеседнику и остался сидеть за рулём, разглядывая ярко-жёлтый прямоугольник распахнутой двери и изломанный квадрат света на ступеньках крыльца. Вообще-то всё правильно. Все лёжки Гаммэна известны. Так что, вернётся в «Чейз-отель», рванёт на выезд, поедет на квартиру – везде засветится.

– Кол...

– Слушаю.

– Шеф выехал к тебе.

– Понял.

Почему, получив сообщение Стэна, Робинс всё бросил и помчался на окраину, захватив с собой полкоманды... Ну, чутьё Робинса всем известно, но на этот раз он сам себя превзошёл.

Коллинз ждал у калитки. Четыре машины – по две с каждой стороны – влетели на тихую улицу и, пискнув тормозами, замерли, блокировав подъезд.

– Заходил? – Робинс выбросил себя из машины на садовую дорожку.

– Нет, ждал вас. Это Гаммэн так всё бросил, – ответил ему уже в спину Коллинз.

Клином – Робинс впереди, остальные в три ряда следом – они поднялись на крыльцо.

– Дверь открыта... включён свет... – Роджер вёл отчёт для Стэна, – входим...

И замерли на пороге. Увиденное было слишком неверо-

ятным, даже невозможным.

– Ого! – наконец выдохнул кто-то.

– Ну ни хрена себе! – ответил столь же осмысленно другой.

Ещё кто-то выругался длинно и восторженно.

– Что там?! – в голосе Стэна зазвучала паника.

– Найфа кончили, – очень спокойно ответил Робинс.

– Чья пуля? – так же спокойно спросил Стэн.

И ликующий крик Гарнье.

– Его зарезали, Стэн! Выпустили кишки! Богом клянусь!

– Шеф... – мольбу в голосе Стэна поняли все.

– Вы, трое, – Робинс коротким жестом отделил Гарнье и двух его помощников, – поезжайте. Одного оставите на магнитофоне, Стэна привезёте сюда, по дороге захватите Пенроза и Олби. До вас ничего не трогаем.

Пенроз и Олби – медэксперт и фотограф – давно работали с Робинсом, и их авторитет был столь же высок. Разумеется, на слезку за Ансамблем Робинс их не взял, но здесь нужна уже их работа.

Они отключили переговорники, чтобы не сажать попусту батарейки, и, стоя по-прежнему в дверях, оглядывали гостиную, обмениваясь краткими замечаниями.

– Чей дом?

– По переписи мэрии бесхозный.

– Интересно, чьи трупы в других бесхозных?

– Стоит проверить.

- Потом.
- Да, там есть нюансы.
- Не подлежит контролю?
- И это.
- Опять наследство СБ?
- Возможно.
- Нож, похоже, его собственный.
- Похоже. Аккуратно как положили. Будто...
- Да, напоказ.
- И порядок.
- Навели перед уходом?
- Проверим, но на драку непохоже.
- Их было пятеро.
- Для Найфа и десяток – не проблема.
- Спорим, пальчиков не найдём.
- Да, если только опять же его собственные.
- Пачки тысячные.
- Да, так бросить двести тысяч...
- Сколько же унесли с собой?

Но больше молчали. Смерть для киллера – закономерность. Тут и конкуренты, и умные заказчики, которые предпочитают самостоятельно убирать исполнителей, как и свидетелей. Но чтобы Найфа зарезали, вот так, выпустив кишки в буквальном смысле, да ещё перерезали горло...

- Вместо контрольного в голову, что ли?
- И в разрез сто тысяч воткнули?

– Интересно, почему не обе?

– Не поместились?

– Или для нас, чтобы бандероли лучше читались?

– Да, это перспективно.

Наглость? Да, дерзкая, вызывающая наглость. Но и личность Найфа... настолько отвратительна, что к его убийце...

– Вряд ли был один.

– Да, один на один с Найфом...

– Справился же.

И понятно, почему Гаммэн сбежал: вешать на себя такое никому неохота. И если такое сделали с Найфом, то что ждёт любого другого?

Робинс молча слушал негромкий обмен репликами, не вмешиваясь.

Зашумел и стих мотор подъехавшей машины. Гарнье привёз Стэна, Пенроза и Олби. Коляска Стэна в машину уже не влезла, и Гарнье с Диксом буквально на себе внесли Стэна на крыльцо. Перед ними расступились.

Крепко обхватив руками шеи Гарнье и Дикса, бессильно вися между ними, Стэн долго смотрел на тело Найфа. Все молчали.

– Гаррет, – позвал вдруг Стэн своего убитого Найфом парника, – ты был прав, Гаррет, ему выпустили кишки. Слышишь, Гаррет?

Коллинз с тревогой посмотрел на него: неужели у парня срыв, от радости крыша тоже едет. Но Стэн сглотнул и спра-

вился с собой.

– Спасибо, шеф. Я подожду в машине.

– Посиди вон в том углу, – внешне равнодушно сказал Робинс. – Там чисто. И начнём.

Началась обычная работа. Сверкала вспышка Олби: общий план, детали, раны, стол, что ещё... звон инструментов Пенроза, поиски следов, отпечатков, монотонная диктовка описаний для протокола... Рутина.

К исходу ночи всё утряслось и решилось. Ричи, спустивший свои паи в Атланте и почему-то явно довольный таким результатом, убрался. Проиграл он Джонатану, но тому паи не положены, их тут же взял себе Фредди и намекнул, что будет менять, ему Атланта не с руки. Полетели все предварительные расклады. И на доклады «наружки», что Бульдожина куда-то свалил и половину своих забрал, особого внимания не обратили. Если какой гастролёр чего-то там сварганил и отвлёл Бульдога... ну, так потом поблагодарим. Если залётный, конечно, не залез в чужие уголья, а тогда благодарность другая будет. Но это потом, это всё – пустяки, главное – здесь и сейчас. В ход пошли старые долги и счёты. Одноглазый вертел головой, перемигиваясь с потенциальными заказчиками. На Фредди он не смотрел: киллер свои проблемы сам решает.

И уже на рассвете Джонатан и Фредди шли по пустой тихой улице. Шли и молчали: не было сил для разговора. Всё-

таки из-за Бульдога не стали ничего откладывать на потом, всё решили сегодня. И теперь можно спать. Весь день. А завтра впрямую браться за точку для Ларри. Территория рассчитана.

Когда они закончили, солнце уже поднялось над крышами. Пенроз вызвал труповозку и уехал с ней для детального вскрытия. Остатки спиртного из бутылки и стакана и соборанный с пола порошок так же увезли на анализы. Бренди оно, конечно, бренди и перец как перец, но вдруг ещё что подмешано. Пропитанные трупным запахом и кровью пачки кредиток отправились туда же. Тоже на всякий случай. И для детального изучения бандеролей. Странно, что их не сорвали, дав следствию такую зацепку. Не знают, что отсутствие бандеролей делает купюры практически анонимными? Или... Ну, тут можно до многого додуматься.

– Шеф, там Кринкл из «Новостей» мается.

– Утечка информации, когда закончим. Официально: без комментариев.

– Понял, я передам.

– Так сколько их было?

– Стаканов шесть.

– Но пили из одного.

– Чтобы Найф дал себя зарезать, как барана...

– Странно.

– Всё странно.

- Шеф, в гараже машина.
- Всё выгрузить и описание подробно.
- Банки для перца пусты.
- Ловки.
- И всего по шесть, а глубоких тарелок пять.
- Не доказательство.
- Чего конкретно?
- Фиксируйте всё. Потом разберёмся.
- Шеф, и это?

Со стороны дивана на бахrome торшерного абажура две маленькие косички.

- Я сказал: всё.
- Отпечатков нет.
- С такими-то перчатками.

Да, когда Пенроз, пинцетом приподняв манжеты рубашки Найфа, позвал их посмотреть, они все столпились. Знаменитые перчатки СБ, чудо техники, прозрачные до невидимости, прочные, ничему не мешают, а следов не оставишь. Где Найф их раздобыл? И, видимо, давно: он отпечатков уже... да, ещё до капитуляции не оставлял, только по характерному следу ножа и жестокости его и опознавали.

- Так вот, значит, в чём дело.
- Но если до капитуляции...
- В багажнике целая упаковка.
- Что?!
- Да, это уже серьёзно.

– А если присовокупить ещё...

– Да, ловок, что и говорить.

– Но нашлись и половчее его.

– Думаешь, из той же... конторы?

Робинс задумчиво покачал головой, но вслух не возразил.

Пенроз обещал проверить, но по всему выходило, что зарезали Найфа его же ножом. Наглость... не то слово. И вообще... всего полно, а ухватить не за что. Окаянное дело. Уже сейчас видно, что зависнет. Так что... удастся вычислить и даже найти, но доказать... Но... но было уже такое, было!

Робинс то и дело досадливо хмурился. Чем больше информации, тем больше это походило на то дело, дело Ротбуса. Работали там русские, но информацией поделились, передавая копии розыскных карт на уорринговцев. Ротбус явно себе кусок не по горлу хватанул, вот и подавился. Там фигурировали пастухи Бредли, а телохранитель Ротбуса сейчас... работает у Бредли. Случайное совпадение?

– Коллинз.

– Да, шеф.

– Проверь. Колумбийский палач...

– Сейчас он Чарльз Нортон.

– Да. Где он? Возьми под наблюдение. А поговорим после экспертизы.

– Да, шеф, – понимающе кивнул Коллинз.

Всё правильно: «колумбийский палач» такое мог. Если его использовали... сейчас он официально работает у Бред-

ли. А неофициально... Посмотрим.

Американская Федерация

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Заканчивалась первая неделя их семейной жизни. И всё, чего так боялась Люся, решалось неожиданно легко. Кирочка был так внимателен, с полуслова, даже с полвздоха понимал. Ни разу не посмотрел на неё, когда она переодевается, а утром встанет первым, включит чайник и уйдёт в душ. А

уж она, пока его нет, встаёт, меняет повязку на боку, надевает белый полотняный корсет, дневное платье, повязывает дневной платок и бежит в столовую за завтраком. Им такие красивые судки подарили, совсем как серебряные. А если ещё и ночью было бы как положено... А, то Кирочка всё для неё делает, а она...

Люся вздохнула, накрывая на стол. Сегодня ей дали блинчиков со сметаной и салат из свежей капусты. А чай теперь свой, вот и готов уже. Господи, что же ей делать, господи, владычица небесная... Люся посмотрела на висящую в углу икону. Тётя Паша благословила их этой иконой, а потом Кирочка повесил её в углу, красном, парадном.

– Владычица небесная, Матерь Божия, Заступница милосердная, – шептала Люся, неотрывно глядя в смотрящие сквозь неё глаза иконы и, как всегда, забывая креститься. – Помоги, Матерь Божия, спаси и помилуй, Заступница.

Тётя Паша говорит, что поможет, надо только сказать в чём нужда, да ведь не скажешь. Как сказать про... это самое вслух, да ещё Богородице, Она же непорочная, Её нельзя об этом просить. Что Кирочку она трогает, гладит, что ей самой приятно, что как заснёт Кирочка, она прижмётся к нему и не стыдно ей, что они, считай, голые, и об одном жалеет, что Юрий Анатольевич тогда застукал их не вовремя, что...

За её спиной стукнула, открываясь, дверь, и Люся быстро обернулась.

– Кирочка, как хорошо, у меня готово всё.

Он только улыбнулся в ответ, и от его улыбки ей сразу стало легко и весело. Они сели за стол, и Люся заботливо подкладывала ему сметану, придвигала сахарницу.

– Люся, а себе?

– Ой, да я ем, Кирочка, ты вон тот, поджаристый, возьми.

– Угу.

Крис ел, искоса поглядывая на Люсю. Когда Люся весёлая, она очень красивая, и глаз прижмурен, будто подмигивает.

– Ты что, Кирочка?

– Нет, ничего, – вздрогнул Крис.

Он уже знал, что, если скажет Люсе, какая она красивая, Люся заплачет, и потому заговорил о другом.

– Люся, как ты думаешь, что нам ещё купить?

Люся охотно подхватила разговор. Что им здесь купить, а какие покупки отложить до России, и денег у них не ах сколько. Крис, правда, уже как медбрат получает, да ещё полставки массажиста и четверть ставки уборщика, а у Люси только ставка, и не сестринская, а санитарки. Но и надарили им столько, что всего хватает.

За разговором доели, и Люся, налив тёплой воды из чайника в специальный тазик-полоскательницу, стала мыть посуду. Завтра их праздничные дни кончаются, им обоим на работу выходить, и ничего тут не поделаешь.

Люся вытерла и поставила на место посуду, а Крис вынес вылить грязную воду и ополоснуть полоскательницу под краном. А когда вернулся, Люся уже покрыла стол скатёркой и

ждала его.

– Может, в парке погуляем? – нерешительно предложил Крис.

Люся кивнула. Да, именно сейчас, когда больные на процедурах и в саду никого нет, а то... а то стыдно. Это когда по делу идёшь, то ни лицо, ни что другое неважно, а когда гуляешь...

Она надела пальто, Крис свою купленную зимой куртку – тёплую подкладку он отстегнул, и стало как раз по погоде, оба переобулись. Крис запер дверь и спрятал в карман джинсов ключи с брелочком – подарком Ларри. По пустому тихому коридору прошли к лестнице и вышли. Крис как закрыл дверь, так взял Люсю за руку и не отпускал. Так и шли рядом, сцепив руки.

Было уже совсем тепло, и солнце такое хорошее. На деревьях молодые ярко-зелёные листья, и трава густой щёткой. Гуляя, они пришли на сейчас безлюдную тренировочную площадку парней. Крис оглядел пустые зарешеченные окна и решительно снял куртку.

– Я разомнусь немного, хорошо?

– Конечно, Кирочка, – закивала Люся. – А я посмотрю, можно?

– Тебе всё можно, – счастливо ответил Крис и стал расстёгивать рубашку.

– Тебе холодно не будет? – встревожилась Люся.

– Нет, что ты.

Куртку и рубашку он хотел повесить на ветку, но Люся забрала.

– Что ты, не надо, я подержу.

– Ага, спасибо, Люся.

Крис вышел на солнечное место и стал разогревать мышцы. Прижав к груди его куртку и рубашку, Люся открыто, забыв обо всём, любовалась им, его смуглым точёным телом, и шрам сбоку на груди, тонкой белой полоской спускающийся на живот и дальше за пояс, совсем не портит его, мужчине вообще шрамы не в укор.

Разогревшись, Крис подошёл к турнику. Любящий взгляд Люси приятно туманил голову.

– Люся, сто раз подтянусь, считай!

Люся засмеялась и стала громко считать.

Андрей и Алик сегодня работали во вторую смену и потому решили с утра как следует повозиться на снарядах. Занятые своим – разучивали под ритм шага русские скороговорки – и уверенные, что там никого нет и быть не может, они, что называется с ходу, влетели на площадку на семьдесят восьмом подтягивании. И замерли, растерявшись.

Вися на полусогнутых руках, Крис сердито посмотрел на них. Люся, запнувшись на полуслове, испуганно прижала к себе рубашку и куртку Криса, пряча в них лицо.

– Привет, – нашёлся первым Андрей.

– Привет, – Крис спрыгнул с турника. – Вы чего?

– Потянуться хотим.

Крис подошёл к Люсе, взял у неё свою рубашку и стал одеваться.

– А втроём если? – предложил Алик.

– В другой раз, мальцы.

Крис застегнул рубашку, заправил её, и Люся заботливо накинула ему на плечи куртку, несмело улыбнулась парням. Те ответили ей широкими радостными улыбками. Крис взял её за руку.

– Пошли, Люся. Пока, парни.

– Пока, – ответили им уже в спины.

Когда они отошли, Люся огорчённо спросила:

– Ты хотел ещё? Я помешала?

– Нет, – с неожиданной для самого себя резкостью ответил Крис. – Нет, Люся. Я... я просто хочу быть с тобой, только с тобой. Мне никто не нужен. Они – хорошие парни, но я видеть сейчас никого не хочу.

Люся шла рядом и слушала его. И чувствуя, что она согласна, что ей тоже сейчас никто не нужен, Крис сказал:

– Пошли домой, я дома потянусь, а ты посмотришь.

– Конечно, пошли, – сразу согласилась Люся. – Дома совсем другое дело, и тепло, а то, не дай бог, продует тебя.

Разогретое тело просило движения, и Крис невольно всё прибавлял и прибавлял шаг. И Люся уже почти бежала рядом.

Войдя в их комнату, Крис с ходу запер дверь и стал раздеваться. И пока Люся снимала и вешала пальто, он уже остал-

ся в одних трусах. И тут, словно опомнившись, посмотрел на Люсю.

– Я... ничего, что я... так?

– Ничего, – улыбнулась Люся.

Она, чтобы не мешать, села на кровать, уже понимая, что ему нужно много места. Крис стоял перед ней, обливаемый в окно весенним солнцем, в белых, туго обтягивающих бёдра трусах. И она снова залюбовалась им.

Крис медленно потянулся, выгибаясь, выпрямился и погнал по телу волну. И восхищённо-изумлённое лицо Люси, её распахнутый глаз и прижатые к груди руки...

– Господи, Кира, – выдохнула Люся, когда он остановился, переводя дыхание, – какой ты...

– Какой? – сразу спросил он.

– Красивый.

Крис подошёл и встал перед ней на колени.

– Люся, можешь сердиться, но я скажу. Ты красивая, Люся.

– Кира...

Она хотела закрыть лицо ладонями, но он удержал её за запястья.

– Люся, я люблю тебя, для меня ты красивая, а на остальных мне плевать, Люся.

– Кира...

Крис медленно потянул её руки, положил её ладони себе на плечи.

– Днём? – улыбнулась Люся сквозь выступившие слёзы.

– Мне на всё плевать, Люся. Пожалуйста, не гони меня.

Он медленно вставал, не отпуская её рук, вёл её ладонями по своему телу. И остановился, положив её руки на свои, туго обтянутые трикотажем бёдра.

– Я... я противен тебе, Люся?

– Нет, Кирочка, что ты?!

– Тогда посмотри на меня. Всего. Я... – он задохнулся и всё-таки заставил себя, вытолкнул эти слова: – Я твой, Люся.

Люся ахнула, сразу вспомнив слова Жарикова, и рывком встала.

– Тогда я тоже твоя, ты тоже посмотри на меня. Всю посмотри.

Она говорила требовательно, даже зло. Но Крис её понял и сам потянулся к пуговичкам на её груди.

– Да, – кивнула Люся, – только... – и сердито мотнула головой, – нет, Кира, давай.

Он расстегнул пуговички и, наклонившись, поцеловал её в разрез. Люся невольно ахнула, но не отпрянула. И Крис уже смелее попытался столкнуть с её плеч платье, но разрез оказался мал, снималось платье только через голову.

– Нет, – Люся вздохнула и высвободилась. – Я сама.

Крис отступил на шаг и привычно отвернулся. Люся содрала платье и бросила его на стул. Так же торопливо стащила, не отстёгивая чулки, пояс с резинками, оставшись в трусиках и полотняном корсете на бретелях. Взялась за платок.

Ей стало страшно, но Крис, словно почувствовав, что нужна его помощь, обернулся. И шагнув к ней, обнял, обхватил за плечи так, что Люся оказалась в кольце его рук, таких сразу и мягких, и сильных. Крис целовал её в губы, и она даже не заметила, как он развязал узел на её платке и высвободил концы. И Люся сама, мотнув головой, сбросила его. Пусть, пусть Кира увидит её голову, пятнистую от ожогов, хорошо, хоть здесь без корок, с редкими жалкими пучками каких-то бесцветных не волос даже, а щетины, как у шелудивого поросёнка. Но Крис словно не заметил этого, продолжая её целовать. И под его поцелуями она и сама забыла об этом.

Крис знал, как болят ожоги, и назначение этой белой жилетки понял сразу, он сам надевал такие на раненых, прижимая повязки к торсу, и потому не стал его расстёгивать, а занялся трусиками Люси. Ожог на бедре – он помнил – уже не так болит, там просто чувствительность больше. И однажды он уже раздевал её снизу, и Люся не боялась.

Она и сейчас не испугалась и даже удивлённо засмеялась, когда он поцеловал её в живот, чуть пониже пупка. И когда он, выпрямившись, снова положил её руки на свои бёдра, она поняла и потащила вниз ткань. Но раздевать она совсем не умела, и Крису пришлось раздеться самому. Отпихнув ногой, чтобы не мешались, трусы, он снова склонился к губам Люси, потом стал целовать её в шею, в горло, между ключицами, и... и Люся сама взялась за крючки корсета, расстегнула и распахнула его. Крис коснулся губами её груди, ма-

леньких, как у девочки, поцеловал в своды, в соски. Люся вдруг тоненько застонала, но этот стон не испугал его. Ноги у Люси подкашивались, и он посадил её на кровать и встал перед ней.

– Люся, вот он я, весь здесь.

Люся схватила открытым ртом воздух.

– Я... я тоже, я вся здесь.

Нетерпеливо дёргая плечами, она стащила корсет, отбросила его. И снова Крис словно не заметил ни марлевой салфетки, ни полосок лейкопластыря, ни запаха мази, ни даже того, что полгруды у неё тоже багровые от ожога. И... и он целовал её, целовал грудь, живот, и ей не было стыдно, ну вот ни капельки, она даже обхватила его за голову и прижала к себе.

Крис никак не ждал, что Люся так готовно, так бесстрашно раскроется перед ним, сама откинется назад и ляжет поперёк кровати, увлекая его за собой. Но ей будет так неудобно, и он осторожно, очень мягко поправил её и сам лёг рядом.

– Кирочка, родной мой, Кирочка...

Она целовала его лицо, плечи, грудь, неумело тыкаясь, скользя, нет, трогая, ощупывая губами его тело. И Крис всё яснее ощущал, что волна, красно-чёрная горячая волна не почудилась ему, что и впрямь собираются в упругий комок, напрягаются мышцы, что он... он может, может войти, Люся ждёт его, волна, горячая волна захлёстывает его...

...Рука Люси гладит его грудь, и ему так блаженно хорошо, как никогда не было. Лицо Люси над его лицом, всё ближе, ближе, их губы встречаются.

– Люся...

– Кирочка, милый мой, родной мой, – губы Люси касаются его лица. – Спасибо, Кирочка.

– Спасибо, Люся, ты... тебе было хорошо?

– Да, да, Кирочка.

Они лежали рядом, и он подвинулся так, чтобы Люся лежала на нём, чтобы всем телом ощущать её.

– Люся...

– А тебе, Кира, тебе было... хорошо?

– Да, Люся! Мне никогда ещё так хорошо не было.

Люся вздохнула, мягко соскользнула с него и легла рядом, положив голову ему на грудь, и совсем тихо сказала:

– И совсем не больно было. И не страшно.

Крис повернул голову и осторожно потёрся лицом о её макушку. И Люся не обиделась, а засмеялась. И он повернулся набок, лицом к ней и очень осторожно тронул пальцами её грудь, погладил по бедру, животу.

– Ага, – засмеялась Люся. – Ага, Кирочка.

Люся казалась такой маленькой и хрупкой, что он не рискнул лечь сверху, а встал над Люсей на колени и осторожно за бёдра приподнял её. И тут же опустил, потому что лицо Люси вдруг стало испуганным.

– Люся, что?! Что случилось? Тебе больно?

– Нет, Кирочка, нет.

Люся потянулась к нему, и он помог ей сесть, обнял.

– Кирочка, – всхлипывала Люся у него на плече. – Кирочка, я... я не знаю, как сказать, они меня за ноги тянули, головой по полу, я кричала, а они смеялись, не сердись, Кирочка.

Крис обхватил её и досадливо, злясь на самого себя, прикусил губу. Ах чёрт, как всё было хорошо, и как он всё испортил!

– Люся, я не хотел, я не подумал, Люся.

– Нет, что ты, Кирочка, – Люся, всхлипнув, потёрлась лицом о его плечо, – ты же не знал ничего, я понимаю. Давай... давай так полежим, ладно?

– Ладно, – сразу согласился Крис. – И... ты замёрзла, наверное, я раскрою постель, хорошо?

– Хорошо.

Он быстро собрал и снял с кровати покрывало, бросил его на стул, откинул одеяло и помог Люсе лечь на её обычное место у стены и сам лёг рядом.

– Ты только не уходи, – потянулась к нему Люся.

– Нет-нет, я здесь.

Они обнялись и лежали так, в тишине, только птичий весенний гомон за окном.

– Кирочка, – вздохнула Люся, – ты не обижайся, но я... я не могу тебе сказать, ну, об этом.

– Я не обижаюсь, что ты, конечно, не говори. Я с тобой, Люся, я всегда буду с тобой.

И уже Люсины руки касаются его лица, зарываются в его волосы. И он мягко гладит её плечи и спину, обходя полоски пластыря. Люся всё ближе к нему, её грудь плотно прижимается к его груди. И опять его толкает в спину упругая горячая волна. И уже не со страхом, а с радостью он ощущает своё тело, что снова владеет им. И Люся рядом, не боится, не отталкивает его.

– Люся, а так? Так можно?

Он осторожно подвинулся так, чтобы нога Люси легла на его бедро.

– Да, – удивлённо согласилась Люся. – А что, Кирочка?

– А вот так? – лукаво спросил он, мягко толкая её, не входя, а показывая, что хочет войти.

– И так, – Люся несмело улыбнулась ему и, увидев, как он обрадовался её улыбке, засмеялась. – И так, Кирочка! Конечно, так.

Взять, поправить её ноги руками Крис не рискнул. Раз Люся боится, когда её берут за ноги, так он же не дурак, чтобы пугать её. И он поёрзал, бёдрами раздвигая ноги Люси, и снова мягко толкнул её. Волна была совсем рядом, но он ещё чувствовал и осознавал себя. Люся не испугалась его толчка, не зажалась, и он, целуя её в губы и шею, по-прежнему лёжа на боку, вошёл. И тихо засмеялся удивлённо-радостному лицу Люси, покачался в ней, чуть-чуть, без ударов. Люся всё плотнее обхватывала его плечи, прижимала к себе. И, поддаваясь её рукам, он ударил сильнее. Люся охнула, но отпря-

нуть он не успел, потому что его опять накрыла и понесла горячая волна.

...Когда Крис заснул, Люся осторожно поцеловала его в висок. Крис вздохнул, не открывая глаз, и улыбнулся во сне. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и Люся, пригостившись рядом и опираясь локтем о подушку, как впервые разглядывала его. Смятое скомканное одеяло валялось на полу, они сами не заметили, как и когда столкнули его. И день на дворе, солнце так и бьёт в окно, а они оба голые, а ей не стыдно. Вот ни капельки не стыдно, и всё! Она разглядывала его смуглое мускулистое тело, какой же он красивый и сильный, и впервые не думала о том, какая она рядом с ним.

Сквозь сон Крис чувствовал этот, ласково скользящий по нему взгляд и улыбался. Как же ему хорошо. Ему и в голову не приходило, что это может быть приятным. Не работой, а удовольствием. Как же хорошо. Так лежать бы и лежать, и чувствовать Люсю рядом, и ни о чём не думать.

И тут он сообразил, что ему-то без одеяла привычно, а Люсе может быть холодно, и открыл глаза.

– Люся...

– Я разбудила тебя?

– Нет, я сам проснулся.

Он соскользнул с кровати и поднял одеяло.

– Я укутаю тебя.

– Ой, а времени сколько? – вдруг спросила Люся.

– Скоро час, – мельком посмотрел на будильник Крис.

– Ой! Обед уже, – Люся соскочила с кровати, схватила свой корсет. – Я сейчас за обедом схожу, и...

И замерла, глядя в зеркало. Она вдруг увидела себя. Худую, в пятнах, безволосую, повязка на боку отклеилась, и видны жёлтые, как гнойные корки на багровых влажно-блестящих ожогах. Люся закрыла лицо руками и заплакала.

– Ты что? – рванулся к ней Крис. – Люся, что с тобой?!

И уже сообразив, что же случилось, развернул Люсю к себе, спиной к зеркалу.

– Люся, посмотри на меня, Люся, пожалуйста.

Люся подняла к нему залитое слезами лицо с жалко дрожащим, перекошенным от плача ртом.

– Я – твоё зеркало, посмотри мне в глаза, Люся. Ну же, Люся, ты видишь себя?

– Господи, Кирочка, – дошло наконец до Люси, и она, обхватив его за шею, снова заплакала, но уже по-другому.

Подхватив на руки, Крис отнёс и посадил её на кровать, сел рядом так, чтобы она не видела зеркала. Поцеловал в губы и шею.

– Спасибо, Кирочка, – всхлипнула, уже успокаиваясь, Люся.

Они немного посидели в обнимку, и Люся решительно встала.

– Надо за обедом сходить, я сейчас.

– Одеть тебя? – предложил Крис.

– Нет, что ты, – даже испугалась Люся, и он не настаивал.

Но, когда Люся стала менять себе повязку, Крис столь же решительно встал и подошёл к ней.

– Я помогу.

– Кира...

Но он уже отобрал у неё баночку с мазью.

– Я сделаю, Люся. Я же медбрат. Ты только подними руку, чтобы кожа натянулась.

И Люся не смогла оттолкнуть его. Она молча стояла, закусив губу и глотая слёзы, пока он смазывал её корки мазью, накрывал марлевой салфеткой и закреплял полосками пластыря. А закончив, Крис вдруг взял её за руку, провёл её пальцами по своему шраму и тихо спросил:

– Ты бы перевязала меня?

– Да, конечно же, да, Кирочка, – удивилась его вопросу Люся.

– Ну вот, – наклонившись, он поцеловал её в здоровую щёку. – Удобно? Я не перетянул?

Она молча поцеловала его в ответ. И корсет он помог ей надеть, чтобы не сдвинуть повязку.

Когда Люся, уже в платке и в платье, взяв судки, ушла в столовую, Крис оделся и стал убирать в комнате. Встряхнул одеяло, заново перестелил и убрал кровать. А покрывало не положил: после обеда Люся ляжет отдохнуть. Ну и... там видно будет. Достал посуду и накрыл на стол к обеду. Оглядел комнату. Как хорошо, что комната у них на солнечную сторону. И воздух свежий, никаких душистиков не на-

до. О том, что случилось, он думать не хотел: слишком это неожиданно и слишком хорошо. Как во сне, только тронь – и всё рассыплется. Сейчас Люся принесёт обед, они поедят – есть чего-то очень хочется – и потом... ну, занятие они себе найдут.

Услышав шаги Люси, он подошёл к двери и распахнул её перед Люсей, одним мягким движением касаясь губами её виска и забирая судки.

– Ой, как красиво! – ахнула Люся, увидев накрытый стол. – А сегодня борщ, Кирочка, и котлеты с картошкой, правда, хорошо? А Галя мне такое рассказала, смех один...

Она говорила без умолку, сбиваясь и перескакивая с одного на другое, и Крис слушал не её слова, а голос.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Март начался солнечными, но холодными днями. Ярко-синее небо, искрящийся, слепящий глаза снег, дыхание, оседающее на воротнике инеем. И всё-таки Зина чувствовала

ла – весна.

Разговор с Женей и успокоил, и встревожил её. Как они и договорились, Зина в понедельник, в обычное время, привела детей в коридор второго этажа поиграть. И, увидев Алиску, обрадовалась: значит, Женя дома. Наказав детям хорошо играть и не баловаться, она позвонила. Женя открыла сразу и обрадовалась.

– Ой, здравствуй, заходи.

Они сели на кухне за чаем и печеньем. Зина для начала поговорила о детях, что, конечно, Культурный Центр – это здорово придумано, детей в школу подготовить и ни от дома, ни от родителей не отрывать, да и самим тоже культуры понабраться, а то одичали в угоне, в чём ходили, в том и спали. Женя согласилась, и разговор пошёл о ночных рубашках. Какие в Торговых рядах ночнушки красивые, в кружевах, в оборочках, батистовые, и с вышивкой, дорогие, правда.

– Вышить и самой можно, – сказала Зина.

– Ой, я и шила себе раньше, – засмеялась Женя. – Ну, для экономии, простенько так, прикрылась и ладно, а здесь, была не была, купила. Вот пошли, покажу.

Зина радостно согласилась. Они перешли в спальню, смущавшую Зину и зеркалами, и непривычной расстановкой мебели, и Женя стала ей показывать новые, купленные уже здесь ночнушки. Зина поахала, повосхищалась, но сказала, что, по её мнению, спать в таких не слишком удобно.

– Ой, – засмеялась Женя, – да я в них и не сплю. Так,

надену вечером, покручусь перед зеркалом...

– И снимаешь, – кивнула Зина.

– Да не-ет, – протянула Женя, и лицо её стало смущённо-лукавым. – Ну, обнимет он меня, разденет, а там и забудешь про неё.

Зина на секунду озадаченно приоткрыла рот, соображая, а сообразив, залилась смехом.

– Ну, коли так, то конечно, – и, отсмеявшись, продолжила, подбираясь к своему: – А ему-то тоже ночного купила? Поди и мужское есть.

– Да нет, – просто сказала Женя, складывая рубашку и бережно расправляя кружевные оборки. – Эркин не любит одетым спать. Вымоется на ночь, халат только накинет, чтоб от ванной дойти.

– Да?! – обрадовалась Зина. – Вот и мой чудит. Как спать, так всё снимает, аж исподники, голышом ложится. Я уж и не знаю... – она выжидающе замолчала.

– Эркин говорил как-то, – задумчиво сказала Женя. – Что спать в одежде, это по-рабски. А у нас тепло, одеяло хорошее...

– И то, – кивнула Зина. – Чего уж, мужика без причуды не бывает. А про халаты ты говорила, это какие?

– Да, махровые купальные, – Женя убрала ночнушку в комод. – Идём, они в ванной все.

Тёплые пушистые халаты Зине очень понравились. А уж для детей-то как удобно. После купания завернула и отнес-

ла в детскую, прямо в кровать. И мужику, конечно, удобно: вымылся, надел... и удобно, и красиво, и по-культурному. И домашний костюм Эркина Женя ей показала. Ну, это уж как Тима захочет – решила Зина.

Расстались они по-дружески, договорившись сходить вместе в среду в Центр записать детей на занятия. Чего ждать, в самом-то деле? Женя с работы пойдёт, а Зина к этому часу как раз подсуетится, а детей, сказали, можно на запись и не брать, так что спокойно всё разузнают, договорятся.

И всё хорошо, да ведь сколько денег на эти халаты нужно. Из жизненных никак не выкроишь, а ссуду она без Тимочки трогать не посмеет, а как ещё он на такое баловство посмотрит. А о другом своём деле она хоть и не говорила с Женей, но твёрдо про себя решила пойти показаться врачу. Ведь мало ли что, да и обидно. Только жизнь наладилась, и едят хорошо, и спокойно всё, а домашние хлопоты – это ж не земляные работы на окопах или, что ещё хуже, на заводе, где такие тяжести ворочала, что вспомнить страшно, и то... всё, ну, в порядке, не в порядке, но особых перебоев не было, так, на неделю, ну, на две задержка, а тут... с декабря, считай, с лагеря, ну, как отрезало. А жена нужна мужу здоровая, давно известно. В среду они в Культурный Центр идут, а вот завтра она и ходит к врачу. Тимочку на работу проводит и будто за покупками. Медкарту, что в лагере ей, как всем, оформили, возьмёт и пойдёт. А на обратном пути купит чего-нибудь, и шито-крыто, никто и не узнает...

... Так, в общем, и получилось. Про купальные халаты Тим знал и, когда Зина за обедом рассказала ему, кивнул:

– Конечно, купи. И детям, и себе.

– А тебе? – Зина подложила ему картошки с мясом.

Тим улыбнулся, глядя на сосредоточенно работавшую ложкой Катю и плутовскую мордашку Дима.

– Хорошо, и мне возьми.

– Так я сегодня и схожу, приценюсь, – небрежно сказала Зина, берясь за кастрюлю с компотом.

Тим молча кивнул, доедая.

Вот всё и уладилось. Проводив мужа на работу и уложив детей, Зина перемыла быстренько посуду, переоделась, памятуя, что к врачу надо в чистом и целом, с неряхой и разговаривать по-доброму не станут, и пошла. А проснутся дети без неё, так не маленькие, сами умоются, и её подождут.

В поликлинике ей по медкарте оформили страховой лист, заплатить пришлось, но немного, из жизненных обошлось. И к врачу очереди не было. Врач – немолодой, солидный такой, не брандахлыст молодой, которому и рассказывать о женском неловко – участливо выслушал, расспросил подробно, посмотрел, дал направления на анализы и тоже... и утешил, и ничего не сказал.

– Через неделю с анализами придёте. Думаю, ничего страшного, но надо посмотреть, проверить.

Ну, надо – так надо. Хорошо хоть, что по страховому листу ни за осмотр, ни за анализы платить не надо. А на обрат-

ном пути она завернула в Торговые Ряды, посмотрела халаты. На сотню всем можно купить и ещё останется, скажем, на пару полотенчиков для рук, чтобы менять почаще. Сотня – деньги, конечно, но и дело стоящее, на такое не жалко.

Не откладывая надолго, Эркин прямо в понедельник вышел из дома пораньше, по дороге на завод дал крюк и зашёл в Культурный Центр. Алису Женя в среду пойдёт записывать, она и кружки, и, как их, да, секции подберёт, а уж о себе он сам позаботится. В канцелярии – маленькой комнате с обилием шкафов – сидела немолодая седая женщина.

– Здравствуйте, – улыбнулся ей Эркин. – На занятия записаться можно?

– Здравствуйте, – улыбнулась она в ответ. – Конечно, можно. Проходите, садитесь.

Эркин подошёл к её столу и сел. Ушанку он снял ещё на входе и расстегнул полушубок.

Женщина раскрыла большую разграфлённую как у кладовщицы тетрадь.

– Вы раньше где учились?

– Нигде, – сразу помрачнел Эркин. – Я читаю немного и пишу чуть-чуть. И всё.

– Ничего страшного, – успокоила его женщина.

К его облегчению, она не стала расспрашивать, как это получилось, что он – взрослый мужик, а неучёный, а просто записала его имя и фамилию, где работает и где живёт, и

сказала, что занятия для взрослых по вторникам и пятницам, с девяти утра и с пяти вечера, смотря по смене.

– И уже завтра можно? – обрадовался Эркин. – Или в пятницу?

– Нет, эту неделю только записываем. В следующий вторник приходите. Я вас записываю на общий курс, правильно?

– Да, – кивнул Эркин.

– На английский будете ходить?

– Да, – решительно сказал Эркин.

– Отлично. Расписание и списки по группам будут в субботу.

– Спасибо, – Эркин понял, что разговор окончен, и встал. – До свидания.

– До свидания.

А на выходе он столкнулся с нерешительно топтавшимся Артёмом.

– Привет, – обрадовался тот, увидев Эркина. – Ты записываться?

– Записался, – кивнул Эркин и улыбнулся. – Не робей, малец.

– Хорошо бы... вместе, – несмело улыбнулся Артём.

– Это уж как получится, – вздохнул Эркин и, зорко поглядев на мальчишку, добавил: – А так я не против.

Артём даже просиял. Что старший, да ещё эл, не гонит его... это ж такое везенье, за такой спиной никто не полезет, даже не подумает.

– Ладно, малец, мне на смену, – Эркин шутливо ткнул его в затылок, так что Артём чуть не упал, и сбежал вниз по ступенькам, на ходу застёгивая полушубок.

Артём посмотрел ему вслед и вздохнул. Конечно, такому сильному куда легче, элам всегда жилось лучше, чем джи, в распределителях, в Паласах – везде они давили джи как хотели. Вот и этот. И жена у него белая, и от людей уважение. Артём снова вздохнул и не спеша, оттягивая неизбежный разговор, вошёл в вестибюль. Нет, конечно, ему грех жаловаться. И семья у него есть, он не один против всех, и на работе к нему хорошо относятся, не лезет никто, даже не насмешничают... ну, ладно, похоже, что сюда.

– Здравствуйте, – старательно выговорил он и улыбнулся максимально обаятельно. – А на занятия можно записаться?

– Можно, – улыбнулись ему в ответ. – Конечно, можно, заходи.

Ну... была не была! Артём сдёрнул с головы ушанку и вошёл.

– Только я совсем ничего не знаю, – честно предупредил он, садясь на стул у стола.

– Ничего страшного, научишься. Как тебя зовут?

– Тёма. Артём Савельцев.

– А по отчеству?

– Александрович, – старательно, чуть ли не слогам, но чисто выговорил он.

– Работаешь?

– Да. Во... «Флора», подсобник.

– Хорошо. А живёшь где?

– В Старом городе. У Ключинихи.

– А как улица называется?

– Николин конец, – вспомнил он. – Дом сорок три.

Артём дождался, пока седая леди – ну да, видно же, что не простая, как это, баба, а леди – закончит писать, и перешёл к другому, не менее важному вопросу.

– А вот у меня брат и сестра, их тоже надо бы записать, можно?

– Тоже можно. Тебе сколько лет?

– Шестнадцать полных, – привычно ответил он.

– А им?

– Лильке десять, а Саньке восемь.

Лилию и Александра Савельцевых записали в другую книгу. Выслушав и повторив, что Лильке и Саньке надо прийти на следующей неделе в понедельник к девяти, а ему во вторник утром или вечером, смотря по работе, Артём попрощался и ушёл.

Когда за ним закрылась дверь, Агнесса Семёновна Лидина улыбнулась. Надо же, как точно говорил Бурлаков, тогда, в январе, в недостроенном холодном зале...

...– Среди репатриантов много людей, не просто оторвавшихся от русской культуры, но и вовсе незнакомых с ней. И от вас зависит, насколько они усвоят и освоят её, сделают её своей и сами станут своими. Большинство из них хо-

чет учиться и пойдёт учиться. Для них учёба – признак свободы. Но просто обучения мало. Да, мы должны вспомнить опыт массовой ликвидации неграмотности, было такое в нашей истории, и мы тогда справились. Справимся и сейчас. Но сейчас только этого мало. Нужны, жизненно необходимы для всех возрастов самые разнообразные занятия, кружки, секции, библиотеки самого широкого наполнения. Именно поэтому не просто школа, а Культурный Центр. Никому не отказывать, найти для каждого посильное, интересное и, разумеется, полезное...

Тетрадь шестьдесят первая

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Телефонный звонок был ещё непривычен, и Фредди не сразу сообразил, что его разбудило. Сообразив, чертыхнулся по-ковбойски и снял трубку.

– Алло? – мрачно спросил он, готовый послать позвонившего на максимальную дальность.

Но сухой голос Джулии Робертс и особенно её слова окончательно разбудили его.

– Мистер Трейси, – она их никогда не путала, – Чак не вышел на работу.

– Понял.

Положив трубку, Фредди посмотрел на часы. Девять ноль пять. После такой ночи надо спать сутки, они планировали до ленча, но «Октава» должна работать, чёрт возьми! Если

Чак заболел, почему не предупредил? Живёт в лучшей мебелирашке Цветного квартала, с телефоном. А если не заболел... Сдерживая себя, чтоб не сорваться раньше времени, Фредди позвонил в гараж. И выслушав дежурного механика, очень аккуратно закурил. Без трёх минут восемь – Чак всегда приходил в гараж заранее, готовил машину и без четверти девять выезжал – у входа в гараж Чака остановили двое в штатском из команды Бульдога, посадили в свою легковушку и увезли. Номер, марка машины... всё сходится.

– Спасибо. За мной. Подготовь машину. Да, полный бак и всё остальное.

Фредди положил трубку и, не одеваясь, прошёл в соседнюю спальню. Когда он потряс Джонатана за плечо, тот замычал и запрятал голову под подушку.

– Лендлорд, вставай.

– Пошёл ты... – прохрипел из-под подушки Джонатан.

– Джонни, Чака арестовали.

Подушка отлетела к стене, и Джонатан сел на кровати, ошеломлённо глядя на Фредди.

– За что?!

– Бульдог мне не докладывает, – равнодушным тоном ответил Фредди.

– Так... – Джонатан тряхнул взлохмаченной головой. – «Октава» должна работать.

– Машина меня ждёт.

– Я к Гроунсу.

Фредди кивнул. Гроунс – знаменитая адвокатская фирма, там берутся за любые дела, правда, и плата соответственная.

Квартира была маленькой, с одной ванной на две спальни, но подобное их никогда не смущало. Привести себя в порядок – дело пяти минут, а дальше... Фредди по маршруту Чака, там и так надо навёрстывать упущенное, а Джонатану по адвокатам и кабинетам. Чёрт, знать бы, за что Чака дёрнули? За его собственные художества, или через него выходят на них? И что парень мог натворить? Битыми мордами и даже трупами в Цветном квартале Бульдог не занимается, не его уровень. Работать на кого другого Чак бы не посмел, тоже исключено. Так что... чёрт, хуже нет наугад действовать.

Сидя на краю стола, Робинс свысока рассматривал сидящего перед ним на стуле негра в чёрной кожаной куртке. Работелохранитель, Колумбийский Палач, Чарльз Нортон, шофёр на контракте у Джонатана Бредли.

– Ну, парень?

– Я всё сказал, сэр.

Зазвонил телефон, и Робинс, кивнув, снял трубку. Коллинз, Гарнье и Стэн с трёх сторон задёрнули негра в перекрёстном допросе, давая Робинсу передышку и возможность спокойно поговорить.

– Шеф.

– Слушаю.

– Трейси забрал машину из гаража и поехал в контору.

Бредли у Гроунса.

– Принято. Продолжайте.

– Понятно.

Положив трубку, Робинс закурил. И так, пронюхали. Надо же, к Гроунсу кинулся, значит, минут через пять будет здесь с адвокатом. А если... если так. Парень, похоже, чист, по крайней мере в этом и дал ценную, весьма и весьма, информацию. «Лагерное убийство». Лагерника искал Колченогий. И нанимал для этого Ковбоя. Слух о лагернике пошёл с Бифпита, да, и там как раз тогда болтался Ковбой. Ткнуть Ковбоя носом и посмотреть реакцию? А что, нанялся найти, а найдя, оставил себе? Обман своего? Вряд ли Ковбой настолько зарвался, но можно попробовать сыграть. И кстати, у самого Ковбоя тут алиби достаточно зыбкое. Как и у Бредли. И заново поворошить дело Ротбуса, а все детали у русских, лишние сложности. Лишние? А негра придётся отпустить, задерживать его, к сожалению, пока не за что. К тому же нечего Бредли тут демонстрировать свою силу. А то парень и так ему, как говорится, душой и телом...

Новым кивком Робинс остановил свою команду, но сказать ничего не успел, потому что снова зазвонил телефон, уже общегородской.

– Алло?

– Инспектор Робинс?

Робинс сразу узнал бархатный с переливами голос Леона Гроунса, главы фирмы, и досадливо поморщился.

– Слушаю, Леон.

– У тебя мой клиент, Чарльз Нортон. У него нет проблем, не так ли?

– Нет! – рявкнул Робинс, бросая трубку.

Коллинз, всё сразу поняв, вздохнул.

– Вон! – Гарнье кивком показал негру на дверь.

Чак медленно встал. Его отпускают? Совсем?!

– Понадобишься, вызовем ещё. Из города не уезжай, – уже спокойно сказал Робинс. – Дин, проводи его.

Когда за ними захлопнулась дверь, Коллинз спросил:

– Сам звонил?

– Чёртов Игрок! – Робинс смял сигарету в пепельнице. – Чарльз Нортон клиент Леона Гроунса.

Стэн присвистнул и покрутил головой.

– Это ж какие деньги надо иметь, чтобы так шиковать.

– Мне бы эти заботы, – фыркнул Робинс.

Простившись с Гроунсом, Джонатан отправился в «Октаву». Больше Чаку деваться некуда. Фредди на маршруте. Чёрт, надо же, чтобы так всё совпало. В газетах ещё ничего нет, но у Гроунса свои люди везде, и материал Кринкла уже лежал на столе. Итак, Найфа нет. Не слишком большая потеря для человечества, кто бы спорил. Но хреново, что Бульдог вцепился в Чака, а значит, и в них. Алиби у них зыбкие, не то слово. «Я не мог её изнасиловать, потому что в это время грабил банк в другом городе». Шикарно, что и говорить.

Только этой головной боли не хватало. Что мог Чак наболтать Бульдогу?

– Да, здесь. Спасибо.

Джонатан расплатился с шофёром и покинул такси у подъезда их офиса. Вроде снаружи всё спокойно. А другого варианта всё равно нет.

Он легко взбежал на свой этаж, мимоходом отмечая отсутствие любых необычностей, и, не меняя шага, вошёл в свою контору.

Джулия Робертс продолжала печатать, не повернув головы, а сидевший в углу Чак вскочил. Кивнув и поздоровавшись, Джонатан прошёл в свой кабинет. Чак, опустив голову и заложив руки за спину, последовал за ним.

Давая Чаку время отдышаться и начать соображать – а то аж серый до сих пор, ну да, Бульдог это умеет – Джонатан быстро просмотрел лежащие у него на столе письма и список поступивших заказов.

– Сэр... – наконец выдохнул Чак.

– Сразу, – Джонатан по-прежнему не смотрел на него. – Ты что-то натворил?

– Нет, сэр, нет, Богом клянусь, я ничего не сделал...

– Достаточно. О чём тебя спрашивали?

– Сэр, – Чак судорожно перевёл дыхание. – Сэр, они нашли труп и хотят, чтобы это был я. Но это не я, сэр, я не мог этого сделать. Даже... даже если бы мог, то не так, мы по-другому. Это... это лагерное убийство, сэр. Это сделал

лагерник, так в лагере убивают предателей и пайку на грудь кладут, это западло, такой хлеб никто не возьмёт, а живот тоже, за... ну, тоже западло. А тут деньги, но это то же самое, это сделал лагерник, сэр...

Джонатан слушал, не перебивая, намертво сцепив зубы. Неужели... нет, не может быть, но... Но следующие слова Чака были ещё страшнее.

– Я так и сказал им, сэр.

– Они поверили тебе?

– Не знаю, сэр. Они отпустили меня, но сказали, что ещё... – Чак судорожно сглотнул.

– Ладно. Не ты, значит, не ты, – Джонатан улыбнулся. – Это главное. Иди, займись машинками. Полная профилактика, понял?

Чак кивнул.

– Да, сэр, слушаюсь, сэр, полная профилактика, сэр.

Джонатан кивком отправил его и нажал кнопку вызова секретарши. Когда Джулия Робертс с неизменным блокнотом в руках вошла, распорядился:

– Найдите Фредди на маршруте и немедленно вызовите сюда.

– Да, сэр.

В отличие от Чака, она не повторяла распоряжений, но Джонатан уже убедился, что она ничего не путает и не забывает. Оставшись один, он сел за стол и, уперев в него локти, уткнулся лбом в сплетённые пальцы.

Нет, мёртвые не воскресают, чудес не бывает. Ошибиться могли они, неправильно поняв сказанное, им могли попросту соврать, но Эркин-то знал правду, он-то бы не уехал, бросив напарника, которого назвал братом. Это первое. Что могло столкнуть парня с Найфом? Да так, что Найф отдал ему свой нож и позволил себя зарезать. Это второе. Нет, первого достаточно. Тогда что? Ещё один лагерник? И это совсем другая проблема, и – самое главное – не наша проблема. Пусть Бульдог идёт себе по следу, берёт этого лагерника и вешает на него все найденные за год трупы. Наше дело – сторона. Почему Бульдог вцепился в Чака? Ну, это понятно. Колумбийский палач. О его похождениях до сих пор страшилки гуляют. Ткнуть мордой об стол русских. Вы его, дескать, отпустили, а он опять за старое. Но, дай бог, чтобы этим всё обошлось. Чак не врёт, ему врать незачем. Откуда он, кстати, так хорошо знает лагерные порядки? С такими деталями. Грин тогда ни словом не обмолвился, что тренирует своих в лагерях, хотя... кто ж об этом будет вслух говорить. Ладно, это потом, сейчас спрашивать не надо. Так что...

В кабинет вошла Джулия Робертс и молча остановилась в шаге у стола. Джонатан поднял голову.

– Да, мисс Робертс?

– Мистер Бредли, – её голос как всегда сух и равнодушен. – Мистера Трейси нет на маршруте.

На третьей точке Фредди отставал от графика на пять ми-

нут. Не страшно. Надо отзвониться в контору, тем более, что Джонни уже должен быть там. Теперь к четвёртой, а по дороге... Ага, вон и будка телефонная.

И бешено выругавшись по-ковбойски, затормозил: на краю тротуара с вскинутой в останавливающем жесте рукой Коллинз – первый в команде Бульдога. Чёрт, что Чак наболтал?!

Небрежно шевельнув лацканом с приколотым с обратной стороны жетоном криминальной полиции, Коллинз сел рядом с Фредди.

– В Управление.

Фредди молча стронул машину.

– Ни о чём не хочешь спросить? – первым не выдержал Коллинз.

– Я не любопытный, – вежливо ответил Фредди.

До Управления они доехали молча. И в кабинет Робинса прошли так же без слов.

– Ага! – встретил Фредди Робинс. – Садись, Ковбой.

Усмехнувшись произнесённому: «Когда полиция велит садиться, стоять неудобно», – Фредди сел на указанный стул.

– Газеты читаешь, Ковбой?

– Иногда, – честно ответил Фредди.

– А сегодня?

– Не успел ещё.

– Успеешь, – пообещал Робинс и, когда за Коллинзом закрылась дверь, уточнил: – Если договоримся.

Фредди молча ждал продолжения. Ему много раз предлагали договориться, и он хорошо знал, что «нет» говорить нельзя. Любой договор можно повернуть в любую сторону, а отказ всегда безвариантный.

– Ну как, Ковбой?

Фредди неопределённо повёл плечом. Его не обыскали при входе, и пистолет под мышкой мешал. Сидишь с уликой и не скинешь, а Бульдогу только дай зацепиться. Что же случилось ночью? У Бульдога глаза с недосыпу, ночью конца игры не дождался, «шестёрки» чего-то говорили, а утром дёрнул Чака, теперь меня, лишь бы Джонни там не психанул, хотя он у Гроунса мог всё подготовить, алиби, конечно, хреновое, что и говорить, но бывало и хуже...

– Где лагерник, Ковбой?

– В могиле, – пожал плечами Фредди и сразу, не давая Бульдогу вклиниться, закончил: – Их всех туда перед Капитуляцией положили.

Робинс досадливо усмехнулся. Классно выворачивается Ковбой, этого у него не отнимешь. Ведь и не врёт, и правды не говорит. Известная школа.

– А твои пастухи где?

Неужто у Робинса крыша поехала? Жаль, конечно, но с психом не спорят.

– Не знаю.

– Не ври, Ковбой.

Все допросчики одинаковы. Будто я ему скажу, даже ес-

ли бы и знал. И чего его на них понесло? Слишком дальний заход.

– Так ты ничего и не знаешь, Ковбой, чего так?

– Как спрашиваете, так и отвечаю.

Ковбою себя ронять нельзя, не поймут. Так что осадка маленькая и к месту. Поймёт? Понял.

– И что ночью было, тоже не знаешь? – уже чуть другим тоном спросил Робинс.

– Где и когда? – так же деловито уточнил Фредди.

– Нашли мы его. Этой ночью.

Робинс с насмешливой улыбкой смотрел на него. Ну, насколько хватит хвалёной выдержки Ковбоя?

– Не спрашиваешь, кого?

– А вы ответите?

– Отвечу. Джимми Найфа.

Фредди изумлённо уставился на Робинса.

– Я-то при чём?

– Это я у тебя хочу узнать. Где он тебе дорогу перешёл, что ты к нему своих парней отправил? А, Ковбой?

– Начнём с того, инспектор, что я свои проблемы сам решаю.

– Начнём, – кивнул Робинс. – А потом?

– А потом у нас разный бизнес. Мы не конкуренты, – и, глядя на Робинса в упор: – Я ковбой, а он гриву от хвоста не отличает.

– Ну правильно, решил сам не мараться, – понимающе

кивнул Робинс. – Послал парней. Как и тогда.

– Когда тогда, инспектор?

– Спрашиваю я, Ковбой, но отвечу, раз ты такой забывчивый. В Мышеловке. Когда задушили Ротбуса. Ну как? Освежил память?

– В том деле я чист, – глухо ответил Фредди.

– Перед русскими. Они тебя не знают. Смотри, Ковбой.

Робинс вытряхнул из коробка на стол спички и стал их выкладывать в два аккуратных ряда, приговаривая:

– Оба лежат на спине... у обоих убийца стоял сзади... оба не оказали сопротивления... оба раза орудия убийства оставлены. Тут на трупе, тут рядом, но это не существенно... у обоих карманы не обысканы... здесь оставили золото... здесь положили деньги... оба засыпаны... здесь смесь табака с перцем... здесь смесь разных перцев... Считаешь, Ковбой? Многовато для совпадения, не так ли? Это почерк, Ковбой. Вас же всех по почерку вычислить элементарно.

– У меня алиби.

– Верно, – кивнул Робинс. – Это ещё одно... совпадение. Так что, автор один. Там были твои пастухи и телохранитель Ротбуса. Здесь он есть, должны быть и пастухи. И ещё, Ковбой. Уже поважнее. То убийство тебе выгодно, значит, и это. Там прикрывали тебя, значит, и здесь прикрывают. То убийство лагерное из мести, а это лагерное за предательство. Лагерник есть, Ковбой. Что с ним было тогда, до Капитуляции, его проблемы, а здесь на нём уже два убийства. Не в твоих

интересах, Ковбой, если я на него без тебя выйду.

Светлыми до прозрачности глазами Фредди, не мигая, смотрел в лоб Робинса.

– Зачем тебе пастухи, Робинс? Они чисты.

– Опять же для русских. Где они, Ковбой? Найду ведь и без тебя.

– А они и не скрываются, – Фредди пожал плечами. – Одного в Хэллоуин убили, другой на ту сторону умотал.

– Племя своё догонял? – прищурился Робинс.

– Наверное, – равнодушно ответил Фредди.

Чёрт, до чего ж много Бульдог накопал, то-то глаза как у бешеного кролика, Найфа давно было пора в выгребной яме утопить, но какого чёрта он сюда и парней, и нас с Джонни приплетает, и для совпадения слишком много, но мёртвые же не воскресают, чёрт, дьявольщина...

– Где оставил пастухов, Ковбой?

Подаvisь, это уже ничего не меняет.

– В Джексонвилле.

– Верно, – кивнул Робинс. – Под кем они ходили? Под Тушей, больше ты их никому бы не отдал. Там ты с Найфом и столкнулся, так? Ты же злопамятный, Ковбой, можешь и год ждать.

– Могу и больше, – кивнул Фредди.

– Найду без тебя, он по совокупности исполнителем, а ты – организатором. Тоже по совокупности. Понял, Ковбой?

– Да, инспектор.

– И что?

– Ищите. Я, что знал, сказал.

И, чувствуя, что разговор закончен, Фредди встал и пошёл к двери.

– До встречи, Ковбой, – догнал его голос Робинса.

Фредди сглотнул готовую фразу, что Ротбус так же прошался, и, не оборачиваясь, вежливо ответил:

– До встречи, инспектор.

Его никто не остановил. На улице Фредди сразу сел в машину, так и стоявшую у подъезда, мимоходом отметил, что следов обыска незаметно, и, спокойно отъехав, за углом прибавил скорость. Чёрт, весь график к чертям свинячьим, ну и чёрт с ним. Где Джонни? Грымза наверняка знает. И притормозив у первой же будки, бросился к телефону.

– Фирма «Октава», – бездушный как неживой голос.

– Это Трейси.

– Мистер Бредли в офисе.

Ты скажи, какая сообразительная, надо будет ей зарплату прибавить, чтоб не перекупили. На что другое её не возмёшь.

– Буду через шесть минут.

И бегом обратно к машине.

О Чаке Бульдог обмолвился, но там Джонни через Гронса действует, вытащим. Из Чака Бульдожина всё возможное выбил, это ясно, но что Чак о них знает... неопасно, не слишком опасно. Ага, ну, вот и их контора.

Когда он вошёл в приёмную, мисс Робертс печатала, а за матовой дверью слышалось позвякивание регулируемой машинки. Чак – догадался Фредди и улыбнулся, кивком здороваясь с секретаршей.

– Мистер Бредли ждёт вас.

– Благодарю. Маршрут прерван на четвёртой точке.

Джулия Робертс кивнула и, продолжая печатать одной рукой, потянулась к телефону. Звонить и извиняться за задержку. Фредди прошёл в кабинет Джонатана.

– Сидишь, лендлорд?

– Ковбою скакать, лендлорду сидеть, – ответил, не поднимая головы, Джонатан, занятый бумагами. – Чака на маршрут?

– Да. С четвёртой точки.

Джонатан нажал кнопку вызова и, когда вошла секретарша, распорядился скорректировать маршрут и отправить Чака.

– Да, сэр.

– Ни с кем не соединять и не беспокоить, – Джонатан улыбнулся, смягчая приказной тон.

– Да, сэр.

Когда она вышла, Фредди сел в кресло. Джонатан бросил ему на колени пять сколотых скрепкой листов и отошёл к бару. Когда он вернулся с двумя стаканами, Фредди уже просмотрел листки.

– Спасибо, Джонни.

– Кто тебя потрошил?

– Бульдожина. Он здорово умён, но рехнулся, – Фредди отхлебнул из стакана и кивнул. – Неплохо, Джонни, надо бы покрепче, но не сейчас. Или рехнулся я.

Джонатан сел на своё место, отпил и кивнул.

– Мёртвые не воскресают.

– А воскреснув, не исчезают. Бульдог показал мне пасьянс на спичках.

– Что?!

– Занимательная игра, Джонни. Не скажу, чтобы доходная, но азартна... до полного обалдения, – Фредди усмехнулся и достал из кармана коробок. – Смотри, Джонни.

И стал обстоятельно выкладывать два ряда спичек, очень спокойно комментируя каждую пару. Джонатан молча слушал. И когда Фредди закончил, приподнял приветственным жестом стакан. Фредди кивнул.

– Вот так, Джонни. Когда умён, тогда умён. О лагерном он от Чака узнал?

– Да. Обвинил, тот и выпотрошился.

– Понятно. Чака оставляем?

– Его убрать – это признаться, Фредди.

– Да, сам понимаю.

Фредди собрал спички в коробок, потряс его и спрятал в карман.

– Где теперь искать, Джонни? И поиском засветим.

– Резонно. Алекс тогда всё объяснил. Думаешь, он уже

там? – движением стакана Джонатан показал куда-то за стены кабинета.

– Сильно надеюсь на это. Нам нельзя трепыхаться.

– А если Бульдог найдёт его до нас?

– К русским Бульдог не пойдёт, – задумчиво сказал Фредди. – Будет сам искать.

– Да, самолюбие не позволит. А в эти дела русские с самого начала не лезли.

– Наше дерьмо нам и разгребать, – хмыкнул Фредди. – Но человек в полиции стоит дорого. А из его команды...

Джонатан кивнул.

– Есть варианты?

– Тоже верно.

Фредди допил свой стакан и встал, забрал стакан Джонатана и отнёс их в бар. Джонатан взял прочитанные Фредди листки, очень аккуратно отделил и положил на место скрепку. Фредди кивнул, глядя, как проходя ножи измельчителя листки становятся мелкой бумажной лапшой, не читаемой и не восстановимой.

– С Чаком говорить будешь?

Фредди усмехнулся.

– Я его встречу в конце маршрута. «Октава» должна работать. Ты вечером в «Экономическом»?

– Да. И не забудь зайти к Дэннису. К Пасхе Ларри должен начать работу.

Всё так, всё правильно. «Октава», Слайдеры, салон Лар-

ри, другие точки – всё должно работать. А это... когда в горку, когда под горку, а по ровному редко бывает.

Американская Федерация

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Дни стояли по-прежнему пасмурные, но тёплые, глянцево блестя молодая листва, галдели, ссорясь у кухонной мойки, птицы. Размеренная жизнь, сытная и достаточно вкусная еда, курево и баня бесплатно, со стиркой при таком обилии женщин тоже не проблема устроиться, никаких тебе волнений и тревог. Лежи и жди визы. А свои страхи держи при себе.

С соседом по отсеку Андрею повезло. Неопределённого возраста молчаливый работяга, с вопросами не лезет и о себе не рассказывает, но подлянки можно не ждать.

Первые дни Андрей отсыпался, вставая только в столовую

или по делам. А когда не спал, то просто лежал, закрыв глаза или разглядывая потолок.

Ну, Сергей Игоревич Бурлаков, вступите в свои права? Или и дальше Андрею Морозу место уступаете? Хотя голому ежу ясно: документы на Мороза и начать их менять – это продлить себе сидение в лагере ещё месяца на два, минимум, нет, самое малое. Так что, спи себе, Серёжка-Болбошка, спасибо тебе, все твои знания и умения я могу теперь взять и рассказывать о тебе, как о себе тоже можно. Не всё, конечно, а то, что могло быть и лишних вопросов не вызовет. Теперь бы Эркина найти. Братик у меня, конечно, приметный. Только кого о тебе спрашивать? Падла эта тебя в ноябре видела, кто тогда здесь парился, до Нового года уехали, так что... В курилке трепали о службе розыска, ох, не верю я службам всяким, а уж розыскным... На хрен они мне не нужны, туда лезть – это светиться. Ладно, придумаю.

Снизу, всхрапнув, повернулся на другой бок сосед. Неделю рядом живём, как зовут, не знаю, а нет, слышал, его Никахой кто-то назвал. Да, надо у курилки потолкаться, послушать. Там многое, если умело уши развешивать, узнать можно. И не будем откладывать.

Андрей легко сел, снял со спинки и натянул брюки, спрыгнул вниз, быстро обулся, заправил рубашку и, на ходу натягивая ветровку, вышел из отсека. Решил – делай, шагнул – так иди.

Мужской барак шумел ровно и обыденно. Региональные

лагеря прикрывают, так теперь в Центральном совсем непродых стало, в столовой того и гляди четвёртую очередь введут.

Выйдя из барака, Андрей с наслаждением вдохнул сырой тёплый воздух и не спеша пошёл к пожарке. До ужина ещё час, многое можно услышать.

Здесь, как всегда, толпились мужики и парни, шныряли подростки. Андрей достал сигарету и медленно, присматриваясь и прислушиваясь, влез в толпу. Бабы... выпивка... жратва... Эркин называл это рабской болтовнёй. Стоп-стоп, а это про что?

– Ну вот, я и говорю. Прямо в барак пришли. Собрать вещи только дали. А «воронок» уже у ворот стоял.

– В бара-ак, одного, грят, прямо с поезда сняли, чуть ли не в Рубежине.

Щуря в улыбке светло-блестящие глаза, Андрей пристроился спиной к беседующим, будто на самом деле он совсем другого, что про баб треплет, слушает, и ловил каждое слово.

– Для чего и маринуют нас здесь, сам подумай, все хвосты твои проверят.

– Ну, а переехал, за Рубежином Рубежиным-то...

– Могут и там. Полиция, она всегда в стачке.

– Охранюги везде заодно, это точно.

– Так ведь ещё остальных тягать начинают.

– Ага, укрывательство, попустительство, недоносительство...

– Пособничество забыл.

– Напридумывали, гады...

– Ага, хоть и за другое, а всё одно...

– Вот, помню, на заводе было. Знал, не знал, а всех прижали, и цех, и барак, да так, что и дыхнуть нельзя.

Долго на одном месте стоять – это в разговор вступать надо, и Андрей пошёл дальше. Ничего особо нового, нет, как отец говорил, концептуально, стоп, это слово выпускать нельзя, не положены тебе такие слова, но для себя-то... а поберегись, раз про себя, два про себя, а на третий вслух выскочит... воробушек, и ведь хрен ты его поймашь потом. Ясно одно: засветишься сам – засветишь остальных. Нельзя ему в открытую Эркина искать. Но как-то же ищут. Ну, так и не один день в запасе. Ага, вон тому мужику он тогда, в первый день, о брате обмолвился. Смотри-ка, и он запомнил, рукой машет, подзывает. Хреново, конечно, но посмотрим, это ещё по-всякому можно повернуть и вывернуть. Так что, подойдём, поговорим и послушаем.

– Ну как, отоспался, парень? Не видно тебя чегой-то было.

– Ага, – ответно улыбнулся Андрей. – За всё прошлое и будущее.

– Это точно, – охотно засмеялись в ответ.

– А что, мужики, – невысокий широкоплечий парень со следами ожогов на лбу залихватским плевком утопил плавающий в луже окурок. – Пахали без продыху, приедем – опять впряжёмся, задарма ж не проживёшь, так здесь только и ото-

спаться.

– Приятно понимающего встретить, – ухмыльнулся Андрей.

Его поддержал дружный хохот. Пошёл общий неопасный – если следить за языком – необязательный трёп. Но и спешить некуда, и... птичка по крошке клюёт и сыта бывает.

За этим трёпом незаметно подошло время ужина. Уже у столовой Андрей встретился с полуседой сухощавой женщиной.

– Сделала я твоё, – она протянула аккуратный свёрток. – Приготовь на завтра, что ещё стирать.

– Спасибо, – Андрей ласково улыбнулся ей. – Да неловко, я и сам...

– Неловко штаны через голову, сидя под столом, надевать. Слышал такое?

– А-то!

– Вот и не спорь. Я в матери тебе гожусь. Всё понял? – Андрей кивнул. – Тогда беги, к себе отнеси, а то загваздаешь за столом.

Андрей с трудом выдрался из толпы и побежал в барак. Сегодня утром, когда он пришёл в прачечную и под визг и хохот стал отругивать себе место у корыта, она сама подошла к нему, бесцеремонно и властно отобрала рубашку, трусы и носки и попросту выгнала:

– Ступай. К ужину сделаю.

Что ж, он уже слышал, что многие из мужского барака от-

дают в стирку таким же одиночкам из женского. Но ведь раз постирает, другой постирает, и ты уже семейный. Хотя эта, видно, из других. «В матери гожусь». Ладно, пока его это устраивает, а там... там посмотрим.

Он быстро сунул свёрток в тумбочку. Сумку свою, чтоб хоть и пустая, а не мозолила глаза кому не надо, он сдал в камеру хранения, и всё его имущество было теперь на нём и в тумбочке. Никахи нет, вот ведь мужик, спит, хоть из пушки над ним стреляй, а к жратве всегда в первую очередь успевает.

Сам Андрей в первую очередь, разумеется, опоздал и потому включился в тот же, что и курилке, трёп.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Первых уроков ждали если не со страхом, то с тревогой уж точно. Неизвестное и непонятное всегда страшно.

Артём после работы забежал домой переодеться. Лилька с Санькой вчера тоже в первый раз на занятия сходили и рас-

сказывали: учительница ничего, не злая, и похвалила их за то, что во всём чистеньком пришли, так что и ему так же надо.

Он бежал по блестящей искрящейся под уже весенним солнцем дороге. Стало жарко, и Артём распахнул куртку, сбил на затылок ушанку.

– Эй, паря, продует! – окликнули его с проезжающих мимо саней.

Артём с улыбкой отмахнулся. Ему всего-то ничего осталось, вон уже проулок их виден.

– Тём, куда летишь?

– Домой!

Ну, вот их расшатанный облезлый забор – на сугробах держится, а как стает снег, так и завалится, чинить надо, укреплять. Он даже калитку не стал открывать, а с ходу перепрыгнув через неё. Артём взбежал на крыльцо и влетел в тёмные сени. На ощупь нашёл дверь.

– Тёма, ты?

– Ага!

– Санька, Ларька, Тёмка пришёл!

Они облепили его, стаскивая с него, выхватывая из его рук ушанку, варежки, куртку, сапоги.

– А деда в мага́зин пошёл.

– Тём, а ты денежку принёс?

– А Зотиха нам молока принесла.

– Тём, а ты...

– Бабка где? – вклинился в их гомон Артём, отряхивая руки и принимая от Лильки полотенце.

– А с дедой пошла.

Артём молча кивнул. Бабке он не доверял, но посоветоваться было не с кем, да и... Нет, она их, голых и босых, как говорится, пустила, и не теснила никак, но... но она слишком явно охмуряла деда. Понятно всё, но если дед женится на ней, то куда ему с малышнёй тогда деваться? Они-то бабке на хрен не нужны, любому мальцу-недоумку понятно. Жаль, ведь только-только жизнь стала налаживаться. Он отдал Лильке полотенце.

– Пошли к нам.

В доме были кухня и две горницы. Ту, что поменьше, бабка оставила за собой, а большую им сдала. А кухня стала как бы общей, но Артём предпочитал держаться в «своей». За неё уплачено, так что он в своём праве, а на кухне... ну, поесть, умыться – это да, а всё остальное – уже из милости, а она... по-всякому обернуться может, ну её...

В горнице он вытащил из-под кровати сундучок, ещё от мамки остался, где хранилось всё их имущество, и достал новенькую, только третьего дня купленную рубашку в ярко-зелёную с чёрным клетку.

– Новину оденешь?! – ахнула Лилька.

– В школу иду.

Артём бережно положил рубашку на кровать.

– В школу, конечно, надоть, – солидно сказал Санька.

Ларька завистливо вздохнул: реви, не реви, всё равно не поможет.

– Вот тепло станет, – улыбнулся ему Артём, – возьмём тебя в кино.

– Ты обтираться будешь? – спросила Лилька. – Я тебе холстинку принесу.

– Давай, – кивнул Артём, расстёгивая и снимая рубашку. Баня по субботам, как уж заведено, так что он оботрётся мокрой холстиной и наденет новую, праздничную рубашку, а эту завтра опять на работу. Лилька принесла холщовое мокрое с одного конца полотенце. Артём обтёрся до пояса мокрым концом, растёрся насухо другим, пальцами растеребил кудри и, потряхнув головой, уложил их, надел новую рубашку, застегнул манжеты и аккуратно заправил её.

– Какой ты красивый, Тёма, – сказала Лилька.

Совсем как мамка той зимой... Артём снова потряхнул головой.

– Ладно, вроде деда пришёл.

Войдя в горницу, дед положил на кровать свёрток, оглядел Артёма и кивнул.

– Хорошо.

– Да? – обрадовался Артём. – Я подумал, школа всё-таки.

– И правильно. Нечего оборванцем ходить. А ну, малышня, обедать щас будем.

Когда с писком и гомоном младшие вылетели из горницы, Артём подошёл к деду и тихо спросил:

– У нас деньги ещё есть?

– Есть, – дед зорко посмотрел на него. – Много надо? На что?

– Не знаю. Учиться буду, книги будут нужны, тетради. Лильке с Санькой тоже, слышал ведь, и альбомы ещё, карандаши...

– Учитесь, – твёрдо ответил дед. – На это деньги найдём. Я тоже похожу, потолкаюсь. Найду подработку.

Артём опустил глаза. Он не знал, как спросить о бабке, а знать надо.

– Чего купил?

– Белья прикупил малышне. Придут проверять, так чтоб сменка лишняя была.

Артём кивнул. Тогда в Комитете, выдавая им пособие, сказали о проверке, что придут посмотрят, и если по-глупому пособие протратили или – упаси Бог – пропили...

– Деда, Тёма, – влез в горницу Ларька, – обедать.

Проходя мимо Ларьки, дед потрепал его по вихрастой голове. И Ларька расплылся в щербатой улыбке.

Обедали все вместе за одним столом из общей миски. Первая ложка деда, вторая Артёма – они мужики, добытчики, кормильцы, третья бабки, а потом уже Лилька, Санька и Ларька. Густые горячие щи, каша намаслена. Без мяса, правда, ну так и день будний. Бабка властно хозяйничала за столом, но – Артём за этим следил – никого не обделяла, масло ровно намазано. А что Санька по затылку получил, так за

дело – не колобродь ложкой по миске, со своего края бери. После каши пили отвар из сушёной ягоды.

– Ну, всё, спасибо за хлеб-соль, – встал дед, а за ним полезли из-за стола и остальные. – Давай, Тёмка, не след опаздывать. Ты, Лилька, бабке помоги, а нам с Санькой во дворе работа.

Все и так знали, кому что и как делать, но положено, чтоб по слову старшего – здесь говорят: старшака – всё делалось.

Артём быстро оделся и, уже взявшись за ручку двери, обернулся.

– Я не знаю, когда буду.

– Как следует учись, – напутствовал его дед. – Савельцевы никогда хуже других не были.

Артём улыбнулся. Вчера дед это же Лильке с Санькой говорил. А ему перед кулачным боем на Масленицу. Тогда он всех вышиб, кто против него стоял. И сегодня... будет не хуже.

К Культурному Центру со всех концов города собирались люди. В основном мужчины и парни, женщин практически не было. С завода, состроек – в Загорье теперь много разного строят, из разных мастерских, из Старого города.

Эркин никак не думал, что их столько окажется. И смотри-ка, цветных много, недавно приехали что ли? Или просто не пересекался раньше? В вестибюле к нему пробился Артём.

– Здорово. Давай вместе, а?

– Привет, – кивнул Эркин. – Не отставай, малец.

Как все, они разделись в гардеробе и стали оглядываться. У стенда со списками и расписанием клубилась плотная – не протолкаться – толпа. Кто-то, спотыкаясь и явно перевирая, читал фамилии, ещё кто-то, перекрикивая, пытался разобраться в расписании.

Эркин решил не лезть в эту кучу и подождать. Должен же появиться кто-то знающий и объяснить, кому и куда идти.

– Привет, – подошёл к нему Тим, свысока оглядел стоящего рядом Артёма. – Долго эта неразбериха ещё будет?

– Не знаю, – пожал плечами Эркин.

В учительской тоже стоял шум.

– Ну как их развести, там же неграмотных полно.

– Да, у расписания не протолкаться.

– И никто ничего не понимает.

– Да перекличку устроить, – сказала Полина Степановна. – И по классам развести. Кто у нас самый командир? – она улыбнулась. – Мне-то их не перекричать.

Джинни робко улыбнулась. Вчера у неё всё прошло очень хорошо. Но вчера были дети, а сегодня... и в самом главном своём страхе она никому не могла признаться. Там... там цветные, рабы, да, бывшие, но их-то как учить?

Но уже встал Мирон Трофимович, в честь первого дня в парадном костюме-тройке с орденами.

– Время. Общей переключки делать не будем, проведём по классам. Неграмотных к Полине Степановне, потом на английский. С незаконченным средним ко мне, потом на историю. А с начальным к Галине Сергеевне, потом на биологию. Аристарх Владимирович, так?

– У меня всё готово.

– Да, по расписанию.

– На первый день четыре урока вполне достаточно.

– Собираемся после четвёртого?

– Да, конечно.

И под этот вполне рабочий шум Мирон Трофимович пошёл к двери. Джинни перевела дыхание. Её уроки – третий и четвёртый, она пока посидит, ещё раз всё просмотрит, приготовит...

– Ничего, девонька, – сидевшая рядом с ней Полина Степановна похлопала её по руке. – Ученики они всегда ученики, сколько бы лет им ни было.

И Джинни улыбнулась ей.

Появление Мирона Трофимовича вызвало сначала шум, а потом тишину. Зычным «командирским» голосом он сказал, не зачитывая списков, кому куда идти. И вся толпа дружно повалила по коридору в отведённые для взрослых комнаты.

Тим, Эркин и Артём шли вместе.

– Ты же грамотный? – удивился Эркин.

– Слышал же, – неохотно ответил Тим. – Класс «В», кто

в школе не учился.

– Верно, – кивнул Эркин.

Толпа редела. Больше всего народу оказалось в «Б», кто только четыре года проучился. И что там, что в «А» для не закончивших школу, ни одного цветного, только белые.

Рассаживались неуверенно, искоса настороженно поглядывая друг на друга. Тим сел в дальнем углу, прикрывая спину, и чтобы видеть и дверь, и окна. Эркин сел у окна за второй стол, и Артём рядом с ним. Невысокий мулат, ещё двое негров со стройки... Класс потихоньку заполнялся.

Оглушительно, заставив многих вздрогнуть, зазвенел звонок, открылась дверь, и вошла невысокая седая женщина в сером пуховом платке на плечах. Чем-то она напомнила Эркину Бабу Фиму, и, когда, сев за стол, стоявший отдельно впереди, лицом к ним, она поздоровалась, он улыбнулся ей.

– Здравствуйте, давайте знакомиться. Меня зовут Полина Степановна. А как вас зовут, я сейчас узнаю.

Она раскрыла большую – Эркин не понял – то ли книгу, то ли тетрадь, которую принесла с собой.

– Кого я назову, пусть встанет и скажет, что он умеет и где учился. Хорошо?

Неуверенные кивки, многие понурились. Неужели испугались? Полина Степановна зорко оглядывала класс. Или стесняются своей неграмотности? Ну ничего, это даже к лучшему, будут старательнее учиться.

– Андреев Павел.

Встал угловатый, не старше Артёма, белобрысый парень.

– Это я. Я буквы знаю, мне в угоне показали, ну, и читаю чуть-чуть.

– Хорошо, садись. Аржанов Николай.

Смуглый, похожий на трёхкровку, мужчина встал.

– Я ничего не знаю.

И неожиданное, удивившее всех:

– Хорошо, садись.

Аржанов неуверенно сел. Полина Степановна улыбнулась, кивнула и сделала пометку в графе «разговорная речь».

Она не спешила – на знакомство и выяснение уровня можно и урок потратить.

– Мороз Эркин.

Встал красивый индеец у окна.

– Я умею читать и писать. Немного, – Эркин замялся, не зная, называть Женю, или нет. – В школе я не учился, меня так научили.

– Хорошо, садись.

Эркин перевёл дыхание и сел, покосился на Артёма.

– Спокойно, малец, – сказал он камерным шёпотом.

Артём улыбнулся в ответ.

– Новиков Антон.

– Я ничего не знаю, – старательно выговаривает русские слова немолодой негр.

И опять:

– Хорошо.

И наконец:

– Савельцев Артём.

Побледнев, Артём встал.

– Я ничего не знаю.

– Хорошо, садись.

Тим молча слушал переключку. Что же ему сказать? Из цветных только Эркин умеет читать и писать, не побоялся сказать, хотя... а чего тут-то бояться? Нет, лучше не врать.

– Чернов Тимофей.

Тим встал.

– Я умею читать и писать по-английски, – и мгновенно обернувшиеся к нему удивлённые лица цветных. – Русской... грамоты я не знаю.

– Хорошо, садись.

Полина Степановна поставила последний плюс в графе «разговорная речь» и улыбнулась.

– Ну и отлично. Будем учиться.

Она не спрашивала, но они закивали. Да, конечно, они будут учиться, за этим и пришли.

До конца урока Полина Степановна расспрашивала их о доме, работе, семьях, поправляя ударения и падежи, просила повторить сказанное уже правильно, и всё с улыбкой и похвалой. А потом прозвенел звонок, и она сказала, что это перемена, десять минут, а курить в классе нельзя, и ушла.

– Уф-ф! – Андреев встал и вытащил сигареты. – Айда, мужики, покурим.

– И не делал ничего, а устал, – удивлённо сказал молодой мулат, откликнувшийся на фамилию Кузнецов.

– Это ещё не урок, – Олег Трофимов, единственный в классе, учившийся, как он гордо сказал, аж целых два года, тоже достал сигареты. – Так, беседа. Посмотрим, что дальше будет.

– Посмотрим, – встал и Эркин.

Хотелось потянуться, размять мышцы, но это невозможно, так хоть пройтись. Остальные тоже устали от сидения, и кто не пошёл курить, те просто ходили по классу, разглядывая висящие на стене напротив окон картины – пейзажи времён года. Дверь осталась открытой, и были слышны голоса гуляющих по коридору.

В учительской Полину Степановну сразу встретили общим вопросом:

– Ну как?

– А никак, – Полина Степановна, сверяясь с журналом, отбирала на своём столе книги и надписывала тетради. – По списку двенадцать, разговорным владеют все, в школе учились, но давно, один, грамотных четверо, уровень ещё не смотрела, один ещё грамотен по-английски.

– Кто это? – живо спросила Джинни.

– Чернов.

Полина Степановна собрала тетради и книги в стопку.

– Так, ручки ещё.

– Правильно, сразу и раздать, и начать работать, – подо-

шёл к ней Аристарх Владимирович. – Помочь?

– Спасибо, конечно, ждать да тянуть нечего, нет, не надо, сейчас...

Она подошла к двери и выглянула в коридор.

– Ага, Артём, так?

– Да, – остановился Артём.

– Помоги-ка мне.

– Да, конечно.

Вслед за Полиной Степановной он прошёл в учительскую, настороженно из-под опущенных ресниц оглядываясь по сторонам, и бережно принял на руки стопку книг и тетрадей.

– Ну вот, а теперь отнесём это всё в класс.

Мягкий ласковый голос Полины Степановны и успокаивал, и... нет, Артём слишком хорошо знал, какую боль таит белая ласка, и не доверял ей. А учительская – это вроде надзирательской, так что...

В коридоре он вздохнул свободнее. Обошлось, ни в спину, ни по затылку не ударили. Его появление в классе с ношей вызвало общий шум:

– Ух ты-и!

– Это чегой-то?

– Нам, что ли?

– Подбери губы, так тебе и дадут!

– Вам, вам, – вместе со звонком вошла в класс Полина Степановна. – Садитесь по местам, каждый получит.

Тетрадь, книга, ручка. На тетрадной обложке уже написаны их фамилии. А книги всем разные. Кому букварь, кому «Родная речь», а всем ещё «Прописи». Смешное слово какое.

– А заплатить сколько? – спросил Эркин, разглядывая новенькие блестящие обложки.

Артём испуганно покосился на него. Ну, вот зачем напомнил? Если сейчас платить, так он без денег сегодня, вот влип...

– Когда хочешь что-то сказать или спросить, – спокойно сказала Полина Степановна, – сначала подними руку. Вот так, – она показала. – Понял? – Эркин кивнул. – Вот и хорошо. А за книги платить не надо, вам их на время дали. Когда закончим с ними работать, отдадите, и они уже другим для работы пойдут. А тетрадь и ручка – подарок.

– От Комитета? – спросил Никонов, забыв поднять руку, и тут же сжался в ожидании неминуемого наказания.

Но Полина Степановна только покачала головой и ответила.

– Да, от Комитета. А теперь давайте читать. Кто самый смелый? Мороз, ты, может, начнёшь?

Эркин кивнул. Деваться некуда, сам признался, что умеет. Так что... Он открыл книгу, перелистнул первую страницу, где повторялась обложка.

– Да, – кивнула Полина Степановна. – С этой страницы и читай.

– Осень, – медленно начал Эркин. – Наступила осень. Пожелтели листья. Птицы улетают на юг.

Он читал медленно, боясь ошибиться. Дав ему прочитать несколько фраз, Полина Степановна попросила продолжить Андреева.

– У меня так не получится, – буркнул тот, но послушаться не посмел.

Читал он, спотыкаясь и перевирая слова. Но похвалили и его. И продолжил Иванов, кряжистый, явно недавно бритый наголо парень. Читал он чуть лучше, застревая только на длинных словах. Последним читал Трофимов. В принципе, он справился, но тоже хуже, чем Эркин. Артём незаметно ткнул Эркина локтем в бок, знай, дескать, наших. Эркин с улыбкой кивнул. А Полина Степановна уже спрашивала всех, кто что понял из прочитанного. Хвалила она всех, и отвечали ей уже наперебой.

А потом Эркин и Олег переписывали в тетради маленькое стихотворение, что после рассказа, Андреев и Иванов писали буквы в «Прописях», а остальным Полина Степановна показывала и объясняла по букварю первые буквы.

К концу урока все смогли прочитать свои первые слова, а писавшие справились и со своей работой, и Полина Степановна взяла у них тетради посмотреть. Похвалила, сказав, что для первого дня очень даже неплохо, и вернула. У Эркина в двух местах красным были исправлены перевернутые буквы, и, оказывается, он ни одной запятой не поставил. За-

был про них. Густо покраснев, Эркин спросил:

– Переписать, да?

Женя всегда заставляла его переписывать ошибки.

– Правильно, – кивнула Полина Степановна и стала объяснять, кто что должен сделать дома к пятнице. Следующий урок в пятницу. Принести учебники, прописи и тетради.

– Всё ясно?

Они дружно закивали. И прозвенел звонок.

Когда Полина Степановна вышла, все дружно достали сигареты и повалили в коридор. Не так покурить, как размяться и вообще... кто бы думал, что учиться так тяжело... ага, сидел на месте, а спина мокрая... Вокруг тоже обсуждали свои уроки и учителей.

Обсуждали и в учительской.

– Не так страшно.

– Да, я ожидала худшего.

– Но с разноуровневыми тяжело работать.

– К осени сформируем нормальные классы.

– Представляешь, говорит, что закончил пять классов, а знания... не выше третьего. Половина таблицу умножения не помнят.

– Свободно читает практически один.

Джинни в который раз перекладывала и подравнивала стопку учебников и тетрадей. Полина Степановна, сидя за своим столом, с улыбкой наблюдала за ней.

Эркин пошевелил плечами, отклеивая прилипшую к лопаткам ткань рубашки. Занимаясь с Женей, он так не уставал. Как же он так ошибся при переписке, стыдоба, что и говорить. Стоявший рядом с ним Артём шевелил пальцами, разминая кисти.

– Думаешь, потом легче будет?

– Не знаю, – пожал плечами Эркин и усмехнулся. – Посмотрим.

– Говорят, английская грамота сложнее, – пыхнул дымом Карпов, молодой голубоглазый мулат.

– Про русский тоже говорили, что его выучить нельзя, – возразил Никонов, перемешивая русские и английские слова.

Эркин кивнул.

– А здорово тебя выучили, – с лёгкой завистью сказал ему Андреев. – Лучше всех читал.

– И ошибок насажал, – невесело улыбнулся Эркин. – Ладно, пошли.

Чувство времени и здесь не подвело его. Они как раз вошли в класс и рассаживались, когда зазвенел звонок.

– Да, Олег, а ты чего вскакиваешь? – Спросил Павлов, один из негров со стройки.

За Трофимова ответил Тим.

– Положено так, когда учитель входит.

– Да-а? – удивился кто-то.

Эркин нахмурился, припоминая, как это было в питомнике, но в класс уже входила в обнимку со стопкой учебников Джинни, и он встал вместе со всеми.

– Здравствуйте, – весело улыбнулась она и продолжила по-английски: – Садитесь пожалуйста. Давайте знакомиться, меня зовут Дженнифер Джонс, я буду учить вас английскому языку.

Её весёлый щебечущий голос стягивал у Эркина ознобом кожу на лопатках. Страшным усилием он сдерживал себя, стараясь помнить, где он и кто он. Напряглись и остальные цветные. В открытую смотрели на Джинни только трое, все белые, а остальные сидели, опустив глаза. И когда называли их имена, вставали и отвечали на вопросы, глядя на свой стол. Джинни чувствовала это напряжение, появившееся и растущее отчуждение между собой и классом и не могла понять его причины. Почему это, откуда, что она делает не так?

И вдруг...

– Прошу прощения, – Тим поднял руку. – Могу я задать вопрос?

– Да, конечно, – растерянно улыбнулась Джинни.

Тим встал и выпрямился во весь свой рост.

– Ещё раз прошу прощения, но... мы должны говорить вам «мэм»?

Джинни медленно, начиная понимать, покачала головой.

– Нет, можете называть меня по имени.

По классу прошёл лёгкий неопределённый шум. Тим,

кивнув, сел.

– Могу ли я, – спросила теперь Джинни, – обращаться к вам так же просто по имени?

В ответ смущённые улыбки и кивки.

– Хорошо, – уже свободно улыбнулась Джинни. – тогда продолжим.

Недоразумение благополучно разрешилось, но Эркин продолжал хмуриться. Да, Тим – молодец всё на свои места поставил, а он... он ведь знает Джинни, мисс Дженнифер Джонс, знает её мать, они их соседи, всё всегда было нормально, и на беженском новоселье он у них был, так чего же, что не так? Он слушал объяснения Джинни, послушно открывал книгу, даже успевал удивиться, что многие буквы совсем как русские, а читаются по-другому. А думал о другом. Чего он боится? Почему страх не проходит?

И прозвеневший звонок не вывел его из этого состояния.

– А и впрямь труднее русского, – сказал, закуривая, Павлов.

– Угу, – кивнул Трофимов. – Написано «а», а читай «эй».

– Нет, так буква называется, – поправил его Тим. – А читается по-разному.

– Оно и есть, – Трофимов вздохнул. – Трудно будет.

Эркин слушал, кивал и хотел одного: чтобы всё это кончилось.

Зазвенел звонок, и они вернулись в класс.

Второй урок, к общему удивлению, был легче. Джинни

писала на доске короткие слова, а они хором читали их, поправляя друг друга. Тим в своём углу писал заданное ему упражнение на неправильные глаголы. И опять... Эркин делал всё со всеми, как все, но всё то же ощущение тупого страха не оставляло его. Да что с ним такое, чёрт побери?! Ведь дело не в том, что она белая. Он что, первый день на свободе, что ли? В лагере уже и смотрел прямо, и говорил, и знает же он её. В чём же дело?

В конце урока Джинни проверила тетрадь Тима и очень обрадовалась тому, что он справился с заданием без ошибок, потом сказала, кому что делать дома, и поблагодарила класс за работу. Они дружно встали, провожая её, и начали собираться.

– Уф-ф, – Денисов складывал учебники и тетради в обычную матерчатую сумку, – ты смотри, как круто.

– Учёба, – Тим аккуратно уложил книги и застегнул офицерскую сумку на длинном ремне, – учёба и есть. Не легче работы.

– Да уж! – засмеялся Трофимов. – А в пятницу шесть уроков будет. Вот где попашем.

– Попашем, – кивнул Эркин.

На улице было темно, под ногами визжал по-зимнему снег. Артём сразу простился и убежал в Старый город. Туда же свернули жившие, оказывается, в соседних проулках Андреев и Иванов. Новиков и Павлов – негры со стройки – жили в строительном общежитии и тоже быстро простились.

Остальные шли вместе. Шли молча, переживая, пересиливая странную непривычную усталость.

– Да, – вздохнул, наконец, Аржанов, – теперь по пятницам пива не попьёшь.

– Точно, – не удержался от улыбки Эркин.

Засмеялись и остальные.

– Да уж...

– Компанию ломать придётся...

– Ну, это уж как объяснишь...

Отстал Аржанов, живший с женой в мебелирашках, весной они собирались ставить свой дом, а пока и так перебиться можно, и деньги для стройки и обустройства как раз придержать. Постепенно отделились и остальные. Тим и Эркин шли теперь вдвоём.

– Тебя кто учил? – спросил вдруг Тим.

– Русскому? – уточнил Эркин и улыбнулся. – Жена. Женя.

– Повезло, – хмыкнул Тим. – А меня хозяин. Отметки плетью ставили.

– Понятно, – кивнул Эркин. – Питомниковая школа известна.

Тим покосился на него и промолчал.

В учительской стоял общий весёлый шум. Джинни, прижимая к пылающим щекам ладони, в который раз рассказывала, как всё было, и пыталась объяснить, почему так важно, будут её называть «мэм» или нет. Но и у остальных, у каж-

дого было что рассказать. Наконец разобрались, сверили все списки, поздравили друг друга с самым трудным днём...

– Завтра дошкольники...

– Ну, это уже элементарно...

– Хотя тоже возможны нюансы...

– Ну, что вы, с сегодняшним несравнимо.

– Да, конечно, у взрослых своя специфика.

– А у неграмотных...

– Там ещё и с языком проблемы.

– Разговорной речью, конечно, все владеют, но уровень...

– А в начальном...

– Да, одни репатрианты.

– Ну, правильно, вы вспомните, когда у нас ввели обязательное начальное? И когда был полный охват установлен. Даже с незаконченным средним теперь редкость.

– Заявляют один класс, а знания, как минимум, на два класса меньше.

– Да, но это не обман, а самообман.

– Помнят, что учились, но уже не помнят, чему выучились.

– Знания фрагментарны.

– Вы рассчитывали на систематичность? Завидую вашему оптимизму.

– Да, это было бы уже слишком...

И наконец решили идти по домам. Завтра тоже будет день.

На улице Джинни вдохнула холодный воздух и рассмея-

лась над своими сегодняшними страхами.

Артём шёл быстро, не из страха перед опозданием, а просто... просто тело требовало движения, и было легко, и не хотелось ни с кем говорить. Он потому и убежал от всех, хотя уже знал, что не один из Старого города, но сейчас в одиночку на тёмной улице, он сам с собой. «Жизнь полосатая, полоса хорошая, полоса плохая», – говорила мамка и добавляла, что будет и у них хорошая полоса. Неужели он добрался до этой полосы? У него есть семья, дом, хорошая, по силам, необидная и с хорошим заработком работа, и он теперь учится. Надо будет сумку для учебников купить, и ещё две тетради, в линейку, это не очень дорого, пустяшные траты. Неужели всё теперь будет хорошо? Как обещала мама, мама...

...Шершавые ладони скользят по его лицу и телу, обтирая влажной тканью. Впервые его трогают вот так, без боли и насмешки.

– Полегчало, сынок?

Это он сынок? Это его так называли?! Он с трудом поднимает веки. Круглая от повязанного платка голова, огромные, кажущиеся тёмными глаза.

– Д-да, – выдавливает он и, уже не помня ничего от боли: – Кто вы?

– Ты спи, – не отвечают ему. – Сейчас укрою тебя, поспи, вот так...

... Артём, не меня шага, сгрёб с углового столба чьего-то забора снежную верхушку, протёр снегом горящее, как тогда, лицо. Дед потом как-то рассказывал, что они нашли его в брошенном имении, в сарае, горящим, в беспомощности.

– Ты ещё долго не узнавал никого, – вспоминал дед. – Всё спрашивал, кто мы, боялся всех, плакал, – и, вздохнув, заканчивал: – Страшное дело тиф этот, иные до смерти сгорают. Хорошо, что оклемался.

И он кивал, соглашаясь. Начал говорить что-то одно – этого уже и держись. Правду он только Морозу рискнул сказать, но тот сам спальный, всё понимает. А для всех других... Для всех он – дедов внук, нагулянный сынок покойной дочери, что по молодости наглупила, да и понеслась по всем кочкам, вот и непохож на остальных, видно, в ту бабушку пошёл, тоже огневая была, а мамка, Лизавета, жена дедова сына, приняла брошенного мальчишку, со своими растила, так что все четверо они – дедовы внуки, кровиночки его. А что Ларьку они опять же в брошенном имении подобрали, осипшего от крика и плача и чуть не задохнувшегося в холодном подвале, как ещё не замёрз там, так этого никому и знать не нужно, а Ларька мал был, ничего тогдашнего не помнит, а Сенька и Танька вместе с мамкой в тифу сгорели, слабыми были, не оклемались, так что...

Мокрое лицо стягивал мороз, и Артём вытер его варежкой. Как на них смотрела та, в Комитете, когда дед рассказывал их историю, многословно, с повторами, бестолково,

чтоб запутать, чтоб не полезли выяснять, что там и как было, смотрела так, будто всё насквозь видела, но обошлось. Записали, документы выдали, так что теперь всё хорошо. Лишь бы теперь бабка между дедом и ними не вклинилась.

Старый город давно спал, окошки все тёмные, огни везде погашены, даже собаки не лают, и только его шаги по заснеженной улице. Вот их проулок, забор, когда снег стает, чинить надо будет непременно, дверь не заперта – его ждут.

Войдя в сени, Артём на ощупь задвинул щеколду и вошёл в кухню, так же закрыв за собой дверь. Бабка у себя в горенке сопит, а дед? Дедова храпа не слышно.

– Тёма?

– Ага, я это.

Дедова фигура в нижней рубашке и исподниках смутно белела в дверях горницы.

– Ужин тебе на столе оставили, – дед зевнул. – Поешь и ложись.

– Ага, спасибо.

Он нашарил на столе и зажёл коптилочку – большая лампа ему ни к чему. Миска под полотенцем и кружка, накрытая двумя толстыми ломтями хлеба. Дед ещё раз зевнул, перекрестив рот, и Артём, увидев это, вспомнил и перекрестился на икону, садясь за стол. Дед кивнул.

– Ну и как?

– Похвалили, – сразу сказал Артём. – Книжки дали вот, тетради. Деда, я в пятницу ещё позже приду, шесть уроков

будет.

– С богом, – дед улыбнулся и сел к столу. – А то скоро женить тебя, а ты без грамоты, непорядок это.

Артём покраснел и осторожно спросил:

– Дед, а жениться... обязательно?

– Посмотрим, – дед снова улыбнулся. – Спешить с этим незачем, но и забывать не след.

– Угу, – не стал спорить Артём.

Он доел кашу, выпил молоко и встал сразу отяжелевшим и сонным. Взял свои положенные на угол стола книги и тетради, задул коптилку, и они пошли к себе.

Дед сразу прошлёпал к лежанке, на которой спал вместе с Ларькой, и лёг. Артём, пристраивая свои книги и тетради на комод, слышал, как дед кряхтит и осторожно ворочается, а вот и захрапел. По-прежнему не зажигая света, Артём разделся, сложив на табуретку штаны и рубашки, оставшись в одних исподниках – тепло, можно и без нательной обойтись – сел на край кровати, где спали втроём: Лилька у стены, рядом Санька и он с краю, обтёр ладонью ступни и нырнул под одеяло, подтолкнув вольготно раскинувшегося Саньку.

– Тём, ты? – сонно спросил Санька.

– А кто ж ещё, – шёпотом ответил Артём. – Спи.

Толстое ватное одеяло придавило его мягкой тёплой тяжестью. Он вытянулся на спине, закинув руки за голову так, что Санькина макушка упиралась ему теперь в подмышку, и заснул, как провалился.

Пересказав Норме все сегодняшние события, Джинни вздохнула:

– Как хорошо, мама.

– Ну и отлично, – улыбнулась Норма. – Я очень рада. Завтра у тебя дети?

– Да, дошкольники, – Джинни встала. – Я пойду спать, мама, хорошо?

– Ну, конечно, Джинни.

Джинни поцеловала её в щёку и убежала. Норма убирала посуду и улыбалась. Как хорошо, что всё кончилось, её Джинни стала прежней, нет, даже ещё лучше. Доктор Айзек был прав – смена обстановки и положительные эмоции, и ещё время. Вместе они всё вылечат, без всяких микстур и таблеток.

Женя сидела, подперев кулачком щёку, и смотрела, как Эркин пьёт чай. Он уже рассказал ей про всё, она его успокоила, что ошибки пустяковые, он – молодец и, конечно, со всем справится. А завтра он после работы придёт домой, они с Алисой пообедают, и он отведёт её на занятия. И подождёт там или, скажем, по магазинам пройдёт, чего-то из продуктов или по хозяйству посмотрит, а Женя спокойно придёт домой, всё приготовит, уберёт и вообще...

Эркин кивал, соглашался, что, конечно, Жене бежать с работы домой, а уже потом отводить Алису на занятия, то по-

лучится слишком поздно. А когда он во вторую смену, он будет водить Алису в Центр с утра, тоже удобно. Отвёл, опять же прошёлся за покупками, забрал Алису, привёл домой, они пообедают, и он пойдёт на работу. Расписание занятий так и делали, под работающих родителей.

Женя видела, что Эркин чего-то недоговаривает, было что-то ещё, и это тревожит его. Но не спрашивала. Сам расскажет.

Эркин поднял на неё глаза, виновато улыбнулся.

– Знаешь, я не знаю, как это сказать, но... так получилось. Английскому Джинни учить будет, мисс Дженнифер Джонс, ну... – он запнулся.

– Джинни – отличная девушка, – пришла ему на помощь Женя. – И учительница хорошая.

– Да, но когда она заговорила с нами, я... Я испугался, Женя.

– Испугался?! – изумилась Женя. – Чего?

– Не знаю, – он растерянно пожал плечами. – Я... я словно опять там оказался, до Свободы.

Женя молча удивлённо смотрела на него, и Эркин опустил веки, прикрывая глаза, лицо его стало строгим и отрешённым.

– Женя... я не понял ещё, я потом тебе скажу, ладно?

Она кивнула. Так всегда и было, он всегда потом ей рассказывал, не сразу, не всё, как мог. Женя чувствовала, что многое он утаивает, но столь же ясно чувствовала, что дела-

ет он это, оберегая её, и не обижалась. Обижаться на защиту глупо. Она протянула руку и погладила Эркина по плечу. Эркин перехватил её руку и поцеловал.

– Спасибо, Женя, – он улыбнулся и встал. – Я уберу сейчас, и пойдём спать, да?

– Да, – Женя тряхнула головой и тоже встала. – Уже поздно, тебе завтра в первую.

– Да, – Эркин быстро и ловко убирал со стола. – Ты иди, ложись, ты тоже устала. Да ещё я со своими... фокусами.

Женя улыбнулась, подошла к нему и поцеловала в щёку.

– Родной мой.

Эркин счастливо улыбнулся.

Они уже лежали в постели, а он всё пытался понять, почему, нет, чего он испугался? Ладонь Жени на его груди, её дыхание рядом, он сам, его близкие в безопасности, да, умом он всё понимает, а так... Эркин закрыл глаза: надо спать, завтра с утра на работу.

Плотная темнота, мягкая тяжесть придавливает его, распластывает по постели, и звонкий весёлый голос:

– А сейчас посмотрите сюда...

...Он сидит в стойле быка у его ног, почёсывая ему подгрудок. Бык косится на него, мерно двигая челюстью, переступает, погромыхивая цепью. Самое безопасное место во всём имении. Ни одна сволочь надзирательская сюда не сунется. И даже Зибо не рискует заходить к быку. В скотной чисто, коровы подоены, корм и вода заданы. Правда, припёр-

лась эта бяляшка, училка хозяйская, и ублюдков притащила, хорошо хоть, только младших, старшая стерва его бы точно нашла и выковыряла, а эти безобидные. Пока. Но лучше отсидеться.

– А это коровки, – звучит звонкий весёлый голос. – Они дают нам молочко...

...Эркин рывком откинул одеяло и сел. Вот оно! Узнал! Она была учительницей в имении, учила хозяйских детей, и это её он тогда вытаскивал из щели за брикетами. Ох, чёрт дери, как неладно!

Женя дышала по-прежнему ровно, он, кажется, её не разбудил. Эркин встал и, не включая свет, не одеваясь, пошёл на кухню. По дороге, в прихожей, нашарил в кармане полшубка сигареты и спички. Он их носил с собой только для того, чтобы, если что, не ломать компанию, но сейчас остро захотелось закурить, вот захотелось – и всё, и он... он же свободный человек, делает, что хочет.

Женя проснулась от ощущения пустоты рядом и смутного чувства тревоги. Эркин? Что-то случилось? Она включила лампу на тумбочке, встала, накинула халатик и вышла из спальни. Всюду темно и тихо. Где он? Где его искать в огромной квартире? Вроде... вроде на кухне что-то... Она вошла в кухню и сразу увидела его силуэт. Эркин отодвинул шторы и, стоя у окна, курил.

– Женя? Я разбудил тебя?

– Нет, – Женя подошла и обняла его. – Тебе не холодно?

– Нет. Женья, я вспомнил. Она, мисс Дженнифер Джонс, – он заговорил по-английски, – она была в том же имении, училила хозяйских детей.

– Ну и что? – Женья погладила его по плечу, спине. – Что в этом такого, Эркин?

– Если она узнает меня... – Эркин не договорил.

– Ну и что? – по-прежнему не понимала Женья. – Ты был там скотником, да?

– Да, – кивнул Эркин. – Что я... спальник, знает ли она это... Не знаю.

– Даже если и знает... Ну, успокойся, Эркин, ничего страшного в этом нет. Или, – вдруг догадалась она. – Эркин, она... обижала тебя?

– Нет, – Эркин невольно улыбнулся. Женья не увидела, а почувствовала его улыбку. – Нет, Женья, у меня нет обиды на неё.

– Ну, вот видишь, всё в порядке.

Женья поцеловала его в щёку.

– Ты докури и ложись. А то поздно уже.

– Да, – он снова заговорил по-русски. – Ты ложись, Женья, я сейчас.

Она ещё раз поцеловала его и ушла. Света они не зажигали, и, глядя в окно, Эркин видел не себя, а ночную заснеженную улицу. «Ничего страшного». Если б только он мог объяснить... она скажет правду, а правда однозначна: попытка изнасилования. Даже если забыть, что он спальник, что

цветной, индеец, раб... да, здесь это неважно, но остаются один на один: сильный мужчина и слабая девушка. Он – нормальный здоровый мужчина, и ему не доказать, что тогда он был... перегоревшим спальником, неспособным на изнасилование... просто потому, что не способен. А изнасилование – всюду преступление. И попытка тоже. Об этом много толковали в лагерной курилке у пожарки. Что же ему делать? И один ответ. Ничего. До сих пор она его не узнала. Может, и потом не узнает. Значит, надо оставить всё как есть. И жить дальше так, будто ничего не было. И может... может, и обойдётся. Всё-таки была ночь, темно, и он тогдашний... Вряд ли она его разглядела, а до этого он видел её только издали, а она рабов не рассматривала. Может, и обойдётся.

Эркин подошёл к мойке, повернул слегка кран и погасил под стружкой воды окуроч, выкинул его в ведро и пошёл в спальню. Нет, Жене знать об этом незачем. Сделать вид, что ничего не было, и жить дальше. Может, и обойдётся.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Добираться домой на своей машине Стэну было нелегко. Он никак не мог привыкнуть к ручному управлению. Но упрямо отказывался от чьей-либо помощи. Для него и так сделали всё возможное. И невозможное тоже.

С третьей попытки он завёл машину в гараж, и фотоэлемент опустил дверь. Ну, вот он и дома. Пересесть из машины в коляску уже легче. Он забрал с заднего сиденья пакет с продуктами и через внутреннюю дверь проехал в кухню.

Дом был тих, тёмен и пуст. Маленький одноэтажный дом – ведь лестница стала бы слишком трудным препятствием для хозяина. Но эти пустота и тишина не задевали Стэна. Да, он остался один, но у него есть работа, товарищи, он никому не обуза и не помеха.

Стэн разложил покупки, включил плиту и поставил греться кофейник, сунул в духовку пакет из фольги с замороженным стейком – прямо удивительно, какая удобная штука! Ну

вот. А пока будет вариться и запекаться, можно пропустить стаканчик. И поставить пластинку, пусть побренчит что-нибудь весёлое, но не танцевальное. Он въехал в гостиную, мимоходом шлёпнув ладонью по выключателю, и замер.

В углу дивана перед камином неподвижно сидел человек. А коляска продолжала катиться по инерции к бару.

В следующее мгновение Стэн ударом по колесу затормозил её, едва не опрокинув, и выхватил пистолет.

Пришелец медленным плавным движением поднял руки ладонями вперёд.

– Я голый.

– Ковбой?! – изумлённо спросил Стэн.

Тем же плавным движением Фредди сдвинул шляпу на затылок, открывая лицо. Стэн опустил, но не убрал пистолет.

– Что тебе нужно?

– Поговорить.

Лёгким наклоном головы Фредди указал на маленький столик перед диваном. На столе бутылка коньяка и две рюмки. Стэн невольно усмехнулся: судя по марке, разговор серьёзный. Что ж, если Ковбой сразу не выстрелил... но всё равно.

– Я полицейский. Нам не о чём разговаривать.

Фредди раздвинул губы в улыбке.

– Твоего напарника, Гаррета, кончил Найф. Так?

– Да, – настороженно кивнул Стэн.

Неужели Ковбой всё-таки причастен и знает того парня?

И что? Пришёл откупать? Робинс опять прав?!

– Да, – повторил Стэн. – И что тебе до этого?

Фредди кивнул. Медленно потянулся к бутылке – Стэн машинально отметил тонкие кожаные перчатки на его руках – и налил коньяк. Себе на дно, отпил, налил во вторую рюмку и снова себе. Стэн улыбнулся уже открыто.

– Мог и не стараться. Я же знаю, что ты кольту не изменяешь.

Улыбнулся и Фредди, ожидая, когда Стэн возьмёт рюмку.

– За что пьёшь? – пистолет по-прежнему лежал на коленях Стэна.

– За кого, – поправил его Фредди. – За парня, который выпустил кишки Найфу.

– За него выпью, – Стэн убрал пистолет и взял рюмку.

Они одновременно коснулись губами тёмно-жёлтой пахучей жидкости, глотнули.

– Чего ты хочешь, Ковбой? Закрытия дела?

Фредди качнул головой.

– Я не хочу невозможного.

– Верю, – кивнул Стэн. – Это невозможно. Ты знаешь, где парень?

– Я хочу это знать.

– И?..

– И когда вы на него выйдете, дай мне знать.

– За сколько шагов?

– Как сможешь.

– И почему я это сделаю?

– Долги надо платить.

Стэн кивнул.

– Что ты ему должен?

– Я – жизнь.

– Понятно. А если это не тот?

– Мешать не буду.

Стэн снова кивнул, внимательно разглядывая собеседника. Знаменитый Ковбой, киллер, чистильщик экстра-класса, уорринговец, как и Найф, кстати и уорринговские карты у обоих не сохранились, тоже наводит на размышления, но трудно поверить, что не знал, что Найфа убивали без него, но, похоже, что так, и похоже, что к тому парню у него свои... чувства.

– А если ты будешь первым?

И твёрдый спокойный ответ:

– Дам знать.

Стэн кивнул. Следующим должен был бы последовать уговор о деньгах, но оба понимали: его не будет. Стэна не покупали.

Молча глядя друг на друга, они допили свои рюмки, и Фредди встал. Ушёл, не прощаясь и не оглядываясь. Любые слова будут уже лишними.

Стэн вернулся на кухню и выключил плиту. Кофе наполовину выкипел, а стейк... фольга спасла, получился пережаренный, но не сгоревший. Плиту придётся отмывать, ну, это

не слишком большая проблема. Но... но никогда не думал, что Ковбой способен на такое. Что ж... Да, он вступил в сговор с преступником, и не жалеет об этом. Когда Пенроз позвонил, что экспертиза в общем закончена... да, и он читал этот акт... да за одно то, что лицо Найфа было залито следами, что значит Найф понял, прочувствовал свою смерть... да за одно это он вытащит того парня, сам вместо него сядет!

Он накрыл на стол и принялся за ужин. От коньяка приятно кружилась голова. Кто бы подумал, что Ковбой в коньяках разбирается. Ну, это ему могли и подсказать. Хотя... вряд ли Ковбой потерпит подсказку. И подсказчика.

Сев в машину, Фредди сразу включил мотор и рванул с места. Тяжело говорить голым, но рисковать он не мог. В таких разговорах хитрить нельзя, в мелочах особенно. Ну, что ж, что мог – он сделал, а дальше... самим им трепыхаться нельзя, наведём, Алекс тогда всё чётко разложил, значит, ждём.

Отъехав на два квартала, он привычно проверил улицу за спиной, содрал и выкинул на ходу в окно перчатки, удачно попав в канализационный – здесь он всегда открыт – люк, и прибавил скорость. А неплохо Чак справился с «ферри». Из обычной легковушки сделал... машину. Что значит – и улыбнулся – профессионал. Бульдог его, конечно, основательно выпотрошил, ну, так это Бульдог, и менять шофёра и автомеханика им пока незачем.

Американская Федерация

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Крис и раньше замечал, что за хорошим обязательно идёт что-то плохое. Только-только у них с Люсей всё наладилось, всё стало так хорошо, что сам своему счастью не веришь, так на тебе! У Люси разболелась рана на боку. Он сам каждое утро и на ночь накладывал мазь и повязку... и ничего не мог понять. Жёлтые корки жёстко топорщились чешуйками,

ожог под ними перестал мокнуть, и блеск стал другим. Люся жаловалась, что повязка ей мешает, хотя он старался сделать всё как можно лучше. И мазь ведь хорошая, «бальзам Вишневецкого», а не помогает. Люся стала плохо спать, плачет.

– Люся, – они лежали рядом в постели, её рука у него на груди. – Люся, может... я утомляю тебя? – нашёл он нужное слово. – Ну... этим.

– Нет, – Люся погладила его по груди. – Нет, Кирочка, мне... мне хорошо, когда у нас... это. Правда. Нет, я не знаю, отчего.

– Люся, а если мази больше класть?

– Ну, куда уж больше, она уже наружу проступает, нет, Кирочка, ты всё хорошо делаешь. Это я такая, – она вздохнула, – невезучая.

Вздохнул и Крис и, повернув голову, коснулся губами лба Люси – она лежала на боку.

– Люся, что мне сделать для тебя?

– Ой, Кирочка, – она вздохнула уже по-другому, не под плач, а под смех. – Мне так хорошо-о... Знаешь, когда я вот так, с тобой, я и бока не чувствую, – и хихикнула. – Вот если бы на работу не ходить...

– Ага, – подхватил Крис. – Встали, поели и снова легли.

Люся негромко засмеялась, потёрлась носом о его плечо.

– Ой, хорошо бы, Кирочка, да без работы есть будет нечего. Давай спать, да?

– Давай, – согласился Крис, хотя усталым себя не чувство-

вал. Странно, но после волны усталости не было. Мягкая блаженная пустота, покой, но не усталость.

– Кира, – уже совсем сонным голосом сказала Люся, – ты руку положи мне на бок, ладно?

– Да, конечно.

Он повернулся набок лицом к ней и мягко накрыл своей ладонью её повязку. Люся вздохнула, и он почувствовал, как обмякает, расслабляется её тело. Конечно, на боку спать неудобно, непривычно, но ничего, потерпит. И надо поговорить с Юрием Анатольевичем, попросить посмотреть Люсю. Он же врач, лечил Люсю, а если что будет нужно из еды там что-нибудь особенное, то сходить в город и купить – не проблема, деньги есть.

Под эти мысли Крис и заснул.

Рабочий день уже заканчивался. Аристов отдал Люсе пачку обработанных историй болезни.

– Это всё в регистратуру.

Картотеку он теперь ей не доверял, сам ею занимался, но в остальном... в остальном всё было как раньше. И Люся решила рискнуть.

– Юрий Анатольевич, я... я попросить вас хотела...

Она запнулась и покраснела так, что здоровая половина лица сравнялась по цвету с обожжённой.

Аристов поднял взгляд от своей рабочей тетради.

– И о чём? Ну, – и улыбнулся, – проси, раз хотела.

– Юрий Анатольевич, вы... вы не посмотрите меня? – и, увидев его удивление, заторопилась: – Меня бок совсем замучил, и мазь вдвое мажу, а не проходит, я ни спать, ни работать не могу.

– Да? – Аристов порывисто встал из-за стола. – Ну-ка, за ширму и раздевайся, посмотрим твой бок.

Люся послушно положила обратно на стол стопку папок и, расстёгивая на ходу халатик, пошла за ширму. Раздеваясь, она слышала, как щёлкает переключатель на селекторе, журчит вода из крана... Её давно не смотрели, с весны, и, когда Аристов вошёл за ширму, она прикрыла грудь руками.

– Нет, Люся, подними руку, мне же так не видно.

Аристов снял повязку, стёр тампоном мазь. Люся затаила дыхание.

– Так больно, Люся? А так?

– Н-нет, – неуверенно ответила она, – как-то...

– Как? – терпеливо спросил Аристов.

– Ну-у, щекотно как-то.

– Так-так, понятно. Так, Люся. Так, что ты говоришь? Болит у тебя?

– Ну, не очень болит, ну, я не знаю, свербит, ну, прямо так бы и выдрала себе сама всё.

– Понятно. Ну, Люся, – голос у Аристова стал весёлый, – поздравляю.

– С чем? – изумилась Люся.

– С регенерацией, Люся. Ну-ка, постой так.

Он смазал ей бок – запах был новый, незнакомый – и наложил повязку.

– Вот так, зуд это снимет. Одевайся.

– Ага, ага.

Пока Аристов мыл руки, она быстро одевалась и слушала. Вот он вернулся к столу, зашелестел бумагами, карточку её ищет, что ли? Ре-ге-не-ра-ция... что это? Как он говорил, получается, что хорошо. Она застегнула халатик, завязала поясок и вышла из-за ширмы.

– Юрий Анатольевич... – робко начала она.

Он опять что-то писал и ответил, не поднимая головы.

– Вот, Люся, по этому рецепту возьмёшь в нашей аптеке, много не мажь.

– Ага.

– И покажись дерматологу. Если процесс общий, то и голову он затронет.

Люся ойкнула, и Аристов оторвался от письма, увидел её испуг и рассмеялся.

– Всё хорошо, Люся, прямо отлично, заживление у тебя началось. Поняла?

Она неуверенно кивнула. Взяла рецепт и спрятала его в карман халата, забрала стопку историй болезни.

– Спасибо, Юрий Анатольевич, так это в регистратуру, да?

– Да, Люся.

Люсе очень хотелось спросить, можно ли им, нет, ей жить

как живёт, но не решилась и убежала.

Аристов, перебрав картотеку, достал Люсину карточку и только начал писать, как в дверь постучали. Так обычно стучали парни: мягко, даже вкрадчиво, но не услышать нельзя.

– Да, войдите.

И удивился, увидев Криса. После той ночи, когда он застал его с Люсей, они фактически не разговаривали. Не специально, а как-то само собой получалось. Крис был со смены, в халате и шапочке.

– Извините, что побеспокоил, Юрий Анатольевич, – осторожно начал Крис.

– Ничего, – кивнул Аристов. – Заходи. Что стряслось?

– Нет, спасибо, ничего особенного, – Крис вошёл в кабинет, прикрыв за собой дверь. – Я хотел только попросить вас. Посмотрите Люсю, пожалуйста. У неё... её бок беспокоит.

Аристов с невольной улыбкой кивнул.

– Я её уже посмотрел. Знаешь, что у неё? – Крис мотнул головой, с надеждой и страхом глядя на него. – Регенерация. Знаешь, что это такое?

– Восстановление, – Крис сразу почувствовал себя на уроке. – Правильно?

– Правильно, – кивнул Аристов. – У неё восстанавливается наружный кожный покров.

Аристов говорил, используя термины, и все силы Криса уходили на понимание терминологии, а на переживания уже не оставалось.

– Всё понял?

– Да, – кивнул Крис. – И... и ничего не менять, ну, как мы живём?

Аристову понадобилось минуты две, чтобы понять, о чём беспокоится Крис. А поняв, ответил очень серьёзно.

– Положительные эмоции способствуют процессу.

– Ага, – просиял Крис. – Спасибо, Юрий Анатольевич, извините за беспокойство, – и стремительно выскочил за дверь.

Словно боялся, что Аристов передумает и запретит ему... жить по-прежнему.

Как ни хотелось Крису найти и обрадовать Люсю, но он пошёл к Жарикову. Он должен поговорить с ним. Доктор Ваня всё сделал для него, пришёл тогда, той страшной ночью, успокоил, уладил всё, нет, он должен рассказать. И что парни с вопросами не лезут, хотя он же знает, как им это важно, так это тоже... доктор Ваня сделал. И сначала расскажет ему, посоветуется заодно, как для Люси лучше, а потом уже к парням пойдёт.

Жариков был у себя, хотя приём закончил и в соответствии с распорядком, и фактически, что совпадало довольно редко. И потому на стук в дверь он откликнулся сразу, приглашая войти запоздавшего и, скорее всего, непланового пациента.

– Здравствуйте, Иван Дормидонтович, – вошёл Крис. – Я... я пришёл поговорить.

– Проходи, садись, – улыбнулся Жариков и, пока Крис шёл от двери к его столу, привычно щёлкнул переключателем селектора и включил наружное табло над дверью. – Ну как, всё наладилось?

Утративший всю свою смелость на пути к его столу, Крис благодарно кивнул.

– Да, спасибо, Иван Дормидонтович, всё так хорошо... так хорошо, что даже страшно.

К удивлению Криса, Жариков не рассмеялся над получившейся бессмыслицей.

– И что хорошо, а что страшно?

– Хорошо? Ну, всё хорошо, со всем... – Крис замялся. – Ну... ну, я не могу об этом по-русски.

– Говори, как удобней, – сразу перешёл на английский Жариков.

– Ну, Люся не боится меня, – Крис перемешивал русские и английские слова. – И... этого не боится, ну, почти не боится. И... и у меня волна, каждый раз. Тот, ну, индеец, его на экспертизу привозили, он тоже говорил, что у него с... женой каждый раз волна. Я не поверил, все не поверили. А сейчас вот у меня. Подкатит и понесёт. Нет, я помню, где я, что я, чтоб Люсе больно не сделать, не напугать её, и... и как теряю себя, сразу и я, и не я. И... и я не знаю, как сказать, но... но мне самому хочется... этого.

И замер, ожидая слов Жарикова. Доктор Ваня улыбнулся.

– Это нормально, Кирилл. Да-да, нормальная реакция

нормального человека.

– Но... но я же перегорел. И раньше. Мне никогда не хотелось этого.

– Чего? – терпеливо спросил Жариков.

– Траханья, – удивлённо ответил по-английски Крис. Неужели доктор Ваня забыл, что называется по-русски «этим».

– Траханье и любовь – разные вещи, Кирилл. Люсю ты любишь, потому тебе и хочется. А трахаться, да ещё по приказу... – Жариков не договорил, считая продолжение фразы излишним.

Крис медленно кивнул.

– Так... так, Иван Дормидонтович, у меня с Люсей, у нас любовь, так?

– Значит, так, Кирилл. В этом и есть разница, понял?

– Д-да. И... и Люся поэтому не боится? Да?

– Да, – энергично кивнул Жариков. – Именно так. А она? Ей хочется быть с тобой?

– Да. Я думаю, да, – Крис виновато опустил голову. – Я не могу рассказать вам, как у нас...

– А это тоже нормально. Но ей же хорошо?

– Да, – Крис вскинул голову и улыбнулся. – Да, у неё, Юрий Анатольевич сказал, что у Люси регенерация началась, – он уже говорил только по-русски. – От положительных эмоций.

– Ну, совсем хорошо, – обрадовался Жариков. – Прямо

отлично.

Крис кивнул, облегчённо переводя дыхание.

– И ещё, Иван Дормидонтович, я расскажу парням, не о Люсе, о себе. Чтоб не психовали, чтобы поняли, – он заговорил опять по-английски. – Надо ждать волну. Придёт волна, и ты всё сможешь. А без волны это и не нужно.

Крис не спрашивал, не советовался, но Жариков согласно кивал. Да, всё так, всё правильно. Молодец Крис, и «волна» – это не оргазм, не только и не столько оргазм, они избегают слова «любовь», но, видимо, именно её называют «волной».

– Иван Дормидонтович, вы придёте к нам, на разговор?

Жариков на секунду растерялся.

– А... не помешаю?

– Нет, – твёрдо ответил Крис. – И Юрия Анатольевича позовём. Он тоже... переживает за нас.

– Спасибо, – растроганно сказал Жариков. – Конечно, придём.

Крис легко встал.

– Я пойду, Иван Дормидонтович. Как мы с парнями о дне договоримся, ну, когда собираемся, чтобы все были свободны, я скажу. И вам, и Юрию Анатольевичу. Спасибо большое, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – попрощался Жариков.

И, когда за Крисом закрылась дверь, остался сидеть неподвижно, не достав ни тетрадей, ни карточек. Хотя знал, что надо записать, сразу, по горячим следам, и не мог...

...Обнажённое смуглое тело, застывшее неподвижно лицо-маска. Выход из депрессии всегда сложен, и чем сильнее была двигательная активность до депрессии, тем глубже, вплоть до паралича, депрессия и, соответственно, сложнее выход. Юрка сказал, что парня зовут Крисом и он откликается на это имя.

– Крис.

Еле заметно вздрагивают длинные пушистые ресницы.

– Посмотри на меня.

Медленный поворот головы. Чёрные глаза смотрят в никуда.

– Тебе что-то болит?

– Нет, сэр.

Голос такой же безжизненно равнодушный, как и лицо.

– Почему ты спишь, не укрываясь? Тебе жарко?

– Я сплю, как положено, сэр.

Да, все парни так спят. На спине, закинув руки за голову и разведя ноги. И ничем не укрываются, даже простынями. Попытки укрыть их вызывают слёзы и просьбы пощадить, не мучить. Повышенная чувствительность кожи? Не подтверждается. Чистая психика. Даже в депрессии, стоит отвернуться, всё сбрасывают с себя. Стремление к обнажённости. Эксгибиционизм в чистом виде. Но ведь и наедине, без зрителей то же самое. Тогда это что-то другое.

– Тебе нравится твоё тело?

И мгновенная гримаса страха и злобы дёргает это лицо,

напоминает прежнего, буйствовавшего так, что приходилось привязывать к кровати.

– Скажи, что подумал.

– Будьте вы прокляты!

Тихий слабый голос, но какая сила ненависти.

– Говори дальше.

И ответ, заставляющий улыбнуться.

– Нет, не хочу, сэр.

И обычное обращение звучит ругательством...

...Всё было, и вот... Жариков потрянул головой. Нормальный мужчина с нормальными реакциями. Всё-таки они с Юркой не зря уродовались. А у Люси, значит, регенерация. Тоже отлично. Эффект неожиданный, меньше всего он думал об этом, но раз так получилось... Надо Юрке позвонить, выяснить, насколько правильно Крис его понял, ну, и насчёт Люси узнать поподробнее.

Жариков снова потрянул головой и достал свои тетради, одновременно вызывая по селектору Аристова.

Тетрадь шестьдесят вторая

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Как всегда, весной достаточно одного по-настоящему солнечного дня, чтобы всё зазеленело. И по дороге едешь, как по зелёному коридору. И погода отличная, как на заказ, лучше и не придумать.

Чак вёл грузовик играючи, рисуясь своим мастерством, хотя пассажиры у него сегодня такие, что ничего в этом не понимают и потому оценить не могут. И что? А ничего! Всё обошлось, всё хорошо, хотя страху тогда хлебанул... и не в полиции, нет, конечно, он перетрусил, чего самому себе врать, и выболтал всё, что мог, лишь бы от него отвязались, но настоящий страх был потом...

...Закончив последний переезд, отнеся ящики в указанное место и получив положенные чаевые, он уже не спеша

спокойно шёл к машине. Сейчас в гараж, как всегда всё подготовить на завтра и домой, обедать, да нет, к чёрту обед, просто закрыть за собой дверь и лечь, и никого и ничего не видеть, а обед, душ и всё остальное – потом. Он достал пачку сигарет, она оказалась пустой. Он скомкал её, швырнул в урну и свернул к маленькому киоску. Старый, весь сморщенный однорукий продавец продал ему пачку с таким равнодушным лицом, будто не видел ничего. На ходу закуривая, он подошёл к машине и в последнюю секунду, уже берясь за ручку, увидел на переднем сиденье Фредди. Страх сразу обдал ледяной волной. Но отступить поздно и некуда. Он открыл дверцу и сел за руль.

– Прямо.

– Слушаюсь, сэр. Прямо.

Короткие чёткие приказы. На втором повороте он понял: машина идёт за город. Но послушаться не посмел. И на выезде из Колумбии новый приказ:

– Налево и второй направо.

– Слушаюсь, сэр, – шевельнул он онемевшими, как после сильного удара, губами.

Брошенный патронный завод. Не так разбомблённый, как разграбленный, пустые коробки цехов и складов, всё остальное вывезли и растащили. Здесь и конец?

– Останови.

Он послушно затормозил посреди пустого в каких-то мелких обломках двора.

– Здесь не помешают, – ему почудилась в голосе Фредди насмешка. – Рассказывай.

– Что, сэр?

– Всё, – короткий и предельно ясный ответ.

И он рассказал всё. Как его арестовали, о чём спрашивали, что он отвечал, как выглядели те, кто допрашивал. Он говорил, а Фредди молча слушал, не поворачивая головы, с неподвижным равнодушным лицом. Он говорил и ждал пули. Но выстрела всё не было. И струйки пота на лице и спине. А потом он замолчал, и потянулись бесконечные секунды ожидания.

– В город.

Он вздрогнул.

– Сэр?

– Я сказал: в город.

– Да, сэр, слушаюсь, сэр.

Он дал газ, резко развернул машину и выехал так, будто удирал от погони...

... Чак достал сигарету и закурил, не отпуская руля.

– Закуришь? – предложил он сидевшему рядом Ларри.

– Нет, спасибо, – Ларри улыбнулся, смягчая отказ.

– Дыхалку бережёшь? – усмехнулся Чак.

Сидевший на коленях у Ларри Марк покосился на Чака, блеснув белками, и снова уставился вперёд.

– Нет, – просто ответил Ларри. – Я и раньше не курил.

– Хозяин не позволял, – понимающе кивнул Чак.

– Он и сам не курил.

То, как Ларри говорил о своём хозяине, задевало Чака. Он нахмурился.

– Тоскуешь ты по нему, что ли?

Ларри пожал плечами.

– Он научил меня всему, что я знаю и умею. И его убили.

– В заваруху, что ли?

– Нет, ещё раньше. СБ.

Чак быстро искоса посмотрел на него. Однако, просто он об этом говорит. Но... у Ларри свои проблемы, а у него свои.

Ларри впервые ехал в машине – не в кузове, а вот так, на мягком сиденье – и наслаждался дорогой. Марк сидел у него на коленях, удобно прислонившись к нему спиной, и тоже наслаждался. В кузове все их вещи: два мешка и корзина с инструментом. Они едут в большой город, в Колумбию, будут теперь там жить. Да, конечно, было бы разумней поехать сначала одному, устроиться, а потом забирать Марка, но, когда Фредди говорил с ним о переезде и предложил именно этот вариант, он покачал головой.

– Сэр, я обещал Марку, что мы не расстанемся. И уедем только вместе.

И Фредди понял и согласился. Удивительно, как Фредди всё понимает.

В Колумбии его ждёт работа ювелира. Фредди говорил – магазин-салон с мастерской. В основном, работа на заказ. Что ж, это он может. Ларри невольно улыбнулся воспомина-

нию...

...Миссис Кренкшоу – так ему называли эту леди Фредди и Джонатан – рассматривает браслет. Переплетённые стебли плюща, на некоторых листьях росинки бриллиантов. Не на всех – это было бы уже вульгарно, бриллианты небольшие, но безукоризненные.

– Да, – кивает миссис Кренкшоу, – это достойно Левине. И он благодарно улыбается её похвале...

...Да, Хозяин был бы доволен. Вещь получилась настоящая. И заплатили хорошо. Конечно, камни не его, их дал Джонатан, перерасчёт оказался непростым, остаток золота пошёл на плату за камни, а за работу заплатили уже лично ему. На первое время и скромное обзаведение им хватит. И есть ещё заказы. Правда, контракт не переписали, но это, наверное, не столь важно. Фредди обещал, что с жильём проблем не будет. Уже легче.

Чак покосился на улыбающегося Ларри. Ишь, как всем доволен, хотя, конечно, ювелир – дело выгодное. Но и рисковое. А ему и своего риска хватает. У каждого свои проблемы. И всё же... всё же хорошо, что Ларри будет жить в тех же мебелирашках. Всё-таки они оба на одного хозяина работают, и, если что... подмоги от Ларри никакой, конечно, хоть и силён мужик, да к силе ещё готовность бить нужна, а этого у Ларри и близко нет, как такого слабака в бараке не задавили... но всё-таки, хоть сзади себя поставить, чтоб спину прикрыть, можно будет, мало ли что. Нет, конечно, против

Фредди Ларри не пойдёт и даже не подумает о таком, но... Нет, надо отношения наладить, не дружбу, конечно, друг тебя всегда первым и предаст, и выдаст, а чтоб врагом не был, и хватит.

– Ты ведь у Май жить будешь? Ну, в её мебелирашках.

– Да, – кивнул Ларри. – А ты? Тоже там?

– Ну да. Лучшее заведение на весь Цветной. Чисто и тихо.

Что ещё надо?

– Да, – согласился Ларри. – Слушай, мебелирашки – это, значит, мебель есть?

– Самое простое, – стал рассказывать Чак. – Посуду тоже можно, но я себе свою купил. Бельё постельное тоже. Можешь её, а можешь своё. И насчёт уборки удобно. Раз в неделю приходят. Честно, ничего не пропадает, – и усмехнулся. – Проверено.

Ларри задумчиво кивал, слушая его. Вот, значит, о каком жильё говорил Фредди. Что ж, это его устраивает. Если и плата окажется посильной...

– Ты много платишь?

– Пятьдесят в месяц. Зато никаких проблем. Даже, – Чак снова усмехнулся, – даже телефон есть.

Он исправно платил за телефон, хотя ни разу ещё им не пользовался, так только для проверки пару раз позвонил в справочную службу. Да и кому и зачем ему звонить? В контору в случае болезни? Так здоровья у него теперь... На квартиру Бредли? Незачем, и лучше бы такой нужды не было. И

тоже, в случае чего, Полу Эйлифу, адвокату из фирмы Гронса? Нет, лучше, без таких случаев. Хотя все три номера он помнит наизусть. И... да, вон за тем поворотом можно остановиться на ленч. И размяться немного. Земля здесь федеральная, съезд с дороги свободный.

– Сейчас остановимся, перекусим. И вообще, – Чак улыбнулся. – Разомнёмся.

– Да, – ответно улыбнулся Ларри. – Не помешает.

Марк радостно просиял широкой улыбкой. Ему давно уже кое-чего хотелось, но он мужественно терпел. Чак мягко съехал с дороги и остановил грузовик за кустами, помог Ларри справиться с дверцей. Марк с такой скоростью выпрыгнул из машины и рванул в заросли, что мужчины рассмеялись и тоже вышли.

Кусты прикрывали их с дороги, пологий склон с журчащим внизу по промоине ручейком, свисты и щёлканье птиц, бабочки... ну, до чего же хорошо! Чак достал термос с кофе, а Ларри флягу с молоком. Мамми ему специально перекипятила, чтобы не скисло. У обоих сэндвичи, у Ларри ещё конфеты и печенье для Марка. Поглядев, как Чак сноровисто накрывает походный стол, Ларри спросил:

– Часто в дороге ешь?

– Приходится, – кивнул Чак. – График держать надо. По минутам маршрут рассчитан.

Ларри уважительно покивал. Конечно, работа у Чака не из простых, что и говорить.

– Вот до места тебя доведу и дальше по маршруту.

Уважение Ларри льстило Чаку. Работу ювелира он немного представлял, и что Ларри у Фредди с Джонатаном не на последнем месте, тоже видел, так что...

Марк, поев, убежал к ручейку искать тритона или ещё кто там в воде живёт, а мужчины ещё немного посидели. Ларри расспрашивал о жизни в Колумбии, и Чак его посвящал во всякие хозяйственные и житейские мелочи. В чьей лавке мясо лучше, у кого можно купить одежду – в рабском в городе ходить зазорно, а что в имении праздничной одеждой было, так в Колумбии такое уже будничное, расхожее. Кабаки Ларри не интересовали, а про школы Чак ничего не знал.

– Ладно, – Чак встал, отряхивая штаны. – Поехали, а то из графика выьемся.

Ларри кивнул и тоже встал.

– Марк! Ты где?

– Здесь! – вынырнул из кустов Марк.

– Здесь, а не здесь, – поправил его Ларри, собирая остатки ленча. – Мусор из волос выбери.

Рукава рубашки Марка были мокры до локтей, а в волосах запуталась веточка.

– Я тритона чуть-чуть не поймал, – сообщил Марк, выдирая из кудряшек ветку.

– А может, это он тебя ловил? – заржал Чак. – В проточной воде тритоны не живут.

Марк обиженно надул губы, но промолчал. Чака он, как и

остальные малыши в имении, побаивался. Правда, отец рядом, большой и сильный, всё на свете знает и умеет, с ним ничего не страшно.

Снова сели в машину, и Чак выехал на дорогу.

– Ну, всего ничего осталось.

Серая лента шоссе, зелёные деревья и поля по сторонам. Всё чаще встречные и обгоняющие их машины, мимо маленькие то ли последние городки, то ли первые пригороды. Чак свернул на боковую со старым выщербленным покрытием дороги.

– Сразу в Цветной въедем, не хочу в центре лишнее светиться.

Ларри понимающе кивнул. Конечно, Чаку виднее, как лучше ехать, он-то сам здесь в первый раз, не знает ничего.

Окраина Цветного квартала напоминала Цветной в Краунвилле, но попадались дома покрепче и понаряднее, на одном из перекрёстков они увидели темнокожего полицейского в форме, а потом Чак вдруг свернул со словами:

– Не по маршруту, но покажу.

Целая улица недостроенных, но уже видно, что крепких двухэтажных домиков, каждый со своим газончиком или лужайкой впереди и хозяйственным двором с садиком сзади.

– Муниципалитет строит. В долгосрочную аренду, – Чак насмешливо хмыкнул. – Кто побогаче может и купить. В собственность.

Ларри задумчиво кивнул и уточнил, не спрашивая:

– В рассрочку конечно.

– Это как? – не выдержал Марк.

Чак пренебрежительно повёл плечом.

– Мне и так хорошо, – и вывернул грузовик на поперечную улицу.

Здесь двух-, а то и трёхэтажные дома сливались в сплошную улицу, магазины, бары, кафе, какие-то... конторы, что ли, кино? – вертел головой Марк.

– Да, кино, – кивнул Чак и наконец остановился у длинного трёхэтажного дома, уходившего от улицы в глубину сада и с дверью в торцовой стене. – Приехали.

Над дверью выгнутая полукругом вывеска: «Майэлла. Меблированные квартиры».

У двери на жёстком стуле из гнутых металлических трубок сидел плечистый негр с сединой в курчавых волосах и в тёмной, но не рабской, а городской одежде. Оглядев вылезавших из машины Чака, Ларри и Марка, он крикнул в открытую дверь.

– Эй, Май, девочка, это к тебе.

– Привет, – кивнул ему Чак, вынимая из кузова и передавая Ларри корзину и туго набитые вещевые мешки.

– Привет, парень! – охотно отозвался негр. – Ну же, Май!

– Ты чего это расшумелся? – спросил властный, но не злой грудной голос.

Из глубины дома появилась «девочка Май» – темнокожая женщина лет тридцати с небольшим в туго обтягивающем

её ядовито-зелёном костюме. Быстро, но очень внимательно оглядев Ларри, она улыбнулась.

– Лоуренс Левине?

– Да, здравствуйте, – обращение «мэм» Ларри опустил, но его тон и лёгкий полупоклон были безукоризненно вежливы.

Чак кивнул, прощаясь сразу со всеми, сел в кабину и уехал.

– Идёмте, – Май легко повернулась, приглашая Ларри за собой. – Уладим с бумагами.

– Хорошо, – Ларри взял корзину и мешок, второй подхватил Марк.

Мимо приветливо кивнувшего им негра они прошли в просторный холл с диваном, креслами и даже пальмой в кадке.

– Подожди меня здесь, сынок, – сказал Ларри.

Марк, зачарованно глядя на пальму, послушно сел на жёсткий деревянный диван. Ларри положил рядом с ним мешки и поставил на пол корзину. Май терпеливо ждала его у двери в свой кабинет. Маленький, безукоризненно чистый, как и холл. Стол с телефоном и неплохим письменным прибором, шкаф, несколько стульев. У стола Май обернулась к Ларри и улыбнулась.

– Садись, – достала из лежащей на столе папки и протянула ему лист бумаги. – Читай. Грамотный ведь.

Она не спрашивала, но Ларри кивнул и взял лист. И пока он читал, Май разглядывала его. Надо же, Бредли за него

ручается, а по виду так ничего особенного. Ну, высок, силен, надо думать, но для подобного Бредли Чака держит под шофёрской крышей, а этот явно не для таких дел, но зачем-то он Бредли нужен. А раз нужен, то... не дура она, чтоб с Бредли связываться. От Чака ни беспокойства, ни задержек с деньгами, и с этим, надо думать, так же будет. Она, когда своё дело заводила, для того и плату до потолка подняла. Чтоб солидные люди жили.

– Да, я согласен, – Ларри взял с её стола ручку и подписал контракт.

Май кивнула, и убрала лист в уже другую папку в шкафу, достала связку ключей.

– Тебя как, Лоуренс?

– Можно Ларри.

– Пойдёт, меня Май. Держи, твоя на втором этаже, номер двадцать пять, убирают раз в неделю, Дядюшке Пинки скажешь, в какой день чтоб к тебе приходили. И если ещё что нужно, к нему же.

– Спасибо, – Ларри взял ключи.

– Стирка, – она снова быстро оглядела Ларри, – готовка, обо всём договориться можно. За отдельную плату, конечно.

Ларри понимающе кивнул, но разговора не поддержал.

В холле Марк по-прежнему разглядывал пальму и даже не сразу заметил, как отец подошёл к нему.

– Идём, сынок.

Ларри легко взвалил себе на плечо оба мешка, взял кор-

зину. Май проводила их до дверей, вошла с ними, быстро показала, где что и как, и если и удивилась тому, что Ларри знаком и с душем в ванной, и с газовой плитой на кухне, то виду не подала, пожелала счастливого отдыха с дороги и ушла, оставив их обживатьсья.

Спустившись вниз, Май подошла к Дядюшке Пинки, встала рядом, небрежно облокотившись на дверной косяк.

– Ну, как они тебе?

– Ну, пацан так пацан и есть. А он... – Дядюшка Пинки говорил негромко и словно посмеиваясь, непонятно только над кем, – так-то он тихий, но лезть не стоит.

– Я не дура, за ним Бредли.

Дядюшка Пинки кивнул.

– Контракт надолго?

– Пока на месяц. Возобновление за неделю.

– Тоже неплохо.

Май улыбнулась: сколько бы этот Левине не прожил – всё доход.

– К кому его отправить, Май?

– Со стиркой? Очередь Гвен, но ему больше подойдёт Марика.

– А Гвен?

– Ей из тридцатого, тот холостяк, пусть побалуется девчонка. А с готовкой... там посмотрим.

Май ещё раз оглядела оживлённую улицу, отвечая улыбчивыми кивками на приветствия знакомых, и ушла в свой

кабинет.

Когда разложили и развесили все вещи, шкафы и комоды остались полупустыми. Марк, знавший, что они не беднее, а то и побогаче остальных в имении, был этим так уязвлён, что чуть не заплакал.

– Ничего, Марк, – рассмеялся Ларри, – всё у нас будет. А сейчас надень чистую рубашку и пойдём в город.

– И кроссовки?! – замирающим от предвкушения голосом спросил Марк.

– Конечно. В сапогах по городу не ходят.

Новенькие, пахнущие кожей кроссовки Марку купили в Краунвилле. Узнав о переезде в Колумбию, Ларри несколько вечеров расспрашивал Стефа о городской жизни, а потом в субботу поехал вместе с Ролом на фургоне в Краунвилль, и пока Рол закупал, что нужно для имения, купил и себе, и Марку «городской» одежды. В дорогу, правда, оделся и Марка одел в рабское: всё-таки в грузовике и... вообще. Но теперь-то...

Оглядев Марка в джинсах, кроссовках и ковбойке, Ларри велел ему ещё раз расчесать волосы и стал одеваться сам. Они были в спальне Ларри. Ларри одевался, а Марк сидел на кровати и смотрел на него. Ларри как раз надел ковбойку и заправлял её в джинсы, когда в гостиной зазвонил телефон.

Ларри удивлённо посмотрел на Марка, будто это он звонил, и пошёл к телефону. Марк побежал за ним.

Ларри взял трубку и осторожно, как горячую, приложил к уху.

– Алло?

– Ларри, ты?

Ларри с трудом, но узнал голос Бредли и улыбнулся.

– Да, сэр, я слушаю, сэр.

– Молодец, что приехал. Пока обживайся, а в понедельник к девяти часам приходи в контору. Фирма «Октава», – и чёткий адрес. – Запомнил?

– Да, сэр, – и Ларри повторил адрес и время.

– Отлично, Ларри. Удачи!

– Да, сэр, спасибо, сэр, – Ларри бережно опустил трубку на рычаг.

– Па-ап... – потрясённо прошептал Марк.

– Это звонил сэр Джонатан, – объяснил Ларри. – Марк, без меня телефон не трогай. Потом я научу тебя, что надо с ним делать. А теперь пойдём.

Ларри закончил одеваться, проверил купленный по совету Стефа бумажник. Конечно, всех денег носить с собой нельзя, но надо заплатить за квартиру, поесть, купить кое-что из мелочей, ещё еды на вечер и на утро. Готовить он будет сам, помнит ещё науку старой Энни, светлая ей память, а насчёт стирки стоит поговорить прямо сейчас.

– Надень ветровку, Марк, ещё не лето.

Новенькие светлые куртки-ветровки Ларри тоже купил в Краунвилле и, пока они ехали по Колумбии, убедился, что

угадал: многие в таких ходят.

– Готов, Марк? Тогда идём. Сначала зайдём к Май.

– Ага, – кивнул Марк.

– Надо говорить «да», – поправил его Ларри. – Или «хорошо».

Выйдя из квартиры, Ларри запер дверь, спрятал ключи, и они пошли по длинному коридору с одинаковыми дверями по обеим сторонам. Перед каждой дверью маленький ярко-зелёный коврик, как кусочек газона. Марк, потрясённый настолько, что уже ничему не удивлялся, шёл рядом с отцом, крепко держась за его руку. Так, вместе, они и зашли в контору, где Ларри заплатил сразу за месяц.

Потом постояли у входа рядом с Дядюшкой Пинки. Тот рассказал им, в каком ближайшем кафе они смогут поесть, вполне приличное заведение, ни драк, ни чего другого, на нашей улице вообще швали нет, здесь все люди солидные, с деньгами, и насчёт стирки без проблем, есть у него на примете одна, Марикой зовут, аккуратная, чистёха, а уж крахмал у неё наилучший.

Шум, грохот, мелькание людей... Только ладошка Марка в его руке позволяла Ларри сохранять спокойствие хотя бы внешне. После тихой размеренной жизни в имении, им, конечно, будет тяжело, но здесь он сможет работать по-настоящему. Марк пойдёт в школу, и вообще... заживут по-человечески.

Американская Федерация

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Тишины в бараке не бывает. Он это ещё когда понял и запомнил. Тихо только там, где все мертвы. Даже в отходнике, куда сваливали умирающих, хрипели, стонали, булькали льющейся из рта кровью. Тихо было во рву. И потом, когда он шёл по снегу, не чувствуя ни голода, ни боли, там тоже было тихо. А здесь...

Андрей лежал на своей койке и слушал. Обычный барачный шум, ночной и живой. Что ж, всё он сделал как надо. Умных людей надо слушать. И следовать их советам...

...Гунявый шмыгает носом.

– Баба язык на привязи никогда не держит. Ты только спроси по-умному. Так, чтоб ей самой поболтать захотелось. И подзадорь, чтоб заспорила. В споре баба такое ляпнет, че-

го и под пыткой не скажет. Понял, малец?

Он кивает...

...Сволочь, конечно, был Гунявый, но баб знал, как никто. Ведь как по писаному прошло. Неделю с лишним убил на эту канцеляристочку, но зато и результат что надо...

...Светлая прилипшая ко лбу чёлка, выщипанные и подведённые брови. Он обнимает её и несильно, с мягкой властностью прижимает к себе.

– А ты странный.

– А я весь необыкновенный, – смеётся он в ответ. – И фамилии такой второй нет.

– А вот и врёшь, – смеётся и она. – Пруд пруди таких.

– Морозовых может быть, а Мороз, – он говорит это нарочито строго, – Мороз один разьединственный.

– А вот и врёшь! Был такой. Мороз. У него ещё имя чудное. На «э» как-то...

– На «э»? – задумчиво переспрашивает он между поцелуями. – Нет такого имени, чтоб на «э». А! – он хлопает себя по лбу. – Эдуард. Ну да, Эдик, ну, Моргач же! Слушай, а его ты помнишь?

– Да не было никакого Эдуарда Моргача! – начинает она сердиться. – А вот Мороз, вспомнила, Эркин его звали, такой был, ещё до Нового года уехал.

– Такого имени... – он снова целует её, – не бывает. А вот Эдку ты наверняка запомнила, видный такой парень, с усами.

Она растерянно и сердито смотрит на него.

– Да что ты меня путаешь? Я ж вас всех помню. Я ж на картотеке сижу.

– Сиди где хочешь, – смеётся он. – Я разве спорю?

– Да ну тебя! – она отворачивается от его поцелуя.

Он недоумевающе смотрит на неё.

– Ты что? Обиделась? Да плюнь. Ну, не помнишь Эдьку, так и фиг с ним, всех всё равно не упомнишь.

– Не было никакого Эдьки! – кричит она. – А Мороз был! Эркин Мороз! Я помню!

– Фиг и с ним тоже, – он снова притягивает её, усаживая к себе на колени.

Она ещё немного дуется, но всё охотнее отвечает на его поцелуи...

...Андрей улыбнулся воспоминанию. А всё-таки классно сделал: и узнал, и хвост подчистил. А дурёха завелась не на шутку. Зацепил он её за живое. Как же, чтоб она кого-то да не помнила, спутала. Ведь он больше об этом не поминал, думая, что узнал всё. Эркин был, уехал до Нового года. А куда? Запрос он подать не может: слишком большой риск засветиться самому, да ещё и брата за собой потянуть. Ему надо тише воды, ниже травы, чтоб незаметным стать. Нет лучшего укрытия, чем толпа, единичное в множестве хорошо прячется. Дня два, а может и три он с ней не встречался, но и не избегал: а то ещё придумает чего-нибудь и в свою же выдумку поверит. С бабами это сплошь и рядом бывает. Она

сама к нему подошла...

...– Приходи вечером.

– Ладно, – не стал он спорить. – К тебе?

– Нет, – она говорила насмешливо, будто знала про него что-то такое, – к канцелярии.

Он нахмурился. И её следующие слова не успокоили.

– Покажу тебе кое-чего.

– Ладно, – отказываться нельзя, не поймёт и начнёт думать. – А когда?

– К девяти. Там уж никого не будет.

И ушла. К девяти так к девяти. Спорить с бабой – себе дороже. Да и не из-за чего. Отбрехаться он всегда отбрешется...

...Но всё-таки он тогда попсиховал немного...

...После ужина постоял, как всегда, в мужской курилке у жарки, потрепался, и когда стали расходиться, незаметно отстал и свернул к административному корпусу. Фонари по периметру, фонари над дверями... Правда, и гулять запрета нет, хоть всю ночь по лагерю шляйся. Но на всякий случай он шёл осторожно, не прячась, но придерживаясь теней, уже по-летнему чёрных. Вот и крыльцо канцелярии, а вон и она. Он ещё раз огляделся и вышел на освещённое место.

– Ага! Пришёл, – лёгкое злорадство в её голосе, предвкушение победы. – Пошли.

У неё были свои ключи. Она по-хозяйски уверенно отперла дверь. Он молча последовал за ней. С бабой вот из-за та-

кого и рискованно связываться: никогда не знаешь, на чём и когда взбрыкнёт. Тусклый ночной свет в коридоре. Ей-то бояться нечего: служба, а его если обход застукает... хотя и ей не поздоровится, что постороннего, да ещё не в дозволенное время привела, так что если это не подстава с самого начала, то должно обойтись.

– Заходи.

Комната без окон, небольшая из-за шкафов с ящиками по стенам, трёх канцелярских столов и барьера-прилавка у двери. Картотека – сразу понял он. Она зашла за барьер.

– А ты здесь подожди.

– Чего? – рискнул он съязвить.

– Сейчас увидишь.

Она быстро вытащила один из ящичков, перебрала карточки.

– Вот. Мороз Эркин Фёдорович, девяносто шестого года рождения, ну, и дальше о нём. Поступил... ага, сюда девятнадцатого ноября, выехал первого декабря, маршрутный лист номер... на Ижорский Пояс, город Загорье. Убедился? Ничего я не путаю!

Он слушал её, явно скучая и оглядываясь по сторонам.

– Ну и что? Ну, был, ну... Слушай, – оживился он, – а что, тут на каждого есть? И на меня?

– На тебя в другом месте. Здесь архив, – она сунула карточку обратно в ящик и со стуком задвинула его на место.

– Слушай, – его голос стал просительным, – посмотри

Моргача, Эдуард Моргач, ну, такой парень, куда он попал? Понимаешь, дружок мой, ха-ароший парень...

Под его скороговорку она выдвинула уже другой ящик, перебрала карточки, выдвинула соседний, покопалась и в нём.

– Нету никакого Моргача. Моргунов есть, Иван, – она хихикнула. – Ой, помню я его, телок телком, с собакой, собака у него здоровенная была, помню. Тоже уехал, ага, точно. Из-за собаки его прямо в Центральный военный питомник и отправили. В распоряжение кинологической службы, – прочитала она и сунула карточку в ящик. – А Моргача нет, и не дури меня, понял?

– Так что? – огорчение его было искренним. – Не доехал Эдька, что ли? Жаль, я думал, вместе будем.

Она со стуком задвинула ящик.

– Дался тебе этот Эдька.

– Ну и хрен с ним. И со всеми остальными, – он потянулся к ней через барьер. – Иди сюда.

– Прямо здесь? С ума сошёл, – отмахнулась она, но подошла, дала себя обнять и поцеловать...

...Андрей улыбнулся. Оттуда они пошли к ней, а дальше уже всё как обычно. А ещё через пару дней она ещё с кем-то крутила. Ему так и говорили про неё, что легка на ногу: как пришла, не спрашиваясь, так и уйдёт, не попрощавшись. Само собой, всё у них и кончилось. Что ему надо, он теперь знает, а она... да таких пучок за пяточок на любом базаре.

Итак, Ижорский Пояс, Загорье. Время он переждал, теперь можно потихоньку библиотеку к себе приучать. Чтобы, когда до выбора места дойдёт, знать, как повернуть и куда вывернуть да так, чтоб тебе самому это предложили. Одно дело – ты просишь, и другое – соглашаешься с предложенным. Это и дураку понятно. А дурак он для других, а не для себя. Ладно, заговариваться уже стал. Того и гляди ненужное, да вслух выскочит.

Андрей потянулся под одеялом, повернулся на другой бок и привычно свернулся, закутавшись так, чтоб только макушка слегка торчала. Ничего, браток, скоро увидимся, гульнём – небу жарко станет. Загорье. Надо думать, Эркин тоже не с кондачка туда рванул, там, значит, и жильё, и работа... Мама, всё у меня хорошо, всё пока получается, как задумано, и вас я не забываю, слышишь, мама?

Он по-прежнему, боясь опять всё забыть, перед сном перебирал прошлое, мысленно разговаривая с матерью и сёстрами, вспоминал дом, школу, и с радостью убеждался – помнит. С этим и засыпал.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Дни шли ровной привычной чередой, складываясь в недели и месяцы. Работа, школа, в субботу танцы, в воскресенье церковь. Найджелу эта монотонность даже нравилась. Работа не стыдная и не сложная, и на себя работаешь. В школе, в общем, тоже всё получается, в церкви они трое – уважаемые люди, с ними, а особенно с Робертом, считаются, на танцах общее веселье и он на уровне. И дома у них всё хорошо. Купили большой красивый шкаф для одежды. Пока поставили его к Роберту, и там они все хранят своё праздничное, в чём ходят в церковь, а ещё у каждого в комнате что-то вроде комода для белья и вешалка-стеллаж для расхожего, и на топчанах теперь матрасы и хорошие простыни, миски с кружками заменили фарфоровой посудой. А уж о кремах и лосьонах и говорить нечего. И едят они нормально. И всё у них хорошо.

Найджел словно спорил с кем-то, доказывая, что всё хо-

рошо, всё нормально. Чего ж ему не по себе как-то?

Уроки сделаны, деньги подсчитаны и убраны, ровный приятный белый свет заливает кухню, в фарфоровых кружках дымится кофе, в плетёной корзинке хрустящие хлебцы с изюмом. Тихий будничныи вечер.

– О чём задумался, Найдж?

– Так, – вздрогнул Найджел. – Ни о чём особом. Просто думаю. Ведь... ведь у нас всё хорошо, так?

– Ну так, – Роберт оторвался от газеты, лежащей у его прибора. – И что, Найдж?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Ну...

– Это ты что, опять кино смотрел? – Метьюз фыркнул в свою кружку. – Там тоже, как всё хорошо, так какая-то чертовщина начинается. Помнишь, про вампиров смотрели?

– Точно, – засмеялся и Роберт. – Ну же, Найдж, разве не так?

Найджел кивнул. Да, действительно так. В Цветном теперь был свой кинотеатр, не надо как раньше ждать отдельного сеанса для цветных, так что они ходили в кино на каждый новый фильм, гогоча и ахая со всем залом. И там действительно так. Но ведь дело не в этом. Он не ждёт ничего плохого, неоткуда плохому взяться. Он повторил это вслух, и братья кивнули.

– Ну вот, сам всё понимаешь.

– Да, – Найджел встал и подошёл к плите, зачем-то переставил кофейник. – Но... но ведь перемены не всегда к худ-

шему.

– Угу, – Роберт подвинул газету к Метьюзу. – Почитай вот это, Мет, про новую школу. Кончай себе проблемы выдумывать, Найдж, их и настоящих хватает. Не проси, а то напросишься, помнишь?

– Роб, да я просто...

– Просто давайте на боковую.

Метьюз отложил газету.

– Завтра дочитаю. Конечно, дело стоящее, Роб. Сколько сможем внести?

– На новую общедоступную? – живо спросил Найджел. – Дневной заработок, да, Роб?

– Размахался! – фыркнул Метьюз. – Так тебе Роб целый день и разрешит.

Метьюз дразнил Роберта, заводил шутовую перепалку, втягивал в неё Найджела. А то, когда парень задумывается, добром не кончается. Задумавшийся вылетал на первой же сортировке или просил подушку. Сейчас сортировок, конечно, нет, но всё равно...

Роб с удовольствием поддержал игру, видя, что Найджел снова стал прежним. Что каждый даёт на школу свой дневной заработок или доход, было решено на собрании в церкви, и весь этот спор так... для развлечения.

– Ну всё, уговорили! – Роберт шлёпнул ладонью по столу, завершая разговор, и встал. – Пора на боковую.

Они, разумеется, не стали спорить. В самом деле – пора.

У себя в комнате Найджел, уже лёжа в постели на приятно скользящей под телом крахмальной простыне и закрыв глаза, сразу, как всегда, увидел её. Она – белая, кожа у неё светлая, а глаза – ореховые, а волосы кажутся тёмными и вдруг отливают золотом, а губы чуть пухлые, как... да нет, глупости, она – белая. Хотя зачем тогда поселилась по соседству с Цветным и ходит на общие курсы?

Как раз их уроки начинаются через полчаса после тех лекций, и он приходит пораньше, сидит на ограде, читает учебник, пока с тех курсов расходятся, и она проходит, на него не глядит, а уж он-то глаз от книги не поднимает, и всё равно видит её. И на танцах, правда, давно, но видел. Тогда на Новый год устроили большой бал, вроде ковбойского, любой мог прийти. Он, конечно, знал своё место, держался в том зале, где как само собой собрались цветные, но перегородки ажурные, и он её видел, как она танцевала с каким-то парнем. Танцевал тот грубо, не держал, а лапал, и вообще... неприятный тип. Но ему-то что за дело до её парня? Странно, она – белая, а ему приятно на неё смотреть. И имя у неё красивое, он слышал, её называли Моной. Мона... Мона... Мона...

Он спал, лёжа в привычной с детства, с питомника позе, и улыбался, и во сне продолжая повторять её имя.

А с утра опять та же будничная круговерть. Завтрак, утренняя уборка, смена, помочь Мету с ленчем, уборка,

ленч, вторая смена, обед и... и школа! Стоило Найджелу вспомнить об этом, как всё становилось другим.

– Мет, Роб, я в школу.

– Валяй, – Роберт ест сосредоточенно, как всегда перед важным делом. – Мне месячный баланс подводить.

– Ясно. А ты, Мет?

Метьюз задумчиво качает головой, глядя на Роберта. Ну да, конечно, он останется варить для Роберта кофе, подбирать и подкалывать счета и квитанции, проверять записи. Найджел почувствовал себя неудобно: месячный баланс – дело серьёзное, Роберт недаром за неделю до срока берётся, чтоб всё в порядке было. Дело растёт, и заботы растут. А тут ещё письмо было, из Спрингфилда, что парни из госпиталя собираются приехать к ним, посмотреть, что тут и как. Чтоб их спокойно принять и не дёргаться, с банком надо всё уладить даже раньше срока. А он намылился...

– Я тоже тогда останусь.

– Нет, иди, – твёрдо отвечает Роберт и улыбается. – А то, у кого мы списывать будем.

– Точно, – смеётся Метьюз. – Зачем деньги тратить, когда задарма можно.

И Найджел, сразу вспомнив, как один из их класса вздумал давать свои тетради прогулявшим уроки за деньги, хочет вместе с братьями. Шустряка быстро проучили, теперь как анекдот рассказывают.

– Решено, – встаёт Роберт. – Вали, Найдж, не болтайся

тут.

Но Найджел уже убежал к себе переодеваться. Джинсы, кроссовки, яркая ковбойка, ветровка – рабское они теперь даже для работы в саду не надевают, только если с углём надо возиться.

Роберт перебирает, раскладывает по письменному столу счета, квитанции и книги. Найджел сбоку, чтобы не помешать, открыл ящик, где они держат учебники и тетради.

– Роб, подвинься.

– Мг-м, – Роберт переступил, не отрываясь от своих бумаг.

Найджел отобрал нужные учебники и тетради, сложил их в недавно купленную специально для школы сумку, похожую на портфель.

– Ну, – в холл вошёл Метьюз, – покажись. Хорош, Найдж, удачи.

– Удачи! – откликнулся он, скатываясь о лестнице.

Захлопнув за собой дверь, Найджел спустился с террасы – нужно подумать, как её переоборудовать, не всё ж вместо бросовой кладовки использовать – вышел на «цветную» улицу и, широко свободно шагая, пошёл в школу. Время на границе дня и вечера, запах молодой листвы и весенних цветов. Весна. Как всё-таки всё хорошо!

Школа была недалеко и тоже на границе Цветного квартала, чтобы ученики и слушатели различных курсов свободно подходили с любой стороны. Вернее, это здание недоро-

гих общедоступных курсов, где открыли классы для взрослых. Подстриженный газон, кирпичная невысокая изгородь, на которой удобно сидеть, несколько старых раскидистых деревьев.

Ещё на подходе Найджел понял, что опоздал: дневные курсы уже разошлись, так что Мону он не увидит. Обидно! Сегодня что, их раньше звонка отпустили? Но ничего с этим не поделаешь. Найджел огорчённо вздохнул и не спеша пошёл через лужайку к входу.

Их классы размещались на первом этаже. При всём свободомыслии и предписанной русской комендатурой расовой терпимости администрация с мудрой предусмотрительностью не то чтобы изолировала, а отделяла классы, где преобладали цветные, от курсов, где так же преобладали белые. Временем занятий и расположением аудиторий.

Найджел заглянул в свой класс. Там ещё никого не было. Он первый. Бросил сумку на свой стол и пошёл в курилку. Курить он не любил, но надо же куда-то деться до звонка.

И уже подходя к курилке – небольшой комнате рядом с туалетами, и занятый своими мыслями, едва не налетел на... Мону?! Что она здесь делает? Но он уже увидел её подпухшие веки и нос, как после плача, и потёкшую от ресниц тушь. Она плакала?

– Тебя обидели? – спросил он, сам от себя не ожидая такой смелости. – Кто?!

– Нет, – она удивлённо, но без страха смотрела на него. –

Я в порядке, спасибо.

Но не ушла, а продолжала стоять, глядя на него. Найджел улыбнулся внезапно пересохшими губами.

– Рад... рад слышать, – он судорожно сглотнул, не заметив, что не сказал положенного обращения. – Могу я чем-то помочь?

– Спасибо, – она улыбнулась с горькой откровенностью человека, которому уже нечего терять. – Мне никто не может помочь, – и снова улыбнулась. – Спасибо за предложение, но... нет.

Найджел снова вздохнул, приводя мысли в порядок, улыбнулся.

– Можешь всегда рассчитывать на меня. Я – Найджел, Найджел Слайдер.

Она с прежним выражением решимости улыбнулась в ответ.

– А я Мона Теннисон, – и... и протянула ему руку. – Приятно познакомиться.

Найджел бережно коснулся своими пальцами её ладони.

– Да, очень приятно.

Послышались шаги и голоса. Найджел узнал голоса одноклассников и сразу предложил:

– Я провожу? – кивком показывая на боковой выход.

Мона кивнула.

– Да, спасибо.

Но их уже увидели. Нет, никто им ничего не сказал, но

Найджел – он шёл сзади, прикрывая собой Мону, – спиной, затылком чувствовал их взгляды и знал, что в оставшееся до урока время его допросят и вынесут приговор.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарила Мона уже на крыльце.

– И... и когда мы увидимся? – Найджел сам удивлялся своей смелости.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Я, наверное, уеду.

– Почему?! – вырвалось у него.

Она снова пожалала плечами и медленно пошла через газон к ограде. Найджел оторопело посмотрел ей вслед и понял: если он отпустит её сейчас, то уже всё, никогда больше не увидит.

– Мона! – он не помнил себя. – Подожди, Мона, я сейчас!

Она обернулась, но его уже не было на крыльце. Мона по-нурилась и медленно, волоча ноги, продолжила свой путь.

А Найджел пулей, никого и ничего не замечая, вбежал в класс, схватил сумку и вылетел обратно, едва не столкнувшись с учителем математики. И опять бегом, скорее, надо догнать, другого шанса у него не будет. Где она?! А! Вон у ограды.

– Мона!! – он догнал её и не загородил дорогу, а пошёл рядом с ней. – Я с тобой.

– Что? – она остановилась и удивлённо подняла на него глаза. – Почему?

– Я, – Найджел сглотнул и очень просто, как давно продуманное и решённое, сказал: – Я не могу иначе, Мона. Где

ты, там и я.

Она молча смотрела на него. Не верить этому голосу, этим глазам невозможно, но... но и верить она не может. Уже не может.

– Спасибо, Найджел, – она мягким отстраняющим движением коснулась ладонью рукава его ветровки. – Спасибо, но...

Найджел бросил, вернее, уронил сумку и накрыл своей ладонью её руку.

– Я буду с тобой, Мона. Что бы ни было, я всегда буду с тобой.

– Ты ничего не знаешь обо мне, Найджел, и говоришь такое. Это же... – она оборвала себя.

Найджел мотнул головой.

– Ты можешь гнать меня, но я не уйду.

– Ты же сегодня в первый раз увидел меня.

– Нет, я видел тебя и раньше, и на балу на Новый год, и здесь...

– Подожди, – её рука всё ещё лежала на рукаве, и Найджел ощутил, как она дрогнула и сама плотнее прижалась. – Ты... да, я же тоже видела тебя, здесь у ограды, ты... ты встречал меня? Да?

– Да. Я приходил, чтобы увидеть тебя.

– Но ты даже головы ни разу не поднял.

– Ты белая, – вздохнул Найджел.

И эти произвольно вырвавшиеся слова заставили его

отпустить руку Моны и отвернуться. Но Мона не убрала свою руку и не отодвинулась, и Найджел рискнул покоситься на неё.

– Найджел, – её глаза наполнились слезами, – я недоказанная, а мои родители условные, а теперь...

– Теперь это неважно, – заторопился Найджел.

– Да, я тоже так думала.

Она опустила голову и пошла. Найджел подхватил свою сумку и пошёл рядом. Они шли молча по-прежнему по границе Цветного квартала. Иногда она на ходу всхлипывала, но Найджел ни о чём не спрашивал. Шли долго. Уже стемнело, зажигались уличные фонари, мягко светились за шторами окна домов.

– Что мне делать? – вдруг спросила Мона.

Спросила не Найджела, а саму себя.

– Домой я вернуться не могу. Это убьёт отца. Он так верит в меня, он не выдержит. И мама. Как я ей скажу? И оставаться здесь я не могу. Он обещал всем рассказать... обо мне, ославить на весь город. Он сделает это, я поняла, он... он не знает жалости. Лучше бы он убил меня. Но он хочет, чтобы я мучилась. И сама, сделала это сама.

Найджел молча слушал. Он не понимал и не пытался понять, о чём она говорит, и слышал не слова, а боль. И от её боли болело и у него. Странно, непривычно, никогда с ним такого не было, даже в горячку.

– Я знаю, – говорила Мона, – я знаю, чего он хочет. Он

всегда делает то, что говорит. А что делать мне?

– Мона, – разжал губы Найджел, – я всё сделаю для тебя. Чем мне помочь тебе, Мона? Скажи мне. Что случилось?

– Ничего, – она снова горько улыбнулась. – Ничего особенного. Я просто беременна. Когда об этом узнают в фирме, меня уволят, они держат только девушек, это оговорено в контракте, так что никакого выходного я не получу и с меня вычтут неустойку за нарушение контракта. И мне нечем платить за курсы. А домой я вернуться не могу. И он сказал, что все узнают, что я – обыкновенная цветная шлюха, и если я открою пасть, то сильно пожалею о своём рождении. Что ты можешь сделать, Найджел?

– Я женюсь на тебе, – сразу сказал Найджел и сам удивился сказанному.

Мона остановилась и изумлённо, даже со страхом уставилась на него.

– Что?! Что ты сказал, Найджел? Ты понимаешь, что ты сказал?

– Да, – кивнул он. – Я, как это, в здравом уме и доброй, нет, твёрдой памяти, так, да? Я прошу тебя выйти за меня замуж, нет, прошу твоей руки и сердца, вот теперь правильно.

– Ты с ума сошёл, – Мона попробовала засмеяться, но вместо этого заплакала.

– Мне надо встать на одно колено? – Найджел попытался удержать взятый тон, но не смог и упавшим голосом спросил: – Я противен тебе?

– Ты с ума сошёл, – повторила Мона.

Сквозь застилавшие ей глаза слёзы она вглядывалась в это бронзовое лицо. Ведь... ведь он говорит правду, она верит ему, не может не верить. И... нет, она не может, не должна принимать его жертву, он же не понимает, просто не понимает, что говорит.

– Это потому, что я... цветной? – не выдержал её молчания Найджел.

– Нет, что ты, – Мона даже удивилась его вопросу.

Она в самом деле не думала об этом. Да, её семья всегда старалась жить, как белые, и здесь... но после страшных слов Нила...

...– Ты – шлюха, дешёвая цветная шлюха, и помни это. Не реви, – и насмешливая улыбка. – Когда избавишься от ублюдка, сможешь работать в Цветном.

– Это не ублюдок, это...

– Заткнись, шлюха.

И холодный блеск ножа.

– Ты черномазая дрянь. Только покажись в «Атлантике» или пасть открой, на ленточки порежу...

...– Нет, Найджел, что ты. Ты... ты же совсем не знаешь меня.

– Нет, – Найджел улыбнулся. – Знаю. Я знаю самое главное, Мона. Что я не могу без тебя жить.

Мона оглянулась и удивлённо ахнула: они стояли в трёх шагах от её дома. В этом, когда-то особняке, а теперь разго-

роженном на крохотные квартирки, «доходном» доме она и жила.

– Вот мой дом, – она бесстрашно смотрела в его глаза. – Зайдёшь?

– Сочту за честь, – склонил голову Найджел.

Что я делаю? – ужасалась про себя Мона, пока они шли по вытоптанному газону, поднимались на опоясывающую дом веранду, шли вдоль ряда дверей, из-за которых слышались голоса, смех, ругань, пение. Что она делает? Ведёт к себе первого встречного. Так кто она после этого? Но она уже на шаривала в кармане жакета ключ и отпирала дверь.

– Входи.

Она включила свет, закрыла дверь и прошла к окну задёрнуть штору.

– Выпьешь чего-нибудь?

Найджел молча покачал головой.

– Ты совсем не пьёшь?

Он пожал плечами.

– Иногда. Если нет другого выхода. Мона, ты не ответила мне.

– А что я должна ответить, Найджел? Вот, – она обвела комнату рукой. – Вот здесь я живу, а теперь мне надо будет уехать. Если бы я ещё знала, куда.

– Не уезжай, Мона.

Найджел бросил на пол сумку, шагнул к Моне и осторожно взял её за руки выше локтей.

– Мона, я... Я хочу быть с тобой. Всегда. Во всём. И твоя судьба – это моя судьба. И твои беды – это и мои беды.

– В горе и в радости, – Мона говорила задумчиво, глядя ему в глаза. – В здоровье и в болезни, в разлуке и вместе...

– В жизни и в смерти, – закончил Найджел. – Да, Мона, всё так.

– Сколько тебе лет, Найджел? Ты как ребёнок. Ты подумал, как мы будем жить? На что?

– По порядку. Мне двадцать лет, у меня с братьями собственное дело, – Найджел сам себе удивлялся, но остановиться не мог и не хотел.

Мона вздохнула.

– А мой ребёнок...

– Наш ребёнок, – сразу перебил её Найджел, – ты ведь именно это хотела сказать.

– У меня не будет работы, меня уволят, выгонят, с позором.

– Ты уйдёшь сама. Как только мы поженимся. Я завтра пойду к священнику, и мы поженимся.

– Найджел, ты так говоришь, – она недоверчиво засмеялась, – будто давно думал об этом.

– Нет, я даже не мечтал, не смел мечтать. Но... но ты не сказала мне. Ты согласна, Мона?

– Я разве не сказала? – удивилась Мона. – Да, я согласна, Найджел, но...

Но она не договорила. Потому что он наклонился и кос-

нулся своими губами её губ. И это было так непохоже на поцелуи Нила, тот не целовал, а впивался, откусывал, а с Найджелом так... сладко, да, сладко. У Моны закружилась голова, и, чтобы не упасть, она обхватила обеими руками Найджела за шею, обняла его, чувствуя его руки на себе, обнимающие мягко и крепко. Блаженное чувство защищённости.

– Спасибо, Мона, – оторвался от её губ Найджел. – Спасибо.

– Спасибо и тебе.

На её глазах снова выступили слёзы, но она улыбалась.

– А сейчас... сейчас я тебя чем-нибудь угощу. Ведь... это наша помолвка, да?

– Да, – сразу согласился Найджел, хотя весьма смутно представлял, что такое помолвка и зачем она нужна.

– Ты присядь, я быстро, сниму куртку, – захлопотала Мона.

Найджел огляделся уже внимательнее, нашёл у двери вешалку, снял и повесил ветровку, отнёс туда свою сумку. Маленькая комната, ниша с раковиной и кухонным шкафчиком с электроплиткой, ширма с цветастым узором загораживает кровать, маленький диван, перед диваном низкий столик, маленький, как игрушечный, электрокамин, два креслица, обивка на диванчике и креслицах линиялая и потёртая, на стене две картинки в рамках – пейзажи, и между ними над диваном белый, как коврик, с вышитыми цветами, бабочками и буквами. Шевельнув губами, он прочитал: «Бог любит

тебя».

– Это мамино, – Мона поставила на стол два стакана с молоком и тарелку с двумя тонкими сэндвичами. – Мама сама вышивала. Свечей у меня нет, но мы включим камин, а верхний свет я погашу. Вот, больше у меня ничего нет, я сегодня ничего не покупала. Ничего?

– Ничего, – кивнул Найджел и тут же озабоченно спросил: – А ему? Ему же тоже надо.

Мона сразу поняла, о ком он говорит, и улыбнулась.

– Он ещё маленький. Ему пока хватает.

Она погладила себя по животу, и взгляд Найджела подтвердил, что она делает всё правильно.

Они сидели рядом на диване и пили молоко с сэндвичами, разглядывая светящийся красным экран камина и розово-красные блики и отсветы на стенах.

– Найджел... – нерешительно начала Мона.

– Да, Мона, – сразу откликнулся Найджел.

– Ты... ты ни о чём не хочешь спросить меня?

Он медленно покачал головой.

– Нет. Ты ведь... ты сама мне скажешь. Ну, что я должен знать. А самое главное я уже знаю. Что ты согласна. А ты, – он посмотрел на неё, – ты хочешь меня спросить, так?

– Да. Я... я хочу знать, как ты думаешь, как мы будем жить. Ты говорил, что у тебя собственное дело. Какое?

– Массажное заведение, – Найджел улыбнулся. – Нас трое братьев, у нас своё дело и свой дом. Всё будет хорошо, Мона.

Мона рассмеялась и поцеловала его в щёку. Найджел поставил свой стакан на столик и повернулся к ней. Мона кивнула.

– Да, Найджел.

Он обнял её, мягко забрал у неё стакан и поставил на стол, коснулся губами её лба, поцеловал в виски, глаза и так, целуя, опускал голову, пока их губы не сомкнулись. Руки Моны скользнули по его затылку и шее, легли на плечи. Найджел от оторвался от её губ, давая ей передышку, улыбнулся. Мона готовно подалась к нему и стала расстёгивать на нём ковбойку.

– Найджел...

– Да, Мона.

Он нашаривал застёжку на её платье, и ей пришлось помочь ему.

– Я сама его сшила, – попыталась она объяснить, почему молния перекошена и совсем не в том месте, как обычно у платьев.

Странно – мелькнула у него где-то на самых задворках сознания мысль – в последний раз он вот так раздевал женщину совсем мальчишкой, ещё в общей учебке, ещё до того, как его отобрали в джи, а руки помнят и не путаются. Мелькнула и тут же пропала, это же не работа, это... это совсем другое, совсем.

– Оно тебе очень идёт, – Найджел уже расстёгивал на ней бюстгальтер. – Но так ещё лучше. Ты очень красивая, Мона.

– И ты, – она с восхищением рассматривала его плечи и грудь, осторожно погладила, робко тронув сосок. – Ты такой красивый, Найджел.

Он сдвинул с её плеч бретельки бюстгальтера, дал ему соскользнуть на её колени и, наклонившись, поцеловал её груди, ложбинку между грудей и так всё ниже и ниже и, прежде чем поцеловать её живот, поднял голову и улыбнулся.

– Я целую и его.

Мона ахнула и засмеялась, закрывая ладонями лицо. А он всё целовал и целовал её, всю, везде. И ей было горячо и щекотно, и она никогда не думала, никак не ожидала, что мужские руки так нежны, а губы горячи. Она билась, выгибаясь, в его руках, хватала его за плечи, гладила, прижимая к себе его голову. Она ещё помнила, что стенки так тонки, что любой звук громче тихого разговора слышен в соседних комнатах, но... но... но...

Она лежала на диване, вздрагивая и постанывая в полузабытьи. Найджел стоял на коленях, разглядывая её, любуясь ею, её розовым от камина телом, чуть заметно выдающимся животом, или это только кажется ему? Но вот она, Мона, его... да, его жена и мать его сына. И на этом он будет стоять хоть под током, хоть под пулей. И что бы и как бы ни было, это так. И он снова нагнулся и поцеловал её в живот, в кажущееся возвышение у пупка.

Мона открыла глаза и мягко положила руку на его голову, зарылась пальцами в его кудрявые пряди.

– Найджел, это было? Мне не приснилось?

– Нет, – он говорил, не отрывая лица от её тела, и голос звучал глухо. – Это было.

Мона вздохнула и погладила его по затылку, шее. Найджел осторожно, чтобы не стряхнуть её руку, выпрямился. Его глаза и щёки влажно блестели.

– Ты плакал? – удивилась Мона. – Почему?

– От счастья. Ты – моё счастье, Мона.

Разбросанная смятая одежда, из-за стены чей-то храп. Уже так поздно? Мона убрала руку и села.

– Я сейчас постелю, и ляжем, да? Ведь ты не уйдёшь?

– Нет, – Найджел встал. – Я не уйду, Мона.

Мона встала и обняла его, поцеловала, для чего ей пришлось встать на цыпочки и вытянуться изо всех сил. Найджел даже не успел ответить ей, как она заметалась по комнате, захлопотала, убирая, складывая и наводя порядок. Найджел, чувствуя, что он сейчас только помешает, сел на диван. Он ни о чём не думал, просто сидел и смотрел на камин.

– Ну вот, – Мона, по-прежнему голая, выбежала из-за ширмы. – Иди, ложись, Найджел, я камин выключу и тоже лягу. А то он столько энергии жрёт, что ужас один.

Найджел послушно встал и прошёл за ширму. Узкая, чуть шире его топчана, кровать, белые полотняные простыни. Он сел на край, машинально привычным движением обтёр ступни и лёг. Мона выключила камин и в темноте наощупь прошла к кровати, наткнулась над Найджел а ом.

– Ты с краю хочешь? Хорошо-хорошо, я у стенки.

Она легко перебралась через него и нырнула под одеяло. Кровать узка для двоих, и Найджел повернулся набок лицом к ней.

– Как хорошо, – вздохнула Мона. – Знаешь, с тобой я ничего не боюсь.

– Да, – он осторожно, кончиками пальцев погладил её по волосам, по щеке. – Да, Мона, я сделаю всё для тебя. И него.

– А если будет девочка? – лукаво засмеялась Мона.

– Будет маленькая Мона, – ответно засмеялся Найджел.

Совсем рядом за стенкой громко всхрапнули и мужской низкий голос прорычал неразборчивое ругательство. Найджел и Мона замолчали, прижавшись друг к другу.

– Будем спать, да?

Шёпот Моны обжёг ему ухо.

– Да, – беззвучно шевельнул он губами, и ещё тише: – Раз ты так хочешь.

Мона вздохнула, потянулась, поёрзала в его объятиях и наконец затихла.

Найджел осторожно, чтобы не побеспокоить её, распустил мышцы, но сна не было, хотя уже в самом деле очень поздно. Всё получилось так быстро, неожиданно... но он ни о чём не жалеет. А чтобы тот тип не лез, да, он так и сделает, всё возьмёт на себя. Конечно, Моне он скажет, и тогда правду будут знать четверо: он сам, Мона, Роб и Мет. А для всех остальных он – отец, только он. Да, познакомились... на ба-

лу, в Новый год как раз, гуляли, и когда она забеременела, он женился. Обычное дело. Так и только так.

Видимо, он всё-таки заснул, потому что, когда открыл глаза, темнота в комнате была иной, утренней. Ему надо идти. Школу он прогулял, это ладно, но на смену опоздать нельзя. «Никогда не смешивайте бизнес с чувствами». Верно сказал им тогда Фредди.

Найджел осторожно отделился от Моны и встал. Да, уже утро, пора. Мона вздохнула и повернулась на спину.

– Уже утро? – сонно спросила она.

– Да, – Найджел наклонился и поцеловал её. – С добрым утром, любимая.

Она тихо засмеялась, обнимая его за шею и целуя.

– Ты уже уходишь?

– Мы открываемся в десять, а я ещё хочу зайти к священнику, – он улыбнулся, и его улыбка блеснула в полумраке. – Надо договориться о свадьбе.

– Ой! – Мона рывком села. – Так ты это всерьёз, да? Найджел?!

Он сел рядом с ней, взял за руки.

– Мона, хорошо, я спрошу ещё раз. Ты согласна выйти за меня замуж?

– Да, – кивнула Мона.

– Тогда, – он потянулся к ней, поцеловал в щёку. – Тогда я твой муж, – мягким ласковым движением положил руку ей на живот, – и его отец. Мона, я... у меня не будет детей,

никогда, и я прошу тебя, я хочу быть отцом. Ты согласна, Мона?

– Да, но... – она остановила сама себя. – Найджел, я согласна.

– Для всех я – его отец.

– Хорошо, – медленно кивнула Мона.

Найджел ещё раз поцеловал её и встал.

– Душ за ширмой, в углу.

– Спасибо.

Когда он ушёл за ширму, Мона встала, накинула на голое тело халат и подошла к окну, отдернула штору. Серо-голубой утренний сумрак залил комнату. Надо сварить кофе, больше ничего у неё нет. Значит... значит, Нила не было, был только Найджел, первый и единственный, мой Бог мой Бог, как же это, вчера она о совсем другом думала, нет, ему надо поесть, а у неё ничего нет, Бог всемогущий, да, кофе, вот так будет быстрее...

– Мона.

Она вздрогнула и обернулась. Найджел, уже одетый, с влажно блестящими волосами улыбнулся ей.

– Да, – она торопливо выключила плитку, достала чашки. – Я сварила кофе, сейчас попьём.

Пока пили кофе, стало совсем светло. Найджел отставил чашку, улыбнулся.

– Ты сегодня будешь на курсах? Я приду, встречу.

– Хорошо, – кивнула Мона. – Я вообще-то хотела бросить

их, ни к чему они мне, так, деньги и время перевожу. Но... ладно.

Найджел встал, обнял и поцеловал её.

– Всё, мне надо идти, Мона. До вечера, да?

– Да, – кивнула она.

Найджел с заметным усилием оторвался от неё, быстро натянул ветровку, взял сумку и, ещё раз улыбнувшись ей от двери, вышел. А когда она, очнувшись, метнулась к окну, его уже не было видно.

Уходя, Найджел не оглянулся: если кто случайно и увидел его, то со спины в нём трудно угадать цветного, зачем лишние неприятности. К священнику, пожалуй, рано, но и откладывать нельзя. В перерыв ему не вырваться, а после смены надо будет уже спешить к Моне, встретить и проводить, а то... мало ли что. И потом... Отец Артур говорил, что к нему можно прийти в любое время. Вот и воспользуемся, да, откладывать нельзя.

Найджел всё ускорял и ускорял шаг, пока не припустился бегом.

Отец Артур привык к неожиданным визитам. Соглашась на приход в Цветном квартале Колумбии, он знал, на что идёт. И когда задребезжал дверной звонок, пошёл открывать, даже не поглядев на часы. И всё же удивился, увидев визитёра. Младший Слайдер? Что-то случилось?!

– Доброе утро, святой отец, – Найджел часто дышал после

бега. – Прошу прощения, что разбудил вас, но мне надо... – он задохнулся.

– Доброе утро, сын мой. Хорошо, что пришёл, – ободрил его священник. – Заходи и рассказывай. Что-то случилось?

– Я... я хочу исповедаться.

Отец Артур улыбнулся.

– Конечно, сын мой, я выслушаю тебя. Проходи.

Странно, конечно, он никогда не говорил своей пастве об исповеди, они же не католики, откуда только парень узнал об этом, но раз просит выслушать его, то отказать – грех и непрофессионализм.

В гостиной Найджел как-то затравленно огляделся и, не сев несмотря на приглашающий жест священника, заговорил:

– Святой отец, я... я встречаюсь с девушкой, уже давно, с Нового года, и... и она ждёт ребёнка.

Отец Артур сначала нахмурился: лёгкость, с которой обитатели Цветного сходились, их случайные необязательные связи сердили его, – но тут же сообразил, что ради простого рассказа его бы не побеспокоили так рано.

– Святой отец, я женюсь на ней, – выдохнул Найджел и невольно улыбнулся. – Она согласна.

«Ещё бы!» – хмыкнул про себя отец Артур. Слайдеры – все трое – завидные женихи, ему уже намекали, что если он поспособствует своим пастырским словом, то отблагодарят. Ну, это всё неважно, а главное... главное то, что Найджел

решил правильно. И разумеется, он поможет ему и его девушке.

– Чем я могу помочь, сын мой?

– Мы не хотим откладывать свадьбу, святой отец.

Отец Артур понимающе кивнул. Они договорились, что свадьба будет не сегодня или завтра, а в субботу, всё-таки надо уладить всякие житейские мелочи, а до субботы Найджел со своей невестой в один из вечеров придёт к нему для беседы.

Поблагодарив отца Артура, Найджел попрощался и побежал домой. Хоть бы к девяти успеть. Он бежал, ни на что не обращая внимания. С ним здоровались, он отвечал, не глядя, окликали – он с улыбкой отмахивался, не останавливаясь.

Вот уже их улица, ещё по-утреннему тихая. Он с ходу перепрыгнул через ограду, взбежал на веранду, бутылок уже нет, значит... Вверх по лестнице одним духом. Завтракают? Успел!

Найджел бросил сумку на стол в холле, ветровку на вешалку и, влетев в кухню, бросился к раковине.

Метьюз за волосы оторвал его от крана, заставил перевести дыхание и пить из кружки маленькими глотками.

– Сердце сорвёшь, дурак.

– Отдышался? – Роберт насмешливо оглядел его. – Бить мы тебя потом будем. Ты где вместо школы шлялся?

– Сейчас, – Найджел уже спокойно выпил вторую кружку, ещё раз глубоким вздохом успокоил дыхание. – Братья,

я женюсь.

– Чего-о?! – изумился Роберт.

– Найдж, ты в порядке? – озабоченно спросил Метьюз.

– Вполне. Свадьба в субботу.

– И чего такая спешка? – обманчиво спокойно спросил Роберт.

– Мы переспали, она беременна, и я, как честный человек, женюсь.

Метьюз попятился и сел, с каким-то даже страхом глядя на Найджела. Тот шагнул вперёд, с силой опёрся кулаками о стол и подался вперёд, навис над братьями.

– Братья. Для всех я с ней с Нового года встречаюсь, ребёнок этот мой. На этом и под пулей стоять буду. Я уже у священника был и ему это же сказал.

– А нам что скажешь? – спросил Роберт.

– У тебя что?.. – не договорил Метьюз.

– Ничего, – мотнул головой Найджел. – Как было, так и остаётся. Но об этом...

– Знать никто не будет, – закончил за него Роберт. – Она-то хоть кто?

– Она недоказанная, родители у неё условные, – Метьюз присвистнул, и Найджел кивнул. – Да, Мет, я на неё только издали смотрел, а вчера поговорить удалось, и вот, всё решилось. Жить я без неё не могу. И не буду.

– То-то ты как не в себе был, – понимающе кивнул Метьюз.

– Да, – Найджел говорил уже совсем спокойно. – Да, братья.

Роберт протянул руку, и они переплели пальцы.

– Ну вот, – Роберт улыбнулся. – И всё, и пошли вниз, надо работать. В ленч обговорим всё.

– Да, – кивнул Метьюз. – Беги, переодевайся, Найдж. До ленча без завтрака выдержишь?

– Не проблема! – крикнул, выбегая из кухни, Найджел.

Уже полдесятого, работы выше головы, открываться пора. У себя в комнате Найджел сбросил кроссовки, джинсы и ковбойку, быстро натянул рабочую форму и переобулся в рабочие, лёгкие и на шнуровке, вроде паласных ботинок, что им ещё в госпитале вместе с формой подарили, и побежал вниз, к братьям, помочь всё приготовить к смене. И больше он уже ни о чём не думал.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Ларри знал, что городская жизнь шумна и суматошна, но

такого не предполагал. Каждый день, каждый час возникали и как-то сами собой решались проблемы, тут же порождая новые. И в этой круговерти он, к своему изумлению, чувствовал себя всё увереннее. Договорился о стирке, уладилось и с готовкой, купил одежды себе и Марку, посуду, сходил в церковь и поговорил со священником о школе для Марка, и сам на муниципальных курсах сдал экзамен и получил справку о функциональной грамотности. Целый день ушёл, но сделал. С ума сойти, сколько он успел за эти несколько дней. А всё только начинается.

В понедельник они как всегда встали по привычке рано. Ларри сварил для себя кофе, приготовил сэндвичи. Марк принёс от Дядюшки Пинки две бутылки молока. Разносчик оставлял молоко у входа, а жильцы забирали его сами. Увидев кофе, Марк удивился.

– Пап, а молоко? И сэндвичей столько...

– Я иду на работу, – Ларри отхлебнул кофе. – Если не приду к ленчу, поешь сам. Выпьешь молока с сэндвичами. Без меня из дома не выходи. Почитай или порисуй. К обеду я точно вернусь.

– Ага, – кивнул Марк и тут же поправился: – Хорошо, папа.

Таким сосредоточенно серьёзным он видел отца не в первый раз, тот всегда такой перед работой в мастерской. И Марк знал, что ни мешать, ни отвлекать отца нельзя.

Не зная, вернее, не будучи уверенным, какая работа ему

предстоит, Ларри, на всякий случай, надел не джинсы и ковбойку, а хорошие брюки и белую рубашку, ну, и ботинки вместо кроссовок. Сверху ветровку, чтобы особо не выделяться.

– Ты всё понял, Марк?

– Да, пап.

Ларри потрепал сына по голове, проверил бумажник и ключи и вышел, захлопнув за собой дверь. Дядюшка Пинки благодушно кивнул ему, сразу и здороваясь, и прощаясь, и Ларри ответил ему таким же улыбочивым кивком.

Дорогу ему объяснили хорошо, и добрался он без приключений и расспросов. Уже у самой двери столкнулся с Чаком. Живя практически рядом, виделись они нечасто. Такая уж у Чака работа, что его днём не бывает, а вечером Ларри спать ложится опять как в имении рано.

Они поздоровались и вошли.

Джулия Робертс уже была на месте. Чак как всегда ограничился молчаливым кивком, но Ларри поздоровался:

– Доброе утро, мэм.

– Доброе утро, – бесцветный сухой голос. – Лоуренс Левине?

– Да, мэм.

– Мистер Бредли ждёт вас.

Короткий указывающий жест, и Ларри, проходя к тёмной полированной двери, слышал за спиной:

– Маршрут на сегодня...

Ларри осторожно потянул на себя тяжёлую с виду, но неожиданно легко открывшуюся дверь.

– Доброе утро, Ларри. Заходи.

– Доброе утро, сэр, – улыбнулся Ларри, входя в кабинет.

Да, это уже настоящий кабинет, не то, что в имении, это Ларри сразу понял. Джонатан, весёлый, в хорошем костюме, встал ему навстречу из-за стола, и Ларри совсем растерялся. Но опомниться ему не дали.

– Как устроился, нормально?

– Да, сэр, спасибо, сэр.

– Отлично. Так вот, Ларри, мы начинаем новое дело. Ювелирный салон. Магазин и мастерская. Работа по заказам и немного на продажу.

Ларри слушал и кивал. В общем, это всё ему знакомо, Фредди так и говорил.

– Есть вопросы, Ларри?

– Нет, сэр.

Джонатан кивнул.

– Тогда пошли, посмотрим и уже на месте обговорим детали.

– Да, сэр.

Джонатан снял с вешалки в углу плащ и шляпу, быстро, не допустив помощи Ларри, оделся, взял плоский чемоданчик-портфель.

– Пошли, Ларри.

И кивком поблагодарил, когда тот открыл перед ним

дверь.

Попрощаться с секретаршей Ларри не успел, так быстро шагал Джонатан.

На улице Ларри вежливо держался сзади и ни о чём не спрашивал. Джонатан пару раз оглянулся, проверяя, не отстаёт ли он. Идти оказалось недолго. На Маркет-стрит в сплошном ряду уже открытых магазинов две небольшие витрины с опущенными наружными жалюзи и между ними рядом дверь, над ней рама для вывески. Значит, здесь? Да, Джонатан явно идёт туда.

Джонатан властно толкнул дверь и вошёл, не оглядываясь. Ларри последовал за ним, быстро огляделся.

Небольшой зал с прилавком, маленьким столиком и тремя креслами перед окном, за прилавком в дальнем углу неприметная дверь, лампа под потолком, бра по стенам, свет мягкий, но сильный, как раз подобрано, чтобы камни хорошо играли. Прилавок высокий. И ему под рост, и покупателю наклоняться не надо. Ларри огляделся ещё раз, уже внимательнее: ему же здесь работать. Джонатан не торопил его. Прилавок с витриной, внутри обит чёрным бархатом, стекло хорошее, безбликовое.

– Ну как, Ларри? На твой взгляд?

Ларри вздрогнул и обернулся. В распахнутой угловой двери стоял Фредди. Тоже в «городском» костюме, но шляпа по-ковбойски сбита на затылок.

– Доброе утро, сэр, – улыбнулся Ларри. – Всё очень хоро-

шо, сэр.

– Спасибо, Ларри. А здесь кабинет и мастерская, – Фредди посторонился, пропуская их.

Просторная комната, разделённая ещё пустым стеллажом от пола до потолка. Большой письменный двухтумбовый стол с креслом, ещё диван и кресла вдоль стены, шкаф-витрина сбоку, кресла для посетителей у стола, перед диваном небольшой восьмиугольный столик. Ларри невольно улыбнулся: у Старого Хозяина в кабинете так же было. Не совсем так, но очень похоже. Вот только стеллаж...

– Мастерской я не занимался, – в голосе Фредди прозвучали изумившие Ларри извиняющиеся нотки, – ты уже сам решай, как тебе здесь всё сделать.

Ларри прошёл за стеллаж, огляделся.

– Окон нет, сэр?

– Нет.

– Спасибо, сэр, так, конечно, надёжнее, – и снова покопился на стеллаж.

Фредди, разумеется, сразу это заметил и озабоченно спросил:

– Может, вместо стеллажа глухую перегородку сделать?

Ларри ещё раз огляделся.

– Я не знаю, чем его заполнить, сэр, чтобы мастерская не просматривалась.

– Принято, – кивнул Фредди. – Сейчас придёт Дэннис, скажешь ему, какие нужны переделки.

– Да, сэр, спасибо, сэр, – машинально ответил Ларри, озираясь по сторонам и прикидывая, где и как разместить рабочие столы, шкафы... да, сейф, нужен же сейф. – Прошу прощения, сэр, а сейф?

– Здесь, Ларри, – отозвался из кабинета Фредди.

И, когда Ларри вышел из мастерской, распахнул отделанную под панель дверцу позади письменного стола.

– Да, сэр. Но нужен и в мастерской, – твёрдо сказал Ларри. – Здесь готовые заказы и деньги. А материал надо держать отдельно.

– Резонно, – кивнул Джонатан.

Фредди покраснел и буркнул:

– Сделаем.

– Всё очень хорошо, сэр, – быстро сказал Ларри.

Джонатан усмехнулся и незаметно подмигнул Фредди. Зазвенел звонок.

– Это Дэннис, – бросил через плечо Фредди, выходя из кабинета в зал. – Сейчас приведу.

Дэннис был не один, а с двумя своими людьми: архитектором и дизайнером. Джонатан так повернул знакомство, что Ларри пришлось обменяться со всеми рукопожатиями и вообще вести разговор. Правда, он касался только оборудования мастерской и кое-каких переделок. Салон, в основном, сделан, кабинет обговорили, мастерская... Услышав о сейфе, Дэннис кивнул:

– Не проблема. Тоже с маскировкой?

– Да, сэр, – Ларри немного смущённо улыбнулся. – И ещё, сэр, ещё один, не на самом виду, но заметный.

– Зачем? – удивился Фредди.

– Ну, чтобы не искали спрятанных, сэр. Если вдруг что. Дэннис посмотрел на Ларри с уважительным интересом.

– Толково.

Обговорили и это. Зашла речь о вывеске. Ларри запнулся, и сразу вмешался Джонатан.

– Левине и К^о.

– А название? – спросил дизайнер.

– Салон, – пожал плечами Джонатан. – Фамилия сама за себя всё скажет.

Ларри удивлённо поглядел на Джонатана и промолчал. Хозяину виднее, а его дело – работа. Джонатан заметил и понял этот взгляд. Ну что ж, когда Дэннис уйдёт, расставим все точки. И запятые. Откладывать не стоит.

Заверив, что за двое суток всё будет сделано, Дэннис попрощался и ушёл со своими людьми. Повинуясь еле заметному кивку Фредди, Ларри проводил их до дверей, а когда вернулся, услышал от Джонатана:

– А теперь займёмся бумагами. Садись, Ларри, – и указал ему на кресло за письменным столом, хозяйское место.

– Сэр? – не понял Ларри.

– Да, Ларри, – Джонатан говорил очень твёрдо. – Здесь твоё место это.

– Но, сэр, – попытался объяснить Ларри, – это же хозяй-

ское место.

– А ты и есть хозяин, – просто сказал Джонатан.

Ларри попытался улыбнуться, показать, что понял шутку, но улыбки не получилось. А Джонатан продолжал:

– Ты ведь слышал, Ларри. Левине и компания. Ведь ты – Левине, не так ли?

– Да, сэр, но...

– А я – компания, – Джонатан на мгновение улыбнулся и снова стал серьёзным. – Мы – совладельцы, понимаешь, Ларри? Вот, прочти.

Он поставил на стол свой чемоданчик, открыл и достал папку с бумагами.

– Вот, сначала твой контракт. Его надо прекратить. Инициатор – я, и оговоренную неустойку плачу я. И расчёт за два с половиной месяца.

Ларри молча, с застывшим лицом расписался в указанных местах, взял и убрал в бумажник деньги.

– А теперь прочти это.

Договор?

– Да, Ларри, – ответил на непрозвучавший вопрос Джонатан. – Не контракт, а договор. И ты не работник, а партнёр.

Фредди молча следил за лицом Ларри, читавшего договор – соглашение о партнёрстве. Ларри читал медленно, явно обдумывая каждое слово, а прочитав, положил на стол – они так и не сели, и разговаривали стоя – и сказал:

– Благодарю за доверие, сэр, но партнёры должны быть

равны. Прошу прощения за дерзость, сэр, но условия неравные. Я вкладываю только свою работу, а вы всё остальное, сэр. Моя доля слишком мала, чтобы называться долей.

Фредди не выдержал.

– Постепенно выплатишь, Ларри.

– Постепенно, сэр? – переспросил Ларри и горько улыбнулся. – Платить мне, Марку и детям Марка, и то останется долг.

И Фредди не смог не кивнуть. Ларри прав: его фамилия – только вывеска, прикрытие, и понятно, что это его не устраивает. И ведь другого варианта нет.

– А ещё надо думать о жилье, сэр.

– Ссуду на дом ты получишь.

– Ещё один долг, сэр?

Джонатан еле заметно сощурил глаза.

– И что ты предлагаешь, Ларри?

Ларри молчал, опустив голову, а они ждали. Ждали его решения.

– Сэр, прошу ещё раз прощения за дерзость, но могу ли я спросить вас?

– Спрашивай, – твёрдо ответил Джонатан.

– Сэр, нужна просто ювелирная фирма, или фирма Левине?

Фредди чуть не ахнул в голос. Ну, Ларри, ну, врезал! Никак не ждал. Но и Джонни классно удар держит, хоть к такому и не готовился.

– Дело Левине должно продолжаться.

Ларри кивнул.

– Да, сэр, я понял. Тогда, сэр, я позволю себе попросить вас, – он остановился.

– Я слушаю, Ларри.

– Сэр, – Ларри полуприкрыл глаза и заговорил ровным монотонным голосом, как говорят заученное наизусть, но не слишком понятное. – Банк Клиффорда, сейф двадцать семь восемнадцать ноль девять, код зет семь аш тридцать пять девяносто семь эс эль.

– И что там, Ларри? – тихо спросил Джонатан.

– Там документы на земельный участок, сэр.

Фредди как-то неопределённо хмыкнул, а Ларри поднял глаза и, впервые твёрдо глядя им в лица, улыбнулся.

– Хозяин земли владеет и тем, что в земле, не так ли, сэр?

Фредди присвистнул.

– Лихо! Ты это с тех пор помнишь?

– Да, сэр. Хозяин говорил, что это на крайний случай. Сейчас как раз такой случай, так, сэр?

– Да, – Джонатан убрал бумаги. – Я выясню всё с банком и участком, банк Клиффорда пострадал в войну, но кое-что... выясню. И тогда перепишем соглашение.

– Да, сэр, – кивнул Ларри.

– За два дня здесь закончат, открытие в следующий понедельник в любом случае, я уже дал объявление.

– Да, сэр. Я успею закончить заказы.

– Чтобы в витрины что-то положить, – понимающе кивнул Фредди.

– Да, сэр.

Ещё несколько чисто технических вопросов. Джонатан передал Ларри ключи от магазина и сейфа. Разумеется, Ларри будет присутствовать при работе людей Дэнниса, и его слово – решающее.

Джонатан посмотрел на часы.

– Мне пора. До свиданья, Ларри, удачи.

– До свидания, сэр.

Пожелать ему тоже удачи Ларри не посмел: это уже фамильярность, но его улыбка заменила несказанное. Он проводил Джонатана, закрыл за ним дверь и вернулся в кабинет. Фредди, стоя у дивана, рассматривал столик.

– Ты молодец, Ларри, – сказал он, не поворачивая головы, когда Ларри вошёл.

– Спасибо, сэр. И... и ещё раз, спасибо.

– За что?

– За всё это, сэр, – Ларри коротким жестом обвёл кабинет. – Почти как там, сэр.

Фредди кивнул.

– Не тяжело без окон будет?

– На первом этаже окна опасны, сэр.

– Я так и думал, – кивнул Фредди. – И Дэннис тоже... так считает. А он, – Фредди усмехнулся, – в безопасности хорошо разбирается.

Ларри почувствовал, что Фредди чего-то не договаривает, но уточнять, разумеется, не стал. Нужно ему сами скажут, а излишнее любопытство... любые излишества вредны.

– О жилье уже думал?

– Да, сэр, – и, помедлив, Ларри твёрдо сказал продуманное: – В мебелирашках детей не растят. Или вырастают...

Фредди понял недосказанное.

– Муниципальную улицу строит Дэннис. Подумай о доме.

– Спасибо, сэр.

– Не за что, – вежливо, но по-ковбойски ответил Фредди.

Ему очень хотелось спросить Ларри о закопанном на том участке, но удержался. А то, если документы погибли, совсем обидно будет.

Они стояли молча, разглядывая столик, так похожий на тот, в том кабинете. Наконец Фредди тряхнул головой.

– Ладно, Ларри, давай технику проверим.

Замки, выключатели, краны в крохотной уборной с раковиной и зеркалом. Всё действовало, со всем Ларри справлялся легко.

– Ну, всё, – Фредди ещё раз оглядел магазин. – До встречи, Ларри.

– До свидания, сэр.

Ларри запер за ним дверь и остался один. Магазин, кабинет и мастерская. И он – хозяин? Но ведь это невозможно, этого не может, не должно быть. Но это есть. Фирма Левине. Ларри ходил по уже готовому магазину, почти готовому

кабинету и пустой мастерской, трогал кончиками пальцев, гладил столы и витрины, шкафы и стеллаж... Стеллаж – аквариум предложил этот белый... дизайнер? Да, интересно, но претенциозно, потребуется специальная подсветка, нет, конечно, стена... Нужен каталог изделий, а браслет миссис Кренкшоу не сфотографирован, и даже зарисовки конечной нет, хотя эскизы сохранились, можно, нет, надо сделать... заказы он успеет, но для витрин всё равно мало... на открытие надо пригласить отца Артура... скоро пасха, на пасху будут заказывать подарки, надо продумать, что предложить небольшого объёма и быстрого изготовления... для приёма и выдачи заказов определить время, иначе не успеет работать в мастерской... Он думал об этих пустяках, да, конечно же, пустяках, а в памяти звучал глуховатый голос Хозяина, Маркуса Левине...

...– Никому не дано знать будущее. Бог сам решит, но я хочу, чтобы этим владел ты. У меня нет других наследников.

– Но, сэр...

– Да, но кто знает, я не верю в победу Империи, а русские обещают свободу. Голодная свобода тоже плохо, Ларри. Кто возьмёт всё это... это решишь ты сам. Я отдаю это тебе.

– Спасибо, сэр.

– Не благодари, Ларри. Благо – всегда бремя. Я возлагаю его на тебя. И если ты не найдёшь преемника, то пусть остаётся земле, а дальше решит сам Бог...

...Спасибо тебе, Хозяин, я думаю, что выбрал правильно.

И фирма Левине, нет, Дом Левине продолжится. И что такое перерыв в пять лет для трёхсот, да – он остановился, прикидывая и пересчитывая – да, триста двадцать семь лет. Ювелиры Левине. Марк неплохо рисует, и через пару лет можно будет начать учить его уже всерьёз. А пока пусть учится в школе, да, отец Артур прав насчёт подготовительного полупансиона.

И, вспомнив о Марке, Ларри посмотрел на часы. В кабинете на стене с маятником, но без боя. Ого, сколько уже! Ему давно пора домой.

Ларри ещё раз проверил краны, дверцу сейфа и пошёл к выходу, выключая за собой свет. Тщательно запер наружную дверь и быстрым деловым шагом, чтобы не приняли за праздношатающегося, пошёл в Цветной квартал.

Было ещё совсем светло илюдно. Стараясь не встречаться глазами со встречными, Ларри оглядывался, запоминая дорогу. Здесь ему предстоит работать, проходить туда и обратно каждый день, всё правильно – ювелирный салон и должен быть на такой улице, все, правда, здесь белые, на ленч придётся еду брать с собой, но это не самое страшное, приходилось и хуже, поставит в кабинете кофеварку, сэндвичи с собой, вот и без проблем. Ага, теперь вон по той улице должно быть ближе.

Среди прохожих стали чаще попадаться цветные, и Ларри понял, что приближается к Цветному кварталу. А вон и шпиль церкви. Да, эта дорога, похоже, безопасна. А сейчас

надо купить чего-нибудь поесть, или нет, всё равно они пойдут обедать к Бруксу, там сытно и спокойно.

Дядюшка Пинки на своём бессменном посту встретил его всегдашной улыбкой.

– Как отработал?

– Спасибо, – улыбнулся Ларри. – Всё в порядке. Как мой?

– Он у тебя толковый, не выходил.

Ларри кивком поблагодарил и вошёл в дом. В этот час, когда одни возвращаются, а другие собираются на работу, в мебелирашках шумно, голоса, смех, хлопанье дверей. Здороваясь и обмениваясь краткими замечаниями и шутками о погоде со встречными, Ларри подошёл к своей двери и достал ключи. А едва открыв дверь, наткнулся на вылетевшего наружу Марка.

– Папка! Ты пришёл!

– Да, Марк, – Ларри, счастливо улыбаясь, обнял сына, и так, в обнимку, они вошли в квартиру. – Ну, как ты тут?

– Не скучал, не боялся, не баловался! – быстро протараторил Марк, влюблённо глядя на отца.

– Молодец, – Ларри потрепал его по голове и стал переодеваться.

Убрав хорошие брюки и ботинки в шкаф, рубашку бросил в ящик для грязного белья.

– Пап, – Марк ходил за ним, как приклеенный, – она же совсем чистая!

– Рубашку меняют каждый день, Марк. Особенно белую.

– Ой-ёй! – фыркнул Марк. – Это ж сколько рубашек надо? Часто стирать – она ж разлезется.

– Бельё считают дюжинами, – засмеялся Ларри, застёгивая ковбойку.

– Да-а? – изумился Марк.

Переодевшись, Ларри занялся их нехитрым хозяйством. Стакан Марк вымыл, а с бутылкой не справился. А остальное всё убрал.

– Есть очень хочешь, сынок?

– Ну-у...

– Сейчас пойдём к Бруксу, пообедаем. И купим на завтра еды.

– А ты и завтра уйдёшь?

– А как же. Мне надо работать, Марк.

Марк кивнул. Он это и раньше знал, а за эти дни столько слышал, что иметь работу – большая удача. Ларри накинул ветровку, посмотрел, прилично ли одет Марк.

– Возьми бутылки, сынок.

– Мы их Дядюшке Пинки отдадим?

– Конечно. И завтра утром нам их обменяют на полные.

– Здорово!

Ларри рассмеялся. Восторг Марка перед чудесами городской жизни помогал ему держаться, не поддаваясь растерянности. Он не жалел о сказанном Джонатану, но и думать сейчас об этом не хотел. Сделал – и сделал. И всё!

На улице было уже прохладно, но вечер с его гульбой ещё

не начался. У Брукса их встретили как старых клиентов – в третий раз ведь обедают. Марк изо всех сил старался есть правильно, не чавкая, не хлюпая и без рук, только ложкой и вилкой. Ларри улыбнулся ему.

– Молодец.

Ларри совсем успокоился и планировал обычный вечер. После обеда они немного погуляют, купят еды на завтра, а потом домой, он посмотрит рисунки Марка, проверит, как тот написал заданные буквы и слова, и, если всё правильно, будет читать вслух или рассказывать когда-то прочитанное. Вчера он рассказывал, как старик-отец проверял любовь своих дочерей. А что сегодня? Ну, посмотрим, подумаем и придумаем.

Марк, вздохнув, облизал ложечку от десерта. Ну почему всё хорошее так быстро кончается?

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

За две недели снег заметно осел и вообще... стал другим,

не зимним. Днём на солнечной стороне звенела капель и даже лужи появлялись.

Зина шла осторожно, боясь ненароком поскользнуться. И сама не знала: радоваться ей или... Да нет, конечно, радоваться, ведь это же счастье, и Тимочка говорил ей ещё тогда, ну да, в дороге, что хочет детей, и квартиру потому на восемь комнат хотел просить, а что нету такой, так и в этой им ещё долго не тесно будет, а всё же сердце не на месте...

...Врач смотрит на неё поверх очков и улыбается.

– Ну что, голубушка, третий месяц у вас...

...Зина вздохнула и остановилась у магазинной витрины.

Покупать заранее – конечно, плохая примета, но посмотреть да прикинуть – это ж совсем другое, это можно. Коляска, кровать, а это что? Столик пеленальный? Ты смотри, как придумано ловко, и с ящичками, и... и стоит сколько? Ой, мамочки, господь всемогущий, с ума сойти! А ведь ещё столько всего купить придётся. Ладно, как Тимочка скажет.

Она снова вздохнула и пошла дальше. А совсем ведь весна, ещё день другой такого солнца, и потает всё по-настоящему. Диме и Кате сапожки нужны, резиновые, ей говорили, что есть с тёплыми вкладышами, и себе тогда такие же, валенки уже не годятся, промокать будут, пальто у Димы есть, померить надо, вроде там, если вырос, то ещё выпустить можно будет, а Кате придётся купить, а самой-то... ну, пока она ещё в зимнем, а потом что, куртку старую надевать, что ли? Так уж больно страшная, да и не ходит никто

в угонном.

Она шла, жмурясь на солнце, прикидывая грядущие покупки и не думая о самом главном: как она скажет о ребёнке Тиму.

Как всегда, в «не учебные» дни Артём шёл домой не спеша, шлёпая по раскисающей на глазах дороге. Снег стал зернистым, пропитанным водой и совсем по-другому поддавался под ногами. И руки не мёрзнут, хоть он и без варежек. Артём шёл, подставив лицо солнцу, наполовину в слепую. Как всё-таки всё хорошо! Прошлой весной он и не думал, что может быть так хорошо.

Он только-только начал вставать после горячки и всё время мёрз. И хотел есть. А еды было мало. В разорённых имениях уже ничего нельзя было найти. Или там уже жили. Но на работу не нанимали. И они всё шли и шли. Где задерживались на неделю, где только ночевали, где... всё путалось. Он ходил за дедом, покорно делая всё, что ему говорили, а дед вздыхал, называл его в сердцах «варёным», «малахольным» и «снулой рыбой», а мамка утешала, что очунееется, шутка ли – столько в жару лежать... с этих слов он и начал русский язык учить. А сейчас даже странно подумать, что не знал.

Впереди на дороге разлегалась такая сияющая лужа, что он не смог удержаться: разбежался и перепрыгнул через неё. Из-под сапог брызнул во все стороны смешанный с водой снег. А вот и тропка на их проулок. Сугробы заметно пониже

стали, ну да, на целый палец больше доски торчат и видно, что перекошены. И снежная баба во дворе как-то накренилась и осела. На крыльцо с визгом вылетела Лилька.

– Тё-ёма-а!

– Ага, я!

Артём взбежал по ступенькам и втолкнул Лильку в сени.

– Ты чего?

– А ничо! – смеялась Лилька. – А мы тебя ждём.

– Ага, – удовлетворённо кивнул Артём, расстёгивая куртку.

– Ну куды, куды?.. Валенки-то к печке давай, – высунулась в сени бабка. – Горе моё!

– Я в сапогах, – уточнил Артём, входя в кухню и пристраивая сапоги на просушку.

– Один хрен, – бабка вытащила из печи и бухнула на стол чугуны со щами. – Давай за стол. Лилька, деда зови, а этих охламонов где носит? Вы долго валандаться будете, жилы из меня тянуть? Лилька, морду Ларьке вымой.

Артём вытер руки и сел к столу. Он уже знал, что по-другому бабка не говорит, и ругань её без злобы, но всё равно ему всякий раз было не по себе.

– Ну, куды, лба не перекрестивши?!

Он послушно встал, перекрестился на икону.

– То-то же. Как хочешь, дед, а занепременно окрестить надо.

Не переставая ворчать, бабка нарезала хлеб, отлила щей

Ларьке в чашку, а то он до чугуна не дотягивается, крутанула в чугуне ложкой, чтоб гуща ровно лежала.

Ели не спеша, серьёзно. Артём уже привычно черпал сразу после деда, поддерживая полную ложку хлебом. Когда дед рядом, бабкина воркотня и ругань уже по хрену, ничего не значит, а потому и не трогает. Щи сегодня были с грибами. Вчера он принёс с работы шампиньонов – работникам по полцены продают и можно без денег, в счёт зарплаты брать. Бабка поворчала, что таких грибов не видала и не едала, и как бы не потравиться часом, а сегодня сварила.

– А хороши грибки, – веско обронил дед. – Ты все, что ли, сварила?

– Ща увидите, – бабка забрала опустевший чугунок и бухнула на стол сковородку, придавленную тяжёлой чугунной крышкой.

Когда она её сняла, оттуда повалил такой пахучий пар, что Лилька с Санькой завизжали, а Ларька полез на стол. Бабка была занята крышкой, и ложкой по лбу щёлкал Ларьку дед.

Жаренная с грибами и луком картошка была необыкновенно вкусной. И очень сытной. Так что, очистив сковородку и выпив по кружке киселя, все так отяжелели, что дед, перекрестив рот, сказал:

– Ну, на боковую, мальцы. Чтoб улеглось по-доброму.

Ларька заснул прямо за столом, и дед отнёс его на руках, положил на лежанку, поглядел на залезающих в кровать остальных и сел рядом с Ларькой. А когда горница наполни-

лась сонным дыханием, тихо встал и вышел.

– К бабке пошёл, – тихо фыркнула Лилька.

– А чо? – сразу откликнулся Санька. – Его дело мужицкое.

– Оба заткнулись, – так же тихо скомандовал Артём. – Малого разбудите.

– Тём, – не унималась Лилька. – А вот если дед с бабкой поженятся?

– Дура, они ещё когда поженились! – немедленно осадил её Санька.

– Сам дурак, – не осталась в долгу Лилька. – Я о законе говорю.

– Заткнулись, – строго повторил Артём. – Я спать хочу.

Он – старший, добытчик и кормилец, первый после деда, и Санька с Лилькой замолчали, засопели по-сонному. А Артём лежал на спине, закинув руки за голову и закрыв глаза, и думал. Если дед и бабка поженятся по закону, то что с ними – малыши – будет? На черта они бабке нужны? Ей-то они напрочь чужие, а ночная кукушка дневную перекукует, все так говорят. Ларьку бабка, может, и оставит, а ему с Лилькой и Санькой придётся уходить. А куда? Неохота бросать работу, такой удачи больше не будет, чтоб и заработок хороший, и работа по силам, и относятся хорошо, вон, Силыч сказал, что у него руки ловкие и что его к себе возьмёт, работать с рассадой, а это самая тонкая работа, и плата там соответственная, а Люся Ивановна и Татьяна Сергеевна всегда уго-

щают его домашним и вообще... О! Правильно! Если что, то он к ним и попросится жильцом за работу по дому, они в одном доме живут, вдовы, их мужья братьями были и оба на войне сгинули, вот к ним тогда и пойдёт жить, ну, и Лилька с Санькой с ним. Хуже не будет!

Успокоенный найденным решением, Артём задремал, а потом и вовсе заснул, и не слышал, как дед вернулся и лёг рядом с Ларькой.

И разбудила их уже в сумерки бабка. Хоть и невелико хозяйство, а рук требует. Поспали – и будя. Ларька рассмешил всех, выясняя – это сегодня-сегодня или сегодня-завтра? Но смех – смехом, а дело делать надо.

Обычная домашняя круговерть, ужин, а уроков нынче делать не надо, так чего свет зазря жечь и в кухне, и в горнице. Бабка за прялкой, дед Санькины валенки подшивает, второй слой ставит, от футбола ихнего обувка так и горит. Прямо на полу рассыпаны кубики – на Рождество Ларьке кто-то из соседа подарил, потому как свои из этой забавы уже выросли, так чего им зазря лежать – и все четверо теперь увлечённо перебирают их, подбирают, чтоб картинку выложить.

То, что Артём, взрослый парень считай, так охотно возится с малышами, удивляло и даже пугало бабку. Хотя... ну и что, если малость придурочный, была б жена умная, вертеть им будет куда надо. А так-то парень хороший, уважительный, работающий, на своём заработке уже, а не курит, не пьёт, по гулянкам не бегает, это ведь вон, брандахлыстам, прости

господи, пост – не пост, до полуночи песни горланят, да по улицам шатаются, девок будоражат, погибели на них нет.

Наконец картинку собрали.

– И что это? – требовательно спросил Ларька.

Артём не знал, как это называется по-русски, и посмотрел на деда. Тот, со своего места бросив взгляд на сложенные кубики, хмыкнул:

– Терем это. А вон в окне царь-девица.

– Расскажи, – Ларька полез на лежанку к деду.

Дед снова хмыкнул. Начался обычный ритуал упрощения. Ларька, Лилька и Санька просят рассказать сказку, бабка ворчит, что они деду дыхнуть не дают, потом дед всё равно расскажет... Обычно Артём тоже просил, но сегодня он молча собрал и сложил в коробку кубики. Дед внимательно посмотрел на него и начал рассказывать.

Артём так и остался сидеть на полу, а Лилька и Санька рядом с ним. Дед рассказывал не спеша, со вкусом. И бабка молчала, не встревала, только крутила и крутила своё колесо.

К концу сказки Ларька заснул, привалившись к дедову боку. И как всегда дедова работа и сказка закончились одновременно.

– Ну, и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Дед отложил подшитые валенки и стал собирать разложенный по лежанке сапожный припас.

Бабка, зевнув, перекрестила рот и остановила прялку.

– Засиделись, – кивнул дед и встал. – Тём, тебе в первую завтра?

– Да, – Артём тряхнул головой и встал.

И как всегда, дед, убрав всё, отправился на крыльцо покурить. Артём пошёл с ним. Не курить, а постоять рядом, поговорить.

– Дед, у нас на саженцы записываются. Мне как?

– Пишись, конечно, – пыхнул дымом дед.

Они стояли рядом на крыльце в сапогах на босу ногу и в накинутых на плечи куртках.

– Огород делать надо, не прибыль – так добавок.

Артём покосился на деда.

– Дед, а что, мы и огород сняли? Ну, как горницу.

Дед долго молча курил, а Артём терпеливо ждал, хотя мороз уже прихватывал за уши.

– Женюсь я, Тём, – сказал наконец дед. – Одной семьёй жить будем.

– А мы как же? – глухо спросил Артём. – Мне что, с малыми уходить?

– Дурак ты, Тёмка, – улыбнулся дед. – Мне она жена, а вам бабка, вы ей – внуки. Понял? Сказал же, одной семьёй будем. И дом будет весь наш, и огород, и хозяйство всё.

Артём кивнул, соображая.

– Так оно, конечно, дешевле будет. Ну, чем нанимать.

Дед долго от души хохотал, едва не выронив сигарету.

– Хозяйственный ты у меня, – он взъерошил Артёму с затылка на лоб волосы. – Айда на боковую.

Артём не любил и боялся, когда его трогали, но деда терпел. У деда все права, и не для боли это, и не для другого. Дед же знает, кто он, кем был до Свободы, и никому не сказал, и вообще...

После крыльца в доме даже жарко и пахнет жилым теплом. Они на ощупь пробрались к своим постелям и легли.

Артём, как всегда, подвинул Саньку – тот раскидывается, руки и ноги во все стороны на всю длину, а Лилька всегда клубочком сворачивается – и вытянулся на краю. Одежда ватное, тёплое. Ну что ж, если как дед говорит, одной семьёй, то, может, не так уж плохо и будет. Он устало закрыл глаза. Завтра ему в первую, и завтра уроки делать, русский, английский, арифметику, а по истории им рассказывать будут, пока они плохо читают, то не по учебнику, а с голоса учат, интересно, а сеянцы и рассада совсем разные, на какие же записываться, он даже не знает, что есть в огороде, а чего нет, а с бабушкой разговаривать он не любит, она, как надзиратель, ворчит и ругается, и командует, пусть дед у бабушки выяснит, а он уже у деда узнает всё... Мысли были спокойные, сонные.

Учёба в школе оказалась на удивление интересным занятием. В глубине души Эркин побаивался, что будет, как в учебном питомнике, но... ну, ничего такого и даже похоже-

го! И в бригаде нормально отнеслись, что он по пятницам теперь не ходит в пивную. Ряха попробовал было съязвить, но на Ряху он давно плевал. Учиться было нетрудно и... и необидно, вот! Первый он – не первый, Тима в английском не обойти, но и не из последних. Нет, всё хорошо, по-настоящему хорошо. А по воскресеньям теперь кино. Тоже неплохо. Жизнь шла быстро, события набегали одно на другое, и только вот это ощущение, что всё хорошо, всё как надо, не менялось.

Отметили день рождения Жени. Пришли с её работы нарядные женщины с мужьями в костюмах при галстуках. Эркин ещё после именин у Медведева ломал голову, где бы научиться завязывать галстук, чтобы не ставить Женю в неловкое положение. И сообразил: да Артём же! Малец ведь джи, так что должен это знать. И в первый же день, когда их смены совпали, спросил:

– Ты галстук завязывать умеешь?

– А тебе зачем? – взъерошился Артём, сразу почуявший намёк на прошлое.

– Надо, – кратко ответил Эркин, но, помедлив, решил объяснить: – Не хочу быть хуже других.

Артём понимающе кивнул.

– Галстук есть?

Эркин полез в сумку, но Артём остановил его.

– Пошли. Не при всех же.

И Эркин согласился. Были они в тот день в утренней сме-

не и после уроков пошли в туалет, где с пятой попытки Эркин освоил простой виндзорский узел.

– Для двойного галстук не тот, – объяснил Артём. – А этот ты отпарь как следует. Как новый будет.

Эркин молча кивнул, пряча галстук. Он его специально купил для учёбы, не подарок же в тряпку превращать.

И на день рождения Жени он был при полном параде. Они даже купили стол и двенадцать стульев, добавили стулья из кухни, и всем места хватило. И танцевали под пластинки. Он опасался, конечно, что ненароком подставит Женю, он же всё-таки грузчик с рабочего двора, а они... но обошлось. Говорили о кино, а в кино он с Женей ходил, и фильмы эти видел, о всяких хозяйственных мелочах, а он и в этом разбирается. Так что всё прошло как нельзя лучше. И самое главное – его подарок Жене понравился. Тонкая цепочка с подвеской-розой и такие же серёжки. Он в тот день заставил себя проснуться раньше Жени, не одеваясь – так рано Алиска ещё спит – вышел из спальни в кладовку, достал из тайника тёмно-бордовую бархатную коробочку и, вернувшись в спальню, аккуратно подсунул коробочку под подушку Жени так, что она не проснулась. А потом оделся и пошёл будить Алису. И Женю по всем правилам разбудило их дружное пение под дверью.

– Happy birthday to you, happy birthday to you!

А когда они вошли, Женя уже сидела в постели. Алиса вручила свой подарок. – большой рисунок с прикреплённым

к листу пакетиком с маленьким нарядным платочком, как носовым, но не нос вытирать, в карман жакета вставлять для красоты. Важно объяснив назначение подарка, Алиса полезла на кровать, здраво рассудив, что пока мама с Эриком целуются, она немного покувыркается. Хорошо, Эркин в тот день было во вторую смену, а Женя едва не опоздала на работу, примеряя подарок.

Нет, всё у него хорошо, и ничего лучшего ему не надо. И с каждым днём всё ярче солнце, всё ниже сугробы, и ветер совсем другой, весенний.

– Эркин, – Женя подложила ему бутерброд, – тебе нужно пальто. Ну, или куртка.

– Зачем? – мгновенно вскинул он на неё глаза.

– На весну. Демисезонное. А то у тебя всё либо зимнее, либо летнее. В полушубке скоро будет жарко, а всё потает, так и в бурках неудобно.

Эркин задумчиво кивнул.

– Женя, а у тебя...

– У меня черевички как раз. И пальто. А у тебя ничего нет.

Командный тон Жени не оставлял ему лазейки, но особо сопротивляться он и не хотел. Эркин уже не просто узнал, а понял и принял, что не должен быть хуже других и в рабочем ходить уже не будет. А денег хватит, у Жени заработок большой, у него... приличный, ссуду они только для мебели трогают, так что, да, и Жене, и Алисе, и ему нужна... демисезонная одежда.

– Хорошо, Женя. В субботу, да?

– Да, сразу после занятий. Прямо оттуда и пойдём.

– Хорошо.

Эркин допил чай и встал. И, как всегда, провожая его, Женя вышла в прихожую, и смотрела, как он натягивает бурки, надевает ушанку, уже не заматывает, а накидывает на шею шарф и надевает полушубок, и каждое его движение завораживающе красиво. И он не рисуется перед ней, он просто иначе не может. Прощальная улыбка, поцелуй в щёку, и вот уже даже шагов за дверью не слышно.

Женя вернулась на кухню. До работы ещё столько дел, обед, Эркин сегодня учится, придёт поздно, усталый, зато завтра, господи, завтра же суббота, вот как здорово, счёт дням потеряла, так, а Алиску пора поднимать, ну, как будни, так её не разбудишь, а в выходные ни свет ни заря вскакивает!.. Женя вытерла руки и побежала будить Алису.

Тетрадь шестьдесят третья

Американская Федерация

Алабама

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Ради этого городка пришлось пожертвовать отдыхом, но другого варианта нет. Инспекция региональных лагерей – муторное дело, а ещё лекции, другие комитетские и не только дела... Все две недели рассчитаны по часам, если не по минутам. Но...

...Он просматривает бумаги, а Маша сидит напротив, сло-

жив на столе сине-фиолетовые от старого обморожения руки и, не отрываясь, смотрит на него.

– Горя, это обязательно?

– Да, Маша.

Она кивает.

– Хорошо. Раз ты так говоришь, значит, так и есть, но ты ничего не хочешь объяснить мне?

– Не могу, – он с усилием поднимает на неё глаза. – сейчас не могу.

И Маша снова кивает...

...Маша, Марья Петровна Лихова, Синичка, Мэри Бёрд, Зинька... Бурлаков откинулся на спинку вагонного сиденья, закрыл глаза. Он всё давно понял, но... но как хорошо, что Маша понимает его, понимает настолько, что не спрашивает, когда он не может ответить.

Он никому не сказал о поездке в Загорье, о том, что там узнал. Даже Мишке. «Телегу» они с Асей тогда написали. Безотносительно всех нюансов поведение майора Золотарёва возмутительно и чревато... словом, написано было не только эмоционально, но и вполне обоснованно. Так что тот звонок неожиданным не был...

...Не отрываясь от бумаг, он прижал плечом трубку к уху.

– Бурлаков слушает.

– Привет, – пророкотал сквозь потрескивания знакомый голос. – Ты как, потонул в бумагах или можешь вынырнуть?

– Во сколько и где?

– В два, в «Охотничьем».

Это требовало уточнения.

– И кто будет платить?

– Я приглашаю. Есть вопросы?

Он усмехнулся.

– Всё. Понял.

Мишка будет просить забрать «телегу», что же ещё. Обед в «Охотничьем» не дешёв, но генеральская зарплата выдержит. «Телегу» он, конечно, заберёт. У Вояки там свои игры, и не можешь помочь, так хотя бы не мешай, но чего бы такого слупить с друга детства? Одним обедом тот не отделаётся...

...И тогда он выдержал, не сказал, хотя был на волосок от этого. А Мишка – чуткий стервец – так и наседал, так и вкручивался, но... Да, они знают друг друга с младенчества, почти молочные братья, Мишка знал Римму, был на крестинах Анечки, а о Серёже и Миле он ему рассказывал, и шутки и подколки о его Серёже и Мишкиной Маринке, и вот... Вот именно поэтому он ничего Мишке не сказал. Он должен это пережить сам, один. Такой болью не делятся...

...Мишка катает в ладонях рюмку с коньяком.

– Слушай, а тебе-то зачем Мороз понадобился?

Он пожимает плечами.

– Поговорить.

– И всё?

– А что ж ещё?

Мишка понимающе кивает.

– Что ж, тоже... причина.

И он не выдерживает.

– Когда смогу рассказать, тебе первому.

– Тронут...

...Ну вот, заглянул проводник, вежливо сообщив, что Джексонвилл через две минуты. Бурлаков встал, надел плащ и шляпу, взял портфель. Что ж, времени у него немного, завтра утром он должен быть в Атланте, значит, выехать вечерним поездом с пересадкой в Колумбии, но и дел у него здесь немного. Одно дело. Где ни помощников, ни референтов, ни секретарей быть не может, не должно быть.

Тихий провинциальный городок, даже городишко, от вокзала Мейн-стрит с лучшими магазинами и ресторанами, хотя вон, похоже, как сожгли в Хэллоуин, так и остался, кварталы белых особняков, кварталы белой бедноты, а там дальше должны быть цветные кварталы.

Он шёл не торопливым, но деловым шагом, вежливо не замечая удивлённых взглядов встречных. В этом захолустье каждый незнакомый человек – сенсация.

Не спрашивая, по ориентировочному чутью, которое выручало его и в экспедициях, и в «сопротивлении», Бурлаков вышел к Цветному кварталу, к маленькой, явно перестроенной из сарая церкви, с новенькой башенкой колокольни. Перед церковью аккуратный газон, окаймлённый низкой живой изгородью. Щебенчатая дорожка к крыльцу. А кладбище? Эркин говорил – сбоку, справа или слева? Но, разду-

мывая, он уже шёл направо, и опять не ошибся.

Аккуратный ряд выложенных дёрном прямоугольников, общий бордюр из любовно подобранных булыжников. Да, каждый отдельно, в своей могиле, а вот плита с надписью одна на всех. Серый камень, глубоко врезанные буквы, длинный список. Имя, прозвище или фамилия, возраст. И внизу, сразу после шестикратного «неизвестный», дата. Общая, на всех одна. Тридцать первое октября сто двадцать первого года. И: «Мы помним о вас». Странно, что нет обычного: «Покойтесь с миром» или про любовь Господа, но это всё пустяки. А вот это... «Эндрю Белёсий, восемнадцать лет». Странно, Эркин говорил, что двадцать, хотя памятник делали уже без него, а выглядел он мальчишкой, господи, о чём он думает, разве дело в этом?

Бурлаков поставил на землю портфель, снял шляпу и медленно, будто каждое движение причиняло боль, наклонился и положил перед плитой букет. Крупные разноцветные ромашки, совсем не те, что надо бы, но привезти русских он не мог, а эти... слишком велики и разноцветны, как искусственные, он купил их в цветочном магазине на Мейн-стрит, нет, пусть так, его весёлый, смешливый задира и хвастун одобрил бы. Серёжа любил дразнить сестёр, гадая на них на ромашках так, чтобы оставалось либо «плюнет», либо «к чёрту пошлёт», и они обижались, Анечка даже плакала, а Милочка ещё не понимала, но обижалась и начинала плакать заодно с сестрой, и Римма любила ромашки...

– Добрый день, сын мой.

Бурлаков вздрогнул и обернулся. Священник? Да. Эркин говорил о нём, неплохо говорил.

– Добрый день, святой отец.

Эйб Сторнхилл вежливо склонил голову и спросил о том, что и так понятно, но что поможет начать разговор, даст возможность этому седому человеку выговориться и тем самым облегчить страдание.

– Здесь лежат близкие вам?

– Да, – твёрдо ответил Бурлаков. – Один из лежащих здесь – мой сын.

Эйб Сторнхилл снова кивнул. Да, семь обугленных, превращённых в головешки трупов, но по каким-то – ему так и не смогли толково объяснить каким – приметам опознали Эндрию, а шестерых остальных так и похоронили безымянными. Который из них? Как этот старик узнал через полгода о судьбе сына? Да не всё ли равно? Эйб Сторнхилл сложил руки и начал читать молитву.

Бурлаков слушал мерные слова и смотрел, не отрываясь, на простые крупные буквы. И когда Эйб Сторнхилл замолчал, тихо сказал:

– Спасибо, святой отец. Вы... можете мне рассказать? О том дне?

– Я видел не так уж много, – извиняющимся тоном ответил Сторнхилл. – Но... о ком вы бы хотели спросить? – и тут же, пожалев о своём вопросе, ведь наверняка у этого че-

ловека есть веские причины не называть, стал рассказывать сам. О тех, о ком знал.

Проныра... Джек Колесо... Арни... Джимми Малыш... Бурлаков терпеливо ждал. И вот...

– Эндрю Белёсый, – Эйб Сторнхилл грустно улыбнулся. – Он был моим прихожанином, но я не так уж хорошо его знал.
– Расскажите о нём, святой отец.

Бурлаков сказал это совсем тихо, но Сторнхилл услышал. И всё понял. Потерявший расу предпочёл скрыться, исчезнуть среди цветных, чтобы не позорить отца. И вот... бедный мальчик.

– Эндрю был очень хорошим парнем, отзывчивым, добрым. Он шёл к Богу своей дорогой. Но... его любили, все любили.

Бурлаков слушал ровный негромкий голос священника и кивал. Добрый, отзывчивый, весёлый парень, его мальчик, прошедший через такие адские муки, о которых этот священник и не подозревает.

– У него были друзья, святой отец? Они здесь?

– Я понимаю, но... К сожалению, по-настоящему его другом был Меченый, индеец со шрамом на щеке, но его нет в городе, он сказал, что уедет... на ту сторону. Тоже мой прихожанин. Они всегда были вместе, – Сторнхилл улыбнулся, – как братья.

– Да, – наконец выдохнул Бурлаков. – Я понимаю, святой отец, я опоздал...

– Не вините себя, – мягко перебил его Сторнхилл. – Вы же всё-таки нашли его. А тогда... Эндрю бы всё равно не оставил своих братьев.

И снова Бурлаков кивнул. Да, приехать и забрать Серёжу... несбыточно, нереальный вариант. Ладно, с этим ясно. Здесь, в этой земле то, что осталось, что было его мальчиком, и даже забрать его прах, перевезти и похоронить в русской земле невозможно. И не нужно. Это оскорбит тех, рядом с кем жил его Серёжа, кто смеялся его шуткам, помогал ему и принимал его помощь, нет, ничего ни изменить, ни поправить нельзя.

Он ещё поговорил со священником, дал денег – пожертвование на нужды церкви – и ушёл, отказавшись от провожатого.

Стоя у памятной плиты – к сожалению, тогда именных табличек не сделали, а сейчас уже не стоит менять, пусть так и остаётся общим памятником общей смерти – за которой уже тянулась узенькая дорожка более свежих могил, Сторнхилл смотрел ему вслед. Да, что бы ни совершил Эндрю, такая кара... и почувствовав на себе чужой взгляд, обернулся. Улыбнулся робко стоящей чуть в стороне молодой темнокожей паре.

– Я слушаю вас, дети мои.

Жизнь продолжалась. А значит, продолжалось и его служение.

По дороге на вокзал Бурлаков сделал крюк по кварталам белой бедноты. Но в каком из полуразрушенных брошенных домов снимал выгородку Серёжа? Сердце подскажет? Чепуха. Саднящая тупая боль. И отчаяние. Даже отомстить он не может. Некому. Или всем? Так все не виноваты, а где и как он найдёт убийц?

Всё остальное: дорога на вокзал, всякие житейские мелочи – всё это шло уже мимо сознания, делалось машинально. И даже боль ушла. Горькая ясная пустота. Надо жить, делать своё дело, хлопотать, выбивать деньги, спорить о наилучшем варианте трат, доказывать дальние последствия, организовывать культурные центры, выбивать пенсии, пособия и компенсации, а для себя... снова в экспедицию, вернуться к тому, с чего начинал, на всё лето, да, к концу апреля свалить все комитетские проблемы и вспомнить, кто ты и зачем живёшь. Забить и боль, и пустоту работой. Больше же нечем.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Как Ларри и предполагал, четверга и пятницы ему для подготовки не хватило. Как бы не пришлось и воскресенье прихватить. А в воскресенье ему обязательно надо быть в церкви, поговорить со священником о Марке, сына надо устроить в подготовительные классы, хорошо бы с полупансионом, ведь ему самому надо работать, нельзя, чтобы мальчик болтался по улицам или сидел взаперти.

– Пап, – стоя перед ним, Марк снизу вверх смотрел на него. – Но сегодня же суббота.

– Да, но мне надо работать, – Ларри погладил сына по голове. – К обеду я вернусь. Если будут звонить...

– Я знаю. Ты на работе. И всё записать.

– Молодец.

Это у них уже было. Позвонили, а Марк не знал ни что делать, ни что сказать. И теперь рядом с телефоном лежат блокнот и ручка.

В субботу у многих выходной, и улицы пустыннее обычного. Ларри рассчитывал только на работу в мастерской и потому пошёл в джинсах и ковбойке. Дэннис слово сдержал. За вторник и среду всё было сделано, завезено и расставлено, и уже в четверг Ларри засел за работу. Пришёл к девяти и едва успел зайти и поставить на пол в мастерской свою корзину с инструментом, как заверещал звонок. Ларри подошёл к двери и в маленький, но очень удобный глазок оглядел визитёра. Фредди. И открыл дверь.

– Привет, Ларри.

– Доброе утро, сэр, – ответно улыбнулся Ларри, впуская Фредди в магазин и запирая за ним дверь.

В кабинете Фредди снял и бросил на кресло в углу плащ и шляпу. Большой, но аккуратный баул поставил на стол.

– Принимай, Ларри.

– Да, сэр.

Так они решили ещё в имении, что оставшиеся заготовки и материалы привезут отдельно. Ларри взял баул и пошёл в мастерскую.

– Прошу вас, сэр.

Включил свет над рабочим столом, достал из корзины свои книги, лупы, собрал и настроил весы.

Фредди, сидя сбоку с торца стола, смотрел, как Ларри открыл баул и достал новенький маленький квадратный чемоданчик-сейф и потёртый кожаный чемодан мастера Левине. Опустевший баул Ларри отставил к двери, а старый чемодан-

чик на другой дальний конец стола. Фредди достал из внутреннего кармана и отдал Ларри ключи от сейфа. Ларри кивком и улыбкой поблагодарил его и стал открывать. Код, как он и предполагал, был тот же, что и в сейфе мастерской в имени. Щёлкнул, открываясь, замок.

Ларри сам, собираясь в дорогу, укладывал незаконченные заказы, заготовки и материалы и потому удивился, увидев незнакомый свёрток.

– Джонни добавил, – разжал губы Фредди. – Посмотри, может, пойдёт в продажу.

Ларри кивнул, разворачивая свёрток. Крестики из цветных бриллиантов на тонких золотых цепочках. Из того клада.

– Да, сэр, я думаю, это можно будет продать. Сейчас сверю остальное, а потом запишу их.

– Делай, как тебе удобнее, Ларри.

Ларри работал молча и сосредоточенно, перевешивая заново каждый камень, каждую заготовку, каждый слиток и придиричиво сверяя со своими записями. Разобрав заказы и разложив их по ячейкам специального ящика, убрал его во внутренний сейф, туда же крупные слитки и бриллианты, а цветную мелочь, мотки золотой проволоки и выложенный ватой лоток с жемчугом в небольшой покрашенный под цвет стен наружный сейф. Теперь другая книга. Каждый крестик взвешен и описан.

– Вы распишетесь за сэра Джонатана?

– Да, у меня есть доверенность, – Фредди достал из бумажника и протянул Ларри сложенный вчетверо лист гербовой бумаги. – Сертификат тоже нужен?

– Большая часть клада осталась в имении, сэр, – покачал головой Ларри. – Я думаю, сэр, сертификат целесообразно оставить там.

– На всякий случай, вот копия.

– Благодарю вас, сэр.

Книги, доверенность, копия выданного профессором Бурлаковым акта, крестики – Ларри собрал всё это и, извинившись, вышел в кабинет, убрать в тот сейф. Фредди вежливо рассматривал потолок. Вернувшись в мастерскую, Ларри улыбнулся.

– К понедельнику всё будет готово, сэр.

Улыбнулся и Фредди.

– Отлично, Ларри, – легко встал. – Баул я заберу, а сейфик убери пока.

– Да, сэр.

– Тогда... удачи тебе.

– Спасибо, сэр.

Пожелать и Фредди удачи Ларри явно счёл недопустимой фамильярностью. Фредди надел шляпу и плащ, забрал баул.

– Если что, Джонни в городе. Но проблем быть не должно. До свидания, Ларри.

– Спасибо, сэр, до свидания, сэр.

Ларри закрыл за Фредди дверь, вернулся в мастерскую,

выключив по дороге свет в кабинете, достал из корзины свой белый халат, надел его и начал работать...

И сегодня он с привычной тщательностью открыл дверь, вошёл, запер за собой дверь, прошёл, не включая света, через кабинет в мастерскую, достал из шкафа халат и надевал его, когда зазвонил телефон. Аппарат стоял в кабинете, но в мастерской слышно. Ларри вернулся в кабинет и снял трубку.

– Алло?

– Крафтон. Это ты, Левине?

– Да, сэр, – Ларри узнал голос дежурного полицейского. – Доброе утро, сэр.

– Проблемы есть?

– Нет, сэр, благодарю вас.

– Отлично. Позвони, когда будешь уходить.

– Да, сэр.

Трубки они положили одновременно. В первый раз Крафтон позвонил в четверг, сразу после ухода Фредди, и теперь это повторялось каждый день. Магазины на Маркет-стрит охранялись круглосуточно и незаметно.

Вернувшись в мастерскую, Ларри достал из внутреннего сейфа ящик с заказами, оглядел его, проверяя себя. Да, остался только заказ миссис Бредфорд из Краунвилля – ви-той браслет. «Чтобы было как у миссис Кренкшоу, но по-другому». Ларри улыбнулся воспоминанию. Не плющ, а вьюнок, и не роса, а лепестки цветов. Остались сухие пустяки,

на час работы, не больше. Ларри убрал в сейф опустевший ящик, приготовил инструменты и сел за работу...

Готовый браслет «остывал» на столе, когда зазвенел телефон. Ларри легко встал, сбросил халат – как его когда-то приучил Хозяин никогда не выходить из мастерской в рабочей одежде – и вышел в кабинет. Марк? Крафтон? Но в трубке зазвучал голос Джонатана.

– Привет, Ларри. Очень занят?

– Добрый день, сэр. Заканчиваю последний заказ, сэр.

– Хочу пригласить тебя в загородную поездку, – Джонатан негромко рассмеялся. – Посмотреть участок.

– Благодарю вас, сэр. Для меня большая честь сопровождать вас, сэр.

– Отлично. Через полчаса на площади с фонтаном. Успеешь?

– Да, сэр.

– Отлично. Жду.

И частые гудки прекращения связи. Ларри положил трубку и посмотрел на часы. Полчаса. Убрать, всё запереть, предупредить Крафтона. Площадь с фонтаном отделяет Маркет-стрит от Сити-центра, идти минут пять, не больше. И он даже успеет позвонить Марку, узнать, как у того дела.

Ларри делал всё быстро и точно. Инструменты на место, проверить сейфы мастерской, готовый браслет в кабинетный сейф на своё место, отметить в книге заказов выполнение,

закрыть сейф, звонок домой, у Марка всё в порядке, звонил только сэр Джонатан.

– Я сказал, что ты на работе, пап.

– Правильно, сынок. Записал?

– Да.

– Поставь крестик, что я знаю о звонке. Молодец. Поешь в ленч и не забудь об уроках.

– Письмо я уже сделал.

– Умница. Вечером поговорим. Удачи, сынок.

– И тебе удачи, пап.

– Спасибо.

Нажим на рычаг, звонок в полицию.

– Ты, Левине? Уходишь уже?

– Да, сэр. Но, возможно, я ещё приду сегодня, сэр.

– Принято.

И частые гудки. Ларри оглядел кабинет, проверяя, всё ли в порядке, достал из углового шкафа свою ветровку, огляделся ещё раз и вышел, выключив свет.

Пока он работал, Маркет-стрит заметно оживилась. Ну да, субботняя торговля кратковременна, но прибыльна, и многие торгуют до ленча, а кое-кто даже до обеда, но не все, о субботней торговле стоит, конечно, подумать, но у него и товара не столько, чтобы торговать всю неделю. В ювелирном магазине Фарелли отдельно «субботний» зал. Но Фарелли – это совсем другое дело, другой уровень, Старый Хозяин рассказывал о Доме Фарелли много интересного, чего даже, на-

верное, и в Лиге не все знают, но это сейчас неважно.

Ларри шёл быстро, вежливо опустив веки, но из-за превосходства в росте всё равно хорошо видел прохожих. А поперечная улица субботних распродаж набита битком, люди не идут, а протискиваются, и цветных немало. Интересно. Делать субботу днём дешёвой бижутерии? Надо поговорить с сэром Джонатаном.

На площади с фонтаном он издали увидел синюю машину и рядом Фредди, небрежно облокотившегося на её крышу. Сегодня тот был в ковбойском. Увидев Ларри, удовлетворённо улыбнулся и кивнул.

– Привет, Ларри.

– Добрый день, сэр, – улыбнулся Ларри.

– Садись назад. Нет, не так.

Фредди помог ему справиться с ручкой, и Ларри, согнувшись чуть ли не пополам, влез в машину. К его изумлению и смущению, там уже сидел Джонатан.

– Сэр...

– Спокойно, Ларри, садись глубже, быстро поедем.

Фредди сел за руль и мягким рывком, чтобы Ларри инерцией вжало в спинку, стронул машину.

– С участком всё в порядке, – негромко и деловито говорил Джонатан. – Документы уцелели, никаких проблем не было. Я думаю, сегодня и заберём всё.

– Да, сэр, – кивнул Ларри и, хотя ему было не по себе от того, что сидит рядом с Джонатаном, не удержался. – Прямо

сейчас, сэр?

– А что? – спросил, не оборачиваясь, Фредди. – В чём проблема, Ларри?

– Могут увидеть, сэр, – осторожно пожал плечами Ларри. Джонатан улыбнулся, а Фредди с удовольствием расхохотался.

– Не бери в голову, Ларри.

– Да, сэр, – покорно кивнул Ларри.

Он помнил, как это обсуждалось тогда и как выискивались и подбирались варианты закладок, чтобы работы не просматривались с соседних участков, но раз Фредди так уверен...

Машина уже пролетела пригороды, и Фредди прибавил скорость. Ларри впервые ехал в легковой машине, но насладиться дорогой, чувством полёта не мог: мешало присутствие Джонатана.

– Значит, заказы готовы?

– Да, сэр, – вздрогнул Ларри. – Их можно выложить как образцы, сэр.

– Отлично. И ещё крестики.

– Да, сэр. Они хорошей старой работы. И ещё некоторые камни.

– Верно.

За разговором Ларри немного успокоился.

Ещё немного полёта по шоссе, Фредди заложил глубокий вираж, и машина запрыгала по неровной дороге. Сразу ста-

ло не до разговора. Джонатан показал Ларри ручку, за которую нужно было держаться. Ещё поворот, мимо пронеслись полуразрушенные ворота с осыпавшейся лепной надписью, мелкий щебень заскрежетал под колёсами, снова ухабы, ещё поворот, ухабы и мягкая, поросшая травой земля.

– Границу переехали, – бросил, не оборачиваясь, Фредди. – Теперь куда? Ларри?

– Бизон-камень, сэр, – сразу ответил Ларри.

Фредди присвистнул...

...Как только Джонни выяснил и уладил всё с участком, они съездили сюда. Обошли, немного полазили: благо, участок небольшой, меньше даже обычного фермерского, так, для загородного домика для отдыха. Но захламленный... как специально. Валуны, старые одинокие деревья, какие-то оплывшие ямы и траншеи, пара полуразрушенных фундаментов.

– Здесь уже искали, – задумчиво сказал Джонатан.

– Надеюсь, что не нашли, – хмыкнул он в ответ...

...Итак, бизон-камень. Который из этих валунов похож на бизона? И откуда здесь могут знать про хозяина Аризонской прерии, исчезнувшего вместе с последними индейцами. Даже в зоопарках ни одного не осталось.

– Он похож на бизона цветом или чем?

– Не знаю, сэр, – виновато ответил Ларри. – Я никогда не был здесь, сэр. Запомнил со слов, сэр.

– Ясно, – кивнул Фредди и заглушил мотор. – Дальше

пешком, а то машину посадим.

Он вышел первым, огляделся. И радостно выругался. Вон же тот, большой, как есть лежащий бизон, только серый.

– Джонни, посмотри!

Джонатан критически оглядел валун и пожал плечами.

– Я их тоже никогда не видел. Будем считать, что так. А дальше, Ларри?

– От головы бизона на северо-запад триста футов, – монотонно заговорил Ларри.

– Стоп, – остановил его Фредди. – Джонни, компас в бардачке. Остальное в багажнике.

Компас, лопаты... Ларри понимал, что это нужно, он же сам сказал, что искомое в земле, но что из-под сиденья появится автомат... Фредди привычно проверил, удобно ли ложится оружие под руку, приготовился к стрельбе и улыбнулся изумлению Ларри.

– Я же сказал. Не бери в голову. Пошли к бизону.

От головы бизона триста футов закончились старым корявым деревом. И прежним монотонным голосом Ларри сказал:

– На юг двести футов.

Фредди, по-прежнему держась несколько в стороне и настороженно оглядывая окрестности, услышал и одобрительно крякнул. Джонатан, сосредоточенно глядя на лежащий на ладони компас, молча повернул на юг.

Перелезли через какую траншею, похожую на недоделан-

ный окоп.

– Есть двести футов. Здесь?

– Нет, сэр. На запад сто пять.

Они остановились на совершенно неприметном на первый взгляд месте, ничем вроде бы не отличающемся от окружающего, и Ларри с невольным облегчением сказал:

– Вниз пять футов.

И онемел. Потому что Джонатан, спрятав компас в карман джинсовой куртки, решительно забрал у него лопату.

– Поехали, Ларри.

Пряча улыбку, Фредди отошёл и встал на ближнем пригорке у дерева, зорко оглядывая округу.

Лопат было две, и после секундного оцепенения Ларри присоединился к Джонатану.

Щёлкали и верещали птицы, в небе неподвижно стояли лёгкие облака. Фредди старался не смотреть на копающих. Если не перепутали валун, если не ошиблись в подсчётах, если... одни если...

– Ларри, уже есть пять футов.

– Да, сэр.

Ларри наклонился, разглядывая дно ямы.

– Прошу прощения, сэр, но вы стоите на нём.

Фредди не выдержал, да и безлюдно вокруг, он бы почувствовал, если что, и сбежал к ним. Джонатан и Ларри быстро расчищали большой бесформенный от брезента и целлофановой плёнки свёрток.

– Он очень тяжёлый, сэр, – мягко отстранил Джонатана Ларри, подкапываясь под свёрток.

Вытащить удалось, только подсунув под него черенки лопат.

Джонатан удовлетворённо выдохнул и вытер лоб рукавом. Его куртка и ветровка Ларри валялись на земле рядом с ямой.

– Пойду, подгоню машину.

Фредди кивнул, разглядывая свёрток. Осторожно тронул его носком сапога. Ларри понимающе улыбнулся.

– В основном, золото, сэр.

Подъехал Джонатан, и они втроём заложили свёрток в багажник. Ларри взял лопату и стал засыпать получившуюся яму.

– Резонно, – одобрил Джонатан, берясь за вторую.

Засыпали яму, по возможности разровняли края.

– Всё, – Джонатан швырнул лопату в багажник, бросил на заднее сиденье куртку. – Поехали!

– Да, сэр, – Ларри положил свою лопату в багажник, поднял ветровку. – А остальное в другой раз заберём, сэр?

Фредди поглядел на ошеломлённое лицо Джонатана с отвисшей челюстью и захохотал так, что должен был прислониться к машине, чтобы не упасть.

– И много ещё? – смог наконец выговорить Джонатан. – Остального?

– Ещё в двух местах, сэр.

Фредди вытер ладонью мокрые от выступивших слёз глаза.

– Возвращаемся к бизону, Ларри?

– Нет, сэр, отсчёт отсюда, сэр.

Джонатан заново закатал рукава рубашки и достал из багажника лопаты.

– Вперёд, Ларри.

– Уточни, куда? – елеиным голосом посоветовал Фредди.

Даже Ларри улыбнулся.

И снова на север, на юго-восток, семнадцать футов, сто тридцать футов...

– Здесь?

– Должно быть здесь, сэр. Три фута вниз и под дерево.

– Ну, это пустышки.

Большой, с человеческую голову в каске, шар из брезента и плёнки. Снова засыпать яму. Корни, вроде, особо не повреждены, и дерево не засохнет.

Новый изломанный путь упирается в остатки кирпичной кладки. Ларри ощупывает, расшатывает кирпичи.

– Осторожно, руки! – не выдерживает Джонатан. – Давай я.

Но Ларри уже выпрямляется с маленьким, не больше его ладони плоским свёртком и улыбается:

– Всё, сэр!

– К машине! – не даёт им опомниться Фредди.

Спотыкаясь о кочки и коряги, перепрыгивая через тран-

шей и поваленные деревья, они вернулись к машине. Свёртки и лопаты в багажник. Фредди снял с плеча и бросил на переднее сиденье автомат.

– Садитесь, отъедем.

Ларри уже несколько увереннее занял своё место, сел Джонатан, и Фредди стронул машину. Все молчали.

Переваливаясь, машина тяжело выползла к дороге и остановилась. Фредди убрал автомат под сиденье и вытащил оттуда термос и пакет с сэндвичами.

– Перекусим.

– Резонно, – кивнул Джонатан.

Ларри, не посмея спорить, взял стаканчик и сэндвич. Ели и пили молча, не замечая вкуса. Наконец Фредди убрал опустевший термос и скомканную обёртку. Стронул машину.

По неровной бугристой дороге, вернее, по её отсутствию ехали молча. Джонатан физически ощущал тяжесть в багажнике и молча переживал за машину. И на одном, особо крепком ухабе не выдержал:

– Надо было грузовик брать.

– Заткнись, Джонни, – ласково попросил Фредди, объезжая очередную рытвину.

Ларри сделал вид, что ничего не слышал.

Когда выбрались на шоссе, Фредди, не останавливаясь, достал сигареты и, опустив со своей стороны стекло, закурил.

– Ничего, Ларри?

– Да, сэр, конечно, сэр.

И тогда закурил и Джонатан, тоже приоткрыв своё окно.

– Марка пристроил? – спросил, по-прежнему не оборачиваясь, Фредди.

– Ещё нет, сэр, но проблем здесь не будет, сэр, – улыбнулся Ларри.

– Будешь в новую общедоступную отдавать?

– Говорят, это будет хорошая школа, сэр, – кивнул Ларри. – Завтра я поговорю со священником, чтобы Марка приняли в подготовительный класс. С полупансионом.

– Приличное заведение?

– Недешёвое, сэр.

– Резонно, – хмыкнул Джонатан.

О грузе в багажнике они не говорили, будто в самом деле съездили загород природой полюбоваться.

После ленча субботняя торговля затихает, и наступает перерыв до субботнего вечера. Магазины и лавочки закрываются, сворачиваются лотки, а бары, кафе, дансинги, киношки и театры чистятся и готовятся к гульбе. Но это уже на других улицах. Так что их машина была единственной на Маркет-стрит, где уже почти все витрины спрятались за стальными шторами. Фредди аккуратно притёр машину к тротуару, и Ларри вышел первым.

– Я открою и предупрежу сэра Крафтона.

Фредди еле заметно усмехнулся тому, что дежурного полицейского и за глаза называют сэром, но промолчал. Таков

уж Ларри, и переучивать его нет смысла.

Ларри впервые, войдя в магазин, не запер за собой дверь, а сразу прошёл к телефону, набрал номер.

– Сэр...

– Крафтон. Ты, Левине?

– Да, сэр. Всё в порядке, сэр.

– Принято. Позвони перед уходом. Удачи.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

Ларри положил трубку, вернулся в салон и снова удивился. Пока он звонил, Фредди развернул машину и въехал на тротуар, уперев багажник в дверь. Джонатан уже был в магазине. Когда Ларри подошёл к раскрытой двери, он открыл багажник, и они вдвоём быстро вытащили и положили прямо на пол все три свёртка. Джонатан захлопнул багажник, и Фредди сразу отъехал.

– В мастерскую?

– Да, сэр.

Крякнув, Ларри попытался поднять большой свёрток, и со второй попытки ему это удалось.

Войдя в мастерскую, он каким-то чудом сумел не уронить его, а положить на стол. Следом вошёл Джонатан с двумя другими свёртками и последним Фредди со словами:

– Я запер дверь, Ларри.

– Спасибо, сэр, – ответил Ларри, доставая ручную щётку.

Он тщательно смёл уже подсохшую землю со всех трёх свёртков уже подсохшую землю, обтёр их влажной тряпкой.

– С какого начнём, сэр?

Фредди покосился на побледневшее с закушенной губой лицо Джонатана и улыбнулся.

– Давай с большого, Ларри, – и совсем тихо по-ковбойски: – Подбери повод, н-ну!

Джонатан перевёл дыхание и заставил себя улыбнуться. Ларри тем временем открыл ящик с грубым инструментом, достал большой нож и ловко разрезал плёнку, оглядел брезент и покачал головой.

– Всё-таки подгнил, придётся срезать, сэр.

– Режь! – бесшабашно весёлым голосом ответил Фредди.

Ларри содрал и бросил на пол плёнку и брезент, и Фредди ногой оттолкнул их к двери. На столе лежал тёмный кожаный чемодан с неожиданно блестящими замками и уголками. Ларри сменил нож и стал вырезать замки.

– Зачем? – удивился Джонатан. – Можно же открыть.

– Они запаяны намертво, сэр, – ответил Ларри и добавил, откладывая их на дальний конец стола и берясь за уголки. – Они серебряные, сэр.

Фредди присвистнул.

Срезав и так же отложив уголки и петли, Ларри отделил крышку, поднял её и отбросил к двери: он тоже волновался.

Снова плёнка? Но сквозь неё просвечивало что-то тусклое жёлтое... Эту плёнку Ларри развернул и с усилием, двумя руками поднял большой, во весь чемодан золотой семи-свечник и поставил его на стол.

– Литой?! – вырвалось у Джонатана.

– Да, сэр, – ответил Ларри, вынимая жёсткую внутреннюю перегородку, отбрасывая её к двери и снова погружая руки в чемодан. – Он называется... менора, сэр. Да, сэр. Хозяин именно так называл его.

Ларри вынимал свёртки, разворачивал тяжёлые, словно отсыревшие куски бархата, и на его ладонях вспыхивали разноцветными искрами колье и диадемы, чаши и шкатулки, старинные табакерки и кубки, искусно сплетенные ожерелья и серьги к ним, и всё в россыпи мелких бриллиантов и изумрудов, сапфиров и рубинов, цепи с подвесками и без них, старинные фигурные шпильки для дамских шляп, золотые и вырезанные из полудрагоценных камней фигурки людей и животных, брошка-павлин с длинным трепещущим хвостом, переливающимся всеми цветами радуги, золотая вазочка с букетом сапфировых фиалок... На столе уже тесно, а Ларри всё вынимал и вынимал.

– Вот... она была большой... оригиналкой, – говорил Ларри. – После её смерти это вернули, и даже компенсации не взяли, как на хранение, но Хозяин говорил, что из суеверия.

Золотая паутина во всю грудь с пауком из чёрных бриллиантов с рубиновыми глазками. И к этому серьги. Тоже паутина, но свёрнутая в кульки и с бриллиантовыми мёртвыми мушками внутри кульков.

В самом низу, под ещё одной перегородкой, лежали мешочки с мелкими цветными камнями, пять жёлтых грубых

неправильной формы брусков и один такой же, но серый.

– Сырьё, сэр, – улыбнулся Ларри, выкладывая их. – Золото, а это платина. Серебра было немного, и оно всё ушло на чемодан.

Остатки чемодана он отложил к двери и, не дожидаясь уже слов Фредди или Джонатана, взялся за шар. Плёнка, брезент... и тусклый желтовато-белый чуть бугристый шар почти правильной формы.

– Воск, сэр, – Ларри улыбнулся как встрече со старым знакомым. – Там камни, только первый класс, от четырёх каратов и больше, сэр. Расплавить сразу? Их там... да, всего сто сорок три, сэр.

Джонатан молча покачал головой. Говорить он не мог.

В последнем свёртке оказалась маленькая, сплетённая из золотой проволоки театральная сумочка без цепочки. Ларри пинцетом разогнул проволоку, стягивающую замочек, открыл, заглянул и, удовлетворённо кивнув, протянул её Джонатану.

– Возьмите, сэр. Это вам.

– Мне?! – изумился Джонатан. – Зачем?!

– Здесь код и ключ от ещё от одного сейфа, сэр. В другом банке. Там документы на всё это.

Джонатан покачал головой.

– Это всё твоё, Ларри.

– Сэр, – бесстрашно возразил Ларри. – Я могу прийти в банк? Даже если бы знал, в какой. Кто там будет разговари-

вать со мной? И ещё, сэр, вы же владелец земли, где это хранилось.

После секундной паузы Джонатан кивнул и взял сумочку.
– Хорошо, я улажу с банком.

Открыл сумочку и переложил её содержимое в свой носовой платок, получившийся свёрток убрал в карман, а сумочку протянул Ларри.

– Я ещё только учился, сэр, – извиняющимся тоном сказал Ларри, забирая сумочку. – Разумеется, сэр, это только в переплавку.

– Да нет, Ларри, – рассмеялся Джонатан. – Просто так удобнее.

– Разумеется, сэр. – Ларри обвёл рукой сверкающий искрящийся стол. – Можно убирать, сэр?

– Да, конечно, – кивнул Джонатан. – Помочь?

– Благодарю вас, сэр, – Ларри рассмеялся этому как шутке.

Он открыл внутренний сейф, переставил опустевший ящик заказов, освобождая место, и стал закладывать слитки и восковой шар. Мешочки с цветными камнями и серебряный лом легли в наружный сейф, туда же отправилась и сумочка. Закрыв сейфы, Ларри оглядел стол и вышел в кабинет. Открыл там сейф и стал переносить и укладывать вещи по какой-то своей системе.

Фредди подтолкнул Джонатана, и они вышли из мастерской в кабинет, сели на диван. Фредди достал сигареты.

– Здесь можно курить, Ларри?

– Разумеется, сэр.

Заполнив сейф самым, на его взгляд, ценным, Ларри открыл шкаф-витрину и поставил туда несколько золотых и резных фигурок, кубков, шкатулок и вазочку с фиалками, а на нижнюю полку – семисвечник, закрыл, открыл соседний глухой шкаф – не сейф, но достаточно надёжный – и уже там расставил и разложил остальное. Фредди кивнул, и Джонатан понимающе улыбнулся.

– Там так же было?

– Наверное, – тихо ответил Фредди. – Я ничего этого не видел, шкафы были со шторками.

Ларри позволил себе услышать и откликнуться.

– Этого уже не было, оставалась мелочь, сэр, и заказы.

– Сейф напоказ? – хмыкнул Фредди.

– Да, сэр, – улыбнулся Ларри, закрывая шкафы.

Фредди легко встал и прошёл в мастерскую, собрал обрывки плёнки и брезента в аккуратный тючок, оглядел остатки чемодана.

– Кожа хорошая, но всё-таки попрела. Выкидываем.

– Да, сэр, – не стал спорить Ларри.

Встал и Джонатан.

– Я думаю, на сегодня здесь всё. Открытие в час, успеем подготовить. Ты как, Ларри?

– Да, сэр, – Ларри посмотрел на часы. – Вы правы, сэр.

И снял телефонную трубку. Звонок домой. Марк сооб-

шил, что у него всё в порядке, больше звонков не было.

– Молодец, сынок. Я скоро буду.

И снова набрал номер.

– Крафтон, – откликнулся на его «алло» уже другой, более молодой голос. – Левине?

– Да, сэр. Я ухожу, сэр.

– Принято. Отдыхай, Левине, – и частые гудки.

Ларри положил трубку и опуская закатанные рукава ковбойки, улыбнулся.

– Я готов, сэр.

Фредди взял тючок, и они пошли к выходу. Идя последним, Ларри выключал свет и закрывал двери.

На улице было тихо и безлюдно. Фредди забросил в багажник свою ношу, Джонатан открыл заднюю дверцу, и Ларри взял свою так и остававшуюся в машине ветровку.

– Большое спасибо, сэр. До свидания, сэр.

– До свидания, – улыбнулся Джонатан.

– До встречи, Ларри, – Фредди захлопнул багажник.

Ларри склонил голову в полупоклоне и ушёл, на ходу надевая ветровку. Фредди взглядом проводил его до угла и сел за руль.

– Домой... – неопределённо предложил Джонатан.

– Нужно в гараж, Джонни.

– Ну да. Сначала напои коня, – засмеялся Джонатан, переходя на ковбойский говор.

Фредди кивнул и включил мотор. Теперь он ехал не спе-

ша, аккуратно соблюдая все правила и явно думая о своём. Не доезжая до гаража, он остановился.

– Ну? – не выдержал Джонатан.

– Запутался в цифрах, Джонни. Какую часть своей доли выкупил Ларри?

– А я думаю, хватит ли денег откупить свою долю, – Джонатан невесело усмехнулся. – Если продать имение, прибавить тот сейф, загнать все точки... дай бог, чтоб на треть хватило.

Фредди обернулся, и Джонатан кивнул.

– Да, Фредди, я пытаюсь прикинуть, сколько это в деньгах, и тоже... путаюсь. Я ещё не видел документов, но у Ларри проблем не будет.

Фредди кивнул.

– Ладно, Джонни. Сейчас поставлю машину и пожрём. Чёрта съем.

– Только одного? – усмехнулся Джонатан. – Гони, ковбой. Машина прыгнула с места, как застоявшийся конь.

Ларри шёл быстро. Время уже позднее, а Марк дома один, и голодный. Обедать они, пожалуй, уже не пойдут: всюду уже субботняя гульба, Марку всё это видеть ещё рано и незачем. А что у него дома из еды? Дорого, конечно, но лучше купить и поесть дома. О сделанном он не жалел, он же, ещё только сказав о сейфе и коде к нему, отрезал себе обратный путь, перешёл Рубикон, надо будет рассказать Марку о Цезаре, но

теперь он спокоен, он снял с себя это бремя и переложил на Джонатана и можно надеяться, что расплатился с долгом, с денежным и другим, со всеми долгами, и с материалом, во всяком случае, теперь проблем не будет, а когда заберут заказы и расплатятся, у него будут и живые наличные.

В лавочке, уже в Цветном квартале, он набрал пакетов с полуфабрикатами, чтобы и на завтра хватило.

Весёлый шум и гомон субботней гульбы с каждым шагом всё больше оглушал его. Уже у входа в мебелирашки он столкнулся с Чаком. Тот, во всём явно новом и купленном в магазине, а не на барахолке, окинул Ларри внимательным и чуть насмешливым взглядом, заметив и пыль на ветровке и джинсах, и испачканные в земле кроссовки.

– Привет, только с работы, что ли?

– Привет, – кивнул Ларри, удерживая подбородком пакеты. – Да, с работы.

– Не бойсь. Бредли свехурочные оплачивает.

Ларри только улыбнулся, протискиваясь мимо него.

Достать ключи мешали пакеты, и он тихонько постучал ногой в дверь. Там затоптали детские шаги.

– Кто там?

– Это я, сынок, открой.

Взвизгнув, Марк бросился открывать и так резко распахнул дверь, что Ларри чуть не упал.

– Пап! Я так ждал! Я...

– Да-да, Марк, сейчас.

Ларри быстро прошёл на кухню, свалил пакеты на стол и тогда обнял прижавшегося к нему сына.

– Ну, что ты, сынок, испугался?

– Нет, – Марк, мотая головой, тёрся лицом о его рубашку. – Я тебя ждал, ждал, а тебя всё нет и нет.

– Ну вот, я же пришёл.

Марк всхлипнул ещё раз и выпрямился.

– Ага, я в порядке, пап. Сейчас обедать пойдём?

– Нет, сегодня мы дома пообедаем. Я только вымоюсь, и тогда поедем. Потерпишь?

– Ага! – кивнул Марк.

И Ларри не сделал ему замечания: малыш так исстрадался без него.

Оставив машину на попечение гаражных механиков, они шли домой. Шли молча: слишком тяжёлым был этот день. Автомат Фредди нёс в обычной хозяйственной сумке. Субботнее веселье, казалось, захлёстывало Колумбию и, хотя они держались в стороне от самых гулевых кварталов, оно доставало их шумом, сверканием реклам, стайками жаждущих развлечений подростков.

Войдя в квартиру, Джонатан, на ходу сдирая с себя и расшвыривая одежду, сразу отправился в душ. Фредди задержался, пряча автомат, и, войдя в ванную, стал бриться.

– В понедельник с утра к Лукасу, – напомнил ему из-под струй Джонатан.

– Сам не загреми, – отозвался Фредди, откручивая колпачок на флаконе «Денима». – Ларри тоже смокинг?

– А что? Пусть будет на уровне.

– На чьём?

– Ладно, посмотрим. Хотя... костюм даже престижнее. Позвоню ему завтра, чтобы в понедельник в восемь подошёл к Лукасу.

– Угу, – Фредди втиснулся в душ, подвинув Джонатана. – Я в загуле, так что отвали, подпасок, со всеми планами.

– Три радости ковбоя? – фыркнул Джонатан, выходя из кабинки.

– Две – вздохнул Фредди. – Для драки здесь антураж не тот.

– Вот двумя и обойдёшься, – Джонатан стал приводить себя в порядок. – Излишество – мать пороков.

– Интересно, каких? – фыркнул Фредди.

Джонатан не расслышал, но рассмеялся. Просто потому, что надо сбросить напряжение и на сутки забыть. Если не обо всём, то хотя бы о золотом мерцании и радужных искрах, закрытых в тёмных шкафах и сейфах. Чтобы всё это осознать и не наделать сгоряча глупостей, ему нужно время.

Американская Федерация

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Библиотека располагалась на теневой стороне административного корпуса, и Андрей устраивался у окна. Что его увидят со двора, он не опасался: многие сидели в библиотеке, подбирая себе место, вспоминая русскую грамоту и просто рассматривая картинки. Если не привлекать к себе внимания, то тебя и не замечают, а сидеть тихо и не возникать Андрей умел. Выучили.

Загорье он нашёл легко. Странно, конечно, чего Эркина в такую даль понесло, но встретятся – узнает, а ему самому город подходит. Ижорский П п ояс, Ополье, Печера, Поморье, Озёричи, Пограничье, Исконная Русь... Он читал обо всём подряд, одновременно и жадно, и наслаждаясь, как воду пил в жару, холодную чистую воду, когда и зубы ломит,

и не оторваться. И если бы не необходимость показываться в курилке, опять же чтобы не выделяться, то не вылезал бы из библиотеки. Одно жаль: с собой ни книг, ни журналов не дают. Ни глотка на вынос, только распивочно. А это откуда у него? То ли прочитал где-то, то ли слышал. А не всё ли равно? Главное, что хорошо сказано.

Всякий раз, поднимая голову, Алёна видела его, белокурого и кудрявого, в дальнем углу у окна, сидящего в неожиданной свободной непринуждённой позе. Странно, ведь все сидят за книгой очень напряжённо, скованно, чувствуется, что чтение для них непривычная и потому тяжёлая работа, а для этого парня... ну, будто родился с книгой в руках. И с каталогом ловко управляется, читает запоем всё подряд, но явно не бездумно не бездумно. И до чего же симпатичное, обаятельное лицо.

Читая, Андрей ощущал на себе её взгляд и улыбался, не поднимая глаз. Хорошая девчонка, но крутить с ней ему не с руки. С такой надо всерьёз, а ему ничего серьёзного не надо. Пока. И ещё долго будет не нужно. А обижать такую тоже нельзя, не грех, а запахло будет покрутить и смыться. Ему надо дождаться визы, пройти врачей и психологов, получить вызов в нужное место и уехать. Это первое. Добраться до Эркина. Это второе. И тогда начнётся третье – жизнь. А пока так... ожидание жизни. Затаиться, лечь на дно и не клевать на крючки, какие бы соблазнительные червячки на них не болтались. Так что... хорошая ты девчонка, Алёна, но не для

меня.

День за днём, весенние тёплые дни, с плывущими в блестяще-голубом небе ярко-белыми облаками, запахами листвы и цветов, белыми бабочками в зарослях чертополоха в развалинах, оголтелым утренним и вечерним гомоном птиц. Андрей ходил в столовую, сидел в библиотеке, трепался в курилке у пожарной лестницы мужского барака и ждал. Как все остальные. Народу в лагере прибавлялось. Закрывали региональные лагеря и оттуда перевозили в Центральный. Сюда, из Луизианского регионального приехала большая компания, с которой комендант беседовал отдельно, весьма доходчиво объяснив, что при первом же трепыхании вылетят из лагеря безвозвратно, в России таких своих много, пополнения не требуется. Задевать они потому никого особо не задевали, не дураки же, но и с ними не связывались. Шпана портовая, что с неё взять. Дальше от них – сам целее будешь.

Андрей задираться тоже не собирался, ему любой шум совсем не с руки, но про себя решил: возникнут – осадит. Но и их заводила – бритоголовый, казавшийся коренастым, несмотря на высокий рост, угрюмый парень – видимо, тоже соображал, с кем и как надо разговаривать. Да и где им сталкиваться? И из-за чего? Паёк всем один, талонов у всех одинаково, а свободное время у каждого своё.

В город Андрей не ходил. Всё, что ему нужно, у него есть, а искать приключений... поищите другого дурака. Он сам по себе и отстаньте от него. Но Бритоголовый, выждав несколь-

ко дней и осмотревшись, сам подошёл к нему.

– Привет!

– Привет, – холодно улыбнулся Андрей. – Есть проблемы?

– Да нет, – Бритоголовый посопел, достал сигареты и предложил Андрею. – Мы вот из Луизианы, Порт-о-Пренс, слышал?

– Слышал, – Андрей взял сигарету: отказываться-то причин нет. Пока нет.

Подошли остальные, окружив их плотным кольцом.

– А ты чо? – вылез черноволосый и щуплый с выбитыми передними зубами. – Ты откудава значитца? Из какого штату?

– В Алабаме крутился, – Андрей ответил ему, но не повернул головы, не снизошёл. Пыхнул дымом, и, слегка прищурившись, обвёл всех холодно блестящими глазами. – Припекло в порту, что ли?

– А пошли они на хрен, – Бритоголовый выругался, перемешивая английские и русские слова. – В город пойдёшь? Айда с нами.

– Мелочёвкой не занимаюсь.

– А ты чо? – вылез опять Щербатый. – Такой крутой, да?

На этот раз Андрей его демонстративно проигнорировал.

– Я тебя знаю? – спросил он по-английски Бритоголового.

– Н-нет, – тот, похоже, начал уже соображать. Ну, так вожаку и положено думать быстрее подчинённых.

– А мне надо тебя знать? – по-прежнему по-английски с

многозначительным равнодушием продолжил Андрей и внешне тихо и по-русски: – Вали, сявка, и не возникай. Н-ну!

В его тоне было столько властной уверенности, что они всё поняли и не просто расступились перед ним, а ушли, бо-язливо, по-собачьи, оглядываясь через плечо.

Больше они к Андрею не подходили. А ему бóльшего и не надо.

И сегодня Андрей с утра сразу после завтрака засел в библиотеке. Жалко, художественной, как её, да, беллетристики, здесь нет, но ему и справочников с журналами пока хватает.

Шум в коридоре, чьи-то шаги... Сначала он не обратил внимания и, когда открылась дверь и вошли несколько человек, поднял голову из чистого любопытства.

– Ой, здравствуйте! – метнулась навстречу Алёна.

Андрей посмотрел на вошедших. Высокий седоволосый мужчина, две женщины, немолодые, одна в полувоенном. Родня Алёнкина, что ли? Ну и хрен с ними. И снова стал читать.

Пришедшие о чём-то тихо поговорили с Алёной и ушли. И Андрей бы забыл о них, если бы не Родион – Родька-химик, сидевший за соседним столом.

– Видал? – спросил он шёпотом.

– Кого? – так же тихо ответил Андрей.

– Ты что, не знаешь? Это ж сам Комитет и есть, и председатель ихний.

– А-а, – равнодушно протянул Андрей. – Ну и что?

– Чего-то будет, вот увидишь!

– Посмотрю, – кивнул Андрей, снова углубляясь в журнал.

Обойдя лагерь, Бурлаков договорился с комендантом, что, как и в прошлый раз, проведут отдельные собрания для одиноких, подростков и семейных.

– Шпаны много?

– Хватает, – вздохнул комендант, и сидевший тут же особист подтвердил его слова молчаливым кивком.

– Чистим понемногу, – продолжил комендант. – Из Луизианы целая кодла приехала. Вот, ждём, от местной полиции ориентировки. Сразу и сбросим.

Бурлаков кивнул. С самого начала они ждали, что этот канал постараются использовать, и даже для бóльшей приманчивости разместили Центральный лагерь в бывшей столице Империи. Чтоб по всем штатам не искать, а сами чтоб прибегали. Вот и работает, многих уже и очень разных выявили и выловили, а конца пока не видно. Значит, будем продолжать эксплуатацию.

– А здесь как?

– Ну, Игорь Александрович, здесь-то они тихонькие, визу ждут, – комендант усмехнулся. – Если и резвятся, то в городе, и то... чтоб не заловили. Заловленных тоже скидываем.

– Дураки нигде не нужны, – хохотнул особист.

– Согласен, – улыбнулся Бурлаков. – Вот и будем держать, пока не проверим. Досконально и тщательно, – особист сно-

ва кивнул. – И постарайтесь разбросать их. Чтобы не единой...

– Сделаем, – кивнул начальник отдела занятости.

Бурлаков снова посмотрел на особиста.

– Попадаются, – ответил тот на непрозвучавший, но всем понятный вопрос. – Работаем на перспективу.

– Ну, – Бурлаков посмотрел на часы. – Идёмте, сейчас и объявим, и объясним.

Андрей пошёл на собрание охотно. Интересно же, что им такого особенного скажут. Комитет, председатель... ну-ну, послушаем. Войдя в зал, он сразу решил сесть так, чтоб в случае чего... ну, чтоб хоть спина была прикрыта: один он, а спину надо беречь. Но в удобном углу уже расположились «луизианские». Правда, увидев Андрея, Бритоголовый угодливо уступил ему место, подзатыльником отогнав Щербатого. Сидеть рядом с кодлой неприятно, даже противно, но отказаться, якобы не заметив, и отойти – это уронить себя, авторитет потерять. И потому Андрей с высокомерной снисходительностью опустился на стул и огляделся. Ага, низкая... сцена, эстрада... по хрену, как называется. Там стол, на столе бумаги разложены, и этот седоголовый сидит. Это, что ли, председатель? Ну-ну, послушаем. Так, ещё... комендант, две бабы, что в библиотеку заходили, и... это кто? Вроде... ну да, показывали как-то издали, начальник особого отдела, особист, охранюга местная, это уже по-всякому может обер-

нуться. Так... о чём-то тихо базарят, особист ушёл... и комендант тоже... ишь, какой председатель рисковый, не боится без охраны...

Сидя за столом, Бурлаков оглядывал зал. Да, по сравнению с зимой... шпаны больше, а вот измождённых худых лиц заметно меньше, и далеко не так уж испуганы, эти спасаются не от голода и не от расизма, те были сразу после Хэллоуина, а эти... многим, похоже, жилось не так уж и плохо, но хотят жить ещё лучше, вполне законное, кстати, желание, но халыва не прокатит, блокировки уже отработаны, а вот вас, похоже, припекло и тогда решили вспомнить, что вы русские, и чтоб Россия вас приняла и обогрела. Оглядывая зал, он сразу выделил собравшуюся в углу компанию и белокурого парня, в развязно-блатной позе развалившегося на стуле. Главарь и его кодла рядом, ишь как мельтешат, да, похоже, эти самые и есть. Так себе, мелочь, а этот... битый блатарь, сразу видно. «Так – вдруг прорвалось затаённое, загнанное глубоко внутрь, – так эта мразь живёт, а его мальчик...» Бурлаков заставил себя отвести взгляд.

Андрей почувствовал на себе взгляд Седоголового и так же посмотрел в упор. И успел поймать это брезгливое выражение. И обозлился. Ишь сытый, лощёный... председатель хренов. Ну ладно, только вякни, дадим осадку. Аккуратненько, чтоб виза не пострадала, но и вытирать об себя ноги он не позволит.

В зал вернулся комендант, встал рядом со столом, и зал

мгновенно затих.

– Слово предоставляется Председателю Комитета Защиты Узников и Жертв Империи, – внушительно сказал комендант, произнося каждое слово с большой буквы, – Игорю Александровичу Бурлакову.

Бурлаков? Игорь Александрович? Полный тёзка?! Быть такого не может! Андрей потрясённо, замороженно смотрел, как седоволосый встаёт, выпрямляется над залом. На мгновение его голова закрыла лампу на стене, и Андрей узнал, нет, вспомнил эту шевелюру, склоняющийся над его кроватью силуэт. Но в следующую секунду Бурлаков шагнул вперёд, и наваждение исчезло.

– И только? – спрашивает чей-то насмешливый голос.

Это что, он спросил?

Бурлаков в упор посмотрел на наглеца.

– Нет, не только. Ещё я профессор, доктор исторических наук, участник Сопротивления, – и с нажимом ещё не угрозы, но внятного намёка на возможные неприятности. – Вы удовлетворены?

Значит, спросил именно он, раз смотрят на него. Андрей молча кивает, и блестящие светлые глаза отпускают его. Игорь Александрович Бурлаков, профессор, доктор наук... Слишком много для совпадения. Что делать? Но этого же не может быть! Мама! Он жив, отец выжил, мама!

И слова Бурлакова доходили до невнятно, бессмысленными обрывками. Какие-то заявки, ссуды, курсы, санкции за

неразумное нецелевое использование... Да на хрен ему всё это, мир кружится, пол ходит ходуном под ногами. Кто-то вякает о компенсациях за пережитое, и так знакомый гневный голос раскатом заполняет зал. Но что он говорил?

– Компенсация за что? Никто вам ничего не должен, запомните. Вам дают шанс начать жизнь заново.

Никто ничего не должен? Это что же такое и как это?

Их глаза снова встречаются, и снова Бурлакова захлёстывают отчаяние и гнев. Гнев не только на этого блатарёныша с его кодлой, что и здесь норовят не только выжить, но и урвать побольше, но и на весь зал. Одиночки, холостяки... да, если кого и спасали, то только себя, и любой ценой, вон как глазёнки у многих забегали, боитесь, что ваши грешки найдут и припомнят вам? Бойтесь! И отчаяние от воспоминаний не только о могиле в Джексонвилле – будь проклят этот городишко! – но и о всех погибших друзьях, знакомых и незнакомых, военных и штатских, что своими жизнями оплатили жизнь вот этих... Здоровые, молодые, год выбирали и перебирали, где им сытнее будет... Он понимал, что несправедлив, что у многих в зале есть свои не менее трагичные истории и потери, но не мог и не хотел остановиться. Он говорил жёстко, намного жёстче, чем собирался, и зал испуганно молчал. И этот главарь, хоть и сидит в той же развязной позе, но уже видно, что не посмеет выступить. Глаза пустые, бездумные, но будем надеяться, что до него дошло.

Андрей слышал, но не слушал. Главное он понял. Они не

нужны, их милостиво пускают, даже помогут на первое время, но... да нет, это всё пустяки, по хрену всё, а вот что же ему делать?

– А чего сигарет всего две пачки на неделю? – тихо бурчит кто-то.

Но Бурлаков слышит и даёт себе волю. Правда, ненадолго. И, взяв себя в руки, он закончил собрание уже спокойно, деловым сугубо официальным тоном. Вопросов никто не задавал, перепугались.

Когда все дружно повалили из зала, Андрей задержался, так до конца и не решив: подойти ли нет. Ведь в упор на него смотрел, не мог не узнать. И теперь он стоял в двух шагах от отца и ждал, когда комитетские разойдутся, чтоб поговорить не при всех. Он уже отошёл от столбняка и видел, и слышал всё очень ярко и чётко.

Одна из женщин, положив какую-то фиолетовую – обморачивала, что ли? – пухлую руку на рукав отцовского пиджака, тихо говорила:

– Ну, Гаря, ну, нельзя же так волноваться, побереги себя, и из-за чего?

– Нет, Маша, – Бурлаков говорил так же тихо, – так эта мразь, шваль уголовная, выжила, а наши... ты пойми, это же... сор, отбросы, я как подумаю...

– Ну, Гаря, ну, что ты...

Голос женщины тихий, ровные, мягкие поглаживающие движения руки. Но... но мама так же говорила: «Гаря, не

нервничай, ну, не из-за чего...»

И тут Бурлаков поднял голову и увидел его.

– У вас есть вопросы? – с подчеркнута официальной вежливостью спросил он наглеца.

– Нет, – резкий, звенящий на грани истерики голос. – Мне всё ясно.

– Тогда будьте любезны освободить помещение.

Последние слова прозвучали уже в спину Андрея.

Во дворе Андрей открытым ртом, как рыба, схватил воздух и пошёл. Он шёл, не глядя, прямо на людей, и перед ним расступались, даже шарахались. Кто-то что-то ему сказал, он, не слыша и не раздумывая, выругался в ответ.

Выдравшись из испуганно возбуждённой толпы, Андрей между бараками вышел в ту часть лагеря, где так и стояли остатки каких-то домов. Никто эти развалины не трогал, за год они поросли бурьяном. Сухие прошлогодние стебли торчали вровень с плечами взрослого человека, а кого поменьше скрывали с головой, и уже буйно тянулись вверх новые ярко-зелёные побеги. Здесь укрывались парочки, велись строго конфиденциальные беседы, делались не терпящие чужого глаза дела. Найти укромное местечко – не проблема.

Угол двух стен, заросли бурьяна, кирпичи и обломки на земле. Андрей тяжело сел, упираясь спиной в спасительный угол, уткнулся лбом в подтянутые к груди колени, сжался в комок. Он не хотел, но слёзы жгли глаза, рвались наружу. И детский, нелепый – он понимает это – жалобный зов: «Ма-

ма!»). Мама, как он мог, мама, он же... мы же для него, за него, а он... выжить – это не заслуга, шваль уголовная, мама, за что он меня так, да, я – блатарь, мама, но по-другому я бы не выжил, а он с этой... мама, как он мог...

Он плакал долго, всхлипывая и даже постанывая от боли в груди и горле, и, когда поднял голову, тени были уже длинными. Андрей ладонями, а потом платком вытер залитое слезами лицо, откинулся затылком на стену и достал сигареты. Ну, что ж, всё ясно-понятно, он – Андрей Мороз – сам по себе, а профессор Бурлаков сам по себе со своей женой или кем там она ему приходится, не его это дело, от живых жён гуляют всюду, а здесь-то... Ладно, прощай, Серёжа Бурлаков, ты не нужен никому, а Андрей Мороз выжил и дальше жить будет.

Андрей щелчком отправил окурочок в блестящую среди стеблей бурьяна маленькую лужицу и встал, отряхнул брюки, снял и встряхнул ветровку, снова надел. Пожалуй, на ужин уже пора. Всё, отрезано и выкинуто, и думать об этом нечего. Глядя назад, вперёд не идут.

Когда Бурлаков закончил рассказывать, Марья Петровна заплакала.

– Ну вот, Маша, – он виновато улыбнулся ей. – Я и сорвался.

– Господи, Горя, – она накрыла его сцепленные на столе руки своими ладонями. – Господи, как же это...

– Да. Выжить в расстрелы, чтобы вот такая уголовная сволочь... они же даже не наёмники, Маша, хуже...

– Не думай о них, Гаря, есть же специалисты, идут проверки...

– Маша, формально, я уверен, они чисты, а фактически, нет, сущностно, так это та же свора.

И Марья Петровна невольно улыбнулась: раз он заговорил о сущностях, значит, самое страшное миновало. Не у него первого срыв, да у каждого, прошедшего через войну, такое, массовое – она горько усмехнулась – явление. И рассказывали, и сама видела, и у самой... чего там скрывать. Правда, обошлось без свидетелей, сама отбушевала, сама справилась, хорошо – никого не убила и не покалечила, и тоже только потому, что никого рядом не оказалось. Гаря ещё лучше многих держится. Ну, так на то он и Крот, «легендарная, – как шутит Змей, – личность, широко известная в узких кругах». И конечно, это такой удар, когда знаешь, что все погибли, давно, когда уже переживёшь, успокоишься, и тут такое... как по ране ударят. Недаром и комендант, и особист, даже ничего этого не зная, всё равно всё поняли, особист даже сказал, что к лучшему, мол, теперь испугавшиеся затрепыхаются и проявятся. И остальные сразу вспомнили о своих делах и разошлись, оставив их вдвоём.

– Я не мог тебе сказать тогда, в январе.

– Господи, Гаря, я всё понимаю. Дважды похоронить...

– Понимаешь, Маша, если бы я тогда, в сентябре, настоял,

если б знал... он был бы жив, я бы увёз его, – Бурлаков мягко высвободил руки. – Ладно, чего жалеть о несделанном. Давай о делах.

– Давай, – готовно кивнула Марья Петровна. – Ты обратил внимание, что бывшие рабы практически все семейные?

– Да, – Бурлаков залпом допил остывший чай и придвинул к себе бумаги. – Будем надеяться, что браки не фиктивные. Маша, справки по многодетным подбери пожалуйста. И сходи к Львёнку, пусть по подросткам подготовит.

Началась обычная рутинная работа. Марья Петровна не любила её, но сейчас была даже рада. Лишь бы он успокоился.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

Стояли тёплые весенние дни. Элли не помнила такой весны. Весна – время томления, неясной тревоги, нелепых ожиданий, а сейчас... тихое умиротворение, покой. Такой... такого она ещё никогда не испытывала. И всё это сделал про-

стой газетный лист.

Она ехала в Колумбию, надеясь найти там работу. В Колумбии жила Мирна – её подруга, однокурсница и соседка по комнате в общежитии медицинского колледжа. И она не ошиблась: Мирна встретила её радостно, попеняла, что так надолго и безвестно исчезала, и согласилась, что пока Элли поживёт у неё, оглядится и присмотрится.

– Деньги у меня есть, – сразу сказала Элли.

– Оставь себе, – отмахнулась Мирна. – Тебе надо одеться и вообще. Ты же меня сколько раз выручала.

– Да, а как твой... – Элли замялась.

Но Мирна только расхохоталась.

– Это который? Да ну их всех в болото!

И Элли рассмеялась в ответ.

Посоветовавшись за чашкой кофе с тортиком, вернее, тортиками, они решили, что спешить некуда, надо осмотреться, подумать, ну и... всё понятно. Два дня прошли в упоительной беготне по магазинам даже не так за покупками, как просто посмотреть. Благодарение Богу, что осталась в прошлом война с её нелепыми призывами к личным самопожертвованиям и самоограничениям во имя общей победы. Правда, их и раньше не соблюдали, и каждый жил по своим средствам, а кто мог и сверх средств, а уж теперь-то... а она жутко отстала от моды. А на третий день Мирна разбудила её, потрясая газетой.

– Мой Бог Мой Бог, Элли, ты только посмотри, я-то сдуру

чуть не сняла там дом, ужас какой, ты только прочитай!

Элли сонно села в постели – накануне была в театре, ну, да, кабаре, но не дорогое, очень весёлое, так что вернулась намного после полуночи – и взяла свежий, ещё пахнущий типографией лист «Новостей». И на неё с газетной фотографии глянуло страшное мёртвое лицо Джима. Как она смогла удержаться, не закричать, согласиться с Мирной, что, конечно, квартира безопаснее такого отдельного дома, вот так убьют и не найдёт никто.

– Смотри, Элли, вот... «Труп пролежал не менее двух и не более трёх суток». Вот так зарежут, и никто даже не узнает. Кошмар какой. Ладно, – Мирна встала. – Я в душ, а ты посмотри ещё, если хочешь.

– Да-да, – откликнулась она.

И пока Мирна смывала в ванной пот, усталость и тревоги своего ночного дежурства в клинике, Элли читала. Снова и снова, хотя всё поняла сразу. Это Джек, больше некому. И пришёл к ней. «Здесь нельзя оставаться». Разрезал живот и перерезал горло... да, она понимает, что второе было уже лишним, ранение в живот смертельно, если сразу не оказана помощь. А потом Джек пришёл к ней, был нежен и добр, отдал ей деньги. Двести тысяч на трупе, Джек их не взял, или... нет, она никогда не узнает, что и как там произошло, но она так же твёрдо знает главное: Джек убил Джима из-за неё, нет, ради неё. Он... он мстил за неё. И ничего больше она и знать не хочет. И думать об этом – тоже.

– Ещё валяешься? – в комнату вошла Мирна, задрапированная в полотенце. – И брось эту нудьгу, у меня сногшибательная новость.

Тон Мирны был таким, что Элли сразу отбросила газету.

– Русские уходят, и их госпиталь в Спрингфилде становится федеральным. Я думаю, нам это подходит. Я уже крючки на нас обеих забросила. Так что шанс реальный.

Элли приоткрыла рот, соображая, и, взвизгнув, бросилась на шею к Мирне, смяв сразу ставшую ненужной газету.

Американская Федерация

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Свернуть такое хозяйство, как Центральный военный госпиталь – дело не одного дня и даже месяца. Генерал упёрся в мёртвую и начал готовить переезд, только лично убедившись в готовности нового места. И корпусов, и территории.

А в госпитале всё чаще появлялись его новые хозяева. Федеральный министр здравоохранения, новый директор, глав-

ный врач, заведующие основными отделениями... Все безупречно корректные, вежливые, но те из парней, кто думал оставаться здесь, увидев этих... дружно запаниковали, и количество желающих уехать в Россию резко увеличилось. Новые хлопоты, лишнее беспокойство, но и бросать парней – тоже... некрасиво.

Трое уезжали в Колумбию, к Слайдерам. Те согласились нанять их массажистами. А жить будут в Цветном. Ещё пятеро также оставались в Алабаме, но из Спрингфилда уезжали.

– Ты же думал остаться. Что случилось?

Сидевший напротив Жарикова Берт смущённо поёрзал.

– Ну... Ну, Иван Дор-ми-дон-то-вич, – справившись с трудным длинным словом, облегчённо вздохнул, просяще улыбнулся и перешёл на английский. – Ну, все едут, и я решил, ну... ну, неохота оставаться.

Жариков кивнул. Он уже видел кое-кого из будущего госпитального начальства, правда, не разговаривал, но парней понимал.

– Берт, ты же русского совсем не знаешь.

– Я выучу, – улыбка Берта стала неотразимой. – Я, конечно, был дураком, но я всё выучу.

Жариков слушал эти горячие заверения и невольно улыбался. Разумеется, парни свободны в выборе места жительства и рода занятий, как пишется в официальных документах. И их желание остаться в уже сложившейся системе от-

ношений понятно и оправданно.

– Ладно, Берт. Вставить тебя в список?

– Да! Да, я еду!

Только ушёл Берт, заглянул Андрей.

– А у тебя какие проблемы? – улыбнулся Жариков.

– Вы очень заняты, да?

– А что?

– А я тогда после зайду.

Но, сказав это, Андрей вошёл и с прежней обезоруживающей улыбкой устроился на стуле.

– Сегодня не время для философии, – Жариков улыбкой смягчил отказ.

– Да, я знаю, Иван Дормидонтович. Вот парни тоже в Россию ехать захотели... – и выразительная пауза.

– Ну-ну, – поощряя, кивнул Жариков.

– А столько же массажистов не нужно будет, я думаю.

Та-ак, что-то новенькое.

– И что ты предлагаешь?

– Ну-у, – Андрей замялся. – Ну, куда-то же нас пристроят.

– Сами пристроитесь. Здесь или там, но решайте сами.

– Угу. А... а значит, мы не обязаны... отрабатывать?

С Андреем не соскучишься.

– Знаешь, Андрей, через несколько дней придет профессор Бурлаков, он – председатель Комитета защиты узников и жертв Империи, и он, его Комитет, занимается репатриантами. Вот он вам всё и расскажет.

– Репатрианты, – шёпотом повторил Андрей и легко встал. – Хорошо, я скажу парням. Спасибо, Иван Дормидонтович.

Снова яркая неотразимая улыбка, и Андрей вышел. Жариков покачал головой и углубился в бумаги. Но сегодня ему было не суждено поработать. Снова стук в дверь. Стучали совсем по-другому: не парни и не кто-то из своих.

– Войдите, – сказал он по-английски.

И угадал. Вошёл высокий подтянутый мужчина. Ничего особенного, но сразу понятно – это из новых хозяев госпиталя.

– Добрый день. Доктор Жарикофф?

– Да. Прошу вас, – Жариков жестом пригласил вошедшего к столу, подождал, пока тот сядет. – С кем имею честь?

– Доктор Френсис Ройял, – и лучезарная улыбка на поллица. – Основная специальность – сексология.

– Очень приятно, – улыбнулся не менее лучезарно Жариков и сделал паузу, предлагая собеседнику продолжить.

– Видите ли, коллега, – мгновенный взгляд, проверяющий реакцию: нет ли протеста. – Я хотел бы проконсультироваться с вами.

– Пожалуйста, коллега, – кивнул Жариков. – Но должен предупредить, что специально сексологией не занимался.

– Да, я понимаю. Я слышал, что у вас, в России, это направление терапии мало используют. Но вы, насколько я знаю, работали... мм... со специфическим контингентом, –

пауза, мгновенный проверяющий взгляд, и даже с вызовом: – Со спальниками. И я бы хотел, коллега, узнать... кое-что.

– О чём?

– Об особенностях их поведения.

– Понятно, – Жариков был по-прежнему невозмутим. По крайней мере, внешне. – А в чём проблема? Или ваш интерес академический?

– И это, – кивнул Ройял. – Такая концентрация спальников – редкость. Отдельные экземпляры, в основном, интегрировались, а здесь... Я только прошёлся по территории и увидел и элов, и джи... Если часть этого контингента вы оставите нам, то, разумеется, нужна информация об условиях содержания и...

– Они – свободные люди, – мягко перебил его Жариков. – И сами решают с кем и какой контракт подписывать.

– Вы последовательны, – одобрительно кивнул Ройял. – Но... но мы же не на публике, коллега. Это всё... антураж, а по сути они остаются тем, чем и были, – и улыбка, – заводными куклами. И не больше.

– Были, – по-прежнему мягко поправил его Жариков. – Я согласен, коллега, они были куклами, но сейчас их зависимость ликвидирована, и они свободны в своём поведении.

– То есть? – брови Ройяла поползли вверх. – Вы хотите сказать, что они... – он запнулся.

– Да, они все перегорели.

– И живы?! Простите, но это... это невозможно. Вернее,

выживал один из сотни, ну, пятеро из сотни, это экспериментальные данные.

– Вы участвовали в этих экспериментах?

Помедлив, Ройял покачал головой.

– Нет, я не работал в экспериментальном отделе.

– Понятно, – кивнул Жариков. – Вы производственник или эксплуатационник?

– О-о! – изумлённо выдохнул Ройял. – Так вы знаете? Откуда?!

– Меня просветили, – улыбнулся Жариков. – А если серьёзно, то и литература сохранилась, и живые свидетели нашлись.

– Да, никак не ждал, – Ройял даже развёл руками. – Но тогда вы должны меня понять. Да, мне пришлось и там, и там, но совсем недолго, а за год до Капитуляции я ушёл на индивидуальную практику. И, сам не знаю, как, но уцелел.

Жариков понимал, что его уже считают своим, которого не стесняются и с которым говорят без намёков и умолчаний. И это не Шерман, его душевное здоровье «коллеги» не входит ни в служебные обязанности, ни в профессиональную этику, а вот если удастся получить ещё хоть какую информацию, то будет совсем не плохо. Но парней оставлять здесь нельзя. И не дай бог, кто-то опознает этого «сексолога», ведь тот же Майкл или Люк, да любой убьёт на месте, и будет прав, чёрт побери! И пойдёт под суд за убийство. Да, старая проблема: убьёшь сволочь, а отвечаешь, как за человека.

– Так что вас интересует? – с профессиональным участливым терпением спросил Жариков.

– Если они все перегорели...

– Все, – подтверждая, кивнул Жариков.

– То для сексотерапии вы их не используете. Только на физических работах, это понятно, – Ройял не так спрашивал, как рассуждал. – Как вы купируете приступы агрессии?

– Приступы? – задумчиво переспросил Жариков. – Видите ли, – он уже не называл Ройяла коллегой, – их эмоции вполне укладываются в критерии посттравматического синдрома и соответственно нормализуются. Необходимости в купировании нет.

– Как вы этого добились?

Жариков пожал плечами.

– Созданием человеческих условий. Вы относились к ним, как... к материалу, не так ли? – Жариков улыбнулся. – Я вам повторю их же слова. «Как они к нам, так и мы к ним». Вы не видели в них людей, они и вели себя... соответственно. Они тоже не считали вас за людей. Чувства всегда взаимны. Особенно страх и ненависть.

– Вы хотите сказать, что мы ненавидели их? – удивился Ройял. – Нет, не думаю. Страх... возможно, но...

– А зависть? – тихо спросил Жариков.

Ройял невольно покраснел. Выждав несколько секунд молчания, Жариков сказал:

– Не думаю, что кто-то из них захочет остаться работать

здесь.

И снова молчание.

– Да, возможно, вы и правы, – кивнул Ройял. – Но... но всё равно. Как вам это удалось? И... вы сказали, что они перегорели, и потому не используются для сексотерапии, но я видел одного из них, метиса, он был с девушкой, вёл её под руку и, ну, как он это делал, так перегоревшим его не назовёшь. Вполне квалифицированно работал. Понятно, что и для неё – это наилучшая методика. И вряд ли он стал работать по собственной инициативе. Вы поймите, да, у меня, академический, как вы сказали, интерес, – он вдруг заторопился, сбиваясь и путаясь. – Я же видел, я знаю, как их делали, а уж в работе повидал... Что вы с ними сделали? Я хочу понять, как? Это же невозможно, процессы необратимы. Я понимаю, что вы думаете, но, поверьте, они... это не люди... – он остановился, задохнувшись.

– Из всего, что вы сказали, – мягко вступил в получившуюся паузу Жариков. – Процессы необратимы. О каких процессах вы говорите? Органических или психических?

Ройял кивнул.

– Да, их мозг так же подвергался специальной обработке, но этой методики я совсем не знаю. Это делалось централизованно с вывозом материала в специализированные лаборатории. Были такие Центры. Но их зачистили заподлицо, полностью. А я занимался в основном органикой и то не на ведущих ролях. Так, чуть выше лаборанта. Но говорили, да

и я наблюдал, что тормозные процессы угасают со временем.

Жариков, слушая, кивал. Да, слова Шермана подтверждаются. Парней об этой стороне расспросить не удалось. Всё те же чёртовы блоки. А вот это попробуем. Эксплуатационник должен знать.

– Скажите, – в голосе Жарикова искреннее любопытство, не больше. – А чем определяется эта роковая цифра? Двадцать пять лет?

– Ну, они теряли товарный вид. Становились слишком, – Ройял обвёл руками силуэт, – мощными, тяжёлыми, и... агрессивными. Могли задавить своим весом, придушить... в постели, в камерах затевали драки и убивали, портили остальных. Или наоборот, становились вялыми, безучастными, работали механически, это тоже не нравилось.

– И что потом?

Ройял пожал плечами.

– Их увозили на утилизацию. Я не интересовался. Излишнее любопытство не поощряется в любом производстве.

– Да, конечно, – Жариков сохранял спокойный тон. – Утилизацией занимались другие.

Но Ройял понял.

– Что ж, может, это и было... мм... жестоко, но это... это просто бизнес. Когда они становились убыточными, их ликвидировали. Как просроченные продукты в любом магазине. Вы же их как-то используете, а не кормите просто так.

– Они вольнонаёмные работники, – терпеливо сказал Жа-

риков. – Вы мыслите устаревшими категориями.

– Возможно, – не стал спорить Ройял. – Но... если вы их всех забираете, то мой интерес действительно... чисто академический.

Ещё несколько вежливых ритуальных фраз, и Ройял распрощался.

Жариков облегчённо выдохнул. Конечно, нужно было бы постараться и вытащить побольше информации, но уж слишком противно. И... «Концептуально ничего нового», – как сказала деревенская бабка, впервые в жизни посмотрев порножурнал. Да и в самом деле, интерес уже академический... нет, кое-что в главу... нет, книгу из-за переезда придётся пока отложить. А парни...

...Хриплое натужное дыхание, полужакрытые глаза, вздрагивающие в болевых судорогах тела, смятые отброшенные к изножью или просто на пол простыни. Они уже ни о чём не просят, только молча плачут от боли и страха. Дать обезболивающего невозможно: таблетки выплёвывают, а вид шприца вызывает бурную истерику. Пришлось от всего отказаться. Да и не помогают анальгетики. Он обходит их, здоровается, задаёт вопросы, но ему не отвечают. Нельзя же испуганное: «Не бейте меня, сэр!», «Не надо, сэр!» – считать ответом. И всё-таки он не отступает. Уже ясно, что при всей внешней схожести симптомов с наркотической «ломкой» это состояние связано прежде всего и сильнее всего с психикой...

...Да, а сколько наломано дров, сделано ошибок. Те самоубийства на нём, и ничего с этим не поделать.

Жариков тряхнул головой: это воспоминание слишком царапало. Да, ему приходилось терять пациентов, но не так. Роковая цифра в двадцать пять лет. И побег в смерть. Теперь-то он знает, что надо было сказать, как убедить, что жизнь только начинается, а тогда... тогда он был бессилён, его просто не слышали, выполняя его команды и односложно отвечая на его вопросы, не слышали, не желали слышать. Тихий, но откровенный бунт отчаявшихся рабов. И его словам о свободе они не верили, он был для них белым и только белым.

Ладно, это всё уже проанализировано и записано, занесено в соответствующие графы таблиц. И есть парни. Со всеми их фокусами и закидонами, страхами и надеждами...

...В бывшей комнате Криса теперь жил Андрей. Джо и Джим заявили, что ночью надо спать, а не читать заумные книги, да ещё с комментариями вслух, и Андрей переселился. У него и собрались. Каждый пришёл со своим стулом и чашкой, и в комнате стало не повернуться. Их – его и Юрку как почётных гостей – усадили у стола. Из десятка чайников налили всем чаю, но у многих чашки так и остались нетронутыми. Крис встал, оглядел всех блестящими, как от лихорадки, глазами.

– Парни, я обещал сказать, – Крис говорил по-английски. – Сегодня скажу. Но только о себе. Кто о ней хоть что

скажет, все зубы в глотку вобью до самого нутра. Поняли?

– Да ладно тебе... Не дураки... Давай... – загудело по комнате.

И снова напряжённая тишина.

– Всё восстановилось, – выдохнул Крис. – Всё могу. И волна. Каждый раз волна.

Он слушал короткие отрывистые от сдерживаемого волнения фразы, чувствовал напряжение сидящего рядом Аристов. Да, Крис откровенен до предела и даже, пожалуй, сверх, до... до невозможного. Кое-какие термины непонятны, но об общем смысле можно догадаться. И, разумеется, «волна» больше, чем просто оргазм, недаром парни говорят о ней с каким-то, да, суеверным, но не ужасом, а почтением.

– Ждите, парни, – Крис облизывает пересохшие губы, судорожно сглатывает. – Встретите, попадёте под волну, и всё тогда будет.

– Здесь не встретишь, – вздыхает кто-то.

– Да, – кивает Андрей. – Здесь мы всё равно не люди.

– Не скажи, – возражает ещё один. – А вот если...

Но спора, против ожидания, нет, в принципе каждый для себя уже всё решил. И снова вопросы. Много повторов. Перепроверка? Нет, каждый спрашивает о чём-то важном именно для себя.

– Я могу, всё могу, парни, – Крис снова сглатывает и вдруг краснеет, кровь заметно приливает к щекам, и совсем тихо: – Я... я хочу этого, парни. Сам хочу.

– Тебе... приятно? – так же тихо в оглушительной тишине спрашивает Эд.

Крис молча кивает, и все долго молчат...

...Жариков оглядел отобранную стопку и стал её перевязывать. Ну вот, и пусть полежит до лучших времён. А там осядем на место, разложимся, обставимся и... там посмотрим.

Американская Федерация

Алабама

Колумбия

К родителям Моны они собрались только через неделю после свадьбы. До свадьбы было слишком много дел и мало времени, а на неделю Найджел не может бросить дело, она же понимает, видит, как они – все трое – работают. Своё дело, работа у мужчины всегда на первом месте, а семья – на втором. У настоящего мужчины. А Найджел – настоящий.

– Я написала маме, – Мона пришивала пуговицы к рубашке Найджела, сидя на кровати, – что мы приедем в воскресенье, потому что в субботу ты работаешь.

Найджел сидел на стуле напротив и влюблённо смотрел на неё.

– Конечно, Мона.

В дверь их комнаты тихонько стукнули.

– Найдж, – позвал голос Метьюза, – тянуться будешь?

– Да, – он встал, – я иду. Мона, я...

– Конечно-конечно, – закивала она. – Мне есть чем заняться.

И подставила ему щёку для поцелуя. Найджел быстро поцеловал её и вышел.

Разумеется, его женитьба изменила не только его жизнь, но и жизнь братьев. Мона переехала после свадьбы к нему, сразу стало и труднее, и легче. Привычным голышом не побегаешь, в ванной сделали задвижку, но зато не надо теперь отрываться от работы для готовки, завтрак, ленч, обед – всё Мона взяла на себя. Они поднимаются снизу, идут в душ и садятся за стол. Всё и вкусно, и сытно, и красиво. И как-то само собой получилось. Тогда он привёл Мону познакомиться с братьями в четверг, за два дня до свадьбы – всё-таки решили не в субботу, а в воскресенье. Он очень боялся, что Мона не понравится братьям, они же элы, в женщинах разбираются куда лучше него, а Роб ещё и сочтёт расходы чрезмерно большими, нет, жениться бы он всё равно женился, но если бы братья сказали: «Нет!», – то было бы плохо...

Найджел врезался головой в пол и сел, ошалело моргая и потирая макушку.

– Ты чем думаешь? – сердито спросил Роб. – Совсем центр не держишь.

– Не чем, а о чём, – Метьюз поправил Роба и тут же себя: – О ком. Сильно ушибся?

Найджел покосился на дверь своей комнаты и встал, сказав самую малость громче нужного:

– Я в порядке. Поехали.

Мона сидела на кровати, откинувшись плечами на стену и касаясь затылком мамино коврика. На коленях книга, но она не читала, а слушала. Каждый вечер Найджел перед сном уходит тянуться. Он говорил ей, что это специальная гимнастика, а занимаются они ею в холле, потому что там просторно. И страшно смущался, объясняя. Господи, будто она не знает, что мужчины не могут без вечернего развлечения, а гимнастика в холле безусловно лучше сидения в ближайшем баре. Конечно – она в который раз оглядела просторную от пустоты комнату – небогато, что и говорить, но она шла не за миллионера и знала это. Найджел любит её. И малыша. Это – главное. А остальное... Ладно, разумеется, Роб прав, что деньги надо приберечь, будут большие расходы, удивительно прямо, какой Роб расчётливый, осмотрительный, даже скупой, но его скупость не раздражает, как и заботливость Метта, их не назовёшь ни мелочными, ни назойливыми. И надо поговорить с Робом, что полуфабрикаты, конечно, удобны, но невыгодны, скажем, то же мясо. Дешевле взять большой хороший кусок с мозговой костью, а уж она им из него наде-

лает и супа, и жаркого. И с остальным так же.

Найджел заглянул в комнату.

– Ты как, Мона?

Она улыбнулась.

– Всё в порядке, Найдж.

– Я недолго, – пообещал он и исчез.

Она услышала, как прошлёпали шаги в сторону ванной, хлопнула дверь. Мона улыбнулась. Ещё одна смешная и безобидная страсть Найджела: душ, лосьоны, кремы. Зато у неё не будет проблем с рождественскими подарками. Она закрыла книгу и встала. Надо приготовить постель. Найджел придёт и сразу ляжет, а она пойдёт принять душ ванну. Так у них тоже повелось: сначала моются они, а потом она. Конечно, неудобно, что ванная одна на три спальни, но перестройка будет слишком дорогим удовольствием. Она убрала в комод рубашку Найджела, переставила к стене стул, подровняла вешалки на стеллаже и подошла к кровати. Взбила и переложила по-ночному подушки, откинула угол одеяла. Ну вот, всё готово.

С влажными волосами, обмотанный по бёдрам полотенцем, вошёл Найджел.

– Вот и я.

Мона счастливо улыбнулась.

– Ложись, я мигом.

Но Найджел уже обнял её, провёл губами по её виску.

– Ты не переделась. Я помогу.

– Господи, Найдж, – засмеялась Мона, – ты сумасшедший.

– Ага, – не стал спорить Найджел.

Мона обняла его гладкие сильные плечи, вдохнула уже знакомый запах.

– Ох, Найджел, я тоже сумасшедшая. Тебе же рано вставать.

– Выспимся, – уверенно ответил Найджел. – А сейчас я тебя отнесу.

Но, поднимая Мону на руки, он уронил полотенце, и, воспользовавшись его секундной заминкой, Мона выскользнула из его объятий, схватила свой купальный халат и убежала в ванную.

Вообще-то она любила поваляться в ванне, ещё с детства, с деревянной большой лохани, в которой её мыла мама, но Найджел ждёт, и она быстренько окунулась, вынырнула и ополоснулась под душем. Так же быстро и по возможности бесшумно навела порядок в просторной – ну да, это же не стандарт, а на заказ строилось – ванной и прислушалась. Тихо, все спят. Мона погасила свет и, придерживая у горла халат, пробежала через холл в их комнату. Найджел сидел на краю кровати.

– Ты не ложишься? – удивилась Мона. – Почему?

– Тебя жду, – улыбнулся Найджел.

Он сказал это очень просто, буднично, но Мона благодарно обняла и поцеловала его. И тут же вспомнила.

– Ой, я свет в холле оставила.

– Я мигом, – сразу вскочил на ноги Найджел. – Ложись, Мона.

Он взял своё полотенце и вышел. И впрямь быстро – она едва успела повесить свой халат – вернулся и, входя, выключил свет. Легко – Мону всегда удивляло его умение безошибочно ориентироваться в темноте – нашёл её у стеллажа, поднял на руки, отнёс и уложил на кровать, лёг рядом. Кровать узкая, и они лежали на боку, тесно прижавшись друг к другу. Мона обняла его, натягивая на его плечи одеяло.

– Спасибо, милый, спим?

– Ага, – согласился Найджел, выдохом щекоча висок Моны.

Роберт прислушался к сонной тишине дома. Угомонились. Нет, похоже, Найджелу повезло: хорошая девчонка. И Найджел ей не для этого нужен, тоже видно, он же – джи, а ей хватает. Возьтятся они недолго и тихонько, беременным много и не нужно, они за ребёнка боятся. И в деле от неё польза, едим лучше, а денег столько же уходит. А когда они тех троих наймут, парни умелые, лечебный массаж хорошо знают, а он дороже, все шесть кабинок будут в работе, в долю парней они не возьмут, но те и не рвутся, наёмными по контракту им удобнее, ну, так это их проблемы, а так-то... ленчи, пожалуй, обед вместе, или обед после работы, уже у себя, ладно, это уже мелочи, по ходу дела решим... Он потянулся, напрягая и распуская мышцы. Всё, надо спать.

Сквозь сон, ощущая рядом горячее сильное тело Найдже-

ла, Мона думала об одном. Получила ли мама её письмо и успеет ли подготовить отца? В прошлых письмах она не удержалась, написала о Ниле и потому сейчас была полностью откровенна. Написала, что Нил бросил её, она встретила другого парня и вышла за него замуж, он цветной, но у него собственное, вернее, семейное дело, и он любит её, а она его. О своей беременности она пока умолчала, а о венчании в церкви, разумеется, написала. Это должно успокоить отца. Конечно, отец мечтал выбиться из условных и недоказанных, потому и разрешил ей уехать в Колумбию, где никто не знал о её происхождении. Не получилось. Но она всё равно счастлива, и ей никто не нужен, кроме её Найджа, такого ласкового и заботливого.

Американская Федерация

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Григорий Иванков, лёжа на своей койке, слушал обыденный гул мужского барака. Третий месяц скоро пойдёт его лежанию, а конца и близко не видно. Что ж, сам виноват: слишком много и честно рассказал о себе, вот и проверяют. Их тоже можно понять. Запойных своих хватает, чтобы ещё отсюда пускать. Язык он почти забыл, родни нет, имущества – что на нём надето и смена в стирке, а послужной список... лучше не думать. Обидно, конечно: рваться, ползти изо всех сил, биться головой о стенку и опять остаться ни с чем. Сколько сил он положил на то, чтобы стать Грегом Айвенком, оторвать, отбросить прошлое. Удалось. Никто никогда не заподозрил в нём русского. А оказалось... впустую. Всё равно выше надзирателя в имении ему подняться не дали. А над-

зрителем не разбогатеешь. Но он ещё надеялся, ещё трепыхался. А тут на тебе – капитуляция! И все его победы его же поражениями в один момент стали. Русские – победители. Ну так, берите трофеи и что там ещё по законам-обычаям положено, а они рабство отменили. Зачем?! Империю к ногтю – это понятно, свои комендантуры везде натыкали – тоже понятно, опять же трофеи, да прочее всякое бесхозное – без разговоров, но жизнь-то зачем рушить?! Да ещё с одного пинка. Опомнись не успел, как оказался... ну, там, где все, откуда начинал и даже ниже. И опять дрожи. Посчитают за предателя – как же, от своей расы, тьфу ты, они говорят, народа, отказался – и то ли шахты, то ли лесоповал, то ли сразу к стенке. А встретишь кого из рабов, так тоже... мало не будет. И никто не заступится. Полди вон, год ведь почти прошёл, а встретил. И всё. Убили на месте. Нет, надо выжить, хоть кем, хоть как, но жить. Жалко Полди, дурака эдакого. Нашёл где защиту искать. Бандиты они бандиты и есть, везде одинаковы и только за себя. Он тогда тоже, попробовал попросить. Фредди, сволочь гладкая, лень ему было слово замолвить, ведь не на его место просился, простым работником в имение, а этот чёртов киллер: «К лендлорду иди». Вот тогда и понял, что ни защиты, ни подмоги у тебя нет и не будет. А там и Хэллоуин. Каким чудом пронесло? Ведь вторая заваруха чуть не закрутилась. Рванул в Атланту, здесь-то до Капитуляции не бывал, никого нет, чтоб узнали, да опознали. Так Полди встретил. Хорошо, вовремя сообразил, что

тот спился совсем, нет, пьян да умён – это только про нас, русских, сказать можно, а местные вроде индейцев, совсем в хмелю последний ум теряют. Дурак Полди, мальчишка на побегушках за выпивку, ну и... Какая цена тебе при жизни, такая и при смерти. Убили Полди. Он тогда, как увидел этот листок чёртов, так сразу понял – всё, рвать надо. Если такого, а Полди совсем безобидный стал, с мухой бы не справился, а убили, не иначе, как встретил кого, тогда-то Полди гоншился, покуражиться любил, вот и получил... расчёт по полной и с процентами. Нет, хорошо, что он с Полди не связался. Не-ет, с него хватит. Тогда и решил: с выпивкой завязывать, пробиваться на ту сторону, и уже там всё сначала. Чтоб хоть не бояться кого из прежних рабов встретить. Да хоть того же Угрюмого. Индейцы – они злопамятные. Вот же чёртов парень. Сколько рабов через его руки прошло, а этот помнится. Ведь чего самому себе врать: не справился он с Угрюмым, не обломал. А лёг на сердце спальник – и всё. Не обломал... так он и не ломал его толком. Как разглядел его в пузырьчатке, пошёл тогда к Старине-Фрэнку, тот на покое жил, что-то там у старика в юности с хозяином было, то ли спасал, то ли... да неважно. Но жил себе старик в отдельной камерке, работать – не работать, а так, где подержит, где посоветует. Вот поднёс ему стаканчик и попросил посмотреть, что за чудо без перьев с торгов привезли. Индеец – спальник. Не слыхано о таком. Фрэнк ломаться не стал. Как все улеглись, сходил, посмотрел, пощупал, а потом чуть не до утра

просвещал его в дежурке. Фрэнк опытный был, и по Пала-сам, и по распределителям, и чуть ли не по питомникам, где только ни потёрся, говорить об этом, правда, не любил, а тут прорвало. Под стаканчик. Сам он не пил – сухой период как раз – но Френку подливал и слушал...

...– Ба-альшая редкость, что и говорить. А теперь что, дня через три, помяни моё слово, он орать начнёт и об стены биться, бабу будет просить, а с отдавленными-то ему не сра-ботать, хоть ты его в барак в бабский конец запусти, а толку не будет.

– Заорёт-то чего?

– Загорится, – Фрэнк отхлёбывает. – Им больше трёх дней без бабы нельзя. И не потискаешь его, отдавленного-то. Вот стервозина, – Фрэнк укоризненно качает головой, – такую фактуру псу под хвост, а отвечать другому.

– Тоже новость, – хмыкает он и подливает. – А с этим что?

– А ничего. Если от боли не загноётся, куклой тряпочной станет, не шевельнётся без приказа, так и застынет, если не теребить.

– А потом?

– В овраг свалить, куда же ещё. Не слыхал я, чтоб загорев-шийся выжил, хотя... краснорожие... Подлые они. И живучие. Из подлости. Если и выживет... не знаю. Всяко болта-ли. А так-то... Спальники – безобидные они. Если пригля-дывать по-умному...

...Фрэнк говорил долго. Тогда он и услышал, что спаль-

ников не стригут, состриженное не отрастает, что они все на душе, на чистоте малость сдвинутые, что старательные...

...– Но подлые они, Грег.

– Все рабы подлые, Фрэнк.

– Не спорю. Но у этих и подлость подлая. Погань рабская. В раскрутку когда идут, так ни себя, ни других не жалеют. Насмерть затрахает и смотрит внаглую, дескать, ни при чём.

– Это как, Фрэнк?

– А хрен их знает, но болтали, что вот если есть у спальника хороший зуб на надзирателя, мы-то их брали на ночь, нам можно было, лишь бы поганец к смене был готов, ну вот, возьмёт такой спальника или спальницу, тут без разницы, и всё. Как-то они умеют, чтоб сердце у человека зашлось.

– Ну, не самая плохая смерть.

– Смерть – она смерть и есть. Ты молодой ещё, тебе со смертью шутить можно, а мне уже осторожно надо. Да, а эти... И чуть не доглядишь, в камере там или в душе, и готово. Следов никаких, а уже холодный валяется. И стоят поганцы, ресницами своими хлопают...

...В одном Старина-Фрэнк ошибся: Угрюмого и через пять лет в овраг не свалили. Выжил поганец, хоть и орал... как в пузырьчатке. А Зибо, дурак старый, терпел и покрывал поганца. Ну, с Зибо тот, надо думать, по ночам рассчитывался. И лёг ведь на сердце. Но лучше не встречаться. Все рабы подлые, а индейцы ещё хуже. Ну и хрен с ними. Его дело – перетерпеть, выждать, уехать и забыть. И начать заново. За

сорок уже, а ни капитала, ни дома, ни семьи. Что же за жизнь такая сволочная...

Вызванное приездом председателя Комитета волнение улеглось, и жизнь в лагере покатилась прежним чередом.

Первое время Андрей, правда, ждал: вдруг, вспомнит, узнает, начнёт справки наводить, но к особисту его для дополнительной беседы – а такое случалось, и случалось, что после такой беседы человек покидал лагерь, когда своим ходом, а когда и в полицейском «воронке» или в армейской, но такой же глухой машине – не вызывали. И вообще какого-то повышенного внимания к себе Андрей не ощущал. И потому он опять сидел в библиотеке, курил и трепался у пожарки, ходил в столовую и баню.

Замели Бритоголового, а с ним Щербатого и ещё троих из той же кофлы. Из местной полиции приехали и забрали. Оставшиеся тихо слиняли за ворота. Два вечера об этом судачили, а потом забыли. Каждый день вывешивали списки получивших визу, и для таких начиналась гонка по врачам, психологам и отделу занятости. От визы до выезда меньше месяца никак не получается, а до визы... это уж у каждого своё, кому какая судьба... не судьба, а комендант... а пошёл ты со своим комендантом, особый отдел всё решает, слышал о таком? Вот то-то же.

Но и в этих разговорах ничего нового для Андрея уже не было. Ни нового, ни важного. Дружбы он ни с кем заводить

не собирался, как и вражды. Он сам по себе, со всеми и ни с кем. Лагерь-то... хреновый, одно название, что лагерь, ссориться, врагов наживать, конечно, не надо, но и друзья ему сейчас не нужны, ни защитники, ни помощники, он со своими проблемами и один справится.

Хоть и было всё тихо, и никто им не интересовался, в город он не выходил. На всякий случай. И пир себе на двадцать седьмое устроил из купленных в ларьке сока – дорогой взял, бутылочный – и печенья. Двадцать один год всё-таки. Залез опять в заросли, чокнулся сам с собой, выпил и закусил. Ну вот, двадцать один год – полное совершеннолетие, кончился малолетка. Серёжка-Болбошка родился, правда, двадцать третьего августа, за неделю до школы подгадал, но пацана давно нет, и эту дату можно спокойно похерить, а двадцать седьмого марта Андрей, правда, ещё не Мороз, а просто Андрей, проходя по улице, услышал, как заедает в бревне пилу, заглянул и увидел индейца, что в одиночку двуручной пилой старался. Эх, браток, вовремя тогда я подоспел, вдвоём быстро управились. Что с дровами, что с обедом.

Андрей вытряхнул в рот последние капли, заново, будто только что увидел, оглядел бутылку, оставил её на виду – кое-кто подрабатывал к талонам, собирая и сдавая посуду – и ушёл.

Возле канцелярии на доске объявлений списки получивших визу. На всякий случай Андрей проверил букву «М». Мороза, Андрея Фёдоровича, не было, а сегодня – суббота,

значит, до вторника никаких новостей. Ладно, переживём.

– Ну, ты смотри, паскудство какое, – горестно выругался так же изучавший списки немолодой мужчина с одутловатым лицом.

Андрей покосился на него с откровенной насмешкой. Ишь, как крутит бедолагу, ясно-понятно всё: выпить охота, а низ-зя-я, визу тогда не увидишь. Вот и мается застарелым похмельем. Но дразнить не стал: добрый он сегодня, да и с дерьмом связываться – только себя же замарать.

– Так цветные вон, – не унимался пьянчуга, – чуть вошёл, так ему и виза, и место, а ты, коренной русак, сиди и жди. А чего ждать-то?

– А пока ты не протрезвеешь, – ласково хмыкнул Андрей.

Он, хоть и не набивался здесь к цветным, по-прежнему опасаясь привлечь к себе ненужное внимание, но и не смолчал. Пьянчуга мрачно покосился на него и отошёл. Андрей ещё раз, чтоб последнее слово за ним было – себя ронять нигде нельзя – просмотрел списки и пошёл в барак. Вздремнуть до обеда. Что-то ему сегодня не хотелось ни в библиотеку, ни в курилку. Вообще кого-то видеть. Может, из-за дня рождения, не простой это день для человека, особенный. Эх, браток, как ты там, в Загорье своём? Ты уж не умотай никуда, дождись меня. А то весна вон, наймёшься опять на лето пастухом, где я тебя искать буду? Дождись, Эркин. Вместе мы уж всё сделаем, чтоб житуха была настоящая.

Он как всегда разделся до трусов – в бараке тепло, разгля-

дывать его никто не полезет, а мять одежду тоже не следует – и вытянулся на своей койке. В бараке было тише обычного: многие в субботу и воскресенье уходили в город, пошляться, людей посмотреть, себя показать. А ему и здесь хорошо. Обманивал сам себя, что ему ничего не нужно и неинтересно, ведь из чистой трусости сидит и носа за ворота не высовывает. Ведь если б наследил, то за неделю бы размотали и нашли, а он месяц уже здесь, ну, не совсем месяц, нет, первого вечером он вошёл, сегодня двадцать седьмое, четыре недели без одного дня, так что... Так что лежи и не трепыхайся, тебя, может, там как раз и ждут, чтоб ты хоть ноздрю высунул, не-ет, не верь, не бойся, не проси и сам себя береги. Три заповеди помни и четвёртую соблюдай.

Андрей закрыл глаза и беззвучно позвал: «Мама. А у меня день рождения сегодня. Правда, здоровско? Мама...».

Он лежал и не то дремал, не то просто плыл в этом ровном спокойном шуме. Лежал и вспоминал. Дни рождения, именины, мамины руки в белой муке, щёки Милочки в варенье, Аня читает длинное заумное поздравление и обиженно плачет, когда он заявляет, что это она не сама, что ей сочинили... Сначала он думал вычеркнуть отца из этих воспоминаний, но потом испугался, что снова всё потеряет. Ведь только начни забывать, а если не сумеешь вовремя остановиться,... так что пусть его... остаётся. Ведь... ведь если бы отец тоже погиб, как мама и сестрёнки, ведь он бы вспоминал его. Ну вот. Как ни крути, а что было, то и было, вари-

ативно будущее, а не прошлое, вариативность... соотношение случайности, нет, возможности и действительности, возможностей много, действительность одна, спасибо, Старик, толково объяснял.

Андрей улыбнулся, не открывая глаз. Нет, всё хорошо и беспокоиться не из-за чего. Надо ждать, расслабиться и ждать.

Тетрадь шестьдесят четвёртая

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Такой весны Эркин никогда не видел. А может, он вообще не видел раньше весны. Яркое – как поглядишь, так глаза ломит – небо, пляшущее в лужах и на глыбах зернистого льда весёлое солнце, быстрые ручьи на обочинах... Комендант предупредил, чтоб детвору в овраг не пускали, и сами чтоб поосторожнее, а то с талой водой шуточки плохи. Эркин и сам это понимал, а когда, подойдя к оврагу, увидел рыхлый пропитанный водой снег чуть ли не вровень с краями и сразу вспомнил, как они тут зимой на санках катались. Да... только шагни и с головой ухнешь, вытащить не успеют.

– У дома играйте. Поняла? – строго сказал он Алисе.

Держась обеими руками за его ладонь, она стояла рядом и тоже рассматривала овраг.

– Ага, – согласилась Алиса и, чувствуя малоубедительность ответа, добавила: – Что я, совсем глупая? Эрик, а как же в рощу?

– Половодье когда сойдёт, – ответил ей Эркин много раз слышанным, но так пока и не понятным.

Половодье – полая вода, полый – это пустой внутри, а при чём тут вода? Непонятно.

– Ладно, – покладисто кивнула Алиса и тут же предложила: – А в город пойдём?

– Пойдём, – не стал возражать Эркин.

Женя отправила их на прогулку и за покупками к обеду. Жаль, конечно, что сама с ними не пошла, но у неё масса дел, а они ей мешать будут. Чем он может помешать Жене, Эркин совсем не понимал, но спорить, разумеется, не стал. Да и вон, почти все мужчины из их дома гуляют. Ну, раз так положено, значит, так и будет.

Они шли не спеша. Алиса с наслаждением обмывала свои новые резиновые сапожки в каждой луже. Эркин не мешал ей, если только она брызгаться не будет. Он сам тоже был в новом: резиновых сапогах с войлочными вкладышами, куртке с тёплой подстёжкой, и ушанку сменил на вязаную шапку – с теплом, как он заметил, многие мужчины тоже такие надели, а как все, так и он, не в рабском же ему ходить.

Убедившись, что Эркин с Алисой ушли, Женя быстро выключила плиту – потом доварит – и переделась в платье с

карманами, накинула на плечи платок, рассовала по карманам кошелёк и маленький молоток, а больше ей ничего и не нужно, и выбежала из квартиры. Ключи она сунула в карман к кошельку. Ну вот, очередь она заняла заранее, так что должна успеть.

У двери в квартиру Бабы Тани толпились женщины.

Была ли знаменитая Фаина свойственницей Бабы Тани, просто родственницей или подругой... Ну, это совсем не важно. Приехала погостить и согласилась помочь. И деньги-то пустяковые... хорош пустяк, четвертной, на эти деньги неделю жить можно... на четвертной неделю?! Это что ж за жизнь такая?! Да ну, бабы, это уж совсем не к месту...

Женя протолкалась, нашла своё место. До неё всего трое, отлично. И с ходу включилась в общую беседу обо всём сразу. О мужьях, детях, кулинарных рецептах, пропавших родственниках и... и да мало ли о чём могут говорить женщины в очереди к гадалке. Лулу волновалась: поймёт ли она всё, что ей скажет Фаина. Лёльку – её все так давно уже называли – наперебой утешали, что Фаина, говорят, все языки знает, и... потом поймёшь, главное – всё до словечка запомнить...

Ну вот, вышла растерянная, сразу и испуганная, и обрадованная женщина, и Женя, сжимая под накинутым на плечи платком молоток, вошла.

Дверь из прихожей в комнату открыта, за круглым столом без скатерти точно напротив двери сидит женщина а, немолодая, на плечах чёрный в пунцовых розах платок, на столе

карты. И пока Женя шла от двери к столу, она чувствовала на себе внимательный, но не враждебный взгляд.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, красавица, – улыбнулась Фаина. – А у тебя что за беда? Муж любит, дочка послушна, соседи уважают.

– Да-да, – закивала Женя. – Всё хорошо, только... у мужа был брат, названный, но это же всё равно... родня, правда?

– Конечно, – кивнула Фаина.

– Ну вот. Его убили, в прошлом году, в Хэллоуин.

Фаина кивнула так, будто знала, что это за праздник и что там в прошлом году было. И Женя уже чуть увереннее продолжила:

– Мы и поминки справили, и девятый день, и сороковой, а... а будто что-то не то.

– Думаете, жив он, – задумчиво не спросила, а сказала Фаина. – Ну, что ж, посмотрим. Есть что из вещей его?

– Вот, – Женя достала из-под платка и положила на стол молоток.

Если Фаина и удивилась, то никак не показала этого. Оглядев молоток, она, не касаясь, провела над ним ладонью и взяла колоду карт. Лицо её стало строгим и даже отрешённым. Она быстро стасовала колоду и стала выкладывать карты на стол тройками. Выбросив так половину колоды, решительно сгребла карты, снова собрала их.

– Не здесь он. Он светлый, что ли?

– Да, – вздрогнула Женя, засмотревшаяся на её руки. –

Блондин, и глаза голубые. Ему, да, двадцать лет сейчас. Было бы...

– Год туда, год сюда... – Фаина выкладывала уже карты из другой колоды, – так, шепотной он, горячий. Ладно, вот на этой и посмотрим его.

Она замолчала, сосредоточенно раскладывая карты. Перекладывая, то подсовывала под низ колоды, то брала сверху, что-то тихо – Женя не могла разобрать – приговаривая. Женя смотрела на её руки, морщинистые и сильные, и не могла отделаться от ощущения, что эти пальцы лепят Андрея, делают его и его судьбу.

– А что, – Фаина словно удивлённо рассматривала возникший на столе сложный многоцветный узор. – А нет его под землёй.

– Жив?! – ахнула Женя.

– С травой придёт, – улыбнулась Фаина. – Он тебе и хитрый, и весёлый, под землёй не был, а за траву уцепился, за травой идёт.

– Как это? – не поняла Женя.

– Ну, как тебе объяснить, – Фаина стала собирать карты. – Вот снег, под снегом земля, а в земле трава. Как трава под солнышком встанет, так он и придёт.

– Ага! – Женя кивнула и достала кошелёк. – Вот, спасибо вам.

– И больше ни о чём спросить не хочешь? – лукаво улыбнулась Фаина, принимая деньги.

– Так у меня всё хорошо, – улыбнулась Женя.

– Ну, пусть так и будет, – кивнула Фаина. И неожиданно зоркий пронзительный взгляд. – За дочкой смотри. Сейчас она твоя, а как начнёт в ней отцовская кровь играть, всякое может быть. Ну, да она у тебя умненькая, сама не наглупи тогда. Авось и обойдётся.

– И... и когда это будет? – Женя уже стояла.

Фаина внимательно всмотрелась в гладкую, очищенную от карт столешницу.

– Восемь лет впереди. Успеешь подготовиться. И помощник у тебя тогда будет. Сильный. Ты его не знаешь ещё, а он... и он тебя ещё не знает. Но поможет. Ох, какой. Был бы ангелом, кабы уже дьяволом не стал, – и с видимым усилием подняла на Женю глаза. – Всё будет хорошо, красавица, иди. Молоток только не забудь.

– Да, ой, – Женя взяла молоток и опять спрятала под платок. – Спасибо большое.

И хотя, стоя в очереди, Женя вместе со всеми негодовала, что ни одна ничего не рассказывает, вылетают, как скажи им юбки подпалили, а тут сама выскочила и, отмахиваясь от вопросов, побежала к себе. Ей вдруг показалось, что прошло очень много времени, Эркин и Алиса уже вернулись и ждут её, голодные, она же ничего не приготовила, господи...

Но их ещё не было. И Женя уже спокойно спрятала молоток в ящик с инструментами, а кошелёк в сумочку, переделалась и занялась обедом.

Зина гадать не пошла. И денег жалко, ну, такие деньжищи за минуту разговора, и вдруг гаданье повредит ненароком. Толком она всех примет не помнила, но старалась соблюдать. А с гаданьем уж очень неясно, вдруг сглазят, у гадалок глаз не простой, и прошлое, и будущее видят, а ну как что, не дай бог. Конечно, двое детей, да муж, да квартира... рассиживаться да всё к пузу своему прислушиваться некогда, да и нельзя: капризуля выродится. Но хлопоча по хозяйству, Зина то и дело прислушивалась: как он там? Сказалось об этом неожиданно легко.

Они сидели на кухне. Дети уже спали, Тим обедал после работы, а она села было с ним за компанию, Тимочка не любит один есть, и вдруг ей чего-то так не по себе стало, что еле успела из-за стола выскочить и до уборной добежать. А вернувшись, увидела испуганные глаза мужа и поняла, что это он за неё испугался, за её здоровье и сказала:

– Тяжела я, Тимочка.

– Что? Я не понял. Тебе тяжело?

– Да нет, – и с натугой, вспомнив нужное слово по-английски, выговорила: – Беременна я.

А он всё смотрел на неё, будто не понимал. А она не знала, что ещё ему сказать. И тут вдруг Тим вскочил на ноги, бросив ложку, поднял её на руки и понёс. Она даже растерялась, не знала, что сказать, что сделать. А он кружил по их пустой и тихой квартире, прижимая её к себе и точными

бесшумными пинками открывая и закрывая двери. А когда они вернулись на кухню, лицо его было мокрым. Он усадил Зину на её место, сел на своё и закрыл лицо руками. И когда Зина начала уже тревожиться, опустил ладони на стол и улыбнулся дрожащими губами.

– Я... я... спасибо тебе.

– Господи, Тимочка, мы же и хотели этого, – нашлась она.

Тим доедал, явно не чувствуя вкуса и не отводя от неё глаз.

– Зина, – наконец заговорил он, – если что тебе нужно, ты покупай. Я заработаю. Ты...

И вдруг вскочил на ноги и быстро вышел из кухни. А вернувшись, положил перед Зиной деньги.

– Вот. Здесь тысяча рублей.

– Ссудные?! – ахнула Зина.

– Я заработаю, – повторил Тим, сгребая со стола посуду и сваливая её в мойку.

Но Зина тут же вскочила и отобрала у него посудную щётку.

– Ну уж нет, я не параличная.

А потом, когда они уже лежали в постели, Тим осторожно погладил её по голове и лицу.

– Зина, тебе... тебе теперь нельзя... этого?

– Нет, – удивилась она. – Врач об этом ничего не говорил.

И обняла Тима, притягивая его к себе.

По субботам, Савельцевы, как все в Старом городе, топили баню. Маленькую, тесную и тёмную баню на задворках. Конечно, мыться бы каждый день... но и раз в неделю тоже неплохо. С утра все таскали воду, потом Артём с дедом кололи дрова на мелкие полешки, и дед растапливал каменку. Сначала мылись мужики: дед, Артём и Санька. А потом бабка с Лилькой и с ними Ларька, как ещё слишком маленький для мужского пара.

В первый раз баня Артёму не очень понравилась, но то ли привык, то ли во вкус вошёл, так что теперь плескался и парился наравне с дедом. А тот и кряхтел, и постанывал, и... словом, баня есть и Паласа не надо. Но последнее соображение Артём, разумеется, держал при себе.

Нахлестав друг друга вениками, обмылись холодной водой и вернулись на полок. Не на самый верх, а посередке, чтоб передохнуть в тепле. Дед невольно любовался смуглым, ещё по-мальчишески тонким телом Артёма, игрой мускулов под гладкой влажно блестящей кожей. Артём чувствовал этот взгляд, но не прикрывался: деду он доверял.

Отдохнув, дед прошлёпал к каменке и выплеснул на раскалённые камни новый ковш воды. Санька, ойкнув, сел на пол, а Артём засмеялся.

– То-то! – самодовольно хмыкнул дед. – Ну, Тёмка, полезли.

Они залезли на полок, дед растянулся на досках, и Артём взял веник. Искусство не бить, а гнать веником горячий

влажный воздух на тело оказалось не самым сложным делом. Деду приятно, а ему нетрудно.

– Ох, Тёмка, – вздыхал дед. – Ох, язвы т-тя в корень...

– Отдохни, дед, – улыбнулся Артём. – Я Саньку похлещу.

– Давай, – кивнул дед, поворачиваясь на спину. – А я потом по тебе пройдусь.

Внизу Артём поймал Саньку, на четвереньках удиравшего в предбанник, скрутил и уложил на лавку.

– Не брыкайся, врежу.

– Да-а, – не всерьёз хныкал Санька. – Горячо-о...

– Так его, Тёма! – поддакивал сверху на Санькины взвизги дед. – Валяй его, чтоб до нутра проняло!

Напарив Саньку до пунцового цвета, Артём окатил его из лоханки холодной водой и шлепком забросил к деду.

– Дед, поддать?

– Поддай и сюда иди.

Выплеснув на камни ковш, Артём вернулся на полок и лёг, как и дед, на живот, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

– Ну, Санька, берись, помогать будешь.

Почувствовав на спине и ягодицах волны горячего воздуха и совсем не болезненные шлепки прутьев, Артём прерывистым вздохом выравнивал дыхание и распустил мышцы. Смутно, как сквозь воду доносился голос деда, жучившего Саньку, что без толку веником машет, только пар разгоняет.

– Повернись и сердце прикрой.

Артём послушно повернулся на спину, закрыл ладонью

сердце. И снова горячие, приятно обжигающие волны. Нет, хорошая это штука – баня, не хуже массажа.

– Ты что, Тёмка? Заснул никак?

– Не-а, – протяжно выдохнул Артём.

– Ну, то-то. А теперь окатись и отдохни.

Артём слез и пошлёпал к чану с холодной водой. Зачерпнул ковшом и вылил на себя словно зашипевшую на его плечах воду.

– Эй! – в дверь вдруг заглянула бабка. – Не угорели ещё?

– Ты нам кваску лучше поставь, – отозвался дед. – Оставим вам пару, не бойсь.

Бабка ушла, и Артём вылез из-за чана, куда спрятался при первом звуке открывающейся двери. Дед ничего не сказал, будто не заметил. Что Тёмка чужих боится, он по Алабаме помнил и знал, почему боится. Ещё когда они с Лизаветой наткнулись в полуразрушенном сарае на стонущего, быющего в судорогах мальчишку, подумал... да нет, не тогда, потом. Тогда просто удивился его страху, а вот когда они уже в своей халупе мыли его в лохани, вот тогда и подумал, что чудно: мальчишка, а хозяйство... доброму мужику впору будет. И уже потом, мальчишка уже Тёмой, Артёмом стал, ходить начал, вот тогда всё и случилось...

...Артём пошёл за тёрном, вернее, он сам и послал мальчишку. Труд не велик, а в доме подмога. Артём послушно взял корзинку и ушёл. Лизавета была на подёнке, малыши сидели в халупе, а он под мелким холодным дождём колол

дрова – как раз они накануне своротили, перетащили к себе и распилили два телеграфных столба – и прикидывал, насколько им этого хватит, когда во двор влетел Тёмка без корзины и куртки, полуголый, посмотрел на него круглыми от ужаса глазами, заметался, не зная, куда прятаться, и вдруг упал на землю, прямо к его ногам, уткнувшись кудрявой головой в его измазанные сапоги. И сразу следом вошёл этот. Одет чуть обтрёпанно, но богато, одним взглядом оглядел их халупу, двор, его самого, по-хозяйски оглядел, что и говорить.

– Ага, вот ты где.

– Тебе чего? – решил он вмешаться.

Новый, уже повнимательнее взгляд.

– Твой спальник? – и кивком показал на лежащего на земле Артёма.

– А тебе чего до этого?

– Спальников сдавать положено.

Руки пришелец держал в карманах, там мог быть пистолет, риск слишком велик, и он, сжимая топор, не пряча, но и не выставляя напоказ, продолжил:

– Чегой-то сдавать? Как это?

– Не знаешь? – удивился пришелец, и глаза его стали хитрыми. – Это же спальник. Русские собирают их и вывозят на исследования. За укрывательство расстрел, а за сданного награда. Понял?

– Чего ж непонятного, – хмыкнул он. – И большая награ-

да?

– Не мало. Сотня.

– Ну так катись отседова. За такие деньги я сам его сдам.

– Покачусь, – кивнул пришелец. – И первому же патрулю скажу, кого ты прячешь. Тебе расстрел, а сотня моя.

И повернулся уходить.

– Постой, – окликнул он его и, когда тот обернулся, перешагнул через Тёмку, подошёл сам. – И сколько за молчание возьмёшь?

– У тебя таких денег отродясь не было.

Спорить с этим было нельзя, правда – она правда и есть.

– Так... – начал он, наводя чмыря, прости господи, на нужное. Пистоля у того явно нет, а то бы стрелял сразу, так что на разговор пойдёт.

И угадал.

– Так давай вот что, – глаза пришельца хищно блестели. – Ты мне мальчишку, а я тебе... ну... ну, полсотни.

– Пошёл ты... Сотня, и пацан твой.

Они немного поторговались, и наконец тот уступил, вытащил из кармана руку и уже из нутряка достал пачку имперских. Протянул ему.

– Считай.

Он опустил топор и стал пересчитывать деньги, а пришелец шагнул к Тёме, властно ухватил того за волосы.

– Ты мой! Пошли!

И тогда он бросил эти бумажки, бесшумно поднял топор и

качнувшись вперёд, точным ударом без замаха, чтоб не обернулся гад на свист, всадил лезвие до обуха в белобрысый затылок. Тот стоял, наклонившись, а от удара пролетел вперёд и упал не на Тёмку, а за ним. Тёмка вскочил на ноги, ошалело глядя на него.

– Цыц, – сразу остановил он мальчишку. – Малышню разбудишь. За ноги бери, сволочим его.

– Куда? – тихо спросил Тёмка.

– В отхожее, – сразу решил он. – Больше ж некуда.

Труп даже обыскивать не стали. Хрен ведь знает, какие приметы могут на вещах остаться. И бумажки эти – доллары имперские – сгребли и туда же, от греха. Потом он оставил Тёмку засыпать и перекапывать кровяную лужу и след, а сам сходил к терновнику за корзиной и Тёмкиными вещами. А вечером, когда Лизавета, уставшая от ходьбы и так ничего и не нашедшая, вернулась, сказал, что завтра с утра они уйдут, хотя думали остаться на этой одинокой брошенной ферме. Халупа-то целая совсем. Лизавета ни о чём не спросила. Она ему во всём доверяла...

...Артём и Санька баловались, гоняясь друг за другом с ковшом холодной воды.

– Хватит, малыцы, – остановил их дед. – Санька, промыл башку? Тогда пошли.

Артём послушно вылил воду обратно в кадку и шлепком вышиб Саньку в предбанник. Тот был без крыши, и их сразу ослепило синее по-весеннему небо. Квас в деревянном рас-

писанном красными цветами туеске их уже ждал. Выпили по ковшику, строго соблюдая старшинство, вытерлись, оделись во всё чистое.

– Ну, – дед обеими руками распушил бороду. – Пошли, пока не выстыло. Пусть и бабы попарятся.

Не спеша, по скользкой талой тропинке прошли в дом. Бабка суетливо, подгоняя Ларьку и Лильку, захлопотала, чтоб отдохнули, пока они быстренько...

– Ладно тебе, – остановил её скороговорку дед. – Идите, пока пар держится.

– Тём, – попросила Лилька. – Вы без нас чаю с конфетами не пейте, ладно?

– Ладно-ладно, – засмеялся Артём.

И хотя почти всё было к чаю готово, они пошли в свою горницу и легли. Дед, как всегда, на лежанку, а Артём с Санькой на кровать.

Артём вытянулся на спине, привычно закинув руки за голову, рядом сопел Санька. Тихо, тепло, безопасно, тело приятно ломит, как после массажа или хорошей растяжки. Он бездумно и легко дремал, ничего не вспоминая и не опасаясь. Все страхи, боль, отчаяние – всё позади, будто и не было ничего, будто он и вправду... дедов внук и мамкин сынок, и не было ни питомника, ни Паласа, ни хозяина... а придут из бани бабка с Лилькой и Ларькой, будут все вместе пить чай, с конфетами и мёдом, а потом делать уроки для школы, а потом... Мысли путались, уплывая в тёплую мягкую тем-

ноту сна.

– Тём, вставай, – потрясли его за плечо.

Он рывком сел, ошалело моргая со сна.

– Лилька?

– Ага!

Красная, с туго обвязанной белым платком головой, Лилька смеялась во весь рот.

– А самовар на столе-е!

– Ага-а! – Артём зевнул и легонько толкнул в бок Саньку. – Вставай, чай пить будем.

Санька длинно с подвывом зевнул.

– А-а... а конфеты?

– Будут тебе конфеты, – вошёл в горницу дед. – Лилька, бабке помощи. Давайте, одевайтесь, а то не ровён час...

Артём, сразу поняв недосказанное, быстро натянул штаны и стал надевать рубашку. Ну да, в прошлую субботу как раз, они только за самовар сели, как пришли эти, из Комитета. С проверкой. Тогда обошлось, хотя везде нос сунули, обо всем спросили, но ведь если захотят прицепиться, то найдут, к чему. Что они втроём на одной кровати спят, а он знает, как о таком думают, поморщились ведь. Дед, правда, заговорил их, увёл в сторону, а всё равно...

– Давай, Санька, шевелись.

Санька со сна путался в рукавах и пуговицах. Артём помог ему, застегнул и аккуратно заправил в штаны рубашку. Штаны тоже новые, две недели, как купили. Всю одежду сме-

нили, всем, и белья теперь у каждого четыре смены, Лильке ещё платье на занятия ходить. Сундук мамкин уже доверху набит, ну, почти доверху.

В кухне на столе большие, сверкающие красными цветами чашки, деревянная чашка с конфетами и туесок с мёдом. Расселись, бабка разлила чай. Первую чашку деду, вторую – Артёму. И дальше по старшинству.

Пили истово, не спеша и чинно. Ларька, правда, получил по лбу, чтоб не лез за мёдом. Мал ещё, накапает больше, а Лилька пусть следит за мальём, она же старшая.

– Надо бы отделить её, – задумчиво сказал дед. – Не дело вот так спать, навалом.

– И тесно, – поддержал деда Санька.

Артём молча кивнул. Дед важно отхлебнул.

– Так что в понедельник к Филиппычу ходим. Кровать присмотрим.

– Да уж, – бабка взяла у деда чашку и налила ему ещё чаю. – И сундук под приданое.

– А оно-то мне зачем? – фыркнула Лилька. – Я замуж не хочу.

– Хоти, не хоти, а приданое должно быть, – веско сказала бабка.

Она со вкусом, подробно стала рассказывать, чего и сколько должно быть в приданом. Артём, изумлённо приоткрыв рот, только переводил взгляд с неё на деда и обратно.

– Да, – кивнул дед. – За один год такое не сделаешь.

– Успеем.

Бабка оглядела стол: у всех ли всё есть, и подвинула туюсок с мёдом ближе к Артёму. Мёд, он полезительный, а парню сила нужна, работник уже. Артём заметил и поблагодарил улыбкой.

Ларька деловито собирал разбросанные по столу фантики, отбрыкиваясь под столом от Саньки и Лильки. Пару раз задела Артёма, и он быстро щёлкнул каждого по макушке, а дед строго повёл бородой.

– А ну не баловать за столом, – и, дав им допить свои чашки, погнал в горницу играть.

А Артём остался за столом. Он бы ушёл, но бабка быстро налила ему ещё чаю, а уйти от еды он не мог. Пошёл серьёзный хозяйственный разговор. Вот-вот стает, огород надо делать. Снова уточнили, на какие саженцы и рассаду записаться Артёму, поговорили, куда ставить Лилькину кровать. И Артём решился.

– От пособия сколько осталось?

– Не густо, – дед внимательно смотрел на него. – Или задумал чего?

– Свет провести, – нерешительно сказал Артём.

– Дело, – кивнул дед.

Бабка вздохнула.

– Дорого больно. Это если к Бобку, он за пару бутылок возьмётся.

– С током не шутят, – перебил её дед, а Артём хмуρο кив-

нул. – Нет уж, схожу в контору ихнюю, узнаю почём у них, тогда и думать будем.

Бабка закивала, соглашаясь. В самом деле, Бобок уже своей проводкой чуть на рынке пожар не устроил. Но там-то ларёк, это ж тьфу, растереть и забыть, а если что с домом, не дай-то бог...

– То-то, – дед перекрестился и встал, показывая окончание чаепития.

Встал и Артём. Бабка налила из самовара горячей воды в миску и позвала Лильку помочь мыть посуду. Артём убедился, что лучины у печки достаточно, и сел вместе с дедом в горнице шорничать: вроде и невелико хозяйство, а рук требует. Убрав со стола, бабка с Лилькой тоже пришли в горницу, и бабка стала учить Лильку прясть. Санька с Ларькой возились с мозаикой. Незаметно стемнело, и дед зажёл большую лампу под потолком.

Обычный вечер. Тепло, безопасно, он среди своих, его никто не обидит, не надо драться, отстаивая себя и своё место, вообще можно не бояться... Артём никак не мог привыкнуть к этому, каждый раз заново удивляясь.

Американская Федерация

Алабама

Атланта

Отель «Прима»

В первую поездку на ту сторону они отправились вместе. Слишком велик риск. И его лучше поделить на двоих. На ухах стояли, чтобы найти для «Октавы» русских клиентов, хоть одного. Чтобы получить зацепку на той стороне. Не о выгоде речь. Хоть в убыток себе, но зацепиться. А чего и сколько стоили документы... лучше не думать. Они и не думали.

Ехать пришлось через Атланту и Стоп-сити. В Атланте задержались на пару дней. Фредди хотел прощупать подходы к лагерю. Вернулся он под утро и злой, как никогда. Прошёл в ванную, на ходу срывая с себя одежду, и стал остервенело бриться. Джонатан заказал в номер завтрак на двоих, больше похожий на ленч, и стал ждать. И, уже приканчивая стейк,

Фредди наконец высказался:

– Глухо. В город выходят, крутятся, а к восьми бегут обратно. А туда только через комендатуру. Полиции сдают зацветившихся по первой заявке.

Джонатан кивнул.

– Хреново. Его никто не видел?

– Может, мне словесный портрет надо было дать? – рявкнул Фредди. – С особыми приметами? Ладно, Джонни. Если он там, то не выходил.

– Там и не выходил, – задумчиво повторил Джонатан.

– Да, – сразу понял его Фредди. – Тогда всё точно. Пойдём в комендатуру...

– Наведём Бульдога, – закончил за него Джонатан. – Есть ещё благотворительные фонды...

– Никого, – Фредди вдруг ухмыльнулся. – Экстерриториальность, Джонни.

– Грамотный, – кивнул Джонатан и встал, прошёлся по комнате. – Точки на той стороне всё равно нужны. Безотсительно.

– Верно. В имение будем успевать?

– Будем, – отмахнулся Джонатан. – Всё будет. Никогда не ставь всех денег на одну карту.

– Поучи меня, – Фредди допил кофе и встал. – Выборами будем заниматься?

– А что, здесь трепыхаются? – живо спросил Джонатан.

Фредди пожал плечами.

– Хотят.

– Пусть в своём бардаке сначала разберутся, – предложил Джонатан.

Фредди кивнул.

– Пойдёт. Обойдёмся без них.

Выборы в Федеральное Собрание должны были пройти осенью. Русские уходят, оккупационный режим сменяется... собственным. Система к этой новой игрушке только приглядывалась, ещё не решив: будет ли в неё играть и насколько эти игры выгодны. Но раз Джонни считает, что атлантических не стоит подпускать... у Джонни нюх что надо.

Фредди заставил себя думать о другом. Проигрывать он не любил, но знал, что думать о не получившемся – только себя травить. Значит – всё побоку. Они начинают ещё одно новое дело и – Джонни прав – безотносительно чего-либо не отступят. Отступить им нельзя.

– Джонни, разговорник нужен.

Джонатан кивнул. Ну, всё, надо работать. С Ларри они наладили, и там теперь крутится уже всерьёз. Земля пускай полежит, потом подумаем, что с ней делать. Так-то она им ни к чему. Но и продавать неохота: вдруг там ещё что есть, о чём Ларри попросту не знает. Жалко, ни один металлоискатель не берёт золота, а перекапывать всё подряд... ни сил, ни времени нет. И на какую глубину копать? Нет, это всё чепуха. И того, что есть, хватит. С избытком.

Открытие салона «Левине и К^о» прошло вполне удачно.

Ларри в костюме от Лукаса держался безупречно, выставленные в витринах салона и кабинета вещи произвели должное впечатление. И самое главное – уладился вопрос о членстве Ларри в Лиге ювелиров. Удовольствие, конечно, дорогое, но Ларри теперь не сам по себе. И он, и его дело защищаются Лигой, а у неё возможностей много, и таких, о которых мало кто знает. Лига согласилась считать Ларри преемником «Дома Левине», заказы уже есть, материала хватит надолго... нет, здесь всё складывается очень даже не плохо. И главное – Ларри не нуждается в мелочной опеке, им не надо посменно торчать в его салоне.

Джонатан завязал галстук и оглядел себя в зеркале. Да, всё правильно, то, что надо.

– Фредди, готов?

– Идём, – кивнул Фредди, надевая плащ.

Сейчас им на вокзал и до Стоп-сити, по-русски Ру-бежин. Ладно, что могли они сделать, а там лишь бы удача не подвела.

Алабама

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

Андрей, как и все, регулярно проверял списки. И, увидев свою фамилию и имя с отчеством, еле устоял на ногах. Ну... ну... ну, не может быть! Но нет, вот же, чёрным по белому – Мороз Андрей Фёдорович. И нет у него здесь ни однофамильцев, ни полных тёзок, проверено. Теперь куда? В канцелярию.

Он выдрался из постоянно клубящейся у стенда толпы и, твёрдо, крепко ступая, пошёл в канцелярию. За спиной радостные крики и горестная ругань. И хоть до канцелярии и десяти шагов не было, ему потом казалось, что шёл он долго, очень долго. И в канцелярию вошёл уже спокойный, всё видя и слыша, и немного настороже.

Но всё шло обычным, раз и навсегда заведённым поряд-

ком. Предъяви удостоверение, его сверяют с тобой и со списками, возьми желтоватый плотный листок визы, у другого стола получи медкарту и вперёд, пошёл по врачам. Заполнишь медкарту, пойдёшь к психологам, и уже потом с визой, заполненной медкартой и заключением психологов идёшь в отдел занятости подбирать работу и место, или место и работу, это уж кому что, во-первых, а что, во-вторых. И больше всего Андрею понравилось, что в канцелярии он был не один. И впереди него, и позади него, и цветные есть, и он – один из многих, ничего нет лучше, чем в общем ряду, одиночка всегда приметен, а вот из шеренги могут и не выдернуть, а уж из середины колонны тем более. И попадает он не к той дуре – ещё вспомнит чего ненужного ненароком, а к другой, с ней он не крутил, вряд ли она его из других выделит.

Виза, медкарта... Спрятав обе бумаги во внутренний карман ветровки, Андрей вышел из канцелярии и уже как-то по-новому оглядел лагерный плац и снующих повсюду людей. Ну что, этот рубеж он взял. С врачами проблемы вряд ли будут, первый же контроль он прошёл, значит, ориентировки на его – он усмехнулся – особую примету нет. Это хорошо. Психологи... тут надо аккуратно врать, поймают на противоречиях и начнут мотать. Отдел занятости... там свои проблемы будут. Ладно. Как говорится, не будем бежать впереди паровоза и умирать до расстрела. Пойдём как положено. Сначала врачи.

В медицинском корпусе как везде суета, толкотня, бестолковые очереди... Андрей чувствовал, как его начинает захлёстывать этот поток и не противился ему, помня, что лучший способ затеряться – это быть как все. И не мудрствуя лукаво решил идти прямо по списку. Первым стоял терапевт. И хотя их было пятеро, хвосты тут... ой-ё-ёй. Андрей занял очередь и стал слушать, о чём говорят, чтобы, когда надо будет вступить в разговор, не дать в чём-либо промашку.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Госпиталь сворачивался. Каждый день с хозяйственного двора уходили машины, увозившие госпитальное имуще-

ство, формировался эшелон с ранеными, которых предстояло долечивать дома уже на новом месте. Раненых было не так уж много, и вместе с этим поездом уезжали и все остальные.

Об отъезде госпиталя Симон Торренс узнал из газет. И теперь он гнал машину в Спрингфилд.

– Ты можешь объяснить, куда мы едем? – не выдержал его молчания Сид.

– В Спрингфилд, – кратко ответил Симон, не отрываясь от дороги.

– Зачем?

Симон сначала промолчал, но потом ответил вопросом:

– Ты помнишь своего Милягу?

– Конечно, а что?

– А ты хотел бы его встретить, Сид?

– Что?!

Явный страх в голосе Сиды заставил Симона посмотреть на него и тут же отвести глаза.

– Почему ты боишься, Сид? Разве ему было плохо у тебя?

– Ты с ума сошёл! При чём здесь это? Плохо или хорошо, да... Он – раб, а я – хозяин. Ты же знаешь, чем кончаются такие встречи.

– Ну да, – кивнул Симон.

Больше они не разговаривали.

Въехав на окраину Спрингфилда, Симон повёл машину вдоль путей. Вряд ли русские будут грузить раненых на вокзале. Скорее в каком-нибудь тупике. И вряд ли будет боль-

шая охрана. В газете было, что весь русский персонал уезжает этим же поездом, так что парней наверняка используют как грузчиков. И Андре наверняка там.

Он не ошибся ни в чём. А охраны практически нет, оцепления не видно, только часовой у калитки в старой решетчатой ограде. На всякий случай Торренс оставил машину подалее, но на спускавшемся к путям откосе.

– Не пойдёшь со мной? – насмешливо спросил он Сиды.

– Я хочу жить, – отрезал тот.

– Я тоже, – кивнул Симон и, уже вылезая из машины, уточнил: – Я хочу жить человеком, Сид.

Симон не стал спускаться к путям, а пошёл по откосу, выглядывая Андре среди суетящихся у вагонов и грузовиков людей в форме и в штатском, мелькали там и белые халаты. Да, вот и он. В тех же армейских штанах и ковбойке с закатанными рукавами, та же пышная шапка кудряшек, гибкая стройная фигура, завораживающая красота движений... Не отрывая глаз от Андре, Симон сел на откос, на тёплую, прогретую весенним солнцем землю, уже покрывшуюся молодой топорщащейся травой, и стал ждать.

На одинокую фигуру на откосе никто особого внимания не обращал. Все были полны одним: уезжаем! Грузим раненых, грузимся сами и уезжаем! Домой! На Родину! В Россию! И Андрей со всеми шумел, бегал, хлопотал. И не сразу почувствовал спиной, вернее, затылком чей-то упорный взгляд. Несколько раз обернулся, но понять, кто же на него

смотрит, не смог. А чужой взгляд всё не отпускал его. Но кто это? Откуда смотрят? Кому и зачем он нужен? И заложив в вагон очередной тюк, Андрей выбрался на более открытое место и стал оглядываться уже всерьёз. Лицо его посуровело, брови сошлись на переносице.

Симон видел, как он оглядывается, и, не шевелясь, ждал. Должен увидеть, должен понять... что именно? Да всё. Увидел? Да, увидел.

Андрей в самом деле наконец сообразил поднять глаза и увидел одинокую фигуру на откосе и сразу узнал её. Что ж... В тот раз ему врезали за то, что он других в свои проблемы впутывает, правильно врезали. Ну, так сегодня он сам справится. Надо будет только этого чёртова беляка хоть за кусты увести, а то глаз вокруг слишком много.

Увидев, как Андре идёт вдоль ограды к калитке, Симон встал и, не спускаясь, повернувшись, пошёл навстречу.

Выйдя за калитку – выпустили его ни о чём не спрашивая: примелькался, не первый день они грузятся, да и охрана своя, госпитальная, он почти всех не по имени так в лицо знает, как и они его – Андрей стал, не спеша, подниматься вверх по узкой тропинке.

Симон ждал. Он стоял, засунув руки в карманы, и молча смотрел на подходившего к нему высокого красивого негра.

Андрей остановился в двух шагах: напрягать голос не нужно, руками до него не дотянутся, а он ногами достанет.

– Здравствуй, – заговорил первым Симон и, не дожидаясь

ответа, продолжил: – Я читал, что госпиталь уезжает. Ты тоже едешь, так?

Андрей не ответил. Это всё так, сотрясение воздуха, как говорят по-русски, не для этого гад прикатил. И не больной уже, и они не в госпитале, так что врезать, если что, то он в своём праве.

– Почему ты молчишь? – Симон еле заметно усмехнулся. – Тебе запретили говорить со мной?

И Андрей не выдержал.

– Нет, я сам не хочу. Зачем приехал?

Он старался говорить грубо, но сам чувствовал, что получается это у него плохо. Симон улыбнулся.

– Поговорить. Не бойся меня.

– Мне нечего бояться.

Симон кивнул.

– Да. Я... я хотел тебя спросить. Тогда в госпитале, ты помнишь, что ты сказал, – он не хотел, но в голосе, помимо его воли, прорывалась просящая, даже умоляющая интонация. – Ты сказал, что тебе было... противно... со мной. Скажи, это так, для спора, сказал? Ведь так? Я знаю, что не красавец, но... но не настолько же. Скажи.

Андрей невольно отвёл глаза: таким стало лицо Симона. И нехотя, уже другим тоном сказал:

– А мне со всеми было противно. Ещё с питомника. А вы... бывало и хуже.

Симон заставил себя улыбнуться.

– Спасибо, утешил.

Андрей, по-прежнему опустив глаза, носком ботинка двигал камушек. Они стояли в двух шагах друг от друга, но это уже не было дистанцией удара, и оба это чувствовали.

– Ты уезжаешь, – снова начал первым Симон. – Я знаю. Я... не думай, удержать тебя, отговорить я не могу, знаю, ты всё равно уедешь. Но... но, если что вдруг, вот... – он достал из внутреннего кармана бумажник, вынул из него визитную карточку. – Вот, возьми. Ко мне ты можешь всегда... И ещё. Тебе же нужны деньги, ну... нет, не думай, это как займы, отдашь, когда сможешь.

Андрей поднял глаза и в упор, но не зло, а открыто посмотрел на него.

– Нет. Ваши деньги мне не нужны. Я не возьму.

– Хорошо, – кивнул Симон. – Хорошо, как хочешь, а визитку?

Андрей неопределённо повёл плечом.

– Я никогда не вернусь сюда, – снова пожал плечами и... протянув руку, шагнул вперёд, взял визитку. За краешек, чтобы их пальцы не соприкоснулись.

У Симона дрогнули губы. Андрей, шагнув назад и, восстановив дистанцию, сунул визитку в нагрудный карман рубашки. И снова молчание.

– Мне... мне очень жаль, что так всё получилось, – тихо сказал Симон. – Ты... ты не держи на меня зла.

Андрей удивлённо, будто в первый раз увидел, смотрел на

него.

– Хорошо, – наконец кивнул он и повторил уже увереннее: – Хорошо, это прошлое, оно в прошлом.

– Прощай... – неуверенно, будто спрашивая, сказал Симон.

– Да, – твёрдо ответил Андрей. – Прощайте.

Симон ещё раз оглядел его, заставил себя улыбнуться и, резко повернувшись, ушёл. Повернулся и Андрей и, пройдя пару шагов, натолкнулся на Майкла и Эда.

– Вы?! – изумился Андрей. – Зачем?

– А затем! – Эд лёгким подзатыльником направил его вниз, к ограде. – Ф-философ-ф!

Андрей замедлил шаг и тут же получил новый толчок, уже между лопаток от Майкла.

– Видели, как ты справляешься!

И уже возле ограды Эд серьёзно сказал:

– Хорошо, что обошлось. А то залетели бы.

Майкл и Андрей кивнули.

Вернувшись к машине, Симон молча сел за руль и застыл так.

– Я видел, – негромко сказал Сид. – Ты здорово рисковал, но...

– Двоих за кустами ты тоже видел? – натужно улыбнулся Симон. – Ладно. Поехали. Пристегнись.

И резко рванул машину с места. Сид молчал, но на одном уж очень крутом повороте не выдержал:

– Осторожней!

– Плевать! – Симон, вцепившись обеими руками в руль, невидяще глядел перед собой.

– А мне нет! Или ты твёрдо решил угробиться? Не так, так этак?

– Мне незачем жить, Сид. Жизнь без любви – это существование. Держись, сейчас на шоссе вывернем.

Бешеная езда всегда успокаивала Симона. Сид это знал и не спорил. А когда Симон немного отойдёт и успокоится... нет, парнишка смазлив и, видимо, был очень хорош во всех смыслах, ну, это все спальники таковы, профессионалы, но стоило ли рисковать жизнью?

Алабама

Колумбия

Ровной и размеренной его жизнь казалась только на взгляд со стороны. Каждый день, а зачастую и час приносили новые проблемы, и их надо было решать, и немедленно. Но Ларри ни о чём не жалел. Он занят любимым делом, у него семья... а проблемы? Так на то и жизнь, чтобы их решать. Не шевелится только мёртвый. А живой должен жить.

– Одевайся, сынок. Нельзя опаздывать.

– А я готов.

Марк в джинсах, кроссовках и чистой ковбойке смотрит на него снизу вверх. Ларри застёгивает пиджак, берёт сына за руку, и они вместе выходят на улицу. Дядюшка Пинки приветствует их обычной улыбкой, и после обмена соображениями о погоде они идут по Мейн-стрит Цветного квартала. У угла, через два дома от которого пансион Эдуарда Хольмстона – подготовительные классы, ленч, занятия спортом, обучение манерам – Ларри прощается с сыном. Марк бежит вприпрыжку к зелёной ажурной калитке, а Ларри идёт дальше. Выходит из Цветного квартала, проходит по утренним, ещё полупустынным улицам, и вот уже Маркет-стрит, блистающая свежевывытыми витринами и облицовкой стен. Уборку проводит муниципалитет. Неброская вывеска «Салон» и второй строкой «Левине и К^о». Он отпирает дверь и входит. Жалюзи он поднимет в десять, когда откроется салон, а сейчас время его работы. Обычный короткий разговор с Крафтоном – сегодня на этом номере дежурит молодой – и вот он в мастерской.

На эти часы, когда он один и ни звонков, ни посетителей быть не может, Ларри оставлял то, от чего нельзя ни отойти, ни даже просто отвлечься.

Как всегда, утренний час пролетел незаметно. Ларри встал, привычным движением сбросил халат и вышел поднимать жалюзи. Утреннее солнце заливало улицу, играя в витринах.

– Доброе утро, Левине.

– Доброе утро, сэр.

Коломб Кингслей, владелец и главный художник салона «Всё для дам», проходит в свой салон ровно в десять часов четыре минуты. В десять ноль пять придёт почтальон. А вот и он.

Пухлогубый голубоглазый парень приветствует его широкой улыбкой.

– А утречко что надо! Вот, всё ваше.

– Да, отличное утро, – соглашается Ларри, принимая почту.

Проходя в кабинет, он кивком здоровается с незаметным человеком в незаметном сером костюме – охранником от Ювелирной Лиги – уже занявшим своё место в углу салона.

В кабинете Ларри быстро просмотрел полученную от почтальона небольшую пачку. Счета, рекламные листовки, приглашения на предвыборные собрания и письмо из Краунвилля. Мистер Макферн извещает о своём приезде на этой неделе. Хочет сделать подарок своей дочери на совершеннолетие. Отлично.

Рассортировав и разложив почту, Ларри вернулся в мастерскую. Когда в салон кто-то войдёт, сигнал от двери известит его. Он скинет халат и выйдет в салон. Скоро Пасха, и многие хотят запастись подарками заранее. Ну, вот и первый звонок.

Выйдя из кабинета, Ларри задержался у двери, огляды-

вая вошедших. Супружеская пара. Он в костюме от Лукаса, она – в платье. От Монро? Бриллианты в ушах неплохие, но оправы старомодные. Смотрят витрину с заказами... Перешли к витрине на продажу... Пора. Ларри улыбнулся и прошёл к прилавку. Мужчина, а за ним и женщина обернулись к нему. Мгновенное выражение удивления и тут же корректные улыбки.

– Э-э, мистер...

– Левине, к вашим услугам, – Ларри вежливо склонил голову. – Чем могу быть полезен?

– Нас заинтересовало вот это, – тонкий палец женщины с длинным нежно-розовым ногтем указывает на небольшое плетёное кольцо с россыпью мелких бриллиантов. – Это заказ или на продажу?

– Да, миледи, на продажу.

Ларри подошёл и открыл витрину. Достал кольцо.

– Дорогой... – женщина посмотрела на мужа.

Тот задумчиво кивнул.

– Если оно тебе нравится, дорогая.

– Я могу примерить?

– Разумеется, миледи.

Она взяла кольцо с ладони Ларри, приложила к себе, посмотрела в стоявшее рядом зеркало, потом на мужа. Тот кивнул и повернулся к Ларри.

– Разумеется, милорд, – Ларри вежливым жестом пригласил его к прилавку.

Ларри достал бланки и футляр. Женщина с явной неохотой отдала ему кольцо для упаковки.

Приняв деньги и выписав чек, Ларри вежливо проводил покупателей, обменялся молчаливой улыбкой с охранником и вернулся в кабинет. Деньги в сейф, запись в книгу, корешок счёта в папку... всё. Можно в мастерскую. Вчера был горячий день, он практически не выходил из салона, сегодня потише. После ленча начнут приходить за заказами.

Обычно он не покидал салона на ленч, заказывая его с доставкой в соседнем кафе, но сегодня за полчаса до ленча зазвонил телефон.

– Левине слушает.

– Добрый день, – пророкотало в трубке.

– Добрый день, сэр, – улыбнулся Ларри, узнав голос Пола Ньюмена, главы Ювелирной Л лиги.

– Если у вас нет других планов на ленч, приглашаю к себе.

– Спасибо, сэр. Разумеется, я приду, сэр.

С Полом Ньюменом его познакомил Джонатан на открытии, как и с остальными членами Правления. Тогда же и было решено его вступление в Лигу. Ларри уже был на одном заседании, где его приняли как преемника Дома Левине, там же всё оформил и уплатил положенный взнос, к его удивлению не вступительный, а восстанавливающий, Все держались с ним очень корректно, но как бы на дистанции. Зачем он понадобился Ньюмену?

Без трёх минут двенадцать Ларри снял и сложил халат,

вымыл руки и вышел из мастерской. Проходя к двери, встретился глазами с охранником. Тот понимающе кивнул и вышел. Ларри запер входную дверь, но предупреждать Крафтона и опускать жалюзи не стал: надо быть, как все, а по всей Маркет-стрит с двенадцати до часу ленч. И уличная толпа – это не столько покупатели, сколько продавцы и кассиры, спешащие в кафе, бары и ресторанчики.

Магазин Пола Ньюмена располагался на другом конце Маркет-стрит, но Ларри несмотря на толпу шёл быстро и уже через пять минут был на месте. Пол Ньюмен – высокий, всего на дюйм, не больше, ниже Ларри, седой и неожиданно для ювелира краснолицый мужчина в чёрном, как и у Ларри, костюме – ждал его у входа.

– Добрый день, сэр – улыбнулся, подходя, Ларри.

– Добрый день, – приветливо кивнул Ньюмен. – Как вы относитесь к южной кухне?

Ларри озадаченно пожал плечами.

– Я мало знаком с ней, сэр.

– Тогда идёте к «Левантинцу». Мне сказали, там сегодня неплохая форель.

Ларри не посмел спорить и пошёл за Ньюменом.

«Левантинцем» назывался маленький и совершенно неприметный снаружи ресторан. Внутри он был разгорожен деревянными решётками, увитыми плющом и декоративным виноградом, на маленькие кабинки. Официанты – все в белых рубашках с пышными рукавами, чёрных, расшитых зо-

лотом жилетках и красных шёлковых кушаках – либо были предупреждены, либо вообще ничему не удивлялись, но появление Ларри не вызвало у них никаких эмоций, кроме профессионального радушия. По крайней мере, внешне.

В кабинке на двоих Ньюмен взял глянцево блестящую книжку меню, улыбнулся Ларри.

– К южной кухне надо привыкнуть. Вы позволите мне познакомить вас с ней?

– Да, конечно, сэр, – улыбнулся Ларри. – Буду вам очень признателен.

Сделав заказ, Ньюмен, когда официант отошёл, спросил Ларри о сыне, кивнул, услышав, что всё в порядке, ответил на встречный вопрос о своей семье, что тоже всё хорошо. Им принесли салат, и они приступили к трапезе.

– Перед Пасхой всегда горячка.

– Да, сэр, – кивнул Ларри. – Заказов много.

Он понимал, что это всё так, для затравки, и пригласили его для разговора о другом, но о чём? Догадаться, а, значит, и подыграть он не мог. Ньюмен почувствовал его затруднение и понял, что надо идти впрямую.

– Я хотел поговорить с вами, Лоуренс, о... Левине.

Ларри удивлённо посмотрел на него. Зачем? Ведь на том заседании вроде бы всё необходимое было сказано.

– Сэр?

– Да, о Маркусе Левине. Вы ведь... жили у него?

– Да, сэр, – очень спокойно ответил Ларри.

– О его смерти ходили разные слухи, – Ньюмен заговорил тише. – Официальная версия показалась нам неубедительной, но провести тогда своё расследование мы не смогли. Вы знаете... правду?

– Да, – твёрдо ответил Ларри, даже не прибавив положенного обращения.

– Кто его убил?

– СБ, – Ларри улыбнулся не своей обычной, а жёсткой, даже злой улыбкой. – Лично майор Натаниел Йорк.

Ньюмен изумлённо вскинул брови.

– Вот как? Тогда... тогда многое понятно. Вы смогли бы рассказать об этом на заседании?

– Да, сэр, – Ларри уже вернулся к своей обычной манере.

– И описание похищенного?

– Да, сэр. Я помню.

Ньюмен кивнул, и они приступили к рыбе.

– Нас удивило тогда, что похищенное исчезло и не всплывает даже на тайных аукционах и уголовных играх. Мы догадывались об исполнителях, потому что полиция практически отказалась работать по нашему запросу. Сейчас СБ вне закона, это многое меняет, – Ньюмен говорил и ел одновременно, получалось это у него очень естественно и даже элегантно. – Видите ли, Лоуренс, – Ларри еле заметно вздрогнул: он ещё не привык к такому обращению, – Лига защищает своих членов, и мы – не полиция, у нас нет сроков давности. Вы поняли меня?

– Да, сэр, – твёрдо ответил Ларри.

Ньюмен кивнул.

– На ближайшем заседании мы выслушаем вас. Недели через две. Вас устроит?

– Да, сэр, – кивнул Ларри.

Им принесли в маленьких чашечках чёрный, необыкновенно ароматный и нестерпимо горький кофе.

– Когда я только начинал, – задумчиво сказал Ньюмен, – я год стажировался у Старого Левине.

Ларри удивлённо посмотрел на него, и Ньюмен улыбнулся.

– Да, это было очень давно, и был жив ещё дед Маркуса. Правда, он уже не работал, и Старым Левине стали называть отца. А Маркус был уже не Младшим, а Молодым Левине и любил шалить и озорничать в работе. Конечно, за год нельзя проникнуться духом, но эта стажировка даёт очень много. Поэтому мы и сохраняем эту традицию.

Ларри понимающе кивнул. Ещё на том заседании, где его приняли в Лигу, ему сказали об этом и о том, что через два года Лига направит на стажировку к нему. Это его обязанность как полноправного члена Лиги.

Счёт был огромен по представлениям не только Цветного квартала, но и многих белых, и Ларри про себя поблагодарил то ли Бога, то ли неизвестно кого за то, что сообразил носить с собой много денег. Ему хватило и оплатить свою долю, и оставить чаевые.

Перерыв на ленч уже заканчивался, и Маркет-стрит заполнилась возвращающимися на работу служащими. Разговаривая о погоде и прочих пустяках, ювелиры дошли до магазина Ньюмена, попрощались рукопожатием, и Ларри поспешил к себе. Открыться надо вовремя, а для этого он должен войти в магазин до часу.

Входя в салон, он снял с двери табличку: «Извините, ленч», – и прошёл в кабинет. Проверая себя, взглянул на запись в ежедневнике. Да, сегодня должны прийти за серьгами и ещё за цепочкой с подвеской-трилистником. Отлично, всё давно готово.

День катился своим чередом. Ларри работал в мастерской, выходил к покупателям, выдал заказы и принял четыре новых: один большой и срочный и три обычных, оформил все бумаги, обновил витрины заказов и на продажу. Джонатан будет доволен: все крестики из клада ушли за очень хорошие деньги. И завтра уже можно идти в банк, не стоит накапливать слишком много в сейфе.

В четыре часа он вышел опустить жалюзи под общий грохот и звон стали по всей Маркет-стрит, попрощался с охранником и, закрыв изнутри входную дверь и выключив свет в магазине, вернулся в мастерскую. Час безотрывной работы. Его час.

Работал он чётко и без излишней спешки. Ювелирное дело не терпит болтовни и суеты. Но, работая, он думал о своём. А ведь субботу придётся прихватить. Два часа утром. Но

он возьмёт с собой Марка, и они будут вместе. А на следующей неделе надо будет поговорить с Дэннисом. К осени, когда Марк пойдёт в школу, надо решить проблему с домом. Ему надо думать о семье, а семья должна жить в доме. Меблирашки и пансионаты для одиночек. Как же выкроить время? Самый реальный вариант: пожертвовать одним из рабочих часов. Салон должен быть открыт в положенное время, ленч – у всех ленч, так что... Пожалуй, тогда в субботу поработать подольше, накопить задел и в понедельник звонить Дэннису, просить о встрече.

Ну вот, на сегодня всё. Ларри оглядел сделанное и стал убирать мастерскую. Убрал и заперев сейфы, он снял белый халат, повесил его в шкаф и достал синий рабочий. Уборщицы у него нет, да она и не нужна. Он сам отлично со всем справляется. Протерев полы в мастерской, кабинете и магазине и все витрины, Ларри ещё раз оглядел всё, проверил сейфы и шкафы, повесил в мастерской халат, надел пиджак и позвонил Крафтону, что уходит. Он уже знал, что Крафтон – не имя, а кодовый сигнал.

На улице ещё тепло и солнечно, но практически все жалюзи опущены, и прохожих заметно меньше. Вечерние торговля и развлечения на других улицах, а здесь уже тишина и спокойствие. Но он не последний, вон идут мастера из салона модной обуви, он не знает их имён, но вечерние встречи ежедневны, и потому они обмениваются молчаливыми, но вполне доброжелательными улыбочивыми кивками и расхо-

дятся. Его путь в Цветной квартал. Сейчас он зайдёт за Марком в пансион, они пообедают, придут домой и весь вечер будут вдвоём. Марк будет рассказывать о своих делах, новых приятелях, о том, что он успел узнать и выучить, как отвечал мисс Хольмстон, а она очень строгая, хоть и молодая, о том, как мистер Хольмстон похвалил его на спортивных занятиях, а миссис Хольмстон тоже хвалила, что он умеет правильно вести себя за столом. Ларри улыбнулся, предвкушая этот вечер и эти рассказы.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Время от времени холодный ветер пригонял тучи, и на Загорье сыпались то снег с дождём, то дождь со снегом. И всё равно это была весна. И каждый такой холодный день был чуть-чуть теплее предыдущего.

Женя шла домой, бодро пристукивая каблуками черевичек и весело поглядывая на витрины магазинов. Как всё-таки всё хорошо, как хорошо, что они уехали оттуда и приеха-

ли именно сюда. И дело не в зарплате, хотя и в нём тоже. И вообще... она всё же рассказала Эркину о гадании. Он удивлённо и с какой-то робкой надеждой посмотрел на неё.

– Женя, ты... ты веришь ей?

Она вздохнула.

– Не знаю. Она так уверенно говорила. И ты же... ты же во сне его видишь живым.

Эркин кивнул и глухо, пряча от неё глаза, сказал:

– Будем ждать.

И всё. Больше они об этом не говорили. Она, правда, испугалась было, что Эркин опять начнёт переживать, как тогда, зимой, но обошлось. И Бурлакову она написала, не удержалась. Глупо, конечно, верить гадалкам, они всегда говорят то, что клиенты хотят услышать, и мёртвые не воскресают, но... но написала, в понедельник в перерыв настучала на машинке и, не перечитывая, боясь, что передумает, запечатала в конверт и отправила, Бурлаков им тогда оставил свой домашний адрес. Хоть и представляла, как Бурлаков посмеётся над ней и её верой в гадание, но отправила. И неожиданно получила вежливое и совсем не насмешливое письмо, что тронут заботой, благодарит за внимание, ну, что обычно пишут. Так что и здесь всё обошлось благополучно.

А вокруг уже предпраздничная суета, ведь Пасха скоро, вот и закупают яйца, муку и прочее. Ну, в церковь они не пойдут, а кулич она спечёт и яйца покрасит, весь их «Беженский Корабль» к празднику готовится, никто не хочет хуже

других оказаться. Баба Фима и остальные старухи бегают по квартирам, учат, показывают... Конечно, и она всё сделает, но у неё ещё свой праздник. Пасха в следующее воскресенье, а её праздник в среду. Четырнадцатое апреля. В этот день они встретились. И вот это надо отпраздновать по-настоящему. И очень удачно, что на среду выпадает: Эркин в первую смену работает, и, пока он будет с Алиской в Культурном Центре, она всё приготовит.

Женя хихикнула, предвкушая их лица и прибавила шагу. Как всё-таки всё хорошо!

С наступлением весны валенки стали совсем неподъёмными, и Эркин уже подумывал принести свои рабские сапоги, но тут Медведев отправил его, Миняя и ещё двоих получить летнюю спецуху – спецодежду. Куртку, штаны и сапоги. В одном этом сейчас, конечно, ещё холодно, но поддеть всегда можно, а летом, ну, летом ва-аще... а зимнее домой унесёшь, выколотишь и в кладовку до зимы. Выслушав все эти наставления, Эркин, переодеваясь после работы, увязал тёплые штаны, куртку и валенки в увесистый тюк. Хорошо, что он во вторую на этой неделе и четверг сегодня, так что ни со школой, ни с покупками не завязан.

Они шли вдвоём с Миняем и вели неспешный солидный разговор о хозяйстве. Идея устроить на кухонной лоджии что-то вроде погреба не оставляла Миняя. Мечтал он и об участке, чтоб сад с огородом, своё когда, а не покупное – это

ж совсем другое дело. Эркин особо не возражал, но его ни свой сад с огородом, ни дом, где надо топить печь и таскать воду из колодца, нет, его это не привлекало. Водопровод и центральное отопление куда лучше.

– Оно, конечно, так, – вздохнул Миняй, – но вот печь, знаешь, русская, с лежанкой, это зимой залезешь, прогреет тебя и любую хворь снимет.

И Эркин невольно кивнул, вспомнив ту печь, без лежанки, правда, и как он прижался к ней всем своим избитым голодным телом, впитывая тепло.

– Да, – задумчиво сказал он, – печь – это хорошо.

– Во! – оживился Миняй. – А баня?! Да разве ванная, недомерок этот кафельный, в сравнение пойдёт?! И рядом не лежало! Попариться... слушай, а ты в бане, настоящей, с парилкой, был когда?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Только слышал, в лагере рассказывали.

– Ну вот. А я помню. Эх, сговориться бы с кем из наших, кто в Старом городе, у них там, почитай, в каждом дворе банька, да пропариться. Общественные тоже... то, да не совсем то. А там-то... да как следует... Это... это ж как заново родиться!

– А мне душ нравится, – возразил Эркин.

– Удобно, конечно, кто ж спорит, но для души баня лучше, – убеждённо сказал Миняй.

За разговором они незаметно дошли до дома и попроща-

лись у центральной башни.

Время позднее, Алиса уже спала, но Женя, как всегда, ждала его.

– Эркин, – она быстро обняла и поцеловала его. – Ты как?

– Всё в порядке, Женя.

– А это что?

– Это моё зимнее, ну, – Эркин улыбнулся, – спецуха. Нам летнее выдали, а зимнее вот, я принёс.

– Ага, понятно, – кивнула Женя, – потом займёмся, раздевайся, и ужинать будем.

Эркин занёс свой тюк в кладовку, быстро переоделся в домашнее, умылся – душ потом, перед сном, Женя же ждёт – и прошёл на кухню. Накрытый стол, мягкий свет, нарядные занавески на окне, и всё, каждый шкафчик, крючок, полочка, – всё это его, куплено и сделано им. Никогда ему так хорошо не было.

– Вкусно?

– Мм-м! – Эркин даже глаза закатил, изображая полный восторг. – Потрясающе вкусно.

Женя засмеялась и встала, собирая посуду. Когда она потянулась за его тарелкой, Эркин перехватил и поцеловал её руку. А Женя, наклонившись, коснулась губами его волос. И пока она мыла и расставляла посуду, Эркин сидел за столом и смотрел на неё, и Женя ощущала его взгляд, как тёплое ласковое прикосновение.

– Завтра ты в школе?

– Да, – вздрогнул Эркин. – И я прямо из школы на работу. Алиса одна пообедает?

– Конечно. Она это ещё когда умела. И ты пообедать не забудь.

– Я у «соловьёв» поем.

«Соловьями» назывался трактир недалеко от Новой площади. Там висели клетки с ручными соловьями, нельзя было курить и шуметь, а кормили сытно и вкусно. Правда, недёшево. Но Эркина это уже не смущало. Разве в Бифпите они с Андреем не ели в лучшей цветной забегаловке? И жили в хорошей гостинице. И ведь как поешь, так и поработаешь.

– Хорошо, – кивнула Женя и, улыбаясь, но строгим голосом спросила: – Ты уроки сделал?

– Сделал, – ответно улыбнулся Эркин.

Всякое упоминание о школе вызывало у него улыбку. Он сам не ждал, что учёба так ему понравится.

– Ну и отлично.

Женя вдруг, неожиданно для себя, зевнула. Эркин легко, одним плавным движением встал и подхватил её на руки.

– Пошли спать, Женя, да? Сейчас я тебя отнесу, уложу...

– Да-а, – Женя, обхватив его за шею, положила голову ему на плечо. – А мыться ты будешь?

– А как же, – Эркин поцеловал её, входя в спальню.

Но уложить себя и раздеть Женя не дала, мягко высвободившись из его объятий. Эркин, как всегда, не стал спорить. Как Женя хочет – так и будет. Он быстро разделся до трусов,

положил на место домашний костюм и ушёл в ванную.

Трусы в ящик с грязным, немного потянуться и под душ. И чего Миняй так о бане страдает? Душ с хорошим напором, душистым мылом... чего ж лучше? Что ещё нужно? А если много времени и хочется чего-то такого, то в ванне по-валяться тоже... как говорят, не хило.

Эркин выключил душ, растёрся полотенцем и надел свой махровый халат. Мохнатая ткань приятно легла на чуть влажную кожу. Он затянул пояс и повёл плечами, увидев себя в зеркале. А что? Очень даже ничего. И враки все беляцкие, что после двадцати пяти кранты спальнику. Вот, двадцать шесть ему – и ничего!

Когда он вошёл в спальню, Женя уже лежала, но не спала, а перелистывала яркий глянцевый журнал. Эркин сбросил халат на пуф – утром отнесёт его в ванную – и лёг на своё место, потянулся, распуская мышцы, привычно закинул руки за голову. Женя закрыла и положила на свою тумбочку журнал. И, прежде чем выключить лампу, повернулась к Эркину.

– Спим?

– Как хочешь, Женя, – улыбнулся Эркин. – Тебе рано завтра. Это мне...

– А тебе в школу, – Женя щёлкнула кнопкой на подставке лампы и уже в темноте вытянулась на боку лицом к нему, погладила его по груди. – Спи, милый.

– Да, Женя, – Эркин мгновенно накрыл её руку своей ла-

донью и прижал к себе. – Да, Женя, спасибо. Спокойной ночи, да?

– Спокойной ночи, – шёпот Жени слился с её поцелуем.

Эркин закрыл глаза, услышав сонное дыхание Жени, и заснул. И последняя уже во сне мысль: как хорошо, как всё-таки всё хорошо.

Загорье разрасталось. Строили Культурный Центр, новую большую школу, ещё многоэтажный дом, но не кораблём, а башней. В газете писали, что там будут только маленькие квартиры, для одиноких и бездетных пар, и, хотя строители ещё только с фундаментом возились, этот дом уже окрестили Холостяжником. Строились ещё разные дома. Говорили, что надо ставить большую церковь в Новом городе, а в Старом собирались перестраивать школу. Писали в газете и о больнице, старая-то совсем мала, с каждой хворью в район не наездишься, а заводская поликлиника – она для завода. В мебелирашках и двух гостиницах было не протолкаться, и по всему городу открывались всевозможные пансионаты и общежития. А народу всё прибывало.

И всё-таки большинство встречных были Эркину знакомы или казались знакомыми.

Как всегда, когда ему не надо было в первую смену, он вставал раньше Жени, готовил завтрак, и они завтракали втроём. Для обеда Женя всё подготовила ещё вчера, и, когда она убежала на работу, чмокнув на прощание его и Алису,

он быстро со всем управился.

– Пообедаешь сама, – сказал он Алисе, укладывая в сумку учебники и тетради.

Русский язык, арифметика, английского сегодня нет, природоведение... – всё взял.

– Ага, – кивнула Алиса. – А ты в школу, да?

– Да.

Алиса проводила его до дверей.

– Всё в порядке? – спросил по-английски Эркин, уже берясь за ручку.

– Да, я в порядке, – тоже по-английски ответила Алиса. – А ты вернёшься?

– Конечно, – улыбнулся Эркин. – До свидания.

На улице пасмурный, но тёплый день, неумолчные ручьи вдоль тротуаров. Ему говорили, что туман и дождь снег съедают не хуже солнца.

В киоске он, как каждое утро, купил газету. Старый киоскёр приветливо кивнул ему и, не дожидаясь вопроса, протянул «Загорскую искру».

– «Светлячок» новый есть. Возьмёшь дочке?

– Возьму, – кивнул Эркин. – Спасибо.

«Светлячок» – журнал для детей. Картинок больше текста. Он уже три номера купил Алисе. И самому оказалось интересно. Расплатившись, он запрятал журнал в сумку к учебникам, а газету сложил ещё раз вдоль и сунул за борт куртки, как ещё зимой привык.

К Культурному Центру ему идти по центральной улице, но Эркин уже давно не вспоминал намертво, казалось, усвоенное, вбитое, что он цветной и ему здесь ходить не положено. Это Россия, это его город, и магазины, конечно, дорогие, но если прикинуть, то он уже в каждом успел побывать, один или с Женей, и уходил с покупками. Он шёл выпрямившись, высоко вскинув голову и открыто глядя на встречных, отвечая улыбкой на улыбку. И удивительно, сколько знакомых лиц, по заводу, по Старому Городу, просто... по улице.

– Хей! – окликнули его.

Эркин оглянулся. Молодой индеец из бригады Сеньчина. Длинные волосы перехвачены поперёк лба ремешком и падают на плечи, кожаная куртка надета прямо на голое тело и распахнута до середины груди. Ну, шапки нет – понятно, это уж кто как привык, а рубашку мог бы и купить. Но ответил Эркин вполне дружелюбно.

– Привет.

– Далеко?

– В Центр, на занятия, – охотно ответил Эркин.

Парень насмешливо хмыкнул.

– Охота тебе под бледнолицего...

– Под кого? – не понял Эркин. – Ты понятней говори.

– Ну, мы – индейцы, – парень говорил с сильным акцентом, но в словах не путался. – А остальные – бледнолицыце.

– А-а, – протянул Эркин. – Понял. Это ты, что ли, про гасе, – «расу» он назвал по-английски, и насмешливо улыб-

нулся. – Так я и ехал сюда, чтоб этим не считаться. А ты...

– А мы от голода, – хмуро сказал парень. – Два года охоты не было.

– Охота – ненадёжное дело, – кивнул Эркин.

Они шли теперь рядом. Эркин искоса посмотрел на парня. Да, похоже, не отъелся ещё.

– Ты какого племени?

– Никакого, – сразу помрачнел Эркин. – Не знаю я.

Индеец удивлённо посмотрел на него.

– Ты что, из этих? Ну... – И с трудом выговорил по-английски: – Reservation?

– Нет, – усмешка Эркина стала горькой. – Нет. Хуже.

– Как это? – изумление парня было искренним. – Я слышал, рассказывали, ну, кто оттуда прибежали. Так ничего хуже не бывает.

– Раб я, – неохотно сказал Эркин по-английски и убеждённо закончил по-русски: – Это хуже.

Парень неуверенно кивнул.

– Я слышал... но не знаю...

– И не надо тебе знать, – буркнул Эркин, ускоряя шаг.

Индеец упорно шагал рядом, и Эркин решил, что отношения всё-таки лучше наладить.

– Тебя как зовут?

Парень произнёс что-то непонятно-гортанное и улыбнулся.

– А по-русски... Маленький Филин, да, так. А ты?

– Эркин Мороз, – улыбнулся и Эркин и осторожно спросил: – А вы вот, все из одного...

– Племени? – помог ему Маленький Филин. – Да. Род разный, а племя одно. Мы – шеванезы.

– Шеванезы? – переспросил, запоминая, Эркин.

Те, что тогда летом приезжали в резервацию возле имения, тоже называли себя шеванезами. Интересно.

– А другие племена есть?

– Есть, конечно, – пожал плечами Маленький Филин. – Но. Мы... мы самое большое племя. И на Великой Равнине первые. Остальные потом пришли.

– Ага, – кивнул Эркин. – Понятно.

За разговором они дошли до Культурного Центра. Эркин остановился.

– Мне сюда. До встречи?

– До встречи, – кивнул Маленький Филин.

Они обменялись рукопожатием, и Эркин легко взбежал по ступенькам. Маленький Филин проводил его взглядом до дверей. Станный парень какой-то. Индеец, а ничего не знает, ни поздороваться, ни выругаться не умеет. И жить хочет, как бледнолицый, в одежде... да во всём. Зачем это ему? Или он из изгнанных? Слышал о таком. Но, говорили, что такое бывало давно и очень редко. Любое племя своих бережёт, и кем надо стать, чтоб тебя изгнали... Маленький Филин недоумевающе пожал плечами на свои мысли и пошёл дальше. Никуда, просто гуляя. Нельзя же целыми днями на кровати

валяться.

Входя в Культурный Центр, Эркин уже забыл о случайном собеседнике. Привычно сдал в гардероб куртку и пошёл в класс. Во вторник их было трое, остальные работали, видно, и сегодня так же будет.

Но сегодня оказалось четверо. В своём углу, как всегда опираясь спиной в в стену, сидел Тим.

– Привет, – удивлённо поздоровался Эркин. – Ты чего, не в первую сегодня?

– Поменялся, – кратко ответил Тим и достал сигареты. – Пошли покурим.

Павлов и Новиков – они и работали в одной бригаде на стройке, и жили вместе, снимая одну комнату в мебелирашках, и здесь сидели всегда рядом – даже голов в сторону разговора не повернули, сосредоточенно списывая друг у друга.

Предложение Тима удивило Эркина: Тим же знает, что он не любитель курева, – но согласился. Бросил сумку на свой стол, и они вышли. Курили обычно в туалете, в передней комнате, где раковины и сушка. Тим достал сигарету, но не закурил, а молча вертел и мял её в пальцах.

– Ну? – пришёл ему на помощь Эркин. – Давай, а то звонок скоро.

– Тут... тут такое дело, – голос у Тима натужный, будто ему сдавило горло. – Ты... того... ты пойми. Ты ж должен это знать, будь человеком, как человека прошу.

– Та-ак, – настороженно протянул Эркин, догадываясь, о

каких его знаниях пойдёт речь, и перешёл на английский. – И в чём проблема?

– Затяжелела моя, – тоже по-английски ответил Тим. – Три месяца уже, врач ей сказал.

Эркин быстро на мгновение опустил ресницы и снова открыто посмотрел в лицо Тиму.

– И какая моя помощь тут нужна?

– Ну... Ну, как с этим теперь? Чтоб ни ей, ни ребёнку не повредить?

Тим смотрел на него с таким странным на его обычно непроницаемом лице выражением надежды, что Эркин заговорил очень просто и деловито.

– Сбоку или вниз ложись. Чтоб на живот не давить. И не лезь сам, только когда сама попросит.

– Ага, понял, – энергично кивнул Тим. – Всё?

– А с остальным ты не справишься, – с неожиданной для самого себя злобой ответил Эркин и перешёл на русский: – Пошли, звонок уже.

Тим молча кивнул, выбросил в урну так и не понадобившуюся сигарету, и они вышли из туалета.

В класс они вошли со звонком, но после Полины Степановны. Она только посмотрела на них, но ничего не сказала. И урок пошёл своим чередом.

Американская Федерация

Атланта

Сейлемские казармы

Центр репатриации

В ночном бараке ровный сонный шум. Храп, вздохи, бормотание во сне, чьи-то негромкие беседы. Андрей лежит на своей койке, слушает и не слышит, плывёт в полусне. Сейчас его никто не видит, он один, может не следить ни за лицом, ни за словами. Он – Андрей Фёдорович Мороз, из угнанных... Ладно, легенду он помнит... аж от зубов отскакивает, сам же её сколько времени сочинял, складывал из подслушанных, обиняком вызнанных кусочков и осколков собственных воспоминаний, чтоб без противоречий и нестыковок, и чтоб проверке поддавалась настолько, насколько можно и нужно. Ладно, можно об этом не думать.

Ладно, врачей он свалил, обошлось даже легче, чем думал. На номер его и не поглядели, не спросили, вот и врать

не пришлось. Ну да, не тюремные росписи, как у бывалых сидельцев по русским тюрьмам, там бы начали мотать, где, когда и за что. А так... сошло. Шрамы только на заживление проверили. И в карте ему во всех графах написали: «Практически здоров, без ограничений». Уже легче. Ну, особо он и не боялся. Больных по-настоящему ещё на первичном осмотре отсекают и сразу: кого в госпиталь, а кого и за ворота, рассказывали у курилки. А вот психологи...

Андрей улыбнулся воспоминанию, не открывая глаз. А ведь тоже обошлось. Но и протрясся, конечно. Картинки, тесты... отбери одно, подбери другое, то – подумай, не торопись, то – быстренько, не задумывайся. И никак не угадаешь: под придурка косить или мозги напоказ выставлять...

...Спокойная приветливая без насмешки улыбка, зелено-вато-карие глаза.

– У тебя очень хорошие показатели. Тебе надо учиться.

– Спасибо, но, – он тоже улыбается, разводит руками, – только кто ж меня кормить будет.

Понимающий кивок.

– Есть вечерние школы, курсы. Учись обязательно. А то сопьёшься.

– Это ещё почему?

– От тоски, – улыбается психолог. – У тебя тоска по учёбе, ты только ещё не понял этого. И быть тебе филологом, или историком, или ещё кем, но там же.

– А я шофёром хочу.

– Будешь. Учись на шофёра. Но ты – гуманитарий, – улыбка становится чуть насмешливой. – Сейчас ты скажешь, что не знаешь этого слова.

– И скажу! Объясните.

– Пока не надо. Просто запомни...

...Гуманитарий. Надо будет по словарю проверить. Если то, как он помнит, то... то что, яблочко от яблони? К чёрту!

Андрей сердито повернулся на бок, натянул на плечо одеяло, закутался, пряча лицо в тёплую, наполненную живым запахом темноту. Здесь не холодно и безопасно, но ему так привычнее.

И успокоившись, снова улыбнулся. А ведь раскусил его этот чёртов психолог, не во всём, но раскусил. И удачный совет дал. Вполне в масть...

...Карта подписана. Лист заключения тоже. Но разговор не окончен.

– Ты место себе подобрал уже?

– Нет ещё, так, – он неопределённо крутит в воздухе рукой. – Подумываю.

– В Пограничье тебе оставаться нельзя, – и снова внимательный, но не враждебный взгляд. – Слишком тебя будет прошлое тревожить, на любом пустяке можешь сорваться.

– И куда посоветуете?

– Подальше от границы. Начни всё заново. Ты уверен в гибели родных, но боль ещё не улеглась. Не растравляй её. Ограничений по климату у тебя нет. Деревня тебе не нужна,

не приживёшься ты там, а жить через силу, насилуя себя, не стоит, слишком велика нагрузка. И расплата. Ты – горожанин, но в большом городе тебе будет пока тяжело, лет через пять можешь попробовать.

– Ага, понял...

...Андрей поёрзал, укладываясь поудобнее. Ну вот, теперь есть на кого сослаться. Библиотекаршу он наведёт, чтоб сама ему на Ижорский Пояс указала, а Загорье... а название красивое. За горами. Всегда хотел в горах побывать.

Значит, завтра в библиотеку, потом в отдел занятости. Библиотекаршу он обработает, не проблема. А вот этот отдел... говорят, он с особым отделом на контакте. Большом и плотном. Так что, Андрей Фёдорович, рано тебе расслабляться. Спи давай. Я от лагеря ушёл, я от Найфа ушёл, а от тебя... Стоп. Когда уйдёшь, тогда и spoёшь. А пока спи.

Но и сквозь сон он прислушивался к ровному шуму, готовый в любой момент проснуться, чтобы защитить себя.

Американская Федерация

Алабама

Литерный поезд медицинского назначения

Их поезд шёл вне рейсового расписания и без особой спешки. Вообще вся спешка и суета закончились вместе с посадкой. Да ещё, пожалуй, где-то с час, пока привыкали, приспособлялись к колышущимся полам, тамбурам и переходам. А потом... потом пошла обычная жизнь.

Крис с Люсей обживали своё двухместное купе. Мягкие диваны, маленький столик у окна, крючки, полочки, всякие приспособления. Их вещи – большой рулон из перины, одеяла и подушек и два чемодана – Крис уложил на верхнюю полку над дверью, оставив внизу только самое необходимое. Есть они будут ходить вместе со всеми в столовую: по поезду с судками не набегаешься, и где потом посуду мыть, так что посуду всю тоже упаковали. В дороге будут, как им сказали, не больше недели, так что... так что, всё будет в порядке.

Крис оглядел их купе, Люсю на диване у окна и улыбнулся.

– Ага, – сразу поняла его Люся. – Поверить не могу, что едем. Садись, Кирочка, к окну хочешь?

К окну – это напротив Люси, а ему хотелось и рядом с ней, но и что за окном, конечно, интересно. И сел всё-таки с Люсей, обнял её за плечи, и она сразу положила голову ему на плечо. Так они и сидели рядом, и смотрели на зелёные, бегущие им навстречу деревья, за которыми совсем не просматривались старые развалины.

В общем вагоне, где разместились парни, было шумно и весело. Бегали, устраивались, спорили, чем верхние полки лучше нижних, чей мешок валяется в проходе, а если там конфеты, то мой, а ну губы подбери, раскатал на халяву, а он такой... И многие этим шумом и суетой прикрывали страх, особенно те, кто решил ехать в последнюю минуту.

Эд и Майкл заняли себе две нижние полки в одном отсеке и теперь сидели у окна с видом завязтых путешественников.

Наконец, всё утряслось и улеглось, в конце вагона, где в двух отсеках разместилось отделение хоззвода и двое бойцов комендатуры – следующий вагон был их целиком – несколько голосов уже пробовали песню. Озабоченно прошёл комендант, зорко поглядывая по сторонам. Сухой закон на время дороги не отменили, а даже усилили. И об этом специально всех предупредили.

Андрей проверил в вагоне для раненых Колюню и, вернувшись в свой вагон, обнаружил, что его вещи забросили

на верхнюю полку в отсеке Майкла и Эда.

– Эт-то... – начал он.

– Чтоб под присмотром был, – не дал ему договорить Майкл.

А Эд кивнул.

– За тобой только не досмотри, обязательно вляпаешься.

Андрей обиженно надул губы, но промолчал и полез на свою полку устраиваться. И тут же едва не упал, потому что Майкл сдёрнул у него с ног ботинки.

– Ты!..

– Заткнись и думай сначала. Понял?

– Понял, – проворчал Андрей.

Третья полка над головой не давала выпрямиться, но гибкости ему не занимать, и Андрей сравнительно быстро разобрал мешок с расхожим на дорогу. А перекинуть на третью полку чемодан помочь ему встал Майкл.

– Чемодан лучше вниз, – сказал Эд и медленно, тщательно выговаривая слова, обосновал: – Бережёного бог бережёт.

И чемодан поставили вниз, в ящик под полку Майкла.

Закончив с вещами, Андрей вытянулся на своей полке и тут же обнаружил, что если лечь на живот, то в окно всё отлично видно. Но не один он такой умный, и вскоре в вагоне установилась созерцательная тишина, нарушаемая только вопросами и комментариями. На поезде парни ехали впервые, да и вообще... раньше-то только в закрытых наглухо фургонах возили, а зимой...

- Зимой я себя уже от боли не помнил.
- Да, тогда ни до чего было...
- Ага, чтоб ещё по сторонам смотреть...
- А я на сапоги смотрел.
- Ударят или нет?
- Ну да...

И теперь они все с живым детским вниманием разглядывали проплывающий за окнами алабамский пейзаж.

Жариков и Аристов ехали в одном купе. Для обоих переезд этот не первый, но такой спокойный... да, страшная вещь – стереотипы. Ведь вот, что война полтора года как кончилась, они знают преотлично, а вошли в поезд и едут, ожидая сигнала воздушной тревоги. И прежде, чем Жариков додумал это до конца, о том же самом и почти теми же словами сказал Аристов. Жариков рассмеялся и ответил удивлённому взгляду Аристова.

– Мы уже об одном думаем.

Аристов пожал плечами и спросил уже о другом.

– Парни не психанут?

– Нет, – сразу ответил Жариков. – У них эти стереотипы отсутствуют, – и улыбнулся. – Им всё впервые, Юра.

Аристов кивнул.

– Большие дети. Да, ты знаешь, что за Андреем приезжал его бывший хозяин?

– А откуда это знаешь ты?

– Ну, знаешь ли! – возмутился Аристов. – Я вошёл к ним в контакт, когда они от тебя ещё всю шарахались.

– Не кипятись, Мама Юра. Знаю, конечно. Чудо, что парень удержался.

Аристов кивнул.

– Да. А ведь он самый... мягкий, пожалуй, так.

– Да нет, – Жариков задумчиво покачал головой. – Здесь немного другое. Вот Алик...

– Новенький? Ну, такой... размазня, студень дрожащий... единственный и неповторимый, – зло фыркнул Аристов. – Он, что ли, мягкий? Он просто трус.

– Ну, остальные зимой тоже чудес храбрости не демонстрировали, вспомни. По-настоящему только Крис боролся.

– Ну, Крис... – Аристов улыбнулся. – Сравнил...

– А Новиков? Он самый молодой, мальчишка. И самый слабый, согласен. А Андрей силён. И в том, что смог удержаться, отказаться от убийства, тоже сила. И ты к этому руку приложил. В Хэллоуин, помнишь?

Аристов задумчиво кивнул.

Успокоительно стучали колёса, за окном светлая молодая зелень, и спрятанное за разговорами ещё недоверчивое ликование: домой, едем домой!

И постепенно это чувство завладело и парнями. Весь поезд был так заполнен этим, что, кажется, поэтому и не останавливался, и не спешил. Чтоб не расплескать ненароком.

До обеда Андрей лежал и смотрел в окно, не участвуя в общем разговоре. Смотрел и думал. Вот все говорят: «Домой... На Родину... Возвращаемся...». А он? Он куда едет? И другие парни. Ну, Крису, положим, всё равно куда, лишь бы с Люсей. Ну... Нет, о других он ничего сказать не может, а он, он сам? Что он чувствует? Разве Россия – его Родина? Нет. Родина – это где родился, по самому слову так выходит. Значит его Родина – Алабама. Или... Нет, у него питомнический номер, а где был тот питомник, в каком штате... Кто знает. Данных нет, все регистрационные книги – им говорили – сгорели вместе с питомниками. СБ же и сожгла. Значит, что? Значит, Империя, будь она проклята? Для удостоверения он местом рождения указал Алабаму, как и остальные парни. В каком штате нашли, где подобрали или из развалин вытащили, там и родились. Во второй раз. Это понятно. Это, значит, и Родина. А Родину надо любить. Страдать от разлуки. Как это... да, правильно, ностальгия. Трудное слово. Но вот он как раз рад, что уезжает, что никогда больше не увидит всего этого, не услышит английской речи. Так что? У него нет чувства Родины? Почему? Если по книгам, то Родину любят все, с рождения, а уехав, страдают от ностальгии. Книгам он верит. В чём же дело?

Кто-то дёрнул его за ногу. Андрей, приподнявшись на локтях, сердито обернулся и увидел Алика.

– Тебе чего?

– Обед проспичь, – хохотнул Алик.

Занятый своими мыслями, Андрей и впрямь не заметил, как затих и опустел вагон.

– Ах ты, чтоб тебя!

Андрей спрыгнул вниз и, чуть ли не на бегу обуваясь, рванул к выходу.

– Андрей! Там столовка!

Выругавшись ещё раз и уже крепче, Андрей круто развернулся, едва не ударившись о стояк, и они побежали в столовую.

Вагон-столовых в поезде было две. Для раненых и для персонала. Есть, правда, нужно было в очередь, посменно. Они еле-еле в свою успели. И обедать пришлось второпях, чтобы освободить посуду и место для следующих. А им уже понравилось сидеть за столом, не заглывать, а чувствовать вкус, но... Раз надо – значит, надо.

Зато обратно шли уже не спеша. Большинство дверей в «докторском» вагоне открыты, и, увидев в очередном купе Жарикова, Андрей подтолкнул Алика в спину.

– Иди, я догоню.

Тот послушно пошёл дальше, про себя удивляясь нахальству Андрея, что таким нахрапом и не боится, хотя... он же джи, вот и ладит с врачами. А Андрей постучал по косяку полуоткрытой двери.

– Иван Дормидонтович, можно?

– Можно, – улыбнулся Жариков. – Заходи.

Но Андрей, войдя, увидел лежащего на другом диване

Аристова и сразу остановился.

– Ой, я не знал. Вы отдохайте, я потом зайду.

– Ничего, – улыбнулся Аристов.

Он лежал поверх одеяла, одетый, только китель и ботинки снял.

– Ничего, Андрей. Случилось что?

– Нет, – мотнул головой Андрей. – Я ещё сам подумаю и потом приду.

И, гибко повернувшись, вышел прежде, чем они успели что-то сказать.

– Мыслитель, – с мягкой насмешкой сказал Аристов, вслепую нашаривая на столе сигареты.

– Левее, – подсказал ему Жариков. – Да, кто бы мог ждать. Интересно, какая у него сейчас проблема?

– Он же обещал прийти, когда додумает.

Жариков кивнул и тоже закурил.

– Тебе в ночь?

– Да. Я подремлю пока.

– Об чём речь.

Аристов докурил, ловко выкинул окурочек в окно и закрыл глаза. Жариков откинулся на спинку дивана и погрузился в то спокойное, даже отрешённое от всего состояние, когда не спишь, всё видишь и слышишь, и глубоко полностью отдыхаешь. Иногда хватало нескольких минут. Хватало потому, что больше не давали. Но если была возможность... а сейчас она есть...

Вернувшись в свой отсек, Андрей снова залез на полку и лёг. За окном всё то же. Тогда, зимой, когда его везли в госпиталь, он ничего не видел. Лежал на дне кузова, ничего не чувствуя, кроме боли и страха. Новый хозяин накормил его, не бил, ночью он спал рядом, и хозяин не трогал его, не заставил работать, но и не сделал с ним главного – не ударил по лицу и не дал поцеловать ударившую руку, и он теперь гадал: почему? Может, его не хотят брать в рабы? Потому что он слаб и болен. И не мылся столько дней, всё тело в корках, и воняет от него так, что сам чувствует. Но... но ведь это всё пройдёт. Ему бы хоть помыться и поспать, чтобы боль немного отпустила, и он опять всё сможет. Хозяин, похоже, добрый, насиловать не будет, а руками или ртом он и сейчас сработает. Ох, чёрт, как болит, каждый толчок отзывается. Хозяин – добрый, разрешил лежать на боку, а то по-другому больно очень, не может он лечь как положено. И холодно. Приоткрывая глаза, он видит хозяина, тот сидит совсем рядом, прислонившись к борту, и лицо не злое, а усталое. А совсем рядом хозяйские сапоги почти касаются его лица, и ему впервые не страшно, что его пнут или ударят, добрые сапоги. Он бы погладил их, но боится разбудить хозяина...

Андрей поднял голову, чтобы ветер из окна размазал, высушил слёзы. Сержант Андрей Кузьмин, спасибо тебе за жизнь, за... за такую жизнь. Ты сразу знал, кто я. Тот бандюга тебе сказал, что я спальник, а чтоб ты понял, ещё и покривлялся, поизображал и велел мне раздеться. Я раздевал-

ся и плакал, я тогда всё время плакал. От голода, боли, от страха. Я не знаю, что ты понял, но ты ударил бандита, в зубы, «русским замахом», я потом уже все эти слова узнал, а ты показал бандиту автомат, и тот встал к остальным, таким жалким, испуганным, а мне ты жестом велел одеться и идти за тобой и повёл к кухне, а за спиной трещали выстрелы и кричали бандиты, банды расстреливали на месте, я это уже знал, жалко, не всех, часть успела смыться, а меня ты привёл к кухне и накормил. Сержант Андрей Кузьмин...

Андрей повернулся на спину, подвинул подушку и лёг уже для сна. Нет, он не хочет смотреть на Алабаму. Гори она синим огнём. Дежурить ему в вагоне завтра, Колюню он обещал навестить вечером, после ужина, так что можно спать. Книги у него всё равно в чемодане. Да и остальные... Он покосился вниз. Майкла и Эда не было, и им, похоже, надоело глазеть, пошли к кому-то.

Андрей глубоко вздохнул и распустил мышцы, распластался на подрагивающей полке. Всё, он спит.

Россия

Пограничье

Многого они от этой поездки не ждали. О прибыли и речи

не шло, лишь бы убытки оказались не слишком большими. Но всё обошлось. Точку поставить, конечно, не удалось, но зацепились. И вымотались они за эти три дня – а на большой срок русские деловой визы не дают – хуже, чем за неделю серьёзных игр. Мешал чужой язык, чистые напитки вместо коктейлей, необходимость пить залпом, странная еда...

Успокоительно стучат колёса, мягко покачивается вагон. Первый класс – везде первый. Покой и удобство.

Джонатан устало вздохнул и открыл глаза. Фредди дремлет, за окном всё те же прикрытые зеленью и слегка подлатанные развалины. Да, основательно здесь всё перекорёжили, что ж, пусть русские теперь сами с этим возьмётся. В целом... в целом, поездка удалась. Могло быть гораздо хуже. Ладно, это они сделали. Теперь прямо в Колумбию. А там Ларри, «Октава», Слайдеры, остальные точки. Потом в имение хоть на неделю. Нет, пожалуй, даже на две.

Фредди открыл глаза и насмешливо хмыкнул:

– Мечтаешь?

– Прикидываю, – ответил Джонатан. – На границе мы будем ночью.

– Завтра тогда в Колумбию. Проверим, накрутим хвосты и, – Фредди зевнул, – и заляжем. – И улыбнулся уже с закрытыми глазами. – Отдыхай до границы, Джонни.

Джонатан кивнул. Туда они прошли благополучно, а обратно... хотя, нет, проблем быть не должно. Он откинулся на спинку и закрыл глаза. Ни снов, ни видений, ничего, кро-

ме усталости и зыбкого неустойчивого покоя. Что могли, они сделали, но... но Фредди не отступит. Добьётся, из-под земли выроет, но достанет правду об Эндрю. А она нужна им, эта правда? За что Эндрю кончил Найфа? Бульдог упёрся, что смерть Найфа нам выгодна. Чем? Только Эндрю знает ответ. Найф и Крыса... один к одному... там ставкой была жизнь Фредди, а здесь? Там была карта, какую бумагу вынул из Найфа Эндрю? Тогда карту не сожгли, спрятали и отдали в руки, а здесь? Тогда был рассудительный и осторожный Эркин, а здесь? Ладно, примем, что Найф где-то раздобыл что-то против Фредди, Эндрю заткнул ему пасть, забрал это что-то и... исчез, скажем так. Исчез на русской территории, нет, в России. С этим ясно. А деньги? Двести тысяч. Что это было? Аванс или расчёт? Почему Эндрю побрезговал взять эти деньги? Кто-то покупал голову Фредди? Кто? И опять это знает только Эндрю. И покупатель. Всё это они обсуждали с Фредди, не раз, со всех сторон, и снова и снова возвращались к одному: ответы на все вопросы у Эндрю. Знать бы, где Эркин, а Эндрю наверняка с ним. Но и Эркина нельзя искать: Бульдог на страже. А там и русских коллег подключит. И радостно с обеих сторон на парня повесят всё нераскрытое. Полиция тоже везде и всегда одинакова. Что ж, остаётся ждать, ждать случая, надеяться на удачу. Лишь бы удача не изменила, а с остальным справится.

Пронзительно вскрикнул паровоз, то ли оповещающая о прибытии, то ли сгоняющая кого-то с путей.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

После Пасхи наступили нестерпимо солнечные дни. И когда на Загорье обрушились бурные с грозами ливни, вокруг заговорили, что вот теперь-то всё зазеленеет, всё в рост пойдёт.

В первую же грозу крыша их дома – Артём уже считал дом своим – протекла, и они с дедом еле-еле залатали её.

– Надо кровлю менять, – дед ощупал заделанную щель и зло выругался. – И стропила перебрать.

Артём хмуро кивнул. Они сидели рядом на сырой, слабо парящей под солнцем крыше.

– Нанимать придётся, да?

– Одни мы не справимся, – вздохнул дед. – Это ж по-настоящему уметь надо, а денег...

Вздохнул и Артём.

– А... а, дед, если я работой расплачусь? Ну, работа за работу, на огороде, скажем, а?

– Неравноценно это, – после недолгого раздумья ответил дед. – Ладно, пока залатали, а там что-нибудь придумаем.

Они слезли вниз и вошли в дом. Бабка и Лилька уже убрали подставленные ночью под капель вёдра, таз и корыто, вытерли пол.

И опять покатила круговерть дел и хлопот. Работа, дом, огород, учёба... Артём блаженно захлёбывался в этом водовороте. Эх, если б ещё денег чуть побольше. Он уже получал наравне с другими: его из учеников перевели в рабочие, а на Пасху он помогал продавать цветы и получил процент с проданного им, и всё равно... столько всего нужно, что никаких денег не хватит. А их и вовсе нет. На остатки пособия провели свет, но почти не включали: этот чёртов счётчик только недогляди, так столько накрутит, что по гроб жизни не рассчитаешься, но уроки всё-таки делали теперь при свете. И того, что он боялся, не было. Пока не было. Бабка, охмурив деда, даже не то, чтобы подобрела, но стала относиться к ним теплее. Что ж, как к нему, так и он. А что она ругается и ворчит, так это пустяки. Когда без злобы, так и не важно.

В горнице теперь не повернуться. Цветастая занавеска отгораживает кровать Лильки, стол из-за этого пришлось выдвинуть почти на середину, под лампу, загородив им их бывшую общей кровать. Дед теперь спит у бабки, Ларька, чтоб ночью не свалился с лежанки, на кровати с Санькой, а Артём один на лежанке. Вечером Ларька с Санькой колобродят, щиплются, катаются по кровати, пока Артём не пообещает

врезать обоим, чтоб спать не мешали. А ему самому лежанка мала: как вытянется, так ноги торчат. Он чего-то за зиму вырос, уже вровень с дедом и даже чуть выше.

– Дед, может, я лучше на полу спать буду?

– Угу. Это чтоб, когда с проверкой придут, вляпаться?! – рассердился дед.

Всё так, Артём и сам это понимает. Когда они оформляли документы и получали пособие, им, считай, в открытую сказали, что если его хоть в капле какой ущемят, то дед опеку над ними потеряет. Нет, рисковать нельзя, не объяснишь же, что ему на полу удобнее. Вот же видно: кровать есть, а он на полу. Непорядок. И ничего никому не втолкуешь.

Но всё это пустяки. В самом деле, пустяки. А главное... как пахнет взрыхленная земля, ещё холодная, согревающаяся под солнцем и твоими руками, как смеются и гомонят, собирая и стаскивая на межу сорняки Санька, Лилька и Ларька, как беззлобно ворчит и покрикивает бабка, как покряхтывает, но не стонет дед... Нет, никогда ещё Артёму так хорошо не было.

Ну что, картошку они посадили, и совсем недорого обошлось нанять лошадь с плугом, огород тоже почти сделан, хотя он уже знает: с землёй возиться – это начать можно, а конца уже не будет. Но... но это ж на себя, это их земля, хоть под картошкой и в съёме, и что они вырастят, то всё их будет, захотят – продадут, захотят – сами съедят. А земля хорошая, огород, правда, мал на такую семью, но если всё сделать как

надо...

– Тёмка, в школу не опоздаешь?

– Нет, – оторвался от своих мыслей Артём.

Он выпрямился, оглядывая их огород. Что ж, остатнее и без него доделают.

– Отмыться не забудь, – крикнул ему в спину дед.

Артём кивнул, показывая, что слышит, но не ответил. Это ж не для дела, а так... внимание дед показывает.

В доме Артём тщательно вымыл руки, умылся и, как всегда, обтёрся до пояса, а потом растёрся уже всухую. Сменил брюки, надел чистую рубашку, ботинки вместо сапог – в город ведь идёт, надо, чтоб не хуже других – новенькую лёгкую куртку-ветровку поверх рубашки, ещё сумку с учебниками и тетрадями, и всё, он готов.

Выйдя на крыльцо, столкнулся с тяжело поднимавшимся по ступенькам дедом. Оглядев Артёма, тот кивнул.

– Хорош. Удачи.

– Ага, – улыбнулся ответно Артём.

Стоя на крыльце, дед проводил его взглядом. До чего ж ладный парень. Ведь вон, просто идёт, а глаз не отвести, тьфу-тьфу, не сглазить бы, а ведь выровнялся малец, а в силу войдёт... И не додумав, пошёл в дом. Дом теперь его, не нанятый, и кто как не он обиходит, с мальчика-то ещё спроса нет, это ему самому за всем приглядеть положено.

Он ещё мыл руки, когда суетливо вбежала бабка и подала ему полотенце.

– Чего ж это Тёмка не пожравши побежал?

– В городе перехватит, – дед вытер руки и повесил полотенце на гвоздик. – А нет, так придёт, поест.

– Ну и ладно, – сразу согласилась бабка.

Затопали на крыльце и в сенях быстрые мелкие шаги, и в кухню ввалилась вся тройка малышей.

– Деда! – заорал Санька. – А мы уже всё!

– Мы на улицу пойдём! – так же звонко и самозабвенно орала Лилька.

– Идите, – качнул бородой дед.

И тут же поймал за воротник рванувшегося следом Ларьку.

– А ты куда, пострел? Мал ещё для улицы.

Лилька и Санька вылетели за дверь, пока дед с бабкой не передумали и какой работы по дому не нашли, а Ларька задумался: реветь или попробовать всухую чего-то выпросить у бабки с дедом?

Конец апреля оказался для Эркина хлопотным из-за обилия праздников. Он-то знал только о Пасхе и думал, что это, как и Рождество: подарки, необычная еда, ну, погуляют, ну, в гости сходят, – кстати, примерно так и получилось, но за несколько дней до Пасхи, он, придя домой после второй смены, обнаружил празднично накрытый стол. Алиса, как всегда в это время, уже спала.

– О-о-о?! – тихо протянул он. – Женя, а почему?!

Женя с улыбкой смотрела на него.

– Я так и знала, что ты забудешь. Раздевайся, мой руки и будем праздновать.

– Слушаюсь, мэм.

И улыбка Жени показала ему, что ответ правильный.

Умываясь, он перебирал в памяти всё слышанное в эти дни и не мог понять, о каком празднике говорит Женя. Может, уже Пасху начали праздновать? Но об этом ничего не говорили, ни в бригаде, ни в школе. Какой-то ещё русский праздник, о котором он не знает? Наверное, так. Так что, войдя в кухню и усаживаясь уставленный тарелками со всякой вкуснятиной стол, он сразу и спросил:

– И какой сегодня праздник, Женя?

– Ровно семь лет назад, – торжественно ответила Женя, – мы встретились. В первый раз увидели друг друга. Вспомнил?

Эркин не сразу понял, а поняв... Видно, он не уследил за лицом, потому что глаза Жени стали испуганными.

– Эркин, что с тобой?

Он вздрогнул и опустил ресницы.

– Нет, всё в порядке, Женя, всё хорошо, спасибо.

Но Женя уже порывисто подошла к нему, положила руки на его плечи, не давая ему встать.

– Что, Эркин? Что не так? Скажи мне. Ну? Я прошу тебя, Эркин.

– Женя...

Он накрыл её руки своими, прижал к себе.

– Женя... ты... тебе... – он запинаясь, будто разучился говорить.

Женя смотрела на него своими огромными – на пол-лица – глазами, и под этим взглядом он не смог промолчать.

– Ты... тебе хочется вспоминать... это?

– А почему нет, Эркин? Мне было так хорошо с тобой.

– Да? – изумился Эркин. – Тебе понравилось?

Теперь уже Женя изумлённо смотрела на него.

– Но, Эркин, ты что, ну, конечно, о чём ты говоришь?

– Но, Женя... я... – он запнулся, подбирая слова. – Я же был первым, это же больно...

– А сам ты как говоришь? – рассмеялась, всё поняв, Женя. – И я так же. От тебя больно не бывает. Ну? Понял? Мне было очень хорошо, и я так и помнила тебя.

Эркин порывисто и в то же время мягко, чтобы не толкнуть Женю, встал, обнял её, прижавшись лицом к её волосам.

– Ох, Женя, я... я дурак, Женя, прости меня, спасибо тебе, Женя, – бормотал он.

Женя поцеловала его в шею и, запрокинув голову, в щёку рядом со шрамом.

– Ну, всё в порядке, Эркин? Да? Давай праздновать. Это наш день, Эркин.

Эркин глубоко вздохнул, потёрся лицом о её макушку.

– Да, Женя, да.

Он разжал объятия, и они сели к столу.

– Только я один есть не буду, – улыбнулся Эркин.

– Конечно, – рассмеялась Женя. – Я и не собираюсь только смотреть.

Эркин ел, громогласно восхищаясь и смакуя, но совершенно не замечая вкуса. Он улыбался, шутил и смеялся над шутками Жени, но думал о другом. Поверить в сказанное Женей он не мог: слишком хорошо знал, как долго помнится боль, и какая ненависть к причинившему её, ведь именно из-за этого и решили беляки, чтобы первым, с болью, был раб, спальник, а память о боли была и им самим изведена сполна, а тут... Женя жалеет его? Боль не может быть приятной. И она – сказать, что Женя лжёт, нет, он даже подумать так не мог, но... но... она так говорит, чтобы сделать ему приятно, – нашёл он наконец удобную формулировку и счастливо улыбнулся.

– Спасибо, Женя. Всё так вкусно.

Женя легко встала, собирая посуду и мимоходом взъерошив ему волосы. И он, как всегда, перехватил и поцеловал её руку. И встал, помогая ей.

Вдвоём, сталкиваясь и счастливо мешая друг другу, они убрали в кухне. И, как это часто бывало, Эркин подхватил Женю на руки и понёс в спальню. И Женя тихо смеялась, обхватив его за шею. И она была такой маленькой и хрупкой, что он ощущал себя невероятно большим и тяжёлым, и боялся раздавить её. Но Женя только смеялась и обнимала его,

гладила его плечи и шею, перебирала ему волосы на затылке, и прижимала к себе. Пока так и не заснула в его объятиях, и во сне прижимаясь к нему.

Эркин осторожно, чтобы не потревожить Женю, распустил мышцы. Женя рядом, её запах, особенный, ни с чем не спутаешь и названия не подберёшь, окутывает его, он и во сне ощущает его, плывёт в нём. И ничего ему не надо, ничего-го...

Россия

Пограничье

Литерный поезд медицинского назначения

Переезд через границу прошёл тихо и даже как-то буднично. Эшелон остановили на запасном пути, по вагонам прошли военные патрули, тут же проверка документов, обмен денег... а вещи не смотрели. Снова задёргались, лязгая, вагоны, и поезд неспешно двинулся вперёд.

Андрей, лёжа на своей полке, ещё раз просмотрел новые деньги, запоминая цвет и размеры, убрал их в кошелёк и сунул его в карман висевшей у его изголовья куртки. Вытянул-

ся на спине, закинув руки за голову. Вагон уже затихал, верхний свет погашен, из дальнего конца доносится чей-то густой храп, Эд и Майкл внизу уже спят, и Алик – он в их отсеке и тоже, чтоб был под присмотром, как сказал Эд – тоже спит. Надо и ему спать. Всё равно пока темно, ничего не увидишь, но... но они же уже по России едут.

Андрей не выдержал. Откинул одеяло, бесшумно натянул рубашку и брюки и спрыгнул вниз. На ощупь нашёл свои ботинки.

– Ты куда? – не открывая глаз, сонно спросил Майкл.

– Да что ты как надзиратель?! – разозлился Андрей и продолжил по-русски: – В уборную, понял, нет?

– За надзирателя я тебе, когда вернёшься, врежу, – по-прежнему с закрытыми глазами пообещал Майкл. – Мотай живо.

Андрей вышел из их отсека и по подрагивающему полу пошёл в конец и, миновав туалет, открыл дверь тамбура.

Он был уверен, что никого не встретит, что все уже спят, но в тамбуре стояли двое. Проводник и немолодой солдат из комендантского взвода. Они курили и тихо о чём-то разговаривали. Не желая мешать, Андрей подался назад, но его заметили.

– Не спится, парень? – улыбнулся солдат.

– Ага, – согласился Андрей, входя в тамбур и закрывая за собой дверь.

– Куришь? – протянул ему пачку проводник.

Андрей с улыбкой, чтобы не обидеть, мотнул головой.

– Нет, спасибо. Мы... мы ведь по России уже едем, да?

– Вон оно что, – рассмеялся солдат.

А проводник тоже с улыбкой сказал:

– Это Пограничье ещё. В Империи Русскими территориями назывались.

– А теперь Россия, – твёрдо сказал солдат. – Ты-то сам отсюда?

– Нет, но нагляделся. Наших-то всех Империя эта грёбаная выселила, угнала, а своих из дальних графств сюда. Россия, говоришь, а тут по-русски и не знает никто. Вот сейчас кто уцелел возвращаются, а ни жилья, ни работы. И этих не перестреляешь. Тоже ведь, бедолаги, не по своей воле приехали.

– Оно так, – кивнул солдат.

Андрей слушал их разговор, стоя у наружной двери. За стеклом быстро мелькают какие-то тёмные, почти сливающиеся с чёрным небом пятна, в щель бьёт ветер, наполненный запахами травы и мокрой земли.

– В этом, как его Питбурге, остановимся? Хороший город?

– Петровск теперь. Постоим. На запасных путях. А насчёт города... у вас своё начальство есть.

– Да уж, – хмыкнул солдат. – Куды без него. Это уж как оно решит.

Андрей понимал, что он лишний здесь, но не мог ото-

рваться от ветра из щели. И всё же пересилил себя, заставил уйти, как сам себя за шиворот утащил.

Вагон уже спал. Андрей бесшумно, чтоб никого не побеспокоить, прошёл в свой отсек, ловко уворачиваясь от торчавших в проход ног, не помещавшихся на полках. Смешно, правда, что в поезде койки называются полками. Интересно, почему? Майкл спал, но Андрей знал, что расчёт только отложен, у Майкла не ржавеет. И чего цепляются? Ведь рассчитался он с тем беляком, сполна, и обошлось всё благополучно, а они...

Он разделся и лёг. Уже привычное, а потому незаметное подрагивание полки, пробегающие иногда по потолку и стенам лучи придорожных фонарей. Андрей незаметно для себя заснул.

Спал он без снов, и разбудил его, дёрнув за плечо, Алик.

– Вставай, утро уже.

– А?! – Андрей, оторопело моргая, поднял голову. – Едем?

– Ага. Говорят, через час остановимся, и в город отпустят. Айда, – щегольнул Алик новым, недавно освоенным русским словом.

– Ага, понял!

Андрей спрыгнул с полки и торопливо оделся.

– Лопал уже?

– А то! Мотай в темпе.

Выходя из отсека, Андрей посмотрел в окно. Зелень, какие-то сооружения. Всё, как раньше. Ну да, ему же так и ска-

зали, что это ещё не Россия. И, уже не думая ни о чём, побежал в столовую.

Стоять в Петровске предполагалось два часа. Конечно, решение отпустить в город всех, кроме занятых на дежурствах, было риском. Но оправданным. Война год как закончилась, и они уже на своей земле. Увольнительные всем, вольнонаёмным свободно. Но кто опоздает или явится пьяным... последствия понятны. Срочно чистились сапоги и ботинки, парни пересчитывали деньги, сговаривались, кто с кем пойдёт в город. Говорят, часа два эшелон постоит, не больше, и покупок, конечно, не сделаешь, да и незачем, но хоть город посмотреть.

Договорившись с Аликом, Андрей побежал в ран-вагон к Колюне. Спросить, чего тому купить в городе, паёк – пайком, а хочется же наверняка чего-то такого...

– Да нет, Андрюша, спасибо, – улыбнулся Колюня из-под бинтов, окутывавших его голову до губ. – Не стоит. А что за город?

– Петровск.

– Россия уже? – обрадовался Колюня.

– Пограничье, – ответил услышанным ночью словом Андрей.

– Ясненько. Расскажешь мне потом, как город.

– Конечно. Так я побегу?

– Беги, – улыбнулся Колюня.

И Андрей бросился к выходу.

Алик ждал его на перроне у их вагона, обиженно надув губы.

– Ну, ты б ещё дольше чухался, – буркнул он по-английски.

– Ладно тебе, я у Колюни был, – ответил по-русски Андрей.

У Алика вертелось на языке объяснение, чего это Андрей так к слепому паралитику липнет, но он предусмотрительно промолчал. Раненых касаться нельзя: что Андрей, что остальные сразу стервенеют.

Их поезд встал у дальнего перрона, и, к удивлению парней, их уже ждали. Ну, не их самих, это понятно, а эшелон. Встречающих было не так уж много, но суматоха получилась... Правда, все во всём быстро разобрались. Встречали, в основном, врачей. Худенькая полуседая женщина в очках и такая же худая, тоже в очках, длинная, не высокая, а именно длинная девчонка оказались женой и дочерью Аристова, черноусый мужчина в военном кителе с орденами в четыре ряда – мужем Варвары Виссарионовны, и ещё, и ещё...

Всё это Алик и рассказал Андрею, пока они шли по уже опустевшему перрону к выходу в город. Андрей слушал и кивал. Что ж, всё понятно. Жаль, конечно, что он ничего этого не видел, пока у Колюни был, но... но Колюня важнее.

Привокзальная площадь в лотках и тележках с цветами, сладостями, всяким питьём, но... но всё это они и в Спринг-

филде видели, и говорили вокруг на смеси, а то и на чистом английском. Получается, верно говорил проводник – это ещё не Россия.

Выбравшись с площади и боясь опоздать, они решили просто пройтись по одной из улиц. Скажем, до следующей площади или большого перекрёстка и обратно. Шли спокойно, разглядывая витрины и прохожих. Взгляды встречных особо дружелюбными назвать было трудно, но и явной враждебности никто не проявлял.

– Пограничье, – пожал плечами Андрей, отвечая на невысказанные слова Алика.

Алик кивнул.

– Мы же здесь не остаёмся.

– Верно.

Следующая площадь была небольшой с маленьким ресторанчиком и фонтаном посередине. Парни постояли, разглядывая искрящиеся на солнце струи, и с независимым видом повернули обратно. Официант на открытой веранде ресторана облегчённо перевёл дыхание: ведь вот припёрлись бы черномазые, так и не пустить нельзя, и всех клиентов распугают.

Времени ещё навалом, можно бы и гульнуть, но и денег жаль, и... да и пошли все здешние к чёрту! И Андрей ограничился покупкой с лотка большого апельсина для Колюни. Алик демонстративно промолчал. Ведь и впрямь, какое его дело, на что Андрей свои деньги тратит. И продираясь в тол-

пе к вокзалу, они случайно натолкнулись на Жарикова, отрё- шённо разглядывавшего наполненную всяким хламом вит- рину антикварного магазина.

– Иван Дормидонтович! – обрадовался Андрей. – И вы здесь!

– А где же мне ещё быть, – усмехнулся Жариков.

Андрей видел, что Жариков чем-то расстроен, но при Алике заводить разговор не стал: тот дурной ещё, всё по ста- рым меркам живёт.

– А мы фонтан ходили смотреть. Вон по той улице прямо. Жариков понимающе улыбнулся.

– Спасибо, но я уже не успею сходить.

– Да он так себе, – сказал вдруг Алик – Можно и не смот- реть.

Андрей быстро покосился на него: неужели соображать начал?

Разговаривая, они пошли к вокзалу. В самом деле, смот- реть в Петровске нечего: ну, развалины, где подлатали, где снесли, ну... ну, как везде. И не своё оно всё-таки, не ста- ло ещё своим, сердце не болит. И многие вернулись задолго до назначенного срока, а те, к кому приехали родственники, вообще в город не пошли.

Не заходя в свой вагон, Андрей побежал к Колюне. Отдать апельсин и поговорить. Доктору Ване сейчас явно ни до чего, с остальными тоже особо не поговоришь, нет, парни они все хорошие, слов нет, но не может он с ними говорить о... да

он сам не понимает ещё, что с ним такое. Странно, ведь с Колюней он может говорить о самом простом: о погоде, о том, что на обед давали, иногда Колюня ему о войне, о доме рассказывает, и ничего в этом особенного нет, он уже таких рассказов много наслушался, а поговоришь с Колюней – и легче становится.

Аристов встретил Жарикова на перроне.

– Вань, извини, мои на этот перегон со мной...

– Всё понял, – улыбнулся Жариков. – Всё нормально, Юра, найду я себе место.

Перегон небольшой, к вечеру уже будут в Афанасьеве, надо же людям побыть вместе. Оказавшиеся лишними перешли в другие купе или вагоны.

Поезд тронулся тихо, так что многие даже этого не заметили. Снова прошёлся комендант, зорко проверяя, все ли на месте и в каком состоянии. Но Петровск никого не вдохновил на какие-либо безумства.

Вернувшись от Колюни, Андрей снова залез на свою полку.

– Как ходил? – спросил Майкл.

– Нормально, – ответил Андрей, вытягиваясь на животе, чтобы глядеть в окно. – А вы?

– Тоже нормально, – усмехнулся Эд.

За окном молодая яркая зелень, поля, свежепокрашенные поперх заплаток дома или остатки развалин. Всё то же. Андрей смотрел и ждал, когда начнётся Россия.

Тетрадь шестьдесят пятая

Россия

Царьград

Марья Петровна, не спеша, обстоятельно укладывала в большой рюкзак тщательно отобранные вещи. Бурлаков с невольной улыбкой смотрел на её ловкие аккуратные движения.

– Гаря, я поеду с тобой.

– Спасибо, Маша, но, – его улыбка на мгновение стала горькой, – я хотел бы, чтобы меня ждали.

– Хорошо, – кивнула она, сдаваясь. – Я буду писать тебе.

– Ну конечно, – с энтузиазмом согласился Бурлаков. – А я при первой возможности позвоню.

Марья Петровна улыбнулась с ласковой насмешкой.

– Это с «поля»? Не обещай невозможного, Гаря.

– Ох! – Бурлаков в восторге закатил глаза. – Ох, тысячу лет меня не воспитывали.

– Для тысячелетнего, – Марья Петровна чмокнула его в висок, – ты очень даже неплохо сохранился.

Они шутили и дурачились, как студенты. Но ведь и в самом деле, они сейчас... у них же всё только начинается. Он уезжает в «поле», в экспедицию, на всё лето, как и положено студенту. Вот оно и наступило, заветное: вернуться и начать всё заново.

– Горя, я тоже, скорее всего, уеду. На месяц.

– Конечно, Маша, я понимаю.

Разумеется, он понимает. Ей надо ездить в командировки, это он взял отпуск на полевой сезон, а она работает. Да, можно, конечно, сказать, что это нечестно – бросать Комитет на целых три месяца, не совсем честно, но должна когда-то кончиться война и для него. Тем более, что основная горячка давно закончилась, все процедуры отработаны, даже процесс свёртывания запущен и нуждается в обыденном почти рутинном контроле. Кое-какие функции Комитета уже неактуальны, а новых не появилось и – будем надеяться – в этом году не появится. Пора выйти из ада и вернуться в жизнь. И Комитет дружно отпустил своего председателя, как отпускал уже многих. И ни одного слова неправды, всё так и есть. А что это только часть правды, вернее, обоснование для посторонних и непосвящённых... ну, так опыт конспирации у всех тоже... жизненно приобретённый, и вопросов никто не задаёт. Чего не сказано, того и не знаешь, а чего не знаешь, о том и не проболтаешься.

Наконец всё уложено, и Марья Петровна убежала на кухню к давно свистевшему чайнику. Бурлаков оглядел спаль-

ню, проверяя, не забыто ли что, и вынес рюкзак в прихожую.

– Горя, всё готово, – позвала его Марья Петровна.

Чай как всегда горяч и ароматен, на столе самые обычные чайные закуски. Холодильник надо опустошить и выключить.

– Маша, что останется, заберёшь.

– Конечно, Горя. Я всё понимаю, но, если сможешь, дай мне знать. Просто, что всё в порядке.

– Хорошо, – не стал он на этот раз спорить.

– И... раз в неделю, скажем, я буду заходить убирать, чтоб не заустело...

Он кивает, прихлёбывая чай.

Но вот всё допито и доедено, со стола убрано, посуда вымыта и расставлена, задёрнуты шторы, чтобы от солнца не выгорали обои и книги, ну... ну вот и всё, больше тянуть нельзя. И незачем.

Бурлаков надел куртку-штормовку, молодецки вскинул на спину рюкзак, последнее объятие и поцелуй на пороге.

– Береги себя, Горя.

– Ну, что ты, Машенька, что может со мной случиться?

– Ну, – заставляет она себя улыбнуться, – ты найдёшь.

– Ей-богу, ты мне льстишь. Всё, Маша, мне пора.

Стоя на лестнице и перегнувшись через перила, она смотрела, как он, пренебрегая лифтом, быстро сбегает вниз. Седой мальчишка, на которого невозможно сердиться. И, конечно, он прав: война кончилась, всё прошлое кончилось,

надо жить, жить заново, с самого начала.

Выйдя на улицу, Бурлаков полной грудью вдохнул весенний, пронизанный теплом и мелкой водяной пылью от только что проехавших поливальных машин родной цареградский воздух. Ну вот, вот и началась его новая – которая там по счёту? – жизнь. Как и положено. С дороги. Дорога – отличное начало.

Американская Федерация

Алабама

Атланта – Стоп-Сити/Рубежин

Последний день апреля в Атланте выдался жарким и душным по-летнему. В шесть утра уже чувствовалось дневное пекло.

– На маёвку бы сейчас, – вздохнул бритоголовый коренастый парень.

– А ты что, Тошка, маёвки помнишь? – поддел его Кит.

Настоящего имени этого увальня никто не знал, да и он сам предпочитал зваться Китом. Андрей курил, стоя рядом с ними у ворот, и в их перепалку не вмешивался. Комен-

дант обещал, что их подбросят до вокзала, и теперь они ждали машину. Заветные визы, маршрутки и корочки спрятаны в нагрудных карманах, тощие заплечные мешки, небогатая, но аккуратная одежда... работяги, сразу видно, что думали прижиться, да не получилось. Андрей одет чуть получше и сумка вместо мешка, но в целом не выделяется.

Медленно подъехал грузовик, и сразу с другой стороны подошёл комендант.

– Всё, парни, счастливо.

Дружно загасив и выкинув окурки, они полезли в кузов.

– Спасибочки.

– Счастливо оставаться.

– И вам спасибо.

Открылись ворота, и грузовик выехал в город.

– Столица, болтали, – хмыкнул Тошка, оглядывая бегущие назад дома. – А так-то ничего особенного. Так себе городишко.

– Ага, – кивнул Кит. – А ты, Андрей тебя? Ну, как она тебе?

– Да он то на койке дрых, то в библиотеке этой грёбаной сидел, – засмеялся Тошка. – Так ведь? Слышь, ты хоть раз в город вышел?

Андрей мотнул головой и улыбнулся.

– Да на хрен мне этот город сдался.

– Это точно, – шумно вздохнул Кит. – Охренела эта Империя.

– Ты где спал, Кит? – фыркнул Тошка. – Федерация теперь.

– Чем чёрт лучше дьявола?! – рявкнул по-английски Кит.

Андрей коротко рассмеялся, соглашаясь. Но смотри, как в лагере каждый на виду. Он Тошку и Кита только вчера и разглядел, когда маршрутки получали, а они уже всё о нём знают. Но... но не смертельно. И до Рубежина им всё равно вместе ехать. А дальше каждый по своему маршруту. Об этом тоже у пожарки много говорили. Что не добиться одного маршрута, если не родня, распихивают по одному, сволочи, так это чтоб в одном месте не колготились, ну так и дураку понятно. Зная об этом, Андрей и пошёл так, чтоб перед ним никого в Ижорский Пояс не было. Вот и согласились с его ухарским:

– А хоть куда! Хоть за Ижорск!

И, перебирая города, сами назвали ему Загорье.

– На шофёра хочешь учиться? Там автохозяйство большое.

Смешно, но его уговаривали на Загорье. И он дал себя уговорить. И вот он, в кармане у сердца, маршрутный лист. Атланта – Рубежин – Ивановково – Ижорск – Загорье. Всего-то. И четыре дня в дороге. Да, так и говорили:

– Если нигде не застрянешь, четвёртого мая будешь в Загорье.

Хорошо, конечно, но каковы ж концы: на четыре перегона и четыре дня. Сутки на каждый конец. Ну, да это пустяки,

обещали паёк и ночёвку на транзите. Так что... живём!

На вокзальной площади их высадили. Обстоятельно оглядевшись, Кит пошёл к комендатуре. Тошка и Андрей за ним. И уже у двери их окликнули по-русски:

– Эгей, парни, подождите!

Они оглянулись, и Тошка присвистнул:

– Ни хрена себе! Ты-то откуда?

– Ты ж ещё до нас за маршруткой ходила, – удивлённо спросил Кит.

Андрей тоже узнал её. Пухлая и мятая, как подушка после ночи, светловолосая маленькая женщина радостно улыбалась им.

– Да закрутилась, парни, очередь заняла, да вышла, хоть напоследок гульнуть, а тут дела, ну, всякие, ну, и понеслось. Я уж с вами, вместях-то куда лучше, вы меня прикроете, я вам помогу!

– Пошла ты!.. – неожиданно быстро сказал Кит, обычно не меньше получаса размышлявший прежде, чем высказать больше одного междометия. – И ещё подальше! На хрен ты нам не нужна! Мы сами по себе, а ты сама по себе!

– Вместях! – передразнил её Тошка. – Залетишь с тобой вместях! Андрюха, скажи ей, ты по-учёному загигать умеешь!

Андрей чуть не задохнулся, как от удара под дых. Это ж... это ж надо! Ну, пару раз сорвался в трёпе, ну, в библиотеке сидел, и сразу... Но ждут его слова, нельзя ж подвести, на

него рассчитывают, ну, ладно, обдумаем потом, а сейчас вот так...

– Сударыня, ваше общество компрометирует нас, снижая нашу репутацию до несоответствующего репатриации уровня, так что извольте оказать нам честь и осчастливить своим отсутствием, что намного увеличит нашу безопасность при контактах с официальными органами.

Тошка начал ржать уже на первом слове, а Кит, внимательно выслушав, кивнул:

– Пошли. Пока она сообразит, мы уже в Рубежине будем.

– А пока проспится, и в России! – хохотнул Тошка.

Но она поняла и, обругав их на двух языках, побрела куда-то, куда – им по хрену, главное – не за ними. Дура – она дура есть, дотянуть до победного, можно сказать, и сорваться так по-глупому. Гульнуть напоследок... ну и дальше гуляй, только без нас.

Тошка ещё ржал, когда они входили в комендатуру, но всё-таки заставил себя замолчать вовремя. Билеты, пайки, отметки в маршрутках...

– Идите сейчас, – сказал им дежурный. – Поезд на пятой платформе, доедете без пересадок.

Пятая платформа... длинный поезд... это что, у них второй класс получается? Кит, оказывается, хорошо знал поездные порядки и объяснил, что второй класс – это четырёхместные купе, места не нумерованы, занимают свободные, а проводник следит, чтоб лишних не было и чтоб не в свой

класс не сажались, и за вещами на остановках, когда выходят размяться, приглядывает, ну, и получает с пассажиров за это чаевые, сколько дадут. А в первом – купе одно- и двухместные, диваны мягче, и обслуга лучше... Откуда он, работяга из угнанных, мог узнать всё это, Кит не говорил. А Тошка и Андрей, разумеется, не спрашивали. Ну и хорошо, что нашёлся знающий, не будут тыкаться слепыми щенками.

Они заняли свободное купе, забросили в верхние сетки сумку и заплечные мешки, развесили на крючках куртки. А теперь что? Ждать и ехать. Больше ничего не придумаешь.

Заглянувший проводник без особого восторга проверил их билеты, сухо перечислил остановки и время стоянок и ушёл. И почти сразу поезд тронулся. Побледнев, Тошка перекрестился.

– Ну, чтоб всё обошлось.

Кит тоже перекрестился, твёрдо вжимая сжатые в щепоть пальцы.

Андрей откинулся на спинку кресла, глядя, как за окном всё быстрее проносятся зелёные то ли поля, то ли луга. Нет, похоже, что луг, вон и стадо, все пятнистые, как было у них с Эркином, ну, браток, совсем ничего осталось, ты уж дождись меня, а то опять наймёшься на лето, умотаешь со стадом, хотя... хотя это вряд ли, Загорье – не посёлок, а город, завод там, большое автохозяйство, стройки, а брат у меня основательный, любит, чтоб порядок был, так что наверняка ты где-нибудь, да закрепился, так что скоро встретимся, теперь

лишь бы по дороге не сорваться, до Рубежина вряд ли что будет, попутчики вроде не трепыхливые, а по-русски Кит говорит чисто, но медленнее, чем по-английски, будто... будто про себя переводит сначала, что хочет сказать, ну, да это его проблема, раз особый отдел пропустил...

Они ехали молча, говорить не хотелось, да и не о чем, у каждого своя жизнь, и каждый о своём думает.

Кит покосился на сидящего напротив у окна Андрея, помедлив, достал сигареты и закурил. А непрост парень, ох, непрост. И видно, неспроста в лагере носа за ворота не высунул. Смешком да улыбочкой и в стороне от всех, ни с кем не сцепился, никого ни разу не задел, а ведь сразу видно: не тот характер, чтоб терпеть и молчать, где-то ему хвост крепко прищемили. Как и тебе самому, впрочем, так что... не судите, да не судимы будете, не лезь в чужую тайну, и твою не тронут. Сумел сойти за русского, хвоста твоего не нашли – и радуйся, немногим так повезло, вернее многим не повезло, и их смерть – твоя удача, опознать тебя некому, радуйся. И забудь всё, что было, не думай, что могло быть, притворись полуграмотным работягой, раз лучшей легенды не нашлось, и стань им. Тебе сказочно повезло, что так вовремя поругался с начальством и тебя, даже не оформив всё полностью, отправили на практику по выживанию, подобрав самый поганый – на тот момент и по тогдашним соображениям – вариант. И Учебный Центр ликвидировали без тебя, вместе с преподами и однокурсниками. Ты же сам тогда, про-

шлой зимой кричал, что хочешь жить, только жить, неважно где, неважно как, но жить. Так и живи. «Не так живи, как хочется, а как бог велит». Русская пословица. Пословицы, молитвы, обычаи... нет, легенда совсем не плоха, позволяет многого не знать и даже акцент допускает, но, правда, у большинства акцент в английском, неправильности в обоих языках, хотя... вот у этого парня, Андрея, ну, он, скорее всего, такой же Андрей, как я – Иван, так ведь такое в языке намешано, даже аризонский говор пару раз проскочил, а в Аризоне русских не было, и ругань, тюремная, даже, пожалуй, лагерная, а её-то где мог подцепить? И тут же вполне интеллигентные, даже профессорские обороты. И это ещё парень за собой следит, держит себя. Нет, хорошо, что от Стоп-сити, тьфу ты, чуть не сорвалось, от Рубежина, надо и про себя правильно, чтобы вслух не ошибиться, каждый в свою сторону рванёт. Спокойней, когда тебя никто не знает.

Тошка с детским бездумным любопытством глазел на плывущие за окном поля. Ну вот, кончилась эта нудьга, теперь подальше от всех шибко умных и вообще... ты с ним в шутку, а он за нож и всерьёз. Ну их всех с их тайнами и шальными деньгами. Никакие деньги шкуры не стоят, своей шкуры. Как там будет, что там будет... лучше не загадывать, загад не бывает богат, хвосты он стряхнул, правда, и без копейки остался, ну так, Система – штука серьёзная, вход – рубль, а на выход – и сотни мало, это ему ещё удалось живым да целым выскочить, так что не скули Антон Васильевич

Тихонов, Тошка-Механик, живи и радуйся, что выжил. Руки и голова на месте, место подобрал неплохое, должны оценить, рукастые всегда в цене, не конвейер, а штучное производство, заметят, должны заметить, а там на разряд сдать, да зарекомендовать себя в деле... можно будет и о семье подумать, и о доме.

Народу в их поезде ехало немного, во всяком случае четвёртое место в их купе так и оставалось незанятым. На коротких остановках они не выходили, чего там, где две минуты, где одна, а вот в Тейлор-сити двадцать семь минут будем стоять, там и разомнёмся и ва-аще... Каждый сам по себе, но коли едут в одном купе, то хочешь – не хочешь, а надо по-соседски, у каждого паёк свой, но стол для трёх буханок мал. Так что едим вместе, каждый по очереди свой паёк выкладывает.

Первым свой пакет выложил Тошка. И только тут сообразили, что воды никто не захватил.

– Не проблема, – сказал по-английски Кит и продолжил по-русски: – Сейчас разносчики пойдут, купим питья.

Кит как в воду глядел. Они только-только успели по полбутерброда смолотить, как в коридоре раздалось:

- Кофе, горячий кофе, соки, пиво, сэндвичи...
- Три кофе, – окликнул разносчика по-английски Кит.
- Да, сэр, – готовно отозвался тот, возникая в дверях их купе и тут же, едва скользнув по ним опытным, всё замечающим взглядом: – Деньги вперёд.

– Потом сочтёмся, – отмахнулся Кит от Андрея и Тошки, полезших в карманы, и расплачиваясь за три стаканчика из прессованного картона.

Андрей и Тошка дружно сделали вид, что не заметили властной уверенности в голосе Кита и ставшего вдруг почтительным взгляда разносчика. Ели сосредоточенно, но без смакования. Пустые стаканчики и обёртку от пайка сбросили в ящик под столиком.

– Ну вот, – Тошка благодушно откинулся на спинку, сложив руки на животе. – Теперь что, до Тейлор-сити дрыхнем?

– А чего ещё делать-то? – хмыкнул Андрей.

Кит молча кивнул. Он уже досадовал на себя за свой срыв и надеялся, что парни если что и заметили, то не поняли, не должны были понять. Да и... ну, всякое было, ну, нахватался...

Андрей смотрел в окно, не пытаясь что-либо рассмотреть и запомнить. Тейлор-сити, стоянка двадцать семь минут, размяться, пройтись по перрону, а там... да, Дурбан, Ред-сити и всё, Рубежин. Я от лагеря ушёл, я от Найфа ушёл, а от тебя... вот границу перейдёшь, тогда и споешь про Империю, а пока... Развалин много, подлатали, конечно, но всё равно заметно, что бои были, и бомбёжки, и всё остальное... и всё остальное... Нет, вряд ли его тогда здесь везли, а даже если и здесь, сейчас-то он обратно едет, он выжил, единственный, из всех, сколько он слышал, все говорили, что лагерников всех, подчистую, да он и сам это знает, потому и не

опознали, что не ищут. А он выжил. И будет жить. Он прошёл через всё, и ещё пройдёт. До Рубежина, а за ним – Россия. Как они мечтали о ней. И те, кто помнил, и кто забыл, и кто не мог помнить, потому что и не был никогда. Побег невозможен, бежавших ловили в тот же день, болтали, что даже специально дают сбежать, чтобы поймать и показательно казнить. А даже и прорвись, то номер, твоё вечное клеймо всегда на тебе...

...Эркин щупает ухо бычку и задумчиво говорит:

– А я не помню, как мне клеймо ставили...

...Я промолчал тогда, я помню, брат, это больно, но не самая большая боль, было даже не страшно, я просто понял, что это – конец, что Серёжи Бурлакова больше нет, и Сержа из спецприёмника тоже нет, и в бараке, когда небритая морда рывкнула на меня:

– Ты кто?

Я ответил:

– Ещё не знаю.

И услышал гогот:

– Соображает малец.

Да, сообразил, что имя здесь не нужно, даже опасно. И выжил. В бараке, в лагере, во рву во рве... Я всё помню, и я победил, еду в Россию, не под конвоем, с документами, пайком и двумя сбережёнными сотенными и уже не горстью, а щепотью мелочи, но у многих и того нет. И самое главное – я победил, уезжаю победителем.

До Тейлор-сити они подремали, и возможность размяться оказалась весьма кстати. От вокзала явно осталась треть, не больше, но всё необходимое в этой трети было. Они даже в бар заглянули, но только на погляд. Ни времени, ни денег, ни желания выпить... нет, желание-то, может, и было, но опасность отстать от поезда или залететь по-глупому тоже была и, к тому же, вполне реальной. Поэтому как ходили втроём, так же дружно вернулись к поезду.

Теперь три часа до Дурбана. Делать опять же нечего. У Андрея всё аж зудело внутри от желания купить газету или журнал, но он привычно сдержал себя. Был бы он один в купе, может, и рискнул бы, а так... нет, не стоит. Так что сиди и пялься в окно, перебрасываясь редкими словами с попутчиками, или закрой глаза и притворись спящим, а можешь и вправду поспать. Четвёртое место всё ещё пустовало. Тошка шумно зевнул и закрыл глаза, свесив голову на собственное плечо, как на подушку. Кит сидит неподвижно, глаза открыты, но зрачки не двигаются, спит с открытыми глазами. Андрей поёрзал затылком по спинке кресла и тоже закрыл глаза. Сон – не сон, а вроде оцепенения, без мыслей и видений.

Поезд шёл неспешно, они засыпали и просыпались, нехотя болтали о каких-то пустяках, обедали пайком Кита, а за кофе платил Андрей, вышли покурить в Дурбане и снова спали до Ред-сити.

В Ред-сити стоянка сорок минут. Сыпал мелкий дождь, и они вышли в куртках.

Андрей постоял у газетного киоска, разглядывая глянцевые журналы. Кит куда-то делся, а Тошка подошёл и встал рядом, кивком показал на обложку с белокурой красоткой в красном платье с вырезом, ну, чуть-чуть не до пупа.

– А ничего бабец, а?

– Тоща больно, – хмыкнул Андрей. – Я люблю, чтоб подержаться за что было.

– Э-э, – засмеялся Тошка, – да ты, я гляжу, деревенщина. Да такая – это ж самый смак, похлеще спальницы.

– А пробовал? – заинтересовался Андрей.

– Кого?

– Ну, спальниц.

Тошка вздохнул.

– Откуда? До заварухи нельзя, в заваруху не до того, а после и их не сыщешь. Говорят, их СБ перед самой капитуляцией выжгло. Сволочи, конечно, ни себе, ни людям.

Андрей задумчиво кивнул.

Говорили они по-русски, и киоскёр даже не смотрел на них. Ещё раз оглядев обложки, Андрей повернул к их поезду. Кит курил, стоя у вагона, почти квадратный в своей куртке угнанного, накинутой на плечи. Но несмотря на куртку что-то в его позе, в том, как он курил, было такое, что заставило Тошку нахмуриться, а Андрея насторожиться. Но Кит погасил окурок о ноготь большого пальца, щелчком отправил его в урну и полез в вагон. И наваждение исчезло.

Уселись на свои места и, не сговариваясь, облегчённо

вздохнули: последний перегон остался. А в Рубежине таможня, погранконтроль, и дальше уже кому куда.

– Пожрать, что ли? – предложил Тошка.

Андрей кивнул и полез в сумку за пайком. Тошка встал и выглянул в коридор в поисках разносчика. И разносчик тут же появился.

– Второй класс, – хмыкнул Кит. – Что нужно, всё есть.

– Ну, – Тошка поднял приветственным жестом стаканчик с кофе. – Чтоб нам и дальше фартило.

Кит и Андрей согласились. Тушёнка с чёрным хлебом неплохо и сытно, кофе горячий и, правда, несладкий, но тоже... пить можно. Сбрасывая стаканчик в ящик для мусора, Кит подумал, что это, похоже, последний его кофе, там придётся пить только чай. Хорошо, что ещё в спецколле приучился к нему во всех вариантах, в том числе и по-русски.

Наполовину обрушенный мост за окном, остатки завода, руины длинного здания... Отмытые дождями двух зим до белизны, они походили на разбросанные кости гигантского скелета. И молодая яркая зелень не украшала и не скрывала, а подчёркивала их. Развалины то тянулись вдоль дороги, то отступали, разрывались зелёными пустырями. Воздух уже заметно посинел, наступали сумерки.

– К Рубежину, похоже, уже в темноте подъедем.

– Хорошо бы сразу в поезд.

– Это уже как получится.

– Кому куда.

– Может, когда и встретимся.

– А чего ж и нет? Россия велика, найдём место.

Посмеялись немудрящей шутке, и Тошка, как-то по-кошачьи облизнувшись, начал:

– А вот был, мужики, такой случай. Спроварила баба мужика своего в баню, а сама...

Отсмеявшись, рассказал свой анекдот Кит. Пошёл обычный трёп, которым прикрывают страх и неуверенность. Тошкин запас был велик, но однообразен. Кит и Андрей с удовольствием ржали и вставляли свои, из той же серии.

– Стоп-сити, конечная, – пробился сквозь их смех голос проводника из коридора. – Благодарим вас, леди и джентльмены. Стоп-сити, конечная.

Кит вытер выступившие от смеха слёзы и шумно вздохнул:

– Ну что, мужики, собираемся?

– Не обратно же ехать, – хмыкнул Андрей, вынимая из сетки сумку.

Поезд замедлял ход, втягиваясь под перронный навес. Они не спеша надели куртки, взяли вещи, оглядели купе, будто могли что-то забыть.

– А чё, проводнику, сколько дадим?

– Шести хватит, – сказал Кит.

– С носа? – возмутился Тошка.

– В складчину, – решил Андрей.

Кит кивнул, выгребая из кармана смятую кредитку и ме-

лочь. Пока собирали складчину, поезд остановился, и они в негустой толпе пошли к выходу. Проводник помогал выйти и принимал чаевые. Им он, разумеется, помочь не пытался, но деньги у Андрея взял, автоматически поблагодарив:

– Спасибо, сэр.

Кит отвернулся, чуть-чуть нарочито пропуская это мимо ушей, а Тошка фыркнул:

– Напоследок в сэры попали.

– Напоследок можно, – улыбнулся Андрей.

Они шли по перрону, и с каждым шагом встречных всё меньше, а попутных и вовсе нет. Глухой забор-стена поперёк путей, вывеска над дверью.

– Ну, – Тошка взялся за ручку, – будь ты проклята, Империя! – и открыл дверь.

Кит и Андрей молча прошли следом за ним.

– Репатрианты? – встретил их вопросом офицер за барьером. – Документы.

– Ага-ага, – закивал Тошка. – Щас.

– Здравствуйте, – загудел Кит. – Вот они.

– Здравствуйте, – улыбался Андрей, доставая, как и остальные, пакет.

Забрав их визы, маршрутки и удостоверения, офицер передал их девушкам-канцеляристкам для оформления и регистрации, а им дал бланки и ручки.

– Заполняйте разборчиво.

Андрей писал быстро и уверенно, не обращая ни на что

внимания. Раз он сидел в библиотеке и умеет погибать по-учёному, то и писать может свободно. Ну вот, теперь деньги. Две сотенных и на три кредитки мелочи, он всё-таки потратился, прикупив себе кое-что в дорогу, совсем же без вещей нельзя, а там ещё сигареты-конфеты, ладно, двести три прописью, золото, драгоценные камни, оружие – всюду прочерки. Он так и не купил себе настоящего ножа. Не рискнул идти в город, да ещё за такой покупкой. Всё? Да, всё. Он протянул офицеру свой бланк.

– Пожалуйста.

Офицер быстро просмотрел, кивнул и показал на дверь у левого конца барьера.

– С вещами на досмотр.

Андрей подхватил свою сумку и, не оглядываясь, на Кита и Тошку, ещё пыхтевших над своими бланками, пошёл к двери.

Пустая комната, только большой стол посередине. Практически сразу, как возникнув из стены или из-под пола, к столу подошёл военный, но в немного другой форме. Таможенник – догадался Андрей и сам, не дожидаясь команды, расстегнул молнию и хотел уже вытряхнуть на стол содержимое сумки – шмон есть шмон, не время права качать – но его остановили неожиданным:

– Не надо.

Андрей сам не заметил, как заложил руки за спину, сцепив пальцы, и молча смотрел, как таможенник перебирает

его вещи. Рубашки, трусы, носки – всего по три, четвёртая смена на себе, два полотенца, пакет с мылом и мочалкой, бритвенный прибор, зубная щётка и уполовиненный тубик с пастой, кружка, миска, складной столовый прибор – ложка, вилка и нож на одной рукоятке, всё-таки прельстился: и всегда нужно, и за оружие не посчитают. И всё, больше у него ничего нет. Но смотри, как аккуратненько, всё, как лежало, так и лежит. В Мышеловке их так же шмонали. А теперь что, личный досмотр? Раздеваться?

Но, к его удивлению, этого тоже не понадобилось. Ему отдали его вещи и показали на следующую дверь.

– Проходи.

– Ага, спасибо, – Андрей подхватил сумку и пошёл к указанной двери.

И не обернулся, хотя услышал за спиной голос Тошки и шлепок заплечного мешка о стол.

В следующей комнате снова барьер. Ему вернули его удостоверение и маршрутный лист, выдали деньги: сотенная, пятидесятирублёвая, четыре десятки, две пятёрки, и три рублёвых бумажки. Билет на поезд и талон на паёк. Андрей заложил бумаги в карман, а деньги в дешёвенький, купленный в лагерном киоске кошелёк. Всё?

– Поезд через два часа. Паёк в буфете, – и улыбка. – Счастливого тебе.

– Спасибо, – ответно улыбнулся Андрей.

Неужели вот так, так легко прошло то, о чём чуть ли не

с суеверным страхом шептались в курилке, боясь говорить в голос, чтобы не сглазить, не спугнуть удачу, о чём мечтали ещё там... Вот он, по-ночному холодный воздух, резкий свет вокзальных фонарей, серый блестящий от вечерней росы асфальт... Это уже Россия? Он прошёл?!

Не спеша, раскачивая сумку, Андрей шёл к сияющей, рассыпающей искры вывеске. Глаза, что ли, слезятся? Только этого не хватает! Он досадливо проморгался, чтобы прошло. Просторный зал с жёсткими скамьями-диванами, людей немного, многие спят, сидя или полулёжа. Буфетный прилавок. Ну-ка, чего тут есть пожарть?

Он отдал буфетчице талон и получил уже знакомый пакет с пайком, сунул его в сумку и стал рассматривать прилавок. Чаю, конечно, а к чаю чего? С рыбой почём?

– По двадцать пять копеек, а чай гривенник.

– Ага, а, – и с еле ощутимой заминкой, – вот эти?

– С икрой? По пятьдесят.

Ну, была – не была, одна живём! Он взял два бутерброда с икрой и четыре с рыбой – все разные, два стакана с чаем и большой облитый шоколадом – буфетчица подсказала название – эклер с кремом. Два сорок две.

– Широко гуляешь, – улыбнулась буфетчица, помогая ему собрать стаканы и тарелочки в удобную для переноски пирамиду, – по-русски. Стаканы потом верни, залог получишь.

Андрей донёс свою добычу до ближайшей пустой скамьи, аккуратно поставил, сел, достал из кармана и расстелил но-

совой платок. Он устраивался обстоятельно, не спеша. Никто не отберёт, и никому не надо ничего объяснять. И наконец, всё расставив и разложив, Андрей сделал первый, самый важный глоток. Чай был действительно с сахаром. И лучше лагерного. Смешно, но он за два месяца привык, что лагерь – это место, где ждут визу и выезд, а не то, что раньше. Ну да, тогда и там – concentration camp, или ещё так называлось: camp high isolation, будь они прокляты трижды и четырежды. Икра чёрная, икра красная, рыба белая, красная, розовая и сероватая с жёлтыми прожилками. Названия он не посмотрел и не спросил, да и неважно это. Андрей ел не спеша, разминая языком о нёбо тающие во рту кусочки, наслаждаясь незнакомыми упоительными вкусами.

Занятый своим, он заметил Тошку и Кита, только когда они подошли к его скамье, неся тоже по стакану с чаем и тарелочке с бутербродами.

– Широко гуляешь! – ухмыльнулся Тошка.

– Однова живём! – залихватски ответил Андрей, выругавшись про себя.

– Оно так, – кивнул Кит.

Ели каждый своё, не заглядывая друг другу в рот.

– Когда едешь?

– Сейчас, – Андрей дожеввал бутерброд, запил его последним глотком и взялся за другой стакан, уже с эклером. – А вы?

– Мой в полночь, – весело ответил Тошка. – А ты, Кит?

– Через час, – ответил Кит.

Глядя прямо перед собой, он устало и, явно не замечая вкуса, мерно двигал челюстями, жуя бутерброд с колбасой.

– Поезд на Иваньково отправляется с третьего пути, – гну-саво сказали под потолком.

Андрей вытряхнул в рот последние капли чая и встал. Повесил на плечо сумку и улыбнулся.

– Мой. Всем удачи!

– И форта, – кивнул Тошка.

– Россия велика, а земля мала, – улыбнулся Кит. – Может, когда и встретимся. Счастливо.

И шумно вздохнул, закончив свою тираду.

– Счастливо, – попрощался Андрей.

Стаканы буфетчице, звенящую мелочь в карман ветровки и быстро, не оглядываясь, на выход. Где там третий путь?

Народу не так уж много, но всё же он не один, а в толпе всегда легче. Ага, вот он, десятый вагон. Проводник у двери. Показать билет? Пожалуйста.

Внутри вагон очень походил на барак, только занавесок нет. Андрей нашёл своё место. Нижнее? Ну, посмотрим по соседям, может, и не опасно.

Андрей бросил на полку сумку, снял ветровку – конечно, надёжнее, когда всё твоё на тебе, вот и парился. И усмехнулся: он парился, а Тошка с Китом, небось, сварились, у них-то куртки ватные. И тут же забыл о них. Всё, это тоже отрезано, осталось в прошлом. Так, будем устраиваться. Ну, мы-

ло, полотенце и бритвенный прибор с зубной щёткой лучше достать, паёк и кружку, нож с ложкой – тоже. Буханка и банка ему на сутки. Не пошикуешь. Но, может, удастся что-то по дороге прикупить. Сумку он заложил в ящик под полкой, паёк, кружку и прибор выложил на столик, полотенце, мыло и бритвенный – в сетку. Странно, но он по-прежнему оставался один, хотя слышал за спиной и голоса, и шаги.

Поезд вдруг дёрнулся так неожиданно, что он не устоял на ногах, сел с размаху на свою полку и рассмеялся над собственной неловкостью.

– Ага, вот здесь!

Андрей передвинулся к окну и с улыбчивым интересом рассматривал попутчиков. Двое мужчин... в военном... демобилизованные? Погоны... офицерские, чемоданы, а не мешки... Что ж, посмотрим.

Вошёл проводник, собрал у них билеты.

– Чай будет, отец? – спросил один из офицеров.

– Поставил уже. Но стаканов нет.

– Тоже проблема! – фыркнул другой.

И, когда проводник вышел, посмотрел на Андрея.

– Далеко едешь?

– До конца, – улыбнулся Андрей.

– Ну, значит, вместе. Давай знакомиться.

Знакомство ознаменовалось бутылкой водки, свёртками и банками, извлечёнными из чемоданов. Устраивались попутчики с привычной ловкостью: явно им дорога не в новинку.

Константин и Алексей. Командированные. Как и они, Андрей назвал только имя, а о себе сказал, что из угнанных, а вот теперь возвращается. Выпили за победу, за погибших, за знакомство. Закусывали щедро, и опьянеть Андрей не боялся. От его пайка они отказались с необидным пренебрежением, и Андрей не стал настаивать. И в самом деле. У него простой хлеб и тушёнка, а у них и хлеб белый, и сало, твёрдая колбаса, банки с острой рыбой в томате...

Выпив, они уже не спеша ели, вспоминая бои и встречи, перебирая незнакомые Андрею названия и имена. Андрей молча слушал и так же задумчиво, без жадности жевал.

Мимо их отсека прошёл парень в расстёгнутом мундире с дымящейся кружкой в руках, и Андрей легко встал.

– Я за чаем. Вы как?

– Давай, браток, – кивнул Алексей.

Андрей сгрёб опустевшие кружки и пошёл к проводнику. Потолкавшись в небольшой очереди жаждущих, он взял чай, выяснил насчёт постели и понёс добычу к себе. Вагон пил, ужинал и развлекался, кто как мог и умел.

К его приходу в их отсеке обнаружился четвёртый. Мужчина лет тридцати в штатском. По напряжённой улыбке, с которой тот, сидя на полке Андрея возле прохода, слушал разговор Алексея и Константина, Андрей догадался, что русского четвёртый не знает, и, осторожно пронося мимо него кружки, бросил на ходу:

– Сорри.

– О да, да, – радостно откликнулся тот.

Андрей поставил кружки на столик.

– Ага, вот и чай, – обрадовался Константин.

– Чай не пил, откуда сила? – засмеялся Алексей.

– Чай попил, совсем ослаб, – в тон ему закончил Константин, высыпая на стол пригоршню конфет.

Четвёртого они не то, чтобы демонстративно игнорировали, а... ну, если сел в стороне, в разговор не вступает, от приглашения к столу отказался, то что? Умолять его? Много чести будет.

После чая стали укладываться. Собрали и сложили еду на столе, сходили к проводнику за постелями.

Место четвёртого было над Андреем. Он тоже принёс себе постель, быстро постелил, залез наверх и затих, будто его нет и не было.

Развернув тюфяк, Андрей по возможности взбил тощую подушку, приготовил одеяло, взял полотенце и пошёл в уборную. Полвагона спит, а половина гуляет. Ну, у каждого свои и проблемы, и их решения. В уборной он с наслаждением умылся и, вспомнив Эркина, прополоскал рот. Оглядел себя в зеркале над раковиной. Нет, глаза не пьяные, ну, его вообще редко хмель брал. Ну что, Андрей Фёдорович, укатились колобком? Я от лагеря ушёл, я от Найфа ушёл, а от тебя, Империя, и подавно... Он подмигнул собственному отражению и вышел.

Андрей вернулся в отсек, где все трое его попутчиков уже

храпели и посапывали, верхний свет погашен, и даже белая занавеска на окне задёрнута. И правильно. Смотреть-то не на что: и ночь за окном, и по Пограничью пока едем. Андрей разулся, сунул носки в ботинки, расстегнул и вытащил из брюк рубашку. Простыней нет, раздеваться рискованно, ну, так брюки всё равно без стрелок, а если лежать ровно и не сворачиваться, то и не помнёшь. Так что, спи, Андрей Фёдорович, спи и помни: брюки не мять! Других забот у тебя пока нет.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Старый город взволнованно гудел: распродажа обмундирования! Ведь это ж по дешёвке, почти что задарма, а вещи-то армейские, добротные, это ж для работы самое оно.

Дед решительно сгрёб остатки пособия, Тёмкину очередную зарплату, бабка выгребла узелок из сундука, да ещё у деда кое-что набралось – он тоже крутиться умеет. И они пошли на распродажу.

Артём, конечно, не спорил: надо – значит, надо, не век же ему рабское таскать, и, скажем, куртка армейская – совсем не плохо, но и ему, и деду чтоб было... какие же там цены?

Распродажа расположилась у магазина Филиппыча. Большой армейский грузовик-фургон и ещё три крытых грузовика чуть поменьше стояли квадратом, образовав двор с узким – на двух человек – проходом. У прохода клубилась толпа. Дед решительно вклинился в неё и, отругиваясь, полез вперёд. Артёму ничего не оставалось, как пробиваться следом.

Пробившись во двор, они огляделись, и дед с прежней решительностью пошёл к одному из грузовиков. Куртка, штаны, ватные вкладыши... это что ж, и на зиму пойдёт? У куртки вкладыш с меховым воротником и трикотажными манжетами, чтоб не задувало, и чтоб снег не забивался. Это ж в самом деле здоровско!

Дед положил руку на плечо Артёма и подтолкнул его вперёд к стоящему у кабины широколицему пожилому усачу в старой, но аккуратной форме с нашивками за ранения, но без знаков различия.

– Ну-ка, подбери ему, чтоб по росту было.

Тот окинул Артёма не так оценивающим, как измеряющим взглядом и взял из одной из стопок.

– Ну-ка, прикинь.

Дед накинул куртку на плечи Артёму.

– Смотри, не великовато?

– Велико – не мало. А у меня глаз-алмаз. Силу наберёт,

да вкладыш ещё. Бери, всё точно.

Дед кивнул.

– Берём. И сколько?

– Пятнадцать.

Артём невольно поёжился, но тут же про себя прикинул, что если считать ещё и брюки и тоже с вкладышем, то получается... как четыре костюма, и тогда... да, пойдёт, и кивнул смотрящему на него деду.

– Пойдёт, – важно согласился дед и ухмыльнулся в боро-
ду. – И мне давай.

– Точно, – кивнул усач и подмигнул: – Не всё молодым форсить.

Артём удивлённо посмотрел на деда: какой же в этом форс? Но тут же всё понял и тоже рассмеялся.

Деду так же подобрали полный костюм и оба им увязали в один увесистый тюк.

– Теперь валенки тебе возьмём, – распорядился дед. – а то в сапогах ты ноги не поморозишь, так застудишь.

Дед говорил ворчливо, будто Артём с ним спорил. Ну да, сейчас весна, но осенью ты и побегаешь-поищешь, и переплатишь, брать надо, раз дают, потом и не выпросишь.

Купили и валенки, высокие, чёрные. Дед сказал, что потом сам ему на резину их посадит, а то и кожей обошьёт, чтоб как бурки.

– Дед, а тебе?

– У меня есть, – отмахнулся дед, хищно выглядывая в

россыпях и развалах чего-нибудь на остаток их денег. – Давай-ка тебе пару тельников возьмём.

Полосатая тельняшка, «морская душа» – предмет зависти и вожделений мальчишек Старого города. Артём невольно покраснел. Он тоже смотрел это кино про героев-моряков и тоже мечтал.

Дед угадал точно: хватило на две тельняшки с длинными рукавами.

– Ну, всё, – удовлетворённо кивнул дед. – Айда домой.

– Ага.

Артём легко взвалил на спину тюк с костюмами и пошёл следом за дедом. А выдравшись на простор, поравнялся с ним и тихо спросил:

– Деда, а валенки ты когда купил?

– Не купил, – ухмыльнулся дед. – У бабки в скрыне нашлось.

– Понятно, – кивнул Артём.

Конечно, раз дед женился, то, что у бабки от её прежнего мужа осталось, теперь дедово. Всё ясно-понятно. Но вот денег теперь до его полочки... ни копыа не осталось.

– Деда, с деньгами... поджаться придётся.

– Не впервой, – хмыкнул дед. – Припасы есть, перебьёмся. А одёжа крепкая, не на одну зиму хватит. Надо бы ещё ушанку тебе справить.

– До зимы успеется. Саньке пальто надо.

– Растёт он. Ща купим, а к зиме мало станет.

– Ну, так Ларьке пойдёт.

За таким солидным хозяйственным разговором они пришли домой, где бабка, Лилька и Санька с Ларькой рассмотрели покупки, поахали, повосхищались, позавидовали, потом бабка захлопотала, убирая вкладыши и валенки на зиму, штаны и куртки к расхожему, тельняшки к белью.

Артём вымыл руки и в их горнице сел за стол, разложил учебники и тетради. Пока не стемнело, по бесплатному «божьему» свету надо успеть уроки сделать. Санька и Лилька пристроились рядом со своими заданиями, а Ларьку бабка выставила во двор играть, чтоб не мешал.

Женя узнала о распродаже от девочек из машбюро. В КБ она как-то ни с кем дружески не сошлась, да и её работа – чертёжница-машинистка-переводчица – требовала отдалённости, и обедать она ходила по-прежнему со знакомыми. И хотя экономить ей незачем: денег хватает, и у Эркина всё есть, она, разумеется, пошла со всеми. Посмотреть. Но, может, и впрямь что подходящее найдётся.

Бродя в общей толпе, перебирая и прикидывая, Женя неожиданно столкнулась с Эсфирью.

– Ой, здравствуйте, – обрадовалась Женя.

Обрадовалась и Эсфирь.

– Здравствуйте, Женя.

Они стояли возле грузовика с нательным бельём. Эсфирь взяла два тёплых зимних комплекта, офицерских, с начёсом

и четыре тельняшки. Белья Женя брать не стала: Эркину пока хватает, – а тельняшек парочку взяла.

– Как скажи, помешались, – шутливо пожаловалась выбиравшая тельняшки женщина рядом с ними.

– Оно и есть, – кивнула другая. – Мой-то дурак, усы уже пробиваются, а кино увидел и канючит. Мам, тельняшку хочу.

Рассмеялась и Женя, пряча тельняшки в сумку.

Они ещё немного походили, посмотрели, но брать ничего не стали. У Эсфири не было денег, а Женя решила, что Эркину не особо нужно. Рабочая одежда у него заводская, а с землёй или скотиной ему не возиться. Разговаривая о детях и кулинарных секретах, они выбрались с торжища и остановились. Эсфири налево в проулок и домой, а Жене направо и через пути в Новый город.

– А не рано ей в школу? Ведь шесть лет всего.

– Она уже читает, – гордо улыбнулась Женя. – И пишет. И счёт давно знает. Зачем передерживать?

– И куда отдадите?

– Я в новую школу хочу, читали? Там языки с первого класса. Я боюсь, Алиска язык забудет.

Эсфирь кивала, соглашаясь. Конечно, Аркаша – Женя не поняла даже сразу, что это Колобок – ещё мал, но о школе надо думать заранее. И в Культурном Центре обещали, что со следующего года будут развивающие группы для младшего дошкольного, вот тогда...

Поговорив, распрощались. Женя шла, любуясь острыми стрелками молодой травы и зеленоватой полупрозрачной дымкой, окутывавшей деревья. Ну вот, уже настоящая весна. Завтра первое мая, Кузьма, как говорила Баба Фима, и суббота завтра, выходной, вот они и пойдут на маёвку в рощу за оврагом, вода уже там спала, а сегодня она тогда на завтра пирожков напечёт. Погуляют, на травке посидят...

Женя невольно вздохнула. Вот и верь гаданиям и гадалкам. Трава вылезла, а где обещанное? Досадливо мотнула головой. Глупость, конечно, её глупость. Мёртвые не воскресают. А она? Ага, умная, образованная, и нашла кому верить. И деньги угробила, и... и душой себя показала. Теперь лишь бы Эркин не вспомнил, а то опять начнёт переживать и себя казнить. А пирожки она сделает с яйцами и рисом, и печенья рассыпчатого. Для печева всё есть. Алиске как раз она спортивный костюмчик купила, Эркин, разумеется, в джинсах, а если в роще сыро... сапожки Алиске есть, а сама она спортивный свой старый, смешно, но с колледжа фигура не меняется, тоже наденет. Маёвка – это просто гулянка, но не за столом, а в лесу, как бабушки во главе с Бабой Фимой объясняли. А если ещё денька два такое тепло продержится, то распустится всё. А Андрей... нет, и думать об этом нечего, чудес не бывает.

Россия

Рубежин – Иваньково

Мерно постукивают колёса, заставляя подрагивать пол и стены. Андрей принимал эти толчки, не просыпаясь. Шум и голоса в вагоне не будили его. Не проснулся он и когда четвёртый слез с полки и, везя по полу расшнурованные ботинки, пошёл в уборную. Хотя и снов Андрей тоже не видел. Только назойливо вертелась в голове песенка: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...». Милочка начинала плакать, как только появлялась лиса, и мама придумывала всё новые и новые встречи, Анечка помогала ей, она как раз читала тогда ту большую книгу в блестящей суперобложке про древних ящеров, и всякие завры так и сыпались из неё, а он... он их обеих дразнил, что таких зверей не бывает, а лиса – она хитрая и злая, и давно встретила Колобка и жамкнула сразу... Андрей виновато вздохнул сквозь сон. СБ – не лиса, от неё не избавишься. Я от лагеря ушёл... прости, мама, я ничего тогда не мог сделать, а потом... ты мне успела крикнуть: «Живи!». И я живу. Назло всему и всем, выжил, выкарабкался... к чёрту! Я от Найфа ушёл, а от тебя, Империя, и подавно...

Андрей потянулся, упираясь головой в стенку, и сел, отбросив одеяло. За окном был восход. Ярко-красное, кроваво-красное зарево на полнеба, зубчатая кайма леса по горизонту и белёсая пелена тумана, колышущаяся возле колеи. Рано ещё. Часов у Андрея не было, но по сонному шуму вагона он чувствовал – рано. Он зевнул, встал расправить тюфляк и осторожно, чтобы не помять брюки, снова лёг, укрылся. На потолке красный отсвет, как от пожара. Нет, не так, от пожара и от крематорской трубы отсветы рваные, проблесками, а здесь, как от лампы, ровный свет.

Вздохнул и завозился на своей полке Алексей, но слезать не стал и вскоре опять захрапел.

Андрей лежал, бездумно слушая все эти храпы, сопения, бормотания... Ну что, всё спокойно? Ещё не дома, но едет домой, к брату, в Россию, нет, уже по России, а дом в Ижорском Поясе, в Загорье. Была мысль, когда ещё в библиотеке сверял свой маршрутный лист с картой, сойти на одной из остановок и сделать крюк. Завернуть в Грязино-Петерсхилл, пройти по Песчаной к дому двадцать шесть, посмотреть... Цел ли дом? Кто там теперь живёт? И сам себя остановил. Андрея Мороза совсем мальчишкой угнали, не помнит он ничего, ну, дом, сад, мамка, сестрёнки – врать с умом надо, правду не спутаешь, – а вот адрес... ну, ни в какую, напрочь забыл. Серёже Бурлакову не вернуться, а Андрей Мороз этого адреса знать не может. Так что... так что живите, владейте домом и садом, плодитесь и размножайтесь, кто бы вы ни

были, а раскрываться, засвечивать себя ради этой чёртовой компенсации – себе дороже. Нет, всё он сделал правильно, комар носу не подточит.

Андрей снова сел, быстро обулся и встал, застегнул и заправил рубашку, и, взяв из кармана висящей у изголовья ветровки сигареты, пошёл в тамбур. Не так хотелось курить, как размяться, да и здорово перегаром в вагоне пахнет, ещё замелеешь спросонок.

В тамбуре было пусто, гулко гремели под полом колёса, в дверную щель бил тугой воздух. Андрей встал так, чтобы дым выдувало наружу, и закурил. Туман плотный, день жарким будет, маленькие домики, полоски и квадратики огородов вдоль дороги, сохнувшее на верёвках линялое бельё. Городок какой-то, даже названия на вокзале не успел прочитать. И снова туман, лес, одинокие деревья, и свет уже не красный, а золотистый, вот-вот солнце взойдёт.

Андрей докурил и выбросил окурочок в щель под дверь. Поёжился: утренний холод ощутимо пробирал через рубашку. И не спеша пошёл обратно. Ещё часок, а то и другой свободно можно соснуть.

Но, вернувшись, лечь не стал, а застелил тюфяк одеялом и сел к окну. Чувствовал, что не заснёт, полезут не нужные сейчас, царапающие воспоминания. А так... туман, светлеющая зелень, золотисто-голубое небо... ярко-красное, ещё не спящее солнце показалось в разрыве между деревьями, исчезло, а когда показалось снова, уже резало глаза.

Солнечный золотой квадрат лёг на лицо спящего на нижней полке Константина, и тот, недовольно бурча, повернулся набок лицом к стене. Но Андрей не стал задёргивать шторку: скоро солнце поднимется и уже не будет освещать полки.

Завозился наверху Четвёртый. Андрей, не оборачиваясь, слышал, как он зевает, откашливается и, спустившись, приветствовал по-английски:

– Доброе утро.

– Доброе утро, – так же вежливо ответил по-английски Андрей.

– А денёк неплохой будет, – Четвёртый заправил рубашку в брюки, зашнуровал ботинки. – Я Джеймс Оркен, можно Джек.

– Андрей, – ответно улыбнулся Андрей.

Фамилии своей он не назвал, по старой привычке стараясь, чтобы случайный собеседник знал о нём как можно меньше. Но Оркен вполне удовлетворился ответом, взял своё полотенце и ушёл умываться.

Вагон просыпался не спеша, со вкусом. Сел на своей полке, свесив ноги, Алексей, зевнул, протирая по-детски кулаками глаза.

– До Олсуфьево далеко, браток?

– Не знаю, – пожал плечами Андрей.

– Один хрен, – откликнулся, тоже садясь, Константин. – Не минуем. Подъём, что ли?

– Подъём, – спрыгнул вниз Алексей.

– Схожу за чаем, – встал Андрей.

– О, дело! – быстро обувался Константин. – Самое дело с утра.

Андрей собрал кружки и следом за ними вышел из отсека.

Толчея в проходе быстро увеличивалась. Кто умываться, кто за чаем... У проводника уже стояла очередь. Андрей чинно пристроился в конец, с интересом слушая разговоры. Впрочем, вполне обычные. Да и что он мог услышать? И что ему нужно узнать? Маршрут у него расписан, документы в порядке, так что... наверняка пронесёт, должно пронести.

Взяв чай, он пошёл обратно, краем глаза заметив в очереди Оркена, тоже с кружкой. Ну, правильно, всем жить надо.

Поставив кружки с чаем на столик, Андрей решительно вскрыл свой пакет и стал делать бутерброды. Не был он хлявщиком и не будет.

Пришли Константин и Алексей, почти сразу за ними принёс свою кружку с кипятком Оркен. Ему освободили угол стола, и он, благодарно кивнув, стал устраиваться. Прямо в кружке заварил кофе из пакетика, вскрыл пакет с сэндвичами.

Завтракали каждый сам по себе, вернее, Оркен и они втроём. Поезд шёл неспешно, туман быстро рассеивался, на проплывавших мимо огородиках копошились люди, по нежно-зелёному лугу важно шествовало небольшое разномастное стадо. И Андрей не сразу заметил, что и трава, и листва заметно светлее и ярче вчерашних. А заметив и сообразив,

едва не ахнул в голос. Ну да! На север же едет, здесь-то весна только начинается.

– Первое мая сегодня, – Алексей задумчиво смотрел в окно.

– На маёвку бы сейчас, – кивнул Константин.

– Маёвка – это что? – спросил Андрей.

Как угнанный в детстве, он этого мог и не знать. Алексей и Константин стали ему рассказывать. Под этот разговор незаметно доехали до Олсуфьева.

– Ты смотри, – удивился Алексей, когда мимо окна поплыл дощатый перрон и тройки патрульных. – Всё ещё проверяют. Сейчас-то они кого ловят?

– Вот и спроси, – хмыкнул Константин, доставая документы.

В дальнем конце вагона уже слышалось:

– Остаться на местах... Приготовьте документы...

Страх не было. Андрей знал, что бояться нечего. Но холодное ощущение возможной опасности... опознают... следом послали розыскную карту... снимут с поезда...

– Ваши документы... Возьмите... Ваши... Литерный талон... Предписание... Возьмите... Ваши документы...

Всё ближе и ближе равнодушно-вежливые голоса.

– Ваши документы.

У их отсека стояли трое. Один смотрит документы, и двое с оружием его страхуют. Первым проверили документы у Оркена. Вернули. Андрей протянул удостоверение и марш-

рутный лист. И опять тот же, памятный по Крутому Проходу и Мышеловке, сверяющий взгляд. Ну... ну что? Ничего, возвращают. Теперь Алексей... Вернули. Константин... тоже всё в порядке.

Проверяющий козырнул, и патруль пошёл дальше. Андрей, как и остальные, убрал документы и закурил. Голоса удалялись, затихали. Дрогнул пол, картина в окне сдвинулась, поехала назад.

– А чего ищут-то? – небрежно спросил Андрей, когда город – или это посёлок такой? – остался позади.

– Здесь ближний тыл первого эшелона был, дальше фронт так и не прошёл – охотно ответил Алексей. – Вот с тех пор здесь контроль и стоит.

– У нас как поставят пост, так уж на века, – рассмеялся Константин.

Андрей слышал, как зашумел, загомонил вагон. Видно, не он один труханул на проверке, хоть и в порядке всё у всех.

Заглянул проводник и, к удивлению Андрея, на очень даже не плохом, почти правильном английском объяснил Оркену, что до Новозыбкова меньше получаса. Тот поблагодарил и стал расплачиваться за постель. За кипяток проводник с него ничего не взял, но Оркен дал ему рубль чаевых. Судя по лицам, и Алексей, и Константин всё поняли, но ни словом, ни движением себя не выдали. Привычно остался внешне равнодушным и Андрей.

До Новозыбкова ехали в благодушной и не слишком шум-

ной гульбе. Андрея беспокоило, что он так и не побрился утром. Попробовал было, но понял, что не сможет: не умеет он в тряске. А на остановках туалет закрыт. Что же придумать? В Новозыбкове долго стоять будем, так что взять всё с собой и побриться в вокзальном туалете? Жалко на это остановку тратить. Но и в щетине ходить неохота. Дважды в день, как Фредди, он так и не приучился, в лагере это бы уже выпендрёжем было, там щетинистых через одного и чаще, а здесь... ну, что же придумать? А если... если сейчас попробовать? Вроде ход тихий, приспособится он как-нибудь.

Андрей взял из сетки коробку с прибором и пошёл в туалет.

Там, на счастье, никого не было. Он закрылся изнутри, критически оглядел себя в зеркале и вздохнул. Хоть и малозаметно, но надо. Бороду он отращивать не собирается, а неряшествовать незачем. Вздохнул ещё раз и приступил к делу.

К Новозыбкову он управился и порезался всего один раз и чуть-чуть. Андрей сам удивился, как это у него получилось. Но получилось! И на новозыбковский перрон он вышел довольный и собой, и жизнью.

Рынок на вокзальной площади оглушил его. Он никак не ждал, не помнил такого. Глаза разбегались, хотелось всего и сразу, и на все деньги. И... и ведь нужно всё. У него же зимнего ничего нет, а едет на север, а... а в кармане две сотни, и за постель да чай платить надо, и еды купить, а свитер

с узорами, с оленями не меньше сотни. Да, носки там или варежки и нужнее, и по деньгам, а свитер... ну, носки и варежки отложим до осени, а сейчас... ага, жилет, тёплый и яркий, в полоску.

Просили пятьдесят, но удалось сторговаться на сорока пяти. Андрей разменял пятидесятирублёвую купюру и стал пробиваться обратно к вокзалу. А то так и от поезда отстать недолго. А деньги только начни тратить, полетят они лёгкими пташками. В вокзальном киоске он купил газету и уже у поезда сала, солёных огурцов и горячей картошки. Бабка была сообразительной и продавала дороже остальных, но вместе с миской.

Алексей и Константин тоже набрали всякой всячины. И когда поезд тронулся, пир горой шёл уже по всему вагону. Снова выпили за победу, за возвращение и за тех, что не дожили. Андрей пил наравне, не боясь опьянеть. Да и... да и чего он спьяну сболтнуть может? Что к брату едет, надеется, что брат выжил. Так надежда – святое дело. Без надежды и чёрт не живёт. Сейчас уже прятать незачем.

Но, к счастью, его и не расспрашивали. Каждый говорил о своём, плохо слушая собеседника. Андрей и раньше это замечал. Что когда гуляют, даже просто вот так сидят, наступает момент – и неси, что хочешь, никто тебя не слушает. Если только нет в компании специального слухача. А здесь такого нет. И до чего ж картошка с салом и огурцами – здоровская штука! И вкусно до обалдения, и сытно.

И не его одного после такого обеда стало клонить в сон. Кто-то ещё нудно жаловался и смачно ржал, но начавшаяся была песня быстро заглохла, и всё сильнее слышался храп.

– Ну, – зевнул Константин, – на боковую, что ли.

– Отчего солдат гладок? – Алексей снял сапоги, залез на свою полку и оттуда уже сонно ответил: – Как поел, так сразу набок.

Андрей тоже разулся и лёг поверх одеяла, развернул газету. «Российские вести». Первое мая. В лагере была целая подшивка этой газеты. Читать лёжа было не слишком удобно, но он не так читал, как просматривал, скользя глазами по строчкам. А когда строчки стали расплываться и путаться, положил газету на столик и задремал.

Мерно стучали колёса, подрагивал вагон, ровный, привычный по барaku шум. Всё хорошо, он в безопасности, он едет... домой, к брату.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Погода выдалась как на заказ. И сразу после завтрака они пошли в рощу. Эркин взял свою старую куртку, чтобы постелить на землю: всё-таки на траве ещё сыро. Корзинку с пирожками и сладким питьём Женя собрала ещё с вечера. Несмотря на самую деятельную помощь Алисы пирожков ещё было достаточно.

Ручей на дне оврага был всё ещё бурным, но уже не закрывал камни перехода, и склоны подсохли, так что переправились они вполне благополучно.

Роща гудела и звенела человеческими голосами. Чуть ли не вся Цветочная собралась сюда на маёвку. Расстеленные на земле скатерти, кипящие самовары, домашняя снедь, бегающая между стволами ребятня... И, найдя свободный уголок, Морозы стали устраиваться. Эркин расстелил свою куртку, помог Жене разложить на маленькой скатёрке еду и, убедившись, что Жене и Алисе удобно, не дует и не сыро, сел сам.

– Ну, – Женя разлила по стаканчикам питьё, – начнём.

– Ага, – кивнула Алиса, выглядывая самый пухлый, в котором начинки больше, пирожок.

Эркин улыбнулся.

– Женя, а помнишь, как мы в Гатрингсе вот так же в лесу...

– Ой, да! – обрадовалась Женя. – Конечно, помню.

Собирая корзинку, она боялась, что стаканчики и тарелки из набора наполнят Эркину о поминках, об Андрее, но он вспомнил их смешную и трогательную свадьбу в том странном парке.

Рядом с ними остановилась семья из их дома, зимой, где-то в феврале, они были у них на «беженском новоселье».

– С Кузьмой вас, с маёвкой.

– И вас так же.

А вон там за деревьями тоже знакомые, и ещё... Ну да, Баба Фима ведь не им одним объяснила. И день сегодня выходной, и погода отличная... Гулянье разрасталось, где-то играли на гармошке и пели. Разные песни смешивались, не перебивая друг друга.

Жуя пирожок, Эркин с какой-то новой, незнакомой радостью слушал эту гульбу. Алиска уже бегала с ребятнёй, а они с Женей сидели рядом, и было так хорошо. И песни, что вокруг поют, ему знакомы, вот только... только Лозы нет, некому здесь её петь.

– Привет, – окликнул их, проходя мимо, Тим.

– С Кузьмой вас, – певуче поддержала его Зина.

– И вас с Кузьмой.

– И вам привет.

К удивлению Эркина, Тим устраивал своё семейство с такой сноровкой, будто ему это не только не в новинку, а давно уже известно и все мелочи отработаны. У него даже не просто подстилка, а надувной матрас, и откуда взял? Эркин подошёл помочь надуть и вежливо восхититься.

– Да вот, купил, – с гордой небрежностью пояснил Тим. – У меня ж за разряд надбавка.

– Здоровская штука, – поддержал тему Эркин.

Перекликались, ходили друг к другу в гости, угощая домашними пирогами и покупным печеньем. Откуда-то появились разносчики с питьём, сладостями, дешёвыми игрушками для детей и букетиками искусственных цветов.

До чего же хорошая штука – эта маёвка! Кто-то, всё подьев, уходил, кто-то только пришёл и теперь искал себе место. Набегавшаяся Алиска смирно сидела, привалившись к боку Эркина. Сквозь молодую, ещё чуть ли не полупрозрачную листву просвечивало солнце.

– Устала, зайчик? – Женя поправила Алисе чёлку на лбу.

– Не-а, – Алиса вздохнула. – Просто хорошо-о.

И Женя понимающе кивнула. Да, сейчас бы ещё поваляться, полежать на солнышке, но слишком сыро. И, словно услышав это невысказанное, Эркин, улыбаясь, посмотрел на неё.

– Собираемся?

– Да, – Женя невольно вздохнула. – Пора.

Она собрала опустевшие тарелочки и стаканчики. Эркин против обыкновения не помогал ей. И потому, что Алиса незаметно перебралась к нему на колени, и потому, что вокруг посудой и едой занимались только женщины, а коль на людях, то и будь как люди. И, предоставив Жене всё собрать и сложить в корзинку, Эркин ссадил Алису и встал, подобрал, встряхнул и свернул куртку. Попрощавшись с Зиной и Тимом, ещё сидевшими с Димом и Катей за угощением, они не спеша пошли через рощу к дому. И уже почти у оврага встретили Джинни и Норму. Обе в джинсах и кроссовках, у Джинни в руках пустая корзинка и сложенный плед. Женя смутилась было, вспомнив, что Алиска вообще-то должна быть на занятиях. Но Джинни сразу утешила её, что в Центре на сегодня никаких занятий и не планировали, ведь все понимают – маёвка.

– Да, – кивнула Норма. – Удивительно милый праздник.

И так, разговаривая о всяких житейских пустяках сразу на двух языках – Норма старательно осваивала русский язык – они все вместе пошли к дому.

Россия

Рубежин – Иваньково

В сумерках вагон стал просыпаться. Храп затихал, громче и живее стали разговоры, больше заходили по вагону: в уборную, за чаем, в тамбуры...

Андрей потянулся, несильно ударившись теменем о стенку вагона, и сел. За окном тянулась... он никак не мог понять, что это. Будто вода, до горизонта, до зубчатой каймы леса. Озеро? Но на карте озера не было. Что это?

– Что это? – повторил он вслух.

– Что? – Алексей повернулся набок, поглядел в окно и засмеялся. – Половодье это.

– Да-а? – удивился Андрей.

О половодье он читал, но представлял плохо, вернее, никак не представлял. Да, вон виден полузатопленный лес, как на той картинке, что показывали на уроке, да, в первом классе, они ещё рассказ по ней сочиняли, так вот оно какое, половодье, русская весна, полая вода... Неподвижная, синяя то ли сама по себе, то ли из-за отражающегося в ней сумеречного неба. Тоненькие, нежно-белые стволики, да, берёзок в лёгкой тёмной дымке пробивающейся листвы.

– Это... – начал Андрей.

И, как он и ожидал, ему стали объяснить.

– Это Великая.

– Она всю воду собирает.

– Вот и получается, что на севере уже наверняка листва проглянула, а здесь южнее, а лёд только-только стоял.

В самом деле, там, где из воды выступали горбики островков, бурной порослью торчала трава, кусты и деревья тоже уже в листве. Колёса вдруг загрохотали особенно гулко, мимо окна замелькали ажурные металлические фермы.

– Мост? Какой большой.

– У Великой и мосты великие, – засмеялся Константин.

– Да, над поймой протянули. Бомбили его... как сейчас помню. Прямо волна за волной, мы уж знали, что на мост идут, – Алексей покачал головой и улыбнулся. – Туда волной, а обратно... штучками.

И Андрей охотно присоединился к их мстительно-радостному смеху.

После моста поезд пошёл быстрее. Лес за окном сливался в тёмную сплошную полосу, небо просвечивало синими лоскутками. Алексей задёрнул занавески и взял кружки.

– Норму мы уже взяли, пойду за чаем.

Константин кивнул и стал объяснять Андрею, что на фронте в день давали сто грамм водки. Это и есть норма, в обед её уже взяли, так что...

– Ясенько, – улыбнулся Андрей, помогая Константину

соорудить ужин из остатков обеда.

Алексей принёс чай, и они сели ужинать. За окном было уже совсем темно, а в вагоне шла уже привычная гульба. Ужинали не спеша, подчищая продукты. Приезжают рано, с утра голого чаю выпьем и ладно. А там уже кому куда. Им в комендатуру, Андрею в Комитет. Талоны, пайки, билеты... Алексей и Константин снова заговорили о своём, вспоминая друзей и общих знакомых, а Андрей, чувствуя, что в нём как собеседнике они не нуждаются, взялся за газету.

Он читал всё подряд, не пропуская самой маленькой заметки, даже объявлений и выходных данных в конце. А, дочитав, свернул и засунул в изголовье, свою первую открыто купленную газету. Ну что, пора спать? За окном уже не сияет, а чёрная ночь, редко мелькает огонёк или фонарь у переезда.

Андрей сходил вымыл кружку, сам умылся и почистил зубы на ночь. Как мама их учила, а он тогда не понимал зачем, ведь ночью его никто не видит. Жалко постирушку в вагоне не устроишь, сушить негде, так что с бельём до места придётся без сменки. Он уже лёг, а Алексей с Константином ещё сидели. Алексей теперь жаловался на жену, что не ладит с его матерью, и вот обе пишут ему, а ему ж не разорваться. А Константин утешал, что когда женщины заодно, то ещё хуже. Так ты промеж них на флангах проскользнёшь, а когда единый фронт...

Под их разговор Андрей заснул, как и в прошлую ночь

держа в голове одно: брюки не помни, других у тебя нет и, судя по ценам, не скоро будет. Ну вот, я от лагеря ушёл, я от Найфа ушёл, а от тебя, Империя, и подавно ушёл. До шести утра свободно можешь спать, сорока минут на чай и сборы за глаза хватит. А там... там видно будет.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Ночью пошёл дождь. Эркина разбудило звонкое щёлканье капель по подоконнику, и он сразу вспомнил, что что вчера оставили дверь на лоджию в большой комнате открытой. Если ветер в их сторону, то может залить пол. Он осторожно снял руку Жени со своей груди, выскользнул из-под одеяла и, не одеваясь, пошёл в большую комнату проверить.

Ветер трепал штору, но лужи не было. Как сразу догадался Эркин, лоджия и спасала: капли попросту не долетали до комнаты.

Он сдвинул штору и встал в дверном проёме, опираясь ладонями о косяки. Влажный ветер обдавал его мелкими брыз-

гами, водяной пылью, но не холодно, а щекотно. Он и засмеялся, как от щекотки. Овраг и роща с другой стороны, но он всё равно слышал шум деревьев и даже вроде как журчание сразу наполнившегося ручья по дну оврага. И... и он раньше не любил дождя, липнущую к телу мокрую одежду, чавкающую хватающую за ноги грязь, а тут... нет, как же всё хорошо, необыкновенно хорошо. Если б ещё Андрей... но привычно мелькнувшая мысль об Андрее уже не резала по живому, а только слегка уколола и пропала. Он ещё раз всей грудью вдохнул тёплый влажный воздух, закрыл дверь и тщательно расправил штору. А форточка пусть остается открытой, вот так. И пошёл обратно.

Спальня показалась ему даже чуть душной, и Эркин подошёл к окну проверить, не захлопнулась ли форточка. Нет, всё в порядке. Хризантемы уже отцвели, от листьев и стеблей шёл приятно горьковатый запах. Эркин осторожно поправил горшок, чтобы штора не мяла листья, и вернулся к постели. Женя спала, он ощущал её ровное спокойное дыхание. Сев на свой край, Эркин провёл ладонями по телу. Грудь и живот уже высохли, только волосы на лобке чуть влажные, но он ляжет так, чтобы не задеть Женю. Он обтёр ступни и нырнул под одеяло. И, кажется, заснул ещё до того, как лёг.

Обычно он просыпался первым, безошибочно ощущая время, но неумолчный шум дождя и так и не появившееся солнце... словом, даже Алиса разоспалась и стала ломиться к ним только в девятом часу. С протяжным вздохом Женя

встала.

– Алиса, перестань.

– Ну, ма-ам, ну, Эрик, утро уже, – дёрнула дверь Алиса.

Эркин сонно, не открывая глаз, повернулся на живот и зарылся лицом в подушку.

– Э-эри-ик! Доброе утро, Эрик.

Алиса, как всегда, упоённо кувыркнулась на постели, ударившись, тоже как всегда, о его спину.

– Эрик, а почему ты такой твёрдый? А мы тянуться будем? Мам, а Эрик жмурится.

– Алиса, хватит. Пошли умываться.

Женя сдёрнула Алису с кровати, но та вывернулась и затеребила Эркина.

– Эрик, ну, давай, ну, пошли тянуться.

«Тянуться» она говорила по-английски. Как и сам Эркин, который не знал, как это правильно перевести на русский, а русское слово «гимнастика» почему-то не шло на язык.

Наконец Женя увела Алису, и Эркин смог встать. Натянуть трусы, быстро перетряхнуть простыню и одеяло, застелить кровать по-дневному, отнести халат в ванную. На обратном пути его перехватила Алиса, уже умытая, в трусиках и маечке.

– Эрик, идём тянуться?

– Да, – кивнул Эркин. – Идём.

– Идите-идите, – крикнула из кухни Женя. – Я закончу и тоже приду.

И это тоже было обычным, как всегда, как каждое воскресенье.

Алиса старательно делала всё, что показывал ей Эркин, что он помнил из того, уже такого далёкого прошлого, когда их, уже отобранных в спальники, ещё не делили на мальчиков и девочек. Потом пришла Женя, тоже в специальных трусиках и маечке – своей чудом сохранившейся со времён колледжа спортивной форме. Они ещё немного позанимались втроём, и Женя увела Алису, а Эркин уже в одиночестве закончил свой комплекс.

Блаженное чувство владения своим телом, сознание своей силы и ловкости. Да, ему не надо качаться, нарабатывать силу, этой нагрузки ему на работе вполне хватает. Да, теперь он понимает, что это такое – заматереть. А тяжело ему нельзя: Женя такая хрупкая.

Ну вот, теперь в ванную, быстрым душем смыть пот и на кухню, запахи оттуда... ну, просто обалденные.

Дождь всё не кончался, и за завтраком решили, что никуда они сегодня не пойдут, занятий и дома полно.

Россия

Иваньково

Как Андрей и думал, он успел и умыться, и собраться, и чаю выпить, и расплатиться за постель и чай. Проводник вернул ему билет. Зачем он теперь, Андрей не знал, но – на всякий случай – спрятал в карман к маршрутному листу.

Утро было солнечным и прохладным, как в Алабаме на самом исходе зимы. Ну да, здесь же весна только начинается. С Алексеем и Константином он простился ещё в поезде. Хорошие мужики, что и говорить, везёт ему с попутчиками. А большой, видно, город, вон какой вокзал, не сравнить с Рубежиным. На часах шесть сорок пять. Комитет, наверное, с восьми, ну, так не зима, можно и погулять, город посмотреть. Но... чем чёрт не шутит, проверим. Вдруг там круглосуточно дежурят?

Комитет располагался рядом с вокзалом. Андрей попробовал дверь и, к его удивлению, она открылась. Обычная канцелярская комната. Четыре стола пустых, а за пятым полуседающая женщина.

– Доброе утро, – улыбнулся Андрей. – Я не вовремя?

Она с трудом, словно что-то преодолевая, улыбнулась ему.

– И тебе доброго утра. Нет, у нас всегда вовремя. Транзит, конечная?

– Транзит, – Андрей протянул ей свой маршрутный лист. – Билет, ну, который сюда, нужен?

– Если сохранил, давай, для отчёта пригодится, – ответила она, заполняя графы в толстой регистрационной книге. И удивилась: – На Загорье? Чего это тебя в такую даль несёт?

– А название красивое, – ответил он подготовленной ещё в лагере фразой.

– Ну, удачи тебе там, в Загорье.

Зарегистрировав его, она выдала ему два талона: на обед в столовой и на паёк.

– И билет вот. Поезд на Ижорск вечером. Вот, смотри, на билете указано. Можешь погулять, город посмотреть, – она улыбнулась уже свободней. – Город у нас красивый. Счастливо.

– Спасибо, и вам счастливо.

Закрыв за собой дверь, Андрей перевёл дыхание. Вот, ведь и знал, что бояться нечего, а вся спина мокрая. Ну, что ж, посмотрим Иваньково. Сумку только в камеру хранения закинем, чтоб с собой не таскать. И до пол-одиннадцатого гуляй, Мороз, вот тебе полгроша и ни в чём себе не отказывай.

Привокзальная площадь ещё полупустая, пара лотков с сонными продавщицами, а машин и прохожих мало. От площади лучами звезды расходятся улицы. По которой идти? А

не всё ли ему равно?

Шёл не спеша, разглядывая витрины ещё закрытых магазинов и лица встречающих. А если... а чёрт, как он сразу не сообразил, он же может сходить в баню, а там есть и парикмахерская, подстрижётся заодно, а то оброс, и вообще... Правда, вещи все оставил, но не возвращаться же.

И у первого же встречного, Андрей спросил о бане. Невысокий, в выцветшей военной форме с пушечками на петлицах одноногий мужчина охотно объяснил ему дорогу. Объяснил так, что когда Андрей, поблагодарив, пошёл в указанном направлении, то приметные магазины, заборы и колокольни словно сами собой возникали перед глазами и вели, передавая друг другу, пока он не оказался перед резными дубовыми дверями с витиеватыми буквами наверху: «Селезнёвские бани». Таблички с часами работы он не нашёл и нерешительно толкнул дверь.

Просторный залитый светом вестибюль. Мраморный, выложенный узором пол, стены в зеркалах и искрящихся хрустальных шарах настенных ламп – Андрей не сразу вспомнил нужное слово – бра.

– Банька с утраца – самое оно.

Мужчина в белой до слепящего блеска рубахе навыпуск улыбался радушно и с ласковой хитрецей. Андрей и рта раскрыть не успел, как тот, сразу определив, что перед ним приезжий, веско сказал:

– Это ты молодец, что сразу к нам. Наши бани на всю Рос-

сию славятся. Чтоб в Иванькове у Селезнёва не попариться – да распоследним дураком надо быть. К нам из Царьграда за настоящим паром приезжают. Сейчас мы тебе полным-полнёхонько всё сделаем. На полную твою сумму, сколь выложишь.

Андрей кивнул и попробовал заикнуться, нельзя ли, скажем, с одеждой что сделать.

– Что надо простирнём, что надо погладим, брюки тебе на стрелку отпарим.

И Андрея с рук на руки передали другому такому же белорубашечнику. Помня правило Эркина: не знаешь, что делать, делай что велят, – правило, которое и его не раз выручало, Андрей не спорил и не сопротивлялся. Да и с чем спорить? С просторным предбанником, где диваны, обитые малиновым бархатом, покрыты белыми, хрустящими от крахмала простынями, а над спинками зеркала в позолоченных резных рамах. Мыло, мочалка, веник, да всё, что нужно, появляются как сами собой из воздуха. Всю одежду забрали и унесли, чистить, стирать и гладить, заверив, что ниточки не пропадёт. Селезнёв такого, чтоб гостя хоть в мелочи какой обидели, никогда не терпел и внукам-правнукам своим наказал. Проходя в мыльную, Андрей мельком увидел себя в огромном, чуть ли не во всю стену зеркале. И нахмурился. Долговязый, белокожий и нескладный, в розовых бугристых полосах шрамов и рубцов... Ладно, были бы кости, а мясо нарастёт.

Немолодой банщик в мыльной сочувственно покачал головой.

– Эх, война-паскудница, что натворила.

– Ничего, отец, – улыбнулся Андрей. – Раз выжили, то и проживём.

Он мылся, парился, плескался в бассейне, и опять в парную, а оттуда в бассейн, и на мраморном подогретом столе его размяли всего, а потом он в простыне разнеженно пил шипучий сладкий морс, а ещё его и побрили, и подстригли, красиво закруглив кудри. Одежда, чистая, отглаженная, пахнувшая довольством... Андрей понимал, что втёрся в дорогое заведение, и не за просто так за ним, как за царём ухаживают, но... но снова живём! Это... это ж как там, в Рубежине в буфете, и как в Бифпите гуляли. Там – королевский ужин, здесь – царская баня. Так что всё путём, всё правильно. И сколько бы не стоило... да нет, должно хватить. И вон, предбанник ещё не битком, но народу явно прибавилось, свободных диванов почти нет. Не он один по-царски гуляет.

В вестибюле, расплачиваясь, он протянул тому, встретившему его, десятку уточнив:

– Хватит?

– Хватит-хватит, – ответили ему. – Иди, парень, с богом, удачи тебе.

И даже сдачи отсыпали.

Андрей, не считая, сунул звенящую горсть монеток в карман и вышел на улицу, очутившись в залитом солнцем гре-

мящем, многолюдном городе в разгар воскресного, чуть ли не праздничного дня. Это ж сколько он в бане был? Ну... ну ни фиги себе!

Он шёл по солнечным нарядным улицам, чувствуя необыкновенную – не было у него ещё такого – лёгкость во всём теле. Правду говорили ещё в том лагере: «Баня всё лечит... любую хворь правит... Попарился, как заново родился». Всё, всё правдой оказалось. Ох, и здоровско же было!

Сияющие на солнце витрины, русская речь вокруг, и... и вдруг он заметил, что нет таких привычных курток, ни чёрных рабских, ни синих угнанных. И вокруг все лица белые, ни одного цветного. Ну да, мало кто из цветных так далеко на север поедет, а если и занесёт кого, то осядут в маленьких городках, а то и в деревнях. Для большого города квалификация нужна, образование, а у кого даже и было что, так по старой привычке прятали, ну, на всякий случай.

Андрей остановился так резко, что шедший сзади прохожий налетел на него.

– Извините.

– Ничего, – бросил, не оборачиваясь Андрей.

Он стоял у книжного магазина. В Бифпите и Джексонвилле он держался, да и тамошние крохотные – как он понимал – магазинчики были набиты книгами только на английском, и он сам считался цветным, а потому неграмотным. А здесь-то... здесь можно. Зайти, порыться в книгах, купить... Но по случаю воскресного дня магазин не работал. И, ещё немно-

го полюбовавшись книгами и запомнив некоторые названия, Андрей пошёл дальше. И... гулять – так гулять, в кино он тоже ещё ни разу не был. До всего был мал, а потом не до кино стало. Вот и вывеска «Сириус», и афиша «Огненные страницы. Полнометражный документальный». Про войну, что ли? Но отступить неохота, и билет всего десять копеек. А войну он с другой стороны видел, так что полтора часа потратить можно, и даже где-то нужно.

Народу немного, но буфет работал, и, продолжая гулять с шиком и понтом, он съел три шарика шоколадного мороженого с орехами и печеньем и выпил необыкновенно вкусного яблочного сока.

Зал оказался тоже полупустым. Видно, в воскресный день смотреть о войне хотелось немногим. Пацаны, которым всё равно, на что глазеть. Несколько пожилых женщин. Одна из них сидела через два кресла от Андрея и начала плакать на первых же кадрах. Хотя показывали вначале киножурнал. Короткие, едва успеваешь рассмотреть и сообразить, как обрывки фильмов. Переговоры, стройки, катастрофы, концерты... «А! – сообразил уже под конец Андрей, – Это ж новости. Вместо газеты».

Потом включили один боковой ряд ламп, в зал вошли ещё несколько человек, и свет снова погас. Андрей сел поудобнее и приготовился смотреть.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Воскресенье – день, можно сказать, праздничный, а Артём поругался с бабкой. Из-за огорода. День святой, в церковь надо идти, а работать – грех. Ну... ну, ладно, в церковь он пойдёт, отстоит всю службу, как положено, а потом-то? А что сорняки поперли, что день упустишь и потом не наверстаешь, – это что, не грех? Грех – если все посадки заглушит!

И в церкви Артём стоял рядом с дедом на мужской половине, крестился, вставал на колени и касался лбом пола, как когда-то перед надзирателем, но все вокруг так делают, значит, так уж положено, но был мрачен, и даже новенькая – только-только бабка ему справила – красная рубашка с вышитым воротом и кручёным цветным пояском не радовала.

Дед, механически крестясь и бормоча обрывки памятных с детства молитв, искоса поглядывал на Артёма. Ты смотри, как парень к земле прикипел. Ну, дай бог, дай бог... Чтoб не цеплялись и разговоров чтoб лишних не было, всех их он

тогда попу назвал крещёными, только бабка правду знала, но объяснил и поняла, замолкла. С Лилькой вот тоже чуть заговоздка не вышла. Нету такого имени крестильного – Лилия. А документы-то все уж оформлены. Но и это уладилось. У попа она Еленой числится, а метрику переписывать не стали. Сошло. А с Санькой, Ларькой и Тёмкой и вовсе... «No problem». А Тёмка-то... с характером. Тихий, тихий, а когда взбрыкнёт, то упрётся, и всё. Так-то он – парнишка понятливый. Шепнул ему, что положено так и нельзя на особицу жить. Так сразу всё понял и без звука пошёл. И ведь прав: сейчас день год кормит.

От злости Артём промолчал всю службу, хотя петь любил и обычно тихонько подтягивал хору, а Саньке за баловство дал такого тычка, что тот всерьёз лбом стукнулся. А, когда всё закончилось и толпа дружно повалила наружу, сразу пошёл домой, не остался поболтать с ровесниками. А ведь и одет он теперь не хуже других, и в школе учится, и деньги в кармане на воскресный пряник водятся. И солнце выглянуло, заиграло.

– Пойду, самовар поставлю, – буркнул он деду и, не оглядываясь ни на кого, размашисто зашагал к дому.

– Ишь, хозяйственный он какой у тебя, – повёл бородой ему вслед Филиппыч.

– Да уж, – дед огладил расчёсанную по случаю воскресенья бороду и солидно крякнул.

Тёмку ему многие хвалили. А что, он уважительный, по-

чтительный, не шалыган какой, и работает уже, деньги в дом приносит. И хоть молодой, да малец ещё по правде, шестнадцать всего, а мужики, у кого дочери Тёме под возраст, уже заговаривают, со знакомства на приятельство норовят повернуть. А чего ж нет? Умный человек всегда наперёд смотрит. Отказываться глупо, кто знает, что там будет.

По дороге Артём немного успокоился. Пусть остальные делают, что хотят, а он сделает по-своему. И дома он сразу переоделся, убрав на место нарядную рубашку, хорошие брюки и ботинки, натянул старые, ещё рабские штаны – дожда уже нет, тепло, нечего рубашку и сапоги трепать – быстро раздул в сенях самовар и пошёл в огород.

Мокрая молодая поросль блестела на солнце, ноги вязли в рыхлой пропитанной водой земле. Много воды тоже незачем, и Артём, закатав штанины до колен, стал расчищать сток, чтоб спустить лишнюю воду в уличную канаву.

– Бог в помощь, – окликнули его.

– Спасибо на добром слове, – ответил он, не поднимая головы.

– А остальные где?

Артём отложил лопату и, запустив обе руки по локоть в холодную чёрную воду, взялся за сидевший в стыке дна и стенки и мешающий воде камень.

– В церкви, – ответил он сквозь зубы.

Камень скользил, не поддавался. Выругавшись по-английски, он всё-таки вытащил его, выпрямился отбросить – по-

том в дело пристроит – и оторопело застыл. За забором стояли и смотрели на него три женщины и мужчина. И он сразу узнал их. Из Комитета и Опеки. Они и в тот раз приходили. Ну... ну, влип! Артём разжал пальцы, и вытасченный с таким трудом камень плюхнулся обратно, окатив его грязной водой. Машинально он провёл по лицу и груди ладонью, но не стёр, а только размазал грязь.

– Тём! Тёма-а! – звала его от внутренней калитки Лилька. В огород она не заходила, боясь запачкать новенькие высокие ботинки на шнуровке. – Тёмка, да что с тобой?!

И тут, увидев пришельцев, ойкнула и бросилась к дому с криком:

– Деда-а-а-а! Они опять припёрлись!

Одна из женщин негромко рассмеялась, и от её смеха у Артёма ознобом стянуло кожу на спине. Что же делать? Может, дед что придумает...

Услышав, что опять пришли те, из Комитета, а Тёмка на огороде стоит и молчит, дед охнул:

– Вот принесла нелёгкая! Бабка, живо накрывай!

Но весь ужас случившегося дошёл до него, когда, выйдя на огород позвать гостей в дом, увидел полуголого, измазанного грязью Артёма и понял, как на это со стороны смотрится.

– День добрый, – заставил он себя улыбнуться. – Проходите в дом, гости дорогие.

Артём с надеждой посмотрел на него. А дед подошёл к

незванным гостям, загородив собой Артёма, и шумно многословно заговорил, поворачивая их, уводя за собой. И за его спиной Артём, пригнувшись, побежал за дом, где Лилька уже ждала его с ковшом воды в дрожащей от страха и напряжения руке.

– Тём, у тебя волосы... – голос у Лильки тоже дрожал.

– Мыла принеси, – Артём забрал у неё ковш.

Лилька метнулась за угол и чуть не сбила с ног бабу, опрокинувшись с мылом, чистым полотенцем и ведром воды.

– Одежду его принеси, – подтолкнула она Лильку. – Давай, горе моё, умывайся, здесь переоденешься, пока дед им зубы заговаривает. От морока лишняя, принесло их не вовремя.

Под бабушкину воркотню он умылся и обмыл ноги, сев на завалинку. Лилька уже бежала, неся в охапке его одежду и ботинки. Бабушка забрала ведро и ковш, сунула мыло и полотенце Лильке.

– Пошли, здесь он сам, а там дед один.

Когда они ушли, Артём огляделся, быстро скинул рабские штаны и натянул брюки прямо на голое тело – возиться с исподним уже некогда – теперь ботинки, носки Лилька тоже забыла, ладно, авось раздевать не будут, а так штанины длинные, не видно. Ну вот, уже легче. Он помотал головой, руками растеребил кудри и уже спокойно взялся за рубашку, ту самую, красную.

– А бельё не носишь?

Он вздрогнул и обернулся. Комитетская... ну...

– Ношу, – ответил он растерянно.

– И сколько смен есть?

– Зимнего две, да простого три, да тельняшки купили, – добросовестно перечислял Артём, всё ещё держа рубашку в руках.

– А сейчас что ж не надел?

– А... а тепло, – нашёлся он и так обрадовался своей находке, что успокоился и улыбнулся, обаятельно, но без завлекалки. – Чего ж париться зря?

– Ну, что ж, – она тоже улыбнулась. – Можно и так. Ты одевайся, одевайся.

Он послушно надел рубашку, подобрал упавший на землю витой пояс, подпоясался, застегнул перламутровые пуговички ворота.

– Ну, пошли в дом, – улыбалась, глядя на него, комитетчица. – Тебя одного ждём.

Капитолина Сергеевна с грустной улыбкой рассматривала стоящего перед ней смуглого высокого ещё не юношу, но уже и не подростка. Она, как все в Комитете, отлично понимала, что, разумеется, никакой он не внук Савелию Савельцеву, как и трое остальных, и имена у всех, включая самого старика, выдуманные, да сколько они таких историй знают, в «Беженском Корабле» приёмышей больше, чем родных и кровных, все ж всё понимают...

– Ну, пошли, – повторила она.

Артём послушно пошёл за ней, стараясь не запачкать бо-

тинки.

Чай накрыли в их горнице. Ларька уже показал свои игрушки, Лилька и Санька – тетради и альбомы с отметками.

– А ты как учишься? – встретили Артёма.

Ну, здесь ему стыдиться нечего. Артём уверенно взял с комода свои тетради. По русскому у него всё хорошо, а по арифметике только пятёрки, вот по английскому он в последний раз напутал, написал русскими буквами, а по истории и природе тетрадок нет, но и там всё хорошо.

Дед облегчённо перевёл дыхание и незаметно перекрестился под бородой. Кажись, пронесёт, они ж тоже не слепые, видят, как Тёмка по-хозяйски держится. А что табуреток на гостей не наготовлено, и чашки на столе разной масти... так не обессудьте, не ждали мы гостей сегодня. И так стол к лужанке подвинули, чтоб усадить всех.

– А почему ты в церковь со всеми не пошёл?

– Был я в церкви, – Артём совсем успокоился и говорил смело, всё же искоса следя за дедовыми кивками. – Хоть кого спросите. Всю службу отстоял. А... а если огород зальёт да закиснет, то и не взойдёт ничего, жрать же нечего будет.

Они смотрели на него, а он, чувствуя, что заводится и уже не может остановиться, сыпал и сыпал, где и что посажено, чему нужно солнце, а чему тень, что частая прополка не в тягость, если не запущено, и воды в меру должно быть.

– Это во «Флоре» тебя научили?

– И во «Флоре», и деда.

Артём перевёл дыхание, быстро оглядел улыбающихся гостей. Неужели пронесло? Пронесёт! И уже спокойно взялся за свою чашку. На столе мёд и конфеты, и варенье бабкино... так что... так что пронесёт – уже уверенно подумал Артём, разворачивая конфету. Ларьке явно хотелось наложить себе сразу всего, но Лилька следила за ним. Разговор пошёл о погоде, о видах на урожай. Говорил теперь, в основном, дед. Артём только поддакивал, когда на него смотрели. Бабка потчевала гостей.

– Ну, что ж, Савелий Иванович, завтра с Артёмом зайдите в Комитет.

Дед качнул бородой.

– Зайдём, как же, как же.

Ларька быстро исподлобья недружелюбно следил за гостями, ревниво провожая взглядом каждую взятую ими конфету или ложку варенья. У Артёма еле заметно напряглись глаза. А Капитолина Сергеевна спокойно, словно не замечая этого, продолжала:

– Так-то всё в порядке, ответы на запросы получены. Надо оформить документы. И ссуду вы получите, – она улыбнулась. – Безвозвратную.

У бабки дрогнула рука, и капля мёда – она как раз Тёме в чай хотела подлить – упала на стол. Ларька мгновенно стёр её пальцем, а палец облизал. Этого никто не заметил. Об этих комитетских ссудах – громадные деньги дают, но и отчёт могут спросить, а то и с проверкой нагрянут – говори-

ли много. Если хоть вполовину слышанного отломится, это же... Артём опустил ресницы, скрывая заблестевшие глаза, и тут же подумал, что слишком уж обещают, вдруг подвох, замануха, а там...

Когда гости наконец ушли, бабка с Лилькой стали убирать со стола, а дед с Артёмом вышли покурить на крыльцо, он сразу сказал деду о своих опасениях.

– Всё может быть, – вздохнул дед. – Всё. А не идти нельзя. Деньги ещё не самое, а вот документы мимо Комитета не получишь.

Артём угрюмо кивнул.

Россия

Иваньково – Ижорск

Поезд на Ижорск был набит битком. Андрею и на этот раз досталось нижнее место. Верхний сосед сразу лёг спать и храпел, заглушая стук колёс. И двое напротив тоже сразу легли, не став ужинать. И Андрей, как только поезд тронулся, а проводница собрала билеты, взял себе постель, постелил и лёг. Какой большой был день. Баня, кино, потом он ещё гулял, обедал на вокзале, снова гулял. Перед глазами то мрамор – да, этот белый камень с розоватыми прожилками,

как у дорогой рыбы, называется мрамором, – и кафель бан-ных залов, то страшные чёрно-белые картины, странно, он же знает, что такое война, и под бомбёжкой не один раз побывал, а уж, как мина человека в клочья рвёт, тоже не раз видел, и убитых насмотрелся... выше маковки, и Горелое Поле ему известно, ещё когда слышал о нём, и... и такое видел, какого ни в одном кино не покажут, а вот в зале перед экраном страшно стало, тогда не боялся, а сейчас... Что же это за штука такая – кино? Странно. А в бане было здорово! По-настоящему хорошо. Какой же он молодец, что сам себя отучил, заставил не бояться этого слова. Лагерь другой, и баня в нём другая. В первый же день опять же пересилил, заставил себя пойти и раздеться при всех. И пронесло, никто на него особо не пялился, а на номер и вовсе глаза не положили. Тогда-то и понял окончательно: что прячешь, то и стараются подсмотреть, а если не на виду, но специально не спрятано, то и проходит, будто так и надо. Хорошая вещь – баня. Когда на место осядет, каждую неделю будет ходить и париться. Конечно, не на такие деньги, а, скажем, на рубль, хотя... это какой заработок будет. Ладно, спать надо, больше всё равно нечем заняться.

На другом конце вагона надрывно плакал ребёнок и женский голос баюкал его неразборчивой монотонной песней, ещё где-то гудели мужские голоса, но слов тоже было не разобрать. Да Андрей особо и не вслушивался. Спать под шум он давным-давно научился. Что не доем, то досплю. А

сытому спать хорошо. Обед в столовой был сытным: четыре блюда, да ещё ему, видно, из симпатии большие порции навалили. От пуза наелся. Даже ничего прикупать в дорогу не стал. А паёк стандартный. На сутки маловато будет, но там по маршруту станция большая, Ставрово, вроде, вот там в столовой и поест, если стоянка долгая, или на перроне прикупит, как в Новозыбкове, деньги ещё есть. Ох, хоть бы сотню до места довести, кто ж знает, где и как придётся крутиться до ссуды, и как там Эркин устроился, и где самому приткнуться.

Андрей во сне нахмурился. Чем ближе к Загорью, тем мучительней было думать об Эркине, о... нет, не надо об этом, не рви душу. Всё будет хорошо, и думай о хорошем. Он едет, сыт, одет, обут, в безопасности, по чистым незамаванным документам, есть деньги, есть казённый паёк, что надо – всё есть, спи, Андрей Фёдорович, и сны хорошие смотри. Про баню Селезнёвскую, про бассейн с фонтанчиком и прочие роскошества.

Пронзительно закричал гудок, по потолку и стенам ударил белый свет прожектора на переезде. Поезд шёл быстро, мелкие толчки сливались в покачивание, угомонились и затихли самые неутомимые говоруны, замолчал наплакавшийся ребёнок. Прогрохотал мост, пролетел мимо какой-то городок. Потом поезд въехал под тучу, и по окнам побежали, сливаясь в струйки, капли.

И опять Андрей проснулся на рассвете. Поезд стоял, и он

приподнялся на локте выглянуть в окно. За мокрым стеклом серый безлюдный перрон, красная кирпичная стена вокзала и конец вывески: «аково». Вагон сильно дёрнуло, и Андрей уронил голову на подушку. Поехали.

А когда он проснулся вторично, было уже совсем светло, а напротив сидела молоденькая светловолосая девушка и глядела в окно. Андрей под одеялом застегнул брюки и откашлялся, привлекая внимание.

– Доброе утро.

Она оторвалась от окна и удивлённо посмотрела на него.

– И тебе доброе утро.

Каждое «о» у неё звучало весомо и как-то... округло. Андрей такого ещё не слышал.

– А который час?

Она посмотрела на свои часы, неожиданно большие с широким ремешком.

– Восемь скоро.

– Спасибо.

Андрей аккуратно откинул одеяло и сел, быстро обулся. Пока не приведёшь себя в порядок, особо не познакомишься, и он, ограничившись ещё одной улыбкой, застелил свою постель, взял полотенце и пошёл в уборную. А ничего ведь девчонка, совсем даже ничего. Вот только чего она говорит так странно?

Поезд снова шёл очень быстро, и потому бриться Андрей не рискнул, да и сделали его у Селезнёва таким красавцем,

что жалко портить. Щетина только-только проклюнулась и совсем незаметна, сойдёт. Он умылся, расчесал кудри, а когда вышел из уборной, у двери уже стояла женщина с двумя детьми, и ещё подходят. Точно – утро.

На верхних полках ещё спали, а девушка по-прежнему смотрела в окно. Андрей повесил полотенце и достал кружку.

– За чаем схожу. Принести тебе?

И снова тот же удивлённо-доверчивый взгляд.

– Спасибо, – она достала из своей сумки, больше похожей на рюкзак, такую же, как у Андрея, жестяную кружку и протянула ему. – Вот. А я поесть сготовлю.

– Ага, хорошо.

И Андрей отправился за чаем. Чаем распорядилась проводница, которую, как Андрей ещё вчера услышал, получая постель, называли мамашей. Чай у неё уже готов, и даже печенье можно купить, и сахар в маленьких – на два кусочка – пакетиках. Андрей взял две пачки печенья и четыре сахара: не будет же он за девчонкин счёт питаться.

– В конце за всё рассчитаешься, – отмахнулась от него проводница, занятая тянущимися к ней кружками, чашками и флягами.

– Ага, – кивнул Андрей, рассыпая по карманам сахар и печенье.

Пока он ходил за чаем, девушка сделала бутерброды. Аккуратные ломти тёмно-коричневого ноздреватого хлеба и

тонкие пластинки розоватого сала. Андрей поставил кружки и выложил печенье и сахар.

– Живём? – улыбнулся он.

– Конечно, живём, – ответно улыбнулась она.

– Ну, – Андрей сел на своё место, взял кружку и представился: – Андрей.

– Олёна, – ответила она в тон.

– Ну, так со знакомством!

Андрей шутливо чокнулся своей кружкой. Олёна охотно рассмеялась в ответ.

Они пили чай вприкуску, ели бутерброды и грызли печенье. И болтали. Олёна охотно с непривычной для Андрея открытостью рассказывала о себе. Она с Печеры, это на севере, а сюда она ездила к сестре, сестра за иваньковского вышла, тот в госпитале лежал, а сестра там же после медучилища и работала, вот и сговорились, и слюбились, а сам-то зять, ну, мужа сестры так зовут, неужто не знаешь, он из Исконной Руси, а не поехал туда, под Иваньковым осел, на хорошем месте, ну, и понятно, где муж, там и жена, а сама она учится в лесном техникуме. А он?

– А я в Загорье еду, – Андрей отхлебнул из кружки.

– Оюшки! – удивилась Олёна – Это ж где?

– За Ижорском.

– Ага, – понимающе кивнула она.

Так же просто, как рассказывала о себе, она расспрашивала его. Удивилась, узнав, что он из угнанных, ну да, слы-

шала, конечно, об этом, ну, что Империя с русскими творила даже в газетах писали, и что родителей потерял, ахала и, жалеючи, подвигала ему бутерброды.

Завозился спавший над Андреем. Зевал, кряхтел, что-то неразборчиво бормотал, а потом снова захрапел. А тот, что над Олёной, и не просыпался.

– А я тебя вчера не видел.

– А я в Окунёве села.

– Ночью, что ли?

– Да нет, солнце-то взошло уже.

Андрей вспомнил рассветный пустой перрон и кивнул. Значит, это было Окунёво.

– А в этой, – у неё получилось: – Олобаме леса хорошие?

– Леса? – переспросил Андрей и, вспомнив имение, улыбнулся. – Светлые леса.

– Прореживать не надо, значит, – кивнула она.

Андрей пожал плечами и тут вспомнил виденное на остановке.

– Да, а как же Окунёво? Я видел, там «аково» было написано.

– Это Кондаково было, а Окунёво за ним сразу.

– Ага, теперь понятно.

Она рассказывала об отце, что так с войны и не пришёл, а из четверых братьев только один вернулся, без руки.

– А ты младшая?

– Ой, нет, за мною ещё две. А у тебя есть кто?

– Брат, – твёрдо ответил Андрей. – К нему и еду.

– Ну конечно, – кивала Олёна. – Одному-то плохо, а родня-то пропасть не даст.

– Слушай, – не выдержал Андрей. – А чего ты так на «о» говоришь?

– Оюшки! У нас-то на Печере все так говорят.

Громко зевнул и сел на верхней полке над Олёной мужчиной.

– Вас, трещотки, вместо будильника хорошо запускать, – и ещё раз зевнул.

Андрей снизу вверх, но достаточно насмешливо посмотрел на него.

– Есть претензии?

– Угостите, так не будет, – и прежде, чем покрасневший Андрей ответил, рассмеялся. – Не надувайся, лопнешь.

Спрыгнув вниз, он натянул сапоги и, заправив нижнюю рубашку в армейские брюки с узким красным кантом, взял своё полотенце и пошёл умываться.

– Оюшки, – быстро и тихо зашептала Олёна. – Фронтовик это, они все, если им хоть что поперёк, как не в себе делаются, ты уж, Ондрюша не связывайся. У нас-то вот так один тоже...

Что «тоже» она рассказать не успела. Потому что окончательно проснулся спавший над Андреем. Серdito сопя и ни на кого не глядя, он слез вниз, натянул грубые, похожие на рабские сапоги и пошёл в уборную.

Олёна прибрала на столе, освобождая место. Они-то поели уже.

– Принести ещё чаю? – предложил Андрей.

– Оюшки, – с радостным смущением засмеялась Олёна, – мы ж чаехлёбы все, конечно, Ондруша, спасибочки тебе.

Андрей взял их опустевшие кружки и пошёл за чаем. Лучше бы успеть до возвращения храпуна, а то место у окна потеряется. Когда он стоял в очереди за чаем, мимо него прошёл тот, что спал над Олёной, властно бросив на ходу:

– Мне возьми.

– В ладошках принесу?! – огрызнулся Андрей.

Тот окинул его насмешливым взглядом и повторил прежне:

– Не надувайся, лопнешь, – и добавил: – Скажешь, что за тобой.

И ушёл. За кружкой – решил Андрей. И ошибся. Пришла Олёна с двумя кружками.

– Тебя погнали? – подчёркнуто удивился Андрей.

– Оюшки! – откликнулась она. – Мне не в тягость, а они пускай поправятся. Когда мужик с утречка медведем ревёт, с ним спорить всё равно без толку.

– Поправятся? – переспросил Андрей, уже догадываясь о сути этого процесса.

– Ну да, глотнут по маленькой и, – она засмеялась, – людьми станут.

Андрей кивнул и взял у Олёны кружки, ладно, чего уж

там. Когда, выйдя на Равнину, они с Эркином напились так, что еле добрались до своего костра, Фредди им тоже утром дал глотнуть из своей фляги. Но по одному глотку, пообещав за второй глоток врезать так, что головы отлетят. Эх, Фредди, жалко, не увидимся больше, а то бы сводил тебя к Селезнёву. Чтоб знал, какая русская баня бывает. Втроём бы сходили, да нет, ты ж без Джонатана никуда, вчетвером, ха-арошей компанией, да не судьба.

Взяв четыре кружки чая, Андрей понёс их, ловко ухватив за ручки, в свой отсек.

– Чего это вы так долго? – встретил их вопросом третий.

А четвёртый сам и ответил:

– Небось в тамбуре целовались.

Олёна покраснела, а Андрей, расставляя кружки, отшутился:

– А чего зря время терять!

– Ну, со знакомством тогда. Я Муртазов Николай, – третий уже надел мундир, звеневший орденами и медалями, но без погон. – Майор.

– А меня и Фомичом можно, – буркнул четвёртый и... посторонился, пропуская Андрея к окну. – Посмотри на Россию-то. Небось и забыл в угоне.

– А я и не видел, – Андрей устроился поудобнее. – Мы в Пограничье жили.

А про себя быстро подумал: «Ну, ты смотри, а? Ну, каков мужик! Спал, храпел, а всё слышал».

На столе сухая твёрдая колбаса, копчёная рыба, конфеты в пёстрых бумажках россыпью, кусок сала в тряпочке, армейская буханка и круглая коврига.

– Спасибо, мы уже позавтракали, – попробовала отказаться Олёна.

Но Фомич велел ей делать бутерброды, а Муртазов, даже не заметив её слов, шутливо извинился, что для девушки надо было бы красненького и сладкого, а только беленькую выставили. Андрей отказываться не стал: чего ломаться, когда угощают.

Неизбежные и обязательные за знакомство, за победу и за погибших пили из маленьких навинчивающихся на флягу Муртазова стаканчиков. Андрей пил вровень с Муртазовым и Фомичом, а Олёна вежливо пригубливала, ей и налили чуть-чуть на доньшко, как раз губы обмакнуть. Выпив, приступили к чаю.

И, как ночью храпели, так теперь по всему вагону смачно жевали и звенели кружками. За окном вплотную к дороге подступал лес, полупрозрачный и просматриваемый из-за молодой листвы, кое-где проступала ещё не сошедшая вода, топорщились кусты, обсыпанные мелкими красновато-розовыми цветами. Вдруг лес разрывался, открывая зелёную равнину поля или луга, узкую желтоватую дорогу с тёмными влажными колеями, домик у самых путей и длинный лоскут огорода, на ветвях раскидистого дерева целая стая ворон, мост через реку с полузатопленными кустами по берегам, по

зелени медленно бредёт стадо, ни одна из коров даже головы к поезду не повернула.

Андрей смотрел в окно, краем уха слушая, как Муртазов угощает Олёну и сосредоточенно чавкает Фомич.

– Ондрюша, – позвала его Олёна.

– А? – оторвался он от окна.

– Возьми вот этот, с колбаской.

– Спасибо, – он улыбнулся, взял бутерброд и снова уставился в окно.

Не то, чтобы он обиделся на Муртазова или вздумал ревновать Олёну. Это ж так, вагонное знакомство, не больше. Ему просто в самом деле интереснее то, что за окном. Это же Россия, русский лес, русские поля, это то, о чём говорили в лагере, что в том, что в этом.

После завтрака Фомич со вздохом сытого облегчения залез на свою полку и опять захрапел, Муртазов ушёл куда-то, а они остались вдвоём. Олёна рассказывала Андрею о лесе, какие бывают леса по пользовательской классификации, а какие по промышленной, какие на севере, а какие на юге, как надо прореживать лес, чтобы сухостой его не душил... она говорила, будто экзамен сдавала. Андрею очень хотелось спросить, а кто прореживал леса, когда человека ещё не было, не бог же с ангелами топорами махали. Но Олёна так старалась занять его разговором, что он решил не дразнить её и стал расспрашивать о техникуме, ведь она там не только же учится, есть и ещё... занятия. И она охотно пустилась в рас-

сказы о кружках и спортивных секциях, танцевальных вечерах и просто вечеринках.

Поезд замедлил ход, и, посмотрев в окно, Андрей понял, что это то ли пригород, то ли такой городишко маленький. Даже не остановились толком, а так... два толчка, и снова за окном лес и поля с лугами.

Они проболтали до Ставрова. Здесь стоянка аж в два часа, и Андрей предложил прогуляться, размять ноги. Олёна согласилась.

День солнечный, но Андрей по Иванькову ходил в ветровке, а теперь он намного севернее, так что в одной рубашке не погуляешь.

Олёна достала из сетки и надела вязаную кофту-жакет. Жалко, она своё нарядное платье в чемодан заложила, чтоб не мять в дороге, а кофту мама вязала, она тёплая, но бесформенная совсем, и хорошо, хоть ботинки у неё на шнуровке, модные. Олёна незаметно вздохнула. Кто ж знал, что такой... уважительный парень встретится, в дороге-то лучше понеказистее быть, чтоб не привязывались, а тут... вон у него куртка какая, заграничная, и сирота, а блюдет себя, и вежливый такой, и не пьющий – это ж сразу видно, и... Олёна снова вздохнула.

На перроне было шумно и многолюдно. Гулять, в принципе, негде, но они же вышли размяться. Походили по перрону вдоль поезда, купили по вафельному стаканчику с мороженым. Обедать в ресторан Андрей её не пригласил: кто

знает, какие там цены, и вообще... это уже лишнее. Но его пайка на обед мало будет, что там – буханка и банка, это ему одному на один раз, а угостить надо, его же угощали. Сала купить, что ли? Или нет, вон... курица. Копчёная, что ли? Так лучшего и не надо.

– Дорого, – нерешительно сказала Олёна.

– Есть-то надо, – возразил Андрей.

– Ну, я тогда огурчиков возьму, – Олёна сказала это так, будто он спорил с ней.

Они занесли покупки в вагон и снова вышли: ещё ж почти час стоять. Снова ходили по перрону, постояли в толпе, окружавшей безногого слепого в гимнастёрке, певшего под гармошку. Вдохнув, Олёна положила в лежавшую перед ним серую, давно потерявшую цвет и форму фуражку две десятикопеечные монетки. Помедлив секунду, Андрей сделал то же самое. А когда они отошли, Олёна тихо сказала:

– Жалко их. У нас вот тоже, такие, работать не могут, а на пенсию не проживёшь.

Андрей кивнул.

Когда они вернулись в вагон, до отхода поезда оставалось пять минут. Муртазов появился перед самым отходом, обедать отказался и лёг на свою полку отдыхать. В ресторане, похоже, пообедал – улыбнулся Андрей. Фомич, хотя тоже где-то гулял, от обеда не отказался. Андрей достал свой паёк, открыл банку и, пока Олёна делала бутерброды, взял кружки и пошёл за чаем.

– Ну, водохлёбы подобрались, – ворчала проводница. – Греть не успеваю.

Но кипятка на три кружки у неё набралось.

– Теперь пока не закипит, этим обходитесь. Понял, кудрявый?

– А чего ж тут не понять? – Андрей с улыбкой взял кружки. – Спасибо, мамаша, пропали б мы без тебя.

– Иди уж, трепач.

Её воркотня напомнила Андрею Джексонавилл и миссис Томсон, у которой снимал выгородку, Томсониху, как он её про себя называл. Интересно, как она там, кого взяла на его место? Если не нашла жильца, хреново ей. Без приработка ей не прожить.

Он поставил кружки на стол, и они сели обедать. Курицу Олёна разделила на четыре части. Аккуратно отложив четверть в сторону, вопросительно посмотрела на Андрея. Тот молча кивнул, соглашаясь, но Муртазов, казалось, крепко спавший, вдруг сказал:

– Мне не надо, всё равно в Роменках сойду.

И Олёна поделила оставшуюся четверть между Фомичом и Андреем.

Ели не спеша, без жадности – как заметил Андрей, – но и внимательно, не небрежничая с едой. Когда Фомич, поев и сыто отдуваясь, перекрестился и полез на свою полку, Олёна улыбнулась.

– Опять спать?

– А чего ещё в дороге делать? – Фомич, кряхтя, вытянулся, шумно вздохнул. – Поел, поспал, поспал, поел, так и доехал, – и совсем сонно закончил: – Было б что есть.

Олёна тихо засмеялась. Засмеялся и Андрей: да, была бы еда, а едоки найдутся.

Куриные кости Олёна завернула в обрывок газеты, которую дали Андрею вместе с курицей, аккуратно сложила остатки хлеба, тушенки, сала и огурцов – на ужин будет, взяла свёрток с костями, кружки и вышла.

За окном снова плыл лес. Андрей узнавал ели, берёзы... «Заяц серый, куда бегал...». Ладно, прошлое было, будущее будет, а есть только настоящее. Хорошая девчонка Олёна, везёт ему с попутчиками.

Вернулась Олёна, поставила на стол кружки вверх дном и села на своё место. Андрей улыбнулся ей.

– А что за край Печера?

– Оюшки! – обрадовалась Олёна. – Края наши красивые. Леса всё, да озёра. А Печера – это река наша заглавная, по ней и весь край зовётся, – и пустилась в длинный, наполненный названиями рассказ.

Андрей слушал, кивал, поддакивал, расспрашивал. Интересно же.

– А Озёричи, ты сказала, там что?

– Оюшки! А Озёричи... Ну, леса там глухие, болота немеряные, озёра бездонные, а люди, – она даже поёжилась, – набродные.

– Набродные? – удивился Андрей. – Это как?

– Ну, набрали со всех столон. И не индей, а совсем наособицу. Всякое про них рассказывают. И к себе никого не пускают, а сами-то... Ну... ну, не знаю я...

– И не надо, – отмахнулся Андрей. – Давай про Печеру.

– У нас хорошо-о-о, – глубоко вздохнула Олёна. – Набродных нет, все тутошные, от веку. Индеев тоже, почитай, нету. Они на Равнине своей...

– Поползли они оттуда, как тараканы, – вдруг сказал сверху Муртазов.

А Фомич откликнулся:

– Таракан – он таракан и есть, хоть чёрный, хоть рыжий.

– Чёрные из Империи, рыжие с Равнины, – Муртазов зевнул, – поползли в Россию, будто им тут мёдом намазано.

Он ещё раз зевнул и сел на полке, повозился и легко спрыгнул вниз. Чуть сощуриив глаза, Андрей следил, как он обувается, надевает и застёгивает, звеня наградами, мундир.

– До Роменок пять минут осталось, – заглянула к ним в отсек проводница.

– Спасибо, мамаша. Держи, – он протянул ей трёхрублёвку. – За постель, за чай и внукам на конфеты.

Проводница, почему-то нахмурившись на слова о внуках, кивнула, пряча деньги и вышла.

– Ну, – Муртазов надел шинель, фуражку и взял свой чемодан. – Всем счастливо.

Поезд остановился у дощатого перрона с небольшим в

узорчатой резьбе домиком вокзала, постоял с минуту и снова тронулся. Фомич, кряхтя, повернулся на другой бок и захрапел.

– Ондрюша, – позвала Олёна, – ты чего?

– Ничего, – Андрей заставил себя улыбнуться максимально беззаботно.

– Ты... ты расскажи мне про Олобаму. А там как живут?

– Живут, хлеб жуют, – засмеялся Андрей. – Когда он есть, конечно. А так... я на мужской подёнке крутился, ну, дрова поколоть, забор поставить, замок починить. А летом мы с братом бычков нанялись пасти. К лендлорду.

– А этот... – у неё получилось: – ленлор. Это кто?

Андрей попытался объяснить, и наконец Олёна кивнула:

– Наверде помещика, значит.

– Да, наверное, – пожал плечами Андрей.

– Не обманул он вас? При расчёте-то?

– Нет, – мотнул головой Андрей.

Либо спать, либо есть, либо вот так трепаться. А чего ещё в дороге делать? Конечно, о выпасе да перегоне ей неинтересно, а про Бифпит можно. Но рассказывал он, уже помня, что Фомич спит-храпит, а всё слышит. Так что, прежде чем слово выпустить, подумай, как его понять могут.

Слушала Олёна хорошо, и ахала, и смеялась, где надо. Так и проболтали до сумерек.

– Фомич, – позвала Олёна, – ужинать будешь?

– А чего ж нет? – зевнул Фомич, слезая с полки.

По вагону опять звенела посуда и хрустела разворачиваемая бумага. Андрей сгрёб кружки и пошёл за чаем. Олёна стала готовить ужин.

Никто к ним ни на одной из остановок не подсел, и за столом получилось, ну, почти по-семейному.

Россия

Ижорский Пояс

Загорье

Когда они вышли из Комитета, дед размашисто перекре-стился.

– Слава тебе, Господи, Вседержатель и Заступник. Пошли, Тёма.

– Пошли, – кивнул Артём.

Они шли молча, не столько опасаясь говорить о деньгах на улице – мало ли кто подслушает, сколько ещё не веря в случившееся, остерегаясь даже мысленно назвать полученную сумму. На каждого и на семью. Безвозвратно и неподотчётно. Ну, последнее – это только на словах. Ясно же намекнули, почти впрямую сказали, что если по пустякам начнут

бросаться деньгами, то... ну, всё ясно-понятно. А всё равно. С ума сойти! Им же за всю жизнь столько не заработать. Это ж... Артём даже не мог придумать, на что потратить такие деньжищи. Хотя... они же уже толковали не раз и не два. О корове, что корова нужна, а к корове нужен хороший хлев ставить, и что в доме тесно, нужна пристройка. А может... может, целый дом? Новый хороший дом?

Артём покосился на деда и промолчал. Не для улицы разговор. Дома сядут спокойно и обсудят. Но... но, значит, они, в самом деле, останутся здесь. Навсегда. С такими деньгами им бежать уже незачем. Они будут жить, как люди, не хуже, а, может, и лучше многих.

Когда они перешли пути, к ним подбежали Санька и Лилька. Встречали. Артём издали улыбнулся им, показывая, что всё в порядке, но его то ли не поняли, то ли терпёжка у мелюзги закончилась.

– Деда, Тёма, как?

– Деда-а, ну, что?

– Ну, чего сказали, Тёма?

– Дали чего?

– Дали, – кивнул Артём и подмигнул деду. – И догнали, и добавили.

Дед усмехнулся в бороду.

Так вчетвером они и дошли до дома, где во дворе к ним бросился зарёванный, что его не взяли, Ларька. Бабка встретила их даже не в сенях, на крыльце. И, только глянув, сра-

зу погнала Ларьку и Саньку мыться, заворчала, что Тёмка, небось, так не жравши и бегают с утра, захлопотала с обедом.

Деньги дед нёс за пазухой, и в толкотне в сенях и у руко- мойника Артём незаметно забрал у деда пачку и шепнул:

– Я спрячу.

Дед ни возразить, ни отобрать деньги не успел. С такой решительной ловкостью действовал Артём. А, может, просто поверил ему. Потому что задержал на кухне малышню и бабу. Специально тайника Артём не делал, но пару мест – на всякий случай – ещё раньше приглядел. И, спрятав деньги, он вышел в кухню, как ни в чём не бывало.

Перекрестились и сели обедать. Бабка поставила на стол чугунок с щами и разлила по мискам. Ели теперь каждый из своей. Как в городе. Ели молча, серьёзно. И только когда в мисках показалось дно, дед наконец сказал:

– Обошлось всё.

– Ну, и слава богу, – бабка поставила на стол чугунок с кашей.

Понимая, что при малышне дед ни о чём серьёзном говорить не будет, она ни о чём таком и не спрашивала.

После каши был кисель. И бабка, закрутившись с чашками и чугунками, не доглядела, что Лилька вместо мытья посуды улепетнула на улицу вместе с Санькой, а Ларька увязался за ними. Бабка быстро свалила всё в лоханку у печи, вытерла стол тряпкой и села, выжидающе глядя на деда.

– Значит, так, – дед разгладил бороду. – Оформили нам

всё. И денег дали. Безвозвратная ссуда на обустройство. На всё теперь хватит, – и внушительно назвал общую сумму.

И остановился, давая бабке прочувствовать. Бабка охнула и перекрестилась.

– Господи, как же это?!..

– А вот так, – дед веско припечатал ладонью по столу. – Голоси поменьше.

– Ну да, а как же, – закивала бабка. – А чего ж делать будем?

– Дом, – внезапно сказал Артём.

– Дело, – кивнул дед. – Но без спешки.

– Корову надо, – сказала бабка.

– Дом важнее, – не уступил Артём.

Говорили не спеша, не споря, а обсуждая. Деньги есть, на всё хватит, но надо решить, что за чем, а то к хомуту лошадь покупать – накладно выйдет. А сейчас купить двух поросят на откорм, и одного пока хватит, да нет, семья же, надо двух, хлевушек для них соорудить немудрено, и цыплят. Ну и...

– По мелочам спустить, обидно будет, – остановил дед бабку. – А дом...

– А где ставить его будем? – спросил Артём. – Земля ведь нужна.

Дед задумчиво кивнул.

– Ставить усадьбу будем. Крепко думать надо.

Говорили долго. Бабка настаивала, что если не корову, то уж козу надо обязательно. Чтоб молоко своё было.

– А есть ещё пуховые, – вспомнил слышанное как-то Артём.

– Ага-ага, – закивала бабка. – Вон Буська у Тимошихи, и молока литр в дойку как отмеряно, и пуха она с неё начесала да напярала. Буська-то ореньских кровей.

– Слышал про Орень, – кивнул дед. – Это дело, пожалуй, стоящее. Ты как, Тём?

Артём кивнул.

– А стоит такая коза сколько?

– Чтоб как Буська, в возрасте уже, чтоб и молока, и пуха не ждать, – бабка вздохнула. – Говорят, пятьсот рублей за такую просят. А то и больше.

Дед огладил бороду.

– Потянем. Ты разузнай потихоньку, чтоб дрянь какую не подсунули. Может, и съездить куда придётся. Не в Орень, понятно, а поближе если...

Бабка закивала. Конечно, визнавать надо потихоньку, чтоб цену не заломили.

Разговор шёл обстоятельно, и Артём с удовольствием понимал, что спрашивает его дед не для блезира, что его слово если не решающее, то значащее.

Новая школа ещё строилась, и запись шла в маленькой комнатке рядом с будущей раздевалкой. Пахло краской и мокрой штукатуркой. Молодая женщина в очках за колченогим столом, заваленным папками и бумагами, приветливо

улыбнулась.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответно улыбнулся Эркин. – Я дочку хочу в первый класс записать. Можно?

– Конечно, можно, – она пододвинула к себе канцелярскую книгу с большой единичкой на обложке. – Вы садитесь, пожалуйста.

– Спасибо.

Эркин сел и достал метрику Алисы, протянул женщине. Та кивнула и стала переписывать данные в книгу. Писала она с привычной быстротой, а буквы выходили чёткими и округлыми, как у Полины Степановны.

– Шесть лет... Вы готовили её к школе?

Она почему-то смутилась от своего вопроса, но Эркин не понял причины и ответил со спокойной гордостью:

– Она и читать, и писать умеет. Считает хорошо. А сейчас в Культурном Центре занимается.

– Отлично, – обрадовалась женщина. – А в какой класс вы хотите её записать? С двумя языками или с одним?

– С двумя, – сразу ответил Эркин.

Это они с Женей уже не раз обсуждали.

– А знаете, – женщина смотрела на него с лукавым выражением обещания сюрприза, – возможно, будет и третий язык. Шауни, – и, видя, что он не понял, удивилась: – Разве вы не шеванез?

Эркин медленно покачал головой, уже понимая.

– Нет, – и чтобы исключить дальнейшие вопросы: – Я из другого племени.

– Извините, – смутилась она. – Так что? Оставить в двуязычном классе?

– Зачем же? – мгновенно решил Эркин. – Пусть будет три языка, – и улыбнулся, чтобы успокоить собеседницу. – Знания лишними не бывают.

Это была любимая фраза Калерии Витальевны, которая учила их истории. А это тоже учительница, на неё должно подействовать.

– Да, конечно, – она сделала пометку в книге. – И ваш адрес.

– Цветочная улица, дом тридцать один, квартира семьдесят семь.

Она записала и выпрямилась, улыбаясь.

– Двадцать седьмого августа родительское собрание. В шесть вечера. Пожалуйста, приходите.

– Спасибо, обязательно придём.

Эркин спрятал метрику Алисы и встал. Обязательные слова прощания, и он вышел.

На улице Эркин перевёл дыхание. Всё-таки немного, но психанул. И ведь не из-за чего. Конечно, Алису бы записали, Женя и говорила ему об этом, как о пустячном деле. Ну, вот он и сделал. И с языком решил правильно. Алиса будет учить язык, а он, проверяя её домашние задания, тоже выучит. А то индейцев много стало, то и дело возникают... вопросы

всякие.

И как накликал.

– Хей! – прозвучало сзади.

Эркин обернулся, узнал Маленького Филина и улыбнулся.

– Привет.

Маленький Филин был в своей неизменной кожаной то ли куртке без застёжки, то ли рубаше навывпуск с бахромой и вышивкой.

– Слушай, дело есть.

– Какое? – миролюбиво поинтересовался Эркин.

Маленький Филин вдруг быстро оглянулся, будто дело было секретным, и Эркин мгновенно насторожился.

– Ты по-русски писать умеешь?

– Ну?

– Умеешь или нет?

– Умею, – твёрдо ответил Эркин. – А что?

– Я письмо домой написал, – щёки Маленького Филина заливал густой румянец. – А конверт по-русски написать надо.

– Понял, – кивнул Эркин. – Давай, напишу.

Маленький Филин полез за пазуху, но Эркин остановил его.

– Постой на весу неудобно. А конверт-то есть?

Маленький Филин мотнул головой так, что длинные волосы на мгновение закрыли лицо.

– Ты мне на обороте напиши, а я сверну.

– Зачем? Пошли на почту, и конверт купим, и писать удобно.

Почта располагалась рядом с вокзалом. В газете писали, что пора строить новую, но, видно, руки у городских властей ещё не дошли и потому ограничились ремонтом. Маленький деревянный домик теперь красовался новенькой ярко-зелёной краской и тоже ярким, но красным почтовым ящиком у входа. Светловолосая девушка, сучавшая за прилавком, продала им конверт с маркой за десять копеек, и они сели за стол у окна. Эркин взял одну из лежащих здесь ручек, макнул в чернильницу и попробовал перо на уголке исчерканного вдоль и поперёк листа.

– Сойдёт. Давай конверт. Что писать?

Заполнять адрес на конверте их учила Полина Степановна, целый урок на это ушёл, и Эркин чувствовал себя очень уверенно.

– Великая Равнина, – шёпотом говорил Маленький Филин, с уважением глядя на получавшиеся у Эркина ровные буквы. – Союз шеванезов, род Оленя, стойбище у Голубого Камня. Всё.

– А кому?

Имя надо было писать уже не в переводе. Эркин несколько раз переспрашивал и даже для пробы написал на том же исчерканном листке у чернильницы, чтобы на конверте вышло без помарок.

– Всё? – обрадовался Маленький Филин.

– Нет, обратный адрес нужен. Ты же будешь ответа ждать.

Маленький Филин неуверенно кивнул. Эркин быстро уверенно написал внизу: Россия, Ижорский Пояс, Загорье.

– Ты где живёшь? Улицу и номер дома надо.

– Мы в бараке. Глухов тупик, а номеров там нет.

– Так и написать, что барак?

– Ну да. А комната наша третья.

– Ага, написал. А имя твоё я по-русски напишу, а то не дойдёт.

– Ладно.

Когда Эркин закончил писать, Маленький Филин достал из-за пазухи лист бумаги, и Эркин изумился, увидев вместо букв непонятные значки и рисунки.

– Это у вас такое письмо?

– Да нет, – смутился Маленький Филин. – Я... я деду пишу, он грамоты совсем не знает. А это он поймёт.

Лист пришлось сложить в восемь раз, чтобы поместился в конверт. Письмо получилось толстым и тяжёлым, так что пришлось ещё на рубль марок докупать.

– Уф-ф! – выдохнул, выйдя на улицу, Маленький Филин. – Сделал!

Эркин кивнул.

– Слушай, а... шауни – это язык?

– Ну да. Нас, шеванезов, ещё и так называют. Ну, – Маленький Филин смущённо поддал носком запылённого ботинка камушек, – ну, я в школу-то ходил, но недолго.

– Запретили? – живо спросил Эркин.

– Надоело. – отрезал Маленький Филин. – Да и не нужна эта грамота на фиг.

У Эркина завертелось на языке, что чего ж тогда искал, кто бы адрес на конверте надписал, но сдержался. Но Маленький Филин понял несказанное и распрощался.

Поглядев на часы, Эркин заспешил домой. Тогда, в свой первый загорский день, они тоже шли по Цветочной, засыпанной снегом и очень тихой. А сейчас из-за заборов свисают и топорщатся белые и лиловые кисти сирени, птицы всю поют, дети кричат и смеются... Цветочная походила на улицу в Старом городе, только огородов тут не было и скотину не держали, разве только у кого поросёнок, скажем, в сараюшке, ну, и куры с кроликами. Но на улицу их не выпускали.

У одного из домов Эркин замедлил шаг, невольно залюбовавшись огромными и словно мохнатыми гроздьями сирени. Остановился, вдохнув сладковатый, но не приторный запах.

– Нравится? – окликнула его с крыльца женщина в круглых очках с полуседыми, собранными в небрежный пучок волосами.

– Да, – улыбнулся Эркин. – Я никогда не видел такой.

Она тоже улыбнулась и, спустившись с крыльца, подошла к кусту, у которого по ту сторону речного заборчика остановился Эркин.

– Это персидская.

Она стянула перепачканную землёй, когда-то белую нитяную перчатку и подставила руку. Цветочная гроздь доверчиво легла на желтоватую бугорчатую ладонь.

– Я во «Флоре» саженец брала. Три года уже ей, – пытливо посмотрела на Эркина. – Любишь цветы?

Он кивнул.

– А растишь?

– На подоконнике, – рассмеялся Эркин. – Фиалка и хризантемы. Они уже засыпают на лето.

– Понимаешь, – кивнула она. – Во «Флоре» тоже брал?

– В магазине. А фиалку подарили.

Она снова кивнула.

– Фиалке тоже отдыхать надо.

И вдруг, вынув из кармана линялого фартука необычный кривой нож, она точным сильным движением отсекла ветку, одна из кистей которой лежала на её ладони, и протянула Эркину.

– Держи.

– Мне? – растерялся он. – Но... но почему?

– Потому!

Она теми же точными ударами отрезала ему ещё по ветке белой и ветку бордовой сирени.

– Вот, держи. Дома листья лишние оборвёшь, стебли рассеки и воду не меняй, а подливай. Долго простоят. Понял?

– Да, – кивнул он. – Спасибо. Но...

– Бери-бери, – улыбнулась она. – Подаришь, – и вздохну-

ла. – Есть кому дарить?

– Да, – сразу улыбнулся Эркин. – Есть, конечно, есть. Спасибо большое.

– Счастливо.

Она взмахнула рукой, сразу и прощаясь, и будто отталкивая его. Эркин понял, что надо уйти и что если он только заикнётся о деньгах, то всё непоправимо рухнет.

Эркин шёл теперь быстро, бережно неся огромный – он боялся его взять плотнее, чтобы не помять грозди – душистый букет. Жене понравится, она любит цветы. И даром. Ведь наверняка такой букетище и стоит... соответственно. Но... но он обязательно зайдёт к ней, забор там, дрова, наверняка найдётся, что нужно сделать, мужской работы по дому и саду всегда полно. К тебе по-человечески, ну, так и ты будь человеком.

Листва на берёзах ещё лоснилась, и тень полупрозрачная, но трава между стволами уже крепкая. Как всё в один день зазеленело, прямо удивительно. Ещё на подходе к оврагу он услышал детский весёлый гомон, а, когда вышел на кромку, то его сразу оглушило:

– Э-э-эри-и-ик!

Хотя его в «Беженском Корабле» многие называли Эриком, так визжать умела только Алиса, её он ни с кем не спутает. Он помахал ей, чтобы оставалась на той стороне – склоны хоть и в траве, и вода уже спала, но мало ли что, – и пошёл к переходу. Быстро спустился вниз, в три шага с камня на ка-

мень преодолел весело журчащий ручей и поднялся наверх.

– Эри-ик! – Алиса носом, всем лицом зарылась в букет. – Ой, как пахнет! Это маме, да?

– Да, – улыбнулся Эркин. – Она дома?

Глупый, конечно, вопрос. Кто же выпустит Алису гулять, если не Женя.

– Ага. Она сказала, чтоб я гуляла, пока не позовёт, – Алиса выжидающе посмотрела на него снизу вверх. – Я ещё погуляю, ладно?

– Ладно, – кивнул Эркин.

И Алиса сразу умчалась кого-то ловить, или это её ловили – Эркин не понял. Он невольно рассмеялся этому весёлому гомону, так непохожему на шум детского питомника, и пошёл к дому.

И уже почти у подъезда он встретился с Зиной. Та шла от магазина с бидончиком и сумкой, слегка откинувшись назад, так что живот сильно выступал под платьем.

– Здравствуй, – с певучей радостью ответила она на приветствие Эркина. – Цветы-то на загляденье. Дорогие?

– Подарок, – улыбнулся Эркин.

Этим ответом он, не обижая, отказывал в веточке. Дарёное не передаривают. Это правило в «Беженском Корабле» соблюдали свято.

– Ну, на счастье, – кивнула Зина.

Тимочка вчера ей нарциссов принёс, нежные такие, сирень попышнее, конечно, но у нарциссов вид такой краси-

вый, вся кухня заиграла, как она их в вазочке – Тима и об этом подумал, ну, ничего не упустит – на стол поставила.

Эркин легко взбежал на свой этаж, вошёл в коридор. Странно, конечно, что Женя так рано дома, но если бы что случилось, она бы Алису не отправила гулять. Или наоборот? Так и не решив: надо ему беспокоиться или нет, он открыл дверь.

– Эркин? – спросила Женя из кухни.

– Да, я.

Эркин захлопнул за собой дверь и, не переобуваясь, пошёл на кухню.

– Женя, вот. Это тебе.

Женя резко обернулась от плиты и, как Алиса, ткнулась лицом в букет. И взвизгнула так же.

– Ой, Эркин! Ой!..

Начались хлопоты и беготня в поисках вазочки. Их вазочки – привезённая ещё из Джексонвилла и подаренная на новоселье – оказались малы для такого букета, и пришлось срочно опорожнить подходящий по размеру туесок, переложив из него в миску остатки квашеной капусты. И туесок же вымыть надо. А тут начали гореть забытые на сковородке котлеты.

Спасали котлеты, целовались, искали место для букета, накрывали на стол, снова целовались... Наконец Женя ахнула:

– Ой, я за Алисой, я мигом, ты переоденься пока.

И вылетела из квартиры, а Эркин пошёл в ванную. Его домашний костюм лежал в ванной на своём обычном месте. Эркин разделся, как всегда сбросив рубашку в грязное, натянул костюм, как всегда приятно удивляясь, какой он мягкий и удобный. Здоровскую одежду ему Женя купила, и вообще всё хорошо.

Женя привела перемазанную Алису.

– Это же надо так испачкаться, ты на себя только посмотри.

Она поставила Алису перед зеркалом в прихожей. Оглядев себя, Алиса нашла возражение.

– Ну, мам, там же зеркала не было, вот я себя и не видела.

И Женя не выдержала, рассмеялась, а за ней и Эркин. Алису умыли, переодели, и наконец все вместе сели ужинать.

Женя с гордостью оглядывала стол. Недорогой, но фарфор, приборы хоть старенькие, джексонвиллские, но начищены, еда вкусная и сытная, даже цветы... и главное – это её дом, её семья.

– Как всё вкусно, Женя, – поднял от тарелки на неё глаза Эркин.

Он говорил это каждый вечер, но так, будто в первый раз. Женя счастливо рассмеялась.

– Я тебе сейчас ещё положу. И капусты. Капусту надо доесть.

Ни Эркин, ни Алиса – тоже великая любительница всего

солёного, квашеного и маринованного – против этого ничего не имели.

А потом – тоже, как всегда – они сидели на кухне. Эркин решал задачи и писал домашнее задание по русскому языку, а Женя с Алисой шили новое платье для Мисс Розы. А то что она всё фермерша и фермерша, и баульчик скучает. Хорошо, что у Жени в её каталоге «1000 моделей» нашлись и кукольные выкройки и как раз именно для такой куклы как Мисс Розы. Иногда, отрываясь от тетради, Эркин поднимал голову и глядел на них, Женю и Алису, и быстро опускал глаза, чтобы не потревожить. И Женя так же, словно украдкой, смотрела на него, как он, сосредоточенно хмуря брови, старательно выписывает буквы. И... и надо будет купить книжный шкаф, не дело, что книги в спальне и на кухне. У Алисы же есть специальный шкаф и стол тоже, а что... что если вообще сделать маленькую комнату кабинетом? Купить туда письменный стол, книжный шкаф, диванчик, не для сна, а для отдыха...

Эркин удовлетворённо выдохнул и выпрямился.

– Всё. Женя, посмотришь?

– Конечно.

Она взяла его тетрадь и стала читать. Давно ли он ходит на занятия и уже не просто прописи, а упражнения. Он показывал ей тетради по русскому и английскому, а по арифметике только если задачи, а не примеры.

– Всё правильно, Эркин, ты молодец.

Он улыбнулся в ответ, принимая тетрадь. Алиса подняла голову от шитья.

– Эрик, а мы стихи учить будем?

– Будем, – кивнул Эркин.

Это тоже появилось у них недавно. В тот вечер, прочитав вслух заданный на дом английский текст про мышонка Джерри и кота Тома – Алиса визжала от восторга, слушая про их похождения, он вдруг неожиданно для себя пошёл в спальню и принёс тот, подаренный ему тогда на перегоне томик, раскрыл наугад и начал, спотыкаясь, разбирать текст. С третьего раза с помощью Жени у него всё получилось чисто. И вдруг Алиса, молча слушавшая его чтение и поправки Жени, начала декламировать эти стихи. Запомнила! Теперь они каждый вечер читали один сонет. Вернее, читал его Эркин, а Алиса заучивала на слух с его голоса. Сто пятьдесят четыре сонета. Им хватит надолго.

Алиса дошила шов и старательно сложила баульчик. Нельзя и шить, и стихи учить. Эркин улыбнулся ей и раскрыл книгу. Опять наугад. Так же интереснее, чем подряд.

А потом они пили чай. Эркин рассказал Жене, что записал Алису в класс с тремя языками.

– А третий какой? – Женя провела рукой по спине Алисы, напоминая ей о необходимости сидеть прямо.

– Шауни. Это язык шеванезов.

Женя внимательно посмотрела на него и улыбнулась.

– Отлично.

– А шеванезы – это кто? – спросила Алиса.

– Это индейское племя, – ответила Женя и посмотрела на Эркина. – Правильно?

– Да, – кивнул Эркин.

– Эрик, а ты – шеванез? – вдруг спросила Алиса.

– Нет, – очень спокойно ответил Эркин. – Я индеец.

– Просто индеец? – уточнила Алиса.

– Да.

Вполне удовлетворённая этим, Алиса допила чай и отправилась умываться на ночь. Женя пошла проследить, чтобы она всё сделала как следует, а Эркин приготовил их вторую «разговорную» чашку.

– Эркин, – позвала его Женя. – Она легла.

– Да, иду.

Он вошёл в уже тёмную детскую, наклонился над Алисой и коснулся сжатыми губами её щёчки.

– Спокойной ночи, Эрик, – сказала она, не открывая глаз.

– Спокойной ночи, маленькая.

Неплотно прикрыв дверь детской, Эркин в прихожей достал из куртки метрику Алисы, отнёс её в спальню и положил на комод – Женя сама уберёт к остальным документам. В Вернулся на кухню, где Женя уже налила чай.

– Женя, я... я сделал правильно?

– Ну, конечно, – убеждённо ответила Женя и сказала то, что он и сам думал. – А вместе с ней, и мы язык выучим. Ты ведь об этом думал, да?

– Да, – кивнул Эркин. – Я... я ведь индеец, должен же я язык знать.

– Ну, конечно, – повторила Женя. – Всё правильно. И знаешь, что я придумала? Давай ту маленькую комнату сделаем кабинетом.

– Давай, – сразу согласился Эркин и решил уточнить: – А это что?

– Комната для занятий.

И Женя стала объяснять, что нужно для кабинета. Эркин кивал и, как всегда, со всем соглашался. Но ведь Женя же права, действительно стоящее дело.

– Женя, а гостиную потом?

– Она нам не так нужна пока. И мы же там гимнастику делаем.

Эркин кивнул.

– Да, всё так.

Эркин допил чай и встал, собирая посуду. Уже поздно, завтра им рано вставать. Обычные вечерние хлопоты: убрать со стола, а пока он моется в душе, Женя готовит всё необходимое на завтра.

Когда он в халате пришёл в спальню, Женя в ночной рубашке перед трельяжем расчёсывала волосы. Горела настольная лампа на тумбочке, и мягкий розоватый свет наполнял комнату. Не отводя глаз от Жени, Эркин сбросил халат на пуф и, мягко скользя ступнями по полу, подошёл к Жене, встал за ней и обнял за плечи. Женя откинулась назад,

опираясь спиной на его грудь и подставив его губам висок. Эркин поцеловал её в висок, в корни волос и улыбнулся её отражению. Завороженно глядя в зеркало, Женя вздохнула.

– Какой ты красивый, Эркин.

– Ты очень красивая, Женя, – ответил он. – Я никого не видел, красивее тебя, ты лучше всех, – Женя недоверчиво улыбнулась, и Эркин сказал: – Я же индеец, Женя, а индейцы не умеют врать. Мы или говорим правду, или молчим. Я говорю. Ты лучше всех, Женя.

Женя наконец засмеялась и гибко повернулась в его объятиях, обняла за шею.

– Господи, Эркин, как хорошо.

– Мм.

Ответ получился невнятным, потому что он в этот момент целовал Женю.

– Ой, Эркин, – смеялась Женя тихим грудным смехом.

Мягко кружась, как в танце, Эркин подвёл её к кровати, и тем же плавным движением они опустились на постель. Женя, всё ещё смеясь, закинула руки за голову и потянулась. Эркин опирался локтями о постель и чувствовал, как скользит по его коже батист рубашки Жени. Нет, Жене надо выспаться, и он плавно, чтобы Женя не обиделась, повернулся и лёг рядом с ней.

– Спим, милый, – Женя поцеловала его в переносицу.

– Ага-а, – протяжным выдохом отозвался Эркин, закрывая глаза.

Они забрались под одеяло, и Женя выключила лампу, обняла Эркина, уткнувшись лицом в его шею.

– Как хорошо, Эркин, правда?

– Да, Женя, – и совсем тихо, так, чтобы Женя не услышала, а почувствовала. – Ты есть, Женя, и мне хорошо.

Женя погладила его по шее и плечу.

– Милый мой, как же я счастлива, что ты есть.

Эркин так и заснул, всем телом ощущая Женю, её запах, её руки...

Россия

Ижорский Пояс

Ижорск – Загорье

Этот поезд был совсем другим. Жёсткие деревянные скамьи-диванчики поперёк вагона с узким – два человека только боком разойдутся – проходом посередине, смешное нелепое прозвище – «зяблик», и люди... Андрей с удивлением обнаружил, что смотрится среди них если не франтом, то по-праздничному. Тёмные потрёпанные куртки, похожие и на куртки угнанных, и на рабские, их называли телогрейка-

ми, «телагами», стоптанные нечищенные, в лучшем случае отмытые сапоги, женские платки, ни одной шляпки... Что ж, Ижорск – глубинка, а он ещё дальше едет. Сам выбрал, жаловаться не на кого.

Андрей сидел у окна, сидел спокойно, только глаза напряжённо сощурены. В Ижорск приехал рано, в шестом часу. Но Комитет работает круглосуточно. Он отметил свой лист и узнал, что поезд на Загорье через три часа...

...Кутающаяся в платок не выспавшаяся женщина заполняет графы в толстой канцелярской книге.

– «Зяблик» в восемь пойдёт.

– Зяблик? – удивляется он.

Она устало улыбается.

– Прозвали так поезда. «Зяблик» да «кукушка». Только они до Загорья и ходят. А не хочешь поездом, можно на автобусе. Но прямого маршрута нет, с двумя пересадками. Или попутку искать.

– Давайте на поезд, – кивает он.

И получает маленькую твёрдую картонку с отверстием посередине и выдавленными цифрами номера.

– По ней в кассе билет возьмёшь. В восемь с минутами поезд...

...Утренний Ижорск показался ему неприветливым. Может, из-за туч, затянувших небо серой пеленой, отчего всё смотрелось каким-то тусклым, а, может, из-за хмурых лиц редких прохожих. В вокзальной парикмахерской он побрил-

ся, а потом прошёлся по ближайшим улицам, заставленным двух- и трёхэтажными кирпичными домами. Стояли дома тесно, вплотную друг к другу, магазины все, понятное дело, закрыты, а тут ещё и дождь заморосил, и он вернулся на вокзал. Ещё раз посмотрел расписание. До Загорья три часа, со всеми остановками. Хреново. И пайка уже не дали, посчитали, видно, что за три часа он с голоду не помрёт.

Андрей ещё успел выпить в вокзальном буфете чаю и съесть пару бутербродов с колбасой, взять в кассе билет и найти нужный перрон. Народу оказалось неожиданно много. Судя по разговорам, большинство приезжало в Ижорск на выходные за покупками, в гости и по всяким делам, и теперь все дружно костерили начальство, что расписание идиотское и от веку не меняется. «Кукушка» в пятницу и «зяблик» во вторник. Чтоб в пятницу вечером выехать, а во вторник вернуться – это отгулов брать... в такую копеечку влетишь...

Подошёл поезд, и толпа дружно ломанулась в двери. Помня, что ему ехать до конца, Андрей дал внести себя в вагон, а уж там пробился вперёд и сумел сесть у окна. Напротив, в ряд сидели три старухи, из-за чёрных, плотно окутывавших их головы платков, они казались очень похожими. Справа от него плюхнулся пожилой мужчина с растрёпанной полуседой бородой и сразу захрапел, распространяя крепкий запах перегара и лука. С ним была худая женщина непонятных лет, она жалась на самом краю скамьи, обхватив обеими руками плотно набитую сумку. За окном серое небо, жалкие, едва

прикрытые молодой листвой тоненькие деревца, тёмный от обилия елей лес. Тоска смертная. Многие курили. Достал сигарету и Андрей.

Но он знал, что всё это – самообман. И не дождь или духота в вагоне, не частые остановки и медленный, выматывающий душу ход – не из-за этого он психует. А из-за встречи с Эркином. Как его встретит Эркин, что скажет, и главное – что он сам скажет брату. Что отправил Алису в Цветной одну? Пятилетнюю малявку, что со двора ещё ни разу одна не выходила. Свою-то шкуру он спас, а Алиса...

Андрей курил, бездумно глядя в окно, а видел смуглое тёмное от отчаяния лицо Эркина, испуганные круглые глаза Алисы.

...– Как брата прошу...

Если Алиса и Женя погибли... чем он оправдается? Что Жени не было дома, что их преследовала свора, что хотел отвлечь на себя и попал в засаду... разве это оправдание? С той минуты, когда он всё вспомнил, когда шаг за шагом, преодолевая ноющую боль где-то в глубине головы, под черепом, восстанавливал события того дня, он знал: нет ему прощения. Тогда он думать об этом не мог, вернее, знал, что нельзя. Надо было драться за жизнь, и он дрался, а в драке слабости быть не должно. И потом, в лагере, когда ждал визу и проходил обследования, тоже держал себя. А сейчас... всего три часа осталось, ну, час на поиски, пока он будет Эркина разыскивать, и тогда... встанет перед Эркином и скажет... А

что скажет? Да, неважно это, а важно то, что Эркин задаст ему один вопрос. Андрей с мучительной ясностью видел и слышал, как это будет...

...— Здравствуй, брат. Это я.

И смуглое чеканное лицо, чёрные блестящие глаза, смотрящие в упор.

— А где Алиса и Женя?

И его молчание...

...Нечего ему будет сказать. Лепетать: «Прости, я не хотел, я думал...»? Нет, такое не прощается, а у него, кроме Эркина, никого нет. Ответит Эркин — и он один, совсем один. Как тогда, той зимой. А он больше не может так жить. Нет, если Эркин его не простит, не примет, то... то он жить не станет.

Андрей докурил сигарету до крохотного окурка и, встав, выкинул его в окно. Ну, хватит скулить, сам выбирал и выбрал. Наверняка тебя посчитали убитым, так что мог поехать куда угодно, Эркин же тебя не искал. Сам сколько раз смотрел на доске запросов. Никто не искал Мороза Андрея Фёдоровича. Это ты искал Эркина, на ушах стоял, лишь бы вызнать и не навести ни на него, ни на себя. И Загорье ты себе сам выбивал, так что... Не скули. Прими от брата всё, что тот решит тебе дать. Катись, колобок, от всех уйдёшь. Кроме своей совести. И всё, хватит!

В конце вагона хлопнула дверь, и надрывно-равнодушный мужской голос начал нищенский распев. В дороге Андрей

уже посмотрелся нищих, а в Ижорске на вокзале их, несмотря на раннее время, навалом было. Там он не подавал, а здесь почему-то полез в карман и, выудив из скопившейся за дорожку мелочи два пятака, бросил их в шапку мальчишки-поводыря. Старухи долго копались в каких-то замызганных узелках, но тоже достали по копеечке, и женщина, что сидела с краю, бросила пяточок.

Тучи редели, появились яркие, нестерпимо голубые просветы, в одном из них вдруг сверкнуло солнце. Поезд шёл тихо, и сквозь стук колёс, когда проезжали мимо деревни или городка, пробивался гомон ворон. Дощатые платформы, резные домики вокзалов, вдруг из-за деревьев и избяных крыш покажется и исчезнет большое явно промышленное сооружение. Ну да, он же сам читал в библиотеке: молодые города, эвакуация промышленности... В вагоне ровный гул голосов, нарушаемый то детским плачем, то пьяной попыткой песни, то громкой руганью. Андрей выхватывал из этого шума то, что могло пригодиться, но делал это и по привычке, и чтобы не думать о предстоящем.

...Вона какую отгрохали... На авиационном плотют не в пример выше... Всё хорошо, а с жильём загвоздка... Обещали в новом доме, а пока в бараке... Остохренели бараки эти... Какая земля была, а под завод ушла... Всех берут, и чёрных, и индеев, лишь бы пахали... Почернело Загорье... От дыма, что ль? Хрен тебе, чёрные понаехали, не продохнуть... Не бухти, они тоже, каждый наособицу... С Кошки-

на конца хитрые, на «стенку» заводских берут, а он кулаком быка уложит, ну и... Так и вы бы взяли... Да кабы на нашем конце хоть один заводской был... Мы на земле... Ну и заткнись... Пилит она меня, как та пила ржавая, а тут ещё и тёща ей на подмогу... Они, значит, пилы, а ты что? Чурбан безгласный?.. А он завёлся и на спор, перепью, дескать... у него же башка слабая и нутро хлипкое, куда ему на перепой?.. Да он на халяву и дерьмо съест...

Андрей откинулся на спинку скамьи. Курить не хочется, разговор завести не с кем, поспать, что ли? Но и спать не хотелось, даже веки не опускались, и он продолжал смотреть в окно, а вокруг шла та же вагонная жизнь.

Андрей не знал, сколько он просидел в этом бездумном оцепенении, но вдруг как очнулся и увидел за окном склады, штабеля, путаницу путей, люди вокруг вставали, собирая вещи, теснились в проходе. Приехали? Да, в окно медленно всплыла вывеска. Загорье. Андрей встал и повесил на плечо сумку. Ну, вот и всё, приехали.

В общей толпе он вышел на перрон, огляделся. Вокзал меньше ижорского, но кирпичный, основательный, и перрон залит асфальтом. Теперь куда? Теперь в Комитет. Где же он тут? Проходя мимо вокзала, Андрей посмотрел на часы. Одиннадцать ноль пять. Ну, вперёд и не оглядываясь.

Загорье

С утра было пасмурно, шёл дождь, и, собираясь на работу, Эркин надел непромокаемую куртку. Тёплую подстёжку Женя уже убрала в кладовку, как и вкладыши в сапоги, и теперь озабоченно смотрела, как Эркин заворачивает свои учебники и тетради в целлофановый пакет, чтобы они не намокли.

– Может, подденешь пуловер?

– Нет, Женя, тепло, – Эркин улыбнулся. – Вот увидишь, к полудню разойдётся.

Женя поцеловала его, и он ушёл. И вот удивительно: говорил наобум и угадал. Дождь закончился быстро – роба даже промокнуть не успела. Тучи поредели, и выглянуло солнце. К обеду мокрый двор уже высох, а от их курток валил пар.

– Мороз, вон те ещё.

– Понял.

Серые высокие, в его рост, контейнеры, белые и красные буквы, цифры и знаки, привычные движения. Работа несложная, он давно, работая, думает о своём или треплется с остальными.

– Привет, готово?

– Привет, старшего спроси.

Водители грузовиков и машинисты маневровых паровозиков, – кого по имени, кого в лицо, но он знает почти всех.

На обед Эркин пошёл с Колькой. Договорились, что Коль-

ка опять купит не колотых, а то и не пиленых дров, а то зимние уже кончаются, а запас должен быть.

– Дрова как патроны, мало и очень мало, а много, – Колька хмыкает, – их не бывает. Всегда раньше нужного кончаются.

– Запас карман не тянет, – кивает Лютыч.

– А с кроликами решил? – Эркин отодвинул пустую тарелку из-под щей и взялся за кашу с мясом.

– Крольчатник сначала надо сделать, – Колька усмехнулся. – А я с огородом не развяжусь никак.

– Были б чертежи, – задумчиво сказал Эркин.

– И деньги, – закончил за него Колька. – Абы что по дешёвке купить, так они прожрут больше, чем дадут. Ладно. В субботу курятник буду ладить.

– Приду, – сразу кивнул Эркин.

Колька улыбнулся.

– И своих бери. Поработаем, потом посидим...

– Алиса в субботу на занятиях, она и так из-за маёвки пропустила.

– Ну, школа – святое дело, – с необидной насмешкой хмыкнул Колька.

Серьёзное отношение Эркина к школе многих в бригаде удивляло и смешило. Но подтрунивали, а не насмешничали, и Эркин терпел. Так ведь это над всеми. А над Миняем смеются, что он из квартиры избу хочет делать, и что Петря со своей девчонкой из-за орехов, в меду варённых, поссорился: принёс на свиданку угощение, да сам все и слопал, да мало

ли... у каждого найдётся.

Доев, встали из-за стола и не спеша, отдыхая на ходу, чтобы как надо улеглось, пошли на двор. Спускаясь с крыльца, разминувшись с бригадой Сеньчина. Маленький Филин шёл со своими, а их старший всё злился на Эркина за кулачный бой и проходил, отвернувшись, так что Маленький Филин ограничился кивком, и Эркин ответил ему тем же, чтобы не подставлять парня. Колька покосился, но промолчал. А потом спросил:

– А в этом Центре твою чему учат?

– Всему понемногу, – охотно ответил Эркин. – Подготовка к школе и общее развитие. И поют, и танцуют, и рисуют, ну, и... много чего.

– Понятно, – кивнул Колька. – С пяти берут? А то думаю Колобка пристроить.

– Вообще-то с пяти, но и четырёхлетки есть, слышал.

– Значит, пусть ещё годок дома посидит, – решил Колька и ухмыльнулся. – Головастый чертёнок. Его Семёна в шашки учит играть, так на лету хватает. Твоя играет?

– Нет, – улыбнулся Эркин. – Она в лото здорово, знаешь, цифры накрывать.

– Ага, – Колька на секунду задумался и кивнул своим мыслям.

Эркин догадался, что он прикидывал, сможет ли Семён играть в лото.

– Ладно, – тряхнул головой Колька.

О Колобке и Семёне Колька говорил только с Эркином. Видимо, как понимал Эркин, не то стесняется, не то стыдится... и то, ведь не всякого в душу к себепустишь.

Ряха опять чего-то трепал, и собравшиеся вокруг дружно ржали. Эркин с Колькой тоже подошли. Послушать и поржать, пока сигнала не дали.

В Комитете уже привычная картина: канцелярские столы и шкафы, за столами женщины, немолодые, в основном, двое мужчин, один в штатском, другой – в полувоенном. Все заняты своими делами, копаются в бумагах. Но Андрея встретили достаточно приветливо.

– Транзит, конечная?

– Конечная.

Андрей отдал свои бумаги и плотно сел на стул, ожидая решения своей участи.

С работой решилось быстро: автокомбинат подтвердил заявку.

– Сегодня же туда зайди, оформись, и уже оттуда к нам, – женщина улыбнулась. – Не тяни, место потеряешь. Теперь с жильём. Одинокий?

– Да.

– Дом сейчас как раз подходящий строим. До осени в бараке придётся или будешь снимать?

– Снимать, – сразу сказал Андрей.

Он ещё раньше обдумал и решил по возможности устро-

иться как в Джексонвилле – платить не деньгами, а работой по дому. А вот сейчас, похоже, самый удобный момент.

– А жильё по своему выбору? Или?..

– По твоему, по твоему, – рассмеялась Капитолина Сергеевна: такая плутовская улыбка у парня, что поневоле... –

А что, уже сговорился с кем?

Ну, была не была!

– Родню думаю найти.

До этого все занимались своим и, вроде, не слушали, и не слышали, а тут сразу подняли головы.

– Ты разве местный? – удивился мужчина, проверявший его заявку. – Как же в угон попал?

Андрей перевёл дыхание. И продолжил прежним залихватски-бесшабашным тоном, но осторожно, как по тонкому льду катаясь.

– Нет, мы в Пограничье жили, но вот брат у меня, уцелел, не знаю только, доехал ли?

– Тоже Мороз? – спросила женщина у окна, придвигая к себе картотечный ящик.

Андрей кивнул. Он боялся вопроса про чего ж ты раньше о родне не заявлял, в карте твоей ни о ком таком ни слова, о причинах умолчания. Отмазку-отговорку он придумал, но слабость её очевидна. А значит, теперь молчи и только на прямые вопросы отвечай.

– Сейчас проверю, но, как помню, у нас из репатриантов один Мороз был, но индеец. Правда, если мимо нас прошёл

и в Старом городе где осел. Ну-ка...

Говоря, она перебирала карточки.

– Того Мороза я помню, – улыбнулась Капитолина Сергеевна.

– Кто видел, тот не забудет, – засмеялись в ответ.

– Да, что на «стенке», что в кулачном себя показал.

– Нет, – наконец вздохнула перебиравшая карточки. –

Только этот, Мороз Эркин Фёдорович.

– Лара, он ведь в «Беженском Корабле»?

– Ну да, Кап, – кивнула она, отодвигая ящик. – Не повезло тебе, парень.

– А «Беженский Корабль»... Это где? – с осторожной небрежностью спросил Андрей.

– Цветочная тридцать один.

– Да, сходи, поговори, может, кто и знает что-то о твоём.

– Да, всяко бывает.

– Спасибо, – Андрей встал, улыбнулся с максимальной обаятельностью. – Так я не прощаюсь, ещё приду.

– Удачи тебе, – пожелали ему вполне искренно.

А когда за ним закрылась дверь, Лариса ахнула:

– Ой, Капа, он же по отчеству...

– Фёдорович, – ответила Капитолина Сергеевна и тоже ахнула. – Ой, Ларка, беги за ним.

Но когда Лариса выбежала, площадь была уже пуста, и она вернулась, чуть не плача.

– Ничего, – утешила её Капитолина Сергеевна. – Всё рав-

но ему к нам ссуду оформлять.

– Но как же так? – удивился Анатолий. – Один – индеец, другой – белый, и братья?

– А это, как и у Савельцевых, – рассмеялась Капитолина Сергеевна. – Как Артём деду внук, так и они братья.

И с этим, вполне очевидным, все согласились.

Андрей шёл быстро, будто убегал от кого-то и не хотел, чтобы это заметили. Эркин здесь! Всё, он приехал. Теперь на автокомбинат, уладить с работой и на Цветочную, квартиру ему не сказали, ну, ничего, найдёт, расспросит уже в открытую. Да, в Комитет ещё зайти, отметитья, но это после Цветочной. Ну, всё успеет.

Автокомбинат был на окраине, но добрался Андрей быстро и без проблем. Говорили с ним по делу, без восторга, но и с какой стати должны ему особо радоваться. Ученик в цеху, даже не разнорабочий, зарплата месячная, восемьдесят рублей, месяц испытательного срока, выход на работу в четверг, в семь утра, третий цех, цеховой мастер Сидоров Иван Артемьевич.

– Всё понял?

– Всё, – кивнул Андрей.

Чего ж тут не понять? Он оформил документы, получил пропуск и обратно пошёл уже не через управление, а по рабочему двору. Что ж, может, и эта мечта – выучиться на шофёра – сбудется, вон хозяйство какое, и грузовики, и легковушки, вон даже автобус стоит. А вон... точно, негр возится

с раскрытым мотором.

Выйдя на улицу Андрей посмотрел на часы над проходной. Четверть первого. Что ж, это он сделал, теперь на Цветочную.

Цветочная улица оказалась тоже на окраине, но противоположной. Можно было пройти через вокзальную площадь и заодно зайти в Комитет, но Андрей твёрдо решил: сначала Цветочная, всё остальное – потом. И, чтобы не изменить решения, пошёл кружным путём, мимо бесконечного заводского забора, по вполне городским улицам, с магазинами в трёхэтажных кирпичных домах. Народу не так уж много. Почему? Все на работе? Ладно, пока неважно, а там посмотрим. Так, теперь, вроде, направо.

Пару раз он останавливался, уточняя дорогу. «Беженский Корабль» знали все и объясняли охотно и подробно.

Когда перед ним встала белая громада дома, Андрей изумлённо присвистнул. Ну, никак не ждал. Думал: обычный трёхэтажный дом, ну, в четыре этажа, ну, длинный, а тут... Людей у подъездов не видно, видно, кто на работе, кто обедает, так у кого бы спросить? Он медленно шёл к дому, оглядываясь по сторонам и увидев маленький магазинчик, обрадовался. Здесь-то точно всех знают.

Встретили его, ну, не как старого знакомого, но весьма радушно. А вот разговора не получилось. Нет, новости разбитых тёток на нужную тему он сумел и даже узнал, что Мороза они знают, что парень тот хозяйственный, спокойный,

не пьёт, работает честно, ну и живёт соответственно.

– А живёт он где? – вклинился Андрей в их скороговорку, когда его уже подталкивали к двери, потому как перерыв обеденный уже начался.

– А тебе на что?

И его выставили за дверь. Андрей сплюнул от досады и выругался. За что немедленно услышал из-за двери обещание скорого знакомства с милицией. Связываться и заводиться он не стал и решил походить вокруг дома в надежде натолкнуться на какую-нибудь старушку. Те тоже знают всё и всех, и поговорить любят. Томсониха, помнится, каждый вечер ему про весь квартал такое рассказывала... будто сама в каждой спальне сидела.

Но наткнулся он на однорукого мужчину в военной форме без погон и к тому же оказавшегося комендантом. Знать-то тот по службе всё знал, но Андрей сразу не понял, а почувствовал, что на лёгкой трепотне не проскочишь и придётся раскрываться.

– Ищешь кого?

– Да, Мороза. Эркин Мороз.

– Угу, – Ванин внимательно оглядел стоящего перед ним высокого белокурого парня в светлой, явно нерусской куртке. Приблатнённый, но напоказ не выставляет, ладно, посмотрим. – И зачем он тебе?

– Потеряли мы друг друга в Хэллоуин, – Андрей сам не знал почему, но решил держаться до последнего. – Я в Ко-

митете узнал, что он здесь, а квартиру не знаю.

– Понятно, – кивнул Ванин. – Когда, говоришь, потеряли?

– В Хэллоуин, там ещё, в Алабаме. Резня же была, может, слышали. Меня ранило, ну, пока отвалился, то да сё... – Андрей улыбнулся, надеясь, что на этом расспросы окончатся.

– Ладно, – Ванин тоже улыбнулся. – Подходи сюда к пяти, покажу.

– Спасибо.

Андрей понял, что разговор окончен и лучше сматывать-ся. Он ещё раз улыбнулся, распрощался и ушёл, чувствуя на спине взгляд коменданта.

Что ж, может, и к лучшему, если к Эркину он придёт не один. Андрей попросту трусил. Трусил настолько, что сам себе в этом признавался.

Убедившись в уходе парня, Ванин пошёл к себе. Надо, пожалуй, с Комитетом переговорить, с какой-то радости они информацию раздавать стали. Если парень не соврал, то должен был там засветиться...

Теперь Андрей шёл не спеша. Надо как-то убить время до пяти часов. Сейчас уже второй час пошёл, надо думать, так что больше трёх часов болтаться. Ладно, тогда сейчас в Комитет, а потом поесть где-нибудь. Ладно, перекантуемся.

В Комитете его с порога встретили вопросом в несколько голосов:

– Ну, нашёл брата?

– Нету его дома, – мотнул он головой, протягивая свои

бумаги. – Вот, оформился я.

– Давай-давай.

– А брат твой на работе, наверное.

Андрей кивал, соглашаясь. Конечно же, Эркин на работе, где же ему ещё быть.

– Жить будешь у брата?

– Да, – твёрдо ответил Андрей. Что и как потом ни будет, а пока так.

– А чего ж ты Ванину не сказал, что вы братья? – спросила женщина, заполнявшая его карточку.

К этому вопросу Андрей не готовился и на секунду растерялся. Ванин – это комендант? Значит, позвонил сюда, а здесь он про брата сам сказал, чёрт, что же делать? Не знаешь, что врать, говори правду. Или молчи. Отмолчаться не удастся. Значит, правду. Или полуправду.

– По привычке. Мы там, – он взмахом головы указал куда-то за стену, – скрывали, что братья.

Понимающие кивки, улыбки. Сошло.

– Ну, раз и с работой, и с жильём улажено, то давай и ссуду оформим.

Андрей заинтересованно кивнул. И сколько же ему отвалит? И удивлённо приоткрыл рот, увидев, какие цифры выписывают в ведомости. И только безмолвно кивал на предостережения о последствиях неразумных трат и обещаниях проверок.

И на улицу он вышел в том же обалдении. Это ж... ну, ни

хрена себе... Ну... ну, живём! И как комитетские не бояться такие деньжищи у себя держать? Хотя... хотя не каждый же день приезжают, и должно быть заранее известно, когда и сколько, а там... а там не твои проблемы, Андрей Фёдорович, не суй нос в чужие дела, до крови прищемят. Но то-то, не сильно, но заметно, что при оружии все.

Деньги он спрятал в сумку: пачки-то увесистые, побольше той, премиальной за выпас. А о других виденных им пачках в банковских бумажках, как их, да, бандеролях, он предпочитал не вспоминать. На вокзальных часах три. Ещё два часа. И Андрей отправился на поиски подходящего заведения, чтобы без помех, спокойно и не слишком дорого поесть. А то голова кругом, а жратва – она успокаивает.

Здесьние кафе назывались трактирами, Андрей этот, как слышал ещё в детстве, нюанс ещё по Иванькову заметил и, найдя подходящее внешне заведение, смело открыл дверь.

Полутемно, но не сумрачно, стойка с кипящим самоваром в половину человеческого роста, столов немного, но места есть. Андрей прошёл в угол к пустому столику. И только сел, расстегнул ветровку, заткнул сумку так, чтоб её видно не было, а ногой чувствуешь, к нему подошёл молодой парень белой рубашке навывпуск.

– Чего желаете?

– Пообедать желаю, – улыбнулся Андрей.

– Это в момент спроворим, – зачистил парень, салфеткой обмахивая стол перед Андреем. – Щи у нас сегодня, ложка

стоит, кулебяка со слезой, сочится прям-таки, убоина свежая, в печи томлёная, с картошечкой.

– Вот и давай, – кивнул Андрей.

Со дна памяти всплывало то ли слышанное, то ли читанное, то ли... но он чувствовал, что знает всё это, что так и должно быть.

– Водочки не желаете?

– Обойдусь. А... морс есть?

– Квасок у нас забористый, так и играет.

– Квасу выпью, – улыбнулся Андрей.

Парень выложил перед ним ложку и вилку с ножом и убежал. Андрей и оглянуться не успел, как перед ним поставили деревянную расписную миску с огненными – пар лицо обжигает – густыми щами и деревянную же тарелку с толстыми ломтями ноздреватого тёмно-коричневого хлеба с чёрной коркой.

С такой едой торопиться нельзя. И Андрей ел медленно, со вкусом, чтобы почувствоваться в каждый глоток.

Кулебяка и впрямь слезилась, сочилась каплями жира, мясо без жил и плёнок наполняло рот особым и тоже каким-то... памятным вкусом. Квас приятно щипал язык и нёбо, отбивая вкус жира.

И на улицу Андрей вышел, сыто отдуваясь и даже вспотев от такого обеда. Правда и обошёлся он ему вместе с чаевыми в трёшку. Не устоял ведь, взял напоследок ещё и киселя. Малинового с молоком. Чтоб молочные реки да в кисель-

ных берегах. Надо же было проверить мамин сказки. Теперь бы... «После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать». Тоже вот откуда-то вспомнилось. Ну, спать – не спать, а где-нибудь посидеть, скажем, до полпятого... Так, а сейчас сколько? Солнце ещё высоко. Он не спеша вернулся к вокзалу, посмотрел на часы и присвистнул. Четыре с минутами. Час прообедал! А вон и Цветочная, вот и пойдём себе потихоньку.

Цветочная улица оказалась очень длинной и столь же зелёной, пахнувшей сиренью и ещё какими-то цветами. А ничего городок – с удовольствием глазел по сторонам Андрей – не сравнить с Ижорском. Перед домами... да, правильно, палисадники, клумбы, скамеечки, а вон сиренью беседка обсажена, белеет скатерть на столе, сидят люди, чай пьют... В Грязино тоже был сад, и палисадник, и огород, правда, маленький.

Улица неожиданно уткнулась в берёзовую рощу, и Андрей пошёл по тропинке, догадываясь, что «Беженский Корабль» будет за рощей. Белые, в чёрных крапинках и полосках стволы, ярко-зелёная трепещущая под слабым ветром листва, и такая же яркая, крепкая, как ежиные, нет, ежовые иголки, трава. Послышался шорох, и Андрей замер, напряжённо вглядываясь. Неужели ёж?! Но нет, шорох не повторился, видно, шуршавший испугался ещё больше и замер. Свистели и щёлкали птицы, а птиц ему мама не назвала, так и не знает до сих пор. Деревья различает, а птиц – нет. Фред-

ди им тогда соловья показывал, свистел соловьём, но здесь такого чего-то не слышно. Он шёл и думал о всякой чепухе, потому что сквозь благодушие сытости опять проступал и накатывал страх.

За рощей его встретил овраг, склоны в траве, внизу ручей, тропинка поверху вдоль оврага, а на той стороне играли дети и высилась белая громада дома. По тропинке Андрей дошёл до перехода через ручей, спустился вниз, по еле выступавшим над водой камням перешёл на другую сторону и поднялся наверх. Постоял, разглядывая играющих детей. Белоголовых и в чёрных кудряшках. Вон та девочка явно мулатка, и ещё... Дети не обращали на него внимания, а он стоял и смотрел, пока не убедился, что Алисы среди них нет. Он ведь сразу узнал бы её, не так уж она за зиму изменилась, если... нет, не надо.

На длинной скамейке под большой берёзой сидело рядом несколько старух. А с умом – невольно ухмыльнулся Андрей – сделано: настоящий НП, наблюдательный пункт, с какой стороны ни подойдёшь, а старухи тебя увидят. Вон идущая от магазина женщина в вязаной – он видел такие на рынке в Новозыбкове – кофте поверх цветастого, натянутого на выступающем животе цветастого платья остановилась и заговорила с ними. Две старухи с вязанием, вяжут носки, блестя спицами, а на работу свою не смотрят. И все... наблюдательницы – не хотелось называть их надзирателями или ещё похуже – так и постреливают по сторонам не по-старчески

зоркими глазами.

Андрей остановился так, чтобы видеть и подъезды дома, и дорогу мимо магазина в город, и так, чтобы его прячущимся не посчитали, достал сигареты и закурил. Теперь что, ждём коменданта? Придётся. Квартиру он теперь знает, но нарываться с властью, а комендант – власть серьёзная, тоже нельзя. Мало ли что.

Ванин, выйдя из своего подъезда, сразу увидел его и усмехнулся. Точен парень, даже с запасом пришёл, не побоялся, и стоит открыто, дескать, вот он я. В Комитете сказали, что назвался братом Мороза, и отчество совпадает. Так бумага – она многое терпит. Посмотрим...

Как всегда, в те дни, когда Эркин учится, Женя старалась нигде не задерживаться. Действительно, распогодилось, и пусть Алиска погуляет. А покупать ничего не надо, она в заводской кулинарии набрала всего, а в крайнем случае, забежит к Мане с Нюрой. А вообще-то... она прямо сейчас и заглянет, возьмёт чего-нибудь небольшого и вкусненького.

Андрей оглядывал прохожих, особо не вглядываясь, но вдруг... вдруг... Женя?! В лёгком светлом плаще, сумочка на плече, сумка в руке... Да, тогда он видел её в домашнем платье и фартуке, но это... нет, да, это она!

– Женя, – шевельнул он внезапно пересохшими губами.

Уже поворачивая к магазину, Женя услышала, как кто-то окликнул её. Голос незнакомый, и она обернулась с дежурно-вежливой улыбкой. Высокий белокурый парень в курт-

ке-ветровке и с чёрной кожаной сумкой на плече смотрит так, будто... Кто это? Да нет, быть не может! Мёртвые не воскресают!

Она не узнаёт его? Но... но это же она, точно – она! Не хочет узнавать? Из-за Алисы?!

– Женя, – повторил он. – Это я.

Женя разжала пальцы, уронив сумку. Шагнула к нему.

– Ты? Андрюша, ты?!

– Да, – он улыбнулся неживыми губами. – Это я.

Пронзительно завизжав, Женя бросилась к нему на шею.

– Андрюша, господи, живой, ты живой!

Ванин, поглядев, как Женя, плача и причитая, целует этого парня, повернулся и пошёл к себе. Всё, он уже не нужен.

Ахали и причитали сбежавшиеся со всех сторон женщины. Плакала Женя, Андрей и сам чувствовал, что плачет. Наконец, он отдышался и спросил:

– Женя, Алиса... – договорить не смог.

– Алиса? – недоумевающе переспросила Женя. – Дома. А что?

– Ничего, – Андрей шмыгнул носом, нагнулся и подобрал её сумку. Огляделся.

– Да, – заторопилась Женя, – конечно, пошли домой. Господи, Андрюша, мы же по тебе поминки справили.

– Значит, долго жить будет, – вмешалась Баба Фима.

И она, властно повернув и наклонив к себе его голову, трижды расцеловала, приговаривая:

– На здоровье... на долгую жизнь... на удачу...

– Спасибо, – улыбался Андрей.

Его обнимали и целовали плачущие женщины, будто он им всем был родным, нежданно-негаданно вернувшимся с того света.

Наконец Баба Фима разогнала толпу, велев Жене вести родича домой.

– Хватит, бабы, дайте парню продохнуть. Вон, даже Ванин ушёл. Ты, милоч, завтра к нему зайди, оформись, а сейчас иди.

Всю дорогу до двери в квартиру Женя держала его за руку, будто боялась, что он исчезнет. И только повторяла:

– Господи, Андрюша, живой.

Андрей молча – у него опять перехватило горло – прижимал её руку к своему боку. Женя жива, Алиса жива – он чист перед Эркином. И к концу дороги он продышался и смог нормально видеть и говорить.

Женя достала из сумочки ключи и открыла дверь.

– Вот... – договорить она не успела.

– Мам! – налетела на неё Алиса. – А ты чего с тем дядей целовалась?

– А я и есть дядя! – весело ответил Андрей, входя следом за Женей. – Узнаёшь меня?

– Да-а, – неуверенной растяжкой ответила Алиса, пристально разглядывая неожиданного гостя. И продолжила уже уверенно: – Да, ты – дядя Андрей. Мы от Хэллоуина убежали.

– Точно, – рассмеялся Андрей.

– А потом ты умер, и мы поминки делали, – Алиса ещё раз задумчиво оглядела его. – Ты в могиле был, да?

– Ну, можно сказать, что и так, – искренно согласился Андрей.

– Это ты правильно сделал, что оттуда вылез и к нам пришёл, – убеждённо сказала Алиса. – У нас лучше.

– Точно, племяшка! – от души рассмеялся Андрей.

– Алиса, – Женя торопливо срывала с себя и вешала плащ, переобувалась, распахивала свёртки из сумки, – не мешай. Андрюша, раздевайся, сейчас поешь, или нет, помойся с дороги.

– Вот это то, что надо! – обрадовался Андрей.

– Алиса, одевайся и иди на улицу, Андрюша, там ящик для грязного стоит, всё туда кидай, Алиса, беретку надень, Андрюша, я тебе сейчас чистого принесу, Эркин в школе сегодня...

Вихрь, поднятый Женей, наконец вынес Алису из квартиры, и она побежала на улицу рассказывать приятелям о дяде, что из могилки пришёл, а Андрея занёс в ванную.

– Вот полотенца, вымоешься, наденешь халат, вот этот, синий, это Эркина, и шлёпанцы. А я пока приготавлию...

Сказать, что он обедал, Андрей не успел. Оставшись в одиночестве, огляделся. Полочки, шкафчики, большое зеркало, яркие мохнатые коврики у ванны и... душа, что ли? Да, душ. Махровые полотенца... Однако... хорошо Эркин

устроился, ванная получше, чем в Бифпите. Андрей провёл рукой по щеке. Нет, бриться ещё не надо, да, правильно, он же утром в Ижорске побрился. Это день такой длинный? Ну, ладно, всё в порядке, можно и расслабиться.

Хлопоча на кухне, Женя прислушивалась к шуму в ванной. Она, ну, никак не могла поверить в случившееся. Господи, похоронили, отпели, поминки дважды справили, и пришёл... Она вдруг ахнула и обессиленно села на стул, прижав ладони к щекам. Господи, с травой пришёл, трава вынесла!

Уже раздевшись и пустив воду, Андрей сообразил, что все его вещи остались в сумке, а сумка в прихожей, а он уже и мокрый, и голый. Ладно, мыло вон лежит, а мочалка... а ладошками помоемся! Не такой уж он грязный после Селезнёвской бани.

Вымывшись, он выбрал большое махровое полотенце, вытерся. В зеркало он старался не смотреть, чтобы не портить себе настроения. На полочке у зеркала флаконы и баночки. Кремы, лосьоны... Наверное, Женино хозяйство, не будем трогать. Андрей ещё раз вытер голову, перешагнул с коврика в шлёпанцы и надел халат.

Халат запахивался, а не застёгивался, и потому не показался слишком широким. Затянув пояс, Андрей вышел из ванной.

– Женя...

– Я здесь, Андрюша.

Андрей вошёл в кухню, увидел накрытый стол и присвист-

нул.

– Вообще-то я обедал, но... ну, не могу отказаться.

Женя рассмеялась.

– Садись и ешь.

– Это я всегда, – Андрей сел за стол и придвинул к себе тарелку. – Женя, а ты?

– И я поем, конечно. Андрюша...

– А где Эркин? – перебил он её. – Ты что-то про школу говорила.

– Да, Эркин учится, у нас тут в Культурном Центре школа для взрослых.

– Хорошо! – Андрей даже ложку отложил. – Он всегда хотел учиться.

– Ну вот. Андрюша, как же так получилось? Мы же похоронили тебя.

– И каким я был в гробу? – заинтересовался Андрей. – Красивым?

– Господи, Андрюша! – Женя даже руками замахала. – Да ты что?!

Но так как он очень серьёзно ждал ответа, то Женя так же серьёзно стала объяснять:

– Ну, нам, вернее, Эркину рассказали, я уже в лагере с Алиской была, Эркин в тюрьме...

– Та-ак, – с какой-то неопределённо-угрожающей интонацией протянул Андрей.

Но Женя продолжала:

– А когда его отпустили, ему и рассказали, что похоронили, как положено, в гробу, со священником.

– Угу. Интересно получается, – Андрей с сожалением отодвинул тарелку. – Не лезет больше, передохнуть надо.

И тут пронзительно и долго заверещал дверной звонок. Женя побежала открывать, и в квартиру ввалилась целая толпа детей с Алисой во главе.

– Вот, он здесь!

Промчавшись мимо опешившей Жени, детвора набилась в кухню.

– Вот! Они мне не верят! – всхлипами переводя дыхание, тараторила Алиса, глядя на Андрея. – Они не верят, что ты в могиле был и пришёл! Ведь правда, ты мертвяк?! Вот сам им скажи!

С трудом удерживаясь от смеха, Андрей кивнул.

– Мертвяк! – тоненько ахнул кто-то в наступившей тишине.

– Ага, он самый, – согласился Андрей.

– А мертвяки людей едят, – пискнул ещё кто-то.

– С вас и начну, – Андрей взял нож и вилку и, как заправский людоед, поточил их друг о друга. – Ну, кто из вас повкуснее? Давай-ка сюда.

Секундная пауза, и с оглушительным визгом малышня, толкаясь, вылетела из кухни и скрылась за дверью. Всё произошло так быстро, что Женя не успела перехватить Алису.

Андрей хохотал так долго и упоённо, что Женя, растеряв-

шаяся и рассердившаяся, тоже стала смеяться.

– Господи, – наконец отдышалась она. – Ну, как ты так можешь, Андрюша?

– А что? – ухмыльнулся Андрей. – Не могу же я так разочаровывать. И потом, Женя, скажи я по-другому, я бы Алису перед ними всеми врушкой бы выставил. Было бы лучше разве?

Женя вздохнула.

– Ох, Андрюша, какой же ты...

– Какой?

И Женя улыбнулась.

– Хороший. Поешь ещё?

Андрей демонстративно прислушался к себе.

– Ещё немного отдохну. Ты-то сама так и не поела.

– Конечно, отдыхай. А я сейчас Алису позову, хватит ей гулять.

– Ага, – сразу согласился Андрей.

Он понимал, что надо бы встать, выйти и переодеться, но всё ж в халате сидеть, но так не хотелось двигаться. Он добежал, докатился колобком, и всё хорошо, так хорошо, даже не верится, что это с ним. Он дома, в семье. Вот Женя выходит на – балкон? Да, похоже, нет, правильно, он же читал, это лоджия – перегибается через перила и звонко зовёт:

– Алиса! Домой!

И он слышит ещё женские голоса, выкрикивающие имена, зовущие домой. И далеко-далеко в памяти...

– Се-рë-ë-жа-а!

Андрей потрянул головой. Нет, это всё в прошлом, а сейчас... сейчас он дома.

– Идёт, – вернулась в кухню Женя.

Она закрыла балконную дверь и задёрнула шторы. Кухня тут же стала сумеречной. Женя прошла к двери, включила свет. И почти сразу звякнул звонок.

– Наконец-то, – Женя побежала в прихожую.

Андрей сидел и слушал, как Женя выговаривает Алисе, что так извозилась, даже на себя не похожа, как умывает её в ванной, переодевает... обычный семейный вечер. И его мама ругала, что перемазался, но ругала так, что он понимал: его любят.

Оказавшись за столом напротив Андрея, Алиса в ожидании ужина серьёзно рассматривала его.

– А ты вправду живой?

– Вправду, – кивнул Андрей.

– А все-все говорили, что ты умер.

– Я и сам так думал, – очень серьёзно ответил Андрей.

– Алиса, ешь и не болтай, – вмешалась Женя.

Она думала об одном: как сказать Андрею, что его отец жив, что... что он не Андрей Мороз, что у него совсем другое имя. Нет, не может, пусть это сделает Эркин.

Ужинали долго. Алиса не так ела, как возила ложкой по тарелке, всё ещё разглядывая пившего чай Андрея и решая какую-то свою задачу. Наконец Жене это надоело.

– Алиса, сейчас спать пойдёшь.

– Я Эрика буду ждать, – возразила Алиса.

– Нет, – твёрдо сказала Женя. – Уже поздно.

Они немного поспорили, и Алиса отправилась в уборную, а затем в ванную приводить себя в порядок.

Что у Артёма что-то случилось, Эркин понял с первого взгляда. Артём, по своему обыкновению, стоял на ступеньках крыльца Культурного Центра, но аж приплясывал от желания поговорить, рассказать и прямо-таки бросился навстречу Эркину.

– Привет, малец, – улыбнулся Эркин. – И чего стряслось?

– Привет, – выдохнул Артём и камерным шёпотом: – Мы ссуду получили.

– И как, всем уже растребал? – поинтересовался Эркин.

– Тебе первому.

– И дальше молчи, – посоветовал Эркин. – Деньги целее будут. А то и голова.

– Понятно. Чего там.

Они вместе вошли в класс. Тим уже сидел в своём углу, читая какую-то потрёпанную книгу.

– Привет, – окликнул его Эркин. – Чего читаешь?

– Привет, – ответил, не поднимая головы, Тим. – Правила движения, – оторвался от книги и усмехнулся их непонимающим лицам. – По автомобильному делу.

– А-а, понятно, – Артём сел на своё место у окна. – А что,

тоже стоящее дело.

– Много ты понимаешь, – хмыкнул Тим и вернулся к книге.

Эркин сел, достал учебник и тетрадь по русскому. Он уже не с прописями, а с учебником работал. Артём так же стал выкладывать всё необходимое. Он очень гордился и не упускал момента похвастаться своей сумкой. Не матерчатым мешком с ручками для чего ни попадя, как у большинства, а под кожу и с клапаном, как портфель. Конечно, у Тима настоящая офицерская, но до Тима ему...

– Ну что? – Эркин видел, что Артёма распирает по-прежнему. – Решили уже, как тратить?

– Козу будем покупать. Ореньских кровей, – важно ответил Артём. – Чтоб и молоко, и пух были. А потом и корову.

Про дом он решил промолчать. Это когда ещё будет, и... и вообще...

– А корову какую? – у Эркина еле заметной насмешкой заблестели глаза, и он перешёл на английский. – Фриза или шортгорна? Ну, какую породу?

Артём изумлённо установился на него.

– А они что, разные? – вырвалось у него.

– Ещё бы, – хмыкнул Эркин. – Есть молочные, а есть мясные.

– А ты чего... разбираешься?

– Я пять лет скотником отпахал, – невесело усмехнулся Эркин. – Так что в молочных разбираюсь. Знаешь, сколько

передоил.

– Ага-а, – задумчиво протянул по-русски Артём. – А вот если...

Договорить ему не дали звонок и появление Полины Степановны. И дальше учёба пошла своим чередом. Артём постарался забыть о деньгах и козе, чтобы не напортачить. Эркин работал с привычным спокойствием. Надо просто быть внимательным, и всё получится как надо. Ошибки у него в русском – большая редкость. Выручала зрительная память. Он так и сказал как-то Артёму.

– Ты читай больше, малец. Не по заданию, а так. Я какое слово прочитаю, так уже и не портачу в нём.

Тим, слышавший это, задумчиво кивнул.

После русского математика. Здесь у Эркина всё было бы хорошо, если бы не эта чёртова таблица умножения. Тогда Фредди научил умножать по-своему, он привык, приспособился, а теперь надо по-другому. Тяжело переучиваться. У Тима, похоже, такой проблемы нет. Решает, как орехи щёлкает. И у Артёма всё гладко. Когда в задаче все слова понимает, а умножению уже здесь учился, так что тоже... без проблем у мальчика.

На природоведении не писали. Слушали, рассматривали карты и картинки, сами рассказывали. Было интересно. Когда дошло до карт, Тим снова всех обставил. Карты, планы, чертежи – всё ему без проблем. Да чего там, по всему Тим впереди, только в русском Эркину удаётся обойти его, и то...

начинал Тим со всеми, как неграмотный, а тоже... ещё пара недель, и без прописей обойдётся.

И когда они вдвоём шли к дому, Эркин так и сказал:

– А ты здоровско... карты, планы, английский... всё-то ты знаешь.

– Я ещё много чего знаю, – усмехнулся Тим, но голос звучал не очень весело. – Нас ведь всему учили. Кое-что я бы и забыл с радостью, да вот... – он вдруг выругался. – Помнится.

Эркин кивнул.

– Понятно. Хочешь забыть, а не можешь, а нужно вспомнить, так тоже не можешь. Не хозяева мы самим себе.

– Я понял, – Тим вздохнул. – Нам ведь не на руку, на душу клеймо поставили.

– Сам додумался? – глухо спросил Эркин.

– Нет. В нашей десятке парень был, Чак, так он всё кричал, что рабы мы и в жизни, и в смерти.

– Кричал? – недоверчиво хмыкнул Эркин.

– Кричать и шёпотом можно, – усмехнулся Тим. – Вы, что ли, не трепались втихаря?

– Было дело, – кивнул Эркин. – Только не об этом. Вам сколько было отпущено?

– Чего?

– Лет. Ну, до какого возраста держали?

– Ну... – Тим недоумевающе пожал плечами. – Ну, пока хозяину нужны. Хозяин решал.

– А нам... двадцать пять лет и финиш.

– Финиш? – переспросил Тим.

– Не знаешь, что ли? – Эркин дёрнул в злой улыбке шрамом. – Финишный этап – этап на небо.

– Я-то знаю, – Тим искоса быстро посмотрел на него. – А ты это откуда знаешь? Так только... в двух местах говорили.

– Слышал как-то, – пожал плечами Эркин.

Они говорили по-английски, не замечая этого. Оба, стоило заговорить о прошлом, переходили на английский. И когда после недолгой паузы Тим спросил, читал ли Эркин про вторую очередь Культурного Центра, то спросил он по-русски. И ответил Эркин тоже по-русски.

– Читал. Спортивный зал будет. И ещё писали, что надо стадион строить.

– Стадион – это здорово.

Как всегда, подходя к дому, Эркин нашёл взглядом свои окна. В кухне горит свет, значит, Женя его ждёт. Окна Тима выходили на другую сторону, но он и так знал, что Зина не ложится, ждёт его.

– Ну, бывай.

– Бывай.

Коридор второго этажа был пуст. Детвора с наступлением тепла гуляла на улице, но сейчас уже спит, а кому завтра на работу в первую смену, так те тоже уже легли. И Эркин невольно, не отдавая себе отчёта, шёл бесшумно, как мимо спящих камер в Паласе.

Звонить Эркин не стал, чтобы ненароком не поднять Алису, и открыл дверь своими ключами. Привычно щёлкнул выключателем, но... но Женя почему-то не встречала его. И шлёпанцев нет на месте. А в кухне свет. Что-то случилось?!

Услышав звук поворачиваемого в замке ключа, Женя, открыв рот, рванулась в прихожую, но Андрей неожиданно ловко задержал её, шепнув:

– Сюрприз!

Женя мгновенно поняла и фыркнула сдерживаемым смехом.

– Женя! – позвал Эркин, и в его голосе явно звучала тревога.

– Эркин! – Женя погрозила пальцем Андрею. – Иди сюда, посмотри...

Она не договорила, потому что Эркин уже стоял в дверях кухни.

Андрей откинулся на спинку стула в небрежно-развязной позе.

Стоя в дверях, Эркин недоумевающе переводил взгляд с Жени на сидящего за столом белобрысого парня в тёмно-синем махровом халате. И его молчание становилось тяжёлым.

– Эркин, – Женя вокруг стола пошла к нему. – Ты что, не узнаёшь?

И так же медленно начал вставать из-за стола Андрей. Молчание Эркина, его расширенные в немом крике глаза,

беззвучно шевелящиеся губы...

И одновременно Андрей встал, а Эркин оторвался от дверного косяка. Они шагнули вперёд и, столкнувшись, обняли друг друга. И только тут Андрей расслышал шёпот Эркина.

– Прости меня.

И не поверил услышанному.

Наконец, не расцепляя объятия, Эркин откинул голову, чтобы увидеть лицо Андрея.

– Андрей, ты... ты живой?

– Ага, – широко ухмыльнулся Андрей.

Он уже начал беспокоиться: не зашёл ли слишком далеко в своём стремлении к розыгрышу, и был готов сделать и сказать что угодно, лишь бы Эркин успокоился.

– Здравствуй, братишка.

– Здравствуй, – кивнул Эркин. – Ты... – он говорил медленно, будто только учился говорить. – Ты давно приехал?

– Сегодня, на «зяблике». А ты что, в школе был?

– Да, – всё так же медленно ответил Эркин.

И тут вмешалась Женя, затеребила их, заставила Эркина вернуться в прихожую, снять и повесить куртку, разуться, ничего, пусть в носках, пол чистый, сейчас чай будем пить. Эркин со всем соглашался, но его отсутствующее выражение всё больше не нравилось Жене. И Андрей не узнавал Эркина. Он пытался балагурить, шутить, но Эркин словно не слышал его шуток и только молча смотрел на него.

– Всё, Эркин, Андрей, за стол, – скомандовала Женя.

– Да, я сейчас, Женя, – Эркин как-то виновато улыбнулся и показал ей свои руки. – Только руки вымою.

Войдя в ванную, Эркин тщательно закрыл за собой дверь и щёлкнул задвижкой, будто собирался мыться. Всё, вот теперь он один. Можно перевести дыхание и... Андрей жив! Нет, этого не может быть, нет! Он спит и видит сон, Андрея убили, сожгли, его похоронили, со священником, справили дважды поминки, всё как положено, а он пришёл. И это не мертвяк, мертвяки приходят по ночам, они холодные, а Андрей тёплый, живой... Но этого же не может быть.

– Эркин, ты не утонул? – вернул его в реальность голос Жени.

– Да, иду.

Он с размаху плеснул себе в лицо пригоршню холодной воды, наскоро промокнул её полотенцем и вышел.

Андрей, по-прежнему в его халате, сидит на том же месте, Женя разливает чай, горка бутербродов, печенье в вазочке... Пытливый взгляд серо-голубых глаз Андрея, встревоженное лицо Жени... Эркин заставил себя улыбнуться.

– Я даже испугался поначалу, – он сел и придвинул к себе чашку. – Решил, что всё. Крыша съехала.

Андрей понимающе кивнул.

– Ничего. Главное – что мы встретились.

– Да, – Эркин глотнул горячего чая и начал есть.

– Как же так получилось, Андрюша? – Женя видела, что

Эркин уже становится прежним. – Нам сказали, что тебя убили.

– Ранили меня, – что сказать Андрей продумал ещё в лагере и теперь говорил уверенно. – Ну, нашлись добрые люди, подобрали, выходили. Ну, как оклемался, пошёл в комендатуру. Виза просрочена, и стал я по новой визу ждать, – и быстро, чтоб не спросили о том, почему не давал о себе знать. – А кто сказал, что меня убили? – и разговор перевести, и узнать, кто его с Найфом в тот вечер видел.

Женя и Эркин ответили одновременно.

– Алиса.

– Что?! – изумился Андрей. – Как это?

Алиски там быть не могло, это он точно помнил.

– Расскажи, Эркин, – попросила Женя, грея вдруг похолодевшие ладони о заварочный чайник.

Эркин кивнул.

– Я в Цветном был, мы завал сделали, а свора в Цветной лезла. Ну, а когда затихло, – рассказывал Эркин, как и раньше: очень точно и обстоятельно.

Выслушав его, Андрей даже присвистнул.

– Ну, дела-а. Так кого ж вместо меня в землю положили?

– Не знаю, – виновато ответил Эркин. – Их, сгоревших, мне рассказывали, шестеро было. Ни одного не опознали.

– Ну, – Андрей дёрнул углом рта, – ну, вечная им память, бедолагам.

Опять наступила тишина, и прервала её Женя, решитель-

но перейдя от прошлого к будущему.

– Так. Завтра я отпрошусь, и мы пойдём всё купим, а сегодня будете спать вместе, а я к Алисе пойду.

Она распорядилась с таким безапелляционным напором, что о сопротивлении и помыслить было нельзя. Да они и не сопротивлялись. Эркин всё ещё не вышел из оцепенения, а Андрею стало как-то всё равно. Он даже не разглядел спальню, сразу полез под одеяло. Эркин забрал халат и ушёл в ванную, погасив по дороге свет.

В ванной, прежде чем повесить халат на обычное место, он вдруг зарылся в него лицом и ощутил слабый, еле заметный, забываемый запахом мыла памятный с переезда, с той ночи в Мышеловке, запах Андрея. Значит, это он. От мертвяка пахнет смертью, а этот запах живой.

– Эркин, – тихо позвали его из-за двери, – это я.

– Да, Женя, – Эркин быстро открыл задвижку, впустив Женю. – Что?

– Ничего, – Женя быстро обняла его, погладила по голове. – Что с тобой, Эркин?

– Нет, ничего, я... я просто растерялся. Его же убили, а он пришёл.

– Ну, ты же слышал, был ранен, отлёживался, знаешь, сколько таких случаев на войне бывало, а это тоже была война, – убеждённо говорила Женя.

Эркин слушал не так её слова, как голос. И Женя, почувствовав это, всё шептала и шептала, глядя, успокаивая его.

– Ну вот, ты помойся и ложись, тебе на работу завтра, в первую, ну же, Эркин, всё, милый, и... и я ничего не сказала ему... о профессоре, скажи ты, ладно?

Когда Женя ушла, Эркин быстро и без особого вкуса вымылся и, накинув халат, прошёл в спальню. Тихо, темно и ровное сонное дыхание. Не Жени, но тоже знакомое. Эркин привычно сбросил халат на пуф и лёг.

Андрей, как и когда-то, завернулся, закутался в одеяло и, когда Эркин потянул на себя угол, проснулся.

– Кто?

Страх в голосе Андрея не удивил, а наоборот – успокоил Эркин.

– Это я. Поздно уже, спи.

– Эркин? – как-то неуверенно спросил Андрей, поворачиваясь на спину. – Это правда ты?

– А кто же ещё? – попытался пошутить Эркин.

– Да, ты, – не принял шутки Андрей.

Теперь они лежали рядом под одним одеялом, как тогда, в Мышеловке, но не обнимая друг друга, а просто рядом, каждый сам по себе.

– Эркин, – вдруг тихо позвал Андрей.

– Да. Что, Андрей?

– Ты... ты прости меня.

– За что?!

– Ну, – Андрей сглотнул вставший в горле комок. – Ну, я не довёл Алису...

– Нет, Андрей, что ты? – перебил его Эркин. – Это я виноват, послал тебя... Если бы не Алиса, ты бы запросто отбил-ся, я же понял, что ты её спасал, на себя отвлѐк, все поняли.

Андрей всхлипом перевѐл дыхание.

– Я... я ведь боялся... – и не договорил, всхлипнул уже плачем.

– Ты что? – Эркин рывком повернулся к нему, осторожно тронул за плечо. – Ты что, Андрей? Это я...

– Нет, – теперь Андрей перебил его. – Это ладно. Я о другом. Эркин, – он тоже повернулся набок, положил руку на плечо Эркина. – Обещай мне... как брата прошу...

– Что? Что сделать?

– Не спрашивай меня. Ну, где был, как выжил. Ладно? Ну, ранили меня в Хэллоуин, отлежался. И всё. Не надо больше.

– Хорошо, – сразу ответил Эркин. – И... и Жене скажу, чтоб не спрашивала.

– Спасибо, брат.

Андрей, как когда-то, ткнулся лбом в его плечо.

– Я тебе одну вещь должен сказать, – медленно начал Эркин.

– Не сейчас, ладно? – попросил Андрей и виновато добавил: – Устал я чего-то.

– Хорошо, потом, – обрадовался Эркин. – Ты спи, отдохай.

Андрей снова всхлипнул и затих.

И как тогда, в Мышеловке, они так и заснули, обнявшись.

Эркин, как всегда, проснулся за две минуты до звонка будильника. И едва он шевельнулся, как Андрей открыл глаза.

– Уже утро?

– Да, мне на работу. А ты спи.

Но Андрей зевнул и сел на постели. Эркин прошлёпал к комоду, достал и натянул трусы, и уже тогда отдернул шторы.

– Ага-а, – Андрей с интересом огляделся. – Однако шикарно ты устроился. Слушай, – голос его стал смущённым. – А сумка моя где? А то я голышом...

Эркин улыбнулся.

– Сейчас принесу.

Он принёс Андрею его сумку, удивившись про себя: как это он вчера не обратил на неё внимания, а потом из ванной его брюки. И, когда из Алисиной комнаты вышла Женя, на кухне кипел чайник, а Эркин и Андрей были уже одеты.

Пока пили чай, Женя по-прежнему решительно и даже властно, изложила план действий. Эркин идёт на работу, она с Андреем идут к коменданту, оттуда к ней на работу, она отпрашивается, а Андрей ждёт её снаружи, и прямо от завода они идут в мебельный и покупают всё в маленькую комнату для Андрея.

– Я на квартиру записался, – вставил Андрей. – В новом доме.

– Это в «холостяжнике»? Ну и отлично.

– Ха-арошее название, – пробормотал Андрей.

Женя продолжила планирование покупок. Но тут вышла

небольшая заминка с деньгами. Андрей настаивал, чтобы мебель покупали на его ссуду. Эркин мрачно уставился в чашку, но Женя опять всё решила.

– Одежду себе купишь на свои, а когда квартиру получишь, мебель же отсюда не заберёшь.

Эркин улыбнулся и встал из-за стола.

– Всё, мне пора.

Женя, как всегда, вышла проводить его и поцеловать на прощание.

– Всё будет хорошо, Эркин.

– Да, – он быстро поцеловал Женю в висок, и вот уже за ним хлопнула дверь.

А Женя вернулась в кухню, и Андрей впервые увидел этот вихрь, когда столько дел делаются одновременно. Он сразу понял, что его помощь заключается только в одном: не мешать – и потому смиренно сидел за столом.

Алиса за завтраком попыталась было уточнить, так мертвяк он или нет, но Женя пресекла это самым решительным образом.

– Хватит выдумывать. Не притворяйся глупенькой.

Алиса надулась, но Андрей её утешил, скорчив такую рожу, какая могла быть только у мертвяка.

Женя рассмеялась и покачала головой.

– Так, Андрюша, собирайся, пойдём.

– Ага, только деньги возьму.

Женя вспомнила, что не сказала Эркину достать денег из

их ссуды, но, открыв сумочку, увидела там пачку. Когда это Эркин успел? Ну, и отлично.

– Алиса, плитку не трогай.

– Да знаю я, мама.

Андрей с удовольствием выслушал этот диалог и, выходя следом за Женей, быстро обернулся и подмигнул Алисе. Та счастливо фыркнула. Дядя-мертвяк оказался здоровским дядькой.

Что Эркин явно не в себе, в бригаде заметили сразу.

– Мороз, ты чего?

– С перепоя вождь, – вылез Ряха. – А похмелиться забыл.

Но Ряху тут же осадили и уже по-серьёзному обступили Эркина.

– Случилось чего?

– Ну?

– Давай, парень, не таись.

– Подмогнём, ежели чего.

Эркин обвёл взглядом знакомые лица, прерывистым вздохом перевёл дыхание.

– У меня... брат... мой брат приехал.

– Ну так что?

– Хорошо, конечно.

– Родня – это хорошо.

Его явно не понимали, и вдруг Эркин сообразил: ну да, они же не знают, думают, что у него есть ещё братья.

– Я его погибшим считал, все считали... А его не убили тогда, а только ранили. Отлежался и вот, приехал, нашёл меня.

– Ну?! – ахнул Колька. – Ты ж говорил, сожгли его.

– Спутали, – решил не вдаваться в детали Эркин. – Обознались издалека. Мы поминки по нему справили, и девятый день, и сороковой, а вчера с уроков прихожу, он на кухне сидит.

– Из мёртвых воскрес, значит, – Лютыч значительно покачал головой.

– Ну, поздравляем тебя! – Геныч крепко хлопнул Эркина по плечу.

И как прорвало. Эркина обнимали, хлопали по плечам и спине, поздравляли так, будто это он сам воскрес. И не Ряха, а Саныч сказал, что отметить надо.

– Занепременно.

– Это уж, как водится.

– Так что, не жмись, Мороз, ставь магарыч.

– В пятницу, – сразу решил Эркин.

– И школу прогуляешь? – ухмыльнулся Колька.

– Для такого дела? Да, – твёрдо ответил Эркин.

– Во! Ишь вождь раздухарился... – начал было Ряха.

Но его никто не слушал, да и на двор пора.

День солнечный, тёплый. Спорая весна в этом году. Эркин работал как всегда, сноровисто и выкладываясь. Он никак не ждал, что за него так обрадуются. Как... как за своего. Да,

он ведь и в самом деле им свой, и они ему – свои. Так что в пятницу, так и быть, пропустит он школу. Андрей подойдёт к проходной к трём, и они уже все вместе пойдут в пивную... или в трактир какой-нибудь? Магарыч – это вроде прописки. Наверное. И... ах, чёрт, Андрей же наверняка уже работать будет. Дурак, как же он Андрея о работе не спросил. А хорошо бы Андрею на завод. Вместе бы работали.

Эркин так размечтался, как он и Андрей будут работать в одной бригаде, что время пошло совсем незаметно.

К удивлению Жени, и у коменданта, и на работе всё уладилось очень быстро и без проблем. И комендант оформил Андрея, и её отпустили без звука. Даже предложили ещё два дня. За свой счёт. Но Женя отказалась. Ей вполне хватит одного дня, и она же знает, сколько работы и какой завал в бумагах. И как ей ни хотелось забежать в машбюро к девочкам и заглянуть на первый рабочий, как там Эркин, она поспешила на выход.

Андрей ждал её, прислонившись к фонарному столбу у проходной и независимо покуривая. Увидев Женю, он сразу загасил и выбросил в урну сигарету, и с улыбкой шагнул к ней.

– Привет! А можно познакомиться?

– Андрюша, не дурачься, – рассмеялась Женя. – Мебельный ещё закрыт, пойдём сейчас купим белья тебе, из одежды ещё, и я ещё подумала, – Женя быстро шла и говорила, увле-

кая за собой Андрея, – нужны подушки ещё, одеяло, а то я с Алиской на одной подушке спала, хорошо, она не проснулась.

– Женя, – Андрею удалось вклиниться в её скороговорку, – а что вы хотели в той комнате делать?

– Кабинет, – сразу сказала Женя, – но теперь...

– Кабинет – это здорово! – перебил её Андрей. – Так и будет.

– Андрюша, это будет твоя комната.

– Во! Я разве против? Моя комната будет кабинетом. Обож-жаю кабинеты.

Женя посмотрела на него, вздохнула и засмеялась.

– Ну, почему?..

И осеклась, не закончив фразу. Да, сын профессора Бурлакова может любить кабинеты. Но Эркин говорил, что Андрей забыл всё, что было, так может... может, всё само собой вспомнится.

– Хорошо, Андрюша, делаем кабинет. Только тогда, – стала рассуждать Женя, – не кровать, а диван. Раскладной.

– Отлично!

Андрею, в самом деле, всё нравилось. Тёплый солнечный день, блестящая молодая зелень, витрины магазинов, стук каблучков Жени, лица встречающих прохожих... Ну, до чего город отличный! Здорово, к Как Эркин здорово выбрал. А что зима, говорили, здесь суровая, так на одежду деньги есть. И всё отлично, прямо-таки... тип-топ, лафа и разлюли-ма-

лина!

С работы Эркин домой почти бежал. У дома, как всегда, бегали и играли дети. Алиса была среди них и с обычным визгом бросилась навстречу.

– Э-э-ри-и-ик!

Эркин взял её на руки, подбросил и поймал. А здорово она потяжелела с осени. Поставил на землю.

– Мама дома?

– Ага. Они столько накупили всего, и я с ними ходила, а потом мама стала готовить, а я пошла гулять, а дядя Андрей пошёл опять деньги тратить, – рассказывала Алиса, идя с ним к их подъезду.

В квартире их встретили умопомрачительные – как всегда, когда Женя готовила – запахи. Странное дело – мимоходом удивился Эркин – ведь он обедает на работе, сытно обедает, а приходит домой, и будто сутки не ел.

– Эркин? – выглянула из кухни Женя. – Алиса, руки мыть, опять извозилась.

– Я с Эриком.

Начался ритуал умывания, обрызгивания и взвизгивания.

Вымыв руки, Эркин переоделся в спальне. Он уже заметил в прихожей новые кожаные шлёпанцы, а в ванной разноцветный полосатый халат. А в остальном всё как раньше. Переодевшись, он пришёл на кухню. Женя вдохновенно делала блинчики и, не отвлекаясь от плиты, подставила ему

щёку для поцелуя.

– Эркин, Андрюша придёт, будем обедать, потерпишь?

– Конечно.

– Ага, ты пойди пока, посмотри, как мы маленькую комнату сделали.

– Пойдём, я покажу, – потянула его за руку Алиса.

В большой комнате всё по-прежнему: стол у стены, стулья, на стене картина, подаренная им на новоселье. А маленькая... Вот это да! Стоя на пороге, Эркин с интересом огляделся. У окна так, чтоб и светло было, и чтоб к окну подойти можно, стол, и не простой, а с тумбами, в каждой тумбе шесть ящиков. У стены шкаф на четыре дверцы. Три дверцы глухие, а четвёртая – стеклянная, и видны полки. Пока пустые. Диван с красновато-коричневой ворсистой обивкой, и снизу у него выдвижные ящики. Не мал диван Андрею будет?

Он даже не заметил, как Алиса убежала, и вздрогнул от голоса Андрея.

– Ну, как тебе, братишка?

– Здоровско, – сразу ответил Эркин.

Андрей легонько подтолкнул его, и они вошли в комнату.

– Не мал тебе диван?

Андрей тут же продемонстрировал, что в самый раз и даже с небольшим запасом.

– Я там все диваны перемерил, пока выбрали.

Эркин рассмеялся, и Андрей довольно ухмыльнулся.

– А в ширину?

– Он раскладной. Ну вот, будем здесь уроки делать. Тащи свои учебники, разложим. Чур, моя тумба левая.

– А... – начал было Эркин.

Но тут их позвали обедать.

Увидев издали знакомую фигуру, Дим бросил игру и помчался навстречу с криком:

– Папка-а! Катька! За мной!

За ним изо всех сил не бежала, а неслась Катя.

Тим с удовольствием смотрел на бегущих к нему румяных, одетых не хуже других, малышей. Подхватил, подбросил и поймал Дима, потом так же Катю. Катя обхватила его за шею обеими руками и ни за что не хотела слезать. А Дим пошёл рядом, держась за сумку с покупками.

– Пап, а мертвяка только серебряной пулей убить можно.?

Тим улыбнулся. Зина уже ему рассказала, что к Морозам приехал родич, которого считали погибшим, даже поминки справили, а малышня его за мертвяка посчитала. А всё Алиска. Расхвасталась, что у неё есть дядя-мертвяк, малыши и поверили. Но ответил сыну серьёзно.

– Да.

– Ага-а, – задумчиво протянул Дим. – А она дорогая? Ну, серебряная пуля.

– Серебро и золото – самые дорогие. Их называют, – Тим перешёл на английский: – драгоценными.

– Ага. Понял, – энергично кивнул Дим.

Они уже поднимались по лестнице, когда Дим отпустил сумку.

– Вы идите, я сейчас.

И мгновенно нырнул в коридор второго этажа.

Пробежав по коридору к двери с двумя семёрками, Дим, подпрыгнув, шлёпнул ладонью по звонку и, на всякий случай, дёрнул ручку. Вот здорово! А дверь-то не заперта! И он влетел в квартиру.

Только сели за стол, и Женя стала раскладывать салат, как звякнул звонок, и тут же ворвался растрёпанный запыхавшийся Дим.

– Тётя Женя, дядя Эрик! – зачастил он с порога. – Вы мертвяка никуда не отпускайте, он опять в землю уйдёт, вы его в шкаф запирайте или в сундук. Ну, от света, ему на свету нельзя. Папка как накопит на серебряную пулю, так сразу его наповал шмальнёт.

– Ух ты, какой шустрый! – восхитился Андрей. – А ну, иди сюда, о пулях поговорим.

Но Дим уже убежал.

Алиса сорвалась со стула с криком:

– А ты не командвай! Это мой дядя-мертвяк!

Но была перехвачена рассерженной Женей. Андрей хохотал взахлёб, раскачиваясь на стуле. Смеялся и Эркин. Женя вышла в прихожую закрыть дверь, а, вернувшись, строго

сказала:

– Алиса! Чтоб больше я про мертвяков не слышала.

– Ну, мам, ну...

– А-ли-са, – раздельно повторила Женя и выдала главный аргумент: – Когда в мертвяков верят, то торта не едят!

– Почему?! – ахнула Алиса.

– А он мертвячий, – давясь смехом, объяснил Андрей.

Потрясённая этим, Алиса молча углубилась в еду.

Отсмеявшись, стал есть и Андрей.

– Андрюша, – Женя подложила ему салата, – Ты её глюпостям не потакай.

– Не буду, – смиренно склонил голову Андрей, исподтишка подмигивая Алисе.

После салата ели суп. Алиса, всё ещё в раздумьях о связи мертвяка и торта, съела свою порцию без звука. И Женя уже не так строго на неё смотрела. На второе были блинчики. Женя достала их из духовки, и они были даже горячими.

– Андрюша, тебе блинчики со сметаной или вареньем?

– И с маслом тоже, – быстро ответил Андрей.

К полному удовольствию Алисы, Эркин поперхнулся от смеха, и Андрей пару раз шлёпнул его по спине. Гулко, как в барабан.

Сначала Женя думала оставить торт к чаю, ведь на третье она сварила компот, но потом решила всё-таки подать его сейчас. Поэтому, не предлагая добавки, убрала остатки блинчиков в духовку и накрыла для чая. Эркин встал взять

чайник. Пока он наливал, Женя из-под окна достала большую коробку. Алиса затаила дыхание.

Торт был потрясающим! С кремовыми розами, шоколадными завитушками, цукатами, безе и орехами. Визг Алисы прекратился только с куском на её тарелке: нельзя же и есть, и визжать.

– Никогда такого не ел, – облизнул ложку Эркин.

– Я тоже, – согласилась Женя. – Алиса, у тебя на носу крем.

– Да-а? – удивилась Алиса. – Я же облизываюсь.

– Нос не оближивают, – засмеялась Женя, вытирая ей нос салфеткой.

А когда Женя зачем-то отвернулась, Андрей вдруг подмигнул Алисе и... высунул язык и кончиком провёл по своему носу. Это настолько потрясло Алису, что она даже не попыталась повторить фокус, а Эркин мужественно сохранил молчание, и достижение Андрея осталось для Жени тайной.

После обеда Женя умыла и переодела Алису. Пора уже на занятия.

– Эркин, – позвала Женя.

– Да, я готов, – он вышел из спальни уже в джинсах и рубашке. – Алиса, ничего не забыла?

– Не-а, – Алиса, сопя, натягивала ботинки.

– Это вы куда собрались? – вышел в прихожую Андрей.

– На занятия, – важно заявила Алиса.

– Я с вами, – сразу решил Андрей, быстро переобуваясь.

И Эркин тут же расплылся в такой счастливой улыбке, что Женя рассмеялась, целуя на прощание всех троих. А когда они вышли, ещё постояла в прихожей, прижав ладони к щекам. Господи, весёлый, с травой пришёл, господи, какое же это счастье! Она метнулась в кухню и выбежала на лоджию. Да, вон они. Эркин ведёт Алису за руку. И Андрюша рядом. Обернулись и машут ей все трое. Женя помахала им и вернулась в кухню. Надо убирать, наводить порядок и готовить ужин. Господи, сумасшедший дом. Но какое блаженное сумасшествие.

На улице они быстро догнали Тима, который тоже вёл Дима и Катю на занятия.

– Это Тим, – улыбнулся Эркин. – Мы вместе в лагере были, – и негромко свистнул.

Тим обернулся и остановился, поджидая их. Алиса воинственно выпятила подбородок, готовясь отстаивать свои права на Андрея, но покрасневший Дим словно воды в рот набрал.

– Привет, – весело сказал Эркин. – Это мой брат, мы его погибшим считали, а он выжил.

Если Тим и удивился «близне» брата, то виду не подал и обменялся рукопожатием с Андреем как ни в чём не бывало.

Дальше шли вместе, заняв почти весь тротуар. Дети – все трое – впереди, а взрослые сзади. Разговор о погоде, о дороге. Посмеялись, что все по одному маршруту ехали и даже

праздновали выезд в вокзальном буфете одинаково.

– Слушай, а ты на автокомбинате работаешь? – с живым интересом спросил Андрей.

– Так, – кивнул Тим. – А что?

– И я там, – улыбнулся Андрей. – В третий цех учеником взяли.

– А ты что? – удивился Тим. – Совсем без квалификации? Дескать, ты же белый, чего ж так? Эркин невольно напрягся, но Андрей ответил, как надо.

– На мою квалификацию дипломов не выписывают, – а потом чуть серьёзнее: – И я на шофёра хочу, так что по всей лестнице пойду.

– Есть смысл, – тоже серьёзно кивнул Тим.

Так, за разговором дошли до Культурного Центра. Довели детей до класса, где их уже ждала румяная и всегда весёлая Василиса Васильевна, занимавшаяся с малышами общеразвивающими играми, как она важно объясняла родителям ещё на открытии Центра.

Тим сразу кивнул, прощаясь, и ушёл: он теперь старался делать основные закупки сам, чтобы Зине тяжести не таскать. А Эркин и Андрей остались стоять в коридоре.

– Ну, – Андрей благодушно озирался по сторонам, – это вот здесь ты и учишься?

– Да, – улыбнулся Эркин. – Но наши классы на другом этаже.

– Замётано, – кивнул Андрей. – Вторник и ещё когда?

– Пятница.

– Ага, ясненько. А чего ещё здесь есть?

– Кино есть. Ходим по воскресеньям.

– Отлично! А библиотека есть?

– Есть, пошли.

Где библиотека, Эркин знал, хотя и не ходил туда. Он слышал, что есть библиотека в Старом городе, Колька там брал книги о кроликах, курах и прочем хозяйстве. А вторая – здесь.

Изучив табличку с расписанием, Андрей решительно открыл дверь. И Эркин последовал за ним.

Библиотекарша – седая и какая-то бесцветная женщина неопределённых лет – равнодушно-деловито записала Андрея, дала ему читательский билет и устало спросила:

– И что вас интересует?

– Чего-нибудь полегче и поинтереснее, – улыбнулся Андрей.

– Выбирайте, – она подвинула к нему по стойке стопку книг.

Андрей взял верхнюю книгу, раскрыл. Эркин встал рядом, заглядывая через его плечо. Андрей смотрел книги быстро, явно забыв об Эркине.

– А... а сколько можно взять?

– Две художественные, – по-прежнему устало ответила библиотекарша.

– Тогда... – Андрей снова перебрал книги. – Тогда эти,

пожалуйста.

Она достала из приклеенных к внутренним сторонам обложек бумажных кармашков карточки, протянула Андрею ручку.

– Распишитесь.

И когда он расписался, забрала карточки и кивком показала ему на книги.

– Пожалуйста.

– Спасибо, – Андрей взял книги и улыбнулся. – До свидания.

Когда они вышли, Эркин тихо сказал:

– А... дай посмотреть.

– Читаешь? – обрадовался Андрей, протягивая ему книги.

– Медленно, – честно ответил Эркин, бережно беря верхнюю, и полушёпотом прочитал:

– Битва на Великой. Исторический роман.

– Здорово! – Андрей шлёпнул его по спине. – Теперь читаем. Слушай, а ты чего, не записался до сих пор, что ли?

– Я газеты читаю, Алисе сказки, ну, и по школе что задано, – Эркин вернул Андрею книгу. – Хватает пока.

Андрей быстро посмотрел на него и кивнул.

– Ладно, успеется. А сейчас куда? Долго Алиска заниматься будет?

Эркин посмотрел на часы.

– Часа полтора ещё.

– Понятно. Слушай, часы у тебя... обалденные.

Эркин улыбнулся.

– Подарок на память.

От кого, он решил не говорить, чтобы не напоминать Андрею лишний раз про Хэллоуин. Но Андрей и не стал развивать тему. Он просил Эркина ни о чём его не спрашивать и сам потерял право на расспросы. Что ему скажет Эркин, то и будет знать.

На улице было ещё светло, но чувствовался близкий вечер. Они постояли на крыльце, оглядывая площадь.

– Хороший город, – тихо и очень убеждённо сказал Андрей.

– Да, – кивнул Эркин. – И люди хорошие. Я на заводе, грузчиком, знаешь, какие парни в бригаде? – и вздохнул. – Я думал, мы вместе теперь будем.

– Я только город знал, – так же тихо ответил Андрей. – Я ведь... втихую искал. Знаешь, я ехал, одного боялся. Что весна ведь, наймёшься к кому на лето, ну, как тогда, и где я тебя искать буду?

Эркин невольно засмеялся.

– Нет, мы специально город выбирали, чтоб с такой работой не связываться.

Засмеялся и Андрей.

– Да, знал бы, на завод, конечно, просился, а теперь...

– Ничего, – сразу перебил его Эркин. – Всё равно мы вместе. И с бригадой я тебя познакомлю. Ты в первую в пятницу?

– Завтра в первую, а в пятницу... не знаю.

– В первую, – уверенно сказал Эркин. – смена у всех по неделям. Значит, после смены сразу приходи к заводу, на вторую проходную. Там и встретимся.

– Ага, – энергично кивнул Андрей, – замётано.

Эркин ещё раз быстро посмотрел на часы.

– Пошли, покажу, где это. Как раз успеем.

Они не только успели дойти до нужной проходной и вернуться, но и посидели ещё, ожидая Алису в вестибюле.

Андрей сразу открыл книгу, но не исторический роман, а другую. Эркин взял «Битву на Великой», бережно открыл. «Пре-ди-сло-ви-е». Что это?

– Ты с текста начинай, – посоветовал, не отрываясь от своей книги, Андрей. – А это успеется.

Эркин послушно перелистнул несколько листов мелкого шрифта, на следующей странице шрифт заметно крупнее, заголовок. «Про-лог». Ещё одно новое слово. Но прежде чем начать читать, Эркин посмотрел зачем-то на соседнюю страницу и прочитал под текстом предисловия: «Профессор, доктор исторических наук И. А. Бурлаков», – и почувствовал, как похолодело лицо. Андрей тогда говорил, что всё забыл, имя, родителей, а об отце даже вовсе молчал, мать упоминал, сестёр, и вот теперь... как ему сказать? Он не может, нет... и... и Андрей сказал тогда, что устал, что всё потом. И радостно ухватился за эту мысль. Да, пусть Андрей отдохнёт, обживётся. Ведь... ведь если он скажет, нет, когда он скажет,

то Андрей уедет к Бурлакову, к отцу, и они тогда расстанутся и уже навсегда. А второй потери Андрея он уже не выдержит. Нет, он не скажет, сейчас не скажет. Потом, когда-нибудь...

Эркин сидел, невидяще глядя в книгу и не замечая, что и Андрей перестал читать и искоса тревожно следит за ним.

Послышался шум детских голосов, и почти одновременно в вестибюль вошёл Тим с туго набитой сумкой. Андрей захлопнул книгу и встал.

– Во, и всё успели!

– Да, – Эркин тряхнул головой и отдал книгу Андрею. – Да.

Он легко встал и улыбнулся навстречу сбегающей по лестнице Алисе.

И домой по уже освещённым фонарями улицам они опять шли все вместе.

Дим, Катя и Алиса наперебой рассказывали о своих успехах. О дяде-мертвяке помалкивали. И Андрей, как ему ни хотелось напомнить Диму о серебряной пуле, молчал. В другой раз пошутит. Дим смотреть на него избегал. Ну, надо же ему было так лопухнуться и поверить Алиске. «Дядя-мертвяк, дядя-мертвяк!». А он вовсе и живой. Вон, идёт, с папкой разговаривает, смеётся, и землёй от него не пахнет, и клыки не торчат, и света не боится, днём пришёл. «И ведь знал же, что девчонкам верить нельзя, а Алиске поверил», – горестно вздохнул своим мыслям Дим.

Женя вышла в прихожую, услышав, как Эркин открывает дверь.

– Ну, вот и молодцы. Алиса, раздевайся. Всем руки мыть и ужинать.

На этот раз умывание и обрызгивание слегка затянулось и вышло очень шумным за счёт увеличения количества участников. Но наконец все умылись, вытерлись и сели за стол.

– Блинчики! – обрадовалась Алиса. – Мам, а мне как дяде Андрею.

– Это как? – спросил Эркин.

– Ну, всего сразу и тоже.

Теперь поперхнулся от смеха Андрей, и уже Эркин бил его по спине.

После ужина Алиса отправилась спать, но потребовала, чтобы дядя Андрей её тоже на ночь поцеловал. И всё так и было бы, но Алиса сама всё испортила, заявив:

– Я без этого спать не буду.

– Будешь, – сказала Женя таким тоном, что Алиса всё сразу поняла и закрыла глаза. Когда мама говорит таким голосом, то спорить уже нельзя.

Засыпала она, как и раньше, мгновенно, и целовали её Женя и Эркин уже спящую. Андрей от поцелуя воздержался, просто постоял несколько секунд на пороге комнаты и вернулся на кухню.

Под потолком светится белый в бабочках и цветах шар, задёрнуты усыпанные цветами и колосьями шторы, в чашках

дымится чай...

– Ещё торта, Андрюша? Сам себе клади.

– Уж я положу, – хмыкает Андрей, подцепляя кусок с розочкой и цукатом.

И неспешный хозяйственный разговор о предстоящих делах и покупках. Андрею нужны ещё одна пара брюк, ещё ботинки, с тёплой одеждой можно и подождать, но непромокаемую куртку с подстёжкой, как у Эркина, пожалуй, стоит купить сейчас, и ещё домашний костюм... Андрей слушал все эти рассуждения Жени, жмурясь, как сытый кот, и не споря. И наконец блаженно выдохнул:

– Ох и хорошо-о-о! – и зевнул.

Женя рассмеялась.

– Ну, всё. Спать пора.

– Пора, – Эркин легко встал, на мгновение опершись ладонью на плечо Андрея, и начал убирать со стола.

Андрей тоже встал, задержался на пороге, но Эркин, проходя мимо, мягко подтолкнул его.

– Иди ложись. На смену проспшишь.

Андрей кивнул и, тоже мимоходом ткнув ладонью в плечо Эркина, пошёл к себе. Да, пора спать.

Шторы в большой комнате не задёрнуты, да и мебели не в избытке, и до своей – да, своей – двери он дошёл благополучно. На ощупь щёлкнул выключателем и огляделся. Кабинет... всё-таки он смутно помнит, каким был тот кабинет, полки с книгами по четырём стенам... ладно, всё будет, он

только начинается, у него есть дом, работа, семья, и он будет жить так, как сам хочет, и всё будет по его желаниям. Ладно, надо и в самом деле ложиться спать.

Он задёрнул шторы, подобранные под обои, и комната сразу стала меньше и уютнее. Выдвинув ящик под диваном, Андрей достал подушку, стопку белья, – одеял купили два: ватное зелёное и шерстяное коричневое, – пожалуй, под ватным и жарко будет, так что возьмём шерстяное. Ящик на место, теперь постелем. Ну вот, это готово. А теперь на завтра всё приготовим, чтобы спросонья не тыркаться. Трусы, носки, рубашка. А ещё одни брюки, конечно, нужны. Если не дадут спецовку, то эти он быстро уделает. Ну вот.

Андрей открыл дверь и вышел, пересёк большую комнату, прихожую. Дверь в спальню закрыта, и щель снизу не светится. Ладно, обойдётся он без душа, не будет их беспокоить. Но, оказавшись в сияющей, весёлой от бирюзовых труб и ярких ковриков, просторной ванной, не устоял. Быстро разделся и шагнул под душ. Не мыться, ополоснуться. Всё-таки не зря Эркин каждый день полощется, вымоешься и как заново родишься. Ох и хорошо!

Лёжа рядом с Женей, Эркин слышал, как дважды мягко хлопнула дверь уборной, открылась дверь ванной.

– Женя, – беззвучно шевельнул он губами.

Но Женя услышала, и её ответ был таким же тихим.

– Да, милый.

– Я не сказал ему, не смог. Я хотел, Женя, ещё вчера, но-

чью, а он попросил потом, сказал, что устал.

– Конечно, Эркин, пусть отдохнёт, отъестся.

Женя погладила его по груди.

– Всё будет хорошо, Эркин, теперь-то всё будет хорошо. И, знаешь, я, кажется, кое-что придумала. Спи, милый, когда всё обдумаю, скажу. Спи, ты тоже устал.

Губы Жени на его виске, её ладонь на его груди. Эркин осторожно накрыл руку Жени своей ладонью, прижал к себе и закрыл глаза.

Вымывшись, Андрей с неиспытанным ещё ни разу наслаждением надел и запахнул махровый халат. Так, брюки он возьмёт с собой, не бегать же с утра в трусах по квартире. И надо что-то с бельём придумать, не сваливать же на Женю, нет, себе он сам стирать будет. Надо только так повернуть, чтоб Женя не обиделась, что, дескать, он ей своих вещей не доверяет, а то Эркин за Женю в момент голову оторвёт.

Придя к себе, он быстро выключил свет, сбросил халат на стул и лёг, натянул одеяло. А здорово, чёрт возьми, ну, колобок, от всех ушёл, укатился? Спи, завтра на работу. Андрей уже во сне повернулся набок и свернулся в клубок, так, чтоб из-под одеяла только макушка торчала. Он один и в безопасности. А ведь уже и не помнит, когда с ним такое было. И не один он, а в семье. И дома. Всё, завтра ему на работу, он спит, отстаньте все от него.

1998–2020